СЕРГЕЙ БОГДАШОВ

НЕ БОЯРСКОЕ ДЕЛО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уже давно прошла ядерная зима. Давным-давно закончились жуткие времена, когда целые страны и континенты умирали от голода, холода, радиации и смертельных микробов. От миллиардов населения на Земле остались миллионы. Миллионы людей, сохранившие территории, которые смогли удержать. Те, кто смог выжить на незаражённых землях и уберечь остатки Знаний и технологий…

- Содержание
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31

- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58. Дуэль архимагов
- Глава 59
- Глава 60. Рейд князей
- Глава 61
- Глава 62. Неожиданная женитьба
- Глава 63. Светлая полоса
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68. Проба сил
- Глава 69

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7

Содержание

Сергей Богдашов
Не боярское дело

Пролог

Уже давно прошла ядерная зима. Давным-давно закончились жуткие времена, когда целые страны и континенты умирали от голода, холода, радиации и смертельных микробов. От миллиардов населения на Земле остались миллионы. Миллионы людей, сохранившие территории, которые смогли удержать. Те, кто смог выжить на незаражённых землях и уберечь остатки Знаний и технологий.

Досталось и Земле Русской. Ой, досталось. Да только велика она – Россия. И народ русский холодами не запугать. Выжили люди. А как стала Зима отступать, так и выяснилось, что образовались на ней к тому времени княжества да боярства. И возглавили их Одарённые, получившие в Новом Мире удивительные способности к магии. Ныне многие Рода исчисляют в десятом и даже в одиннадцатом поколении. Правда и первенец у молодой мамаши может родиться лет в шестнадцать. Свадьбы-то с пятнадцати лет разрешены. Этому указу первого Императора Земли Русской скоро шестьдесят годков исполнится. Одной из первых задач было, как население на Руси поднять. За третьего ребёнка государство стало матерям столько платить, что мамашки уже могли и не работать, а уж кто пятерых взялся поднимать, так там и отец мог с работы увольняться. На безбедную жизнь пособий детских хватало.

За последние пятьдесят лет втрое население выросло. Выстояла Россия, окрепла, людьми богаче стала. Казалось бы – живи да радуйся. Только вот беда, как закончилась борьба за выживание, стали князья и бояре по сторонам поглядывать, да хозяйства свои приращивать. На прямое лихоимство нечасто шли, а вот исподволь, да под шумок, редко какой Род себе куски у более слабых соседей не оттяпывал.

Глава 1

– Тихо, Степаша, тихо. Рано нам ещё помирать. Выжить нам надо. Выжить, и так врагам отомстить, чтобы те из них, кто ещё не умер, по ночам от страха под себя писались. Чтобы они жить боялись. А этих я сейчас всех убью. Дадим им только у церкви собраться, там их дедовым заклятьем и приговорим.

Степашка уже ничего не отвечал. Он сжался в комок и тихо, еле слышно скулил на одной ноте, не реагируя ни на голос, ни на успокаивающие поглаживания его непослушной шевелюры. А село между тем разгоралось. По дворам ещё бегали факельщики, но крайние дома уже дружно подхватились и полыхали вовсю, раздуваемые сильным ветром. От усадьбы остались только воронка, обломки фундамента, да головёшки, на месте подсобных построек. Чем-то серьёзным по ней приложили. Или внутри накопитель взорвался. Это от него такие ямищи остаются.

– Степаша. Ты сейчас оврагом выходи на Настину поляну, а мне тут дело надо закончить. Жди меня в нашем штабе, только никуда не уходи. Я обязательно вернусь, – посмотрев вслед ссутулившемуся пареньку, который побрёл в их «штаб» – вырытую два года назад землянку для детских игр, Олег пополз к церкви поближе. Показал ему Дед после Инициации, где он по селу активаторы расставил. Строго-настрого предупредил, чтобы использовал их только в крайнем случае, когда терять уже нечего будет. А потом вывез в урочище, и там заставил внука взорвать такой артефакт. Хоть и были они в двухстах шагах, и в яму спрятаться успели, но шарахнуло так, что оба потом полдня ничего не слышали. Зато ямина славная получилась. В ней потом озерко после дождей образовалось. Пастухи в полдень их невеликое стадо стали к нему на водопой гонять.

Где-то сухо треснул выстрел, и Олег полез наверх, чтобы через кусты посмотреть, что происходит. Выбрался, и замер, вжавшись в землю. Шагах в десяти от него здоровенный солдат, в расстёгнутой до пояса гимнастёрке, мочился на дерево. Закончив, он огляделся и негромко свистнул. Спустя минуту к нему, сквозь кусты, проломился второй солдат. Хотя нет, судя по нашивкам, они оба сержанты. Усевшись на замшелый камень, мужики закурили, и в сторону Олега поплыл сладковатый дым, вдохнув который он чуть не закашлялся.

– Закончили, вроде. Вон, уже чистильщики к машинам выходят. Скорей бы на базу, да в баню сходить. Кранты Роду Бережковых. Под ноль их наш-то зачистил.

– Могучий старик был. Пятеро магов сомлели, пока на

усадьбе щиты ломали. Все там остались. И маги, и первый взвод. Как штурмовые гранаты в ход пошли, так в доме-то и рвануло.

– А что взорвалось хоть?

– Да кто его знает. То ли дед магию применил, то ли кто-то взрывчатки полтонны подорвал. Остались бы маги живы, те бы точно сказали. Хорошо, что мы больше суток в оцеплении простояли, а то бы и нас в куски. О, сбор сигналят. Пошли грузиться по машинам.

Притоптав окурки, и забросав их листвой, сержанты ушли к церкви.

Пора и ему. Первый раз придётся людей убивать. От этой мысли Олега повело, и он остановился, опёршись рукой на стену оврага. Нет времени для слабости. В их селение пришли враги, те, кто убил его родителей, обобрал его Род, а теперь убил Деда и последних дорогих ему людей. Надо идти, и отомстить.

Вот он, второй шар сверху, на шпиле их церквушки. Надо до него дотянуться щупом и влить немного чистой Силы.

Получилось. А теперь стоит упасть в ямку, открыть рот, и зажать уши пальцами. Там, наверху, сейчас будет Ад. Церковь вспухнет раскалённым пузырём, и выплюнет десятки тонн каменных обломков во все стороны. Накопитель Силы, если ему перемкнуть контуры как надо, вещь крайне опасная. Не одна магическая башня когда-то сложилась в руины, ощутив на себе выброс магии от разрушенных накопителей. Маги практикуют множество различных заклинаний, но всё дело в количестве энергии. Даже архимаг не способен разом пропустить через свои каналы больше десяти процентов запаса энергии в Большом Накопителе. Понятно, что его заклинание усилит нужный ему эффект – заставит гореть шарики плазмы, падающие дождём на пару гектаров земли, или заморозит эту территорию до минус ста градусов, но взрыв такой силы ему не повторить.

Взрыв накопителя придавил горячим одеялом к вздрогнувшей земле. В овраге всё заволокло пылью от осыпающихся склонов, а через пару секунд десяток больших булыжников с сочным шмяком врезались в противоположную стену оврага. Олег переждал ещё пару толчков, послабее. Успел Дед закольцевать ловушки по селу, а вот подорвать их так и не смог. Крепко его видимо в усадьбе враги обложили.

Олег снял кепку и выбил её об колено. Куртку лишь встряхнул от обсыпавшего песка да мусора. Наверху смотреть нечего. Пыльное облако накрыло всё селение. Даже тут, в овраге, в десяти шагах перед собой ничего не видно. Уходить надо. На село своё он от леса глянет, как из оврага выберется.

– Пошли обратно, Степаша, к Прокопьичу на озеро. Наших

всех убили, никого в живых не осталось, а от домов только головёшки догорают. Видимо и Никиту мы не дождались потому, что эти тати не один день убивали всех, кто в село ехал, или из него выезжал. Вот и не приехал он за нами, – Олег вспомнил, как решительно Дед их выпроводил на рыбалку. Два раза в неделю до лесного озера ходила телега. Старик Прокопьич держал на озере ставной невод, а с усадьбы к нему посылали телегу за рыбой. Этой телегой Дед и отправил парней к своему старому другу на заимку. Когда в следующий раз телега не пришла, Прокопьич заволновался, и целый день выходил на крыльцо избушки, разглядывая из-под ладони небо в той стороне, где стояло селение. Поутру разбудил их пораньше, и погнал разузнать, что же случилось. Строго-настрого велел идти покосами, и сходу к селу не лезть, сначала осмотреться. Он бы и сам готов был идти, но на культе, которая у него вместо правой ноги, много не находишься. До села покосами ближе, но летом ездить там топко, поэтому сено с покосов зимой вытаскивают, санями. Вот и зарастает по лету дорожка так, что не сразу и поймёшь, то ли человеком проложена, то ли тропа звериная тут прошла.

– Уходить вам надо. Дорогу сюда забудьте. Села нет, и меня скоро не будет. Нельзя больше сюда возвращаться. Федорищевы наверняка пригляд за этим местом оставят. Пусть думают, что наши все сгинули, – вести, принесённые ребятами, согнули старика, словно тяжёлую ношу опустили ему на плечи. Долго смотрел он слезящимися глазами на озеро, прежде чем отмер, и начал говорить. Парни подивились, как изменился неунывающий, улыбчивый старик. Он разом ещё больше постарел, осунулся, а лицо стало, как посмертная маска, бледное, и даже нос заострился, – Иди, Стёпа, лодку сюда перегони, а потом пару рыбин возьми с садка на уху, а остальную рыбу выпусти. Я пока с Олегом поговорю. Потом поможете невод снять, – старик пожевал сорванную травинку, дождался, пока Степан скроется за стеной камыша, и продолжил, – Темнеть начнёт, протокой к реке пойдёте, на моей лодке. Обмелела протока-то по лету, но шестом протолкаетесь. За ночь река вас километров на тридцать унесёт. Поутру старый мост увидите, каменный. К левому берегу пристанете, и лесом в село Макарьево пойдёте. Найдёте там Авдотью. Село-то большое, но она с того краю живёт, который на реку выходит. Флюгер у неё на доме приметный, в виде красного петуха. Стёпу ей оставишь, а сам дальше, до схрона отправишься. Дед-то сколь тебе схронов показал?

– Два, и ещё про один рассказывал, который от отца остался. Гору показал, и как зайти объяснил.

– Уже хорошо. Я тебе ещё про два расскажу, но они далеко

будут, под Рязанью. Те тебе на обустройство пригодятся, как в возраст войдёшь. В Рязани Федорищевых сильно не любят, так что тебе там осесть проще будет. Стёпе я документ дам, а ты свой в первом схроне найдёшь. В вашем, фамильном, под Белой скалой.

– Прокопьич, а ты про них откуда знаешь?

– А кому ещё знать, как не мне. Мы с твоим Дедом, царство ему небесное, почитай вместе с тех самых лет, как вы сейчас со Стёпой. Три войны прошли, и боёв без счёту. Ладно, вот тебе книжица малая. Я рассказывать буду, а ты запоминай, – старик вытащил потрёпанную записную книжку, в коленкоровом переплёте, и начал объяснять, что там изображено, и где всё это искать.

До вечера провозились со снятием невода. Колья вытащили и выбросили в камыши, а полотно невода притопили в болоте, нагрузив камнями.

Повечеряли, а потом старик шустро погнал их грузиться. Стёпе он выдал большой рюкзак, и тяжёлый кожаный баул. Олегу достался совсем небольшой рюкзачок. Собранного в нём как раз хватит, чтобы налегке добежать за день до дедова схрона.

Старик не махал им на прощание. Как встал, сняв фуражку, так и остался стоять, пока лодка не скрылась в протоке.

– Слаб я, Господи. Прости раба своего. Не по скудоумию творю я грех великий, а по долгу своему. Уйти мне надо, чтобы лишнего под пытками не сказать, – перекрестился старик на потемневшую от времени икону, и резко кинул приготовленный факел на политую керосином кучу домашней рухляди, щедро политую керосином. Звук выстрела в висок потерялся в треске начавшегося пожара.

На реку вышли, когда совсем стемнело. Потные, грязные, покусанные комарьём и мошкой, и уставшие так, что ноги не держали. Сильно обмелела протока. Несколько раз пришлось выпрыгивать из лодки в одних трусах и руками толкать её через отмели, заросшие толстым слоем тины, по которым и вода-то кое-как текла, зато ила местами по пояс было. Долго плескались в реке, смывая засохшую грязь и охлаждая зудящие тела.

– Может костерок запалим по-быстрому, да почаёвничаем? – спросил Степаша, показывая на сухую кучу валежника, вынесенного ещё весенним половодьем и за лето высохшую добела, – Или ты магией кипяточка сваргань.

– Не будем, – переборов соблазн, ответил Олег, чуть подумав, – Огонь ночью далеко видно. Тут даже ямка не поможет. Отсветы огня по дыму тоже заметны будут. От магии след останется. Тоже не дело.

– Отсветы… – заторможено проговорил Степан, а потом хлопнул себя по лбу и побежал к лодке.

– Стёпа, ты чего сорвался? – подошёл Олег вслед за ним к лодке, наблюдая, как парень роется в бауле, что-то вытаскивая с самого дна.

– Мы уже час, как плыли, а мне примерещилось, что небо красным отдаёт. Как раз там, где наше заимка осталась. Отсвет это был. Пожар там случился, – он вытащил тяжёлый свёрток, крепко затянутый бечевой. Ломая ногти, и помогая себе зубами, Степаша стал развязывать тугие, крепко затянутые узлы. Размотав завязки, он развернул свёрток, и ойкнув, опустился на землю. На развёрнутом куске брезента лежали кошели с деньгами, дорогая шкатулка, коробка с наградами, которые виднелись из-под прозрачной крышки, пистолет незнакомой модели, три пачки патронов и кинжал.

– Неплохо тебя Прокопьич в дорогу снарядил, – заметил Олег, рассматривая разложенное на брезенте богатство, – Откуда столько добра-то набрал. Я и не думал, что он так богат.

– Нет больше Прокопьича, Олег. Говорил он мне, что с наградами только после смерти расстанется… Правду, значит, бабушка мне перед смертью сказывала, что Прокопьич мне дедом приходится. Не поверил я тогда. Плоха она была, заговаривалась часто. Стихи какие-то читала, на незнакомом языке, бредила иногда, – осознание утраты в одну минуту изменило Степана. Бледное лицо, угрюмый взгляд, и еле заметно ходящие желваки на мертвенно застывшем, бесстрастном лице.

Олег с удивлением смотрел на своего друга. Парень, которого, как ему казалось, он знал настолько хорошо, что иногда мог вместо него предсказать его слова на то или иное событие, оказался ему незнаком. Сейчас он резкими, решительными движениями проверял оружие и протирал тряпицей запасные обоймы.

– Не спеши, Стёпа. Нельзя нам глупо умирать. Клянусь, что мы отомстим, и Род свой поднимем. Ты мне веришь?

– Верю, – на минуту замерев, неживым голосом ответил друг, и положив пистолет обратно, начал собирать вещи, – Когда начнём?

– Считай, уже начали. Помнишь, мы с тобой про разведчиков читали? Давай-ка вместе подумаем, что мы можем сделать, чтобы никто нас найти не смог, даже если бы сильно захотел.

– Лодку надо затопить. Я дно булдыгой пробью, а потом валунов в неё накидаем, да на реку вытолкнем. Тут бакен рядом, значит глубина хорошая, раз корабли под нашим берегом ходят, – Степан привстал и огляделся, – Потом следы на берегу затрём. В

село я один пойду, а ты с вещами за околицей схоронишься. Переоденусь только в шлёпанцы и рубаху, а по дороге удочку срежу. Тут летом полно отдыхающих из города приезжает, так что на парнишку с удочкой никто и внимания не обратит. А ещё кепку одену и очки от солнца, тогда совсем на городского буду походить.

Пока Степан занимался лодкой, Олег обошёл берег, где они высадились, уничтожая следы. Самые отчётливые отпечатки ног на кромке берега он тщательно полил водой, пока они не расползлись. Через полчаса никто и не подумает, что такому следу меньше недели, а то и двух. Напоследок переставил поближе одну из рыбацких рогулек и бросил рядом с ней поржавевшую банку из-под червей. Таких мест, где устраивались рыболовы, по всему берегу полно. Будет и ещё одно.

Лодку, ставшую неожиданно тяжёлой от камней и набиравшейся воды, выталкивали вдвоём. Под воду она полностью ушла немного не дотянув до бакена, показывающего границы фарватера реки.

В Макарьево Олег бывал не раз. Большое село, под тысячу изб, вытянулось километров на пять вдоль реки, то расходясь на шесть-семь улиц, то сжимаясь до одной-двух. На взгорье, за церковью, был большой луг, где дважды в год проводили ярмарки. На осенней торговцы скупали зерно, овощи, мясо, предлагая покупать взамен зимнюю обувь и одежду, а на весеннюю ярмарку привозили много техники. Сколько машин и тракторов, сверкающих заводской краской ребята здесь облазили, на сколько мотоциклов посмотрели, вожделенно представляя себя обладателями хромированного чуда, и не счесть. Остальные товары парней тогда мало интересовали.

Про мотоциклы Олег вспомнил из-за трескотни двигателя, а вскоре раздался и знакомый, переливчатый свист приятеля. Сколько парней Степашин свист перенять пытались, так никому и не удалось.

– Видал, какой зверь. Две лошадиные силы мощность. Скорость сорок километров. До города часов за пять домчусь, а может за шесть, – Степан, в перевёрнутой козырьком назад кепке, кожаной куртке и забавных мотоциклетных очках, выглядел незнакомо.

– «Враз на городского стал похож», – подумал Олег, помогая приятелю примотать к багажнику баул, который они перед этим сунули в обычный мешок.

– Авдотья автобусом до города поедет, а мне велела на мопеде добираться. Говорит, мопед-то теперь мой будет. По городу пешком не находишься. Адрес запоминай – Основинская

шесть. Церква там Основинская рядом. Улица от неё начинается.

– Бензина-то тебе хватит? – поинтересовался Олег у друга.

– А то. Он литра два-два с половиной на сотню расходует, а бак тут восемь литров и залит под горло.

Парни обнялись на прощание, пряча друг от друга повлажневшие глаза.

– К Федорищевым без меня не ходи. Иначе на всю жизнь обижусь, – вполголоса проговорил Степан. Сноровисто заведя своего моторного коня, он, уже не оглядываясь, запылил через поле. Перед тем, как скрыться в перелеске, друг поднял руку, сжатую в кулак. Знал, что Олег на него смотрит.

– «Пора и мне выбираться», – подумал Олег, с горки ещё раз пробегая взглядом предполагаемый путь до леса. Открытые дороги через поля нынче не для него. Уйти надо так, словно его тут и не было никогда. Отходить от села придется через овраг и лесополосы. Крюк километра в три получается. Переодевшись полегче, он смазал лицо, шею и руки мазью с мятой и ванилью. Днём гнуса хоть и немного, но за день так накусают, что к вечеру опухнешь. Особенно мошка злая. Без мази от неё не спастись. Из-за этого и бежать не получится. Стоит вспотеть, и считай, что остался перед гнусом без защиты.

До болот добираться километров двадцать. Потом, на повороте, где дорога под прямым углом уходит вправо, нужно будет с неё сойти. Еле заметная тропа километра через четыре выведет к берегу. Озеро Поганенькое там заводью вышло, уходя другим краем вглубь болот. По этой тропке деревенские зимой по клюкву ходят. На болотах её растёт видимо-невидимо. Зимой на лёд вступить некуда. Того и гляди ягоды подавишь, столько их поверх ледяной корки между кочек на заболоченных берегах рассыпано.

Места там плохие. Дурной славой пользуются. Компас у болот не работает, а сунешься дальше, так и часы поломаются. Моторы лодочные уже посреди озера глохнуть начинают. Заплутать за озером, а то и ухнуть в бочажину с трясиной или холодным ключом, так и совсем запросто можно.

Местные рассказывали, что военные как-то, лет десять назад, имперский самолёт в болотах искали. Вроде, должен он был острова фотографировать, что посреди болот имеются. Бестолку. Как в воду канул. Второй самолёт посылать не стали. Не так их много у Императора по нынешним-то временам. Почитай, под Пермью заводик самолётов шесть в год делает, да под Уфой не так давно бипланы производить стали. Раньше-то всё больше на дирижаблях летали. Да и нынче дирижаблей больше летает, чем самолётов. Понятное дело, не простых. Магические

антигравитаторы там мощные стоят, да и сам баллон сконструирован так хитро, что как зарядка для накопителей магии работает. Газ в баллонах тоже есть, но он только частично вес дирижабля в воздухе удерживает, чтобы тот камнем не упал в случае аварии, а успел спасательные шары надуть. Подробно им учитель рассказывал в гимназии, что и как у дирижаблей устроено. И у тех, что чисто магические, и у других, нынешних, где двигательные винты уже моторы крутят.

Развлекая сам себя размышлениями, Олег бодро шёл по лесной дороге, не забывая прислушиваться и посматривать по сторонам. Три раза пришлось хорониться в кустах, пропуская телеги и надсадно пыхтящий грузовичок-«ковровец». Странно, что он по асфальту не поехал. Там дорога подлиннее получается, зато кати себе, ни о чём не переживая. Ага, если только перед дорогой водитель по утру бражкой здоровье не поправил.

До сворotки к болотам Олег дошёл к обеду. Ещё километр по тропке, и будет ручей. Там можно будет перекусить, и отдохнуть немного. Летом к болотам никто не ходит. Хватает своих дел у деревенских жителей с весны по осень. Некогда по болотам шарахаться. Зато поздней осенью здесь людно станет. Охотники придут за перелётной уткой, шишкари появятся, чтобы шишки кедровой набить, а за ними и по ягоды народ к болотам полезет.

Почитай, каждая семья себе запас клюквы в бочку-две на зиму намораживает, да ещё сколько-то ягоды для торговли берёт. Кедры-то, сказывают, не так давно появились. Не было их раньше в этих местах. Учитель многое показывал на картах, что изменилось после Всемирной Войны. Не прошли два десятка лет ядерной зимы для природы бесследно. Накопила Земля запас холода. Оттого и климат стал суровее. Вот и теснят кедр и лиственница в лесах липу да дуб.

Передохнув, и выпив чая, сваренного на магической горелке, Олег приступил ко второму этапу своего путешествия. На берегу озера есть два тайника. Огромные валуны только кажутся неподвижными. Если знать, куда подсунуть руку и на что нажать, то стопор снимется, и камень можно повернуть, словно тяжёлую створку ворот. Только руку под камень сходу совать не стоит. Надо сначала убедиться, что очередная гадюка там себе место для проживания не выбрала. Взять, и хотя бы палкой поболтать под камнем. Так и получилось. Расщелина под камнем оказалась обитаемой. Крупная гадюка, с чётким и красивым рисунком на спине, высунулась из-под камня, рассерженно шипя. Убедившись, что её никто больше не трогает, она проворно перетекла под соседний валун.

– «Похоже, старая знакомая», – подумал Олег, вспомнив их

последний поход на Остров. Дед тогда точно так же выгнал змею, точную копию нынешней, и ни в коем случае не велел её трогать. Ещё и пару раздавленных в мешке яиц, сваренных вкрутую, оставил в её логове.

Олег сдвинул камень, и вытащил металлический армейский термос-рюкзак, на котором стояла его метка. Обычно в таких переносят еду, но сейчас в них хранились лётные комплекты. Своё снаряжение он узнал сразу. В отличии от остальных комплектов, тот, который в прошлый раз подгоняли на него, был светло-зелёного цвета.

– «Однако подрос я за полгода», – добавляя длину ремней, признал парень очевидное. С обычным парашютным комплектом ременной сбруи пришлось изрядно потрудиться, пока она не села, как влитая.

Первые лётные комплекты были очень простыми. Набор ремней, с двумя наплечными артефактами-антигравами, и магический двигатель-труба, жёстко укреплённый на стальной наспинной коробке. Всё просто, надёжно и кондово.

Изменения наступили позже. Сначала лётный костюм обзавёлся бронёй, а потом и дополнительным вооружением. Само по себе прижилось название – доспех. Каждая локальная война привносила что-то новое в «летающие танки». Начался извечный спор снарядов и брони. Выяснилось, что возможности магии не безграничны. Наконец-то нашёлся кто-то умный, кто смог убедительно доказать, что «летающий танк», весом больше трёхсот килограммов – это неоправданная трата денег. За ту же стоимость можно многое сделать, в плане уничтожения противника, и с гораздо большим эффектом. Магическая энергия – штука не дешёвая. Особенно, если учесть, что и ресурс доспеха не безграничен. Двести-триста часов налёта, и начинается деградация энергосистемы. В первую очередь страдают накопители, не выдерживающие работы в предельных режимах. Ставить более мощные – это значит увеличивать вес МБК (мобильный боевой комплекс). Такое решение потянет за собой всю цепочку утяжеления доспеха, и пагубно скажется на расходе энергии и подвижности бойца. Вопрос стоимости тоже вырастает многократно.

Военная мода резко подалась назад, и два следующих десятилетия Одарённые в войнах принимали незначительное участие. Всё ещё раз изменилось пять лет назад. Трое добровольцев, звено братьев Подкорытовых, за один день в три вылета уничтожили два артиллерийских дирижабля, и наземный гаубичный дивизион вместе со штабом полка.

Фактически, трое Одарённых сорвали неожиданное польское

нападение, направленное на захват Киева-2, или Нового Киева, как его называют в газетах. В стареньких МБК среднего класса, они четверо суток терроризировали наступающие польские части, после первых вылетов летая всего лишь парой. Спали братья по очереди. Какой-то один из трёх братьев, пока остальные двое летали, отсыпался и восстанавливал энергию. Удивительно, но все три героя остались живы, и Император их назначил на высшие должности, среди зародившихся войск МБК.

Простейший летательный комплект отличается от МБК примерно так же, как дельталёт от боевого самолёта. Но даже он дорог в эксплуатации. Далеко не каждый может позволить себе за несколько часов полёта потратить такое количество магической энергии, которым можно целый месяц отапливать зимой усадьбу приличных размеров.

Подогнав снаряжение, Олег не торопясь проверил его работу. Комплексная предполётная проверка строго обязательна, и никого не допустят до полётов, если он хотя бы раз ошибётся в порядке действий при проверке. Три промежуточных экзамена у пилотов всегда начинаются с предполётной процедуры, и только потом их выпускают в небо. Дождавшись, когда совсем стемнеет, Олег выпил эликсир ночного зрения и решительно взмыл ввысь. Летать днём к схрону Дед ещё при жизни запретил.

* * *

– Ну что, сынок. Похвастайся успехами. Расскажи мне, как ты такую замечательную операцию провернул, – обманчиво ласковым тоном встретил сына старик, сидящий в кресле под клетчатым пледом. Глава Рода Федорищевых яркий свет не любил. В его комнатах всегда царил полумрак.

– Я предлагал нашу сотню задействовать. Дали бы командиру денег на лапу, и одни летуны бы там камня на камне не оставили, – раздражённо ответил мужчина, лет сорока, не покупаясь на спокойное начало разговора.

– Ах, да. Действительно. Это же так просто. Незаметно вывести из казарм сотню бойцов и направить их на уничтожение мирного села. Силами клановой сотни имперского подчинения. Командира, Императором назначенного, подкупить, потом и сто ртов заткнуть, чтобы ни один не проболтался, а дальше жить в страхе каждый день и ждать прихода следователей, – начал старик с тихого шёпота, с каждым словом повышая голос. Конец фразы он уже кричал, вскочив с кресла и брызгая сыну слюной в лицо, – Тебе напомнить, что у нас по закону положено за

использование внутри страны родовых войск, переданных на императорскую службу?

– Да, говорили мы об этом, и не раз. Чего одно и то же толочь. Зато теперь две трети охраны потеряли, и пятерых магов. Охранники ещё чёрт бы с ними. Понемногу новых наберём. А вот маги все свои, из Рода. Тут одними словами и деньгами не отделаешься. Самые сильные погибли. Теперь и нам с оглядкой жить придётся. А ну как кто из соседей решит на наши земли покуситься. Тяжело ведь придётся. Чёртов старик! Сумел всё-таки на прощание в лицо плюнуть.

– А я тебе что говорил? Мансуровы не просто так тебе дочь свою подсунули, да деньгами снабдили. У них прямой интерес уже давно имеется. Вот мы, за своё дворянство, Императору сотню солдат содержим, при десятке одоспешенных Одарённых, а Бережковы мыто в казну вносят собственной трёхлетней службой, да магическими накопителями. Напомнить тебе, на чём Мансуровы своё состояние сделали? Вот то-то и оно. Накопители они изготавливают, но против Бережковских поделок их изделия куда как худо выглядят. Им и из казны заказы поступают только тогда, когда Бережковы всё не осиливают. Потому и затеяли в своё время Мансуровы войну против Бережковых, когда узнали, что от них старший сын отделился. Повод даже нашли, вполне подходящий. Да только кровью умылись и затихли потом надолго, пока тебя, дурака, не уговорили с соседом повоевать. Теперь то же самое продолжают делать, но уже твоими руками.

– Так всё, отец. Отвоевались Бережковы. Нет их больше. С сыновьями Мансуровы ещё тогда разобрались, а с остатками Рода мы справились. Теперь, глядишь, и землёй на следующий год прирастём, и людишками. Если вскоре от Бережковых ежегодный взнос в казну не поступит, так мы тут же с бумагами подсуетимся, как только земли ничейными казна объявит. Мансуров сам мне помочь обещался, и с людьми нужными свёл.

– А чисто ли дело-то сделали? Точно никто живым не ушёл? Ты учти, нам видаков не нужно. Император хоть в дворянские склоки и не лезет, но при дворе так могут ославить, что и внукам твоим никто руки не подаст.

– Так никто не ушёл, вроде. Мы трое суток оцепление держали, чтобы кто ненароком не вернулся неожиданно.

– Как-то неуверенно ты это сказал. Сомнения какие есть?

– Егеря, которых мы потом на место села посылали с магами, дым поутру вдалеке заметили. Озеро там у них есть, а на нём изба стояла. Вот изба-то и сгорела, а в ней нашли мужика мёртвого. Что интересно, при жизни он с одной ногой был.

– Погоди-ка, погоди, – старик заскрёб заскорузлыми

пальцами колючую бороду, – Что-то в голове вертится, а поймать не могу. О, вспомнил! Вроде как рассказывали мне, что их пёс цепной, с которым старший Бережков все войны прошёл, от Мансуровских магов ноги лишился. Ты его труп-то сам видел?

– Не ездил я в то село. Магов послал, чтобы попытались разобраться, что там взорвалось, а с ними егерей отправил в охрану.

– Найди-ка мне тех, кто труп этого погорельца с одной ногой, видел своими глазами. Быстро найди! – засуетился старик, нервно сжимая и разжимая захрустевшие пальцы, – Ох, неспроста он сгорел, если это тот, про кого я думаю. Ох, беда…

* * *

Олег приземлился на знакомой площадке, расположенной посреди двух острых скал. Прежде чем лететь в Провал, надо отключить ловушки. Окинув долину, сплошь заваленную огромными остроугольными каменюками, он ещё раз поразился мощи заклинания, когда-то использованного магами. В один из вечеров, когда он отдыхал в пещере после изнурительной тренировки, дед рассказал ему, что раньше в долине был посёлок. В нём жили мастера с семьями. Они делали больше тысячи накопителей в месяц, заряжая их от уникального Источника Силы, расположенного в пещерах. Мансуровы смогли где-то нанять боевую пятёрку магов, которую возглавлял очень сильный маг Земли. Враги через шпиона узнали, что дед вскоре должен появиться в посёлке, чтобы забрать крупную партию готовых накопителей. В тот день скалы содрогнулись и каменным цунами обрушились на долину. Деда спасло только то, что он и его охрана спустились в пещеры к Источнику. Нужно было зарядить накопители перед дальним перелётом. После взрыва они выбрались через вентиляционную шахту. Центральный вход оказался завален на десятки метров. Дальше был ожесточённый бой с наёмниками, в котором выжил сам Дед, и трое из десятка его сопровождения.

Утром имение Мансуровых перестало существовать. Из всего их Рода в живых остался Мансуров-старший, и его младший сын с двумя дочерьми. Повезло им тогда заночевать в городских квартирах. Узнав про свершившуюся месть, Мансуров без промедления нанял дирижабль и не теряя ни секунды улетел в Новый Петербург, где и жил все последние годы в имении своего дальнего родственника, князя Иволгина-Бушуева.

Почти год потратил Дед, чтобы создать оборудование,

позволившее, пусть и не в таком количестве, но всё-таки производить их, Бережковские, накопители. А уж сколько денег оно стоило, лучше не вспоминать. Зато теперь всем производством занимается один Анвар и пятеро его сыновей. Сыновья, по одному, часто уезжают недели на две, а Анвар всегда на месте. По оговоркам Деда можно было догадаться, что остались у него враги могущественные да высокопоставленные. Удалось их месть унять только правдоподобной имитацией смерти Анвара. Поэтому и нет ему хода из пещер, если не хочет он всю семью потерять.

– Анвар, Ираклий, – это я, Олег, – попав в первый зал, Олег не сразу разглядел знакомые лица, выглядывающие над прицелами ружей.

– Почему один прилетел? – строго спросил Анвар, с еле заметным акцентом.

– Мансуров Федорищевых на нас натравил. Нет теперь ни Деда, ни села нашего.

– Вах, совсем худо дело, – опуская ружьё, пробормотал мегрел, – За тобой никто не увязался? Погоня была?

– Некому там было догонять. Убил я всех.

– Много убил? – прищурился Анвар, как-то по новому приглядываясь к парню.

– Человек тридцать, думаю, а может и больше.

– Пошли за стол. Погибших помянем, и ты толком всё расскажешь, – мегрел выкрикнул что-то на своём языке, и из-за укрытий вышли ещё два его сына, держа ружья дулами вниз.

В пещерную келью Деда Олег попал только через час. Два верхних уровня в пещерах жилые. Навалившаяся усталость не помешала вспомнить, каким заклинанием Дед обычно запечатывал дверь. Первое, на что он сразу обратил внимание, был хорошо знакомый сундук. Сколько Олег помнит комнату Деда в усадьбе, этот самый сундук всегда стоял там, рядом с кроватью. Поверх сундука лежал сложенный вдвое тетрадный листок.

«Внук, раз ты читаешь мою записку, то скорее всего меня нет в живых. В сундуке ты найдёшь досье на Мансуровых и Федорищевых. Если задумаешь сохранить наш Род Бережковых, то тебе сначала надо решить вопрос с ними. Я не нашёл способа разойтись миром, да его наверное и не существует. Не забывай про налоги. Каждый год в ноябре мы сдаём в Оружейный Приказ по сто накопителей. Сдать их лучше всего в Рязани. Там не любят Федорищевых и им трудно будет узнать, сдали мы налог или нет. Учти, как только они не увидят нас в списках выморочных Родов, то поймут, что кто-то из нас остался жив. Список казначейство

публикует в январской газете „Имперские вести“. Остальное всё сам увидишь в сундуке. Не вздумай учить больше десяти кристаллов подряд без отдыха! Прощай, Олег. Прости меня, если был с тобой не ласков. Твой дед Константин Захарович Бережков».

Конец письма Олег дочитывал с трудом. Предательская влага застилала глаза, отчего буквы в словах порой двоились. Закинув голову лицом вверх и отдышавшись, он перечитал письмо ещё раз.

В письме Дед прямо указал, что времени на принятие решения у него осталось немного. Хочешь сохранить Род – придётся до конца извести Род Мансуровых и Род Федорищевых. Существует и второй вариант. Дед оставил ему документы на другую фамилию. Мещанин Сорокин Алексей Нифонтович. Тут же и папка приложена, с детскими и школьными фотографиями и прочим описанием этой личности. Судя по всему, сам этот парнишка вместе со всей семьёй погиб полгода назад во время Бахчисарайского пожара. Там тогда весь город выгорел, а от всех жителей, хорошо, если тысяча осталась.

В ноябре надо вносить налог за дворянство. Не внесёшь, Род лишат и дворянства и земель. А если внесёшь, то противники будут точно знать, что кто-то из Бережковых живёт и здравствует. Тогда прощай спокойная жизнь. Два богатых Рода такую охоту за твоей головой устроят, что будь ты хоть трижды сильным магом, но всегда найдутся мастера, которые сумеют на тебя заказ исполнить.

Ночь Олег провёл в тяжёлых раздумьях, сумев заснуть уже под утро.

– Олег, просыпайся, – разбудил его голос одного из сыновей Анвара, – Завтрак готов. Тебя ждём.

– Иду, – отозвался парень, с трудом отрывая голову от подушки. По его ощущениям, он проспал всего лишь мгновение. Вот вроде только-только глаза закрыл, и его тут же разбудили.

Анвар и его сыновья сидели за столом. Олег обратил внимание, что пустует два места. На одном, во главе стола, раньше сидел Дед. Под испытующими взглядами, он занял место Деда.

– Обжимной станок у нас мощность потерял. Механику я проверил, там всё исправно. С энергоканалом что-то неладное. Посмотреть можешь? – спросил Анвар, когда Олег поев, принялся за чай.

– Сейчас сходим, – ответил Олег.

– А отсюда не увидишь? – уставившись в свою пустую тарелку, спросил мегрел.

– Могу и отсюда, – пожал плечами парень, и откинувшись на стуле, прикрыл глаза, – Передавило его чем-то тяжёлым. Примерно в шаге от станины.

Открыв глаза он увидел, что сыновья Анвара улыбаются, а сам мегрел довольно поглаживает усы и бороду.

– Силён, батони[1]. Не хуже своих предков будешь, – мегрел, улыбаясь, потёр ладони, – Расскажешь нам, что дальше делать надумал?

– Роду Бережковых быть, – коротко сказал Олег, решительной фразой подводя итог своим ночным раздумьям. Как он понял, мегрел устроил ему испытание, и возможно, не одно. Результаты старого мастера устроили.

– Как твой Род на ноги встанет, надо будет моих сыновей в люди вывести. Двоим жениться давно уж пора. Внуков хочу успеть увидеть, – то ли попросил, то ли поставил перед фактом мегрел нынешнего Главу Рода.

– Внуков не обещаю. Не от меня зависит. За сыновей можешь не переживать. Жив останусь – быть им вольными мастерами, под нашей родовой защитой, – Олег говорил уверенно. Словно топором рубя фразы. С сыновьями Анвара он знаком не понаслышке. Сам когда-то, под их присмотром, и станки осваивал, и вглубь пещер лазил.

– Я тебя услышал. Говори, что сделать надо, – мастер, задумавшись, с минуту шевелил сухими губами, словно пробуя слова Олега на вкус, и отозвался не сразу.

– Вижу, что связь с миром у вас есть, – кивнул Олег на кувшин с молоком, стоящий на столе, – Найти бы пару огольцов, посообразительней, чтобы присмотрели за усадьбой Федорищевых, да и на бывшее имение Мансуровых глянули. Деньги имеются. Заплачу, сколько потребуется.

– Сыновей на дело возьмёшь? – вскинул старик седые брови, и враз заострился лицом.

– Анвар, а ты меня позовёшь, когда со своими кровниками разбираться будешь? – с нехорошей ухмылкой поинтересовался парень. Привлекать посторонних для личной мести – это урон для чести дворянина. И не только у горцев. Мститель, который пришёл взять кровь за кровь – всегда в своём праве. Никого не будет интересовать, против какой силы он вышел, и сколько родственников с собой привёл. А вот Федорищевы сами себя поставили вне закона, когда наёмников со своими магами послали. Пришли бы только Родом – никто бы слова против них не сказал, если повод имеется достаточный. Но не сдюжили. Побоялись.

Ближе к столице такие фокусы не пройдут – враз головы

можно лишиться. Император за рост населения борется, и препятствовать старается, когда это население дворяне в своих разборках убивают. Наказания за такие деяния жестокие. Организаторы на плаху попадут, а семья в ссылку, лет на двадцать. Само собой, дворянства их тоже лишат.

Но в удельных княжествах всякое бывает, особенно, если вместо князя регент правит, как у них сейчас вышло. Что характерно, он из мансуровской родни. Пусть и седьмая вода на киселе, и не с Рода Мансуровых. Он сегодня на их проделки глаза закроет, а на выборах они за него слово скажут. Рука руку моет.

На родовых вотчинах с обычными неурядицами дворяне сами должны разбираться. Они там и суд и защита. Для этого обязаны они на родовых землях и силовые структуры собственные иметь. Вроде полиции и дружины. Другое дело, если бунт какой, или иноземец пожалует – вот тогда государство подключится. Войска пошлёт, и дознавателей направит.

В тяжёлых случаях, и когда хозяева земель правы, то можно и к государственным войскам обратиться. Только тут палка о двух концах. После первого раза на заметку тебя поставят, после второго предупреждение сделают, а на третий раз – добро пожаловать на государственную комиссию. Та обычно не цацкается. Есть у них формуляр на десять вопросов. Наберётся в нём больше трёх отрицательных ответов, так и дворянства сразу лишат, а если меньше – то крупным штрафом обложат. По одному годовому налогу за каждый минус. Без потерь от этой комиссии ещё никто не уходил.

– Прости, батони. Не гневайся за глупые слова, – покаянно склонил голову старый мастер, – Но сколько вас осталось в Роду, и сколько их будет. Усадьбу-то можно и с наёмниками оборонять. Как один против целой армии пойдёшь?

– Не один я буду, – буркнул Олег, не став уточнять, что кроме него да Степана в Роду больше никого не осталось. Незачем знать дела Рода тем, кто в него не входит. Семья Анвара пока наособицу живёт. На клятве. Какой год подряд надеются, что отыщутся когда-нибудь наследники их грузинского Рода, что не всех их вырезали во время жестокой междоусобицы. Хотя, старик вроде созрел, чтобы своей Семьёй в род Бережковых войти, раз про обустройство сыновей заговорил. Рисковый человек, но умный. Сможет Олег свой Род поднять и быть его сыновьям по праву первенства в одной из Старших Семей Рода Бережковых.

– Проезжал я недавно мимо имения Мансуровых, – вмешался в разговор Ираклий, получив разрешающий кивок отца, – Строиться они начали. Одно здание полностью застеклили, и вымпел там чей-то болтается. Чей – не разглядел. Далеко их

усадьба от тракта, а на съезде охрана выставлена. Однако показалось мне, что мельтешит что-то над лесом. Возможно, патруль в доспехах летает.

Олег горестно вздохнул. Летающий патруль – это очень серьёзно. Метку такого же доспеха они километров за десять увидят, а применение магии за пять. Да и нет у него опыта в доспехах летать. Полтора года, из трёх лет обязательной службы, на овладение МБК у пилотов уходит. Один раз, в тайне от Деда, он попробовал полетать. Понял, что не зря Одарённых сначала год в училище учат, а потом полгода в учёбном полку натаскивают. Доспех ремонтировать пришлось, а его на неделю в подвал заперли. На хлеб и воду.

– От МБК по земле не уйти, – словно сам про себя заметил Анвар, понаблюдав за парнем, – Против одного пилота ты может и продержишься, но как он боем тебя свяжет, так и подмога потом навалиться.

– Есть пока время. Посмотрим, подумаем. Ты лучше скажи, что у нас готово, а чего ещё сделать нужно? Я про наши заказы.

– Для расчёта с казной осталось изготовить двадцать кристаллов, сам знаешь каких. Если ты всё-таки собираешься налог сдавать, то для оправ на них нужно платину докупать. По заказам Липатова у нас осталось двенадцать больших накопителей и сорок маленьких. Ещё он вчера дополнительный заказ хотел согласовать, но странный очень. Дюжина накопителей с разорванными контурами. И метка на заявке, что заказ от непроверенного клиента, но по двукратной расценке, – дождавшись, пока мы останемся вдвоём, поморщился Анвар, перед этим жестом руки отправив сыновей работать, – Заказ купец пока не принял. Спрашивает, будем ли мы такое делать.

Купец Липатов – это официальный торговый канал Рода Бережковых. Олег его самого никогда не видел, да и Анвар тоже. Купчина шлёт заказы через связной кристалл – этакий магический артефакт, который делается из двух половинок распиленного полудрагоценного камня. Работает такая штука просто. Надо написать записку, поднять над ней половинку камня, и подать в камень немного Силы. Обладатель второй половины тут же получит сообщение. Чем хороша такая связь, так тем, что никто, кроме двух переписывающихся не сможет ничего узнать. Даже определить место, откуда послано письмо, пока никому ещё не удалось.

– Не понял. Что могут дать разрывы в контурах, и как это себе заказчик представляет? – с любопытством уставился Олег на мастера.

– Мы с Ираклием попробовали малый макет сделать.

Зарядили его чутка, а потом разъединили контакты, те, что на заявке к разделению предусмотрены. Шестой и двадцать второй. Часа на два потом без магии остались. Словно ослепило обоих, – пожаловался мастер, Одарённый, как и его сыновья, но очень слабый. В пилоты никому из них никогда не попасть, – И макет вдребезги. Хорошо, что издалека контакты разъединяли. Догадались верёвкой шагов в тридцать их связать, да потом дёрнуть.

Олег собрался, словно перед прыжком со скалы. Было у его сверстников такое испытание – сигануть метров с пятнадцати в омут головой. Глядя со стороны – смехота, а вот когда сам туда, на верхотуру залезешь, то жуть пробирает до пяток, и омут кажется совсем крошечным. Чуть промахнись, и костей не собрать. Так что, знакомое ощущение он поймал.

– Данные в журнал писали? – поинтересовался парень, мысленно сжав кулаки, на счастье.

– Зачем плохо сказал? – отчётливо прорезался грузинский акцент в возмущённом ответе Анвара, – Всё как надо зафиксировали. Вот только, я думаю, что от этого заказа стоит отказаться. Не дело, если Бережковские накопители вдруг взрываться начнут. Причём так, что могут и Одарённых их Дара лишать. Никаких денег потом не хватит, чтобы за нанесённые убытки рассчитаться.

– А что, действительно смогут Дар выжечь? – холодно поинтересовался парень, в упор глядя на мастера. А сам весь вперёд подался, и кисти рук, сжимающие края стола, побелели.

– Могут. Нам с сыном тогда совсем немного не хватило, чтобы Дар полностью не исчез. А ведь мы заряд дали смешной, и сами неплохо спрятались, – начиная что-то понимать, пробормотал Анвар, с уважением глядя на нового владельца Источника. Смена тона в разговоре подействовала на него, словно холодный душ. Почувствовал старый мастер разницу в их потенциале, и молчаливо её признал.

– Покажешь мне карту этого заказа полностью. А пока начинайте Чаши загружать. Сначала работаем на казну, – Олег не стал выходить из образа начальника. Анвар, с его жизненным опытом, слабину в момент почувствует. Пока удаётся его подмять под себя, но все проверки мастера заранее просчитать трудно. Сменить бы его, только где ещё таких специалистов найдёшь.

Когда мегрел ушёл, Олег уселся и начал медитировать. Работа с накопителями предстоит тяжёлая и опасная. Впрочем, как и его предстоящая жизнь.

Глава 2

– Лёха, Сорокин, где тебя черти носят? Почему канаты не прибраны? Кто баллоны с гелием на солнце выставил? – заполошные крики своего начальника Олег, устроившийся на работу по документам Алексея Сорокина, услышал ещё из помещения.

– Так пустые баллоны-то. Силыч велел все собрать и на улицу выставить. Машина подойдёт, и их на заправку повезут, – парень выкатил со склада тачку, на которой лежало ещё два пустых стальных баллона. Тяжеленные они. Каждый килограмм пятьдесят весит, – А канаты на поле сказали доставить. Купец бегучий такелаж будет менять.

– Созрел таки. Это хорошо. Полдня его уговаривал, – заулыбался начальник, почуяв прибыльный заказ. Переговоры с купцом, чей дирижабль сейчас у них в ремонте, он вчера начал прямо на поле, во время осмотра. Закончили договариваться в трактире. Сначала чуть не подрались, а потом, обнявшись, даже песни пели вместе.

Купец местный. Киякин Степан Васильевич. Свой дирижабль он всегда у них обслуживает. Вот и в этот раз, попав в непогоду и получив повреждения, купец наспех подлатал свою посудину, и дотянул до родного города. Не стал у чужих ремонтироваться.

– Не просто так Степана Васильевича на ремонт угораздило, – Иван Силыч, главный механик местной мастерской, вышел на воздух, вытирая руки ветошью, – Пойдём-ка Лексеич, покажу тебе, что у него с топливной системой правого ходового двигателя стало.

– Неужто специально засорили? – прищурился начальник, по мрачному лицу мастера, догадавшись о причине поломки, – Значит не прав я вчера был, когда Степану выговаривал за мальчишество. Он мне ещё доказывал, что должен был успеть до урагана пройти, да из-за заглохшего двигателя сильно в скорости потерял.

– Правильно говорил. Купчина пилот отменный, сам знаешь. Да и синоптики нынче службу хорошо поставили. Карту ветров на два дня вперёд дают. Не то, что раньше.

– Да уж. Лучше него мало кто с дирижаблем управляется, – задумался Пётр Алексеевич, их начальник, выбивая остатки табака из трубки, которую он докурил во время разговора, – Верно, получается, купец мне вчера сказывал, что есть у него сомнения по поводу конкурентов. Их это проделки.

– Вот и я про то же, – кивнул Силыч, – Даже на гражданке не

дают нашему соколу летать спокойно. Эй, Ляксей, а ты что тут уши развесил? – обратил механик внимание на парня, прислушивающегося к их разговору, – Я тебе что про зонды велел? Погодники до обеда обещали за заказом явиться, а у нас ещё клапана не меняны. А ну марш работать.

Прикрикнул механик больше для порядка. Знает же, что клапана поменять – минутное дело. Ослабил хомут на шланге, старый, сифонящий клапан выдернул, да новый вставил. Хомут затянул, и готово. Причину, по которой новенькие с виду метеорологические зонды газ травят, они с Силычем ещё вчера вечером определили.

А зонды, зондами Олег обязательно сам займётся. Собственно, он и устроился сюда ради них, когда в голове сложился нужный кусочек мозаики его Большого Плана.

Потом он и к погодникам напросится на экскурсию. Полная информация ещё никому не мешала, а уж когда вопрос стоит между жизнью и смертью, тут поневоле все детали лучше заранее досконально изучить.

Приятно посидеть на улице после работы. Ушицы похлебать, которую они с механиком сварили из купленных у пацанят ершей с окунями. В отличии от других работников мастерской, им обоим вечером торопиться некуда. Олега ждёт неуютная комнатёнка на чердаке, которую он снял на краю города, а Силыч тоже теперь один одинёшенек остался. Жена весной умерла, а дети у него давно разъехались, кто куда. Две дочки замужем, уже и детей нарожали, а сын где-то на южной границе служит.

– Силыч, расскажи про Киякина? Где он так летать выучился? – попросил Олег разомлевшего механика.

– Э-э, паря. Степан Васильевич – летун знатный. Его когда-то Сибирским Соколом кликали. Он же в своей Семье третий сын. Одарённый в четвёртом поколении. Стало быть – маг не слабый. Не знаю, что уж у него там случилось, вот только пилотом МБК он стать не сподобился. Может по каким-то параметрам не прошёл, а может и в отборочной комиссии кто нагадил. Дело давнее и тёмное. Зато командиром боевого дирижабля он стал на раз. Выучился, под своё командование принял четырёхпушечный патрульный дирижабль, и начал пиратов хунхузских гонять. Крепко они тогда наши торговые пути над Сибирью прореживали. Считай, совсем там торговля стала загибаться. Вот Стёпа-то им и устроил похохотать. Восьмерых за два месяца на землю ссадил, а потом ещё и базу их, временную, разгромил. Пригрелись, гады, тогда у нас под боком в тайге. Да хитро так. Со стороны и не углядишь. Степан Васильевич, не будь дураком, базу-то их вычислил. Высадил наблюдателей своих на сопки, да потом их

наблюдения за маршрутами хунхузов на карту свёл. Базу сводным рейдом разгромили, Степану ещё четыре дирижабля в подчинение дали, и очистил он небо окончательно. Вот тут-то у него и начались затыки, – паузу рассказчика Олег понял правильно, и набулькал Силычу в стаканчик очередные сто грамм.

Добавку к ухе механик воспринял благостно. Слегка болтанув гранёный стакашек, он умело отправил в рот его содержимое, кхекнул, и занюхал возлияние хлебной корочкой. Подумал немного, глядя в небо, и выловив скользкий грибочек из банки, отправил его вдогонку.

– Иван Силыч, а дальше-то что было? – спросил Олег, выждав время, необходимое старому мастеру для получения полноты впечатлений.

– Дальше… Ерунда дальше начала твориться. Загнобили нашего летуна. Вишь ли, он столько пиратов за короткий срок положил, сколько вся Сибирская Эскадра за год в реляциях не имела. Операции он хорошо планировал и в бою знатно командовал. Считай все победы малой кровью одерживал, а такое военному командованию не всегда по нраву. Раз нет больших жертв с нашей стороны, то значит противник слабый попался, а отсюда и звездопада на погоны ждать не стоит, да и с прочими наградами не так всё благостно. Ему на такое дело указывают, а он говорит, что не будет по глупости и недомыслию зазря своих людей класть. Что он раз и доложил, да в присутствии Наместника. Наместник, что интересы Князя на тех землях представляет, так вздрючил армейское начальство, что они лютой ненавистью на удачливого командира воспылали. Задвинули сокола нашего. Вроде и с повышением, но на тыловую должность служить отправили. Только Степан Васильевич не той породы. Сначала, понятное дело, побрыкался, а как понял, что не пробить ему каменную стену лбом, и в небо его не пустят, так и подал рапорт на увольнение. С тех пор и летает купцом. Сам магичить может, и ещё двоих магов на своём дирижабле содержит. Запаса магии у них маловато, но и по ночному времени наш купец не летает. Успевают маги восстановиться за ночь. Все маршруты он под способности свои да магов его просчитал. На день-то их троих всяко хватит.

– Силыч, так есть же мощные накопители. Что ему стоит такой приобрести? – с невинным видом задал Олег вопрос, ковыряя ложкой рыбу, выложенную на отдельную тарелку.

– Хороший накопитель больших денег стоит. Почти как сам дирижабль торговый. Там золота да платины килограмма три только наверчено, а если ещё и камень дорогой вставлен, так и

одного дирижабля за такой накопитель мало будет. Золото-то не по весу идёт, а по работе. С работой-то, цена сам – три почитай выходит, а если больше шести контуров, так и впятеро от золота по весу отличается.

– А если больше восьми контуров? Бывают же такие? – разделывая окунька, поинтересовался парень.

– Э, паря, то уже нам не по чину. У армейцев да купцов больше восьми не бывает. И камни у нас попроще, и контуры пожиже. Вот Степан Васильевич, уж на что купец справный, а и то только на четыре контура накопитель имеет. И кристалл у него из горного хрусталя. Большой, правда, да чистый. Однако, всё равно по мне, так слабоват будет.

– Неужели на бензине ему выгодней летать? Это же сколько топлива брать приходится, да и вес какой излишний получается?

– Да уж бензин всяко подешевле будет, чем магическая энергия. А вес… Ну что вес. Я когда служить начинал, у нас военные транспортники на пару да мазуте летали. Почитай, по весу раза в три-четыре больше выходило, если с бензиновыми моторами сравнивать. Тут тебе и вода в запас, и котлы двойного расширения. Да и не возят купцы воздухом дешёвые товары. На то пароходы есть, железка, и транспорт наземный. Ты зайди-ка в городе к Киякину в магазин. На весь свой заработок месячный покупки в карманах унесёшь. Зато товар первостатейный. А ведь он ещё почту возит, лекарства всякие, и чужие грузы берёт к перевозке.

– Получается, что вытеснять стала техника магию? Так скоро и Рода крупные своё влияние потеряют. Кому их магия нужна станет, если недорогой техникой, да простыми людьми всё заменить можно будет? – с улыбкой задал вопрос Олег, переходя к чаю.

– Примерно так и выходит. Сам подумай. Возродили артиллерию. Пусть и мало её ещё, и снаряды дорогие, а сколько магов в армии сократили. Отсюда и служивое дворянство среди военных меняться стало, и не в пользу Одарённых. Опять же промышленники крупные да банкиры при Императоре большой вес заимели. Да что далеко ходить. У нас в городе по прошлому году три фабрики сукновязальные на пар перевели. Сукна-то враз подешевели и добрая дюжина магов без работы осталась. А всё почему? Не любят Одарённые работать, и магию свою чересчур дорого оценивают. Приедет такой на фабрику, посидит полчаса накопители заряжая, а потом гуляет три дня, из ресторанов не вылезая. Ещё и бахвалится, мол, аристократия мы магическая. На нас всё держится.

– Может он и прав в чём-то. Сколько лет так жили? –

подначил Олег деда на дальнейшие рассуждения.

– Жить-то жили, пока народа мало было. А как стали заводы крупные появляться, да цены на те же металлы понижать, так и всё остальное дешевле и доступнее стало. Лет десять назад паровая машина на сто сил стоила в полтора раза дороже, чем нынешняя на двести пятьдесят. Смекаешь? К тому же и уголёк подешевел. Нефть качать стали с избытком. Видал у реки три «самовара» высоченных строят? Скоро бензин в городе свой будет, а не привозной. Наш начальник уже проект новой заправочной станции готовит. Как подешевеет бензин, так купцы у нас больше его начнут заливать. Киякин, к примеру, уже двигатели себе новые присматривает, помощнее. Ко мне подходил вчера, советовался. Зато у магов ничего не поменялось. Ни двигатели их магические лучше не стали, ни расценки на зарядку накопителей не снизились.

– Неужели разница такая большая? Магия-то понадёжнее будет, как я слышал. Опять же насколько всё легче по весу выходит, даже если с бензиновым двигателем сравнивать, – подливая себе чай, спросил Олег.

Больно уж разговор у них с механиком интересный получается. Рассуждения у него здравые и непривычные. Многое проясняют. Сам не вдруг и додумаешься, как цена на металл может быть с политикой связана. Разговоры про то, что Рода Одарённых своё влияние понемногу теряют, давно идут. Только почему-то все считают, что во главе этого процесса Император стоит, а над иными причинами не задумываются.

– Насчёт того, что «магия понадёжнее», тут бабка надвое сказала. Была у меня в молодости мотоциклетка магическая. «Магика-4» называлась. Как сейчас помню, за тысячу рублей её покупал. Зарядишь у мага бусину за десятку, и километров на двести хватает. Ох, и пофорсил я тогда. Все девчонки мои были. Вот только она хоть и на магии была, но всё равно не вечная. То энергопривод поменяешь, то накопитель начнёт ёмкость терять. Накопитель там хоть и простенький, из самых дешёвых, а денег всё равно больших стоит. Зато сын мой, как подрос, да денег заработал, то купил себе мотоциклу-то бензиновую. В пятьсот рублей она ему обошлась. Ну, и начал сынок меня мордой тыкать. Ему на десятку бензина километров на пятьсот хватает, а мне магии только на двести. Скорость у него за сто километров, а у меня еле-еле шестьдесят. А про цену на ремонт лучше и не вспоминать. Мне накопитель обходится дороже, чем ему полмотоцикла. Как он в армию ушёл, так я свой драндулет магический в сарай поставил, и теперь сам на его бензиновом езжу. У него и вид лучше, и скорость, и денег столько на

обслуживание не требует. Да, следить за ним больше надо. Так мне это только в радость, а запчасти копеечные.

Олег поглядел на стального коня, стоящего рядом с мастерской. Ещё одна важная деталь уложилась в его План. Скоростное средство передвижения без капли магии.

– Силыч, а ты как домой добираться собрался? – с намёком уставился Олег на ополовиненную бутылку, а потом перевёл взгляд на мотоцикл.

– Я двигатель с дирижабля на стенд поставил. Часа четыре погоняю, а потом в кондейке у себя кемарну. Ты завтра пораньше приди. Пока такелажники раскочегариваются, мы его обратно на место воткнём. Одному-то мне несподручно будет.

По дороге к дому, где он снимает комнатёнку, Олегу попался газетный киоск. Раньше он, не задумываясь, покупал местную газету и Имперский вестник. На этот раз парень внимательно изучил, что же ещё в киоске продаётся. Внимание привлекла неброская газета с названием Экономическая жизнь. Толстенькая, больше на журнал похожа, но без обложки и на недорогой газетной бумаге.

Стола в снимаемой Олегом комнатёнке не было. Перечень мебели можно перечислить, загибая пальцы одной руки. Кровать, расшатанный стул, тумбочка и крючки на стене. Зато есть оконце небольшое и по стене проходит дымоход, выложенный из кирпича, обещая хоть какое-то тепло в морозы. Задёрнув занавеску, пошитую хозяйкой из остатков старой простыни, Олег зажёг магический фонарик, и принялся читать.

На покупку газеты Экономическая жизнь парня подвигла одна из статей, название которой было вынесено в оглавление на первой странице. Некий профессор Чилинзаров, заняв почти целую страницу в конце газеты, брался доказать, что роль магии в обществе обречена на закономерное снижение и постепенное вымирание.

Статья оказалась неожиданно интересной. Олег несколько раз прерывал чтение и пробовал походить по своей комнатке, делая по три мелких шага от стены к стене. Привычка у него такая, когда надо что-то обдумать.

Чилинзаров приводил интересные цифры, опираясь на переписи населения разных лет и официальные данные казённой имперской палаты, занимающейся подсчётом доходов государства.

В начале статьи профессор убедительно доказывал, насколько сильно уменьшился процент Одарённых среди населения.

Пятьдесят лет назад на каждые десять тысяч граждан Одарённых было в среднем по восемь с половиной человек. По

последней переписи – меньше четырёх. И то, как утверждал Чилинзаров, больше половины от этих четырёх составляют Одарённые преклонного возраста, поскольку живут они дольше, чем люди без Дара. Причин профессор указывал несколько. К примеру, в смешанной семье, где один из супругов без Дара, шанс на появление ребёнка-мага от десяти до пятидесяти процентов, а в семье Одарённых – от шестидесяти до девяноста.

Так что пока основное население усиленно плодится и размножается, количество магов пропорционально общему росту населения не растёт. Отстают они с воспроизводством. Беда ещё в том, что старинные Рода, геральдическая ветвь которых уходит во времена Начала, так или иначе, но состоят в родстве. На выборе в поиске своей пары такое положение дел сказывается не лучшим образом. Браки между двоюродными родственниками запретили давным давно не без веских оснований.

Второй причиной была названа экономика. Времена, когда знатность Рода и его положение определялась одной Силой магов, понемногу заканчивались. Появились новые ориентиры, и среди них не последнее место занимали деньги и влияние при дворе. Соответственно, количество смешанных браков начало неуклонно расти. Одарённые выискивали своих половинок не только среди таких же, как и они, Одарённых, но и среди банкиров, промышленников и прочих богатых и влиятельных людей.

Третья причина заключалась в промышленной революции. Рост населения сделал возможным и необходимым создание крупных фабрик и заводов. Магической энергии им не хватало, и они изначально строились без расчёта на магов.

Вместе с крупными предприятиями закономерно пошли в рост банкиры, транспортники, шахтёры и нефтяники. За пятьдесят лет поступления в казну от Родов Одарённых снизились с пятидесяти пяти до двенадцати процентов.

Четвёртой причиной оказалась армия. Маги перестали быть основной ударной силой имперских войск, уступая свои позиции артиллерии и пулемётам. Не смогли Одарённые, а может и не посчитали нужным, перестроиться под новые тактики и правила современного ведения войны. Скорее всего спесь и гордость помешала. Как же, их, элиту и вдруг задвинули во вспомогательные части быстрого реагирования и теперь не войска их поддерживают, а они выступают в роли поддержки. Новое поколение генералов гораздо больше интересует, сколько у них стволов артиллерии на километр фронта, а не сколько магов и пилотов МБК закреплено за полками.

Выводы профессора, подкреплённые добротной статистикой

и хорошим анализом ситуации, выглядели безупречными. Нет у магии ярко выраженного будущего. На смену магической аристократии уже приходит современная буржуазия, и этот процесс необратим.

Сильная статья. Вроде, ни к чему напрямую и не призывает, но жизненные ориентиры людей, читающих эту газету, способна прилично поменять. Всё построено на достоверных данных и в выводах никаких натяжек не отметишь. Прочитает человек, занимающийся делом, подобное исследование и отложится у него в голове этакий пунктик, кому в будущем помогать стоит и на кого ставки делать. Газета-то специфическая. Для деловых людей предназначена. Обыватель никогда не станет читать скучные аналитические статьи про промышленные отрасли и изучать таблицы и сводки, которыми пестрят страницы. Мнение о том, что магическая аристократия своё влияние теряет, и власть у них стоит забирать быстрее, как-то само по себе складывается, стоит статью прочитать.

Вроде, всё правильно написано, но вот ощущение того, что он уже что-то подобное сегодня слышал от Силыча, присутствует. А ещё осталось чувство недоговорённости. Как заноза свербит. Словно есть какая-то упущенная важная деталь, которая может всё изменить. Ещё бы понять, что не так.

В лицее для Одарённых города Углича, где Олег отучился полный семилетний курс, им отдельно политику и экономику не преподавали. Лицей, хоть и не был столичным, но своими преподавателями славился по праву. Преподавательский коллектив, на их совместных пирушках, иногда в шутку именовал себя «сосланными». Ученики такие высказывания не раз слышали, и разговоры об этом в их комнатах были не редкостью. Сумел директор лицея потихоньку подобрать коллектив таких же, как и он сам, непримиримых. В столичных лицеях, где учатся детки сливок общества, преподавать сложно. Дети попадаются избалованные, и к преподавателям своим относятся чуть лучше, чем к прислуге. Чванство и спесь из них так и прёт. Очень способствуют этому и их наставники, параллельно с лицеем дающие дополнительное домашнее образование. Желая подчеркнуть лишний раз свою значимость, они нет-нет, да вставляют шпильки про общее образование. Дети, как губка впитывают такое отношение, и переносят его на своих учителей. Хороший преподаватель, знающий себе цену, с таким отношением учеников никогда не смирится. Вот и собирал их директор по всей столице, выезжая для этого раза три в год и объезжая столичные заведения.

Олег в лицее учился под фамилией матери, которая

Одарённой не была. Никому из его сверстников фамилия знакома не была, и поначалу носители значимых фамилий изрядно задирали нос. Их отношение изменилось после первого Испытания.

Методик, позволяющих измерять магические способности, существует несколько. Говорят, некоторые Целители силу мага могут определить даже без приборов. Но существует Имперский стандарт.

Дюжина артефактов, дорогих и досконально выверенных, каждый год путешествуют по всей стране, охватывая проверками всю сеть учебных заведений для будущих магов. Так что нет никакой разницы, где проведено Испытание. Возможности мага любой из приборов оценит достоверно и отразит соответствующий уровень.

Стандартом установлено десять категорий. Все маги, получившие на Испытании оценку выше пятой категории имеют право бесплатно учиться в высших учебных заведениях Империи, если смогут выдержать конкурс. Способности Олега артефакт оценил, как мага шестой категории. Таких учеников в лицее было всего пятеро, и то, в старших классах. Все именитые, из Родов. На первом их Испытании артефакт определил у них пятую категорию, а до шестой они уже сами поднялись в результате упорных тренировок.

Заниматься магическими тренировками можно и до Инициации. Защитный кокон, который устанавливают на любого Одарённого в младенческом возрасте, в десятки раз ослабляет магию, но не лишает способности творить простейшие заклинания. Делается это, в первую очередь, для безопасности самого ребёнка. Сколько пожаров случилось из-за мокрых подгузников у малышей-магов, пока им не научились ограничивать способности в детстве.

Лицей Олег вспомнил в связи с преподавателем по социологии. Магов готовили, как будущих управленцев и руководителей. Законы развития общества, логику, построение переговоров им преподавал живой и непосредственный Юрий Филиппович. Один из любимых учителей Олега. Его-то парень и вспомнил, когда попытался самостоятельно найти нестыковки в статье профессора Чилинзарова.

– Развитие технологий провоцирует рост населения. Начинает появляться избыточный общественный продукт, происходит улучшение условий жизни и люди со спокойной совестью идут на увеличение численности семей. Верно и обратное утверждение. Прирост населения вызывает необходимость всячески улучшать и развивать технологии. Как

видим, процесс получается во многом взаимосвязанный. Стремительно растут потребности и они, в свою очередь, не менее успешно разгоняют следующий виток развития. Основную опасность в бесконечной гонке за растущими потребностями составляет отставание в области приобретения знаний. Общество потребителей истончает слой исследователей и мыслителей. Прогресс начинает приобретать однобокий характер, привлекая своих лучших представителей к удовлетворению задач потребления. Нарушается равновесие. Рано или поздно, но такие диспропорции вызывают застой и регрессию общества, – учил лицеистов Юрий Филиппович, пытаясь привнести в их неокрепшее мировоззрение тягу к знаниям и исследованиям. Понимали его не все. Половине класса предмет был не интересен, а из второй половины многих гораздо больше интересовали примеры, которыми учитель сопровождал свои лекции, чем те истины, которые он пытался донести до учеников.

Угличский лицей выгодно отличался от столичных не только тем, что преподаватели в нём добросовестно и с огоньком вбивали в головы учеников обязательные знания. В их лицее всячески приветствовалась способность к Творчеству. Не раз и не два случалось такое, что ученик, не выполнивший задание получал оценку «отлично», если мог представить убедительный результат своей самостоятельной работы, не предусмотренной никаким заданием, а выполненной по наитию.

Именно так однажды получилось у Олега. Задание на изготовление светильника, зажигающегося от прикосновения руки, он выполнить не успел. Зато сумел изготовить датчик, размером со спичечный коробок, который уверенно срабатывал, если в пяти шагах от него находился человек. Эту работу он и принёс Мастеру по артефакторике. Считать артефакторику просто одним из видов магии было бы немного ошибочно, хотя бы потому, что она по сути своей больше является наукой. Скорее – это магия объекта, позволяющая получить обычным вещам магическую составляющую. Олег в своём изделии использовал сплав техники, магии и добавил к ним катушку и электрическую батарейку. Сказать, что Мастер пришёл в восторг, будет неправильно. Он, как на чудо, смотрел на взаимодействие двух видов энергии. Магии и электричества.

Кроме высшей оценки, Олег тогда получил приличную премию из директорского фонда, а потом стал получать и отчисления по патенту на своё изобретение. Лицей вложился в регистрацию патента, выговорив себе половинную долю, но при этом взял на себя обязанности по распространению изобретения.

Обратной стороной медали стала установка его датчиков во

всех лицейских туалетах. Стоило туда зайти, как свет загорался автоматически. Такая слава обошлась Олегу в три драки и один полученный фингал. Ну, никак не хотели лицейские шутники угомониться по поводу «туалетных изобретений». Не расскажешь же им, что основным плательщиком, исправно, два раза в месяц переводящем деньги, стала армия. Подписку по такому поводу пришлось дать.

В представлении Олега его датчик должен был облегчить людям жизнь. Зажигать свет, заводить мотоциклы и автомобили, обеспечивать контакт с любыми устройствами, которые бы включались лишь при приближении людей.

Совсем иначе ситуация выглядит, если её рассмотреть с технической точки зрения. Например, в плане военного применения.

Обычными средствами, разработанными магами и армейцами для обнаружения стандартных мин, датчик Олега можно обнаружить с полуметра, или с метра, если оператор необходимого прибора опытен, и работает не торопясь. Однако сам датчик человека учует намного раньше. Раз в пять, а то и в десять. Хорошо ещё, если датчик будет подключен только к обычной тревожной сигнализации, а не к выпрыгивающей осколочной мине. Хотя, одно другому не мешает. По некоторым обмолвкам военных, Олег понял, что осколки могут быть необязательно из металла, существенно облегчающего поиск мины обычным армейским миноискателем. Керамика тоже имеет приличную плотность и твёрдость, при этом никакими существующими приборами она с расстояния не определяется. Только щупом и руками. Не бывает ни рук такой длины, ни щупа. Пять метров – солидное расстояние. Полкило взрывчатки, снабжённое парой-тройкой сотен керамических осколков – не самая радостная мечта любого злопыхателя, а также и сапёра, посланного победить им невидимое. Похоже, армия изобретение Олега приняла и достойно оценила. Судя по их платежам, датчики производятся по пять тысяч в месяц. Да и остальные пользователи патента не слишком отстают. Жить на такие отчисления можно вполне себе безбедно, хотя и далеко не роскошно.

Про роскошь Олег подумал, когда ему как-то раз пришлось посетить один не самый скромный магазин парфюмерии. Нет, так как бы всё понятно, но почему содержимое флакона женских духов, вполне возможно, что действительно доставленных от Франков, стоит чуть ли не на вес золота, было удивительно, и серьёзно ударило его по скромному бюджету. Про эту интрижку, в ходе которой он приобрёл первый опыт близкого общения с

противоположным полом, Олег старался не вспоминать. Дочка кондитера особых иллюзий не оставила, заранее чётко обозначив, что и за какие подарки он может получить.

Воспоминания о лицее отвлекли Олега от размышления над статьёй. Возможно, благодаря передышке, он сумел по-новому взглянуть на решаемую задачу, первоначальный ответ на которую показался ему неправильным.

Вспомнились слова механика, о том, что за все годы его работы магические двигатели никаких изменений не претерпели. Странно, их учитель утверждает, что развитие неизбежно, а у магов всё осталось таким же, как и тридцать лет назад.

Олег машинально выписал на поля газеты цифры, приведённые Чилинзаровым, относящиеся к росту населения. Произведя нехитрые расчёты, он с удивлением отметил, что количество магов в стране за пятьдесят лет почти не изменилось.

– И тут никаких отличий, так же, как и в самой магии, – проговорил он вслух, и снова начал, как маятник, бродить по комнате, – Ну да, сообщество магов не растёт, и не развивается. Всё правильно. Чилинзаров пробует доказать падение роли магов, рассматривая их, как часть растущего населения. Хотя, по сути, маги создали государство в государстве. Если рассматривать два сообщества отдельно, то видно, что одно растёт и развивается, а второе застыло на месте. Маги изначально хорошо устроились, и им не было необходимости что-то улучшать. Заменив утерянные технологии магией, они одним прыжком заскочили на верхние социальные ступени общества. А потом стало не до открытий, и не до науки. Появилась власть, кланы, интриги. Преподаватели не раз говорили, что они нас учат только основам и неоднократно сетовали, что огромный пласт знаний пылиться в библиотеках кланов, разбросанных по всей стране. Даже мой Род, на что уж был невелик, и то свои тайные знания имеет, – на этом месте Олег споткнулся, и бросился к дверям, чтобы посмотреть, не мог ли кто услышать его бормотание. К счастью за дверями никого не оказалось, и никаких шагов по жутко скрипучей лестнице он не услышал.

– Ладно, разминку для ума можно считать законченной. Спасибо этому профессору, который статью написал. Хорошо она иллюстрирует нынешнее положение дел у Одарённых. Пожалуй, мне и самому многие цифры и аргументы пригодятся, но не сейчас, а попозже, когда свои проблемы решу, – уже про себя подумал парень, собираясь ложиться спать.

Сегодняшняя ночь у него пройдёт без обучения. Дед строго-настрого наказал отдыхать после каждого десятка кристаллов со знаниями. Додумать мысль Олег не успел, почти мгновенно

проваливаясь в сон.

Глава 3

Первое, на что Степан обратил в Рязани внимание, был непривычный запах. Сладко-кислый дух жилых домов, бензиново-металлическая вонь машин, смог фабричных труб и яркие всплески ванили или корицы около булочных. Для парня запах большого города впервые воспринимался, как запах свободы и взрослой жизни.

Иди на все четыре стороны – знакомых не встретишь, как не встретишь и похожих людей. Горожане одеваются не так, как жители села. Каждый норовит вывернуться наособицу. Чего тут только нет. И трости, с резной рукоятью из кости с серебром, и лакированные штиблеты, и головные уборы самого разного фасона. Женщины так вообще… На одну Стёпа так загляделся, что чуть в столб не въехал. Идёт цаца, зонтик с кружевами, платье, как облако, так ещё и собачку с цыплёнка размером за собой на блестящем поводке тащит.

Много народа в большом городе. Очень много. С опасливым возбуждением парень дал несколько кругов по центру, привыкая к новым ощущениям. В одном месте остановился, наблюдая, как люди степенно прогуливаются по набережной, нет-нет, да раскланиваясь со знакомыми или обозначая такие приветствия касанием к головному убору. Стоять около пешеходной дорожки, и наблюдать, как горожане совершают променад, опасливо поглядывая на подозрительно серую хмарь низкого осеннего неба, можно долго.

Наблюдение прервал рослый полицейский, пару раз сердито зыркнувший на парня, а потом направившийся в его сторону. Дожидаться представителя власти Стёпа не стал, быстренько оттолкнувшись ногой от гранитного бордюра, он влился в редкий поток транспорта.

Стоило немного отъехать от центра, как разница среди гуляющих тут и на набережной, стала бросаться в глаза. На улицах замелькали длинноволосые парни, в компании таких же, как и они подростков и бесконечно хихикающих девиц, примерно с такой же причёской. Добавились служивые, в основном отставники. Появились мамаши с выводками детей. Особый контраст с набережной стал заметен на рабочих окраинах. Прежде всего потерялись цвета. Такое впечатление, что на глаза ему одели очки с серыми стёклами. Затем и дома стали съёживаться в размерах. Тут уже нет особняков, с окнами в два человеческих роста, львами перед входом и золочёной лепниной. И дома стали превращаться в домики, и окна в окошечки, да и

чугунные ограды видоизменились в покосившийся штакетник, местами зияющий дырами.

Дорога с каждым кварталом становилась хуже и уже. В безобразную грязь она перешла перед оврагом, по которому бежал вонючий ручеёк, а на той стороне оврага расположились хибары, сколоченные не понять из чего.

У Степана защемило сердце, когда он увидел старенькую бабку, волочащую через хлипкий мостик здоровенный куль с каким-то тряпьём. Стыдом окатило. Он тут остановился, молодой, здоровый, с деньгами в кармане, а ей может, сегодня и поесть вечером нечего. Казалось невероятным, что в нескольких минутах езды отсюда находится совсем другая, очень благополучная жизнь.

Месяцы спустя он поймёт, что жителей окраинных трущоб и впрямь можно считать уцелевшими счастливчиками. В город их согнал голод, нищета и война. Неспокойно нынче на окраинах Империи. Бегут оттуда люди, порой захватив с собой только то, что могут сами в руках унести.

Степан ещё несколько раз выезжал к окраинам, понемногу привыкая к городу. Не сразу, но он стал подмечать, что жители окраин не выглядят несчастными. Они часто улыбаются, во взглядах нет обречённости, да и сама атмосфера окраин веет безмятежностью и умиротворением. Они выжили.

Дом Авдотьи находился в Мещанской слободе. Она, в отличии от остального города, выглядела по-сельски пасторально. Широкие улицы, палисадники, за которыми не вдруг дом увидишь, и редкие прохожие, неторопливо шагающие по своим делам. Даже не подумаешь, что стоит пройти двести-триста метров и попадёшь на бурлящие жизнью городские проспекты. Город разросся, охватив слободу, с трёх сторон, и понемногу выжимал её к реке.

Поначалу Степан Авдотью не признал. Селянка, поменяв сарафан и платок на причёску и строгое платье превратилась в учительницу. Ей бы ещё очки нацепить, так совсем на завуча из его бывшего лицея станет похожа.

– Титан я затопила. Помойся с дороги. Потом дом покажу, – коротко сказала она, запуская Степана во двор. Суровая дама. Она и в селе была немногословна, когда его первый раз встретила.

– Садись к столу. Перекуси, и поговорим, – позвала его хозяйка, когда Степан, до скрипа отмытый под душем и переодевшийся в чистое, вышел в зал на первом этаже. Дом оказался не мал, но и не велик. На улицу строение выглядывало четырьмя окнами и небольшим балкончиком под крышей, – В

городе, как я поняла, ты уже жил. Значит тут особенно объяснять нечего. С утра завтра пойдёшь пострижёшься. Скажешь, чтобы подстригли, как для реального училища. Потом по магазинам вместе сходим. Городскую одежду тебе надо на осень купить. Учиться будешь, или работу надумал искать? – Авдотья разговор начала не сразу. Выждала время, занявшись приготовлением чая на кухоньке, примыкавшей к залу.

– В училище вечернее пойду. В электромеханики, на платное обучение, – положил Степан вилку с ножом на стол, показывая, что сыт, – А там, глядишь, и работать куда устроюсь.

– На людях звать меня будешь Авдотьей Николаевной, во дворе иногда кричи – тётка Авдотья, чтобы соседи услыхали. Для всех ты мой дальний родственник, седьмая вода на киселе. В город учиться приехал, да за городским домом приглядеть, пока меня нет. Я в город-то только на зиму наезжаю. Соседка моя, Варвара, с приборкой да стиркой поможет, и собаку доглядит. Я ей приплачиваю за это. На днях околоточный заглянет. Документы твои посмотрит и в домовую книгу впишет. С ним особо не крути. Он только с виду простой, а всякие несуразности враз заметит. Надумаешь уехать куда надолго, напиши мне письмо в село. Оно дня за четыре дойдёт. Чаю попей, да пойдём, схроны тебе по дому покажу, чтобы тебе лишнее чего было куда с глаз убрать.

* * *

Михаил Первый, Император Всероссийский, Великий Князь Московский и Коломенский, Князь Вятский, Югорский, Государь и Великий Князь Черниговский и Ростовский Рюмин Михаил Фёдорович отдыхать изволили в малой гостиной, беседуя со своим ближником, Князем Владимиром Романовичем Обдориным-Тверским. Друзья детства, оба они расположились вольготно, раскинувшись в мягких диванах и отдыхая от долгого разговора с боярами. Через полчаса им предстоит новая встреча. В летнюю резиденцию Императора уже начали съезжаться промышленники и банкиры.

– Что, Володя, правду ли бояре говорят, что мы земли окраинные потеряем? – поморщился Государь, шевеля плечами и разминая уставшую спину.

– Правда, она штука такая, как драчун, что ко всем лезет, а им приходиться вид делать, что такое поведение всем нравится. Земли-то не мы пока теряем, а они. Государственные войска в бой ещё толком и не вступали, кроме небольших приграничных

гарнизонов. Продавили враги местами границы там, где дружины княжеские с ополчением местным оборону держат. Свои войска мы по плану разворачиваем. К концу осени кого надо остановим, а по зиме в наступление перейдём.

– Не заиграемся? Далеко же местами супостаты на наши земли зашли.

– Города больно уж хорошо людьми расти стали, – хитро улыбнулся князь Обдорин, искоса глянув на Императора, – Охлопьев на днях говорил, в Москву по две тысячи в иной день прибывает беженцев-то. Да и другие городишки прирастают неплохо. Сам знаешь, не будет людей в городах, не увидим мы промышленности. Стервятники-то к тебе не просто так слетелись, – кивнул князь на раскрытое окно во двор, где раздавался шум подъезжающих автомобилей, – Раньше всё плакались, что рабочих им не хватает. Интересно, что теперь говорить станут. А земли… Землями к весне прирастём с прибытком. И заметь, не вотчинными, а государственными. А князья пусть правят на тех, что сами удержать смогли от врага малого. Сами себе дружины серьёзные истребовали через Думу. Криком кричали, что свои земли собственными силами оборонят. Так что, всё справедливо выйдет. Что смогли оборонить, то их и останется. На то льготы им всем даны нешуточные, кто в Приграничье хозяйствует. Поэтому всё по-честному. Считай, раз они государству почти ничего не платят, под обещание службой отслужить, так и государство им тогда не многото и должно в ответ. Оружия, патронов и обмундирования они вдоволь получают. В воинском обучении в государственных академиях их посланцы тоже большие преференции имеют.

– В целом план хорош. Людей жалко.

– Нормально всё с людьми. Четыре службы на беженцев день и ночь работают, – поджал сухие губы князь Обдорин, – Боярство давно бы надо приучать к тому, что за слова свои ответ держать придётся. Гвоздями калёными за язык их длинный и лживый к столу пора начать прибивать. Ишь, привыкли всё горлом брать, бородами трясти да знатностью мериться, а как до дела дошло, так к тебе побежали. «Спа-аси, благодетель», – противным козлиным голосом передразнил князь недавние боярские речи.

– Ну, ладно-ладно, чего разошёлся-то.

– Да обидно, Миш. Помощи от них никакой, сами они, как пауки в банке, так ещё и вперёд двигаться не дают. Как гири чугунные пиявками к ногам присосались. Шагу не сделай, чтобы кто-то да вопить не начал, что это «супротив славных традиций» и «в ущерб вольности дворянской».

– Всё равно. Помягче с ними. Нам сейчас заговоры и бунты не

ко времени. Заодно подумай, может гвардией моей личной лишний раз озаботиться? Сотенку летунов грамотных в полк добавить? Поостерегутся бунтовать против такой-то силы.

– Летунов-то найдём, не проблема, а вот с доспехами гвардейскими может и не получиться. Измятьев мне тут докладывал, что соседи Род Бережковых под корень извели. В резерве у полка лишь полсотни Бережковских накопителей осталось, и те скоро самим на замену потребуются. Придётся твою сотню новую обычными, армейскими доспехами снаряжать.

– Ты что говоришь! Да каждый гвардеец у меня против двух, а то и трёх армейцев сражаться может. И обучены они под гвардейский стандарт. Может и мне свой МБК на стену повесить? – вскипел Государь. Службу свою он отслужил в гвардии. До сих пор смотр полка принимает в собственном МБК летая, – Я тебе для чего столько прав и полномочий дал? Чтобы ты мне гвардию под нож отправил? Сам говорил – время военное, требования другие. Вот и обеспечь мне гвардию доспехами, а свары внутри страны прекрати.

Поникнув, для вида головой, князь Обдорин выслушивал несправедливые упрёки своего друга. Государь горяч, но отходчив. Своих пилотов-гвардейцев он поимённо знает и была бы на то его воля, он никогда бы не поменял МБК на трон. Душой он до сих пор там, в небе. Недаром всё своё свободное время среди гвардейцев проводит. Хотя сколько у него, того времени свободного. Хорошо, если раз-другой в неделю вырвется. А уж если полетать вдоволь удастся, так дня три потом цветёт и улыбается.

К делу Бережковых придётся орлов из Тайной канцелярии подключать. Повод на то есть более чем серьёзный. На производство накопителей Бережкову триста килограммов золота от Оружейной палаты было выделено. Кто-то должен будет за утерю казённого драгметалла ответить. Накопители Бережковские не простые. Мощности большой и отдачи неимоверной. Обычные металлы работы в накопителе не выдерживают, окисляются моментально. Сколько раз уже пытались эти изделия Бережковых скопировать, и не счесть. Там не только всё в контуры упирается. Кристаллы Бережковы ставят из искусственных алмазов огромного размера. Остальные мастера, сколько не бьются, больше, чем с ноготь кристалл вырастить не могут.

Чем только тот алмаз не пробовали заменить. И чистейшим хрусталём горным, и иными камнями, как выращенными, так и натуральными, ан нет. Совсем не тот коленкор. Ни запаса по энергии, ни отдачи одномоментной ни разу не повторили.

Потому и называют пилотов армейских МБК «горбатыми». Тем ранец бронированный приходиться на спине крепить с накопителями, которые всё равно похуже выходят, чем у гвардейцев. И мощность меньше, и вес на пятьдесят килограмм больше.

– Да слушаешь ли ты меня? – хлопнул Государь ладонью по столешнице, расплескав вино из бокалов, которые так и простояли нетронутыми.

– Всё сделаю, как велишь, – почтительно ответил князь, определив опытным взглядом, что гроза миновала, пока он размышлениями занимался. Теперь немного обиды в голос, и почувствует его старый друг себя неловко. Оба же знают, что нет никакой вины князя в межродовых разборках, – Наместника своего опять трогать не позволишь, если он при деле окажется?

– Коли накопители сможешь вернуть, то позволяю, – отвёл Император взгляд в сторону, выдавливая из себя слова. Помолчал, и уже просительным тоном добавил, – Володя, ты мне хотя бы ту сотню накопителей найди, которые Бережков сдать должен был. Ну, не могли же они бесследно пропасть. А там за год-другой, глядишь, и придумаем им замену.

Негромкий стук в дверь прервал молчание друзей.

– Приглашённые прибыли все. Ожидают в Совещательной палате, – вполголоса доложил третий секретарь Императора, высунув голову из приоткрытой двери.

* * *

Про недельный отпуск, понадобившийся ему, якобы для поездки к далёкой родне, Олег начал договариваться заранее. Согласился и в выходные поработать, и сверхурочно оставаться когда надо, лишь бы отпуск себе выхлопотать в нужное время. Можно было бы уже и совсем увольняться. Всё что ему было нужно он узнал. Однако, не стал. Что-то удерживало его и в мастерской, и в этом городе.

Замечательные отношения у него сложились с Иваном Силычем. Старый механик оказался занимательным рассказчиком, а Олег умел быть внимательным слушателем.

– Умеешь ты слушать, паря. Это, скажу тебе, талант редкий. Не всякий рассказчик устоять сможет, как почувствует, что его ТАК слушают. А у тебя дар просто, – похвалил его однажды механик, когда они оба поняли, что засиделись со своими беседами за полночь.

Неожиданно близко сошёлся Олег и с купцом Киякиным.

Вышло это случайно. Олег как-то помог Силычу установить перебранный двигатель, и отошёл в сторону, дожидаясь, пока механик смонтирует на него навесное оборудование. Места для двоих в моторном отсеке гондолы дирижабля не предусмотрено. Внимание Олега привлёк купец, который сам бодро участвовал в ремонте, переодевшись в спецовку. В какой-то момент купец, и двое его помощников, вдруг резко загрустили, а их поведение и выражение лиц напомнило Олегу один случай в Угличе. Примерно так же себя вела однажды блондинка, пинающая острым носком туфельки колёса заглохшего лакированного кабриолета. Проходящие тогда мимо парни спасли девушку, через минуту обнаружив, что у её красивой игрушки просто-напросто закончился бензин. Вот и купец с товарищами очень живенько походили на ту блондинку, когда разглядывали что-то под открученной ими панелью. Даже выражение её лица сумели повторить. Из любопытства Олег подошёл поближе и поглядел через плечо одного из участников действа на раскрытые внутренности.

– «Эх, ручонки бы оборвать по самые яйца, тому, кто такое слепил», – мелькнула у него в голове первая мысль, когда он увидел кустарные поделки неведомого умельца, должные изображать узел управления магической энергией. Дед его жёстко натаскивал по высочайшим Имперским стандартам, не стесняясь сурово наказывать за допущенные ошибки. Пару раз довелось даже в холодном чулане ночь провести. А сколько раз его без обеда оставляли… До рукоприкладства Дед ни разу не дошёл, но и словами мог так стегануть, что уж лучше бы ударил от души.

– Надо же, непотребство-то какое, – чуть слышно пробормотал про себя парень, и тронув ближайшего к нему ремонтника за плечо, подсказал, – Дядя, вы бы сначала контакты в двух местах зачистили, а вот ту шаговую линейку вообще бы выкинули, и поменяли на нормальную, хоть от того же транспортника военного.

– А, э-э. Ну, привет, племянничек. Ты откуда тут взялся? – обернулся к нему купец, разглядывая парня.

– Так мы эта, двигатель привезли, – попытался Олег закосить под деревенского увальня.

– Эт-та, – с удовольствием повторил купец, крайне правдоподобно изобразив эстонский акцент, – Ты мне, парень, дурочку-то не лепи. Контакты я и сам уже вижу. Про линейку рассказывай.

– Так неправильная линейка, как вы ещё с него не попадали-то все, – кивнул Олег на дирижабль. «Кривая» линейка может так дирижабль перекосить, что весь груз внутри него по палубе

поедет, и тогда уже ничего воздушное судно не спасёт. С тем, что у них стоит, никаких манёвров резких делать явно не стоит. Не дирижабль, а норовистый мустанг получается.

– Упс-с. Ваня, Кирюша. Стол накройте в темпе в кают-компании, почаёвничаем. Пошли-ка племянник внутрь, побеседуем о делах наших лётных, – ухватил Олега за рукав Киякин, потащив его к раскрытым дверям гондолы дирижабля.

– Не, Иван Силыч сейчас с двигателем закончит, и мне дальше работать надо идти, – попробовал отбрехаться Олег.

– Силыч! – прокричал купец в сторону моторного отсека, – Я парнишку твоего на час заберу. Не возражаешь?

Взмах руки механика из люка все восприняли, как знак согласия.

– Летал на дирижабле? – поинтересовался Киякин, проводя для парня небольшую экскурсию по дирижаблю.

– Четыре раза, но давно, я тогда мелким был.

– И куда же ты летал?

– Один раз к морю, а другой раз – на материк, – сходу сочинил Олег подходящую его легенде сказку, – Мы в Крыму тогда жили.

– Вот и пришли, присаживайся.

– А откуда про магические устройства знаешь? – спросил один из мужиков, работавших вместе с купцом. Он принёс большой заварной чайник, накрытый полотенцем, и уселся рядом с ними за стол.

– Учитель у нас хороший был. Старый только. У него зрение как стало совсем никудышное, так он из мастеров в учителя перебрался. Работать уже не мог, а показывал и объяснял всё очень толково.

– Угу, и ты, значит, тоже можешь понятно объяснить, что у нас с линейкой не так? – наливая чай в чашки, поинтересовался не представленный ещё Олегу собеседник.

– Хороший чай. Я бы даже сказал отменный, – словно не услышав вопроса отозвался Олег, махнув пару раз рукой над чашкой и подгоняя к себе чайный аромат, – И на вкус очень даже недурственный. Вот только воду лучше бы родниковую пользовать. А то привкус металла заметен. Кстати, меня Алексеем звать.

Чай Олег стал пить так же, как и купец, с блюдца. Больно уж он горяч.

– Иван… Иван Алексеевич, – представился мужик, после того, как купец пару раз кхекнул, выслушивая спич парня про достоинства чая.

– Линейка у вас, Иван Алексеевич, не очень хороша. Сдаётся

мне, что летать с ней не просто, – в последний момент Олег сообразил, что эту поделку мог изготовить кто-то из экипажа, и решил не хаять чересчур чужой труд. Поставив блюдце на стол, он аккуратно промокнул салфеткой вспотевший лоб.

– И чем же она вам, молодой человек, не угодила? – поинтересовался купец. Он тоже закончил чаепитие и откинувшись на спинку дивана, с улыбкой наблюдал за разговором.

– Простая слишком. Был бы у вас дирижаблик небольшой, вроде курьерского, на пару продольных компенсаторов, то тогда ладно. А у вас их четыре, и они разнесены по углам рамы. У вашей линейки нет обратной связи. Значит и рама постоянно наперекос работает.

– Что скажешь, Иван Алексеевич? – с ухмылкой поинтересовался Киякин у своего товарища, явно забавляясь возникшей ситуацией.

– Что скажу… Скажу, что я как раз на курьере и летал. Не было там никакой обратной связи. И линейки эти я пару раз сам делал. За три года никто не угробился, – огрызнулся мужик, и сердито засопел над вновь налитой чашкой чая.

– Для транспортника линейку на коленке не сделать. Она – прибор точный и непростой. Тут даже наша мастерская не справиться, – почесал Олег затылок, – Странно, вроде и дирижабль у вас добрый, а цепи управления никуда негодные стоят.

Мужики переглянулись и зашлись довольным смехом.

– Мы же из двух списанных один собрали. Новый-то года два строить будут, и денег он безумных стоит. Никакой торговлей столько не заработать. Тут нам армейские друзья подсобили по старой памяти. Понятно, что перед списанием механики всё ценное ободрали, так и мы, считай, за бесценок у них отоварились. А так-то да, никто из нас до этого на транспортах не служил. Мы с Кирьяном на боевых летали, а Ваня на курьере. Ясен пень, что большие грузы никому по службе возить не довелось. Вот и не знаем мы толком ничего про все эти транспортные тонкости.

– Неужели дирижабль два года строят? – выловил Олег из разговора удивившую его информацию.

– Для гражданских это так. Верфь сначала военные заказы клепает, а гражданские суда доделывают по остаточному принципу. Да и очередь там стоит немалая, – впервые подал голос Кирьян.

– Ты лучше вот что скажи. Если я достану эту линейку, ты сможешь её установить? – спросил купец, потирая руки.

– Не, – замотал Олег головой, – Вам хороший специалист нужен. Чтобы в марках и типоразмерах разбирался. Энерговоды вам грамотно развёл. Контакты все на штатные заменил. Короче, знания нужны специфические. Тогда всё сбалансировано работать будет. Сейчас у вас процентов тридцать энергии попусту уходит, а то и больше.

– Ой ли… Не ошибаешься, случаем? – недоверчиво прищурился Киякин.

– А вы со стороны пригласите кого-нибудь разбирающегося в этом деле, и послушайте, что он вам скажет, – глядя купцу в глаза ответил Олег.

– Похоже, парень дело говорит, – задумчиво протянул Кирьян, обращаясь к купцу, – Может, скатаемся до армейцев. Я там много с кем знаком. Поди, в простой-то консультации не откажут.

– А сейчас и съездим, – решил Киякин, – Ты тоже подходи, как увидишь, что мы вернулись, – обратился он к Олегу.

Армейская часть была расположена на другом конце поля, но въезд на ограждённую территорию у неё организован со стороны города. Звук автомобильного клаксона Олег услышал минут через сорок. Купец сигналил, давая знать, что они вернулись. Он отпросился у Силыча, и поспешил к дирижаблю.

Привезённый купцом консультант оказался франтоватым мужчиной, лет тридцати пяти. Такой вид ему придавали тонкие усики, с закрученными вверх концами. Поверх добротного технического халата он набросил офицерский плащ. Оглядев дирижабль со стороны, консультант удивлённо покрутил головой и пошёл осматривать предложенные его вниманию потроха, выглядывающие из проёма на месте снятой панели.

Посмотрев на открывшуюся конструкцию, офицер оглянулся на пилотов, вытащил пенсне, и стал разглядывать внутренности уже вплотную, чуть не утыкаясь носом в детали. Вылез он с вытаращенными глазами, и прежде чем начать говорить, выразительно покрутил упёртым в висок указательным пальцем.

К концу ремонта дирижабля Олег познакомился и с купцом, и с его магами Иваном и Кирьяном, и с капитан-техником второго ранга Усольцевым Игорем Семёновичем. Хозяйство при каптёрке Силыча обзавелось фарфоровым заварником, ведёрным самоваром и вполне приличным набором пиал, пусть и фаянсовых, но вполне симпатичных и новых. Самовар притащил из дома Силыч, а остальное подарили «прихожане». Так старый механик окрестил купца с его командой и армейского техника, полюбивших вечерние чаепития под навесом, с видом на лётное поле, дирижабли и реку за ними.

Хотя началось всё с подарка. От денег за свои советы Олег отказался дважды, как их купец ему не навяливал. Киякин поступил хитрее, он прилично доплатил мастерской, и однажды начальник выдал Олегу премию в размере месячной зарплаты. От себя Киякин подарил две здоровенные жестяные коробки цейлонского чая, с которого и начались их посиделки в уже увеличенном составе. Эмалированные кружки, с помятыми боками и облупившейся местами эмалью, собравшиеся гости дружно назвали нонсенсом, не соответствующим качеству напитка.

О чём только не говорят мужики вечером после работы.

О дирижаблях, о ба… дамах, о службе, о деньгах и их роли, о пограничных конфликтах, которые понемногу переросли в полноценную войну, о политике… Да всего не перечесть.

Трудно объяснить почему, но в этой компании у Олега впервые возникло чувство дома, ощущение защищённости, и вера в то, что всё будет хорошо. До этого он словно был контужен обрушившимися на него событиями, потерей родных и как-то замкнулся, ушёл в себя. Его душа словно спряталась где-то внутри, и всё происходящее он воспринимал, как наблюдатель со стороны.

Обычное человеческое общение, интересная работа, новые знакомства – Олег зацепился за них, как за якорь и понемногу сам себя стал вытаскивать из опустошения и чувства горя, из воспоминаний о прошлой жизни.

Близко сошёлся Олег и с маготехником Усольцевым. Речистый купец уломал таки офицера заняться его «ласточкой». Дело дошло до того, что офицер взял неделю в счёт отпуска, и получив Олега в подручные, принялся за работу.

Работать с Усольцевым интересно и познавательно. Мечтал человек стать учёным. Аспирантуру закончил после института. К значимому академику в коллектив попал. Только титулованный учёный не любил «самодеятельности». Так он называл попытки своих сотрудников заниматься собственными темами, а не теми, которые были утверждены планом его работ.

И ладно бы, его требования относились только ко времени работы, так нет. Стоило новому аспиранту написать статью по абсолютно посторонней теме, работу по которой он самостоятельно провёл в свободное время, как Усольцев почувствовал всю силу гнева своего начальника. Помыкавшись три года, Игорь Семёнович перешёл в другое учреждение.

Там работать над собственными изобретениями начальник не мешал, но все достижения без малейшего зазрения совести присваивал себе. Любая мелочь, пусть даже небольшая статья в

научный журнал, шла обязательно под его фамилией, и лишь потом, мелкими буквами указывались настоящие авторы.

Время шло, творческие порывы сменила нудная рутина, а тут ещё и семья появилась. Недолгая семейная жизнь закончилась грандиозным скандалом и разводом, а армия получила перспективного инженера-техномага, подписавшего пятилетний контракт.

Пять лет службы закончатся через семь месяцев. Командир части уже зондирует офицера на продление контракта, обещая скорое повышение в чине, но в жизнь техномага вмешалась весёлая вдовушка. Общительная, занятная, кроме приятной внешности и замечательного характера она обладает ещё многими несомненными достоинствами, к которым относится большой доходный дом на одной из центральных улиц. На первом этаже расположена ювелирная мастерская, ранее принадлежавшая её погибшему мужу, и ювелирный же магазин, который она уже устроила сама.

Бравого офицера Софочка Гольштейн приметила через год после смерти мужа, убитого ночными грабителями. Усольцев зашёл в ювелирную мастерскую, решив заказать амулет на юбилей своему командиру части. По сути, он лишь немного улучшил свою студенческую разработку. В годы бурной студенческой молодости, когда вопрос утреннего похмелья встал во всей своей красе и плотно начал мешать учёбе, в будущем техномаге проснулся талант. Буквально по наитию он соорудил амулет, полностью снимающий похмельный негатив. Пьяная беседа с таким же студентом целительского факультета однажды поутру преобразовалась у техномага в удивительно гармоничное плетение по принципу «три в одном». Амулет оказывал лёгкий целительный эффект, снимал интоксикацию и добавлял заряд бодрости. Камушка, в миниатюрном подобии накопителя, хватало раз на десять. Если учесть, что маги-целители одну такую услугу оценивают в двенадцать рублей серебром, то… Убедительно выходит.

Софочка, существо милое и легко порхающее по жизни, отличалась железной деловой хваткой. Моментально оценив коммерческие перспективы амулета, она со всей своей милой непосредственностью предложила офицеру пять процентов от прибыли при его производстве, и даже прощебетала, что все затраты на патент готова нести на своих хрупких женских плечах. Про её плечи офицер отозвался возвышенно, даже поэтично, а во всём остальном решительно ей отказал.

Второй этап, на котором Софочка согласна была обсуждать отчисления в пятнадцать процентов, они провели в отдельном

кабинете ресторана. Чтобы не выходить из переговорного процесса, разговор про тридцать процентов решено было перенести в Софочкин будуар.

За ночь вдовушка в коммерческих переговорах продвинулась не сильно, но между делом сумела выпытать кое-что о студенческой юности офицера. Уяснив, что подобных амулетов разного назначения он только в студенческие годы придумал больше десятка, Софочка тут же познала, что такое первый оргазм, а заодно её проняло чувство чистой и истинной любви. Если бы не вовремя закушенная намертво подушка, то капитан одним рывком мог бы поднять свои отчисления в тот миг до сорока девяти процентов. Насколько иногда простые слова могут оказаться круче секса!

Бравый капитан не стал возражать, когда Софья во время изумительно вкусного завтрака отправила свой экипаж за его вещами. Даже записку сопроводительную написал. Переговоры вещь серьёзная, их просто так не бросишь. Под утро Софочка вроде бы совсем уже готова была поговорить про тридцать пять процентов, но помешал дворник. Сбил с такта, гад. Нельзя метлой так часто махать. Утро мягче надо встречать, со вкусом. Не вжик-вжик-вжик, а вжи-ик, вжи-ик.

Свои планы и похождения капитан умел рассказывать без малейшего налёта скабрезности, с тонким чувством юмора, и рациональной долей житейского цинизма.

Похоже, что основу их отношений с вдовушкой составляет союз единомышленников, притяжение двух половинок, которые взаимно дополняют друг друга, а всё остальное для них не более, чем красивая и увлекательная игра.

Как бы то не было, а настал день лётных испытаний.

Дирижабль пригрузили двадцатитонным балластом, ещё три тонны добавили в отсеки гондолы, довели закачку гелия до нормы и начали травить тросы. Со ста метров, прогрев двигатели и сбросив вышибные карабины, судно пошло на ветер, понемногу наращивая положительный тангаж.

– А-а сказка!

– Парни я вас всех расцелую, а не, лучше напою до поросячьего визга! Прикиньте, ощущение такое, что до этого мы ездили на двухколёсном самосвале.

– Я полон энергией! Словно и не летал.

Экипаж вывалил на поле из обеих дверей. Улыбки до ушей. Мотористы кинулись к Силычу, маги к Усольцеву, а к Олегу подошёл один Киякин.

– Мы завтра улетаем. Вернёмся дней через десять. Как прилетим, на обед тебя приглашу. Придёшь? – купец засунул

большие пальцы в карманы жилетки, а ладонями похлопывал себя по животу. Лицо довольное, как у кота, объевшегося сметаной.

– Это с чего бы честь-то такая? Степан Васильевич, только не говорите мне, что вы сами это придумали, – глянул Олег на купца, через смеющийся прищур глаз.

– Да я, у себя дома… – вскинулся купчина.

– Я про обед спрашиваю, – мягко перебил его Олег.

– Хм, про обед точно не сам, – с удивлением признал Киякин, – От же бабы, – хлопнул он себя по ляжкам, – Не, ну надо же так мне было мозги запудрить, что я чуть было в спор не кинулся. А ведь точно. Дочь мне на уши присела.

– Да ладно… – удивился в свою очередь Олег, – Она меня если и видела когда, то один раз, и то далеко не в лучшем виде.

С дочкой купца Олег встретился, когда катил к мастерской бочку с отработкой. Замена отработанного масла в двигателях дирижабля, льющегося с высоты в два с лишним метра, да при порывистом ветре на поле – это не тот аттракцион, который вызывает радость. В почерневшей отработке Олег уделался на совесть. Не помог ни кожаный фартук, ни кепка. Даже в глаза попало. Пришлось их протирать, размазав остальное масло по всему лицу.

– Ой, папа, смотри. Негр бочку катит, – светловолосая девчуля, раскрыв рот и васильковые глаза встретилась ему на углу стоянки, рядом с которой у них установлена ёмкость для слива отработки.

– Бамбарбия Кергуду! – на автомате отреагировал парень их старой лицейской шуткой, и для полноты эффекта, демонстративно облизнувшись, клацнул оскалом белоснежных зубов, и выкатив белки глаз, добавил, ощерившись. – Ням-Ням.

Барышня с заполошным визгом кинулась в объятия Киякина, который, подыхая от смеха, тихо сполз по стене на приступок фасада.

– Видимо запомнила. Ну так придёшь, не побоишься? – попытался взять парня «на слабо» купец.

– Приду. Только ты сам смотри не испугайся, – впервые обратившись к купцу на «ты» ответил Глава Рода Бережковых.

Глава 4

До войны Камышин был небольшим городом, с населением в сто десять тысяч человек. Надо сказать, что война почти не затронула сам городок. Ни одной постройки разрушено в нём не было. После того, как первые волны беженцев принесли с собой эпидемии смертельных болезней, власти стали действовать крайне решительно. За три дня были выселены все жители из Николаевска, который находился на противоположном берегу Волги, напротив Камышина, и всех беженцев заселили в опустевший город. Крупные областные центры вокруг были превращены войной в руины, и Камышинское княжество начало прирастать народом. Волга помогла пережить голодные годы ядерной зимы. Десятки тысяч людей кормилось с реки и помогали выжить ещё сотням тысяч. На полях, где раньше росли знаменитые камышинские арбузы, стали выращивать морозостойкие сорта овощей и зерно. С потеплением население начало расползаться от реки, чему не в малой степени способствовал князь Гончаров. Помогал новым хуторянам и деньгами, и семенами для посева. Да и бояре целыми Родами к нему под руку пошли. Как-то само собой получилось, что выросло княжество, утвердив свои границы по Дону, реке Урал, северному побережью Каспия, а по Хопру и Суре дотянулось до бывшей Пензы. Громадная территория, одна из самых богатых землями и населением. Иная страна поменьше будет. Продовольственная житница Империи. Почти треть всех продуктов, мяса и рыбы отсюда везут, а сахара так и вовсе больше всех остальных, вместе взятых. Свёкла тут сахарная уж больно хорошо родится.

Купцы камышинские быстро поняли все выгоды своего положения. Волга и Дон стали для них основными транспортными магистралями, а продовольствие – главным товаром.

С ростом купечества понемногу начал оживать и гигантский хлопчато-бумажный комбинат. К слову сказать, самый большой в Европе был в довоенные годы. К списку товаров добавились ткани. Пообносился народ. Нарасхват ткани пошли.

Купец Липатов Ерофей Константинович в первую сотню камышинских купцов не входил. Собственно, и во вторую тоже. Устроился он где-то в середине третьей. И то хлеб. Купец-то он всего лишь в третьем колене. Первая сотня купцов поколений десять насчитывает. Успели все важные позиции да маршруты загодя под себя подмять. Торговать начинали на тех кораблях, что после войны уцелели, а потом и свои верфи в городе появились.

Новые пароходы в самом Камышине делать стали. Железную дорогу смогли восстановить, и до Дона продлить, а вот до Урал-реки пока не сподобились. Неспокойная там ещё территория. Страшновато купцам в «железку» по степям такие деньжищи вкладывать. А ну, как нагрянут лиходеи, да порушат всё. Не раз уже степи казахские хунхузы свободно проходили. Словно нож горячий сквозь масло. На Урал-реке их и останавливала княжья дружина, да потом и войска государевы.

С одной из таких битв и начался их купеческий род. Прадед его, Семён Липатов, десятником был в Бережковской сотне, что службу несла вместе с княжеской дружиной. Знатно они тогда повоевали. Вот только пуля хунхузская прадеду плечо раздробила, да отсушила руку. Вывезли прадеда до Камышина, а там его дочка старосты артельного выходила. Много девушек тогда в медсёстры подались. А пока лечила, да на ноги поднимала, любовь-то у них и сладилась.

Староста артельный, что четыре рыбацкие ватаги на Волге держал, счастью дочери единственной препятствовать не стал. Воину увечному отдал под начало свои торговые места в городе, да с купцами нужными свёл. А уж когда боярин Бережков ему патент выкупил купеческий, да своим родовым купцом назначил, так и начало их дело торговое расти.

Князь Гончаров тоже не забыл, с чего купец-то об одной руке, считай, стал. Неплохим домом наградил на свадьбу, и сам отцом посаженным выступил со стороны жениха. И честь великую воину оказал, и самым непонятливым дал понять, что Липатовы у него под личным присмотром состоят. Обзавидовалось купечество, но зла не затаило. Больно уж слава о той битве на Урал-реке прогремела. Один в пять наши бились, а разгром врагу нанесли и на свою землю не пустили. Домой меньше половины воинов вернулось, и те почти все изранены. Особо тут не позавидуешь. Не каждый из купцов готов свою голову сложить за земли и народ, да и навыки воинские с делом купеческим совместить нелегко. Это с виду купец толст и благополучен. На самом деле работы у него невпроворот. Всё требует присмотра и контроля, а уж чтобы ещё и нос по ветру держать – тут особый талант нужен. Нет времени у купцов, чтобы по полдня штыком махать, да на полигонах по мишеням стрелять.

С годами вышло так, что Бережковские накопители магической энергии только через Липатова и можно стало заказать. Не жаловали Бережковы иных покупателей, как те не пытались соломку мягко стелить. Напрямую дело имели только с Оружейным приказом, да с купцом своим. Вроде и мелочь. Накопители кто только не делает. Те же Мансуровы, к примеру.

Много они накопителей производят, и по цене они у них дешевле. Ан нет. Цена хоть и пониже, а качество заметно пожиже. Втрое против лучших Бережковских проигрывают, что по запасу, что по отдаче одномоментной.

Услышав шум во дворе, купец поднялся с кресла, и зябко кутаясь в халат, подошёл к окну. Не вовремя простыл он, вот и отправил сына с охраной в контору, как узнал, что привезли инкассаторы посылку с заказами. Не верилось ему, что заказ выполнен будет. Долетели уже до Камышина вести о гибели главы Рода Бережковых.

Вслед за сыном из его автомобиля выпорхнули две сестрёнки-близняшки, радость и отрада сердцу отцовскому. После неожиданной кончины жены, год назад умершей от сердечного приступа, и похоронки на старшего сына, погибшего на войне, только эти болтушки могли вызвать улыбку на лице купца. Крепко он сдал, после свалившегося горя. Поседел, сгорбился, осунулся на лицо. Теперь и приболел ещё, чего с ним давно не случалось.

Проследив, как охранники вытащили из машины два небольших, но тяжёлых ящика, а сын нагрузился картонными коробками, перевязанными лентами, Ерофей Константинович пошёл встречать прибывших. Запамятовал он, что дочки к первому балу готовятся, хоть и трещат они по этому поводу, как сороки, уже не одну неделю.

– Ящики в обеденный зал заносите, а вы цыть к себе. Позже наряжаться да показываться будете. Дела пока у нас, – скомандовал он с лестницы, пряча улыбку в густые усы.

С приездом детей дом, казалось, стряхнул с себя сонную грусть и наполнился жизнью.

Зайдя в прихожую, дочки тут же изрядно потеряли в чопорности, положенной им на людях, чмокнули брата в щёки, и похватав коробки унеслись на свою половину. Эх, достанется же кому-то вскоре такое чудо! Веселушки, подвижные, словно капельки ртути, умом не обделены, и Дар магический есть, пусть и слабенький. А уж пригожие какие!

Встряхнувшись, словно пёс, вышедший из воды, купец поспешил в зал. Давно его одна догадка мучила, вот и ждал он подтверждения своим мыслям с прибытием этого заказа.

– Неси сюда шкатулки, и фонарик новомодный захвати, – скомандовал он сыну, нетерпеливо поглядывая на ящики.

С детских лет Ерофей Константинович не пропустил ни одного накопителя, чтобы не посмотреть сквозь рёбра контуров на игру камня. Некоторые он откладывал сразу в сторону, а в иные мог смотреть подолгу. Камни в накопителях только с виду

одинаковы. Оттого и важно почувствовать душу камня. В одном затаились лучи солнца и ощущение тепла, в другом шелест листвы и дыхание весны, в третьем можно почувствовать шум прибоя и журчание родникового ручья. Константин Иванович, отец Ерофея, называл сына фантазёром, но признавал, что оттенки на камнях он подмечает самые мельчайшие. На работе накопителей такие мелочи никак не сказывались, но купец так и не отказался от своей привычки. Своё ощущение камней он держал в тайне, чтобы не прослыть чудаком. Откуда взяться душе у искусственных алмазов…

* * *

Шок и необычное волнение Ерофей Константинович впервые испытал не так давно, года три-четыре назад. Тогда он первый раз увидел необычные камни. Практически бесцветные, с едва уловимым налётом синевы, они ощущались, как бескрайнее безоблачное небо, которым можно любоваться бесконечно, и давили своей силой, словно упругий ветер, готовящийся сбить тебя с ног. Такой чистоты, мощи и ясности ощущений купец не испытывал ни разу. Чтобы проверить себя, он прихватил с собой три разных образца и поехал к школьному другу, Аристарху Соломоновичу, ювелиру-артефактору. Ювелир был одним из немногих, кого купец частично посвятил в свои исследования. Посмеиваясь, мастер изучил камни, а потом, забыв о госте, часа два возился вокруг накопителей с разными приборами. Назначение многих агрегатов, сконструированных мастером лично, вряд ли кто знал, кроме него самого. О том, что ничего особо интересного он не узнает, купец догадался задолго до окончания работ. По мере того, как со стола один за другим исчезали приборы, лицо друга Арика становилось всё грустнее и грустнее.

– Ну что же, у меня для тебя две новости. Сначала хорошая. Не могу объяснить причину, но вот этот накопитель намного лучше двух остальных. Он заряжается быстрее, у него больше ёмкость, и я не смог определить величину саморазряда. Такое впечатление, что её совсем нет. Почему не могу назвать причину? Да потому, что её нет. Кроме оттенка, сам кристалл ничем не отличается от двух других. Я бы даже сказал, что тот, что с зеленоватым оттенком, скорее всего почище будет. Теперь о плохом. Если такие накопители попадут в руки воякам, то они из кожи вон вылезут, но таки захватят себе весь остальной объём подобной продукции, – вынес вердикт ювелир, с чпокающим

звуком вынув из глаза часовую лупу.

– И что мне теперь делать? – нервно хрустнул купец пальцами, тяжело облокотившись на столешницу. Четвёртую часть своего дохода он получал от продажи накопителей. Но в данный момент не деньги интересовали купца. Престиж. Бережковские накопители делали его вхожим в самые различные, иногда очень необычные круги общества. Невероятно дорогие, уникальные по своим характеристикам, накопители были знамениты среди Одарённых. Личные связи с князьями и именитыми боярами дорогого стоят. Враз потерять такой круг знакомств купец просто не мог себе позволить.

– Ломать не строить, – хитро сгофрировал свой выдающийся нос Аристарх, сумев разместить на нём шесть вертикальных глубоких складок, – Ограничители на заряд я просчитать смогу. Лишь бы накопители никому из шибко внимательных на глаза не попались.

– В каком смысле? Переделка заметна будет? – выдохнув, спросил Ерофей Константинович, утирая пот со лба большим платком.

– Это вряд ли… Другой вопрос, что с саморазрядом делать, да и со сроком службы, пожалуй. Раза в полтора такой накопитель дольше проживёт. У тебя есть данные, сколько циклов зарядки они сейчас выхаживают?

– У гвардейцев, как я слышал тысячи две-две с половиной. На дирижаблях тысяч до пяти. Сам понимаешь, режимы там помягче, поэтому деградация кристалла и происходит медленнее, – как по писаному отчеканил купец не раз говоренный им текст.

– Надо же. Неужто дороговизну такую на дирижабли ставят? – изумился ювелир.

– Кто бы говорил, – хмыкнул купец, косясь на витрины ювелирной лавки, – Твои побрякушки тоже не за копейки продаются.

– Так то украшения, к тому же с магическими причудами. А на дирижабль и промышленный накопитель можно поставить. Пусть он и весит несколько тонн.

– Ага, ты ещё столичным штучкам на самосвале предложи в свет выезжать. Там, брат, такие финдебоберы порой закручивают, что только держись. В ином дирижабле только в баре одном напитков столько, что можно на два таких накопителя поменяться, и не прогадаешь. Оденет боярин шубу соболью с пуговицами брильянтовыми, возьмёт в руки посох резной, снизу до верху каменьями усыпанный, украшений на себя наденет, так что места живого не видно, вот и думай, сколько денег он на выход потратил. Для такого цена накопителя – тьфу. Плюнуть и

растереть.

– Давненько я в столицу не выбирался, – задумчиво протянул ювелир, почесав лысеющую голову под сдвинутой набок кипой, традиционной еврейской шапочкой, прикрывающей макушку, – Надо же, как там жить-то роскошно нынче стали.

* * *

Ушедшего сына Ерофей Константинович дождался с трудом. Приплясывая от нетерпения, он выхватил у сына плоскогубцы и начал сдирать проволоку и пломбы с ящиков. Отщёлкнув замки и откинув крышки, он опытным взглядом нашёл нужные упаковки. Персональный заказ одного из самых именитых камышинских купцов. Честно говоря, за эту позицию заказа Липатов волновался больше всего. Не простит ему гонористый купчина, если у него не получится с подарком для дочери на свадьбу. Про яхту, которую он строит на камышинской верфи каких только слухов по городу не ходит. Местные сплетники предполагают, что она будет «самая-самая». Самая быстрая, самая дорогая и самая красивая. Про самую дорогую Ерофей Константинович вполне верил. Четыре бережковских накопителя большого размера – это не баран чихнул. Ого-го какие деньжищи! Посмотрев на свои руки, купец досадливо мотнул головой. Трясутся. Волнение.

– Вытаскивай заказ Перфильева. Вот эти четыре упаковки. С них начнём, – скомандовал он сыну, от которого не укрылась и его секундная заминка и осмотр рук. Накопители распаковывать всё равно придётся все. Ещё прадед настоял на том, чтобы все накопители Бережковых клиенту в особых шкатулках доставлялись. С тех самых времён и живёт у них на подворье семья краснодеревщика. Каждая его работа – само по себе произведение искусства. Что по резьбе затейливой, что по инкрустации перламутровой. Зато и покупатели сразу понимают, какую ценность они приобрели. Что ни говори, а товар лицом подать очень важно.

– Какой разбирать будем? – спросил сын, сноровисто расправившись с упаковками.

– Все четыре, – откликнулся купец, пытаясь успокоиться и сосредоточиться.

Сын чему-то усмехнулся, и привычно начал разборку корпуса ближайшего к нему накопителя. Солдаты такими же уверенными движениями винтовки разбирают, чтобы почистить.

– Ну вот, сейчас всё и узнаем, – вполголоса сказал Ерофей Константинович, принимая из рук сына сердцевину накопителя в

ещё не снятой скорлупе из толстой пористой резины. Подойдя к окну, он раздвинул половинки противоударной изоляции, и впился взглядом в кристалл.

– Батя, ты чего застыл? – голос сына купец услышал словно издалека, хотя сын стоял рядом, и через его плечо смотрел на то, что он держал в руках, – Надо же. Мне Петька Амбросимов вчера новым биноклем хвастался. Здоровенным таким, двенадцатикратным. Линзы у его бинокля тоже, то фиолетом, то синевой отдают. На смотри, второй камень так же переливается, – сын протянул ему ещё одну скорлупу. Алмаз, проглядывающий через хитросплетения золотых рёбер контуров, точно так же отдавал синевой, и дышал мощью океанского ветра. Не спеша осмотрели внутренности всех накопителей. Камни везде были однотонными, с заметным голубовато – синим отливом.

Ультрафиолетовый фонарик купец Липатов обзывал новомодным, чтобы не ломать язык на его сложном названии. Мода на специальные бланки купеческих документов пришла с год назад. Сразу после того, как начался выпуск новых банкнот, дополнительно защищённых от подделки. Особенно полюбились купцам бланки именных векселей, существенно упростивших расчёты за крупные партии товара. Фонарик помогал установить подлинность денег и бумаг, делая видимыми защитные узоры и специальные знаки.

Однажды вечером, около года назад, Ерофей Константинович закрылся у себя в кабинете. В очередной партии накопителей он увидел несколько знакомых голубоватых алмазов. Раздумывая над тем, стоит ли на них ставить ограничители, он машинально пощёлкал кнопкой новой игрушки – ультрафиолетового фонаря, прочно прижившегося у него на рабочем столе. К его удивлению камни засветились, и гаснуть стали далеко не сразу. Если бы не вечер, и не желание посидеть в сумерках, рассматривая причудливые всполохи пламени в камине, то ничего бы он не заметил. Так увлечение купца пополнилось ещё одним инструментом, а свойства алмазов – ещё одной загадкой.

Камни в новой партии накопителей были ещё более необычные, чем те голубые, которыми он любовался раньше. Поглядев на снисходительно улыбающегося сына, считавшего рассматривание камней отцовской блажью, Ерофей Константинович решил, что пришла пора приобщать парня к некоторым тайнам своего дела. Да к себе плотнее привязывать надо, а то, упаси Бог, сбежит в армию, как старший когда-то сделал.

– Заштор-ка окна, и поплотнее, – распорядился купец, поудобнее устраиваясь на стуле и освобождая перед собой больше

места на столешнице, – А теперь смотри внимательно.

Около часа отец и сын, словно малые дети, бродили вокруг большого обеденного стола, по очереди подсвечивая камни фонариком со всех сторон, и разговаривали.

Никогда ещё сын не слушал отца с таким вниманием, и никогда отец так много не рассказывал ему про историю их семьи, и про Род Бережковых.

А на столе, в полутёмном зале, словно угольки необычного, магического костра, светились и переливались голубовато-синие созвездия алмазов.

* * *

Новая Рязань. Оружейный Приказ. 1 ноября 51 года со дня Основания Империи. Два часа пополудни.

Звонок внутреннего телефона прервал благостное послеобеденное ничегонеделание полковника имперских интендантских войск. С неодобрением покосившись на недавно появившийся аппарат, он положил на край пепельницы только что прикуренную сигарету, и дождавшись окончания телефонной трели, снял трубку.

– Господин полковник, лейтенант Сысоев вас беспокоит. Прибыл боярин Бережков на предмет сдачи ежегодного налога, – услышал он доклад дежурного офицера.

– Ну, прибыл и прибыл. Порядок что ли не знаете? Примите, проверьте количество, качество и выдайте расписную грамоту, – проворчал полковник в трубку, досадуя на глупую молодёжь, потревожившую его по такому пустяку.

– Осмелюсь заметить, что мне по смене передано ваше распоряжение, с отметкой «Важно», об обязательном докладе вам лично в случае прибытия представителя Бережковых, – неуверенно выговорил офицер в трубку, явно смутившись.

Стадо мурашек, галопом прокатившееся по спине полковника, словно холодным душем смыло послеобеденную истому. Машинально перелистнув назад две страницы ежедневника, полковник перечитал собственноручную запись: Бережков. Задержать до прибытия офицера по особым поручениям. О появлении доложить по телефону 22-17-17 или 22-17-18.

То, что телефоны принадлежат Имперскому Управление Безопасности в Рязани, полковник записывать не стал. Эту деталь он и так не забудет, как не забудет и леденящий взгляд этого

офицера, и показанное им предписание, подписанное Главой Имперской Службы Безопасности лично.

Честно признавшись себе, что лейтенант только что спас его от огромных неприятностей, и мысленно поклявшись вернуть ему должок при случае, полковник взял себя в руки. Сглотнув слюну, чтобы хоть как-то смочить вдруг резко пересохшее горло, он уверенным голосом начал отдавать распоряжения.

– Молодец, лейтенант. Блюдёшь службу. Теперь слушай задание. Нужно задержать этого Бережкова у нас как можно дольше. Пойдёшь налог у него принимать сам. Хоть спектакль устраивай, хоть танцы с бубном пляши, но держи его до тех пор, пока я тебе сам отмашку не дам. Приказ понял?

– Так точно. Разрешите выполнять? – браво гаркнул лейтенант в трубку, обрадовавшись, что всё обошлось без выволочки, да ещё и похвалили его. Не часто от их полковника похвалу услышать можно. Гораздо реже, чем очередной разнос.

– Действуй, – скомандовал полковник, и потянулся к городскому телефону.

Как раньше хорошо, спокойно служилось без этих телефонов. Доставит вестовой бумаги, изучишь их под стаканчик горячего чая, и не торопясь, всё обдумав, ответ сочинишь, а то и на утро отложишь. А теперь… Суета, звонки, доклады. Нет, решительно прогресс не умные люди придумали. Из-за этой спешки даже он, опытный человек, чуть только что ошибку не совершил. Найдя виновника своей оплошности, полковник отвёл душу, с силой припечатав трубку на рожки телефона внутренней связи, и вздохнув, начал набирать городской номер на соседнем аппарате. Всегда на душе как-то легче становиться, когда есть виноватые в твоих неприятностях. А хоть бы и те же телефоны.

Караван, из военного внедорожника, инкассаторского грузовика и автобуса с охраной к скоростному движению не располагал. Не слишком мощный грузовик, обвешанный стальным листом, неохотно тащил дополнительный груз, да и автобус тоже не стремился ставить рекорды скорости. Триста километров до Рязани они тащились шесть часов, сделав одну короткую остановку посреди поля.

Олег доставку накопителей в Рязань представлял себе проще, но признав резоны Анвара, нанял полноценную охрану и транспорт. К чести десятка охранников, разместившихся в автобусе, спать во время работы никто из них не собирался. Сосед Олега, молодой крепкий курчавый парень, сам оказался родом из Рязани. Если бы не он, и не его рассказы, то затянувшаяся поездка стала бы самым скучным путешествием в жизни Олега.

– До Рязани во время войны две ракеты долетело. Первая в район Октябрьского попала, рядом с военным городком полка десантников, а вторая в центр ухнула. Аккурат посредине между десантным училищем и рязанским Кремлём. Радиоактивный след в сторону Мурома ушёл, а те кто выжил, переселились со временем в Льгово да Вышгород. Обустраивались с размахом. Каждому огород побольше хотелось, пристройки для скота и птицы. Вот и растянулась Новая Рязань не на один десяток километров. Ныне уже и до старых окраин дотянулась, – с удовольствием рассказывал о своём городе общительный охранник Андрей, не забывая поглядывать по сторонам, – Наша семья птицу разводила. До сотни гусей держали. Утки тоже были, но мало, десятка два-три. У нас многие птицей живут. По лету пацанёнком на яр выйдешь, что над рекой, а внизу все луга в птице, словно снегом присыпаны. Теперь уже не то. Молодёжь в город работать пошла, а старикам столько держать не под силу. Да и фермы специальные появились. Птицу на них тысячами разводят.

Слушая краем уха своего соседа, увлечённо повествующего о рязанском житье-бытье, Олег отстранённо размышлял о принятых им решениях. Дел с Оружейным Приказом он сам никогда не имел, и порядки, установленные там, не знал. Если что пойдёт не так, у него до конца ноября будет время, чтобы исправить оплошность, если она обнаружится. Первоначально планы у него были про то, чтобы вопрос с соседями сначала решить. Однако, хорошенько подумав, рисковать не стал. Кто знает, как дело обернётся. Ранят его, к примеру, и налог сдать некому будет. Одним махом можно и земли, и дворянство потерять. Тогда прости-прощай все мечты. Империя нынче землями никого не наделяет. Наоборот, с каждым годом всё больше и больше земель под государство уходит. Это после войны всё просто было. Рассыпалось население на десятки тысяч островков, живущих собственной жизнью. Земли вокруг много, а людей на ней мало. Хватай, сколько обработать сможешь, и в руках удержать. Да и зима ядерная приоритеты поменяла. Говорят, в городах от голода и холода больше населения погибло, чем от бомб и принесённых войной болезней. Теперь времена изменились. Сшивает потихоньку Император все лоскутки в одно одеяло. Возрождает страну.

Новая Рязань Олега не впечатлила. Углич покрасивее будет, хоть и размерами меньше. Впрочем, что сравнивать. Рязань после войны отстраивали, а Углич война не тронула. Вот тебе и вся разница.

Оружейный Приказ вызвал в первый же час у Олега стойкое

отвращение. Возможно, свою роль сыграло чувство голода. Живот уже начинало прихватывать лёгкими спазмами. С этой поездкой он не успел даже позавтракать. Хорошо ещё, что Андрей в дороге поделился краюхой хлеба и галетой, а то хоть волком вой.

Двое солдат, посланных проводить их грузовик до склада, уселись на лавочке, расслабленно ожидая третьего, отошедшего на поиски ключей и офицера. Офицер явился только через полчаса, потягиваясь на ходу, и зевая во весь рот, с риском вывихнуть челюсть. Когда он перебрал все ключи на принесённой им связке, и ни один из них не подошёл к замкам, Олег чуть не вспылил. Очень захотелось ему сбить все замки к чёртовой матери, ударив по ним магией. Удержал его водитель. Пожилой дядька, прищурившись, с удивлением наблюдал за поведением солдат и офицера, а когда Олег вскинулся, готовясь разнести первый замок, он чуть заметно помотал головой. Водитель, вытащив пачку сигарет, кивнул парню головой в сторону лавочки, оборудованной под место курения. Отошли. Присели.

– Ерунда какая-то творится, – чуть слышно проговорил водитель грузовика, прикрывая ладонями прикуриваемую сигарету, – Я сам служил, и здесь не раз бывал. Обычно все как пчёлки летают. А эти мухи сонные словно специально себя так ведут. Я докурю, и до наших ребят сбегаю. Скажу, чтобы внимательнее были, и за нами присматривали. А ты тут замри и не рыпайся. Это жу-жу, похоже, не просто так. Да и офицер, что за ключами пошёл, уже три раза в окно выглядывал. Наблюдает он за нами, а не ключи ищет.

Оставшись один, Олег стал внимательно следить за обстановкой, стараясь поменьше крутить головой. Действительно, машины, которые прибывали к соседним складам, долго не задерживались.

Водитель вернулся вовремя. Всё так же зевающий офицер притащился с ключами, и наконец-то справился с последним замком. Лениво махнув им рукой, чтобы заезжали в склад, офицер скрылся в глубине помещения.

Тянучка продолжалась долго. Офицер дважды выходил из склада, но возвращался достаточно быстро. Так продолжалось до тех пор, пока в проёме ворот не появились силуэты двух фигур. Полная невысокая фигура оказалась целым полковником, и он энергично промаршировал мимо Олега к лейтенанту, а идущий за ним высокий и поджарый человек в штатском, притормозил около парня.

– Вы представитель Бережкова? – довольно неприятным голосом спросил человек в штатском у Олега.

– Нет, – спокойно отозвался парень, наблюдая краем глаза за

движениями незнакомца. Щиты на себя он накинул ещё до входа на склад, и теперь держал наготове заклинание мгновенного паралича.

– Не понял. Но как же, мне сказали…

– Что за дело у вас ко мне? – перебил его Олег.

– Это ваш груз разгрузили? – на ходу переосмыслил штатский свой вопрос.

– А вы кто? – продолжил Олег словесную игру в пинг-понг.

Незнакомец замолчал, раздумывая. Олег за это время успел расслышать, как полковник распекает лейтенанта, требуя немедленно заканчивать затянувшуюся приёмку. Примчавшийся рысью лейтенант ещё больше увеличил паузу в разговоре, подсовывая Олегу журнал на подпись и вручив ему расписку о внесении налога.

– Извольте, представлюсь. Капитан Яблонский, Каземир Павлович, – нехотя произнёс незнакомец, нервно дернув щекой.

– Тогда я повторю вопрос. Что за дело может быть у капитана в штатском к дворянину Бережкову? – достаточно громко произнёс Олег, для того, чтобы у их беседы появились дополнительные слушатели. Надо сказать, что своим вопросом он очень своеобразно подал информацию будущим свидетелям. Капитан собственное дворянство никак не обозначил. Поэтому Олег был в своём праве, согласно всем нормам этикета. Хочется задать вопрос дворянину? Озаботься сначала причиной и документом, дающим право тебе, простолюдину, задавать вопросы дворянскому сословию.

– Почему бы нам просто не поговорить? – вроде бы примирительно сказал незнакомец, нехорошо сверкнув глазами.

– Почему… А то, что я тут два часа лишних провёл, пока вас разыскивали и передо мной комедию ломали, вас в качестве причины не устраивает? Тогда могу ещё добавить, что я сегодня даже не завтракал, а время уже к ужину подходит. Этого достаточно?

– С чего вы взяли, что я виноват в вашей задержке… – начал было капитан, но остановился, увидев выражение лица Олега и его взметнувшиеся вверх брови.

– Грамота, – глядя капитану в глаза, сказал Олег, и не заметив понимания на его лице, пояснил, – Лейтенант мне её из журнала достал уже готовую. Значит, он давно всё проверил, пересчитал и оформил, но пока вы не появились, он продолжал лицедействовать.

– Хорошо. Давайте оба успокоимся. Если хотите, я готов принести извинения. Могу сказать, что мне тоже пришлось возвращаться с полдороги, и ехать пришлось очень быстро, чтобы

успеть к вам. Как понимаете, настроение такие гонки тоже не поднимают, – капитан ничуть не покривил душой. Лампа уровня топлива замигала задолго до того, как он увидел окраины города. Окончательно она загорелась уже перед воротами Приказа, давая понять, что бензина осталось километров на пять-семь пути. Каких нервов ему стоила борьба между желанием ехать быстрее и опасением не доехать вовсе, можно не объяснять. Парня надо задержать и доставить в Управление. Там найдут, что сказать и чем ему заткнуть рот. Не первый раз. Но сейчас на складе этого не сделать. За дворянина тут же вступятся, и территория здесь другого ведомства. Полковник поможет, а вот свидетелей с десяток наберётся. Бояре потом так могут всё раздуть, что мало кому поздоровится. Вывести бы его за ворота, а там может удастся посадить в машину, или уговорить, или… Второе «или» было в нескольких вариантах. Оглушить, поставить укол, угрожая пистолетом одеть специальные наручники. Опытного оперативника не пугало то, что его клиент наверняка Одарённый. Парень молод, пока он начнёт творить заклинание, его раз пять можно успокоить.

Олег тоже раздумывал. Его смущал полковник. На своей территории он царь и Бог. Отдаст команду задержать их машину для какого-нибудь разбирательства, и что делать? Прорываться к выходу с боем? Без летальных техник ему не справиться, а убивать ни в чём не повинных солдат Олег и сам себе не позволит. Придётся рискнуть и перенести игру за территорию Приказа. Плохо, если у капитана за воротами окажутся помощники…

– Пожалуй, я могу прогуляться с вами до ворот, а потом, увольте. У меня своих дел невпроворот, – изобразил Олег из себя скучающего дворянина, и повернувшись к водителю, крикнул, – Ты не спеша к воротам езжай и меня там подожди, а мы с господином капитаном пешком пройдёмся.

Водитель коротко кивнул, как бы поклонившись, но на самом деле сделал это, чтобы скрыть еле заметную ухмылку на лице.

– Итак. О чём вы хотели «просто поговорить»?

– Почему вы сказали, что вы не представитель Бережковых? – решил капитан разыграть вроде бы беспроигрышную карту, которая вполне могла дать ему моральный перевес в предстоящем разговоре.

– Я сам Бережков, и не могу являться одновременно ещё и представителем самого себя. Не так ли? – пожал Олег плечами, объясняя очевидное.

– Но ваш Род…

– А про Род вы меня не спрашивали. Предполагаю, что

сделали это намеренно. Не любите бояр?

– Скажем так – не имею с ними ничего общего. Вы собираетесь вернуться в имение? – попытался капитан узнать предполагаемый маршрут парня. Мало ли, как всё повернётся с захватом.

– Хотелось бы, но увы… Поеду в маленький, тихий город. Вы не поверите, капитан, но я там работаю. Приходиться соблюдать конспирацию. Не приведи господи узнают поборники нравов, что дворянин крутит гайки, столько крику будет. Они считают, что не боярское это дело, в железяках всяких возится. Так что у вас за вопрос-то был?

– Мне нужно передать приглашение Главе вашего Рода, – заторопился офицер, понимая, что времени у него не так-то и много.

– Оно у вас с собой?

– Нет. Князь Обдорин-Тверской пожелание высказал устно. Вот карточка с телефоном секретариата. Можно позвонить и они назначат время и подготовят пропуск, – капитан специально слазил за визиткой в карман, приучая собеседника к безопасности таких движений. Убирая портмоне обратно, он успел спрятать в ладони маленький шприц-тюбик. До грузовика осталось несколько шагов. Пока парень будет забираться в кабину возникнет самый удобный момент. Придержать его за край куртки, поставить укол, подхватить… Потом он дотащит обмякшее дворянское тело до своей машины, которая стоит рядом с воротами и довезёт его до Управления.

– Хорошо, – парень взял карточку с телефонами, а второй рукой приоткрыл дверь кабины, – Прощайте. Митрич вас подбросит, если по пути.

Прежде, чем капитан успел сообразить, что парень не торопиться залезать в высокую кабину, тот ещё больше приоткрыл дверь, занимая ей весь проход между грузовиком и воротным столбом. Когда капитан захлопнул тяжёлую дверь инкассаторской машины, то никого перед собой не увидел. Парень ушёл за машину, а грузовик тронулся с места. Потеряв секунды на метание перед двигающимся мимо него грузовиком, капитан решительно зажал в руке шприц и приготовился атаковать сразу же, как только машина проедет.

Наверное кот, погнавшийся за скворцом-подранком, себя так же чувствует, когда вылетев из-за угла он натыкается на четырёх здоровых сторожевых псов.

Перед автобусом стояло четверо охранников, а Олег уже был за ними, поставив ногу на подножку автобуса.

– Капитан, передайте начальству, что им вскоре перезвонят, –

махнул парень прямоугольником карточки и скрылся внутри салона.

Проводив взглядом инкассаторский караван, капитан перевёл взгляд на свою машину, и зло сплюнул на землю. Переднее колесо на ней было спущено, а выкрученный золотник издевательски выложен на середину капота.

Спешно организованная в Управлении группа захвата догнала инкассаторов через полтора часа далеко за городом. Посмеиваясь, полусонные охранники выбрались из машин, беспечно махнули рукой, предоставляя преследователям право на досмотр, и выстроившись цепочкой у кювета, справили малую нужду. Нет их вины в том, что заказчик решил остаться в городе поужинать. Контракт у них закончен. Документы об этом подписаны. Желаете ознакомиться?

До Основинской церкви Олег доехал на такси. Пожалел дорогие туфли на кожаной подошве по мокрым тротуарам портить. Сегодня он переночует у Степана, а завтра… Завтра они приведут свои убедительные доказательства соседям. Рано им Род Бережковых со счётов сбрасывать.

Глава 5

Метеорологические зонды, огромные шары из тёмно-серой прорезиненной ткани, в Иваново делают тысячами. С развитием воздухоплавания на дирижаблях, спрос на такую продукцию растёт год от года. Шары делают трёх размеров: большие, для стационарных постов; средние, для местечковых станций; и малые, которые запускают на большую высоту, чтобы определить там направление и силу ветра.

Малые-то они малые, а груз в полпуда весом до пяти километров вверх поднимают. По всей Империи четыре раза в день, в строго определённое время запускают сотни малых зондов. Имперская метеослужба собирает эти данные со всей страны и составляет карту ветров.

Последних зондов, малого размера, приходилось изготавливать больше всего. В отличии от своих старших братьев, привязанных к земле тросами, намотанными на барабаны лебёдок, они одноразовые. Поднялись ввысь, сбросили сведения с каждой новой высоты, доставив метеорологам данные о движении воздушных масс на разных горизонтах, их температуре, давлении и влажности, и улетели в неведомые дали.

Небо, оно только на вид одинаково, а на самом деле ветра там дуют разные. Иногда такой слоёный пирог можно увидеть, что ум за разум заходит. У земли ветер с севера дует, облака по небу на восток летят, а на высоте в три-четыре километра умеренный пассат не спеша перемещается на юго-запад.

Подробные карты ветров, до пяти километров в высоту, метеорологи составляют изначально на две недели вперёд. Затем, начиная с недели, в них добавляются детали. Более точно выглядят скорости воздушных потоков, и с высокой вероятностью предсказываются температуры горизонтов. Для дирижаблей это важно.

Прямой путь для дирижабля не всегда самый короткий и быстрый. Из того же Харькова до Саранска можно по разному долететь, если высоту менять и ветер попутный подбирать. Встречный ветер, в десять-двенадцать метров в секунду, скорость транспортного дирижабля вполовину снизит, а попутный в полтора раза добавит. Оттого-то и в цене нынче опытные штурманы, умеющие грамотно просчитать маршрут. Иногда стоит дать крюк вёрст в пятьсот, чтобы прилететь быстрее, и топлива меньше потратить. Опять же и ресурс машин стоит поберечь.

Про этот ресурс теперь всерьёз нужно задумываться. Заводов, что двигатели делают, не так много. Если раз в пятьсот часов

налёта не произведёшь регламентные работы, или через тысячу часов не покажешься на осмотр, то считай, что изготовитель снял с себя ответственность за возможную поломку твоего бензинового мотора. Хотя гарантия и без этого не велика. Пять тысяч часов, а дальше живи, как хочешь.

Механизм, устанавливаемый на малом метеозонде, имперской службой метеорологии отработан на десять баллов из десяти. Весьма продвинутое устройство, включающее в себя не только таймер сброса пеналов с метеоданными, но и обеспечивающее фиксацию заданной высоты. Самое смешное в том, что он не содержит ни капли магии. Неодарённые придумали для себя вполне таки рабочий механизм. Разобраться с немагическим устройством не так легко, да собственно, это и не требуется. Достаточно понять, что нужно ввести на махонькой панели. Остальное сделает примитивная автоматика из трёх датчиков и шести релюшек. А что там ещё нахитромудрили в пластиковой коробочке с батарейкой, с этим пусть спецы разбираются. Для метеорологов важно, чтобы зонд чётко выполнил сброс пеналов с данными, на заданных ими высотах. Место сброса пеналов они научились определять заранее, с точностью до двадцати пяти метров. Даже устройство под это дело специальное придумали. Хитрый вычислитель достаточно точно укажет место, где надо будет искать оранжевый пенал, сброшенный зондом на маленьком парашюте.

Два мотоциклиста, одетые в тёмные плащи, неслись навстречу дождю по мокрой ночной дороге. На поворотах скорость сбрасывали, но много ли тех поворотов на трассе. Говорят, что все нынешние автотрассы – это восстановленные старые магистрали, которые когда-то пересекали всю страну. Два мотоцикла ехали друг за другом, меняясь местами через каждые пятнадцать-двадцать километров. Так легче поддерживать высокую скорость. У ведущего глаз не успевает замылиться, а потом можно и передохнуть ведомым, следуя на габаритные огни лидера.

По слухам, чертежи мотоцикла Иж-Спорт нашли давно, но только год назад технологи на ижевском заводе подобрались к тому уровню, чтобы попытаться повторить эту модель. Мотоцикл вышел на удивление хорош, а когда ему подвеску немного подработали, то он превратился в самое скоростное двухколёсное наземное средство передвижения, если не считать сверхдорогие игрушки богатой молодёжи. Двести тридцать лошадей на тонну сухой массы – это аргумент. Ижак получился очень бодрой машинкой, но и на аппетит он не жаловался. Пятнадцатилитрового бака при езде на максималке хватало часа

на три, как собственно и дополнительного бака в полтора литра, куда заливается авиационное масло.

– Дальше пешком, тут уже недалеко, – негромко сказал Олег Степану, когда они остановились на лесной поляне. С трассы полянка не просматривается, а от реки её прикрывает густой лес и старая насыпь железной дороги, – Но сначала давай мотоциклы заправим.

Вроде бы всё продумано до мелочей, даже дозаправка и место стоянки. Пробежались немного. Раскидав ветки, вытащили брезентовые мешки, которые с сыновьями Анвара Олег завёз вчера на грузовике. Тактику предстоящих действий позавчера весь вечер отрабатывали.

Начали с небольшого шара. По сути – это маленькая копия зонда. Соблюдена даже пропорция нагрузки. Кроме фонарика, мигающего голубым светом раз в десять секунд, шар ничего не несёт. Фонарик похож на перевёрнутый гриб, подвешенный под шаром на двухметровом отрезке толстой лески. Огонёк можно увидеть только со стороны, а когда он летит над тобой, свет не видно, а если и мигнёт что, то скорее на звёздочку подумаешь. Погода хоть и пасмурная, с дождиком, а просветы в небе есть и звезды иногда видно.

Шар запустили одновременно со щелчком секундомера. Оба парня уставились в мощные бинокли, существенно помогающие разглядеть шар и мигающий фонарик на фоне мрачного ночного неба.

– Есть.

– Есть контакт, – оба выкрикнули эту фразу практически одновременно со щелчком секундомера. Шар, поднявшись на высоту в полкилометра, проплыл метров на тридцать-сорок левее шпиля центральной усадьбы, виднеющегося за рекой.

– Триста восемьдесят секунд, – доложил Степан, рассмотрев секундомер при свете зажигалки, – И нам правее надо взять.

– Работаем, – вполголоса скомандовал Олег и сноровисто начал расшнуровывать брезентовый тюк. Вроде и до усадьбы больше двух километров, и река между ними, а всё равно громко говорить не хочется.

Через полчаса четыре метеозонда были готовы к старту. Подъехавший грузовик увёз пустые баллоны и всё оставшееся хозяйство, в виде шлангов, брезента, приборов заправки. Ребята выждали время, чтобы дать машине уехать подальше.

– Пора, – прошептал Олег, и они разбежались в стороны.

Ткнуть в пусковую кнопку таймера, обрезать линь, удерживающий зонд, сунуть обрезок капронового шнура в карман, перебежать к следующему, повторить. У Степана тоже

порядок. Последний взгляд на цепочку из четырёх огромных шаров, начавших набирать высоту и уже слабо различимых на фоне тёмного неба, и бежать к мотоциклам.

У них почти шесть минут форы, чтобы выехать на трассу и оказаться как можно дальше от усадьбы Федорищевых. Когда там начнётся бедлам, то в небо могут подняться пилоты. Понятно, что какое-то время они потеряют, крутясь около усадьбы и готовясь отбивать нападение. Потом осмотрят реку и окрестности, начав с посёлка и завода. И лишь после всего пролетят над дорогами. Их, дорог, тут только крупных три штуки поблизости. А ещё и от посёлка грунтовки разбегаются. На улице хоть и ночь, а машины по трассе ходят. Пока одну остановишь, да осмотришь, сколько времени уйдёт.

Грузовик, на котором увезли баллоны, к тому времени уже будет стоять на стоянке, среди десятка таких же как он, километрах в тридцати отсюда, и что характерно, с пустым кузовом. Много ли времени двум мужикам надо, чтобы пару тюков по дороге в болотину сбросить. Тяжёлый стальной баллон что хочешь на дно утянет.

Шары, освободившись от груза, рванут ввысь, за облака. Их не найти. Поднимутся километров на пятнадцать-двадцать, лопнут, и упадут где-нибудь очень далеко, как и сотни их мирных близнецов.

Мотоциклы можно догнать, но и то, только в том случае, если точно знаешь, куда лететь и кого искать.

Долгая ноябрьская ночь не закончилась одной диверсионной операцией. С врагами следовало разбираться сразу, не давая им времени ни на ответ, ни на обдумывание мер противодействия. Чётко, до мелочей рассчитывая удар. Слишком не равны силы атакующей и обороняющейся стороны.

Вдвоём против двух старых Родов – это слишком дерзкий финт. Крупный и богатый Род может себе позволить некоторые потери, а двое парней – нет.

На отработку атаки на имение Мансуровых времени ушло вдвое больше, чем потребовалось на Федорищевых. Род, не первый год ведущий войну, был менее беспечен, чем его новый союзник, ещё не отведавший долговременной войны на полное уничтожение.

Федорищевы исходили из того, что их противник, если у него останется хоть кто-то в живых, не так много сможет против них сделать. Снайпер, подвижная группа, а то и две, возможно с парой пулемётов и одним-двумя боевыми магами – вот к чему они готовились, и надо сказать, неплохо. Практически никаких шансов при таком варианте развития событий у нападающих бы

не было. Их ждали, и раскатали бы в блин, по всем правилам тактики и стратегии. Денег в сигнализации и защиты Род вложил не скупясь. Одних собак завели под два десятка.

Смешно про собачек? Кому как. Собака, которая магию метров со ста с лишним чует, а сама среднего мага может загрызть, если под защитой амулетов не будет, стоит чуть дороже, чем пара весьма приличных автомобилей.

Усадьба Мансуровых располагалась на берегу озера. Красивое место, с чистым берегом, мостиками для купания. Кувшинки в заводях, белоснежные лебеди на воде. Ничего, кроме обгоревшего ствола могучего тополя, не напоминало здесь о том, что Род не первый год ведёт затяжную войну.

Карта ветров сложилась так, что наиболее подходящее место для развёртывания зондов оказалось на значительном удалении от объекта. Между точкой их старта и усадьбой находилось не только озеро, но и большой, ровный луг. На таком открытом месте даже ночью не помельтешишь, обязательно заметит охрана, приглядывающая за озером.

Обустраиваться пришлось в высохшем по осени русле ручья. Жутко неудобное место, да ещё и кусты вдоль ручья такие растут, что не вдруг и проберёшься.

Провозились долго. Первый сигнальный шарик оба потеряли из виду, как не всматривались в тёмное небо. Второй шар Степан запустил по сигналу фонаря, которым Олег мигнул, уйдя почти на километр вперёд.

– Шестьсот десять секунд, и сильное смещение вправо, метров на двести, – сообщил он, вернувшись, – Около четырёх километров выходит до усадьбы-то. Ох, боюсь, что промажем мы.

– Давай пошире зонды разнесём и на таймере сброс выставим не через шесть, а через десять секунд. Площадь намного больше охватим, – предложил Стёпа.

– Сам примерно так думаю, но шансы у нас тогда невелики получаются. Дом там мощный стоит. Если в него не попадём, то считай, что вся наша бомбёжка бестолку.

– Так у нас и заряды для него посильнее приготовлены. Мелочь-то всю на Федорищевых высыпали.

– Ну, это мы думаем, что они сильнее будут. Испытать-то ни один не успели, – с сомнением покачал Олег головой.

– Сам же говорил, что Силы вдвое больше в каждый вкачал.

– Хорошо. Давай по твоему сделаем. Я сейчас таймеры настрою и айда зонды разносить.

Главе Рода Мансуровых не спалось. Проснувшись ни свет ни заря, он разбудил прислугу и приказал подать кофе. Баюкая в

руках чашку дорогого напитка, он устроился в кресле перед потухшим камином. В последние дни его снедало чувство необъяснимой тревоги. Страх и беспокойство почти напрочь лишили его сна. Своим ощущениям Прохор Георгиевич привык доверять. С детских лет чувство опасности его не подводило. Вот и сейчас, предчувствуя беду, он пытался определить её источник.

По всему выходило, что его нынешнее состояние как-то связано с недавней зачисткой Федорищевыми Рода Бережковых. Не чисто зять сработал. Притом, что половину дружины и магов своих положил, так ещё и ясности полной нет. А ну, как выжил у Бережковых кто. По донесениям подсылов последние годы вокруг Главы их Рода вроде как внук крутился. Откуда только взялся. Должен был его отец, Георгий Мансуров, когда с сыновьями Бережкова воевал, всю их породу под нож в своё время отправить.

Вспомнив отца, Прохор Георгиевич лишь скрипнул зубами. Мало того, что не появляется теперь отец на родовых землях, где он сейчас строится, так ещё и его, своего сына, в эту бессмысленную бойню втянул. Славы ему захотелось, положение Рода поднять решил, связями иными обзавестись. Наши-де накопители лучшие будут, коли бережковских не станет. Вот и получил положение. Против старого Бережкова не сдюжил, когда тот пришёл за сыновей мстить.

Теперь приживалом существует около главы их Клана. Ходить уже толком не может от старости, а всё своё бубнит да его, сына, знай на Бережковых науськивает. Вот и пришлось дочь за Федорищева отдать, а за честь оказанную, да приданное немалое, обязать его закончить старую родовую междоусобицу. Только на таких условиях старик согласился пост Главы Рода ему передать.

Жаль дочку. Совсем другие планы на неё были, да и на внуков, что от неё появятся. При их-то способностях и богатстве вполне можно было жениха ей и подостойнее подобрать. Да только вряд ли согласился бы кто, кроме Федорищевых, на их стороне с Бережковыми в войну ввязаться. Эти-то по-соседски влезли, вроде как свои счёты имеют, а может и в самом деле имели, зато со стороны кто ни в жизнь бы в свару между двумя Родами вмешиваться не стал. Не принято.

Поставив опустевшую кружку на резной столик, Прохор Георгиевич подошёл к окну. Сквозь ночную темень и косые струи дождя во дворе был виден только большой белый шар на мачте. Целую систему пришлось развернуть, чтобы малейшие сполохи магии по окрестностям улавливать. Хотя, это раньше он опасался бы одних магов.

Нынешняя техника развилась уже настолько, что даже неодарённые с хорошим оружием становятся опасны не меньше,

чем неплохой боевой маг. Ему в своих комнатах даже стёкла пришлось специальные ставить, пуленепробиваемые. Не будешь же каждые пять минут на себя щиты магические навешивать. На это никаких сил не хватит.

Первый взрыв, раздавшийся неподалёку, покачнул дом и отозвался звоном разбитой посуды и люстр. Прохор Георгиевич едва успел накинуть на себя так не вовремя вспомненный щит, когда следующий взрыв рванул совсем рядом, опрокидывая его на спину.

Словно в замедленном действии он увидел, как брызнула кирпичным крошевом падающая стена, а с потолка, набирая скорость, к нему устремились массивные балки перекрытия.

* * *

Доклад начальника управления безопасности по Рязанским землям князь Обдорин-Тверской слушал внимательно, время от времени делая пометки в его письменном варианте и задавая уточняющие вопросы.

Три дня назад он первым успел доложить Императору о поступлении долгожданного налога в виде накопителей для гвардейских МБК. На радостях Государь даже приобнял его за плечи, чего за ним уже давненько не замечалось. Правда, потом несколько поостыл, когда понял, что особых подробностей, а главное дальнейших перспектив на размещение дополнительного заказа, князь не знает.

Опытный царедворец, князь Обдорин-Тверской, всегда умел и успевал заметить те вопросы, к которым Государь проявляет особый интерес. Вот вроде и в этом случае так выходит. Сам по себе вопросец-то мелковат, чтобы такие люди, как они, на него время тратили и внимание обращали, а поди-ка ты, как всё меняется, когда на чашу весов возлагается личный интерес Императора.

– Наместник ваш к нападению на Бережковых не причастен ли? – хищно оскалился Обдорин, выслушав официальную часть доклада.

– И да, и нет, – обтекаемо ответил его подчинённый, сообразив, что их беседа перешла в неофициальное и более приватное русло.

– Поясни-ка.

– Знать-то он, безусловно знал, а мер никаких не принял, и скорее всего заранее пообещал, что предпринимать ничего не будет. Иначе, больно уж нагло и глупо Федорищевы себя

выставили. Хотя, нынче с них, покойников, какой спрос.

– Так, Мефодий Павлович, слушай меня сейчас внимательно. Повторять не буду, – князь понизил голос и слегка наклонился над столом, приблизившись к собеседнику, – Думаю, есть у тебя припасённая папочка на наместника. Из тех, что начальству не показывают в силу незавершённости дел.

– Есть, как не быть, – согласился рязанский начальник, понимая, что игра пошла по-крупному. Не каждый день одно из первых лиц в государстве не приказывает, а по-хорошему просит поделиться личным компроматом.

– Тебе она скоро без надобности будет, а я бы со всем своим удовольствием с ней сейчас ознакомился, и тебя, при случае, добрым словом вспомнил, – с намёком поделился князь своим предвидением о будущем наместника и обещанием своей личной благодарности.

– Ваше сиятельство, доказательств там не слишком много будет. Сами понимаете, против человека такого ранга дела заводить не пристало, если прямых и бесспорных улик нет. С другой стороны, откуда бы им взяться, этим уликам, если нет ни дела, ни следствия. Заколдованный круг получается.

– Велика ли папочка-то? – улыбнулся князь, поняв, что собеседник готов сдать ему наместника с потрохами.

– Да в половину стандартной архивной закладки будет, – наморщив лоб, словно что-то припоминая, ответил Мефодий Павлович.

– Ого, я смотрю вы там на бумагу не скупитесь, – князь восхищённо приподнял бровь и потёр руки. Как-никак, а стандартная архивная закладка – это папки и скоросшиватели, плотно уложенные на метровую высоту и крепко-накрепко перетянутые прочным шпагатом с сургучными печатями на завязках.

– Не столько мы, сколько наместник шустрый оказался, – скромно ответил Мефодий Павлович, довольный реакцией князя, – Нам достаточно было с должным прилежанием работу свою делать.

– За прилежание отдельно отмечу. И списочек мне предоставьте, из особливо прилежных. Десятка на полтора-два, думаю. Верных и старательных людей сам Бог велел поощрять, не так ли? Заодно и на окружение наместничка посмотреть повнимательней стоит. А ну, как деньги казённые к ним прилипли, или мздоимство какое они от государева лица устроили.

– И такие есть, как не быть. Не оскудела ещё земля наша. Кого только на ней не встретишь, – понятливо закивал рязанец,

сохраняя на лице самое простецкое выражение. Затем он слегка почесал затылок, отобразив на лице лёгкую озабоченность, и скрестив наудачу пальцы, выпалил, – Беда только в том, ваше Сиятельство, что по ним у меня другие сотрудники работают. Как бы обиды у людишек меж собой не вышло. Работу одинаковую делают, а награждать не всех будем.

– Не о том думаешь, – построжел князь лицом, – Пусть результат дадут, а как и кого отметить, по итогам видно будет.

– Верно то. Ещё как верно. На справедливости государевой ой как много в Империи держится, – благовейно прикрыв глаза, с придыханием произнёс Мефодий Павлович. Секунду оба помолчали, красочно представляя себе размер ожидаемой «справедливости». Каждый согласно чину.

Обговорив сроки доставки документов и подчеркнув необходимость в обеспечении их должной охраной, князь отпустил собеседника. Затем он ещё раз бегло пробежался по докладу, делая карандашом дополнительные пометки и присовокупил доклад к другим документам, подшитым в солидную папку в кожаной обложке.

– Пётр Константинович, князь Обдорин беспокоит, скажи-ка, друг мой, не найдётся ли у надёжи нашей для меня минуток десять-пятнадцать сегодня. Вести у меня подошли, которые он ждёт, – когда надо, Обдорин и сам мог, не чинясь, набрать номер и на равных поговорить с собеседником, да хоть с тем же начальником имперской канцелярии, – Племянник. Жив твой племянник. Как раз хочу ему дело поручить, которое Императору докладывать буду. В двенадцать-тридцать. Понял. Значит увидимся сегодня.

Князь положил трубку и глянул на часы. Время есть. Можно успеть выпить чашечку кофе, а потом не спеша переодеться в один из мундиров, которых у него в соседней комнате с десяток висит. На все случаи жизни.

Доклад Император выслушал, откровенно скучая. Пару раз, он с трудом сдержал себя, чтобы не зевнуть, прекрасно зная, насколько заразно это действует на окружающих. Обычные дела и дрязги Империи. Дворяне рвут и мечут, уповая на замшелые права и традиции, разбогатевшие промышленники просят уравнять их в правах по жизненно важным вопросам. Нарождающийся класс неодарённой интеллигенции ратует за равенство в обучении и продвижении по вертикали власти. Обычная рутина.

– По основным вопросам у меня всё, – понятливо свернул князь Обдорин большую часть подготовленного доклада, – Из интересного и необычного могу рассказать кое-что про

гвардейские накопители нового образца, и загадочные происшествия, случившиеся вчера с виновными в нападении на Род Бережковых.

Увидев заинтересованный взгляд Императора и благосклонный кивок, князь вытащил заготовленную папку.

– Начну с того, что техномаг гвардейского полка Вашего Величества подал рапорт о несоответствии половины полученных накопителей тем партиям, с которыми он имел дело раньше.

– Это который из них? Франц Иосифович? – без труда назвал Император ведущего техномага своего полка.

– М-м, да. Подписано Морозов Ф.И., - быстро нашёл князь нужный документ, – По его заключению сорок шесть накопителей оказались более мощными, и предположительно имеют «значительные перспективы для полуторакратного роста основных показателей», – провёл он пальцем по строкам рапорта, зачитывая цитату из документа.

– Этот врать не будет. Опыт у него колоссальный. Иные профессора за честь считают поговорить с ним, – легко вспомнил Император техномага, с которым ему в дни своей юности довелось не раз плотно общаться.

– По его рекомендации два образца и отданы на исследования в два разных места. Официальные заключения ещё не готовы, но первоначальные предположения Морозова уже нашли своё подтверждение.

– Дай посмотрю, что он ещё пишет, – Император требовательно протянул руку к папке, – Эх, знал бы ты, как он нас строил в своё время. А обзывал как изобретательно… У курсантов целые книжицы по рукам ходили с его изречениями. Так, а вот про это почему молчишь? «С высокой долей уверенности можно сказать, что применение подобных кристаллов значительно меньшего размера в носимых амулетах может перевести их воздействие на один класс выше» – государь ногтем подчеркнул строчки рапорта и выжидательно взглянул на князя.

– Мнение Морозова до исследовательских лабораторий доведено. Как только получу официальное подтверждение, так всенепременно доложу. А предположения мне по службе высказывать не положено, – суховато отозвался князь на несправедливый, по его мнению, упрёк.

– Да ладно тебе, Вов. Ты только попробуй себе представить, насколько те же щиты можно будет изменить, – Император перешёл с лучшим другом детства на обычное общение, что свидетельствовало о его волнении, и заходил-забегал по кабинету.

– Что же их раньше не меняли? – ворчливо осведомился

князь, крутя головой вслед за государем.

– Да как не меняли? – всплеснул тот руками, – Ты пойми, что Морозов тебе пишет: – «На один класс выше». Это же средний пехотный щит получается. Тот самый, который на десять минут не только от пуль защитить может, но и от небольших снарядов.

– Ага, и весит он центнер.

– Восемьдесят пять килограммов, – машинально уточнил Император, будучи в военном деле более подкован, чем его друг, – Зато от половины твоих бодигардов можно будет избавиться на прогулке. Одену один-два амулета, и хоть спокойно по саду пройдусь. А то твои слоны все клумбы мне вытоптали.

– Хм, так это же в корне всё меняет. Я в этих ваших классах небольшой специалист, вот и не сообразил сразу. Погоди-ка, дай подумать… – князь ожесточённо начал растирать виски. Император остановился, и наклонив голову, с улыбкой смотрел на своего друга и на то, что он сотворил с тем, что раньше было идеальной причёской, – Два на объекте, ещё четыре на охране и два на прикрытии, – князь был похож на фанатика. Закрыв глаза и раскачиваясь он что-то бормотал про себя, тряс растрёпанной шевелюрой, и считая вслух, загибал пальцы, время от времени фыркая и начиная всё снова.

– Володя, очнись, ты чем занят-то? – со смешком поинтересовался государь у князя.

– Схемы твоей охраны пересчитываю, – отмахнулся от него Обдорин. Однако, придя в себя, он выпрямился, с секунду ошалело поводил по сторонам глазами и виновато добавил, – Знал бы ты, сколько мне нервов и седых волос покушения эти добавили. Из трёх мы тебя чудом вытащили, а сколько ещё заговоров заранее раскрыли.

– Знаю Володя, знаю. Но тут ничего не поделаешь. Времена меняются. Одни уходят, другие их место занимают, а виноват как всегда Император. Отсюда и недовольные, и заговоры, и покушения. Можно подумать, что если меня сменит кто, то это что-то поменяет. Нет. Реку вспять не повернуть. Направить в нужное русло ещё как-то можно, а вот плотины воздвигать, да в трубы и берега узкие загонять, пока не получится. Итак всё из кусочков собрано. Не велика нам честь, если страну развалим, да армию на голодные и оборванные толпы населения бросим. Поэтому так ещё долго будет. Даст Бог, может у детей моих, или внуков иная жизнь настанет. Ладно, всё это лирика. Ты дальше мне расскажи, что ещё тут, в твоей папочке, есть из интересного. И причешись хоть немного, а то зайдёт кто, увидит тебя таким, а потом слухи ненужные поползут по всему дворцу.

– Пока непонятно, кто и как расправился с противниками

Бережковых. Судя по фотографиям их имения под бомбёжку попали, – князь вытащил несколько чёрно-белых фотографий весьма приличного качества, и передал их Императору, – Но в эту версию не укладывается отсутствие дирижабля. Ни шума, ни магических проявлений в обоих случаях не отмечено. Без магии у нас дирижабли не летают, а в каждом имении стояли современные сигнализации на магию. Опять же бомбы. Воронки просто огромные. Словно там пятисотки рвались. Но только не они это были. Нет ни осколков, ни следов взрывчатки. Зато иногда вот такие штуки встречаются, – из кармашка папки князь извлёк пару кусков искорёженной медной ленты, с остатками рунных скриптов, – Я туда вчера своего мага отправил. Сегодня к вечеру результат узнаю.

– Хм, бесшумный дирижабль-невидимка и магические бомбы небывалой мощности. Очень интересно. Бережковых нашёл?

– Мой агент встретился с молодым Олегом Бережковым, когда тот накопители сдавал в Оружейный Приказ. Передал приглашение от моего имени на встречу с Главой их Рода. Парень ему пообещал, что в течении недели Глава свяжется с моей канцелярией. Так что дня через три-четыре можно будет встречу назначить, – смягчил князь общую картинку той встречи в Оружейном Приказе, невольно выгораживая своего сотрудника.

– Ты Володя, совсем кабинеты забросил, что я тебе при дворце выделил. А встречу… – государь пролистал свой ежедневник, – Встречу на среду назначь. На семнадцать ноль-ноль. Здесь, во дворце. Что-то мне сильно захотелось с Бережковыми лично познакомиться.

* * *

Никогда ещё купец Киякин не завершал рейс в таком благостном настроении. Этому в немалой степени способствовали и восторги экипажа, и небывалое единение с судном, и горячие споры о том, как их любимый воздушный корабль сделать ещё лучше. Своего мнения Степан Васильевич вслух не высказывал, что только подогревало споры в кают-компании. Хмыкая себе в бороду, купец заранее продумал обычную житейскую хитрость. После прилёта у него на обеде будут все участники прошедшей ранее реконструкции его дирижабля, а там смотришь, и сладится разговор о том, что ещё изменить можно. Вот тогда-то, собрав из всего услышанного самое полезное, он и скажет своё веское слово. Талантливому руководителю не обязательно всё изобретать самому. Его талант в том, чтобы из множества

предложений подчинённых выбрать лучшие.

Гости начали съезжаться заранее. Первыми приехали маги с дирижабля. Знали, черти, что хлебосольный купец не заставит их «на сухую» сидеть в ожидании, пока все гости соберутся. Вот и поторопились.

Затем Пётр Алексеевич пожаловал.

Притарахтел на мотоцикле Иван Силыч.

В щегольском экипаже подкатил капитан-техник второго ранга.

– Кого ещё ждём, господа? – поинтересовался один из магов, принявший «на грудь» чуть больше остальных.

– Лёшка вроде ещё среди приглашённых был, – ответил вместо отвлёкшегося купца начальник мастерской.

– Фи, вот ещё. Было бы кого ждать, – капризно вздёрнула верхнюю губу купеческая красавица-дочка, которая сегодня была на удивление хороша.

– Ну, время ещё не вышло. Пять минут и подождать можно, – взглянув на массивные часы в зале, примирительно высказался Игорь Семёнович, больше для того, чтобы обратить на себя внимание девушки.

– Это ещё кого принесло? – поинтересовался Усольцев, увидев сквозь штакетник забора шикарный чёрный автомобиль, подъехавший к воротам дома.

– Без малейшего понятия – ответил ему растерявшийся Киякин.

– Боярин Олег Бережков велели доложить, что прибыли по приглашению, – запинаясь и конфузясь объявил в дверях старый слуга Прокопьич, впервые в своей жизни выполнявший функции дворецкого.

– Здравствуйте, господа. Надеюсь, я не опоздал, – улыбаясь, вышел из-за спины слуги молодой высокий парень, в отлично пошитом тёмно-сером костюме, с гербом Рода на нагрудном кармане. О том, что прибыл Глава Рода свидетельствовала небольшая корона, золотом вышитая над гербом.

– Ёлы-палы! Так это же Лёшка! – первым пришёл в себя Иван Силыч, и посмотрев на отвисшие челюсти собравшихся, заливисто захохотал, со всей силы шлёпая себя по бокам, – А я ведь знал, чувствовал, что не прост этот парень, – сквозь смех выдавил из себя механик, вытирая ладонью слёзы от смеха.

Глава 6

Глухие, мерные удары за окном разбудили Олега. Вскинувшись было, он оглядел спальню и расслабился, снимая с себя наспех накинутые щиты. Зимнее утро уже брезжило за окном рассветной хмарью, а значит и время не такое раннее. Допоздна они вчера засиделись, составляя список первоочередных задач, вот и проспал он привычные часы подъёма.

Выбравшись из-под тёплого одеяла, Олег подошёл к окну. Крепко на улице похолодало. Окна наполовину покрылись кружевами инея. Шумел дворник. В высоких валенках и кожухе с поднятым воротником, он методично сбивал лёд с широких ступеней перед их домом.

В доходный дом Софочки Гольштейн Олег переехал по предложению Усольцева, сняв там половину третьего этажа. Огромная восьмикомнатная квартира ему была не слишком-то нужна, но положение обязывало. Высокие потолки квартиры по зиме оказались не слишком удобны. Всё тепло уходило вверх и по утрам в его новом жилище было зябко. Магию для обогрева Олег не применял, предпочитая делать в прохладе утреннюю гимнастику. Проходя на кухню, он мельком оглядел большой обеденный стол в зале, заваленный чертежами и кучами деталей. Хорошо они вчера поговорили. Многие моменты их плана заняли теперь свои места.

С приездом Рудольфа Генриховича, вышедшего на пенсию бывшего начальника экспериментальных мастерских одного из солидных имперских институтов, их споры приобрели совсем иной характер. Дедок прилетел по приглашению Усольцева, у которого когда-то он был в наставниках. Старикан оказался жутко въедливым, ехидным и не в меру дотошным. Многие их затеи он быстро «приземлил», несложными расчётами показав, что простое увеличение мощности простым не бывает.

– Ага, значит молодые люди легкомысленно считают, что в вашем случае будет вполне достаточно, если вы поднимете мощность, передаваемую на вал, в два-три раза. Допустим, вам такое удастся сделать. Вот только позвольте вас спросить, а на что вы собрались опереть этот вал? Те же подшипники и станина для него окажутся маловаты, как и сами размеры вала. Их не наобум конструировали, а под определённые нагрузки. А значится не уложиться вам в текущий вес и размеры, на что вы по-моему всерьёз рассчитываете. И повышением оборотов вам проблему не решить. Маловато пока в стране станков, чтобы могли детали на высокооборотистую технику делать. Там

точность высокая требуется и культура производства совсем другая. Детальки-то до зеркального блеска полировать придётся, и строго в размер. Причём допуски тоже будут на порядок жёстче, – поблескивая толстыми стёклами старомодных очков, громил старик их идеи одну за другой.

– Да ладно. Это-то как раз не так сложно, – не соглашался с ним Олег, разгорячённый спором.

– Не сложно! – удивлённо уставился на него и чуть не начал подпрыгивать на стуле Рудольф Генрихович, – Что вы в этом понимаете? Было бы просто, так у нас давно бы самолёты везде летали и машины вдвое быстрее ездили. А та же артиллерия стреляла бы намного дальше и точнее.

– Но это же на самом деле можно решить крайне просто, – в свою очередь искренне удивился Олег.

– Может быть вы поделитесь со старым практиком своими сакральными знаниями? Удивите, так сказать, меня под старость лет? – сняв запотевшие очки, и протирая их замшевой тряпочкой, поинтересовался старикан.

– Извольте, могу даже показать на примере, – пожал Олег плечами, вспомнив, что у него есть в багаже необходимый артефакт, – Мне потребуется несколько минут, чтобы собрать всё необходимое для демонстрации.

Оставив ненадолго собеседников, Олег пошёл в спальню, где у него хранилось несколько старинных семейных вещиц. В далёкие, уже забытые времена, когда магия заменила утерянные технологии, один из его далёких предков соорудил «ножеточку». Нехитрое приспособление позволяло упрочнять режущую кромку ножей из плохонького железа и доводить их до бритвенной остроты. Весь секрет крылся в двух отполированных поверхностях кристаллов и создаваемому между ними миниатюрному заклинанию щитов. Заклинание создавало огромное давление и сминало кромку металла, словно пластилин. Сколько самого разнообразного инвентаря Олегу довелось «затачивать», теперь и не упомнишь. От кос и кухонных ножей, до перочинных ножиков его друзей-сверстников и рыболовных крючков для осетровых самоловов. Дед строго следил за тем, чтобы парень почаще занимался с этим забавным артефактом, помогающим ему освоить управление их фамильным заклинанием.

– На этих ножах я вам покажу, как можно быстро и просто работать с металлами, – Олег выложил на стол несколько обычных столовых ножей, не отличающихся особой остротой, – Такой же принцип можно применить и для иных воздействий на металл. Надо только менять форму и размеры кристаллов.

С этими словами парень начал работу. Проведя несколько раз

ножом сквозь щель между кристаллами, он придирчиво осмотрел получившееся лезвие.

– Ну вот. Как-то так, – довольно прищурился Олег, отрезая пару полосок бумаги «заточенным» ножом от листа газеты, который он держал на весу, – Руками проверять остроту не рекомендую. Порежетесь. Им теперь бриться можно.

Передав острый нож Рудольфу Германовичу, Олег принялся за следующий.

– Позвольте, но как же так… – послюнявил порезанный палец старик. Ведь не удержался таки, Фома неверующий, проверил пальцем остроту лезвия.

– Я создаю высокое давление за счёт магии. Примерно так же, как это происходит в прокатном стане. Только делаю это на небольшом участке, – продолжая заниматься ножами, начал Олег свои объяснения, – Полированные грани кристаллов здесь установлены клином и магически защищены. Поэтому металл как бы раскатывается между пластинами, повторяя форму клина. Режущая кромка заметно упрочняется и приобретает зеркальный блеск. Всё, как вы и заказывали. Думаю, нам ничего не помешает применить эти же принципы и для других видов обработки.

– Принципы… – прохрипел старик, задыхаясь и багровея лицом, – Принципы! – внезапно сорвался он на крик и со всей дури приложил по столу толстой кожаной папкой с чертежами, – Ну, ладно он, маг. А ты, – развернулся дедок в сторону Усольцева, – Ты-то должен соображать, что он нам только что показал. Какие к чертям двигатели-шмигатели! Это же революция! Грандиозный технологический прорыв! Изобретение века! Инструмент, позволяющий с микронной точностью производить уникальное оборудование…

Дедка удалось успокоить только через полчаса. Очень помог коньячок, за которым сбегал к Софочке догадливый Усольцев. Сгоряча старик жахнул приличный глоток, а когда прокашлялся, то уже заметно остыл. С недоумением посмотрев на ополовиненный бокал, он огляделся, и уже значительно спокойнее начал расспрашивать Олега о принципах работы артефакта. Разошлись спорщики далеко за полночь.

Громадная серебристая сигара пассажирского дирижабля только с виду ползла по небу неспешно. На самом деле перелёт от Рязани до Новой Москвы занимает чуть больше двух часов. Двигателей, вынесенных на отдельные подкрылки в хвостовой части, пассажиры первого класса почти не слышат. Так, словно муха жужжит где-то в комнате, не мешая никому общаться вполголоса.

Олег лишь изредка отвлекался от проплывающей внизу

картины. В основном он поглядывал на девушек, фланирующих в салоне первого класса. Парень невольно сравнивал их с дочкой Киякина, и надо сказать, сравнение пока было не в пользу пассажирок. Оказывается, надменная красавица может быть вполне обаятельной, если посчитает, что объект мужского пола заслуживает её внимания.

Вылететь пришлось на сутки раньше, чем Олег изначально собирался. Купец Липатов умеет быть настойчив, когда это ему нужно для дела. Вот и уговорил он Олега воспользоваться его особняком в ближнем Подмосковье, а заодно и встретиться, дела обсудить.

Три чёрных монстровидных внедорожника, в один из которых усадили Олега, устроили настоящую чехарду на трассе, постоянно меняясь местами. Судя по алым щитам, нанесённым на передние двери и капот, и золотой эмблеме на алом фоне щитов, машины принадлежали солидному столичному охранному агентству. За городом к ним присоединились два пилота в МБК, на небольшой высоте летевшие впереди по обеим сторонам дороги. Олег только головой покачал, удивляясь параноидальным мерам безопасности, которые организовал купец. О причинах в машине интересоваться не стал. Ерофей Константинович тоже был не слишком разговорчив. Особой паники у него Олег не заметил, но грозно насупленные брови и тяжёлое пыхтение говорили о явном волнении купца.

На въезде в усадьбу Олег заметил две свежие сторожевые вышки, которые ещё не успели покрасить, и три серьёзных новых шлагбаума, со следами недавних земляных работ около их массивных столбов. Бетонные колпаки дотов недалеко от них тоже ещё не покрылись снегом и равнодушно смотрели на проезжающий конвой узкими глазами-бойницами.

Всё говорило о том, что буквально несколько дней назад обитатели усадьбы всерьёз озаботились нешуточными мерами безопасности. Словно они не около столицы живут, а в приграничном районе с не самыми спокойными соседями.

– Случилось что, Ерофей Константинович? – спокойно спросил Олег, после того, как переоделся с дороги и прошёл к купцу в кабинет.

– Не знаю, как и сказать. Случилось не случилось, но узнал я на днях, что Глава-то у Рода Мансуровых выжил, – купец негромко постучал всеми пальцами по столу, ожидая реакции Олега.

– Ну выжил и выжил. В чём печаль-то? – как можно равнодушнее постарался ответить парень.

– По слухам, Дар у него пропал… Да и сам, если

выкарабкается, то инвалидом останется. Переломало его всего. Пока из-под завала его откопали, все сроки для излечения вышли. Ни один столичный Целитель не взялся Мансурова на ноги поставить.

– Верны ли слухи? – Олег постарался изобразить на лице всего лишь лёгкую заинтересованность.

– Вполне. Надёжный человек работал, – купец ещё раз немного подержал паузу, но не получив от Олега никакого отклика, сам же и продолжил, – У отца его определённо прогрессирует тотальная деменция. Месяца через два он совсем умом тронется. Хотя пока по прежнему опасен. Осталась у него пара-тройка надёжных людишек. Убивцы – пробы ставить некуда.

– И ради этой тройки вы тут доты понастроили? – спросил Олег, не скрывая удивления.

– Столица, она и есть столица. За ОЧЕНЬ большие деньги тут многое можно. Например дело по быстрому сфабриковать и группу захвата сюда направить. А там, кто его знает, что за ЧП произошло с обвиняемым при задержании. Другой вопрос, что батальон сюда точно не пошлют. На такое у них денег не хватит. А взводом нас с ходу не взять. Потом, глядишь, и наши люди здесь появятся. И тоже, на вполне себе законном основании поинтересуются, кто и зачем пришёл, да и по какому праву. Из-за денег конторы между собой ссориться не станут. Разойдутся краями, а с заказчика неустойку снимут. Агентство у нас нанято не простое. Все сплошь ветераны. Их на драной козе не объедешь. Права знают, и с Законом умеют грамотно обходиться. Ну, и слава о них по столице определённая ходит. Такая, что продажные душонки в погонах их до дрожи боятся. А кто не боится, тот, как минимум, опасается. Нет, сюда теперь вряд ли кто полезет. Не по их зубам кость.

– Всё настолько серьёзно? – озадачился Олег. Он до сих пор вспоминал свою эпопею по сдаче налога в Оружейный Приказ, как значимую операцию, а тут обычный купец собирается воевать со взводом спецназа.

– Нет, не на столько. Всё гораздо хуже. Возможно, намного хуже. Давай поговорим про твои новые накопители, – предложил Ерофей Константинович, доставая из старинного бюро большой красивый резной ларец с новеньким накопителем и ультрафиолетовый фонарик.

* * *

Изучив распорядок дня князь Обдорин-Тверской

удовлетворённо кивнул головой. Все три важные встречи на сегодня подтверждены. В том числе и та, на которую он не слишком-то и рассчитывал, не раз уже пожалев, что заикнулся перед Императором о сомнительной информации, полученной от своего агента. Обычно аудиенция к князю назначается за месяц и секретари по три раза перепроверяют, не случилось ли что с посетителем такого, что помешает ему прибыть вовремя.

Для всех правитель страны – это нечто сродни небожителю. И лишь немногие знают, что как раз нормальному правителю приходится работать по двенадцать часов в день, постоянно лицедействуя, меняя мундиры, и принимая на себя ответственность за нестандартные решения. Обдорин вполне справедливо считал себя не самой бесполезной шестерёнкой в часовом механизме государства. Такое сравнение, с часовым механизмом, когда-то давно придумал сам Император.

– Что-то проржавел у нас граф Меньшин. Похоже, у него половина зубцов высыпалась. Большие недоработки по его ведомству замечаю. Объяви-ка, Володя, ему моё неудовольствие, для начала. А как не поймёт, так и снимай его сам. Даю на то тебе своё согласие, – такие замечания не были чем-то необычным в их отношениях. Император явно давал понять, что кто-то из тех, кому он доверил частичку Власти, мешает работать всей государственной машине. К постоянной ротации кадров бояре привыкли не вдруг. Поначалу им было удивительно, что многие должности теперь не передаются от отца к сыну.

– Вырастили оболтусов, сами их и кормите, – столь резкую отповедь как-то раз тогда ещё молодой Император выдал прилюдно. Оболтусов постепенно при дворе поубавилось, пусть и не до конца, но эти слова бояре запомнили, и не раз своим чадам их цитировали. Иметь хорошее образование стало модным, а когда категории государственных должностей к имперским стандартам привязали, так и вовсе стало необходимым.

Прочитав следующий документ, князь поморщился. Опять одно и то же.

Раса, язык, религия – это всё одна и та же пустопорожняя болтовня, которую веками используют для поиска врагов. «Добрые» – это те, кто победил в этот раз, посылают убивать своих единоверцев тысячи «иноверцев», мотивируя их по сути националистическими благоглупостями. Пусть их противоречия не против нации, а против религии или языка, но если разобраться, то какая в этом разница. Да никакой. Сплошная политика, борьба за власть и кошельки прихожан.

Давайте объявим врагами тех, у кого красный цвет кожи, или тех, кто говорит на хинди, а может других, тех кто молиться не

той щепотью. Были же ради троеперстия в своё время убиты миллионы славян.

И опять прольём кровь… Других… Не таких, как мы…

Для погрязшего в быту, разочарованного своим существованием, слабохарактерного обывателя призыв присоединиться к армии избранных становится новым рождением. Серая жизнь без цели неожиданно обретает высший смысл, а смерть оппонентов подпитывает чувство собственной избранности, окрашивая борьбу за мнимую справедливость в кровавые тона.

Ему не важно, кто Враг. Еврей, католик, гугенот или чероки. Он – избранный. И его задача – убивать. С именем Его на устах.

Имена эти время от времени меняются.

Не меняется суть.

Если людям всё равно, за что идти и убивать себе подобных, то какая разница между Энгисики и Майн Кампфом. Избранные должны убивать!

Рано или поздно, но человеческая прагматичность придёт к более короткому финалу и люди станут убивать «других» уже ради «доллара во всём мире» и «экономических интересов отдельно взятой страны».

Эволюция, однако. История. Цель и смысл очередной религии наконец когда-то были названы своим именем.

Убей иных во имя Доллара.

Князь встряхнулся, и начал ещё раз перечитывать документы. Он – рабочий Империи. Пусть не главная, но важная шестерёнка государственного механизма. Да, с высоты его положения и благодаря специфике его службы ему зачастую известно намного больше, чем обычным людям. И конечно, на допросах он часто узнаёт правду. Но психология людей трудна для переделки. Им всегда нужен Враг.

До встречи в Императорском дворце оставалось шесть часов.

* * *

Во дворец Олег приехал заранее. Документы у него проверили тщательно, хотя вышедший им навстречу офицер и перекинулся парой слов с одним из его охранников, явно своим знакомым. Народу в небольшой приёмной, отделанной панелями из тёмного дерева и белоснежным мрамором на полах и колоннах, оказалось немного. Старик, с грубыми мозолистыми руками и пара типусов, больше всего похожих на деятелей науки. Один из них так и вовсе парик на себя напялил, щедро его

припудрив. Подобного рода изыски придворной моды Олег до сих пор видел лишь на портретах. За высоким столом с конторкой незаметно затаился секретарь, лениво перебирающий скудную стопку бумаг перед собой.

Решив, что очередь до него дойдёт не скоро, Олег уселся на угловой диван и занялся медитацией. То, что его вызвали первым, для него оказалось неожиданностью.

– Проходи. Присаживайся за стол, – князь Обдорин, сидевший за небольшим столиком у окна, махнул рукой в сторону массивного длинного стола для посетителей, снабжённого дюжиной полукресел, – Я скоро к тебе присоединюсь.

Полистав минут пять документы, в которые он время от времени что-то вписывал на полях, князь поднялся, и одёрнув мундир, уселся напротив Олега, проигнорировав председательское кресло во главе стола.

– Ну что же, давай знакомиться будем. Про меня ты наверняка кое-что слышал, да и я про тебя уже немало знаю. Так что эту часть знакомства мы опустим. Это всё личины, которые после нас на бумаге для потомков останутся. Мне гораздо интереснее понять, что ты сам за человек. К чему стремишься, как на мир смотришь. Что в провинциях интересного видишь? Всё ли тебя в стране устраивает, или с чем-то не согласен? Поделишься со столичным чиновником своими взглядами со стороны? А то, знаешь ли, некоторые считают, что мы, столичные жители, совсем страну не знаем, – князь свои вопросы задавал весело, с улыбкой, вроде бы как приглашая парня на дружескую беседу. Вот только общее впечатление немного портили его глаза, похожие на две прозрачные холодные льдинки.

– Сами понимаете, что мне нашу жизнь со столицей сравнивать сложно. Не знаю я, чем здесь народ живёт, – осторожно начал Олег, под одобрительные кивки князя, – Люди постарше меня говорят, что жизнь у нас последнее время резко меняться стала. Промышленность сильно в рост пошла. Молодёжь всё больше в города стремится, от земли отрываясь. Народ начал жить сытнее и богаче, чем раньше. Новой техники много появилось. Заводы и фабрики большие построили и ещё строят. Товара с них теперь в десятки раз больше выходит, и по цене дешевле получается. Понятно, что не все таким положением дел довольны. Бояре, те же в основном от земли жили, да от мелких мастерских при деревнях. А как начал народ от них уходить, да на товар цена понизилась, так и у них доходы упали. Рабочие новые, те тоже изрядно ропщут. Приедет молодой парень с деревни, устроится на завод, и первый год живёт, считайте впроголодь. Пока то он специальности обучится, да деньги

приличные получать начнёт, изрядно времени пройдёт. Не многие до конца обучения дотягивают. Городу постоянно рабочие руки нужны. Так что осмотрится паренёк в городе месяц-другой, да и уйдёт с завода. Кто в строители пойдёт, кто приказчиком в лавке устроится, да и других мест немало. У нас в газете три листа приглашениями на работу заняты. Я сам, когда подмастерьем в ремонтную мастерскую работать устроился, и то больше получал, чем рабочий первого года на заводе.

– О как! Не побоялся белы ручки замарать? Это как же так тебя угораздило-то… Не любите же вы, бояре, руками-то работать. Не боярское это дело, – последнее предложение развеселившийся князь произнёс прилично растягивая слова и старательно окая. Явно кого-то передразнивал.

– Так я и не был на то время боярином. Оттого и работать пошёл. Бумаги-то на боярство я уже позже выправил. После того, как налоги сдал, – впервые позволил себе чуть улыбнуться Олег, давая понять князю, что он прекрасно осознаёт определённую противоречивость в своих действиях, как собственно и то, что никаких укладов он формально при этом не нарушил.

– Понятно. Ловок, значит, – подвёл итог князь, усмехнувшись, – Ну, и зачем тебе это нужно было?

– Когда теперь доведётся обычной человеческой жизнью пожить. С людьми хорошими и интересными накоротке познакомиться. На жизнь с другой стороны взглянуть. Хорошее время было. Мне многие свои взгляды пришлось пересмотреть, – Олег ответил честно, глядя князю в глаза. Прямоту его ответа князь почувствовал. Была в словах парня та искренность, какую не часто услышишь в придворных беседах, больше похожих на хитро сплетённые паутины. Не совсем привычный разговор у них получается. Нет в нём той игры намёков и интонаций, где Обдорин чувствует себя, как рыба в воде. Князь даже слегка растерялся. Давно с ним никто не разговаривал с такой непосредственностью, с виду абсолютно не обращая никакого внимания на разницу их статуса.

Князя удивило откровенное сожаление, с которым парень рассказывал ему об интересном периоде в своей жизни. Он ничуть не лукавил, и в его словах не чувствовалось фальши, когда он на мгновение смешно наморщив нос, упомянул о своём боярстве, как о чём-то не слишком приятном. Глядя на Олега, Обдорин с щемящим чувством ностальгии вспомнил годы своей молодости.

Когда-то давно, он точно так же «уходил в народ». Сменив мундир на одежду мещанина и приклеив усы, молодой тогда князь иногда на целый вечер убегал из дома. Он гулял по

набережной, ходил по ярмарке, флиртовал с красивыми девушками, бузил в трактирах с компанией подвыпивших студентов. На какой-то миг князю захотелось сегодня же вечером повторить свои юношеские подвиги, но вспомнив про предстоящие дела, он лишь горестно вздохнул, отгоняя наваждение.

– О чём это вы тут так мило беседуете? – за разговором оба собеседника не услышали, как в кабинете открылась дверь и в комнате появился новый человек. Зашёл он не через тяжёлые парадные двери, ведущие в приёмную, а через неприметную дверку в углу кабинета, наполовину прикрытую парчовой занавесью.

– Ваше величество, – легко поднялся князь из-за стола, одним движением бровей и вскинувшейся головой потребовав от Олега сделать то же самое, – Провожу беседу с новым Главой Рода боярином Бережковым.

– Да садитесь вы, и я с вами посижу немного. Про Бережковых знаю. Знатные накопители они делают. У меня самого в МБК накопитель их работы стоит. Слышал я, что изменили вы там что-то. Говорят, теперь они ещё лучше стали? – государь неторопливо пересёк кабинет, и устроился во главе стола.

С ответом Олег затруднился. Впервые увеличенную ёмкость накопителей он заметил, когда заряжал те, которые потом упали на усадьбу Мансуровых. В текущей горячке он тогда не обратил особого внимания на возросший объём сохраняемой энергии, пообещав себе разобраться с этим вопросом позже. Зато вчера вечером, выслушав Липатова и проделав с ним некоторые опыты, он осознал, что полученные им кристаллы существенно отличаются от тех, которые они с дедом делали раньше.

– Ваше Величество, про большую часть серьёзных отличий я сам узнал только вчера вечером. Полноценно изучить все возможности кристаллов я в столице не могу. Хотя, боюсь, что и в других условиях у меня может не хватить знаний. Я эти кристаллы умею выращивать, а новые возможности скорей всего проще выявить тем, кто имеет опыт эксплуатации подобных накопителей, – поскромничал Олег, стараясь следовать наставлениям купца. Не зря Липатов предупредил его о нежелательности поспешных выводов. Лучше будет, если к новым возможностям накопителей специалисты постепенно привыкнут. Тогда и скоропалительных решений о своей судьбе придётся меньше опасаться.

– А много ли накопителей способна производить ваша мастерская? Сможете их выпуск увеличить? – Император упёрся локтями в стол и сложив пальцы в замок, опустил на них

подбородок. Под его изучающим взглядом Олег почувствовал себя неуютно.

– «Словно бабочку сквозь увеличительное стекло рассматривает», – подумал он про себя.

– Один я остался из тех, кто алмазы может производить. К тому же, через полгода у меня срок службы подходит. Тут свой-то налог дай Бог вытянуть, – эти фразы Олег заготовил заранее. Несколько вариантов. На все возможные повороты в беседе. Ни словом не соврав, он давал понять, что особых трудовых подвигов от него ждать не стоит.

На самом деле всё обстояло не так уж плохо. За неполный месяц, в несколько подходов у него получилось вырастить шестьдесят полноценных кристаллов и ещё двенадцать ушли в переработку на более мелкие, так как они вышли с браком. Кстати, это очень неплохое соотношение. У деда добрая половина обычно в брак уходила.

– Значит заказ на ещё одну дополнительную сотню ты не примешь, даже если тебе очень выгодные условия предложить? – с усмешкой прищурился государь.

– Приму, если они мне вторым налогом окажутся, – спокойно ответил Олег, хотя мысленно он сжался, словно перед прыжком в прорубь. Вряд ли в разговоре будет более удобный момент, чтобы свои пожелания по делу заявить, – Вот только сначала со службой мне надо разобраться.

Подобный поворот в предстоящей беседе они с купцом Липатовым предполагали, не ожидали правда, что говорить не с князем, а с самим Императором придётся.

– Что за второй налог? – нахмурился государь, – Понятнее говори.

– Земли у меня по соседству могут освободиться. Если под себя их возьму, то мне сподручнее налоги накопителями выплачивать будет.

– Это на какие земли ты нацелился? На Мансуровские, или те, что Федорищевым принадлежат? – вмешался Обдорин в их разговор, заметив, что Император на него оглянулся. Материалы по делу Бережковых он сегодня прочитал ещё раз, оттого и вопрос легко задал.

– На Федорищевские. Мне известно, что там от всего Рода одна жена Федорищева-младшего осталась. Есть у них в Роду ещё две семьи, но тем особо рассчитывать не на что. У них по одному-два слабеньких мага осталось, да и те без права наследования, – выложил Олег информацию, которую ему подробно разъяснил Липатов. У Рода, оставшегося без прямого наследника по мужской линии, земли государство изымает.

Земли Федорищевых, по словам купца, представляли немалую ценность. Одно то, что они имели два удобных выхода на крупную судоходную реку, уже делало их крайне привлекательным приобретением. Сейчас любой речной порт – это живые деньги, и немалые.

– Такой вопрос с налёта трудно решить. Направлю я туда человечка. За неделю всё до тонкости разузнает, – сказал князь, обращаясь к Императору. Научились они без лишних слов понимать друг друга. В конце концов для Империи нет никакой разницы, кто из бояр на какой земле хозяйствовать будет. А вот вдвое увеличить количество пилотов-гвардейцев, то задача не шуточная. Поприжмут тогда хвосты, кто против Императора что-то недоброе умыслить собрался. Опять неспокойно нынче стало в столице. Многие князья да бояре сюда перебрались, от войны подальше, и людишек оружных с собой привезли. Что ни день, то только и слышишь про происшествия. Словно с цепи сорвались прибывшие бояре, в своих стремлениях столицу удивить. Ладно бы, просто пили и гуляли, так нет. Безобразия всякие учиняют. Каждый день то тут, то там до стрельбы дело доходит. Полиция с ног сбилась, каталажки переполнены, а понаехавшие всё никак не успокоятся.

– Тогда по налогам с князем Обдориным вопрос дальше решай, а сейчас давай про службу твою поговорим. Сам-то где служить собрался? – кивком отметив участие Обдорина, переключился государь на Олега.

– Рассчитывал на пилота МБК выучиться. Уровня магии мне с избытком хватает. Физические показатели тоже соответствуют. Думаю, трудностей не возникнет, – Олег озвучил свою мечту, и с волнением посмотрел на обоих собеседников. Скажи они сейчас, что в небо его не пустят, и наверное он не выдержит, сорвётся с плавного хода беседы.

– Тебе, и летать на «горбатых»? Ну уж нет. Раз твои умения в гвардейские МБК вложены, то на них и будешь учиться летать. А кстати, другие маги, что, не могут такие же кристаллы делать? – забросал Император парня разнонаправленными вопросами.

Олег не сразу понял, что в будущих полётах ему не отказано, наоборот. Летать он будет, и не просто летать, а в лучших МБК Империи. Счастливая улыбка расплылась у него на лице, и он как-то упустил, что под конец ему был задан вопрос.

– Отвечай, – одними губами обозначил своё распоряжение князь, повернувшись к Олегу, когда заметил, что парень от радости забылся и медлит с ответом.

– М-м-м, другие маги… – Олег, словно школьник, прослушавший объяснения учителя, ухватился за запомнившиеся

слова. Он собрался было помотать головой, но осёкся под взглядом князя, – Ваше Величество, вы когда-нибудь на рояле играли?

– Было дело. Пытались меня научить. Не вышло. А к чему задан вопрос?

– Дед меня лет пять тренировал, прежде чем к установке допустил. И то постоянно кряхтел, что я поздновато начал, – Олег почесал бровь, раздумывая, как бы понятнее объяснить техпроцесс, и продолжил, – Это он мне про рояль рассказывал. Смысл в том, что сходу алмазы сделать ни у кого не получится. На рояле тоже с первого раза никому не сыграть. Смолоду надо навыки нарабатывать. Наша установка, в отличии от любого пианино, может взорваться, если с ней обращаться неправильно. Долго учиться нужно, прежде чем можно будет начинать работать с теми температурами и давлением, какие там применяются. Фактически, внутри установки, мы её называем «Чаша», происходит взрыв. Мне приходится его удерживать щитами, сложенными в виде раковины моллюска. На следующем этапе я добавляю заклинания, под огромным давлением ввожу технические газы, и кристаллы начинают расти. Весь процесс напоминает взрыв килограмма мощной взрывчатки, которым нужно управлять. Любая ошибка – смерть. С «Чашей» мне приходится работать контактно. И только после того, как кристаллы пошли в рост, от установки можно отойти, но контроль за щитами приходиться держать долго. Иногда часов двенадцать подряд. Потом мы давление стравливаем, и только тогда установка становиться безопасной.

– Значит, с младых лет обучать надо, говоришь. Так-то ты уже в возрасте. Невесту себе ещё не присмотрел? – государь взглянул на Олега, испуганно затрясшего головой, и со смехом добавил, – Ну, ничего. Это дело поправимое. Ладно, вернёмся к службе. Владимир Романович, ты пригласил людей?

– Так точно. В приёмной ожидают.

– Ну так зови, – потирая руки и заранее чему-то улыбаясь, распорядился государь, поднимаясь из-за стола.

– Франц Иосифович, здравствуй дорогой, давно тебя не видел, – двинулся государь навстречу старику с мозолистыми руками, которого Олег приметил в приёмной.

– Ваше Величество, так нет бы зайти когда в мастерские. А то в расположение полка только приедешь, и тут же фьють в небо, – прогрохотал в ответ старик, ничуть не смущённый неожиданной встречей с Императором.

– Зайду как-нибудь. Обязательно зайду. А пока вон посмотри, какую замену я для тебя приготовил. Целый боярин скоро у тебя в

учениках появится. Зовут его Олег Бережков. Ты не смотри, что он молод. В свои годы он уже Глава Рода. Да и ты его изделия отметил. Читал я рапорт твой, читал. Интересные предположения там тобой высказаны.

– Постой-ка. Так это он, чтоль, новые накопители-то Бережковские ваяет? – обернувшись всем корпусом, уставился могучий дед на Олега, – Ишь ты, глядишь ты. Ты, Ваше Величество, не в испытатели ли мне его сватаешь? Молод ведь он ещё. Бестолков. Совсем как ты был, когда у меня впервые появился. Поди-ка ни в МБК, ни в двигателях толком ничего и не разумеет? А раз боярин, так и гайку отвернуть не сможет, – старик с лукавым прищуром уставился на парня.

Олег сообразив, что все ждут от него ответа, а дедок подначивает его неспроста, решил подыграть старику. Больно уж тот ловко самого Императора между делом зацепил. Хотя, все улыбаются, кроме двух учёных, которые столбами замерли у дверей, и только головами крутят, ошарашенные появлением государя, и фамильярным обращением к нему со стороны голосистого дедка.

– И гайки крутить умею, да непростые, а те, которые побольше будут, чем в МБК, и в старых двигателях немного разбираюсь. Конструкция-то у гвардейских МБК наверно не слишком от обычных армейских отличается? Такая же древность? Рудольф Генрихович, и тот уже их прошлым веком называет, – Олег с удовольствием наблюдал, как у старика краснеет лицо и сжимаются кулаки. Однако упоминание о бывшем начальнике экспериментальных мастерских оказало волшебное действие. Дедок шумно выдохнул, крякнул чуть слышно и немного повернул голову, как это обычно делают люди со слабым слухом, пытаясь лучше прислушаться. Видимо, годы работы с громыхающими двигателями не самым благоприятным образом отразились на его слухе.

– Это какой-такой Генрихович? Густавсон? – исподлобья уставился старик на Олега, почти скрыв глаза за густыми седыми бровями.

– Он самый. Они с Усольцевым сейчас помощнее движок разрабатывают. Но Рудольф Генрихович считает, что не тем мы заняты. Для техномагии есть гораздо более интересное применение. А двигатели – это так, второстепенный вопрос. Его они в качестве примера собираются изготовить.

– А что же тогда ваш Густавсон считает приоритетным для техномагии? – вмешался Император, который с живым любопытством наблюдал за их разговором.

– Высокоточную обработку металлов под давлением, Ваше

Величество, – отчеканил Олег, вытянувшись по стойке смирно.

– Расскажи-ка поподробнее, боярин. Что это за зверь такой и с чем его едят? – чуть улыбнулся государь, отреагировав на попытку Олега изобразить из себя стойкого оловянного солдатика. Разговор он продолжил вместо старика, который шумно сопя, ожесточённо терзал пятернёй затылок, уставившись в пол.

– Имеется техномагический артефакт, способный обеспечивать сверхвысокое давление, при котором металл начинает течь. На этом принципе можно создать специальное оборудование, позволяющее за один-два прохода обрабатывать поверхности заготовок до зеркального блеска и с высокой точностью. Одновременно происходит заметное упрочнение металла, сопоставимое с хорошо прокованными изделиями. Области применения самые разнообразные. От оружейных и артиллерийских стволов, деталей двигателей, и до создания самых разнообразных станков и инструментов, где требуется высокая точность, повышенная износостойкость и прочность, – чуть громче, чем обычно, выдал Олег пояснения, поглядывая на старого мастера. Дед выпятил вперёд губы, словно он только что отпробовал старый выдержанный коньяк, и в такт словам Олега, еле заметно кивал головой.

– Что скажешь, Франц Иосифович, стоящее ли дело? – заложив большие пальцы в нагрудные карманы мундира, поинтересовался государь у старика.

– Рудик, с его-то опытом, на пустышку бы не клюнул. Зануда он редкостная, но если уж сказал слово, то значит уверен в результате, – отчего-то сердито ответил старик, явно не понаслышке знакомый с Рудольфом Генриховичем, – Будь результат даже вполовину так хорош, как парень рассказывает, и то за него двумя руками ухватиться стоит. Вот только думается мне, что паренёк-то не всё нам рассказывает. По роже его хитрой вижу, что сюрпризы у него не закончились.

Император энергично обернулся к Олегу, и одним движением бровей обозначил вопрос.

Хмыкнув от неожиданности, Олег вытащил из кармана небольшую овальную пластину и молча передал её старому мастеру. Зеркальные поверхности металлического овала имели разный цвет. С одной стороны пластина блестела серебром, а с другой – медью. Покрутив овал в руках, мастер так же молча передал пластину Императору.

– Сами объясните, или мне опять нужно вопросы задавать? – сердито спросил государь, недоуменно покрутив пластинку в руках и не дождавшись комментариев.

– Это были две монетки… – начал было Олег.

– Диффузионная сварка, – прервал его старик охрипшим вдруг голосом, – Прочность соединения у неё выше прочности исходных материалов. А он ей монетки сращивает, засранец.

* * *

– Вот что, Володя. Хочешь моим, хочешь своим именем и должностью, но ты мне безопасность этого парня обеспечь. И про невесту для него пора подумать, да может и не про одну. Не дело это, чтобы таким уникумам свои знания некому было передать. Чем-то мы его со временем и так поделиться заставим, а вот родовые знания он и придержать может. Видал, как Франц-то Иосифович с ним разговаривал? Как с равным. Знал бы ты, на каких выражениях он меня в своё время натаскивал, да и не только меня. Опять же Густавсон. Тоже личность незаурядная. Ему университет впору возглавлять по знаниям да открытиям им сделанным. Но там характер ещё тот. Бездарей он на дух не переносит, и скрывать своё отношение к ним и не хочет и не умеет. Нет. Раз уж эти мамонты парня за своего признали, то не прост парнишка. Ой, не прост. Не проворонь мне его, – Император, разгорячённый недавно закончившимся разговором, вышагивал по кабинету князя взад вперёд. Обдорин знал, что самые важные решения государь так и обдумывает, предпочитая ходить от стены к стене, заложив руки за спину. Для себя князь уже составил план, где и как он сегодня же вечером встретиться с главами кланов, в которые входили Рода Мансуровых и Федорищевых. Тянуть с таким вопросом не стоит. А ну как случится что с этим Бережковым. Вот же, задачку-то ему государь подкинул. Хотя… Надо будет парочку досье ещё на раз просмотреть. Глядишь, беседа-то и сладится.

* * *

Липатов встретил Олега у порога и пританцовывая от нетерпения, утащил к себе в кабинет на втором этаже. Разговор пришлось пересказывать в лицах, вспоминая слова максимально точно. Купец слушал Олега с открытым ртом, иногда он всплескивал руками, но тут же часто махал ладонью Олегу, чтобы тот не останавливался.

– Что могу сказать. Большой чести ты удостоился. Не часто мне от знакомых про их беседы с Императором слышать

доводилось, но про такой разговор ни разу даже речи не было. Поверил в тебя государь, заинтересовал ты его. Думаю, что если оправдаешь ты его доверие, то очень высоко взлететь сможешь. Про земли Федорищевых не переживай. Коли дело выгорит, я тебе и людьми толковыми, и деньгами помогу. Порт отстроим, так деньги-то быстро обернуться. Ну да ладно. Пошли вечерять. С детками своими познакомлю. Они, как узнали, что я в столице на неделю планирую задержаться, так и сами сегодня поездом приехали. Не сидится им, молодым, в родном доме. Сюрприз, видите ли, захотели отцу сделать, – ворчал купец, спускаясь к обеденному залу. Идя за ним, Олег только улыбался. Слишком уж добродушным получалось ворчание, чтобы поверить в то, что Липатов на самом деле раздосадован приездом детей.

Широко распахнув обе створки, купец неожиданно замер на входе в зал. Олег чуть было не ткнулся ему в спину, настолько резко тот остановился.

– Сынок, ты певичек балаганных на ужин пригласил, чтобы нас развлекли? – обманчиво ласковым голосом начал было купец. Продолжил он уже значительно громче, добавив в голос баса, – Это ещё что за матрёшки суздальские? А ну марш умываться, и чтобы через пять минут обе с чистыми моськами за столом были.

Олег, выглянув из-за плеча Липатова, увидел, как из-за стола вылетели две девчушки, и забавно путаясь в юбках, порскнули вон из зала. Впрочем, судя по затихающим переливам смеха, грозного отца они не слишком-то и испугались. Да и купец, повернувшись к Олегу, недовольным не выглядел. Его выходка дочерей скорей позабавила, как и их поспешное бегство.

Обеих красоток Олег за время ужина успел оценить по достоинству. Весёлые, подвижные, с милыми и очень живыми лицами, они создали за столом атмосферу праздника, абсолютно не прилагая к этому усилий. Невольно сравнивая их с дочкой Киякина, Олег так и не смог сам себе честно сказать, кто же из них милее и симпатичнее.

Глава 7

– И раз-два-три. Раз-два-три. Голову чуть назад. Легче, легче веди, медведь, – суетливый танцмейстер успевал следить за всеми парами, на ходу раздавая указания.

Гвардейцы – это не только блеск мундиров и грохот МБК. Они – военная элита Империи. В любых обстоятельствах обязаны соответствовать и уметь представлять свою страну достойно. Оттого со всем тщанием и обучают их не только военному искусству, но и этикету, танцам и языкам.

Занятие танцами сегодня проходит в Смольном. Так, по старой памяти, названо одно из лучших и престижных заведений, где обучают молодых барышень из самых знатных Родов. Раз в неделю у будущих гвардейцев проходят с девушками совместные занятия. В гости друг другу ездят поочерёдно. То гвардейцы в Смольный, то смолянки в Военную Академию. Танцами занимаются четыре часа, перемежая занятия двумя получасовыми перерывами. Молодёжь должна не только танцевать уметь, но и с должным тактом за столом себя вести и беседу поддерживать. Недаром классные наставники на каждое занятие с ними ездят, и усевшись в сторонке, наблюдают, не спуская глаз. Вот и сейчас один из них вытащил записную книжицу и делает там какие-то пометки. Судя по всему, достанется сегодня молодому князю Орлову, который вольготно рассевшись за соседним столом, что-то громко вещает хохочущим девицам, размахивая при этом руками. Ничего. Перепишет от руки правила поведения в обществе, и поспокойнее в следующий раз себя будет вести. Там всего-то пятьдесят семь страниц, если верить старшекурсникам, которые как-то делились с ними опытом выживания в Академии.

– И как вам, Олег Игоревич, пирожные, что вы отпробовали? – лукаво поинтересовалась у Олега его соседка по столу. Милая девица, с чертенятами в глазах и очень живым лицом. Надо сказать, что угощения на время перерыва воспитанницы Смольного готовят сами. Олег эту тонкость знал, поэтому лёгкие, воздушные кондитерские изделия брал с разных тарелочек.

– Как вам сказать, Елизавета Станиславовна. Они же настолько разные, что их даже грешно сравнивать. Например, берём вот это маленькое чудо, – Олег аккуратно переложил лопаточкой одно из пирожных к себе на тарелку, – Идеальная форма и румянец. Чуть ощутимая кислинка начинки. И, как сюрприз, вложенная внутрь каждого изделия изюминка. Очень ярко и волнующе получилось. Другое дело с этими шедеврами, – Олег положил себе пирожное с соседней тарелочки, – Они более

основательные. С лёгким ароматом ванили и послевкусием грецкого ореха. Спокойнее на вкус, и оттого возникает щемящее чувство домашнего праздника. Что-то вроде празднования дня рождения в кругу семьи, если хотите.

– Да вы поэт еды, – вторая девушка, большеглазая синеокая красавица с русой косой толщиной в руку, в противоположность своей подруге была нетороплива и плавна в движениях. Она словно полноводная река, или опытный боец, неторопливо перетекала из одного положения в другое.

– Что вы, княжна, ни в коем случае, – отрицательно помотал Олег головой, улыбаясь, – Еда – это совсем не то, с чем можно сравнивать ваши изделия. Еду нам на марше дают, когда из котла передвижной кухни наваливают в тарелки гречку с тушёнкой. Вот в той еде точно нет ни души, ни мастерства. Зато она позволяет организму максимально быстро восполнять калории. Полёты и марши порой отнимают много сил.

– Вас уже учат летать? – княжна удивлённо раскрыла свои и без того огромные глаза, вычленив из ответа Олега наиболее интересующую её тему.

– О, про полёты вам лучше всего расскажет мой друг. У него высшие баллы по всем полётным экзерциям и без всяких преувеличений могу сказать, что он сейчас самый лучший пилот на всём нашем курсе.

Олег мысленно вытер пот со лба, и откинувшись на спинку стула, посмотрел на своего соседа. Тот, благодарно кивнул Олегу за его великолепное представление и мастерски завладел вниманием девушек, полностью переключая их на себя.

Тяжело Олегу даются эти светские разговоры. Вот вроде бы мелочь – сказать, какое из пирожных лучше, а какое хуже. Но не тут-то было. Выберешь что-то одно, и получишь два неприятных результата. Одна из девушек обидится, а вторая отнесётся к тебе с повышенным вниманием. Неизвестно ещё, что хуже.

Смольный – это не только институт, из которого выходят идеальные жёны. Это ещё и научное государственное учреждение. Между прочим, с самым лучшим в мире отделом евгеники. То-то за девушками столь пристально приглядывают их классные дамы, отмечая и анализируя любые их контакты с противоположным полом. Стоит им заметить хоть малейший намёк на симпатию, и возможность образования новой семейной пары подвергнется тщательному исследованию и оценке.

Бывали случаи, когда создание нужной пары специалисты этого отдела считали столь необходимым, что на результат работали десятки людей, доводя максимально быстро дело до свадьбы.

Все эти сведения Олег узнал не случайно. Вопрос Императора о наличии у него невесты он мимо ушей не пропустил. Озаботился дорогостоящим консультантом, который два часа Олегу втолковывал, какие сюрпризы стоит парню ожидать в столице, а в Смольный вообще рекомендовал не соваться. Окрутят, охнуть не успеешь. Так что не для одного только обучения танцам курсантов Академии со смолянками вместе сводят. Есть и другие интересы.

В первые месяцы учёбы в Академии Олег постоянно пытался вспомнить во всех подробностях о том периоде времени, который ему выпал на долю после посещения им императорского дворца. Ничего не получалось. Перед глазами мелькали только яркие картинки, за которыми он не мог разобрать мелкие детали.

Досрочное признание его совершеннолетним.

Следствие.

Нанятый Липатовым стряпчий.

Оформление земель Федорищевых.

Взрывной роман с вдовой сына Федорищева, которая оказалась не только его ровесницей, но и дочерью Мансурова. Неделя безумной любви. Амок. Они тогда оба были не в себе, пытаясь насытиться друг другом, словно дикие звери. И после недели сумасшествия записка на столе: – «Не ищи меня. Прощай».

Неожиданное расставание и первая неудачная любовь приложили Олега так, словно он на полном ходу врезался в гранитную стену.

В таком состоянии его и нашёл один из сыновей Анвара. Поняв, что сам ничего не добьётся, Ираклий притащил Олега к отцу. Анвар не придумал ничего лучше, чем занять парня работой. Вскоре он и сам был этому не рад. Олег работал исступлённо, с трёх-четырёх часовыми перерывами на сон иногда раз в два-три дня. Зачастую мегрелы силой оттаскивали его от установок в полубессознательном состоянии и укладывали спать. Зато когда сырьё закончилось в первый раз, он вырубился почти на двое суток. Второй раз годовой запас сырья он извёл за десять дней. Спать Олег стал больше, но работал теперь намного быстрее. Анвар запретил сыновьям заходить в зал с Чашами. Сам он тоже не мог там долго находиться. Чаши стонали от напряжения. Волосы любого, кто заходил в зал у Источника, вставали дыбом. А магия там ощущалась почти что физически, сдавливая тело, словно вода на большой глубине.

За месяц, проведённый у Источника, Олег сильно похудел и осунулся. Когда его привезли в город, Усольцев сходу даже не понял, что за человек зашёл к ним в гостиную. Зато Софочка сразу кинулась к гостю, и через минуту, с причитаниями убежала

на кухню. Одежда на Олеге болталась, словно на огородном пугале, а лицо было мертвенно-белым. Отросшие неровными прядями волосы и потухший взгляд на измождённом лице, сутулость и опущенные плечи создавали достоверную картину человека, перенёсшего длительную тяжёлую болезнь.

– Налицо депрессия, любовные переживания, сильное физическое и магическое истощение, – такой вердикт вынес приглашённый Софочкой врач, которого она знала с детства и безусловно ему доверяла. Были у неё на то причины, о которых ни одна приличная женщина вслух не рассказывает.

Выслушав, и частично записав рекомендации доктора, всё ещё несостоявшаяся семейная пара приступила к поэтапному выполнению коварного плана.

– «Клин клином вышибают», – эту сентенцию врача было решено использовать по максимуму.

Утром Олег был разбужен девичьим щебетом и приглушёнными пересмешками. В замешательстве выглянув из спальни в зал, он увидел четырёх молодых девиц, увлечённо занимающихся уборкой в весьма фривольных нарядах. Если достаточно аппетитных девиц одеть горничными, но при этом сарафанчик взять на размер меньше, а юбку сделать на ладонь короче, то вкупе с чуть более откровенным декольте это будет убойно выглядеть. Многие холостяки могли бы стать ярыми поборниками чистоты, имея такую прислугу в штате. Убедившись, что спросонья глаза его не обманывают, и резинки на чёрных чулках девушек действительно белые, Олег чуть кашлянул, чтобы обозначить своё присутствие.

– Ой, мы вас разбудили, – выпрямляясь, и потупив в пол глаза, виновато прощебетала ближняя к нему горничная. Остальные тоже замерли, и хлопая глазками, попытались выстроиться в ряд, – Извините нас. Прикажете чай подать?

– Э-э-э… да, – Олег с трудом оторвался от созерцания приятных округлостей в вырезе её платья и смутившись, отступил в спальню. Придя в себя под холодным душем, он затем уже более спокойно наблюдал за суетой девушек, заканчивающих уборку и накрывающих на стол.

– На завтрак вас Игорь Семёнович дожидаются. Просили передать, что гости уже заждались, – щебетнула та же горничная, в ответ на удивлённый взгляд Олега, которым он окинул стол. Чайник с зелёным чаем и порезанные дольками разнообразные фрукты – так-то маловато для завтрак получалось.

Переодевшись и поправив чуть влажные волосы, Олег спустился на хозяйский этаж. Раскатистый бас Киякина и его смех он услышал уже из-за дверей, и заранее улыбнулся, впервые за

последний месяц.

Лёгкий завтрак, а затем чаепитие с дегустацией пирожных, выбранных дочерью Киякина в недавно открывшейся кондитерской лавке. После завтрака Софочка увела за собой гостью, а мужчины удалились в курительную комнату.

– Ну, рассказывай Игорь Семёнович, чего вы там с двигателями наколдовали? – блаженно вытянулся в кресле купец, после первых, самых сладких затяжек.

– Если очень коротко, то вырисовывается у нас одно новшество. Двигатель нового поколения. Планировали его военным, для доспехов предложить, но пока в их требования и размеры мы не вписываемся. Зато его немного увеличенный прототип идеально подходит для небольших дирижаблей, наподобие твоего, – неопределенно помахал Усольцев рукой, в свою очередь скрываясь в клубе дыма. Олег отсел подальше от курильщиков, убедившись, что вытяжная вентиляция успешно спасает добрую половину комнаты от чрезмерного задымления. Техномаги тем и хороши, что подобные бытовые вопросы они умеют решать походя.

– Да вроде не раз уже доказано, что на бензине выгоднее летать, – купец недовольно поморщился, показывая всем своим видом, что он напрасно теряет время.

– Доказано теми, кто очень хотел это доказать. Я вот тут тоже подсчётами позанимался. В качестве примера взял твой дирижабль и твои же расценки на перевозку груза. И ты знаешь, Степан Васильевич, не увидел я с бензиновыми двигателями твоей выгоды. Совсем не увидел. Более того скажу, тебе более мощные двигатели нельзя ставить. Дирижабль-то у тебя не резиновый. Мало того, что моторы тяжелее будут, и топлива больше потребуют, так им ещё и всё остальное помощнее нужно будет ставить. В результате тонн пять по весу грузов потеряешь, и объёмы трюмов сократишь.

– Да ладно, откуда пять-то тонн? – не поверил купец, в голове которого заработал калькулятор.

– Почти тонну веса ты получаешь на замене самих двигателей. Две тонны на топливе добавишь, килограмм триста на разной мелочёвке, вроде маслица, бака побольше, насосов помощнее. Оставшиеся пара тонн разбегутся при усилении рамы, которую ещё и приопустить придётся для винтов побольше диаметром, да и на передаточные валы с усиленными креплениями тоже прилично перепадёт. Так что пять тонн в загрузке ты всяко потеряешь. Стоит ли огород городить ради прибавки в скорости? Кстати, не такой-то уж и большой. Ну, долетишь ты до куда-нибудь не за двенадцать, а за девять-десять

часов, и что? Бензина больше сжёг, ресурс более дорогих двигателей выработал, груза меньше привёз. Сейчас в кабинет придём, я тебе всё это в цифрах покажу.

– Интересно будет посмотреть, как ты себе всё представил, – сердито ответил Киякин, вминая в пепельницу недокуренную сигару, – Чай не дураки те расчёты делали, из которых более серьёзная экономия как раз на бензиновые двигатели приходится.

– Расчёты, скорее всего, для больших пассажирских дирижаблей будут верны, да для военных. Для них скорость важнее денег. А у тебя свой козырь имеется, который грех не использовать. Мало того, что ты сам Одарённый, так у тебя ещё и остальной экипаж со способностями. Вот я и прикинул вчерне, какой накопитель и двигатель к нему вы все вместе потянете. Два варианта тебе расписал. В одном случае магический двигатель тебе на весь день позволит весомый прирост к скорости получить, а во втором варианте прибавка к скорости существеннее выйдет, но с максимальной нагрузкой ненадолго. Часа на три, думаю. Зато и переделок минимум, и движки твои бензиновые менять не надо. Дополнительный двигатель мы дирижаблю в хвост воткнём. Там всех переделок – раскосы покрепче установить, да несущую балку усилить.

– Пошли, покажешь, – заторопил купец техномага, всё ещё продолжавшего курить, – И ещё, со скоростью ты не прав. Скорость не только военным и прочим нужна. Нам зачастую тоже важно, как быстро мы полосу встречного или бокового ветра пройти можем. Если скорости не хватает, то отклонение от курса километров двести порой составляет. А будь у нас скорость повыше, взяли бы круче к ветру, глядишь, и вышли бы куда надо. Точно по курсу. Так что не всё ты в своих расчётах учёл, наверное. На бумаге-то всё гладко выходит, а в небе не всегда. Иногда бывает часа четыре воздух винтами молотишь, чтобы на сотню километров продвинуться. Так-то.

Перейдя в кабинет, мужчины увлечённо зашуршали таблицами и чертежами. Олег, больше из вежливости, чем из интереса, тоже пододвинул к себе несколько листков, уже просмотренных собеседниками. На чертеже двигателя он задержался и упёршись локтями в стол, начал его пристально разглядывать. По отдельным узлам он и раньше чертежи двигателя видел, а чтобы вот так, всё вместе – первый раз. И очертания корпуса, и схема узлов показались ему очень даже знакомыми.

Спустя пару минут Олег догадался, откуда появилось такое ощущение. Точно так же в своё время «просыпались» в лицее обучающие кристаллы.

Одарённые неплохо устроились. Зачем заучивать учебники, если можно воспользоваться уже кем-то изученными знаниями. Для этого и существуют Кристаллы Памяти. Тот же учебник физики сам по себе выучится за ночь, если он на Кристалл записан. Правда «проснётся» он только тогда, когда ты попытаешься обратиться к этим знаниям и специально подобранные задачи попробуешь решить.

Это как с геометрией. Все её изучали, но про равенство равносторонних треугольников могут вспомнить лишь в том случае, если такие знания вдруг окажутся ими востребованы. Зато стоит увидеть простейший рисунок из двух треугольников с двумя равными сторонами и одинаковым углом между ними, и тут же приходит моментальное узнавание.

Может Олег и пропустил бы чертёж, не заостряя на нём внимание, но больно уж резануло глаз несоответствие между увиденным там и тем, «как оно должно быть» в открывшихся ему Знаниях. Подтянув к себе подставку с острозаточенными карандашами, он начал править несовпадения.

Предостерегающе придерживая купца за рукав, Усольцев жадно всматривался в появляющиеся исправления.

Олег иногда замирал, прикрывал глаза и спустя секунду-другую, ломая грифель и меняя карандаши, по новой накидывался на схемы. Исчеркав четыре листа, он перетряхнул стопку остальных чертежей и вытащил план самого дирижабля. Машинально сменив очередной сломанный карандаш на новый, Олег несколькими уверенными движениями обозначил на корпусе воздушного судна дополнительные контуры и ни на секунду не остановившись, начал быстро вписывать под ними строки руноскриптов.

За работой он не слышал, как пару раз в кабинете скрипела дверь, в которую кто-то заглядывал, и не обращал внимания на то, как сердито махали мужчины руками в ту сторону, требуя её немедленно закрыть обратно. Исписав строчками руноскриптов дополнительный лист бумаги, вовремя подсунутый ему техномагом, парень пробежался взглядом по написанному, проверяя, нет ли где ошибок. Мимолётно улыбнувшись, так, словно увидел старого знакомого, он удовлетворённо кивнул сам себе и шумно выдохнув, откинулся на спинку стула.

– Олег, не подскажешь нам, что тут нарисовано? – после минутного молчания отвлёк техномаг Олега от созерцания им магической имитации огня в камине.

– Двигательная установка «Щуки» с частичной самозарядкой накопителя, – озвучил Олег моментально всплывшее в памяти название чертежа.

– Погоди-ка, какой-такой «Щуки»? Не одной ли из тех, которые Изначальные делали? – подпрыгнув на стуле, купец поочерёдно посмотрел на растерянные лица Олега и Игоря Семёновича, – Ага, не слышали значит. Ну да, так-то легенда специфическая. Первые боевые дирижабли в мире, работающие на чистой магии. Воспоминаний, правда, мало о тех «Щуках» сохранилось, но пилоты нашего флота помнят о них, мда-а, помнят и верят, что были они не только в легендах. Для особо неверующих в музее Академии Воздушного Флота пара альбомов с фотографиями имеются.

– И куда же они потом делись? Я вроде тоже человек не слишком далёкий что от магии, что от флота, но почему-то ни разу ни про какие «Щуки» не слышал. Может, байка какая. Про Воздушного Змея летуны тоже порой сказки рассказывают, а потом сами же и смеются, как протрезвеют, – Усольцев, чуть заметно подмигнув Олегу, комично развёл руки в стороны. Явно он так купца на дополнительную информацию раскручивает.

– Ну, Змея я сам не видел. Странное, да, случалось. То приборы все разом взбунтуются, при ясном-то небе, то иллюзия оптическая возникнет и кажется, что ты вниз пикируешь, а то на километровой высоте скрип по гондоле пойдёт, словно ты об землю брюхом приложился. А «Щуки»… Был когда-то такой город, Северодвинск. После войны он неплохо сохранился. Сохранился и завод, где раньше подводные лодки в титановых корпусах производили, и учёные, что при заводе были, тоже выжили. Пытались соседи иноземные поморов под себя подгрести. Лет десять десанты высаживали. То в Мурманск, то в Архангельск. Сначала флот с ними боролся, и местные помогали. Потом кто-то до дирижаблей додумался. Моряки к тому времени всё больше на берег перешли. Корабли-то не вечные у них оказались. Они и стали первыми пилотами «Щук». Крепко тогда морячки в небе порезвились. А после того, как очередной крупный английский десант дирижабли весь на дно отправили, прилетел им подарочек из города Эдинбурга. Нашли англы где-то сохранившиеся ракеты. Не стало Северодвинска, да и Архангельск серьёзно пострадал. Все выжившие «Щуки» тогда в ту Англию улетели. Знали, что на смерть идут. Обратно только два транспортника вернулось, что боеприпасы доставляли. «Щуки» все погибли. Говорят, пять самых крупных городов вдребезги разнесли. Сильно хотели англы показать, кто у них в регионе главный, да просчитались. Трёх недель не прошло, как вернули им моряки подарок. По слухам, в сохранившуюся экспериментальную автоматическую подлодку что-то с Новой Земли загрузили, и к англам в гости отправили. Говорят, самый

сильный взрыв за всю войну именно там произошёл. Англию пополам раскололо и двухсотметровой волной накрыло. Заодно и все их соседи флотов и портов морских лишились. Надолго в том регионе всё притихло. А потом и княжества наши на полуострове появились. Шведское, Финское да Норвежское. Конструкция «Щук» была утеряна. Сначала северодвинцы, по старой памяти, всё засекретили. Потом чертежи и их учёных ракетами накрыло. На месте Северодвинска сейчас озеро плещется. Остались только транспортники из всей бывшей продукции северодвинских верфей. С них-то и копировали первые дирижабли. Понимали предки, что есть огромная разница между боевой «Щукой» и транспортником-тяжеловозом, но так и не смогли докопаться до сути. Северодвинск, почитай, весь под воду ушёл, а Архангельск радиацией ещё лет сто фонил. Так что знания по «Щукам» с тех пор в утерянных числятся… Или числились? – купец адресовал свой вопрос техномагу. Куда только за время рассказа у него делся благостный облик добродушного купчины. Орёл, чистый орёл. Такому в самый раз, вцепившись в штурвал, вести боевой корабль на битву сквозь разрывы снарядов.

– Олег Игоревич, откуда? – прокашлявшись, спросил у парня Усольцев.

– Кристаллы мне по наследству достались. Наши, родовые. Я ещё сильно удивился, что в них ни заголовков нет, ни описания к ним не приложено. И так и сяк пытался понять, что же я выучил, но ничего не откликалось. Думал, повреждённые попались. Они старые были, с трещинками еле заметными, а после изучения так совсем плохие стали. Словно паутиной изнутри покрылись.

– Кристаллы без описаний? – с сомнением протянул Игорь Семёнович. Капитан-технику в своё время немало пришлось выучить всякого. В армию он попал с хорошими теоретическими знаниями, но об армейских схемах и стандартах имел лишь общее представление. Первые месяцы военной службы техномаг до сих пор вспоминает с дрожью. Сколько кристаллов ему тогда пришлось заучивать, чтобы практику армейскую подтянуть. Думал, что мозг не выдержит и расплавится, а глаза на всю жизнь красными останутся. Однако что в университете, что в армии, все кристаллы идут чётко по ранжиру и с понятным любому описанием содержимого.

– Слышал я про такое диво, – ответил купец вместо задумавшегося Олега, – Был когда-то в столице один занятный аукцион. Самые дорогие сделки с него иногда в «Купеческом Вестнике» публиковали. Обычно это или артефакты какие-то выходили, или Кристаллы Изначальных. Вот они-то как раз и шли без описаний. Помню, я сильно тогда заинтересовался, как же

можно безумные деньжищи тратить неизвестно на что. А ну как купишь старинный Кристалл, целое состояние за него выложишь, а там пшик. Оказывается, частенько такое бывало. Мне сынок князя Бартенева, вместе с которым я на пилота учился, потом подробно всё рассказал. Дядя у него в молодости уйму денег понапрасну профукал. Ему всё больше Кристаллы с какими-то цифирами да кракозябрами доставались. Говорит, Древние такие знаки на своих вычислителях пользовали. Дошли до меня слухи, что это программы какие-то. Изначальные, когда Кристаллы открыли, описаниями не озадачивались. Им Знания тогда побыстрее сохранить требовалось. Сами понимаете, какая в те времена смертность была, особенно среди учёных в возрасте. Торопились. Не до описаний им было.

Говоря про Изначальных, собеседники отлично понимали друг друга. Так было принято называть первое послевоенное поколение Одарённых, переживших войну. Обладая утерянными ныне Знаниями, и получив магические способности, Изначальные ещё при своей жизни достигли фантастических успехов. Следующим поколениям магов пришлось с завистью смотреть на недосягаемую высоту задранной ими планки, и прикладывая все силы, сохранять хотя бы те сведения, что им были переданы. Лучше всего с сохранением наследия Изначальных справились те семьи, что сохранили преемственность передачи Знаний. Кусочки разнообразных умений, технологий, науки оседали в клановых хранилищах, дожидаясь новых наследников. Тех, кто сможет понять и реализовать полученное богатство.

– Бартенев… Это не тот ли, что лавки овощные пооткрывал чуть ли не во всех городах? В столице так и вовсе их не один десяток наберётся, – припомнил техномаг яркие вывески самых дорогих овощных лавок столицы.

– Он самый. Дядюшка это моего знакомца. Достался ему среди прочих Кристалл с гидропонкой какой-то, чтобы, значит, овощи и ягоды там разные можно было выращивать быстро и на чистом грунте. Продукты он тогда отменного качества и без всякой послевоенной заразы выращивать научился. На них и поднялся. Крепко разбогател, говорят.

– Гидропоникой, – машинально поправил купца Олег, и замер под изучающими взглядами собеседников. В кабинете повисла тяжёлая тишина. Неловкое молчание прервал купец.

– Так-так-так… Верно говоришь, гидропоника те знания звались. Как ты меня поправил, так и вспомнил я правильное название-то. Интересно получается, откуда же ты это слово знаешь. Бартенев-то иностранное слово на «быстророст» сразу тогда поменял. Не в чести в те времена иностранщина-то была, –

Киякин сердито крякнув, покрутил головой, вылезая из тугого воротника сорочки, а вот капитан-техник, прикрыв глаза и мечтательно улыбаясь, словно мальчишка раскачивался на задних ножках стула. Он-то как раз только что получил подтверждение своим невысказанным догадкам. Есть у боярина Знания, и не абы какие. От Изначальных полученные.

– Я сегодня Рудольфа Генриховича вызвоню. Скажу, чтобы срочно прилетал, – с грохотом опустив стул в устойчивое положение, доложил техномаг в воздух, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Да-да, и скажи ему, чтоб он заказы по новому двигателю придержал. Пусть сначала поправки изучит, – спохватился купец, кивая на испещрённые пометками чертежи.

– Ха, да тут речь не только о поправках идёт, – «обрадовал» купца техномаг, – Тут целая революция намечается. Вы без меня поговорите пока. Я быстренько к телефону сбегаю. Густавсону позвоню.

«Быстренько» поговорить у Усольцева явно не получилось. Проворные горничные успели и кофе принести после ухода техномага, и опустевшие чашки с остывшим кофейником уже убрали, а Игоря Семёновича всё не было. В отсутствии хозяина гости развлекались неспешной беседой.

– Как по твоему, Олег Игоревич, велики ли дополнительные издержки получатся, если все твои изменения в двигатель вносить придётся? – задумчиво скребя затылок, поинтересовался купец у Олега. Предыдущая тема разговора у них прервалась сама собой. Виной тому были накрахмаленные бантики горничных. Оказывается, не только на огонь можно смотреть бесконечно. Банты, прикреплённые у девушек чуть ниже спины, оказались тоже весьма… гхм… Что боярин, что купец на пару минут разговор прервали, а потом и забыли оба, о чём раньше говорили.

– Двигатель… – Олег с трудом оторвал взгляд от двери, за которой скрылась прислуга, – Э-э, нет, не думаю. В отличии от обвеса, там не так уж и много чего добавится.

– Обвес – это накопитель имеется в виду?

– Нет, не только он. Волноводы и контуры тоже изрядно цену повысят, – несколько рассеяно отозвался Олег, всё ещё не полностью пришедший в себя после созерцания прелестниц.

– Тогда я совсем ничего не понимаю! – воскликнул Киякин, вскакивая на ноги, – Вроде бы мы начинали за здравие, а заканчиваем за упокой.

– Позвольте, я объясню, – наконец-то появился в дверях долгожданный хозяин кабинета, – Всё дело в том, что вы оба сейчас говорите про разные двигатели. Когда у нас начался

разговор, то речь шла про обычный магический двигатель, разве что повышенной мощности. То, что предлагает Олег Игоревич – это уже не просто двигатель. Вы же слышали его определение – двигательная установка с частичной самозарядкой накопителя. Другими словами – часть энергии он будет сам собирать, с помощью дополнительных контуров, которые в схеме установки вписаны полноценной составной частью. Можно сказать, что двигатель сам собирает энергию за счёт создаваемого им же вращения. В чём-то похожая схема достаточно известна. Она используется в гравикомпенсаторах. Но использовать её в тандеме с силовой установкой… – техномаг развёл руки в стороны, демонстрируя высочайшую степень своего изумления, – Кстати, Степан Васильевич, ваша дочь просила передать, что дамы нас уже заждались.

Антонина Киякина, дочь купца Киякина Степана Васильевича, была взволнована, расстроена и растеряна. Все три чувства разом уместились в неё, добавляя светловолосой красавице дополнительные краски и штрихи. Запунцовели щёчки, волнующе заколыхалась грудь, а губы порой пытались изобразить колечко, отвлекая девушку на их приведение в порядок. Вот уж чего не ожидала признанная красавица, избалованная всеобщим почитанием и вниманием, так это того, что у неё окажутся достойные конкурентки. Судя по их виду, они постарше её, и намного опытнее. Иначе чем можно объяснить чуть заметные улыбки этих горничных-финтифлюшек, когда они увидели незнакомую им девушку в гостиной. Да они смеются над ней!

Мысли о том, что все её мечты и помыслы могут быть видны, как на ладони каким-то куклам из прислуги, вызывали у юной красавицы гнев и возмущение. Не так ей в снах представлялась встреча с молодым боярином, когда она засыпая, горячо обнимала подушку.

– Недолго же вы курили, – высказала она одной фразой свои чувства заходящим в зал мужчинам. Есть у женщин такой талант – одной интонацией передать больше смысла, чем десятком предложений.

Антонина не заметила, как Софочка за её спиной приподняла брови и улыбнулась. От опытной вдовушки не укрылось смятение девушки и её волнение. Впрочем, предсказуемый результат. Боярин действительно очень интересный юноша. Жаль, немного не от мира сего. Девушка на него взглядом молнии мечет, а ему хоть бы хны. А дочка-то у Киякина чудо как хороша. Какая из них красивая пара могла бы получиться.

Густавсон прилетел на день позже, в субботу утром, и не один. С собой он привёз целый чемодан справочников, чертежей и

забавного толстячка в круглых очках с толстыми линзами.

– Знакомьтесь, профессор Фёдоров. Можно сказать – уникальный кладезь знаний, – представил он Олегу и Игорю Семёновичу своего спутника, – Возьму на себя смелость предположить, что он один из наиболее успешных исследователей Кристаллов Изначальных. Сами понимаете, что такая информация достаточно конфиденциальна и разглашению не подлежит.

Если бы не день, проведённый Олегом за чтением статей определённой тематики, то он может быть и не понял бы смысла оговорки Рудольфа Генриховича.

За прошедший день Олег, с подсказки Усольцева, плотно порылся в его коллекции разнообразных научных журналов. Собирая по крупицам скудные сведения, он понемногу представил себе картину более-менее научного подхода, практикуемого исследователями, вроде профессора Фёдорова.

Кристаллы Знаний изготавливают из минералов. Обычные, ученические Кристаллы, вытачивают из кварца. Согласно имперскому стандарту такой кристалл вмешает объём знаний, сопоставимый с учебником в сто-сто двадцать страниц. Кварц выдерживает от пяти до десяти «прочтений». Потом Кристалл идёт трещинами, а иногда и рассыпается в пыль и песок. Кристаллы из полудрагоценных и драгоценных камней вмешают больше информации и отличаются более высокой прочностью, а соответственно и возможностью большего количества «прочтений».

Из-за ограниченного числа «прочтений» и возникла потребность в универсальных исследователях Кристаллов. Иначе очень велик риск безвозвратных потерь Знаний, если Кристалл с неизвестной информацией давать поочерёдно изучать узким специалистам разных направлений.

Существуют люди с энциклопедическим складом ума. Зачастую, обладая огромными запасами сведений из самых разнообразных направлений науки, они производят сильное впечатление своей эрудированностью. Другой стороной медали является их неспособность превращать сведения в Знания. Всезнайка высыплет вам на голову кучу исторических дат, назовёт десятки фамилий, но сам не сможет выявить ни закономерность причинно-следственных связей, ни выводы из им же сказанного не сделает. Ум человека – штука хитрая и своеобразная. По сути – это совокупность способностей к мышлению, пониманию, познанию, обобщению, запоминанию, и принятию решений. Начни одна из способностей гипертрофированно расти, и она со временем подавит остальные,

приведя их значение к ничтожно малым величинам.

Среди учёных «ходячие справочники» особой популярностью не пользовались. За ними даже закрепился термин «пустоцветы». Всё изменилось лет пять назад. Государственный Университет подвёл научную базу под исследования Кристаллов Изначальных. Слишком велики и огорчительны были потери бесценных Знаний, не нашедших нужных специалистов. Неожиданно для самих себя «всезнайки» стали одними из самых востребованных людей. Они с очень большой вероятностью определяли те области сведений, на которые откликался изученный ими материал и могли определить его специализацию.

Волевым решением Император провёл в жизнь новый закон. Вновь организованная Палата Кристаллов была объявлена единственным законным покупателем Кристаллов со Знаниями Изначальных.

Кланы сначала взроптали, но потом их юристы нашли хитрую лазейку в законе. Пусть продавать нельзя, но про обмен ничего там сказано не было. Изучив открывшуюся брешь в законе, советники Императора уговорили его оставить всё как есть. Утечка Кристаллов не так уж и велика выходит, а вот Знания кланов, о которых ранее учёные и знать-то не знали и даже не догадывались об их возможности, стали намного доступнее. Имперская сокровищница Знаний стала заметно пополняться.

– Пора начать накопленным Знаниям приносить пользу своему народу, – так однажды, полтора года назад, начал Император свою речь во время визита в Академию Наук. С той даты не прошло и десяти дней, как словно по мановению волшебной палочки появился Первый Имперский Каталог Знаний. Бояре все бороды до крови расчесали, охая и ахая над предложенными в нём ценами. Однако полистав книгу взад и вперёд, они нет-нет да и тыкали пальцами в самые интересные для их кланов позиции, не в силах устоять перед соблазном. И ехали в столицу клановые счастливчики заучивать выбранные подборки Знаний. Понятное дело, что не всё и не всем предлагалось. Был, по слухам, и Закрытый Каталог. Видели его не то чтобы многие, но он был. Иначе откуда бы стали новинки появляться у самых доверенных кланов, тех, кто на армию да на иные нужды государственные работает.

Месяц за месяцем, и вот золотой ручеёк начал понемногу превращаться в неплохую такую речку. Мало кто знал, что не вся прибыль возвращалась на магические исследования. Большая-то часть как раз и уходила на развитие вполне себе обычной промышленности. Где верфь новая расти стала, а где и заводишко патронный появился. Много ещё чего построить надо молодой

Империи, чтобы на ноги крепче встать.

Два старика, один с тростью, другой с палочкой, сидели на лавке около городского пруда и кормили уток, по очереди отламывая куски от длинного батона. Ветераны столичной Академии с лёгкостью могли бы опознать их, как Густавсона Рудольфа Генриховича и профессора Фёдорова. Изумились бы они только тому, что эти люди в такой глухой провинции позабыли.

– Ну и как тебе парнишка? – спросил тот, что постарше, у своего соседа.

– Осторожничает. Очень уж ему не хочется свои знания показывать, – близоруко щурясь сквозь толстые линзы, ответил ему собеседник, наблюдая за птицами.

– А ты уверен, что есть они у него, эти знания?

– Конечно. Ты, раз уж колебания ауры видеть не научен, так хотя бы за лицом его повнимательней наблюдай. Он, когда узнаёт что-то знакомое, у него морщинка на лбу появляется, а когда ещё и правая бровь чуть дернётся, то будь уверен – прямое попадание, – толстячок тростью столкнул в воду кусок батона, неудачно им брошенный и отлетевший от перил.

– Значит ты не только ауры, а и лица читаешь, как открытую книгу. А ведь было время, когда ты мне несколько раз предлагал в картишки с тобой перекинуться. Помнишь? – толкнул Густавсон локтем в бок толстячка.

– Хе-хе-хе, – неожиданно высоким фальцетом рассмеялся в ответ профессор, – Я давно уже за аурами при игре не слежу. Отвлекает, знаешь ли. А лица, ну что лица… Нечего тебе нижнюю губу оттопыривать, если карта хорошая пришла. Ты же, когда тучи на небе видишь и из-за них зонтик с собой берёшь, не считаешь себя мошенником? Наблюдательность, друг мой, и ничего другого, кроме наблюдательности.

– Пусть так, – согласился Рудольф Генрихович, не собираясь вступать в спор, – Ты лучше мне расскажи, на что он конкретно реагировал.

– Почти на всё летающее. На накопители. Ну, и на оборудование кой-какое. На вот, списочек для тебя успел написать. Изучишь, и давай дальше сам. Тебе он больше доверяет, а на меня постоянно косится. Пора уже, пошли, проводишь до пролётки. Сдаётся мне, паренёк о небе мечтает и подвигах всяких. Таких, чтобы впереди всё взрывалось, а позади – горело и рыдало. Это нам для счастья хватает кресла у камина, халата фланелевого, да служанки приятной во всех отношениях. А молодёжи движение требуется. Так что не зря он нас побаивается.

У властей всегда найдутся способы, чтобы тем или иным методом гениев разных под свой контроль наладить.

– Да я и не собираюсь особо его афишировать. Сам не проболтайся, – сердито пробурчал Густавсон.

– А я не на службе сегодня, – беспечно помахивая тростью, ответил толстячок, игриво поглядывая на двух мамашек, щебечущих около детских колясок, – Ладно, бывай. В гости потом хоть зайди. Расскажешь, чем тут у вас всё закончится.

Профессор, кряхтя, забрался в коляску и под дробный цокот копыт отправился к стоянке дирижаблей.

Две недели Густавсон с Усольцевым гоняли Олега вдоль и поперёк по предложенной им конструкции. Рудольф Генрихович начисто составил новые чертежи и выписал необходимые марки стали, а Усольцев провёл полную проверку руноскриптов. Олегу, под пристальным присмотром старика, пришлось заняться вычерчиванием оснастки.

Не оставила без внимания Олега и Софочка. Словно невзначай, мило болтая, она договорилась о регулярных поставках «малепусеньких камушков для одних миленьких штучек». На поставки Олег согласился легко. Как-никак – дополнительная статья дохода намечается. Ему скоро в столице жить, а та деньги любит.

Череда событий, пришедшаяся на три месяца, вышла настолько бурной, что после неё интенсивное обучение в Академии теперь кажется Олегу занятным отпуском.

Гулянки с новыми друзьями-курсантами, балы, приёмы по тому или иному поводу, а то и посиделки с Морозовым, знаменитым техномагом гвардейского полка, почти не оставляли свободного вечернего времени. Когда ты молод и состоятелен – столица всегда будет рада распахнуть тебе свои объятия и закружить в водовороте светской жизни.

Глава 8

– Предлагаю сделать перерыв, – Рудольф Генрихович вытащил из кармана большой носовой платок и промокнул им вспотевшее лицо. Он никак не ожидал, что первое собрание их товарищества на паях пойдёт так сумбурно.

«Касимовские вечера», как они называли первоначальный период их знакомства, закономерно переросли в деловые отношения. Благодаря связям Густавсона патенты удалось оформить быстро. Затем, в течении месяца были проданы две лицензии на производство магических двигателей с улучшенными характеристиками.

Получив первые деньги, будущие партнёры задумались. Нет, не над тем, как их разделить. Для таких вопросов в Империи существуют методички, где всё давно уже оценено и прописано.

Олег пытался было предложить разделить всё на три равные части, на что Густавсон ткнул его в соответствующий раздел такой книжицы. Нечего мудрить, если по закону изобретателю положено не меньше половины лицензионных отчислений. Так что – получи и распишись. Задуматься пришлось над тем, а что же дальше делать.

Теоретически у них на руках готовые чертежи не только улучшенного двигателя, но ещё и «Щуки», с гораздо более совершенной двигательной установкой. Отдать её в чужие руки? Нет, и ещё раз нет. Одного взгляда на макет будущего дирижабля всем троим хватило, чтобы бесповоротно влюбиться в него.

Хищный, приплюснутый корпус. Развитое оперение. Агрессивные щели-жабры воздухозаборников. Дирижабль был породист и могуч. Необычные обводы делали его похожим на мускулистого хищника, приготовившегося к прыжку. Различия с нынешними «сосисками» и «огурцами» бросались в глаза сразу же.

– Олег, Рудольф Генрихович прав. Этого красавца нам не вытянуть. У предков был титан и они умели с ним работать. Мы только на стальном каркасе балоннета вдвое им проигрываем, что по весу, что по жёсткости, – Усольцев отодвинул от себя листы с расчётами силовых каркасов дирижабля и потянулся за сигаретами.

Следом за ним и Густавсон начал охлопывать себя по карманам, вспоминая, где же лежит его трубка.

– Пройдёмте в курительную, – остановил Олег своих компаньонов, приготовившихся подымить. Хоть Липатов и разрешил пользоваться его столичным особняком, как своим

собственным домом, но это не повод, чтобы гости провоняли ему табаком гостевые комнаты. Да и с особняка скоро пора съезжать.

Ремонт в снятой им квартире закончился. Осталось мебель завести. Загородный дом – штука хорошая, но дорога… Час с лишним до Академии, и чуть больше порой уходит вечером на обратный путь. Почти три часа драгоценного времени каждый день теряется в связи с поездками в город. Его времени. Времени его жизни, и так утекающего, словно песок сквозь пальцы.

Олег даже сам себе не слишком хотел бы признаться, что с квартирой в городе он слегка лукавит. Были на неё у него и другие планы, в том числе связанные с парой горничных из городка Касимов. В чужой дом их не притащишь, не поймут. В первую очередь те же дочки купца Липатова, отчего-то запавшие парню в душу.

Недостатки монашеского образа жизни Олег понял уже в первый месяц пребывания в столице. Точнее, после первого же танцевального занятия со смолянками. Права оказалась поговорка про плохого танцора. Воздержание и танцы – далеко не лучшее сочетание. Наблюдаются, знаете ли, определённые неудобства, доказывающие их несовместимость. И краснеть за них пришлось не только Олегу, но и одной из барышень, которая определённо что-то почувствовала. Иначе с чего бы скорость обмахивания тем же веером у неё в пару раз возросла, щёчки запунцовели, дыхание участилось и взгляд слегка затуманился, как они после танца за стол вернулись.

Это была одна из причин, по которой Олег близко сошёлся с весьма активной группой однокурсников. В основном её составляли Одарённые, приехавшие из провинции. Они впервые почуяли вкус свободной жизни – без родительского надзора и без обязательных выездов к многочисленным соседям на званые вечера, юбилеи и дни рождения. Вечера, без запахов нафталина и герани.

Большинство вечеринок у курсантов заканчивались там же, где они обычно заканчиваются у подобной молодёжи. Сакраментальное: «А теперь по девочкам», редко оставалось без ответа действием. Иногда гуляли так хорошо, что наутро хотелось начать новую жизнь. Желательно под чужой фамилией и в другом, незнакомом городе…

Олег пока обходился без «залётов», за что отдельное спасибо стоило сказать Юре с Володей – двум его охранникам, оставленным при нём по настоянию Липатова. В отличии от некоторых своих друзей Олег ещё ни разу не встретил утро в полицейском участке. Мистическим образом охранники успевали его выдернуть из загулявшей компании и увезти за несколько

минут до прибытия полицейского наряда.

С «почётным эскортом» в три внедорожника Олег поездил чуть меньше месяца. Потом его пригласил к себе ничем не примечательный офицер из Службы Безопасности Академии. В доверительной беседе он посоветовал курсанту не заниматься ерундой и не привлекать к себе лишнего внимания. Вопросы относительно него с Главами соответствующих кланов решены, и Олегу можно не опасаться мести с их стороны, пока он учится в Академии. Столица – это не окраины Империи, где закон – тайга, а прокурор – медведь. Тут другие игры. По своим правилам. Под конец беседы офицер всё тем же скучным голосом порекомендовал Олегу оставить попытки разузнать что-то о кланах его бывших противников. Усердно налегая при этом на слово «бывших». Видимо найм Степашей двух частных детективов не остался незамеченным. Ничего страшного. Степану это не повредит. В столице никто его не видел, а расследование обратной связи приведёт следователей в тупик. Эти действия ими заранее были просчитаны, как одна из операций отвлечения.

– А вы у нас, Рудольф Генрихович, всё больше отмалчиваетесь сегодня. Хотя я же явственно вижу, что вас что-то беспокоит и не устраивает, – Усольцев, затушив сигарету, первым решил прервать молчание, повисшее в курительной комнате вместе с клубами табачного дыма. Торопится. Ему, единственному из них троих, сегодня в дорогу. Техномаг всё ещё на военной службе состоит, вот и придётся ему вскоре до Касимова вечерним поездом добираться.

– Честно говоря, Игорь, я в растерянности. Когда мы договаривались о сегодняшней встрече, я полагал, что буду ратовать за организацию производства той оснастки, идею которой нам подсказал Олег. Однако решил подстраховаться. Есть у меня в знакомцах несколько крупных заводчиков. Успел я с тремя из них встретиться и, признаюсь, потерпел оглушительное фиаско. Оказалось, что наша оснастка промышленниками востребована не будет, – пряча глаза и разбирая на части ни в чём неповинную трубку, выдал Густавсон секрет своих терзаний.

– О как! Поди-ка они и причину назвали? – техномаг очень живо отреагировал на неожиданную новость, услышанную от своего бывшего наставника.

– Представь себе, назвали. Причём, практически одинаковую – государственные заказы. Один так даже руками замахал, меня не дослушав. Закрутили им гайки с контролем сроков так, что ни о какой реорганизации производства до конца года они и слышать не хотят. За каждую просрочку платят, а уж про то, чтобы сроки нескольких заказов подряд сорвать, так и вовсе

думать боятся. Неустойки государством такие предусмотрены, что по миру пойдёшь. Есть и ещё один неприятный момент. Не в чести нынче магия у промышленников. Кто-то очень постарался, чтобы в определённых кругах сложилось мнение о том, что магия непригодна для массового производства. Для кустарных и мелкосерийных изделий якобы подходит, а там, где счёт на тысячи идёт, уже нет, – поморщился Рудольф Генрихович, поднимаясь с дивана, – Вот такие дела.

– Знаком я с этой темой. Последнее время её часто даже в технических журналах поминают. Между прочим, не без оснований. Если отбросить в сторону те магические изделия, которые для воздухоплавания и доспехов делаются, то всё остальное и есть кустарщина. Даже армейские амулеты и те существенно разнятся по виду и по характеристикам. А про остальное лучше и не вспоминать. Там всё сделано с такими допусками, что половина Силы не используется и просто уходит в никуда. Я уже не говорю про остальные потери, которые тоже можно было бы избежать, – Усольцев постоял немного, покачиваясь с носков на пятки, а потом повернулся к Олегу, – Помнишь, мы с тобой магоцикл осматривали. Ну, ту мотоциклетку магическую, что Силыч нам притащил.

– Да, помню. Забавная вещица, – улыбнулся Олег, вспоминая несуразное средство передвижения.

– Мы с тобой тогда за пару часов неспешной работы и мощность ей подняли процентов на двадцать, и расход Силы снизили. А всё почему? Да потому, что разброс маготехнических деталей был очень велик. Вот и поставили на мотоциклетку ограничители в каждую цепь, ориентируясь на самый малый ток Силы. Собственно, у создателей магоцикла было два выхода: или откалибровать все детали, что долго и дорого, или заказать детали с жёсткими допусками. В первом случае им бы потребовался не один маготехник моего уровня, который бы вручную доводил каждую мотоциклетку до оптимальных параметров. А про вторую возможность лучше и не думать. Не любят маги стандартов. Каждый по своему норовит всё сделать. И управы на них нет. Как же, они же Одарённые. Аристократия, блин. Бери, что дают, и радуйся.

– Что есть, то есть. Высокомерные слишком. Не раз пытался с ними договориться, да какое там… – Рудольф Генрихович устало махнул рукой, поморщившись в очередной раз.

– Мы для армии их в приличные стандарты загнать не можем, а про гражданских заказчиков и говорить нечего. Вот и заменяют заводчики маготехнические изделия на обычную механику, где только можно. И я за это даже осуждать их не стану. Нас,

маготехников, на курсе пятьдесят человек было при поступлении. Доучилось до выпускных экзаменов чуть больше тридцати. Итого – тридцать дипломированных маготехников в год на всю страну. Какая уж тут ручная подгонка маготехнических изделий может быть. Да никакой. А необученные умельцы… Сам помнишь, что у того же Киякина наверчено было на его дирижабле. Чудом ведь не угробились, летуны несчастные. Ну да ладно. Это всё лирика. Давайте вернёмся к нашему вопросу. Я, всё-таки, предлагаю начать с полноценной копии «Щуки». Вооружения нам поставить не разрешат. Поэтому можно изготовить её в гражданском варианте. Для перевозки пассажиров. Эскизы гондолы я вчерне набросал. Вернёмся в кабинет, покажу, – Усольцев взял паузу и посмотрел на компаньонов, предлагая и им высказаться.

– Я за катер. На уменьшенной копии «Щуки» нам легче будет выкрутиться с заменой титановых деталей. Кроме того, небольшую верфь со стапелями дешевле будет построить на моих землях. И людей на маленькую верфь потребуется на порядок меньше, – мысль про катер Олегу пришла не случайно. За прошедшие месяцы он намотал приличные расстояния на самых разных видах транспорта и просто мечтал о собственном скоростном средстве передвижения. Этаком воздушном катере, в котором с комфортом разместится пять-шесть пассажиров, а для управления хватит экипажа из пилота и штурмана.

Изучив предложения на рынке дирижаблей, Олег удивился тому, что под его затею ничего подходящего из производимых моделей подобрать нельзя. Маленькие курьерские дирижабли могли кроме экипажа взять всего лишь пару пассажиров, и то, разместив их в тесной и крайне аскетичной гондоле.

Патрульные корабли были побольше, но требовали экипаж минимум из шести человек, трое из которых должны были быть Одарёнными немалых рангов. Да и соседство двух мощных двигателей особого комфорта пассажирам не обещало. Остальные типоразмеры дирижаблей были ещё больше.

Не баловали дирижаблестроители своих клиентов разнообразием моделей. Освоены в совершенстве шесть типоразмеров утверждённого тоннажа – вот из них и выбирай. Пока военные у строителей дирижаблей числятся в основных заказчиках, то и разнообразия ждать не стоит. Да к тому же и спрос на дирижабли среди гражданских заказчиков таков, что клиенты в очередь стоят. Не до разносолов, в общем.

Казалось бы, раз вокруг дирижаблей такой ажиотаж, – так строй новые верфи и выпуск продукции поднимай. Ан нет. Сначала верфям не хватало материалов и специалистов, а затем и ещё одна проблема появилась – самолёты. Армейцы не скрывают,

что ждут не дождутся, когда дирижабли на самолёты можно будет сменить.

Есть у аэропланов два громадных преимущества – скорость и высота. А ещё пилоты и бомбы. Одарённые пилоты на самолёты уже не требуются, а бомбы – они всяко дешевле снарядов будут, да и поувесистее. Попробуй-ка, запихни в снаряд сотню килограммов взрывчатки. Это какой же калибр у орудия должен быть. Даже у моряков, бесспорных рекордсменов по величине калибров, и то таких снарядов нынче нет. А бомба – она проста и неприхотлива. И всё бы хорошо, но бомбовые удары с дирижаблей остались в далёком прошлом. Зенитные скорострельные пушки на высотах до трёх километров оказались жутко эффективны. Десятка два-три попаданий снарядами их калибра щит дирижабля ещё выдержит, а потом дирижабль станет лёгкой мишенью. Почему-то непробиваемые броненосцы по воздуху не летают.

Обычная, проверенная практикой тактика артиллерийского звена дирижаблей, атакующих наземного противника – это «кольцо». По крайней мере так утверждают преподаватели в Академии. Подойдя к цели на расстояние уверенного выстрела, три дирижабля встают в круг. Высота в два-два с половиной километра, и удалённость километров на восемь, если измерять расстояние до вражеских позиций по земле. На таком расстоянии наземная артиллерия противника становится не слишком-то и опасна. Немного найдётся стволов, которые до воздушного судна на такой дистанции достанут. Многотонные махины мощных зенитных орудий по земле плохо передвигаются, а у лёгких скорострелок дальность невелика. Отстреляется один дирижабль, и прикрываясь щитами следующего, отойдёт на безопасное расстояние. А когда маги восстановят щиты, а артиллеристы восполнят снаряды из погребов, тогда можно снова в бой, прикрыв уже своими щитами уходящего на перезарядку соратника.

Раз пять можно успеть отстреляться в «кольце», вываливая на противника по сотне снарядов на каждом заходе, пока у дирижабля боезапас не закончится и маги не выдохнутся. А потом на базу. Боезапас восполнить, орудия почистить и в порядок привести, и магам дать восстановиться.

– О, Андрей, привет. Давно приехал? – поприветствовал Олег сына хозяина особняка. Дверь в кабинет, куда партнёры вернулись после перекура, оказалась открытой. У стола, уставившись на модель «Щуки», замер Андрей Липатов.

– Сегодня утром. Отец за заказами послал, и документы велел вам завезти. Те бумаги, что сверху, подписать нужно, а

дальше отчёты приложены, – отмер парень, с заметным усилием оторвав взгляд от модели дирижабля и передавая Олегу папку с бумагами.

– Андрей, ну сколько можно тебе говорить. Мы же не на официальном приёме. Давай уже на «ты» общаться. А то вроде бы мы ровесники, я даже чуть младше буду, а с тобой стариком себя чувствовать начинаю, – попенял ему в ответ Олег, в очередной раз напоминая об одном и том же. Он наскоро пролистнул документы и удивлённо поднял брови, увидев итоговые цифры в отчётах.

– Что-то не так? – поинтересовался Липатов-младший, заметив его замешательство.

– Ты можешь мне объяснить, откуда в отчётах такие цифры взялись? – Олег ещё раз, уже медленнее, просмотрел последние листы, пытаясь обнаружить ошибку.

– Конечно могу. Скоро год будет, как я всю бухгалтерию у нас веду. Отец ещё ни разу огрехов не нашёл, – насупился Андрей, собираясь доказывать правильность своих цифр.

– Господа, вынужден покинуть вас ненадолго. Кажется, у меня появились хорошие новости, – Олег кивнул партнёрам, и подталкивая впереди себя парня, вышел вслед за Андреем из кабинета.

– Откуда? – ткнул Олег в итоговую цифру под последним отчётом, когда они с Андреем устроились за столом в одной из ближайших свободных комнат.

– Ну, это же проще простого. В отличии от ваше… твоего хозяйства, у Федорищевых дела шли неплохо. Это ты в убыток жил, вкладываясь с приходов за накопители в поддержание своих земель, а они неплохие доходы со своих владений имели. Ну, и налоги сюда плюсом перепали. Ты же накопителями налог за их земли будешь выплачивать, а Федорищевы за деньги сотню воинов содержали. Считай, что эти деньги теперь тебе авансом выплачиваются. Поступают-то они по прежнему каждый месяц, и никуда не расходуются. Поэтому и оседают на счёте.

– Надо же. Вот уж не думал не гадал, что с тех земель сразу доход пойдёт. Деньги – это хорошо. Нам они сейчас очень кстати, – улыбнулся Олег, потирая руки.

– Олег Игоревич, а ты корабль для участия в регате собираешься делать? – решился на вопрос Андрей заметив, что боярин в хорошем настроении.

– Что за регата? – не поднимая головы от читаемых документов, поинтересовался Олег.

– Ну как же… Про неё уже во всех газетах написали. Мы думали, что отменят её из-за войны, а как наши войска супостата погнали, так и объявление появилось. Аккурат к государевым

именинам и назначили регату-то. Пятьдесят лет же Михаилу Фёдоровичу летом исполнится, – зачастил Андрей, сбиваясь на скороговорку.

– Так, не спеши, – Олег отложил папку в сторону, – Государю и точно пятьдесят будет, хотя на вид и сорока не дать. Ты давай, про регату толком расскажи.

Про регату Андрей знал много. Ещё бы. Он сам, с тремя такими же, как он, купеческими сыновьями, мечтал в ней поучаствовать. Года два назад в их город один богатый купчина пригнал итальянскую воздушную яхту. «Суиза Наполи Интеграле» прожила в небе России недолгую жизнь. Сначала вышли из строя двигатели, не перенёсшие качество отечественного бензина. А потом, посреди зимы, потрескалась оболочка, явно не рассчитанная на лютые российские морозы. Купец резко охладел к своему приобретению и его ремонтом заниматься не стал. Тут-то к нему и подкатил один из друзей Андрея, приходившийся тому купцу родственником. Особо тёплых чувств купец к родственнику не испытывал, но почесав в затылке, согласился продать дирижабль вполовину от той цены, что сам заплатил. Чисто для того, чтобы он видом своим его больше не расстраивал и места не занимал. Тогда-то у Андрея и его друзей и появилась Мечта – победа в Имперской регате.

Собственно, сама регата будет проходить в два этапа. В первый день стартуют дирижабли с грузоподъёмностью до пятидесяти тонн. Сначала они вылетят на восток. Пройдя круг в три тысячи километров, они сбросят свои вымпелы над десятью городами, прежде чем вернутся обратно в столицу. На следующий день старт возьмут дирижабли с грузоподъёмностью до двадцати тонн. Им предстоит лететь на запад и сбросить свои вымпелы над шестью другими городами. Круг у них получится на тысячу километров короче. После старта маломерок в столице наступит время пилотов МБК. Они будут соревноваться в двух дисциплинах – в скоростном слаломе и в воздушном биатлоне.

Мероприятие с размахом задумано. Тысячи людей по всей стране будут задирать головы к небу, наблюдая за перипетиями соревнований и любуясь пролетающими стаями воздушных судов. А сколько ставок будет сделано и не счесть. Знатоки спорить устанут, обсуждая перспективных победителей. В ход пойдут и данные пилотов, и достоинства отдельных модели дирижаблей и характеристики силовых установок. Даже единственная дозаправка, которую дирижаблям будет разрешено сделать по их выбору в любом из городов, где произойдёт сброс вымпелов – это та ещё загадка.

Перегрузишь судно на старте – можешь не дотянуться до

высотного горизонта с попутным ветром, или потеряешь время при смене горизонтов из-за лишнего веса и потери манёвренности. Зальёшь мало бензина – вполне возможно, что где-то придётся сбрасывать обороты и идти экономичным ходом. Да и время на заправку обидно терять. Стандартная колонка у причальной мачты для лёгких судов качает пятьдесят литров топлива в минуту. И дело не в недостатке мощности насоса, а в конструктивной особенности дирижаблей. Те же курьерские катера иначе могут не успеть скомпенсировать возрастающий вес своих судёнышек и плюхнутся на брюхо.

Для огромных китообразных тяжёлых и сверхтяжёлых транспортников цифры заправки совсем иные. Их и заливают разом в четыре бака, и шланги там толщиной с ногу. Те монстры и тонну прибавки к весу за минуту переварят и не поморщатся.

Рассказ Андрея Олег слушал, не перебивая. Парень говорил быстро, порой сбиваясь на посторонние темы, но тем интереснее и красочнее получалась общая картинка.

Олег посмотрел на часы. Десять минут они говорят, а сколько нового он узнал. Андрей его жест понял по-своему, и ещё больше заторопился.

– Подожди секунду, – с трудом поймав паузу между его фразами, остановил Олег разошедшегося парня, – Ты сегодня здесь ночевать остаёшься?

– Да. У меня билет на завтра взят.

– Тогда давай вечером подробней поговорим, а сейчас мне с компаньонами разговор надо продолжить, – Олег мысленно уже обкатал дополнение к своему предложению. С его точки зрения оно и раньше неплохо выглядело, но больно уж не хватало ему изюминки. Этакой вишенки на торте, создающей необходимый настрой и антураж. Зато теперь их две. И обе размером с куриное яйцо.

– Олег Игоревич, а правда, что курсанты Академии каждую неделю с барышнями из Смольного танцуют? – неожиданно выпалил Андрей, краснея прямо на глазах. А от кончиков ушей можно было прикуривать.

– Ох, и винегрет же у тебя в голове. И как в неё влезает столько всего, – искренне восхитился Олег, остановившись в дверях, – Тут тебе и дирижабли, и девушки, и деньги. Завидую. А про барышень я тебе вечером расскажу. К сожалению, там даже блондинки не такие дуры, как мне с друзьями порой хотелось бы. Такие ехидны встречаются…

– Как мои сёстры? – ляпнул Андрей, у которого слова порой бежали впереди мысли.

– Да твои сёстры просто ангелы во плоти. Умны, красивы, в

общении легки. Счастья ты своего не понимаешь, – вздохнул Олег, и махнув рукой, отправился к партнёрам.

Вздыхать было от чего. Одной из причин кобеляжа, за который Олег сам себя иногда корил, особенно по утрам, были воспитанницы Смольного.

Все, как одна, по-своему яркие, они не отличались особым благонравием. Пусть не все, но многие из них имели чуть ли не официальных любовников. Лёгкость столичных нравов к таким явлениям позволяла относится снисходительно.

И казалось бы, всё хорошо складывается, но тут в дело вступала неписанная традиция Смольного, которая соблюдалась строго. Любовником смолянки мог стать любой, кроме будущего гвардейца. «С гвардейцем только после свадьбы».

Автора этой глупости пыталось вычислить не одно поколение курсантов, да наверное, и воспитанниц тоже. Тем не менее одна-две девицы ежегодно досрочно покидали стены Смольного, принося себя в дань традиции, будучи уличёнными в её нарушении. Вот и бесились, глядя друг на друга, курсанты и смолянки на своих еженедельных встречах.

Не сказать, чтобы смолянки Олегу нравились все без исключения. Хотя были, были там э-э… экземпляры, от которых в дрожь и пот кидало. Иногда, после танца, когда ты только что руками ощущал упругое девичье тело, пусть и через тонкий шифон бального платья, хотелось не к столу идти, а бежать.

Бегом бежать или под холодный душ, или в ближайший бордель. А лучше сразу и туда, и сюда. Корёжило так, что слух пропадал, предательски дрожали ноги и голова переставала работать. Про вспотевшие ладони рук лучше и не вспоминать, самому противно. Итак на занятия по два носовых платка с собой стал таскать.

Поэтому Андрея Олег очень хорошо понимал. Предложи такому выбор между девицами и дирижаблями, так его того и гляди пополам разорвёт. В бордель его сегодня сводить, что ли… Хотя, нет. Вряд ли Ерофей Константинович такое дело одобрит. Может некрасиво выйти. Липатов, считай, все заботы по хозяйству и финансам с него нынче снял, в доме своём поселил, а он его сына по борделям шастать учит… А если ещё и дочери его узнают… Нет. Плохая идея. Пусть Андрею это и на пользу бы пошло, но хорошие отношения с купцом портить не стоит. Мало у свежеиспечённого боярина верных людей. Зато планов громадье.

– Итак, господа, у меня две новости. Вопреки традициям – обе хорошие. Во-первых, у нас появился инвестор, желающий крайне быстро построить новую верфь и сдать её в аренду нашему товариществу. Сразу отмечу – за весьма небольшую плату. И во-

вторых, у нас появился заказчик на первый дирижабль, пусть и небольшого размера, – Олег, внутренне сияя, постарался произнести обе новости по-деловому, сохраняя бесстрастное выражение лица.

– Угу. Конечно крайне сложно было догадаться, но что-то мне подсказывает, что фамилия у обоих благодетелей такая же, как и у тебя, – достаточно отчётливо проворчал Усольцев, откладывая в сторону один комплект чертежей, и вытаскивая другой, – Времени до поезда у меня совсем немного осталось. Поэтому сразу покажу эскизы, которые я набросал для компоновки гондол твоего «катера». Она у меня предусматривает три варианта. На шесть, восемь и на двенадцать пассажиров. Для последнего варианта гондолу потребуется удлинить, что не лучшим образом скажется на манёвренности и динамике.

– М-м-м… Погоди-ка, Игорь Семёнович. То есть, ты хочешь сказать, что изначально был согласен с моим предложением? – с подозрением уставился Олег на обоих партнёров, начавших ухмыляться, хотя и пытающихся сдерживаться.

– Тут понимаешь, какое дело. Был у меня когда-то один особо вредный наставник. Как только у нашей группы доходило дело до рассмотрения какого-нибудь проекта, он всегда заставлял именно меня защищать самый неудачный вариант, – покосившись на Густавсона, пояснил техномаг.

– Кто виноват, что у тебя это лучше всех получалось, – нисколько не обидевшись на характеристику, услышанную им от своего бывшего ученика, отозвался Рудольф Генрихович. Судя по всему, про собственную вредность он слышит не первый раз.

– Поэтому роль адвоката дьявола, бьющегося за самую неудачную идею, для меня привычна. Помогает, знаешь ли, выявить заранее все слабые стороны того или иного решения. Так сказать, ещё на стадии обсуждения. Думаешь, я хуже тебя понимаю, что полноценный скелет «Щуки» в стали не выполнить. Частично можно выкрутиться, если перейти на авиационные сплавы. Последнее время они выходят из дефицитных позиций.

– Точно. Скелет. Какое правильное слово, – прервал Олег техномага, ожесточённо массируя пальцами виски, – Если сделать скелет, то всё получится.

– Оле-ег, – Усольцев попытался достучаться до парня, когда тот, перестав тереть виски, уставился в столешницу перед собой, ухватив её край обеими руками.

– Сейчас объясню, – не отрывая взгляд от поверхности стола отозвался Олег каким-то чужим, незнакомым голосом.

Усольцев с Густавсоном понимающе переглянулись и притихли. Закладочки Изначальных – штука капризная. Спугнёшь

мысль, и может пропасть. Пойди угадай, когда она снова отзовётся.

Когда Олег очнулся, Усольцев по-быстрому подсунул ему листы с карандашами, заранее присмотренные им на столе.

– Нагрузки, распределяемые по силовому набору, неравномерны. Можно применить тот же принцип, какой существует в природе. На любом скелете рёбра у основания толще, чем на концах. Точно так же, как ветви у деревьев, – Олег нарисовал простенькое изображение дирижабля и схематично прорисовал внутри него каркас, с сужающимися к концам элементами его набора.

– Абсолютно нереально, – с сожалением выдохнул Рудольф Генрихович, – Никто нам не будет делать отливки такой длины и столь сложной формы. Я так понимаю, что для конструкции каркаса предполагались алюминиевые сплавы?

– Сталь, – коротко и сердито ответил Олег, складывая чистый лист по диагонали, и разрывая его по сгибу. Затем он быстрыми движениями сделал на получившемся треугольнике ещё два сгиба по краям, которые тоже сужались к концу. Сложив треугольник в трубочку, и совместив отогнутые сгибы, Олег получил полуконус, больше всего похожий на распиленную пополам по всей длине сосульку.

– Со стальным листом проблем нет. Раскатают всё что хочешь, – задумчиво произнёс Усольцев, осторожно забирая у Олега его бумажный макет, – И даже раскроят в размер. Вот только как мы это согнём, и чем прихватим плоскую сторону.

– Нашей оснастке без разницы, как металл гнуть. А по плоскости пустим диффузионную сварку. Франц Иосифович мне при Императоре высказал, что прочность по шву у неё выше, чем у исходного материала. Ещё и засранцем меня обозвал, – последние слова Олег добавил чисто машинально, отмякая от нахлынувших Знаний. Почувствовав, что это прозвучало как-то по-детски, словно бы он жалуется, он исподлобья глянул на собеседников, но похоже, они не обратили на его слова никакого внимания. Густавсон, закатив глаза в потолок, шевелил губами, словно он общается с Всевышним, а Усольцев складывал и сгибал бумажный лист, пытаясь придать ему кривизну с сохранением трубчатой формы.

– Игорь, вот это и есть самая большая проблема. Сделать трубчатую конструкцию с плоской стороной мы сможем. За счёт оснастки прилично прочности ей добавим. Но как задать ей нужную кривизну при выдавливании, я не знаю. Когда мы наши полутрубы заварим, их уже не согнуть. У меня в голове крутятся упоминания про какой-то координатный центр, но я честное

слово не знаю, что это такое, – Олег, положив подбородок на ладонь, и уперев локоть в стол, без особой радости смотрел на эксперименты техномага с бумажной моделью. Складывалась в трубочку она замечательно, но затем сгибаться отказывалась, тут же ломаясь на изгибе.

– В чём дело? – отвлёкся Густавсон от своих размышлений, и одним жестом заткнув рот Олегу, кивнул своему бывшему ученику, ожидая от него объяснений. К чести Усольцева стоит заметить, что лишних слов, при описании технической задачи он не расходовал. Уяснив проблему, Густавсон с минуту пожевал свои сухие губы, а потом снисходительно махнул рукой, – На обычный копир оснастку повесим, и по пуансонам пустим. Пусть сразу при верфях планируют модельную мастерскую, человек на десять и с большим залом.

После чего бывший начальник экспериментальных мастерских и так и несостоявшийся профессор снова уставился в потолок.

– Что он сказал? – требовательно подёргал Олег Усольцева за рукав. Понятно, что эта парочка давно спелась, и говорит на одном языке, но и ему пришла пора их понимать. Партнёры они, или кто.

– Копир на подвижном параллелограмме, – попытался в свою очередь отмахнуться техномаг, но осёкся, увидев перед своим носом вполне себе увесистый кулак.

– Игорь Семёнович, друг ты мой, а давай-ка ты со своим партнёром и потенциальным инвестором будешь говорить тщательнее. Дружба дружбой, но палку перегибать не стоит, – почти ласково проворковал Олег, изучая пальцами швы на отворотах техномаговского сюртука. Тех, что рядом с горлом, – Рудольф Генрихович, к вам это тоже относится. Я понимаю, что вы оба – люди великого ума. Но скидок на это в нашем партнёрстве не предусмотрено, как и надбавок. Надеюсь, что повторять разговор окажется без надобности. Подумайте ещё раз. Может, вам и не стоит так резко жизнь менять. Жили же вы как-то до этого. Со своими характерами, амбициями, и прочим барахлом. А нынче пришла пора работать. Лезть наверх, словно медведю, желающему добраться до мёда. Не обращая внимания на сучки, жала пчёл и пот, заливающий глаза. Всё это я говорю вам не случайно. Вы рискуете частичкой своего благосостояния, а мне на кон приходиться ставить будущее Рода. И я должен быть уверен в каждом из вас. Поэтому – я жду ответа.

Глава 9

Слухи о том, что курсантов могут отправить на фронт, внутри Академии циркулировали с завидным постоянством. Возникали они не на пустом месте. Руководство Академии, состоящее в основном из бывших боевых офицеров, не упускало возможности дать понюхать пороха своим воспитанникам. Непосредственно в боевых действиях курсанты редко участвовали. Такие факты были скорее исключением, возникавшим из-за ошибок руководителей их практики, или досадных недоразумений, которые на войне иногда случаются.

Обычно практику планировали так, чтобы показать курсантам изнанку войны. Не лихие атаки, и не яростную оборону, а ту огромную работу, которую каждый день проводят прифронтовые службы, обеспечивая победу. И пусть вдали от фронта канонада не всегда слышна, а противник даже в бинокли не виден, но победа куётся не только на передовой. Зачастую быстрая и незаметная переброска большой группы войск становится не менее сложной и значимой задачей, чем взятие города, а нехватка снабжения может оказаться опаснее, чем вражеская атака.

– Второй курс отправляют на войну. Им только что на построении сказали, что завтра они вылетают. А сегодня их всех по домам распустили, – вихрастый и суетливый Гриша Артемьев, как всегда успел первым узнать и сообщить своей группе сногсшибательную новость. Он стоял в дверях аудитории, запыхавшийся от бега, и показывал пальцем на Главный корпус, из которого только начали выходить второкурсники.

– Решились таки. Значит и мы через неделю полетим, – негромко сказал Игорь Шувалов, староста их группы. Несмотря на поднявшийся было гвалт, его многие услышали и шум понемногу начал стихать. Клан у Шуваловых большой, и в столице не на последнем счету будет. Даже в руководстве Академии есть их люди. Курсанты знали, что из старосты, парня не слишком разговорчивого, много не вытянешь, поэтому приготовились внимательно слушать каждое его слово.

– Игорь, а куда нас пошлют? – первым не выдержал Артемьев, вслух озвучивая основной вопрос, волнующий всех.

– Туда, где линия фронта устоялась. В наступлении командованию не до нас, а при обороне или отступлении возможны критические ситуации. Так что туда нас тоже не пошлют. А где у нас линия фронта стоит и наблюдается относительный паритет в военной силе? – спросил староста у Артемьева.

– Луцк, Белосток, Гродно, – мельком глянув на настенную карту, отбарабанил любитель новостей, – Мы там уже с месяц флажки не двигали. Ага, значит с поляками будем воевать.

– Говорят, наши там в серьёзную линию обороны упёрлись, – поделился сведениями кто-то из курсантов, стоящий за спиной Олега, – Успели понастроить, гады.

– Опять эти поляки. Всё лезут и лезут. Что им у нас надо? Мало мы их били, что ли, – прогудел знакомый Олегу голос с другой стороны. Из их компании говорун. Никита Тарский. Чудной у него голос, говорит так, словно он из бочки вещает.

– Да давно они нас не любят. Ещё с девятисотых годов от рождества Христова. Они тогда католическую веру приняли, а мы христианскую. С этого вражда и началась. И не только мы их били, но и они Москву два раза брали. Первый раз её с 1610 по 1612 год оккупировали, а второй раз вместе с Наполеоном сюда приходили. Ну и мы, понятное дело, у них в столице не раз отметились. Так что нелюбовь у нас взаимная.

– Браво! Кто это у нас такой знаток? А-а, Никонов, я так и думал. Никонову ставлю пять. Рассаживайтесь по местам. Этот урок военной истории мы посвятим заинтересовавшей вас теме. Итак, отношения России и Польши до третьей мировой войны и после неё, – преподаватель военной истории похоже был рад, что для изменений в программе ему не пришлось искать повод. Несмотря на то, что курсанты и сами уже догадались, где у них будет проходить практика, преждевременно подтверждать информацию он не хотел. Жизнь – штука переменчивая и полна сюрпризов.

– Игорь, а почему через неделю? – вполголоса поинтересовался неугомонный Артемьев у старосты, когда они пробирались на свои места.

– Академия нас своими дирижаблями повезёт. Управлять третьекурсники будут. Им, чтобы туда-обратно сходить дней пять нужно. Вывезут второй курс, вернутся, обслужат дирижабли, тогда и мы полетим, – как всегда рассудительно высказался Шувалов, обосновывая выстроенную им несложную логическую цепочку.

Всю неделю Олег потратил на обустройство дел. Не хотелось бы, чтобы во время его отсутствия что-то замерло или оказалось заброшено. По предположению многознающего Шувалова их группу отправят на месяц. За это время строители обещают ангары до конца собрать.

В названные ими сроки Олег сначала не поверил. Однако строители приятно удивили. Они притащили нанятым дирижаблем готовые конструкции каркасов. Используя этот же

дирижабль в качестве подъёмного крана, они при помощи двух лебёдок повесили его над стройкой на растяжку и очень шустро начали монтаж. Судя по последнему докладу Усольцева, один из ангаров уже обшит панелями, и в нём начали заливку полов, а у второго полностью перекрыта крыша. Монтаж каркасов для всех трёх строений закончен.

Будущая верфь строится из трёх однотипных ангаров в виде буквы «Н». Цеха и модельная мастерская расположатся в перемычке, а в крайние ангары установят стапели. Места там с избытком предусмотрено. В каждом ангаре по два «катера» можно собирать и ещё место останется.

На больших размерах сооружений настоял Олег, хотя и понимал, что обойдутся они ему в весьма неприличные деньги. По самую маковку придётся напрячься. Готовые комплекты ангаров, которые разыскал Липатов через свои связи, были новинкой. Может, поэтому и удалось хапнуть три комплекта сразу. Не все ещё поняли, что время на строительство – это тоже деньги. Очень дорого верфи встанут, но зато и проблем у товарищества в ближайшее время из-за нехватки производственных площадей не предвидится. Золотое правило – собрался вводить в оборот новый товар – заранее подумай о возможностях его роста. Так его учили в Угличском лицее не совсем обычные преподаватели. Те самые, что в столице не прижились. «Сосланные».

Посёлок у верфей сразу строить начали. С ним проще всего. Сотня типовых домиков на две и три комнаты рядом с лётным полем и ангарами была заранее запланирована. Если верить докладам, то весьма скоро она, эта сотня, там и встанет. Благо, земля и лес свои собственные имеются. Лесопилка в хозяйстве боярина тоже присутствует, и не одна. Платить только за работу надо, да за перевозку материалов. Коммуникации и дороги у посёлка и производства общие будут. Понятное дело, что и по мелочам кое-что докупать придётся. Но такие траты, на фоне общей сметы строительства, на себя внимание не слишком обращают. Их товариществу поднабрать бы достаточное количество рабочих и инженеров, а там уж и о перспективах можно помечтать.

Выходные пришлось провести «у станка». Изготовленные кристаллы Анвар с сыновьями потихоньку в обвес оденут и отправят получившиеся накопители на продажу к Липатову. Траты большие предстоят, и запас средств точно не помешает. Замахнуться на начало стройки не трудно. Жаль, что даже очень хорошие строители в смету никогда не укладываются. Так что, если стройку затеваешь, то к планируемым расходам ещё столько

же в уме добавлять надо, и то не факт, что окажется достаточно. Не сказать, чтобы такие сентенции, высказанные в разное время Липатовым и Густавсоном относительно строительных смет, Олега слишком уж удивили. Столкнулся он только что с обычным ремонтом квартиры. Тоже переплатил изрядно уже сверх первоначальных расчётов, а ремонт всё ещё не закончен.

– Сегодня карабины пойдём пристреливать! – ошеломил курсантов Артемьев, как всегда узнававший все новости первым.

– Фу-у, карабин. Ерунда, а не оружие.

– Ну не скажи. Прицельная дальность у него очень даже приличная, и для боя в ограниченном пространстве он вполне неплох.

– Да ты из него с двухсот метров в ростовую мишень не попадёшь.

– Я не попаду? Спорим, что все три выстрела из трёх всажу… На бутылку коньяка, шустовского?

– Спорим.

Курсанты расшумелись, как дети. Всё-таки на мужчин благотворно оружие влияет. В одно мгновение с ребят всё наносное смыло. Куда только взгляды свысока подевались, модный среди аристократов лёгкий сплин, безукоризненные манеры. Пусть на минуту-другую, но все разом стали теми, кто они есть – молодыми парнями, грезящими о подвигах и славе, влюблёнными в оружие, в небо и почти что во всех симпатичных барышень сразу.

С курсантами своей группы у Олега сложились очень интересные отношения. Его немного побаивались. Слухи и сплетни до столицы доходят пусть и не быстро, но исправно. Первое время самые впечатлительные курсанты даже старались держаться от него подальше. Некоторые так и на другой конец аудитории шарахались, увидев, что он собирается устроиться рядом с ними. Не каждый день около тебя на лекции может оказаться твой сверстник, имеющий за спиной личное кладбище в несколько десятков человек. А тут ещё твои же родственники интересуются, как это у него без последствий получилось сделать. Неужели какой-то отморозок из провинции настолько нагл, что не боится в столице показаться, после того, что у себя там натворил. Это кто же у него в покровителях должен быть.

Олег на попытки курсантов разузнать что-либо о делах его Рода, только улыбался и отрицательно крутил головой. С такой же улыбкой он выслушивал версии однокурсников о себе, не подтверждая их, но и не отрицая. В итоге, как всегда, все страшилки его собеседники придумали сами, и в них поверили. Потом испугались, и понапридумывали ещё больше.

И лишь когда их расспросы становились чрезмерно назойливыми, Олег позволял себе пару раз постучать пальцем по гербу, с вышитой над ним короной. Глава Рода – для дворян это не пустой звук.

Их, курсантов, имеющих статус Главы Рода, в Академии всего двое. Олег, и третьекурсник Беклемишев. Но того сиротой оставили исконные враги Империи, а Олега – свои. И он отомстил.

Курсант может быть очень именитым первым наследником, но попытайся он нашкодить, а то и упаси Бог, оскорбить Главу чужого Рода, тот ведь может и с его отца спросить за недостойное воспитание отрока. И будет в своём праве. В Боярских Уложениях отдельной статьёй такие моменты прописаны. Радостного там ничего не предусмотрено. Или вира далеко не шуточная, или вызов на дуэль. Что характерно, не сыночка-шалуна Глава Рода вызовет, а его папу.

В первом случае, если на выплате виры сойдутся, весь негатив на наследнике надолго останется, а во втором… Тут отцы семейств только крякали, и головой крутили. Нет, дуэль с курсантом их не пугала. Позорила, да. И, потом, кто же у него в покровителях-то… Непростые кланы сделали вид, что их всё устроило, когда этот боярин мало того, что пару Родов обнулил, так он потом ещё и родовые земли у одного из побеждённых под себя забрал. Серьёзный шаг. Очень серьёзный, для тех, кто поднаторел в интригах и раскладах внутри Империи. Этак, к примеру, присоединит паренёк к себе ещё один родовой надел, и получит право именоваться графом.

Вроде бы мелочь, казалось. Кто их, этих графьёв считает. Ан нет. Считают их, и ещё большие интриги плетут. А ну, как кто из новеньких себе в клан три графства наберёт. И ведь станет такой шустрый удалец очередным князем. Удельное княжество зарегистрирует. Место в Совете получит. Мало там своих интриг, блоков и коалиций. А тут, на тебе, новый неучтённый фактор. Ничейный князь образовался. Выпавший из-под установившегося неустойчивого равновесия. Так что предусмотрительные главы кланов появление новых графских титулов очень даже учитывают, а самые предусмотрительные и за теми боярами присматривают, у кого вторые родовые земли появились. Им же до графского титула только один шаг остаётся сделать.

Признаки лёгкого интереса к своей персоне Олег не раз замечал. Тот же их староста, Шувалов Игорь, как-то раз его пригласил на день рождения своей младшей сестры. Съездил. Сестричка ничего так, миленькая. На лисичку похожа. В Смольный готовится поступать. С отцом своего старосты

поговорил. Недолго. Тот от него быстро отстал. Начал было расспрашивать о планах на будущее, но Олег упёрся в предстоящую службу и заявил, что обо всех планах будет размышлять только после того, как отслужит. Удостоился эдакого презрительного взгляда и снисходительной усмешки. Не явных, скорее промелькнувших. Собственно, он и добивается такого отношения к себе, чтобы в местные, столичные, расклады не попадать. Слишком у них тут всё заковыристо переплелось. Пока маска недалёкого солдафона спасает. Главное, умных слов не говорить, на темы про службу живо реагировать, а на все остальные отделываться мычанием, междометиями и неопределёнными, ничего незначащими фразами. Собеседники тогда быстро к тебе интерес теряют и с хитромудрыми разговорами больше не лезут.

* * *

– Курсантам приготовить личные вещи к досмотру. Для забывчивых или особо непонятливых повторяю, что вес личных вещей не должен превышать трёх килограммов, и всё должно входить в стандартный подсумок. Поэтому у вас десять минут, чтобы убрать лишнее в шкафчики, иначе полетите с пустыми руками, – зычный голос старшины, усиленный рупором, больно ударил по ушам и отразился от стен зала.

Группа Олега осталась на месте, а в двух других произошло бурное шевеление. Благодаря вездесущему и любознательному Артемьеву их группа о предстоящем осмотре узнала заранее, и подготовилась. С кряхтением и причитаниями курсанты не по разу перебирали содержимое подсумков, решая, от чего можно отказаться более менее безболезненно. Глубокие вздохи и многозначительное побрякивание стеклянной посуды, выгружаемой в личные шкафчики, свидетельствовали, что группа при разгрузке потеряла как минимум десяток литров крепких спиртных напитков. Олегу тоже пришлось пару стеклянных фляжек коньяка выгрузить. Так-то он рассчитывал протащить их с собой под шумок, заботливо заворачивая в полотенца и засовывая в центр сумки. Несложно же было догадаться, что опытные отцы-командиры не первый раз курсантов на практику отправляют. Наверняка знают, что у молодёжи в вещах лишнего может быть припрятано, вот и придумали ограничения. Угу… То-то они перед построением так злорадно ухмылялись, сатрапы.

Перелёт к месту практики прошёл обыденно и неинтересно. Трюмы десантных дирижаблей по-военному утилитарны,

рациональны и особыми изысками не грешат. Лавки в меру жёсткие, свободного места мало, вместо иллюминаторов узкие щели бойниц, прикрытые в походном состоянии откидными козырьками из мутного бронестекла. Из бытовых радостей кран с кипятком и тесноватый туалет на четыре кабинки. Нудятина перелёта была немного разбавлена экскурсиями на капитанский мостик и в моторное отделение, куда их сводили, предварительно разбив на десятки.

– Что читаешь? – раздавшийся над ухом вопрос вывел Олега из состояния полудрёмы. Во время многочасового перелёта курсанты развлекали себя сами. Кто в карты играл, кто в шахматы, а Олег, помыкавшись и не найдя, чем себя занять, вытащил книжку из подсумка. Как раз перед вылетом её по почте получил. Книгу Усольцев прислал, предварительно поинтересовавшись, как у Олега дела обстоят с немецким языком. С немецким у Олега было не слишком хорошо, собственно, как и с французским. В лицее и тому и другому их обучали, но как-то Олегу языки не слишком давались. Разговор на немецком он поддержать мог, и новости сносно понимал, но обилия технических терминов в книге не осилил. Ага, попробуй тут разбери, что эта немчура имела в виду, сочиняя слова длиной чуть не в полстроки. Думал-думал, да и задремал немного.

– Книгу мне про дирижабли прислали, но что-то я в терминах запутался, – встряхнулся Олег, посмотрев на подсевшего к нему Шувалова.

– Не мудрено. Эту хрень можно перевести, как «несущая кабина гондолы», ну или «несущий корпус гондолы», так даже точнее будет, а дальше там что-то про объёмное распределение нагрузок втирают, – всмотрелся староста в текст книги, помеченный красным карандашом, – Тебе-то оно зачем? Нам гвардейские МБК изучать надо. А дирижабли – это вчерашний день. Вот увидишь, лет через пять вся армия на самолёты перейдёт, а дирижабли на свалку отправят. Среди промышленников страсти уже не первый год кипят. Кто заводы алюминиевые строит, кто двигатели осваивает, а кто и производство бетонных плит разворачивает.

– Э-м-м, – только и смог выдавить Олег, удивлённый сразу двумя моментами: болтовнёй обычно молчаливого старосты, и применением бетонных плит в самолётостроении. Похоже, голова спросонья ещё не работает, – Плиты?

– Ну да. На следующий год большой государственный заказ на бетонные плиты может случиться. Вроде, как по всей Империи государь-батюшка аэродромы строить надумал. Это дирижаблю взлётной полосы не надо. А самолёты они, друг ты мой, абы

откуда не взлетят и тем более не сядут, – Шувалов наклонился чуть ближе к уху Олега, и он уловил потянувший от Игоря лёгкий запах коньяка.

Так вот в чём дело. Староста втихаря где-то намахнул грамм сто-сто пятьдесят, и теперь его на разговоры потянуло. Знакомое состояние. Самого иногда так же пробивает. Да и Иван Силыча того же вспомнить… Эх, как ему под водочку-то славно говорилось, да рассказывалось. Целые повести за ним можно было записывать.

– «Выпить да поболтать – любимое развлечение русского народа. Можно сказать, национальная черта нашего характера», – подумал про себя Олег, – «Иностранцы, те либо молча пьют, как скандинавы, либо шумно, как французы. И только наши под выпитое мыслью воспаряют и готовы сходу решать любые проблемы мирового масштаба».

– Игорь, кстати, ты с переводом не поможешь? – кивнул Олег на книгу, лежащую у него на коленях.

– Помогу, – чуть слышно икнул староста, мотнув головой заметно больше необходимого, – Если объяснишь мне, для чего тебе, боярину, это нужно. Ладно там мещане всякие и прочие бездари над такими книгами головы ломают, а у нас, Одарённых, и без того дел невпроворот. По мне, так проще будет нанять кого-то, и пусть он в этих ундерах-цугундерах немецких разбирается, да чертежи изучает. А как измыслит что-то стоящее, так и мы тут как тут окажемся.

– «Что-то быстро Игорька развезло. Хотя, я с ним не пил никогда, так что и не знаю, крепок ли он на выпивку или нет», – подумал Олег, поглядывая на поплывшего старосту.

– В гонках мечтаю поучаствовать. Причём, именно на дирижабле. Как пилоты МБК мы пока все ноль без палочки. С профессиональными пилотами вряд ли тягаться сможем. А на дирижабле хоть какие-то шансы есть, – пожав плечами, пояснил Олег свой интерес к книге.

– Гонки. Гонки – это хорошо. Я бы сказал – престижно, и светское общество такое увлечение оценит. Спортсменов у нас любят, – уже поклёвывая носом, заключил староста и широко зевнул, с риском вывихнуть себе челюсть. Повозившись с минуту на жёсткой скамье, он выбрал положение поудобнее, и шумно засопел, засыпая.

– «Вот же жук. Меня разбудил, а сам спать завалился», – беззлобно выругал Олег разомлевшего Шувалова, который во сне понемногу сполз своей головой к нему на плечо, – «И песня-то какая знакомая… Не боярское это дело… Может, и вправду, не за своё дело я взялся. Живут же другие дворяне, и в ус не дуют.

Деревеньки отстраивают, усадьбы. А мне что, больше всех надо? На безбедную жизнь и так денег наберётся. Там глядишь, и порт начнёт копеечку приносить, да и кристаллы с накопителями спросом пользуются. Верфи скоро достроим, и опять же прибыль появится. Деньги, по современным меркам небольшие выйдут. Не те бешеные миллионы, что нынче банкиры и промышленники получают. Так у меня и трат таких нет, как у них, да и запросы иные. Я дворцы в столице воздвигать не собираюсь. Равно, как и заводы-гиганты строить. Мне бы с тремя ангарами справиться, и то хлеб».

Под размышления и гул моторов Олег понемногу задремал, а потом и вовсе заснул крепко. Снились ему купеческие дочки и княжна с русой косой. Все они почему-то одели старинные русские сарафаны и вышли на поле. Ромашки, овечки, пастушок, играющий на дудочке. Сплошная пастораль, короче.

* * *

– Ну что, господа курсанты. Вижу по вашим лицам, что первые дни практики оставили у вас неизгладимые впечатления, – их наставник, зашедший в недавно отмытый зал, небрежным жестом дал отмашку, обозначая, что при его появлении можно не вставать. Два наставника соседних групп кивком подтвердили жест Зиновия Германовича. Вошедший вслед за ними незнакомый офицер, с трудом сдержал усмешку, ограничившись скупой улыбкой. Веселится ему было над чем. В небольшом зале сельской школы курсанты разместились с трудом, а их внешний вид оказался весьма далёк от представлений бравого воинства, – Вопросы есть?

– Нас сюда дирижаблями везли, чтобы мы здесь ящики грузили? – услышал Олег знакомый голос.

– Отличный вопрос, курсант Артемьев. Нужный, правильный и своевременный. Отвечу. Пока вы, в течении двух суток, вникали в тонкости работы прифронтового склада боеприпасов, героически осваивая при этом необходимые для его функционирования специальности, его основной численный состав отдыхал, – офицер выдержал паузу, пережидая возмущённый галдёж курсантов, – Отдыхал все два дня. Впервые, за два с лишним месяца работы без выходных. Вдвое меньшим составом, чем у вас. В карауле стояли выздоравливающие бойцы, из числа легкораненых, а в грузчиках работали те, кто не подпадает под мобилизацию. Другими словами, люди старше сорока пяти лет. И только с вашим появлением у них впервые

появилась возможность отдохнуть. Первый раз за два месяца ежедневной тяжёлой работы.

Наставник с каждым предложением говорил громче и громче. Оглянувшись на Артемьева, Олег заметил, как тот сжался и побледнел.

– Ещё вопросы? – спустя несколько секунд спросил наставник звенящим голосом, с нехорошим прищуром оглядывая зал. Он помолчал, слушая тишину, и пару раз вздохнув-выдохнув, продолжил вполне обычным тоном, – Раз вопросов больше нет, то представляю вам нашего гостя, в недавнем прошлом выпускника нашей же Академии, штабс-капитана Бартенева Льва Николаевича. Рекомендую выслушать его внимательно. Вам будет поставлена задача на тактическое планирование. Лучшие решения не только позволят вам автоматом сдать зачёт по этой дисциплине, но и улучшат вашу общую оценку за практику. Штабс-капитан, прошу.

– Добрый вечер. Хочу от лица командования принести вам благодарность за ваш самоотверженный труд. В тыловых службах острая нехватка людей. Всех, кого можно было собрать, мы отправили на восстановление железнодорожных путей и ремонт подвижного состава. Без всякого преувеличения могу сказать, что позади нас практически безлюдная зона, простирающаяся километров на сто пятьдесят, а то и двести. Часть населения успела скрыться в центральных районах Империи, а оставшихся людей угнали поляки. Гнали, как скот. На ходу убивая упавших, или тех, кто задерживал движение и не мог быстро идти. Тут все канавы вдоль дорог – это одна большая братская могила, длиной в десятки километров, – офицер вытащил платок, и промокнул вспотевший лоб. Олег заметил, что у Бартенева задёргался глаз. Прикрывшись платком, офицер попытался справиться с нервным тиком, что ему не вполне удалось, – На нашем участке фронта сложилось примерное равенство сторон. Мы имеем незначительное численное превосходство в живой силе. По нашим данным, перевес в артиллерии составляет больше тридцати процентов в нашу пользу. Наблюдается количественный и качественный паритет в дирижаблях. Они практически выключены из боевых действий равенством сторон. Попытки обстрела позиций противника с дирижаблей каждый раз перерастают в артиллерийские дуэли между ними же. Ранее предполагалось, что оборону поляков будет взламывать полк тяжёлых дирижаблей, с дальнобойной артиллерией крупного калибра. Однако в связи с контрнаступлением венгров, их отвели на тысячу с лишним километров южнее, – штабс-капитан непроизвольно дёрнул головой, выдёргивая острый кадык из

тугого воротничка, – По последним сведениям, тот полк недавно ушёл на переформирование, так что ждать возвращения тяжёлых дирижаблей в ближайшее время нам не стоит.

Офицер ненадолго замер, раздумывая, как бы ему понятнее донести до курсантов условия задачи.

– Единственным успехом «тяжей» можно считать то, что своим огнём они вынудили поляков перенести склады за вторую линию обороны, в Хайнувку и Клещеле, что заметно сказалось на интенсивности артиллерийских обстрелов с польской стороны. К слову сказать, вторая линия обороны у поляков считается основной, и укреплена она значительно лучше. Те три небольших укрепрайона, которые мы пытаемся взломать, всего лишь возможность для польского командования в уравнивании сил. При их штурме наши потери в любом случае окажутся несопоставимо выше и поляки, отступив на новые позиции, получат тактическое преимущество. Диспозиция понятна? В дополнение к сказанному я вывешиваю карту района и фотографии местности, полученные от воздушной разведки. Прошу учесть, что практически вся местность заболочена, а местами затоплена. Существовавшие до войны ирригационные системы нынче разрушены, собственно, как и дамбы водохранилищ. Ваша задача – найти возможность прорыва первой линии обороны с минимальными потерями, – Бартенев раздвинул перед собой веер фотографий, ожидая помощи курсантов в их размещении на доске.

* * *

Деревня Беловежа, куда вывезли курсантов на практику, была небольшим, полуразрушенным посёлком, находящимся километрах в пятнадцати от передовой. Именно этой деревушке Беловежская Пуща обязана своим названием. Курсантам предложили размещаться в здании школы. Небольшое кирпичное строение сохранилось плохо. Больше половины стёкол было выбито, а те, которые уцелели, покрывала паутина трещин. Сутки, отпущенные командиром на размещение, парни потратили, чтобы привести место их обитания в вид, хоть сколько-нибудь пригодный для проживания. К вечеру, когда им завезли кровати и матрасы, зияющие прорехи окон были заколочены фанерой и досками, а уцелевшие стёкла заклеены полосками бумаги. Обе большие школьные печи весело потрескивали найденными в соседних дворах дровами и остатками ученических парт, а в комнатах горели найденные в брошенных домах свечи и даже

одна керосиновая лампа.

Ад начался на следующий день. В течении двух суток курсанты днём и ночью грузили и разгружали десятки грузовиков, отсыпаясь урывками и отдыхая в карауле. Нет, неженками они не были. Без хорошей физподготовки в Академию не поступить. Всему виной непривычная работа. Таскать часами тяжеленные и неудобные ящики никому из них раньше не приходилось. Вроде бы в ящике всего два снаряда, но судя по маркировке он весит шестьдесят шесть килограмм.

– Если бы не лечебные заклинания, я бы умер ещё вчера, – высказался Артемьев, когда его разбудили после первого рабочего дня. Судя по кряхтению соседей, в своём мнении он был не одинок.

Утро добрым не бывает. Эту простую истину мог понять каждый, стоило ему посмотреть на лица курсантов за завтраком. Ели молча, хмуро глядя в тарелки.

– Если к вечеру ничего дельного не родим, то дядя Зина до конца практики нас на складе гноить будет. Подохнем же… – озвучил общие сомнения Артемьев, предварительно оглянувшись. Услышь его Зиновий Германович, наставник их группы, ох, и влетело бы балагуру за нарушение субординации и обидное прозвище.

– После завтрака собираемся в зале. Все вместе думать будем, – хмуро отозвался Шувалов, всем своим видом подтверждая худшие опасения парней. В изобретательности наставника ребята не сомневались. Найдёт он, чем их занять, если опростоволосятся с заданием.

– Вчера шесть вагонов со щебнем на станцию пришли. Говорят, дорогу ремонтировать будут, – жалобным голосом сообщил Артемьев тягостную в своей перспективе новость, глядя на столы соседней группы. Там никакого уныния не наблюдалось. Улыбаются, шепчутся. Наверняка уже что-то придумали.

– Игорь, ты же у нас не только староста группы. Ты прирождённый дипломат, – оторвался Олег от тарелки, моргая красными от недосыпа глазами, – Сможешь с Зиновием договориться, что если наш план не просто лучший будет, а его командование примет в работу, то зачёт за задание всей группе поставят? Заодно узнай, не уехал ли Бартенев. Уточнения потребуются.

– Не уэ-ал, – тут же влез Артемьев, пытаясь срочно проглотить комок остывшей каши, и размахивая руками, – Он недавно на почту проходил. Там такие девчата работают…

– Понятно, – прервал Олег неистощимый источник новостей, – Тогда Игорь идёт к Зиновию, а я прилягу минут на

пятнадцать, а то всю ночь не спал. За вас, лентяев, думал.

* * *

– Нет, ну каковы парни, а? И меры противодействия, и ночное выдвижение артиллерии, и даже про резерв Колтышева прознали… Кстати, откуда? – полковник с подозрением посмотрел на Бартенева, закрывая папку с бумагами.

– Они же на складе в Беловеже работали. А там штабель снарядов стоит, которые они же и разгружали, на сто пятьдесят два миллиметра. Я сам не поверил. Проверять ходил. Точно, есть там снаряды. А раз крупнокалиберные снаряды завезли, то где-то и пушки рядом должны быть, – развёл руками штабс-капитан, пересказывая объяснение курсантов.

– Мда-а, промашечка вышла. Прятали мы козырный туз, прятали, да так хорошо и не спрятали. Какой, однако, нынче курсант глазастый пошёл. Даже подумать страшно, что они к концу своей практики о нас знать будут. Боюсь, что-нибудь такое, о чём я и сам не догадываюсь.

– А что вы решили насчёт Виктора Николаевича? – решил напомнить Бартенев о ранее высказанной им просьбе.

– Да забирай. Может и его под старость лет твои курсанты чему-то полезному обучат. Он и сам уже просился. Считает, что начальник разведки просто обязан присутствовать при такой необычной операции. Заявку тебе я подписал, там к ней Виктор ещё кое-что от себя добавил. А с артиллерией и зенитками решим после его визита. Устраивает?

– Так точно, – молодцевато щёлкнул каблуками штабс-капитан. Всегда приятно получить чуть больше, чем изначально рассчитываешь.

* * *

– Утро туманное, утро седое, – напевал про себя Олег прилипчивую песню.

Насчёт утра, песенка врёт, до него ещё далеко, а вот с туманом всё по правде. Не просто туман над болотами, а целый туманище. Кажется, что в нём даже звуки вязнут. Тишина стоит, шелеста собственного двигателя не слышно. Не озаботься они заранее пометить путь ленточками, давно бы уже плутанули. Спасибо Виктору Николаевичу. Он надоумил. Выдал два здоровенных мотка специальной флуоресцентной ленты,

светящейся при ультрафиолетовом освещении. Летят, как по освещённой садовой дорожке. Вообще, здорово он с подготовкой помог. Парни теперь мины ставят раза в три быстрее, чем в первые разы. А как он их с пулевыми минами уел? Олег тогда чуть от стыда под землю не провалился. Он-то основную ставку на них делал. Думал, прилетят вдвоём, понатыкают сотню-другую своих трубочек, и дело в шляпе. А он… Эх-х, даже вспоминать не хочется.

– Что это? – Виктор Николаевич покатал на ладони обрезок металлической трубки, из которой выглядывал носик пули.

– Мы их называем – пулевая мина. Устанавливается за секунду, и выстреливает пулей от карабина, если на неё наступить или наехать. Сверху чуть присыпать пылью или грязью, и не найти её, – Олег вытащил из кармана ещё одну трубочку, затем донце с бойком, короткую пружинку в одно кольцо, и патрон от карабина, – Собственно вот она вся, в разобранном виде. Мы, правда донце на горячую в трубку вставляем, чтобы не вылетало. А пружина обеспечивает зазор в сантиметр. Стоит наступить, и капсюль накалывается на боёк. А там – кому как повезёт. Предполагаю, что ими мы прилично проредим автотранспорт противника.

– Не найти, говоришь. Хм, ну ладно, с этим позже. Покажи, как устанавливать её собираешься, – Виктор Николаевич проверил остриё бойка на палец, поглядывая на курсанта.

Олег вытащил из кармана металлический кружок с торчащим из него стержнем. Воткнул стержень в землю, топнул каблуком и в образовавшуюся в земле дырочку опустил трубку с пулей.

– Всё. Готово. Выемка точно в размер мины получается, а кончик пули чуть присыпать можно, – он насыпал горку песка, скрывая пулю.

– Неплохо. Действительно быстро и просто. Воткни-ка их ещё штук пять, я до дома схожу. Посмотрим, так ли уж они незаметны, – старый вояка скорым шагом ушёл к дому, где он остановился. Вернулся быстро. На плече нёс странного вида клюшку с прямоугольной рамкой, – Польский миноискатель. Знатоки утверждают, что по французской лицензии сделан, – он соединил провод, идущий от рамки, с одной из двух коробок, закреплённых у него на поясе. Щёлкнул тумблером, и начал крутить ручку настройки, дожидаясь появления звука.

Чёртов миноискатель чётко определил все пять установленных мин. Олег был разочарован. У него было твёрдое убеждение, что миноискатели улавливают только массивные предметы.

Артемьев, подкравшийся ближе остальных, с полминуты постоял, кривя губы, а потом умчался куда-то, хлопнув перед этим себя по лбу.

– Я ещё хотел на каждой дороге по четыре пехотные мины поставить. Магоэлектрические. Только там надо немного взрыватель переделать. Тогда они неизвлекаемые станут, – пробормотал Олег, желая хоть как-то оправдаться, заодно и оглянулся на других курсантов, стоящих в отдалении. Срок подписки на сохранение тайны изобретения им взрывателя ещё не окончен, а там и пунктик был, про неразглашение авторства.

– Что значит переделать взрыватель? На стандартной армейской мине? – построжел лицом и голосом Виктор Николаевич.

– Мина может и армейская, а взрыватель на ней стоит моей конструкции, – Олег решил держаться до конца. Обидно, что такой красивый план летит в тартарары. Пока его окончательно не отвергли, стоит побороться.

– Какой это твоей? – вкрадчиво поинтересовался потенциальный разрушитель легенды, легко помахивая своей гадской клюшкой.

– Такой. Я его изобрёл. До сих пор от казны отчисления получаю. Если желаете подробности узнать, то будьте любезны, назовите ваш уровень доступа, – как-то по-ребячески стал доказывать Олег своё право на место под солнцем.

– Тю-ю, курсант. Что-то ты привираешь. Те мины давненько в армию поступили. Скорее всего, ты тогда ещё под стол пешком бегал, – заухал совой старый вояка, изображая смех. А глазки-то не смеются…

Ну да, как полевой разведчик дед может и неплох, а вот в лицедеи он определённо не годится.

– Пари? Или я за час переделываю взрыватель, или ты дорабатываешь мой план до идеала, – сознательно пошёл Олег на обострение, переходя на «ты» с командиром заведомо более высокого чина. Впрочем, тот сам виноват. Захотел отойти от уставного обращения – получи проблемы. И вообще, звание надо называть, когда знакомишься.

– Сынок, а ты ничего не перепутал? – поинтересовался вояка, показательно громко разминая сжатые в кулак пальцы с неприятным хрустом.

– Да нет, батя. Это ты сегодня слегка попутал что-то, попытавшись под сомнение слова Главы Рода поставить. Вот я и интересуюсь, как отвечать собираешься? – в лучших традициях покойного Прокопьича, ставил Олег на место оборзевшего вояку. Одноногий дед, подвыпив, много им чего интересного

рассказывал. Напрасно он думал, что молодёжь, также, как и он, поутру всё забудет. Ухватки опытного вояки парни оценили, и смысл их впитали.

– Да я и твоей ставки что-то не наблюдаю. Вроде, как пари собираешься заключить, а что с тебя поимею – непонятно, – играя скулами, не сдавался старый хрыч.

– Со мной проще некуда. Я вышибной заряд не буду отсоединять. Поэтому, если что не так пойдёт, то он у меня в руках рванёт.

– Отставить пари, курсант. Что за мальчишество! – рявкнул вояка, снимая фуражку и протирая платком намечающуюся лысину, – План твой мы и без глупых споров причешем. Я для этого сюда и приехал. Никаких зарядов чтоб я не видел.

– Ну нет, так нет, – сбавил обороты Олег, сноровисто разбирая заранее подготовленный взрыватель на перевёрнутом ящике, – Там всё равно батареек ещё нет, а детонатор электрический стоит. Так что не взорвётся.

Олег смотрел на взрыватель, и лица Виктора Николаевича не видел. А зря. Получил бы удовольствие.

– Вот. Нашёл. Попробуйте ещё раз, – прибежал запыхавшийся Артемьев и словно сеятель, разбросал несколько пригоршен чего-то непонятного на землю.

– Что тут у тебя? – поморщился Виктор Николаевич, разглядывая высыпанные Артемьевым на ладонь хлопья рыжего цвета.

– Тут недалеко сараи сгорели. Видимо крыша из кровельного железа была, – потряс Гриша полупустой консервной банкой, в которой он притащил кусочки ржавой окалины, собранные им на месте пожарища.

Вояка легко поднялся, и пошёл проверять.

– Действительно, с такой присыпкой ваши трубки не найти, – сделал вывод Виктор Николаевич, помахав минуты три миноискателем и вернувшись к ребятам, – Проще лопатой всё перекопать. Больше толку будет.

– А я ещё две кучи металлических опилок видел, около паровозоремонтного. Там чего только не намешано, – поделился наблюдательный курсант своими знаниями, – Да и окалины можно вёдер пять набрать. Сараи здоровущие были. Её там полно. Надо только сито крупное где-нибудь достать. Большие куски мы потом в пыль сами размолотим.

– Зря вы на патроны от карабина сориентировались, проще было бы револьверные патроны взять. Как я понимаю, их задача – продырявить подошву сапога, вместе с ногой, или покрышку автомобиля. Для этого сила карабинной пули избыточна. Заодно

и в дерево бы их вставить, а не в железную трубку. Капсюль, опять же, у револьверных более чувствительный, можно и без пружинки обойтись. Простого накалывания на боёк должно хватить, – Виктор Николаевич сходу переосмыслил роль пулевых мин в предстоящей операции.

– Токарный станок по дереву где-то в деревне должен быть. В заброшенных домах много выточенных из дерева деталей сохранилось, – почесал затылок самый любознательный курсант их группы.

– Не успеете же…

– Успеем. У нас шесть дней в запасе, – ответил Олег, и на вопросительный взгляд разведчика, пояснил, – Луна ещё не спала. В темноте у нас больше шансов на незаметное проникновение и на безопасный отход.

– Ты считаешь, что у противника нет эликсира ночного зрения? – неодобрительно покачал головой старый разведчик.

– Есть, но его принимать надо минут за двадцать до вылета, а лучше за полчаса. И использовать рекомендуется не слишком часто. Нас на отходе только пилоты в МБК могут перехватить. Попробуем с нашими пилотами договориться, чтобы наш вылет подстраховали, – вспоминал Олег их первый серьёзный разговор в Виктором Николаевичем.

Первый, но далеко не главный.

Цепочка «беременных уток» тем временем подлетела к «базе».

«Беременными утками» их обозвал наставник на первых учениях. На занятиях, кроме лёгкого лётного комплекта каждый курсант тащил на себе рюкзак переднего ношения с балластом в двадцать килограммов, имитирующий будущую загрузку из мин.

«Базой» парни назвали небольшой клочок суши с пятью сушинами, расположившийся в болоте среди камыша и ещё нескольких островков, чуть меньшего размера. Трое суток назад они там организовали пост наблюдения, а по ночам всей группой забрасывали на остров запас мин и взрывчатку.

Вся операция, с использованием «воздушных диверсантов», была задумана ради того, чтобы отрезать польские укрепрайоны от снабжения. Ранняя весна сыграла с поляками злую шутку. Поднявшийся уровень воды затопил места бывших складов, оставив сухой только узкую полоску перешейка между болотами, на которой и расположилась их оборона. В результате, идея с возвращением складов на старое место, была оставлена польским командованием до конца весны.

Две оставшиеся незатопленными дороги, ведущие в Хайнувку и Клещеле, не ушли под воду только благодаря насыпям,

сооружённым прошлой осенью тремя тысячами пленных. А пока полтора десятка прилично изношенных польских грузовиков едва справлялись с доставкой необходимого числа снарядов, патронов и продовольствия. Польские укрепрайоны, словно пробка, перекрывали узенькую полоску земли между многокилометровыми болотами и могли перемолоть не один полк, вздумай кто наступать от Беловежи на Хайнувку, не подавив предварительно огневые точки.

Двойка из Олега и Юры Никонова была усилена штабс-капитаном Бартеневым, тащившим на специальной сбруе ручной пулемёт. Парням предстояло минировать наиболее опасный участок на их дороге, самый ближний ко второй линии польской обороны со стороны Хайнувки. Бартенев должен был прикрыть их от случайного патруля или автомобиля, пожелавшего сунуться на дорогу во внеурочное время. После того, как они установят минный заслон, без жертв и шума по насыпи оттуда никому не пройти. Радиус срабатывания датчиков больше пяти метров, а мину без магических способностей не снять. Да и то, магу, не знающему порядок размыкания контуров, придётся поиграть в угадайку, если он как-то сможет саму мину обнаружить.

Шестнадцать мин курсанты установили меньше, чем за десять минут. Недаром оба они показали на экзамене, проведённом Виктором Николаевичем, лучшие результаты в своей группе. Дольше места выбирали. Магия земли позволяет очень быстро и просто сделать нужное углубление, потом нужно чуть закидать уложенную туда мину землёй и пройтись по верху ветерком, заметая следы. Отбежав шагов на пятнадцать, прямо на ходу, они успевали активировать мину.

Промчавшись мимо напарника, занимающегося установкой мины на своей стороне дороги, Олег выбрал следующее место. Всё, последняя мина. Он даже не понял, как так быстро они закончились. Дождавшись Юру, Олег подошёл к Бартеневу и выразительно постучал по опустевшему рюкзаку. Штабс-капитан понятливо кивнул, и ловко принялся крепить пулемёт на сбрую. Для них операция ещё не закончена. Сейчас все двойки, освободившиеся от минирования, будут таскать взрывчатку от «базы» до насыпи. Не смог удержаться Виктор Николаевич, припахавший две группы курсантов, от завершающего эффектного аккорда. После общего минирования дороги на участке в семь километров, да не взорвать под ноль метров сто насыпи в середине заминированного участка, нет, такого душа матёрого вояки допустить не могла. Дорогу можно разминировать, это вопрос времени, а вот восстановить сто метров насыпи – это дело не простое, и тем более не быстрое. А уж русское командование

всё сделает для того, чтобы этого времени у противника не оказалось.

Минирование закончили за полчаса до рассвета. Судя по тишине, никто из поляков по ночному туману на дороги не сунулся. Курсанты цепочкой полетели по уже знакомой дороге обратно, и лишь оставшаяся на насыпи пятёрка ждала сигнала Виктора Николаевича, нетерпеливо поглядывающего на часы. Наверняка точно так же и на другой дороге сейчас смотрит на часы наставник второй группы. Наконец-то раздался условный свист, и парни, запалив огнепроводные шнуры фугасов, один за другим стали подниматься в воздух.

Прошло долгих десять минут, прежде чем их в пути догнала серия оглушительных взрывов. А несколько секунд спустя, словно эхо, донеслась более тихая череда хлопков, долетевших с дороги, ведущей на Клещели.

Обе дороги, как транспортные магистрали, перестали существовать. Поляки лишились снабжения, а заодно и путей отступления.

Первая линия польской обороны продержалась ещё двое суток. Попытки организовать снабжение дирижаблями наткнулись на жёсткое противодействие русских. Тяжёлые русские орудия обстреливали места высадки далеко за линией передовой. Потеряв три дирижабля поляки прекратили бесполезные попытки. Оставив заслон в тысячу бойцов, они попробовали ночью вывести основной численный состав через болота. Сколько людей добралось до Клещеле – неизвестно, но до Хайнувки добралась неполная сотня обмороженных, смертельно уставших бойцов. Весенняя вода холодна и коварна. Болота с жадностью приняли многотысячную жертву и снова замерли в ожидании.

Гораздо лучшая судьба оказалась у поляков, оставленных в заслоне. После первых же утренних залпов, они поняли, что русская артиллерия за ночь переместилась гораздо ближе к ним и зря снаряды не тратит. Не прошло и получаса, как над польскими укреплениями замаячили белые флаги.

Польского командира, командующего второй линией обороны около самой Хайнувки, понять было не сложно. Вместо организованно отступивших войск, которые должны были составить костяк его соединения, он получил неполную сотню бойцов, неспособных держать в руках оружие. Дальнейшие сомнения оказались прерваны первыми пристрелочными выстрелами тяжёлой артиллерии, и подорвавшимся грузовиком, отправленным в Клещеле. Предположив, что русские повторяют ту же тактику, что и с разбитыми ими укрепрайонами, он отдал

приказ выдвигаться ночью на Белосток. Хотя, любой иной приказ его подчинённые вряд ли бы согласились выполнить. Вышедшие с первой линии обороны солдаты деморализовали его части, а противопоставить тяжёлой артиллерии поляки ничего не могли.

Утром русские части без боя заняли Хайнувку, перекрыв железнодорожное сообщение и автомагистраль между Клещеле и Свислочью.

Курсанты добрались до столицы неделей позже.

Глава 10

– Вся наша жизнь состоит из компромиссов. Взять тот же автомобиль. Хочется, чтобы он был и помощнее, и попросторнее, и бензина опять же ел немного, и стоил недорого. Но чем-то всегда приходится жертвовать, или за незначительные улучшения переплачивать очень большие деньги, которые не всегда этими улучшениями и оправданы. В нашем случае всё происходит абсолютно так же. Мы имеем существенный выигрыш в лобовой и боковой проекциях дирижабля, но теряем в безопасности полёта. Дирижабли классической схемы, отключись у них разом все гравикомпенсаторы, камнем не упадут. Гелий в семь с лишним раз легче воздуха, поэтому в баллоны его закачивают со слегка избыточным давлением. Случись авария, и надуются дополнительные спасательные ёмкости, в которые поступят излишки гелия. Дирижабль получит дополнительную «плавучесть» и фатальной аварии не произойдёт. Пассажирские супертяжеловесы, так те и полёт смогут продолжить при отключенных гравиках, правда с определённой осторожностью, но они дотелепают таки до ближайшей станции. С нашим катером этого не получится. За счёт изменения формы мы получаем достаточную площадь для сбора магоэнергии, но объёмы газа у нас недостаточны. Газовый объём составит восемьдесят пять процентов от общего объёма оболочки. Всего в корпусе будет восемь отдельных баллонов с гелием. Увеличить его давление больше, чем принято, мы не можем. Потребуется более тяжёлая оболочка и из-за повышенного давления гелий начнёт терять в подъёмной силе. Это потянет за собой установку более мощных гравикомпенсатоов, для которых уже не хватит мощности энергоканалов и площади охвата собирающих контуров. Соответственно, у нас два выхода. Или мы увеличим баллоны и объёмы гелия, заметно теряя в скорости и манёвренности, или надо предусмотреть автономную систему аварийных гравиков. Хочу заметить, очень не дешёвую систему, завязанную на мощный накопитель, а то и на группу накопителей, – Рудольф Генрихович подтянул к себе бутылку сельтерской воды и набулькал половину стакана, желая смочить пересохшее горло.

Очередная волна споров у партнёров возникла из-за полужёсткого корпуса, серьёзно повлиявшего на вес будущей конструкции. Все детали дирижабля, подверженные лобовому сопротивлению воздуха, было решено убрать за жёсткие алюминиевые экраны. Одним увеличением мощности двигателей проблема скорости полёта не решалась. Наш милый земной

воздух оказался необычайно коварен. Даже на обычном автомобиле он при шестидесяти километрах в час превосходит любую другую силу сопротивления движению, а при ста километрах, так и вовсе становится больше всех их вместе взятых. Следующие пятьдесят километров, от ста до ста пятидесяти, требуют уже четырёхкратного увеличения тяги.

Основы теории все они безусловно знали, но одно дело рассуждать и прикидывать начерно, и совсем другое, когда перед тобой лежат итоговые протоколы продувки модели. Невольно зачешешь в затылке, когда приходит понимание того, что для увеличения максимальной скорости полёта на десять-пятнадцать километров в час надо ставить бензиновые двигатели почти в два раза мощнее.

Модель «воздушного катера» начали вылизывать, стараясь придать ей наиболее обтекаемую форму. Дополнительно нанятый инженер-конструктор был озадачен только вопросами аэродинамики. Он тщательно зализывал корпус, боролся с каждой выступающей деталью и даже подбирал специальные сорта краски и лака. Первым делом он практически утопил пассажирскую гондолу в общий корпус.

Большие надежды компаньоны возлагали на магодвигатели.

По мере набора скорости дирижаблю приходиться бороться не только с лобовым сопротивлением. Позади него создаётся зона разрежения и завихрений, которые тоже весьма существенно влияют на скорость и съедают до тринадцати процентов силы тяги. Разработанные Усольцевым воздуховоды магических двигателей, установленные на хвостовых подкрылках, каждым из своих двенадцати внутренних контуров разгоняли воздушный поток и выбрасывали его в зону разрежения. Была надежда, что с помощью такого решения удастся побороться с удержанием дирижабля «за хвост».

– Накопителями обеспечу самыми лучшими. Ещё и запасные установим. Так что на них не оглядывайтесь. Сколько надо – столько и будет, – отмахнулся было Олег, но почти сразу же понял, что попал в заранее заготовленную ловушку. Слишком уж живо среагировали давно спевшиеся партнёры на его реплику. Усольцев тут же подтянул к себе новую толстую папку, до этого мирно лежащую в стороне, а Густавсон крякнул и начал энергично потирать руки.

Олег, откинувшись на спинку кресла замолчал, и скрестив на груди руки, начал наблюдать за суетой двух взрослых мужчин. Уловив изменения в поведении Олега, великовозрастные компаньоны переглянулись, и слегка понизили градус настроения. Подзатянувшуюся было паузу первым решился

прервать техномаг.

– Олег, тут вот какое дело. Если по накопителям ограничений не предусматривать, то у нас совсем другая птичка вырисовывается. Корпус полностью жёсткий, и энерговооружённость на порядок выше, – Усольцев нерешительно пододвинул к Олегу раскрытую папку.

– А без предварительного спектакля это трудно было предложить? – хмуро поинтересовался боярин, глядя не на папку, а на лица компаньонов.

– Больно уж цена нескромная у новой модели вырисовывается. Почти как за взрослый дирижабль, – техномаг опустил глаза в пол и часто заморгал.

– Ну, и что мы тут имеем? – Олег не спеша начал перебирать чертежи и таблицы, раскладывая их перед собой в две разные стопочки. Слева легли листы с основными чертежами и таблицами характеристик, которых набралось не так-то и много.

– Изменений совсем чуть-чуть. Всё усиление произойдёт за счёт дополнительных пространственных ферм. Увеличение веса из-за добавления жёсткой обшивки тоже не смертельное, так как мы серьёзно экономим, убирая тяжёлую прорезиненную ткань, меняя её на алюминиевый лист. Проблема с двигателями. Те, которые нам изготовили, мы ещё не испытали, но уже есть, как бы это правильнее сказать, – техномаг покрутил в воздухе пальцем, словно пытался таким образом выловить там подходящее слово, – определённые волнующие моменты. Лучше тебе с ними в первоисточнике ознакомиться. Вон то письмецо от купца Киякина прочти, а мы пока покурить сходим.

Техномаг, подхватив под локоть Густавсона, который всё это время усиленно протирал очки лоскутком замши, смылся вместе с ним на веранду. Там они расселись в плетёные кресла, время от времени искоса поглядывая через окно на Олега, занятого чтением послания.

Начало письма было вполне обычным. Купец детально расписывал работу их экспериментального двигателя на разных скоростях, высотах и режимах. Ощущалась военная закалка. Всё написано по делу, коротко и с хронометражем. Чувствовалось, что когда-то Киякин точно так же записывал в вахтенный журнал сведения о боевых действиях, проведённых его экипажем. Хотя, скорее всего первая страница и была переписана с их нынешнего бортового журнала.

Эмоции купца выплеснулись на вторую страницу письма.

Прихватив почти попутный выгодный фрахт, Киякин со своими сорвиголовами во время очередного рейса отклонился от первоначального маршрута. Дополнительные метеоданные он не

запросил, предположив, что отклонение на двести километров в сторону ничего в погодных условиях не изменит. И нарвался.

Холодный фронт северного встречного ветра хлестнул по дирижаблю неожиданно. Пока экипаж занимался восстановлением температуры в воздушных баллонетах, которые, как и гелиевые, есть в любом грузовом дирижабле, началась новая напасть – обледенение. Точка невозврата к тому времени оказалась пройдена, и командой было принято решение прорываться к месту назначения. Не успеют они развернуться и выскочить из холодного фронта, который уже утянуло неизвестно в какие дали.

До городка, куда нужно было доставить груз, добрались, что называется «на брюхе». Несмотря на полностью сброшенный балласт и слитый под ноль запас воды последние минуты тащились буквально в ста метрах над землёй.

А дальше купец на полстраницы начал петь дифирамбы дополнительному магическому двигателю. Если отбросить в сторону некоторые преувеличения, то выцарапались они на этот раз только благодаря тому, что магический двигатель «озверел». По крайней мере так определил Киякин его поведение. Как опытный летун, он сразу прикинул, сколько времени они будут пробиваться через встречный ветер, идя на полном ходу. Но не угадал. Вместо трёх с лишним расчётных часов, добрались меньше, чем за два. Даже уже зацепившись за причальную мачту и разгрузившись, двигатель оставили работать на самой малой тяге. Со слов капитана, сопельная его часть в полёте раскалилась докрасна, поэтому остужать своего спасителя решили плавно.

Проверка, произведённая на следующий день показала, что от перегрева двигатель не пострадал.

Дочитывать письмо до конца Олег не стал, пробежав оставшийся текст по диагонали. Там Киякин рассыпался в благодарностях, зазывал в гости и грозился крепко отдариться.

Олег вышел на веранду. Курильщики переглянулись, и задымили ещё сильнее, словно хотели затеряться в клубах дыма.

– Объяснение есть? – махнул боярин перед собой только что прочитанным письмом, попутно отгоняя дым от своего лица.

– Пока что одни только версии. Раньше ничего подобного не происходило, – осторожно отозвался Густавсон.

– Давление, давление и скорость потока, что собственно в нашем случае одно и то же, – экспрессивно вмешался Усольцев, нетерпеливо ёрзая в кресле.

– Угу. А теперь объясните понятнее. Так сказать, для курсантов первого года обучения, – Олег пододвинул к себе свободное кресло, вытащив его из зоны активного задымления.

– По сути наш двигатель – это чуть сплющенный конус с разгонными контурами и концевым соплом. Каждый такой контур, в теории, процентов на сорок-шестьдесят разгоняет входящий в него поток воздуха. Это в теории, а на практике всё на порядок сложнее. Воздух внутри контура разгоняется неравномерно. В середине скорость гораздо ниже, чем в тех слоях, которые ближе к поверхности контура. Каждый следующий контур, при его равной ширине с первым, даёт заметно меньшее ускорение, так как начинает работать время разгона. Скорость потока увеличивается и контур не успевает разогнать всю массу воздуха. Поэтому мы их делаем шире, а потом и по мощности начинаем снижать, так как упираемся в геометрические размеры сужающегося конуса. Грубо говоря, в полный период работает только четыре первых контура, вторая четвёрка работает на полупериод, а выходные и четвертинкой обходятся. Это в нашем, «катерном» варианте. У Киякина движок попроще. Шесть контуров, и жерло вполовину меньше, – выпалив все сведения, Усольцев заполошно похлопал себя по карманам, и как-то очень быстро прикурил новую сигарету, зараза…

– Та-а-ак, – это глубокомысленное замечание Олег растянул так надолго, как только смог, – Поправьте меня, если я сейчас в чём-то ошибусь. У меня получается следующая картина. Грузовой дирижабль купца Киякина мы дополнили своим экспериментальным двигателем. Этакой небольшой штучкой, можно сказать, малышом. В шесть контуров, и с жерлом в пару раз поменьше. Кстати, уточните-ка, Игорь Семёнович, «вполовину меньше» – это вы так про площадь сечения жерла сказали, или про какие-то иные размеры?

– Про площадь, конечно же, – попытался улыбнуться техномаг, но лучше бы ему это было не делать. Неожиданно официальное обращение и явный сарказм молодого боярина выбили его из колеи, и улыбка получилась некрасивой.

– Ну, хоть так… Тем не менее, продолжу. Судя по письму, потрудился наш малыш изрядно. Вытянул из потока встречного ветра дирижабль с грузом, да ещё и с многотонным довеском льда. Вот ведь какой шустрый малышонок оказался… Чистый Геркулес. А теперь подскажите-ка мне, что это я тут на чертежах наблюдаю, на задних подкрылках нашего малепусенького катерка? С полезной нагрузкой в две тонны? Не пару ли старших братьев того двигателя-малыша, который чуть ли не в одно лицо грузовой дирижабль против ветра тянул? Нет, конечно что и говорить, старшие братья у вас хороши. Просто чудо-богатыри. По мне, так любой из них наш катер одним пинком за горизонт со свистом запулит. Но тем не менее. Что… они… тут… делают? –

последние слова Олег чётко разделил паузами, и постарался произнести их как можно более бесстрастным голосом. Знал бы кто, как ему сейчас хотелось орать и топать ногами, стучать кулаком по столу, но нет. Нельзя. По статусу не положено.

– Позвольте мне, – в бой вступила тяжёлая артиллерия, в лице уважаемого Густавсона Рудольфа Генриховича, – Если говорить совсем коротко, то от нас с вами ждут подвига. На это мне не просто намекнули, а сказали практически открытым текстом. Кто и как – это вам обоим знать не стоит, просто поверьте мне на слово. Из хорошего. На изготовление опытного экземпляра, который мы должны успеть показать к началу гонок, нам отпустят любые имеющиеся в наличии позиции напрямую с имперских складов. Соответствующий документ я получил, но предупреждаю сразу – всё пойдёт под мой подотчёт и выдаваться будет под мою подпись. Задача минимум – мы должны сами долететь до Новой Москвы и показать себя, как перспективный прототип дирижабля будущего. Задача максимум – надо принять участие в гонке и добраться до финиша.

– О-о, у меня невольно возникает несколько вопросов. Начнём с того, как мы будем оплачивать надвигающееся изобилие, и кстати, в чём оно может быть выражено? Не менее интересно было бы знать, кто и зачем пытается установить над нами пусть и косвенный, но контроль. Может вы и не заметили, но нам уже начали ставить задачи и диктовать условия. Пока задачи совпадают. Пока. А дальше? – все вопросы Олег разом решил не вываливать. Хотя предложение неведомого благодетеля ему живо напомнило дары данайцев. Стоит только запустить к себе в огород Троянского коня, так потом и сам не заметишь, как вся морковь в нём уже не твоя станет.

– Меня заверили, что даже в случае выполнения минимальной задачи от нас никакой оплаты не потребуется, – начав что-то понимать, уже менее уверенно ответил Рудольф Генрихович.

– Совсем никакой? – чуть насмешливо поинтересовался Олег, – Наш неведомый благодетель не захочет узнать, что мы такого необычного применили в своей конструкции? Не попросит поделиться некоторыми секретами? Или может он осчастливит нас государственным заказом? Я не против заказа, – предостерегающе поднял Олег руку, заметив, как вскинулись партнёры, – Но, на наших условиях. Очень не хочется, знаете ли, превращаться в бездушный штамп, выпускающий год от года одно и то же. Помнится, не так давно вы сами нам и рассказывали, что ваши знакомые заводчики даже оснастку побоялись заменить, чтобы сформировавшееся производство не нарушить. Это с их-то

объёмами и возможностями. Поэтому давайте-ка на берегу договоримся о планах на будущее. Честно скажу, мне не хочется однообразия. Пусть и сытого. Да и не с нашими сарайчиками в конкуренцию играть. Стоит какой-то из серьёзных верфей освоить то же самое, что делаем мы, как нас тут же сметут, словно пешку с шахматной доски, и не заметят. Поэтому мы должны всё время идти на шаг впереди. Причём, не в мелочах, а в интересных, принципиальных решениях.

– В каком-то смысле – это авантюра… – неуверенно пробормотал Густавсон.

– Вас пугает это слово? Лично я ничего страшного и тем более ругательного в нём не вижу. Риск есть? Да, он всегда присутствует. При любом начинании. Сомнительную часть авантюры мы постараемся избежать, используя трезвый расчёт. С другой стороны, хочу напомнить вам, что именно авантюристы знамениты своими сказочными победами и удачами. Поэтому стоит ещё раз всё проанализировать, и сделать ставку на самые совершенные, пусть и эксклюзивные модели. Предполагаю, что и раскупать их будут совсем не по тем ценам, по каким возьмут унылую штамповку, – Олег с трудом удержался, чтобы не встать с кресла и не начать помогать себе руками, жестикулируя при разговоре. Уж что-что, а манеру поведения в него наставники вбили серьёзно.

– Что-то рациональное в этом есть. От себя могу лишь добавить, что разницу между новым типовым армейским дирижаблем, и тем, который выпущен лет двадцать назад, заметит только специалист. Существенных отличий мало. Чуть мощнее двигатели, чуть лучше приборы, да гондола, пожалуй, стала попросторней. Зато в части маготехники чистая лафа. Ни одного изменения за двадцать лет. Один раз магемы выучил и, считай, на всю жизнь хватит, – Усольцев потеребил себя за кончик носа, попытавшись задуматься, но его живой характер превозобладал в очередной раз, – Может вы считаете, что у нас там всё настолько совершенно и изменения только во вред пойдут? Нет, и ещё раз нет. Можем прямо сейчас к итальянской «Суизе» сходить. Я вам на ней такие решения покажу, что закачаетесь. Да ради изучения одного только селектора энергоканалов стоило за её ремонт браться. До гениальности простая и изящная вещь. Представьте себе, что на обычной итальянской прогулочной лоханке магическая составляющая выполнена намного совершеннее, чем на боевом судне. Про управление я даже не говорю. Принципиально иной уровень. Никаких тебе рычагов, задвижек и постоянного ора в переговорные трубы. В полёте достаточно двух человек, а то и

одного. Работа остальной команды потребуется только на взлёте и посадке.

– Замечательно. К этому вопросу мы обязательно вернёмся, но сейчас мне бы хотелось услышать объяснения про необходимость установки на наш катер сразу двух дополнительных магодвигателей явно избыточной мощности, – Олег уставился на компаньонов, которые с трудом удержались на этот раз от привычного им переглядывания.

– Ну-у… Если совсем коротко, то мы собираемся поставить новый рекорд скорости для дирижаблей. Хотя, может и не совсем для дирижаблей… – туманно и непонятно высказался Усольцев, не дождавшись отклика от Густавсона.

– При полной загрузке наш катер окажется процентов на пятьдесят тяжелее воздуха, – буркнул в стол Рудольф Генрихович, исподлобья наблюдая за удивлением молодого боярина, – Благодаря почти что плоскому днищу и избыточному весу он сможет приземляться прямо на поле. Для этого у него и появились выпускные штанги с колёсами.

– Господи, и эти люди называют меня авантюристом! – спустя несколько секунд обескуражено отозвался Олег, глядя в безмолвный потолок веранды и воздевая перед собой руки.

* * *

Академия гудела, словно потревоженный улей. Наставники с ног сбились, третируя курсантов из-за любой мелочи и разрываясь между чаяниями по увеличению времени строевой подготовки и приданию курсантам бравого, цветущего вида. Строевые смотры проходили по два раза в день, и с каждым разом на них присутствовало всё больше и больше офицеров. Особого секрета из всего происходящего никто не делал. На бал первокурсников, посвящённый окончанию учебного года, пожелал прибыть сам Государь Император. Случай более чем небывалый. В Академии к высочайшему визиту готовились, но ожидали Его Величество к выпускному балу старшего курса, который назначен был на две недели позже. А тут, на тебе… Что называется – не ждали, не гадали.

Втайне курсанты надеялись, что Государь не просто так решил к ним пожаловать. Гриша Артемьев, так тот и вовсе про награды предположение высказал, но тут же скис, поглядев на поморщившееся лицо всезнающего старосты. Обычно Игорь Шувалов всегда был в курсе того, что и как руководство Академии планирует в отношении своих курсантов. Раз

морщится, значит ничего похожего руководство не надумало. Иначе он бы просто отмолчался, загадочно улыбаясь.

В утро знаменательного дня Олегу нездоровилось. Оксана с Пелагеей чуть было скандал не устроили, настаивая на вызове доктора. Пришлось прикрикнуть на них, пообещав отправить обеих обратно в Касимов, если не уймутся. Олег дважды пытался подняться, но каждый раз вновь укладывался в постель, пережидая, пока перед глазами не перестанут мельтешить чёрные мушки и не пройдёт шум в ушах. Более менее он оклемался только к обеду. Наскоро перекусив, начал наряжаться в идеально отутюженный парадный мундир. Девицы хоть и для другого им наняты, но и работу горничных не понаслышке знают, да и выполняют её на совесть. После их появления в недавно отремонтированной квартире тут всё заблестело и засверкало. А уж окна так оказались отмыты, что в них на дню не по разу птицы стукаются, не замечая стекол.

В Академию Олег приехал заранее, пополнив собой общество таких же бесцельно слоняющихся курсантов. Видно не одному ему было строго-настрого наказано не садится никуда, во избежание помятости мундира и нарушения идеальной линии брючных стрелок. Ожидание немного разбавили музыканты оркестра, устроившиеся в танцевальном зале. Немного поскрипев и попиликав, настраиваясь, они неожиданно бодро грянули какую-то новую мазурку, впрочем так и не доиграв её до конца. Олег даже попытался похлопать, как и некоторые другие, но быстро прекратил, подосадовав на белоснежные шёлковые перчатки, сделавшие аплодисменты невыразительными.

Оживление среди курсантов наступило с прибытием смолянок. Словно невзначай, все молодые люди потянулись к лестнице, прекрасно зная, что комнаты их гостьям отведены на втором этаже. Очень удачно отведены, стоит заметить. Выйдя из своих комнат на балкон, воспитанницы могут и на построение курсантов посмотреть, и речь Императора послушать. А потом и во второй зал спуститься, где собственно и состоится бал.

Каждая группа смолянок, возглавляемая наставницей, заходила в широко раскрытые двери парами. Продефилировав по фойе, девушки, как призрачные сильфиды, легко и бесшумно поднимались по лестнице, словно в белом облачке утопая в воздушных юбках. И ведь ни одна ни на мгновенье глазки не подняла, чтобы удовлетворить извечное женское любопытство и оценить впечатление, вызванное их появлением. Лёгкая поступь, идеально прямые спины, колышущиеся в такт ленты, свисающие со шляпок на оголённые плечи. Не один Олег шумно взглотнул слюну, забывшись. Зрелище, однако. А какой аромат в воздухе

витает…

Покрутив головами, чтобы избавиться от наваждения, курсанты даже не вдруг заговорили. Пара уж совсем заворожённых опомнилась только после дружеских тычков, вернувших их на грешную землю.

– Сильно, – одним словом оценил Гриша Артемьев прохождение воспитанниц, и курсанты разом зашумели, обсуждая увиденное. Чувствовалось, что гостьи из Смольного к балу подготовились основательно. Некоторых знакомых девушек не сразу и узнаешь, так они похорошели и изменились к сегодняшнему празднику.

Между тем в фойе появились наставники и офицеры из руководства Академии. Цепкими взглядами пробежавшись по курсантам, они устранили у них мелкие недостатки во внешнем виде. В основном замечания касались сморщенных перчаток и чуть более свободных узлов галстука, чем положено. Ещё настороженный взгляд наставников постоянно спотыкался о причёску Артемьева. Вот уж кого природа раскудрявила, не поскупилась. А ведь наверняка он сегодняшнюю ночь провёл, ещё с вечера уложив влажные расчёсанные волосы под специальную сеточку. Впрочем, это ему мало помогло.

Понемногу суета приняла организованный порядок, и первые прозвучавшие команды никого уже не застали врасплох. Быстро и чётко выстраиваясь в колонну по четыре, курсанты плотными коробками заходили в зал.

Прозвучали фанфары и в зале появился Император со свитой.

Доклад начальника Академии. Привычный набор команд. Речь самого Государя. И награждение. Награждение?

Всколыхнувшийся было строй курсантов огорчённо выдохнул. Награждали наставников.

Первым вызвали Зиновия Германовича. Наставника их группы. Император зачитал короткий текст и приколол награду к груди преподавателя. Защёлкали фотоаппараты, засверкали блицы, и прежде, чем Олег успел проморгаться, раздался шёпот Артемьева.

– Ох ты, Зиновию Владимира дали. Третьей степени.

Наставнику второй группы перепало поменьше. Всего лишь Станислав второй степени. Ну так, у него и нет такого иконостаса на груди, как у Зиновия Германовича. Иерархия наград в Империи никуда не девалась.

Заранее отвернувшись от вспышек, Олег принялся рассматривать балкон и хорошеньких девушек на нём. Со многими он уже был знаком и пытался разглядеть, где и кто из них стоит.

Отвлёк его сильный толчок в спину. Стоящий в переднем ряду курсант уже вышел из строя, освобождая ему проход.

– Иди на награждение, – громко прошипел Шувалов, жутко недовольный его задержкой.

На автомате выполняя все необходимые действия, Олег на деревянных ногах добрался до возвышения, где проводились награждения.

Как потом не пытался Олег вспомнить, что с ним было, всё оказывалось не слишком удачно. Вот он видит перед собой Императора. Тот ему что-то говорит, он на автомате отвечает. Шум в ушах, радужные пятна в глазах, блеск вспышек. Император снова что-то ему говорит, и вот он уже идёт к своему месту, почувствовав перед этим лёгкий шлепок по плечу.

В себя Олег пришёл не быстро. Процедура награждения уже развернулась вовсю. Два не старых генерала из государевой свиты, сменив Императора, ловко опустошали запасы подносов, покрытых бордовым бархатом. Курсанты, возвращающиеся в строй, щеголяли Золотыми медалями «За храбрость».

– Да дай же ты посмотреть-то, – услышал Олег за спиной сердитый шёпот Гришки Артемьева, тянувшего у него что-то из рук, – Ух ты, кортик с «клюквой» и надписью.

– Что там? – услышал Олег чей-то вопрос со стороны, адресованный скорее всего к Артемьеву.

– Аня четвёртая, с «храбростью», – радостным шёпотом разнёс Гриша весть по всей своей группе.

Полученный из рук Императора наградной кортик, был очень необычной наградой. С виду – наградное оружие, а на самом деле – Императорский орден Святой Анны четвёртой степени.

«Красный финифтяный крест, в золотом поле, заключенном в красном же финифтяном кругу; над крестом золотая корона. Знак сей прикрепляется к военной шпаге, сабле, полусабле, палашу, кортику (к последнему на верхушке рукоятки). При награждении оным за военные подвиги присовокупляется на эфесе (у кортика на поперечнике рукоятки дуги) надпись: за храбрость».

«Орден Св. Анны четвёртой степени не снимается и при высших степенях оного».

«История Аннинского наградного оружия восходит к годам Старой Истории, когда будущий российский император Павел I награждал орденом Анны своих приближённых без ведома своей матери, императрицы Екатерины II. Чтобы императрица не увидела знаков ордена, он велел сделать их маленькими и крепить на внутренней стороне эфеса шпаги. Исторический анекдот свидетельствует, что когда один из награждённых доложил Екатерине II о новом типе ордена, то она обратила всё в

шутку и решила не замечать проделки сына.

После занятия российского престола Павел I сохранил знак на оружие, как Третью степень государственного ордена Святой Анны.

В 1815 году сын Павла I, Александр I, добавил ещё одну градацию, сместив Аннинское оружие в Четвёртую степень».

Награждения закончились. Ценнейшие напутственные слова прозвучали. В обратном порядке курсанты прогарцевали по залу. И наконец-то прозвучали долгожданные слова:

– Вольно. Курсантам заняться подготовкой к балу. Через десять минут прибыть в танцевальный зал. Всем разойтись.

Добравшись до своего шкафчика, Олег поменял перчатки, на всякий случай сменил всё ещё чистый носовой платок, и чисто иллюзорно обновил аромат туалетной воды, едва притрагиваясь к себе подушечками чуть смоченных пальцев. Он уже совсем было собрался уходить, но в последний момент удержал сам себя от того, чтобы захлопнуть дверцу шкафчика. Чуть было без кортика не ушёл.

– Олег Игоревич, решила первой поздравить вас с офицерством, – знакомая Олегу княжна Вадбольская и её подруга Елизавета Осинина встретили боярина перед входом в танцевальный зал.

– Дамы, – Олег решил чуть позже разобраться с поздравлениями, а пока предложил сопроводить обеих барышень на бал, чтобы не создавать перед дверями столпотворение, – Итак, что за офицерство вы мне предположили? – подхватив обеих девушек, он отвёл их в одну их свободных ниш зала, где можно было спокойно разговаривать.

– Елизавета Станиславовна, мне кажется, что наш герой не притворяется, как вы считаете? – княжна чуть наклонила прелестное личико, чтобы видеть свою подругу.

– Полностью с вами согласна, Дарья Сергеевна. На его лицедейство моих малых способностей вполне достаточно, чтобы уверенно определить его удивление, – с улыбкой прощебетала Осинина Елизавета, позволяя лишний раз полюбоваться живостью её лица.

– Придётся в очередной раз продемонстрировать преимущество классического образования, представленного в Смольном, перед его урезанным армейским аналогом Академии, – притворно вздохнула княжна, волнующе сыграв переливами ткани на лифе, – Начнём с наводящего вопроса. Знаете ли вы, Олег Игоревич, что Анна четвёртой степени считается начальным орденом младшего офицерского состава?

– Умеете вы вопросы задавать, Дарья Сергеевна. На них даже

отвечать неловко. Каюсь, те бумаги, что мне вместе с наградой дали, я ещё не смотрел, – постарался удержать лицо Олег, чтобы не выглядеть совсем уж глупо.

– А он ещё и Императора не слушал. Я с собой театральный лорнет прихватила, – наябедничала Елизавета и вытащила из ридикюля миниатюрный бинокль на ручке, продемонстрировав его собеседникам, – Очень хорошо видела, что наш офицер даже окончания поздравительной речи не заметил. Не толкни его свитские, так и остался бы стоять около Государя.

– Хм-м. А не поговорить ли нам о танцах? Чувствуя себя обязанным за столь волнующие подробности, хочу сразу уточнить, что в настоящий момент я абсолютно свободен. Поэтому можете мной располагать, в случае необходимости, – несколько неуклюже вывернулся Олег, поспешно меняя тему разговора.

– Пусть так, – величественно кивнула княжна головой, непостижимым образом давая понять, что их разговор отложен, но не закончен, – На самом деле, вы мне можете оказать существенную услугу. Не делайте испуганное лицо. Считайте, что вы меня ангажировали на два танца. Я вас запишу на первый вальс, и, пожалуй… Да. На мазурку.

Олег сначала заметил, как вскинулись брови на живеньком лице Елизаветы, а потом и сам сообразил, что он только что услышал.

Бал, несмотря на всю его непредсказуемость и веселье – мероприятие серьёзное и статусное. Порядок танцев на нём строго прописан. Первым идёт вальс, затем кадрили. После четвертой кадрили и мелких танцев следует мазурка. Это уже особый танец. Он, как и кадриль, у всех дам расписан заранее, и каждый кавалер, каждая дама знают, когда и с кем они его танцуют. Стоит отметить, что среди всех танцев мазурка и котильон являются наиболее «важными» приглашениями на балу. Причина проста. После мазурки кавалер ведёт даму к столу на ужин, где можно будет пообщаться, пофлиртовать и даже признаться в любви.

– А я записываю вас на первую кадриль и на котильон, – добила Олега Елизавета.

После ужина всегда танцуют котильон. К нему выносят большие короба с цветами. Кавалеры разбирают букеты и подносят их своим дамам. После всего этого дирижер бала и его помощники на шпагах вносят множество разноцветных лент (перевязей). Кавалеры, разобрав ленты, подносят их своим избранницам, и те надевают через плечо одну ленту на другую.

– И у меня ещё одна, совсем небольшая просьба к вам, Олег

Игоревич. Вы как-то представляли нас с княжной своему другу, говорили ещё, что он замечательный пилот МБК, – Елизавета Станиславовна отняла от глаз лорнет, – Хочу заметить, что кроме его достоинств пилота, он ещё и преизрядно вальсирует. Не сочли бы вы за труд…

– Сию же секунду поинтересуюсь, – понятливо отозвался Олег, – Вы его где заметили?

– Напротив нас, у третьей колонны стоит группа из четырёх курсантов, – словно опытный корректировщик, без запинки выдала Елизавета координаты цели.

– Ну, и зачем он нам нужен? – Елизавета, убедившись что Олег отошёл, и никто их не слышит, повернулась к княжне.

– Ты не поверишь, но у меня чисто житейский интерес. Позавчера к нам неожиданно нагрянули две мои тётушки. Им надоело сидеть в имении, и они решили в столице развеяться. В результате, вчера у меня был неудачный вечер. Оказывается, этим болтушкам не о чем поговорить в салонах, которые они посещают с упорством, достойным лучшего применения. Они расстроились и целый вечер сидели с кислыми минами, а я должна была их развлекать. Зато теперь представь, сколько тем для разговора у них появится, когда я им расскажу про Императора, про бал, курсанта-орденоносца, его подвиги и мои танцы с ним. Да я на целую неделю стану самой любимой в мире племянницей, пока они себе напрочь языки не смозолят, – во время рассказа княжна чуть заметно обмахивалась веером, до этого висевшим у неё на руке. Безумно дорогой старинный костяной веер, с изящной инкрустацией и украшениями, кроме прочих его достоинств, обладал интересной особенностью. Он блокировал любые попытки магической прослушки, когда его раскрывали. Очень интересный артефакт, на который Елизавета давно засматривалась. Родовой.

– И-и-и, – тоненько пропищала Елизавета Станиславовна, заходясь смехом и в свою очередь прикрываясь веером, – Представляешь, какую пищу для размышлений ты сейчас всем вбросила? Люди-то вокруг чёрт те что себе вообразят, а тут тётушки… Ой, не могу! А уж как парня-то мы напугали… Он же от нас чуть не бегом к Астафьеву рванул. Ну, спасибо, подруга. Давно я так не веселилась. Хотя по мне, так паренёк-то неплох, а?

– Тот ещё кобелёк. Не набегался пока, – несколько сердито отозвалась княжна, чуть хриплым голосом.

– Оп-па, оказывается нашу княжну простые курсанты начали интересовать? Ой-ёй, это что же в мире-то творится… – весело запричитала Елизавета, подначивая подругу.

– Лишнее говоришь, – строго отрезала Дарья, складывая веер

и уже с улыбкой поворачиваясь к подходившим курсантам.

Пока Ян Астафьев и Елизавета обменивались поклонами, расшаркиванием и обменом обязательных фраз, княжна с Олегом не спеша пошли через зал. Со стороны всё выглядело так, словно Олег прогуливается с Дарьей Сергеевной в поисках знакомых, время от времени раскланиваясь с кем-то из них на ходу. На самом деле вела княжна, и у неё точно была какая-то цель.

Подозрения Олега подтвердились, когда они достигли середины зала. Точно угадав первые ноты, Дарья Сергеевна закинула свою руку Олегу на плечо, и они оказались первой парой, открывшей бал.

Закружившиеся огни, и мельтешение лиц не помешали Олегу в какой-то момент разглядеть Императора. На мгновенье ему показалось, что тот с одобрительной улыбкой наблюдает за их парой, чуть заметно прищурившись. Однако, парой секунд позже, он был уже не так в этом уверен. Государь просто оглядывал зал, и даже краем уха слушал кого-то из свиты.

– А скажите-ка мне, Олег Игоревич, вам ранее не доводилось с Государем нашим лично встречаться? – неожиданно задала вопрос княжна, во время медленного тура вальса.

– Представлялся по причине вступления в права Главы Рода, – после секундной паузы ответил Олег, сообразив, что скрывать такую информацию бесполезно, а врать опасно, – Был удостоен непродолжительной беседы.

– Вот даже как. Значит, мне не показалось. Интересно он на нашу пару посмотрел. Как-то очень по-доброму. И думаю, не я тому причиной, – негромко поделилась княжна своими наблюдениями, и откинув голову, закружилась в следующем туре вальса, то ли задумавшись, то ли отдавшись танцу.

– Должна сказать вам, Олег Игоревич, что у вас сейчас наблюдается очень интересный момент. Имей вы достаточную протекцию при дворе, и некоторые связи, то вполне могли бы и родовые земли себе дополнительно к награде выхлопотать, – как бы между прочим произнесла княжна в ничего не значащем разговоре, который они затеяли во время ужина, оттанцевав мазурку.

Елизавета Станиславовна делала вид, что происходящий разговор её нисколько не интересует и она наблюдает за Астафьевым, которого девушки услали добывать пирожное и фрукты.

– Попробую догадаться. Такую помощь наверняка может оказать и ваш клан, не так ли? – чуть сыграл скулами Олег, чего-то подобного и ожидая от сегодняшнего вечера. Ну не может

просто так целая княжна позволить себе тратить время на него. Не пара они. Явно не пара.

– Наш клан… А позвольте поинтересоваться, Олег Игоревич, – в свою очередь затвердела лицом княжна, – Как вы себя оцениваете, как боец?

– В смысле? – не понял Олег вопроса.

– Может быть вы сильны в единоборствах? Стреляете хорошо? Холодным оружием владеете серьёзно? Имеете практику магических поединков с опытными соперниками? – глядя в сторону, начала перечислять Дарья Сергеевна.

– Ни в коем случае, – тут же открестился Олег, – В этом вопросе я достаточно самокритичен и даже в середнячкам себя не отношу.

– Тогда зачем вы меня обидели своим предположением? Узнайте подробнее как-нибудь на досуге информацию про клан Белозёрских, к которому мы относимся. Я же не враг вам, и прекрасно понимаю, что в наш клан вы вряд ли когда попадёте. А если и попадёте, то ненадолго, – княжна взяла бокал с розовым анжуйским, и покачивая его в руке, полюбовалась игрой напитка.

– В клане Белозёрских собраны очень сильные бойцы и решение вопросов поединками там считается нормой, – не глядя на собеседников, вставила свой комментарий Елизавета Станиславовна, – Или вы всё ещё гадаете, почему мы сегодня вместе?

Олег готов был поклясться, что на долю секунды на живом лице Елизаветы промелькнула откровенная смешинка, но только на мгновенье, а потом она стала всё той же благожелательной девушкой, наслаждавшейся балом и разговором.

– Особо не гадаю. Мы просто удобны друг другу. Я сегодня выполняю роль калифа на час. Этакая яркая звёздочка, которая на какой-то момент стала модной. И в то же время разумен, ибо имею понимание мезальянса. Можно сказать, громоотвод от нежелательных встреч. Вы мне тоже крайне подходите. При вашем положении, и что уж тут скрывать, изрядной красоте, я чувствую себя защищённым от большинства поползновений особо шустрых претенденток, которые иначе меня сегодня бы прилично замучили, – конец фразы Олег проговорил совсем не уверенно. Девушки не посчитали нужным скрывать своё удивление, выслушивая его соображения, а под конец так и вовсе залились колокольчиками звонкого серебристого смеха, обращая на себя внимание окружающих.

– Ой, Дашенька, я чувствую себя старухой-интриганкой. Маркизой де Помпадур, не меньше, – вдоволь насмеявшись, заявила Елизавета, вытирая слёзы.

– Тогда я Екатерина Медичи, – вторила ей княжна, усиленно обмахиваясь веером.

– В общем так, Олег Игоревич. В наказание за то, что вы заставили нас вести себя неприлично, идите и добывайте нам торт с вишнями. Шоколадный. Его только что принесли к столику у входа. И без двух кусков для каждой из нас не возвращайтесь. Ибо «ви есть жюткие сластьёны», – передразнила она свою наставницу-немку, с которой курсанты были заочно знакомы по рассказам девушек.

– Ох, чувствую, что этот торт на завтрашней тренировке мне боком выйдет, – застонала-забеспокоилась княжна, будучи не в силах отказаться от искушения.

Ленту, полученную после котильона, Олег всё же, после раздумий, подарил княжне. С ней-то уж точно мезальянс получается, а вот с Елизаветой Станиславовной – кто его знает…

* * *

На следующие утро Оксана с Пелагеей вызвали доктора, наплевав на все более ранние запреты и угрозы боярина. Он сам возражать не мог. Боролся со слабостью и проваливался в тяжёлый сон, больше всего напоминающий обморок.

– Нервное истощение, – вынес заключение эскулап, после обстукивания, прослушивания, задирания век и помятия больного, – Поить микстурой, кормить лёгкой едой и никаких, вы слышите, ни-ка-ких физических нагрузок в течении недели, – последние слова доктор произнёс почему-то повернувшись к горничным, которые выстроившись рядочком у стены, потупили глазки в пол и теребили уголки передников в руках.

После ухода врача они засуетились, взбивая подушки, готовя бульоны и разыскивая фланелевую пижаму, засунутую неизвестно куда при переезде.

Через три дня Олег сбежал на верфи.

Глава 11

Отставной прапорщик Лейб-Гвардии Преображенского полка, Озеров Сергей Сергеевич, проснулся рано.

Не спалось на новом месте, хоть убей. Частично виной тому был новый дом. Не устоялся ещё свежепостроенный сруб, не дал усадку, оттого и жил своей жизнью. То углами заскрипит, то каким-то из брёвен заворочается, приминая им паклю и поудобнее устраиваясь на долгие года.

Целый час промаялся прапорщик, норовя заснуть ещё раз. Когда утренняя хмарь за окном сменилась первыми весёлыми лучами весеннего солнышка, Озеров не выдержал. Стряхнув с себя сонную дрёму, прапорщик на цыпочках прошёл через общий зал, наскоро сполоснул лицо в сенях и вышел во двор. Лепота…

Легкая разминка, и осторожный комплекс первых упражнений, с минимальной нагрузкой. Не привыкло ещё тело к обычным тренировкам. Восстанавливается после ранений и переломов.

Опрокинув на себя ведро колодезной воды, Сергей Сергеевич вернулся в зал и принялся раскочегаривать самовар. Сейчас сосед по дому проснётся. Позавтракаем, а там уж и пора придёт в контору идти, начальству представляться. Двое суток им с Василием на обустройство дали. Домишко-то, что им выделили на двоих, совсем ещё новый, необжитый ни разу. За что не хватись, ничего нет. Стены да лавки со столом, а с остальной утварью швах, хоть шаром покати. Пришлось побегать двум отставникам. Что-то им со склада выдали, что-то они сами в ближнем селе докупили, пройдясь по лавкам. Однако, устроились худо-бедно. На первое время сойдёт. Всё не в палатке ютиться, как ещё совсем недавно приходилось…

Память услужливо перебросила Сергея в недалёкое прошлое.

Десяток разведки, которым прапорщик командовал, получил задание на выяснение обстановки по левому флангу на максимально возможную глубину. Недолгая разведка получилась. За ближайшим лесочком напоролись на три десятка вражьих «тяжёлых», которые ещё с ночи затаились в засаде, замаскировавшись в долине небольшой речки с густющим кустарником на берегах. Цель их засады была понятна и незатейлива – для пилотов в тяжёлых МБК нет ничего слаще, чем неожиданно поймать противника во время его передвижения в колонне. Короткое время подлёта, чтобы противник ничего не успел предпринять, и яростный огневой контакт, рядами выкашивающий практически беззащитных людей и технику.

Десять минут боестолкновения, и останутся на дороге сотни, а то и тысячи трупов, догорающие остовы грузовиков с припасами, и перевёрнутые взрывами артиллерийские лафеты.

Из его десятка выжили он да Василий. Оба переломанные, контуженные, с выгоревшими Источниками. Остальные разведчики погибли, купив своими жизнями те минуты и секунды, которые дали возможность сохранить гвардейский полк.

Успели наши поднять своих «средних» и «тяжёлых», и даже некоторые зенитки смогли развернуть. С минимальными потерями врага отогнали, уполовинив строй налётчиков.

Потом был госпиталь. Сначала обычный армейский, а когда появилась возможность их транспортировки, то оба прапора попали уже в свой госпиталь, созданный под Москвой для гвардейцев-преображенцев. Там-то их и нашёл Франц Иосифович, техномаг их гвардейского полка, напрочь разорвав своим рокочущим басом атмосферу уныния и безнадёги, поселившуюся в палате пилотов, потерявших Источник.

– Что, едрыжки-кочерыжки, думаете всё, отлетались, и жизнь кончилась. А вот хрен вам три раза да по всему килю. Вам обоим в сумме лет меньше, чем мне. Поэтому слушать сюда, салаги. В небо хотите? Полегче головой кивайте, рано вам ещё шустрость проявлять, салабонам контуженным. Короче, слушай мою команду. С этой минуты быстро выздоравливаете, причём целиком и полностью. На красавиц-медсестёр смотрите орлами, а не той плесенью, что вы сейчас тут изображаете. Как только выпишетесь, бумаги и награды получите, так сразу бегом ко мне. А потом аллюр три креста и поскачете молодыми жеребцами в распоряжение одного моего знакомого. Возврата в гвардию я вам не обещаю, сами понимаете, слишком много препятствий будет, но в небо не раз ещё подниметесь, если Бог даст. Устраивает такой расклад? Ну, тогда выпьем за здоровье. Вам по капелюшечке, чисто для куражу, а мне как положено, – старый хрыч-техномаг украдкой выглянул в коридор, и убедившись в отсутствии врачей в зоне видимости, накапал в принесённые с собой серебряные рюмочки шустовского коньяка из плоской фляжки, заботливо пригретой им во внутреннем кармане френча.

* * *

– Хорошо тут, просторно и глазу приятно, – Василий впервые смог спокойно разглядеть раскинувшийся у реки заводской посёлок. До этого как-то не до того им было. Обустраивались. Все времени не хватало, чтобы вот так спокойно пройтись по улицам,

посматривая по сторонам.

– Немного «крейсер» вид портит, зато все дома электричеством обеспечены. Не то, что в городе, – Сергей кивнул другу в сторону котельной в три трубы, и в самом деле похожей издалека на корабль. Не трудно было догадаться, что там расположились паровые машины, снабжающие электричеством посёлок и верфи. Больно уж характерно разбегалась оттуда в разные стороны паутина проводов.

– Куда идём, служивые? – поинтересовался один из парней в форме охранника, спрыгивая с машины. Открытый «газончик», патрулирующий посёлок, притормозил на перекрёстке, дожидаясь неторопливо идущих офицеров. Увидев награды у офицеров на груди, охранник завистливо цокнул языком и повернулся к сослуживцам в машине, предлагая и им полюбоваться на небольшой иконостас из нашивок и орденов, поблёскивающий на солнце.

– В контору. Представляться по случаю прибытия, – вполне доброжелательно ответил Сергей, одобрительно рассматривая охрану. Одеты ладно, парни крепкие, оружие на месте, ведут себя правильно. Не вызывающе, но готовность к действию присутствует.

– Вроде и с наградами не обидели, и возраст вполне уже, а всё прапорщики, – глянув мельком на офицеров, словно бы про себя высказался водитель неплохой армейской машинки, снова уставясь на дорогу и не выпуская руль из рук.

– Трогай давай, – запрыгнул охранник обратно в автомобиль, – Гвардейцы это. У них сам Император в полковниках, а графья и князья в подпоручиках да капитанах ходят.

– Да ладно… – не поверил водила, с лязгом включая передачу и напоследок гораздо внимательнее рассматривая офицеров в большое боковое зеркало.

– Что скажешь? – по привычке поинтересовался Сергей у друга, глядя вслед уезжающему автомобилю.

– Тёртые парни. Скорее всего – наёмники. Не из лучших, но и далеко не худшие. Наверняка ещё не так давно кадровыми были или что-то около того. Они откуда-то с окраин. Водила вон даже форму гвардейскую не опознал. Для караульной службы в самую плепорцию, – привычно прокачал Василий вооружённых людей, заодно и вспомнив одно из любимых выражений их бывшего начальника полковой разведки.

– Сколько их тут? Десятка два-три?

– Больше, – Василий прищурился, припоминая, и начал загибать пальцы, – Три поста въездных, по три-четыре воина на

каждом, два внутренних патруля, охрана верфей человек в пять-семь, и дальняки на мотоциклах с коляской. Те парами в три-четыре мотоцикла по округе гоняют. Это из того, что на виду. Так что полсотни с хвостиком набегает, если в ночь смена поменьше встаёт.

– Десяток егерей ещё можешь добавить. Они в тех домах, что у реки живут. Уходят утром через мостик, поэтому в посёлке их почти не видно, – поделился Сергей своими утренними наблюдениями. Во время зарядки он тоже не спал, по въевшейся армейской привычке цепко наблюдая за окрестностями.

Пилоты переглянулись между собой и оба в унисон многозначительно хмыкнули. С этой минуты посёлок перестал им казаться милой спокойной деревушкой, расположившейся где-то в безопасном центре державы.

Оба разведчика подобрались и незаметно для самих себя ускорили шаг.

Поймав знакомое ощущение, Сергей улыбнулся про себя. Наверное то же самое чувствует застоявшийся боевой конь, когда непостижимым образом угадывает, что спокойный этап его жизни подходит к концу.

– Иван Силыч, начальство сказало офицеров к ним в цех проводить, – шустрый, как капелька ртути, паренёк-рассыльный нетерпеливо приплясывал у открытых дверей, с восторгом глядя на гвардейцев, и пожирая взглядом их награды.

– Ну и веди, раз сказали. А от меня добавь, что я сейчас чай допью, и тоже отсюда уйду. Пусть контора пустой стоит. Заходи-нехочу. А то ишь чо придумали – «Посиди пять минут, Иван Силыч, отдохни, чаю попей». Да в гробу я этот чай видал. Мне ещё запчастя получить надо и вал проточить, – сердитое ворчание старого механика никак не соответствовало его действиям. Он с удовольствием набулькал себе полстакана кипятка, и щедро добавил туда душистой заварки из фарфорового чайничка. Положил в стакан ложку мёда, неторопливо размешал, подумал, попробовал, и добавил вторую ложку. Подойдя к окну, дедок пожмурился на весеннем солнышке, и открыв форточку, закурил на редкость вонючую сигарету.

Сманил таки боярин старого мастера к себе на верфи. Сначала с иноземными двигателями уговорил помочь, а потом и вовсе в свой новый проект втянул, да так, что Иван Силыч и сам не понял, как стал считать эти катера чуть ли не собственным детищем. Это на бумаге у конструкторов всё гладко нарисовано, а на деле любое железо умелых рук требует. Так-то.

– Тут у нас «итальянку» переделывают. Говорят, что раза в два быстрее летать будет, – важно рассказывал мальчишка, заводя

офицеров в ангар через неприметную боковую дверь. Судя по тому, как он перед этим пару раз воровато зыркнул по сторонам, можно было смело предположить, что первоначальный маршрут такого крюка не предусматривал. Сообразил, стервец, что его с сопровождением офицеров из ангара не шуганут, вот и воспользовался оказией.

– Прямо уж и в два, – усмехнулся Василий, имеющий неплохое представление о возможностях дирижаблей.

– Может и не в два, но всё равно быстрее, – не стал упорствовать паренёк, с восторгом разглядывая махину дирижабля и нанесённые на ней золотые буква МиЛаНа, размером в человеческий рост, – камышинские купцы её уже на императорские гонки зарегистрировали, – с трудом справился со сложным словом юный гид, – А название из первых букв имён своих девушек составили. Мирослава, Лариса и Наталья. Когда они в столицу соберутся, я тоже с ними попрошусь. Я ведь быстрый очень и сообразительный. Лишним точно не буду, – он постарался придать себе серьёзный вид, высказывая свою заветную пацанячью мечту.

В просторной комнате, надстроенной в ангаре вторым этажом, было светло. Большие стёкла шли полукругом, позволяя словно с балкона оглядеть весь цех. У глухой стены выстроились полки с папками и рулонами чертежей. Кульман, обычная школьная доска с мелом и широкие столы с разложенными на них эскизами выбивались из общего впечатления, создавая антураж конструкторского бюро, а не обычного управленческого помещения.

Офицеров местное руководство, в количестве трёх человек, встретило приветливо. Их угостили крепчайшим кофе, подробно расспросили о проблемах со здоровьем, магических способностях, боевом опыте и видах на будущее.

– Итак, господа офицеры, предлагаю подвести предварительные итоги нашей встречи. Вы, наверное, слышали о неоднократных попытках вернуть магические способности людям с выгоревшим Источником техномагическими протезами. Прямо скажем, результаты зачастую были неоднозначны. Либо резерв протезов оказывается недостаточен, либо энергоканалы используются далеко не в полную силу. По настоящему удачных экспериментов вышло не много. Практически все они связаны с фанатиками магии, которые или вживляли в себя накопители, или носили их постоянно. Оба способа имеют свои недостатки. Нам кажется, что мы нашли решение, позволяющее обойти некоторые ограничения, которые ранее существовали, и способны почти полностью вернуть магические способности людям с

выгоревшим Источником, – Рудольф Генрихович снял очки и начал протирать их кусочком замши.

– А причём тут мы. Мы пилоты МБК. Нам магия нужна для полёта, – Сергей Сергеевич побелевшими пальцами сжал кромку стола, готовясь резко встать и уйти. Были у них с Василием надежды, были. Но не на «костыли», а на возможность в небо подняться.

– В зависимости от вашего решения мы предложим вам выбор. Либо вы за приличное вознаграждение проводите необходимые испытания наших накопителей, и мы на этом расстаёмся. Либо я заключаю с вами контракт на три года, как с боевыми пилотами. В этом случае, кроме стандартного оклада вы получаете через три года накопители в собственность. И да – летать вы будете, – Олег скинул с себя синий технический халат, который обычно одевал, приходя в цех, чтобы не пачкать дорогую одежду. Неожиданно для себя офицеры увидели и знак Главы Рода, и кортик, с мелькнувшим темляком.

Когда они знакомились и представлялись, то как-то не предположили, что молодой боярин не чей-то сынок, а вполне себе самостоятельный молодой человек. Глава Рода, и к тому же с наградным оружием.

– «За боевые»? – неучтиво показал пальцем на кортик Василий, слегка растерявшись.

– Именно так. В настоящее время я курсант, и в будущем тоже надеюсь стать боевым пилотом, – отвлёкся Олег, перестав буравить пилотов взглядом.

– Тем проще, – качнулся взад – вперёд на стуле Озеров, обдумывая необычное предложение, – Вы же прекрасно понимаете, что ничего лишнего на себе в МБК пилоты не носят. Даже часы и кулоны с цепочками снимают. Неувязочка у вас получается…

– В обычных МБК. Наверное вы это хотели сказать? – позволил себе Олег лёгкую улыбку.

– А бывают необычные?

– Необычные будут, если вы нам поможете, – Олег побарабанил пальцами по столу, глядя на внимательные лица отставников и принимая решение, – Скажу точнее. В какой-то степени они уже существуют, но ввиду отсутствия нужных пилотов пока не готовы к полётам, – Олег переглянулся с Усольцевым и пожал плечами.

Готовясь к разговору они оба не хотели раньше времени показывать незавершённое изделие, чтобы не портить впечатление. С другой стороны Густавсон тоже прав – без помощи пилотов с реальным боевым опытом им МБК до ума не довести.

– И что же это будет? Подождите, попробую сам догадаться… Переделка для инвалидов из общеармейских «горбатых»? Хотя нет, даже армейские МБК в частные руки попадают редко. Значит, какие-то самоделки. Я угадал? – Сергей Сергеевич победно ухмыльнулся, увидев фыркнувшего техномага и услышав тихое матерное выражение от Густавсона.

– Почти, – не менее радостно согласился Олег, начиная откровенно веселиться, – Позвольте уточниться. Я правильно запомнил, что у вас резерв был в триста тридцать, а у вас в триста шестьдесят единиц? – поинтересовался боярин, в свою очередь тыкая в пилотов пальцем. Он дождался подтверждающих кивков от отставников и продолжил, – Прямо скажу, что показатели ваши так себе. Не по нашим МБК будут. Наши «самоделки», как вы только что изволили выразиться – это прототипы будущих гвардейских комплексов, превосходящие существующие модели по всем показателям. Говоря «по всем», я имею в виду реальные величины. К примеру, та же броня будет потоньше, но показатель на бронепробитие у неё выше. Так и с остальным. Лучше будет манёвренность, щиты, энерговооружённость, скорость. Ваших трёхсот плюс нам никак не хватит. Такие пилоты пусть и дальше летают в старье. Новым комплексам надо больше Силы. Мы планируем изначально поставить вам «протезы» на пятьсот единиц, а после персональных тестов и подгонки поднять их ещё процентов на двадцать. Кстати, не хотите ли полюбоваться на свои будущие МБК?

– Свои не свои, а посмотреть интересно, – переглянувшись с Василием, озвучил Сергей их общее мнение.

– Сразу хочу предупредить. Доспехи пока в макете. Собран только сам скелет, проведены энерговоды, навешаны мускульные приводы и кое-какая защита. Двигатели ещё на стенде, а основная броня и предполагаемое вооружение либо на испытаниях, либо ждут вашего одобрения на установку. Недели через две приедет Франц Иосифович с помощниками. Он и проведёт окончательную сборку. Крайне желательно, чтобы к тому времени вы «протезы» освоили, – мотнул головой боярин, думая о чём-то своём и поднимаясь с места.

– Мы ещё ни на что не согласились, – напомнил Сергей Сергеевич, – Да и как тут угадать, успеют ваши «протезы» встать или нет. А как не успеют?

– Тогда я проиграю Морозову ящик коньяка «Двин», между прочим, двадцатипятилетней выдержки, – меланхолично пожал плечами боярин, распахивая дверь в ангар, находящийся с другой стороны, а не с той, откуда гвардейцы заходили.

Первой мыслью прапорщика Озерова было желание как

можно быстрее выскочить из полутёмного ангара. Видимо то же самое почувствовал Василий, когда ухватил своего боевого товарища за рукав. Огромный силуэт хищной птицы, словно распластанный в стремительном падении, висел посреди помещения, создавая полную иллюзию атаки.

От мгновенной паники офицеров спас вид боярина, стремительной и упругой походкой уверенно шагающего мимо парящего чудовища по дорожке, обозначенной широкими белыми линиями. Догоняя парня, отставники с недоумением рассматривали непонятную конструкцию, уже понимая, что видят творение рук человеческих, а не загадку природы и не игру воображения.

– Наша новая модель небольшого пассажирского дирижабля. Сейчас тестируем гравикомпенсаторы. Первые лётные испытания в конце недели, – кивнул боярин на висящее в помещении чудо, словно отвечая на невысказанный вопрос пилотов. Задержался он перед следующей дверью, перебирая в руках связку ключей.

Наконец нужный ключ был найден, щёлкнул выключатель и Олег сделал шаг в сторону, давая гвардейцам возможность взглянуть на прототипы МБК, расположенные по центру помещения.

– И что ты обо всём этом думаешь? – Василий пододвинул к себе тарелку с мясной нарезкой и ещё раз налил в обе рюмке крепкой настойки на кедровых орешках.

Оба друга устроились за домом. Небольшой навес у его стены, со стороны реки, позволил разместить под ним стол с лавками и летнюю печь, которую при желании можно было легко превратить в импровизированный мангал.

Для вечерних посиделок лучше места не придумаешь.

– Сначала мне показалось, что они тут все ненормальные. Зато теперь, чем больше думаю, тем лучше понимаю, насколько всё у них продумано и рационально выполнено. Вот смотри, мы с тобой оба поржали, когда нам про терморегуляцию доспехов начали рассказывать. Вроде, как мы такие суровые бойцы, что нас холод с жарой не сильно-то и пугают, а микроклимат только неженкам нужен и оранжерейным цветам. Не запомнил, что боярин ответил? А я запомнил. Он сказал, что лишняя минута-другая жизни при пожаре ещё никому не помешала. Сейчас сижу, вспоминаю позапрошлый год, Среднюю Азию. Сколько там наших на землю попадало из-за тепловых ударов, не напомнишь? Заодно и вспомни, на сколько нам медики время полётов по жаре сократили. Вдвое, не так ли? Сам прикинешь, на сколько боеспособность отделения из-за температуры понизилась или

подсказать? – Озеров молча поднял рюмку, жестом обозначив предложение выпить.

– Ладно. Признаю, что с их терморегуляцией мы погорячились. Годная штука в некоторых случаях. Но согласись, эти дурацкие ракетницы, что они на ляжках спрятали, только шпаки могли придумать. Ага, как же. Буду я в бою бросать винтовку и вытаскивать не понять что, – Василий намекающе кивнул на бутылку, но увидел отрицательный жест друга. Сергей даже стакан ладонью прикрыл, показав обычным пилотским знаком, что на сегодня он с выпивкой закончил.

– Это мы с тобой подумали, что те пистолеты ракетницы. На калибр глянули, на толщину ствола, и купились. Кстати, для ракетницы ствол-то длинноват будет. Однако сдаётся мне, что в ближнем бою они рассчитывают ссадить из такой ракетницы равного по силе противника на землю. Не спрашивай как. Не знаю. Но слишком уж довольные и хитрые рожи у них были. Сюрпризец-то явно не про нас сделан. Думаю, что нам и МБК никто изначально показывать не собирался, – Сергей налил себе полстакана кваса из запотевшего кувшина и выпил его двумя большими глотками.

– Но ведь показали. Интересно, зачем.

– Скорее всего мы для них – подходящий вариант. Причём, не обязательно именно мы. Предположим, что мы завтра откажемся от контракта. Как считаешь, это их сильно огорчит? Найдут они других пилотов с выгоревшим Источником? – поинтересовался у друга Сергей Сергеевич, подталкивая его к размышлениям.

– Было бы что искать. Я тебе не сходя с места навскидку десяток гвардейцев назову, а то и больше.

– Угу. И я про то же. Найдут. Тот же Морозов поможет. Вполне может статься, что нам с тобой фантастически повезло. Мы в нужное время оказались в нужном месте. Тебя я уговаривать не буду. Своей головой думай. А я для себя решил. Завтра на контракт соглашусь. Я вот о чём подумал. Допустим, я откажусь. И что дальше? В деревню ехать, инвалидом там жить? Да я сам себе башку об стену разобью, сначала от скуки, а потом от злости на себя, если узнаю, что у этих деятелей хоть что-то получилось и один из нас всё-таки взлетел. Не могу я допустить, Василий, чтобы такой шанс не использовать. Мне же жизни потом не будет. Так что я решение принял. Побарахтаюсь, глядишь что и выгорит, – Озеров решительно рубанул воздух ребром ладони.

– Блин, ну наконец-то! Я тут обе свои извилины в узел завернул, прикидывая, как тебя уговорить, а оно вон как повернулось, – сорвался в смех Василий, и не обращая внимание на протесты своего бывшего командира, чпокнул пробкой,

наливая в обе рюмки горькую настойку, – Давай выпьем, друг. За наш контракт, наёмник.

* * *

Новая Москва. Траттория «Эль Пино». Десять дней спустя.

– Добрый день, Дарья Сергеевна, вы как всегда очаровательны, – поднялся Олег навстречу княжне, запорхнувшей на отдельную террасу траттории.

– Я слегка опоздала, но поверьте, вовсе не из-за обычаев. Просто не могла кое от кого отвязаться вовремя, – повинилась княжна, пристраивая на подоконнике шляпку с вуалью.

– Уверяю вас, что не произошло ничего страшного и неожиданного. Более того, у меня оказалось достаточно времени, чтобы заказать для вас кое-что не совсем обычное, – Олег дал знак официанту, кинувшемуся на кухню. Ещё бы он не побежал, за образцовое обслуживание ему прилично денег приплачено. Не всегда стоит удивлять девушек одними только сверхдорогими кулинарными изысками. Зачастую гораздо больший эффект производит персонал, который прямо таки жаждет уважить любые чаяния клиента. Приёмчик простой, но от этого не менее эффективный. Спасибо Грише Артемьеву, который с ним этой житейской хитростью поделился.

– Вас наверно любопытство мучает, зачем это я на вчерашнем вечере так нагло напросилась на встречу? – хлопнув пару раз ресницами, поинтересовалась Дарья Сергеевна.

– Ни в коем случае. Вы у меня в числе друзей, как бы нескромно было так считать с моей стороны, поэтому я всегда рад нашим встречам, – весело продолжил играть Олег в словесный пинг-понг, понимая, что время признаний ещё не пришло.

– Только друзей? – лукаво спросила княжна, неуловимым движением поправляя выбившуюся прядь волос, упавших вниз шикарным локоном.

– Я считал, что у нас достигнуто понимание по этому вопросу. Вы прелестная девушка, из знатного Рода и опасного Клана. А я кто? Просто один из ваших знакомых, и не более того. Чистой воды мезальянс выходит. Да и к тому же, в возможных аллегориях мне больше всего напрашивается сравнение о чувствах между арифмометром и токарным станком, – Олег сделал паузу, дожидаясь, пока официант расставит на столе все блюда и напитки.

– Надеюсь, что под токарным станком вы себя имели в

виду? – ничуть не обиделась княжна, взглядом выбирая вкусности на блюде, и чуть заметно улыбаясь.

– Исключительно себя. Вы не поверите. День и ночь тружусь, как пчёлка. И вовсе не потому, что это у пчёл такая святая жизненная обязанность перед обществом, а исключительно ради своего блага и хлеба насущного, – продолжил дурачиться Олег, не собираясь менять эту манеру разговора первым. Если у девушки есть к нему какое-то дело, то пусть первой о нём начнёт говорить.

– Я вчера краем уха услышала, что некоторые пчёлки могут собирать не только мёд, – девушка ловко подцепила вилочкой кусок аппетитного пирожного и восхитительной гримаской оценила его вкус.

Олег, в свою очередь, сделал вид, что чрезвычайно увлечён тем же самым, и ждёт продолжения её фразы, прерванного поедаемыми лакомствами.

– В обществе говорят, что вы и кое-что другое собрать можете, что летает не хуже этих ваших пчёл, – с некоторой досадой произнесла княжна, поняв, что Олег решил отмалчиваться и выжидать.

– Ах, вот вы о чём. Меня, знаете ли, убедили, что заниматься гонками окажется достаточно приличным занятием, и в обществе такое положение дел воспринимается вполне себе благосклонно. Более того, в какой-то степени даже поощряется, – Олег специально не стал ничего отрицать, как собственно и подтверждать. В словесных играх он княжне не соперник, но и просто так сдаваться он не собирается.

– Так вы всё-таки подали заявку на участие в гонках или нет? – первой не выдержала княжна, сердито звякнув уроненной на блюдце вилочкой.

– Смотря какую из них вы имеете в виду, – отстранённо проговорил Олег, делая знак официанту, чтобы тот налил им в бокалы шампанское.

– Мне из вас каждое слово нужно вытягивать? А почему бы вам, ну так, чисто по-дружески, не поделиться своими планами о предстоящем мероприятии? – княжна стрельнула выдающимся калибром своих глаз, и выпрямилась на стуле.

– По одной простой причине, Дарья Сергеевна. Ответ на ваш вопрос будет касаться не только коммерческих интересов моего Рода, но и в некоторой степени может быть отнесён к вопросам о его безопасности. Поверьте на слово, что у меня и так не слишком велик круг друзей, чтобы я мог позволить себе его сократить на одну, чрезвычайно очаровательную единицу, – несмотря на куртуазность выражений, тон ответа у Олега вышел в меру сухим, что княжна сразу же прочувствовала.

– Простите, Олег Игоревич, я погорячилась и была не права, – состроила виноватую моську девушка, всё же сумев сохранить лицо и сдержать в себе более резкие слова, – Я прошу вас поверить, что мой интерес носит сугубо личный характер, и ничего из вами сказанного дальше меня не уйдёт.

Олег задумчиво покрутил в руках бокал с вином, размышляя. В обещание княжны он верил. С другой стороны и излишнюю таинственность создавать не имеет смысла. Через несколько дней списки участников гонок будут опубликованы в газетах и делать из этого тайну сейчас вряд ли необходимо.

– Простите, но я так и не поинтересовался, как поживает ваше подруга, Елизавета Станиславовна? – смягчил свой тон Олег, выигрывая время на раздумье и снижая накал разговора.

– Думаю, что неплохо. Мы с ней не часто видимся, – довольно холодно произнесла княжна, после незначительной паузы.

Хм, чем дальше, тем больше странностей. По идее, княжна должна была бы более активно поддержать тему подруги. Для неё это возможность вывернуться из неловкого момента и перейти на обычный светский трёп. А там она могла бы снова вернуться к интересующему её вопросу, зайдя с другой стороны. Что у них там с Елизаветой случилось, интересно. Чёрная кошка что ли дорогу перебежала.

– На правах конфиденциальной информации могу вам сказать, что я подал три заявки от своего Рода. Одну на класс сверхлёгких яхт, и две на участие в классе МБК. Какими-то деталями и характеристиками я пока делиться не готов. Этого вам достаточно? – Олег постарался улыбнуться княжне, как можно более искренне.

– Хотела бы сказать да, но нет, – упрямо тряхнула княжна чёлкой, уже не обращая внимания на рассыпавшиеся локоны, – Олежек, умоляю, хотя бы намекни, есть ли у тебя хоть какие-то шансы на победу в классе яхт?

– Дарья Сергеевна, ну зачем вам это знать? – откашлявшись, спросил Олег. Слишком уж неожиданным у княжны получился переход на близкое общение, напрочь нарушавший установившиеся нормы поведения. Видимо крайне веская должна быть у девушки причина, раз она так резко перешагивает через годами усваиваемые барьеры воспитания.

– Я абсолютно случайно узнала, что меня собираются выдать замуж, – потупилась княжна, понимая, что боярин наверняка заметил и румянец на её щеках, и если сразу не сообразил, то потом всё равно догадается, что её информированность о замужестве отнюдь не случайна. Ну да, подслушала она разговор, чего уж скрывать. Вслух она, понятное дело, не признается, да и

кому это надо, спрашивать её об источнике информации. Разве что деду… Старый плюгавый сморчок. Мало он над её родителями издевался. Теперь и до неё руки дошли.

– Дарья, ты можешь мне по-человечески объяснить, какая связь существует между гонками и твоим замужеством? Без этих ваших сю-сю и «будьте любезны», – попытался взять инициативу в свои руки Олег, предчувствуя, что девушка сейчас закроется, и из неё потом лишнего слова не выдавишь.

– У меня нет шансов на отказ от замужества. Точнее, их не было до вчерашнего дня. Вчера мне сказали, что ты подал заявку на участие в гонках. Мой будущий жених тоже в них участвует. Если нам удастся его победить, то свадьбы не будет, – от щёк княжны впору прикуривать, так ярко они пылают…

Олег с трудом подобрал упавшую на стол челюсть, и усиленно покрутил головой, совсем неэтично расстегнув при этом тугой ворот рубашки и распустив узел галстука.

– Так, подожди минутку, я приду в себя, – Олег показал халдею на бокал, который почти вырвал у него из рук. Торопливые глотки холодного шампанского заискрились в глазах и нёбе, заставив парня отфыркиваться и вытирать салфеткой набежавшую слезу, – Уф-ф. Полегчало. Умеешь ты удивлять, подруга. Так, а теперь давай ещё раз. С того же места. Кто у нас жених? Кому это «нам надо победить»? И с каких хлебов ты решила, что это тебя избавит от нежелательного окольцевания?

– В женихи мне прочат князя Тугоухова-младшего. Он редкостная скотина. Я ему если и нужна на что, так только на роль породистой самки, которая должна будет родить ему наследника. Теперь насчёт победы. Ты меня берёшь к себе в экипаж яхты. Если что, то я не самый слабый маг Воздуха и Огня в этой Империи, балластом не буду. А причина, по которой не будет свадьбы – это наша победа. Меня весь Клан поддержит, если я откажусь выходить замуж за того, кто мне проиграл хоть в чём-то. А гонки – это очень даже значимо. И не только значимо, но и публично освещено. Выходить замуж за проигравшего тебе… Фи… – княжна постаралась улыбнуться, но сегодня её способности дали сбой. Не самая лучшая улыбка в её исполнении вышла.

– Так… так… так… – Олег взъерошил двумя пятернями волосы, окончательно теряя светский лоск и приличествующий вид, и произносил слова не спеша, отделяя их долгими паузами, – А подскажи-ка мне, звезда имперской изобретательности и особа, злостно уклоняющаяся от вопросов детовоспроизводства и окольцевания, ворох каких проблем и неприятностей на этом поимеет твой друг-спаситель? К примеру – я? Давай я начну, а ты

продолжишь. Итак – для начала вполне себе приличный скандальчик, который «жёлтая пресса» не преминет слегка раздуть. Ну, да Бог с ним, это переживём. Не исключено, что и мне и тебе такое несоответствие в поведении неженатых лиц разного пола постараются поставить на вид. Это же какое нарушение устоев… И где же они ночевали… Не задумывалась? Ладно, тоже пропустим. На дуэль меня вряд ли вызовут, но иной повод вполне может случиться, не так ли? А теперь ещё один интересный момент – а ты хоть раз задумывалась над тем, что у меня тоже кто-то может быть, кому такие новости могут разбить сердце… Даша, ты что, плачешь? Дашка, Дашуля… Хватит реветь. Да хорош, я сказал! Матрос, я как капитан вам приказываю прекратить рёв… Ну вот… Так-то лучше. Официант! Шампанского!

Глава 12

Свой дом Анвар поставил на холме. Добротный дом. Каменный. С просторным балконом в пять колонн и террасой под ним в три широкие арки. Огромный подвал под вино и еду. Беседка в камне, с крытым переходом к ней. Жилая башня в четыре этажа, с узкими окнами-бойницами. Такие дома у него на родине только серьёзные люди строят.

Чуть ниже по холму ещё два фундамента растут. Там будут дома старших сыновей. А на следующий год он и остальным сыновьям по дому выстроит. Благо, с деньгами проблем нет. Прилично накопила их семья за годы работы на чужбине. На всё денег должно хватить.

Старшие только и ждут, когда дома встанут, чтобы женщин в них ввести. А там, глядишь, и внуки появятся. Зашумят, затопают босыми ножками по любовно отфуганенным доскам пола. Нет, конечно же он будет с ними строг. Как-никак сам пятерых сыновей воспитал, когда те без матери остались. Но как же хочется, чтобы побыстрее внуки-то появились. Он и мастерскую себе построил, и станки по дереву в городе заказал. Будут внучатам и качели с каруселями, и лошадки, и домики сказочные.

Пригрелся старый мегрел на солнышке. Размечтался, оглядывая с высоты холма раскинувшееся внизу село и наблюдая за суетой строителей. Заметив блеснувшую точку вдали, старик приложил ладонь козырьком ко лбу, защищая глаза от солнца. Никак сыновья возвращаются. Ранним утром они в город умчались, чтобы докупить материалов на отделку, да из мебели чего-нибудь присмотреть себе в комнаты. Нет, это не их грузовик. Дирижабль над лесом летит, поблёскивая иллюминаторами. Высота небольшая, а идёт ходко. Освоился молодой боярин с управлением. Смело летать стал. Ага, а вокруг-то дирижабля ещё кто-то летает. Словно мушки маленькие вертятся. Мегрел смахнул с глаза слезу, выступившую от напряжения, и снова вгляделся. Так и есть. Крутятся мелкой мошкарой вокруг дирижабля точки маленькие. Одна, две, три, четыре. Вроде как четверо.

Анвар покачал головой, улыбаясь. Поднял таки боярин пилотов в небо. Недаром значит и сам работал себя не жалея, и с сыновей его не слез, пока новинки в металле не воплотились. Сдерживать его надо. Запойно работает. Так и надорваться недолго. А уж выдумщик какой… С этими его новыми магическими давилками они теперь за день больше контуров и энерговодов накатывают, чем раньше за неделю получали. Про

точность и говорить не стоит. Хоть микрометр выкидывай. Полосы одна в одну идут, как братья-близнецы. То-то сыновья над ним потешались, когда он по привычке штангенциркулем перемеривать заготовки взялся. Бесполезное дело. Поточнее теперь инструмент нужен, если хочешь разницу найти. Фильеры алмазные на совесть откалиброваны и погрешностей не допускают.

Дирижабль тем временем скользнул к реке и ещё больше добавил скорости, приближаясь и вырастая в размерах каждую минуту. Заметив, что с дирижабля в его сторону несколько раз мигнули прожектором, Анвар приподнялся со скамейки, и помахал в ответ рукой. Глазастый у них Глава. Не просто так катается. А скорость-то у дирижабля прилично растёт. Пилоты в МБК уже не успевают круги вокруг него наяривать. Зато моментально перестроились в другой порядок, образовав чёткую геометрическую фигуру. Мастера, что и говорить. Ни секунды лишнего времени на манёвр не потратили, заняв позиции синхронно, как на параде. Ничуть боярин не преувеличил, когда в перерыве между работой его сыновьям об этих воздушных асах рассказывал. И таких орлов он целую дюжину собирается набрать. Иначе для чего бы они двенадцать «протезов» изготовили. Серьёзная сила получится. Был бы в своё время такой отряд летунов в их бывшем Клане во время грузинской резни, ещё неизвестно, как жизнь бы повернулась.

Поглядев вслед улетающему отряду, мегрел зябко передёрнул плечами, отгоняя воспоминания, и бодрым шагом пошёл в подвал. Там у него сегодня бондари работают. Большие бочки сооружают. Будет у его сыновей на свадьбах собственное вино. Пусть и из привозного винограда, но своё. Так в их семье испокон веков заведено было, значит так тому и быть. А он на то и отец, чтобы традиции блюсти и следующему поколению их передавать.

* * *

Княжна приехала утром того дня, который Олег назначил датой первых испытаний дирижабля. Выехала она видимо ночью, потому что её ярко-красный кабриолет был изрядно покрыт пылью, что свидетельствовало о неблизкой дороге.

– Хозяин, чего гостей не встречаешь? – с насмешкой поинтересовалась она у Олега, вышедшего на крыльцо с кружкой кофе в руках. Пока он пытался сквозь штакетник и кусты рассмотреть, кого же к нему принесло, девушка уже успела открыть калитку, легко справившись с нехитрой щеколдой.

– Хлеб-соль не успел заготовить, – с досадой отозвался парень, чудом успев поймать на лету брошенные ему ключи от машины. Была надежда, что их разговор в траттории останется разговором, и пропала.

– Загони мою ласточку под навес, и чемоданы занеси. А я в душ, – княжна игриво оттолкнула Олега бедром и ловким горностаем проворно просочилась в дом.

Пока он подбирал подходящие слова, в глубине дома нарочито громко хлопнула дверь душевой, зашумела вода, а потом женский голос из-за двери и вовсе начал вполголоса напевать незатейливую популярную песенку.

Сплюнув, Олег пошёл открывать ворота. Необычное поведение Дарьи напрочь перечёркивало всё то, что он о ней знал раньше. Оставалось только растерянно крутить головой и материть про себя ту муху, которая её сегодня укусила. Какой-то чертёнок в юбке, а не благовоспитанная смолянка.

– Кофе будешь? – спросил Олег, не оборачиваясь, когда услышал, что девушка зашлёпала босыми ногами по полу.

– И кофе, и завтрак, – весело отозвалась княжна, – Причём последний не обязательно должен быть лёгким.

– Яичница, бутерброды с ветчиной, сыр, творог, – начал перечислять Олег, разглядывая полки холодильного шкафа.

– Всего побольше, а салатик я сама порежу, – отозвалась девушка, заглядывая туда же через его плечо, и прижимаясь к парню ещё влажным телом.

– «Ой, что деется-то», – подумал про себя Олег, и обернувшись, так же мысленно вздохнул, – «Хана полотенцам. Их у меня всего три штуки было».

Кроме тюрбана на голове, ещё два полотенца ушли у Дарьи на грудь и бёдра. Причём нижнему полотенцу явно не хватило длины и разрез на бедре начинался от самого узла.

– Иди хотя бы мой халат одень. Он чистый. Неужели не увидела? Теперь из неприятного. Мы остались без полотенец, – Олег начал выкладывать продукты на стол и по пути на палец попробовал остроту ножа. Нравится ему, чтобы срез у той же ветчины был идеален. Тупым ножом такое не изобразить. Не получится мраморного рисунка.

Машинально слизнув кровь с пальца, парень озадаченно уставился на нож. Это чем же он так увлёкся вчера вечером, что не помнит, как его наточил? Расчётами стоимости МБК? Вполне возможно. Летающие доспехи в какие-то совсем невесёлые деньги выходят. Почему – непонятно. Стоит попробовать проанализировать ситуацию:

Силовой каркас наш, навесная броня тоже. Новый двигатель

собственный, накопители, энерговоды и обвязка опять же наши. За что деньги платим? За шарниры, синтетические мускульные усилители, щиток из бронестекла, датчики и приборы? Так даже без вооружения весь посторонний набор раз в пять перекрывает себестоимость нашего комплекта составляющих. Нужно заметить – наших основных составляющих! Наиболее дорогих, млин. Чтобы понятнее было, проще объяснить на примере. Вот взять дом. Условно он стоит пять тысяч рублей. И тут к нему предлагают дверь с фонариком над ней, и просят за это ещё двадцать пять тысяч. Это сколько же производители подобной мелочи прибыли себе накручивают, чтобы на такие цифры выходить?

Мы свои МБК пока кустарно клепаем. Так сказать «на коленке». Почти все составляющие, кроме накопителей и энерговодов, со стороны заказываем. В разной степени готовности. Те же бронепластины к нам большим листом приходят. Метр на полтора. Режем, давим, выгибаем. Получаем черновые заготовки сегментов. Потом ещё с десяток операций, уже менее трудоёмких и дорогих, и сегмент готов к монтажу. И обходится он нам настолько дешевле, что становится страшно. Достаточно сказать, что условный аналог обычного армейского нагрудника стоит в пару десятков раз дороже, хотя по всем параметрам он в разы хуже нашего.

Думается, что если эти сведения случайно просочатся в ту же прессу, и станут достоянием общественности, то вопрос с абсолютной зачисткой моего Рода будет решён Кланом, производящим МБК, за несколько часов. Мда-а. Задачка…

К исходящей от княжны опасности Олег отнёсся со здравым фатализмом. Скандал безусловно будет. Дарья его сама сознательно создаёт. Видимо серьёзно напрягло княжну предстоящее замужество, раз она во все тяжкие бросилась.

– Полотенца я в стирку кинула. Кстати, а почему ты своей постирочной машинкой не пользуешься? – княжна появилась на кухне в короткой маечке и лёгких бриджах, эффектно обтягивающих её нижние девяносто. Видимо идея с халатом ей пришлась не по вкусу, и она разворошила один из своих чемоданов.

– Пару раз пробовал было кракозябры расшифровать. Те, что на передней панели нарисованы, но не преуспел, – отвлёкся Олег от создания бутербродов.

– А внутрь заглянуть не судьба была? – фыркнула Дарья, хищным взглядом отслеживая перемещение тарелки и готовясь хапнуть самый симпатичный бутер.

– И что бы я там обнаружил? – Олег убрал тарелку из зоны досягаемости чьих-то шаловливых ручек, и начал нарезать сыр.

– Ту же инструкцию, например.

– А-а… Так вот где она была. Никогда бы не подумал. Ты салат приготовить вроде бы хотела? Смотри, аккуратнее. Ножи у меня чертовски острые, – парень посмотрел на руки княжны, машинально отметив, что колец на них нет. Салаты – такое дело, чистоты требуют, а колечки всякие ей никак не способствуют, – И прекрати таскать бутерброды!

– Чтобы ты понимал… Так они в два раза вкуснее, – недовольно проворчала Дарья, врасплох застигнутая его замечанием. Зря она подумала, что если он отвернулся к плите, то ничего не видит. Стёкла в шкафах не учла, и собственное отражение в них, – Давай уже свои ножи, эксплуататор.

– Кстати, как до лётного поля добираться будем? На твоей машине? – спросил Олег, когда они закончили завтракать.

– Не хотелось бы, чтобы её много народа видело, – помотала княжна головой, – А как ты раньше туда ездил?

– На мотоцикле.

– Ух-х… Прокатишь? – загорелась княжна, захлопав в ладоши, – Всю жизнь мечтала на этом чуде промчаться, держась обеими руками за чей-нибудь симпатичный торс, но всё никак приличия не позволяли.

– А сейчас позволяют? – хмыкнул Олег, подливая себе кофе.

– Сейчас… Сейчас мне на многое наплевать. Если мы выиграем, то мне по-любому из Рода выходить придётся. Иначе всех подставлю. Да и дед мне никогда не простит, что я его ослушалась и все интриги и планы ему разрушила. Клан наверняка меня потом поддержит, но уже как бы неофициально.

– Если победим… А если нет? – покатал Олег кружку в руках, глядя на княжну и оценивая её рассуждения.

– Тогда, Олежек, мне тем более плевать, кто обо мне что скажет и подумает. «Мёртвые сраму не имут», – Дарья ответила спокойно, как о чём-то очевидном и давно решённом. Она совсем не рисовалась, нет. Олег понял, что сейчас он бы почувствовал малейшую фальшь, но её не было.

* * *

– Боже, какой он красивый! А если смотреть сбоку, то вылитый сапсан. Такой же стремительный и хищный, – восторженно заявила княжна, когда дирижабль выкатили из ангара.

– Быть по сему. Нарекаю тебя «Сапсаном», – с улыбкой ответил Олег, а заодно и в позу встал, в стиле «азъ есмь царь». В

шутку, понятно, но и не только. Было отчего. Гордость и восторг зашкаливали. На поле их детище смотрелось совсем иначе, чем в ангаре. Как говорится «большое видится на расстоянии». Его самого необычный и вызывающий вид дирижабля привёл в состояние, близкое к эйфории и он с удовольствием впитывал в себя восхищение окружающих. Бывают в жизни творческих людей те редкие минуты счастья, когда первые похвальные оценки со стороны очень востребованы ими и крайне важны для их самоутверждения. Они, словно первые капли дождя, упавшие на только что проклюнувшийся росток, заставляют созидателя выше поднять голову и распрямить плечи.

– Действительно красив. Посмотрим, так ли он хорош в небе будет, – прогудел купец Киякин, которого Олег пригласил на испытательные полёты в качестве эксперта.

С Киякиным Степан Васильевичем не очень всё ладно вышло. Олег планировал его к гонке привлечь, но опоздал. Сынок Липатова с товарищами раньше подсуетились, и когда Олег обратился к купцу, тот лишь крякнул и руками развёл. Обещал он уже на «МиЛаНе» участвовать в гонках, а слово купеческое твёрдое. На нём вся репутация зиждется.

Можно, конечно же, кого из старшекурсников было привлечь. Есть там талантливые ребята, но в том-то и дело, что все они родовитые. Возьми такого в экипаж, и удивляйся потом, почему все заслуги и слава мимо тебя проехали. А что так получится, так это вполне предсказуемо. Даже у среднего по силе Клана всегда найдутся специалисты, которые с газетами и журналами нужные контакты годами поддерживают. Общественное мнение – это тоже серьёзное оружие. С ним надо вдумчиво работать. И Кланы об этом не забывают.

Участие княжны Олега не особенно волнует. Женщина есть женщина. Да и к тому же не пилотом он её берёт, и не капитаном. Так что герб на дирижабле только его нарисован, и никаких иных добавлений не предвидится.

В гондолу загрузились вчетвером. Пока Олег с Усольцевым объясняли купцу что и как у них тут устроено, княжна с любопытством осматривала салон. Везде нос сунула. И туалет осмотрела, и в шкафчики слазила, и в баре порылась. Попрыгала попой на креслах, проверяя, не слишком ли они твёрдые, пощупала рукой ткань занавесок, пощёлкала выключателями света. Обживалась. Успокоилась только тогда, когда Олег стал показывать ей её хозяйство, относящееся к штурманской работе. Киякин с Усольцевым в это время начали прогрев двигателей.

– Кто у тебя вторым пилотом будет? – поинтересовался Киякин, пока они наворачивали круги в прямой видимости поля,

пробуя дирижабль в разных полётных режимах и привыкая к управлению.

– Один поведу. На тебя рассчитывал, но видно не судьба, а замену теперь поздно искать. Завтра заявку по составу экипажа подавать нужно. И так дотянул дальше некуда. Впрочем, у Игоря Семёновича навык пилотирования есть, в пределах армейского минимума. Так что успеет старое вспомнить, пока мы своего красавца обкатывать будем, – кивнул Олег на Усольцева, который в это время занимался с княжной, заставляя её самостоятельно перестраиваться на разные радиомаяки и по их показаниям определять местоположение дирижабля на карте. Штурманский стол у них простенький, но без труда позволяет с местоположением определиться. Правда и погрешность у него приличная. При большой удалённости от маяков километров на десять-пятнадцать можно ошибиться.

– Так и у тебя только курсантский минимум, как я полагаю, – недовольно цыкнул зубом купец.

– Не совсем. Я ещё в частном клубе сто пятьдесят часов налетал. Инструктора хорошего нашёл. Данилов Станислав. Три года назад он серебро взял. В этот раз тоже будет участвовать в гонках, но в вашем классе. Хоть тут мне повезло. Одним сильным соперником меньше будет, – улыбнулся Олег, внимательно наблюдая за манипуляциями купца. Киякин управлял дирижаблем виртуозно, словно хрустальную чашу, полную воды, над землёй нёс.

– Девку-то зачем с собой взял? – вполголоса спросил купец, предварительно оглянувшись на княжну и убедившись, что она занята разговором с техномагом. При представлении девушки Олег назвал её просто Дарьей Сергеевной, не обозначив ни титула, ни фамилии.

– Думаю, балластом не будет. Она неплохой маг воздуха, – пожал плечами Олег.

– Насколько неплохой? – выразил сомнение Киякин всем своим видом.

– Два года назад у неё уверенная восьмёрка была, – спокойно сообщил парень и с удовлетворением увидел, как у купца удивлённо взметнулись брови. Он и сам не меньше удивился, когда в траттории у княжны её уровень выпытал. Правда, Дарья и тогда схитрила. Уровень тот назвала, какой у неё при поступлении в Смольный определили. Так что совсем не исключено, что в настоящее время у неё уже полноценная девятка может быть, пусть и нигде официально незарегистрированная. Но прямо про такие вещи спрашивать не принято. Магические дуэли среди дворян ещё не отменены и поэтому никто из Одарённых во

всеуслышание разглашать свой уровень не спешит. Чем меньше соперник о тебе знает, тем лучше это для тебя. Больше шансов неприятно удивить недруга, и самому выжить.

– Из родовитых что ли? – моментально сориентировался купец, осознав, что магов-восьмёрок, да ещё в таком возрасте, по иному и не бывает. На одной генетике и селекционной работе магом такого уровня вряд ли кто станет. И дело не только в резерве Силы. Нужны годы тренировок по развитию энергоканалов и освоению всё более сложных заклинаний. У старших Кланов-то и то не у всех есть собственная метода тренировок, позволяющая так быстро раскачать Дар. Хотя последнее время и имперские учебные заведения серьёзно подтянулись по этому вопросу. Но в том-то и фокус, что Кланы своих Одарённых куда как жёстче воспитывают, оттого и результат у них намного заметнее.

– Княжна, – не стал скрывать Олег, зная, что купец и сам через день-другой сможет это узнать из газет. Императорские гонки – это не только неординарное явление, но и благодатная почва для писак всех пошибов.

– Представляю, что тут дня через два-три будет твориться. От журналистов не протолкнуться будет. Баба в экипаже, да ещё и княжна, – подтвердил Киякин худшие предположение боярина.

– Тоже так думаю, поэтому я ещё позавчера все въезды к верфям приказал перекрыть. Ближе десяти километров никакие посторонние не сунутся, – хмыкнул Олег, мысленно погладив себя по голове за предусмотрительность.

– Да ладно… Это как же тебе удалось? – не поверил Степан Васильевич.

– Испытательный полигон новой техники при нашем товариществе зарегистрировал. Сквозных дорог тут нет. Земли родовые. Так что никаких сложностей не возникло, – пожал Олег плечами.

– Всё равно пролезут, – убеждённо заметил купец.

– Посмотрим. Охране лишние деньги не помешают. Штрафы за незаконное проникновение серьёзные предусмотрены. Так что стимул у парней есть. Сколько шпионов поймают, столько и заработают, – хмыкнул Олег, запоминая, как Киякин перекладывает рули при повороте, помогая себе регуляторами тяги.

– Ладно. Бери управление на себя, а я пока замечания начну записывать. С высотой аккуратнее, чересчур чувствительный регулятор у вас тут стоит. Да и кроме него проблемки есть. Думаю, не меньше суток у ваших техников на доработку уйдёт. Потом проверим всё ещё раз, и можно будет на скоростные

испытания выйти, – купец подтянул к себе бортовой журнал, и разборчивым, почти каллиграфическим почерком, начал вписывать замеченные им недостатки.

По мере того, как лист заполнялся новыми пунктами, Олег мрачнел всё больше и больше. Хотя он и понимал, что чудес не бывает, и с нуля разработанное изделие обязательно потребует доводки, настройки и отладки, но всё равно где-то в глубине души надеялся, что их не будет так много.

– Чего надулся, Олег Игоревич? – усмехнулся купец, оторвавшись от писанины, – Зря переживаешь. Я тут больше половины замечаний тебе вписал из-за впечатлений от «МиЛаНы». Эх, хороша игрушка у вас получилась! С моим грузовозом даже сравнивать грешно. Разница, как между арабским скакуном и битюгом крестьянским. Так что вам есть, с чего пример брать. Управление итальянцы наиудобнейшее придумали. А вот ваш рысачок пока частенько козлёночком скачет. Хотя, сдаётся мне, что прыти у него не чета итальянке окажется. Однако пробовать будем только после того, как вы огрехи регулировок устраните. Могу иначе объяснить. Попробуй, для начала, на свой мотоцикл движок лошадок на триста воткнуть и на нём погарцевать, без подготовки и настройки. Вот кажется мне, что впечатления ты те же самые получишь.

Глядя на посмеивающегося купца, Олег демонстративно вытянул из лотка ленту самописца. Да уж… Засветились перед купцом серьёзно. Не бывает таких ускорений у обычных дирижаблей. Вроде и спрятали они что могли, и ограничители на движки выставили, а всё равно спалились на мелочах. На ускорении и маневрировании. Дирижабли – махины неторопливые. Ворочаются неспешно. Не положено им с места в карьер рвать и юлой вокруг себя крутиться. Конструкция не позволяет и габариты не располагают. Это обычным дирижаблям. А у них чересчур мускулистый сорванец получился. То-то Киякин регуляторы газа кончиками пальцев оглаживал, а маневровые подруливающие движки и вовсе отключил, когда скорость набирать начали.

Почти час после приземления ушёл на разбор замечаний. Ничего сверхсложного и непоправимого пока не обнаружилось. Зато по мелочам много всего набралось.

Удивила княжна. Она не стала сидеть тихой мышкой. Целый лист предложений накатала, описывая, где и что нужно поменять и добавить. Олег, пробежав наскоро глазами описание её затей, хотел совсем было от них отказаться, но передумал. Вкус у Дарьи определённо есть, а он с партнёрами внутренностями гондолы не сильно заморачивался. Так что пусть блеснёт княжна талантом и

по своему разумению интерьер на воздушном катере обустроит, а то бедновато у них салон выглядит. Состоятельные покупатели могут нос начать воротить. Состыковав княжну со скучающим купцом, боярин вновь вернулся к инженерам и техникам, обсуждающим предстоящие переделки.

– Не разоришься, боярин? – усмехающийся купец потянул Олега за рукав, вытаскивая его из толпы инженеров, склонившихся над чертежами.

– С чего вдруг? – не сразу сообразил Олег.

– Так тут твоя… твой штурман, – поправился купец, наткнувшись на похолодевший взгляд боярина, – Тысяч на тридцать всякой роскоши назаказывала. Если добро даёшь, то я сейчас приказчику отзвонюсь. Глядишь, завтра к обеду всё и доставят.

– Прилично, – пробормотал Олег, оглядываясь на Дарью. Та устроилась на стуле в дальнем конце комнаты и усиленно изображала из себя пай-девочку, – А-а, вези. Она там что, золотом всё покрыть решила? – поинтересовался он у купца, досадуя, что невнимательно просмотрел предложения княжны. Знал бы цену вопроса, дотошно бы всё проверил.

– Золотом не золотом, но сдаётся мне, что в такой салон и Императора не зазорно будет пригласить, – купец потряс перед собой листком с заказами.

– А я такую возможность и не исключаю, – улыбнулся Олег.

– Э-кхм, – поперхнулся купец, закашлявшись, – Умеешь ты удивлять, Олег Игоревич…

– Да что же ты всё мелочам-то удивляешься, Степан Васильевич? Лучше подходи через часок на поле, думаю, там всерьёз удивишься, – рассмеялся Олег.

Запомнил он рассказ Ивана Силыча про молодость купца. Подробно тогда старик описал, как рвался в небо молодой Киякин, мечтая стать пилотом МБК. Орлом Империи, наводящим ужас на врага.

– Кому сидим, чего ждём? – начала вертеться Дарья Сергеевна на скамейке, когда Олег вывел её на лётное поле и усадил под грибком, который соорудили для себя курильщики.

– У меня сегодня ещё одни испытания, – ответил Олег, прислушиваясь. Если бы не княжна, не сидел бы он сейчас тут безучастно. Но одну её не оставишь, а на секретный участок вести не хочется.

Из ангаров начали выходить рабочие. Дарья с удивлением заметила на них необычные головные уборы. Красные береты с чёрной кожаной каймой были украшены надписью «Бережковские воздушные верфи». «Красноголовики» кучками разбрелись по

кромке поля, что-то обсуждая и нетерпеливо поглядывая на средний ангар. За ним происходило что-то непонятное. Оттуда временами доносился низкий гул и иногда в воздух поднимались клубы пыли.

Увидев Киякина, который вышел из здания конторы и закрутил головой, Олег помахал ему рукой.

– Присаживайся, Степан Васильевич. Сейчас всё начнётся, да собственно вот уже и началось, – боярин показал пальцем в сторону ангаров.

Низкий гул перешёл в свист, и в облаке пыли над ангарами показались две массивные тёмно-серые фигуры, закованные в сталь. С минуту они висели неподвижно, лишь слегка покачиваясь, а потом двинулись друг за другом, облетая поле по кругу.

– МБК, – выдохнул купец, вскакивая на ноги, – Странные какие-то. Точно не армейские. Да и для гвардейских крупноваты будут.

Пилоты летели над полем неторопливо. В полёте они покачивались, шевелили руками, пробовали пройти змейкой, переваливаясь с боку на бок. Осваивались. Второй круг они пролетели уже быстрее и выше. На третьем набрали совсем уж приличную высоту, а затем резко ринулись вниз, разгоняясь. Пройдя в десятке метров над полем, оба летающих хулигана помахали зрителям руками и на большой скорости круто пошли вверх, ощутимо уменьшаясь в размерах.

– Пойдёмте Дарья Сергеевна, я вас с интересным человеком познакомлю, – поднялся Олег со скамьи, заметив выскочившего на поле могучего старика, кулаком грозящего вслед удаляющимся ввысь точкам, – Присоединяйтесь, Степан Васильевич.

Подхватив княжну под локоть, боярин пошёл навстречу Морозову. Купец так и остался стоять на месте, закинув голову вверх. Одинокая слезинка, прокатившаяся по его щеке, скользнула в густые усы и затерялась там, не найдя выхода.

– Знакомьтесь, Дарья Сергеевна. Ужасный и гениальный Франц Иосифович. Его сам государь император побаивается. Франц Иосифович, прошу познакомиться со штурманом моего дирижабля, Дарьей Сергеевной. Пришёл вот узнать, как там на старте, не было ли неожиданностей? Может замечания есть какие-то? – пожал Олег мозолистую руку техномагу гвардейского полка.

– Не положено государю-надёже кого-то боятся. Не слушайте вы его, барышня. Никакой я не ужасный, но уши сегодня кое-кому точно надеру, – старик взглянул на небо, надеясь сквозь просветы в облаках увидеть кандидатов на предстоящую экзекуцию, – И,

кстати, поклон тебе земной от всех пилотов наших и от меня лично, Олег. За балбесов этих, которых ты в небо вернул, – старик и в самом деле поклонился, с трудом разогнувшись обратно, – А насчёт доспехов не беспокойся. Там всё путём. Есть у меня, правда, сомнение по тягам, шарнирам и рычагам, но Густавсон заверил, что сталь после вашей выкатки порядком упрочнена и проблем не будет. Я, хоть ему и верю, но метки нужные поставил. Вечером разберём всё и заново замерим. Про остальное пока говорить не буду, чтобы не сглазить, – довольно улыбнулся старик, подмигнув Олегу и поплевав через левое плечо.

– Дарья Сергеевна, полагаю нам стоит поговорить о вашем проживании. У меня ещё остались в запасе два дома, вроде моего. Могу по пути провезти вас до ближнего, если хотите на него посмотреть, – предложил Олег княжне, когда они закончили все дела на верфях.

– Так. Не поняла. Вы меня выгоняете? – изобразила удивление княжна, хотя глаза у неё поблёскивали лукавинкой.

– Отнюдь нет. Просто беспокоюсь о вашем удобстве. Хотя у меня есть и другая причина. Завтра я ожидаю приезд ещё одного члена нашего экипажа и мне хотелось бы заранее решить для него вопрос с жильём, – возмутился Олег несправедливому предположению Дарьи.

– Полагаю, что речь идёт о мужчине? – поинтересовалась княжна, и незаметно выдохнула после подтверждающего кивка боярина, – Тогда всё решается просто. Я остаюсь в той комнатке, куда вы так намекающе затащили мои чемоданы, и на это у меня есть несколько существенных резонов. Во-первых, я девушка слабая и беззащитная, поэтому одну меня в пустом доме оставлять никак нельзя. Во-вторых, я привыкла к вниманию, обожанию и к вечерним куртуазным разговорам. В-третьих, меня вполне устраивают завтраки вашей готовки, и я надеюсь, что ужин будет не хуже. В-четвёртых, мои ежевечерние тренировки требуют напарника. Я могу и дальше продолжить, но думаю что и сказанного достаточно.

– Как-то у вас первый и четвёртый пункт не сходятся, – вздохнул Олег, усаживаясь на мотоцикл.

– Какая ерунда. От нас, женщин, никто и не требует непогрешимой логики. К тому же меня гораздо больше волнуют пункты два и три. Поехали, мой смелый рыцарь. И пожалуйста, дай мне хоть немного насладиться действительно быстрой ездой, а то сюда ты меня вёз, словно на кладбище. Медленно и печально, – княжна легко запрыгнула ему за спину и крепко обняла руками, напрочь игнорируя специальную ручку на седле.

До дома доехали быстро. Дарья то взвизгивала от страха, крепко прижимаясь к Олегу, то звенела серебряным колокольчиком, смеясь сама над собой, а может и просто радуясь жизни.

– Ты почему ещё не переоделся? – услышал Олег сердитый голос княжны, когда он с головой влез в холодильный шкаф, размышляя над ужином. Утром он оставил записку и деньги, чтобы женщина, которая ежедневно приходила убирать его дом, купила необходимые продукты. Был бы он один, то тогда не раздумывая шмякнул бы ломоть мяса на раскалённую сковороду, и довёл его до средней обжарки.

– Над ужином думаю, – признался Олег, оглядываясь на Дарью.

– Если за меня переживаешь, то напрасно. Делай то же самое, что приготовил бы для себя. Так даже интереснее будет. Всё, я на тренировку. Догоняй. И прихвати с собой кожаный баул. Там защитные костюмы, – княжна, одетая в короткую лёгкую куртку и просторные брючки, выпорхнула из дома, и пробегая мимо кухонного окна, постучала по нему костяшками пальцев, поторапливая парня.

– Ну, что могу сказать, – Дарья посмотрела на запыхавшегося парня, которого гоняла уже минут пятнадцать, – Проведённый ассо показал весьма незначительные умения клиента во владении холодным оружием. Дуэли на шпагах и рапирах ему категорически противопоказаны, – девушка прошлась взад-вперёд, сбивая учебной шпагой головки особо наглых сорняков, – Хотелось бы узнать, как обстоит вопрос владения огнестрельным оружием?

– Примерно так же, как и со шпагой, – честно признался Олег, не считающий себя выдающимся стрелком.

– Тогда этот вариант пока пропустим, и перейдём к магическим поединкам. Достань из баула широкие пояса. С ними поединок не так опасен, – княжна показала Олегу, как активировать пояс, и они разошлись шагов на десять.

– Вот тут ты меня удивил, черепашонок, – сделала княжна знак к остановке, после очередного обмена магическими ударами, – Щиты у тебя превосходны, и обновляешь ты их моментально. Зато атакующие заклинания на уровне детского сада. И боюсь, что приличные связки ты не успеешь до гонок освоить. Эй, Олег, ты чего?

Княжна всполошилась, и затормошила парня за плечо, пытаясь заглянуть ему в лицо. Олег тяжело опустился на траву, и скорчившись в неудобной позе, схватился ладонями за виски.

– Пять минут не трогай. Сейчас пройдёт, – прохрипел он,

чувствуя знакомое ощущение навалившихся Знаний. Только пласт, обрушившийся на него в этот раз, был необычно велик и тяжёл.

– «Черепашонок… Хех, а девка-то права. Панцирь есть, а клыков нет. Но мы тоже не лыком шиты. Смотри и учись, потомок», – загудел колокольным набатом у Олега в голове незнакомый голос, заставляя парня морщиться от боли.

– Дарья Сергеевна, а так ли уж нужны Мастеру Защиты не слишком полезные умения. Позвольте, я покажу вам иной способ поединка, а вы его так же скрупулёзно разберёте, – словно со стороны услышал Олег свой, и в то же время, не свой голос. Кто-то чужой и незнакомый завладел его телом и сознанием, оставляя самого парня посторонним зрителем, не способным вмешаться в происходящее.

– Мастер Защиты? Что за нелепое словосочетание. Никогда такого не слышала, – отозвалась княжна, но тем не менее вернулась на прежнее место.

После старта поединка незнакомец моментально скастовал искорку, бросив которую в сторону княжны, тут же Прыжком ушёл далеко в сторону и применил укороченное, сотни раз отработанное Олегом заклинание Щитов, накрыв ими Дарью. Княжна затрепыхалась в коконе щитов, пытаясь вырваться, а потом начала хватать ртом воздух и забилась в панике.

– «Вот так. Простенько и со вкусом, – довольно прокомментировал незнакомый голос Олегу, и он почувствовал, что тело снова стало ему послушно, – Обычный Светлячок, чуть распёртый Малым Воздушным Кулаком позволил создать неплохой взрывпакет, потом Прыжок, и твои любимые Щиты, которые ты на алмазах натренировал. Только в этот раз я убрал из них Взрыв, а то от этой наглой девчонки даже пепла бы не осталось».

– Дарья, ты как? – Олег слегка похлопал девушку по щекам, приводя её в сознание.

Разговор с незнакомцем он решил отложить на более позднее время.

– Что это было? – простонала княжна, пытаясь подняться, но её ноги подламывались, словно у раненой серны.

– Позже расскажу, – отмахнулся Олег от её несвоевременного любопытства, и подхватив девушку на руки, понёс в дом.

Устроив княжну на диване, и прикрыв её пушистым пледом, Олег поставил рядом с ней чашку горячего чая с мёдом и ушёл в душ.

– Ну что, поговорим? – вполголоса предложил он кому-то внутри себя, вставая под горячие струи воды.

– Можешь просто думать. Ушей у меня всё равно нет, – фыркнул в ответ незнакомец, – Времени у меня немного осталось, поэтому давай говорить коротко. Скорее всего я один из твоих далёких предков. Звали меня Константин Бережков, и я маг во втором поколении. Ты первый, до кого мне удалось достучаться, и я рад, что моя теория всё-таки оказалась жизнеспособна. Через Кристаллы оказалось возможным пронести Сущность, с прикреплёнными к ней Знаниями и умениями, и произвести Слияние.

– Так. Стоп. Я пока ни на слияния, ни на какие другие формы взаимодействия своего согласия не давал. Видишь ли какое дело, предок, я почему-то сам себе нравлюсь таким, какой я есть. Со всеми своими трудностями, характером и увлечениями, – машинально замахал Олег руками, подтверждая решительность своего отказа.

– Неужели ты всерьёз считаешь, что мы стали бы тратить драгоценное информационное пространство на перенос моего характера, моих привычек и капризов? Плохо же ты о нас думаешь. Твоя поведенческая матрица так и останется твоей. На этот счёт можешь не сомневаться. Но вот в области Знаний и умений тебе придётся подвинуться, и принять уже адаптированные сведения. Этим-то и отличается наша система передачи Знаний. В ином случае тебе пришлось бы многократно повторять одни и те же действия, и вовсе не факт, что твоих возможностей хватило бы на усвоение всего объёма Знаний. Теперь ты понимаешь, какой прорыв мы тогда совершили?

– Ответь-ка мне на вопрос, предок, а как давно ты у меня в голове устроился? – поинтересовался Олег, у которого забрезжила догадка, подтверждаемая слишком уж большим количеством неясных воспоминаний, чтобы относится к ним, как к случайностям.

– Сразу после твоей Инициации. Зелёный кристалл помнишь? В режиме наблюдения мне отведено немного места. Я пытался тебе давать советы, но ты их не слышал.

– Похоже, что кое-что всё-таки долетало, – пробормотал Олег, с головой уходя под струи воды, – Но это уже не важно. Лучше объясни, куда ты потом денешься?

– Растворюсь. Сущность передаёт Знания, используя свою собственную энергетическую составляющую. Собственно я и есть сгусток Силы. Нематериальная батарейка. Скоро ты будешь знать, как это происходит. Необходимый объём Знаний по этому вопросу тебе передан.

– Мне кажется, или ты стал потише говорить? – Олег в какой-то момент вдруг понял, что слова Сущности уже не раскалывают

ему голову тяжёлыми ударами колоколов, а воспринимаются им, как обычный разговор.

– Значит усвоение идёт успешно, – ответил предок, и в его голосе мелькнула грусть.

– И что произойдёт, когда ты исчезнешь? Я стану умнее, богаче Знаниями, приобрету дополнительные умения? – поинтересовался Олег.

– Это тоже будет, но на самом деле твоё полноценное Я серьёзнее и сложнее. Словами такое передать сложно. Так же сложно, как пытаться описать чукче вкус ананаса.

С предком-Сущностью Олег проговорил всю ночь, но разговор они так и не закончили. Уже под утро, когда за окном начало чуть светать, Олег неожиданно уснул, под уже едва слышную речь собеседника.

* * *

Я проснулся от солнечного лучика. Весёлый и игривый он нежно гладил меня по щеке. Я распахнул окно, и облокотившись на подоконник, долго не мог надышаться утренним чистым воздухом. Удивительное время – утро. Вся природа просыпается и включается в извечный поток жизни. И я сейчас стану частичкой всеобщего движения. Ещё минутку, и я окажусь полностью готов, чтобы влиться в этот мир и начать совершать тысячи дел. Иногда и небольших, незаметных, но таких важных, если вкладывать в них самого себя и чувствовать свою любовь к этому миру, в котором все мы живём.

Глава 13

Новый день начался замечательно. Я колдовал над завтраком, и по всему дому разносились ароматы шкворчащей на сковороде яичницы, обжариваемого бекона и только что приготовленного кофе. Любое банальное блюдо можно приготовить красиво и вкусно, было бы желание и фантазия. Воображение разыгралось, когда я увидел, что у меня под рукой оказалось несколько крупных стручков сладкого перца разной расцветки. Нарезав перец поперечными широкими кольцами, я бросил их на раскалённую сковороду и влил внутрь колец по сырому яйцу.

Прав оказался предок. Чувствовать своё новое Я – здорово! Весь мир вокруг меня словно окрасился яркими красками, обрёл дополнительные звуки и я абсолютно точно совершенно иначе стал ощущать запахи и оттенки вкуса. И ещё очень интересное ощущение появилось – чувство того, что я начал понимать, что и как я могу сделать правильно. Не гадая и не мучаясь с выбором.

Княжна появилась на кухне, словно кошка, почуявшая еду. Смешно сморщив носик, она принюхалась к запахам, и поплотнее запахнув халатик, плюхнулась за стол. Выдав ей кружку с кофе, я закончил священнодействовать над создаваемой мной кулинарной икебаной и выставив на стол тарелки, уселся напротив неё.

– Ой, ты это сам сделал? – задала она нелепый вопрос, когда на её припухшем ото сна лице широко распахнулись глаза. Кумулятивный эффект от первых глотков кофе и необычного вида яичницы показались мне достойной наградой за мой труд. Сумел таки удивить и поразить девушку спросонья.

На широкой фарфоровой тарелке я выложил цветок. Красная, зелёная и жёлтая полоски перца окаймляли его лепестки, с ярким глазком желтка внутри. Выложенный из зелени стебель дополняли листья из обжаренного бекона, присыпанного сверху остатками перцев, которые я мелко покрошил. Истина о том, что девушкам нужно дарить цветы, оправдала себя на все сто. Дарья смотрела на тарелку, и похоже даже не решалась с ходу браться за вилку с ножом.

Что может быть лучше с утра, чем хороший завтрак с интересной девушкой. Удивлённой и довольной проявленным к ней вниманием. Может оттого и не вредной, как обычно, не оттачивающей на мне свой острый язычок, и поэтому ставшей более милой и невероятно притягательной.

За окном отличная погода. Голубое небо, без единого облачка. И даже солнце расхрабрилось и прямо с утра начало

ощутимо припекать.

В такие моменты остро хочется совершать подвиги и сходить с ума.

А я и не против. Особенно сегодня.

Взрыв положительных эмоций и отличного настроения имел под собой железобетонное основание. Вчерашний день оказался на редкость удачным, собрав в себя многие долгожданные награды и промежуточные бонусы, которые я рассчитывал получить в ближайшем будущем. Прямо с утра всё и началось.

Молоденький офицер фельдегерской связи привёз в контору большой пакет, с внушительной сургучной печатью. Пока я читал сопроводительное письмо и просматривал предложенный контракт, он дважды сумел вставить в разговор упоминание об отдельном пожелании князя Обдорина-Терского. Глава службы безопасности нашей Империи лично проявил заинтересованность в том, чтобы первая половина заказа была выполнена как можно скорее. Что именно мне предлагалось в контракте, курьер не знал, и пожелание князя повторял, как попугай, волнуясь и краснея. Похоже, у паренька сегодня первое самостоятельное задание. Совсем молодой он, даже форма ещё толком не обмялась.

Заказ на двести малых накопителей, из которых сотню требовалось выдать срочно, не стал для меня полной неожиданностью. Пары намёков от того же Морозова мне вполне хватило, чтобы отдать распоряжение Анвару о начале переработки больших бракованных кристаллов в малые накопители. Судя по последнему отчёту мегрела, у нас на складе уже в прошлом месяце лежало шестьдесят две штуки изделий, так срочно востребованных князем. Мне даже интересно стало, куда их князь применить захотел в таком количестве.

– Я понимаю, что задаю не совсем корректный вопрос, но тем не менее. Нет ли у вас, случайно, возможности связаться с канцелярией князя? – поинтересовался я у курьера, – Или хотя бы с тем человеком, через которого вы узнали о пожелании князя Владимира Романовича? Подумайте хорошенько. Начать карьеру с удачного старта – это дорогого стоит. А так как традиции никто ещё не отменял, то наверняка гонец, принесший радостную весть, будет особо отмечен. У вас такой шанс есть. Пусть не половину, но чуть более четверти заказа я могу отгрузить прямо сегодня. Не правда ли достойный повод для того, чтобы перспективный офицер смог продемонстрировать высокому начальству свою инициативу и усердие?

– Где я могу воспользоваться телефоном? – затанцевал на месте фельдегерь, моментально прикинув выгоды моего

предложения и раскрасневшись, обрёл на щеках оттенок спелого помидора.

– Да пользуйтесь моим, чего уж там, а я пока займусь уточнением имеющегося количества, – я оставил офицера в кабинете, и отправился искать посыльного, чтобы отправить его к Анвару с запиской.

Анвара я вчера видел, когда пролетал над соседним селом, расположившемся в пяти-шести километрах вниз по реке. Дом он там построил. Надо бы тоже телефон ему провести, но всё никак руки не доходят и средств на все задумки не хватает.

Очень кстати мне заказ перепал. Так-то я уже немного начал вздрагивать из-за денег, которые последнее время утекали удивительно быстро. А тут такой подарок! Самое смешное, что в контракте мне прежнюю цену оставили. Ту самую, по которой казна закупила у меня первые два десятка накопителей, которые пришлось изготавливать практически вручную. Намучились мы тогда с ними, оттого и цену я загнул существенную. Зато теперь, малые накопители мы как пирожки печём, на новой-то оснастке. Одна беда – скоро запас бракованных алмазов закончится. До слёз обидно будет, если придётся полноценные большие кристаллы на мелочь распускать.

– Что начальство вещает? – спросил я у курьера, когда он вышел на улицу, и бодро устремился ко мне, сияя улыбкой.

– Велели оставаться на месте и через час выйти на связь, – отрапортовал офицер, глядя на меня влюблёнными глазами. Зря он так. Я воинствующий натурал. Или это он таким взглядом свою признательность высказывает, не в силах справиться с эмоциями по молодости лет.

Ага, значит закрутилась государственная машина, заскрипела шестерёнками. Понеслись вести в нужном мне направлении, подталкиваемые репутацией князя Обдорина.

– Дом видишь под красной крышей? Там у нас столовая устроена, и буфет неплохой при ней имеется, – подсказал я офицеру, как можно с пользой провести отпущенное начальством свободное время.

– Так точно, – козырнул мне парень, и быстренько рванул в указанном направлении, прихватив с собой пару сопровождающих его вояк.

Проводив их взглядом, я остановился в нерешительности, размышляя куда бы дальше пойти. Больше всего мне хотелось взглянуть, как идут дела у Морозова.

Там какой день подряд стоит шум и гам, изредка прерываемый рычаниями мастера. В эти моменты обычно всё замолкает, но ненадолго. Он вместе с помощниками колдует над

следующей четвёркой доспехов. Хорошо, что у меня всего четыре стенда для сборки МБК установлено. Иначе, чувствую, старик припахал бы всех рабочих с верфей, заставив их ударно трудиться на благо отдельно взятых пилотов.

Следующая четвёрка летунов уже прибыла, и каждый день с завистью смотрит на воздушные безобразия, устраиваемые первенцами. А те развлекаются, как только могут. Теперь уже вчетвером. К первой паре ещё двое тогда тут же подтянулись. По их сияющим лицам результат понятен, но ни разу они даже вскользь не попытались провести сравнение между нашими МБК и гвардейскими. Собственно, я их и не спрашивал. Не положено гвардейцам сомневаться, что у гвардия всегда всё самое лучшее. Гордость и воспитание не позволят. Они – гвардия Империи не по слову, а по духу и призванию.

Не, к Морозову я не пойду. Старик, когда он в работе, то неудержимо свиреп бывает. Попадёшься ему под горячую руку и огребёшь по самые не балуй. А оно мне надо?

Пойду-ка я лучше к другу Степаше. Полюбуюсь, как он княжну натаскивает и радиоделу обучает. Занятное зрелище, скажу я вам. Одно удовольствие за этим цирком со стороны наблюдать. Сам-то Степан год обучался на электрика и связиста, а Дарья это оборудование только у нас увидела. Так что она Стёпу чисто по-женски изводит, а он ей время от времени ответные пакости устраивает. То предохранители выкрутит, то волну собьёт, а то и вовсе лампы менять её заставит. А потом секундомер в руки, и замирает словно удав, не обращая внимания на её умоляющие взгляды. Ага, это называется – действуй штурман. Устраняй неисправность.

Впрочем, Степан и сам не лучше выглядит, когда за него Иван Силыч берётся. Ну а как… Не княжну же мне было в мотористы брать. Пусть учатся устранять мелкие неисправности. Про крупные мне как-то думать не хочется…

В противостоянии Дарьи и Степана я бы сделал ставку на друга детства. Княжна, хоть и опытна в разговорах, и искушена в хитросплетённой жизни Клана, а в его маску поверила. А Степаша и вида не подаёт. Знай себе отыгрывает простого деревенского увальня, выучившегося на электрика. Глядя на него, я и сам порой готов поверить, что это не он, а кто-то другой со стороны мне развединформацию собирает, да за нужными людьми и Кланами присматривает. Не сам он этим конечно же занимается. Обрастает понемногу штатом. В основном – молодёжью, а то и совсем огольцов берёт. Где их умения недостаточно, иногда и агентство нанимает, обозначая для профессионалов узкую задачу, иногда насквозь им непонятную.

Опять же, за собственными землями какой-никакой, а пригляд нужен. Тут своя специфика. Сельская местность – это вам не город. Начни взрослый мужик целыми днями по улице без дела шляться, так он тут же всем заметен станет, словно тополь посреди поля. Зато пацанва хоть целый день может по селу на великах из конца в конец мотаться, на них и внимания никто не обратит. Вот так, потихоньку-полегоньку растим себе кадры.

Особо похвастать пока не чем, но планы ряда усадеб и имений у меня уже достаточно подробные появились. А последнее время и разговоры некоторые известны становятся. Телефон – штука хорошая, но лишнего по нему говорить не стоит. Особенно если у какого-нибудь любопытствующего есть электрик в друзьях. Такой умелец разместит около телефонной линии катушечку малую, отведёт от неё пару проводков с волос толщиной, и появится у двух излишне разговорчивых абонентов третий слушатель. И ведь ни один прибор наличие незапланированного устройства не определит, раз нет у него прямого подключения.

– Олег Игоревич, вас просили перезвонить в Оружейный приказ, а мне велено от них машину дождаться и сопроводить её на обратном пути. Телефон казначея приказа я записал и у вас на столе оставил, – отчитался вернувшийся с обеда фельдегерь после очередного звонка.

Надо же. Вот что пендаль животворящий делает. Это как же столичное начальство рязанцам хвоста должно было накрутить, что они аж сами примчаться возжелали. А всего-то небольшое уточнение от меня последовало. Оказывается, набирается у нас сотенка малых накопителей. Имеем мы возможность моментально пожелание князя уважить. Дело только за оплатой да доставкой встало.

Надо мне всё же как-то по-хитрому Морозова допытать. Пусть хотя бы предположениями поделится, куда князю такая прорва накопителей вдруг срочно потребовалась. Жутко мне любопытно, что же он придумал. Даже ладони чешутся… Или это к деньгам?

Порадовал звонком Липатов. Давненько я его не слышал и не видел.

– Доброго здравия, Олег Игоревич. Хорошие новости у меня. Первые два склада сегодня в новом порту в аренду сдали. И не абы кому, а самому Перфильеву. Матёрый купчина. Один из наипервейших в Камышине будет. Да ты, должно быть, помнишь его. Он опрошлогодь четыре накопителя дочке на яхту заказывал. Теперь дело легче пойдёт. После Перфильева, почитай, теперь любой поверит, что мы порт поднимем. День-другой остальные купцы погудят, понятное дело, перетрут все домыслы между

собой, а потом жди гонцов. Не хочешь в переговорах поучаствовать? Обещаю незабываемый спектакль, – рокотал в трубку Ерофей Константинович с таким усердием, что я эту трубку к плечу прижал, отодвинув от уха.

– И рад бы в рай, да дела не пускают, – отшутился я, и в самом деле уже поглядывая в окно на дирижабль, подготовленный к скоростным испытаниям.

– Тогда не буду растекаться словесами. Сына я к тебе отправил с письмом. Посмотри там проект внимательно. Грамотный инженер его составил. Предлагает он достроить три километра железной дороги и элеваторы недалеко от реки поставить. Хороший перевалочный пункт для зерна можем сделать. Глядишь, и сами понемногу его скупать начнём по осени, а зимой один к полутора продавать.

– Обязательно гляну, Ерофей Константинович. А с сыном казначейский вексель отправлю, на два миллиона. Пусть к зачёту его приведёт и деньги на счёт мне отправит, – вовремя сообразил я, как избавиться от внушительной казначейской бумаги, полученной мной от Оружейного приказа.

– Неплохой прибыток, – крякнул купец в трубку, – От меня на днях тоже триста сорок тысяч получишь. В отчете увидишь, что и откуда, – завершил Ерофей Константинович разговор на приятной новости. Откуда у меня вексель он не спросил. Значит передал ему сын мой рассказ про телефоны.

Испытание на скорость решили проводить по тому же стандарту, который был принят для отборочных соревнований перед гонками. Разгон в десять миль, входные ворота из двух зондов на высоте сто метров, мерная миля и выходные ворота. Около каждых ворот зависли в воздухе пилоты в МБК, с секундомерами и фонариками. Двумя секундомерами решили перестраховаться, хотя на отборочных всё так и будет. Ну, а я не гордый, я тоже кнопочкой пощёлкаю. Очень не терпится мне результат узнать.

Первый заход за Киякиным. Внимательно наблюдаю, что и как он делает, а купец ещё и объясняет тонкости прохождения ворот.

– В створ заходи с запасом по ветру. Высота небольшая, а приземный ветерок, он сильнее порой поддувает, и порывистей. Поэтому жмись к наветренному краю, чтобы если неожиданным порывом ветра снесло, так мимо створа не проскочил, – Степан Васильевич управляет дирижаблем уверенно. Направление разгона он выбрал безошибочно, хотя сначала мне показалось, что мы пролетим далеко в стороне от ворот. Но нет, дирижабль, сносимый боковым ветром, словно по ниточке вышел точно в

створ, и я сам, на всякий случай, тоже щёлкнул секундомером.

Тренироваться мне ещё и тренироваться. У Киякина разгон вышел замечательно. Он, словно опытный пловец переплывающий реку, заранее сделал поправку на течение, и оно само вынесло его к нужной точке. Так и с ветром получается. Киякин ничего не вымерял, не рассчитывал, просто посмотрел, как стандартный сброшенный вымпел падает, насколько его относит в сторону, и тут же внёс упреждение в разгон. Ничего не попишешь. Опыт полётов у него сумасшедший.

Моя попытка получилась чуть хуже. Киякин до последнего не вмешивался, но в конце концов всё-таки не удержался от подсказки, показав мне верное направление метрах в шестистах от ворот и избавил тем самым дирижабль от дальнейшего рыскания.

В створ оказалось не так-то просто попасть. На большой скорости он совсем не кажется широким. Что-то подобное при езде на мотоцикле испытываешь, когда реку переезжаешь по узкому мосту. Если скорость километров сорок-пятьдесят, то все нормально, но вот чтобы мостик на сотке проскочить, тут уже глазомер нужен и твёрдая рука, а заодно и железная выдержка.

В пересчёте на километры результаты измерения скорости ошеломили. Сто семьдесят пять у Киякина и сто семьдесят у меня. Шикарные цифры. Фактически – мировой рекорд, никем кроме нас не зафиксированный.

Обычно рекорды держаться долго. По крайней мере рекорды в сто сорок и в сто сорок пять километров в час прожили лет по шесть. Прошлогоднему рекорду, в сто пятьдесят один километр, тоже пророчили долгую жизнь. Должны пройти годы, прежде чем появится новое поколение более мощных двигателей, новые материалы, и конструкторы окажутся готовы применить более современные и прочные каркасы жёстких корпусов.

Порадовавшись было вместе с нами, Степан Васильевич глубоко задумался. А потом и вовсе передал штурвал Усольцеву, а меня отвёл в сторону от всех и усадил на диван.

– Олег, ты собираешься поставлять свою технику в армию? – негромко спросил он меня, глядя в глаза.

– Не хотелось бы, – вздохнул я, – Свяжут заказами по рукам и ногам, а я птица свободолюбивая. У меня планов ещё невпроворот. Рановато мне в оглобли впрягаться.

– Тогда и не геройствуй. Пройди отборочные соревнования в первой пятёрке, и достаточно, – пожевал купец губы, прежде чем дать совет.

– Сам так собирался сделать, – успокоил я его, собираясь вставать.

– Подожди, – придержал Степан Васильевич меня за рукав, усаживая обратно, – Не объяснишь мне, почему регуляторы магических двигателей в верхней трети их хода ничего не добавляют?

Неожиданный вопрос заставил меня поморщиться. Мы не успели изготовить оснастку для двигателей катера, и после долгих споров поставили на него те же двигатели, что и для «МиЛаНы», ограничив их по мощности. Не рассчитана наша несущая конструкция на ту избыточную тягу, которую они дают. Как бы не рассыпался наш катер от перегрузок. Понятно, что мы немного попытались подстраховаться, в последний момент чисто интуитивно дополнив силовой набор дирижабля, но полный перерасчёт каркаса делать уже не стали. Всё равно не успевали до гонок с переделками.

– Движки тут стоят мощнее, чем нужно, – признался я, – Пришлось ограничители установить.

– Спасибо, что не стал врать и про двигатели сказал. А то я вижу, что больно уж конструкция знакомая стоит, ну никак для вашего недомерка не подходящая. В первом полёте тебе намекнуть пытался, но ты мимо ушей пропустил. Я очень надеюсь, что тебе не придёт в голову ограничители с них снимать, – пошутил Киякин под конец беседы.

После приземления я заглянул к пилотам МБК. Вчера они обещали мне подумать над тактикой предстоящих соревнований, и мне очень интересно было, что они надумали.

– Мы так решили. Первые соревнования по скоростному слалому оба проходим в полную силу. Думаю, соперников у нас не много окажется, – рассудительно начал Озеров.

– Да какие там соперники. Мы и раньше быстрее всех были. Мы же разведчики. У нас МБК хоть и полегче были, зато и скорость не чета штурмовикам, – перебил бывшего командира Василий, горячась и превращая свою причёску в нечто ёжикоподобное.

– После слалома, тот, кто его выиграет, попытается на стрельбе другого вперёд пропустить. Мы тут лет за десять таблицы просмотрели. Редко, кто из победителей больше четырёхсот шестидесяти из пятисот настреливал. Плохо чемпионы стреляют, – всё так же спокойно продолжил Озеров, не обратив особого внимания на высказывание друга и его терзания.

– Думаете, получится у вас два золота взять? – прищурился я на уверенных в себе мужиков.

– Постараемся, – чуть заметно усмехнулся Сергей, положив руку на плечо вскинувшегося было друга, – Сдаётся мне, не так много участников будет, у которых хотя бы вполовину нашего

опыта наберётся. Ну, и МБК новые конечно же хороши, чего уж там…

С обедом мы хоть и припозднились, но вышел он достаточно праздничным. И вообще, у меня создалось впечатление, что все вокруг откуда-то знают о результатах испытаний дирижабля. Хотя чего тут гадать. Достаточно внимательно посмотреть на наши лица… Сияем, как новенькие полтинники и таинственно переглядываемся. Конспираторы недоделанные…

Послеобеденная истома была нарушена самым бессовестным образом.

Заревела сирена над казармой, а спустя пару секунд на юго-западе в воздух поднялась красная ракета. Четвёрка пилотов в доспехах, только начавшаяся было подниматься в воздух, резко сорвалась с облёта поля и рванула в ту сторону, перестраиваясь на ходу в боевой порядок.

Я ссыпался по лестнице, едва задевая ногами стальные ступени, и побежал к казарме. Там есть связь со всеми постами и можно будет достоверно узнать причину тревоги.

– Три машины. Двенадцать человек. Пытались прорваться через пост. Протаранили шлагбаум, но охрана активировала «зубья». Сейчас ругаются, требуют их пропустить, угрожают, – коротко и по сути доложил мне дежурный, держа в руке трубку.

– Две пятёрки, усиленные боевыми магами, – услышал я голос Дарьи из-за спины, – Какие-нибудь гербы на машинах имеются?

Дождавшись моего кивка, дежурный продублировал вопрос в трубку.

– Чёрный медведь на красном фоне, – доложил он, получив ответ с поста.

– За мной приехали, – злобно прорычала княжна и порыв ветра разметал листы со стола дежурного и её волосы, – Там у тебя нет громкой связи? – резко развернулась она в мою сторону.

Я пожал плечами и посмотрел на охранника. Какой-то рупор я на посту видел, но представления не имею, для чего он предназначен и можно ли через него говорить по телефону.

– Вывести разговор на внешний динамик? – сориентировался служака, и продублировал команду на пост, – Можете говорить.

– Лядов и Окунев. С вами говорит княжна Вадбольская Дарья Сергеевна. Я почему-то уверена, что именно вы сюда явились. Других идиотов, воображающих себе, что такими жалкими силами они могут справиться со мной, в Роду не осталось. Можете передать моему деду, что вчера я отправила ему письмо, в котором объявляю о своём выходе из Рода. А теперь убирайтесь вон, пока я сама до вас не добралась, – княжна хотела вернуть

трубку дежурному, но в это время там в ней что-то грохнуло, а спустя какое-то время и до нас долетело эхо далёкого взрыва.

– Что происходит? – задал вояка в трубку вопрос, и щелкнул тумблером, подключая к телефону динамик над столом.

– Пилоты скалу взорвали. Ту, что метрах в двухстах от поста была и обзору мешала. Разнесли её к чёртовой матери, – восторженно ответили с поста, спустя десяток томительных секунд, – А гости уезжать собрались. Разворачиваться начинают, да шустро так. Торопятся видимо. Ага, уезжают. А наши пилоты за ними пристроились. Провожать полетели, – доложил с поста потенциальный спортивный комментатор. Его эмоции прямо с ходу по голосу читаются. Что восторг, что злорадство.

Я мысленно выматерился. Разрешил я пилотам сегодня «ракетницы» проверить. Укрепилось это название за могучими четырёхзарядными револьверами с удлинённым стволом. Предупредил правда, чтобы не увлекались, но ограничить в расходе боеприпаса не удосужился. А барабан-то у «ракетниц» на четыре заряда, да и пули непростые заряжены. Калибр у звероподобных револьверов, как у серьёзного охотничьего ружья, а в пулю, наполовину пустотелую, вставлена маленькая горошинка накопителя. Нормально так бухает, когда накопитель взрывается, почти как полкилограмма взрывчатки выходит, судя по моим личным ощущениям. Накопитель в пуле простенький стоит, правда, но один чёрт он неоправданно дорог, чтобы этими мини-снарядами стоило менять ландшафт. Я подобные кристаллики супруге Усольцева по сорок пять рублей теперь продаю, и то исключительно по знакомству, а к ним ещё обвязка положена. Считай, рублей под семьдесят внутренности пули мне обходятся.

Это во сколько же мне снос скалы встал?

– Журналистов-то там у вас хоть нет? – поинтересовался я, перехватив у охранника трубку.

– Есть. Полно их тут понаехало, – разрушил мои робкие надежды радостный голос с поста, – Наша смена уже четверых отловила, которые на полигон пробирались. По писярику на нос за день заработали. Они думали, что если оврагом пойдут, то мы их провороним. Только фиг они угадали. Граница на замке! Так что подваливай, братан. Вечером проставляться будем, – пригласил меня незнакомый собеседник, приняв за одного из своих.

За-ши-бись! Мне только в газетах не хватало красочно описанных выдумок, снабжённых фотографиями взрывов и поспешно сваливающего с моих земель отряда, с гербами не самого слабого княжеского Рода на борту.

Что-то мне подсказывает, что с учётом отловленных журналюг, выпотрошенных охраной на положенные штрафы, их коллеги не будут ко мне чрезмерно благосклонны. Наверняка многие из них вспомнят об одной из своих ипостасей, называемой в простонародье – «обсёрный журналист». Встречаются в их среде настоящие «звёзды обсёрного жанра». Прицепится к тебе такое чучело, и никак ты от него не отвяжешься, пока изрядно денег ему в лапу не дашь. Наработаны у него все выражения и приёмчики, и не раз в многочисленных судах обкатаны. Вроде и всем всё понятно в его пасквилях, а формально зацепить писаку не за что. Всё будет в суде отрицать, и при этом соизволит нагло ухмыляться тебе прямо в лицо.

Ну да ладно. Снявши голову по волосам не плачут. Надо мне Дарью попытать о том, какие теперь фокусы от её родни стоит ждать. Может мне уже их Кланом вендетта объявлена, а я про газеты переживаю.

Но нет. Сейчас я её спрашивать ни о чём не буду. Не отошла ещё княжна от гнева. Хотя ведь ждала она что-то подобное. Недаром следом за мной в казарму примчалась, не отстав ни на шаг, а с утра щедро обвешалась кулончиками и браслетами. Явно не простыми. Магией от них так и прёт. Ох, темнит Дашка…

Вечерняя тренировка с княжной меня порадовала. Нет, виртуозом шпаги я не стал. Фехтование одними знаниями враз не освоишь. Мне отчётливо не хватало двигательных навыков, отточенности движений, да и моя физическая форма не лучшим образом подходила для поединков. Реагировать успевал, а ответить движением уже не всегда. Другое дело, что я теперь это понимаю. За что предку-Сущности отдельное спасибо. Знаю, чего мне не хватает и представляю, какие тренировки мне нужны. В первую очередь мне надо подтянуть кисти рук и предплечья, поработать на ловкость и гибкость, а заодно освоить правильное передвижение.

Ага, всего-то ничего. Осталось совсем немного – начать и кончить. Если сам раньше не загнусь.

Тем не менее тренировка прошла гораздо лучше, чем в предыдущие разы, и в нескольких моментах я даже смог удостоиться удивлённого взгляда княжны.

– Олег, ты определённо делаешь успехи. Думаю, что не всё так безнадёжно плохо, как мне показалось сначала, – скупо похвалила меня девушка во время перерыва, одевающая на тренировки суровую личину тренера-сэнсэя.

– Вашими стараниями, Дарья Сергеевна. Грешно же, иметь такого наставника и не пытаться стать лучше, – польстил я ей, впрочем без особого успеха. Сэнсэи же нечувствительны к лести…

– Мы сейчас магией займёмся. Постарайся свою взрывающуюся штучку не применять. Я понимаю, что она не опасна, но после неё глаза не видят, и в ушах звон стоит, – попеняла мне княжна, припомнив «взрывпакет», применённый предком.

– Тогда уж и ты, Дарья, не лупи по мне летальными заклинаниями, – пожал я плечами.

– Какими летальными? – состроила Дарья удивлённую моську, а глазки-то забегали.

– Тебе лучше знать. Только в тот же раз Знания у меня не случайно активировались. Ключик там был нужен. Вроде требования стояло, чтобы получатель Знаний магом был. Ну и, соответственно, мог выжить после направленного на него заклинания, способного нанести смертельный урон. Я понимаю, что ты увлеклась, пытаясь мой щит пробить, но всё-таки будь поаккуратнее, – попросил я её и с удовольствием отметил, что не всё потеряно. Краснеть княжна ещё не разучилась. Кстати, а ей идёт. Как разрумянится, так просто такой милашкой выглядит…

– А твои тиски, которыми ты меня чуть не раздавил – это не опасно, да? – по извечной женской привычке перешла она в наступление.

– Не стала бы ты дёргаться, ничего бы и не случилось. А кстати, хочешь я тебе это заклинание не в тренировочном, а в боевом варианте покажу? – усмехнулся я, давая ей понять, что её попытка сменить тему разговора мной отмечена, и особых возражения я не имею. Действительно, мне совсем не хочется ссориться. День хорошо начался, пусть и закончится на мажорной ноте.

– То есть, ты хочешь сказать, что это был тренировочный вариант? Да у меня щит смяло, как бумажный кулёк, – вскочила Дарья со скамейки и упёрлась руками в бока.

Ха, негодует она, видите ли. Ну, ну, посмотрим, что дальше говорить будет. Я тоже встал и сложив пальцы пистолетиком, направил их на высокий пенёк в углу двора. Давно он мне мешал, а ночью и напрягал, так как в неверных отсветах фонарей он выглядел, как человек, перелезший через забор. Дарья дёрнулась было меня остановить, но замерла, поражённая необычным зрелищем. В углу полыхнуло. Между двух сомкнутых щитов с бешеной скоростью крутилось раскалённое облако газа. Со стороны всё выглядело крайне сюрреалистично. Больше всего получившийся кокон походил на сгусток плазмы, который юлой крутился в углу двора.

– Давно хотел с этим пеньком расправиться, – довольным тоном заявил я княжне, которая не могла оторвать глаз от

созданной мной фигуры.

– Ножи, – чуть слышно просипела Дарья, словно у неё пропал вдруг голос.

– Чего? – не понял я, оглядываясь по сторонам.

– Там были мои метательные ножи, – уже громче повторила она, указывая пальцем на вращающийся столб огня.

Упс-с, неувязочка вышла… Ножей в пеньке я не заметил.

– Что-то особенное было? – постарался я задать свой вопрос небрежно. Не дай Бог, у неё ножички какие-нибудь артефактные имелись, вовек же попрекать меня ими будет.

– Обычные. Просто сталь хорошая и баланс выверен, – буркнула Дарья, всё ещё любуясь моим творением.

– Уф-ф, – я облегчённо выдохнул, – Тогда ничего страшного. Завтра я ещё лучше ножи тебе сделаю. И поверь, я не хвастаюсь. Впрочем, сама оценишь.

Под эти слова я начал стравливать давление из кокона. Звук получился резкий. Этакая помесь свиста и шипения, вызывающая боль в ушах. Дарья проворно запрыгнула мне за спину и ухватив меня за рукав, несмело выглянула из-за плеча.

– Давление стравливаю. Если сейчас щиты просто отпустить, то от забора ничего не останется, да и окна в этой части посёлка придётся вставлять заново. Температура внутри кокона полторы тысячи градусов, и давление намного больше, чем в паровозном котле, – просветил я княжну о некоторых особенностях моего заклинания.

– То есть ты хочешь сказать, что пока мы тут болтали, ты эту мощь щитами удерживал? Всё время? – спросила Дарья, заворожено наблюдая за неспешно тускнеющим коконом.

– Так и есть, – согласился я с ней. Кстати, это самая безопасная тактика в общении с женским полом. Соглашательская, приспособленческая, но безопасная.

– А почему тогда врал, что не знаешь мощных боевых заклинаний? – изобличила меня княжна, выбираясь из-за спины и приобретая грозный вид.

– Да небоевое оно, – отмахнулся я от несправедливого, с моей точки зрения, упрёка, – Представь себе кузнеца, к примеру. Он целыми днями машет молотом. Обычным молотом, совсем не боевым. Но если надо, то он и по врагу может им ударить. Благо мышцы нужные натренированы и удар поставлен. У меня примерно так же. Я с детства Щитами, как инструментом пользуюсь.

– Прямо таки с детства, – ехидно поддела меня Дарья, намекая на возраст Инициации.

– Именно с детства. Просто до Инициации я мелочь всякую

делал. Ножи точил, крючки осетровые. Потом на косы и топоры перешёл, – за разговором мы не спеша двигались к кокону. Внутри него уже не бесновалась огненное безумство. Вишнёвое марево иногда вспыхивало яркими всполохами ало-жёлтых языков, но общее движение почти прекратилось, да и шум постепенно сходил на нет, переходя из свиста в сиплое ворчание.

Мы замолчали, и не дойдя несколько шагов до переливающегося кокона, остановились, словно по команде. Я как-то машинально приобнял Дарью, придержав её за плечо рукой, а она даже не дернувшись, сама прижалась ко мне ещё плотнее. Эх, Дашка, Дашка. Ты и росточком-то оказывается не так велика. Это в обычное время тебя каблуки да осанка спасают. А в тренировочных тапочках, да прижавшись, ты больше на птичку-невеличку похожа. Ту, которая прилетела с холода в тёплое надёжное гнёздышко, и замерла, пытаясь отогреться.

– Есть кто дома? Хозяева… Гостю открывайте, – заголосил из-за калитки мой друг детства, которого я пригласил на шашлыки.

Эх, Степаша, друг ты мой ситный! Не мог ты на полчасика опоздать! Такой момент нарушил…

Глава 14

Имение князей Белозёрских. Городок Можайское Вологодского наместничества.

– Заходи, заходи, Авенир Авенирович. Заждался я тебя. Уж скоро третий день минет, как я вызов тебе послал, а тебя всё нет и нет. Негоже тебе так поступать. Не все к таким задержкам с пониманием отнесутся. Так ли часто тебе Глава Клана вызов шлёт, чтобы ты над ним долго раздумывал? – Роман Михайлович, князь Белозёрский и Сугорский, вроде и ласково попенял Главе Рода Вадбольских, но от иных ласковостей и кровь в жилах стынет. Особенно, когда знаешь, что именно в ярости Глава Клана всегда приторно вежлив. Именно так, с ласковыми увещеваниями он в свою бытность и на кол провинившихся сажал. Даже близкой роднёй своей для такого дела не побрезговал.

Лучше бы в крик ругался. Тогда дело простой трёпкой могло закончиться, да потерями небольшими. А так вот до дрожи пронимает.

– Приболел немного, да и дела Рода не сразу отпустили, – ответил чтобы ответить князь Вадбольский.

– Ай-яй-яй, – поцокал языком Роман Михайлович, словно бы сочувствуя, – Видимо правы Кемские, говоря, что не всё у тебя в Роду ладно. Неужто целителями оскудел? Или дела Рода тебе важнее дел Клана показались? – Глава Клана словно бы невзначай ввернул в свою речь упоминание о молодых, но дерзких соперниках Вадбольского в борьбе за влияние в Клане. Что уж и говорить. Потеснила шустрая молодёжь Кемских старика. Старые-то заслуги его Рода уже скоро быльём порастут, а новых пока никто не добился. Как не крути, а старые герои нынче не в чести. Да и постыдное это дело, когда ты начинаешь заслугами отцов, дедов и прадедов козырять, собственных не имея. А Кемские – они как воробьи. То тут клюнут, то там, но всегда на виду оказываются. Вот и получается, что Клан нынче их заслугами на плаву держится и о себе напоминает, а он вроде как в пристяжных оказался, – Ничего рассказать не хочешь, из того, что мне хотя бы по статусу знать положено?

– Вроде нечего рассказывать. Всё своим чередом идёт, – Авенир Авенирович пожал плечами, лихорадочно соображая, что могло стать известно Главе Клана из жизни его Рода и так его заинтересовало, что он даже вызов прислал. Вызов – это не просто приглашение, это требование предстать перед Главой незамедлительно для ответа за дела, имеющие отношение к

жизни Клана.

– Да. Ну, хорошо тогда, раз всё у тебя благополучно, – ласково улыбнулся ему Белозёрский, не спуская глаз с потеющего старика, – Как молодая княжна поживает? Я про Дарью Сергеевну, про красавицу нашу. Небось целыми днями к свадьбе готовится, наряды перемеривает?

– Ах, вот ты про что. Чудит Дашка. В гонках имперских надумала участвовать, – нехотя выдавил из себя Вадбольский, отводя глаза от собеседника и наконец-то решившись смахнуть платком с носа каплю пота, изрядно его отвлекающую. Некстати жара сегодня навалилась. Душно. Гроза наверное будет.

– Это какую же яхту ты ей дать собираешься? Или я упустил чего, и у тебя что-то достойное появилось. Так ты не томи, похвались покупкой, полюбуемся да порадуемся вместе. А то знаешь, всё дела да разговоры, а то и вызовы во дворец. Радостей мало в жизни стало, всё заботы да заботы. Так когда яхтой-то похвалишься, или на чём она там летать собралась? – хозяин имения огладил ухоженную бороду и со стуком перебрал руками бусины чёток, лежавшие у него на коленях.

– Не будет она ни в каких гонках участвовать. Сегодня же поеду и сам её домой верну. А то ишь что задумала, вертихвостка, нашла какого-то ухаря из курсантиков, тот толком даже без роду-племени, и с ним лететь собралась, – воинственно потряс сухим кулаком Авенир Авенирович, изо всех сил стараясь, чтобы слова его звучали весомо.

– Ага, а раньше, значит, ты вернуть её не пытался? – вкрадчиво поинтересовался Белозерский, глядя мимо гостя отсутствующим взглядом.

– Безопасник мой людей за ней посылал. Я ему велел найти её, а он инициативу решил проявить, – старик чуть приукрасил общую картину, чтобы уж совсем глупо не выглядеть.

– А-а, так это твоему человеку я обязан вызовом во дворец. А ты у нас вроде как и не при чём, – понимающе покивал головой Глава Клана, всё так же разглядывая что-то неведомое за спиной гостя, – Этак глядишь, твой человечек у тебя и войну кому-нибудь объявит, а мы и знать не будем. Так что ли?

– Да какая там война. Плюнуть и растереть, – вскинулся Вадбольский, желая снизить накал разговора незначительностью проблемы.

– Ну да, до войны там не дошло. Выперли с треском твоих бойцов. Этот самый курсантик, как ты его назвал, и выгнал их, словно псов шелудивых. Между прочим, со своих родовых земель выгнал. Объяснить тебе, что бы случилось, если бы они там воевать начали? Вижу, что понял. А потом по этому поводу со

мной очень сильно захотел пообщаться князь Обдорин Владимир Романович. Слыхал про такого? – князь Белозёрский построжел лицом и впервые за весь разговор посмотрел на гостя даже без тени улыбки.

– А что Обдорин, наш Род всяко постарше будет, и корнями серьёзнее, – всё ещё пытался побарахтаться Вадбольский, всё больше проникаясь серьёзностью разговора.

– Ты это Мишаковым расскажешь, когда с ними на том свете встретишься. Те так же года два назад решили, когда на конфликт с Обдориным полезли. Вот и не стало этой зимой ни Мишаковых, ни их земель родовых. Опоздали войска государевы к ним на помощь придти. Ко всем соседям успели, а к ним как-то нет. Вот ведь незадача какая, – Белозерский словно в недоумении развёл руки в стороны, поигрывая чётками.

– Да не может Обдорин войсками командовать. Совпадение это, – быстро обдумав сказанное, сделал вывод Вадбольский. Не ладят безопасники с армейцами. Такую простую истину все знают, кто службу армейскую тянул.

– Все именно так и решили, – согласно покивал ему Глава Клана, глядя на князя с каким-то сожалением, – Те, кто умом небогат. А у кого голова чуть лучше работает, те в мозаику другой кусочек вставили. Император-то наш не всё сам говорить может. Ему по предназначению своему положено быть выше дел мирских да житейских, и со своей высоты справедливость вершить. Вот и существуют при нём людишки доверенные, вроде того же Обдорина, которые государевы пожелания вроде как от собственного имени озвучивают. Так что теперь думаешь делать, если Обдорин, считай что впрямую указал на то, что твои люди на его человека рот разинули? Тоже, небось, сомнения гложут, сам ли Обдорин интерес высказал, или свыше ему так велено было. Государь-то у нас памятлив. А ну, как спросит за обиду. Ладно бы с тебя, а если Клану аукнется?

– Дашка письмо мне прислала. Пишет, что из Рода выходит, – выдавил через силу Вадбольский, понимая, что в данной ситуации утаивать эту новость стало просто чрезвычайно опасно.

Глава Клана прикрыл глаза и надолго замолчал. Нетрудно было догадаться, что в его голове сейчас прокручивается множество вариантов, и каждый из них пристально изучается им со всех сторон.

Даже со стороны было заметно, что мыслительный процесс не приносит ему радости. Глава заметно осунулся на лицо, покрывшееся каплями пота и морщинами, и время от времени его начинало подтряхивать, отчего капли пота разлетались весёлым веером, мелькая бриллиантовыми блёстками на фоне окна. Да,

жаркий денёк сегодня выдался…

– Слушай меня и запоминай, – Белозёрский чуть приоткрыл глаза, и смотрел на гостя прищурившись, словно через прицел винтовки, – К Дарье Сергеевне сам не лезь. Мать её к ней отправь. Пусть мощевик ей передаст от твоего имени. Просто передаст и всё. Без каких-то там условий, приказов или пожеланий.

– Мощевик… Да я… – старик задохнулся и не сразу смог начать говорить, словно ему не стало вдруг хватать воздуха, – Их два у нас всего, оберега-то. Один всегда у Главы Рода был, а второй наследнику давали. Не бывать этому! А ну как она с курсантиком закрутит, и что? Род под его руку уйдёт!

– Совсем ты умом скорбен стал, Авенирушка. А ведь когда-то на моё место метил, да и сейчас поди поглядываешь… Обереги у вас знатные, слов нет, но они традиция, и не более того. То что ты висюльку ей подарил – это всего лишь жест внимания, а не обещание сделать её наследницей. Да и про парня тебе не мешало бы справки навести. Из того, что я знаю, никак не выходит, что он ради девки под чужую руку пойдёт. Наоборот, шарахнется он от Дарьи твоей, как чёрт от ладана. Хотя выбирай сам. Не хочешь оберег отдать, можешь на Соловки года на три уехать. А я Обдорину скажу, что вину ты признал, и в монастырь ушёл её отмаливать. Или у тебя ещё идеи какие есть, как Клан с императорскими ближниками в распри не втянуть? Посиди, подумай. Я не тороплю. Заодно досье на «курсантика» почитай, – Белозёрский голосом выделил прозвище, данное Вадбольским парню, и подтолкнул к нему тощую папку, – Он уже два Рода под землю закопал. Что-то мне подсказывает, что и тебя он ни разу не испугается. Так что щёки можешь не раздувать. И исподтишка пакостить не вздумай, иначе на всех беду накличешь.

Вадбольский читал долго. Пару раз он останавливался, и шумно сопя, возвращался на страницу-другую назад. Закончив, старик отложил папку в сторону, и раскачиваясь на стуле, бездумно уставился на одну из стен, где висел огромный холст с портретами и витиеватой надписью «Владетельные князья Белозерскіе».

– Я отдам мощевик, – сипло проговорил он после продолжительного молчания.

* * *

Споры зрителей не стихали ни на минуту. Тысячи людей толпились по обеим берегам реки, над которой была устроена мерная миля. Все места в многочисленных кафе с видом на реку

были раскуплены недели две назад. Те, кто опоздал, покупали места на балконах домов, а то и нанимали лодки, приткнувшиеся к набережной. Люди любовались отборочными соревнованиями дирижаблей.

Из сотен приёмников и десятков уличных громкоговорителей доносилась скороговорка комментаторов, сменяющих друг друга каждые полчаса.

Десятки пилотов в судейских мантиях кружились в воздухе, выстраивая конвейер из воздушных судов и флажками отдавали им команды.

Каждые три минуты над рекой появлялась очередная туша дирижабля и отчаянно ревя моторами, проносилась над водой под свист и улюлюканье болельщиков. Многие участники гонок имели своих фанатов, вырядившихся сегодня в цвета гербов того или иного Рода, и украшавшие нос дирижабля.

Мне сегодня с земли помогает Киякин. Свой отборочный тур «МиЛаНа» под его управлением прошла ещё утром, заняв четвёртое место в своём классе. Это событие вызвало массу неудовольствия у одного из именитых участников гонки, и он чуть было не поднял скандал, изучая характеристики яхты. Сухой вес «МиЛаНы» был заявлен в восемнадцать тонн, и именно за эту цифру уцепился именитый отрок из серьёзного клана, пока его же друзья не указали ему на грузоподъёмность «МиЛаНы» в двадцать пять тонн, по которому яхта полностью соответствовала требованиям соревнований в своём классе.

Киякин устроился на балкончике дома под характерным шпилем. Мы с ним специально подыскали заметный объект на земле, который легко будет найти в бинокли. За его спиной стояла чёрная доска, на которой он должен был мелом написать расхождение с лидером на середине дистанции. В отличии от «МиЛаНы», которая прошла мерную милю на полном ходу, мне с моим «Сапсаном» было что скрывать.

Моя основная задача на первый взгляд проста. Надо попасть в ту двадцатку, которая в дальнейшем примет участие в гонках. Всё становиться гораздо сложней, если представить, что на жеребьёвке нам досталось сорок шестое место из восьмидесяти двух. Высовываться на первое место сходу не хочется. Есть на то причины. Нам надо аккуратненько занять место в первой пятёрке, ну или в первом десятке. Именно у них на старте следующего этапа будут преимущественные позиции, которые позволят обойтись без стартовой толчеи, чреватой авариями. Уйти со старта мы можем резко, если впереди никто не будет мешать.

Определённо большую помощь оказал друг Степаша. Уж не знаю, как и где он вычислил знатоков гонок, но за неделю до

соревнований у нас на руках оказались целых три списка основных претендентов, процентов на восемьдесят совпадающих друг с другом. Нас там естественно не было. Мы тёмная лошадка, о которой никто и ничего толком не знает. Думаю, что нас и не воспринимают всерьёз. За всю историю гонок таких новичков, как мы, были сотни. Редко кто из них потом становился хотя бы постоянным участником гонок.

Такой шанс я не мог упустить. Через Андрея Липатова мне удалось разместить почти восемьсот тысяч рублей в различных букмекерских конторах нескольких городов. Ставки колебались от один к сорока, до один к двадцати пяти. Всё равно много. Если я не ошибаюсь, то и мои партнёры подсуетились, поставив серьёзные для них суммы на нашу победу.

К счастью, пятеро участников из полученных списков на отборочном соревновании стартуют раньше нас. Они лидеры прошлых гонок и я их воспринимаю, как серьёзный ориентир, по которому можно будет определить то время, за которое нам нужно пройти дистанцию на отборочный тур.

Задача Киякина правильно показать мне время лидера на середине дистанции, и моё отставание или опережение его. А мне предстоит проиграть ему полсекунды-секунду, и временно занять второе место, с которого нас вполне может отодвинуть вторая половина участников. Надеюсь, что не дальше первого десятка. Такая вот у нас тактика на этот тур продумана.

Подошла и наша очередь. Среди больше, чем дюжины дирижаблей, закрутивших полукольцо над пригородами, мы теперь первые. Значения скоростей у меня на регуляторах отмечены, но там всё не так просто. С бензиновыми двигателями всё понятно. У них обороты и скорость напрямую зависимы. Ясное дело, что сопротивление воздуха требуется минусовать по нарастающей, но реперы мы выставили. Гораздо непонятнее ведут себя движки на магии. Для них гораздо важнее масса воздуха, попавшая им в жерло. Именно её они выплёвывают, ускоряя до сверхзвуковых величин. Надеюсь, у нас до таких крайностей дело не дойдёт, и сопла нам остужать не придётся. Это Киякин как-то за жизнь своего дирижабля боролся, запустив движок на максимум, а у нас и так мощности с лихвой. Опять же накопителями я наш катер снабдил с избытком. С выставленными ограничителями нам запаса Силы за глаза рейса на полтора, если дистанцию гонки считать за единицу.

Красный флажок у судьи сменился на жёлтый, и через несколько секунд на зелёный. Поехали!

В отличии от других дирижаблей, «за рулём» которых я побывал при обучении, наш конёк-горбунок крайне резв. Ему

ничего не стоит разогнаться «до сотки» минуты за две. Для автолюбителей величина смешная, но не стоит судить однобоко. Где мы, и где автомобили. Да и размеры… Я, своим «Сапсаном», автостоянку на тридцать машин разом накрою, если навернусь с неба на землю, а то и большему количеству авто «повезёт». Вообще дирижабли – это техника громоздкая и крупная. Соответственно, как ей и положено, она не демонстрирует взрывной темперамент. Разгоняется так себе, и летит не особо спеша. Так всегда было. И только мой «Сапсан» не вписался в эти догмы. Слишком уж он живой.

В створ ворот я втащил дирижабль, как по ниточке. Недаром Киякин меня неделю натаскивал, раз по десять заставляя повторять одно и то же. Теперь важно удержать дирижабль на курсе, не давая ему рыскать от порывов бокового ветра. Особенно опасны просветы между зданиями, что на берегу построены. Через них иногда так задувает, что кажется, словно мой «Сапсан» пощёчину получил. Дарья со Степашей уже приникли к биноклям, а Усольцев настороженно следит за гироскопами, озвучивая мне отклонения горизонта и вертикали.

– Вижу Киякина, – докладывает Степан, и тут же что-то недовольно ворчит Дашка, которую он опередил, – Прошли контрольную отметку.

– Плюс три! – в голос кричит княжна, успевшая первой рассмотреть цифру на доске, написанную купцом, – Можно чуть сбавить ход, идём с опережением лидера в три секунды.

Я едва заметно прибираю регуляторы газа и слегка увеличиваю запас на снос от бокового ветра. Остаток дистанции проходим в напряжённом молчании и только после выхода из финишного створа Степан вкручивает на полную ручку громкости на радиоприёмнике.

– У нас есть новый результат и вы не поверите, но он до десятых долей секунды совпадает с результатом нашего лидера. «Айвенго» и «Сапсан» прошли мерную милю за сорок шесть и три десятых секунды! – надрывается комментатор, доводя динамики нашего приёмника до хрипа, – Интересно, как они будут делить места. Хотя, как мне только что подсказали судьи, на первом месте так и остаётся «Айвенго», первым показавший нам сегодня замечательное время, совсем немного не дотягивающее до мирового рекорда. Но соревнования у нас продолжаются, и кто знает, какие результаты нам сегодня ещё покажут команды, судя по всему замечательно подготовившиеся к предстоящим гонкам.

Степан прибрал громкость приёмника и остался сидеть около него, вслушиваясь в речь комментатора.

– Соревнования ещё не закончились, – то ли успокоил, то ли

ободрил меня Усольцев, прерывая общее молчание.

– Да я пока сам не понимаю, почему так получилось. Вроде же всё точно рассчитали, – я почесал затылок и начал плавно разворачивать наш дирижабль в сторону усадьбы Липатова. Не озаботились мы вовремя арендой места для стоянки «Сапсана» в столице, а когда кинулись искать, то оказалось, что всё давно занято. Завтра станет посвободнее, когда дирижабли, отсеявшиеся на отборочных соревнованиях разлетятся, а пока мы используем своё преимущество. Наш катер умеет садиться на землю. Поэтому он достаточно уютно чувствует себя на лужайке парка, разбитого у усадьбы. Ну, тут я думаю, что дочки Липатова, которые на этой лужайке любят в бадминтон играть да на лошадях кататься, меня простят. Если что, то тортиками откуплюсь. Как раз сегодня заказал пару штук на вечер.

– Я кажется поняла, в чём дело, – привлекла к себе наше внимание Дарья, крутя в руках карандаш, которым она перед этим чего-то чиркала на листке бумаги, – Думаю, что на «Айвенго» тоже сбросили скорость на второй половине дистанции. И наверняка это неспроста было сделано.

– Есть! – заорал Степаша, добавляя громкость приёмника, и не дав нам времени на осмысление Дашиного замечания, – «Бесстрашный» нас на одну десятую обогнал.

Карандаш в руках княжны звонко хрустнул, разлетевшись пополам, и её лицо стало походить на восковую маску. Белую и неподвижную. Со слов Дарьи я знал, что Тугоухов-младший, её будущий жених, в гонках участвует на «Бесстрашном».

Мда-а. Вот это новости за несколько секунд. Одна другой хлеще. Напрасно я рассчитывал передохнуть за оставшееся время полёта. У меня и так сердечко до сих пор ёкает и рубашка на спине мокрая. Понервничал я перед стартом, да и пролёт мили мне не легко дался, а тут ещё и судьба вензеля выписывать стала.

Я замер, попытавшись сконцентрировать внимание на приборах, и на какое-то мгновение мне показалось, что в бликах их стёкол передо мной промелькнул образ моего предка-Сущности. А там то ли кожа кресел скрипнула, то ли ехидный смешок у меня в ушах раздался, и не поймёшь. Было и не стало. Почудилось наверно.

Пока мы летели до усадьбы, лучший результат в отборочных соревнованиях ещё дважды обновили, и на этом соревнования закончились. Итого, мы на пятом месте. Отлично. Можно гордиться результатом, или в очередной раз благодарить судьбу. Всё получилось так, как мы и задумывали. Мы в первой пятёрке.

Оглянувшись на Степана, который как раз озвучил нам очередной результат, я заметил, что он мне усиленно маячит,

привлекая внимание. Убедившись, что я на него смотрю, Степан жестами дал понять, что кто-то пытается нас сопровождать по земле. Немного покрутившись в кресле и оглядываясь по сторонам, я и сам заметил тёмную точку автомобиля, который нёсся вслед за нами по грунтовой дороге, оставляя за собой шлейф пыли. Нелегко бедолаге приходится, и очень скоро ему станет ещё веселее.

Я чуть прибрал рули вправо, и слегка двинул регуляторы газа вперёд. Наш «Сапсан» послушно скользнул к небольшой реке и немного снизившись, скрылся от преследователей за кромкой берёзовой рощицы.

– Говорят, рыбалка в этих местах замечательная. Всё сходить хочу, а мест не знаю. Может так что разглядим, – пояснил я техномагу, занимающему место второго пилота, небольшое отклонение от маршрута. Местность у реки чуть подболочена, со множеством ручьёв и оврагов. Тут не погоняешь на наземном транспорте.

– Проще у охраны было спросить. Я видела, что у них около будки удочки стоят, – заметила княжна насквозь спокойным голосом. Даже излишне спокойным.

Всё-таки клановое воспитание даёт о себе знать. Вроде совсем недавно она услышала крайне неприятное для себя известие, но смогла же собраться, и как ни в чём не бывало готова поддержать обычный трёп, никому не показывая, какая буря сейчас у неё в душе. Железная девчонка.

Усадьба Липатова встретила нас шумно. Уже заходя на посадку, я увидел длинные столы, накрытые белыми скатертями. Их вынесли на улицу и выставили буквой Т. Похоже, у Липатова сегодня гости. Человек двадцать за столами точно сидит. Пересчитывать не буду, на мне сложное приземление.

Когда посадочная суета закончилась, мы с Усольцевым лично проверили все расчалки, для приличия попинав по туго натянутым тросам, которые притянули дирижабль к земле. И только после этой проверки, со всей нашей командой отправились к столам.

В гостях у Липатова сегодня были два купеческих семейства, и почти весь экипаж «МиЛаНы», за исключением Киякина, который ещё не успел вернуться из города. Все купцы дружно отмечали удачное выступление своих отпрысков, и наше известие о пятом месте тоже было встречено одобрительным рёвом и аплодисментами. В нашу честь отбахали свой краткий салют пробки шампанского. И мы, отдав должное напитку превосходного качества, отпросились у присутствующих на душ и переодевашки.

– Капитан, как прикажете подать себя перед купцами? – поинтересовалась Дарья, перед тем, как уйти в свою комнату.

Вот же зараза! Ещё недавно страдала, а теперь в глазах чёртики играют.

– Удивлять и контропупить, – не выходя из образа капитана-Победоносца, отдал я распоряжение, успев заметить забавную гримаску, которую княжна скорчила, представив себе предстоящее развлечение. Всё же в глубине души она стерва… Или от рождения чересчур игрива.

Гостям Липатова нас не успели представить, перейдя к немедленным поздравлениям, и мне думается, что надо в полную меру использовать эффект неожиданности. Да и у моего купца уж очень намекающий взгляд был. То-то он ужом извернулся, чтобы не обозначить наши титулы раньше времени.

Гадать о том, что Дашка оденет, я не стал. Неблагодарное это дело. Не зря же она вопрос-то задала. Проще наоборот, на контрасте сработать. Времени у меня вагон. Пока княжна ещё себя в порядок приведёт, я спокойно все свои дела успею сделать.

Не угадал…

Пока я в раздумье перебирал рубашки, дожидаясь, когда высохнут волосы, она уже заскреблась в дверь. Острые коготки, колупающие резьбу на дверях из дуба, трудно перепутать со знакомым стуком Степаши, выбивающим наш код, или с неуверенным постукиванием Усольцева.

– Дарья Сергеевна, вы меня удивили, – чистосердечно признался я, понимая сразу две истины. Для начала, Дарья весьма прилично владеет бытовой магией, иначе как бы она успела высушить свои роскошные волосы и привести в порядок свой костюм, наверняка хранившийся в чемодане. Ну и вдогонку… Мда-а-а. Вот это шок так шок! В бледно-зелёном брючном костюме княжна выглядит… Да зашибись она выглядит! Расфуфыренные купчихи на затылок рухнут, когда её увидят. И при этом украшений на ней нет практически никаких, кроме кулона с тёмно-зелёным изумрудом в две трети моего большого пальца величиной, подвешенного на изящную серебряную цепочку.

– Олег, ну что ты так долго, – Дарья опять как-то незаметно смогла меня обойти, и осмотрев выбранную мной рубашку, выкинула её на кровать. Чуть порывшись в шкафу, она отобрала почти такую же, а потом за полминуты высушила мне волосы, взбив их при этом в не совсем привычную мне причёску.

– Ну вот, хотя бы так, – отойдя на пару шагов назад, подвела она итог своей деятельности, – Побриться бы тебе не мешало, но мы же не на светский приём собрались, а так даже брутальнее

выходит. Суровый покоритель неба, – она быстро успела проинспектировать обе бутылочки одеколона, стоявшие у зеркала, и неуверенно поморщившись, мазнула мне мизинчиком за ушами, выбрав одну из них.

Не понял. Я обе эти бутылки по сто рублей покупал. За каждую, между прочим. И не где-нибудь, а в самом центре столицы. В дорогущем магазине. Там та-а-акие продавщицы…

– Веди меня к гостям, мой капитан, – скомандовала княжна, лёгким движением упругого бедра направляя меня в сторону дверей. Сэнсэиха недоделанная. Ишь, раскомандовалась.

Надо сказать, ожидаемый фурор наша пара произвела. Одно дело видеть нас в лётных комбинезонах, и совсем по другому мы выглядим принарядившись. Я, в костюме с гербом главы Рода и наградным оружием, и княжна, у которой скромненький кулончик даже на мой непрофессиональный взгляд стоит, как пара престижных автомобилей, а простой с виду костюмчик вовсе не так прост, если к нему приглядеться.

После того, как Липатов нас представил по всем правилам, и в свою очередь познакомил нас с гостями, мы долго на одном месте не просидели. Сначала Дарья улизнула вместе с липатовскими дочками к тройке таких же девиц их возраста, а потом и я пошёл общаться с экипажем «МиЛаНы». Понемногу вся молодёжь перебралась к концу стола, переговариваясь, легонько флиртуя и перебрасываясь шутками.

– А скажите, Дарья Сергеевна, ваше украшение имеет какую-нибудь историю? – услышал я вопрос Оксаны Липатовой, одной из дочек хозяина усадьбы.

– Я бы не сказала, что именно этот кулон чем-то знаменит. Мне он достался от прабабушки в день Инициации. Но с изумрудами в нашей семье связана интересная традиция, – Дарья умело захватила инициативу в разговоре, и убедившись в интересе слушателей, продолжила, – Моя прабабушка была удивительной красавицей. Надо сказать, что ей по наследству досталось большое количество фамильных драгоценностей, да и муж её изрядно баловал. И надо же было такому случиться, но однажды во время премьеры в театре, к ним в ложу пришла первая статс-дама. Она передала просьбу Императрицы о том, чтобы моя прабабушка сняла свои украшения, поскольку на Императрице в тот день не оказалось бриллиантов такой же величины. Просьбу моя прабабушка тут же выполнила, но из театра ей пришлось уехать. В те времена было неприлично посещать театр без украшений. На следующей премьере на ней уже были только украшения с изумрудами, что Императрицей было принято благосклонно, и они потом долгие годы были

дружны. С тех пор все женщины нашего Рода на официальные мероприятия являются только с украшениями из изумрудов.

– Как интересно-о, – протяжно пропела Оксана, – Дарья Сергеевна, а вы нам ещё что-нибудь расскажете?

– А мы с вами вечерком усядемся где-нибудь поуютнее, и поболтаем о своём о девичьем, – улыбнулась княжна, понимая, что только что приобрела как минимум двух почитательниц.

Дальше опять были разговоры, смех, и когда молодёжь совсем уже надумала было перебираться в гостиную, внимание присутствующих привлёк старый слуга, бежавший от дома к столам, нелепо размахивая руками.

– Княгиня Вадбольская пожаловала, – задыхаясь, выкрикнул он, не добежав шагов десять до Липатова, – Прикажете принять?

– Сколько сопровождающих с ней? – первым сориентировался я, понимая, что вечер перестаёт быть томным.

– Одна-с. Сами управлять изволят. Там ещё машина есть, но те в сторонке остались, к воротам не подъехали.

Я вопросительно посмотрел на Дарью, но она отрицательно помотав головой, отказываясь от моей помощи. Закусив губу, она подошла к купцу, что-то негромко проговорила ему на ухо, и они оба пошли к крыльцу усадьбы.

Княгиня приехала на шикарной белой машине с открытым верхом. Я даже не успел толком полюбоваться породистостью автомобиля, как княгиня легко выпорхнув, устремилась к дочери. Купцы неуверенно начали подниматься из-за столов, а за ними поднялись и остальные, пытаясь издали рассмотреть именитую гостью.

Переговорив с дочерью и с Липатовым, княгиня кивком ответила на приветствия поднявшихся с места гостей, и подхватив дочь, пошла с ней к беседке. Туда же целеустремлённо направилась пара слуг, которые почтительно выслушали её пожелания.

Градус веселья за столами заметно понизился. Гости стали вести себя степенно, хотя нет-нет да и поглядывали искоса на беседку, где уединились на беседу мать с дочерью.

Я так и вовсе не сводил глаз, не пытаясь даже скрывать свою готовность немедленно броситься княжне на помощь, если что-то пойдёт не так.

– Княгиня просила извиниться за неё. Она не ожидала участия в застолье и ограничена во времени, – громко объявил своим гостям подошедший к столам Липатов, немного снимая общее напряжение.

– Как интересно вы тут живёте… Княжна, княгиня, боярин, дирижабли, – простодушно выдала одна из купеческих дочек,

загибая пальцы и заработав свирепый взгляд от своей мамаши, – А вы можете нам свой дирижабль показать? – демонстративно проигнорировала она близкую родственницу, выказывая своенравный характер.

– Пожалуй, этим мне удобнее будет заняться, – с пониманием отозвался Усольцев на мой взгляд, – Господа, есть ещё желающие взглянуть на наше маленькое чудо? У меня там и фотоаппарат припасён. Пусть и не быстро, но обещаю изготовить для всех памятные фотографии. Как только гонки закончим, так и отнесу их в фотоателье.

Новое развлечение захватило большую часть гостей, и за столами нас осталось трое. Как вовремя купеческая дочка со своим любопытством вылезла. Да и Усольцев молодец. Тут же сообразил, чем гостей завлечь можно. В зазывалах ему бы цены не было, с таким-то талантом.

– Что там, Ерофей Константинович? – спросил я у купца, глазами указывая на беседку.

– Судя по всему, нормально всё будет, – покосился купец на Степана, прежде ответить, – Глаза у обеих на мокром месте, но обе держатся. Говорит, подарок дочери привезла. Видимо невеликое что-то. Сумочка-то у неё, сам видел какая.

Между тем в беседке дело дошло таки до слёз. То мать, то дочь поочерёдно начали прикладывать к лицу платки. Серьёзный у них там разговор. Дашку просто так на слёзы не развести.

С Липатовым мы немного поговорили о делах. Он меня успел пожурить за азарт и за сумму сделанных ставок, наставительно напомнив, что деньги лучше всего зарабатывать постепенно и надёжно.

Великий плач в беседке тем временем закончился. Платки из рук пропали, и вместо них появилась какая-то чёрная штуковина, которую княгиня, после минутного монолога, вручила Дарье. Княжна вскочила, отрицательно тряся головой, а затем и княгиня поднялась со скамьи. Взяв Дашку за плечи, она долго смотрела на неё, а потом расцеловала в обе щёки.

По дороге к автомобилю княгиня остановилась, и перед тем, как кивнуть нам на прощанье, выделила меня взглядом, словно запомнить пыталась. Я изобразил из себя стойкого оловянного солдатика, и по гвардейской традиции коротко кивнул, щёлкнув каблуками. Мол, знай наших. Гвардейцы они такие. Шляпой с перьями подолгу махать не приучены. Да и нет у нас шляп. По форме одежды не положено. И плевать, что сегодня я в штатском. Я – будущий гвардеец. И уже офицер, между прочим.

Дашкина маманя в долгу не осталась. Пятачок перед крыльцом усадьбы не особо велик, но она легко развернулась,

умудрившись с места сорвать машину в занос. Красиво, что уж скажешь. Кажется я знаю, в кого у нас княжна пошла…

К Дарье я шёл не спеша. Она замерла не так далеко от беседки, и стояла, прижав обе руки к груди и глядя вслед уехавшей маман. Меня же куда больше интересовала та чёрненькая штучка, которая проглядывала у неё сквозь пальцы. Ну да, вот такой я недоверчивый. Не люблю неожиданных сюрпризов. Непонятный визит княгини, заметим, на достаточно неплохо скрываемое нами место обитания. Неизвестный подарок. Есть простор, где может разгуляться тщательно лелеемая мной подозрительность. Да и Степаша от меня не отстаёт. Вон как зыркает на княжну, пытаясь понять, что у неё в руках.

– Дарья Сергеевна, могу ли я узнать, что вам ваша матушка привезла? – обратился я к княжне, уже с близкого расстояния разглядывая мешочек из чёрной замши, который она сжимала обеими руками.

– Конечно, Олег, – по-простому ответила Дарья, глядя на меня и Степана, тем самым автоматически включая его в тот близкий круг, где люди общаются без лишних пиететов, – Это оберег. Гораздо более древнее название этого креста-мощевика – енколпий или енколпион, что в переводе с греческого означает «за пазухой, на груди». Первые упоминания о таких оберегах нашего Рода уходят корнями в такие дали, что и подумать страшно. Одно могу сказать, что во время войны с Наполеоном один из моих предков, князь Василий Алексеевич Вадбольский, свой драгунский полк водил в атаки с призывом:

– С крестом и молитвой за мной, друзья… За нас Господь с его небесными силами!

Голос Дарьи дрогнул, и она вытащила из замшевого мешочка большую серебряную несуразицу. Даже на вид обалденно древнюю. Нечто, вроде большого нательного креста, совмещённого с ладанкой.

– Проверить на закладки сможем? – спросил я у Степаши, кивая на реликвию.

– Да без проблем, – хищно отозвался друг, в упор уставившись на подозрительный предмет, – Только я тебе и так скажу, что их тут скорее всего нет. Работа очень старая, затёртости на ней не подделаешь, а остальное всё запаяно. Я скорее начал бы цепочку проверять, ну и мешочек до кучи. А так – да. Спецов сегодня же вызову. Для начала тот же Усольцев может поработать. Он, со своими приборами, любой исходящий фон уловит. Мы пару раз уже неплохо «Сапсан» почистили. По две-три закладки за раз снимали.

Дашка с удивлением восприняла новую ипостась моего друга.

Дошло до неё, что всё, что она видела раньше, это была его умелая маска, на которую она купилась.

– Думаю, что вы оба ищете не там, где надо, – быстро выправилась княжна в понимании реалий, – Закладки – это банально. Даже у нас в Роду ради такой мелочи никто не станет жертвовать родовым оберегом. Тут иная цена вопроса. Обычно, первый оберег находиться у Главы Рода, и на сегодняшний день это мой дед, а второй – у его наследника. Вот это и есть тот самый второй оберег, – ткнула она пальчиком в серебряную несуразицу.

Да, млин, что за день-то сегодня такой!

Глава 15

Вроде только вчера мы отправляли с этого поля «МиЛаНу», а сегодня сами над ним висим, дожидаясь стартовой ракеты. Начался наш этап регаты. Нам предстоит пролететь больше двух тысяч километров и сбросить семь вымпелов над городами. Последний на этом же поле, обозначив им момент финиша.

Маршрут гонки изменили в последний день. С северо-запада шёл мощный грозовой фронт и устроители решили не рисковать. Запасные маршруты были предусмотрены заранее, и они выбрали юго-западный вариант.

Первая часть пути, через Калугу, Брянск и Белгород в основном пройдёт при попутном, но слегка боковом ветре. Особо продвинутые курсанты у нас в Академии обычно козыряют в таких случаях термином бакштаг. На нашем дирижабле таких спецов нет, так что мне свои знания лучше оставить при себе, а то рискую быть не понятым. Между Белгородом и Воронежем ветер перейдёт в сильный боковой, а потом мы начнём возвращаться при боковом-встречном. А то и вовсе местами придётся идти против ветра. К счастью, сильных порывов синоптики не обещают, но и те, которые будут, могут понизить скорость дирижабля километров на двадцать-тридцать, если не больше.

Тактику этапа мы обсудили заранее. Не будем мы пока ничего изобретать. Пристроимся за лидерами и у них на хвосте пройдём над первыми городами. В штурманские способности Дарьи или Степана я не слишком верю. Мне гораздо спокойнее будет выйти на контрольные точки за кем-то более опытным. Списочек предполагаемых лидеров у меня есть. Посмотрим, кто из них вперёд выдвинется, за теми и пойдём, не особо стараясь вырваться вперёд. Чуть сложнее ночью придётся, но тут уж как повезёт. Ночи летом короткие. Луна нынче почти в полный диск светит. Эликсиры и бинокли у нас хорошие. Не думаю, что мы при таких условиях чьи-то бортовые огни упустим, которые на всех дирижаблях положено нести в ночное время. Так что особо не трепыхаемся, и движки зря не насилуем.

И Силыч, и Киякин, те чётко дали понять. Да, на мерной миле ты можешь идти на форсаже. Какое-то короткое время двигатели такое издевательство выдержат. Но вот долго такой режим поддерживать не стоит. Это как с конями. Неторопливой рысцой жеребец целый день пробежит, зато на ипподроме иной жокей его и за несколько кругов может загнать насмерть.

Мой инструктор, у которого я брал частные уроки по вождению дирижабля, кое-что мне рассказывал о гонках.

Первый этап обычно ведут «разгонщики». Есть такие профессиональные команды дирижаблей, которые попадая в двадцатку участников, объективно оценивают свои шансы. Знают, что победить они не смогут. Того же уровня техники им не хватит. Зато они могут увлечь за собой приличную группу новичков, и «загнав» их в первые часы гонки, сойти с дистанции. Пусть дальше лидеры между собой разбираются. Они вскоре нагонят вырвавшуюся вперёд группу, которая к тому времени успеет «вскипятить» моторы и израсходовать неоправданно много топлива. Остужая ослабевшие двигатели, или заходя на внеочередную заправку, азартные команды, стартовавшие слишком резко, смогут лишь выругаться вслед нагнавшим их преследователям. А «разгонщики», получив от кого-нибудь из лидеров оплату за свою работу, через несколько часов спокойно вернутся в столицу. Для них гонка будет окончена.

Приблизительный список «разгонщиков» мы для себя составили. Не так уж и сложно было определить, кто из пилотов несколько гонок подряд сходит с дистанции, не добираясь даже до её середины. Понятно, что среди них могут быть и увлёкшиеся, а на роль «разгонщика» может быть нанят кто-то из новеньких, но особо для нас такая ситуация ничего не меняет.

Во время обсуждения этого списка у всего нашего экипажа как-то нехорошо заблестели глаза.

– Накажем? – первой предложила Дашка, с одного взгляда оценив расклад в команде.

Хотя, чего там оценивать. Усольцев раз и навсегда дал понять, что он готов выполнить любую команду капитана, а Степаша в очередной раз «включил дуру», нацепив привычную ему маску деревенского увальня. Я, как обычно, говорю последним. И кто у нас остаётся? Правильно, княжна.

Ей такая роль в нашем дружном коллективе не очень по нраву, но другие кандидатуры напрочь отсутствуют, или усиленно строят соответствующие физиономии, глядя на княжну с наивным восторгом.

А Дашка – молодец. Мы сегодня с ней первый раз спали вместе и ведь ни единым жестом или словом она даже не пытается обозначить хоть какие-то изменения в наших отношениях.

Кстати, она сама пришла. Ещё и попеняла мне, что неопытная девушка не должна столько времени дожидаться внимания будущего гвардейца. Впрочем, насчёт девушки всё немного не так. Мне не случайно мои сотоварищи по нашим курсантским гульбищам говорили, что проще в столице на улице найти кошелёк, набитый золотыми червонцами, чем симпатичную

невинную девушку лет восемнадцати. Так что, чего не было, того не было. Разве что насчёт неопытной не обманула. Надеюсь, что этот момент мы немного успели поправить, и даже поспали потом пару-тройку часов.

Идея с загоном «разгонщиков» мне нравится. При удаче она может больно ударить по всем планам лидеров, заставляя их на ходу пересматривать стратегию регаты. Двигатели на дирижаблях прожорливы и очень зависимы от скорости. К примеру, на ста двадцати километрах в час они потребляют почти в два с лишним раза больше топлива, чем при девяноста. Не так-то просто массивным тушам дирижаблей бороться с сопротивлением воздуха. Наш «Сапсан», благодаря своей конструкции, имеет небольшой выигрыш по этому параметру. Стоит попробовать использовать это преимущество и заставить наших соперников передвигаться в невыгодном для них режиме. Пусть поломают себе головы, пересчитывая расход топлива и время дозаправки. Глядишь, кто-то из них и ошибётся с расчётами, а вторая дозаправка – это уже верный проигрыш для многих из них. Не простят им соперники дополнительную задержку в двадцать-тридцать минут. Далеко успеют уйти.

– Постараемся держаться лидеров, но без фанатизма. Обороты больше половины жёлтой зоны не поднимаем, – принял я половинчатое решение, решив сначала немного осмотреться.

Наверняка у опытных команд продуманы более изощрённые планы. Кто-то рассчитывает на мощный финишный рывок, надеясь до последнего держаться в основной группе. У других ставка сделана на более надёжные двигатели, с помощью которых они попытаются оторваться на сложном участке, скорее всего – на дальнем прогоне с сильным встречным ветром. Не последнее место займёт и мастерство штурманов, которые выберут лучшие горизонты и смогут «поймать ветер» заняв единственно верный высотный эшелон.

А наша тактика – создание интриги и неожиданные атаки. Мы попытаемся своими действиями сорвать особо изощрённые игры, прекрасно понимая, что в них нам не светит.

Старт!

Сигнальная ракета ещё не успела ещё подняться в небо и рассыпаться там огненными брызгами, как мы, отстрелив расчалки, начали резко набирать высоту. Гравикомпенсаторы у нас мощные и запаса энергии в накопителях достаточно. Впрочем, в своём манёвре мы оказались не одиноки. Ещё пара дирижаблей так же резво потянула вверх, пожертвовав частью балласта.

Удобная позиция. Ты видишь всех, а они тебя нет. Из гондолы можно смотреть только в стороны и вниз. Так что пока мы

выходим на курс и продолжаем набирать высоту, поглядывая на удаляющееся поле и уменьшающиеся на нём фигурки людей.

На старте все дирижабли стоят носом к ветру. Иначе их не закрепить на мачтах, да и шанс возникновения аварий будет высок. Не имея хода, дирижабли, в большинстве своём, плохо маневрируют. Мощные маневровые двигатели есть не у всех, а рули без скорости почти бесполезны.

К счастью, все пилоты оказались достаточно опытны, и смогли стартовать без столкновений. Нам сверху отлично видно, как красиво группа дирижаблей разворачивается расходящимся веером, вставая на курс.

Наконец-то проявили себя самые нетерпеливые. За парой дирижаблей потянулись густые полосы потемневшего выхлопа. Пилоты решили использовать форсаж, чтобы активней подстегнуть начало разгона и вырваться на первые позиции.

– Вижу форсаж у двоих, троих, ещё двое добавилось, – начал дублировать Степан картинку внизу, рассматривая наших соперников в бинокль, – Ещё. Уже девятеро вовсю дымят. Хотя, стоп. Дымить-то они дымят, а разгон только четверо ускорили.

– Как так? – удивилась Дарья, в свою очередь приникая к иллюминатору, – А ведь точно. След за ними идёт, а от группы, кроме четверых, остальные не сильно далеко ушли.

– Иван Силыч мне как-то рассказывал, что если в двигатель вспрыснуть немного масла, то выхлоп будет, как от форсажа, – к месту вспомнил Степан.

– На публику работают? – предположил Усольцев, не отрывая глаз от приборов.

– Вряд ли, – затряс головой Степан, не поверив в желание пилотов удивить зрителей, – Скорее всего ветераны сговорились и новичков проверяли. Форсаж – это режим чрезвычайный. Больше, чем на пять минут его не включишь. Пару-тройку раз форсаж задействовал, и снимай двигатель на проверку. Так что провоцировали они новичков, чтобы на финише преимущество заиметь.

– Зря старались, раз ничего не вышло, – оторвался от приборов техномаг и размял захрустевшие кисти рук. Тоже волнуется, раз с такой силой за край панели уцепился, что руки затекли.

– Почему не вышло, по-моему вполне неплохо они сработали. Во-первых, мы точно не знаем, сколько действительно подставных в передней четвёрке, а во-вторых сзади, метров на триста ниже нас, «Бесстрашный» идёт. Он ещё недавно прилично дымил, – не согласился Степан, поочерёдно обходящий иллюминаторы с биноклем в руках.

Дарья, вскинувшаяся было на слова о появлении «Бесстрашного», не сразу сообразила в связи с чем он упомянут, и лишь потом тихонько прыснула в кулачок.

Какое-то время летим молча. Все занялись своими делами.

Мы идём метров на четыреста выше первой четвёрки, которая прилично разогналась. Отстаём от них примерно на полтора километра. Немного ниже нас, с отставанием на полкилометра летит «Бесстрашный», а километрах в трёх за нами виден «Айвенго». Остальная группа виднеется далеко вдали мелкими точками. Значит до них километров десять. Я с нетерпением поглядываю на часы. Сам себе строго-настрого запретил дёргаться раньше. Вот пройдёт час… А стрелки часов словно умерли. Ну, наконец-то дождался…

– Дарья, можешь поточнее сказать, сколько мы пролетели, – спрашиваю я княжну, которая вздрагивает от неожиданности. Это я сам виноват. После продолжительного молчания мой вопрос прозвучал чересчур громко, а звукоизоляция салона у нас хорошая. Шёпотом можно говорить и шум двигателей не помешает.

– Могу сказать очень точно, – отвечает княжна, забавно сморщив носик, – Внизу Рогачёво-Никольский храм. А чуть дальше усадьба моей тётушки.

– Штурман, сколько километров мы пролетели? – переспрашиваю я, тщательно выговаривая каждое слово. Дарья краснеет и хватается за линейку.

– Сто двадцать один, – выдаёт она ответ спустя несколько секунд.

– Ага. Минут пять на разворот, столько же на разгон… Километров под сто тридцать идём, – подвожу я итог своим расчётам, сверяя его с часами, – Правда, это с учётом того, что у нас ветер в ж… э-э… в корму. Километров двенадцать-пятнадцать добавляет. У кого какие идеи есть, как нам подопнуть эту четвёрку? – я машу рукой вперёд, обозначая нынешних лидеров гонки.

– Можно сменить эшелон, уйдя вниз, и когда они нас заметят, то начать поддавливать, – предложил Усольцев.

– А зачем спускаться нам, если они видят «Бесстрашного»? Надо просто добавить скорость и тянуть его за собой, а они пусть думают, что это «Бесстрашный» их догоняет, – прищурилась княжна, умудрившаяся даже в небо привнести дух небольших женских хитростей.

– Думаешь, на «Бесстрашном» пойдут за нами? – простодушно поинтересовался Степан, почёсывая затылок.

– Попробовать-то никто же не мешает, – ответила Дарья, даже

не поворачиваясь к нему. Ага, эта пара затеяла игру между собой. Дарья отчётливо дала понять, что в простодушие Степаши она ни разу не поверила и ответила так, чтобы выбор остался за мной.

– Раз других предложений нет, то пробуем сделать вид, что желаем оторваться от «Бесстрашного», – чуть выделил я голосом слова про отсутствие других предложений, – Надеюсь, что основная группа наши манёвры не скоро заметит.

– А что им замечать, если у кого-то из «разгонщиков» постоянно рация работает, – буркнул Степан, сообразивший, что их игра не осталась незамеченной, – Только там на татарском говорят, а я в нём ни бум-бум.

Молодцы ветераны, что сказать. Идею с радистами, разговаривающими на незнакомом языке, я оценил по достоинству. Запомню.

– Ладно. Поехали потихоньку. Докладывайте обстановку сзади, за передними сам присмотрю, – скомандовал я, добавляя мощность на магические контуры. Бензиновые двигатели пока решил не трогать, молотят себе, и пусть молотят. Не исключено, что основная интрига регаты у нас как раз и развернётся из-за увеличенных расходов топлива и перегревшихся двигателей.

«Бесстрашный» откликнулся на наше увеличение скорости с приличной задержкой. Честно говоря, я уже решил, что из затеи с ним ничего не выйдет, и несколько раз оглядывался на Степана, который в ответ молча крутил головой.

– «Бесстрашный» начал набирать высоту. Похоже, там на обгон пошли, – услышал я наконец-то долгожданное сообщение от Степана.

Через минуту-другую начались изменения и в четвёрке лидеров. Она разделилась на две пары и между ними постепенно начал расти разрыв.

– Калуга через десять минут, – услышал я сообщение Дарьи и потихоньку прибрал мощность на магических контурах, а потом и снизил обороты бензиновых двигателей. Постараемся действовать по ранее выбранной тактике. Пропустим вперёд других.

Четвёрка лидеров и севший к ним на хвост «Бесстрашный» скинули свои вымпелы чуть раньше нас, что через несколько минут мы услышали и от радиокомментатора. Прилично у них связь поставлена между столицей и контрольными точками. Радиопередачи из столицы ведутся на средних волнах, так что наш приёмник должен уверенно ловить новости с гонок на протяжении всей трассы.

Думается мне, что наши манёвры на первом этапе регаты уже внесли приличную сумятицу в действия основной группы. Судя по сообщениям комментатора, она сильно растянулась.

На втором этапе нас отпустили. Четвёрка лидеров очень вяло прореагировала, когда их обогнал сначала «Бесстрашный», а затем и мы с «Айвенго». Не поверили они в серьёзность наших намерений, и напрасно. До Брянска наша троица шла, не сбавляя скорости.

Из новостей, переданных по радио, мы узнали, что на втором этапе от пары бывших лидеров наша тройка оторвалась на четыре минуты, а от основной группы на восемь. Причём одну из отставaвших пар основная группа уже догнала. Прилично ветеранам гонок пришлось покрутить винтами, чтобы удержать столь незначительный отрыв. Даже радиокомментатор отметил, что никогда ещё гонка не проходила на таких высоких скоростях.

– «Айвенго» уходит восточнее, – спокойно доложил Степан, пока мы переваривали последние новости, услышанные по радио, и решали – закончились или нет «разгонщики».

– Игорь Семёнович, прими управление. Курс держи между «Айвенго» и «Бесстрашным», – скомандовал я техномагу, а сам бросился к штурманскому столу, где Дашка уже вовсю шелестела распечатками карт ветров. Их нам выдали перед самым вылетом и пока это самая достоверная информация о погоде.

Неожиданно я оказался в положении буриданова осла. Заметался между двумя дирижаблями, постепенно расходящимися друг от друга. Самостоятельной прокладкой курса мы заранее не озаботились и теперь приходиться принимать быстрое решение при минимуме информации.

К счастью, Дарья уже успела прикинуть начерно курс обоих дирижаблей. «Бесстрашный» шёл на Белгород практически по прямой, а «Айвенго» принял чётко к ветру и направился куда-то между Курском и Орлом. Движение, приведённое к истинному направлению ветра, особого плюса им не даст. От силы добавит скорость километров на пять в час, по сравнению с курсом «Бесстрашного». Не стоит такая прибавка к скорости того, чтобы делать крюк километров в пятьдесят, если не больше. Да, этап у нас предстоит длинный. Расстояние между Брянском и Белгородом почти такое же, как у двух первых этапов в сумме. Километров под четыреста выходит.

– Курск дай, – попросил я княжну и уже через несколько секунд выделил карандашом на листке карты ветров нужный фронт. Северный ветер пятнадцать-восемнадцать метров в секунду задувал на высоте в три с лишним тысячи метров почти на всём протяжении пути от Курска к Белгороду. Сильный ветер. Он даст нам прибавку к скорости больше пятидесяти километров в час.

– Три тысячи метров! – испуганно пискнула Дарья.

– Ты же у нас маг воздуха. Соображай, как нас спасать будешь, – я постарался сказать это строго, и чтобы скрыть усмешку, повернулся к техномагу, – Игорь Семёнович, держи за «Айвенго». Кстати, не забудь мне напомнить, чтобы я после гонок штурману с «Айвенго» бутылкой коньяка проставился. Если бы не он, то сделали бы нас ветераны на этом этапе, как детей.

Дарья сидела спиной ко мне, старательно делая вид, что продолжает изучать карты. От покрасневших кончиков её ушей впору было прикуривать. Может она и считала, что вполне достаточно просмотреть карты прямых маршрутов, но регата жёстко расставила всё по местам. Понятно, что она не профессиональный штурман, но примеры, подобные сегодняшнему, ей не раз даже при мне объясняли и показывали. Дирижабли далеко не всегда летают по прямой. Такой уж это ветрозависимый транспорт.

– «Бесстрашный» изменил курс и следует за нами, – бесстрастно доложил Степан минут через десять, словно у нас с курсом до этого ничего и не случилось.

Ага, а потенциальный Дарьин жених оказывается не полный идиот. Быстро сообразил, что не всегда самый короткий путь может оказаться самым быстрым и наш манёвр не случаен. Ну-ну, пусть догоняет…

До точки подъёма докатились быстро. То ли попутный ветер оказался чуть сильнее, то ли время быстро прошло, но то, что «Айвенго» шустро пошёл вверх, застало меня в слегка расслабленном состоянии.

– Всем приготовиться к подъёму на высоту в три тысячи метров, – предупредил я свой экипаж о предстоящих неприятностях, – Второму пилоту заняться давлением балоннетов. Мотористу внимание на двигатели. Штурману обеспечить комфортные условия для работы экипажа.

Не, всё-таки капитаном хорошо быть. Всех озадачил, и занимайся своими делами. А то, что с балоннетов надо будет воздух стравливать, причём равномерно со всех, или то, что движки на высоте «не тянут», меня слабо волнует. Собственно как и способ, каким Дарья нас собирается спасать от горной болезни. Всё-таки, кто и что бы не говорил, но три километра – это высота. Особенно, если её набираешь быстро.

Теперь я точно знаю, что в ту ночь я изрядно расширил свой список самых нелюбимых дел и не менее пакостных состояний.

Первые неприятные ощущения появились уже на высоте в полтора километра, и княжна принялась за работу. Насколько я понял, она использовала какое-то заклинание воздушного щита. Объём гондолы у нас приличный и на какое-то время воздуха в

ней будет достаточно.

Усольцев вместе со Степаном занимались стравливанием сжатого воздуха из баллонетов. В дирижаблях используется не только гелий. Для температурной компенсации существуют баллонеты со сжатым воздухом, которыми пилот может регулировать объём баллонетов с гелием, без стравливания дорогого газа. Иначе на большой высоте наши воздушные баллонеты чересчур расширятся и сожмут гелий, уменьшая его подъёмные свойства.

Дарья выдохлась через час. Час полёта в темноте, на огни идущего впереди «Айвенго». Высота три шестьсот. Для нас это много. Гравики вовсю высасывают накопители. Тысяч до двух они обходятся энергией, собираемой контурами, а потом подавай им дополнительное питание.

Я передал управление техномагу, и пошёл укладывать Дашку спать. Её так мотает, словно она нас на себе тащила. Успел напоить горячим чаем с мёдом, и она рухнула на диван. Укрыл её теплым пледом из верблюжьей шерсти. Пусть поспит.

Вернувшись на место, я не обнаружил впереди огней.

– Игорь, где «Айвенго»? – со злостью посмотрел я на техномага. На несколько минут стоило отойти, и вот на тебе. Ведущего потеряли.

– Кислородом подыши, – спокойно посоветовал Усольцев, взглянув на мой всклокоченный вид.

Первым желанием у меня было за шкирку вытащить из кресла обнаглевшего растяпу, но тут в голову стукнуло, что про кислород он не случайно сказал. Рассказывали же нам в Академии про первые признаки «горняшки». От недостатка кислорода теряются не только зрение и слух. На человека наваливается усталость и он становится агрессивным.

После десятка глубоких вздохов-выдохов, сделанных в кислородной маске, ко мне пришло тепло и спокойствие, а открыв глаза я увидел впереди огни «Айвенго». Вовремя Степан подсуетился, вытащив из рундука баллоны с кислородом. Я бережно закрыл кран на редукторе. Баллоны у нас невелики. Постоянно дышать не получится. Теперь бортовые огни «Айвенго» для меня не только маяк в ночи, но и индикатор моего состояния. Как только огни начнут пропадать, так сразу надо хватать маску и начинать дышать.

Летим на четырёх с половиной тысячах метров. По крайней мере так показывают приборы. Почему такая высота – не знаю. Мы просто следуем за «Айвенго».

Горячий чай, шоколад. Первым симптомом кислородного голодания себя проявляет холод. Он внезапно охватывает тебя и

идёт изнутри. Горячий чай спасает, но ненадолго. Гораздо больше пользы от нескольких глотков кислорода. Летим, время от времени вентилируя лёгкие. Все размышления о тактике и прочих мелочах уходят куда-то вдаль. За иллюминаторами темнота и звёзды. Монотонно гудят двигатели, еле слышные в салоне. Голова тяжелеет, глаза закрываются. Хочется спать. В какой-то момент меня настигает безразличие и чувство успокоенности. «Горняшка» подкралась ко мне с другой стороны, создав ощущение сильного опьянения. Осознав это, подхватываю маску и снова жадно дышу.

Оглядываюсь. Степан спит в кресле. Голова неестественно вывернута и ему наверняка неудобно. Встаю, и на заплетающихся ногах бреду к нему. Поднимаю кислородную маску с его колен и подношу ему к лицу, открывая кран. Вроде ожил. Прижал к лицу маску рукой и заморгал.

Смотрю на княжну. Из-под пледа выглядывает бледное лицо с заострившимися скулами. Маска, кислород. Начала розоветь, только губы всё ещё серо-синие, словно из балтийской воды вылеплены. В её баллоне кислород ещё есть и я расходую его не жалея. Второй раз в этой гонке я на высоту точно не полезу. Баллоны с кислородом у нас закончились, а без них мы с высотой не справимся. Меня даже не смерть страшит, а её серая безысходность.

– Вниз пошли, – хрипит Усольцев, кивая на идущий впереди дирижабль.

«Айвенго», словно спасаясь от первых лучей только что появившегося краешка Солнца, начинает снижение.

– Буди Степана. Начинайте воздух закачивать, – командую я, перехватывая управление.

Сосредоточившись на управлении, всё-таки фиксирую звук включившихся насосов. Пошла закачка. Теперь надо крайне осторожно работать с гравиками, иначе рискуем резко провалиться вниз.

– Ты как? – Дашка, тихонько подкравшись, заставляет меня вздрогнуть.

Я чересчур увлёкся управлением, на какое-то время слившись с дирижаблем в одно целое и потеряв связь с действительностью. Как-то раз, во время вечерних посиделок, Киякин рассказывал мне про такое чувство. Каюсь, я тогда ему не поверил, списав это на очередные пилотские байки, а теперь и сам его прочувствовал, отзываясь лёгкими движениями пальцев на малейшие изменения дирижабля в полёте.

– Терпимо, – отозвался я, с благодарностью принимая появившуюся передо мной кружку с кофе. Ничего так, я увлёкся.

Дарья успела помыться сбегать и кофе приготовила, а я и не услышал.

– До Белгорода минут пятнадцать. Ветра нет. В километре впереди нас «Айвенго», за нами, километрах в трёх-четырёх «Бесстрашный», – доложила Дашка обстановку за бортом, присаживаясь на пустующее место второго пилота.

– Как нет ветра? – удивился я, вспоминая выданные нам карты.

– Ты что, ни разу рассвет на озере не встречал? Даже если ночью и был ветер, он к рассвету обычно стихает, и озеро, как зеркало становится. И только потом, после восхода солнца, он снова начинает дуть, понемногу разгоняясь, – поделилась со мной княжна своими натуралистическими знаниями природы.

А ведь точно. Сам сколько раз удивлялся на рыбалке, что перед восходом ветер стих и поплавки замерли, чутко реагируя на малейшее движение.

– Значит нет ветра, – ещё раз уточнил я, вглядываясь в проплывающие под нами деревья. А его и действительно нет. Даже у берёз, с их тонкими свисающими ветвями, никакого шевеления не наблюдается. Не поленился, в бинокль рассмотрел. Высота у нас тысяча сто. Всё, как на ладони, – Степана позови, и скажи ему, что мне нужен точный остаток топлива.

– Только не говори мне, что ты не собираешься заправляться в Белгороде, – что-то сообразив, Дарья несколько раз тыкнула в меня пальцем, словно собираясь им воткнуть в меня эти слова.

– Какая же ты у меня умная! – почти искренне восхитился я, на пару секунд отвлекаясь от управления, чтобы в удивлении помотать головой.

– Ты опять! – княжна всплеснула руками и даже ногой притопнула, – Ты научился очень ловко соглашаться со мной. Каждый раз, когда ты это делаешь, у меня возникает ещё больше вопросов, и я почему-то начинаю чувствовать себя дурой.

– Штурман. К Степану. Бегом, – включил я «капитана», продолжая снижаться.

Бегом Дарья, естественно, не кинулась, но прошла так… Короче, хорошо прошла. Знала, зараза, что я вслед ей посмотрю, хотя бы в зеркало, позволяющее пилоту осматривать салон. Я тоже знал, что мне надо посмотреть ей вслед. Научен горьким опытом. Помню, как-то раз я проигнорировал своих горничных, примерно в такой же ситуации, так на следующее утро вместо чая получил не пойми что. Поэтому смотрю, раз мне так положено, и не скрываю, что мне это нравится. Опять же реагирую, соответственно полу и возрасту.

– При такой же скорости топлива часа на два хватит, –

подходит ко мне Степан, а следом за ним и Усольцев.

– А поточнее? До следующего места заправки у нас километров двести пятьдесят-двести семьдесят и есть шанс первый час полёта проскочить без ветра. Километров пятнадцать форы можем выиграть и от лидеров оторваться. С навигацией вы тут без проблем справитесь. Привяжемся к железной дороге и над ней пойдём, – я коротко проинформировал экипаж о возникшей идее. Использовать короткое утреннее затишье, когда можно не бороться с боковым-встречным ветром, который будет задувать нам в левую скулу – вроде не самая плохая идея.

– И что ты переживаешь? Если бензин кончится, мы и на магии дотянем, – кривит Степан губы, чувствуя мою неуверенность.

– Я бы не стал на это сильно рассчитывать, – вмешивается техномаг, – Высотный полёт нам дорого обошёлся. Впереди почти половина пути, к тому же под встречный ветер, а у нас меньше половины Силы в накопителях осталось. Что-то мне подсказывает, что на одних бензиновых двигателях мы не соперники не только лидерам, но и большей части остальных дирижаблей. Наверняка почти все на лицензионных «Майбахах» идут и чём-то подобном, и только мы на «ярославцах», достаточно простых и не очень сильных.

В последнем его предложении явный упрёк, адресованный лично мне. Когда нам неожиданно отказали в поставке лицензионных двигателей, я не стал подключать свои связи, чтобы «продавить» выполнение контракта. Да, нам выплатили приличную неустойку, но бензиновые двигатели теперь у нас стоят менее мощные, чем мы изначально рассчитывали, и под какие уже успели изготовить винты. Впрочем, последнее оказалось во благо. Теперь наши винты не боятся перегрузок и имеют почти двукратный запас по прочности. Винты – это особая песня и ещё один повод для нашей гордости. Сейчас все летают на деревянных винтах в три или четыре лопасти, а мы – на металлических шестилопастниках, изготовленных из легких сплавов металлов. Точные характеристики сплавов Густавсон даже мне не говорит. Видимо всерьёз он порезвился, получив доступ на склады неведомого благодетеля, раз секретничает. Я и не настаиваю. В принципе, вся конструкция винтов – это одна из личных разработок Рудольфа Генриховича, сделанная им лет двадцать назад. Тогда он не смог осилить технологию их изготовления, зато теперь отрывается по полной программе, используя наш метод диффузионной сварки и простоту выдавливания сложных поверхностей с помощью магии.

Белгород мы прошли без остановки. Вымпел сбросили и

посмотрели, как пристраиваются к мачтам «Айвенго» и «Бесстрашный».

Убедившись, что железная дорога находится под нами, а видимость вокруг «на миллион», как любят выражаться пилоты, я передал управление Усольцеву и решил хотя бы полчасика вздремнуть. Вымотали меня и нервишки, и высотный полёт.

Степан растолкал меня, как только впереди стал виден Воронеж. Хорошо я поспал. Гораздо дольше, чем предполагал.

Я сходил сполоснул лицо и уже шёл сменять техномага, как какая-то неведомая сила потащила наш дирижабль в сторону, заставив меня изо всех сил вцепиться в подлокотник кресла, в которое я так и не успел сесть. Зато, развернувшись, смог увидеть Дарью, кастующую что-то мощное, и жест Степана, указывающего на правые иллюминаторы. Там, нелепыми рогами торчали едва вращающиеся лопасти винта. С трудом оторвавшись от кресла я в прыжке дотянулся до управления и потянул на себя рычаги газа бензиновых движков, снижая их обороты. Постепенно наш дирижабль выправился, хотя и не до конца.

– Остановка правого двигателя. Включить маневровые. На посадку заходим внештатно, – на ходу начал я раздавать команды, соображая, как нам выкрутиться.

Причаливание к мачте – одна из самых сложных операций во всём пилотировании дирижаблей. По статистике именно на неё приходиться восемьдесят процентов фатальных аварий. У нас отказал правый двигатель. Причина пока не понятна, но надеюсь, что это просто из-за нехватки топлива. Гораздо хуже то, что мы потеряли манёвренность и теперь рули бесполезны. Киякин несколько раз заставлял меня маневрировать над полем, используя только магодвигатели и маневровые пропеллеры, но не скажу, что мои успехи его сильно радовали. «Как дерьмо в проруби» – оценил он как-то раз мои первые попытки. Да я и сам чувствовал себя коровой на льду. Потом чуть освоился, но именно, что чуть…

Самое сложное для меня – это подойдя к мачте удерживать дирижабль на месте. Желательно в одном положении и обязательно носом к ветру. Степан в это время скинет расчалки, и спустя минуту-другую нас подхватят мощные лебёдки, подтягивая наше судно к мачте и фиксируя его положение растяжкой. Наземный ветер в Воронеже пять-шесть метров в секунду, с небольшими порывами. При исправных двигателях условия вполне стандартные.

Причалили мы условно успешно. Примерно с полутора попыток. Сначала не очень удачно зашли, и пришлось чуть скатиться назад. А потом дирижабль дрогнул, и чуть мотнув

корпусом, уверенно пополз к мачте. Справилась наземная служба с нашими косяками. Сумели вытянуть свой трос далеко в поле и поймали нас, приводя на более правильный галс.

– Степан – заправка, Усольцев – управление, – успел я крикнуть на ходу, сдёргивая с себя куртку. Конструкция нашего дирижабля позволяет добраться до всего навесного оборудования двигателей не выходя на открытый воздух. Надо просто пробраться через хитросплетения ферм каркаса и балоннетов, и очутиться под моторной гондолой. Проходы там узкие и куртка будет только мешать. На ходу подхватив пояс с инструментами, который Степан выложил из своего шкафчика, я разблокировал правый люк и ужом вполз в его темноту. Бег на четвереньках – так себе занятие, должен заметить. Почему-то в героических рассказах о покорителях неба я ни разу о нём не читал. Там у всех героев суровые лица, стиснутые зубы и заиндевевшие скулы, а у меня… Бумс-с. Похоже очередной синяк. На этот раз на затылке. В недрах дирижабля впору полосу препятствий устраивать. Сколько же тут всяких разных труб и перегородок понатыкано.

Уф-ф, добрался. Для начала кинулся осматривать свечи и высоковольтные провода. Насмотрелся я в своё время на ворох этого безобразия, валяющегося у нас за мастерской. Как ремонт, так чуть ли не обязательная замена всей проводки. Изоляция для высоких напряжений пока у всех двигателей уязвимое место, да и качество свечей так себе.

С виду вроде всё цело. Ничего нигде не слетело, да и следов пробоя изоляции я не заметил. Ползу дальше, подсвечивая себе фонариком. От идеи воспользоваться магией я сразу отказался. В воздухе откровенно чувствуется запах бензина. Хотя, стоп. Так же не должно быть. Вожу носом, словно спаниель, почувствовавший дичь. Справа запах сильнее. А вот и его источник. Небольшая лужица бензина, в которую он же и продолжает капать. Поднимаю голову, которая в очередной раз встречается с какой-то трубой, и вижу здоровенный чёрный цилиндр фильтра грубой очистки топлива. Не раз помогал Силычу их менять, так что опознаю объект сходу. У меня паника. Фильтр снимается специальным ключом, которого на поясе у Степана нет. Должен быть такой специальный пистолет со стальной лентой, затянув которую на цилиндре фильтра, его можно будет открутить. Совсем уже решившись на безумную попытку попробовать это сделать голыми руками, я замечаю, что на одном из шпангоутов каркаса нужный инструмент очень даже присутствует. Какая-то добрая душа прикрепила его над фильтром, и даже рукоятку прихватила лентой к трубе, чтобы он не болтался.

Разборка фильтра заняла чуть больше времени, чем его

снятие. Стоило открутить кожух, как на пол посыпались непонятные обрывки тряпок. Хотя нет. Один обрывочек показался мне чересчур знакомым. Я знаю всего лишь одного человека, который на своей рабочей одежде практически все пуговицы не нитками пришивает, а приматывает их медной проволокой. И это Иван Силыч. Вот и на этом клочке ткани имеется пуговичка, прикрученная проволокой.

Из недр дирижабля я выбрался голый по пояс. Лужа бензина – не лучшее соседство для прорезиненной ткани оболочек баллонетов. Разъедает бензин тонкий слой резины очень быстро. Да и пары бензина рядом с работающим двигателем… Пришлось пожертвовать рубашкой, к тому времени уже изрядно измазанной в грязи и порванной на рукаве. Насухо затёр собственной рубахой лужицу и собрал в неё все куски тряпья, попавшие в фильтр. С ней в руках я и выбрался в салон.

– Запускайтесь. Доложите обстановку, – потребовал я, вываливаясь из люка.

– Заправились полностью. «Айвенго» и «Бесстрашный» сбросили вымпелы пять минут назад. До подлёта первых дирижаблей основной группы осталось минут восемь-десять, – отчиталась Дарья, пока Степан с Усольцевым запускали двигатели, с тревогой прислушиваясь к их работе.

– Отлично. Мы достанем их, – махнул я рукой вперёд, усаживаясь к управлению, – Степан, откуда тряпки в фильтре?

– Откуда – не знаю, но думаю, что мы подняли их из отстойников в баке, когда высосали топливо почти под ноль.

Чёрт. Получается, что своим решением я больше проиграл, чем выиграл. Пришлось идти на остатках топлива и это привело нас к тому, что мы собрали всю муть из отстойников – специальных полостей в топливном баке, куда собирается водный конденсат, грязь и прочие нежелательные составляющие бензина. Каким-то образом там оказались и обрывки спецовки Силыча, которые напрочь забили топливный фильтр.

Стоило нам набрать высоту, и я увидел впереди две блестящие точки. Лидеры летели над редкими облаками и судя по всему их скорость пока не поменялась. Идут в том же темпе, что и шли весь путь. Скорость километров сто десять в час, с учётом практически встречного ветра, отбирающего у них километров двадцать-двадцать пять.

На наше появление первым отреагировал «Айвенго». Прошло полчаса, и мы уже серьёзно сократили разрыв, приблизившись к ушедшей вперёд паре километров на пять.

На «Айвенго» не стали ждать, когда мы их догоним. Дирижабль принял чуть круче к ветру и пошёл в отрыв, заметно

увеличивая скорость.

– У них трёхмоторная схема. Решение неплохое, но спорное, – просветил меня техномаг, когда мы смогли более детально рассмотреть лидера. «Бесстрашный» к тому времени уже отстал, заняв привычное ему третье место.

За всё время гонок у меня впервые появилось время рассмотреть «Айвенго» подробнее и со стороны. С виду – обычный архаичный «огурец», с двумя двигателями посередине корпуса, вынесенными на подкрылки, и одним хвостовым. Некоторый изыск наблюдается в чуть скрытой в корпус гондоле, уменьшающей сопротивление воздуха, но пожалуй и всё. Судя по его габаритам, тоннаж у него побольше нашего, да и пассажирская гондола по размеру гораздо обширнее.

Смотрим мы друг друга почти в упор. У нас скорость выше, и мы летим метрах в трёхстах от «Айвенго», рассматривая его сбоку и немного сверху. Обгоняем не спеша. Удобный ракурс – словно экспонат на выставке разглядываем. Для нас выбранная скорость вполне комфортна, а для остальных она вряд ли доступна. По крайней мере – на продолжительное время. Зато по предварительным расчётам Усольцева именно так мы спокойно достигнем финиша, не просадив в ноль накопители.

– Ещё и дёргаются, – с некоторым неудовольствием замечает Степан очередную попытку «Айвенго» выровнять с нами скорость.

Я ему не отвечаю. Просто тихо и тупо млею от ласковых рук Дарьи, которая протирает мой мужественный торс покорителя неба (ха-ха три раза) тёплым влажным полотенцем. Угу, так-то я вылез из недр нашего дирижопа, словно поросёнок из лужи. Всё что мог на себя собрал, в том числе и царапины. Поэтому сейчас и шиплю сквозь зубы. Протирала она меня не долго, зато потом тщательно по всем ранкам прошлась йодом. Я надеюсь, что мои будущие внуки когда-нибудь оценят в моих рассказах что-нибудь вроде – «Скупая мужская слеза катилась с глаз героя». Да не, но больно же, блин. А-а-а… Дашка, садистка…

Когда инквизиторша закончила своё чёрное дело, а я, протерев глаза, вернул себе подобие среднестатистического восприятия действительности, выяснилось, что «Айвенго» упылил от нас примерно на полтора километра вперёд. Круто! Похоже, я заставил их капитана выложить свои козыри на стол. В переводе на обычный обывательский язык – «Айвенго» сейчас топит на скорости километров в сто пятьдесят, если её привести к нулевому ветру, а это уже очень серьёзно. Оказывается, не один я полон сюрпризов. Мне это демонстрируют более чем наглядно. Сто пятьдесят без форсажа… И разрыв продолжает увеличиваться.

– У кого какие идеи? – интересуюсь я из любопытства,

пытаясь сам объективно оценить обстановку. Она мне не нравится. Можно увеличить скорость, поддав расход Силы, но мы и так идём на пределе её расходования и неизвестно, хватит ли нам запаса магии в накопителях на финишный рывок, или наоборот, мы на финиш придём крайне вялыми, с погашенными магодвижками. Серьёзно мы потратились на высотный полёт, почти вдвое увеличив расход на гравики. Закон Соловьёва – чем дальше от поверхности Земли, тем больше потери в собираемой энергии. Наш предел – два километра, при большей высоте включается расход энергии из накопителя. В дебри вникать не буду. Вряд ли кому интересны формулы с площадью охвата контуров объекта и их коэффициенты, выдающие результат в ньютонах. Да я сам, зевая, чуть челюсть себе не вывихнул, когда нам на лекциях это рассказывали. А потом ещё и Густавсон не раз пытался донести до меня «доброе и вечное». Сеятель, млин. Нет бы просто сказать, что с нашим весом, мы после двух тысяч метров усиленно начинаем расходовать Силу, и чем выше, тем больше. Дорасходовались. Был полуторакратный запас, а теперь не уверены, что с магией до финиша дотянем.

– Можем запустить движки в режим небольшого перегрева. На час их хватит, но потом придётся обратно обороты скинуть, – морщит лоб Степан, с избытком заливший топливо для своих «бензинок». Для себя ставлю галочку – пока мы перегружены топливом, выше тысячи восьмисот метров подниматься не стоит.

– У нас на борту порядка дюжины разнообразных устройств, в которые входят накопители разных размеров, – Усольцев, как обычно, пытается выдержать облик «старшего товарища». Так-то да. По возрасту он вдвое старше любого из нас, но почему-то весь наш экипаж эту разницу дружно игнорирует. Хотя, сейчас не время… Я, естественно, знаю те «устройства», на которые техномаг намекает. Первая четвёрка – это «парашюты». В них стоят самые мощные накопители, позволяющие спастись любому из нас, если он сверзиться с какой угодно высоты. Синяки от такого пояса может быть и останутся, но разбиться с ним невозможно. Конструкция старая и проверенная не одним поколением воздухоплавателей. Мы там только обычные накопители поменяли на свои, чтобы срок службы увеличить и к универсальности зарядки всё привести, – У нас есть возможность перекачать их Силу в накопители «Сапсана». Вот только не с моими каналами. Я, со своими возможностями, буду этим делом заниматься неоправданно долго и не слишком результативно, – постарался техномаг смягчить улыбкой своё высказывание. В принципе, он прав. Чем ниже уровень мага, тем медленнее, и с большими потерями, он способен перекачивать Силу.

На самом деле у его предложения есть второе дно. У любого Одарённого способности в основном определяются двумя показателями: резервом Силы и мощностью его энергоканалов. Отдельной песней стоит Концентрация, позволяющая более экономно расходовать Силу, но это вопрос менее принципиальный. Не всегда и не во всём этот параметр работает. Так что, предлагая перекачать Силу с одного накопителя в другой, техномаг заранее предполагает, что один из моих параметров или из параметров княжны ему станет достаточно точно известен. Не предусмотрены при перекачке Силы какие-нибудь вентили или клапаны, позволяющие скрыть пропускную способность энергоканала у мага. Да и коэффициент передачи скрыть невозможно. Без потерь даже архимаг Силу не перекачает, хоть пять процентиков, но потеряет при перекачке. Показатель так себе, но и его не скроешь. Существуют на то таблицы, достоверно увязывающие обе величины в одну закономерность.

У меня лично нет никакого желания светить свои способности, и на то есть серьёзные основания.

Вполне может быть, что я перетренировался со своим оборудованием, или зарядкой сделанных мной накопителей, но у меня всё обстоит немного не так, как оно положено согласно гладкой теории классической магии. По крайней мере, когда я нахожусь на своём родовом Источнике, то ни один архимаг за мной не угонится. Эту странность я не так давно для себя открыл, и пока у меня нет внятных объяснений, почему так получается. Зато есть очень нехорошие предположения.

Кроме магов, в этом мире когда-то существовали колдуны. Может они и сейчас остались, но про них никто ничего толком не знает. Если где они и есть, то сидят себе тихо, и не высовываются. Когда-то давно они плохую репутацию себе заработали, вот и извели их, как класс.

Отличие между магом и колдуном не то, чтобы большое, но на редкость своеобразное. У мага есть собственный резерв Силы, а у колдуна его практически нет. Зато оно восполняется необычайно быстрой и эффективной возможностью обращения к Источнику. Вместо собственного резерва колдун пользуется Источником, к которому он оказывается привязан.

Свою особенность я очень ярко выявил после слияния с Сущностью. До этого как-то не обращал внимания на свои «пропускные» способности, считая, что у меня всё в порядке и я ничем особым и не отличаюсь от мага классического обыкновенного.

Можно сказать, что такие особенности моего Дара оказались для меня самого очень неожиданны. За консультациями особо

никуда не кинешься. Колдунов маги сильно не любили и извели их задолго до образования Империи. А жаль, мне бы такие знания не помешали.

Однако, я нашёл возможность творчески подойти к собственному отличию от других магов. Я заменил Силу Источника накопителями. Подобрал себе наиболее удобную конструкцию одного из тех, что мы делаем, и дополнил её специальными контактными площадками. Оптимальный размер кристалла оказался тем же самым, что мы делали по заказу князя Обдорина. Получилась компактная вещица, чем то напоминающая гранату-«лимонку», только с гладким корпусом.

Надо ли говорить, что у меня в шкафчике лежат четыре такие «лимонки», про которые тот же Усольцев ничего не знает. Запас Силы у них больше, чем у накопителей спасательных поясов, да и скачивать её на порядок удобнее и быстрее получается. Обидно конечно, что придётся ещё один секрет слить той же Дарье, но на другой чаше весов лежат «парашюты», которые мне предлагает разрядить техномаг, а на такой риск уже я не согласен.

– Игорь Семёнович, прими управление и начинай понемногу с «Айвенго» выравниваться, а я пойду пока накопителями займусь, – передав управление и ещё раз взглянув на серьёзно оторвавшегося соперника, пробираюсь к своему шкафчику. Всё равно мне надо приодеться, а то с голым торсом оно вроде бы и мужественно выглядишь, но прохладно в салоне стало.

По пути осматриваю Дарью. А княжна-то у нас не очень хорошо выглядит. Вспоминаю, что она дирижабль воздушными щитами удерживала, когда нас недавно начало разворачивать после остановки двигателя. Хе, не везёт Дарье. Она ещё после высотного полёта не восстановилась, и снова свой резерв Силы под ноль просадила. Но Дашка молодец. Представляю, как ей сейчас хреново, а она ещё в себе силы нашла, чтобы меня осмотреть и йодом измазать.

– Смотри внимательно и запоминай. Отжимаешь пластину, подхватываешь Силу, не жадничая, и уже через эти вот контактные площадки скидываешь её в большой накопитель, – я несколько раз показал Дарье приём переноса Силы. Со стороны мои манипуляции больше всего похожи на бережное перетаскивание воды в ладошках из одного ведра в другое.

– А как же… О-о-о… – Дарья дёрнулась, словно в судороге, и у неё из глаз выкатились две маленькие слезинки.

– Я же сказал, не жадничая, – с силой оторвал я её руку от «лимонки», – Больно?

– Э-э… Нет… Наоборот. Всё хорошо. Ты иди. Дальше я сама, – торопливо заговорила княжна, стремительно краснея.

Угу, а то я не понял, что она близка к оргазму. Знакомые симптомчики, и этот чуть хриплый голос, с придыханием…

Странно. Со мной ничего похожего не происходит. Разве что в пот пробивает, а потом иногда мышцы ноют, как после хорошей тренировки.

– Ну, что тут у нас? – спросил я у техномага, добравшись до своего места.

– Догоняем понемногу, – ответил он, и постучав по стеклу прибора, показывающего заряд накопителя, молча показал мне оттопыренный большой палец.

Ага, идёт зарядка. Оглянувшись на Дарью, пересевшую ко мне спиной, заметил, что две «лимонки» уже отложены в сторону и она крутит в руках третью. Вот маньячка. Куда торопится…

До «Айвенго» ещё пара километров.

Мы уже совсем было нагнали «Айвенго», щедро расходуя Силу магодвигателями, как с ним стало происходить неладное. Левый двигатель, ближний к нам, вдруг выпустил густые клубы дыма, и «Айвенго», словно наткнувшись на невидимое препятствие, сначала резко начал терять скорость, а потом и высоту.

– Что с ними? – гася скорость, указываю я пальцем на лидера.

– Левый винт вдребезги разнесло, и у них множественные порывы на оболочке, – докладывает Степан, в бинокль рассматривая падающий дирижабль, – Да прыгайте же вы!

«Айвенго» каким-то чудом успевает погасить скорость падения, но всё равно ощутимо прикладывается об землю, и его какое-то время тащит ветром по полю, пока он не утыкается в одинокое дерево.

Из гондолы начинают выбираться люди. Двоих выносят, и они изломанными куклами лежат на траве.

– Приготовиться к посадке, – излишне громко отдаю я команду, высмотрев на поле безопасный ровный участок.

Пока Степан с техномагом крепят аварийные расчалки, от «Айвенго» к нам уже бегут люди, неся раненых на каком-то подобии носилок, сделанных из брезента, которым обычно укрывают моторную гондолу.

На борт берём четверых. Двое остаются у разбитого дирижабля.

– Сливай воду, – командую я Степану, который застыл на месте, провожая взглядом «Бесстрашный», – Дарья, осмотри раненых.

– Обоих срочно в госпиталь. У одного черепно-мозговая, у второго сложный перелом, – доложила княжна через пару минут, – Я к таким ранам даже подходить не стану. Как бы хуже

не сделать.

– Ближайший военный госпиталь километрах в десяти отсюда, на базе, правда придётся от курса отклониться, – с отстранённым лицом подсказывает техномаг. Он тоже смотрит, как над нами проходит «Бесстрашный» и наверняка прикидывает, остаются ли у нас шансы его догнать.

– Курс на госпиталь. Степан, попробуй связаться с вояками по рации. Пусть готовятся принять раненых, – упираюсь я взглядом в управление, чтобы не смотреть на Дарью. Даже представить себе не могу, что у неё сейчас в душе творится.

Почти стелясь над землёй, мы мчимся к военной базе. Слышу, как Степан объясняется с диспетчером. Как выгрузили раненых, я не заметил. Мне досталась сложная задача – удерживать нас на поле и активно работать с регулировками гравикомпенсаторов.

– Степан, Игорь, остаётесь вместе с ранеными, – скомандовал я, убедившись, что выгрузка закончена.

– С чего это вдруг? – исподлобья смотрит на меня друг детства, сжимая кулаки.

– Я сниму ограничители и мы попробуем догнать «Бесстрашный». Не исключено, что навернёмся, – пытаюсь я воззвать к голосу разума.

– Пф-ф… Лучше поясок накинь, – протягивает мне Степаша «парашют», надевая на себя точно такой же.

Мимо меня, набычившись, протискивается Усольцев, уже упакованный в «парашют», и с размаху плюхается в своё кресло.

Следующие полчаса полёта мне надолго запомнятся. Пожалуй впервые я понял, что чувствуют моряки, когда проводят испытание подводной лодки на максимальную глубину погружения. Мы вздрагивали на каждый резкий звук и словно собственной кожей ощущали любую вибрацию.

– Вижу «Бесстрашный»! – неожиданно заорал Степан, не расстающийся с биноклем. Млин, я чуть в штаны не наделал…

– Не может быть, – тут же отозвался Усольцев, – Мы его только перед столицей должны были догнать. Это кто-то другой.

– Точно говорю. Они.

– Ладно. Минут через десять точно разглядим, – ответил я, чуть сбрасывая скорость.

То, что наш дирижабль ещё не развалился – это просто чудо, но не стоит злоупотреблять чудесами, если в этом нет необходимости.

Догнали «Бесстрашный» мы намного быстрее, чем я предполагал. Такое ощущение, что они словно на прогулку собрались, а не в гонках участвуют. Крайне не спеша изволят лететь.

Когда до лидера оставалась пара километров, на нём активно заморгал прожектор, настолько яркий, что его было отлично видно даже при дневном свете.

– Поздравляем с победой. Желаем счастливого полёта, – перевёл нам Степан череду вспышек на обычный человеческий язык.

Я наконец-то рискнул посмотреть на Дарью и увидел её широко распахнутые глаза, над прижатыми к лицу ладошками.

Глава 16

Дом, милый дом. Как же я по тебе соскучился…

Почему-то из всех моих мест обитания я считаю своим домом снятую на пять лет столичную квартиру. Домик у верфей, ничем не отличающийся от соседних, гостевые апартаменты в особняке Липатова, или моя комнатушка в Касимове у меня никогда не вызывали чувство дома.

В столице у меня огромная квартира, которую я отремонтировал и меблировал по своему вкусу. Здесь мои девушки, которых я пригласил сам. Да, их можно назвать горничными, но на самом деле они себя считают больше хозяйками и моими подругами.

Скажу честно, приглашая их на работу в столицу я тогда думал не совсем, чтобы головой, но всё вышло намного интереснее и сложнее. Теперь у меня есть своё гнёздышко, где меня холят и лелеют четыре очаровательные девушки, а я отвечаю им взаимностью. Им нравится играть в горничных и я стараюсь им подыгрывать. К вечеру мы обычно скидываем маски. Вряд ли даже у самых удачных супружеских пар бывают такие весёлые вечерние посиделки, как у меня. Девчонки – приличные выдумщицы, а я – личность насквозь аморальная, когда остаюсь с ними наедине. Если они и хотели поначалу меня чем-то шокировать, то быстро поняли, что ничего у них не вышло. Шока не случилось, зато некоторые из продемонстрированных изысков им потом пришлось всерьёз осваивать. Короче, по вечерам у нас весело и не напряжно. Веселья и смеха на порядок больше, чем разврата. Опять же, это по моим оценкам.

Утро встретило меня лучиком солнца, попавшим в глаза, мягкими перинами, ещё не успевшими остыть от женских тел, и запахом крови. Приподняв плед, увидел справа от себя кровавое пятно на простыне.

Не понял. Лежу, пытаясь вспомнить вчерашний вечер. Пока получается плохо. Одного шампанского я вчера как бы не с полведра выпил. Не потому, что я этого хотел, но так получилось. Попробуйте отказать первым лицам Империи, если они спешат тебя поздравить. С каждым чокнуться, выпить, сфотографироваться. И попробуй недопить, врагов наживёшь.

Скосил глаза в сторону прикроватной тумбы. Так и есть. Стоит на ней заветный кувшинчик, сочась каплями набухающей росы на стенках. Мои девочки позаботились. Поставили опохмелятор. Эх, дотянуться бы…

Ух-х-х, как хорошо пошло! С каждым глотком становится

легче жить… А уж как славно напиточек по организму разошёлся, словно маленький ребёночек голыми ножками по венам побежал. И дятел, тупой дробью стучащий в затылок, начал понемногу затихать, переставая отдаваться в виски.

Почувствовав, что жизнь возвращается, я откинулся обратно на подушки, и начал вспоминать вчерашний день…

Зайти к финишу удалось красиво. С выпуском шасси над полем рисковать не стали, произвели его заранее, чтобы не опозориться, если вдруг что не получится. Был у нас как-то случай, когда одна из стоек «зависла» и не пожелала зафиксироваться. Но в этот раз всё прошло штатно. К полю подлетели немного с краю, и энергично развернувшись, встали перед посадкой под слабенький встречный ветер, полностью гася скорость.

Сбросили финишный вымпел, и слегка похулиганили, высыпав вслед за ним пару пригоршней ленточек, с расцветками моего Рода. Зрителям на сувениры пойдут.

Диспетчер по рации нам подсказал, что ветер у них три-пять метров в секунду. Мы и сами видим вяло шевелящуюся полосатую «колбасу». Так иногда называют пилоты ветровой конус, который устанавливается на каждом лётном поле и показывает силу и направление ветра у земли. Само поле было огорожено, и по нему только изредка сновали работники наземных служб. Пришлось удивить диспетчера, сообщив ему, что мы не будем причаливать к мачте, а сядем прямо на поле.

Раз уж появилась у меня шикарная возможность показать товар лицом, то грех ей не воспользоваться. Пусть мы и не первые, кто попытался научить дирижабли приземляться, но думаю, что наша конструкция наиболее удачна. Вряд ли кто нас переплюнет по простоте и скорости приземления, да и по безопасности нахождения на земле мы впереди планеты всей. Благодаря расплющенной форме «Сапсан» стоит устойчиво, а избыточный вес ему только помогает. Без расчалок, понятное дело, всё равно не обойтись, зато их нам нужно намного меньше, чем остальным. Обычно мы тремя обходимся, если ветер не шквалистый.

Перед выходом из гондолы Степан вручил всем нам хорошо знакомые красные береты с чёрной кожаной каймой и надписью золотом «Бережковские воздушные верфи».

Княжна, на секунду задумалась, а потом, плюнув на приличия, в несколько секунд справилась с головным убором, лихо заломив его на правую сторону. Критически осмотрела себя, крутанувшись перед зеркалом, и точно так же прошлась по моему берету.

На награждении не одни мы оказались «красноголовиками», одевшими столь яркий и необычный головной убор. Оба пилота МБК щеголяли в них же, а потом и экипаж «МиЛаНы» нарисовался, и что характерно, точно в таких же беретах.

В отличии от нас «МиЛаНа» пришла второй, но этот факт нисколько не омрачил радость купеческого экипажа. Всё-таки соперники у них были очень серьёзные, а для новичков и второе место – небывалое достижение.

Получив из рук Императора тяжёлый кубок и медаль, я вдруг понял, что церемония награждения, которую я наблюдал у яхт классом выше, изменилась. К нам принесли ещё один поднос, и кроме золотых медалей у нас на груди стали красоваться ещё какие-то серебряные медальки небольшого размера.

«За спасение погибавших», – успел я прочитать надпись, пока аналогичной медалькой награждали Дарью.

– Это за какой такой героизм нам медали вручили? Мы же ничего особенного не совершили, – шёпотом поинтересовался я у княжны, когда Император отошёл от нас к следующей группе награждаемых.

– За оказание помощи раненому члену императорской Семьи, – прошипела Дарья сквозь зубы, – Чему вас только в Академии учат.

Упс-с. Где-то я опять отличился, сам того не ведая. Хотя, чего гадать, кроме экипажа с «Айвенго» у нас больше никаких спасённых не числится, значит там мы кому-то и помогли.

Затем у нас был банкет, и на вечерних воспоминаниях моя память начинает давать сбои.

Помню, что много говорили, пили, смеялись и фотографировались. Императорскую семью представляли четверо его родственников и две дамы не первой молодости. Кто из них кем приходится нашему государю, я естественно не знал, но одна из дам сильно ко мне благоволила.

Отдельным букетом шли министры и иные значимые чиновники. Знакомился, улыбался, отвечал на вопросы.

За княжной приехала её маман, и Дарья, ставшая звездой вечера и любимицей фотографов, шустро откланявшись, пропала из виду.

До дома я добрался, ещё что-то соображая, и только попав в руки своих горняшек, отключил самоконтроль, на котором до сих пор каким-то чудом держался. Дальше «всё покрыто неизвестным мраком», как любил описывать окончание большинства наших курсантских гулянок один из моих друзей-собутыльников.

– Оксана, не объяснишь мне, что произошло? – спросил я свою горничную, когда выполз из душа и пробрался в кабинет,

посмотреть, что за бумаги мне вчера выдали вместе с наградами.

– Вы про Ирину? – уточнила девушка, – Так сами же вчера сказали, мол, какая разница, Ирина или Марина.

– Та-ак. А теперь с этого места и поподробнее, – попросил я, принимая из её рук лёгкий льняной пиджак. Вообще-то это придурь, одеваться к каждому выходу за стол, как на вечернюю прогулку, но мои горничные беспощадны в этом вопросе. Так что я уже привык и не рыпаюсь. Ага, англичанин в натуре. Это те, чтобы чай попить, в смокинги каждый раз влезают.

– Я сама вчера вам объясняла, что Марина замуж собралась, и её жених решительно против, чтобы она работала. Поэтому вместо Марины у нас теперь её сестрёнка – Ирина. Вы меня слушать не стали, схватили Ирину за руку и утащили к себе в спальню.

– Дела-а, – протянул я разглядывая себя в зеркало и поправляя причёску. На самом деле лицо своё бесстыжее от Оксаны прячу. Неандерталец, млин. Поймал самку и утащил в пещеру, – Жених-то у Маринки хоть нормальный?

– А то, – гордо вскинулась горняшка, словно я её о собственном женихе спросил, – Наш он, касимовский. У них давно чувства. Только он в университет учиться уезжал, а когда наследство ему выпало, так обратно вернулся и дело своё открыл. Резину из одуванчиков делать научился. А намеднись он с Маринкой-то встретился, так и закрутилось у них всё заново, словно огнём полыхнуло. Теперь, как Петров пост закончится, сразу и свадебку сыграют. А то кто ж в пост женится, – затараторила Оксана, по женской привычке сваливая всё в одну кучу. Ишь, разгорячилась. Умеет же правильно говорить, а тут её что-то на простонародную речь прорвало.

– Ирина-то откуда взялась? – со вздохом остановил я фонтан информации.

– Неужто не по нраву пришлась? Деваха-то симпатичная, кровь с молоком. Молода правда, ну так подкрасим ежели что. Постарше выглядеть будет.

– Да не о том речь, – отмахнулся я, – Ей-то это зачем?

– Как зачем? Как зачем? – подбоченилась моя Оксанка, – Маринка-то как замуж выскочит, кто семью-то их кормить будет? Они же без мужика остались. А жених Маринкин ещё неизвестно, как к нахлебникам лишним отнесётся. Что ж Иришке, на сукновязальную идти? Так там ей поперву десятку в месяц платить будут. Не, не прожить им в городе на такие заработки.

Ага, вот отчего у Оксанки зашкаливает. За подружку свою радеет. Откажи я Мариниой сестрёнке, и вопрос со свадьбой может не состоятся. А годиков-то Марине, по нынешним меркам,

уже прилично, скоро двадцать один стукнет, если не ошибаюсь. Чёрт побери, каким-то рабовладельцем себя чувствую. Дожил, девиц за деньги покупаю. Ух-х, стыдоба-а.

– Сходи, пригласи Ирину сюда, – попросил я горняшку, чувствуя, что у меня уже уши и те начинают краснеть.

– А чо ходить-то. Иришка, зайди-ка, – отозвалась Оксана, не повышая голоса.

В комнату проскользнула молодая девушка, и смущённо уставилась в пол.

М-м, няшка. Лет шестнадцать-семнадцать на вид. Пониже Марины, и в статях поскромнее, но чертовски хороша. По крайней мере мой дружок неоднозначно на это намекает и рвётся немедленно продолжить знакомство.

– Когда свадьба, говоришь? – переспрашиваю я у Оксаны, задвигая колени под стол. Пиджак немного спасает, конечно, но и него уже пола топорщится.

– Так на третью субботу и сыграют, если Иринку берёшь, – чуть обозначает усмешку горняшка, от которой не укрылись мои манёвры.

– Ирина, а ты что скажешь? Тебя всё устраивает? – пытаюсь я хоть немного облегчить совесть.

– Ну-у, наверное… – неуверенно тянет девчуля, – Только вы сегодня мне передохнуть дайте, а то большой он у вас.

Оксанка громко фыркает и давится сдерживаемым хохотом. Вот, зараза. Боярин уже багровый, как рак, а ей весело.

– Иди-ка поближе, – подзываю я к себе юное чудо, убивающее меня своей наивностью, – Это тебе подарок за сегодняшнее. Каюсь, не в себе был, оттого и не поберёг тебя.

Я протягиваю Ирине одну из поделок Усольцева – симпатичный браслетик, который его Софочка прозвала «домашним лекарем». Занятная штуковина. Разную простуду, синяки и царапины часа за два лечит и Силы расходует не так-то уж и много. Прибарахлился я как-то раз в один из визитов к ним в гости. Как знал, что всегда полезно на всякий случай иметь в загашнике пару-тройку мелких подарков. Пригодилось.

– Носи его. Хороший браслетик. От мелкой хвори отлично спасает, – я тяну к себе Ирину за руку, и сам одеваю браслет ей на запястье, – А это сестре на свадьбу от меня подаришь.

Увидев на столе две новенькие тысячерублёвые ассигнации, девушки замирают в ступоре, а потом по очереди бухаются на колени. Оксанка так вообще лезет руку целовать. Отбрыкиваюсь, как могу, и тут Оксану пробивает в рёв.

– Ирина, иди на кухню, скажи чтобы чай готовили, – пытаюсь я разрядить обстановку, заметив, что и вторая уже начинает

пошмыгивать носом. Да что же делается-то… Хотел же, как лучше.

– Оксана, на вот воды выпей, и расскажи, по какому поводу ревёшь, – усаживаю я в кресло рыдающую горняшку.

– Я думала, выдумывают всё в книгах, а оно и на самом деле так бывает, – выдавливает между всхлипами жертва женских романов, – Так и у Иринки судьба-то устроится. Подкормим немного, чтобы в тело вошла, а там, глядишь, и на приданое скопит. То-то женихи вокруг неё хороводиться начнут.

– Эй, погоди-ка, куда спешишь, а я-то как же, – со смехом прерываю я то ли сводницу, то ли сваху.

– Да там ещё двое подрастают. Одна другой краше… Ой… – Оксана, сообразив, что сболтнула лишнее, торопливо вскочила и бросилась к выходу, – Надо за кухней проследить, а то ведь не справятся без меня.

Ну, что сказать. Сижу. Обтекаю.

До сих пор я про себя думал, что это я весь такой из себя мыслитель, распланировавший все дела на далёкую перспективу, а тут – на тебе… Простые девчата меня самого распланировали, причём лет этак на пять вперёд, если не больше. Даже побоюсь теперь у них спрашивать, у кого кто в родне есть непристроенный… Чур меня. Меньше знаешь – крепче спишь.

Сижу, делаю вид, что разбираю бумаги, а перед глазами иринкины коленки.

Очередная бумага не то, чтобы напрочь отвлекает от темы коленей, она заставляет проморгаться и изучить её ещё раз. Внимательно.

Чек! На один миллион рублей!!!

Недоверчиво кручу листок в руках, разглядывая его с обеих сторон.

Настоящий. Такой не подделать.

Лежал он у меня между наградной грамотой за кубок и документом на золотую медаль за первое место в регате.

Боясь спугнуть удачу, тянусь к стопке газет. Горняшки каждый день мне приносят свежие, и складывают их на угол стола, но в последние дни мне как-то было не до прессы.

Искомое нахожу с третьей попытки. Журналисты обсуждают призовой фонд за каждый вид соревнований. Он, кстати, разный. Самые большие цифры всё-таки значатся у яхт, класса «МиЛаНы». Там за первое место можно получить полтора миллиона, а за второе семьсот пятьдесят тысяч! То-то купцы радовались… По моим прикидкам им примерно во столько «МиЛаНа» и обошлась, включая наш ремонт.

Красавцы! И яхту выгодно приобрели, хоть и в непотребном

состоянии, и отремонтировались недорого. Нет, ну не стану же я сыну своего партнёра цены загибать. Ремонт ему в себестоимость вышел. Зато теперь у парней есть своя яхта, причём с историей и заслугами. А уж красавица какая…

А нам, за первое место, всего лишь один миллион положен. В принципе, не плохо. По крайней мере буду знать, на что регистрационный взнос за участие в регате пошёл. А то меня жаба душила, когда двадцать пять тысяч платил за катер, и по десять за каждого из пилотов МБК.

Мечты о деньгах, которые скоро я получу ещё и со сделанных ставок, превозносят меня в своих глазах до небес.

К столу иду большой и важный. Чистый боярин…

Бздыщь…

Попытка пройти через двери зала, занавешенные тяжёлыми парчовыми портьерами, заканчивается неудачей. В меня врезается чьё-то тело, и начинает биться, запутавшись в парче. Перевожу дыхание и пробую помочь. Иринка, ощутив мою руку чуть ниже талии, неожиданно успокаивается, и через секунду её лицо высовывается из-за складок портьеры.

– Там… Там… Там… – пытается она вытащить всё остальное, чтобы показать мне направление, но тяжёлая парча ей мешает.

– Там кто? – улыбаюсь я, не меняя удачное положение своей руки.

– Князь с девушкой! – выпаливает она, на секунду прижмурившись.

– Просто князь?

– Тугоухов… – отчего-то закатывает глаза моя новая горничная.

– Ну так пошли гостей встречать, – не смог я удержаться от лёгкого, но звонкого шлепка по тугой попке.

Помнится, вышеозначенный князь вчера дважды пытался со мной поговорить, но сначала ему мешали, а позже… Скажем так, разговор был бы не ко времени. Шампанское – коварный напиток. Вроде, пьёшь его, как лимонад, а потом упс-с-с.

– Князь, Елизавета Станиславовна, – раскланиваюсь я с гостями, с некоторым трудом опознав под вуалью подругу княжны Вадбольской.

– Прошу извинить меня за столь неожиданный визит, мне право слово неловко, но…

– Забудьте, – перебиваю я Тугоухова, поймав паузу в его словах, – Елизавета Станиславовна у меня числится среди близких знакомых, и одно это позволяет нам опустить добрую половину требований этикета, если конечно вас устраивает подобная постановка вопроса. Считайте, что вы по-приятельски

решили заглянуть ко мне по дороге, выйдя на променад. Кстати, я собрался завтракать. У меня есть неплохой чай, кофе и дивные эклеры. А если вы согласитесь задержаться более, чем на пятнадцать минут, то обещаю вам изумительный крокембуш. Кондитерская в соседнем доме безусловно одна из лучших в столице, – заговаривая нежданным гостям зубы, я решительно и неотвратимо тащу их в сторону зала. Собственно, я общался как бы с Елизаветой, а князю оставалось только следовать за нами в кильватере.

Я вчера, хоть и прилично выпил, но успел понаблюдать за Тугоуховым. Не знаю, что там про него Дашка себе понапридумывала, а по мне, так он вполне себе мягкотелый и неуверенный блондин. Одни его неудачные попытки подойти и поговорить чего стоят. Опять же, если посмотреть на обложки нынешних женских романов, то он вполне себе красавчик. Полно там изображений этаких слегка женоподобных и якобы мужских личностей, в рющечках, плюмаже и стразиках. Князь соответствует. Одет, правда, почти прилично, но всё равно, бледно-сиреневый цвет костюма…

– Я позволил себе нанести к вам визит…

– Игорь Романович, говорите проще, мы же по-дружески собрались здесь, а не напоказ, – я пытаюсь мягко общаться с аристократом, хотя и не исключаю, что нормальный человеческий язык ему может оказаться недоступен. В него всю жизнь вбивали косноязычные формы общения, мотивируя это благими пожеланиями.

В Российской Империи так или иначе существуют две нации – народ и аристократы. Роль последних год от года скукоживается, но далеко не все из них это осознают. Оттого и язык общения у народа и аристократов существенно отличается.

– Я зашёл, чтобы извиниться и поблагодарить, – с некоторым усилием пробует Тугоухов начать свою речь заново.

– Елизавета Станиславовна, попробуйте вишнёвый десерт, он очень неплох, – рекомендую я своей гостье маленькое кондитерское чудо, – Игорь Романович, давайте оставим тему регаты, как прошлое. Вы поступили благородно, хотя мне вчера некоторые доброжелатели и пытались несколько раз рассказать, что если бы вы поступили не так, то регата была бы остановлена, и всех нас вернули бы на два этапа назад. Тем не менее, я вижу, что вы довольны, считайте, что и я доволен. Думаю, что никто из нас никому не остался должен, не так ли?

– Я бы всё равно вам проиграл. Дело в том, что мы с Елизаветой давно любим друг друга и у меня был очень призрачный шанс на то, чтобы отказаться от женитьбы с княжной

Вадбольской. Поверьте, мы с Лизой долго думали, и не нашли иного выхода. Я должен был проиграть, а княжна Вадбольская выиграть. Тогда традиции встали бы против традиций, и Дарья Сергеевна имела полное право заявить своё несогласие со свадьбой. В этом случае наш Клан невольно становился заложником традиций, а мой Род оказывался как бы не при чём. Так что всё получилось даже лучше, чем мы планировали. Через неделю мы объявим помолвку, – блондин чмокнул Елизавету в щёчку, – а месяца через полтора объявим о свадьбе.

– А предупредить о ваших чаяниях заранее сложно было? – не смог я сдержаться, вспоминая сорванные ограничители и потрескивающий каркас нашего «Сапсана». Вот же козёл! Мы там жизнью рисковали, а он свои фантики со свадьбой разыгрывал. К тому же и интрига, как я понимаю, была не такая уж и короткая. Лизе надо было время, чтобы намёками донести до Дарьи единственный выход, да и Тугоухов наверняка не вдруг нашёл себе приличный катер. Ну и подружку себе Дарья нашла…

– Елизавета Станиславовна мне сказала, что так будет достовернее, – промямлило блондинистое существо, не смогшее удержать волну моего гнева. Ого, меня переклинило! Смотрю, и Лизон у нас побледнела… Так, стоп! Эмоции под контроль и никаких давлений!

– Прошу меня простить. Воспоминания, знаете ли… Просто сутки назад, из-за ваших фантазий, четыре человека всерьёз рисковали жизнью достаточно долгое время, – я махнул горничным и заказал себе крепкий кофе.

Затянувшееся молчание прервала Оксана. Ворвавшись в зал, она обвела всех нас вытаращенными глазами, и запинаясь на каждом слове, выдавила: – Хозяин, там вам из канцелярии Императора звонят… Вас к телефону требуют.

– Даже Господь наш Бог Великий, Он же Всемогущий, считающий меня рабом своим, с меня требовать ничего не смеет, а чиновники себя видимо выше ставят, – прокомментировал я неожиданное сообщение, поморщившись, – Извините, придётся вас ненадолго покинуть.

– Боярин Бережков, – представился я в громоздкую телефонную трубку.

– Так, Бережков, вам завтра надлежит быть в семнадцать часов на вашем дирижабле у летней резиденции Императора…

– Алло, алло. Вас не слышно! С кем я говорю? Представьтесь пожалуйста, – дурниной заорал я в трубку, перекрывая все остальные звуки на линии.

– Коллежский секретарь Земнюхов Павел Егорович, – слегка растерялся неприятный мне абонент, – Повторяю…

– Спасибо, не стоит. Это вы требовали моего срочного прибытия к телефону?

– Да, вы поняли сообщение?

– Понял. Гораздо больше понял, чем вы это себе представляете. Думаю, что мне стоит пригласить вас завтра в шесть утра прогуляться по Воробьёвскому парку, там как раз есть подходящая полянка у реки. Как у вас обстоят дела с магией? – собрался я вызвать на магическую дуэль коллежского секретаря, попутавшего берега.

Вряд ли у него есть шанс отказаться, если он не принесёт извинения. Невелик чин. В переводе на пехоту он штабс-капитан, а если примерить по гвардии, то подпоручик.

Имею право. Чиновник дважды нарушил этикет обращения с Одарёнными. Привык к безнаказанности, прикрываясь службой. Я понимаю, что существует у канцеляристов некоторая установка, чтобы Одарённых «выравнивать», но это совсем не обязательно делать так нагло, целеустремлённо и демонстративно. Меру надо знать.

– Прошу меня извинить. День выдался сумасшедший, – как-то очень привычно съехал чиновник с наглого приказного тона.

– Извинения приняты. Завтра буду у резиденции, – сухо ответил я и с треском вернул трубку на место.

– Мы невольно слышали ваш разговор, – кивнул блондин на открытую дверь зала, когда я вернулся к гостям, – Вы действительно хотели вызвать чиновника имперской канцелярии на дуэль?

– Хамов не люблю. Вне зависимости от их должности, – холодно ответил я, принимаясь за кофе.

– Я смотрю, вы не ищете лёгких путей, – обронил князь, словно между делом, – Но вернёмся к нашему разговору. У меня действительно не было другого выхода, но что-то мне подсказывает, что не сбрось мы ход, вы бы всё равно нас догнали. И потом эта посадка на само поле, и там, около разбившегося «Айвенго». Здорово!

– Кстати, про «Айвенго». Не подскажете, кого я там спас? А то медаль получил, а за что – не знаю.

– Константин, дщерич Императора, – Тугоухов наконец-то обратил внимание на десерт, и поэтому не заметил моего выражения лица.

– Племянник по тёте, – перевела мне непонятный термин Елизавета, в очередной раз поразив меня выразительностью своей удивительной мимики, – Ну, право, Олег Игоревич, пора уже вам тщательнее изучить некоторые деликатные моменты, касающиеся родства и наград.

– Так для меня и «племянник по тёте» термин насквозь загадочный, если честно, – признался я, покаянно склоняя голову.

– Та дама из императорской Семьи, с которой вы вчера много говорили, двоюродная сестра нашего Императора и мать Константина, – перевёл наконец-то князь, видимо специально для меня, эту жуткую терминологию с русского на русский, – Могли бы сами догадаться по названию его дирижабля. При дворе прозвище Айвенго к Константину прочно прилипло, но как мы видим, он и сам порой не прочь над собой подтрунивать. Однако, мы снова отвлеклись. Признаюсь, меня заинтересовала конструкция вашего дирижабля, и если вы предоставите мне возможность ознакомится с ней поближе, то вполне возможно, что наш Клан рассмотрит возможность покупки ваших чертежей.

Уткнувшись в чашку с кофе, с трудом сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться князю в лицо. Он что, англосаксом себя возомнил? Это у тех милых джентльменов был комплекс полноценности. Гребли всё под себя, как курица лапой. Вроде того, что пришёл Большой дядя и за малую копеечку забрал у тебя Дело. Просто потому что он Большой.

Ага, и тут те же фокусы, за чертежи они готовы заплатить. Лично я такой игры не знаю. Есть патенты и лицензии, договора о совместном производстве и прочие приличные формы сотрудничества.

– К сожалению, не я занимаюсь вопросами продажи изобретений. Но если вы изложите свой вопрос на бумаге, то я передам ваше письмо моему партнёру, который обязательно его изучит. Что касается экскурсии, то завтра я показываю наше творение Императору, а потом мы планируем показать свой дирижабль на летней выставке. Думаю, там вам удобнее всего его будет осмотреть. Кстати, а с чего вдруг ваш Клан решил проявить интерес к дирижаблестроению? Насколько я знаю, собственных верфей у вас никогда не было, – говорить мне пришлось осторожно и взвешенно. На ровном месте нажить серьёзный клан в недоброжелатели – это для меня пока непозволительная роскошь.

– Верфей нет, вы правы. Однако весь спектр технических тканей, идущих на дирижабли, производит наш Клан. Соответственно, мы полностью контролируем рынок каучука, по крайней мере тех его марок, которые пригодны для такого производства. Есть и другие, менее значимые моменты. К примеру, восемьдесят процентов установок для дозаправки дирижаблей гелием изготовлены на наших заводах. И, конечно, маги воздуха. Я уверен, что если бы Империя решила собрать вместе пятьдесят лучших воздушников, то не меньше половины

из них были бы из нашего Клана, – закончив столь длинную тираду, князь откинулся на спинку стула и уставился на меня, гордо откинув голову.

Наверное, я должен прямо сейчас проникнуться величием их Клана и всерьёз оценить возможность отказа в поставках столь необходимых нам материалов, но почему-то у меня в голове выстраивается прямо противоположная цепочка.

В том, что скоро самолёты придут на смену дирижаблям, никто не сомневается. Предполагаю, что для тугоуховского Клана это будет началом конца. К авиации они не допущены, а при закате эры дирижаблей все их козыри окажутся биты. Ключевым моментом является срок. Его определяют технологии. Как только у самолётов появятся надёжные и мощные двигатели, производство дирижаблей начнёт резко сокращаться. Пока преимущества самолётов неубедительны. Взять тот же биплан, который на сегодняшний день считается самой удачной моделью самолёта. Скорость сто восемьдесят, грузоподъемность полторы тонны, потолок четыре тысячи и дальность километров восемьсот. Как нам рассказывали преподаватели Академии, этот самолёт никто не изобретал. Сохранились от предков чертежи самолёта АН-2, по ним его и воссоздали. Ничего лучше пока не сделать. Кроме моторов, сплавов и специального топлива ещё много чего возрождающейся авиации не хватает. К примеру, тех же аэродромов и обученных пилотов.

Наш катер уже сейчас превосходит биплан по всем параметрам, кроме незначительного проигрыша в скорости. Со скоростью можно и поработать. Резерв имеется. Зато какой у нас выигрыш по дальности, надёжности и всему остальному. По сути наш катер – это могильщик биплана, лидера сегодняшней авиации.

Вот и думай теперь, для чего Тугоухову потребовался наш проект. То ли для продления бизнеса их Клана, то ли как рычаг давления на авиастроителей. У создателей самолётов наверняка денежные средства тоже не резиновые и долго им не протянуть, если они окажутся в состоянии проигрыша. Опять же меня совсем не прельщает то, чтобы наша модель стала дубинкой в чьих-то руках, а не пошла в серию. Тугоуховы запросто смогут использовать наш проект, как разменную монету, чтобы втиснуться в авиационную отрасль. Мотивировка будет крайне проста: или авиастроители пускают их Клан в свой бизнес, или Клан начинает производить более совершенные летательные аппараты, чем их биплан.

– Я обязательно доведу до сведения моих партнёров ваши резоны, но пока решительно не готов вам что-то ответить, – я,

поразмышляв с минуту под пристальным взглядом князя, всё-таки не нашёл его аргументы достаточно убедительными. Каучук, конечно, проблема серьёзная, но у меня есть предположение, что она решаемая. И, как ни странно, но подсказала мне его моя горничная, не далее, как сегодня утром.

* * *

До летней резиденции Императора долетели втроём. Как не пытался я найти княжну, ничего не получилось. Даже звонок в их столичное имение ничего мне не дал.

На подлёте связались по рации с охраной. Рация у нас обычная, ламповая, не из самых мощных и дорогих. Бьёт километров на десять-пятнадцать, что вполне достаточно для общения с наземными службами лётных полей.

Нам навстречу вылетело четверо гвардейцев в МБК, и под их чутким присмотром мы приземлились на окраине поля для гольфа. Зелёная лужайка здесь переходит в ровную проплешину плотного грунта, так что поле мы Императору не испортили.

Первыми примчались безопасники на открытом армейском внедорожнике. Нас наскоро проверили на наличие оружия, затем двое прошвырнулись по салону дирижабля. И лишь после этого к нам, от одного из зданий резиденции, направилась кавалькада из трёх автомобилей.

Впервые вижу Императора без мундира, хотя всё-таки определённые черты военной формы в его одежде присутствуют. Этакий полувоенный костюм: френч из тонкого серого сукна с отложным воротником, широкие брюки и, даже с виду мягкие полусапожки. Князь Обдорин-Терской щеголяет в полной форме, правда даже без наградных планок.

Отмахнувшись от наших попыток построения и приветствий, Император вместе с небольшой свитой в пять человек, обошёл дирижабль по кругу. Пришлось догонять их, и пристроившись сбоку, на ходу отвечать на вопросы. Особенно государя заинтересовали магические двигатели. Скорее всего его внимание обратила на себя оговорка Усольцева. Узнав, что эти двигатели родились, как результат работы над будущим двигателем МБК, он задал Усольцеву целый ряд достаточно сложных вопросов, на которые я бы точно сходу не смог уверенно ответить. Техномаг справился на отлично.

Когда мы, сделав круг, подошли к трапу, около которого замер Степан, я успел заметить, как на него посмотрел Обдорин. По запаху они друг друга чуют, что ли… Если разобраться, то

Степан при мне играет ту же роль, что и Обдорин при Императоре.

– Показывайте, – одним жестом государь как-то сумел обозначить, кто поднимется по трапу внутрь гондолы.

Зайдя в салон, Император похлопал рукой по спинкам кресел, проверил жёсткость дивана, пощёлкал выключателями освещения, глянул на штурманский стол и прошёл к креслу пилота.

– Неплохо. Сделано добротно и разумно. Интерьер удачный, без излишеств, но со вкусом. Сами дизайн выполнили? – поинтересовался государь, крутнувшись в кресле.

– Княжна Вадбольская руку приложила. Интерьер салона её заслуга, – честно признался я.

– Талантливая девушка, к тому же красавица, – покивал своим мыслям Император, – Как скоро выпуск этих малышек освоите?

– Три таких катера уже дожидаются установки двигателей и отделки салона. Ждём первых заказчиков, – отрапортовал я, наблюдая за раскачивающимся на вращающемся кресле государем.

– Значит быть по сему. Пиши меня первым заказчиком. Давно мечтал о чём-то быстром, и чтобы под рукой всегда было. Ты за сколько сюда от столицы долетел? – Император пересел в кресло второго пилота и с его места попытался оценить обзор вокруг себя.

– Мы не спеша летели, никуда не торопились, но минут десять вышло, не больше. Дольше сопровождающих дожидались, – я наспех прикинул полётное время, вспоминая, что летели мы и в самом деле вразвалочку, абсолютно никуда не торопясь. Вылетели с запасом, и шли на одних «бензинках».

– Вот, – искоса глянул государь на Обдорина, – А я порой по часу трачу на дорогу.

– Охрана, – подал голос Обдорин, – На одних гвардейцев я не согласен.

– Значит, нам уже нужно два дирижабля, – усмехнулся Император, характерным офицерским жестом, мотнув головой. Есть у господ офицеров такая привычка – время от времени вытягивать шею из тугого воротничка.

– Три, – не меняя выражения лица, вновь негромко вмешался Обдорин, – Случись что с любым из них, без охраны оставаться нельзя.

– Три, – согласился Император, напомнив мне меня же самого. Я сам иногда, с такой же неохотой, соглашаюсь с очевидным, придушив собственную жабу.

– Варианты компоновки и отделки салонов кому прислать? – поинтересовался я, кося взглядом на князя.

– Ему и пришли, – усмехнулся Император, оценив мою нехитрую мимику, – Заодно и счётец приложи. Да не стесняйся там. Раза в полтора цену умножь.

Думаю, мы оба, я и князь Обдорин, от души порадовали нашего государя. Мой приоткрывшийся рот, и выпученные глаза князя стоило запечатлеть на фотографию. По крайней мере он искренне и от души развеселился.

– Всё одно – эти деньги потом ему и вернёшь, – кивнул мне Император на князя, – А как ты думал? У казны чужие родовые земли можно задёшево выкупить? Не-ет. Не имеет права казна стать предметом критики. Земли Мансуровых у нас почти за три миллиона выкуплены, вот никто и рот не разинет, если за шесть казной проданы будут. Все в прибыли окажемся. У тебя сам Император твои дирижабли купил, да ещё и за какую цену, а казна на ровном месте в прибыли окажется. Вытянешь платёж-то?

Первым опомнился Обдорин, я пока только рот разевал, прокручивая в голове императорскую комбинацию.

– Вытянет, – уверенно высказался он, – В бульварных листках поутру писали, что некоторые букмекеры на серьёзные убытки жалуются. Кто-то много крупных ставок на победу «Сапсана» сделал. Чуть ли не о ста миллионах речь идёт.

– Моих, после выплаты налогов, около двадцати пяти получится. Про остальное ничего не знаю. Честно, – приложив руку к сердцу, посмотрел я на обоих, грохнувших смехом, мужчин.

– Значит, будет скоро у нас свежеиспечённый граф. А то вовсе не дело, когда простой дворянин начинает за княжной ухлёстывать. Вроде и плохого ничего нет, но с другой стороны, а где же тогда князья себе невест будут подыскивать, – развёл в стороны руки государь, якобы выражая недоумение, – Земли-то хоть сможешь освоить?

– Ещё как смогу… На следующее же лето засажу всё одуванчиками, – начал было я, но осёкся, увидев неожиданно серьёзные лица собеседников.

– Это что… Шутка? – холодно поинтересовался Обдорин, глядя на меня с какой-то жалостью.

– Никаких шуток. Казахстанский одуванчик кок-сагыз отличается способностью производить высококачественный каучук. В среднем около ста пятидесяти килограммов резины с гектара. С гибридов раза в три больше. А у Мансуровых больше трёх тысяч гектаров пахотных земель. Я не только свои потребности по резине перекрою, но и продавать стратегический

продукт на сторону начну. Самый настоящий натуральный каучук высококачественных сортов, – я говорил искренне, наблюдая, как разглаживаются лица моих собеседников.

– Правду ли говоришь? Откуда такая уверенность? – опёр Император подбородок на сложенные в кулак руки.

– В Касимове второй год заводик работает. Неплохо каучук из одуванчика давят. Раз у них получается, то чем я хуже? – пожал я плечами, благодаря судьбу за своевременно подкинутую мне информацию. Со всем пристрастием я Оксану допросил про Маринного жениха, а потом и сам в Касимов позвонил, чтобы мне детали уточнили. Затем был разговор со «всезнайкой» профессором Фёдоровым. Пришлось старику вспомнить всё, что он знает про одуванчики. Он меня и цифрами снабдил, и список литературы серьёзный надиктовал.

– Проверь, – коротко бросил Император Обдорину, хотя даже мне было понятно, что он уверен в достоверности моей информации.

А у меня в голове словно тренькнул колокольчик.

Непонятно откуда появилась уверенность, что я только что перешёл на следующий Уровень.

Глава 17

В гости к профессору Фёдорову я можно сказать напросился. По дороге к нему, заскочил в один из дорогих продуктовых столичных магазинов, и купил две бутылки крымской Массандры – эту слабость Фёдорова мне когда-то Густавсон подсказал.

Симпатичный двухэтажный профессорский особнячок расположился на тихой улочке и утопал в зелени. Дом окружал настоящий яблоневый сад, по которому, с корзинками в руках, носилось под три десятка мальчишек и девчонок.

– Это что тут у вас, сбор урожая? – спросил я у кряжистого мужика, который присматривал за всем этим броуновским движением, невозмутимо попыхивая трубкой.

– Огольцы местные. У нас окрест все знают, что как урожай поспеет, то можно своё чадо принарядить и к хозяину нашему с лукошком отправить, за яблоками значит, а то и за грушей с крыжовником, или за малиной той же. Сорта-то у нас наилучшие растут. Со всей страны собранные. Вкуснотища. Вы, если к профессору нашему приехали, то лучше с сада на веранду зайдите. Там он нынче, – мужик ткнул трубкой, как указателем направления в одну из дорожек, разбегающихся по саду, и вернулся к прежнему занятию.

Завидев меня, профессор вручил стоящим перед ним мальчику и девочке по большому яркому петушку на палочке, и те, подхватив полные корзинки с яблоками, вприпрыжку помчались к воротам, что-то весело щебеча.

– Дети. Никто не умеет так искренне радоваться. Смотрю на них, и словно сам становлюсь моложе и счастливей. Необъяснимое чувство, но порой мне кажется, что я получаю даже больше радости, чем они, – рассказывал мне Фёдоров, пока я разливал принесённое вино по бокалам, – Ну-с, излагайте, что на этот раз вас ко мне привело?

– Вы не поверите, но всё те же самые одуванчики, правда уже несколько на ином уровне. Я на днях имел удовольствие встретиться с Императором. Вышло так, что невзначай обмолвился про каучук. Двух дней не прошло, как получил через князя Обдорина личное поручение – подготовить развёрнутый проект, предусматривающий производство десяти тысяч тонн каучука в год. Если на моих землях у меня проект ещё как-то вырисовывается, то тут даже не знаю, с какого конца и подступиться, – пожаловавшись, я попробовал принесённое вино. А не такой уж у профессора и плохой вкус. Отличное десертное винцо. Надо будет себе такого же подкупить.

– От оно как! – всем своим видом высказал профессор удивление, – Ну, что же. Для начала хочу вас поздравить. Хоть и нечасто такое бывает, но есть у нашего государя одна интересная черта – поручать важные для Империи вопросы близким людям. Так сказать, для их быстрейшего свершения. Считайте, что удостоились. С максимальной серьёзностью к поручению отнеситесь, и сами увидите, что не раз вам за него воздастся. Проект, как я понимаю, государственный предполагается? – поинтересовался профессор, и дождавшись моего подтверждающего кивка, продолжил, – Тогда рекомендую присмотреться к нижнему течению Волги. Там много неосвоенных казённых земель, а близость судоходной реки поможет решить транспортные проблемы. Опять же с народом там полегче. Завод можно крупный поставить.

– Как раз с большим-то производством беда и получается. Посетил я одно маленькое предприятие в Касимове. Неприятную особенность узнал – не выносит одуванчик долгой перевозки. Его чуть ли не сразу надо перерабатывать, а то сок густеет и потери большие получаются. Я у себя передвижные прессы ставить буду, чтобы они вслед за уборочной техникой шли и прямо с колёс сырьё брали. Для меня такая технология ещё допустима, а вот для больших объёмов она вряд ли пригодна. Как-то я слабо представляю себе сотни таких мини-комплексов. Это сколько же для них специально обученных техников потребуется, – я уже не раз пытался представить себе весь проект в целом, но пока у него получалось слишком много узких мест, не позволяющих отнестись к нему всерьёз.

– Тогда могу вас порадовать. Я знаю человека, который занимался высушенными корнями одуванчиков, получая из них и каучук, и фруктозу. Сейчас найду его адрес. Что касается места, то вам однозначно нужна будет Волга. Иначе я плохо представляю, как вы справитесь с большим грузопотоком, да и передвижные цеха разумнее всего размещать на самоходных баржах, которые пойдут вслед за уборочной техникой по воде. Удобнейший транспорт, скажу я вам, эти баржи. Осадка небольшая, а благодаря откидывающейся аппарели можно производить погрузку даже в неподготовленных местах.

– Профессор, только не рассказывайте мне, что вы это вычитали из книг, – уловил я то особое, мечтательное выражение, с каким Фёдоров описывал мне баржи.

– И не буду. Примерно в вашем возрасте я почти сезон на такой барже отходил. Семья-то у меня не богатая была, вот и хотел себе денег на учёбу заработать. Эх, какие времена были, – вздохнул профессор и поднял свой стакан вверх, предлагая

выпить, – Кстати, я кажется знаю, в чём причина повышенного интереса к каучуку. Год назад ходили слухи, что гевею в Азии какой-то болезнью заразили. Так что нынче весь натуральный каучук только Бразилия поставляет, а синтетический ещё не сильно хорош. Раза в два натуральному проигрывает, если его на разрыв испытывать. Сами понимаете, с морской доставкой у нас существуют проблемы. Воюем понемногу. Каучук покупать приходиться через посредников. Дороговато он Империи обходится.

От Фёдорова я уходил, снабжённый адресами и телефонами специалистов, и с начавшимся формироваться проектом. Заодно и кое-что интересное про свои способности выведал. Всё-таки с умным человеком всегда полезно посоветоваться, прежде чем за что-то крупное берёшься. Одних цифр нужных сколько узнал. Оказывается разведение неприхотливых одуванчиков настолько дёшево, что одна только фруктоза, получаемая из них, уже позволит иметь вполне значимую прибыль. А уж когда к ней каучук добавится, который на сегодня не только стоит дорого, но и переведён в список стратегически важных материалов, то поневоле задумаешься…

Собственно, я и задумался…

Давненько у меня большой занозой в заднице свербел незавершённый вопрос с Семьями магов, оставшихся на землях Федорищевых. Теперь к нему добавилась пара семей на бывших землях Мансуровых. Зная, что незавершённые вопросы со временем превращаются в неразрешимые проблемы, я решил, что тянуть дальше нельзя. И если раньше я не знал, чем их занять, то теперь у меня для всех дело найдётся. Да что там дело, я так их могу делами загрузить, что мало никому не покажется.

С семьями, живущими на бывших землях Федорищевых я более менее знаком. Их у меня три с половиной. Три Семьи и один бобыль, если быть точным. Бобыль и глава одной из Семей ко мне уже сами наведывались, а остальные две Семьи предпочли прислать представителей. От одних сын меня посетил, причём не старший, а вторые двоюродного брата их главы отправили. Цель знакомства была понятна и незатейлива. Всех интересует их дальнейшая судьба.

Собственно, и мои ответы не отличались оригинальностью. Как под копирку всем ответил, что пока вникаю в дела, а потом обязательно приглашу всех на беседу. Вот и наступил нужный день. Можно и вчера было всех собрать, но у меня костюмчик не был готов. Не бумагами же мне перед ними размахивать, доказывая, что я нынче графом заделался. Зато моя новая одёжка, украшенная графскими знаками отличия и новым гербом, опять

же подтверждающим титул, должна оказаться для них полной неожиданностью. Новость-то только завтра в газетах появится, так и газеты не вдруг к ним попадут. Почта тут два раза в неделю приходит.

Пока сижу, скучаю. На пару со Степаном дурью маемся. Приглашённые главы Семей уже прибыли, но мы пока их в приёмной маринуем. В чём-то им там даже лучше, чем нам. Оксана, приодетая в деловой костюм секретарши, их сейчас чаем с кофе балует.

Посмотрим, кто из них на что закипит. Одни могут решить, что им ждать в тягость, другим вид Оксаны крышу сорвёт. Деревенская мода, она несколько другая, чем в городе. Оксанка даже по посёлку в новом костюме пройти не решилась. Тут уже переодевалась. Зря она так. По-моему всё очень даже симпатично. Юбочка, туфельки и пиджачок у неё чёрные, а рубашка, гольфы и трусики – белые. Нет, не то, чтобы я специально подглядывал, но когда она слегка наклоняется… В общем, белые и узенькие.

Скорее всего прибывшие гости хотели меня удивить, когда собирались в караван. Посчитали, что двенадцать машин, пусть и не первой свежести – это серьёзная демонстрация их возможностей. Только ничего не вышло. Четвёрка пилотов в МБК их встретила километров за пятнадцать до посёлка, взяв в «коробочку», и сопроводив до поста, передала следующей четвёрке. Дальше поста проехали только четыре машины, да и те остались за оградой верфей. Не то, чтобы я чересчур опасаюсь за свою жизнь, скорее это Степан на такой процедуре настоял, хотя и я был не против. Не так много времени прошло с тех пор, как мы с приглашёнными главами были по разные стороны баррикад.

– Пора, – кивнул я Степану, занимая своё место за столом.

Гостей мы встречаем в рабочем кабинете при верфи. Я пока неправильный граф. Нет у меня ни замка, ни дворца. Зато за застеклённой стеной, полукругом опоясывающей кабинет, видны цеха. И особенно хорошо там смотрятся три новеньких дирижабля с императорскими гербами на носу.

– Доброе утро, господа. Рассаживайтесь. Чай, кофе? Оксана, а нам со Степаном, пожалуй, сделай по кружечке. Итак, меня вы знаете, по крайней мере заочно, я о вас тоже наслышан. Степан Николаевич мой заместитель, если кто не знает. На этом представления закончим и перейдём к делу. Отношения у нас с вами складываются непростые. Не так давно мы с вами воевали. Ваш Род пришёл на мои земли и убил не только наших родственников, но и ни в чём неповинных людей. Я ответил. Теперь вашего Рода больше нет, а его земли принадлежат мне. В отношении вас и ваших Семей я ничего нового придумывать не

буду. Кто хочет остаться, сегодня принесёт клятву и подпишет договор. У остальных есть три дня, чтобы покинуть мои земли. Хочу сразу предупредить. Я отпущу их без виры, но если появятся желающие что-нибудь поджечь или сломать перед отъездом, то мне придётся вернуть всю Семью назад, и тогда оплата будет втройне. Это моё условие. А теперь я готов выслушать вас, – я спокойно оглядел приглашённых.

Двоих я знаю, ничего интересного они не скажут. А вот похожий на медведя брюнет, с глубоко посаженными глазами, и дедок, прилизавший редкие белёсые волосёнки, у меня вызывают сомнения. Слишком уж живо они между собой переглядываются.

– Юноша, а вы знаете, что факт ношения одежд и гербов, не соответствующих титулу, предусматривает не только крупный штраф, но и лишение дворянства? Вы не зря ли так вырядились? – исподлобья посмотрел на меня брюнет, играя желваками.

– А имперская символика, так совсем на пять лет каторги тянет, – поддержал его дедок, глядя при этом на молчавших соседей, а не на меня.

– Хм, я знал, что вы в своих берлогах крепко отстали от жизни, но не думал, что настолько, – я изобразил на лице задумчивость, – Впрочем, вам нетрудно догадаться, что после того, как я присоединил к своим владениям бывшие земли Мансуровых, графский титул у меня вполне законен. Герб Императора, который вы наблюдаете на дирижаблях, нанесён на его персональный заказ, и я вырядился, как вы изволили выразиться, не столько для вас, сколько ради имперской комиссии, которую я ожидаю во второй половине дня. Кроме всего прочего, я офицер гвардии. Советую это запомнить и впредь обходиться без оскорбительных намёков. Может быть ещё кто-нибудь что желает сказать? – сверля взглядом отмолчавшихся гостей, поинтересовался я, приподнимаясь из-за стола и опираясь на кулаки.

Не зря я несколько раз это действие сегодня репетировал. Темляк наградного кортика выскользнул из-под полы и ярким пятном замер на краю столешницы. Брюнет удивлённо дёрнул головой, и нехорошо прищурившись, повернулся к белёсому деду.

– «А ведь ты совсем недавно ещё служил. То-то при виде наградного оружия дёрнулся», – машинально отметил я, наблюдая за реакцией остальных. Те двое, с кем я уже был знаком, предпочли отмолчаться, а старик заметался взглядом, по очереди посмотрев на каждого из приехавших с ним переговорщиков. Что-то видимо рухнуло в подготовленном им сценарии встречи.

– Раз сказать вам больше нечего, то пора определяться. Кто

готов принести клятву, пусть остаётся, а кто нет, то выйдет отсюда и дождётся в приёмной моего представителя и отряд сопровождающих, – я проговорил всё спокойно, хотя внутренне и ликовал оттого, что переговоры прошли даже лучше, чем я ожидал. Удалось их сократить до минимума и не превратить в банальный торг, где мне было бы тяжелее справиться с более опытными оппонентами, поднаторевшими в таких вопросах.

– А зачем дожидаться представителя? – всё-таки сумел совладать дедок с голосом, и оттого его вопрос прозвучал, как обычное любопытство и в нём не прозвучало даже малейшей тени паники.

– Ну как же… Неужели вы думали, что я не прослежу за тем, чтобы покидающая нас Семья моих людей с земли не забрала? Своё имущество увозите, а людей от земли ни угрозами, ни посулами я отрывать не дам.

– А вы-то нам что можете предложить? – всполошился старик, сообразив, что разговор заканчивается, а он так ничего и не узнал.

– Все мои предложения прописаны в договоре. Он для каждого из вас одинаков. Можете взять свой экземпляр и посмотреть. Я думал, что вы с изучения договора и начнёте, а получается, что мы этим заканчиваем, – я подтянул к себе начавший остывать кофе, а переговорщики кинулись рассматривать содержимое папок, лежащих перед ними.

– А с чего вдруг тридцать процентов? Мы Федорищевым двадцать пять платили, – завопил дедок, наскоро пробежав договор.

– Ага, платили, – благодушно согласился я, понимая, что одна из ловушек сработала, – Десять – это налог в государственную казну, пятнадцать забирал Род, а ещё сверх того вы содержали охрану и должны были сами за землями следить. Так?

– Ну, допустим, – неуверенно пробормотал старик.

– Да не надо мне допущений. Всё так и было, – отмахнулся я, – Зря вы договор внимательно не прочитали. Там же всё расписано. Десять в казну, десять за охрану, десять на развитие земель. Так что я не скоро от вас хоть копейку увижу себе в карман. Земли-то у вас в безобразном состоянии. Степан, подскажи-ка мне, это не та ли деревня принадлежит Семье нашего гостя, где в самом её центре половина стада от жары в громадной луже пряталась?

– Нет. Это у соседа его, а к нему мы проехать не смогли. Помнишь, там ухабы были по пояс и мостик стоял, хворостинами подпёртый, – доложил Степан.

Я посмотрел на побагровевшего дедка и молча развёл руками.

– Зато охрана у нас своя и чужой нам не надо! – неожиданно высоким голосом завопил старик.

– Степан, это правда? – повернулся я к своему другу.

– Шестеро алкоголиков. Двоим ещё можно доверить охрану пустого свинарника, а остальные с утра опохмеляются, а после обеда не всегда и на ногах стоят, – Степаша, даже не заглянув в свою тетрадь, выдал точный расклад вооружённых сил дедовской Семьи, – Ещё у них трое Одарённых есть из мужчин. Два слабосилка, их можно в расчёт не брать, и глава, он чуть лучше, но тоже ничего серьёзного. Опять же у них в Семье две Целительницы. Одна из них просто уникум по местным меркам. Уверенная восьмёрка в тридцать лет. При ней двое деток. Сын десяти лет, и дочь семи. Весьма перспективные. Дочка, если в маму пойдёт, да попадёт в хорошие руки, то вполне может маму переплюнуть.

– Оп-па. Есть женщины в русских селениях… Откуда такое чудо? – на этот раз я был действительно удивлён. Целительниц, даже с седьмым рангом, в том же Касимове, к примеру, не было. Две пятёрки и одна шестёрка представляли там элиту Целительства, и жили припеваючи. Целительница шестого уровня, так та и особняк непростой себе купила недалеко от Софочкиных владений. Заметный домик, скажем так. Отделанный по последней столичной моде.

– Сынок его её после службы из Туркестана привёз. Папаня был против, и до сих пор их гнобит, но ничего, они пока его терпят, – бесстрастно донёс Степан обстановку в отдельно взятой Семье.

– Ладно. Про это отдельно поговорим. Полагаю, что ничтожная охрана и хлипкий мост – это звенья одной цепи. С такой армией я бы и сам постарался стать недоступнее. Может, и совсем бы мост разобрал, чтобы враги не прошли. Итак, с договорами всё понятно? Если да, то я жду ваших решений, – решил я немного поторопить события, заметив, что мой главный оппонент заметно потерял свой воинственный вид после рассказа Степана.

– А кто дороги ремонтировать будет? – задал вопрос кряжистый брюнет, подождав, пока за столом стихнут смешки.

– Вы все и будете. За деньги и под присмотром моих инженеров, – одобрительно гляжу я на него и слегка улыбаюсь. Лицо у него интересно выражение меняет. С угрюмого на радостно-недоверчивое.

– А если я один за дороги возьмусь и своими бригадами всё

сделаю, тогда что? – не унимается брюнет.

– Тогда станете главным строителем графства. Кстати, вы в каких войсках служили?

– Инженер-капитан второго ранга в отставке. Военный строитель. Выпускник Высшей Императорской школы полевых инженеров, – отрапортовал брюнет, вскакивая на ноги, и чуть ли не вытягиваясь по стойке смирно.

Знакомый синдром, ещё один застоявшийся боевой жеребец – военная косточка заслышал звуки труб и уловил ожидание предстоящих свершений.

– Отлично. Тогда вам и карты в руки. У меня вчерне подготовлен план развития графства на ближайшие годы, точнее, его строительная часть. Можете ознакомиться, заодно и соседям подскажете, что у них будет построено и почему хорошие дороги нам нужны как можно скорее, – открыв верхний ящик стола, я вытащил нужную папку. По бывшим мансуровским землям там пока ещё мало что прорисовано, зато по остальным прилично накопилось.

Мда-а. Хотел ведь побыстрее с ними закончить, а сам… Да, ладно. Зато с каким увлечением они карту рассматривают и будущие планы заводских посёлков. Хотя, время от времени вижу, как улыбается военный строитель. Угу, а то я сам не знаю, что дороги с помощью линейки не проектируют. А я и настаивать не буду, чтобы их по линейке строили. Граф я, или не граф. Моё дело – желаемое направление указать, а с остальными мелочами пусть подчинённые сами разбираются.

Размышлениями развлекаюсь в порядке аутотренинга. Психологический настрой себе поддерживаю, заставляя гостей проникнуться значимостью моей персоны. Будущим гвардейским пилотам знания психологических тренировок необходимы. Этот курс лекций я в Академии на отлично сдал, как чувствовал, что психотехника мне не раз пригодится. Так что, осваиваю теперь её на практике, и судя по всему, получается у меня неплохо. Гости заметно подтянулись, и ведут себя несколько иначе, чем в начале нашей встречи. По крайней мере снисходительными взглядами уже никто не рискует меня награждать.

– А вы хотя бы примерно представляете, сколько всё это стоит? – поинтересовался военный строитель. Гости наконец-то отвлеклись от рассматриваемых бумаг, и начали рассаживаться по местам.

– В общих чертах, – кратко поведал я, – Пока у меня на эти цели зарезервировано пять миллионов. При необходимости, до конца года готов дать ещё столько же, а всё остальное только в следующем году.

Шах и мат!

Мысли у мужиков приняли совершенно иное направление, и я могу их понять. Любому из них, надумай он скопить миллион, с дохода их Семьи придётся лет семь-восемь деньги откладывать, всерьёз себя во всём ограничивая, а тут безусый пацан спокойно рассуждает о десяти миллионах, да понастроить столько всего собирается, сколько они за всю жизнь не осилили бы, причём все четверо.

– А чего это около меня только один заводишко будет, а не два, как у Игната? – сварливо поинтересовался дедок, тыча пальцем в карту.

– Да ты два нипочём не вытянешь, – отмахнулся от него ранее молчавший бобыль, окончательно показывая, что в группе переговорщиков власть переменилась, и дедок роль лидера безвозвратно потерял.

* * *

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – поинтересовался Степан, когда мы закончив с переговорами, откинулись в креслах за низким столиком. Оксана принесла нам Коррето. Изумительно освежающий и бодрящий кофе, с небольшим количеством мятного ликёра. Я же не просто так с княжнами по тратториям расхаживаю. Успеваю и для себя что-то полезное ухватить. К примеру, вот такой славный рецептик запомнил. И сон как рукой снимает, и заряд бодрости на полдня получаешь.

– Я тебя последнее время не узнаю, – продолжил Степан, правильно истолковав мою наклоненную к плечу голову, и высоко поднятые брови, – Такое ощущение, что ты собрался в опасное путешествие и торопишься разом разрешить все дела перед отъездом.

– Что, здорово заметно? – поинтересовался я, уже понимая, что ещё одного непростого разговора сегодня не избежать, – Попроси-ка Оксану никого к нам не пускать, и дверь поплотнее прикрой.

– Я знаю, что магией ты особо никогда не интересовался, поэтому начну с азов. Когда в нашем мире появилась магия, то не все маги оказались одинаковы. Я сейчас даже не говорю про их потенциал, а имею в виду сам принцип использования ими магии. Тебе, как электрику, могу пояснить на примере. Фонарик и настольная лампа дают свет, но фонарик работает от батарейки, а лампу надо включать в розетку. В нашем случае в роли фонарика выступает обычный маг. Любой Одарённый имеет резерв,

энергоканалы и способность воспроизводить заклинания. В переводе на тот же фонарик наблюдаем батарейку, провода и лампочку. Кроме магов были колдуны. Они, как настольная лампа, только вместо вилки с розеткой у них Источник Силы, от которого они умели забирать энергию напрямую. Пока всё понятно? – поинтересовался я у друга, который совсем не проникся важностью разговора, и попивая кофе, легкомысленно болтал ногой, перекинутой через колено.

– А что не понять-то. Если у мага есть резерв Силы, он Одарённый, а если нет, но магичить может, то он колдун, – заулыбался Степан, верно ухватив суть моих рассуждений.

– К сожалению, про колдунов известно мало. Может у Кланов и сохранились какие-то упоминания про них, но в обычной библиотеке я ничего толкового не нашёл. Одни сказки и предания старины глубокой. Зато профессор Фёдоров недавно подсказал мне ещё одно направление. У нас на Руси колдунов извели быстро. Что именно маги с ними не поделили, я тебе толком не расскажу. Мутно их история описывает. Почитаешь, так чистыми злодеями они в книгах выставлены. Хотя есть у меня предположение, что предки нынешних Одарённых просто хотели свободный доступ к Источникам иметь, а колдунам это не по нраву пришлось. Как бы то ни было, но колдунов не стало. И знаний про них не осталось. У нас не осталось, а вот у немцев кое-что сохранилось. Они своих колдунов называли интромагами. Словечко наверняка заёмное, думаю, с английскими корнями, но доподлинно это теперь вряд ли узнаешь. По Англии наши когда-то так врезали, что там не только остров пополам треснул, но и смыло всё к чёртовой бабушке. Немцы же значение слова поясняют, как «маг, находящийся в Источнике и открывающий магию, благодаря своим способностям». Думаю, что я достаточно точно это с немецкого перевёл. Больно уж у них там заковыристо всё с объяснениями накручено. Тем не менее тот же Фёдоров считает, что наши колдуны и их интромаги – это одно и то же. В отличии от нас, немцы, как нация скрупулёзная и дотошная, неплохо изучили своих интромагов. Оказалось, что не у всех у них отсутствовал собственный резерв Силы. У некоторых он был, правда не очень значительный. Грубо говоря, вне Источника Силы интромаг в разы терял свои способности и ничего серьёзного из себя не представлял. Зато на Источнике он превращался в чистого монстра, – я взял паузу, и сделал пару глотков из поостывшей чашки, чтобы смочить пересохшее горло.

– Колдуны, интромаги… Нам-то что с того? Ты ещё про Бабу-Ягу начни вспоминать. Сказки, они и есть сказки. Похоже, ты мне просто зубы заговариваешь, – насупился Степаша.

– Зря ты так. Ответь-ка мне на вопрос. А наши пилоты кто? Маги или колдуны? – озадачил я друга неожиданным вопросом.

– Они же из Одарённых… – начал было он, но осёкся под моим насмешливым взглядом.

– О, вижу, что ты начал понимать. Я тебе сам отвечу на свой вопрос. Пока они не колдуны, но уже и не Одарённые. Когда я у них пояса отниму, и посажу на Источник, тогда они, может быть и станут колдунами. Пусть и не сразу такое получится, но предпосылки для таких выводов у меня есть. По сути нашим пилотам нет никакой разницы, откуда Силу зачерпнуть, из накопителя или из Источника. Помнишь, я на гонках попросил княжну Силу перекачать? Хотя мог бы и сам это сделать, но не стал. Она через свой резерв её перекачивала, а я умею это напрямую делать. Только вот беда, начни я такое тогда исполнять и не исключаю, что и Усольцев и княжна мой финт смогли бы заметить.

– Не, ну ты-то точно же Одарённый. Ты же одних только проверок сколько прошёл, – зачастил Степан.

– А ты? – остановил я его одним коротким вопросом.

– Я? Мне Бог не дал. Это даже твой дед проверял. Нет у меня Дара, – убеждённо ответил мой друг.

– Хорошо. Давай теперь вместе помозгуем. Бог не дал тебе батарейки, но никто не сказал, что у тебя всё остальное неисправно или не существует. Ты сейчас, как фонарик, в котором никогда не было батареек, и поэтому никто точно и не скажет, заработает ли он, если в нём батарейка окажется. Понимаешь?

– Подожди… Ты хочешь сказать, что если на меня нацепить такой же пояс с накопителем, что ты для пилотов сделал, то и я стану магом? – впечатлился Степан по самое не могу.

– Не только ты. Один из интромагов утверждал, что такими, как он, может стать половина человечества, – поделился я недавно полученными сведениями из одной старинной немецкой книги.

– Твою ж медь… – ёмко выразился Степан, видимо успевший плотно пообщаться с техперсоналом верфей. Из их лексикона словечки, – И что?

– Да ничего. Сожгли его немцы на костре, как и всех остальных интромагов, а их учение крамоле предали. Собственно, и у нас так же всё было. Хотя гораздо чаще у нас даже до костров дело не доходило. Прямо на месте их магией уничтожали. То-то о колдунах даже упоминаний толком не осталось, – спокойно ответил я ему, покачиваясь в кресле.

– Только не говори мне…

– Уже сказал, – перебил я друга, – Будешь пробовать?

– Да нас же за такое прибьют, и имени не спросят. Ты что творишь-то? – чуть не в голос заблажил Степан, пока я не прижал палец к губам и не кивнул ему на дверь.

– Вот ту коробку видишь? – я показал пальцем в угол кабинета за моим столом, – Вытащи оттуда любое письмо и прочитай. Сообразительные уже нашлись. Пока в основном из гвардейцев, но и клановых, с выгоревшим резервом, там тоже достаточно. Больше двухсот писем за неделю. Все интересуются, кто прямо, кто намёками, а нельзя ли и им восстановить потерянные способности. Представляешь, это только те, кто догадался про наших пилотов что-то разузнать. А теперь сам подумай, что будет, если о такой возможности заявить через газеты.

Ой-ё-ё, – зажмурился Степаша, – Как пить дать передерутся все.

– Это если мы позволим. А я не собираюсь пускать всё на самотёк. Сначала подготовимся, как следует, а потом объявим аукцион. Пусть они между собой соревнуются, а не нам мозг выносят.

– И откуда ты собираешься столько поясов взять? Я так понимаю, что это не простые изделия. Ты для казны налог сначала вытяни, а потом уже с остальным решай, – слегка сдал назад мой свежеиспечённый заместитель, попытавшись сослаться на предусмотрительность.

– Так я недавно почти целый миллион на такое дело ухнул. Новые Чаши заказал. Правда, все мне сразу не обещали, но по четыре штуки в месяц уже скоро начнём получать, – сообщил я Степану славную новость, радостно потирая руки.

– Давай ты мне сразу всё объяснишь, а? – не купился он в этот раз на мою искреннюю радость и простодушие.

– Ну, ладно. Не пролезло, и не надо, – вздохнул я, признавая, что розыгрыш не удался, – Степаш, дело в том, что я сам вроде как интромагом стал. Помнишь, я тебе рассказывал, как я после романа с дочкой Мансурова сорвался. Меня тогда сыновья Анвара чуть ли не за уши от оборудования оттаскивали, и на руках спать уносили. Вот тогда я и почувствовал, что могу напрямую из Источника Силу тянуть. Короче, новые Чаши у меня на двадцать четыре кристалла каждая.

– И сколько их всего будет? – не глядя на меня, поинтересовался Степан, подозрительно тихим голосом.

– Целая дюжина. Правда, здорово?

– Зашибись! – вскочил Степан с кресла и со всей силы пнул ногой принесённую им коробку с письмами, – А когда ты возле

своих Чаш подохнешь, мне останется только самому застрелиться.

Я сидел в кресле, тупо уставившись на рассыпавшиеся по полу письма.

Степан прав. В случае моей смерти ему нелегко будет остаться в живых.

Исчезнет Род Бережковых. С молотка уйдут родовые земли, вместе со всем, что на них мной будет построено. Да и верфи без меня мои партнёры вряд ли долго удержат в собственности.

Как-то раньше я не задумывался, сколько людских судеб на мне завязано. Оттого, может, и не оценил правильно ситуацию, когда тот же Степан, не раздумывая, остался со мной в гондоле дирижабля, на котором я собирался или угробиться, или победить.

Как мальчишка, я строил рискованные планы, наивно считая, что рискую только собой. Я ошибался. Могу это признать вслух, хотя Сущность, поселившаяся у меня в сознании, и без того свободно читает мои мысли. Похоже, мой далёкий предок меня в чём-то обманул. Он обещал, что Сущность исчезнет, растворившись без остатка, а у меня абсолютно полная уверенность, что я периодически слышу у себя в голове издевательский смешок, когда совершаю «героические» поступки.

* * *

Курорт Марциальные воды, под Петрозаводском. Особняк князей Вадбольских.

– Мам, ну зачем ты меня притащила в эту дыру? Сегодня мы опять пойдём гулять среди стариков, пахнущих нафталином, и веерами будем отгонять от себя моль, которая летит с их одежды? – Дарья Сергеевна стояла, упёршись лбом в окно, и с тоской смотрела на набившую оскомину картину.

Полтора десятка пожилых пар лениво передвигались по дорожкам, время от времени останавливаясь и чопорно раскланиваясь друг с другом. Ближе к вечеру их станет чуть больше. Долгие приветствия, ничего не значащие расспросы и пустопорожняя светская болтовня. Обычный курортный променад.

– Дарья, ты уже не ребёнок, и тебе пора начать понимать, что личные знакомства иногда могут оказаться полезнее денег и всего остального, – ответила дочери княгиня, перед этим внимательно осмотрев в зеркало только что завитые и слегка припудренные локоны. Две горничные, отойдя на шаг назад,

ждали результатов её осмотра. Оставшись довольна, княгиня кивком отпустила девушек и не спеша развернулась к дочери, – Лет тебе уже немало, пора и о замужестве подумать. Кстати, мне вчера графиня Терская рассказала прелюбопытнейшую сплетню. Оказывается, твоя подруга по Смольному, эта, как её… А, вспомнила, Елизавета Осинина, состоящая в достаточно необязывающем родстве с князьями Галицкими, вроде как на следующей недели помолвлена будет с твоим бывшим женихом.

– Мам, а ты никогда не жалела, что третьей женой вышла замуж за моего отца? – решилась княжна на трудный вопрос, который ей давно хотелось задать.

– Жалела, – ответила ей княгиня после продолжительной паузы, – Хоть и не должна я тебе это говорить, но скажу. Первые два года подушка чуть ли не каждую ночь мокрая от слёз была. А потом у меня появилась ты. И знаешь, оказалось, что твой отец очень достойный человек. Не могу сказать, что я его люблю до безумия, но однозначно отношусь к нему с огромным уважением. Любовь – чувство скоропалительное. У меня когда-то она тоже была. Мой избранник, правда, был гораздо виднее из себя, чем твой дворянчик, но у меня и далеко с ним не зашло, – как бы невзначай промолвила княгиня, внимательно отслеживая реакцию дочери.

– Трогательная история. Ты ещё расскажи, что он стал графом, тебя скорее жалел, чем любил, и ты была ему абсолютно не нужна, – закончив говорить, Дарья Сергеевна всхлипнула, а потом, неожиданно для себя, по настоящему разревелась. Впервые за последние годы, она ревела, словно маленькая девочка, отчаянно покраснев носом, и размазывая по щекам слёзы, перемешивая их с тщательно наведённым макияжем.

Глава 18

В Камышин мы прилетели удачно.

Как раз к обеду успели.

Липатов нас поджидал и стол был накрыт на славу. Из-за стола еле встал. Объелся. Блинчики по-царски точно были лишними. Хотя, трудно устоять, когда тебе дочки хозяина своими руками кладут в блинчик по большой ложке красной и чёрной икры, а сверху украшают это красивой виньеткой из липового мёда. На расстегаи с севрюгой и копчёные стерляжьи пупки смотрел осоловелыми глазами, понимая, что их мне уже точно сегодня не попробовать. Лопну.

Вот так и бывает. Подаришь девушкам по кулончику с малым накопителем Силы, а они тебя насмерть закормят.

Много вопросов и дел у меня по Камышину скопилось. Добил меня липатовский сынок Андрей, который во время очередного визита рассказал, что у них выставляют на продажу судостроительную верфь, с собственным заводом по производству судовых двигателей, и в очередной раз передал приглашения посетить их город от всего экипажа МиЛаНы.

После обеда я с Ерофеем Константиновичем перешёл в беседку, где уже вовсю пыхтел пузатый самовар. Нам было, о чём поговорить. Так уж сложилось, что работа с императорским проектом у меня прочно переплелась с Камышиным, который будет выступать в роли основной опорной базы.

Беседу мы начали неспешно. Обменялись новостями, обсудили политическую обстановку и совсем уже было перешли к насущным вопросам, как нас прервали.

– Княжич Гончаров с гостем пожаловали. Про владельца дирижабля интересуются, – доложил прибежавший в беседку слуга.

– Это они тебя с замка усмотрели. Он на взгорье стоит. Оттуда весь город просматривается из конца в конец, и река, километров на пятнадцать в обе стороны, – первым сообразил Липатов, откуда могли гости узнать о моём прилёте, – Пошли встречать, что ли.

Я рассеянно кивнул, тяжело поднимаясь из-за стола. Плотный обед до сих пор давал о себе знать и состояние у меня было лениво-сонное.

Княжич показался мне моим ровесником. Может, помладше на год-полтора. Тёмно-русый крепыш, с живым лицом и ямочками на щеках.

Его спутник был повыше и чуть худощавей. Этакий видный

брюнет, лет двадцати пяти, одетый в лёгкие брюки и слегка помятый, по последней моде, льняной пиджак спортивного кроя. К моему удивлению он оказался Великим князем Константином Игоревичем, тем самым дщеричем Императора, за спасение которого мне дали медальку. Константин, не чинясь, крепко пожал мне руку и горячо поблагодарил за оказанную им помощь.

– А теперь покажите мне ваш дирижабль. Мечтал его увидеть, но врачи в то время, когда вы его в столице показывали, не разрешали мне вставать. Должен сказать, что вы своим «Сапсаном» напрочь перечеркнули мой проект высотного скоростного разведчика. Хорошо, что я ограничился всего двумя дирижаблями. «Айвенго» как раз был одним из созданных прототипов, но я понял, что ваш «Сапсан» летает быстрее. Пока я валялся без дела, успел несколько раз пересчитать ту скорость, с какой вы за «Бесстрашным» ринулись. Впечатляет, знаете ли. Вы же километров под сто восемьдесят шли, а то и больше. Я не ошибся с расчётами? – пытливо посмотрел князь мне в глаза.

– Думаю, что чуть больше двухсот, пока «Бесстрашный» не догнали. Потом до ста тридцати скорость сбросили, – не стал я лукавить, понимая, что при необходимости князь легко может уточнить время нашей встречи с дирижаблем Тугоухова, и внести в свои расчёты поправки. Судя по всему, считать он умеет неплохо.

– Серьёзные цифры. Я думал, что с тремя форсированными «Майбахами» мы без труда выиграем гонку, но двести километров в час… – князь задумался, и пока мы шли до «Сапсана» больше так ничего и не сказал.

Около дирижабля возился Иван Силыч, с обоими моими пилотами. Пилотов пришлось нанимать. Дирижабль – машина сложная, требующая постоянного ухода, а у меня не всегда есть свободное время. Силыча я захватил в Камышин по просьбе Андрея Липатова. Их «МиЛаНа» после гонки тоже требовала пристального осмотра. У себя на «Сапсане» так мы и вовсе перебрали двигатели и полностью промыли топливную систему. Заодно и силовой каркас проверили. К счастью, никаких трещин и повреждений не нашли.

Гости осматривали дирижабль по разному. Если молодой княжич сразу кинулся на место пилота, то Константин начал осмотр с управления магодвигателями.

Князь оказался неплохим специалистом. Это чувствовалось по его вопросам и по тому, как он быстро нашёл основные отличия нашей конструкции, сравнивая их с классической схемой дирижаблей.

– Удивили вы меня, граф, – заканчивая осмотр, сказал мне

Константин, с одобрением оглядывая интерьер салона, – В то время, когда во всём мире всё больше и больше отказываются от магии, вы наоборот делаете на неё основную ставку. Я, признаться, давненько считаю магические двигатели несовременными, а тут появляется этакий атавизм, и на тебе, работает, да ещё как работает. Только думается мне, что у подобных конструкций нет будущего. Бензином я в любом городишке за короткое время заправлюсь, а для зарядки ваших накопителей Одарённые понадобятся, да ещё и в значительном количестве.

– Ваша Светлость, – немного замялся я с формой обращения. С одной стороны князь вроде бы состоит в родстве с Императором, но опять же не в прямом, соответственно на Высочество он не тянет. Трижды были правы Дарья с Елизаветой, когда упрекали меня в незнании тонкостей этикета. Каждый раз, попадая во внештатную ситуацию, я испытываю трудности с теми же титулами, толком не зная, как правильно обращаться к важным персонам, – Магию тоже можно и нужно совершенствовать. Я почему-то уверен, что существуют более простые и быстрые способы передачи Силы, да и с самими магическими устройствами всё неоднозначно. К примеру, силовой каркас «Сапсана» изготовлен с помощью магических приспособлений. Более того, не так давно одному из моих партнёров удалось переманить к нам неплохого оружейника. Соблазнили мы его простотой и качеством изготовления стволов по новой магической технологии. Без лишнего хвастовства могу сказать, что первая же партия карабинов у него вышла намного лучше того, что он делал раньше без помощи магии.

– Интересно. Признаюсь, я и сам люблю пострелять и полагаю себя неплохим знатоком оружия. С удовольствием полюбовался бы на разрекламированный вами карабин при случае, – улыбнулся Константин моей излишней горячности.

– Можно осмотреть его прямо сейчас, – предложил я, открывая оружейный шкаф.

Зря я что ли захватил пять новеньких карабинов. Предполагал, что часть из них разойдётся на подарки. Не страшно. Не так-то они и дорого мне встали, а с вводом нового цеха цена ещё больше упадёт.

Инициатива работы с оружием целиком принадлежит Густавсону.

От меня потребовалось лишь помещение под мастерскую, шесть домов в посёлке, ну, и конечно алмазы с накопителями. Станки мастер привёз свои, заодно и специалистов прихватил, что работали у него в мастерской под Тулой. Они все

контрактники, так что особого выбора у них не было. Восемь человек приехало мужиков, из них трое семейные.

Я сам был удивлён, насколько просто они начали изготавливать стволы к карабинам. Всегда считал, что искусство оружейника сродни шаманству и в первую очередь это относится к качеству ствола. Всё не так. Я своими глазами увидел все этапы.

Шестиметровый пруток высоколегированной стали они резали на заготовки нужного размера, потом прогоняли их через станок, приводя к идеальной цилиндрической форме. Сверлили, и дальше работала магия. Будущий ствол протягивался через холодную ковку, если так можно назвать формование ствола нашей оснасткой, и после неё оставалось только сделать нарезы и для чего-то полирнуть ствол внутри ещё раз. Думаю, что скорее всего мастер это делает по привычке. Лично я разницы «в зеркале» на глаз не заметил. Правда, перед финишной полировкой стволы подвешивали в печь, и часа три там их нагревали, а потом постепенно охлаждали. Этот этап мне объяснять не стали. Вроде как тайна великая.

Ага, а то я не знаю, что у металла бывают внутренние напряжения и их таким образом снимают.

С остальными деталями все было просто и неожиданно познавательно. Тульское сообщество оружейников оказалось глубоко интегрированным коллективом. Например, захотели вы выбрать себе что-то особенное для приклада. На выбор мастер предложит вам клён трехлетней сушки, тёмный орех, ещё лет пять назад росший на засушливой почве, и с десяток других вариантов разных пород, каждая из которых обработана наособицу. Так же обстояло и со многими деталями из металла. Только успевай заказывать и оплачивать, а уж отольют и отфрезеруют твой заказ на совесть.

– И что тут у нас? – заинтересовался князь, когда я вытащил полужёсткий кожаный кофр и разложил его на столе.

На малиновом бархате были по ячейкам разложены столь милые сердцу мужчин железки.

К карабину полагалось три сменных ствола разной длины и два оптических прицела. Под ними расположились тактический глушитель и раздвижные сошки.

– Карабин со сменными стволами. Калибр десять и три. Перезарядка ручная. Короткий ствол с дульным тормозом, остальные предусматривают применение глушителя. Магазин на пять патронов. Вес, в зависимости от комплектации, от шести до девяти килограммов, – коротко и чётко выдал я основные характеристики оружия.

– Так-так-так, занятно. Это не лобаевские ли изделия,

случаем? Видел я года три назад на выставке что-то очень похожее, – поинтересовался князь, крутя в руках цилиндр глушителя.

– Да. Мастера зовут Всеволод Лобаев. Вы с ним знакомы?

– Виделся однажды. Он тогда тоже неплохие винтовки представлял, но больно уж у них цена кусалась. Кстати, Лобаев утверждал, что конструкция винтовок к нему перешла от далёкого предка, который делал замечательное оружие ещё до Третьей мировой войны, а он лишь внёс незначительные изменения, – отложив глушитель, князь вытащил магазин и выщелкнул из него патрон, – А для чего выбран именно этот калибр? Армию сейчас всеми силами приводят к общим стандартам. Вряд ли армейцев обрадует введение ещё одного вида боеприпасов.

– Патроны нашего калибра применяют пилоты-разведчики в своих штурмовых винтовках. У них МБК лёгкие и инерцию от винтовок в четырнадцать с половиной миллиметров им в воздухе не погасить. Так что боеприпас типовой и входит в стандарты армии. Калибр выбран не случайно. Винтовки калибра семь шестьдесят два на дистанциях свыше полукилометра уже недостаточно эффективны. Большая настильность, низкое пробитие. В то же время винтовки больших калибров громоздки и тяжелы. У нас в армии два типа винтовок. Явно недостаточная первого калибра, семь шестьдесят два, и избыточно тяжёлая с калибром в двенадцать и семь десятых миллиметра. В снаряжённом состоянии, с боезапасом, она весит около пуда. Наш карабин вдвое легче, что важно для манёвренности стрелка, и позволяет вести эффективную стрельбу на расстояние до полутора километров. С восьмисот метров можно уверенно повредить двигатель автомобиля, а с шестисот стрелок уже имеет шанс повоевать с легкобронированной техникой противника. Короткий ствол, с дульным тормозом, предназначен для городских боёв. У него настолько слабая отдача, что хоть с рук стреляй. Ствол средней длины эффективен для леса и неровной местности, а самый длинный используется на открытом поле боя для стрельбы на большие расстояния, – я постарался изложить концепцию нового оружия максимально сжато, но всё равно быстро не получилось, – С ним наш карабин уже можно считать винтовкой.

– А ваш глушитель делает выстрел бесшумным? – заинтересовался княжич осмотром оружия, оставив в покое место пилота.

– Конечно нет. Он гасит вспышку от выстрела и размывает звук, направляя его по сторонам, изменяя при этом его

составляющие. Местоположение стрелка с такой винтовкой очень непросто определить. Громкость самого выстрела при этом гасится незначительно, – я постарался ответить максимально просто, с тревогой наблюдая, как княжич вертит в руках самый большой оптический прицел с изменяемой кратностью. Нет бы ему ухватить тот, что поменьше, с постоянной кратностью в четыре с половиной. Он прост и надёжен, как молоток, да и стоит недорого.

– Понятно. Мало вам, граф, дирижаблей и МБК, решили ещё и оружием побаловаться? – спросил Константин, деликатным движением руки забирая у княжича дорогую и точную игрушку, требующую бережного обращения.

Благоразумный поступок. Княжич уже собирался пощёлкать и покрутить там всем, чем можно и чем нельзя.

– С оружием я делаю попытку сработать на опережение. Проговорился как-то раз, что нашими приспособлениями можно недорого и крайне качественно делать оружейные стволы. Думаю, что вскоре мне эту деталь разговора припомнят, – по едва заметно скользнувшей улыбке на лице князя, я понял, что он похоже догадался, с кем я разговаривал.

Стоит отметить, что я может быть и не придал бы значения тем нескольким словам, которыми я в разговоре с Императором обмолвился про оружие, но тут отдельное спасибо Морозову. Он, пока у нас МБК собирал, дважды мне напомнил мои слова, а заметив, что я его слабо воспринимаю, во второй раз подробно мне втолковал, что при Императоре лишнего говорить не нужно. Из его рассуждений выходило так, что раз я заикнулся о такой возможности перед крайне занятым человеком, которым без сомнения является наш государь, то надо соответствовать. Густавсон, зараза такая, его тут же поддержал, и словно бы между делом заметил, что у него есть на примете нужный мастер.

Стариканы, похоже, давно между собой спелись, а я хоть и подозревал, что они в сговоре, но и сам понял, что у меня у самого ручонки чешутся забабахать нечто интересное и дальнобойное. Сделали. Теперь любуюсь. И не только я. Егеря чуть было мне забастовку не устроили, требуя себе на вооружение такую Прелесть.

– Фи, так у него же ручная перезарядка. Мой отец такие винтари давно на стену повесил, а на охоту с самозарядными ездит, – с чувством превосходства отозвался отпрыск местного правителя, кривя губы.

– На охоту я бы тоже чем-то самозарядным озаботился. Там нет нужды решать вопрос одним выстрелом, попадая в голову с восьмисот метров. И линию фронта километра в полтора длиной

не нужно контролировать, – не глядя в его сторону, опередил меня князь с ответом, поглаживая рукой воронёные стволы.

– Примерно то же самое мне и мастер сказал. Предложил выбирать между точностью боя и самозарядкой, – подтвердил я, стараясь незаметно выдохнуть воздух. Ещё бы немного, и я мог прилично надерзить княжичу. Тоже мне, нашёлся знаток оружия. Полно у меня среди знакомых диванных специалистов, которые никогда сами не стреляли толком, а свои мнения высказывали со слов других сомнительных стрелков. Такие вам расскажут, как их друг (брат, дядя) из старой мосинки бутылки с километра на спор расстреливал. И что характерно, без применения оптики.

– И какая же точность у ваших изделий? – полюбопытствовал князь.

– Каждый ствол на станке отдельно отстреливается. Мишени прикладываются в отделение с документами. Можем посмотреть, если хотите, – предложил я, откидывая крышку отделения для бумаг, устроенную в кофре. Впрочем, так его мастер назвал, лукаво щурясь. По мне, так туда поллитровая фляжка шустовского коньячка должна плотнячком укладываться, если меня глазомер не подводит.

– Изрядно, – проговорил князь, разглаживая ладонями развёрнутые на столе мишени, – Хотя признаюсь, я ожидал большего.

– Вы обратили внимание, что мы карабины отстреливаем не со ста метров, а с двухсот? – постарался я сдержать улыбку. Когда-то я так же купился, когда мне впервые показали результаты испытаний первых карабинов, – Калибр у нас крупный, и иногда при стрельбе со ста метров кроме большой общей дыры в центре мишени ничего не разобрать.

– Но тогда тут результат явно лучше одной угловой минуты, – измерил пальцами князь расстояние между крайними отверстиями.

– Для длинных стволов менее полуминуты, – поправил я его, – А для стволов средней длины меньше минуты. Всё что хуже Лобаев под своей фамилией не выпускает. Ставит обычное обозначение из букв и цифр и отдаёт в магазины для продажи охотникам.

– А где тут минуты? – задал вопрос княжич, с недоумением слушающий наш разговор.

– Угловая минута – это величина, делящая один градус угла на шестьдесят частей. При стрельбе на сто метров разброс попаданий должен составлять менее трёх сантиметров, чтобы уложиться в минуту. Так во всём мире определяют кучность попаданий. У нас лучшие образцы армейских крупнокалиберных

винтовок не всегда в единицу укладываются, а обычные, с калибром семь шестьдесят два, те, дай Бог, в полторы, – прочёл Константин кратенькую лекцию по общепринятым снайперским понятиям княжичу.

– Патроны нужно отдельно заказывать. С обычными армейскими результат хуже, – предупредил я князя, наблюдая за его впечатлением от осмотренного оружия. По всему было видно, что выпускать карабин из рук ему не хочется, – Если Ваша Светлость соблаговолит принять в дар карабин в столь скромной отделке, то сочту за честь вручить его вам.

– Да не должно боевому оружию украшениями выделяться, – благодарно улыбнулся князь, понимая, что я избавил его только что от щекотливой ситуации. Начни он интересоваться вопросом приобретения, и я конечно же подарил бы ему карабин, но выглядело это бы некрасиво. Словно он его выпросил.

– Зато для княжича у меня интересная вещица приготовлена. Надеюсь, я не забыл её дома, когда собирался в поездку, – чуть поддразнил я молодого гостя, который не смог сдержаться и крутил головой, сгорая от нетерпения и любопытства, – Да нет же, вот она, в отделении для дорогих подарков лежит.

Я достал небольшой кинжал в богато украшенных ножнах. Вытащил его из ножен, показал качество отделки лезвия и рукоять, украшенную синеватым алмазом и оплетённым золотыми ободками.

– Что-то мне подсказывает, что подарок не так-то прост, – улыбнулся Константин, глядя на княжича, любующегося новой нарядной игрушкой.

– Лезвие сделано по нашим технологиям. Им можно гвозди строгать. Сам камень не только украшение. Он основа накопителя Силы. Думаю, что запас там будет раз в пять больше, чем в накопителе княжича, который у него на шее висит, – я взглядом указал на массивное старинное украшение, болтавшееся на груди княжеского сына на толстой золотой цепи.

Княжичу нужно сниматься в кино. Даже Константин не смог сдержать улыбку, наблюдая за сменой выражений его лица. Тут и уязвлённая гордость, за явно значимый фамильный артефакт, которым он наверняка гордился, раз выставил такую блямбу напоказ, и радость от полученного подарка, и недоверие.

– Наш родовой артефакт от Изначальных. Не хотите ли вы сказать, что в наше время кто-то может сделать что-нибудь лучше, – чуть не дав петуха, заносчиво вздёрнул княжич голову.

– Уже сказал, – примирительно поднял я руки, раскрывая перед собой ладони, – Предлагаю пари. Вы сами в ближайшее время сравниваете оба накопителя. Если окажется, что я ошибся,

то с меня ящик наилучшего шоколада Бабаевской фабрики, а если я прав, то с вас точно такой же ящик. И, кстати, нет ли у вас какой-нибудь монетки? Холодное оружие нельзя просто так дарить. Положено за него хоть копеечку да взять. Традиции, знаете ли, – я улыбнулся, как можно благожелательней.

Копеечек у княжеского сына не оказалось. Завалялись у него в карманах три золотых червонца. Оказывается, прозвище про «золотую молодёжь» не случайно придумано. Факт, как говорится, налицо.

– Вот, извольте, – недолго думая брякнул княжич все три монеты на стол, – А для чего тут золотые пластинки вделаны? – ткнул он пальцем в рукоятку кинжала.

– Ах, да… Совсем из головы вылетело. Когда вы берётесь за рукоять, то через прямой контакт перекачивание Силы произойдёт быстрее. Кроме того, у вас появится возможность мгновенно использовать заклинание Молнии. Правда, не сильной. Бьёт метров на пять и с такого расстояния скорее всего парализует вашего соперника на какое-то время. И ещё, когда кинжал находится в ножнах, происходит зарядка накопителя, правда очень медленная. Думаю, не меньше месяца потребуется, чтобы полностью зарядить разряженный в ноль накопитель.

– А поточнее время зарядки трудно было узнать? Я же вижу, что сейчас накопитель полностью заряжен, – выпятил княжич нижнюю губу и начал оглядываться по сторонам. Явно ищет, что бы ему покромсать хищным лезвием кинжала.

– Так кинжал неделю назад сделали. Его у меня дети заряжали, – пожал я плечами, оправдывая своё незнание.

– У вас есть дети? – неожиданно живо среагировал Константин на мой ответ, поворачиваясь ко мне всем корпусом и внимательно глядя мне в глаза.

– Ученики. Пытаюсь проверить, существуют ли какие-то особые приёмы, связанные с передачей Силы, – достаточно честно ответил я, не вдаваясь в подробности. Не объяснять же ему, что я пытаюсь возродить колду… э-э, нет, интромагов. Про колдунов теперь надо навсегда забыть. Слишком негативное восприятие к ним в Империи. Только интромаги, и никак иначе. Термин европейский. Там, в их цивилизованных странах, по определению всё лучше и пристойнее звучит, чем у нас. По крайней мере аристократия в этом не сомневается. У них всё просто. Назови обычный бульон словом консоме, будут есть и нахваливать. На княжне не один раз проверено. Стоило чуть украсить то блюдо, на которое хватало моих кулинарных способностей, да обозвать его поинтереснее и поиностраннее, как оно улетало на ура, да ещё с меня и добавки требовали.

– А-а, я уж было подумал, что у вас свои есть, – погрустнел князь, теряя интерес к нашему с княжичем разговору и возвращаясь к изучению карабина.

Опаньки… Не понял.

Где-то я уже встречал такую резкую смену настроений, и мне знаком этот тщательно скрываемый от посторонних недобрый взгляд влюблённого мужчины, которым он наградил меня, своего предполагаемого счастливого соперника. Похоже, что Дашка сердце князя не на шутку зацепила, когда его раненого осматривала и что-то пыталась с ним сделать.

Странно. Она тогда, мягко говоря, была не в лучшей форме. Запавшие глаза, отсутствие косметики, да и причёска так себе. Опять же, лётный комбез… Хотя, минус на минус иногда идёт в плюс. Не удивлюсь, если у нашего князя выработалась устойчивая аллергия на расфуфыренных красоток, в румянах, рюшечках и воланчиках, активно его домогающихся. А тут – полный разрыв стандарта. Да и глазищи у Дарьи тогда в половину лица были. Тяжело ей та ночка полёта на большой высоте досталась. От облика вальяжной княжны тяготы полёта ей ничего не оставили. Обычная усталая девчонка, каких полно в любом городе под вечер.

Опять же, поведение у неё на банкете было странное. Такое ощущение, что она меня избегала и не случайно мы с ней зачастую оказывались в разных углах зала. Нанять что ли себе консультанта по женским вопросам? Вот честно говорю, не понимаю я логику девушек. Взять тех же дочек купца Липатова, у которого я сейчас в гостях. Вроде бы они ко мне всей душой, а стоит проявить немного внимания в их сторону, как они тут же в стороны порскнут, словно мальки от прожорливого окуня.

Если предположить, что Дарья Сергеевна у меня на князя Костю запала, то забавный треугольник у нас получается.

Князь, кстати вполне справедливо, подозревает, что с Дарьей у меня что-то было. Вот только наше «что-то» пока ни во что серьёзное не переросло. У неё тогда было бесшабашное настроение, у меня неделя воздержания, помноженная на вечерние посиделки с княжной, демонстрирующей весьма фривольные наряды.

А как иначе назвать коротенькие шортики и маечку, под которой почти всё видно. Мягко говоря, шансов у меня не было. Хорошо хоть сам к ней не полез. Хватило терпения дождаться, пока она ко мне придёт. И вроде бы всё хорошо начало складываться, но тут на горизонте появился раненый князь. Ага, такой же весь из себя страдающий, как и она. Ну, ладно. Допустим, в них Амур дуплетом зафинтилил по стреле в тот

момент. А мне-то что делать?

– Отец мне наказал пригласить вас на ужин, – прервал княжич затянувшуюся паузу в нашем разговоре, отрываясь от изучения подарка.

– Сочту за честь, – с трудом удержался я от того, чтобы не поморщиться. Вообще-то я на этот вечер имел немного другие планы. Думал, что слегка подрастрясу кошельки именитых камышинских толстосумов. Как ни странно, но после нашей победы на гонках заказы на меня не посыпались валом. Пока наш катер заказали только шестеро столичных покупателей. Что характерно, всем им потребовалась «императорская» отделка салона. Флаг им в руки, на неё у меня цена прилично вскинута.

– Кстати, что касается княжны Вадбольской, – повернулся я к Константину, который при моих словах выронил из рук очередной рассматриваемый им ствол, – Если вы её где-то встретите раньше меня, то подскажите ей, что я не знаю, куда ей переслать чек с её долей призовых денег. Я неоднократно пытался до неё дозвониться, но каждый раз неудачно. Я в столице не скоро буду, так что думаю, что вы с ней раньше увидитесь.

Не уверен, что Константин мой намёк понял правильно, но определённо он повеселел.

Скажем так, я сам дал ему повод, чтобы подойти к княжне и завязать с ней разговор. Как там и что дальше у них получится, один Бог знает, но если я не ошибся в своих рассуждениях, то мне не стоит становится у них на пути. Да, марьяж с княжной выглядит для меня перспективно, да и Дарья, если что, дама привлекательная во всех отношениях, но вот чувствую, что не так что-то у нас с ней. Не хватает чувств, что ли. Даже с моими горняшками у меня зачастую больше впечатлений остаётся после проведённой ночи. Предполагаю, что мой дружок, что у меня в штанинах болтается, со мной согласен. У него с горняшками поинтереснее дело складывается. Реагирует он на них, как стрелка компаса на север, особенно на ту новенькую…

Короче, всё пока у меня не складывается, как нужно. Головой понимаю, что пора бы мне Род продолжать, но пока не сходятся мои умоизмышления с реалиями. Я тут, уж было дело, с вполне понятными целями даже к дочкам Липатова присматривался.

А что? Девки молодые, симпатичные и весёлые. Меня даже не пугает, что их вдвоём надо будет брать. Близняшки явно не захотят разбегаться по разным мужьям. Соответственно, выход у них один – им парой надо искать себе жениха из Одарённых. Только магам с Даром в Империи четыре жены можно иметь, а некоторым и побольше, к примеру Главам Рода.

Ужин у князя Гончарова проходил скучно, но беседа, которую

хозяин дома после ужина затеял в курительной комнате, с лихвой оправдала потраченное на визит время.

Гончаров оказался умным и внимательным собеседником. Мне удалось узнать много интересного про состояние дел в княжестве и выяснить местные политические расклады. Заодно и подробной картой княжества разжился.

Оживился и Константин, услышав, что в планах на послезавтра у меня облёт казённых земель. Он напросился слетать вместе со мной, а вслед за ним и Гончаров такое же пожелание высказал.

– Кстати, граф, а почему вы завтра не хотите лететь? Погода стоит отличная, да и мы бы смогли время найти, – между делом поинтересовался Константин, выпуская клубы ароматного дыма.

Интересный табак он курит. В воздухе витает запах вишни и шоколада. Надо будет разузнать сорт табака, да моим курящим партнёрам презентовать по упаковке. Хоть какое-то удовольствие буду получать от их привычки дымить напропалую во время работы и обсуждений.

– Договорился завтра верфи осмотреть, которые на продажу выставили, да на текстильный комбинат надо заглянуть, – поделился я с собеседниками своими планами на предстоящий день.

– Это какие верфи? Никифоровские, те что вместе с моторным заводом? – спросил Гончаров, переглянувшись перед этим с Константином, – Так вроде не пошло у них дело с моторами, оттого и верфи простаивают.

– Мои партнёры предполагают, что дело не в конструкции двигателей, а в отсутствии необходимых технологий для качественного изготовления деталей, – ответил я, со значением посмотрев на Константина.

– А, ну да, полагаете что ваша магическая оснастка опять применение себе найдёт. Вполне возможно. Но послушайте мой совет. Не торопитесь с покупкой. Возможно, мы с князем подскажем вам несколько иной вариант.

Светлый князь выбил трубку и опять переглянулся с Гончаровым.

Неплохую разминку для ума они мне на пару устроили. Многозначительные намёки, недоговорённости, завуалированные вопросы. Нет, определённо нужно больше бывать в обществе, а то живу затворником, оттого и тонких намёков не понимаю. Даже обидно. Два истинных аристократа, по местным меркам, так звёзды первой величины, похоже вполне доброжелательно меня к чему-то подталкивают, а я не знаю, как реагировать.

– На текстильный по надобности какой, или из любопытства

собираетесь? – поинтересовался Гончаров, давая мне время для раздумий и добросовестно отыгрывая роль гостеприимного хозяина.

– Попытаюсь узнать, сделают ли мне основу для прорезиненной ткани. Ожидаю, что к следующему лету у меня появится свой каучук. Обработать готовую основу им я смогу, а своё ткацкое производство мне открывать не с руки, – я ответил вежливо и обстоятельно, хотя и не без некоторого злорадства внутри. Запомнился мне разговор с Тугоуховым. На первое время я достаточно материала уже закупил, а на следующий год надеюсь, что полностью перейду на собственную техническую ткань.

Душевный покой дорогого стоит. Начни Тугоуховы меня бойкотировать с поставками и у меня периодически будут возникать сбойные ситуации. Выкрутится-то выкручусь, приобретая ткани где через посредников, где с армейских резервов, но нервы себе капитально попорчу.

– Думаю, что дамы нас изрядно заждались, – поднялся тем временем Гончаров с места, приглашая всех пройти в зал.

По дороге я с любопытством смотрел по сторонам. Громадный особняк Гончаровых имеет смысл именовать дворцом. Старинное четырёхэтажное здание с колоннами и лепниной, с массивными дверями и причудливым орнаментом паркета, росписью стен и мозаичными витражами окон. Ковры, старинная мебель, монументальные люстры, картины, статуи – всё здесь создаёт особую атмосферу музейной тишины и расслабленности. Настоящий родовой особняк. Храм семьи и стабильности.

Дам действительно поднабралось прилично. Десяток красоток, разного возраста и степени принаряженности, с трудом разбавлял сын князя и пара условно молодых людей, один из которых блистал офицерской формой какого-то из местных полков. Похоже, что такие вечерние посиделки были в доме Гончаровых в порядке вещей, поскольку все присутствующие вели себя достаточно спокойно и непринуждённо болтали, разбившись на группы и расположившись за удобными столиками на креслах и удобных диванчиках. Пока мы не спеша бродили по залу, подъехала ещё пара девиц в сопровождении мамаши и лысоватого пухлого старичка.

В основном на столах стояли чайные сервизы, хотя на паре столов я заметил бутылки с вином, и даже пузатенькую посудину для пунша.

Мы по очереди обошли прибывших гостей, которым князь представлял в основном меня. Константина здесь уже знали, и он от нас где-то по дороге отстал, будучи перехвачен двумя

смешливыми прелестницами примерно его лет.

Последний столик, к которому меня подвёл князь, находился в углу зала и был прилично затенён лишь слегка открытыми пурпурными шторами, расшитыми золотом. За столом уютно устроились две дамы, а у окна со скучающим видом стоял офицер, опираясь одной рукой на спинку стула.

Дамы о чём-то живо беседовали, но увидев нас, одна из них, та, что сидела к нам лицом, сделала знак своей собеседнице и она повернулась.

Боже! Какое совершенство!

Ангельское лицо, подчёркнутое идеально подобранной причёской, изумительно красивая шея и безупречные контуры плеч, приоткрытые вечерним платьем.

Князь чуть слышно хмыкнул и это вывело меня из секундного замешательства. Стоило ему нас представить друг другу, как красавица тут же легко поднялась и подошла ко мне.

– Господа. На самом деле граф, о, уже граф, Бережков мой дальний родственник. Его дед приходится моей бабушке двоюродными братом. Так что, позвольте я украду его у вас на несколько минут и попрошу сопровождать меня во время небольшой прогулки по саду, а то право слово, здесь становится душно, – в подтверждение своих слов красавица несколько раз взмахнула веером, а потом со щелчком его закрыла, остановив одним движением ринувшегося было вслед за нами офицера, – Не правда ли граф, погоды нынче стоят замечательные?

Увлекаемый объявившейся родственницей, я что-то попытался сказать в ответ, но вряд ли это прозвучало убедительно.

– Думаю, что нам стоит присесть. Вот как раз и замечательная скамеечка имеется, – указала дама мне на скамейку, одиноко торчащую среди обширной лужайки.

Я оглянулся. Так и есть, из окон зала нас отлично видно, однако и близко к нам никто незамеченным не подойдёт. Идеальное место для разговора родственников. То-то она меня сюда так целеустремлённо тащила.

– Олег, можно я так к тебе буду обращаться, по родственному. Всё-таки я чуть постарше тебя, – улыбнулась Анна Константиновна, – Ты тоже можешь в неофициальной обстановке ко мне обращаться просто Анна, на людях всё же лучше по имени-отчеству.

Мда-а. Насчёт «чуть постарше» моя новоявленная родственница загнула. В сумраке зала приглушённый свет прилично скрадывал её реальный возраст. При обычном дневном освещении годков ей серьёзно добавилось. Тут даже через румяны

видны начавшиеся появляться морщинки, а чуть более резкие черты лица давно потеряли ту привлекательную девчачесть, которая так мила у молодых девушек.

– Конечно, Анна, как вам будет угодно, – отозвался я максимально вежливо, всё ещё смущённый её напором и быстротой нашего побега от остальных гостей.

– Я не случайно постаралась увести тебя из зала как можно скорее. Но, об этом мы поговорим чуть позже. А пока, позволь я задам тебе несколько вопросов. Признаюсь, я не так давно узнала о твоём существовании, и с тех пор пыталась быть в курсе твоих дел. Начал ты неплохо, да что там неплохо, просто замечательно! Мне одно непонятно – это стечение обстоятельств или у тебя имеется какая-то цель?

Резво меня Анна Константиновна в оборот берёт. Торопится, словно на пожар.

– Цель на ближайшие годы проста и понятна: нужно поднять Род, обзавестись людьми. Потом будет время осмотреться, и может быть удастся создать свой Клан, – максимально коротко обрисовал я свои планы, чтобы не наговорить лишнего.

– Скромненько так, не находишь? – усмехнулась родственница, – Иные и за всю жизнь меньше успевают. Но в целом твой настрой мне нравится. Скажу больше, в какой-то степени я в твоих успехах оказываюсь всерьёз заинтересована. Обстоятельства так интересно сложились. Тогда слушай меня внимательно, времени на долгие объяснения нет, да и не нужны они. Там в зале сейчас находится генеральша Кайсарова, урождённая Ланская и её дочь, Наталья Паисиевна дю-Буа-де-Роман-Кайсарова. Постарайся им понравиться. Дочка нам не интересна, она замужем, а вот от Варвары Яковлевны Ланской большая польза может случится.

– Так, Анна Константиновна, я рад был с вами познакомиться, но хочу заметить, что несколько минут нашего знакомства никак не предполагают, что я тут же слепо брошусь выполнять чьи-то поручения. Привык жить своим умом, знаете ли, – постарался я максимально холодно цедить слова. Похоже, дамочка попутала меня со своим офицериком, которым она управляет с помощью веера.

Я заботливо осмотрел себя, и демонстративно проехался пару раз ладонью по гербу, словно стряхивая с него пыль.

– Хорошо. Я объяснюсь. Только дайте мне минутку, чтобы привести мысли в порядок, – побледнела моя родственница, глядя в землю перед собой и сжимая острые кулачки на коленях, – Как вы знаете, в обществе истинных аристократов существуют свои обычаи и традиции. Вы можете проиграть состояние в карты,

пьянствовать неделями, куролесить напропалую, и вам это простят. Для сообщества аристократов вы останетесь своим, знакомым и понятным, пусть и со слабостями. Но вам никогда не простят сомнительное происхождение, дурные манеры или неправильный брак. Сословия в Империи никто не отменял. Заработаете признание, и увидите, насколько легче вам станет осуществить свою цель. Многие вопросы будут решаться быстро, без нервов и денег.

Я полюбовался на Анну. Бледность уже сошла с её лица, и под конец даже румянец появился, правда в виде двух ярких алых пятен на щеках.

– Допустим, и каким тут боком причастна наша генеральша? – иронично поинтересовался я у неё, склонив голову немного набок и улыбаясь.

– Ну как же! – всплеснула Анна руками, – Впрочем, я поняла, что вам лучше всё объяснять по порядку. Наверное вы слышали, что в Европе существует «Общество серебряных лисиц». Небольшой закрытый клуб для пожилых женщин. Они часто встречаются, иногда все вместе выезжают на воды или морское побережье и подолгу разговаривают. Послушаешь со стороны – обычные разговоры про то, кого бы и с кем поженить, и какие у пары могут быть перспективы. На самом деле они представляют из себя серьёзный инструмент внутренней политики. Они не только выполняют роль свах, как кажется на первый взгляд, но и продвигают созданные ими пары, создавая им условия для успешной карьеры и бизнеса. Рано или поздно те, кому они помогали, сами оказываются на вершинах власти, и уже они, в свою очередь оказывают протекции своим последователям.

– Ага, и наша генеральша вероятно такая же «лисица», но местного, то есть русского разлива. Занятная сказка. Спасибо, что потратили на меня время. Но, знаете Анна, я пожалуй сам себе жену выберу, и своё дело не стану доверять бабушкам, – собрался я заканчивать ненужный разговор, поднимаясь на ноги.

– И Клан создашь сам? Интересно – как? – выкрикнула Анна мне в лицо, в свою очередь порывисто вскакивая со скамьи.

– Да уж как-нибудь без помощи старушек немощных управлюсь, – не менее экспрессивно ответил я ей.

– Ты такое про мать нашего Императора не ляпни где-нибудь, а то я тебе сразу назову точную дату рождения твоего Клана – ни-ког-да, – выпалила Анна Константиновна, глядя на меня бешеными глазами, и сквозь зубы прошипела мне последнее слово, старательно разделяя его по слогам.

Оп-па. Старая Императрица. Существенный аргумент.

Я опустился обратно на скамейку и призадумался. За

последние пять лет в Империи создано всего два новых Клана, и то, один из них возрождённый. Рассыпалось, или было уничтожено в недавних военных конфликтах четыре Клана. Итого – минус два. Печальная статистика.

– Ладно, пошли знакомиться с твоей генеральшей, но учти, я пока никаких обещаний ни о чём не давал, – поднялся я со скамьи, и предложив Анне руку, направился обратно в особняк.

Когда мы зашли в зал, то генеральша вовсю резалась в карты с уже виденным мной толстячком. Судя по пухлым пачкам ассигнаций на столе, игра у них шла по-крупному. Пузатую ёмкость для пунша сменила бутылка рома.

Бабуся шумно веселилась, периодически отпивая ром из стакана с толстыми стенками, а толстячок закатывал глаза и вытирал пот со лба большим клетчатым платком.

Та-ак, и с этой женщиной мне предстоит говорить… Да это же гренадёр в юбке…

Глава 19

Маньяк прецизионного станкостроения второй день фрезеровал, выглаживал и шлифовал сталь и чугун. Еду ему приносили прямо сюда, да и спал он зачастую около станины станка, подтащив к нему топчан и дожидаясь, пока остынет трансмиссионное масло в редукторе, так приятно гревшем спину.

Всё это мы с Иваном Силычем узнали из болтовни словоохотливой хозяйки корчмы, куда зашли, чтобы узнать, где мастер живёт и где работает, да выпить по кружке холоднющего кваса из запотевших кружек. Жарковато сегодня, похоже перед грозой парит.

Степана Батищева мне посоветовал найти наш оружейник. Прославился мастер своими станками, дающими высокую точность. Даром, что сам он под Камышиным живёт, но знают тульские мастера-оружейники, что никто лучше Батищева станки не делает. Да, дорого он берёт и работает не быстро, зато качество какое. Те же допуски чуть не вдвое можно уменьшить, если все детали на батищевских станках сработаны.

По дороге из Камышина в Торповку, где жил Батищев, я был приятно удивлён. Сначала мы увидели дорожный указатель, подсказывающий, что до посёлка Металлист осталось пять километров, а потом и заводы открылись во всей красе. Развивается металлургия в Камышине, можно сказать – семимильными шагами идёт вперёд.

– Тут у нас свои литейщики есть, и кузни промышленные, – похвастался водитель нашего автомобиля, из местных, – До Войны в Камышине три завода серьёзных было. Там машиностроительный стоял, а по эту сторону инструментальный и нефтяного оборудования. Я ещё пацаном был, когда их понемногу восстанавливать начали. Понятно, что на довоенный уровень они ещё не скоро выйдут, но продукцию камышинскую и так уже по всей стране знают.

Я переглянулся с Иваном Силычем. Теперь многое стало понятным. Так уж исторически сложилось, что люди с каким-либо специфическим багажом Знаний обычно находились не слишком далеко от бывших производств, где работали их предки.

– Пойду, позову кого-нибудь. Не самим же нам подарки волочь, – Силыч, уже давно неспокойно вертевшийся на месте, словно нетерпеливый пацанёнок выскочил из машины и скрылся за воротами то ли мастерской, а то ли небольшого заводика.

Неплохо устроился станочных дел мастер. Два солидных цеха из красного кирпича, метров по сорок в длину и перемычки

крановых путей между ними, проходящие над просторным двором, вымощенным брусчаткой. В конце двора навес со штабелями металла разного профиля и отливками станин для станков.

– В контору пожалуйте, – махнул мне рукой на стоящий в стороне нарядный домик один из четверых пришедших рабочих, выгружающих тяжёлые ящики из нашей машины.

Познакомились с мастером, оказавшимся крепким стариканом лет шестидесяти, и пока они с Силычем занимались распаковкой наших подарков, я пошёл любоваться оружием, развешанным по стенам.

Десятка три единиц огнестрела, начинались от мосинских винтовок, берданок и наганов. На каждом экземпляре оружия имелись пластины с дарственными надписями, вот только имена Батищевых на них постоянно менялись. Похоже семейная коллекция, от прадедов корни берёт. По крайней мере я четыре разных имени насчитал, пока до табличек с упоминанием Степана добрался.

Тем временем ящики распаковали, и мастер в неподдельным интересом уставился на метровый кусок стали, отливающий стальным зеркальным блеском.

– Это вы что, рельсы отполировали? – поинтересовался Степан Иванович, приподняв край одного из тяжёлых изделий и посмотрев на него с торца.

– Не просто рельсы, а особенные, легированные ванадием, – Силыч назидательно поднял вверх указательный палец, – Такие для больших нагрузок только делают. Эту партию для судостроительной верфи катали, чтобы значится корабли по ним на воду спускать.

– Э-э, ну и для чего их наполировывать надо было? – поинтересовался мастер, сердито шикнув перед этим на одного из своих рабочих, которые толклись тут же, со смешками разглядывая наш подарок из-за плеча мастера.

– А ты, Степан Иванович, линейность померь и размеры по всей длине заодно. Только не штангелем, он тут бесполезен окажется, – с ухмылкой посоветовал Силыч мастеру, предвкушая достойное развлечение.

– Да ладно. Мои штангенциркули и десять соток легко возьмут, – ухмылкой на ухмылку ответил Батищев, горделиво подбочениваясь.

– Хороший инструмент, – вроде бы огорчённо покивал Силыч головой, поджимая губы и почёсывая ухо. Он переждал волну веселья, с которой работники Батищева встретили его пантомиму, и продолжил, – Только супротив нашего изделия всё-таки

слабоват твой струмент, ты уж чем-то поточнее озаботься.

Силыч вытащил из кармана большой носовой платок и трубно высморкался, словно хотел подтвердить свои слова победоносным звуком фанфар.

– Яков, Иван, бегом мой личный ящик с измерителями сюда, да смотрите мне, аккуратно несите, – не отрывая взгляда от Силыча, скомандовал Фёдоров.

Силыч лицедействовал. Старик с умильным выражением лица старательно складывал свой необъятный платок, искренне наслаждаясь моментом. Зная его умение рассказывать всё в лицах, я уже понимал, какие сюжеты сейчас крутятся у него в голове, и даже примерно прикинул, сколько раз он свой рассказ, обрастающий всё новыми и новыми подробностями, донесёт до благодарных слушателей на традиционных вечерних посиделках.

– А откуда у вас столь старинное оружие? Больно уж винтовочки архаичны. Даже не припомню, чтобы такие в учебниках видел, – я решил развеять свои сомнения, а заодно и дать возможность Фёдорову блеснуть семейными реликвиями, пока оба дедка дожидались отосланных работников.

– Э-э, мил человек. Все винтовки и пистоли давным-давно изобретены. Ещё до Войны. Лет двести, а то и триста назад. Много чего по схронам да убежищам сохранено было. Даже сейчас, при желании, ещё можно оружие довоенное руками пощупать. Понятное дело, что стрелять из него не стоит, но разобраться, как и что там работало, не сложно. Другой вопрос, что повторить те изделия вот так вот с кондачка не выйдет. Поэтому, когда прадеды наши взялись оружие сами делать, начинать им с простейшего пришлось. Та же берданка, к примеру, из пяти-шести простых деталей состоит, и к металлу не слишком требовательна. Оттого и цена у неё рублей в двадцать выходит, да и станки нужны наипростейшие. Мосинская винтовка уже посложнее и подороже будет. А нонешние карабины, так те уже серьёзного оборудования требуют и сталь не абы какую. Оттого и в цене мои станки. При хороших руках на них так детали можно сработать, что разбери ты десяток карабинов, перемешай детали, а потом обратно всё соберёшь и все десять рабочие окажутся, – мастер перевёл дух и нетерпеливо глянул в окно, – А кстати, вы так и не сказали, для чего вам рельса такая нужна оказалась.

– Не смогли мы для направляющих на наши копиры ничего проще и лучше придумать. Всё остальное как-то сложно, долго и дорого получалось. А с рельсами хорошо вышло. За день прокатали сколько нужно через свою установку, и с ходу в дело их пустили. Вам мы обрезки от наших направляющих привезли. Нам и десяти метров длины хватило, – ответил я мастеру,

продолжая рассматривать оружие, а когда повернулся к нему, то увидел два изменившихся лица. Очумевшее у Батищева, и донельзя ехидное у Силыча.

– Рельсы… А что, вполне рабочая идея. То есть вы больше десяти метров их такого качества за день сделали? – недоверчиво переспросил Фёдоров, тыча пальцем в ящики с подарками.

– Нет, – покачал я головой, и увидел, как Батищев с облегчением выдохнул, – Прокатали восемь штук. Каждая по двенадцать с лишним метров. А больше нам и не нужно было.

– Быстрее бы справились, если бы двигатель на протяжке помощнее стоял, – словно невзначай ввернул Силыч, добивая Батищева и поворачиваясь к входящим работникам.

К моему удивлению Степан Иванович начал не с измерительного инструмента, а с мощной лупы. По его команде одну из рельсин перетащили на подоконник, и старик дотошно рассматривал её поверхность под разными углами. Насмотревшись, он принялся за замеры.

Посопев под насмешливым взглядом Силыча со штангенциркулем, Батищев отложил его в сторону и взялся за микрометр.

– Мда-а, – пробормотал он через пару минут, стряхивая с носа каплю пота и выпрямляясь, – Бесовское искушение. И что я буду должен сделать, чтобы получать в месяц метров двести-двести пятьдесят направляющих такого качества?

Рабочие, судя по их возрасту не первый год знакомые с мастером, озадаченно притихли и с недоумением уставились на Батищева. Тот только рукой махнул им в сторону нашего подарка, предлагая самим его изучить повнимательнее.

– Мне бы очень хотелось получить дюжину производительных станочков для шлифовки алмазов. Полагаю, с ценой мы определимся без особого труда, – ответил я, мысленно поблагодарив своего мастера-оружейника, который и подсказал мне блестящую идею по завоеванию расположения мастера станочных дел.

Батищев сразу понял, что получив в свои руки идеальные направляющие, он не только разом повысит класс своей продукции, но и сможет отказаться от одной из самых трудоёмких и рискованных операций – шлифовки большой поверхности металла. Не настолько хороша ещё сталь, чтобы не было в ней раковин и вкраплений, которые порой многодневную работу шлифовщика сводят на нет. Зато после нашей обработки эти дефекты попросту исчезают. Как считает Густавсон, в процессе гидроэкструзии металл находится в квазижидкостном состоянии и в нём происходит перераспределение дислокации

внутренних дефектов.

Уф-ф. Эту его фразу я отдельно записал, и выучил, как стихотворение. Жаль, что не пригодилась она в сегодняшнем разговоре, но я всё равно ей когда-нибудь блесну. Иначе долго придётся объяснять, почему на нашей зеркальной поверхности никогда не бывает дефектов.

– Дюжину… И как скоро надо? – спросил Батищев, вытирая вспотевшие руки марлевой салфеткой, очень кстати оказавшейся в ящике с измерительным инструментом.

– Месяц-полтора, – задумчиво протянул я и жестом остановил Степана Ивановича, приготовившегося было возражать, – Станки у нас не слишком сложные. Мы алмазы не граним, а вытачиваем из них цилиндрики. Давайте я лучше покажу чертежи тех станков, которые у нас сейчас работают, а вы подскажете, как им оборотов подкинуть.

– Да, действительно, не особо сложные станочки, – вынес мастер заключение, когда изучил принесённые из автомобиля чертежи, – Но взяться за них мы только через месяц сможем. После недавней заварушки у нас срочных заказов уже под сотню скопилось. Война, она не одними военными потерями измеряется. В этот раз у нас около пяти тысяч станков супротивником уничтожено было и больше тысячи вывезены оказались. Сейчас уже наши оборудование оттуда тащат, но вроде как за Урал собираются всё отправлять, на государственные заводы. Поэтому первые станки вы месяца через два увидите, не раньше.

Хм, как-то запутал меня Батищев своим видением войны. Не обучают нас в Академии рассматривать потери в станочном парке. По крайней мере я ни в одной сводке не читал про погибшие и пленённые токарные и фрезерные станки.

– Два… Хорошо, пусть будет два. Только это далеко не последний мой заказ, – спокойно ответил я, понимая, что наша наживка заглочена Батищевым по самые жабры.

Мастер побарабанил пальцами по столу, раздумывая. Четверо его работников, переговариваясь громким шёпотом, слышимым по всей комнате, никак не способствовали повороту разговора в его пользу. Слишком уж велико было их удивление и чересчур экспрессивны выражения, которыми они обменивались.

– Полагаю, что кто-то из моих знакомцев тебе насоветовал, на что меня взять можно? А ну, цыть! – прикрикнул мастер на работников, – Подарки и измерители ко мне отнесите, да поживее. И работать. Солнце ещё высоко.

Подбодренные немудрёной шуткой, мужики, звучно топая, покинули контору.

Проводив взглядом работяг, мастер повернулся в мою

сторону, всем своим видом показывая, что он ждёт ответа на вопрос.

– Всеволод Лобаев ко мне переехал. С меня современный цех, новые технологии и комфортное, безопасное жильё, а с него сто снайперских винтовок в месяц через полгода. Первые уже начали серийно выпускать. Шустро у них дело пошло. На сотню пока не вышли, но лиха беда начало.

– Понятно, – покивал головой мастер, выслушав мой ответ, – А станки какие в дальнейшем потребуются? Обычные, или опять что-то наособицу?

– Тех и других понемногу. На серьёзное производство я пока не тяну, а по мелочам вполне себе. Да вот, к примеру, – я вытащил из кармана небольшой подшипник, чуть поменьше карманных часов размером. Понравилось мне его крутить во время медитаций. Дед у меня чётками пользовался, а я вот с подшипником приспособился медитировать.

Мастер, как заворожённый, смотрел на крутящийся на моём пальце подшипник. Потом, сердито сопя, он полез ковыряться в тумбочке, что стояла в углу комнаты. Через полминуты его поиски увенчались успехом и Батищев протянул мне новенький подшипник, чуть большего размера, чем мой.

– Он же почти не крутится! – возмутился я, попробовав предложенный мне экземпляр.

– В том-то и дело. Крутится так себе, да ещё и люфтит слегка.

Следующие пять минут мы выслушивали горячую речь Батищева. Если коротко, то по его мнению нам надо все свои дела забросить и заняться одними подшипниками. Не хватает их стране, а у тех, что нынче производят, качество приличными словами не описывается.

– Мда-а, дилемма, – вслух высказался я, когда мы распрощались с Батищевым и пошли к автомобилю.

– А что случилось? – взглянул на меня Иван Силыч, донельзя довольный результатом прошедшей встречи. Дожали мы таки мастера станочных дел. Всемерную поддержку он нам пообещал.

– Вроде как я постоянно магию хочу возродить, а как за что не возьмусь, так всё на пользу технике идёт.

– Тогда может стоит не магией технику делать, а как-то наоборот это перевернуть? – хохотнул Силыч, усаживаясь в машину.

Задумавшись над его словами и обходя автомобиль, я наступил на крупный камушек и подвернул ногу.

– О, чёрт, – запрыгал я на одной ноге, тряся в воздухе обожжённой рукой.

Жара сегодня страшная на улице. Пока ехали, водитель всё

время поглядывал на температуру воды, опасаясь, что мы «закипим». Оттого и капот, на который я опёрся, чтобы удержать равновесие, нагрелся словно сковородка и обжёг мне руку.

– Вот и старайся для этой техники. Она вся, как только работать начинает, так тут же и греется, – пожаловался я Силычу, дуя на ладонь и кастуя слабенькое лечебное заклинание, пока волдыри от ожога не полезли, – А ты говоришь, наоборот перевернуть. Хотя, подожди-ка…

После нашего разговора со Степаном про интромагов, где я ему объяснял принципы магии на примере работы электрического фонарика, как-то само собой у меня сложилось понимание, что электричество и магия имеют много общего.

Как магия, так и электричество могут давать свет и тепло, если нужные устройства подключить к источнику Силы. Однако у электричества есть любопытная особенность – зачастую оно обратимо.

Электродвигатель, если его вал вращает посторонняя сила, допустим тот же ветряк, способен работать, как генератор и сам вырабатывать энергию. К нему только нужно добавить постоянные магниты, или создать магнитное поле искусственно. Собственно, то же тепло или свет можно тоже превратить в электроэнергию.

Помню же я, что на рыбацкой заимке у Прокопьича была такая кастрюлька с проводами, которую он называл «партизанский котелок». Ставишь её на печь и она аккумуляторы на фонарике заряжает.

Зато в магии таких устройств нет. Такое впечатление, что маги на втором или третьем поколении выдохлись и перестали развивать своё искусство. Посчитали, что им достаточно обретённой Силы.

В отличии от магии, техника никогда на месте не стояла. Коллекция винтовок у Батищева на стене тому свидетель. Каждый следующий образец там сложнее и лучше.

Ряд предположений, почему в «мирной» магии состоялся такой застой, у меня есть. Каждое столетие, прошедшее после Войны, отмечено как минимум десятком серьёзных переделов. Вдосталь повоевали бояре между собой. Не до изобретений им тогда было, а там, глядишь, и поколение сменилось и пришли в Родах и Кланах к власти новые маги, которые кроме боевых заклинаний и не знали ничего.

Опять же приличное и разностороннее образование маги стали получать только после основания Империи. До этого как-то не грешили в Кланах изучением той же физики. Считалось, что будущему боевому магу она ни к чему.

Оттого, что магия была везде, а на Источниках её концентрация была даже избыточной, никто всерьёз и не задумывался над тем, что Силу можно получать как-то иначе. Например, из того же избыточного тепла. Да и смысла раньше не было решать такие задачи. Мощные моторы появились не так давно и с каждой следующей их моделью они только увеличивают количество лошадиных сил, а сами становятся легче. Проблема перегрева двигателей на тех же императорских гонках встала передо мной во всей красе.

– Силыч, а сколько лишнего тепла выделяет ярославский движок, что у нас на «Сапсане» стоит? – как можно равнодушнее спросил я у механика. Рано пока говорить о чём-то всерьёз, если у меня нет даже примерного решения, как это тепло превратить в Силу. Одни догадки.

– Считается, что у наилучших моторов КПД порядка двадцати пяти процентов. У ярославского поменьше будет, думаю, – серьёзно ответил Иван Силыч, почувствовав, что я неспроста задал вопрос.

– Три четверти в воздух улетает, – зафиксировал я цифру в своей голове, потирая руки.

Понемногу складывается у меня решение той задачи, которая на гонках проявила себя достаточно очевидно. «Сапсану» тогда откровенно не хватило Силы, чтобы долго лететь на большой высоте. Даже мои накопители, как бы не лучшие в мире, и те ситуацию полностью не разрешили. Запросто мы могли тогда не дотянуть до финиша с работающими магическими движками.

Получается, что современным дирижаблям уже не хватает той концентрации Силы, которая рассеяна в воздухе. Я восполнил этот недостаток запасами с накопителя, а мог бы и преобразовать в Силу избыточное тепло бензиновых двигателей и направить его на гравики или обратно, в те же накопители. Вот тебе и «наоборот».

Спасибо Силычу за идею.

* * *

На следующий день со стартом на облёт казённых земель мы слегка задержались. Сначала ждали князя Гончарова, у которого неожиданно образовались срочные дела, потом наблюдали за затянувшимся отправлением дирижабля с охраной, летевшей с нами в качестве сопровождения.

Из-за задержки я не переживал. Пусть мои гости сами лишний раз посмотрят, на сколько «Сапсан» быстрее и удобнее с

его возможностью старта прямо с земли, а не от стартовой мачты.

От пилотов, занятых управлением, мы отгородились недавно установленной перегородкой, поэтому начавшейся беседе никто не мешал.

– Скажите-ка, граф, вас случайно не удивил тот факт, что после вашей триумфальной победы на гонках её участники не кинулись заказывать у вас дирижабли вашей конструкции? – поинтересовался у меня князь Константин, поглядывая в иллюминатор на медленно поднимающийся дирижабль сопровождения.

– Мы обсуждали этот вопрос с партнёрами, но сошлись на мнении, что скорее всего гонщики посчитали нашу цену завышенной, – пожал я плечами, ещё не понимая, к чему задан вопрос.

– Серьёзно? – с лукавой усмешкой поинтересовался князь, – Вы считаете, что Кланы, которые в месяц на представительские расходы тратят миллионы, не в состоянии купить парочку ваших дирижаблей?

– Тогда я действительно чего-то не понимаю, – вынужден был я признать справедливость вопроса, ожидая продолжения начатой темы.

– И вас совсем не смутило то, что пресса в этот раз на редкость скупо отозвалась о победителях, или то, что вы не были приглашены в Клуб Аэронавтов, куда по традиции зачисляются все победители? Причём, бесплатно. Без весьма серьёзного вступительного взноса, – продолжил бомбить меня Константин наводящими вопросами.

– Скажу честно. Знание традиций, степеней родства и ведения двусмысленных разговоров не является моей сильной стороной. Столичная аристократия этим живёт. Они с детства всем тонкостям обучены, а я обычный провинциал, слегка обременённый знаниями этикета на уровне курсанта Академии, – объективно констатировал я очевидное.

– Самокритично. Особенно если учесть ваш возраст, – рассмеялся Константин, – Тогда и я не буду ходить вокруг да около, тем более вы сами сказали, что двусмысленности – это не ваше. Ветераны гонок не очень-то и хотят пересаживаться на новые дирижабли. Причин много, начиная от материальных и заканчивая переучиванием и опробованием новой тактики, пока насквозь для них непредсказуемой. Слишком много нераскрытых возможностей у вашей новинки с их точки зрения. Поэтому при Клубе образован весьма деятельный актив, составивший Меморандум на имя Императора. Достаточно вольно трактуя правила гонок, там на пяти страницах приведены аргументы, по

которым дирижабли, вроде вашего, не соответствуют гоночному регламенту и впредь не должны допускаться к участию в соревнованиях.

– Я тоже знакомился с правилами и никаких ограничений там не нашёл, – достаточно спокойно отозвался я на неприятную новость, – Кроме того, мы изначально задумывали «Сапсан» не для гонок. Основная идея заключалась в том, чтобы создать самый быстрый, комфортный и безопасный транспорт для тех, кто может себе его позволить. Как видите, эта задача выполнена.

Я с улыбкой обвёл рукой салон, в очередной раз мысленно поблагодарив Дарью за достойный интерьер.

– Эх-х, знали бы вы, сколько сотен адвокатов ежемесячно находят лазейки в имперских законах, где вроде бы всё прописано достаточно чётко и однозначно. А тут даже не закон, а правила, наспех составленные лет пятьдесят назад. Но, собственно, речь не про Меморандум. Я бы и не стал при князе Гончарове начинать этот разговор, если бы он не был частично связан с нашими интересами. Я надеюсь, вы ещё не передумали с выкупом судостроительных верфей и моторного завода?

– По вашему совету я отложил туда визит, но завтра всё равно планировал съездить посмотреть, что там и как. Время поджимает. Дня через три мне обязательно нужно быть в столице, – я специально не стал вдаваться в подробности, и лишь кратко обозначил свои планы на несколько дней вперёд. Вряд ли двух аристократов настолько интересует жизнь провинциального графа, чтобы мне стоило расписывать её по дням.

– Как вы отнесётесь к тому, что мы тоже поучаствуем в выкупе интересующего вас объекта? Скажем так, вложимся с князем Гончаровым процентов по десять, – с каким-то странным любопытством посмотрел на меня Константин.

Нечто подобное я ожидал. Всё-таки не зря я с Липатовым частенько советуюсь. У него огромный опыт и чутьё на разные предложения. В этот раз он тоже не ошибся, более того, по пунктам мне рассказал и объяснил, что и как следует заранее выяснить, и какой ответ дать в том или ином случае. Иметь дела с аристо – палка о двух концах. Можно высоко взлететь, используя их связи и режим максимальных преференций, а можно и потерять так много, что потом вряд ли когда поднимешься.

– А я могу задать несколько вопросов и услышать на них откровенные ответы, перед тем, как приму решение? – похоже своим ответом я изрядно развеселил моих собеседников, иначе с чего бы они переглянулись и заулыбались. Может считают, что от подобных предложений не принято отказываться, но тогда я их разочарую, и на своих визитах в Камышин надолго поставлю

крест.

– Извольте. Любопытно будет послушать, – справился с улыбкой Константин, восстанавливая серьёзное выражение лица, хотя я ясно видел, что чёртики у него в глазах бегают, как у нашкодившего пацанёнка.

– Во-первых, мне нужно знать, что именно вы ожидаете от нашего сотрудничества? Во-вторых, в чём конкретно будет заключаться мой интерес? В-третьих, а не поссоримся ли мы, если наши конечные цели не найдут общих точек соприкосновения? Сразу хочу предупредить – в делах я партнёр жёсткий, а к моторному заводу имею свой интерес и далекоидущие планы. И чисто для удовлетворения моего любопытства, объясните, как всё это увязано с гонками? – выговорившись, я откинулся на спинку дивана, и полюбовался на собеседников, понемногу утративших свою весёлость.

– Мда-а. Давайте начнём с меня, – подал голос князь Гончаров, – Меня интересует судостроение и моё участие в государственной программе. Подчеркну, официальное признание моего участия. Про интерес к прибыли говорить не буду, он подразумевается сам по себе. Ваш интерес с моей стороны могу обозначить своей протекцией и сниженной выкупной стоимостью объекта. Предполагаю, что для ссоры у нас будет возможность, если выкупной объект не встанет через год на ноги и захиреет.

Так. С одним всё понятно. Деньги, орден и развитие его региона, включая водный транспорт. Претензии обещает только в случае неудачи.

Я демонстративно развернулся к Светлому князю Константину, ожидая его объяснений.

– Начнём с того, что мне сотрудничество с вами просто интересно. Можете не верить, но я готов из чистого альтруизма оплатить собственное любопытство. Переходя к делам более материальным и меркантильным, хочу отметить, что мои интересы в основном лежат в области моторов. Изначально в Империи отмечено пять заводов, способных производить дизельные двигатели. Камышинский не самый крупный из них, но судовые дизели изначально и не предполагалось выпускать на каждом заводе, а я, как-никак уже пятый год являюсь шефом Кронштадтской миноносной эскадры, а заодно и бригады торпедных катеров. Той самой эскадры, которая не первый год ожидает, когда же у них появятся достойные двигатели. Мы полагаем, что дизель мало того, что увеличит скорость миноносцев, но он и способен в полтора раза повысить дальность их действия. Отдельно отмечу интерес к дизельным двигателям со стороны транспортных дирижаблей тяжелого и сверхтяжёлого

класса. Так что прямой интерес всех будущих партнёров более чем ясен. Появится удачный дизельный мотор и я максимально быстро постараюсь обеспечить его установку и испытания на действующем флоте. Насчёт возможной ссоры – раз мы не поссорились из-за того, что вы закопали мой проект высотного разведчика, я имею в виду «Айвенго», то надеюсь, что мы и дальше проживём мирно. Могу ответить и на вопрос, как всё это увязано с гонками. Отгадайте с трёх раз, кого предполагает заслать актив Клуба Аэронавтов, в качестве посыльного с их Меморандумом к Императору? Могу подсказать, что Государь уделяет своё внимание только вопросам имперской важности, зачастую заставляя всех остальных ждать разрешение на визит к нему месяцами. Вижу, вы правильно поняли, – чуть слышно хмыкнул князь Константин, когда я подняв брови домиком, посмотрел на него с недоверчивой улыбкой, – Более того. Я могу предсказать результат. Когда я принесу ему Меморандум, он посоветует мне в следующий раз писать такое творчество на мягкой бумаге, пригодной для использования в сортире. А потом на вас обрушится вал заказов. Вот тут и возникает переплетение интересов. Исходя из заключений наших аналитиков вы не вытянете оба проекта по финансам. Придётся вам или дирижабли отложить, или заморозить судостроение и моторы. И то, и другое – плохие решения. Не дадите всем страждущим свои дирижабли к следующим гонкам – наживёте целую кучу высокопоставленных врагов. Не сможете освоить судостроение и моторы – получите неприятности от двух князей и одного Императора. И какое будет ваше решение?

– Я займусь фотографией, – чистосердечно ответил я, заметив жестикуляцию пилота сквозь полупрозрачную перегородку. Мы долетели до казённых земель, и мне надо было отметить и сфотографировать участки, подходящие под проект и найти места, пригодные для будущего причаливания барж-заводов. Благо, с нашей высоты все мели и глубины видны, как на ладони, – И немного подумаю.

Вместо традиционной треноги у меня была подготовлена шарнирная установка, на которой крепилась фотокамера. Пилотам я заранее объяснил и прорисовал на карте, как и где нам нужно лететь, и поэтому, не отвлекаясь на корректировку маршрута, я старался сделать как можно больше снимков, чтобы запечатлеть на стеклянных пластинах максимум информации. Плёночным фотоаппаратам я пока не доверял. Слишком уж у них непредсказуемые результаты после проявки были. Дело даже было зачастую не в мастерстве фотографа, а в качестве плёнки, которое трудно пока назвать удовлетворительным.

Поэтому – пластины. Просто, качественно, надёжно. Да, сам фотоаппарат большой и его «гармошка» на дирижабле несовременно выглядит, но это не мои проблемы. Научатся наши производители фотоаппаратов делать что-нибудь получше, так я вперёд всех такую технику куплю.

– Мы можем снизиться и не спеша пролететь над тем объектом? – спросил князь Гончаров, указывая на появившиеся вдали строения и квадраты прудов.

Дав пилотам распоряжение, я в бинокль посмотрел на указанное князем место. Очень похоже на карпятник. Только пруды небольшого размера и зданий с оборудованием многовато для обычного рыбного хозяйства.

– Рыбозавод три года назад построили. По их отчётам они одних только мальков осетровых по несколько миллионов каждый год в реку выпускают, а недавно дополнительное финансирование попросили, чтобы каспийскую селёдку начать восстанавливать, – успел услышать я рассказ Гончарова, когда вернулся в салон, – Два года собираюсь сюда выбраться, чтобы посмотреть, и всё никак времени не найду.

– Садиться будем? – задал я вопрос Гончарову, присмотрев подходящее место совсем недалеко от строений рыбозавода.

– И действительно. Вы же к посадке на землю приспособлены. Господа, как вы отнесётесь к небольшой экскурсии? Заодно и разомнёмся слегка, – оживился князь.

С посадкой мои пилоты справились замечательно. Дирижабль княжеской охраны тоже не подкачал. Они зависли метров в двадцати над землёй и пару охранников спустили на тросах. Оба князя только хмыкнули, наблюдая за ловким десантированием, и мы, дождавшись подбежавших охранников, пошли к воротам рыбозавода.

Сначала я прошёлся вместе со всеми, выслушивая, как местный директор рассказывает и объясняет, что и как у них устроено. Когда он начал жаловаться на корма низкого качества и слабенькую электростанцию, я навострил уши и отпросился на её осмотр.

Высоких труб на территории рыбозавода я не заметил, значит генераторы работают не от паровой машины. Так и оказалось. Три бензиновых двигателя, лошадей по сто каждый, наполняли грохотом небольшое помещение, стоявшее далеко в стороне от завода.

– Сейчас на максимальной нагрузке все три генератора работают, но обычно мы два используем, а третий в резерве держим, ну и меняем их время от времени, чтобы наработка примерно одинаковая была, – прокричал мне местный механик

почти что на ухо. Шумно у них. Я и трёх минут не выдержал, с облегчением выскочив на улицу.

Полуоглохший, ещё раз осмотрел снаружи строение. Нет, я так строить не буду. У нас климат посуровее, чем в Камышине, и задачи у моих электростанций немного другие предполагаются.

В планах по первоначальному освоению земель у меня значатся дороги и электростанции. Идею о паровых машинах я отверг, после того, как намучался со своей станцией, построенной у верфей. Долго, дорого и с обслуживанием не всё просто. Уголёк дороговато встаёт, когда его везёшь машиной за триста с лишним километров, а уж про водоподготовку и говорить нечего. Одних лаборантов только трое и куча дорогих приборов и химикатов. Есть такая незадача у мощных паровых машин – если за качеством воды не следить, то накипь их быстро из строя выводит.

Мне нужны мощные дизельные моторы. Только они помогут с развитием будущих селений на моих землях. Была, правда у меня идея с большой центральной электростанцией, но когда Степан посчитал мне стоимость линий электропередач, то идейка увяла. У стальных проводов потери сумасшедшие, медные мне не вытянуть по деньгам, а алюминий пока дороже меди стоит, да и не достать его. Вояки почти все лимиты под себя подгребли.

– Считаю, что мне стоит принять ваше предложение, но хотелось бы заранее проговорить некоторые моменты, – вернулся я к отложенному разговору, когда мы вернулись на мой «Сапсан», и поднявшись в воздух, наблюдали за возвратом охранников на их дирижабль. В этот раз у них так ловко всё не получилось. Одного охранника так и вовсе пару метров по земле протащило, прежде чем лебёдка его выдернула вверх.

– Думаю, что слегка я вам смогу помочь, – Гончаров, убедившись, что охрана загрузилась, повернулся ко мне, – Закажу-ка я у вас парочку таких же дирижаблей, как ваш «Сапсан». Очень уж мне понравилась возможность неожиданной инспекции. Полагаю, что неплохой прибылью мне такая покупка обернётся. Как узнают людишки, что князь в любой день у них появится может, так и за порядком лучше смотреть станут.

– Предполагаю, что ваш интерес к электростанции как-то связан с нашим разговором? – проявил проницательность Константин, улыбкой отметив заинтересованность Гончарова и принятое им решение.

– Да. Мне нужны люди. Земли у меня много стало, а люди с неё разбежались. Часть ушла из-за наших распрей, но ещё больше в города перебралось жить. Особенно молодёжи много уезжает. Представьте деревню зимой. Керосиновые лампы, печное

отопление и занесённые снегом дороги. Со скуки свихнуться можно, а заняться нечем. Ничем молодых парней обратно не заманишь, кроме современных посёлков. Таких, чтобы с электричеством были, с центральным отоплением, с тёплыми туалетами и прочими современными прелестями. И обязательно цеха с производством и зарплатой повыше, чем в городе, – поделился я своими планами по возрождению моей вотчины, – А для электричества мне нужны дизельные электростанции.

Ничего сверхъестественного я не придумал, всё уже на посёлке при верфях опробовано. Да, сначала трудно дело шло, зато теперь никого уговаривать не надо. Желающих работать на верфях и жить в посёлке при них с каждым днём всё больше. Недавно его жители клуб затеяли строить, что характерно, своими силами. От меня только материалы и разрешение потребовались.

– С большими заводами конкурировать собрались? – покачал головой Гончаров, явно не одобряя кажущуюся легкомысленность моих планов.

– Ни в коем случае, – откликнулся я, – Скорее буду дополнять нужный ассортимент тем, что заводам пока не по силам.

В подтверждение своих слов я вытащил из кармана всё тот же подшипник и рассказал, сколько их самого разного размера и назначения окажутся востребованы, начни мы их выпускать по нашей технологии. Похоже, убедил. Может и не до конца, так я и не про все свои планы рассказал. Идея – штука такая, разлетающаяся. Озвучь её раньше времени, смотришь, через год-другой твою идею не только подхватят, но и тебя опередят. Поэтому, чем дольше мои собеседники сомневаются, тем дальше я успею уйти вперёд. Не то, чтобы я что-то плохое задумал, нет. Так, по мелочам. У того же Батищева сынок подрос. Неплохой мастер, как я понял, но ему ещё долго придётся в тени папы находиться. А по мне, так вот он, готовый руководитель цеха. И наверняка в Камышине я не одного такого мастера найду. Останется только их заинтересовать, чем можно, да потихоньку к себе перетащить. Именно таких, которые на сегодня тут не слишком заметны и востребованы, а иначе без претензий от Гончарова не обойтись.

Что касается князя Константина, то к нему у меня отдельный интерес. Его проект с «Айвенго» мне как нельзя кстати. Не могу я поверить, что победа «Сапсана» без внимания военных прошла. Значит рано или поздно, но подкатят они ко мне со своими интересами. Самым лучшим выходом будет подкинуть им альтернативу, и «Айвенго» для неё вполне подходит. Более того, я даже помогу князю и готов доработать его проект, чтобы именно

его дирижабль был востребован армией, а мой считался всего лишь дорогой гражданской игрушкой. Надо только проверить одну идею, которую я недавно случайно извлёк из беседы с Силычем. Тем не менее, князя стоит вербовать себе в союзники прямо сейчас, пока представился удобный случай и армейцы ещё не определились в предпочтениях.

– Если позволите, я немного вернусь к началу разговора, а именно к вашему проекту с «Айвенго», – сложив на удачу пальцы крестиком, начал я отработку своей интриги. Да, если разобраться и быть перед самим собой честным, то так оно есть. Мою попытку отбояриться от интереса военных по другому никак не назвать, – Дайте мне пару месяцев, и я не исключаю возможность существенной реанимации вашего проекта высотного разведчика. По ряду конструкционных причин мой «Сапсан» на эту роль не подходит. Особенно, если обсуждать полёты на высоте в шесть-семь тысяч метров.

– Сколько? – недоверчиво посмотрел на меня Константин, развернувшись ко мне всем корпусом и вцепившись обеими руками в стол, – Вы шутите? И почему ваш «Сапсан» не подходит?

Ага, всё-таки князь мне не поверил сходу, потребовав объяснений.

– У «Айвенго» больше запас гелия на каждый килограмм нагрузки. Соответственно, там где «Сапсан» начинает форсировано работать гравикомпенсаторами, вы ещё вполне обходитесь обычным режимом. У вас три мощных бензиновых двигателя, а не два, и это будет важно. Ну и кроме того, «Сапсан», для его размера и грузоподъёмности максимально сбалансирован. Вряд ли у нас получится что-то улучшить без потери других параметров, – я выложил ранее обдуманные доводы, против которых изначально было трудно возразить в силу их объективности, – Максимальная высота полёта у «Сапсана» чуть больше четырёх километров. Предполагаю, что у «Айвенго» она может быть раза в полтора больше.

– Ну это же… Надо узнать, какова у них дальность зенитных орудий, – чуть слышно пробормотал Константин, погружаясь в раздумья.

– Не подскажете ли мне причину интереса в моей персоне со стороны Анны Константиновны? – задал я вопрос Гончарову, немного подождав и убедившись, что князь Константин для нас на некоторое время потерян, как собеседник.

– А, вы про свою родственницу… Интересная дама. К счастью, всё оказалось не так плохо, хотя сначала я предполагал, что оказавшись у нас она доставит хлопот, – нехотя ответил Гончаров.

– Лет шесть назад Анна Константиновна была достаточна

близка с нашим Императором, – выдал князь Константин, отходя от своих мыслей, – Но чересчур рьяно полезла в политику и стараниями двора получила отставку и пожелание жить подальше от столицы.

Ого… Как всё не просто.

– У нас она нашла себя соратницей генеральши Кайсаровой, и предполагаю, что при её нынешней активности она через год-другой сменит генеральшу на её нелёгком посту, – позволили себе чуть заметный смешок Гончаров, описывая частицу светской жизни местного общества, – Кстати, мы тут с князем поспорили. Не расскажете нам, чем закончился ваш разговор с нашей главной свахой?

– Настоятельной рекомендацией отбросив все дела откликнуться на приглашение княжны Юсуповой, как только я его получу, прибыв в столицу, – признался я, заканчивая свой ответ под весёлый смех двух князей, переходящий в откровенно неприличный ржач.

– Сходу, из главного калибра… – выдавил сквозь смех Гончаров.

– Юсупова. Первая статс-дама Старой Императрицы… – попытался прояснить мне ситуацию Константин, но посмотрев на моё растерянное лицо, только махнул рукой и вытирая платком набегавшие слёзы, продолжил веселиться.

Вот гады. Что смешного-то?

Глава 20

Причину смеха двух князей я всё-таки выяснил, правда уже после прилёта. Каюсь, пришлось Константину намекнуть, что если он предпочитает молчать, то и я при случае отмолчусь.

Этакий жирный посыл в сторону его проекта с «Айвенго» вышел.

Тут-то и выяснилось, что княгиня Юсупова, не к ночи будь помянута, – это одна из основных причин, вынудивших князя достаточно срочно покинуть столицу. Даже Император ничего не смог сделать с повышенной активностью первой статс-дамы, поскольку Старая Императрица не тот человек, с которым ему хотелось бы поссориться. В конце концов родственники, а именно Император и его дщерич, не придумали ничего лучше, чем отправить Константина императорским наместником в Поволжье.

Заодно князь Константин прояснил мне фразу насчёт «главного калибра». Генеральша Кайсарова, скрупулёзно расспросив меня, с чего-то вдруг решила, что на её территории подходящих невест для свежеиспечённого графа нет, раз направила меня к княгине Юсуповой. Своё недоумение я князю озвучил и получил неожиданный ответ.

– А ты сам посуди, интересный ты жених или нет. Времена нынче не те пошли, что раньше. По родительскому приказу девки не очень-то охотно замуж идут. Было бы тебе лет тридцать пять, и ты бы сам был с лысиной и брюшком – это одно дело. Но давай вместе рассуждать. Молодой граф, симпатичный, глава Рода, в клан ни в какой не входишь, гонки выиграл, из рук Императора не одну награду успел получить… – князь замолчал и изобразил рукой элегантный жест, предлагая мне проникнуться моими же собственными перспективами, – Говоря новомодными словами – попытайся ощутить свой жениховский рейтинг в глазах мамаш, озабоченных пристраиванием своих любимых дочурок. Вроде бы и имеются партии повыгоднее и побогаче, но вот беда, доча скорее из дома сбежит, чем под венец с выгодным, но немилым пойдёт. И смотрят девы юные не на богатство и не на чины. Считай что ты, так просто идеальный жених. Племенной жеребец, можно сказать, сам себе голова, и в фаворе… В том же салоне Юшковой в первом десятке будешь числиться, а то и в пятёрке, – хохотнул было Константин, но осёкся, заметив, что я его весёлость не разделяю.

Справедливость его слов отрицать сложно. Взять ту же Дарью Сергеевну. Княжна даже не от старого жениха сбежала, а от вполне себе этакого… из новых модников. Смазливенького и

достаточно безвольного.

Ну ничего. Елизавета там всерьёз за дело взялась. Ох, и отомстит она, когда её время придёт. А то я не заметил, что она уже Тугоуховым крутит, как хочет. Ни характером, ни смелостью её жених не отличается. Княжонок хоть и пыжился, а губёнки-то дрогнули, когда он про дуэль интересовался.

Помню я таких родовитых по лицею. Ходят важные, слова через губу цедят, а как пригласишь такого на задний двор, где парни по традиции друг другу морды чистят, так куда что девается. Глазёнки бегают, ручонки трясутся, и на взаимное мордобитие они ну никак не согласные. Вот чего боялись? Ну, поставим мы друг другу по фингалу, пока изображаем битву на кулачках. Никто же от этого не умер.

– Что-то можете мне посоветовать, как старший товарищ, прошедший горнила княгини Юсуповой? – я постарался задать свой вопрос с максимально беззаботным видом, придавая ему подобие шутки.

– Всё зависит от вас, и от целей, которые вы преследуете. В том, что партию княгиня вам подберёт максимально выгодную, сомнений нет. Другое дело, насколько это совпадёт с вашими устремлениями и симпатиями. Заодно учитывайте и влияние княгини Вадбольской. Думаю, не ошибусь, предположив, что она входит в кружок высокопоставленных свах. По крайней мере она была не раз замечена в их совместных выездах на Марциальные воды, – на полном серьёзе ответил Константин, не приняв моего шутливого тона.

– Как же всё нескладно получается, – пожаловался я в воздух, отвернувшись от князя, – Вокруг такие акулы появились, а я даже не представляю, что делать.

– Родственницу свою подключи, – словно между делом посоветовал князь, внимательно рассматривая свои ухоженные ногти, – Она не только среди акул свободно плавать умеет, но и в информационных войнах себя неплохо проявила в своё время. Не полезла бы в боярские дела, так большую пользу могла бы Империи принести. Кстати, у неё сейчас с финансами проблема. Тысяч сто ростовщикам задолжала, если слухам верить.

– Так она у нас ещё и воин, – в очередной раз попробовал я пошутить, и опять неудачно.

– Зря смеёшься, – хмуро ответил мне князь Константин, – Представь себе, что одна страна вылила на другую семьдесят миллионов литров яда, а потом устроила целую бучу другой стране, за пузырёк токсинов, которые сама же и подбросила. За свои преступления, с миллионами литров, никак не ответила, а из-за жалкого пузырька умудрилась развести чуть ли не мировой

скандал. Как тебе? Традиции по оболваниванию людей у тех же американцев аж в 1813 год по прошлому времяисчислению уходят. Уже тогда их правительство организовало информационную кампанию перед нападением на Йорк, который потом Торонто стали называть. Сумели они ради войны своему народу в голову вбить, что американцы воюют не просто так, а «несут свободу и демократию угнетённым соседям». Хотя, на самом деле за нападением на канадцев простые торговые разногласия стояли, а сами американцы перед этим активно занимались точечными нападениями на частные имения, что в те времена считалось военным преступлением. Понимаешь важность? Свои собственные гигантские преступления у американцев как бы считались незначимы, зато у других… Надо бы родственницу твою от свах оторвать, да обратно к делу вернуть. Умеет она инсинуации врагов так им взад вывернуть, что у них надолго пропадает желание лгать. Иначе сложно жить становится. Вражьи морды на нас впрямую нападать не осмеливаются, разве что покусывают по мелочам, за что и огребают, зато потоки вранья за последние годы в разы увеличились. И на этом фронте мы пока проигрываем.

– Эм-м, князь… Судя по тому, что нам преподают в Академии, мы не считаем возможным нахождение вероятного противника на северном американском континенте в ближайшее время. Более того, там до сих пор не предполагается приемлемых условий для существования какой-либо разумной жизни, – поделился я сведениями из географии для первого курса Академии. Хорошо и наши предки, и китайцы прошлись по северному континенту, да потом ещё и система «Судный день» сработала. Сотни ядерных боеголовок с кобальтом, цинком, плутонием и цезием навсегда перекрыли выход на поверхность тем, кто спрятался там в бункерах и бомбоубежищах.

– Да я про Америку в качестве примера сказал. Больно уж системно они врать умели. Целая индустрия лжи с десятками институтов и тысячами, а то и десятками тысяч информационных источников. Надеюсь, пожелание про Анну Константиновну ты запомнил. Неплохо было бы её талант на пользу Империи направить, – уже более конкретно подвёл итог разговора князь Константин, видимо вспомнив, что я не все намёки понимаю с полуслова.

Нет, я определённо не понимаю логику аристократов. Константин прекрасно знает, кто меня втравил в общение с этим конвейером бракосочетаний, и тем не менее предлагает мне ту же родственницу в качестве противоядия. Заодно я же и должен буду её завербовать на службу во имя Империи. Ну, ничего себе…

Сумел Константин одним выстрелом убить сразу двух зайцев… Я тоже так хочу. Кто бы ещё меня научил.

– Я, конечно, попробую поговорить с Анной Константиновной, но сразу хочу предупредить, что моих дипломатических способностей для общения со столь серьёзной и решительной дамой может не хватить, – предупредил я князя, чтобы хоть немного отыграться в безнадёжно проигранном разговоре.

– Уж постарайся. В твоих же интересах получить такого союзника. И не забудь про ростовщиков, – напутствовал меня Константин.

Да что же такое деется-то, люди добрые! Я намёки плохо понимаю, но внутренний голос мне подсказывает, что долги моей родственницы того и гляди вскоре станут не её проблемой. Очень похоже, что за неё рассчитается один глупый провинциальный граф, к лицу которого я в последнее время пристально присматриваюсь. А как не смотреть? Я не так давно бриться начал. С учётом опасной бритвы процесс нервный получается. Можно сказать – трепетный. По крайней мере до того, как бриться начал, я никогда себя так долго в зеркале не разглядывал.

Вот так и заводи дружбу с аристократами. Вроде и познакомились совсем недавно, а я уже весь в поручениях, обязательствах и деньги готовлюсь платить.

С другой стороны, знакомство с князем Константином уже принесло мне пользу. Некоторые моменты его поведения я впитал в себя, как губка. Заметил, как правильно можно ходить с тростью, элегантно и в то же время небрежно садиться в пиджаке спортивного кроя, останавливать собеседника лёгким движением бровей, или высказывать недоумение еле заметным поворотом головы и изменившимся взглядом. Много мелочей успел подметить, а некоторые даже проверил перед зеркалом, когда брился.

Никогда бы не подумал, что умение подать себя так много может изменить. Теперь обращаю внимание на всё, что вижу достойного. Походка, осанка, движение рук, наклон головы. Как много в манере держаться заложено всяких мелочей, которые мы воспринимаем с одного взгляда, составляя себе представление о людях на подсознательном уровне.

Родственница встретила меня по домашнему и изрядно удивила. Совсем другой человек.

Без сложной причёски и вечернего платья она растеряла всю чопорность, и действительно стала похожа на тетушку, только излишне молодую и безусловно красивую.

Чаи мы с ней затеяли погонять на большой веранде её дома,

выходящей на сады, спускающиеся к реке. Неплохое имение у неё, и город почти рядом.

Барон Грипенберг, покойный муж Анны Константиновны, все свои планы осуществить не успел, как и не успел оформить имперское возведение в баронское достоинство. Великое Княжество Финляндское периодически подкидывало имперской канцелярии занятные казусы, в том числе связанные с признанием баронства. Впрочем не отставали от них бароны шведские, голландские и целая плеяда иных дворян, внесённая в матрикулы прибалтийских княжеств.

Мне было достаточно узнать, что барон Грипенберг свою жизнь провёл флотским офицером и со службы уволился по ранению, с приличным иконостасом орденов на груди. Гвардейцы, к которым и я себя отношу, хоть флотских не сильно жалуют, ревниво относясь к победам моряков, что на войне, что в обществе, но и их уважением флот не обижен.

В разговоре выяснилось, что долги у родственницы образовались из-за окончания строительства и в связи с переоформлением баронских документов, которое затянулось уже на два года.

– С ростовщиками я бы ещё договорилась, но случилось так, что мои расписки выкупил мещанин Васильев. Он, и его поверенные ни о каких отсрочках даже слушать не желают. Так что вскоре вся моя усадьба уйдёт в погашение долгов, и то не уверена, что этого окажется достаточно. Некоторые участки дважды перезаложены, – попечалилась мне неофициальная баронесса Грипенберг-Кутасова. Именно так Анну будут звать, когда её поверенные перестанут ежемесячно вытряхивать из неё приличные суммы, и она наконец-то получит выписку о признании баронства.

Третья кружка чая в меня уже не полезла.

Эх-х, не быть мне купцом. У них особый талант имеется – часами могут чай пить, и только потеют при этом. Вчера гости у Липатова четыре самовара усидели, меня дожидаясь. И только когда мы с ними про покупку дирижаблей окончательно договорились, да по рукам ударили, они от чая дружно отказались и плавно перешли кто на водочку, кто на наливки, а кто и на коньяк. Хорошо посидели, отмечая заказ на восемь дирижаблей, а я наконец-то осетровые пупки попробовал. А то который раз на них смотрю, а сил на еду уже нет. Вкусно и обильно в Камышине кормят. Я это сегодня осознал, когда с утра ремень под кортик застегнул на две дырочки дальше, чем обычно.

Чтобы хоть чуть-чуть размяться, я встал и подошёл к перилам веранды. Насчёт вида отсюда покойный барон однозначно угадал.

Расходящиеся веером участки садов, с чётко размеченными границами, проложенными дорожками, и река вдали, плавно огибающая всё это великолепие. Красота, что и говорить…

Поговорил я с Липатовым вчера. Он мне всё по полочкам разложил. Имение у Грипенбергов не меньше полумиллиона стоит. А если мещанин Васильев его на дачные участки разобьёт, как он уже не раз раньше делал с другими имениями дворян, то вдвое, а то и втрое цена поднимется.

Готовясь начать разговор с родственницей, я засмотрелся на полоску Волги и едва заметные точки лодок и прочих маломерок, снующих по ней. Расфокусированное зрение сработало неожиданно. Я словно увидел наложение совсем другой картины на месте садов. Закрыл глаза и посмотрел снова. Ничего необычного. Сады и сады.

Перевёл взгляд на Волгу… Секунд через пять снова та же картинка. От усадьбы до реки раскинулся небольшой городок в средиземноморском стиле.

Сущность! Сто процентов его шуточки. Жаль, поспорить не с кем. Никто же не поверит, что этот гадёныш у меня где-то в голове устроился, и порой подкидывает мне вот такие виды.

С другой стороны, вроде предок никогда мне ничего плохого не делал. Больше того, иногда и по делу кое-что подсказывал. Надо так понимать, что и сейчас он мне что-то втемяшить пробует. Я на минуту застыл, стараясь подробнее запомнить картинку, которая понемногу стала блекнуть, а потом и совсем исчезла.

– Я так полагаю, Анна, что когда я через месяц загляну в Камышин, то ваше имение уже уйдёт с молотка, а то и просто будет отнято по закладным, и вовсе не факт, что вам удастся сохранить при этом свои наряды и украшения, – развернулся я к родственнице, встряхнувшись перед этим и скинув с себя наваждение.

Ради сокращения разговора я решил сходу бить по самому больному. Потерю имения Анна Константиновна ещё как-то переживёт, пусть и с болью в душе. Но остаться без украшений и нарядов… Для светской дамы, полжизни проводящей на разнообразных раутах и балах! Да нет, такого не может быть!

– Боже… Как вы жестоки! – вспыхнув лицом, Анна закрыла ладошками рот и сквозь слезы попыталась пронзить меня гневным взглядом.

Странное дело… Не так давно у Дашки этот номер с дикой силой прошёл. Я тогда все свои мудрствования отбросил, и чёрт знает на что подписался. А с Анной что-то не то… Искренности не хватает вроде, или у меня отношение к ней иное. Короче, я не

впечатлён, и словно со стороны наблюдаю за спектаклем двух актёров. Однако пора, теперь моя реплика.

– Какая уж тут жестокость? Поинтересовался я вашими делами, оттого и сообщаю вам очевидное. Моей вины в создавшемся положении нет ни грамма. Вы сами своего положения добились. Я, разве что, могу достойный выход предложить, если он вам интересен, – достаточно холодно сказал я Анне, возвращаясь за стол.

– Продолжайте… – теребит она в руках батистовый платочек, сверкая льдинками уже почти сухих глаз. Быстро оправилась, заметив, что слёзы не сработали.

– Если имение вам не слишком дорого, то могу вернуть вас в столицу. Там вам придётся возглавить отдел или службу, которая будет работать с прессой в интересах Империи, и заодно быть моим консультантом. Впрочем, консультации мне нужны в рамках обычных родственных отношений. Вы же не откажете своему родственнику в мудром совете, даже если он пойдёт вразрез с чаяниями той же княгини Юсуповой? Вот и чудно. Со своей стороны я вам обещаю полное сохранение вашего личного имущества, кроме имения, естественно, и думаю, что на счёте у вас окажется в ближайшее время порядка четырёхсот тысяч рублей. Точнее скажу, когда будет понятна цена выкупа закладных. Имение ваше я оцениваю в полмиллиона, и разницу вы получите сразу после оплаты обременения. Сколько времени вам нужно на раздумья?

– Где мне нужно расписаться кровью? – решительно прервала Анна мои неторопливые рассуждения. Ух-х… Отметил я про себя её решительность, бесенят в глазах и попытку внести толику юмора, в лучших светских традициях, в непростой разговор.

– Кровью… – я постучал пальцами по столу, раздумывая, – Кровью? – наклонился я к Анне Константиновне, глядя ей в глаза и произнося слово зловещим шёпотом. Она дрогнула и побледнела. Помолчав ещё некоторое время я откинулся на спинку стула, – Да, пожалуй кровь нам без надобности, – произнёс я уже обычным тоном, ехидно улыбаясь.

– Ах ты… – Анна вскочила с места и несколько раз попыталась ударить меня по плечу сложенным веером, хотя я и успешно уворачивался, – Я ведь поверила… Чуть было не… Пф-ф, – проглотила она окончание предложения.

– Зря. В Род принимать буду, клятву обязательно возьму. А что там чиновники придумают при вступлении в государственную должность, я даже предположить не могу. Может подписками обложат, а то и присягу заставят принять, – прикинул я возможности властьимущих, исходя из своего курсантского

опыта, – А ты, если пошутить захочешь, то всегда заходи. Шутить я и сам люблю.

– Ладно. Пошутили и хватит. Или ты и про выкуп имения тоже пошутил? – вдруг прервала своё веселье несостоявшаяся баронесса.

– Сейчас позвоню, и думаю, что через час закладные будут выкуплены, – успокоил я Анну, вспомнив, что у неё есть телефон и я сам с ней созванивался перед визитом.

– А что ты надумал с княгиней Юсуповой? – подобралась родственница, впиваясь острыми ноготками в скатерть и сминая её край.

– Очень хороший вопрос, – ответил я, подхватив на лету вазочку с вареньем, к счастью густым, которая чуть не упала со стола из-за манипуляций Анны, – С него и начнём. Как ты считаешь, что я должен был надумать?

* * *

Перелёт до столицы я проспал, устроившись в салоне дирижабля на диване. Не выспался. Большую часть ночи вспоминал и зарисовывал тот городок, который запомнил в видениях. Зарисовки передал Липатову, с просьбой, подыскать мне хорошего архитектора под проект.

Вообще-то в столицу я не собирался. Коррективы в свои планы пришлось вносить после звонка Морозова, который через третьи руки узнал, где я нахожусь и сумел дозвониться до Камышина. При нынешнем состоянии связи это настоящий подвиг.

Всё дело оказалось в благотворительном аукционе. Мои планы подзаработать на поясах-«протезах» нуждались в хорошей рекламе. «Протезы» не тот товар, который стоит продавать через объявление в газете. Больно уж у них специфические покупатели предполагаются. Одарённые, с выгоревшим резервом, как правило состоят в Родах или Кланах и относятся к магической аристократии.

Надо отметить, что благотворительность среди аристократов возведена в культ и считается весьма достойным и престижным занятием. Мало того, что такие мероприятия широко освещаются в прессе, гораздо важнее, что тема благотворительности считается крайне приличной при ведении светских бесед.

Выбор у меня пал на гвардейский полк. Большое количество удачных для меня совпадений заставили остановиться именно на этом варианте.

Гвардейцы все из Одарённых, у них в столице есть своё здание офицерского собрания, где не зазорно появиться даже членам Императорской семьи, да и с инструкторами вопрос просто решается. Предполагаю, что мои пилоты, уже освоившие «протезы», без особой радости могут встретить предложение о том, чтобы обучить правильному пользованию поясом какого-нибудь штатского аристо. Зато со своими сослуживцами – совсем другое дело. Тут их даже просить ни о чём не придётся, сами же кинутся помогать. Это я уже успел увидеть у себя на поле. Моя первая четвёрка целыми днями пропадала со следующими счастливчиками, и трудно сказать, кому из них подобное шефство доставляло больше радости. А уж как обнимались и скакали по полю «учителя» и «ученики», когда и вторая четвёрка по очереди начала подниматься в воздух, не описать.

По совету техномага Морозова, я подошёл со своим предложением к графу Игнатьеву – майору и начальнику штаба полка. Майор оказался именно тем человеком, который нужен. Он моментально оценил плюсы идеи и во многом помог мне не только с организацией аукциона, но и доброжелательно посоветовал, как правильнее всё распределить.

– Граф, вы напрасно собираетесь все полученные средства отправить на благотворительность. Желание, конечно похвальное, но выглядеть оно будет несколько неприлично, а многих даже заденет по самолюбию, – грассируя на французский манер, выговорил он мне отеческим тоном, когда мы с ним стали обсуждать детали предстоящего аукциона, – Если бы вы были дамой и выставили какую-то вышивку или картинку – это один вопрос. А дорогие вещи принято выставлять за полцены. Так всегда делается, и вы, если решите нарушить традиции, то прежде всего поставите себя этаким загулявшим купцом-нуворишем, и остальных участников, продавших за полцены к примеру дорогое оружие, выставите не в самом лучшем свете. Поэтому, выставляйте ваши пояса за полмиллиона, не меньше, и решайте, кому вы отдадите половину вырученных средств. Если это окажется госпиталь, приют или учебное заведение, то налог с таких продаж выплачивать не требуется.

С трудом удержавшись от неприличного почёсывания затылка в присутствии старшего по званию, я тогда всерьёз задумался.

Из перечисленных майором заведений я в столице знаю только свою Академию, Смольный и госпиталь гвардейского полка, куда нас уже дважды, как курсантов, направляли на обследование.

Мысль о пожертвовании денег своей Академии я отмёл сразу.

С душком показалась идея, да что там, если разобраться, то чистой воды подхалимаж получится.

Смольный тоже не подходит. У них там своих благодетелей до чёрта, а то и благодетельниц, что скорее всего. Покажись я хоть раз в их рядах, и мои же однокурсники до конца обучения мне это будут вспоминать, стараясь каждый раз придумать новую шутку или прозвище.

– Наш полковой госпиталь, – решился я с выбором, прикинув, что тут мне ничего не угрожает, и даже в тему с аукционом выходит.

Моё решение оказалось роковой ошибкой!

* * *

– Прелестно! Смотритесь отлично, – встретил меня знакомый майор у входа, грассируя чуть больше обычного, и потащил меня за собой куда-то вглубь помещения, – До начала аукциона у нас полчаса. Так что я успею вас представить патронессе нашего госпиталя, по поручению которой мы вас так срочно вызвали.

Мда-а. От дозвонившегося до меня Морозова я толком ничего не услышал из-за помех на линии. Понял только одно, что по какой-то крайне важной причине я должен лично присутствовать на аукционе. А тут вон оно как оказалось. Какой-то великосветской старушонке захотелось на меня посмотреть.

Я окинул взглядом зал, пытаясь понять, куда же мы с майором пробираемся, но никого подходящего по возрасту впереди не обнаружил. Дамы наблюдались, но судя по их поведению, все они пришли с офицерами, и все они были достаточно молоды. Божьих одуванчиков я так и не приметил, и на какое-то время сосредоточил взгляд на группе из нескольких офицеров, что-то бурно обсуждающих с одним из моих летунов. Ага, значит мои соколы уже добрались. Изначально я предполагал, что они будут моими представителями на аукционе. Как-никак, а заново поднявшиеся в небо пилоты МБК сами по себе наглядная иллюстрация предлагаемых мной возможностей по восстановлению Дара, особенно после их победы на соревнованиях.

Наконец мы добрались до нужного места и майор, остановив меня, негромко кашлянул, желая привлечь к себе внимание двух дам, занятых разговором с молодым человеком в щегольском штатском костюме.

Пусть я и не слишком хорошо разбираюсь в великосветских персонах, но не опознать племянницу Императора и скандально

известного Феликса Юсупова, было крайне сложно. Она – живое воплощение Афродиты, и он – знаменитый столичный мажор с ангельским лицом. Редкий глянцевый журнал, из тех, что описывают светскую жизнь, обходится без их фотографий.

Заметив майора, княжна Рюмина что-то сказала красавчику и он неохотно отошёл к группе из трёх штатских, стоящих невдалеке со скучающими лицами.

Представив меня Великой княжне, и сопровождающей её княгине Шереметевой, майор очень ловко напомнил о том, что мной выставлены три самых дорогих лота на сегодняшнем аукционе, половина от продажи которых пойдёт в пользу полкового госпиталя. Заодно и упомянул о моём участии в помощи раненому князю Константину.

– За Константина я должна отдельно вас поблагодарить, – оживилась княжна, услышав про родственника, с которым она была дружна, – По моему настоянию его дополнительно обследовали наши врачи и все они в голос утверждают, что во многом успешное лечение состоялось из-за оказания своевременной помощи. И знаете что, пожалуй я познакомлю вас с начальником госпиталя. Он мне все уши прожужжал о возможности размещения чуть ли не полноценной операционной на летательном аппарате вроде вашего.

– Сочту за честь, ваше сиятельство, – коротко ответил я, любуясь девушкой.

Честно говоря – Афродита не совсем тот типаж женщин, который мне нравится, но Ирина Александровна хороша. Княжна постаралась максимально подчеркнуть своё сходство с богиней, чему изрядно способствовали черты её лица и причёска. Впрочем, и платье у неё подобрано под тот же греческий стиль.

– Скажите мне правду – гонки, они опасны? Я не раз интересовалась этим вопросом, и неоднократно слышала противоположные мнения. Хотелось бы знать мнение победителя регаты, – спросила княжна, играя веером и чуть заметно волнуясь.

– Пожалуй у нас тоже была пара неприятных моментов, которые могли закончиться аварией. Тем не менее я считаю, что риск оправдан, более того, он необходим. Могу предположить, что такие соревнования уже спасли не одну сотню людей, – выбрал я осторожный вариант ответа.

Кто его знает, какие мысли бродят у княжны в голове. Вдруг с неё станется надавить на Императора и начать добиваться от него если не полного запрета соревнований, то хотя бы внесения в них ограничений. Вот скукотища-то вместо регаты получится…

– Признаюсь, я не совсем вас поняла. Вы хотите сказать, что

гонщики рискуют своей жизнью, чтобы спасти людей? – переглянулась княжна со своей напарницей, по лицу которой тоже скользнуло тень недоумения.

– Именно так. Техника во время гонки работает в критических режимах. Зачастую на пределе своих возможностей. Это позволяет выявить слабые места конструкции тех же дирижаблей и внести необходимые изменения. Не далее, как позавчера мы с князем обсудили необходимость замены винтов для дирижаблей проекта «Айвенго». Полагаю, тем самым мы устраним возможность таких аварий, как у него случилась, раз и навсегда.

– Надо же… Такого мне никто не говорил, – задумчиво произнесла княжна, – Остальные всё больше отвагу пилотов расписывали и в красках про романтику неба рассказывали. Оттого и регата мне казалась бессмысленным и опасным занятием.

– Тогда, если позволите, коснусь ещё одного момента, – я решил окончательно склонить княжну в союзники, чтобы обезопасить себя, а заодно и правила регаты, от возможных поползновений, в виде того же Меморандума, про который меня предупредил Константин, – Регата ещё хороша тем, что позволяет максимально быстро привлекать внимание к новинкам. Можно сказать, что она служит хорошей площадкой для демонстрации конструкторской моды. К примеру, мой дирижабль изрядно поднял интерес к магии, про которую многие начали забывать, предпочитая заменять её обычной техникой.

– Да, помню, мне говорили что-то про магию. Кстати, а сегодняшние лоты как-то связаны с вашими дирижаблями? – оглянулась княжна на дворян, неторопливо потянувшихся к месту проведения аукциона.

Уловив её взгляд, майор пояснил, что началась регистрация покупателей. И действительно, вскоре мы увидели людей с аукционными номерками в руках.

– В определённой степени. Некоторые магические решения я позаимствовал из конструкции накопителей «Сапсана», – согласно кивнул я головой, впрочем в большей степени мой жест был адресован майору, который подал мне знак, что разговор пора заканчивать.

Сославшись на дела, Игнатьев поспешил увести меня от княжны, к которой тут же направился Юсупов, не раз уже бросавший недовольные взгляды в нашу сторону.

– Я что-то не так сделал? – задал я вопрос офицеру, когда мы отошли достаточно далеко.

– Не в вас дело. С князя Юсупова и его компании станется

скандал учинить, а с учётом того, что не все офицеры у нас его спокойно воспринимают, то ситуация может осложниться ненужными происшествиями. Лучше с друзьями побеседуйте, – посоветовал мне майор, заметив, что я раскланялся с Игорем Шуваловым и его сестрой, – А я схожу проверю, всё ли у нас готово.

– Игорь, Машенька, – подошёл я к Шувалову и его сестрёнке, у которой как-то был на дне рождения, – Игорёк, возмужал, повзрослел, а Марья Сергеевна-то как похорошела. Ослепительная красавица, – подбодрил я волнующуюся девушку, слегка перебрав с комплиментами.

Хотя сестрёнка у Шувалова и на самом деле расцвела. Из угловатой худощавой лисички, какой я её запомнил по именинам, она превратилась если и не в писаную красавицу, то по меньшей мере в очень симпатичную девчулю, обращающую на себя внимание яркой внешностью.

– ПапА сказал, что сюда племянница Императора может приехать. Никогда её вблизи не видела, – поделилась со мной Марья, кивком и улыбкой отметив комплимент в её адрес.

– Она уже здесь. Буквально пару минут назад я передал её князю Юсупову, – скромно заметил я, словно в этом не было ничего необычного.

На самом деле мне захотелось поддразнить Игорька, который очень чувствительно относился к малейшему проявлению внимания со стороны высокопоставленных особ. Была у него такая привычка, при любом удобном случае вставлять в разговор упоминания, где и кто из его близкой родни встречался с сильными мира сего.

– Погоди-ка, а это не ты ли выставил три последние лота? – спросил он, заглядывая в аукционный лист, который вместе с номерком держал в руке.

– Не совсем я, но лот выставлен от моих верфей, – слегка поправил я старосту своей группы, для восстановления справедливости, – А ты, как я погляжу, что-то покупать надумал? Не наши ли изделия?

– Нет. Отец попросил зарегистрироваться, пока он разговаривает. Шпагу он присмотрел, что вторым лотом идёт, – откликнулся скороговоркой Игорь, торопясь перейти к вопросам, – Слушай, а почему ты цену такую низкую выставил? У нас старшие целый вечер твои накопительные пояса обсуждали. Если верить их оценке, то покупатели цену раза в два, а то и в три поднимут.

Ух-х. Знал бы ты Игорёк, как ты только что меня сейчас успокоил. Я собирался изначально пояса по триста тысяч

выставить, и то переживал, что их могут не купить, но потом поддался на уговоры майора и выставил их по полмиллиона. Сейчас, чем ближе начало аукциона, тем сильнее я нервничаю. Да что там нервничаю, меня уже просто потрясывает. Уже руки потеть начали. А ну, как не купят у меня «протезы»? Ой, как неудобно получится, особенно после разговора с Великой княжной. Лучше бы я свою Академию в получатели назначил. Там хотя бы шутками можно было отойти, а тут… Чёрт возьми, как же я сразу тогда у майора не догадался спросить, кто в шефах у госпиталя…

Игорю ничего объяснять не стал. Отделался междометиями, наспех откланялся и помчался в буфет.

На второй рюмке коньяка меня вроде отпустило. Заказал себе кофе и затаился за угловым столиком, прислушиваясь к происходящему в зале.

Мои лоты шли последними, и встретил я их, прячась за одной из самых дальних колонн. В случае неудачи отсюда можно незаметно сбежать, и лучше мне тогда до начала учёбы из своего посёлка не высовываться.

Сердце совсем было упало в пятки, когда стартовую цену никто сходу не поддержал. Больше минуты распинался специально нанятый аукционист, прежде чем кто-то в середине зала поднял над головой номерок.

Эта минута стоила мне покрытого потом лба и красного лица, наверняка напоминающего своим цветом спелый помидор. И только увидев первую поднятую руку с номером, я вытащил платок и старательно промокнул им пот, не исключено, что перемешанный вместе со слезами. В последних точно не уверен, но глаза мне определённо пощипывало.

Между тем, зал оживился. Когда я закончил с процедурой по приведению лица в порядок, цена выросла до шестисот пятидесяти тысяч. А потом события понеслись вскачь и вскоре я, не веря собственным ушам, услышал, что мой первый лот продан за полтора миллиона.

После третьего удара молотка зал на какое-то мгновение замолчал, а потом разразился криками и аплодисментами.

Продажа второго лота за миллион семьсот, и третьего, за два сто на меня особого впечатления уже не произвели. Я устроился в уголке зала на стуле, который неведомо откуда взялся, и чувствуя себя опустошённым, крайне вяло воспринимал действительность.

– Вот он, Павел Георгиевич, – услышал я знакомый грассирующий говор, – Сидит себе спокойненько, словно ему и дела нет ни до чего.

– Дорогой вы мой человек, герой вы наш, – полез ко мне

обниматься и жать руку седовласый мужик с петлицами военврача, и я понял, что со стула мне пора вставать, – Вы просто не представляете себе, что для госпиталя сделали. Три с лишним годовых бюджета одним махом! А знаете что, господа, пойдёмте-ка дерябнем по паре рюмашек коллекционного шустовского в буфете. Ей-ей, за такое стоит выпить.

Майор против такого предложения не возражал, я так вообще был на всё согласен, а врач, как потом выяснилось не только врач, но и начальник госпиталя, так тот только на месте не подпрыгивал.

– А меня княжна Рюмина хотела с вами познакомить, – сказал я Павлу Георгиевичу после далеко не первой рюмки.

– Великая княжна, – строго поправил меня майор, назидательно задрав вверх указательный палец.

– Ну да, – устало согласился я с ним, – Самая великая княжна.

– Ирина Александровна не только по титулу великая. Душа у неё такая. Наичеловечная, – нашёл консенсус врач.

Затем откуда-то появились фотографы и журналисты. Майор меня снова выручил, и пока меня словно мебель фотографы переставляли с места на место для съёмок, он, разливаясь соловьём, грузил писак информацией.

Домой я прибыл изрядно пьяным и прилично уставшим. Самой большой мечтой у меня было забраться с головой под одеяло, и навсегда забыть про сегодняшний день.

Не всем нашим чаяниям и мечтам суждено сбываться.

Эту ночь я провёл в каталажке.

Глава 21

Полиция заявилась ко мне через час после моего прибытия домой. Началось всё с громкого стука в дверь.

Встревоженные горняшки вызвали охрану, воспользовавшись специальной тревожной кнопкой, о чём я и сказал полицейским через дверь, попросив их минуту подождать. За окном и впрямь виднелся автобус в характерной полицейской окраске, с положенными, где надо, спецсигналами.

– Всё в порядке. Это действительно полиция. Барокко, – услышал я голос своего охранника Юры и кодовое слово, обозначающее, что он не под контролем.

Четверо полицейских, урядник и маг в штатском. Следом за ними зашли оба моих охранника.

Встретил я их в халате, умытый, причёсанный и почти что трезвый. Успел ещё в машине накинуть на себя Малое Исцеление, а по приезду домой воспользовался «лечилкой» и «опохмелятором» работы Усольцева. Причина для таких действий была весомая. Ирина, моя новая горничная. Однажды начудил я с ней в нетрезвом виде и до сих пор за это сам себя простить не могу. Она у меня вроде живого напоминания. Стимулирует меня одним своим присутствием на приличное поведение, за которое не придётся поутру краснеть. Моя маленькая домашняя совесть.

Мы прошли в зал и урядник выложил на стол стандартный бланк допроса.

Он спрашивал, я отвечал. Сначала шли обычные вопросы анкетного характера, затем мы перешли к прошедшему вечеру и я подробно рассказал, во сколько и чем я занимался.

Заполнив первый лист урядник отложил его в сторону и попросил горничных принести одежду, в которую я был одет сегодняшним вечером.

Осмотр костюма он начал почему-то с рукавов, а кортик передал магу.

– У вас тут пуговички нет. Не подскажете, куда она делась? – буквально через несколько секунд задал он мне вопрос, показывая на правый рукав.

– Представления не имею, – чистосердечно ответил я, в свою очередь посмотрев туда же. Действительно, вместо трёх пуговичек на обшлаге наблюдались только две.

– А может эта подойдёт? – произнёс он, вытаскивая из внутреннего кармана конверт и вытряхивая из него на стол недостающую пуговку, – Ваша?

– Вполне может быть. От остальных не отличить. Вы

занимаетесь розыском пуговиц по ночам? – заулыбался я, наконец-то найдя хоть что-то смешное в визите полиции.

– Веселитесь значит, ну ну, – он нехорошо прищурился и как-то зло усмехнулся, – Что там? – спросил урядник, поворачиваясь к магу.

– Чисто, – отозвался тот с каким-то сожалением.

– Точно? – не поверил ему урядник.

– Точнее не бывает. Следов крови не то что нет, а и не было никогда, – озадачил меня маг своим ответом. Так это он следы крови оказывается искал, когда над кортиком руками водил. Непрост, Одарённый. Редким видом магии владеет.

Урядник с минуту молчал, раздумывая и барабаня пальцами по столу. Потом он молча встал и вышел из зала. Как я позже узнал, он ходил спрашивать моих горничных, есть ли у меня второй кортик или похожее на него оружие и сильно огорчился, когда узнал, что ничего похожего в квартире нет и никогда не было.

– А пуговичка-то не оторвана, а аккуратно срезана чем-то острым, – дождавшись возвращения урядника, маг в свою очередь указал ему всё на тот же правый рукав.

Посопев, урядник вытащил из висевшего у него на боку планшета складную лупу, и пододвинувшись к свету, тщательно рассмотрел оставшиеся нитки, которыми была пришита пуговка.

Что там рассматривать-то, если я даже через стол вижу, что остатки ниток похожи на косу, перерубленную топором. Все кончики ровненько срезаны, словно под гребёнку подстрижены.

– Во сколько вы покинули Офицерское собрание? – задал урядник очередной вопрос.

Я повернулся к Юре, и вопросительно вскинул голову. Я тогда немного не в том состоянии был, чтобы на часы смотреть, а охранники могли запомнить.

– В двадцать три сорок пять, – подсказал Юре Владимир, мой второй телохранитель, – Как раз вечерние новости только начались.

– Точно. В двадцать три сорок пять, – подтвердил Юрий.

– И где вы провели последний час, перед тем, как выйти? – посмотрел на меня урядник, вписав в протокол время.

– Да всё в том же буфете. Коньяк пил с двумя офицерами, и разговоры разговаривал. Никуда я после аукциона из буфета не выходил, даже из-за стола не вставал. Хотя стоп. Вру. Из-за стола вставал. Когда фотографы приходили, они меня потаскали за собой немного, в основном недалеко от стола. Освещение вроде бы подбирали да группу из нас составляли, – постарался я как можно детальнее вспомнить свои действия.

– За рукав хватали? – спросил урядник, не отрываясь от писанины.

– И за рукав, и за плечо. То так им встань, то этак повернись, то голову выше подними, – подтвердил я.

– Фамилии офицеров, которые были с вами за столом, помните?

– Начальник штаба майор Игнатьев и начальник госпиталя капитан Нечаев, – ответил я без раздумий.

– Ого. Неплохая компания для курсанта, – хохотнул урядник, переглянувшись с магом. Похоже ни тот, ни другой мне не поверили. Майор гвардейского полка – это величина. Разница со званиями пехотных войск у лейб-гвардейцев в две ступени принята. Даже врач, с его званием капитана пехотному подполковнику соответствует.

– Для полноты картины пары Великих князей не хватает, – ехидно дополнил маг и зевнул, прикрывая рот ладонью.

– С Великой княжной Рюминой я говорил перед аукционом, после него я её не видел, – добросовестно пояснил я ситуацию с князьями.

– Полноте вам. Считайте, что мы впечатлены по самое не могу. Прямо сейчас вскочим и убежим в страхе, – лениво проговорил урядник, сложив руки на груди и раскачиваясь на стуле, – Только объясните нам, зачем вы штабс-капитана Мезенцева убили и расскажите, куда деньги дели?

– Говорят, он больше пятнадцати тысяч ассигнациями за вечер выиграл. Неплохие деньги для курсанта, не так ли? – оглянулся маг на ухмыляющихся полицейских.

– Деньги, значит? – я потянулся к своему сюртуку, тому самому, с которого пропала пуговица, и вытащил из внутреннего кармана свёрнутый вчетверо лист. Это был аукционный листок, по которому я отслеживал ход аукциона, дожидаясь, когда же пойдут мои лоты. Аккуратно развернув его, я подтолкнул листок уряднику, – Полюбопытствуйте. Мои лоты занимают три нижние позиции. Благодаря им я несколько часов назад пожертвовал госпиталю гвардейского полка два миллиона шестьсот пятьдесят тысяч. Неплохое пожертвование для графа и Главы Рода? Как после этого не побежишь людей убивать за пятнадцать тысяч. Только вот нет, я видимо неправильный граф, поэтому предпочёл отмечать успех в компании с начальником этого самого госпиталя и с князем Игнатьевым, который проявил большое участие в организации аукциона. Ну, а о том, что племянница Императора шефствует над госпиталем лейб-гвардии, вам думаю и без меня известно.

Обстановка в зале разительным образом изменилась. Глаза

полицейских остекленели, да и сами они вытянулись чуть не по стойке смирно с крайне серьёзными лицами. Маг сильно закашлялся, а урядник начал в третий раз перечитывать список лотов, медленно багровея. И лишь мои охранники улыбались и смотрели на меня с обожанием и гордостью.

– Мда-а, поворотец… – наконец-то подал голос урядник, вытирая вспотевший лоб вполне приличным платком, – Пожалуй мне стоит объясниться.

– Окажите любезность, – холодно ответил я и обратился к своему охраннику, показывая ему на мага, – Юра, принеси воды человеку, а то умрёт не дай Бог, а мне снова отвечать.

– Сарказм ваш мне понятен. Но попробуйте и вы в наше положение войти. В одиннадцать вечера Мезенцев вышел из офицерского собрания. Живёт он недалеко, поэтому в хорошую погоду всегда пешком ходит. В одиннадцать пятнадцать нам позвонил неизвестный, и сообщил о трупе около подъезда дома, в котором Мезенцев квартировал. Он же сказал, что видел убийцу. Причём, позвонивший достаточно детально и подробно описал ваш вид, и добавил, что скорее всего убийца забежал в двери офицерского собрания. В руке осмотренного трупа оказалась ваша пуговица, а обе раны в сердце и в печень нанесены кортиком, судя по ранам на теле и порезам на одежде. Выигранные деньги пропали.

– Ага, а пуговицу я кортиком срезал, – подсказал я уряднику, отчего тот только поморщился. Кортик – оружие колющее, лезвие у него не заточенное, чтобы пуговицу им отпилить, минуты две-три шмурыгать надо, пока нитки перетрёшь.

– Своё мнение относительно вас я отдельным рапортом изложу, обещаю. Впрочем, вам можно не волноваться. Если офицеры, с которыми вы были за столом подтвердят, что вы никуда не отлучались, то следователь вне всякого сомнения с вас все обвинения снимет, – вроде бы бесстрастно изложил мне урядник, но я успел заметить, как он внимательно отследил мою реакцию на свои слова.

– Только те, что за столом… – задумчиво протянул я, и заметил, как у полицейского азартно блеснули глаза, – Так рядом с нами ещё четыре стола соседствовали. Человек двадцать свидетелей наберётся, если что. К тому же за вечер к нам многие с поздравлениями подходили и с других столов, опять же официантов можно поспрашивать.

– Максим, – совсем не по уставному остановил маг дернувшегося было, словно от пощёчины, урядника, – Граф шутить изволят. Просто объясни ему, что мы сейчас ничего не решаем. У нас есть приказ, и мы должны его выполнить.

– Действительно, – урядник, чуть катанув желваками, постарался не выказывать свою злость и разочарование, – Наше дело маленькое. Вас найти, улики собрать, провести предварительный опрос, да и доставить в управление. Все остальные вопросы следователь будет решать.

– Ночью? – не смог сдержать я удивления, кивая на тёмное окно.

– Отчего же. Следователи наши – господа важные. Они только к утру прибывать на службу изволят.

– И что я там до утра буду делать? – я искренне удивился несуразности происходящего.

– Как и все. В камере посидите, – пожал плечами урядник, словно говоря о чём-то обыденном и несущественном.

– В камере, значит, – от прилива гнева у меня зашумело в голове и я начал подниматься из-за стола, машинально формируя вокруг себя щиты.

– Явная подстава, – подал голос Юрий, переключая на себя моё внимание, – Если минут двадцать дадите, то мы попробуем усиление вызвать. Щиты у вас пару выстрелов выдержат? – обратился он ко мне.

– Даже больше, – кивнул я ему, постепенно остывая и приходя в себя.

– Велика вероятность, что стрелять на выходе будут. Хотя и на маршруте могут подловить. Вы же его в изолятор Третьего управления собрались везти? – спросил у урядника Володя, проводив взглядом убежавшего к телефону напарника.

– А куда же ещё. Одно у нас место, где Одарённых содержат, – подтвердил полицейский, наблюдая за действиями охраны с некоторым скепсисом.

– Народа по ночному времени у нас мало, но ребята уже выехали и сейчас пробегутся по подозрительным местам, – доложил Юра, вернувшись.

Полчаса мы провели в томительном ожидании, коротая время обычными разговорами.

Для себя я из разговоров выяснил, что камеры в Третьем отделении вполне приличные, а те, что для родовитых предназначены, больше похожи на гостиничный номер, правда далеко не самой лучшей гостиницы. Это мне маг рассказал, и судя по ухмылкам урядника, знания о камерах у мага были отнюдь не теоретические.

Заодно узнал, что от посещения изолятора мне не открутиться. Убийство гвардейского офицера – событие из ряда вон выходящее и за излишнюю рьяность при его раскрытии полиции ничего не будет, хоть самому Императору жалуйся.

Раздавшийся телефонный звонок хлыстом стеганул по нервам.

Все уставились на Юру, который взял трубку, и выслушав собеседника, задал ему несколько вопросов, прежде чем закончил разговор и положил трубку.

– Был человек. Крышами ушёл, а потом по заранее заготовленной верёвке вниз спустился и скрылся в подвалах. Вот только ребята считают, что это не снайпер был, а наблюдатель. Оружия нигде не нашли, и по крышам он налегке бежал, даже бинокль бросил, – коротко пересказал Юрий свой разговор с коллегами из агентства.

– Зачем ночью бинокль? – урядник сходу вычленил из рассказа несоответствие, показавшееся ему странным.

– Вместе с эликсиром ночного зрения отлично работает. Похуже чем днём, конечно, но ненамного, – поделился собственным опытом охранник, – Лучше давайте маршрут обговорим. Ребята сейчас две спецмашины подгонят и сопровождение организуют. Вы со своим автобусом нас задерживать будете. Поэтому его лучше отправить пустым, а вас всех разместить в наших машинах. Надеюсь, возражений нет?

Кавалькада из четырёх чёрных внедорожников и двух мотоциклов промчалась по ночной столице без приключений.

– Ночью внимательнее будь. Похоже, ничего ещё не закончилось, – шепнул мне Юра на прощание и дождавшись сигнала от руководителя группы, подтолкнул меня к калитке изолятора.

Миновав несколько железных дверей и решёток, мы оказались в тёмном коридоре. Все, кроме урядника и тюремного надзирателя, остались за первыми же дверями, а вскоре и меня затолкнули в небольшую комнатёнку, где из убранства имелась одна деревянная лавка и серые бетонные стены, исцарапанные и исписанные разнообразными надписями.

Немного побродив взад-вперёд, я уселся на лавку и начал изучать «наскальную» литературу.

– «Тюрьма, как много в этом слове, для сердца русского слилось», – задавал тон неизвестный поэт, прилично отработавшись на ниве плагиата.

– «Кто не был лишён свободы, тот не знает её цены», – вторил ему тюремный философ.

– «Адын год паселений. Ашот – вор», – отметился явный выходец с Кавказа, и получил кучу крайне неприличных комментариев, повествующих о том, где комментирующие видели такого вора и чего они ему желают в будущем.

Мда-а. Не всё так радужно, как описывал мне маг. В элитной

тюрьмушке для Одарённых могли бы и интереснее что-нибудь на стене написать. Разочаровал меня местный контингент. Хотя, скорее всего дело в воспитании. Приличные и умные люди стены пачкать не будут.

Вдоволь насидевшись на жёсткой скамейке, я снова принялся ходить.

На этот раз мои уши, настроившись на абсолютную тишину бетонного мешка, отчётливо передавали мне хруст песчинок под ногами. Привратницкая тюрьмы. Возникло ощущение, что подошвами своих ботинок я в пыль перемалываю рассыпавшиеся здесь в стеклянную крошку чужие судьбы.

Переходы, лестницы, решётки, тяжёлые двери, раз за разом всё больше отрезающие меня от выхода, ведущего на свободу. Пока мы шли до камеры, надзиратели трижды сменялись, передавая меня и оформленные документы с рук на руки. Время от времени мне казалось, что из-за дверей камер, мимо которых мы проходим, высовываются языки магии, словно пытаясь рассмотреть, что происходит.

После бетонного отстойника камера мне показалась даже уютной. Деревянный пол, чисто побеленные стены, окошечко под потолком, забранное тремя толстенными стальными прутьями, прочные стол и табуретка, наглухо вмурованные в пол и стену, приличная с виду кровать, а не нары, со стопкой чистого белья и свёрнутым матрасом, миниатюрный туалет с микроскопическим умывальником. Скажем так, если это и сравнивать с гостиничным номером, то стоит уточнить, что номер из самых дешёвых, а сама гостиница находится в каком-то глухом селе. С другой стороны, в Касимове моя комнатёнка, что я снимал на чердаке, похуже была, да и размером поменьше.

Оглядевшись, постелил бельё, но спать не хотелось. Сказывалось не только предупреждение охранника, но и общий раздрай от непонимания того, что происходит. Юрий, похоже, о чём-то догадался, но ничего не стал мне объяснять при посторонних. Собственно, ему по должности положено быть излишне подозрительным. Он запросто мог предположить, что прибывший за мной полицейский наряд изначально мог быть нацелен на то, что убийцу гвардейского офицера необязательно стоит доставить живым. Вроде как задержать его задержали, а он по дороге решил сбежать. Пришлось полицейским стрелять. Или сопротивление при задержании оказал, от чего, кстати, я в какой-то момент был не так-то и далёк. Даже щиты успел на себя накинуть.

Да, дела… Чего и где я упустил? Хороший вопрос. Загадка ценой в жизнь.

Раз со своей стороны я ответа не нахожу, значит ищу его не там или не так, как нужно.

Чтобы понять Юрия, мне надо понять ход его рассуждений. Для этого стоит встать на его место, и вспомнить, какие моменты я от него услышал.

Время моего выхода. Явная подстава. Снайпер, который оказался не снайпером, а наблюдателем. Проезд через столицу без приключений. И его совет быть внимательнее ночью, так как ещё ничего не закончилось.

Вроде всё. Какой вывод можно сделать, пройдя по этой цепочке…

Казалось бы, стоит ли обращать внимание на слова обычного охранника? А кто сказал, что он обычный? Липатов как-то рассказывал мне, что агентство, где трудятся мои охранники, состоит из весьма специфических ветеранов, правда не уточнил, в каких именно службах эти ветераны раньше лямку тянули.

Я тогда отнёсся к недоговорённости, как к очередной забавной задачке, и не стал расспрашивать дальше, надеясь, что сам смогу со временем понять, откуда они взялись. Не раз пробовал прокачать свою охрану на косвенных вопросах, иногда оттачивая практику той теории, что нам дают в Академии, а иногда и импровизируя.

С таким же успехом я мог бы биться лбом в сваю моста, пытаясь по звуку определить марку бетона.

Охранники улыбались, отвечали, но и только. Полной ясности я так и не достиг.

Итак, с точки зрения ветерана непонятно какой службы, проще всего снайперу меня было подловить на выходе из дома. Но вместо него оказался наблюдатель, который всего лишь хотел удостовериться, что я уехал с полицией и дополнительной правки, в виде ещё одного звонка, уже не требуется.

Перехват по дороге маловероятен. Слишком ненадёжно вступать в городе в перестрелку с вооружённым нарядом полиции или пытаться взорвать целый автобус с помощью той же припаркованной машины со взрывчаткой в багажнике.

Куда предпочтительнее версия, что сами полицейские от меня бы по дороге избавились, но тогда они бы настаивали на доставке подозреваемого своим автобусом, а этого не произошло.

Получается так, что неведомого сценариста пока всё устраивает. Меня выдернули из дома и отделили от охраны. Но опять же, меня поместили в такое место, куда даже теоретически постороннему человеку сложно попасть. Постороннему да, а если он не посторонний…

Я уже совсем по иному осмотрел своё временное жилище,

уделяя особое внимание окну и двери. Окно отмёл сразу. Слишком невелик его размер. В такое даже ребёнок не пролезет, да и не просматривается из него вся камера, если с улицы глядеть.

С дверями немного сложнее. Кроме глазка там имеется «кормушка», закрытая снаружи на навесной замок. Вид из неё почти на всю камеру. Если её открыть, то можно запросто выстрелить в человека, спящего на кровати, или запустить в него файерболом, а то и ещё какой-нибудь магией. С четырёх-пяти шагов никто не промахнётся.

Посмотрел на дверь магическим зрением. Неплохо сработано. Энерговоды в меру мощные. Укрепляющие руны, сигналка, срабатывающая на разрушение, и что-то вроде поглощающих контуров. Мне, пожалуй, её и не выломать. Тут посерьёзнее маг нужен, с мощной ударной техникой. Такой, чтобы контуры поглотителей враз перегрузить. А вот механический замок простой, хоть и массивный. Впрочем, снаружи ещё и навесной имеется.

Дождавшись, когда в коридоре перестанут раздаваться шаги, сопровождаемые звяканьем ключей, я принялся за работу. Оторвал несколько полос ткани от простыни и свернув матрас по длине, перевязал его в трёх местах, чтобы сделать его похожим на фигуру человека. Полученное подобие манекена укрыл одеялом, подоткнув его в паре мест для большего правдоподобия. Носовой платок использовал для того, чтобы прикрыть стекло над дверью, за которым находилась слабенькая лампочка, освещающая камеру. По стёклышку глазка мазнул мыльным пальцем. Полностью видимость мыло не закроет, но сквозь разводы будет трудно что-то рассмотреть досконально. Вроде всё. Хотя нет. Я снял ботинки, и поставил их рядом с кроватью. Вот теперь точно всё. Можно прятаться.

Для этого у меня есть всего два места. В туалете, или в уголке за его стенкой.

Начал с туалета. Ничего не выходит. Если сидишь, то торчат колени, а чтобы встать, распластавшись вдоль стены, нужно иметь навык балерины, способной часами стоять на цыпочках. Вздохнув, пошёл пристраиваться в уголок.

Время тянулось томительно долго. Пару раз я ещё слышал шаги надзирателя в коридоре, сопровождаемые позвякиванием связки ключей, а потом и они пропали. Судя по сумеркам за окном, дело идёт к рассвету. Я в очередной раз встал с корточек и начал разминать затекшие ноги.

Чуть слышное шебуршание за дверью заставило меня замереть и я как можно плотнее втиснулся в угол, приводя в

готовность щиты.

Минута-другая напряжённого ожидания, и вот на полу появилась полоска света. Кто-то приоткрыл дверь и мимо меня пролетело слабенькое заклинание. Дверь открылась шире и в камеру проскользнул человек, поспешно направляющийся к кровати.

Незнакомец уже заносил руку, в которой блеснула сталь, когда я поймал его в кокон щитов.

Сопротивлялся он отчаянно, щеря зубы, брыкаясь и пытаясь развернуться в мою сторону. Пришлось усилить нажим до такой степени, что у него что-то отчётливо захрустело и он захрипев, потерял сознание. Подождав немного я чуть раздвинул щиты, чтобы обеспечить внутрь кокона доступ воздуха. Ещё через несколько секунд ночной гость задышал, жадно хватая воздух ртом.

Я снял платок, затеняющий лампочку, и при более ярком свете рассмотрел своего несостоявшегося убийцу. Смуглый, худощавый, чем-то похож на цыгана с такой же курчавой копной тёмных волос, странно сбитых набок. Он тяжело дышал, не открывая глаз, а его рука с зажатой в ней заточкой, похожей на толстое шило, была неестественно вывернута и прижата к груди щитом. Его счастье, что заточка плашмя легла, могла бы сейчас и в нём торчать.

Я обулся и пнув ногой прикрытую дверь, вышел в коридор. Никого нет, только в самом конце коридора видна открытая дверь с какой-то табличкой на ней.

Не торопясь дошёл до открытой двери.

Картина маслом. Оба надзирателя спят. Один уронил голову на сложенные на столе руки, а второй откинулся на замызганном диванчике, прикрыв лицо газетой.

– Подъём, служивые, – негромко скомандовал я, стоя в дверях. В их биндюгу мне заходить совсем не хотелось, больно уж там у них запашисто. Чеснок, вакса и сногсшибающая вонь махорки, впитавшаяся в стены.

– А-а, что, – вскинулся тот, что спал за столом, а второй стащив с заспанного лица газету, только рот разевал, словно вытащенная из воды рыба.

– Идите, убийцу забирайте. А то я тоже спать хочу, – я не смог сдержать улыбку, глядя на забавную сцену их пробуждения и уже готов был расхохотаться в голос, как понял, что смех у меня получится нервный. Похоже, отходняк у меня начинается от проведённой ночи и всех остальных приключений. Развернувшись в дверях, я пошёл обратно, а вскоре услышал за спиной частый топот надзирателей, ринувшихся мне вслед.

Созданную мной скульптуру служивые рассматривали недолго. Один из них почти сразу умчался к тревожной кнопке, чтобы вызвать наряд, а второй изобразил из себя стражу, встав у дверей, и только изредка отвлекался на то, чтобы растереть лицо, сгоняя с него предательские следы сна. Эти процедуры оказали на него благотворное влияние, и вскоре я услышал его шёпот:

– Ваше сиятельство. Вы это… Не говорите, что мы задремали. Скажите, что мы как шум услышали, так тут же примчались.

– Простынь у меня порвалась, – нейтрально отозвался я на его предложение.

– Всё что пожелаете заменим, – истово заверил меня служака, – И чаёк с мёдом наисвежайшим спроворим, как только лихоимца сдадим.

Пятёрка наряда, возглавляемая унтер-офицером, примчалась с таким топотом и лязгом дверей, что наверняка разбудила всех сидельцев на этаже.

Унтер выслушал короткий доклад надзирателя и зашёл ко мне в камеру.

– Ну-с, а вы что расскажете? – спросил он у меня.

А мне что скрывать. Рассказал всё, как есть. И про то, как заподозрил неладное, когда меня задержали за несовершённое мной преступление, да ещё и пуговицу нашли, и про то, что надумал ночью, и как засаду организовал.

– Вы чем его держите? – поинтересовался у меня офицер, разглядывая замершего в щитах убийцу.

– Родовое заклинание. Вроде двух сложенных щитов, – показал я сложенные лодочкой ладони, сомкнутые вместе, – Могу отпустить, но он вооружён.

– Отпускайте. Похоже вы ему руку сломали, – присмотрелся к преступнику унтер, но всё-таки вызвал из коридора двух конвоиров с дубинками.

Я снял щиты, и заточка со звоном упала пол, успев подпрыгнуть пару раз, прежде чем унтер отопнул её к двери. Убийца кулем сполз по стене, отчего его волосы полностью скрыли лицо.

– И кто же тут у нас? – наклонился к нему офицер, откидывая кудрявые лохмы, закрывшие лицо преступника, – Оп-па, паричок. И под париком мой старый знакомый. Ты что же, Верёвка, думаешь я тебя сразу не узнал? Да я тебя на всю жизнь запомнил. Меня же из-за твоего побега квартальной премии лишили и чуть было в звании не понизили. А теперь шалишь, отбегался ты, давно по тебе каторга плачет. В лазарет его, а потом в подвал, в камеру для особых. И чтоб глаз мне с него не спускать! – грозно проревел унтер, размахивая в воздухе снятым с неудачливого

убийцы париком.

– Старый знакомый? – поинтересовался я у разгорячённого офицера.

– Ещё какой старый. Четыре побега за ним числится. Один так вообще из зала суда. Странно мне только, с чего он вдруг на мокруху подписался, ну, на убийство то есть, – поправился унтер, поневоле перенявший за годы общения с заключёнными тюремный жаргон, – Так-то он по замкам специалист. Причём, по любым, хотя в основном по сейфам мастер. Дар он свой под это дело заточил, да и отмычками не брезгует. Не в чести у «медвежатников» убийства. Похоже, кто-то сильно постарался, чтобы заставить его масть сменить, да на такой риск пойти.

– Какой же тут риск? Риск – это когда шанс есть, а у него он разве был? – не на шутку удивился я. Как-то не укладывается в голове, что в таком заведении можно безнаказанно убить человека, надеясь выбраться сухим из воды.

– Лемешев, глянь-ка карточку Верёвки, кем он к нам заехал и за что? – крикнул унтер коридорному.

– Максаков Илья Савельевич, дворянин Тамбовской губернии. Дебош в ресторане «Кристалл», с ущербом в тридцать пять рублей семьдесят копеек, – через пару минут доложил надзиратель.

– Так я и думал. Убил бы он вас. Вашу и свою камеры обратно запер, для него это не проблема, а в девять утра, как канцелярия у нас откроется, оплатил бы ущерб в тридцать пять рублей, затем внёс бы штраф в пятьдесят рублей, и через десять минут вышел бы с квитанциями о полной уплате за содеянный им дебош на свободу. Даже если бы вас мертвого и нашли надзиратели, то наши эскулапы пришли бы к вашему трупу не раньше десяти, а то и одиннадцати утра. У них с девяти свой обход в лазарете, а пропуска им в этот корпус надо через спецчасть выписывать. Да и на заточку посмотрите внимательнее, – унтер чисто полицейским движением поднял штырь из заточенной стали за торцы, – Чистое шило. Таким ударь через ухо, да кровь промокни, и сходу ни один лекарь не признает, отчего вдруг задержанный умер. Сутки, а то и двои пройдут, прежде чем в вас патологоанатом пороется и может быть реальную причину смерти установит. Так что шанс уйти у Верёвки был, и не шуточный. Открыть и закрыть замки для него плёвое дело. От меня он в своё время сбежал, шарахнув по воротным надзирателям Параличом, а до этого с десяток замков и запоров вскрыл, причём крайне быстро, а потом их же и закрыл, отсекая погоню. Пока мы через закрытые им запоры выбирались, он уже извозчика нанял и на набережной успел столичного полицмейстера поприветствовать. Каков наглец?

– Паралич, говорите. Да, похоже, – вспомнил я, как в

свёрнутый матрас, изображающий меня спящего, ударило какое-то заклинание, – Это что же получается, к вам сюда пьяниц и дебоширов со всей столицы везут?

– Только Одарённых. Иначе без разрушенных вытрезвителей в городе не обойтись. Вы бы написали в объяснении то, что мне рассказали. А я уж из кожи вон вывернусь, но постараюсь, чтобы оно в нужные руки попало побыстрее. Смотришь, и узнаете, кто Верёвке вас заказал, – доброжелательно посоветовал унтер напоследок.

Я и сам хотел бы это узнать, но мысль про допрос Верёвки после некоторого размышления отверг. Узнают в Академии, что я у связанного человека пальцы отрезал, или глаза ему выкалывал, так мне руки потом никто не подаст. Такие уж нравы и понятия о чести у благородных.

Объяснения я писал, прихлёбывая крепкий душистый чай из большой фаянсовой кружки. Как раз до завтрака успел уложиться. На завтрак дали вполне приличный компот и две свежие булочки с изюмом. Для тюрьмы совсем неплохо.

Я походил немного по камере, изображая разминку, а потом улёгся поверх одеяла, ожидая вызова к следователю. Не заметил, как задремал, да так и проспал до обеда.

На обед давали жиденькую уху, от которой я отказался, взяв на второе гречу с куском курицы, а налитая вместо чая бурда меня откровенно расстроила.

– Ваш сясьво, чай или кофе желаете? – скороговоркой проговорил незнакомый усатый надзиратель, наклонившись к проёму кормушки, – Нам всё нужное по смене передали. Как раздачу закончат, так мы вмиг обеспечим.

– Кофе бы, братец, – жадно выдохнул я, поняв, чего мне так не хватало в тюрьме.

Минут через двадцать я стал счастливым обладателем полулитровой кружки горячего кофе. Может напиток и был не из лучших, но на тот момент он мне показался ангельским нектаром.

– Пора начинать нервничать, – вслух сказал я сам себе, начав наматывать по камере круги с ополовиненной чашкой кофе в руках. Утреннюю прогулку в тюремных двориках я благополучно проспал и сейчас мой организм, взбодрённый кофеином, жаждал движения и действий.

Я был всерьёз обеспокоен тем, что про меня забыли. В голове я уже не раз прокрутил и подготовил доказательства своей невиновности и меня распирало от желания их выплеснуть на кого-нибудь.

Скрежет открываемых замков я услышал, когда отходил не

один километр, измеряя шагами свою камеру вдоль и поперёк.

– С вещами на выход, – равнодушно объявил один из двух конвоиров, явившихся по мою душу, – Руки за спину.

Столь невесёлое начало было сдобрено улыбающимся лицом знакомого усатого надзирателя, который подмигнул мне из-за спин конвоиров, и незаметно показал большой палец. Определённо он давал мне понять, что в моей жизни начались изменения к лучшему. Настроение поднялось, и я без особых переживаний прошёл под конвоем через тёмные коридоры, лестницы и добрую дюжину постов, скрывающихся за отпираемыми решётками и тяжёлыми дверями.

Кабинет следователя, крепкого мужчины лет сорока в мундире надворного советника, большим размером не отличался.

– Присаживайтесь, и одну минуту подождите, я уже заканчиваю, – мельком глянул на меня следователь, продолжая заполнять документы.

Изучение макушки советника, склонившегося над бумагами, меня не заинтересовало и я огляделся вокруг, оценивая обстановку. Так себе полиция живёт. Казённая мебель, не лучшего качества, выкрашенные в темно-зелёный цвет стены, с обязательным портретом Императора на одной из них, забранные решёткой окна. Мрачновато. Ярким пятном на общем унылом фоне смотрятся роскошные напольные часы в деревянном корпусе табачного цвета, большим циферблатом с римскими цифрами и свисающими под ним вычурными бронзовыми гирями.

– Ну, вот и всё. Дело раскрыто. Обвинения с вас сняты. Ознакомьтесь и распишитесь. Забирайте оформленный пропуск, и вперёд. На свободу с чистой совестью, – сам же посмеялся следователь над собственной шуткой. Откинувшись на спинку стула он вывернул назад плечи и потянулся до хруста позвонков, – Два раскрытых убийства и одно покушение за день. Никогда ещё у меня столько не случалось. Да и на завтра ещё писанины невпроворот будет.

– Могу я в качестве компенсации за безвинное пребывание в тюрьме попросить вас поделиться деталями? Согласитесь, в какой-то степени они меня напрямую касаются, – попытался я не слишком язвительно задать свой вопрос. Полицейский всё-таки в возрасте и в чинах. В переводе на пехотные звания, так целый подполковник будет.

– Ну, если только очень коротко и в пределах допустимого. Всё-таки тайну следствия ещё никто не отменял, – отозвался следователь, намекающим взглядом окинув толстые папки дел, ожидающие его на краю стола, – Начнём с того, что четыре дня назад умер Мансуров-старший. Личность вам без сомнения

известная. Хоть его и считали под конец жизни выжившим из ума, кое-что он соображал, да и память кой-какую сохранил. К примеру о вас он не забыл. Была у него с давних времён пригрета группа душегубов. У меня ещё будут к ним вопросы по старым делам, но сейчас не об этом. Им-то он и поручил решить с вами вопрос, причём так, чтобы никаких следов к Роду и Клану не было. Сто тысяч аванса дал, и двести по результату пообещал. Вот и появился у них план о том, чтобы вас в изоляторе для Одарённых убить. Предложили они двум уголовникам, Верёвке и дружку его Фильке Десятчику, старые должки отработать и денежку немалую поиметь. Филька у вас пуговку срезал, фотографом представившись. Для него это шутейное дело. Он прозвище своё получил оттого, что карманы вырезал не бритвой, а заточенной монетой. Да, собственно вот он, может припомните, – следователь быстро перебрав несколько фотографий, толкнул одну из них мне по столу. Сфотографированный человек определённо был мёртв, и его лицо мне было знакомо. Да, запомнил я одного из фотографов, отличающегося от своих коллег дорогим костюмом и приличными манерами. Я кивнул следователю, показывая, что я узнал сфотографированного, – Убили его мансуровские. Собственно и Верёвку та же участь ожидала бы, сделай он своё дело и явись к ним за обещанной платой. Но вот незадача – Верёвку вы взяли, а мансуровских варнаков ваши друзья повязали и нам тёпленькими сдали. Прямо вместе с трупом Фильки всех и привезли. Те уже в убийстве Мезенцева сознались.

– Мои друзья? – переспросил я у следователя, думая, что ослышался.

– Ну да. В окно выгляните. Они, как варнаков перед обедом сдали, так и стоят до сих пор за воротами, вас дожидаясь.

Со стула меня снесло, словно пороховым зарядом. Подбежав к окну, я увидел три знакомых внедорожника агентства, и среди куривших узнал Володю, и Юру, с перебинтованной рукой, висевшей у него на перевязи. Чуть в стороне от них прогуливался Степаша, нетерпеливо посматривающий на ворота тюрьмы. Почувствовав, что у меня начинает расплываться изображение, из-за подозрительно появившейся в глазах влаги, я несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь и вернулся к следователю.

– Пойду я, пожалуй, – пробормотал я, забирая оформленный пропуск, и наверное, слишком часто моргая, – Друзья заждались. МОИ ДРУЗЬЯ.

Ох, и нажрались мы все этим вечером…

Глава 22

– Серьёзно, очень серьёзно. Мне бы по два-три таких «весла» на роту, глядишь, у меня и жизнь бы поменялась, – сдувая пену с пивной кружки, выговорил запыхавшийся офицер, в мундире капитана в отставке, о которой свидетельствовали поперечные белые полосы, перечёркивающие его погоны.

В очередной раз сбегав к понтону, который они больше часа расстреливали с разных расстояний, рисуя вместо мишени мелом круги на поржавевших бортах, он уже не раз оценил толщину металла и углы, под которыми происходили пробития.

Бивуак Светлого князя Константина, наспех разбитый невдалеке от одного из волжских крутояров, возник на этом месте не случайно. Лет пять назад тут на отмель выбросило оторванный от какого-то причала стальной понтон, покорёженный ледоходом до потери плавучести. По нему и стреляли два друга, время от времени отвлекаясь на мангал и лёгкую выпивку.

– Прямо таки жизнь? – отмахнулся от дыма князь, переворачивая шампуры над углями.

Охрана, расположившись чуть поодаль, с недоумением наблюдала за княжеской блажью и не мешала беседе друзей. Не каждый день увидишь, как Великий князь собственноручно шашлык готовит, да и было бы кому, а то обычному капитану, пусть и понюхавшему пороха, о чём свидетельствуют боевые награды и нашивки за ранения на его кителе.

– А давай я тебе свой крайний день на фронте расскажу, – предложил капитан в отставке, поудобнее устраиваясь на раскладном стуле и неторопливо набивая трубку, – Помнишь, я с фронта тебе писал, что принял батальон. Хорошо мы в том месяце румын погнали. После одного, особенно удачного прорыва, надумало наше командование в «мешок» целую румынскую дивизию загнать. Получил наш полк приказ – перекрыть одну из дорог, по которой румыны отступить могли. Всё бы хорошо, но надо было за день пройти больше двадцати километров, и высоты занять, с которых та дорога контролировалась. Батальон мой, от которого к тому времени чуть больше половины в строю осталось, усилили местной дружиной, в пятьдесят человек при двух машинах, да взводом ополченцев. Пошли мы. Ночью, как назло, дождь прошёл знатный. Дорогу развезло, кое-как двигались. Мелкие заслоны сходу сбивали, а с броневиками вдосталь намучались. Есть у румын смешные кургузые шестиколёсные броневички с пулемётом. ВЗ-30 называются. Обычная пуля их не берёт, а от всей батальонной артиллерии у меня к тому времени

две сорокопятки только остались. Пока их вытащишь вперёд, да развернёшь, иногда полчаса уходит. Румыны к тому времени, завидев пушки, отойти успевают, не принимая боя. А через километр всё то же самое повторяется. Пять-шесть броневиков за полем стоят и из пулемётов постреливают. Не будь у местной дружины пары безоткаток, в кузовах грузовиков установленных, мы бы те двадцать километров и за два дня не прошли. С горем пополам доползли к вечеру до высот, а там румыны успели окопов нарыть, да укрепиться. Дождались мы, пока артиллерия наша до полковая подтянется, и попробовали в атаку пойти. Дважды поднимались, а потом у нас офицеры заканчиваться стали. У меня во второй роте всех взводных снайпера выбили ещё в первую атаку. При второй атаке и меня зацепили. Хорошо, что споткнулся я перед этим, а то не увиделись бы больше.

– Как-то грустно ты всё рассказываешь. Но я всё равно не понял, чем бы тебе такие винтовки помогли? – кивнул Константин на лобаевское «весло», из которого они сегодня вдоволь постреляли. Карабин, собранный ими с самым длинным стволом, они не сговариваясь стали именовать винтовкой. Знал князь, чем друга детства развеять. Вывез для разговора на волжский берег и устроил знатные пострелушки. Получив дней десять назад от капитана в отставке отчаянное письмо, в котором Михаил умолял князя посодействовать его восстановлению в армии, он пригласил его в Камышин. Михаилу Кузнецову князь доверял. Как-никак с шестилетнего возраста его знает, с их детских игр и совместных занятий. Правда, разошлись в последние годы их пути, но переписывались они часто, а иногда и встретиться удавалось.

Отец Михаила был служивым дворянином, и ко времени их детского знакомства вышел в начальники личной охраны у княжеского Рода. Вот и попал его сын в компанию огольцов, гоняющих вместе с юным княжичем по парку, да заодно и занимающихся вместе с ним у разных учителей и наставников.

– А ты сам посуди. Пуля со стальным сердечником у нас двойной стальной лист на понтоне метров с шестисот пробивает. Значит броневики румынские нам бы помехой не были. Оптика на винтовке, не то что у моих «любителей». Так мы хороших стрелков во взводах называем, которые у нас из армейской самозарядки с четырёхкратным прицелом стреляют. Думаю, смогли бы обученные стрелки из лобаевских винтовок хотя бы часть румынских снайперов выбить, если не просто бы стрелками меткими оказались, как наши «любители», а заранее обученными снайперами. Заодно и пулемёты бы подавили. Пулемётный щиток таким патроном плёвое дело пробить.

– Погоди, снайпера, «любители», ты про что? – досадливо поморщился князь Константин, не успевая переваривать фронтовой жаргон своего друга.

– Ай, да это у нас в полку к ним прозвище «любители» прилипло. Приезжали к нам как-то раз инструкторы из Рязанского училища. Настоящие снайпера. Такую стрельбу на шестьсот и восемьсот метров показали, что наши стрелки их результаты и на четырёхстах метрах зачастую повторить не могли. Тогда-то наш полковник и сказал: – Вот это мастера, а вы у меня любители, – пояснил Михаил, – А уж как они маскироваться умеют – это фантастика. В пяти шагах можно пройти и не заметить.

– Миш, я тебя зачем сюда вызвал-то, – князь сунул в руку друга шкворчащий шампур, другой, ничуть не хуже выбрал себе, а остальные отодвинул от огня, – Мне предложили в этом округе императорским наместником стать. Пока знакомлюсь. В конце сентября собираюсь дела принимать. Надо бы мне к тому времени команду себе собрать. Не то, чтобы я предшественнику не доверяю, но с его ставленниками мне сложно придётся. Относительно тебя есть у меня мысль. Не хочешь ли моим военным представителем и советником стать? Я в ваших армейских и пограничных делах не слишком силён, а мне там безусловно будет нужен доверенный человек. Такой, чтобы со знанием ваших армейских дел был, и не боялся всё плохое вытащить на свет, а то и реформы какие предложить. К примеру, те же снайперские винтовки, или мои дирижабли-разведчики внедрить. Не зря же я с ними столько возился? Внешняя граница по нашему округу больше полутора тысяч километров выходит, и мне её придётся блюсти, отвечая лично перед Императором.

– В первую очередь будут нужны моторы и броня. Могу тебе свою последнюю служебную записку переписать. Нет пока у нас достойных моторов, чтобы не только себя и прицеп могли возить, а и брони пару тонн и пушку с боезапасом. Желательно на себе, а не прицепом.

– Как же нет? У меня на дирижабле очень приличные двигатели стоят. Пусть и лицензионные, но под триста лошадиных сил вытягивают, – удивился князь неожиданному повороту в разговоре.

– Ага, и каждый твой движок стоит столько же, сколько денежное содержание батальона за полгода, а авиационный керосин высшей пробы обходится раз в пять дороже, чем бензин для грузовика. Заодно напомни-ка мне, у твоих двигателей ресурс двести или триста часов до планового ремонта? И какова потом окажется стоимость его обслуживания? – капитан,

выговорившись, с внешне безразличным выражением лица впился крепкими зубами в мясо, и лишь потом выразил князю своё одобрение, сумев обозначить его, как чисто гастрономическое, никак не относящееся к происходящему разговору.

– То есть, ни новые винтовки, ни новые дирижабли тебе не интересны? – отщипнул князь зубами аппетитный кусок мяса, и чуть отставив шампур от себя, начал выглядывать следующий. Шампур он так и крутил перед собой, сосредоточив на нём всё своё внимание и демонстративно не глядя на собеседника.

– Интересны, и очень. Но в следующей войне они не определяющие. Опыт оконченной войны вполовину теряет свою ценность в следующей. Патрульные дирижабли – здорово! Снайперское дело – замечательно! Но при двухстах стволах артиллерии приличного калибра на километр фронта о противнике не спрашивают и не докладывают. Извини, Костя, но я при таком раскладе даже и об Одарённых докладывать не стал бы. Кто его знает, сколько их там после артподготовки поляжет.

– Да ты шутишь… Двести артиллерийских стволов…

– Следующая война будет другой. Артиллерия и броня должны проламывать укреплённые участки фронта, а не солдат с винтовкой, – уверенно сказал капитан.

– Да где же такую прорвищу пушек взять? Мне бы пока тут приграничные гарнизоны хоть немного усилить.

– Тогда покупай пока эти винтовки, сколько бы они не стоили, и пулемёты. Они серьёзно помогут. Главное помни, что патрон для снайперки стоит меньше рубля, и он почти всегда уходит в цель. Сказать тебе, какое у нас соотношение убитых противников и израсходованных патронов по моему полку? Чуть больше четырёхсот патронов на одного достоверно убитого румына. Чего удивился? Не веришь? А ты запроси статистику по польскому фронту. Там расход почти вдвое выше, – капитан, как ни в чём не бывало, бодро догрыз шашлык, особо смакуя хрустящие корочки. Довольно похлопав себя по животу, он не стал разменяться на импортное вино, прикинув, что пятилитрового бочонка с пивом, стоящего на столе, и его брата-близнеца, который остывает в роднике, ему окажется больше чем достаточно.

– Стволы, значит, – пробормотал князь Константин, откладывая на тарелку наполовину опустошённый шампур и уставившись на подаренную графом винтовку, лежащую поверх чехла, – Кажется, я знаю, кто нам с ними поможет.

* * *

Мой отлёт из столицы со стороны был похож на побег. Ранним утром я крайне быстро собрался, и в темпе рванул со Степаном к дирижаблю. Всё, до начала учёбы я в столицу больше ни ногой!

Степан, уловив моё настроение, постарался сгладить впечатления от вчерашнего дня, рассказывая мне свою версию событий.

– Про то, что за твоей квартирой начали следить, мне сообщили в тот же вечер. Сам понимаешь, не мог я оставить тебя без присмотра. Я тут же сел на мотоцикл и рванул в столицу. Всего лишь на час опоздал. Тебя к тому времени уже жандармы забрали. Но тех, кто за квартирой наблюдал, мои ребята отследили и адресок срисовали. Вот и решили мы с парнями из агентства посмотреть, что там да как. Поехали. Частный домик на окраине. Лиходеи под утро труп «фотографа» в багажник машины стали укладывать. Хотели они выхода Верёвки дождаться и убедившись, что дело сделано, обоих уголовников вместе зачистить, но «фотограф» что-то неладное заподозрил и решил от них сбежать. Так что пришлось им чуть раньше его убивать, чем у них запланировано было. Короче, взяли мы мансуровских лиходеев тёпленькими, а когда допросили и к тюрьме примчались, там ты уже к тому времени Верёвку обезвредил. А уж когда Верёвке труп его кореша продемонстрировали, да показания заказчиков дали почитать, так и тот раскололся. Считай, два раскрытых убийства Третьему отделению на блюдечке поднесли.

Выложив события дня минувшего, Степан оставил меня обдумывать сказанное, а сам принялся готовить кофе. Знает, что без него у меня с утра голова не работает. Тем более, в такую рань, как сегодня.

– Стёпа, Третье отделение – это же «голубые мундиры»? При чём тут тогда полиция? – задал я первый за утро осмысленный вопрос, баюкая горячую чашку в руках и с наслаждением втягивая в себя запах любимого напитка.

– Слушай, ты невыносим… Как-нибудь я составлю перечень вопросов, ответы на которые ты должен будешь обязательно выучить. Третье отделение лет десять назад было передано из Императорской канцелярии полицейскому управлению и от «голубых мундиров» остались только нашивки этого цвета на воротничках, да удвоенные оклады тем, кто там служит. Вспоминай, у того урядника, что к тебе приходил, они были? – глянул на меня друг детства, как на конченного идиота. Очевидный ответ предполагался даже из того тона, с которым он мне задал вопрос.

– Чёрт его знает. Никогда не смотрел, что там за нашивки у них. Полицейский он и есть полицейский, – якобы легкомысленно отмахнулся я от него, поглядывая на Степана над краями кружки, прикрывающей мне лицо, – У нас в Академии будущие гвардейцы полицию крайне не жалуют. Мне как-то раз рассказывали, что один из отчисленных курсантов изгоем стал, когда остальные узнали, что он после отчисления в полицию ушёл. Говорят, вполне приличным был, и всем непонятно и подозрительно стало, с чего он вдруг в «фараоны» подался. В один миг всех друзей потерял, – поделился я со Степаном тем презрительным отношением дворян к полицейским чинам, которое многие курсанты вполне нарочито демонстрировали.

– Надеюсь, ты в эти разговоры не лезешь? Среди дворянской аристократии, а особенно среди молодёжи, вольнодумство всегда было модно. Критиковать и пустословить – занятие не хитрое. Просто задайся как-нибудь вопросом, отчего все они, такие умные, даже в собственных Кланах среди значимых лиц не фигурируют, а те, кто какое-то влияние имеют, шарахаются от вольнодумцев, как чёрт от ладана. Эх-х, а давай уж я тебе разом выскажу всё то, что давно на язык просится, – разгорячившись, Степан с размаху поставил свою кружку на стол, расплескав кофе, – Посмотри повнимательнее на тех, кто ведёт крамольные разговоры, и кого власть не устраивает. Сплошь лентяи, болтуны и неудачники. Или молодёжь зелёная, которая чужих речей наслушалась и всегда готова бузить. Дай таким власть и они в момент всё развалят.

– Так ты меня за Великую Державу решил агитировать? – с усмешкой спросил я друга, бросив пару салфеток на пролитый им кофе.

– Я же вижу, что ты что-то задумал. Вот и пытаюсь тебе объяснить, что Третье отделение просто свои обязанности исполняло, – сконфузился Степан, собирая со стола промокшие салфетки и начисто затирая следы кофе, – Кто-то же должен вас, Одарённых, задерживать.

– Считай, что я уже забыл про них. Есть дела важнее и интереснее.

Усевшись поудобнее, я подробно рассказал Степану о своей поездке в Камышин. К моему удивлению больше всего интереса он проявил к моей идее про магию, получаемую из тепла, а известие о появившейся родственницы принял с недоверием.

Странно, обычно он никакого внимания магии не уделял, хотя…

– А ты ничего мне рассказать не хочешь? Например, про свои успехи в магии… – решил проверить я свою догадку, и по

вильнувшему взгляду Степана, понял, что угадал.

– Дома покажу, – выразительно покосившись на пилотов, буркнул друг себе под нос, – Давай лучше курс немного поменяем. Дня три назад асфальтеры в порт прибыли. Должны уже на дорогу выйти. А ты пока над ещё одной новостью подумай. Князь Иволгин-Бушуев, тот, что Глава Клана, в который Род Мансуровых входил, вчера вечером в отставку подал.

Интересная новость. Очень знаковая. Раньше-то, в старые боярские времена, Глава Клана даже не почесался бы, случись в его Клане невеликий инцидент. Видимо приходят понемногу в Империю Закон и Справедливость. Уже не так бодро и безнаказанно Кланы свои неблаговидные дела совершают. Перестали князья себя мелкими царьками чувствовать, да беспредел творить.

Махины паровых катков и густой дым битумоварок мы увидели издалека. Вот уж чего у дорожной техники не отнять, так это брутальности. Чуть не целый паровоз стоит под парами на огромных стальных колёсах-катках. Даже грузовики на фоне жутко пыхтящей махины кажутся мелкими букашками.

– Пару километров уже отмахали, – прикинул я на глаз чёрную ленту дороги, уже покрытую асфальтом.

– Обещали до снега от порта до нас всё укатать, – подтвердил Степан, пересчитывая количество техники, снующей на строительстве.

С грузовиками все три десятка вышло. Чую, встанет эта дорога в копеечку, но никуда от таких трат не денешься. Без хороших дорог мне земли быстро не освоить.

– Усольцев вчера рассказывал, что вы верфи расширять собираетесь. Чуть ли не три цеха ещё ставить собрались, – продолжил Степан разговор, когда мы вдосталь налюбовались на строительство дороги и повернули к своему посёлку, – Мне что интересно. Откуда ты рабочих собираешься брать? Молодёжи по сёлам не так много осталось.

Мда-а, больной вопрос… Проблема с кадрами назревает, и очень скоро потребует солидных вложений. Пока частично её удаётся решить предоставлением жилья и повышенными окладами. Именно так мы сманили десятка два неплохих специалистов, практически всех с семьями, перевезя их из города. Всё бы хорошо, но тут же пришлось закладывать здания под школу и больницу.

– Придётся городок строить. Такой, чтобы условия жизни в нём были не хуже, чем в городе, – я впервые вслух озвучил давно лелеемую мысль, о которой раньше было бессмысленно говорить. У меня элементарно не хватило бы денег ни на что приличное. А

строить «как все»…

Десяток обычных заводских бараков, сделанных из досок и шлака. Печное отопление и туалеты на улице. Жуть.

Полно нынче подобных строений при заводах на нищих городских окраинах.

Мне такой мины на своих землях не надо. Островки неблагополучия. Самим фактом своего существования они способствуют росту социальной напряжённости. Такими красивыми словами в Академии называют предпосылки к бунтам, забастовкам и стачкам.

– Дорого. По деньгам-то вытянешь? – озаботился Степан.

– Что значит «вытянешь»? А ты разве не со мной? Вместе тянуть будем. Для начала «протезов» наделаем. Я прямо завтра за заготовки примусь, а там, глядишь и станки новые подойдут. Веселее дело пойдёт. А для тебя у меня особое задание будет. На аукционе один из «протезов» у меня купил человек, у которого резерв вовсе не выгоревший. Лейб-гвардии штабс-капитан Никифоров. И ты знаешь – это всем новостям новость. Я, пока в тюрмушке отдыхал, весь тот вечер детально вспомнил. Начальник госпиталя дважды пытался эту странную покупку обсудить, но его постоянно перебивали, и как мне кажется, не случайно. Сам как думаешь, для чего мог понадобиться «протез» Одарённому с неповреждённым резервом?

– Будет пытаться поднять размеры своего резерва? – предположил Степан, заинтересованно глядя на меня.

– Угу. Я к такому же выводу пришёл. Впрочем, тут опять же мы виноваты. Точнее те наши МБК, которые сейчас в полку испытания проходят. Они требуют резерв под пятьсот единиц, а обычным гвардейским МБК и трёхсот-трёхсот пятидесяти хватает. Короче, за Никифоровым надо будет присмотреть. Я тоже попробую держать руку на пульсе, но лучше перестраховаться. Не исключено, что результаты по Никифорову могут засекретить. Информация очень горячая и крайне мягко скажу тебе, совсем не безопасная. Знаешь ли, когда маг пятого-шестого уровня за год-другой сможет перепрыгнуть на седьмой, а то и на восьмой уровень – это серьёзно изменит многие расклады и не только внутри страны, – наблюдая за меняющимся лицом Степана, я понял, что серьёзностью момента он проникся.

Маг-«восьмёрка» – это уже не просто мощный воин. Ещё не так давно боевая звезда из четырёх «восьмёрок» и одного мага десятого уровня использовалась вместо тяжёлой артиллерии и при определённой удаче вполне могла уничтожить пехотный полк противника. Нынче стратегия изменилась, но всего лишь из-за цены вопроса. Маг с восьмым уровнем в разы дороже стоит, чем

полковая гаубица с боеприпасом и расчётом.

– Думаю, ты понимаешь, что мы даже с обычной службой безопасности из более-менее приличного Клана вряд ли справимся, а уж тем более не потянем против зарубежной разведки. Или у тебя какой-то план есть? – с надеждой посмотрел на меня друг детства.

Свои военные силы мы оба реально оцениваем. Если на них в какой-то степени можно рассчитывать при противостоянии с обычным провинциальным Родом, то любой из Кланов, входящих в первую десятку, раздавит нас, как недавно виденный паровой каток лягушонка.

– План есть, и заниматься им будешь в большей степени ты. Мне будет некогда. Завтра ты полетишь в Сибирь. До войны там умели выращивать алмазы не только приличного размера, но и разных цветов. Не так давно в журналах мелькнула информация, что сейчас пара лабораторий пробуют возродить довоенную технологию. Их адреса я тебе дам. Возьмёшь кого-нибудь из наших юристов, посообразительнее. Встретишься с сибирскими учёными. Обговоришь финансирование, да и организуешь акционерное общество с нашим контрольным пакетом. Как только ты это дело закончишь, тиснем в газетах пару статеек со скандальными заголовками. Что-нибудь, вроде: – «Мы будем выращивать алмазы, как огурцы». А я тем временем Густавсона зашлю на ускорение оформления лицензии по «протезам», и на продажу права её использования государству. Вопросы не быстрые, но за месяц-другой решаемые, если денег не жалеть. Для начала, полмиллиона рублей я готов выделить.

– То-то я и погляжу, что ты денег совсем не жалеешь, – проворчал Степан, убирая блокнот, в который он записывал поставленную задачу, – Полмиллиона на ветер…

– Зря ты переживаешь. Мы ещё денег на акционерах заработаем, и немало. Лишь бы алмазы у учёных получаться начали. Хотя, если что, то я им помогу. Зато после получения первых же алмазов мы акций дополнительно выпустим, этак под миллион штук, и по сто рублей за штуку их предложим всем желающим. Пусть у нас акционеров больше станет. А там глядишь, и государство право на использование лицензии для «протезов» купит. Соображаешь, что получается? – устав говорить, я потянулся за кружкой, где ещё оставался последний глоток остывшего кофе.

– Не широко ли размахнулся? Я про акционерные общества только на железной дороге слышал, да, пожалуй, в паре пароходств, – прищурился Степан, неодобрительно мотнув головой.

– Прокачу я тебя как-нибудь по столице, по деловым кварталам. Посчитаешь, сколько там вывесок различных акционерок на одном километре лампочками блестят. Одних только горнопромышленников да угольщиков десятков пять наберётся.

– Думаешь, если всё срастётся, то от нас отстанут? Хотя, может быть. Лицензия будет у государства, алмазы у сотни-другой акционеров. С нас, если что, так и спросить нечего, – мой друг, задрав в потолок голову, вслух просчитывал шансы, – Слушай, а тебе не жалко алмазы в чужие руки отдавать? Так-то у нашего Рода сейчас монополия, а ты сам себе её рушишь, – спросил Степан, разжигая спиртовку и пристраивая на неё джезву.

Судя по его спокойному виду и вполне твёрдому состоянию рук, его первичный анализ обошёлся без потрясений.

– Не все алмазы одинаковые, – с улыбкой ответил я, потирая руки. То, что Степан сходу не нашёл изъянов в моём наспех разработанном плане, и панически не бухтанул – это уже неплохо. Остальное в ходе исполнения само приложится. Почему-то у меня есть уверенность, что и у Никифорова с резервом всё получится, и с государством мы договоримся. Не может такого быть, чтобы силовые структуры столь жирный куш из своих рук упустили, – Причём, обрати внимание – именно одинаковые. Я сейчас говорю не только про размеры алмазов. Чистота, трещины, вкрапления – всё важно. Порой одной песчинки с маковое зерно достаточно, чтобы кристалл в распиловку пошёл, на более мелкие заготовки. Поэтому я вовсе не уверен, что даже лет за десять государство наши «протезы» переплюнет. К тому же, и я на месте не собираюсь стоять.

– Погоди, так мы что, обманывать собираемся… – развернулся ко мне Степан, с треском ломая в руках спичечный коробок и чуть не снеся полой пиджака только что зажжённую спиртовку.

– Никакого обмана. У них тоже «протезы» получатся. Но как бы среднеарифметические. Не нашего качества и характеристик, – пожал я плечами, – А что ты хочешь от массовой продукции?

Неправду я сказал только что. Обман есть, но обманываю я Степана. Специально его отправляю под бывший Новосибирск, чтобы он не помешал мне новые Чаши испытать. Это Анвару я могу объяснить, что чувствую Силу Источника и знаю, что смогу с ней справиться. Он сам с магией работает и меня поймёт, а со Степаном мне не договориться.

Кроме денег, которые мне крайне нужны для реализации всех планов и проектов, «протезы» для меня важны, как

психологический момент. Рано или поздно, но вскроется то, что у меня не только пилоты научились заряжать свои пояса от Источника.

Шестеро деток от двенадцати до четырнадцати лет в посёлке заняты практически тем же самым. Сидят, и по два-три часа в день заряжают накопители для верфей. Денег за свою работу получают побольше, чем иные взрослые. Рискованно, но мне деваться некуда. Наша магическая оснастка Силы прилично потребляет. Нанимать посторонних магов и переучивать их на закачивание Силы напрямую от Источника я после долгого размышления не стал. Насчитал минусов больше, чем плюсов.

Так что мне как можно скорее надо легализовать «протезы», и тогда, случись что, проще будет объяснять, что нет никакой разницы, откуда черпается заёмная Сила – от «протеза» или от Источника.

Не верю я, что у большинства людей предубеждение против колдунов не сохранилось. Так уж сложилось, что если маг использует Силу из собственного резерва, то он добрый волшебник, а если из Источника, то злой колдун.

Дурь очевидная, но пытаться с ней в одиночку бороться – всё равно, что плевать против ветра.

Есть и ещё один неприятный момент. В стране появятся сильные маги и в большом количестве. Вроде бы это хорошо, но не нарушим ли мы того хрупкого стратегического баланса, который за долгие годы наконец-то сложился в этом изрядно обезлюдевшем мире.

Страшно подумать, что может натворить модифицированная «протезами» боевая звезда магов, посади их на дирижабль, вроде моего, и снабди приличным запасом накопителей. Они за день не одну сотню километров пролетят, делая короткие остановки и вычищая узловые точки обороны у противника. И это одна звезда, а если их будет десяток, или два десятка…

Несложно же предположить, куда больше всего государственных «протезов» пойдёт. Конечно в армию и на флот. И потребуется совсем немного времени, пока кто-нибудь из нынешних честных магов-«восьмёрок», а то и «девяток» не сообразит, что наверняка и им можно поднять уровень, если изобрести «протез усиленный, двойной». И появятся модифицированные «десятки». Ой, что тогда начнётся…

* * *

Ранним утром проводив Степана, я постарался поскорее

смыться из посёлка. Мысль о том, что сначала надо бы съездить на верфи, отбросил сразу. Пока меня нет, там всё отлично работает. Стоит мне появиться и откуда-то тут же набирается целый ворох проблем и вопросов, требующих моего участия. Нет уж, сегодня без меня.

У свежеиспечённого графа полным-полно своих дел…

До хозяйства Анвара я добрался в рекордно короткие сроки. Гнал, словно на пожар. Никогда ещё мне так не хотелось как можно быстрее приступить к работе. С трудом выдержал ритуал кавказских приветствий, из угощений согласился только на чашку крепкого кофе.

– Чаши все заряжены? – перешёл я к рабочим вопросам, сразу же, как только мне вручили крепчайший горячий напиток. Кофе у Анвара принято подавать в заранее нагретой пиале, что очень хорошо. Её размер меня устраивает больше, чем крошечные кофейные чашечки.

– Все. И большие и маленькие, – с усмешкой прищурился мегрел.

Ох, достукается он у меня. Всё-то у него не так просто, всё с подначкой.

– Маленькие-то зачем? – не понял я инициативу своего мастера.

– Как ты написал, так мы и сделали. Всю ночь не спали, – недовольно проворчал Анвар, вытаскивая из кармана мою записку, которую я вчера отправил ему с посыльным, – Вот. Тут написано, что надо подготовить ВСЁ.

М-м, как мегрелу объяснить разницу между все и всё. Да никак. Только внуки его поймут, наверное.

– Ладно. Разберёмся, – мотнул я головой, пытаясь разобраться в своих ощущениях.

Сначала мне показалось, что меня от кофе так накрыло.

Мегрелы делают его не только чертовски крепким, но и добавляют в него немного каких-то южных орехов, что выводит кофе на совершенно другой уровень, переводя в настоящее лакомство.

Но нет. Ощущения были другие. Впечатление такое, что вокруг меня вьётся соскучившийся по хозяину незримый котейка. Так и просится на руки, нетерпеливо нарезая вокруг круги, мурлыча и пытаясь тереться об ноги.

В зал с Чашами я прошёл, не выпуская пиалу из рук. На входе остановился, и поражённо замер, осматриваясь.

Чаши действительно были Большие. Их размер, указанный в чертежах, я конечно же знал, но вживую они смотрелись совсем иначе. Малые Чаши, с которыми я работал раньше, на фоне

Больших, выглядели, как черепашата, сгрудившиеся вокруг гигантской мамы-черепахи. И таких гигантов я заказал целую дюжину. Пока в зале только первая четвёрка стоит. Остальные ещё в работе.

Пока обходил зал, меня не покидало ощущение, что Источник замер.

Так ведёт себя котёнок, готовящийся начать игру. Он замирая, прижимается к полу, взъерошив шесть, и нервно подёргивает кончиком хвоста.

Отставив в сторону пиалу, я положил руки на Чашу, и прикрыв глаза, попытался сосредоточиться и понять возможности могучей гигантской магической конструкции.

Почувствовав, что готов, я взмахом руки отослал из зала наблюдающих за мной мегрелов, и дождавшись хлопка двери, понемногу начал вкачивать Силу.

Начало далось тяжело. Впечатление такое, словно я пытаюсь стронуть с места нагруженный вагон.

Магия Источника, которую я обычно воспринимал, как ручеёк родниковой воды, загустела и начала переливаться радужными всполохами. Я уже готов был сдаться и остановить испытания, когда мой «вагон» нехотя начал движение. Прошло секунд десять и напряжение понемногу стало спадать. Через пару минут мой «вагончик» и вовсе покатился легко, требуя себе для движения в разы меньше прилагаемой Силы.

Выдохнув, я опустился на табурет, так кстати оставленный здесь мегрелами. Поток Силы такой величины я уже давно контролирую без особого труда.

Сидел я минут десять, прислушиваясь к своим ощущениям. Сгустившийся в какой-то момент поток Силы на меня подействовал не так, как всегда. Если сравнивать с гастрономическими понятиями, то я вместо родниковой воды хапнул добрый стакан эля, и он прилично ударил в голову, напрочь выбив посторонние мысли.

«Вагончик» катится весело, и Источник вовсю мне помогает, словно котёнок, играющий с мячиком. Для полноты впечатлений не хватает только перестука вагонных колёс на рельсовых стыках.

Минут через пятнадцать заскучал не только я, но и котёнок.

– «Давай поиграем ещё. Это же так весело», – казалось, транслировал он мне своё желание.

Я с сомнением покрутил головой. Да, разогнавшаяся Чаша мне особых хлопот не доставляет. Вполне можно попробовать толкнуть ещё одну.

Толкнуть? Ну да, а я же первую Чашу вроде как тянул…

Я прикрыл глаза и мысленно попытался представить, как бы я

в реальной жизни смог разогнать тяжёлую вагонетку, допустим, с тем же углём, который сжигают у меня в котельной.

Скорее всего приложился бы к ней плечом, а потом упёрся в борт руками, продолжая её толкать. Но тянуть на себя точно бы не стал.

Покрутившись минут пять на жёстком табурете, я смог подогнать визуальный ряд под предполагаемые магические действия. Толкаю вагонетку в борт плечом и упираюсь руками… Главное её с места стронуть, потом знаю, легче пойдёт.

– Оо-у… Вот же… Ух-х, – в голос простонал я, после того, как сорвал с места второй «вагончик».

Слова на язык просились сплошь не печатные, но неожиданно для себя я обнаружил, что оставаясь наедине с самим собой материться совсем не интересно. Откровенной шизофренией попахивает.

Если коротко, то моя вторая попытка больше всего напоминала удар лбом об стену. Причём удар такой силы, что в глазах искры засверкали, и из глаз слёзы брызнули.

Ага, скупые такие мужские слёзы, млин, из глаз ручьём потекли…

Не-е… Такая магия нам не нужна.

Я ожесточённо помотал головой, приходя в себя.

Хорошо, что я сижу и у меня хватило концентрации удержаться в этом положении. Если бы стоял, точно бы задницей к полу приложился.

Разогнав второй «вагончик», и убедившись, что он меня не напрягает, я попытался взять себя в руки, хотя внутри всё клокотало.

Нарвался я в первую очередь из-за собственной тупости. С чего-то вдруг решил, что магия начнёт разбираться, чем я собираюсь толкнуть представленную в своём воображении «вагонетку». Зато дальше, с «руками», вышло неплохо. Разгонял я её точно не упираясь в борт лбом. «Руками» толкал.

Что из этого следует?

По мне, так ещё одна смена магического алгоритма. Магия не заметила разницы между «плечом» и «лбом», зато «руки» определила уверенно. Или, хотя про это мне не совсем приятно думать, я оказался не такой умелый, чтобы в своих манипуляциях смог отделить одно от другого. Как вариант – плечо и лоб могли оказаться на одной линии. Ну, это моя отмазка, которую может когда-нибудь напишу в отчётах.

Ладно. Гадать не время, и злость не лучший советчик. Попробую себе представить толчок вагонетки руками.

Минуты три я сидел на табурете, кривляясь, словно мим, и

воображая, как я мог бы толкнуть руками уже изрядно опостылевшую вагонетку.

Не, ну надо же быть таким дурнем… Зачем мне вагонетки с углём? Мог бы представить себе ту же Дарью на коньках. Насколько бы легче и многообразнее дело пошло… Вот я с разгону упираюсь в неё и… Бр-р-р…

Впрочем, нет. Вернёмся к вагонетке, а то, как бы сдуру чего-нибудь не сломать… И что характерно, не в ускоряемом предмете.

Итак, я – силовой гимнаст. Пружинящим шагом подхожу к э-э… вагонетке, и чуть разогнавшись, в спортивном стиле изгибаюсь, как лук, подключая к рукам разгон, толчок ног и нарастающее напряжение рук, мягко, но уверенно срывая с места вагонетку.

Пара-тройка репетиций, и я готов пробовать.

– «Давай-давай», – подбадривает меня котофейка-Источник, катаясь от восторга на спине.

– Ум-м… Ха… НА!!! Пошла!!! – я в восторге. «Вагончик» с места сорвался легко, и скорость неплохую быстро набрал.

Расплата наступила через пару минут. В мою виртуальную спину воткнули две стальные спицы.

Я вроде уже говорил, что мат вслух, когда ты один – это плохой признак? Забудьте.

Был неправ. Неплохо помогает, как психологический заменитель анестетика.

Эхо в зале минут десять разносило самые выдающиеся и громкие моменты моих рулад. На особую виртуозность я не претендовал, заменяя её глубиной чувств и громкостью, используемой на пределе срыва моих голосовых связок.

– Вот значит как! – со злостью произнёс я вслух, выдав перед этим пару крайних матерных предложений уже вполне осознанно, хотя и не так громко.

Я встал и несколько раз встряхнул опущенные вниз руки, словно сбрасывая с них капли воды.

Последняя, четвёртая Чаша, в силу своей тупой железякости, мой вызов приняла молча, за что и была наказана.

Я максимально сгустил за ней Силу, а потом одним пинком ноги отправил её в путь. Без всяких изгибонов. Сгустить, чтобы создалось приличное давление, а потом дать толчок.

И ВСЁ!

И она пошла!

Восторг у меня быстро сменился разочарованием.

Я жаждал боя, подвига, и такой исход меня никак не устраивал. Мои предыдущие героические попытки оказались

словно стёрты бытовой обыденностью этого старта.

– Раз ты у меня «вагонетка», то получай! – мстительно озвучил я хриплым голосом свою попытку вернуть себе эпическую победу, и начал грузить «вагонетку» тем, чем мог.

Для начала – Малыми Чашами. Больше ничего подходящего в этом зале не было.

Я их закидывал, словно велосипеды в вагон. Четвёртая Чаша просела, но выдержала, и больше трёх Малых Чаш принимать в себя отказалась. Остальные я докидал её коллегам и не обнаружив больше ничего подходящего, уселся передохнуть.

Злость понемногу начала выветриваться.

Злость ли? Похоже, я с серьёзной магией перебрал. С забористой такой, не хуже иных крепких напитков, а то и наркотиков. То-то меня так на агрессию растаращило.

Остаток времени я просидел, благостно ухмыляясь, и поглаживая время от времени Источник-котейку, который наводил порядок у меня в хозяйстве, прислушиваясь к моему шёпоту. Громко говорить я не мог. Голос сорвал.

Глава 23

Про учёных написано много легенд. Тут и яблоко, неожиданно упавшее на голову, и приснившаяся таблица химических элементов, и принятие водных процедур, закончившееся криком – «Эврика!».

Стоит заметить, что озарения никогда не приходили в голову всем подряд. Как правило, «неожиданные» открытия делали профессионалы высочайшего класса, ломающие голову как раз над объяснениями и закономерностями того или иного явления.

Похоже, что и я могу попасть в такой список, если смогу понять, что же со мной происходит во время работы на Источнике. Хотя тут палка о двух концах. Не всех учёных за их открытия вписали с Историю золотыми буквами. Некоторых и на костёр отправили.

Интуиция мне подсказывает, что в моём случае торопиться не стоит. Я даже на словах не смогу объяснить, каким образом у меня возникает ощущение, что при работе с Источником я общаюсь с разумным существом, которое представляю себе в виде котёнка. С такими фантазиями я могу всерьёз заинтересовать суровых психиатров и в ближайшем будущем стать их любимым пациентом. Нет уж… Пока у меня не будет внятной возможности доказать разумность Источника, я даже думать не буду о том, чтобы с кем-то поделиться своими ощущениями. Совсем не хочется, чтобы окружающие меня люди начали за мной приглядывать, время от времени бросая исподтишка подозрительные взгляды или каким-либо другим способом пытались тестировать меня на адекватность.

Я просидел ещё часа полтора, размышляя о своих проблемах и автоматически поправляя текущие в Чашах процессы. Наверное так же ведёт себя водитель грузовика в дальней дороге. Едет, о чём-то своём думает, но руль крутить не забывает.

Чувство эйфории и опьянения понемногу выветрилось и я прогулялся по залу, разминая затёкшие ноги. Нормально себя чувствую. Как после хорошей бани. Лёгкая слабость и истома по всему телу. Голова чуть кружится и ещё мне хочется спать.

Проверив напоследок Чаши, я не спеша пошёл к жилому ярусу. В общем зале никого не было и я уселся за стол. Первым меня увидел Ираклий. Быстро сварганив чашку приторно-сладкого чая с мёдом, он сунул её мне в руки и убежал.

Спустя пару минут начали подходить мастера. Они молча рассаживались за столом, дожидаясь отстающих.

– Хороша ли новая Чаша? – поинтересовался Анвар,

дождавшись, когда последний из сыновей занял своё место.

– Привыкать нужно. Сначала тяжело идёт, зато потом, как по маслу катится. Только под конец нормально их запускать приспособился, – поделился я впечатлениями о прошедшем дне.

– Неужели сразу четыре Больших в работе? – прищурился старый мастер, сообразив, что речь идёт не об одном агрегате.

– Все, – коротко ответил я, и предвосхищая следующий вопрос, добавил, – И Малые Чаши тоже.

Мегрел пару секунд пристально меня разглядывал, а потом что-то быстро гыркнул по-своему.

Мастера встали, и поклонились мне в пояс!

Честно говоря, я растерялся… Гордые мегрелы даже перед Дедом не шибко шапки-то ломали, и уж тем более никогда я не видел их кланяющимися. Голову склонить могут, а вот чтобы в пояс…

Поднявшись из-за стола, я ответил таким же поклоном. Сейчас мы с ними не сословиями меряемся, а как Мастера показываем друг другу признание мастерства.

Дорогого стоит такой знак внимания. На одной знатности тут не выедешь. Будь ты хоть какой граф, мегрелам это без разницы. Отметятся официальным приветствием, да и всё пожалуй.

– Спать я пойду. Устал. Разбудите, как Чаши заново снарядите, – прервал я неловкое молчание, и побрёл в бывшую дедовскую келью, которую уже привык считать своей.

Под тёплым пледом я немного повозился, устраиваясь поудобнее, и уже проваливаясь в темноту успел почувствовать, как около меня пристроился знакомый тёплый клубок, а перед глазами мелькнула коротким видением улыбка, словно нарисованная двумя росчерками пера. Сущность радуется…

* * *

В посёлок при верфях я вернулся на четвёртый день. И уже к вечеру попал на стихийно образовавшееся собрание.

Позади остались суровые трудовые будни интромага, закончившиеся запасы сырья, красные глаза Анвара, проверяющего качество кристаллов и в очередной раз недоверчиво пересчитывающего горы готовых рассортированных алмазов. Что и говорить, на славу я поработал. Самое интересное, что совсем не выдохся. Не кончилось бы сырьё, так я бы ещё на денёк-другой задержался. Самому жутко интересно было. Каждую следующую партию я делал чуть быстрее, чем предыдущую. Пусть всего на пару-тройку минут, но всё-таки быстрее. Секрет

заключался в пролонгированном старте. Несколько дополнительных секунд форсированного разгона давали на выходе выигрыш в минуты. Я старался напрасно не рисковать и по секундомеру при каждом новом старте чётко добавлял по четыре секунды стартового режима. Интрига ускоряемого процесса заключалась в изучении возможностей. Сходу я не готов ответить, что закончится раньше – технический потенциал Чаш или мои магические таланты. К окончанию экспериментов я вроде бы нащупал для Малых Чаш ту грань, за которую переходить не стоит. Расход Силы на щиты разом подскочил чуть ли не вдвое. Потенциал Больших Чаш пока так и не выяснил.

Все результаты зафиксировал в журнале, который у меня не так давно появился. Мой Дед без всяких журналов работал и режим Чаш, пусть и более щадящий, чем у меня сейчас, поддерживал «на глазок».

Меня от такой практики отучила работа с Густавсоном и Усольцевым. Как бы я порой не сердился на своих партнёров, но основы научного подхода к различным опытам и исследованиям они до меня смогли донести.

– У нас растёт производительность труда и мы научились рационально организовывать смены, но этот ресурс не бесконечен, – начал просвещать меня Усольцев, стоило только мне поднять вопрос об увеличении выпуска дирижаблей, – Теоретически мы ещё можем добрать людей на третью смену, которая пока работает в половинном составе. Было бы откуда их взять. И уж тем более непонятно, кто будет работать в тех цехах, которые мы начали строить.

– Юрий Иванович, а ты что скажешь? – обратился я к кряжистому мужику, который с недавних пор у меня в строителях числится, – Как быстро мы жильё сможем построить?

– Всё от времени и денег зависит. Я так понимаю, что вам до снега что-то увидеть хочется? Если так, то только сборные конструкции. Вроде тех же временных военных городков. Их мы в своё время за месяц-полтора ставили, – напомнил о своём армейском прошлом медведеподобный Абрамов, доставшийся мне по наследству вместе с бывшими землями Федорищевых, – Есть у меня такие проекты и чертежи. Могу завтра привезти, посмотрите. Глядишь, что и подойдёт.

– Цену вопроса навскидку не назовёшь? Посёлок нам нужен человек на четыреста, желательно сразу с запланированной инфраструктурой, – поинтересовался я, с тоской глядя на свой мотоцикл, который неосмотрительно оставил у крыльца. Внезапно набежавший дождик уже щедро оросил сиденье, которое почему-то умело быстро намокать. Думаю, виновата

натуральная кожа с модными строчками.

– Миллион-миллион двести на здания, включая монтаж, и тысяч триста на дороги и коммуникации, – бодро откликнулся Абрамов, – Самим лучше не монтировать. Времени в разы больше убьём и качество не вытянем. Пусть поставщики свои бригады присылают.

– Полторы тысячи мотоциклов, – машинально перевёл я цену из рублей в мотоциклы, глядя на своего мокнувшего под дождём железного друга, – А мне ещё утром казалось, что я богат. Теперь понимаю, что у меня пока просто деньги, но никак не капитал.

– Если рабочие нужны, то ждите конца октября. Люди урожай снимут, свадьбы отгуляют и потянутся работу искать. На хорошие заработки многие придут. Ну, а если захотите и с наступлением весны их удержать, то трактора нужно покупать, – не обращая внимания на мои стоны и страдания, оптимистично изложил строитель своё видение кадровой политики.

– Ещё и трактора… Их-то зачем? – только и смог я выдохнуть, лихорадочно соображая, а не стоит ли мне прямо сейчас всё остановить и рассмотреть покупку участка вблизи крупного города. Разорят меня посёлки и «тракторизация» земель. Как пить дать по миру пустят.

– Так трактор за день тонн тридцать сена накосит. Столько же и десять мужиков косят за десяток дней, если с погодой не совсем угадают. Я тут давеча мимо соседей проезжал, – ткнул строитель пальцем в сторону соседнего села, где не так давно отстроился Анвар с сыновьями, – Стадо у них больше сотни голов. Триста тонн им сена на зиму надо. Не меньше. Вот и посчитай, сколько мужиков там с косами по лету колготятся. И ведь ни одного из них баба на заработки не отпустит, если у неё коровка-кормилица на зиму без сена останется. Трупом поперёк дверей ляжет, а коровку-то спасёт.

– Судя по твоим словам, без тракторов мужиков от земли оторвать не получится? – повернулся я к Абрамову, достаточно живо представив себе нарисованную им картину. Я и сам не совсем городской житель. Мне не надо объяснять, как хозяйки в деревнях холят и лелеют своих коровушек и какие прозвища им дают. Да любая баба не то, что трупом на пороге ляжет, а с вилами наперевес встанет, но животинку любимую погубить не даст, – И сколько же их надо?

– Я лучше Игната завтра прихвачу, когда документы сюда повезу. По земле и тракторам он дока. Всё в лучшем виде разъяснит. Там и прикинете, сколько народа с земли сорвать можно будет, – напомнил мне Юрий Иванович про холостяка, с которым он ко мне как-то на переговоры приезжал.

Вовремя он вспомнил. Послушаем, что нам продвинутый аграрий предложит. Давно пора мне крестьянским вопросом заняться. Не меньше восьмидесяти процентов людей на моих территориях с земли живёт, а я ни ухом ни рылом в эту тематику ещё не погружался. Пустил всё на самотёк, и радуюсь, что хоть какие-то деньги мне с земель идут. Так себе из меня руководитель, оказывается. Наметил себе в планах основные вехи для развития, и отсеял крестьян, как класс. Забыл, что они люди. Не подумал о том, что случится, если они разбегаться начнут. Останусь я на своих безлюдных землях куковать, любуясь опустевшим речным портом и затухающей жизнью в посёлке при верфях.

К графской жизни я пока не привык, да и нескладная она у меня получается. Вместо того, чтобы в обществе блистать и заниматься благостным ничегонеделанием, я всё больше и больше проваливаюсь в рутину дел. Сижу, планы вычерчиваю, будущие стройки к Источникам привязываю. К счастью, привязки делать не сложно. Люди, когда учились выживать с помощью магии, сами селения у Источников строили. Пусть они разные по силе, но зато по всем землям, словно родники разбросаны. На карте у меня, оказывается, не все Источники помечены. Когда я это понял, то несколько рейдов организовал по нежилым местам. Куда егерей послал, среди которых у меня парочка слабеньких Одарённых имеется, а в самые гиблые места пилоты в МБК слетали. Сильных Источников не нашли, что меня не удивило в силу их очевидной заметности, но вполне приличных десятка полтора на карте добавилось.

– А это, как наш граф решит, – услышал я краем уха фразу, на которую среагировал из-за повернувшегося ко мне Усольцева. Отвлёкся я, когда они про грузовики спорить затеяли.

С умным видом выслушал повторные объяснения. Оказывается Абрамов, под свои строительные дела чуть ли не полностью узурпировал весь наш автопарк, состоящий уже из полутора десятков грузовиков. Надо же, а я и не знал, что у нас такое количество техники в хозяйстве имеется.

Спорщики не сошлись в количестве и типах требуемой техники. Выбор грузовиков в Империи не слишком велик. Ковровские полуторки, новгородские «газоны» двух моделей, да миасские «зилы». Названия грузовики получили от своих довоенных предков, по чертежам которых они созданы. И опять всё упёрлось в двигатели. Те же «газоны» бегают на восьмидесятисильных бензиновых движках, которые до сих пор надёжностью не блещут.

– До завтра вопрос отложим. Думаю, тот же Игнат не про

одни трактора говорить будет. Грузовики тоже вниманием не обойдёт. И вы забыли один важный момент. Охранников на выгрузку бочек с бензином я вам больше не дам. Раз не хотите думать о том, чем вы всю вашу автокодлу заправлять собираетесь и в чём бензин возить, то сами учитесь бочки выгружать. Испорченную форму для такого дела у охраны позаимствуете, – мстительно добавил я под конец, вспомнив, во что мне моё же распоряжение встало. Двенадцать комплектов формы у охраны за месяц списано.

Так-то мелочно я их укусил. Стоимость формы никак с ценой их спора не сравнить. Каждый грузовик тысяч тридцать стоит, если не больше, а им чуть ли не десяток сразу потребовался. Ох уж, эти деньги…

Мда-а, вот так и идёт железный конь на смену деревенской лошадке. Больших вложений требует. Те же дороги придётся всерьёз улучшать. Это телега пройдёт почти везде, а для машины хотя бы гравийная отсыпка нужна. Иначе все автомобильные преимущества в сплошные недостатки превращаются. Убить машину на нынешнем бездорожье – плёвое дело, а вот её ремонт, по сравнению с той же телегой, мало того, что в серьёзные деньги встанет, так ещё и времени в разы больше займёт. Да и не пройдёт обычный грузовик по тележным колеям, которые у крестьян дорогами называются. С грузом он в первой же приличной луже застрянет, а таких луж и колдобин с водой на «тележных трассах» не по одному десятку на километр иногда можно встретить.

Заметив, что я сегодня явно не в настроении, спорщики быстренько разговор свернули, а потом и разбежались, сославшись на неотложные дела.

Не повезло одному Усольцеву. Притормозил я техномага у самого выхода и начал грузить его проблемой перевода тепла в магию.

Ха, ничто не ново под Луной, и я далеко не первый (и совсем не самый мудрый), кто решил изобрести термомагический генератор. Оказывается, именно так называется то устройство, которое на разнице температур позволяет получать на выходе магические флуктуации. Свой рассказ Усольцев сопроводил рисунком и заметной долей ехидства. Правда, не забыл уточнить, что одна из теорий о возникновении магии на Земле, как раз связана с эффектом Мейбека. Якобы, тысячи атомных взрывов, то ли спрессовали, то ли расплавили что-то в земной коре, попутно распылив по её поверхности металл, и из-за разницы температур внутри земной коры и снаружи её мы и получили те самые Источники, постепенно насытившие магией весь мир.

Очередная красивая теория, из десятков других. Всё как обычно построено на допущениях и подобиях. Теория возникновения магии меня не увлекла, и я потребовал от техномага чего-то более практического.

Увы, всё оказалось грустно. Мне проще электрическую лампочку зажечь, расчёсывая кота пластмассовой расчёской и как-то собирая статистическое электричество, чем получить от магопар (магопара – пара пластин с напылением разных металлов, вырабатывающая поляризацию и образование в замкнутой цепи магической Силы) сколь либо вменяемый ручеёк Силы. Скажем так, чтобы хоть чуть-чуть зажечь простейший магический фонарик, нужно два ведра и лучший из образцов существующих магопар. В одном ведре должен быть кипяток, а во втором родниковая вода со льдом. На такой разнице температур магопара уже способна себя хоть как-то обозначить, вырабатывая крохи Силы, достаточные, чтобы фонарик дал тусклый свет. Если учесть, что я, далеко не самый сильный маг, только со своего Резерва легко могу зарядить «батарейки» для сотни таких фонариков, рассчитанные на двое суток, то результат работы магопары довольно жалкий. Особенно, если учесть её цену почти под тысячу рублей. Такое впечатление, что там не никель с нихромом используются, а платина с золотом, и вместо кварцевых пластин алмазы вставлены.

Оп-па… Алмазы…

Я жестом остановил рассказ Усольцева, и заложив за спину руки (надеюсь, не с тюрьмы привычка осталась) энергично забегал взад-вперёд. Благо, у нас в конструкторском бюро есть где разгуляться, особенно если тропу между кульманами проложить.

Меня не просто «терзают смутные сомнения», меня на части разрывает от нетерпения и даже кончики пальцев покалывает от предчувствия.

Пусть я в магопарах профан и даже больше. Да, я сегодня только про них первый раз услышал. НО, а у меня есть жирное НО, я крайне неплох, как специалист по накопителям. По крайней мере, если не брать в расчёт Анвара с его сыновьями, то не так много людей на планете смогут похвастаться, что видели больше, чем я, кристаллов для сколь либо приличных изделий высшего класса. И вспоминая накопитель из горного хрусталя, увиденный мной когда-то на дирижабле Киякина, да и его армейские кварцевые аналоги, с которыми я так или иначе сталкивался в Академии, хочу скромно заметить: – По сравнению с моими алмазными, все хрустально-кварцевые накопители – полная ерунда.

Мои гарантированно лучше на порядок. И это не просто

слова. Они лучше во всём. В объёме сберегаемой энергии, в отдаче и зарядке, в минимизации потерь, в количестве циклов зарядки-разрядки, но это уже при равных условиях. Ага, реклама… Зато реальная. Без вранья.

Теперь понятно, с чего я так возбудился, в хорошем смысле этого слова?

Меня, словно молнией с небес, пробило на аналогии. Минералы и магия, магия и минералы… Кварцевая магопара.

А почему не алмазная?!

С накопителями сработало, и я не вижу никаких причин, по которым такое же положение дел должно быть нарушено. Никто не попробовал? Фантастически дорого? Так это же здорово! С накопителями на алмазах тоже мало кто из обывателей сталкивался. Они – вещь специфическая и крайне не дешёвая.

Где они, эти сумасшедшие учёные, ещё не ведающие своего счастья? Почему до сих пор ещё не собраны в горячо спорящий кружок? Нужно срочно организовать сообщество маготехников-революционеров.

И всех их сюда. Тут как раз образовался один граф-перфекционист, а до кучи спонсор, филантроп и меценат для самых дикошарых и отмороженных деятелей магонауки. Таких, что берегов не видят и авторитеты напрочь не признают.

Очень хочется посмотреть, что выйдет, если бунтарям от маготехники выдать всё необходимое, и собрать их в кучу, чтобы они идеи генерировали и устраивали драки, отстаивая свои идеи.

Насколько смог связно, вывалил свои мысли Усольцеву на голову. Краем глаза отметил Густавсона, не совсем вовремя появившегося в дверях, но останавливаться уже не стал. Может я и гениален в своих пророчествах, а может и чушь несу. Пойди-ка, узнай сходу. Я сам ни разу ни в чём не уверен. Одни догадки и озарения, которые сам проверить вряд ли смогу. Во-первых, в одно лицо мне не хватит знаний и времени на все опыты, и во-вторых, не хватит опять же времени вообще, чтобы всё успеть провернуть. Через полмесяца мне нужно прибыть в Академию и приступить к дальнейшей учёбе.

Максимум, что я успеваю, так это создать условия для образования техномагической «шарашки».

Читал я в лицее перепечатанную довоенную литературу. Вроде неплохо там отзывались про потенциал групп, мотивированных и нацеленных на конкретную задачу.

С задачей у меня всё просто и ясно: – Мне нужна реальная магическая Сила, получаемая от избыточного тепла, к примеру, от тех же бензиновых двигателей, составляющая хотя бы десять процентов от их мощности.

Такое вот простенькое техзадание.

Выслушав мои грандиозные замыслы, Усольцев под одобрительное хмыканье Густавсона, спустил меня с небес на землю и рассказал про более лёгкий путь. Надо просто оплатить нужной лаборатории изыскания и дать им необходимые материалы.

Для решения задачи я готов выделить алмазы, золото, платину, серебро и прочие дорогие ингредиенты, недоступные нетитулованным исследователям в обычной науке. Причём, готов выделить их много. Это важно.

Помню по лекциям, которые нам читают по военной истории, что фашистам не раз при испытаниях тупо не хватало массы лабораторных образцов обогащённого урана и запасов тяжёлой воды, а иначе они бы получили ядерные бомбы раньше всех в мире, и даже смогли бы использовать их в войне против СССР.

В отличии от немцев, в СССР не мелочились. На том же «Маяке» критическую массу урана сумели собрать даже в отстойнике сточных вод, и она полновесно «хлопнула».

Другими словами – немцы хотели, но не смогли, а наши не хотели, но получилось. И что характерно, всё дело оказалось в масштабе.

Иногда самые светлые научные умы ничего не могут противопоставить массе произведённой продукции. Если кто не понял, так это я про свои массивные алмазы.

Степан минут десять назад позвонил. Не всё в Новом Новосибирске благостно. Хотя, по излишней накрученности названия научного городка я словно заранее это чувствовал. Новоновые сибирские учёные с гордостью продемонстрировали ему своего рекордсмена – искусственный алмаз, величиной с ноготь мизинца.

В ответ Степаша выложил на стол мой кристалл, после обозрения которого те учёные, что постарше, тоскливо глянули под стол, в район своих ширинок.

Ну вот как бы да. Зачем долго спорить о чём-то и что-то доказывать, если можно просто положить на стол и померить.

– А сколько же ОН в каратах? – с придыхом спросил у него самый старший из учёной братии, к слову сказать, опомнившийся одним из первых, указывая на идеальный необработанный кристалл.

– Да кто его знает, – легкомысленно отмахнулся Степан, крутанув кристалл по столу, – У нас вес заготовок никто не замеряет. Если мы с вами договоримся, то считайте, что этот алмаз я вам в подарок привёз. Пусть как образец останется. Глядишь, и вас научим такие же делать.

Со слов Степана, дальнейший разговор сложности не составил. В паре моментов, почувствовав сопротивление новосибирцев, он просто крутил алмаз, и они, словно загипнотизированные, принимали наши формулировки Договора, кстати, ничем особо их не напрягающие. Ну, может кроме того, что откровенных лентяев мы имеем право выгнать с нашей территории в течении двух часов и закладки на секретность для всех, переехавшим к нам, сделает мастер-менталист.

Угум-с… Где бы его ещё взять, этого мастера.

Образец Договора я как-то раз случайно получил от старосты своей группы. Клан Шуваловых к договорной практике относился серьёзно и их юристы прописали все пункты дотошно и однозначно. Понятно, что я у себя мудрствовать не стал, и попросту воспользовался готовой «рыбой», позабыв вычеркнуть пункт про менталиста.

Хотя, может я и не совсем прав. Надо будет мне до отъезда в столицу наведаться ещё раз на место бывшей мансуровской усадьбы. Той, что у симпатичного озера была.

Там у меня новая Семья отпочковалась и сейчас строится. Акакий и Джуна.

Не, ну надо же быть настолько мерзким, чтобы собственного сына назвать Акакием? Это я про дедуську скандального вспомнил, что мне запомнился по переговорам с Семьями, оставшимися на бывших землях Федорищевых.

Месяца с той поры не прошло, как оторвали мы от старого клеща его сынка, вместе с женой-Целительницей. Даже уговаривать их особо не пришлось. Думаю, не успели бы мы вовремя, так они бы сами от вредного старика сбежали. Джуна, этакая восточная красавица, ничуть себя не потерявшая после рождения двух детей, была Целительницей. По имперским меркам, Целительницей восьмого разряда. И это круто.

У Целителей с рангами всё не так радостно, как у остальных магов. На всю Империю Целителей – «десяток» хорошо, если штук пять наберётся. «Девяток» уже под двадцать будет, а «восьмёрок», пожалуй и под сотню можно насчитать.

Ага, и одна из этой сотни сейчас на моих землях себе дом достраивает. Причём прямо таки на одном из лучших Источников, который на бывших мансуровских землях был найден. Кого-то удивит, если я скажу, что когда-то там стояла усадьба Мансуровых? Ну да, та самая, которую я же и разбомбил… И что? Зато теперь я её в санаторий перестроил. Счастливые покупатели «протезов» имеют право достойно овладевать своими новыми способностями под присмотром высокоуровневой Целительницы.

Да, с моей стороны это перестраховка, но и деньги на кону не шуточные. А ну, как надумает кто из «осчастливленных» копыта отбросить? Да после такого события весь мой «суперэлитный» бизнес разом рухнет. Как я тем же дочкам Липатова в глаза смотреть буду? Они у меня сейчас за пресс-центр работают. Общаются со страждущими, желающими вернуть себе Дар, и проводят «мягкие тендеры». Другими словами, они то ли покупателей мягко уговаривают, то ли иначе на них воздействуют, но после получения трёх миллионов за «протез» все вопросы решаются за день. Под словом «все» я имею в виду и распределение доходов. Липатовки потом скачут и визжат, а Джуна загадочно улыбается, открыто смотрит, и томно шевелит плечами… ну как бы плечами… Она и на обоих своих детей, которые точно родились с шилом не скажу где, так же смотрит. И под её взглядом они, эти чертенята, иногда превращаются в чистых ангелочков.

– Дядя Олег, а когда я вырасту, ты тоже будешь меня защищать? – высокооборотистая юла с вечным двигателем в приводе, умудрилась поймать миг моего расслабления и телепортировалась мне на колено. Не, про телепорт я загнул скорее всего, но как она тут оказалась, опять же…

Так то я в очередной раз нарисовался, чтобы посмотреть, как Акакий и Джуна на месте устраиваются. Как-никак, а они первая Семья, что у меня самостоятельно возникла.

Ясен перец, что отрывая к себе новую Семью от их скандального деда, мы в обещаниях со Степаном не скупились, и я никак не хотел, чтобы первый блин вышел комом.

– Кто же откажется защитить такую красоту? – почти искренне изумился я, в основном от того, что секунду назад этой мелкой в пределах видимости не было.

– А я красивая? – недоверчиво глянула на меня пигалица, успев при этом состроить мне пару рожиц, и слазить в мой нагрудный карман в поисках конфеты. Нашла.

– Обалденная, – выразил я одним словом все свои впечатления.

– Я тебе нравлюсь и ты возьмёшь меня замуж? – заёрзало восьмилетнее дитятко у меня на колене.

Надо отметить, что нацеленность на конкретику у современной молодёжи более, чем удовлетворительная. Не каждая торпеда с акустическим наведением, так чётко берёт цель.

– О-о, у меня будет много условий… – прорычал я голосом злодея из недавно просмотренного в киносинеме фильма, – Но самым сложным из них будет то, что ты должна будешь стать Целителем не хуже, чем твоя мама.

– Пф-ф, тоже мне, условие. Да запросто, – фыркнула девчонка и умчалась в дом, размахивая над головой вытащенной конфетой.

– Джуна, а вы случайно Даром менталиста не наделены? – спросил я у смеющейся мамы, проводив взглядом сбежавшую егозу.

– В какой-то мере. Могу правду от лжи отличить. К примеру, вы с дочерью сейчас друг другу не врали, – загадочно улыбаясь, ответила Целительница.

– Чего только в жизни не бывает, – пробормотал я, чтобы скрыть смущение. Вряд ли мне это удалось, поскольку я почувствовал, что начинаю краснеть, – То есть с ментальной закладкой на секретность вы мне не поможете?

– С ментальной нет, а вот внушение под гипнозом могу провести. Его правда снять можно, но с моим внушением далеко не всякий специалист справится, – Джуна ответила настолько уверенно, что мне не захотелось даже уточнять детали. Я как-то сразу поверил, что Целительница скорее всего поскромничала в оценке своих способностей и со снятием её установки трудностей будет гораздо больше.

Домой я возвращался в благодушном настроении. Часть дороги мы проскочили по недавно положенному асфальту, специально сделав для этого крюк километров в десять. Испытал законную гордость, слушая восторженные возгласы водителя, и добавил себе в поминальник памятку о премировании асфальтеров. От пяти тысяч рублей я не обеднею, а у людей старательности добавится.

После осмотра дороги мысли у меня вполне логично перескочили на возможные пути развития родовых земель. Сама собой промышленность не разовьётся. Нужно создать условия для перетекания людей из сельского хозяйства в рабочие посёлки, и обеспечить там условия жизни не хуже, чем в городе. И, как всегда, нужны средства на развитие промышленности.

Да уж, до богатой праздности мне ещё далеко, что может быть и к лучшему. Насмотрелся я в Академии на начинающую вырождаться аристократию. Им кажется, что весь мир уже поделен, и они не понимают, почему целые династии всё чаше оказываются выброшенными на обочину. Непоколебимая вера в то, что жизнь им обязана предоставить всё готовенькое, у них заменила жизнелюбие и напористость предков. И эта всепоглощающая тяга часами говорить о коварстве и подлости окружающих, вместо того, чтобы самим попытаться сделать что-нибудь для собственного же процветания.

Можно сказать, что я благодарен судьбе за то, что мне не на кого рассчитывать, кроме самого себя, и мне самому придётся

заработать своё будущее. И я говорю не только про деньги. Деньги для меня не более, чем рычаги и инструменты для достижения цели.

С таким боевым настроем я вышел из машины перед своим домом. Вечерело, и в моих окнах горел свет. Удивлённо хмыкнув, я открыл калитку и увидел под навесом знакомый красненький автомобиль. Дашка приехала…

– Княжна, вы как всегда великолепны, – искренне восхитился я, застав у себя дома необыкновенную картину.

Дарья видимо недавно сбегала в душ, и теперь сушила свои роскошные волосы. Естественно, с помощью магии. Я всегда предполагал, что обычные способы ухода за волосами, когда коса до пояса и в руку толщиной, должны отнимать много времени и доставлять массу хлопот. Поэтому ничуть не удивился, увидев, как воздушница использует свой Дар. Больше всего она походила на одуванчик, с которым играет ветерок.

Дарья щелкнула пальцами, прерывая заклинание, и с визгом повисла у меня на шее. От слёз она удержалась, но носом какое-то время подозрительно хлюпала, уткнувшись лицом мне в грудь.

– Я соскучилась, – наконец-то оторвавшись от меня, пролепетала Дарья чуть слышно, когда мы переместились за стол. Точнее перемещался я, а кто-то сопел мне в куртку, устроившись на руках.

– А я тебе подарок приготовил, – отозвался я, торопясь её порадовать. Судя по слегка скривившейся мордашке княжны, ляпнул я что-то не совсем то, или не к месту. Похоже она от меня ждала какой-то благоглупости из романтических книг. Честно скажу, было время, когда я их пробовал эти книги читать, чтобы соответствовать возвышенным чаяниям юных дев и дам, но не судьба. На проявление высоких чувств у меня открылась стойкая аллергия. Ну вот никак я не готов проливать скупые слёзы на окровавленный клеймор, окроплённый кровью собственного брата во имя любви. Даже сознание и дар речи не способен терять от несравненной красоты, мелькнувшей в декольте. Говоря попросту, романтИк – это откровенно не моё. Не способный я к изображению благородного принца на белом коне, готового осчастливить речами о возвышенной любви первую же попавшуюся пастушку. У меня на землях к стаду даже страшненьких девок не приставят. Ибо чревато. В самом прямом смысле этого слова. А если уж пастушка… Ну, тогда у девки совсем всё плохо, раз другого способа не нашлось.

Скорее всего образ романтического рыцаря я окончательно завалил, когда принёс Дарье давно оформленный чек, с её долей призовых денег. К моему удивлению она вполне профессионально

его изучила с обеих сторон, и даже с пониманием выслушала объяснения по распределению призовой суммы, согласно кивнув головой.

Потом мы в четыре руки кинулись организовывать романтический ужин. У Дарьи было итальянское вино, в плетёных бутылях, оливки, орехи, три сорта сыра, среди которых на двух я заметил плесень, и несколько гроздей винограда. Я, со своей стороны, поставил бутылку коньяка «Двин» (одну из выигранных по пари с пилотами), упаковку бабаевского шоколада (вчера княжич из Камышина целую коробку прислал, опять же как проигрыш в споре), и неплохой набор из икры и копчёностей (Липатов всё же засунул мне две корзины с наборами деликатесов в дирижабль. Хорошо, что я от всех остальных подарков отбрыкался, а то бы мы не взлетели).

В итоге получился неплохой стол, которому мы плотненько уделили минут пятнадцать внимания.

– А ты не подскажешь, чего это все твои служаки передо мной тянутся? – задала княжна вопрос, так и не осилив даже наполовину пласт балыка белорыбицы, который она под конец терзала совсем уж неохотно.

– Так все тебя в лицо знают, – ответил я, сыто откидываясь на спинку стула, и машинально сканируя стол в поисках очередной вкусняшки, хотя есть уже почти не мог, – Не удивлюсь, если по посёлку твоих фоток из журналов наберётся больше, чем портретов Императора. По крайней мере в казармах и караулках они точно висят, сам видел. Да и в цехах твоих фоток полно, особенно тех, на которых ты в красном берете щеголяешь.

– Ой, подумаешь… А сам-то свои фотографии видел? Или ты думаешь Феликс Юсупов тебя просто так к цесаревне приревновал? Это же он у нас в записных красавчиках значится и на глянцевых обложках сияет, а тут на тебе, какой-то курсант его пододвинул, – с изрядным ехидством произнесла княжна, глядя на моё растерянное лицо.

– Ты-то откуда про это знаешь? – поразился я осведомлённости Дарьи, и находясь в полном раздрае чувств, разом осушил остатки коньяка в своём бокале.

– Откуда я знаю одну из самых популярных салонных сплетен недели? Можешь поверить, нашлись соболезнующие дамы. Не один раз мне всё старательно пересказали. А уж как они сочувственно на меня смотрели, когда принимались при мне обсуждать, есть ли у тебя шансы на роман с цесаревной, так и не передать, – с какой-то едкой усмешкой поведала мне Дарья, разглядывая меня сквозь стекло своего бокала с вином.

– Ну да, где я и где цесаревна… – попытался я воззвать к

голосу разума.

– Сдаётся мне, граф, что не так давно я уже слышала от вас что-то похожее. Дайте-ка припомню… Не на вашем ли награждении вы примерно то же самое высказывали одной не в меру доверчивой княжне, бессовестно втираясь к ней в доверие? Напомните мне, чем там у вас с ней всё закончилось? Хотя нет, не вводите меня в краску. Я сама догадаюсь, что похотливые гвардейцы могут сотворить с неопытной девушкой, стоит ей хоть на минуту довериться этим развратникам, – исходила Дарья Сергеевна на яд, с трудом сдерживая себя и якобы в смущении опуская глаза, отчего упавшие волосы почти скрыли её лицо.

– Да ничего у меня с цесаревной не было. Мы и говорили-то всего несколько минут, – в очередной раз попытался я отвергнуть несправедливые обвинения, потянувшись к бутылке.

– А вот этого не надо, – княжна ловким движением перехватила «Двин», до которого я не успел дотянуться и поставила его на другой край стола, а потом одним элегантным пируэтом уселась ко мне на колени, – Не хватало ещё, чтобы вы своим бездействием оскорбили несчастную брошенную девушку, примчавшуюся к вам за тридевять земель. Смелей, мой жеребец. Погрузи несчастную деву в пучину разврата.

Мой обалдевший вид, рука, бесцельно клацнувшая на месте исчезнувшей бутылки, и челюсть, отвисшая по мере осознания предложений княжны настолько развеселили Дарью, что её хихиканье переросло в откровенный хохот.

– Ах ты ж… – чудом проглотил я чуть не вырвавшееся непечатное выражение, поняв, что всё это время княжна изощрённо развлекалась, а не высказывала претензии, – Ну я тебе сейчас устрою…

– Полегче, граф, полегче, – томно проворковала Дарья, когда я понёс её в спальню, пинком открыв туда дверь, – Поверьте, есть игры, которыми приятнее заниматься вдвоём.

Проснулись мы поздно. Высоко поднявшееся солнце уже залило своими лучами спальню, однозначно давая понять, что новый день давно вступил в свои права.

Пока я готовил кофе и лёгкий завтрак, Дарья уселась к зеркалу, приводя себя в порядок перед обратной дорогой.

– Всё таки вчера ты был не прав. Сословные ограничения даже в высшем свете понемногу сходят на нет, – вернулась княжна к вчерашнему разговору, посчитав его незаконченным, – Давно уже не секрет, что на каких-то этапах мы достаточно близко повторяем уже прошедшую историю.

– Не уверен, – отвлёкся я от джезвы, с удовольствием оглядев ладную фигурку Дарьи, которая грациозно изогнулась, заплетая

косу, – Нам ничего такого в Академии не преподают.

– Да какая у вас там История, – отмахнулась княжна, умудрившись голосом выделить название предмета, – Готова поспорить, что про того же князя Мышкина ты ни разу не слышал.

– Нормальная у нас история. Военная. Тактику и стратегию изучаем, – почему-то я не на шутку обиделся, защищая не столько себя, сколько своих друзей-курсантов, – Между прочим, всё сколько-нибудь серьёзные войны и конфликты мы пристально и дотошно разбираем. Но про князя Мышкина я действительно ничего не помню.

Я постарался смягчить своё высказывание, частично признавая правоту княжны. Она лишь досадливо поморщилась, обозначив, что отметила мой манёвр.

– Ещё бы. Это герой из книги Достоевского. В начале книги он приезжает в Петербург, чтобы по протекции родственника устроиться писарем.

– Князь и писарем? – не поверил я и от удивления чуть не упустил кофе, успев ухватить джезву в самый последний момент.

– А что тут странного? У того же Толстого в его книге князь Борис Друбецкой тоже беден, и вынужден рассчитывать только на военную карьеру. Плохо, что с классической довоенной литературой ты не в ладах, а то бы знал, что мать писателя Куприна, из обедневшего рода князей Кулунчаковых, даже приданого приличного не имела, поэтому шестнадцатилетнюю княжну выдали замуж за мелкого чиновника – секретаря мирового судьи в Наровчате. Погоди, и пяти лет не пройдёт, как у нас всё то же самое начнётся, – княжна откинула косу назад и легко переместилась за стол, – М-м, но ты можешь не переживать. Если ты вдруг разоришься, я тебя к себе поваром возьму, – добавила она минуту спустя, прикончив первый блинчик «по-царски», из приготовленных мной по рецепту дочек Липатова.

– Ты тоже на место штурмана на моём дирижабле можешь рассчитывать, если что, – не остался я в долгу.

– Хорошо хоть не на место одной из твоих горничных позвал, – желчно среагировала Дарья, и испортила всё очарование утренней беседы.

Завтрак мы закончили молча, а потом и попрощались достаточно холодно.

Я интуитивно чувствовал неправильность происходящего, но никак не мог сообразить, что мне нужно сделать или что сказать, чтобы вернуть потерянное настроение.

Дарья тоже вела себя неспокойно, и по пути к автомобилю несколько раз оглядывалась, словно собиралась остановиться и чего-то сказать.

Так ни на что и не решившись, мы оба ещё больше нагрели градус напряжения, загнав сложившуюся ситуацию в парадоксально глупую ссору.

Закрыв ворота за уехавшей княжной, я ещё долго сидел за столом, пытаясь сообразить, в чём я виноват.

Хорошо тому же Шувалову. У него есть сестра, кузины, у его отца несколько жён. Наблюдая за ними, можно составить себе представление о женской логике и выяснить особенности их поведения. Мне в общении с женским полом явно не хватает практики. Мои горняшки не в счёт. С ними-то у меня как раз всё замечательно. Однако стоит чуть-чуть изменить ситуацию, и даже восьмилетняя дочь Джуны способна поставить меня в тупик. Идея привлечь свою дальнюю родственницу, в качестве переводчика с женского языка на русский, меня не прельщает. Я категорически не готов с кем-то делиться подробностями о своих отношениях с Дарьей. Скорее, сам себе язык отрежу. И что делать?

Красный кабриолет, выскочив из посёлка, совсем недолго мчался по дороге. В ближайшем же перелеске он свернул, и заехав за густые кусты, остановился на краю полянки.

Спрятавшись от чужих глаз, княжна вдосталь наревелась, отругала себя, как могла, и только потом, нацепив огромные солнечные очки, поехала дальше.

Глава 24

– Олег, тут вчера вечером наш общий знакомый звонил. Франц Иосифович в кои-то веки в отпуск собрался, пока в столице тихо. Интересовался, не сможем ли мы его с тремя гвардейцами-пенсионерами пристроить на неделю, рыбку половить, – спросил меня после утреннего совещания Густавсон, как всегда обратившись ко мне без присутствия посторонних по имени.

– В каком смысле тихо в столице? – машинально задал я вопрос, соображая, как раскрутить старого, но неумелого интригана, на более правдивую информацию.

– Конец лета. Все по имениям разъехались, да и государь в загородной резиденции. Светское общество только ближе к осени возвращаться начнёт, да столичные особняки на зиму обживать. Оттого и гвардейцам полегче службу нести, – на чистом глазу вещал несостоявшийся профессор, упорно делая вид, что не замечает моего изучающего взгляда, и постукивания по столу пальцами.

– И вы решили, что ветераны мне необходимы, – скорее утверждающе, чем вопросительно забросил я пробный шар, для вида открывая одну из папок с бумагами. Надо же мне было сделать вид, что я сейчас уйду в изучение документов не окончив разговор.

– Ещё как понадобятся… Гхм… – сначала было горячо откликнулся Рудольф Генрихович, но осёкся, понимая, что сказал лишнего.

– А теперь подробнее: для чего, почему пенсионеры и каков ваш интерес? – треск захлопнувшейся папки вполне походил на звук сработавшей мышеловки, и Густавсон не стал особо трепыхаться.

– Ты же в скором времени на учёбу улетишь, Степан твой тоже не всё время здесь бывает, на Игната с Юрием Ивановичем ты вчера столько нагрузил, что дай им Бог своё вывезти, люди Липатова всё больше торговыми делами заняты, и кто остаётся? Я да Усольцев. А мы, между прочим, всего лишь твои партнёры по верфям, и не более того. И кто должен за порядком на твоих землях следить? Между прочим, по Закону – это твоя прямая обязанность. Случись воровство, членовредительство, а то, упаси Бог и убийство какое, кто этим на Родовых землях заниматься будет?

– Я?

– О-о, дошло таки. Именно ты, или твои официально оформленные представители.

– Нечто вроде шерифов? – кстати вспомнил я одну из книжек в мягкой обложке, попавшейся мне как-то недавно в руки во время одного из перелётов. Поинтересовался, что у меня пилоты на досуге читают. Полистал немного, а потом незаметно втянулся, да так, что не заметил, как мы долетели.

– Мда, всё плохо. По иностранным меркам можешь считать их скорее алькальдами, – блеснул Густавсон знанием древней истории, – Серьёзные люди, в возрасте, вполне могут обеспечить стабильность и соблюдение законов на твоих землях. Тем более, что нужные сертификаты у них есть. По мелким делам они вполне вытянут полномочия суда, а что не в их юрисдикции, то оформят и дальше передадут. По крайней мере тебе не придётся заниматься вопросами конокрадства и разбирать предстоящий осенний послесвадебный мордобой или очередное деление покосов.

Вот чего у моего партнёра не отнимешь, так это тяжеловесной аргументации. Каждым своим предложением он меня припечатывает, словно удачным ударом в челюсть или по печени.

– Я правильно понял, что пенсионеры выбраны только потому, что у них есть какие-то сертификаты?

– «Какие-то»… – Рудольф Генрихович почти минуту молча хватал воздух ртом от возмущения, – Да что ты понимаешь… Тебе их в жизни не получить! По крайней мере, в ближайшие лет пятнадцать точно. Право на ведение следственных действий и лицензия на автоматическое оружие… Гкхм…

Допрашиваемый проф в этот раз добавил накала. В том числе и на своё хмыканье. Очень уж оно у него характерное… По нему можно определить размер секрета, который он мне сдал только что, неожиданно для самого себя.

– Похоже, что не полностью обговорив мой второй вопрос, мы с размаху переходим к третьему. Вываливайте всё сразу, чего уж теперь… – доброжелательно посоветовал я Густавсону, потирая мочку уха.

На языке вербальных жестов это означает, что я услышал достаточно, и сам что-то хочу сказать, но нет. Не хочу. Я подожду. Рудик у меня распалился, или, как вариант, он превосходный актёр и сейчас лицедействует, что вряд ли. Не тот он человек.

А я держу паузу…

Вопросов у меня уйма. Пусть я и не проникся пока в достаточной степени правами на ведение следственных действий, но право владения теми же пулемётами меня проняло.

На территории Империи правом на владение автоматическим оружием теоретически наделены только Кланы, и то не все. Им,

как опоре государства, позволено многое. По своей сути именно они, а не бояре, хотя зачастую в обоих списках можно встретить одни и те же лица и фамилии, на сегодня представляют реальный политический портрет государства.

– К третьему… Ну что же, можно и к третьему. Как ты наверняка знаешь, наши МБК получились достаточно удачными, хотя и не без огрехов. Это не страшно. Любое новое сложное изделие требует времени на испытания и доведение его до ума. Другой вопрос в том, что наши МБК, которые мы планировали сделать лишь немного более лучшими, чем существующие, добавляя процентов по двадцать к основным параметрам, после ряда доработок и модернизаций из планируемых двадцати процентов серьёзно выбились в плюс. А с учётом того, что некоторые безответственные личности пошли на откровенный волюнтаризм, мотивируя свои действия желанием испытаний в предельных режимах, то ряд параметров вырос больше, чем в полтора раза. В первую очередь это максимальная скорость и грузоподъёмность. В итоге получилось так, что наши МБК по своим возможностям переросли стандартное вооружение гвардейцев. Их существующие штурмовые автоматические винтовки, калибром в четырнадцать с половиной миллиметров, признаны уже недостаточными и оружейники настаивают на увеличении калибра и скорострельности, – Густавсон сделал паузу, наливая себе полстакана воды и предоставляя мне возможность задать вопросы, но я был нем и непоколебим, аки сфинкс. Проверено уже, что гнетущим молчанием из нашего профа можно выдавить больше сведений, чем расспросами, – Для начала нам предложено рассмотреть калибр в двадцать миллиметров и скорострельность шестьсот выстрелов в минуту. Общий список остальных пожеланий у меня не с собой. Позже занесу.

– Что-то я про такие пулемёты, хотя нет, это же уже артиллерийские калибры, не слышал. Что именно нам собираются предложить? И ещё, мне не нравится ваша оговорка – «для начала». Вы её случайно использовали? – мне пришлось таки перейти к вопросам, поскольку Густавсон счёл рассказанное им достаточным, и на паузу перед моими вопросами никак не прореагировал, занявшись протиранием своих запотевших очков.

Странно, я не раз слышал про «пар из ушей», а у профа в минуты волнения очки запотевают… Я склонен считать такое явление уникальной биологической особенностью именно отдельно взятого профессорского организма.

– Спор был про калибры в двадцать и тридцать миллиметров. Теоретически грузоподъёмности МБК хватает на оба калибра. При

некоторых доработках доспеха мы выходим на сто восемьдесят килограммов полезной нагрузки, – тут Густавсон поморщился, видимо про себя помянув ещё раз «доработчиков» тёплым матерным словом, – Стандартные образцы двадцатимиллиметровых автоматических пушек, в зависимости от вида боеприпаса, весят от сорока пяти до шестидесяти шести килограмм, ну и каждый патрон примерно двести пятьдесят граммов. Понятно, что нам потребуются дополнительные приспособления и усиление экзоскелета, но у нас и длина ствола будет меньше, так что штатный боезапас в двести сорок патронов мы легко вытянем.

– Где же вы такие пушки видели, уж не во сне ли? – якобы недоверчиво поинтересовался я у Густавсона.

Ну да, учусь я понемногу у старших товарищей. Не забыл ещё, как однажды князь Обдорин подобными вопросиками вынудил меня рассказать намного больше, чем я собирался.

– Конечно же не во сне. Пришлось, знаешь ли, поучаствовать. Больно уж специфические марки стали такое вооружение требует. Так что пока мы по швейцарским чертежам их модели HS.804 и HS.820 до ума довели, не один десяток стволов в хлам расстрелять пришлось. Зато теперь они на корабли поступать начали, да и в армии скоро появятся, – приоткрыл мне учёный одну из не слишком давних страниц своей биографии, а заодно и пояснил, почему я про автоматические пушки не знаю. Наверняка их по заказу флота начали разрабатывать, раз моряки их получают в первую очередь.

– Угу, и с учётом вашей оговорки про длину ствола, мы должны будем сваять этакий нестандарт автоматической пушки, который должен устроить одну крайне заинтересованную личность. Поскольку речь идёт о новых МБК, то полагаю, что кто-то собирается перевооружить столичный гвардейский полк. Причём быстро, недорого и довольно неожиданно для своих внутренних противников.

– Не полк, скорее всего пару батальонов, – поправил меня Густавсон, чуть заметно улыбаясь, – Поэтому и нет никакого желания идти обычными путями. Ты себе представить не можешь, сколько времени и нервов может убить бюрократия. В качестве примера могу тебе сказать, что от объявления конкурса на общевойсковую полковую гаубицу и до появления её первых серийных экземпляров прошло четыре года. Четыре года бесконечных согласований, актов комиссий, исправления замечаний и внесения её в бюджетное финансирование.

– Ага, а мы, значит, возьмём, и за пару месяцев всё изобретём, и тут же быстренько сделаем. Интересно, кто же у нас

такой специалист по автоматическим пушкам? Уж точно не я и не Усольцев. Хотя, если «черновые чертежи» уже имеются, как это было с нашими МБК, то за разработку я почти не волнуюсь, – ехидно укусил я заметно дёрнувшегося учёного.

Если поначалу, а более всего по неопытности и малолетству, я и не обратил внимания на то, что свои МБК мы создали по практически готовым чертежам, то по мере обучения в Академии, ко мне пришло понимание, что наши МБК во многом принципиально отличаются от существующих моделей.

Те пять процентов своего вклада в их создание, которые я мысленно себе приписывал, можно смело делить надвое, если не больше. Предполагаю, что добрая половина моих исправлений была заранее предусмотрена сознательными недоработками, которые мне дали поправить. Короче, развели меня, как тупого албанского юношу, дав почувствовать мою сопричастность в созидании революционного изделия военного назначения.

– Хотя, что я гадаю. Наверняка те, кто разбирается в рыбалке, и в автоматических пушках понимают. Там же так много общего с теми же спиннинговыми катушками, – вылил я ещё одно ведро ехидства на голову закручинившегося профессора, – Или эти ваши «алькальды» с поддельными сертификатами ко мне заявятся?

– Никаких подделок. Всё абсолютно законно. Они специально обучение прошли, и экзамены без всяких скидок сдали, – заверил меня профессор.

– Ну надо же. Какая глубокая проработка легенды, – искренне восхитился я, – Только знаете что, Рудольф Генрихович, разговоры с ними разговаривать я без вас буду. А вы завтра с утра отправляйтесь-ка в столицу, и без магопар на алмазах не возвращайтесь. Давайте взятки, давите на своих неведомых покровителей, спаивайте всех и сами напивайтесь до белой горячки, но добудьте мне через неделю-две хотя бы десяток работоспособных образцов. К тому времени, смотришь, я немного отойду от вашего коварства. Да и с «алькальдами» если не договорюсь, то пусть это только на моей совести будет. Вам, как я понимаю, вовсе ни к чему на ровном месте отношения с их руководством портить.

– Но ты же понимаешь, кем они посланы… – начал было Густавсон.

– Да всё понимаю, – отмахнулся я от него, – Даже то, что графом меня сделали вовсе не из-за победы в гонках. Элегантное решение, выданное мне авансом. Однако это совсем не значит, что я не могу показать лёгкого недовольства из-за того, что меня разыгрывают втёмную, и не обозначить некоторые пределы таких

отношений. Иначе приеду как-нибудь с учёбы, и почувствую себя гостем на своих же землях. Вам, как человеку науки, это может и не показаться важным, а для меня подобные вопросы принципиальны. Я не против нынешнего положения дел, более того, во многом готов вам подыграть. Даже обещаю и дальше не замечать, как привезённый вами мастер-оружейник строит уже второй цех и затаскивает туда очень габаритное оборудование. Пусть всё выглядит, как и раньше. Молодой глупый граф заперся на своих землях и творит, что захочет. То МБК изобретёт, то пушку, то винтовку, то дирижабль сварганит. Ну, никакой на него управы. И приходится бедным чиновникам потом несогласованные с ними изделия выкупать у этого дикаря по факту их появления и высочайшему распоряжению. Зачастую даже без взяток и откатов. А сколько тонн бумаги при этом экономится, и не счесть. Бедный чиновник с таким ненормальным графом даже поделать ничего не может. Ни узнать, что он там ещё задумал, ни запретить изобретать. Беда, одним словом, – мне ещё много чего хотелось сказать, но вид поникшего Густавсона этому не благоприятствовал, и поэтому я сменил тему разговора, – Кстати, не удовлетворите ли моё любопытство? Допустим, я готов поверить, что двигатель для нашего МБК изобрели лично вы, но вот всё остальное… Сколько инженеров и конструкторов над новым МБК работало? Человек сто?

– Да побольше, пожалуй, – ответил Густавсон, перед этим вскинув вверх голову и что-то про себя посчитав.

– Отлично. Попробуйте пробить себе право обращений к этому коллективу для решения наших задач.

– Олег, ты не понимаешь. Это как бы не отдельно взятая группа людей, всё гораздо сложнее.

– Хорошо. Сформулирую вопрос иначе. Время от времени нам потребуется быстро получать чертежи сложных изделий. Десяток инженеров будут корпеть месяцами, да и не нужны они нам на постоянную работу. На эпизодические задания у них будут уходить месяцы, а стоить это нам будет как бы не дороже, чем ударный двухнедельный труд большого коллектива. Проще платить специально созданной группе, собранной под определённую тему, чем содержать своих конструкторов самых разных направлений, – теперь уже я начал горячиться, пытаясь донести до профа необходимость в квалифицированном конструкторском бюро. Пока у меня не будет нормального производства, собственных умников мне даже содержать особо не на что.

– Олег, не накручивай, – Густавсон выставил перед собой ладони и отрицательно замотал головой, – Объясни, что тебе

нужно. Желательно, с примерами.

– Хорошо, – ответил я, успокаиваясь. Сам почувствовал, что горячусь и плохо объясняю то, что замыслил, – Например, мне надо довести до ума дизельные двигатели. Сейчас они тяжелы и маломощны. Пять-семь килограммов веса на одну лошадиную силу – это явный перебор. Нужно уложиться в полтора-два килограмма. Затем их надо скомпоновать с электрогенератором, и всё это запихнуть в стандартный железнодорожный контейнер или его подобие. Такие же двигатели мне потребуются для мощных тракторов, а не того безобразия, которое сейчас работает на полях, – в сердцах добавил я, всё ещё не в силах отойти от недавнего разговора с Игнатом. Продвинутый аграрий подробно мне описал ту убогую сельхозтехнику, которую мы вынуждены будем покупать. Не позабыл он и про грузовик-«техничку», рекомендуя купить по одной передвижной мастерской на каждый десяток тракторов.

Страшно подумать, но такую технику я никак не могу представить себе работающей на бескрайних полях Поволжья. Загнётся имперский проект с выращиванием каучуконосов из-за ненадёжности слабосильных тракторов. Там поля на сотню с лишним километров раскинутся и не факт, что до ближайшей мастерской поломавшуюся технику можно будет дотащить за день-другой.

Чтобы не брать грех на душу, так и напишу, что не с нынешним уровнем техники стоит браться за осуществление грандиозных проектов и сошлюсь на убогий тракторный парк. Заодно и рекомендации от специалистов по сельскому хозяйству получу. Пусть посчитают разумную дальность работы тракторов от ремонтной базы и дадут рекомендации по кластерному использованию площадей. Допустим один стандартный рабочий посёлок на пять тысяч гектаров и двадцать пять тракторов.

– Езжайте с Богом, Рудольф Генрихович, а Морозову телефонируйте, пусть приезжает вместе со товарищи. Я сам их встречу и устрою им такую рыбалку, что вовек не забудут, – свернул я разговор, понимая, что мы и так сегодня с профом наговорили друг другу много лишнего.

Надеюсь, мне удалось всё замкнуть на себя, и роль Степана в моих озарениях не будет замечена. Так-то он первый приоткрыл мне глаза на некоторое несоответствие между скромным поведением того же Густавсона и характером его телефонных разговоров с парой очень значимых абонентов.

Наш несостоявшийся профессор, когда ему что-то уж очень нужно бывает, чинопочитание напрочь выключает. Неудивительно, что он так и не стал благообразным деятелем

науки, доживающим свою жизнь чтением лекций в престижном столичном университете. Даже я, при всей своей отмороженности, никогда себе не позволю ТАК разговаривать с князем Обдориным или с одним из Советников Императора. Почему Советник с большой буквы? Так их у Императора всего три, и каждого из них стоит именовать именно так. Выдающегося ума и влияния люди…

Степан недавно вернулся и не слишком подробно рассказав мне о своей поездке, умчался обустраивать прилетевших с ним новосибирцев. Через пару дней к нам притащат одну из их установок и мы посмотрим, как можно получать искусственные алмазы без магии.

Из рассказа Степана я понял, что пока новосибирцам нас удивить нечем, кроме своих связей в производственной кооперации. Принципиальное различие между мной и ними в конечном потребителе.

Практически все мои алмазы идут на различные магические артефакты, а у них всё с точностью до наоборот. Они работают на промышленность. Пересекаемся мы только в ювелирке, и опять же по-разному. У них к ювелирам идут только лучшие образцы, а у меня отбраковка, из которой ювелиры выкраивают себе чистые фрагменты кристаллов. Должен заметить, что инициатива Липатова, который взялся пристраивать алмазы ювелирам, оказалась успешной. Года не прошло, как я увидел ощутимый приход денег и уверенный рост в спросе и цене.

Именно деньги, а точнее их постоянная нехватка, вынуждающая меня частенько перекраивать собственные планы, подгоняя их под имеющиеся финансы, позволили мне отказаться от первоначальных честолюбивых метаний. Помню, я даже Липатову в первом разговоре высказал, что не дело это лепить из хлебного мякиша детские игрушки. Кроме украшений из моих алмазов можно делать очень полезные магические артефакты. Впрочем, я сам же себя и оборвал. Как ни крути, а очереди из техномагов, желающих поработать на благо человечества, я не наблюдаю.

Поэтому мы с купцом начали продавать алмазы ювелирам, понемногу поднимая цену и качество предлагаемых им кристаллов. Хотя червячок сомнения время от времени всё-таки копошится у меня в сознании и пробует давить на совесть.

Под размышления я добрался до участка, где уже обозначились обводы моего второго «Сапсана». Кроме заказанных покупателями дирижаблей я всё-таки вынужден был начать строить себе его брата-близнеца. Хозяйство у меня понемногу растёт и география расширяется, а хочется всё делать быстро. А

тут то Степана в Новосибирск отправляю, то Густавсона в столицу, а сам безлошадный. Опять же мне скоро моего первенца нужно на регламентные работы ставить, а я уже привык, что у меня под рукой постоянно есть скоростное средство передвижения.

Хотя, зачем врать самому себе. Можно же честно признаться, что я скучаю по «Сапсану». Может моя привязанность к дирижаблю и покажется кому-то странной, но это уж как поглядеть. Я же спокойно отношусь к тем чудакам, что себе кошек с собаками заводят, а то и яхту или оранжерею с цветами.

«Сапсан» я люблю за то чувство неба и свободы, которые он мне даёт. В той же столице я никогда не смогу почувствовать себя свободным и независимым. Невозможно жить в обществе и не подчиняться сотням ограничений. Они во всём. Мы вынужденно следуем моде, ведём себя соответственно положению и этикету, даже говорим и улыбаемся, соблюдая общепринятые правила и манеры. Каждую минуту мы втискиваем себя в установленные нормы существования, зачастую не понимая, что ничем не отличаемся от скрипки, помещённой в жёсткий футляр жизни.

Хорошо, что разговор с Густавсоном у нас состоялся не сразу, как только я понял его двоякую роль. Сходу мог тогда ведь и гадостей учёному наговорить, вообразив себя борцом за независимость. А так не спеша разобрал его действия и понял, что если он в чём-то и поучаствовал, то лишь в скорейшем осуществлении тех дел, о которых я и сам мечтал.

Так было до сегодняшнего разговора. Может я ещё долго бы продолжал молчать, наслаждаясь собственной проницательностью и играя во взрослые игры, но алькальды и автоматические пушки в моих мечтах до сих пор замечены не были и это меня задело.

Сначала я даже подумал, что мне довольно бесцеремонно дают понять истинную расстановку сил и пытаются указать моё место этакого графа-марионетки. Но пушки не вписывались в общую картину. Тут уж скорее Императора припекло и он воспользовался возможностью усилить своё влияние в столице без лишней волокиты и преждевременной утечки информации.

Вроде бы мне впору начинать гордиться, что я у него значусь в круге лиц, заслуживающих доверия, но тогда почему никто мне напрямую ничего не сказал. Меня проверяют или я столкнулся с чьей-то недоработкой? Или необходимость в решительном усилении Гвардии возникла мгновенно и всем откровенно не до меня?

Уж кому, как не будущему гвардейцу знать, что такое батальон гвардейских летунов. Жуткая сила. Случись столкнуться

батальону гвардейцев с полком армейских пилотов, и я бы на гвардейцев ставку сделал, а уж если они в новых МБК будут и с автоматическими пушками…

Гвардейцы – это элита армии. За столь громкими словами стоят знания, опыт и тысячи часов тренировок с самыми требовательными наставниками. Вот та цена, которую они платят за честь называться гвардией.

Для любого гвардейца Отечество – это Император, его Клан и Гвардия. Только так, и никак иначе. За это они готовы проливать кровь и умирать. И да, «Гвардия не погибает, она просто уходит на перегруппировку в Ад», вспомнил я один из курсантских лозунгов Академии.

Поэтому, отставить рефлектировать. Внешние раздражители не должны влиять на взвешенность моих решений. Нет у меня права на ошибку. Если какие-то замыслы насчёт меня у кого и присутствуют, то это не повод для истерики и отказа от денег, как бы цинично это ни звучало.

Финансы, люди и время – это три мои основные проблемы. Мне нужны грамотные рабочие, инженеры в цеха и девушки. Да, обычные симпатичные девчата, которые одним своим видом способны сгладить некоторую неустроенность посёлка и благотворно подействовать на умы его обитателей.

Общежитие для них уже достраивают и благодаря бескорыстной помощи той же охраны, стройка будет закончена с серьёзным опережением срока.

Девушек мне подбирают Авдотья в Рязани и Софочка в Касимове. Судя по последним звонкам от них, больше десятка кандидаток у каждой набралось. Как только жильё закончим, так и потянутся к нам первые ласточки.

Клуб, школа, два магазинчика, медпункт – везде нужны женские руки и пригляд. Да и баллонеты для дирижаблей пора начинать самим шить, а то мы прилично переплачиваем за изготовление заказов на стороне.

Успеть бы автобус до порта к тому времени запустить, чтобы девчат прямо с парохода встречали и по асфальтированной дороге с ветерком в посёлок везли.

Смотришь, и перестанут у меня парни с верфей по соседним сёлам по вечерам гонять, периодически отсвечивая фингалами наутро. Сельские парубки к визитам «фабричных» относятся неодобрительно, справедливо предполагая, что те уведут у них лучших невест из-под носа, оттого и не стесняются в средствах убеждения.

Морозова и трёх прибывших с ним крепких мужиков, лет сорока пяти-пятидесяти с виду, я встретил недалеко от трапа,

заранее углядев приближающийся дирижабль. Сам я на поле уже полчаса нахожусь. У меня сегодня сдача заказа – одного из дирижаблей, сделанных по самым первым контрактам, а я, как назло, всех помощников разогнал, кого куда. Густавсон за магопарами улетел, Усольцев поехал в Касимов проверять, как обстоят дела с изготовлением оборудования для производства каучука, а Степан в Рязань отправился, чтобы встретить там пару сосватанных мной в Камышине мастеров, нанять ещё строителей и в Оружейный Приказ заглянуть, по их же просьбе.

Я уже сам собрался было провести показательный полёт, заняв место пилота, но тут «Сапсан» на связь вышел. Степан постоянно с рациями мудрит, да ещё и двух помощников себе завёл под это дело. Те ещё фанаты радиосвязи. Что уж они наделали, я толком не вникал, какие-то каскады дополнительные поставили вроде бы, но рация на «Сапсане» теперь километров на шестьдесят уверенно работает.

Короче, дожидался я «Сапсан», прогуливаясь по полю со старшим сыном заказчика, графом Рудольфом Чапским. Его папаня, титулярный советник и минский городской голова, как никто другой был заинтересован в скоростном средстве передвижения. Пять часов комфортного полёта по любому лучше, чем двадцатичасовая поездка в железнодорожном вагоне. Чиновнику его ранга иногда просто необходимо успевать на значимые встречи и в столице и в Минске. Видимо настолько необходимо, что он даже не торговался по цене, чем мне и запомнился.

– Приветствую, Франц Иосифович, – окликнул я техномага гвардейского полка, когда он, спустившись с сумками с трапа дирижабля, закрутил головой.

– О, Олег Игоревич, не думал, что ты тут окажешься, – как всегда громыхнул басом Морозов, с видимым одобрением наблюдая за умелыми действиями наземной обслуги, крепящей дирижабль к земле дополнительными расчалками, – Чего это они так забегали?

– Сводка не очень хороша. Синоптики грозу вскоре обещают. Для нас это проблемы, а вам, рыбакам, в радость. Рыба чудо как хорошо после грозы клюёт. Сейчас вас на заимку отвезут, а там и я к вечеру к вам приеду, как с заказчиком дела закончу. Сам-то я пожалуй и не соберусь иначе у костра посидеть под уху да водочку. Весь в делах и заботах, аки пчёлка какая, – начал я вещать, изображая из себя крайне занятого человека, и попутно прокачивая спутников Морозова, которых он мне собрался представить.

Познакомились. Не ожидал я от техномага, что он так умеет

владеть интонацией. Сарказм, на грани едва заметного, когда он представлял мне своих спутников, указав только их имена и отчества и абсолютно вменяемое представление им меня. Морозов даёт понять, что он на моей стороне?

Так то сложилась ситуация из тех, что заставляют морщиться и шарахаться от них подальше. Морозов явно даёт понять, что представление его спутников, как неких безликих лиц, никак не его инициатива. По мне, так потенциальные алькальды, если у них есть будущее на моих землях, откровенно перебрали с наглостью. Прибыть в гости к Главе Рода и никак титульно не обозначить себя, а их имена с отчествами для меня никчёмная информация – это откровенная провокация.

– Франц Иосифович, вы не хотели бы посмотреть, как идут дела на участке сборки МБК? Мне кажется, что пребывание там вам больше нравится, чем рыбалка, а ваших спутников мои егеря сейчас увезут на заимку. Заодно и предупредят, что далеко от неё уходить не стоит. Места у нас дикие. Люди иногда бесследно пропадают. Болота, знаете ли, звери всякие, – постарался я максимально убедительно отыграть один из интересных моментов разговора.

По ряду признаков Густавсон не стал обозначать Морозову своё раскрытие, как агента влияния. Соответственно, прибывшие не в курсе, что я знаю о том, кто они такие, и зачем они прибыли. Поэтому я играю сценку – спасение моего знакомого от непонятных личностей, прибывших вместе с ним. Другими словами – даю Морозову шанс остаться на безопасной территории, обещая, что его сопровождающих вывезут мои егеря и возьмут их под контроль. В жизни всякое бывает и я сейчас изображаю контр-диверсионную операцию.

– Олег Игоревич, каждого из этих инкогнитов, – техномаг старательно исковеркал всем знакомое слово, вкладывая в него слегка издевательский смысл, – Я знаю лет двадцать, а то и больше. Всей душой желаю отбыть вместе с ними к месту рыбалки, а то где я иначе такой цирк даром посмотрю. И вы без особого волнения приезжайте. Ручаюсь, что глупостей не произойдёт.

– Пусть будет так. Под ваше слово я приглашаю их в гости. Господа, надеюсь вы не станете проверять меткость моих егерей? Заранее предлагаю вам убрать ваше оружие в чехлы, а ещё лучше – сдать его на склад. Любая попытка взять его в руки будет пресечена десятимиллиметровым аргументом от весьма опытных стрелков. Я понятно отразил степень моего доверия к вам, или требуются дополнительные доводы?

– Мы вам не враги, – вскинулся один из гостей,

светловолосый и слегка лысеющий господин, выступив на шаг вперёд.

– Вечером. Всё вечером. Сейчас я занят. Машины вас уже ожидают, – перебил я его и махнул рукой в сторону ангаров, где стояли три армейских внедорожника. Один их них предназначался для «гостей».

Место под заимку я приметил давно. Когда-то тут был пограничный пост между землями. Наполовину окопанный сруб стоял между стыком рек и небольшим озером. Этакая казарма, способная вместить под дюжину воинов. Тридцать минут езды от посёлка, и получай рыболовное Эльдорадо. На стыке рек клюёт всегда, если умеешь ловить, а в озере не так сложно поймать карася или линя под килограмм, а от мелочи в ладошку величиной так и спасу нет.

Особо с заимкой я мудрить не стал. Бывшую казарму почистили, промыли, чуть добавили мебели и житейских мелочей, а затем рядом пристроили веранду, коптильню и кирпичный мангал. До бани и тёплого туалета пока руки не дошли.

В моё отсутствие за заимкой присматривает семья бакенщика. Представьте себе, есть у меня, графа, такая обязанность – содержать штатную единицу, отвечающую за промеры фарватера и установку сигнальных и навигационных знаков на реке. Не сказать, что меня бакенщик сильно по деньгам напрягает, но что-то слишком много у меня стало таких «бакенщиков» после получения графства. Большие земли – большие расходы. Работу восьми человек я оплачиваю напрямую, и ещё десятков трёх косвенно. Единственные из них, в работу которых я верю и понимаю её, это те трое, что у меня на метеостанции трудятся. Я про из «навязанных». Так то ещё и «своих» хватает. У меня, к примеру, трудятся трое лесничих и шестеро лесников к ним в придачу. Ну они хоть себя сами окупают на продаже леса.

Испытания дирижабля провели в темпе, постоянно поглядывая на небо. Документы были подписаны и довольный заказчик вскоре поспешил отбыть к дому, чтобы не попасть под грозовой фронт.

Синоптики не подвели. Недолгая гроза поворчала громом, сверкнула молниями, стеганула по земле плотным ливнем, да и ушла восвояси, оставив после себя умытую природу и радугу в полнеба. Пока ожидал машину вдоволь успел надышаться свежим, наполненным озоном бодрящим воздухом и полюбоваться на улыбки солнца в лужах. Заодно прилично настроение себе поднял.

На заимке мои гости действительно ловили рыбу. Даже Морозов и тот сидел над донками. Я не стал отрываться от коллектива и вытащив из машины простенький спиннинг, с обычной инерционной катушкой, тоже пошёл попытать рыбацкого счастья.

Наша местная лесная речушка, с незатейливым названием Ольховка, после прошедшего дождя серьёзно добавила в размере, забурлила и вода в ней стала очень мутной, приобретя кофейный оттенок. Её течение при впадении в Оку легко было проследить по контрасту цвета воды. Именно на границу светлой и мутной воды я начал делать первые забросы. Хищная рыба имеет свои повадки и всегда стоит в засаде на таких местах, используя муть, как дополнительную маскировку. Тактика себя оправдала, и вскоре в улове у меня оказались пара килограммовых судачков, щука на полтора кило и пяток крупных горбатых окуней.

Азарт перебил обрыв очередной блесны, зацепившейся за корягу. Вытащив из воды кукан с рыбой и взвесив его на руке, я понял, что наловил достаточно и у костра мне с таким уловом не стыдно будет показаться. Дымок, не так давно появившийся над домом, подсказывал, что кто-то тоже закончил рыбалку и занялся приготовлением ухи.

Успел я вовремя. Народ как раз спорил о рецептах ухи и мой вклад окончательно склонил всех в пользу её тройного варианта. Сазанчиков, пойманных Морозовым, решили запечь на решётке, когда угли подойдут. Минут двадцать мы посвятили чистке рыбы и заготовке дров, и лишь потом уселись под навесом.

Зазвякали бутылки, появились стопки и банки с солениями. Я разнообразил стол свежими овощами, деревенским хлебом, луком, смородиновой наливкой и солидным пластом копчёного окорока. Есть у меня в посёлке один умелец. По воронежскому рецепту такие окорока готовит, что ум отъешь.

От водки я отказался, сославшись на молодость, и первые тосты поддерживал наливкой. Сильно захмелеть я вряд ли смогу. Усольцевский браслетик неплохо спасает от опьянения, если не частить с приёмом алкоголя.

Понемногу разговор перешёл с рыбалки на моё хозяйство. Тут уж я упёрся, настояв на более подробном знакомстве с биографиями моих собеседников.

Как и предполагалось, все трое до отставки были действующими офицерами, что собственно и заметно по их выправке. Двое армейские пилоты, а третий, самый разговорчивый, ещё не так давно служил в столичном Пушкарском Приказе, и подал в отставку после смены начальника, так как с новым не ужился в силу его

некомпетентности. Прямо он этого не сказал, но по оговоркам что-то такое проскользнуло.

Он-то сейчас и разливался соловьём, пытаясь меня убедить в необходимости приёма управляющих. Завуалированные намёки на неприятности чередовались вагонами благостных обещаний, сбывшимися надеждами и прочими чудесами. В ответ я демонстрировал ослиное упрямство и барственно-кичливое высокомерие к прозе жизни, взятое мной из знакомства с Шуваловым. Меня периодически заносило то в рассуждения о вассальной клятве, то в казуистику рыцарских отношений. После третьей бутылки и часа разговоров собеседник стал выдыхаться и пошёл на некоторые уступки. Я взял паузу, и сходив до машины, вернулся с портфелем.

– Впрочем, основные моменты у меня прописаны, Роальд Силантьевич, – сказал я, доставая три экземпляра контрактов и протягивая их офицеру с необычным именем, которым папаня нарёк его в честь далёкого прапрадеда, чем-то там когда-то прославившегося.

– Погоди-ка. Это же обычный контракт для таких случаев. Чего же ты тогда нам тут больше часа мозги пудрил? – Роальд, наскоро пробежав свой экземпляр, изумлённо вытаращился на меня поверх прочитанного им документа.

– Ну, вы тоже издалека начали. К тому же мне надо было снять мозговую пробу с будущих управленцев. Послушать, как они разговаривают. Выяснить, умеют ли убеждать, – пожал я плечами, оглядывая оторвавшихся от чтения офицеров.

– Дай угадаю. Там у тебя есть запасной вариант, с другой редакцией, – пальцем указал Роальд Силантьевич на принесённый мной портфель.

Вздохнув, я вытащил из портфеля бутылку коллекционного шустовского коньяка в одну двадцатую ведра, а потом, жестом фокусника, перевернул портфель кверху дном, показывая, что он пуст.

– Наш человек, – оценил мою пантомиму и качество коньяка Игорь Захарович, один из летунов-армейцев, – А от тебя, Роальд, одни убытки. «Чтобы я, да юнца уболтать не мог…». Ну что, уболтал? Ещё и нас на пари уговорил подписаться.

Игорь, кряхтя, вытащил бумажник, и отсчитав пятьдесят рублей ассигнациями, протянул их Морозову. Техномаг, приняв деньги, выразительно посмотрел на остальных спорщиков, некоторое время беззвучно давясь смешком, но в конце концов он не выдержал, и заржал уже в голос, утробно ухая филином.

– Завтра к одиннадцати я к вам подъеду. Кто надумает подписать контракт, тех на экскурсию по землям свожу. А сейчас,

не отведать ли нам шустовского? Дело-то к ухе идёт, а мы до сих пор ни в одном глазу, – кивнул я на простаивавшую бутылку коньяка, предлагая тем самым серьёзные разговоры на сегодня закончить.

На экскурсию поехали все трое, предварительно вручив мне подписанные контракты. Морозова по дороге мы завезли на верфи, где он чуть ли не галопом умчался на свой любимый участок. Вот же неймётся человеку. У него же отпуск…

Накатались изрядно, потратив кучу времени. Всё-таки не везде у меня ещё дороги в порядке. На обратном пути заехали к Джуне, которая угостила нас изумительным чаем и вкусным печеньем. Заодно я решил навестить ближайшее село, в котором ещё ни разу не побывал. Всё как-то не по пути приходилось.

Ничего так. Чистенько, и дома приличные. Мы уже подъезжали к околице, когда я углядел ЕЁ.

Остановив машину, я пешком вернулся обратно, всё ещё думая, что ошибся.

Женщина развешивала бельё, стоя ко мне спиной. Если бы она не оглянулась на шум проезжающей машины, то по её фигуре я и не подумал даже, что могу её знать. Но она оглянулась и мне на какой-то миг привиделось знакомое лицо.

Закончив с бельём, женщина подхватила тазик с земли и уже собралась уходить, когда я всё-таки решился её окликнуть.

– Катя, – негромко позвал я её, но пересохшее горло подвело и мой голос прозвучал чуть слышно. Глотнув слюну и всё ещё сомневаясь, я повторил чуть громче, – Екатерина.

Женщина обернулась и выронила тазик из рук. Некоторое время мы оба, как заворожённые, наблюдали, как он катится к забору, а потом так же разом посмотрели друг другу в глаза.

Да, это была она. Екатерина Федорищева, в девичестве Мансурова.

Изменившаяся и похорошевшая.

Я смотрел на расцветшую женщину и понимал, что никакого волнения не испытываю. Вместо того пламени, что бушевало раньше в моей душе, осталось пепелище.

– Уходи, и не мешай мне жить, – произнесла она минуту спустя, что-то прочитав в моих глазах, а потом развернулась и ушла с гордо поднятой головой, ни разу не оглянувшись.

Глава 25

Родовая усадьба Надеждино Сердобского уезда Пензенской губернии. Последние дни августа.

Гости, приглашённые на охоту, ещё не начали съезжаться. Поэтому ничего не помешало двум старым друзьям уединиться в кабинете и отдать должное глинтвейну, как нельзя более подходящему под неожиданное похолодание и моросящий дождик. Князь Алексей Борисович Куракин, хозяин имения, от дел отошёл не так давно. До генерал-прокурора дослужился, хотя большую часть своей жизни провёл на дипломатической работе. Его давний приятель, граф Киселёв Павел Дмитриевич тоже начинал службу, как дипломат, но успел отметиться и как реформатор, занимаясь земельными вопросами Империи. Пока ещё он пребывал в должности генерала от инфантерии, но прошение об отставке уже направил и со дня на день дожидался его удовлетворения. Входя в один клан, оба друга не спешили занимать в нём лидирующие позиции, предпочитая отдавать себя государственной службе, что впрочем не мешало им оказывать существенное влияние на решения, которые Глава Клана без совета с ними предпочитал не принимать. Обросли оба связями, родством и знакомствами. Сыновья уже при серьёзных должностях. Дочери замужем не абы за кем. Внучата пристроены.

Князь Куракин через жен и дочерей породнился с Нарышкиными, Пушкиными, Врангелями и Толстыми.

Киселёв тоже особо не отставал. Об этом свидетельствует то, что число дворянских Родов с фамилией Киселёв за годы его жизни увеличилась с десяти до семнадцати.

Благодаря такому союзнику Клан Куракиных уверенно входил в первый десяток самых влиятельных кланов империи, и если не по количеству земель и богатству, то по политическому влиянию был далеко не из последних, уверенно претендуя по многим специфическим вопросам на бесспорное лидерство.

– Что по твоему списку получается? Когда полыхнет, как думаешь? – кивнул Куракин на раскрытый блокнот со списком фамилий. Не так давно старые приятели сговорились незаметно опросить знакомых, чтобы понять их позицию и нынешнее отношение к Императору.

– С кем-то я сам поговорил. Других проверил через жену и дочерей. Знаешь, есть такие простые женские вопросы, например, думают ли в каком Роду бал на Рождество устраивать? Собираются ли справить юбилей в январе? Сам понимаешь, те кто

заговор задумал бал объявлять не будут. Дурной это тон. Бал назначить, а потом по каким-то причинам свое обещание не выполнить.

– У меня примерно то же самое. Где-то самые отъявленные крикуны притихли. Где подозрительные сборища замечены, но до января точно ничего не планируется, а вот про конец февраля у меня уже есть сомнения. Сам-то как считаешь, князь Обдорин в курсе происходящего?

– Дураком его не назвать. Могу предположить, что даже если он достоверно ничего и не знает, то определенные сигналы наверняка получил.

– Я примерно также рассуждаю, но раз никаких решительных действий он не предпринимает, то значит что-то замыслил.

Оба собеседника надолго задумались. За годы их службы они всерьез успели повариться в различного рода делах и не раз доказывали свою верность Империи. Но где-то глубоко в душе они так и остались дипломатами и в любом конфликте по-прежнему искали выгоды в первую очередь для своего Клана, умело лавируя между интересами противоборствующих сторон.

Речь у них шла о предстоящем заговоре.

В России в заговорах нет ничего необычного. Иногда их по два-три за десяток лет бывает. Последний крупный заговор был раскрыт семь лет назад.

Нынешний заговор мог осложниться народными бунтами. Слишком много людей, бежавших от войны, переселились в города. Та же столица и окружающие её пригороды были переполнены беженцами. Огромные толпы людей, с неустроенным бытом, не смирившиеся с потерями, испуганные войной, представляли собой настоящую пороховую бочку, готовую разом выплеснуть свое недовольство по малейшему поводу.

Исторически сложилось так, что зачастую Кланам было глубоко наплевать на реальность. Их не заботят целесообразность действий и государственность. Любое происшествие сбившиеся во фракции Кланы интерпретируют так, чтобы всегда получать собственную выгоду. Неважно какую: политическую, финансовую или материальную.

Позиция вполне объяснимая. Император был Императором для обычных обывателей, а Кланы всегда помнили, что нынешний Император – это не помазанник Божий, а один из них. Обычный человек с Даром, руководящий страной от лица коалиции самых могучих Кланов и иных группировок. Кроме того, в последние годы большой вес стали иметь банкиры и союзы промышленников. Можно уверенно предположить, что

предстоящий мятеж будет выражать конфликт интересов буржуазии и аристократии, а народу там отведена роль стада, умело направляемого погонщиками.

Зарождающаяся в стране буржуазия всерьёз начала теснить позиции аристократии. Нельзя сказать, чтобы аристократы безропотно мирились с таким положением дел. Буржуазия высказывала свое недовольство Императором, требуя себе новых льгот, привилегий и допуска к власти, но и аристократы тоже не сидели без дела, отчаянно борясь за малейший кусок привилегий и не желали выпускать из своих рук властные рычаги.

– Зачинщиками на этот раз у нас удельные князья выступать будут? Побежали от них людишки в города, земли пустовать начали. Опять же власти им всё больше и больше хочется. Ничему их прошедшая война не научила, – Киселёв отставил в сторону бокал и умело принялся орудовать сигарными ножницами, аккуратно срезая кончик выбранной сигары.

– Не только. Можешь смело добавить сюда ростовщиков. Как ты знаешь, популярно среди аристократии такое занятие, а тут вдруг банкиры откуда-то взялись и их любимое развлечение у них прямо из рук забирать начинают. Проценты божеские предлагают, сроки кредитов длительные сулят, а то и суммы такие дают, что доход от заложенного имения бывает меньше, чем проценты по кредитам.

Павел Дмитриевич досадливо поморщился. Взяв в жены двух сестёр Потоцких, он как никто другой знал проблему заложенных имений. После смерти их матери ему досталось именно такое имение, обременённое долгами. Несколько лет его жизни ушло на то, чтобы привести дела в порядок и хоть с какой-то прибылью продать ранее убыточные земли.

Деньги вырученные от продажи имения, освобожденного от кредитов, князь отдал своим женам, что и было одной из самых больших ошибок в его жизни. После того, как князь был вынужден уехать из Парижа, где он возглавлял Посольство, обе жены предпочли там остаться, не пожелав возвращаться в Россию. Шесть лет после расставания с жёнами Киселёв прожил с Александрой Балиано, урожденный княжной Багратион. От продолжительной связи у них было четверо детей, и лишь очень немногие близкие ему люди знали, что этим «воспитанникам» Киселёв завещал большую часть своего состояния.

У князя Куракина тоже были свои «скелеты в шкафу». Ещё мальчишкой он оказался безнадёжно влюблён в блистательную красавицу Елену Степановну Апраксину, жену его дяди Леонтия Куракина. Когда из разговора взрослых он однажды случайно узнал, что она стала одной из фавориток Императора, покойного

отца ныне действующего государя, то негодованию мальчика не было пределов.

Была еще одна причина, по которой князь Куракин до сих пор так и не вошел в Императорский Клан. Впрочем, точно то же самое ранее сделали все его предки. Знатностью своего Рода Куракины могли бы похвастаться практически перед любыми дворянами. Начиная отсчёт от Гедиминовичей и являясь отраслью князей Патрикеевых, вся родословная Куракиных была насквозь понятна и прозрачна с пятнадцатого века по прошлому летоисчислению, что в нынешние времена составляло большую редкость.

В своё время только нерешительность их прапрадеда и немногочисленность Рода не позволили Главе Клана Куракиных претендовать на статус Императора. Впрочем, Куракины всегда были дипломатами и предпочитали руководить со стороны.

Князь неоднократно получал завуалированные предложения войти в Имперский клан. Собственно, такие же предложения зачастую ему делались и от сторонников оппозиции, которые желали его видеть одним из своих лидеров.

Оба матерых политика уже не первый год анализировали любые события внутри страны, дожидаясь благоприятного момента.

В этот раз у заговора были все шансы на успех. После недавних боевых действий, когда Империи пришлось противостоять сразу нескольким странам, Генштабом было принято решение не отводить регулярную армию на зимние квартиры внутрь страны в полном составе. Больше половины вояк остались в приграничной и оккупационной зоне, наводя там имперский порядок и помогая восстанавливать хозяйство.

Есть у Империи такая особенность – прилично вкладываться финансами и трудом в окраины, подтягивая их до общего уровня жизни в стране. Вот и сейчас значительная часть армии и тысячи военнопленных строят дома и дороги, восстанавливают мосты и заводы, зачастую сразу же проводя реконструкцию и превращая архаичные полуразрушенные сооружения в нечто более современное и соответствующее имперским стандартам.

Сразу и вдруг отсталые разграбленные территории окраин до приличного имперского уровня и образа жизни не довести. И дело не только в долгом процессе и могучем финансировании, к слову сказать, существенно превышающем расходы на войну.

Люди.

Воспитание, менталитет, образование, привычка к производительной работе, а не безделью, скрываемому за неспешным кормлением кур или неторопливым резанием

наличников на окна. Нелегко новым имперцам осознать изменения в разы ускорившегося темпа их жизни и понять, что то, что они раньше считали работой, в Империи существует вместо хобби.

История не знает другого пути развития, кроме организованного высокопроизводительного труда, и наглядно подтверждает это обратными примерами. Что в довоенной, что в Новой Истории, отколовшиеся от различных Империй регионы очень быстро из полноценной страны превращались в банановые республики. За непродолжительный период времени в них практически исчезала промышленность и наука, приходило в негодность вооружение, разваливалась армия. Чуть медленнее умирали города, линии электропередач, трубопроводы и дороги. С каждым годом такие бывшие страны всё больше и больше отставали в развитии, а потом и вовсе начинали скатываться на десятилетия назад.

За короткий исторический промежуток времени отколовшиеся сегменты Империй всё больше становятся похожи на пьяницу, пропившего своё имущество и выпрашивавшего у магазина мелочь на опохмел. Скандальный и нетрезвый, он ещё гонорится, вспоминая, что не так давно был вполне себе уважаемым человеком, и старательно не замечает, как от одного его вида и запаха от него шарахаются люди, с трудом скрывая свою брезгливость.

* * *

В столицу я прилетел за три дня до начала занятий в Академии.

Возможно в кланах, где на имидж правящей верхушки работают несколько человек, а то иногда и целые службы, подготовка к приезду в столицу не отнимает много сил и времени. К сожалению у меня ничего подобного не было, поэтому предстоящий приезд пришлось тщательно планировать и заранее определяться по многим вопросам, в которых сам я был не слишком компетентен. Это касается не только обуви и одежды. Новоиспеченному графу пришлось озаботиться знаками различия, набором регалий, колец, в конце концов теми же гербами, нанесёнными на автомобиль.

Да, машину мне тоже пришлось покупать свою, правда с помощью агентства. Оказывается, не так легко и просто купить бронированный лимузин, даже если на это есть деньги. Поездив со мной полдня, охранники напрочь раскритиковали всё то, что

мне казалось вполне подходящим. То стёкла их не устраивали по каким-то там показателям, то мощность двигателя, то недостаточное бронирование днища.

Если я думал, что мои мучения у портных – это серьёзное испытание для нервов, связанное со множеством тканей, примерок и веяний моды, то ребята меня быстро разубедили. Мужчина, со знанием дела выбирающий автомобиль, даст сто очков вперёд самой завзятой моднице. В итоге машину пришлось заказывать, и стоила она… Да уж! Лучше вслух не говорить.

Дороговато мне обходятся закидоны недавно объявившейся тётушки.

Сначала Анне удалось убедить меня в необходимости столь значительных трат, аргументируя свои посылы предстоящим знакомством с княгиней Юсуповой. Выверты женской логики странным образом складывались в стройную картину, когда она начинала объяснять, почему так важно не просто хорошо выглядеть, но и во многом быть «впереди планеты всей», то бишь стать заметным среди большинства столичной молодёжи, собранной из «самых-самых».

Если доверять женскому мнению, то вкладывать деньги в себя любимого, тратя их на костюмы и аксессуары, на порядок выгоднее, чем инвестировать свой же собственный бизнес или развивать свой Род. Мнение дамочек, с которыми мне предстоит знакомиться, а точнее, мой жениховский рейтинг в очень значительной мере будет определяться моим внешним видом.

Допустим, с этими утверждениями Анны я ещё мог согласиться без особого напряжения. Частенько наблюдаю примеры, как и у нашего брата срывает крышу от обольстительных женских ножек или иных достоинств, завёрнутых в эффектные платья. Как правило, ум, воспитание и прочие духовные ценности производят меньшее впечатление, а размеры приданого, в качестве основных достоинств, зачастую волнуют гораздо более зрелых мужей, чем я и мои друзья-курсанты.

Другое дело, что согласно полученным наставлениям, надо было не просто соответствовать последней моде, но ещё иметь при этом внешность и манеры вполне конкретных кинозвёзд. Анна не только не поленилась описать мне в трёхчасовой беседе основные моменты подобного перевоплощения, но и прислала чуть позже толстенный конверт. Подробные инструкции в нём были дополнены несколькими рекомендательными письмами к лучшим столичным портным, театральному режиссёру и модному парикмахеру, а заодно в письме оказались вырезки из журналов с соответствующими фотографиями двух звёзд кино в десятке

разных ракурсов.

«Стратегия противодействия», если так можно назвать замысел моей тетушки, была незатейлива и коварна. В ближайшее время мне предстоит изображать из себя «зазвездившего мальчика».

Во многом этому способствует выигранная гонка, награды из рук Императора и недавно полученный графский титул.

Ничего придуманного. Всё реально и по сути чистая правда. Почти всё…

Осталось под этот сценарий создать костюмы и образ, а затем постараться как можно убедительнее сыграть свою роль.

Надеюсь, что у меня получится запрыгнуть на высшие ступени жениховского рейтинга, и тогда у сообщества великосветских свах начнутся проблемы.

«Высокоуровневые невесты», или говоря проще, те из девиц, кто будет котироваться так же высоко по рейтингу невест, далеко не свободны в своём выборе и совсем не готовы к скоропалительным предложениям. Впрочем, о женихах их уровня можно сказать то же самое.

Зачастую «добрые родители», или иные клановые добродетели, просчитали заранее все возможные перспективные партии для будущей невесты, и тем или иным способом обозначили свои интересы, проведя переговоры с Родом или Кланом потенциального жениха, найдя там взаимное понимание.

Резко и вдруг такие договорённости не расторгнуть. Чревато, знаете ли.

Не каждый Клан подобное оскорбление спустит на тормозах, да и не всё в таких ситуациях так просто. Примеров тому более чем достаточно. Взять ту же Дашку. Додумалась же, дурында, руки на себя наложить, если что. Нет, чтобы по доброму послать всю свою родню лесом, со всеми их матримониальными планами. Но так не выйдет. Не принято. Более того, для Рода это потеря лица, а для Клана серьёзный урон репутации. И это не просто слова.

Стоит разойтись слухам о том, что какой-то Род разорвал без особых причин договорённости, как уже очень скоро даже в обычных договорах и контрактах для них появятся дополнительные пункты о неустойках, и подрастут цены, которые продавцы объяснят повышенным риском. Деловые же партнёры пострадавшего Рода так и вовсе постараются отношения разорвать.

Так что, как бы парадоксально это ни звучало, но мне, чтобы усложнить задачу великосветским свахам, следует стать максимально привлекательным.

Чем я и занялся, появившись в столице.

Надо сказать, что план тётушки я выполнил процентов на девяносто. Оставшиеся десять несостоявшихся процентов можно отнести на курсантскую форму, которую я не стал шить у кутюрье. Заказал её в обычном ателье, существующем при гвардейских частях.

Есть у нас в Академии курсанты, к которым прилипло прозвище «павлины». Они умудряются извернуться даже в жёстких рамках требований к форме. Более качественная ткань, чуть ярче серебряное шитьё на воротнике, ручной шов по обшлагу и прочие изыски. Вроде бы это такие мелочи, а в глаза бросаются. Преподаватели стараются не замечать незначительные изменения, зная заранее подготовленный ответ, что ателье испортило выданную ткань и возместило её своей, но всё равно в начале каждого года с десяток курсантов после первого смотра отправляются «приводить форму в соответствие», преступив грань наставнического терпения. Тоже своего рода традиция, очерчивающая границу фантазий курсантской моды.

Новый учебный год для меня начался непривычно. Я стал популярен среди курсантов и постоянно находился в центре внимания, да и у преподавателей стал вызывать излишнюю заинтересованность. Последнее меня совсем не порадовало. Пару раз попавшись на неожиданные вопросы от них, я резко пересмотрел своё отношение к учёбе. Полагаю, без подсказки Сущности тут не обошлось.

Как оказалось, нет ничего сложного в том, чтобы прочитать учебники на несколько глав вперёд. Впервые потратив пару вечеров на чтение, я гораздо лучше стал понимать, какие знания до нас пытаются донести наставники. Прочитанные главы зачастую дополнялись сведениями из кристаллов, изученных мной ещё в Касимове, а оставшиеся неясности я пытался ликвидировать на лекциях и семинарах. Потом вошёл во вкус, и стал перелопачивать горы дополнительной литературы, отрывая время ото сна. В итоге к концу первого месяца я заработал себе славу въедливого студента, всерьёз интересующегося изучаемыми предметами.

– Ты собираешься тянуть на диплом с отличием? – поинтересовался у меня как-то раз Артемьев, с которым мы вышли из аудитории на большой перемене.

На только что закончившемся семинаре мне удалось доказать преподавателю, что расчёт магем можно существенно упростить, если представить обсчитываемую конструкцию в виде самостоятельных блоков. Я за несколько минут пересчитал сложную конструкцию, предложенную им, и получил вполне

сопоставимые результаты с минимальной погрешностью.

– Не скажу, что буду стремиться к этому любыми способами, но если получится, то не откажусь. Сам подумай, так ли мне какой-то особенный диплом нужен, – с улыбкой ответил я, всё ещё находясь под впечатлением от горячего спора, закончившегося признанием моего метода. Про себя я хихикнул, представив, как сам себя принимаю на работу.

– По тебе не заметно, чтобы ты всё лето сох над учебниками, – одногруппник отошёл на шаг назад, оценивая мой цветущий вид и прилично подтянутую фигуру, – Никак у старших курсов кристаллы раздобыл?

– Э-э… – протянул я, чуть было не хлопнув себя по лбу.

Как же я раньше-то не допёр? Очевидное решение вопроса с учёбой лежало на поверхности. Раз есть передача Знаний через кристаллы, то должны быть и курсанты, желающие на этом заработать.

Я уже другими глазами оглядел холл нашего учебного корпуса. На первый взгляд, всё как всегда. Курсанты разбились на группы, различающиеся по интересам и происхождению. Я внимательно посмотрел на «павлинов», отдельной кучкой столпившихся у центрального витража. Многие из них учились очень неплохо. Раньше я как-то списывал эти успехи на дополнительное домашнее образование, которое отпрыски из богатых Кланов получают с раннего детства. Гриша только что открыл мне глаза.

– Я не очень-то и хотел заморачиваться учёбой, но больно уж преподы на меня неровно дышат. Пришлось подналечь, чтобы образу соответствовать, – рассказал я Артемьеву практически чистую правду, не уточняя, что тщательно создаваемый мной образ имеет в том числе и несколько иные цели, чем просто успехи в учёбе.

Не так давно я получил письмо с приглашением от княгини Юсуповой. До назначенной в нём даты осталось три дня. Думаю, что столь длительная задержка с отправкой приглашения у предводительницы великосветских свах была вызвана временем года. Затянувшееся бабье лето отнюдь не способствует переселению светской знати в столичные особняки. Осень – одно из самых красивых времён года. В Академии только и слышишь рассказы про устраиваемые в имениях охоты. Не каждый бал может сравниться с размахом некоторых сборищ, организуемых на открытом воздухе. Десятки шатров на лугу, сотни загонщиков, своры борзых, звуки горнов и рожков, кавалькады приглашённых раскрасневшихся на воздухе дворян, гарцующих на дорогих конях в модных охотничьих костюмах. Скучная столица, с её театрами и

салонами, никогда так не даст распахнуться русской душе во всю ширь. Не проскачешь по проспекту бешеным галопом, не выплеснешь свою удаль в молодецком крике или в истошном звуке горна, закладывающем уши. Так что не особенно торопятся дворяне в свои зимние особняки. Пустовато нынче в столице.

– Хватит их так бесцеремонно рассматривать. На нас уже внимание обращают, – дернул меня Артемьев за рукав.

Я удивлённо оглянулся на него. Гришка явно был встревожен. Как всегда, когда я о чём-то всерьёз задумываюсь, я замираю, отключаясь от внешнего мира. Что-то похожее произошло и сейчас. Всё это время я простоял, как бы разглядывая «сливки» нашего курса и полностью отрешись от действительности.

Рассматриваемая мной группа аристократов чуть не в полном составе повернулась в нашу сторону. Разговоры у них прекратились, и казалось, что мы сверлим друг друга взглядами. Я слегка наклонил голову, как бы извиняясь за своё нетактичное поведение, и пошёл к следующей аудитории, где у нас вскоре должна была начаться последняя пара.

– Похоже, он всё слышал, – с тревогой произнёс один из курсантов, который только что увлечённо повествовал группе «павлинов» об их будущей роли в новом государстве, нервно потирая печатку со знаками графского Рода, – Я хоть магии и не почувствовал, но он определённо вошёл в транс. Говорят, есть такая техника подслушивания. Помнишь, мы хотели этого графа Бережкова в свой круг пригласить, а потом передумали, когда выяснилось, что он близок к князю Обдорину.

– Я решу эту проблему, – чуть слышным свистящим шёпотом сказал их предводитель, второй наследник весьма известного княжеского Рода. Княжич слегка прищурил глаза и жёстко оглядел всех аристо поочерёдно, словно запоминая каждого в отдельности. Затем он резко вскинул руку, посмотрев на часы, от чего стоявший рядом с ним граф дернулся в сторону, испуганный столь стремительным движением. Не оглядываясь более на своих собеседников юный княжич упругим шагом направился к выходу. Клановые наставники могли гордиться своим воспитанником. Все мелочи и сплетни, полученные им из многочасовых светских бесед, молодой княжич за несколько секунд свёл воедино, выстраивая свой план. На ходу он немного поиграл лицом, придавая ему снисходительно-сожалеющее выражение. Выйдя из корпуса княжич сменил походку на лениво-фланирующую и только внимательный наблюдатель смог бы заметить несоответствующий ей цепкий взгляд, которым аристократ выискивал интересующую его персону среди старшекурсников, прогуливающихся по аллеям.

Последнее сегодняшнее занятие, посвящённое истории развития артиллерии, я провёл в крайнем нетерпении. Выпытав у Артемьева несколько фамилий курсантов старших курсов, с которыми можно было попробовать переговорить по вопросам приобретения кристаллов с лекциями по предметам на предстоящий учебный год, я занялся расчётами. При определённом везении у меня появлялся шанс сдать четыре, а то и пять предметов досрочно. Сверившись с расписанием, я удовлетворённо хмыкнул. Выигрыш почти на два дня в неделю, один из которых выпадает на субботу. Нет, определённо полученные через кристаллы Знания своих денег стоят. Пусть даже и по тем крайне нескромным ценам, которые озвучил мне Артемьев, оговорившись, что это его личные предположения и точных расценок он не знает.

– Мне покупать кристаллы отец не разрешил, – грустно поведал мне наш вихрастый источник новостей, – Сказал, чтобы до всего своим умом и усердием доходил. Не нравится отцу моя непоседливость. Он считает, что мне не хватает серьёзности и постоянно ставит мне в пример младшего брата от своей второй жены. А тот редкостный зануда. Я с ним минут десять поговорю, а потом сбегаю. Зевать так тянет, что челюсть вывихнуть можно.

По моему, так Гришка преувеличивает. Нормальный брат у него. Меланхолик и педант – этого конечно же не отнять, но и не такой уж он и зануда, как Артемьев его описывает. Был я у них дома как-то раз во время бурного празднования Гришиного дня рождения. Оба сыночка не в отца пошли. Гриша весь в свою такую же рыжую мать-юлу, да и его брат Вениамин от второй жены Артемьева-старшего много взял. На редкость спокойная волоокая красавица, с улыбкой Джоконды безмятежно наблюдающая за царящим в доме бедламом, она мне надолго запомнилась и пару раз даже приснилась. Как уж Гришкиного папашу угораздило взять себе в жёны столь разных женщин, один Бог ведает. Зарекаться не буду, но надеюсь, что у меня такого не случится.

Услышав долгожданный звонок я выскочил из аудитории одним из первых, а на улице и вовсе перешёл на бодрый бег. Очень хотелось прямо сегодня же переговорить с потенциальными продавцами знаний. Другими словами, я нёсся к корпусам старшекурсников, чтобы успеть поймать их до того, как они разойдутся. На территорию Академии можно попасть с четырёх сторон и мне не улыбалось бегать по всей территории, разыскивая незнакомых курсантов. Добежав до нужного корпуса, я со всех ног ринулся в холл, чтобы посмотреть расписание групп. Торопливость меня подвела и в дверях я жёстко столкнулся с

рослым парнем, выходящим из здания. Буркнув на ходу извинения, я уже совсем было проскочил мимо него, услышав нечто похожее в ответ, но неожиданно был им остановлен.

– Ба, какая встреча! Что же, похоже судьба, но видит Бог, я этого не хотел, – мой визави, крепко ухватив меня за плечо, выдал эту крайне непонятную тираду и заставил меня тем самым остановиться и рассмотреть его пристальнее.

Хм… Княжич Игорь Бельский. Третий наследник главы Клана Бельских, а заодно и дальний Дашкин родственник. Что-то вроде то ли двоюродного, то ли троюродного брата. При нынешнем многожёнстве даже опытные кумушки зачастую теряются, определяя верную степень родства.

Мы со Степаном уже не те наивные мальчишки, что бежали из разгромленной вотчины с котомками за плечами. Пообтёрлись, с агентствами разными поработали. Так что, вполне себе ожидая скандал из-за княжны Вадбольской, предполагаемые кандидатуры мы пробили заранее. Особое внимание обратили на тех, кто со мной в одной Академии учится.

Игорёк был одним из таких потенциальных претендентов на организацию конфликта. Неплохой боец, отличный стрелок и достаточно сильный маг. Ходили слухи, что он тайно влюблён в Дарью Вадбольскую и даже собирался вызвать на дуэль её наречённого, то бишь княжича Тугоухова. Верить слухам стоило с определённой долей скепсиса, поскольку исходили они в основном от Елизаветы Станиславовны и её родственников, а подруга у Дарьи ещё той интриганкой оказалась.

– Чем обязан, князь? – поинтересовался я, переводя дыхание.

– Мне кажется, что принесённых извинений недостаточно. Оставался бы ты со своими манерами у себя в деревне. Перебирал там навоз вилами и не лез в приличное общество, – княжич, оскалившись, проорал оскорбления мне в лицо, немного кося взглядом на собирающуюся около дверей публику.

– Если Вы возомнили себя Богом или писарем из Сословной Палаты, которые определяют кому и где быть, то не стоит брызгать мне слюной в лицо, – усмехнулся я, демонстративно вытаскивая платок и вытирая щёку.

Скинув своим движением руку княжича с плеча, я сделал шаг вперёд, заставляя его отступить в холл здания из неудобной позиции в дверях. Так мы оказались среди толпы курсантов, собравшихся на выход после окончания занятий.

Княжич замешкался, пытаясь вытащить из кармана лёгкого плаща, перекинутого через руку, торчащую оттуда лайковую перчатку.

– Перчатку достанешь, получишь по морде, – добил я его

надежды на куртуазный дуэльный вызов.

Если ему захотелось в красивости поиграть, то у меня прямо противоположная задача, а то и две. Во-первых, заставить его кинуть мне вызов, так как на шпагах или рапирах я ему точно не соперник, а во-вторых, сделать вызывающего смешным. Молва потом так по этим моментам пройдётся, что количество желающих повторить подвиг княжича резко поубавится.

Ситуация сложилась хоть и неожиданная, но что-то похожее я ещё летом предполагал, и примерную линию поведения подготовил заранее.

– Вызываю тебя на дуэль, – выкрикнул княжич, срываясь в конце фразы на фальцет.

– Ну вызвал и вызвал, что петухом-то орать. Магия. Здесь и сейчас, – воспользовался я правом вызываемого, позволяющим мне определять условия дуэли.

Развернувшись через плечо, я с треском захлопнул дверь перед носом княжича, лишив его возможности для дальнейшей перепалки, а его друзьям не оставляя времени для поиска причин, позволяющих отменить дуэль на моих условиях.

Есть, знаете ли умельцы, способные перетолковать не только Коран с Ветхим Заветом, но и обычные фразы, сказанные в запале. Мне такого счастья не нужно. По моим сведениям Игорь Бельский не самый сильный маг. По крайней мере он слабее Дарьи, с которой я неплохо справлялся, не причиняя ей особого вреда. Убивать его я не собираюсь. Не хотелось бы мне насмерть испортить отношения с Дашкиным Кланом. И Клан не из последних, и с Дарьей у нас пока не всё решено.

Я даже не успел неторопливым шагом дойти до Арены, где обычно проводились дуэли, как меня догнал Гришка Артемьев.

– Узнал, что у тебя дуэль. Одни говорят, что Бельский вызвал тебя из-за зависти, а другие, что из-за княжны Вадбольской. Расскажи, а… – на одном дыхании выпалил фанатичный любитель новостей, заставив меня замедлить шаг и задуматься.

– Зависть… А ты знаешь, вполне может быть, – попытался переосмыслить я замеченные мной несоответствия в жизни Академии. Я не только обратил внимание на изменившееся ко мне отношение большинства знакомых курсантов, но и постоянно пытался понять, что ещё мне режет глаз, но не поддаётся пониманию, – То-то я смотрю, всё вокруг изменилось, все по углам шепчутся, да оглядываются.

– А-а… Не, шепчутся по другому поводу, потом расскажу, – прервал мои размышления Григорий, – Ты кого в секунданты возьмёшь?

– Да хоть тебя, – усмехнулся я, предполагая, что поединок

выйдет скоротечным.

– М-м… Пожалуй нет, не мой уровень. О! Я знаю, кто тебе нужен, – пробежался взглядом Гришка по подходящим со всех сторон курсантам, спешащим к Арене, и тут же исчез, ввинтившись в собирающуюся толпу.

– Олег, день добрый. Твой друг сказал, что тебе секундант нужен. Я подойду? – Андрей Беклемишев, ещё один Глава Рода, весной закончивший Академию, блистал в новеньком гвардейском мундире, уже украшенным одинокой медалью и знаком ранения.

– Здравствуй, Андрей. Как это тебя к нам занесло? – поинтересовался я у гвардейца, с которым мы частенько раскланивались при встречах, а то и перебрасывались парой фраз ещё не так давно, в его бытность курсантом.

– За дополнительным формуляром прибыл. После ранения временно от полётов отстранили и хотели в отпуск отправить. Кое-как убедил командира, что пока могу на транспортнике летать. У меня на практике налёт на нём почти триста часов составил, а подтверждающего документа в личном деле не имелось. Пришлось в нашу канцелярию обращаться, – кивнул Андрей в сторону главного корпуса.

– Надеюсь, ты знаешь, чем секунданты занимаются, а то я ни бум-бум, – не стал я скрывать от своего знакомого очередной пробел в специфических знаниях, относящихся к особенностям светской жизни.

– Знаю. Было дело пару раз. Как я понял, Бельский тебя вызвал, а ты выбрал магический поединок, – Беклемишев дождался моего подтверждающего кивка и продолжил, – Тогда всё просто. Сейчас дождёмся наставника или преподавателя. Он ещё раз озвучит правила. Выставит защитный купол и отдаст команду. Убивать в Академии не принято. Поэтому дуэль у вас до первого ранения или невозможности её продолжить одним из участников. Добивать нельзя. Артефакты использовать тоже запрещено. На самом деле у княжича будут трудности. Насколько я помню, он в основном огневик, и только потом воздушник. Я что-то не припомню в магии Огня подходящих заклинаний для дуэли по правилам Академии. Скорее всего он по тебе воздушным кулаком звезданёт.

Я с сомнением помотал головой. Княжич разозлился не на шутку и вряд ли он станет себя сдерживать, ограничившись просто оглушением. Наверняка на что-то более убойное расстарается.

Беклемишев отошёл в сторону, дожидаясь секунданта от Бельского, который был занят разговором с княжичем, а я присел

на скамейку, чтобы не спеша обдумать новости, принесённые Артемьевым.

Зависть. Нельзя сказать, чтобы я её не замечал в последнее время. По моим ощущениям, именно зависть послужила для меня тем катализатором, благодаря которому я упёрся в учёбу. Слишком многие стали на меня поглядывать с возмущением, а то и с ненавистью, ожидая моих неудач и провалов. Своими победами, большими и маленькими, я словно подчёркивал их желание существовать не напрягаясь. Я хорошо помню то радостное возбуждение в нашей аудитории, с которым были встречены мои неудачные ответы на неожиданные вопросы преподавателей. Меня тогда сильно зацепило, что мои неудачи вызывают радость, а успехи – недовольство. И чем больше неудачникам и лентяям хотелось «приземлить» меня в ряды себе подобных, тем сильнее было моё желание оторваться от них. В какой-то степени чужая зависть оказалась для меня постоянным источником силы, заставляющей вдумчиво вгрызаться в учебники, выкладываясь на полную катушку и перелопачивая по ночам горы дополнительных книг.

– Иди проверяйся на отсутствие артефактов и можете начинать, – услышал я голос Андрея Беклемишева, приход которого я прозевал, размышляя о событиях прошедшего месяца.

Проверка на артефакты. Скороговорка наставника. Наше подтверждение готовности, и спустя короткое время, команда начинать.

Стоим в двадцати метрах друг от друга. Услышав команду, я почти автоматически начинаю бой. Стандартный «Светлячок», чуть распёртый Малым Воздушным Кулаком, Прыжок и Щиты, которые пришлось придержать. Уже понимаю, что что-то пошло не так. «Светлячок» сработал не долетев до цели метра три, а Бельский распластался в нижней стойке, присев на полушпагат.

Пока формирую Щиты для столь неудобной цели, стараясь выставить их так, чтобы его не переломать, вижу, что с рук княжича срывается яркий шар и летит мне в ноги. Почти успеваю сформировать и раскрыть ещё один Щит перед собой и высоко подпрыгиваю на месте, пытаясь укрыться за ним от летящего в меня заклинания. Оглушительный звук взрыва. Меня переворачивает в воздухе и я вижу, что лечу лицом вниз на свой же собственный ботинок, почему-то катящийся на земле.

Потом наступила темнота.

Глава 26

Очнулся я от звука знакомого грассирующего голоса в коридоре.

– Да верю я, что с ним всё в порядке, верю. Ну и вы меня поймите. Я докладываю, а меня спрашивают, сам ли я его видел. И звонки не абы откуда, просто так не отмахнёшься, знаете ли.

– Так и быть. Можете взглянуть одним глазком. Видите. Живой, почти здоровый. Даже румянец на щеках наблюдается, – услышал я скрип открываемой двери и ещё один знакомый голос, принадлежащий главному врачу госпиталя, – Сам Николай Николаевич с ним работал. Всё, как положено срастил.

Судя по всему, через приоткрытую дверь меня рассматривают двое моих знакомых офицеров, с которыми мы как-то раз отмечали удачное окончание аукциона. Насколько я помню, один из них майор Игнатьев, а второй – начальник госпиталя, капитан Нечаев Павел Георгиевич.

– А что это за хреновина у него к ноге прикручена? – грассируя больше обычного, громким шёпотом задал вопрос граф Игнатьев.

Я ещё толком не осознал, где нахожусь, и на всякий случай решил не показывать, что уже очнулся и вполне хорошо слышу обоих собеседников.

– Это новинка. Ногу-то ему срастили, но при этом она сантиметров на десять короче стала. Слишком много дроблёных костей при ударе образовалось. Так что теперь этими железяками ему ногу вытягивать будут до нужной длины.

– Что-то новенькое. Помнится, раньше такого не было. У кого денег хватало, те услугами целителей пользовались, правда, не всегда удачно.

– У нас всё новое – это хорошо забытое старое. Чего-то своего мы мало изобретаем. Всё больше довоенными идеями довольствуемся. Благо, книг да чертежей от предков прилично перепало. Жаль, что многие знания по Кланам да Родам разрознены. В имперских библиотеках, считай, и половины нет того, что порой в родовых хранилищах встречается. Опять же, не на всё денег хватает. В прошлом году пришлось от инструментов и посуды из молибденхромовой стали отказаться. Даже для нашего госпиталя цена тогда непомерной оказалась.

Дверь закрылась и голоса, заметно убавившиеся в громкости, стали удаляться.

Я ещё успел расслышать, как врач жаловался на отсутствие дорогостоящих лекарств и нехватку квалифицированного

персонала, особенно старших медсестёр.

Знакомая ситуация. При первом знакомстве он тоже готов был про госпиталь говорить безостановочно, только дай повод.

Приоткрыв глаза, я огляделся. Вне всякого сомнения я нахожусь в больничной палате, причём в нашем гвардейском госпитале. Сложно не заметить лепные карнизы, украшенные золотыми вензелями с инициалами Великой княжны. Палата небольшая, но чистенькая, и я бы сказал, вполне уютная. Без малейших намёков на казёнщину. То ли хитро собранные шторы придают ей такой вид, то ли элегантная пара потолочных светильников, удачно гармонирующих с обоями цвета ванили. Добавь сюда пару шкафчиков, зеркал и небольшой стол с пуфиками, так и вовсе на девичью светёлку будет походить больше, чем на больничное помещение.

Чуть приподнявшись, я осмотрел себя. Руки на месте, ноги тоже. По крайней мере одна из них точно. Зато вместо правой ноги у меня здоровенное бревно, кое-как прикрытое одеялом. Стащив с резко потолстевшей ноги одеяло, я полюбовался на заковыристую конструкцию из стали, стянутую гайками и длинными резьбовыми шпильками. Полностью рассмотреть её мешали стальные кольца, начинающиеся чуть ниже колена. Я изогнулся, пытаясь взглянуть на ногу чуть сбоку и с содроганием увидел, как несколько стальных штырей уходят мне прямо под кожу и судя по всему, они же и выходят с другой стороны, насквозь проходя через кости. Что характерно, через мои кости. Кем-то насквозь просверленные.

С трудом закинув одеяло обратно, я откинулся на подушку, машинально вытирая выступившую на лбу испарину. Одна мысль о том, что мне недавно сверлили кости и вставляли в образовавшиеся дыры металлические штыри, словно плотным занавесом закрыла всё остальное. Больше минуты я переваривал случившееся, почему-то отчётливо ощущая при этом явный привкус металла во рту.

Отвлечься меня заставил скрип открываемой двери. Сквозь прищуренные глаза я увидел Павла Георгиевича, начальника нашего госпиталя. Мельком глянув на меня, он заложил руки за спину и не спеша подошёл к окну.

– В длительной практике есть свои плюсы, – негромко сказал врач, – К примеру, я всегда точно знаю, когда человек спит, а когда нет. Тем более, когда он спит под наркозом. Можете и дальше притворяться, а я пока расскажу вам одну довоенную притчу, которую ещё студентом услышал от своего учителя.

Павел Георгиевич немного помолчал, видимо ожидая какой-либо реакции с моей стороны. Он стоял ко мне спиной и сквозь

прикрытые глаза я видел только его тёмный силуэт на светлом фоне штор. Не дождавшись ответа, доктор чуть закинул назад голову и глядя в окно, тем же спокойным и негромким голосом начал рассказывать:

В небольшой больнице, в одной палате, лежали два тяжело больных человека. Место одного было у окна, а кровать другого располагалась рядом с дверьми.

– Что хоть там происходит за окном? – как-то раз спросил тот, что лежал у дверей.

– О! – оживился его сосед по палате, – Я вижу небо, облака, напоминающие стаю птиц, озеро и лес вдалеке…

Каждый день лежащий у окна подолгу рассказывал своему коллеге по несчастью о том, что происходит за окном.

Он видел лодку, накренившуюся под парусом, рыбаков, зависших над удочками, детей, играющих на берегу в понятные только им игры, парня с девушкой, держащихся за руки и не сводящих друг с друга восторженных глаз.

В то время как он наблюдал все эти удивительные события за окном, его соседа мучила глухая злоба и зависть.

«Это несправедливо, – думал он. – За какие такие заслуги его уложили на то место, а не меня. Я вот могу смотреть только на облупившуюся дверную краску, а он постоянно любуется видом из окна?»

Однажды вечером больной, лежащий у окна, сильно закашлялся и стал задыхаться. Он пытался дотянуться до кнопки вызова медсестры, но приступ отнял у него последние силы.

Сосед молча наблюдал за происходящим. Ему ничего не стоило нажать на свою кнопку, но он этого не сделал.

Через некоторое время первый больной затих и вытянулся на своей кровати. Он умер.

Когда его унесли, сосед попросил медсестру, чтобы его переложили к окну. Медсестра выполнила просьбу больного, перестелила его постель, помогла ему перелечь на другую кровать и, убедившись, что он устроен, направилась было к двери. Вдруг её остановил удивлённый возглас больного:

– Как же так! Это окно выходит на глухую серую стену! Но тот, кто умер, рассказывал мне, что видит лес, озеро, людей… Где он мог всё это разглядеть?

Медсестра печально улыбнулась:

– Он вообще не мог ничего видеть. Ваш покойный сосед был от рождения слепым.

– Но зачем же он тогда… Зачем же он рассказывала мне всё это?

– Он, видимо, просто хотел вас немного отвлечь и

приободрить…

Закончив рассказ, Павел Георгиевич помолчал, постоял некоторое время, покачиваясь с носка на пятки, и продолжил:

– Я к чему рассказал вам давно услышанную историю… Жизнь – это удивительная штука. Порой в ней столько всего переплетено, что даже неблаговидные поступки могут оказаться теми переломными моментами, из-за которых люди меняются. Взять, к примеру, тот аппарат, что сейчас одет у вас на ноге. Если что, то он куплен на ваши же деньги, и как ни странно, вы же и оказались нашим первым пациентом, которому он пригодился. Забавно, не находите? Но я, собственно, не об этом… Чуть более часа назад я беседовал с вашим недавним соперником по дуэли. Могу уверенно сказать, что он искренне сожалеет о происшедшем. Считает, что поводом для дуэли послужило глупое стечение обстоятельств. Ни о какой дуэли он и не помышлял, пока вы не столкнулись с ним в дверях и не вынудили его на вызов.

– Неужели княжич сам удосужился придти? – впервые отозвался я на речи врача, не пытаясь больше изображать из себя спящего больного.

– Придти… Это вряд ли. Тяжёлая контузия и множественные переломы. Ходить он сможет не скоро. Впрочем, как и вы. Так что беседовал я с ним через две палаты от вашей. Он тут недалеко от вас лежит, и как начальник госпиталя, я очень хочу быть уверен, что ваша глупая ссора не найдёт своего продолжения в наших стенах.

– Хм-м… Я вынудил… – с некоторым запозданием среагировал я на полученную информацию. После сна, а скорее всего после наркоза, голова у меня работала не так, как всегда. Мысли ворочались неспешно, словно медузы в спокойной прибрежной бухте, – Могу пообещать, что без веских оснований я никаких действий предпринимать не буду.

Значит, княжич сожалеет. Впрочем… Другого человека не так сложно понять. Надо просто встать на его место.

Помню же, что при встрече княжич мне что-то непонятное лопотал. Вроде того, что он чего-то там не хотел. Может и действительно не хотел. Другое дело, что я изначально был взъерошен, постоянно ожидая предсказуемых неприятностей, и вполне возможно, сам спровоцировал его на неадекватные действия. Возможно, что при иных раскладах мы смогли бы разойтись вполне себе мирно.

Ладно. Прокрутим ситуацию ещё раз. В то, что доктора успели ко мне подослать с целью урегулирования свершившегося конфликта, я как-то не верю. Времени прошло немного, и вряд ли

кто что-то успел узнать и сообразить, что он на меня может оказать влияние в свете нашего знакомства, которое мало кто заметил и запомнил. Наиболее вероятно, что Павел Георгиевич всерьёз обеспокоен тем, чтобы мы с княжичем не продолжили свои глупости в его учреждении. Место тут найти не так сложно. И уже вторым планом я буду считать его сожаление о наших судьбах и карьерах. Формально, и княжич и я нарушили правила проведения дуэли. Я, допустим, сумею отбрехаться. Любые Щиты никогда не считались летальным заклинанием. Вряд ли у кого фантазия взлетит настолько высоко, чтобы её полёт мог доказать обратное. Для начала такому энтузиасту надо попробовать изменить всю существующую теорию магии, а заодно и переписать учебники, в которых Щиты всегда относили к защите. Не, это точно дурная идея. Проще пытаться доказать, что дважды два равно пяти. Думаю, что за арифметический изыск жизни не лишают. В магтеории споры намного жарче и бойчее. Архимаги – народ буйный, а то и просто необузданный. Там, если что не так, всё решает поединок.

Зато княжич подставился очень серьёзно. Не успей я набросить Щиты и сместиться в сторону, мне не только бы ногу ниже колена оторвало, но и головёнку легко могло снести. И покатилась бы она по песку арены вместо моего ботинка, в который я практически носом уткнулся.

Моя память тут же услужливо подбросила последние воспоминания о дуэли. Именно тот момент, где я чуть ли не носом лечу в свой окровавленный обрубок ноги.

Той самой ноги, которую мне сейчас просверлили и одели её в стальные кольца.

– Я против княжича ничего не имею. Готов принять извинения, – тряхнув головой, отозвался я, пытаясь выкинуть из памяти последние кадры дуэли и с трудом удержав рвотный спазм. Вид крови я вроде спокойно переносил, пока до собственной дело не дошло.

– Эгхм-м… Как я полагаю, князь не расположен к извинениям. Кроме того, в отличии от вас, он вполне себе представляет своё скорое отчисление из Академии. Его-то магия никак не оказалась в пределах правил. Впрочем, вас его проблемы наверняка мало волнуют, – Павел Георгиевич обернулся и окинул меня взглядом с ног до головы, – Кстати, на вашем месте я бы подготовился к вечерним визитам. Со слов нашего майора могу предположить, что ближе к вечеру нас могут посетить дамы, и скорее всего весьма титулованные. Медсестру я вам сейчас пришлю.

Он многозначительно приподнял бровь и указал взглядом на

потолок, ясно давая понять, что дамы будут не просто «весьма титулованные», а весьма и весьма… Недаром тут под потолком золочёные вензеля имеются.

– «Хм… Так что же всё-таки хотел донести до меня доктор в самом начале разговора», – озадаченно уставился я на дверь, заботливо прикрытую вышедшим врачом.

Думаю, совсем не то, что я своим «неблаговидным поступком», как он выразился, добился визита титулованных особ. Рассуждая здраво, в значительной мере я сам спровоцировал сложившуюся ситуацию с княжичем. Заигрался с образом «зазвездившего мальчика». Врагов, завистников и просто недоброжелателей нажил за короткое время столько, сколько иной экономный человек за всю жизнь себе не позволит. Опять же при столкновении с княжичем не успел вовремя «на нормального» переключиться, хотя было у меня секунд пять, пока он про судьбу и Бога что-то там вещал. Смотришь, перекинулись бы парой уважительных фраз и разошлись краями. Так нет же. Я повёл себя так, как будто у меня сам Император в близких друзьях числится, а Священный Синод выписал мне пожизненную индульгенцию, позволяющую хамить всем налево и направо.

Подвела меня излишняя самоуверенность. На ту же дуэль я вышел, чуть ли не похохатывая. Вот и уткнулся в суровую правду жизни. Шваркнула меня судьба мордой об собственный ботинок. Хороший урок, хоть и жестокий. Можно сказать, знаковый. Пожалуй, стоит кое-что переосмыслить и скорее всего признать, что популярность в столице – это не моё. Не хватает мне гибкости и врождённых умений. Тот же Феликс Юсупов практически инстинктивно отходит, когда надо, и так же естественно возвращается к интересующей его княжне, тут же затевая светский разговор и умело завоёвывая внимание девушки. У меня так не получается. Этим надо жить, а мне не хватает ни опыта, ни желания. Тысячи дворян в нескольких поколениях годами топчут паркет, лавируя между группами гостей, ведя положенные этикетом разговоры, вполне естественно обсуждая моду или последнюю премьеру в театре, а то и откровенные сплетни. Этакая ярмарка тщеславия, на которой они без жалости убивают свою жизнь. Всё это сообщество переплетено родством той или иной степени, связями, близкими знакомствами, взаимно оказанными услугами и ещё сотнями прочих мелочей. На них потрачены десятилетия общения, зачастую состоявшего из пустой светской болтовни. Неужели это Анна, моя новоявленная родственница, прострелила меня своей идеологией, сумев убедить в том, что мерилом успеха является зависть окружающих? Если так, то я сам себе стал напоминать светскую

лоретку, наслаждающуюся завистью подруг из-за нового модного платья или подаренного кем-то колье. Неприятное ощущение. И на душе гадостно.

Высокие гостьи посетили мою палату часа через три. Великая княжна с младшей сестрой появилась в сопровождении двух почтенных дам. К тому времени я был причёсан, умыт, и даже опрыскан вполне приличным одеколоном. Не иначе, как Павел Георгиевич распорядился и поделился запасами. Майор, представив нас друг другу, тихо исчез, правильно оценив, что в палате стало тесновато, и дамы вполне обойдутся без раскатов его грассирующего голоса.

– Здравствуйте, граф. Признаюсь, я несколько иначе представляла себе нашу следующую встречу, – начала свою речь княжна, усевшись на непонятно откуда появившийся стул.

– Приношу извинения за свой вид и лежачее положение, Ваше Высочество. Поверьте, мне право не ловко, – смутился я оттого, что вынужден лежать, и это при стоящих дамах. Стул в палате возник всего один, и даже сестра княжны осталась стоять, опёршись рукой на спинку стула.

– Ирина Владимировна, помнится, вы хотели осмотреть палаты третьего этажа. Полагаю, что у вас сейчас есть на это время, – бросила княжна через плечо, чуть повернувшись к сопровождающим её матронам. Переглянувшись, те едва заметно пожали плечами и удалились, шурша пышными юбками.

– Ой, Ириш, спасибо, – прощебетала сестрёнка княжны, слегка изменив позу после ухода почтенных дам. Словно солдат, услышавший долгожданную команду «вольно».

Про моё здоровье и светские новости поговорили недолго. Пару минут, чтобы соблюсти приличия. Потом княжна прислушалась, и убедившись, что голоса в коридоре и шаги ушедших дам уже не слышны, решительно изменила тему разговора.

– Мне давно хотелось с графом поговорить без лишних ушей. Нет, ты останься, не мешаешь, – остановила она дёрнувшуюся было сестру, – Разговор у нас не то, чтобы секретный будет, но и не настолько открытый, чтобы его слышали посторонние. Особенно эти клуши, – княжна слегка кивнула головой в сторону дверей, через которую ушли её сопровождающие, – Вот уж у кого язык без костей и жизнь без забот, только и мечтают поскорее меня замуж выдать, а до того, что есть вопросы более важные, им дела нет. Чуть было не сказала, что всё очень удачно сложилось с вашим появлением у нас в госпитале, – взглянула она на мою бревноподобную ногу, с трудом укрытую одеялом, и обозначила улыбку одними кончиками губ, – Как считает мой наставник, вы у

нас можете стать одной из ключевых фигур в плане.

– У вас есть наставник? – поинтересовался я, чтобы не отмалчиваться и всё-таки создать видимость беседы. Заметив непонимание на лицах девушек, пояснил, из-за чего я такой вопрос задал, – Я почему-то считал, что обучение вы проходите чисто в женском обществе.

– Вы путаете двор Императора и сераль, – подала голос Алёна, сестра княжны, скорчив при этом уморительную гримаску.

Замечательно, что у обеих сестёр-красавиц хорошее, я бы сказал даже игривое настроение, но опять же плохо, что я снова становлюсь частью чьего-то плана. Я ещё от Дашкиной затеи не оклемался, вот, в госпитале лежу с прирощенной Целителем ногой, а меня снова в какие-то расклады тянут. Э-э, нет, так дело не пойдёт… Если мне из-за несостоявшейся свадьбы обычной княжны не так давно ногу оторвали, то что же мне оторвут за племянницу Императора? Оба сходу возникших у меня в голове ответа на свой же вопрос оптимизма мне ни на грамм не добавили. Короче, за неё всё что ни оторвут – всё плохо. Для меня. Чую, что мелочиться не будут.

– Наставник у меня есть. Кто-то же должен донести до особы императорских кровей знание основ медицины. Так что назначили мне в наставники лекаря не из последних. Наш Император человек серьёзный. Мне настоящий экзамен пришлось выдержать, перед тремя профессорами между прочим, прежде чем он мне госпиталь доверил патронировать. Поэтому не считайте, что вы одни чему-то учитесь в своей Академии. Нам с сестрой тоже спуску не дают. Но об этом мы позже поговорим, когда время будет. А пока мне интересно ваше мнение. Как вы считаете, можно ли в приличном количестве изготавливать изделия, вроде ваших поясов, которые были бы пусть и слабее, но в разы дешевле? – озадачила меня вопросом племянница Императора.

– Затрудняюсь с ответом. Теоретически сделать вещь хуже существующей не так сложно. Понять бы ещё, насколько интересующий вас артефакт должен быть слабее, или хотя бы знать, куда вы его собираетесь применить. Без этих уточнений я рискую попасть пальцем в небо.

Мой ответ заставил княжну ненадолго задуматься. Однако спустя несколько секунд она решительно тряхнула головой и поднялась со стула. Мне с трудом удалось скрыть усмешку, когда она встала у окна примерно в том же месте, где не так давно стоял доктор и приняла почти такую же позу, как он во время рассказа. Интересно, это совпадение или у всех медиков есть что-то общее в поведении.

– Полагаю, как курсант Академии вы имеете некоторое

представление о том, что такое военная медицина. Не буду лезть в дебри и расписывать вам её отличия от традиционной медицины, но они есть, и порой они значительны. Что вы наверняка знаете, так это всё возрастающую роль артиллерии в боевых действиях. Именно из-за неё военные врачи бьют тревогу и называют массовые тяжёлые повреждения у военнослужащих травматической эпидемией. Осколочные ранения требуют не только скорейшей остановки кровотечения, но и максимально быстрого снятия шокового состояния, зачастую не менее опасного, чем кровотечение. С шоком и кровотечением целитель шестого уровня справится за одну-две минуты. У военных медиков есть понятие «золотого часа». Не ищите о нём упоминания в учебниках, лучше поговорите с любым знакомым военным врачом. Он расскажет вам, что если помощь оказать в течении первого часа, то из десяти раненых выживет девять, а если оказать её через два часа, то всё наоборот. Девять из десяти умрут. Резерва Силы у целителя шестого уровня хватает на первичную обработку пяти-восьми раненых. Потом ему требуется время на восстановление. Но целителей в армии мало. Настолько мало, что их роль в постоянно растущей армии перестают учитывать и скорее всего на следующий год закроется единственное учебное заведение в стране, где обучают военных магов-медиков. Тех самых магов, которые только в последней войне спасли тысячи жизней.

После экспрессивного монолога княжна замолчала, и я не сразу понял, что от меня ждут какой-то реакции на сказанное.

– Насколько велик ежегодный выпуск военных целителей? – решил я восполнить последнюю недостающую цифру в предложенной ей задаче.

– Порядка тридцати выпускников в год, – княжна развернулась ко мне лицом и чуть прищурилась, рассматривая меня с изрядным холодком.

– Действительно мало, – обескуражено отметил я вслух, – Польза, полагаю, от них армии немалая. Могли бы и побольше их штат расширить.

– Где бы ещё взять столько Одарённых, готовых стать «клистирной трубкой». Так, кажется, у вас в армии принято называть докторов? – княжна сердито сверкнула на меня глазами, без сомнения отождествив меня с остальными вояками, – Из родовитых в лекари никто не пойдёт. Им боевую магию подавай или на пилотов учи. А что касается остальных сословий, то немного магов шестого уровня согласятся на десять лет связать себя с учёбой и армией. Обучение у врачей пять лет, а потом ещё и обязательный контракт на такой же срок. Мы второй год подряд

не можем набрать курс в пятьдесят человек полностью. В этом году их учится только сорок два, и то четверо под вопросом. И сколько из них осилит учёбу до конца? Двадцать пять? Тридцать? Военное министерство при любом удобном случае тычет нам на чрезмерные расходы по подготовке и содержанию каждого врача-мага. Целые трактаты пишут, доказывая, что армия куда как с большей пользой может потратить эти средства на обычных врачей и лекарства. Пока выручает статистика. Пришлось дотошно подсчитать и задокументировать результаты лечений. Доказано, что если первую помощь оказывал маг, то количество выживших и вернувшихся в строй в два с половиной раза выше среднестатистического по тем же воинским частям. Срок пребывания в госпитале так же заметно сокращается. Вроде бы, всё понятно. Однако, представьте себе, оказывается человеческая жизнь имеет себестоимость. Я стала ненавидеть это слово. Финансисты посчитали, что спасённые жизни и уменьшение количества калек обходятся армии слишком дорого.

– Зря вы слепо доверяете чужим расчётам. Для начала я бы их проверил с помощью дотошных и независимых специалистов. Не исключено, что армейские финансисты многое забыли в них включить. Те же расходы государства на рождение детей, пенсии и льготы инвалидам, пособия семьям, потерявшим кормильца и многое другое.

– Вы… Вы такой же, как они… – презрительно скривившись, произнесла княжна, порывисто оттолкнувшись от подоконника и направляясь к двери.

– Ирина, подожди. Граф дело говорит, – встала у неё на пути Алёна, – Ты сейчас разгорячена и не видишь, как он только что показал нам иную сторону конфликта.

– Какого конфликта… Дай мне пройти, – отмахнулась от сестры княжна, вытаскивая на ходу платок из рукава.

– Ты никуда не пойдёшь, пока мы не закончим разговор, – скалой встала у неё на пути Алёна.

– И ты с ними заодно… Ах, да. Я же забыла, что ты у нас экономист и вместо романов на ночь предпочитаешь гроссбухи изучать, – Ирина наверняка хотела сказать свою фразу максимально ядовито, но растерянности в ней прозвучало больше.

– Да. Меня учат на экономиста, а ты у нас медик. Поэтому ты и рассуждаешь, как медик. Ты увидела, что военное министерство пытается оттяпать у твоей любимой медицины какой-то кусок, и пытаешься всё решить с помощью эмоций и долгосрочных прожектов. Ничего не выйдет. Слишком разные весовые величины у министерства и у того заведения, за которое ты ратуешь. Граф

только что тебе подсказал, что не стоит в одиночку воевать против всей армии. У нас есть и министерство финансов, и Счётная палата, и комиссия в Думе по государственному бюджету. Осталось доказать им, что военные без зазрения совести лезут казне в карман, пытаясь экономить на медицине, а все последствия перекладывают на бюджет страны. Браво, граф. Гениально, – Алёна, изобразив аплодисменты, направленные в мою сторону, повернулась к сестре, – А ты можешь забыть про свои страхи. Никто твоих магов теперь не тронет. В военном министерстве все крепко за свои кресла держатся и ради копеечной экономии на твоей любимой медицине никто зря рисковать не станет, – Алёна снова повернулась ко мне, – Граф, от всей души благодарю за идею. Расчёты я проверю сама. Мне как раз поручено наставником выполнить задание примерно такой сложности, вот я и займусь проверкой. А там глядишь, хорошо выполненным заданием где-нибудь перед Императором за ужином похвастаюсь, когда приглашённых побольше будет…

Мда… Поворот. Ничего похожего лично я в виду не имел. Просто хотел дать княжне небольшой выигрыш во времени, а тут вдруг младшая целый план родила.

– Неужели сработает? – обескуражено произнесла Ирина Александровна, присаживаясь на краешек стула и с надеждой глядя на сестрёнку.

– Дай мне неделю и мы вместе увидим результат, – Алёна задорно смахнула чёлку со лба и мечтательно уставилась в потолок.

– Тогда я наверное зря вас беспокою своими фантазиями по увеличению резерва у врачей, практикующих магию, – негромко сказала княжна, повернувшись ко мне.

– Мне нужен день, а лучше два. Все необходимые цифры я от вас услышал. Резерв мага шестого уровня у нас порядка трёхсот единиц. Он его расходует за пять-восемь раз. В среднем на сам магический сеанс тратит одну минуту или чуть больше. Всё правильно? Таким образом я могу сосчитать необходимые параметры и затем вчерне прикинуть, как это можно воплотить в изделии. Определённые трудности его удешевления я вижу в отказе от драгоценных металлов. Наш протез потому и называется протезом, что носить его нужно практически не снимая. Энергоканалы – штуки капризные. Они не так быстро подстраиваются к появившемуся стороннему источнику Силы, но зато, как только он исчезает, они торопятся вернуться на старое место. Убрав из протеза золото и платину, мы должны будем поставить более массивные детали из той же посеребрённой бронзы, к примеру, или иного металла со слабым окислением. Не

уверен, что ваши врачи согласятся постоянно, день и ночь, носить на животе блямбу килограмм на пять. Да и размером она будет, – я руками показал на себе предполагаемые размеры протеза, ориентируясь примерно на крышку от солдатского котелка, – Полагаю, молодые люди будут испытывать неудобства, особенно при общении с противоположным полом, – брякнул я не подумавши, и только потом сообразил, насколько это прозвучало двусмысленно.

К счастью, обе княжны лишь хихикнули, и не стали комментировать мою промашку. Но и без внимания моя оговорка не прошла. Дала толчок к смене темы разговора.

– Вы же графом не так давно стали? Надеюсь, поисками невесты из высокородных уже озаботились? – всё ещё улыбаясь, спросила княжна, скорее всего в отместку за мою двусмысленность.

– А зачем мне из высокородных? – попробовал откреститься я, предполагая, что меня с кем-то собрались знакомить.

– Ну как же… – всплеснула княжна руками, совсем так же, как это делает моя новоявленная тётушка, – Первая жена всегда главная хозяйка в доме. Остальные жёны обязаны выполнять её распоряжения. Так что, если вы возьмёте себе какую-нибудь купчиху, а потом мало ли, надумаете сделать предложение, да хоть бы нашей Алёнке, то это будет прямым оскорблением, не иначе… – княжна говорила улыбаясь, и не видела, что её сестра вдруг выпрямилась, словно проглотив шпагу, а потом прикрыв зардевшееся лицо ладошками, быстро поспешила из палаты.

– Дура… – услышали мы с княжной полувсхлип Алёны, прозвучавший одновременно с гулким хлопком двери.

– Упс-с… – княжна оглянулась на дверь, и что-то сообразив, заторопилась, – Извините граф. Думаю, мы ещё увидимся. Интересно с вами всё получается.

Да уж… Ничего не скажешь. А мне как интересно точнее узнать, что тут было только что. За какую-то четверть часа я стал автором целой придворной интриги, согласился на разработку недорогого накопителя и получил весомое основание считать, что младшая княжна проявляет ко мне интерес.

Допустим, завязывающаяся интрига с военными финансистами меня не коснётся. Про неё можно забыть. По крайней мере, я надеюсь, что можно.

С накопителями всё гораздо интереснее. Княжна вряд ли догадывается, насколько её вопрос попал в цель. Что-то подобное я пытался сам придумать, чтобы вбить ещё один клинышек в устоявшееся мнение и легализовать способности интромагов. А тут такой подарок! Удастся внедрить протезы в медицину, а там,

глядишь, медики сами придумают, почему и как они работают. Заодно и докажут, что посторонние источники Силы не являются крамолой. Хотя, кто будет спорить? Уж точно не армейцы. Им маги, вооружённые накопителями, в разы больше жизней спасут. А спорить с фронтовиком, вытащенным с того света… Не… Есть более простые способы самоубийства.

Потирая руки, стал размышлять о княжне, точнее о её младшей сестре, но тоже, кстати, Великой княжне, как я понимаю. В череде наследников Императора она в самом хвосте, и это не может не радовать. Было бы ей годиков побольше… А, кстати, сколько ей лет? Вот где мою тётушку чёрт носит? Она же наверняка знает все эти подробности, а то и в курсе, есть ли у младшей княжны жених.

Павел Георгиевич, залетевший в мою палату минут пятнадцать спустя, застал меня мечтательно улыбающимся.

– Граф, это переходит все границы! Обидеть Великую княжну, да ещё в стенах нашего госпиталя… – начал он сходу отчитывать меня.

– Ну что вы. И в мыслях не было, – открестился я, не меняя блаженного выражения лица, – Возраст… Чувства… Сами понимаете.

– Э-э, – сбился доктор и даже остановился на полушаге, затоптавшись на месте, – То есть всё хорошо?

– Да мне-то откуда знать, что у них в голове? Просто постарайтесь забыть, что вы видели, и думаю, всё само по себе уляжется.

– Если бы один я видел, – вздохнул доктор, – Тут сороки наши уже такого нарассказывали, что не передать. Боюсь, к вечеру вся больница вам не на раз косточки промоет.

– Лишь бы не обглодали, – легкомысленно отмахнулся я от будущих сплетен, – А вы мне не подскажете, надолго я тут у вас застрял?

– У нас не слишком надолго. Недели две полежите, а потом раз в пять-семь дней на коррекцию будете показываться. Период дистракции у вас предположительно составит дней восемьдесят. Этот срок зависит от вашей переносимости. Ну, и потом фиксация. Там чуть дольше.

– Постойте… А как же Академия, учёба? – я было ещё хотел что-то добавить, но слова неожиданно закончились. Да и горло перехватило.

– До следующего учебного года можете считать себя в отпуске по состоянию здоровья. А в конце лета добро пожаловать на комиссию. Успеете восстановиться – дадим разрешение на продолжение учёбы. Не успеете – комиссуем, – пожал плечами

врач, рассказывая мне очевидное. Для него очевидное, а для меня…

Для меня это крушение надежд! В ближайшие годы кроме как пилотом-гвардейцем я себя никем иным не представлял. Да и сейчас не представляю.

* * *

Михаил Кравцов, молодой камышинский архитектор, зябко передёрнул плечами и в который раз с тоской выглянул из-за спины извозчика, пытаясь оценить, долго ли они ещё будут тащиться.

Дождь, начавшийся вчера вечером, сыграл дурную шутку. С наступлением темноты ударил мороз. За ночь ледяная корка толстым слоем покрыла дорогу и словно отлакировала придорожные столбы. Ночью дождь перешёл в снег, и теперь, по утру, на улице завывала метель, время от времени начиная стучать по тенту пролётки ледяной крупкой.

– От Будёновки до Горного Балыклея вообще ужасть что творится, – рассыпался нескончаемой болтовнёй извозчик, напялivший на себя сразу два тулупа, один поверх другого, и оттого не чувствующий холода, – Свояк у меня ночью ездил. Говорит, сотни машин у обочины заночевали и обозов видимо-невидимо. Он с бабой своей приспособился в непогодь пирожками да взваром горячим торговать. Так этой ночью у него враз всё расхватали. Ишь, как они сподобились ненастье себе на пользу обернуть. Кому беда, а у них одна ночь месяц кормит.

Михаил, поплотнее закутавшись в тёплый плащ с меховой подкладкой, лишь улыбнулся, явственно уловив в голосе ямщика зависть к удачливому свояку. Если разобраться, то он тоже чужое несчастье себе на пользу обернул. Изначально ему не хотелось связываться с мещанином, предложившим смешные, по меркам архитекторов, деньги за проект дачного посёлка. Заставила нужда и начавшие копиться долги. Большие деньги архитекторам далеко не сразу платят. Надо имя себе сделать и хотя бы несколько значимых проектов завершить. Желательно, удачных, и чтобы о них заговорили. Не всё от архитектора зависит. Зачастую заказчик своим видением и требованиями к объекту ставит крест на замыслах даже маститых деятелей архитектуры. А тут повезло. Земли мещанину по банкротству баронессы не отошли, а черновик проекта сохранился. Его-то и подработал Кравцов, изрядно вдохновившись представленными для конкурсантов эскизами, выполненные заказчиком. Конкурс он выиграл. В

качестве дополнения к проекту часть своей дипломной работы приложил. Не зря же профессора отдельно отметили, что предложенные им в дипломе веерные коммуникации являются удачным решением при централизованной застройке. Случись какая авария, будущие жильцы посёлка вряд ли останутся без света или воды. На то и предусмотрены в проекте закольцованные водопроводы и релейные переключатели на трансформаторных станциях. Эти новшества законно являются проектом особой гордости начинающего архитектора. Такого в Камышине никто пока не делает. Может в столице что-то и встречается похожее, но где она столица и где Камышин.

Неделю назад Кравцов и с самим заказчиком познакомился. До этого он только с его доверенным лицом встречался, с одним из приказчиков купца Липатова, да с самим купцом один раз переговорил накоротке.

Граф оказался весьма молодым, как бы не моложе самого Михаила. Если бы его не старило грустное выражение лица, изрядная хромота чуть скособоченной фигуры и трость, на которую он тяжело опирался, так и вовсе можно было подумать, что лет ему всего ничего.

Эскизы и рисунки, относящиеся к посёлку, граф воспринял, как данность, лишь бегло их проглядев, хотя и кивал время от времени вроде бы одобрительно, а вот на чертежах замер и изучил их тщательно. Даже отделил ту часть, где по электричеству предложения были оформлены, и подтолкнул эти листы своему спутнику, такому же молодому человеку, как и он сам.

– С проектами рабочих посёлков не приходилось дела иметь? – задал граф достаточно неожиданный вопрос, отвлёкшись от бумаг.

– На практике нет, не довелось. Да и вряд ли у кого такой опыт есть. Заводчики у нас таким мелочам немного внимания уделяют. В лучшем случае территорию выделят, да улицы обозначат. А там уж застройщики, из тех, что подешевле, сами всё планируют. С теми деньгами, что им платят, уж точно не до архитектурных изысков. Такое безобразие строят порой, что впору сразу в тюрьму сажать. Впрочем, что я вам рассказываю. Сами же не раз видели.

– Не без этого. Оттого и хочу, чтобы рабочий посёлок по качеству жизни в нём, на вот этот ваш проект походил, – граф постучал пальцем по изучаемым им бумагам, – Возьмётесь? Только надо будет к нам приехать. Там у меня строитель главный имеется и два шкафа документации разной накоплено.

– Хм… Не могу сказать, чтобы я был в настоящее время

работой перегружен, но в ближайшие пять дней точно буду занят. Вашим же проектом занимаюсь, если что, – архитектор не стал говорить, что поздней осенью чуть ли не вся их братия остаётся не у дел. В России зимой не принято строить. Зато весной заказчики словно с цепи срываются и каждому надо, чтобы именно его проектом занялись в первую очередь. Порой непонятно, а о чём они раньше думали. Знали же, что по лету строиться будут.

– Значит так и решим. Заканчивайте свои дела здесь, и давайте через недельку к нам приезжайте.

– Позвольте поинтересоваться. Большой ли посёлок вы планируете? – Михаила предложение графа не особенно заинтересовало. Так, из вежливости вопрос задал. Что с рабочего посёлка взять? Бараки, дома, больше похожие на сараи, да пара лавок. Со временем где-нибудь у реки приткнётся баня, а там и трактиришко с постоялым двором добавится. Полно таких поселений по России настроено. Порой, словно под копирку сделаны. Грязь и беспросветность, вот уж что точно их объединяет. Надо бы найти приличный повод, да отказаться. Ни славы, ни денег такой заказ не принесёт.

– Если бы посёлок, – граф закручинился ещё больше, хотя и раньше оптимизмом он ну никак не блистал, – В ближайшее время мне с десяток посёлков потребуется. И не просто посёлков, а таких, чтобы в них жить можно было ничуть не хуже, чем в городе.

– В городе тоже не все одинаково хорошо живут, – осторожно заметил архитектор, боясь спугнуть удачу.

– Вы молодой. Вам хотелось бы жить в рабочем посёлке?

– Честно говоря, после Питера мне и в Камышине не слишком уютно, – признался Михаил, ничуть не лукавя.

Недаром Имперская Академия Архитектуры в Питере расположена. Ой, не зря. Сама атмосфера города, особенно старой его части, просто физически не позволяет на её фоне творить потом архитектурные непотребства. Воспитывает будущих архитекторов одним своим существованием.

Предки Питер надёжно строили. Выжил город. Пусть и не весь, но и то, что осталось, заставляет влюбиться в него. На каждой ежегодной встрече бывшие выпускники их Академии раз от разу рассказывают одно и то же. Им сердце порой на части разрывает так, что они готовы метаться между Питером и своими вотчинами не по разу в год.

– Ну, ладно. Про вас оставим. Наверное, я пример привёл неудачно. Тем не менее, мне нужно, чтобы мои работники жили хорошо. В домах со всеми удобствами, и чтобы в посёлке им и их

семьям было, чем заняться.

– Так давайте бассейн им построим. Разом ваш посёлок в особый статус выведем, – пошутил архитектор.

– Бассейн. Зимний сад. Фонтан на площади. Точно! Ай, молодца! Вот ведь оно, решение! – граф сначала прикрыл было глаза, словно что-то вспоминая, а потом порывисто вскочил, размахивая своей тростью, словно древком знамени, – Можно сказать, на поверхности лежало, а я не допетрил. Обязательно! В каждом посёлке! Тепла и света у нас будет в достатке, а где не хватит, там по старинке добавим.

– Простите, по старинке – это как? Углём и паром? – не поверил архитектор, полагая, что его просто разыгрывают.

– Старой доброй магией. Ой, да что я вам объясняю. Когда приедете, тогда и покажу, что мы делать научились, – разбушевавшегося графа прервало негромкое покашливание его спутника, после которого он поумерил пыл и уселся обратно на стул, – Понятно, что сперва подписочки кой-какие у Степана Николаевича оформите. Так что ждём вас в гости, Михаил Григорьевич. И проект ваш с собой прихватите. Медведей наших убеждать легче будет.

– Михаил Григорьевич, Михаил Григорьевич, Миша… Да очнись же ты. Братец, а ну-ка погляди, там у тебя пассажир не замёрз случаем, – услышал архитектор чей-то громкий голос сквозь полудрёму. Встряхнувшись, он выбрался из закутка, где так удобно укрылся от ветра, запахнувшись в плащ и закутав попоной ноги. Вроде только пригрелся, а гляди-ка ты, враз задремал.

Звал его бодрый дед из остановившейся встречной пролётки. Проморгавшись, Михаил узнал старого друга своего отца.

– О, Олег Ефимович, а я как раз к вам еду. Вы геодезию и межевание мне сегодня обещали закончить.

– Так и сделали, раз обещал. Всё с собой везу. Как раз с участка еду. Поэтому смело можешь разворачиваться, – перекрикивая очередной порыв ветра, дед закашлялся и лишь махнул рукой в сторону города, падая обратно на сидение пролётки.

– Обратно едем, вашбродь? – радостно среагировал ямщик на эту сценку, и получив подтверждение, засуетился, разворачивая пролётку на узком пятачке свободной дороги.

* * *

Боль. Она имеет несколько разновидностей и у каждой из них

свой характер. Недели не прошло, как я научился их различать. Фантомные боли, моё напоминание об оторванной ноге, были резкими и сопровождались волной неконтролируемого страха. Начинающиеся воспаления от спиц неожиданно тыкали, словно раскалённые острые иглы, выжимая слёзы из глаз своей прострельной неожиданностью, а вытягиваемые аппаратом кости имели собственный, скребущий и ноющий оттенок.

Я постоянно не высыпался. Почему-то именно посреди ночи мне зачастую перепадал полный букет болевых ощущений. Приходилось вставать, пить горькое лекарство и менять простынь, взмокшую от выступившего пота.

Днём немного отпускало.

Вскоре я стал настоящим знатоком боли и научился за ней наблюдать, как бы со стороны. Оказалось, что это полезное занятие.

После работы на Источнике у меня почти на сутки исчезали фантомные боли. Вместо них появлялось ощущение тепла и непонятное чувство присутствия чего-то живого. Мой котёнок тёрся у ног и лишь иногда осторожно трогал меня подушечками лап, чуть выпуская коготки.

С воспалениями справлялась Джуна, беззлобно ругая меня на двух языках, и утверждая, что я чересчур много хожу.

От тянущих болей меня научилась спасать её дочь, Лина. Её маленькие ладошки легко пролазили сквозь стальные спицы и боль постепенно отходила до вполне терпимого уровня. Саму девочку во время лечения было не узнать, настолько серьёзной она становилась.

Джуна лишь языком цыкнула и отступила на шаг, когда та в первый раз подошла ко мне и засунула свои ручонки под аппарат, а мать хотела её остановить. Ох, как Лина на неё посмотрела. Несколько секунд они бодались взглядами, и Джуна сдалась первой.

Каждый раз, после визитов к Целительнице и её дочери, я садился с ними пить чай, дожидаясь Степана. Он сопровождал меня каждую поездку и по прибытии исчезал, прихватывая с собой пухлый саквояж. Я его не расспрашивал, ожидая, что он сам мне всё расскажет, и однажды дождался.

– Олег, я женюсь, – огорошил он меня после очередной поездки и глядя на мои вытаращенные глаза и отвисшую челюсть, добил окончательно, – На дочери Мансурова.

– Э-э-э, ну как же так… Она Одарённая… У неё могли быть дети с Даром… – не смог я сходу найти подходящих слов, да что там, просто сказать чего-то более умное или соответствующее моменту.

– С этим как раз не всё так плохо, – почему-то облегчённо выдохнул Степан, и вытянув перед собой руку с открытой ладонью, показал мне маленький светящийся шарик на ней, – Кроме того, у нас есть дочь и мы оба уверены, что у неё с Даром всё в порядке.

Пару секунд я хватал воздух ртом, а потом прикрыл глаза, осенённый догадкой. Передо мной, словно в калейдоскопе, в одно мгновение пролетели картинки.

Моя первая любовь и неделя дикой, безумной страсти…

Работа на износ, в тщетных попытках, заглушить разлуку…

Девушка из запомнившегося дома у околицы, развешивающая белье. Катящийся по земле тазик и… И детские распашонки на краю верёвки!

Я раскрыл глаза и посмотрел на друга.

– Воспитаю, как свою. Обещаю, – произнёс он недрогнувшим голосом, твёрдо встретив мой взгляд.

Глава 27

Наша жизнь полна неожиданностей, зачастую вполне предсказуемых, но от этого они не становятся менее значительными.

Каждый год неожиданно выпадает снег. Вот уж, чего точно никак не ожидаешь. Чиновники только руками разводят и начинают рассказывать, какие героические меры они предпринимают, чтобы справиться с навалившейся бедой.

То вдруг земля даст необычно большой урожай. И с этим приходится бороться, как со стихийным бедствием, мобилизуя все свободные силы и транспорт. А сколько потом бумаги тратится, чтобы скрыть сотни тонн сгнившего зерна и картофеля, и не счесть.

Не так часто неожиданности переходят для чиновников в неприятности. Случись развалиться дороге, мосту или зданию, которые только что за счёт казны построены, тогда приходится искать виноватых. Впрочем, чиновничья братия и тут маху не даёт. Все винтики вовремя смазаны, «лишние» деньги поделены, так что обычно виновные отделываются лёгким испугом, а то и приносят в жертву одного из своих, как правило, из «неудобных». Из тех правдорубов, которые не понимают, что государственная машина – это сложный механизм, и без смазки работать не будет.

На фоне этих бед никто обычно не замечает, как порой вовремя перед неприятностями подрастают цены на бензин или транспортные тарифы, а то и на другие мелочи. Не время рядиться, когда подвиги совершаются. Пройдёт месяц-другой, и те же чиновники, при попустительстве которых цены выросли, выступят за их же снижение, показав себя радетелями интересов совсем других групп промышленников и аграриев. Карманы-то у чиновника с обеих сторон на сюртук нашиты. Так что нельзя всё в один складывать, а то самого перекосит. Опять же с двух сторон получать куда как приятнее.

Понятное дело, что дирижировать всеми процессами сложно, но зато как приятно. Вроде бы цены на бензин перед посевной всего-то на семь копеечек поднялись, а в итоге, смотришь, с каждого наместничества по паре миллионов рублей чистой прибыли получилось. Затем и с подорожавших зерновых перепало, и с продажи подрядов по программе государственной, срочно свёрстанной для снижения цены на тот же хлеб. Только успевай крутись, лавируя между крупными группами богатеев и коалициями Кланов. Ещё бы контролёры императорские в сложное дело управления страной не лезли, так совсем бы

хорошо чиновнику жилось.

– В общем-то я по делу позвонил, – выдохнул в трубку купец Липатов, после того, как мы обменялись положенными приветствиями и поинтересовались здоровьем друг друга, – Встреча у меня тут была неприятная на днях. Есть у нас такой Мелентьев, пожалуй, самый крупный откупщик по зерну на всё княжество. О прошлом годе он от министерства финансов на откупе был, а нынче, сказывают, на германцев работает. Деньжищ они ему не на шутку отвалили. Я сам-то с зерном раньше не особо связывался. Так, по случаю прихватывал по мелочам. Чисто для перепродажи. А те купцы, что на зерне работают, о Мелентьеве очень нехорошо отзывались, с опаской говорили и исключительно приватным образом. Последние годы у них не всё ладно. То погорит кто, у другого судебные сутяги арест на элеваторы наложат, да так дело затянут, что чуть не всё зерно в негодность придёт, то дорога железная вагоны в срок не подаст. Короче, начал Мелентьев с намёков многозначительных, вроде, как не своим делом я занялся, а под конец и вовсе мне ультиматум выставил. Видишь ли, нужно ему, чтобы я зерно едва ли не в закупную цену продал, а элеваторы и вовсе отдал в аренду лет на десять. Памятуя про наш разговор, я ему ответил, что всего лишь по твоему поручению зерном занимаюсь. На что он очень нехорошо улыбнулся, и сказал, что с тобой проблем не будет. Честно скажу, видал я наглецов всяких, но с таким первый раз сталкиваюсь. С виду вроде не глуп, но как-то слишком уж он лихо авансы раздаёт и меры не чувствует. Того и гляди поверить можно, что это Мелентьев у нас Император, или один из ближних его.

– У нас так много зерна, что он на крайности пошёл? – поинтересовался я у купца.

Совсем я с делами и болячками своими замотался. Надо будет время на объезд владений выбрать. На те же элеваторы хоть раз посмотреть, что Липатов выстроил и пшеницей да рожью наполнил.

– Немало. Почитай, ту же вашу Рязань можем два, а то и три месяца зерном и мукой снабжать, – довольным голосом пророкотал купец в трубку.

– Ого, это когда же мы столько набрать успели?

– Так вот сам теперь гадаю. Я его по осени небольшими партиями покупал, а тут вдруг своё зерно мне двое наших купцов продать решили. Не из самых крупных, но и не мелочь какая. В первую сотню по княжеству входят. Тогда-то я на радостях внимания особо не обратил, а теперь припоминать начал. Встревожены они оба чем-то были. Торопились изрядно. И за

ценой не сильно стояли, – купец пару секунд помолчал, а потом уже заметно тише, добавил, – Тщеславие нас губит… Мечтал я в первую сотню войти, а похоже, в блуд всех втянул.

– Разговор с Мелентьевым когда состоялся? – я сделал вид, что не заметил раскаяния купца, собирающегося было посыпать свою голову пеплом.

– Третий день как пошёл. Я тогда сразу пробовал позвонить, но сказали, что ты в столицу улетел, кости тянуть, – зачастил в трубку Липатов.

Ага, три дня… Точно. Летаю я раз в неделю в госпиталь. Мне там гайки на аппарате подкручивают, чтобы спицы натянулись и кость ноги вытягивали. В следующий приезд пообещали аппарат снять.

А лиходеев только вчера вечером выхватили.

Совпадение? Три скользких уголовных типа пытались просочиться на мои земли, но были перехвачены егерями. Приказам не подчинились. Начали отстреливаться. Одного из них, раненого в ногу, егеря взяли живьём. Двоих тоже неплохо к реке прижали, но что-то там у них дважды так полыхнуло, что враз круг выгорел, метров пятьдесят диаметром. То-то. Чтобы по лесу ходить – особый навык нужен. У себя в городе они бы моих егерей на раз обставили, а в лесу извините-подвиньтесь, господа уголовнички. Не под лес вы заточены. На нашем столе ваши козыри не играют.

Опять же, сомнение меня гложет…

С каких-таких хлебов алькальды моего разрешения спросили на усиление нарядов. Буквально за день, до того как… Знали что-то, или приказ получили?

Скажу честно, эта игра втёмную мне порой начинает надоедать.

Как выяснилось из наскоро проведённого допроса, трое убийц, заявившихся в мои владения по заданию столичного криминального авторитета, тащили с собой магическую гадость и готовились сжечь мой новый дом, что характерно, вместе со мной. По крайней мере, единственный выживший не раз подтвердил, что сжечь документы в доме можно было как вместе с их хозяином, так и без него. То есть, заказчика не волновало, остался бы я жив, или нет. Опять же и прямого задания на моё умерщвление у поджигателей не было.

С собой они тянули две «Огнёвки». Добротный старый военный артефакт. Их сейчас на военных складах совсем немного осталось. Можно сказать – музейными экспонатами они скоро станут. Этакий сосуд, размером с бидон для молока. При взрыве он огня даёт побольше, чем бочка авиационного керосина, и

пылает намного жарче. Егеря говорят, что на выгоревшей проплешине у реки деревья в обхват толщиной успели в пепел сгореть, пока пламя «Огнёвок» бушевало. Подожги лиходеи дом, и не факт, что я спросонья Щиты успел бы на себя накинуть, чтобы выбраться из пожарища.

До столичного пахана мне сходу не добраться, к тому же вряд ли он с непосредственным заказчиком дело имел. Зато Мелентьев мне интересен. Больно уж он вовремя со своим ультиматумом объявился. А то я себе голову сломал, пытаясь догадаться, кому мог настолько дорогу перебежать, что ко мне поджигателей подослали. Причём, именно пожар им нужно устроить было.

Судя по предполагаемому поджогу, бесцельному на первый взгляд, хранимые в доме документы на собственность кому-то сильно мешают. Вроде бы глупость. Есть же ещё два экземпляра на каждую купчую. Один в рязанском земстве, а второй в имперской канцелярии. Копии, взамен сгоревших, снять не сложно. Или и там оригиналы пропадут… Допустим, до земства добраться вполне возможно, но чтобы на содержимое имперских архивов покуситься… Нет, определённо стоит с Мелентьевым поговорить по душам.

– Ерофей Константинович, про Мелентьева я понял. Ты лучше расскажи мне, каким он боком с германцами может быть связан? – задал я вопрос купцу, пытаясь сложить осколки мозаики в цельную картину.

– Так как же… – мне на секунду почудилось, что Липатов даже руками всплеснул, что с телефонной трубкой в руке та ещё задача, – Немчура русское зерно испокон веков покупает. Своей-то земли у них не очень много, а скота они выращивают поболе нашего. Нашим зерном дешёвым свою скотину откармливают, а потом нам же втридорога продают всякие колбасы, сосиски да паштеты, в которые не понять что напихано. Опять же породистой скотиной они крупно торгуют. Только там цена такая, что за одного их быка-производителя можно десятка полтора-два наших купить.

– А нам кто мешает породистый скот заводить? – поневоле откликнулся я, коснувшись больной темы.

Добавилось народа у меня на землях по поздней осени. Оправдались прогнозы. Ещё первый снег не выпал, как потянулись мужики из деревень приработок на зиму искать. Полки в наших поселковых лавках в считанные дни опустели. А у меня ещё одна забота появилась – рабочих кормить. У кого-то может такие вопросы и сами по себе решаются, да и у меня со временем всё наверняка бы разрешилось, но уж слишком быстро я начал земли переустраивать. Посчитать, так скоро больше тысячи

людей, от земли оторванных, у меня будет числиться. Рабочие, охрана, водители, строители, кочегары… Кого только нет.

– Скудоумие наше мешает, и лень-матушка. По-скотски мы со скотиной обходимся, уж прости за каламбур. Чуть травка появилась, на пастбище её отправляем, а на зиму сена накосим, чтобы она с голодухи не загнулась, и на том заботы заканчиваем. У немца всё не так. Скотинка обихоженная стоит, в тепле и сытости. Корма не просто тебе солома и сено какое попало, а по специальным книгам прописаны. Там и зерно, и клевер, и люцерна. Всё отдельно выращивают, варят-парят, в нужной пропорции смешивают, да коровке прямо в загон привозят и точно по часам в кормушку высыпают. Водичка свежая, опять же, соль всегда в достатке. Оттого скотина у них тучна и в рост идёт быстро.

– Угу, клевер и люцерна. Посадим. Дело не сложное, – откликнулся я, делая пометки в записной книжке, – Заодно и зоотехником озабочусь.

– Аккуратнее, смотри. У нас тоже камышинские скотоводы клевер высаживали. Только полстада враз потеряли, – купец замолчал было, но затем, правильно истолковав мою паузу, вызванную удивлением, сам же и продолжил, – Пастухи прокараулили. Стадо зашло на посевы. Коровки клевер сильно любят, просто дуреют от него. Часа не прошло, как коров раздуло. Половину так и не спасли.

Точно. Вспомнил я, как мы со Степаном в детстве в ночное ездили. Кто-то из деревенских нам тогда тоже страшилку про клевер рассказал. Только в его рассказе корова от клевера не раздулась, а прямо таки лопнула на поле, разлетевшись на куски. Врал он, наверное, посмеиваясь про себя над доверчивой ребятнёй.

Эх, казалось бы, совсем недавно я пацанёнком был… Всё мечтал, как бы скорее взрослым стать. Стать-то стал, может даже и быстрее, чем надо, если верить некоторым обмолвкам моих знакомых, а детство частенько вспоминаю, как самое счастливое время в моей жизни.

– Ерофей Константинович, а год-то у нас хоть урожайный был? – полюбопытствовал я, раз уж довелось оказаться в числе значимых зерноторговцев. Так хоть немного в курсе дел буду, если разговор с кем придётся вести.

– Да какое там… Не сказать, чтобы неурожай, но в прошлом году, далеко не самом лучшем, и то зерна побольше было. А уж если немчура с таким рвением скупать всё принялась, так и вовсе… Ох, а ведь прав ты, Олег Игоревич. Из-за войны не только немчины без польского да румынского зерна остались, но и у нас

в западных землях вряд ли что уродилось. По ним война вовсе ранней весной прокатилась. Получается, что не только зерна уродилось немного и не везде, так мы его ещё и за границу продаём больше обычного. Так, глядишь, и до голодомора доторгуемся, и до голодных бунтов.

– А во время бунта, даже если архивы имперские сгорят, то никто и внимания на такую мелочь не обратит… – вполголоса пробормотал я, отстранив от лица телефонную трубку.

О том, что рано или поздно у меня постараются отнять раскрученное дело, я не раз задумывался. Для бояр это в порядке вещей. Не одно их поколение своё богатство так наживало, больше получая с меча, чем с сохи. Только я был уверен, что отнять попробуют верфи, а то и производство накопителей под себя подмять. С накопителями, правда, загвоздочка. К ним я сам нужен, вместе с Чашами и Источником.

Про элеваторы, как про объект для захвата, я даже и не помышлял. Они как-то незаметно появились, чуть ли не сами по себе, и для меня обозначились лишь безликими цифрами в финансовых отчётах. Подумать, так там совсем никого из моей охраны нет. В порту полтора десятка охранников имеется, но оттуда до элеваторов ещё километра три. Неужели сами догадались и пост организовали?

Свою долю вложений на закуп зерна я ещё в августе отдал Липатову. Думал, с солидным запасом хватит, а пришлось ещё и доходы от речного порта потратить. Были у меня средства, отложенные на проект с каучуком. До конца зимы они мне не требовались. Тогда и решил, что не имеет смысла держать деньги в банке, если их можно хорошо обернуть.

Вот и обернул… Мало того, что самого чуть было не подожгли, так теперь ещё придётся разбираться, в какие игры я влез.

На Мелентьева моего права хватит. Надумал моего человека пугать, так смотри сам не перепугайся. Но если кто за ним серьёзный стоит, а за ним точно кто-то стоит, раз откупы ему от министерства давали производить, то тут надежда только на Закон и Императора.

Родства и связей весомых я не имею, а моя дружина серьёзному Клану на один зубок. В одно лицо мне существенный конфликт не потянуть. Остаётся надеяться, что я ситуацию с организацией поджога правильно просчитал, иначе наскребу себе неприятности.

Итак, Мелентьев…

Откупщика привезли на пятый день. Я уже был весь на нервах, и если бы не оговорённые звонки, которые до меня

доходили в срок, пересылаемые через один из посторонних столичных телефонов, то вскоре вылетел бы в Камышин сам.

Может быть поэтому я проявил изрядную настойчивость в снятии аппарата с ноги, и оплатил услуги дорогостоящего целителя, чтобы миновать стадию фиксации, на которой настаивали врачи. Денег отдал за такое лечение, как за приличный автомобиль. Пришлось платить, так как Джуна напрочь мне отказала в помощи, упирая на то, что для такого лечения нужны специальные навыки и опыт.

Взяли Мелентьева в не совсем обычном публичном доме. В Империи проституция не запрещена. В одной только столице не счесть дам, у которых вместо паспорта всегда при себе имеется жёлтый билет. Даже у меня в посёлке пара таких появилась. Страшны как смертный грех, хотя говорят, что очередь к ним дня на три вперёд расписана.

Но кто мог подумать, что в нарядном ярком особнячке, где днём, в специально оборудованном под детские игры дворе, две строгие бонны выгуливают полторы дюжины нарядно одетых малышей, располагается нелегальный публичный дом. Роль проституток там выполняют дети.

Наш любитель «клубнички» посещал это заведение с завидным постоянством, иногда оставаясь там ночевать. Как оказалось, особняк был его собственностью, как и большой доходный дом в центре Камышина и одна из усадеб по соседству, где собственно и проживал откупщик. После одной из таких его ночёвок, в предутреннем тумане скрипнула неприметная калитка на заднем дворе, выпуская изрядно задержавшегося посетителя. Звук удара, вскоре повергшего откупщика на землю, никто не услышал. Даже собаки в его усадьбе, находившейся в двух шагах от красивого особнячка, не гавкнули, поленившись выползти из своих конур в утреннюю серую промозглость.

Допрос Мелентьева, накачанного нужной химией по самые уши, дал неожиданно много уже в самом начале. Один список посетителей его особняка чего стоит. Я совсем не удивился, когда изучая принесённые Степаном протоколы допроса, среди первых же фамилий клиентов увидел высокопоставленного чиновника, представляющего интересы Министерства финансов в наместничестве. Зато потом брови сами по себе поползли вверх. Слишком впечатляющ был перечень любителей детских тел.

– Даже жалко отдавать такой подарок, – прокомментировал Степан принесённый им список, глядя на моё удивление. Чрезмерно высок оказался перечень должностей у тех, кого Мелентьев поймал на крючок пагубной страсти. Случайными визитами там никто не отговорится. Откупщик организовал

подобие клуба, члены которого не только могли выбирать себе жертв для утех из очень юных воспитанниц и воспитанников, но и целые представления заказывать, с участием двух воспитательниц. Обе садистки, затянутые в кожу, с плётками в руках и кучей специально изготовленных разнокалиберных «игрушек», готовы были выполнить любую прихоть клиентов, наслаждающихся мучениями истязаемых и насилуемых детей. Особые ценители порой требовали, чтобы на заказываемыми ими спектакли к паре воспитательниц ещё и здоровенный угольно-чёрный доберман присоединялся.

– Да, впечатляет, – согласился я, наскоро пролистывая показания Мелентьева, где он подробно расписывал пристрастия членов созданного им клуба, – Что по немцам выяснили?

– На первый взгляд всё очень похоже на обычный крупный заказ партии зерна. Очень крупный. Кроме немцев в деле участвуют три наших Клана. Те, правда, через Новгород для Ганзы стараются. Они тоже скупают зерно и вывозят его за границу. Сам-то откупщик не много знает, но оговорки у него иногда очень многозначительные бывают. К примеру, он твёрдо убеждён, что в ближайшее время власть сменится и за все его преступления ему не придётся отвечать. Про ожидаемый голод тоже с ухмылкой говорит. Мол, сытый народ труднее всколыхнуть.

– Пока слабовато. Быстрее его раскручивайте. Нам до вечера нужно определиться, что дальше делать. Сможем заговор или злой умысел доказать, считай, что мы на коне.

– Тебе не хватает того, что к середине января в большинстве губерний зерна и муки совсем не останется? – Степан нашёл нужный лист и ткнул пальцем в написанное, отчеркнув строки ногтем.

– То что нужно, – вчитался я, начиная потирать руки, – Вот в этом ключе и выясните всё, что он знает. А я пошёл свою цидулю сочинять. Мне ещё в столицу звонить. Иначе, без предварительной договорённости, к князю Обдорину никак не попасть.

Кстати, в организации поджога Мелентьев признался.

* * *

Четыре дня спустя. Зимний дворец.

– Значит так, да, – выслушав доклад князя и мельком просмотрев принесённые им бумаги, Император откинулся на

спинку кресла, уставившись в потолок ничего не выражающим взглядом. Просидел не долго. Секунд через десять он уже энергично принялся расхаживать по кабинету, безжалостно топча сапогами дорогой ковёр, – Ну, Вильгельм, ну родственничек. А ещё братом меня называл. Хорош братец, нечего сказать… Что ещё? – прервал он себя на полуслове, заметив, что Обдорин энергично трясёт головой.

– Похоже, кайзера в тёмную играют. Размер его казны мы достоверно знаем. На зерно уже больше ушло, чем её годовой запас. Доподлинно известно, что свои расходы кайзер не сокращал и за займами ни к кому не обращался, – заранее пресёк князь возможные возражения, – Да, деньги немецкие расходуются, но похоже, они не из тех, что кайзеру подконтрольны. Полагаю, что тут их союз скотопромышленников замешан и французский банкирский дом, из самых крупных. Стараемся точнее узнать, но такие сведения быстро не получить.

– Этим-то что за интерес?

– Скотопромышленники с немецким вояками напрямую связаны. Как заказами, так и родственными отношениями. Их интерес прост. Чем слабее Россия, тем им спокойнее живётся. С французами тоже всё понятно. Они спят и видят, как бы клин вбить между нами и германцами. Начнись у нас заваруха какая, да потеряй кайзер влияние у немцев, так лягушатникам и армия особо не нужна будет в ближайшие годы. А там глядишь, они и свою программу перевооружения вытянут, – князь подтолкнул ближе к середине стола аналитическую записку российского Генштаба, посвящённую предстоящему перевооружению во французской армии. Государь вернулся за стол и принялся перелистывать страницы записки, освежая память.

– Не эти ли банкиры немцам денег ссудили? – спустя некоторое время поинтересовался Император, узрев сумму государственного долга, потребовавшуюся для оплаты гигантских французских военных заказов.

– Они самые. Ещё и османам денег подкинули, чтобы те корабли строили. Полагаю, что германским займом банки куда как более крупные свои вложения страхуют. С немцев мясом обратно своё возьмут, с турков тем же чаем или табаком. Понятно, что сами торговать не будут. Своим же купцам крупные партии ссудят уже товаром. В итоге, по кругу выходит, что деньги оборот сделают да обратно с хорошей прибылью к ним же и вернутся. Банкиры за одно и то же время дважды свои проценты снимут, да перед корольком французским выслужатся.

– Да, это ты неплохо раскопал. Понятно через деньги показано, кто нынче политику делает. Давно я такого внятного

доклада не замечал. Всё кратко, очевидно, и по делу. Так, глядишь, скоро и без целого штата стукачей научитесь преступления раскрывать, – на похвалу государя князь Обдорин среагировал как-то болезненно, на долю секунды даже скривившись, – А то, понимаешь, вокруг только и говорят: – Государь то, государь сё… А что я могу? Хотя, подожди-ка…

Император отошёл к резному дубовому шкафу, монументально подпирающему потолок. Целая полка в нём отведена под текущие документы и доклады, к которым постоянно приходится обращаться во время работы. К большому сожалению большинства придворных, память на цифры у правителя Империи была превосходная. Не раз им приходилось бледнеть, когда государь ловил их на несоответствии между обещанными расходами и их итогом. Не зря дубового шкафа в кабинете боялись как бы не больше, чем ревизионную комиссию.

– Где-то было у меня предложение по поднятию вывозных пошлин. Ага, вот оно. Сейчас посмотрим, что это может дать. Хм… Не так-то мало, но в нашей финансовой войне это крохи. Двадцать восемь миллионов не та сумма, которая нам поможет. Даже если вдвое её увеличить, а средства направить на повышение государственных закупных цен по зерну, то и тогда не получится решить проблему чужими деньгами, – рассуждал государь вполголоса, изредка отвлекаясь, чтобы столбиком произвести понятные только ему расчёты.

Князь Обдорин замер неподвижной статуей, чтобы не сбивать Императора с мысли. Прислушиваясь к его словам и некоторым озвученным цифрам, он боролся с сомнениями. Отношение Императора к насильникам Обдорин знал не понаслышке. В лучшем для них случае, лет по восемь каторги они заработали, а некоторым и того больше светит. Проблема в том, что две трети списка составляют Одарённые, каторга для которых не предусмотрена. Их или в специальных тюрьмах содержат, которые и так сейчас переполнены, или сразу на казнь отправляют. На казнь совершённые в Камышине преступления не тянут. Князь хоть и знал Императора с раннего детства, но до сих пор уверенно не мог сказать, что читает его, как открытую книгу. Оттого и раздумывал, стоит ли ему говорить, или сейчас лучше промолчать, оставив им задуманное на собственной совести.

Как и всякий правитель, государь на многие вещи смотрит с некоторым цинизмом, свойственным крупным руководителям. «Лес рубят – щепки летят». Эту поговорку он раз слышал от своего высокопоставленного друга детства. Сможет ли Император поступиться своими принципами, если на кону, как минимум, многотысячные жертвы голодных бунтов?

Он бы, князь Обдорин, смог. Даже сейчас бы смог, после просмотра фотоальбомов, изъятых из особняка откупщика. Неподготовленному человеку со слабой психикой такие вещи лучше не смотреть. Князю, по роду службы, что только не довелось своими глазами видеть. Расчленёнка. Трупы, обглоданные собаками. Месиво из мяса, костей и крови, оставшееся от семьи в пять человек после работы мага. Утопленники. Казалось бы уже ничем его не пронять. Так вот нет же… От каких-то фотографий до самых косточек пронзило. Оттого и не ограничился князь просмотром одних бумаг. Нашёл время поговорить со старшим унтер-офицером, доставившим из Камышина арестованных и документы, найденные при обыске.

Полицейский, хоть и в возрасте, был кряжисто крепок и изрядно усат. Поначалу немного робел перед высоким начальством. В самом-то Камышине на одной руке пальцев хватит, чтобы столь важные персоны пересчитать. Однако поняв, что разноса не предвидится, а ему ещё и чаю испить предлагают, отмяк, и говорил на удивление по делу.

– Про откупщика, главного у них, ничего не скажу. Не нашли мы его. Как в воду канул. Я же с охранниками откупщика всё больше общался. Только сдаётся мне, что никакие они не охранники. С виду, да. Все трое, что ростом, что весом не обделены. Только где это видано, чтобы охранники на собственных автомобилях раскатывали? Уж на что у меня и должность, и оклад, и выслуга лет, ан нет, не потяну я, чтобы такой автомобиль купить и содержать. К тому же старшим у них в охране сынок купеческий. Второй наследник, правда, и купчишка так себе, но всё одно, не настолько его сынок беден, чтобы в охрану или сторожа идти. Я с ними сначала мягко пробовал говорить. Они, дурачьё, только хохотали да отпирались от всего. Молодые ещё, глупые. Ребята мои, тем делом, мастера из города привезли, да и вскрыл он нам кой-какие двери и ящики железные. Тут-то и побледнели голуби мои. В ящиках-то полно фотоальбомов с их мордами. Хоть они и прятали их, когда с детишками снимались, но опознать можно без сомнения. Тут-то у меня и пошёл с ними разговор по всей тяжести закона. И получаса не выдержали. Все трое потекли, как дырявый сапог.

Полицейский взял паузу, вопросительно уставившись на графин с водой.

Князь, сначала почти машинально готовясь разрешающе кивнуть, сдержал себя.

– А не выпить ли нам по стопочке? Что-то у меня от альбомов этих на душе нехорошо, – он нажал кнопку звонка и отдал

необходимые распоряжения секретарю, – И расскажи пока мне, как это строгость закона так на граждан похвально действует, что они сами на себя показания признательные начинают давать.

Полностью князь все бумаги просмотреть не успел, но то, что собственноручно написанные признания вины в папках дела имелись, заметил.

– Так в управлении у нас своды законов ещё старого издания остались в достаточном количестве. Те, что на бумаге толстой и в переплёте кожаном. Новые-то для нашего дела не совсем подходят. Как-то уж так сложилось, что получи мы в руки бесспорные доказательства, так и начинаем этими законами упирающегося в заблуждениях на путь истинный наставлять. Но без дела не пользуем, Ваше Сиятельство.

– Прекращай загадками говорить. Рассказывай, как есть, – сердито глянул князь на секретаря, принесшего заказанное и развесившего было уши.

Про себя Обдорин заметил и хитринку, мелькнувшую во взгляде унтера во время рассказа, и вовремя взятую им паузу, позволившую секретарю подслушать только обычные, ничего не значащие слова.

– Когда дело ясное, а варнак упирается, то мы его к стулу приковываем, а позади полицейского ставим, со сводом законов в руках, – не спеша начал говорить служивый, дождавшись закрытой секретарём двери и опустив глаза на принесённый поднос с рюмками, порезанным лимоном и маленьким графином, – Как только он молчанку устраивает, или врать начинает, так тот его законом по башке бьёт. Мера крайняя и используем мы её редко, когда уже и так всё ясно, но в этом случае…

– Выпьем, – прервал немолодого офицера князь, – Дело поганое выпало, тут я с тобой полностью согласен, но такая уж у нас работа. Кому-то пристало на скакунах красоваться, а кто-то и конюшни должен вычищать, – вместо тоста высказался Обдорин, жестом приглашая полицейского присоединиться. Заметив взгляд унтера, метнувшийся было на государев портрет, он лишь отрицательно помотал головой, – А уж ему в разы больше нашего достаётся.

После выпитого, немного помолчали, смакуя ощущения и расползающееся по телу тепло. Прикрыв глаза, Обдорин даже заулыбался на пару секунд, представив себе, какую он бомбу только что вкинул в умы своих подчинённых. Он, князь, лицо приближённое к Императору, и старший унтер-офицер… Вместе пьют. Ладно бы с генералом каким…

Нет. Эту байку он задёшево не продаст. Пусть злопыхатели

сочиняют, кто что может, но среди срамных альбомов встретились и другие. Там не было лиц детей, искажённых слезами и болью, и их тел, снятых крупным планом во время изнасилований. Наоборот. Порой явственно мелькали знакомые холёные морды, любующиеся на детские страдания.

– Нашли мы в подвале их комнату. Аккурат под центральным залом особняка она находилась. Большая, метров десять на двенадцать, думаю. Наш фотограф сказал, что все аппараты новейшие, из дорогих импортных. Фотоплёнки немецкой цветной три ящика припасено. Освещение, опять же, серьёзное. Синему они не так давно снимать научились. Туда тоже денег ужас сколь угрохано. Я так думаю, что в подвале они устроились, чтобы никто криков и плача детского не слышал, – старший унтер-офицер правильно понял кивок князя, и продолжил свои комментарии к уже имеющимся протоколам допросов, – Все трое не раз повторили, что Мелентьеву отдавали половину выручки. Ещё и надзирательницам приплачивали. Те им малышей из свежих партий готовили, мыли их, ставили клизмы и перед съёмками секли сильно.

– Это ещё зачем? – неожиданно для самого себя выпал Обдорин из навалившейся было Тьмы, уже начинавшей отпускать. Все люди, как люди, а у него свой скелет в шкафу – Родовое проклятие. Стоит начать гневаться, и вот она – Тьма. Даже свет в кабинете притух было. То-то унтер замешкался с рассказом.

– Один из них разговорчивый попался. Хотя, может это мы ему голову законом слегка стрясли. Болтал, как сорока. Ещё и кичился своими выдумками. С его слов, так это он заметил, что если детей розгами высечь, то выпоротые они становятся очень старательными и послушными. Что ни скажи делают, и терпят до последнего. Стал он ведро, с замоченными в нём розгами, рядом со съёмочной камерой ставить. Ещё и хвалился, говорит, только к ведру рукой потянешься, как малышки сразу понятливей становятся. Любые приказы тут же выполняют, без капризов и раздумий, – полицейский цедил слова, словно выплёвывая их. Видно было, что рассказ ему давался не просто, – Охраннички откупщику старательные попались. На курсах фотодела обучились. Свои альбомы они продавали дорого. Как бы не серебром по весу брали. Заказчики ваши в основном были, столичные. Эти же трое ради денег таких крох себе на съёмки подбирали… Я, конечно сильно извиняюсь, Ваше Сиятельство, но у самого две внучки есть. Шести и семи годков. Да я за них… А эти таких же пользовали. Да ещё порой не в одного. Даром, что те им до пупа не достают. Клиентов они уже потом, по приказу Мелентьева снимать стали. Скрытые камеры установили в обоих

залах и в трёх покоях гостевых. Если эти упыри ещё нужны вам, то тюремных надзирателей уведомите о том в обязательном порядке. В общих камерах эти выродки не долго проживут. Уголовнички наши, конечно ещё тот народ, но с Этими! – унтер выделил слово не только интонацией, но и еле слышным стуком сжатого кулака об стол. Чувствовалось, что большого труда ему стоит сдерживаться, – Порешат их в камере. Страшной смертью умрут. Тут на Ваше усмотрение, конечно. А от меня лишь пожелание, чтоб жили они всё-таки не слишком долго. За что вся наша служба Вам только благодарна будет.

Опс-с… А вот тут старый служака прокололся слегка. Не с его чином за всех говорить. Ходили слухи, что совсем уж в корень оборзевших жителей Империи, время от времени настигают неприятности разного калибра. То с винтовки, то с револьвера, а иногда и вовсе с охотничьего ружья прилетают… Вроде, был случай, где и морской калибр поучаствовал, но морякам верить дело неблагодарное.

«Белая Русь». Ничем и никем не подтверждённое офицерское движение. Сколько не пытайся ухватиться за концы, дело безнадёжное. Вроде, как-то раз зацепились было, получили сведения, где временная штаб-квартира у них расположена, но под утро в ещё недосмотренном доме полыхнуло так, что не осталось ни бумаг, не свидетелей. Намёк был понят, и сейчас обе стороны замерли в своих отношениях. Имперские службы не лезли в слишком уж тухлые дела по скоропостижным смертям криминальных авторитетов, заканчивающиеся к общей радости служивых, то пожаром, то автокатастрофой. Это при нынешних-то скоростях… А «Белая Русь» не торопилась себя обозначать. В одной только столице за последний год среди криминальных лидеров словно мор прошёл. Раза в три их количество поубавилось.

Из достоверного понятно одно – крупный криминалитет, из тех, что на наркотики и вымогательства завязан был, свою прыть поумерил, и постарался придать своей деятельности приличные черты. В школах никто уже в открытую не суёт дурь малолеткам, ещё не понимающим, чем им вскоре придётся расплачиваться. Да и лавочники с купцами спокойнее жить стали.

– Нужны мне они пока. Для очных ставок потребуются, – с сожалением взглянул князь на ополовиненный графинчик, понимая, что ему сегодня больше пить не стоит. Немного подумав, он решил оговорки полицейского вроде как не заметить. Надо будет, сам откроется, если есть причина.

– Мда-а, миллионов сто не хватает. Запрет бы ещё на вывоз

зерна как-то бы протащить, минуя Думу. Тогда можно было бы выкрутиться и немцам жирную фигу показать, – подал голос Император, отодвигая в сторону папки и листы с расчётами, над которыми он корпел последние минут пять, – Что ещё по заговору нового? Вроде в прошлый раз ты говорил, что всё под контролем, а смотри-ка, как с зерном нам подкузьмили. Придётся сегодня совещание собирать. Хотя, что толку. Конец года. Последние приличные деньги ещё неделю назад потрачены, в казне одна пыль осталась. Резервный фонд у нас на войну ушёл. Нет, немцы по-своему молодцы. Как они нас… – государь покачал головой, явно завидуя немецкому таланту ведения дел, – Хотя, у тебя тоже смотрю, сдвиги к лучшему появились. Раньше ты финансов не особо касался, а тут, лепота. Красиво экономику заговора расписал. Или со стороны кого нашёл? – государь с ехидцей взглянул на князя. Он ещё после первой похвалы заметил гримасу неудовольствия, мелькнувшую у Обдорина на лице, оттого и повторно проехался по этой же теме, убедившись, что князь не очень-то и рад собственным успехам в экономике.

– Не то, чтобы я нашёл, скорее меня нашли. Основные расчёты граф Бережков привёз. Мои люди только цифры проверили, да дополнили недостающее, – нехотя признался Обдорин.

– Погоди, граф что, ни с того ни с сего вдруг взял и что-то для тебя считать принялся? – перебил Император князя, недоверчиво вскинув брови и почёсывая подбородок.

– Если бы для меня. Зерна он с купцом своим скупил изрядно. Впрочем, это по их меркам много, для столицы так сущий пустяк. На том и случился у него нешуточный конфликт с бывшим откупщиком по зерну, который нынче на немца работает. Тут-то молодец твой возмутился, а затем и всю подноготную раскопал.

– С чего это мой? – государь сделал вид, что осердился, но этот номер у него и в детстве не проходил. Нечего брови хмурить, если в глазах чертовинки играют, а губы непроизвольно в улыбку складываются.

– Ну, раз не твой, так завтра же его к себе заберу. Будет кому мои доклады твоими любимыми цифрами иллюстрировать, – не стал спорить князь, находясь в твёрдой уверенности, что точно просчитал отношение государя к графу, и тот сейчас же кинется отыгрывать так запросто сданные позиции. Старая игра. Лет сорок они в неё играют, и никак не надоест.

– Ну-ну. Попробуй… Видимо тебе своих забот не хватает, – несколько насмешливо отозвался друг детства, и Обдорин понял, что попал в заранее приготовленную ловушку, – Ко мне дней пять назад целая делегация наших умок прорвалась. Не признают эти

учёные субординации, – деланно сокрушался государь, качая головой, и сочась довольством от удавшейся каверзы, – Если им верить, то граф Бережков чуть ли не новую магическую эру открыл. Первые же опыты у них удались. Научились они тепло в магию переводить. Такие перспективы расписывали, что дух захватывает. Но не это главное. Самая интересная мысль у них мимоходом прозвучала.

Император поднялся из-за стола и сложив за спиной руки, подошёл к окну. Верный признак того, что князю предстоит выслушать нечто поучительное, скорее всего экскурс из исторического прошлого.

– Как ты знаешь, изобретать что-то новое в наше время смысла нет, – начал неспешно Император, и Обдорин мысленно сам себе поаплодировал, – Нам бы, дай Бог, освоить хотя бы то, что от предков по наследству досталось. По развитию техники мы не так давно вышли на уровень СССР, каким он был у них перед Второй Мировой. По объёмам, понятное дело, безбожно проигрываем. У них и людей больше было, и заводишки имелись, а у нас крестьяне, бояре и металлолом, в труху сгнивший. Но кое-что осталось. Ещё мой дед начал собирать и тщательно сохранять любые изделия, чертежи и учебники, изыскивая их, где только можно. Обрати внимание. У нас нет конструкторов и изобретателей, в том понимании, какое имелось у предков. Наши же, по остаткам сведений, лишь пытаются повторить то, что у предков было из наиболее удачного. Знаешь старинную поговорку: – Зачем изобретать велосипед, если его уже изобрели? Мы и не изобретаем. Пытаемся воспроизвести то, на что хватает знаний и технологий. С магией всё несколько иначе. Она появилась тогда, когда всё человечество было поставлено на грань выживания. Как наши предки успели совместить свои знания и подогнать магию под них, или знания под магию, теперь никто не скажет. Смысл в том, что магию подняли на высший уровень Изначальные. Те, кто выжил после Третьей войны и получил Дар. Дальше особого развития не было, если не рассматривать мелочи, связанные с боевыми заклинаниями. Скажу больше, магия понемногу стала деградировать от поколения к поколению. И тут вдруг прорыв. Первый, за последние лет сто, если не больше! Каково? Могу ещё кое-что рассказать, – последние слова государь произнёс после некоторого раздумья, и тем знакомым тоном, от которого поползли мурашки. Некоторые секреты, иногда совсем не детские, именно так и привязали Обдорина к монарху насмерть. В самом прямом смысле этого слова. Те, кого они касаются, знают, что он знает. Поэтому не стоит делать ставки на то,

сколько отдельно взятый князь проживёт после смерти Императора. Можно ограничиться одним словом – недолго.

– Представь себе боевую звезду магов. В её классическом варианте уровни у магов далеко не блестящи. В легенды вошла звезда, в которую входили три «десятки». Они могли полосу огня, в километр с лишним шириной, продвинуть на десять километров перед собой. Да так, что камень, и тот плавился. Впрочем, это зафиксировано, как исключительный случай. По факту семь километров для них был обычный результат. Пришла ко мне, не так давно, одна любопытная записка от нашего Магического комитета. Признаюсь, я уже и подзабывать стал о его существовании, а вот зря, как оказалось. Если коротко, то смысл в том, что мы можем лет через пять получить четыре боевые звезды, состоящие из одних «десяток». Вопрос только в том, чтобы граф Бережков смог бы, больше, чем в два раза, поднять резерв в изготовляемых им накопителях-«протезах». Там ещё есть детали, но на суть они не влияют. Хочешь, подскажу, кто в эти четыре звезды предполагается?

– Элита, – ни не секунду не задумавшись, выдохнул Обдорин, – Причём, скорее всего, молодёжь с наипервейших Кланов.

– Да ладно, – деланно удивился государь, явно подначивая своего друга, – Даже с тех Кланов пойдут, что у тебя в списке заговорщиков первым номером значатся?

Вопрос Императора застал князя врасплох.

На весы, измеряющие выгоды Клана, от получения в свои ряды молодого мага-«десятки», и сравнивающие их с ожидаемыми преференциями и прочими благостями, обещанными по результатам успешного свершения заговора, упало слишком многое. Общего решения тут нет, да и быть не может.

У каждого Клана ситуация своя. Тут попросту сходу не определить, что, чего и как перевешивает. За мага-«десятку» не стыдно на невесту такую рот разинуть, что и не предполагалась она ни в каких прошлых раскладах. Дело не столько в невесте, сколько в её родне и детях. Опять же, вопрос престижа не последнюю роль играет. «Десяток», в основном владеющих магией Огня, на всю Империю и сотни не наберётся. В большинстве своём, это маги в возрасте. Чтобы понятнее было, стоит добавить, в очень приличном возрасте. Как ещё назвать возраст лет в сто с лишним? Да, выглядят они моложе, но странное дело, почти все никак жениться не хотят. Ни под каким соусом. А раздражать Огневика рассказами о необходимости пополнять генофонд, дело не только неблагодарное, но и далеко не безопасное. Огонь, знаете ли, стихия нервная, ни разу

неуравновешенная. Кто только от Огневиков не сбегал в дымящихся портках, осмелившись всего лишь намекнуть на брак с какой-либо кандидаткой на выданье.

– За Кланы сказать не могу. Их каждый отдельно надо рассматривать, но полагаю, что кое-кто во всех своих планах не учёл один очень важный фактор в жизни Империи, а именно меня, – князь искренне насладился изумлением своего друга, более восхищённого, чем раздосадованного его наглостью. С другой стороны – скромность и так никогда не была сильной стороной князя Обдорина. Как-то он без неё до этого неплохо жил.

Впрочем, государь быстро с собой справился.

– Ты дело излагай, а факторы… Ну и их оценим, если что, – вроде бы беззлобно отозвался правитель государства, поглаживая свои ногти подушечками пальцев, и рассматривая их затем в солнечных отблесках. Обдорин лишний раз подосадовал, что не видит против света лица Императора, стоящего у окна. Многое по его мимике можно было бы понять.

– Миллионов сто в течении недели я может и найду. Безвозвратных. Отдавать не нужно будет, – вбросил князь для начала жирную приманку. По сути, взял на себя практическое выполнение государева замысла.

Рыбалка – дело тонкое. Ради самой добычи, как продукта питания, нынче никто рыбу на удочку ловить не будет. Проще её за деньги купить, а то и сеть или бредень использовать. И по времени выигрыш, да и по затратам, тем, что ушли на подготовку, прикормку, наживку и снасти. Но нет. Всё время находятся любители этого дела. Доказывают себе и другим, что ловля рыбы сродни искусству. Обдорин тоже входил в число таких фанатиков. Любил с удочкой посвященнодействовать. Оттого, решившись на не вполне предсказуемый своими последствиями манёвр, он непроизвольно успокаивал себя знакомой тактикой и терминами.

– Заодно подскажу, что у нас война с Померанией формально не закончена. Попробуй дальше догадаться, нужно ли с Думой чрезмерными согласованиями заморачиваться, – забил князь ещё один важный гвоздь в создаваемый Императором план.

– Формально ты прав. По закону военного времени, имею право на принятие единоличного решения, – всё ещё сомневаясь, государь однако вернулся к столу, показывая готовность к продолжению занятного разговора.

Как таковой, реальной войны с Померанией нет. Обе стороны обозначили границы окопами, отхватив себе по куску теперь уже бывших польских земель, и остановились, изредка постреливая

чуть ли не в воздух, чтобы обозначить своё присутствие. У дипломатов черновик договора о заключении мира уже готов, но теперь придётся им повременить. Померания никуда не денется, а зерно того и гляди за границу уплывёт.

– На этом хорошие новости у меня заканчиваются, – Обдорин слегка раскинул руки в стороны, а потом положив их на стол, упёрся взглядом в лежащие перед ним папки, – Дальше могу рассказать про деньги, которые я предполагаю собрать с объявившихся преступников, и про то, что графа Бережкова мы похоже пустим по миру. Я правильно догадываюсь, что продажу зерна ты собираешься ограничить, и заставишь купцов не меньше половины их запасов сдать государству по твёрдо установленной цене.

– Примерно так и есть, ещё и векселями казначейскими, с отсрочкой платежа на год, за недостающие миллионы рассчитаюсь. Погоди-ка, а что ты про преступников сказал?

– Да Бережков дом утех у откупщика раскопал, а там несовершеннолетние содержались. Можно было бы много кого привлечь, но больно уж клиенты попались сложные, возни и шума много будет. Так что потреплет их мой человек, на денежку приличную обезжирит, да и отпустит с миром. А то каждый второй, если не первый, считай, там из Клановых. Кланы потом нас же и натычут носом, что вечером в столице у вокзалов и гостиниц малолетки стаями вьются, свои услуги предлагая, и все детские приюты переполнены. Полиция уже не знает, куда беспризорников девать. Что толку их ловить, если на следующий день выпускать приходится.

– И ты туда же, – с досадой откликнулся государь, – Мне маман все уши прожужжала. А я что – Бог? За год десять новых приютов за счёт казны построили. Обрати внимание, это к тем сорока восьми, которые раньше были. Теперь ещё и содержать их требуется. Дамы наши денег насобирали на три дома младенца. Сиротские суды при магистратах озадачены изысканием возможностей для увеличения мест во временных детприёмниках. Промышленников заставили новые училища строить сразу с общежитиями. В воинских частях, что в городской черте стоят, полевые кухни развёрнуты. Каждая сто пятьдесят бесплатных обедов ежедневно готовит. И всё равно ничего не хватает. Не готов народ в города переселяться, а тут ещё и война грянула. В газетах пишут, что в одной только столице беспризорников тысяч под десять обитает. Врут, конечно. Мне про четыре тысячи докладывали. Полагаю, что реальная цифра где-то посередине будет.

Ни газетам, ни официальной статистике оба собеседника

почему-то не слишком доверяли.

– Тогда вроде все дела обсудили, – заторопился князь Обдорин, начав укладывать папки в стопку. Удалось ему избежать ненужных расспросов по делу откупщика. И альбомы с фотографиями так в портфеле и отлежались. Пора бы завершать беседу.

– Постой ты, куда спешишь? Вижу же, что ты свой интерес в деле с откупщиком имеешь. Какой, не скажешь?

– Человечка мне одного надо во Францию отправить с хорошей легендой. Такой, чтобы французы в неё поверили, да завербовать его по-быстрому попытались. А что может быть лучше проворовавшегося полицейского высокого чина, который на взятках попался, но сумел сбежать. Так что соберёт он нам деньги, и адью, Россия. Вперёд на Пляс Пигаль. Деньги будет прожигать, да их пигалиц в номера таскать. Меня бы кто куда с такой-то легендой отправил, уж я бы развернулся, – князь попытался своей бравадой поднять Императору настроение, и это у него получилось.

– ХитрО задумано, – усмехнулся государь, – Кстати, а что ты про Бережкова говорил? Что за убытки он понесёт? – задал он вопрос, как можно более небрежно, попутно приоткрывая в столе ящик, и что-то там разыскивая.

– Резвый юноша. Чем-то на нас с тобой в молодости похож. И планов у него вагон и маленькая тележка, – неспешно начал было Обдорин.

– Человека к нему своего подослал, значит, – покивал головой государь, понимая, откуда у князя такая осведомлённость.

– И не одного, – не стал отпираться тот, – Ты же сам сказал, что в проектах, где люди Мещерского на графа работают, дополнительная секретность требуется. И графа ставить в известность запретил. Пришлось выкручиваться. А что денег касаемо, то ты ему приличную свинью подложишь, когда на зерне не дашь заработать. Думаю, рассчитывал он на барыш некоторый, и возврат вложений своевременный. Опять же, ничего страшного. Отложит часть планов на год, а там, глядишь, и векселя оплачены будут, – с едва заметной ехидцей закончил князь, которого ничуть не обманул небрежный тон государя, попытавшегося скрыть свой интерес к делам графа.

– Хм… Так не пойдёт. Пока Бережков своими деньгами кое-что для меня оплачивает, да так, что со мной этого не связать никак. Хотя, почему для меня. Для Империи… Ты, вот что, подумай-ка, как бы ему убытки компенсировать, – проговорил государь, впав в задумчивость и барабаня пальцами по

столешнице, словно он на рояле играть собрался.

– Так что тут думать. Откупщик – человек не бедный. Если в качестве виры за покушение на Одарённого он графу имущество своё отпишет, то никто и против не вякнет. Граф тут в полном праве. К тому же и выбор у откупщика невелик… – князь прервал сам себя, не закончив фразу. Не обязательно государю знать, что выбирать Мелентьеву придётся между дарственной и завещанием.

Беседу прервал еле слышный стук в дверь. Оба собеседника тут же насторожились, сменили позы на более строгие и одели привычные официальные маски на лица.

Субординация государству необходима. Можно сказать – это целая система взаимоотношений, регламентирующая принятие на себя людьми определенной роли, выполнение приказов вышестоящих лиц и соблюдение правил поведения. Не им двоим разрушать то, что десятилетиями боярам в головы вбивалось.

– Неплохо, князь. Делами вашего ведомства я доволен. Ваши предложения в целом одобряю, особенно последнее, с ним не затягивайте, – произнёс государь сухим, насквозь протокольным тоном, прежде, чем разрешил войти стучавшему.

Придворные обычно не только приметливы, но и слух у них отменный. Для жизни при дворце это очень важные качества.

– Ваше Величество, церемониймейстер нижайше просит напомнить, что до приёма послов не так много времени осталось – почтительно произнёс секретарь, проскользнувший в полуоткрытую дверь.

– Пора, значит пора, – произнёс Император поднимаясь из-за стола и тем самым давая понять, что аудиенция окончена.

Возвращаясь к себе в покои, государь довольно улыбался. Неплохую партию они сегодня разыграли с князем. Даже подслушай кто их разговор, он и половины действительного смысла не уловит из сказанного. Гораздо больше они друг другу не сказали. Оба отметили недоговорённости в нужных местах, сказавшие им больше, чем многословные объяснения. Один взгляд князя в папки чего стоил. Вот так же, набычившись, он во времена их детства покрывал шалости цесаревича, принимая его вину на себя, и ни в какую в этом не признавался, как бы его не пытали наставники.

Улыбался и князь, впрочем, тщательно это скрывая, стоило показаться в коридоре кому-то из встречных. Про себя он отметил, что во дворце сегодня многолюдно. Начал озираться было, но тут же успокоился, приметив, что у лестниц появилась тройка гвардейцев, которой в обычное время здесь быть не положено. Значит охрана бдит и посты дополнительные выставлены.

Выйдя на улицу, князь снова улыбнулся. Это он сейчас промчит по хрустящему морозцу до Управления, заскочит туда ненадолго, чтобы отдать необходимые распоряжения, да и закатится сегодня домой пораньше. Императора к тому времени, только брадобрей с цирюльником отпустят обряжаться в тесные панталоны, которые он ненавидит, тяжёлый парадный мундир, пояса, перевязь и прочие аксессуары, что целый стол занимают.

Напрасно некоторые мечтатели считают, что у носителей короны жизнь лёгкая. Их хотя бы один раз заставить провести полноценный приём, со всей его подготовкой, двухчасовым сидением с соблюдением осанки и требованиями этикета, пожалуй уже бы хватило, чтобы розовые очки им с глаз снять. Император обычно возвращается потный и злой с подобных церемоний, и после душа ещё с час на диване отдыхает. И это при том, что физическая подготовка у него на уровне.

Тут князь самокритично признал, что себя он подзапустил, и в очередной раз твёрдо решил, что с завтрашнего дня он непременно собой займётся. Хотя бы ту же зарядку утром сделает.

* * *

В этот раз моё пребывание в столице затянулось. Несмотря на договорённости, к князю Обдорину я попал на приём только к вечеру следующего дня, и то с помощью Густавсона.

Рудольфа Генриховича пришлось изрядно поискать. Он всё время пропадал на закрытой территории научного центра. Есть такой в пригороде столицы. В директорах там граф Мещерский Илья Яковлевич. Советник Императора по промышленности и науке. Высокие знакомства и связи Густавсона меня не удивили. От Степана я знал, с кем по телефону общается мой партнёр по верфям. Да, подслушиваем мы порой телефонные разговоры, что из посёлка ведутся. Вроде нехорошо это, но приличия пусть идеалисты соблюдают, у которых за душой ничего нет и за которыми судьбы других людей не стоят.

Князь Обдорин принял меня в конце дня, как бы не последним посетителем. Выглядел он усталым и изрядно осунулся. Признаюсь, его вид меня порадовал. Было бы куда хуже, если бы он был весел и бодр. Тогда можно было предположить, что о готовящемся заговоре он ни сном ни духом не ведает.

Выслушав мой краткий доклад, он просмотрел принесённые бумаги и задал уточняющие вопросы, изредка одобрительно

кивая или прищуриваясь, когда требовалось больше деталей. В итоге мне было приказано из столицы никуда не пропадать, постоянно находиться на связи, а в случае поездок уведомлять домашних куда поехал и как надолго.

Судя по всему князь счёл возможным, что меня могут во дворец неожиданно вызвать.

Считаю, что результатом моих умоизмышлений можно гордиться. На ровном месте я нарыл подготовку к государственному заговору. Заодно и комбинацию изящную провернул, сложив с себя все хлопоты по Мелентьеву.

Первые два дня я провёл скучно, если бы не общество моих горничных. На третий день, благодаря тому же Рудольфу Генриховичу, мне удалось посетить лабораторию, где проводились опыты с алмазами, ранее отосланными мной в столицу.

– Вакуумное Термомагическое преобразование энергии на основе микрокристаллических алмазных пленок. Эффект в разы выше, чем с кварцем и сапфиром, – восторженно рассказывал мне молодой учёный, которого к нам прикрепили в качестве сопровождающего, – На самых удачных образцах, при тройном теплообменнике, мы добились результата в восемь процентов при стоградусной температуре. На пятистах градусах снимаем уже под десять процентов, если не врут приборы.

– Отличный результат, – похвалил я парня, года на четыре старше себя, хотя сказать мне хотелось совсем другое.

Представьте себе три стальных бочонка, литров по сто каждый, закутанных в шубу из асбеста и минеральной ваты, внутри которых расположены гирлянды стеклянных трубок запаянных с обеих концов. Вот это и есть тот самый тройной теплообменник.

Рассчитан он на мощность в четыре киловатта.

Четыре киловатта! Это всего лишь мощность мотора в пять с половиной лошадиных сил! И то, если округлить в большую сторону. Хотя, по моей задумке я должен был запихнуть этот теплообменник в глушитель. Впрочем, если прикинуть, то такая бандура будет работать и с мотором помощнее. Не всё же топливо там в тепло уходит. Может даже лошадок на двенадцать потянет. Но всё равно, как-то я себе не очень представляю эту тепломагическую машинерию у себя на дирижабле. При его-то двигателях эти теплообменники станут размером больше гондолы дирижабля, а уж сколько они весить будут, одному Богу известно.

Вот так и рушатся надежды…

Домой вернулся расстроенным, хотя и успокаивал себя мыслью о том, что первые образцы любой техники всегда были

громоздки, тяжелы и маломощны. Не исключено, что и этим теплообменникам нужно постепенно пройти свой путь развития, и тогда они когда-нибудь увидят небо.

Дома меня поджидал миленький конвертик, перетянутый розовой лентой. Приглашение от княгини Лопухиной на вечерний чай.

Ну, с этим делом я запросто разберусь. Тётушка у меня уже больше месяца, как в столицу переехала. Так что нужный консультант, можно сказать, под боком.

Родственница очень живо откликнулась на мою просьбу в получении консультации.

– Приглашение от Лопухиной? Считай, что ты растёшь в моих глазах и сумел меня заинтриговать. Идти нужно обязательно. После визита сразу ко мне приезжай. Хочу все лично узнать, не по телефону, – щебетала теперь уже баронесса. Благодаря переезду в столицу, она подняла свои старые связи и её дело тут же сдвинулось с мёртвой точки. Ныне оно благополучно разрешено к её огромной радости. По крайней мере так эта новость прозвучала в тётушкиной версии изложения. Хотя мне кажется, что не столько связи сыграли свою роль, сколько то, что у неё появились деньги. Приплатила, кому надо, и делу тут же дали ход. Вслух я ей, понятное дело, такого никогда не скажу, иначе смертельно обижу.

– А что такого необычного в нём таится? – не удержался я от некоторого скепсиса. После победы на гонках меня куда только не приглашали. И не только на чай.

– Много чего. Всего сразу и не рассказать. Пройдусь лишь по самым важным моментам, – посуровела голосом баронесса, – Во-первых, все теперь знают, что мы родственники. Впрочем, нет, не так. Объясню проще. После того, как меня выслали из столицы, фавориткой у Императора стала Анна Лопухина, ныне покойная. Дочь той княгини, что тебя на чай пригласила. В столице княгиня проживает вместе с внучкой. Муж у неё генерал-лейтенант и сейчас находится в Польше, а иначе жили бы они в своём Корсунском имении, что в Киевской губернии. Генерал-то столицы не любит, бывает только наездами. Сама Лопухина в свет редко выезжает, а внучка у неё, по слухам, чудо как хороша. Достаточно теперь, чтобы ты понял, как мне интересно узнать, для чего ты приглашён?

– Хм-м… Признаюсь, я скорее совсем запутался. Впрочем, что не пойму, потом разъясните, – свернул я разговор, поглядывая на часы. Письмо ещё утром принесли, но меня к тому времени уже не было дома, и сейчас до назначенного времени меньше часа осталось, а мне только полчаса на дорогу нужно.

Я бегом помчался в душ, на ходу приказав горничным готовить меня на выход. В автомобиль запрыгнул с ещё не просохшими волосами.

Чай у Лопухиных пили крайне не торопясь, больше разговаривая, чем отвлекаясь на напитки и разнообразные десерты.

Княгиня сразу призналась, что пригласила меня по просьбе своей внучки Ангелины, вдруг всерьёз заинтересовавшейся дирижаблями и гонками. Пришлось почти полчаса рассказывать дамам, что и как у нас происходило.

Внучка и вправду красавицей обещает стать. Сейчас она ещё молодюсенькая совсем, лет на четырнадцать-пятнадцать смотрится, но порода определённо видна и личико очень миленькое. Ещё годик-другой, и в ослепительную красавицу расцветёт.

– Благодарю, граф. Вы отличный рассказчик. Я словно сама с вами в небе побывала. Даже не знаю, чем могу наградить вас за столь интересную историю, – вполне искренне польстила мне княгиня похвалой, когда я наконец-то закончил отвечать на их расспросы после своего рассказа.

– Ой, бабушка, давай я графа в зимний сад свожу. Пусть нашими орхидеями полюбуется, – сорвалась с места Ангелина, и не давая никому времени на размышления, потащила меня из зала. Правда, одна из дам, которые присутствовали с нами на чаепитии, скромно сидя в дальнем конце стола, тут же поднялась и пошла вслед за нами.

Орхидеи действительно стоили того, чтобы на них взглянуть. Уж на что я к цветам равнодушен, но и меня поразила магия природы, сумевшая создать такое разнообразие красок и выразить это в столь причудливой форме. Орхидей у Лопухиных росло много. Сортов сорок-пятьдесят, и каждый сорт был представлен десятками великолепных растений. Сиреневые, белые, пурпурные, оранжевые, крапчатые и ещё какие-то, что и определения не подберёшь сходу. К радости Ангелины я от души восторгался, цокал языком и улыбаясь, разводил руки в немом восхищении.

– Ангелина, времени уже семь часов, а ты до сих пор не переоделась. А ну, живо одевайся, мы и так уже опаздываем, – услышал я звонкий девичий голос за спиной.

– Ой, бегу. Зинаида Степановна, скорее помогите мне собраться, – живо подхватилась девушка и убежала, прихватив с собой пожилую даму.

– Добрый вечер, граф, – первой поздоровалась со мной младшая племянница Императора, которую я не вдруг разглядел против сияния ярких ламп, освещающих цветы.

– Ваше Сиятельство, и вам здравствовать, – отозвался я, любуюсь грацией княжны, которая двигаясь ко мне навстречу, то и дело на ходу наклонялась к цветам, чтобы уловить исходящий от них аромат. Разные сорта этих цветов имеют свой запах. Тут и ваниль, и апельсин и мелисса, а то и вовсе что-то медово-хвойное.

– Обещала за Ангелиной заехать, а она, негодница, ещё не готова. Всё имениннице расскажу. Пусть поругает Анжелку, – всё ещё сердясь, проговорила Алёна, и вдруг удивлённо вскинула брови, – Мне кажется, или эти цветы пахнут, как кофе?

Я подошёл к княжне, и принюхался к тем же цветам, что и она.

– Действительно, кофе, – подтвердил я, – Никогда бы не подумал, что у цветов бывает такой запах.

– А мы с Ириной не так давно о вас вспоминали. Хоть та буча с лекарями и улеглась, но она всё равно собиралась вас разыскать и узнать, не получилось ли что с накопителями.

– Пока похвастаться особо не чем, но полагаю, к Новому Году я определённо смогу подарить ей готовое изделие, – почему-то слукавил я в ответ.

Три накопителя у меня готовы. Я их приберёг к празднику, чтобы порадовать княжну, и что уж там таить, обратить хотел лишний раз на себя внимание сестёр, а точнее, той самой Алёны, с которой сейчас говорю. Хоть встреча и так состоялась, но ещё одна возможность напомнить о себе мне никак не помешает.

– Тогда я Ирине ничего не скажу. Пусть ей это будет сюрпризом. Надо только придумать, где и как вы сможете его вручить, – она на секунду задумалась, а потом сама же себе захлопала в ладоши, держа их перед самым лицом, – Скажем, на балу у Воронцовых, двадцать восьмого декабря.

– Хм… Всё бы неплохо, но имеются трудности… – потупился я, дожидаясь её вопроса.

– Можете не успеть? – похоже, вполне искренне огорчилась Алёна.

– Успеть-то успею, но мало того, что я к Воронцовым не приглашён, так ещё и сомневаюсь, стоит ли дарить княжне столь утилитарное изделие? – решил я заранее подстраховаться от возможного конфуза.

– Тоже мне, трудности, – решительно отвергла княжна мои сомнения, – Наталью Воронцову я сегодня же увижу, и попрошу, чтобы вас внесли в список приглашённых, а Иришка вашему подарку будет рада больше, чем брильянтовой диадеме. Вы же ей не просто вещь какую-то подарите. Вы ей предоставите редкую возможность встать во главе нового поколения целителей.

– Тогда будем считать, что все проблемы исчерпаны. Хотя, сдаётся мне, что значение накопителя вы изрядно преувеличиваете, – я отметил чрезмерно высокую оценку моего будущего подарка улыбкой и толикой самоиронии.

– Я? Ни в коем случае. Это Ирина как-то раз вслух размечталась, когда мы про вас говорили…

Мы с княжной поболтали ещё минут десять. Обычный светский трёп ни о чём. Немного новостей, совсем чуть-чуть сплетен, рассуждения о том, кто из общих знакомых уже открыл сезон, а кто только готовится, мнение о книжных новинках и последних фильмах синемы. Я не все темы был готов поддержать и старался в сомнительных случаях обходится междометиями или просто молча кивал, соглашаясь.

– Я готова. Можем ехать… – прервал нашу идиллию голосок Ангелины, и по лицу моей собеседницы на какой-то миг промелькнула разочарование.

– До встречи, граф. Надеюсь вскоре вас увидеть снова, – попрощалась Алёна, а там и я пошёл в зал, чтобы попрощаться с княгиней.

Вскоре я был подробно обо всём происходящем в доме Лопухиных расспрошен родственницей, к которой заехал на обратном пути. Её интересовала буквально каждая мелочь, начиная с того, кто и во что был одет, и какие десерты подавали на стол.

Расспросила она даже про то, какие вопросы про дирижабли мне Ангелина задавала. А что, вполне по делу были вопросы. Не соврала княгиня, когда сказала, что внучка вдруг разом нешуточный интерес к дирижаблям проявила.

Когда, где-то через час я обессилено иссяк, понимая, что уже ничего нового из себя не могу выжать, баронесса меня буквально убила первым же предложением.

– Теперь мне понятна судьба третьего котёнка…

Тетушка на какое-то время ушла в себя. Я очумело уставился на неё, чувствуя себя участником театра абсурда. Потом она встрепенулась, и обратив внимание на мой вид, снизошла до объяснений.

– У младшей из сестёр, а именно у Алёны Рюминой есть кошка редкой породы. Этакая невыносимая няшечка. Белый пушистик с огромными голубыми глазами. Самой посмотреть не довелось, но по отзывам тех кто видел, её просто невозможно хочется взять на руки и потискать. Не так давно у этой чудо-кошки впервые родились три котёнка. Два из них уже обещаны родственникам Рюминых, а за третьего среди придворных целое соревнование разгорелось. Особенно среди тех, у кого дочки есть.

Новым платьем, шубкой или колечком любая из девочек перед подругами похвастаться может, а котёнок всего один. И мало того, что он сам воплощённая прелесть, так ещё и Великой княжной подарен. Не далее, как сегодня в обед Алёна Рюмина за столом обмолвилась, что котёнка отдаст Ангелине Лопухиной. Оцени, сколько нового я успела узнать, пока ты чаи распивал.

– И? – изо всей силы помотал я головой, потому что слова закончились. Да и горло за время рассказа напрочь пересохло.

– Ты на самом деле ничего не понял? – в свою очередь удивилась родственница.

Я сначала замотал было головой, а потом закивал, окончательно запутавшись.

– Сдаётся мне, что Ангелина честно заработала котёнка, устроив княжне Рюминой случайную встречу с тобой, – подвела итог своим размышлениям тётушка, и расхохоталась, глядя на мои глаза, готовые вывалиться из орбит.

Мда-а… Помните, я не так давно сам себя хвалил за ловкую комбинацию, с помощью которой я выкрутился из дела с откупщиком зерна?

Забудьте.

По сравнению с двумя юными девушками, я чистый ребёнок.

Глава 28

Снова лечу в Камышин. Радуюсь, что у меня есть «Сапсан». Без него я бы половину своего времени проводил в поездах, автомобилях, или в ожидании рейса пассажирских дирижаблей.

Моё вынужденное пребывание в столице закончилось. В конце недели меня вызвали к Обдорину. Говорил он недолго. Про заговор запретил мне даже упоминать вслух где-либо. Под конец разговора он выдал мне пакет с оформленными документами на бывшее имущество Мелентьева и велел немедленно вступить во владение, пока добрые люди ничего не растащили.

Так что сижу, разбираюсь, что мне от откупщика досталось. Кстати, неплохо так перепало, на первый взгляд. Документы на три особняка сразу отложил в сторону. Актив хороший и понятный. Зато на следующем пункте озадаченно зачесал затылок. Хлебная пристань с механизмами, складами, судами и подсобными плавсредствами, к ней приписанными. Непонятное приобретение. Неясно, то ли это что-то стоящее, то ли лишние хлопоты. Откладываю документы на пристань отдельно. Через несколько минут туда же полетели документы от паровой мельницы, кондитерской и дрожжевого завода. Зато в первую стопку к особнякам прибавился пакет акций Волжского Агробанка, а потом и акции местной железной дороги, связывающей Камышин и Ростов.

Раскладывал, по тому принципу, что котлеты и мухи не должны находиться вместе. Легкореализуемые и понятные активы в одну стопку, а те, с которыми ещё предстоит разбираться и выяснять их реальную ценность, в другую.

Знакомая полянка у усадьбы Липатова наконец-то была окончательно отдана под дирижабли. Купец оценил удобство этого транспорта и уже около месяца пользуется дирижаблем, изготовленным для него по спецзаказу. В отличии от моего «Сапсана» его «Алмаз», со слов купца названный так в честь единственного крейсера, когда-то прорвавшегося во Владивосток, изготовлен нами в полугрузовом варианте. Я посмеивался одно время над прихотью Липатова, но недолго. Очень быстро его магазин в Камышине стал известен всем любителям экзотических фруктов. Особой прибыли от продажи заморских диковин, привозимых из столицы, купец не имел, но зато общий оборот у него заметно поднялся, да и престиж заведения вырос. Покупатель, заскочивший за тем же ананасом или мангустином для ребёнка, заодно и обычные товары приобретал.

– Отец с братом вот-вот вернутся.

– Мы их к обеду ждём. Уже всё приготовлено.

– А ещё у нас вчерашней почтой два заказа на «протезы» подтвердили.

– И по телефону сегодня ещё один заказ ждём, – вывалили на меня ворох информации две дочки купца, едва только я зашёл в дом.

Дождавшись, пока слуга у меня примет тяжёлую шубу, они развернулись и повели меня в обеденный зал. Как у них ловко всё получается. Говорят абсолютно синхронно, не мешая друг дружке, поворачиваются вместе, да и попами в такт умудряются вилять не хуже дворянок. Ценители меня поймут. Есть в этом процессе свои таинства. Походка, осанка, сама форма, м-м-м, скажем так, объекта наблюдения. Другими словами, между подавальщицей в кабаке и теми же смолянками, когда они хотят привлечь к себе толику внимания, наблюдается пропасть, с Волгу размером.

Отличный у меня колл-центр. И дело делает, и глазу приятно.

Признаюсь, я сомневался, что из затеи с привлечением купеческих дочек к продаже «протезов» что-нибудь дельное получится, а вот на тебе… Вся почта всегда в срок разобрана и ни одно письмо не оставлено без ответа, написанного красивым девчачьим почерком.

– Мы так хотели к вам в госпиталь попасть.

– Но отец не позволил.

– Госпиталь-то у вас особенный, для дворян.

– Он и сказал, что нас запросто могут и не допустить до вас.

– А княжна Вадбольская вас навещала?

– Нет. Я с лета её не видел, – ответил, я уставившись на столик перед собой, потому что иначе у меня скоро голова отвалится. Сестрёнки меня посадили на диванчик, а сами уселись по разные стороны на лёгкие плетёные креслица. Говорят они бойко и по очереди, вот мне и приходится головой чуть ли не на сто восемьдесят градусов постоянно крутить.

Сестрёнки как-то странно переглянулись.

– Давайте я вам чая с мятой налью. Отцу недавно его привезли. Какой-то новый сорт и он чудо как хорош, – тут же подхватилась одна из них, пересаживаясь ко мне на диван и ловко начиная хозяйничать.

– И варенье малиновое попробуйте. Мы его сами варили. Заодно и печенюшек отведайте. Свеженькие, часа не прошло, как мы их испекли, – тут же поддержала её вторая, усаживаясь на диван с другого бока и материализуя на столе вазочки и фарфоровые тарелочки.

Истинные кудесницы. Я было уж совсем готов был поклясться, что ещё пару секунд назад никаких продуктов в

пределах видимости не было, но вовремя заметил несколько больших накрахмаленных салфеток, ранее скрывавших всё это великолепие.

Хм-м, а диванчик-то тесноват. Уже на третьей печеньке я понял, что постоянно то локтем, то плечом задеваю приятные выпуклости хозяюшек, то и дело что-то поправляющих и подсовывающих поближе ко мне всякие вкусности.

Кажется, они ещё и говорили что-то при этом, но я не особо прислушивался, разомлев. Видимо, чай действительно оказался хорош, а в жар и румянец меня с варенья пробило…

Мгновения блаженства прервал приезд Липатова. Обе прелестницы тут же умчались встречать отца, а я, по привычке глянув на часы, обомлел. Двадцать минут одним мигом пролетели. Вот же наваждение…

Воровато оглянувшись, словно собираюсь сделать что-то непристойное, я стащил с одного из блюдец три дольки порезанного лимона, и разом отправил их в рот. Ух-х… Хорош лимончик. Даже слезу выдавило и мозги моментом прочистило.

Голова быстро поправилась, и в ней понемногу, одна за другой, стали появляться мысли. И вопросы…

Скажем, что это только что было? Или, почему вдруг сестрёнки так резко ко мне изменились, стоило им узнать, что Дарья с лета ни разу не объявлялась? Я же прекрасно помню, что не так давно они от меня тут же шарахались, стоило мне обратить на них внимание. Ну, не то, чтобы внимание было по делу. С этим-то у нас как раз всё нормально. О делах я разговариваю с ними спокойно и обстоятельно, но вот как только я взглядом начинаю оглаживать, э-э, скажем плечи, так тут же у них появляется повод куда-то улизнуть. Такое впечатление создаётся, что Дашка меня словно пометила.

Знаете, как собака или там медведь, помечают свои владения? Собак все видели, а медведь в рост встаёт и когтями передних лап на коре крупных деревьев следы оставляет, размер свой показывая. Другие особи его запах чувствуют, метки видят, на высоту их поглядывают и зря не лезут. Что-то мне подсказывает, что княжна тоже где-то по мне коготками проехалась…

Похоже, та наша шутка, что мы однажды с Дарьей на балу придумали, прилично затянулась. Я даже вслух крякнул с досады, припоминая, сколько у меня интересных романов с породистыми мадемуазелями в то время почти готово было сложиться, и как все они пухом рассыпались после памятного бала.

Вот как они это узнают?! Царапин от Дашкиных ноготков на мне нет и на одежду вроде никто не гадил.

Ну, ладно. Допустим, дочкам Липатова я сам проболтался только что. За что и был немедленно очарован двумя сестричками до полного помутнения разума.

Возмущаться бесполезно. Как я ни пыжусь, ни одного неблаговидного действия с их стороны припомнить не могу. Рука, локоток, глазки, декольте… Много ли мне надо… И поплыл горячий вьюнош, словно балан в половодье.

Все бабы немного ведьмы. Просто у кого это ярче выражено, у кого нет. Иногда и не поймёшь, что мужики в той или другой находят.

Взять хотя бы тех же страхолюдин, что у меня в посёлке с жёлтыми билетами живут. Показали мне их как-то раз охранники, когда мы мимо проезжали. По мне, так кошмар и ужас в одном лице, а другим вроде как и ничего, пойдёт. Может, кто мне и скажет, что это я, как боярин зажрался. Спорить не стану. Более того, соглашусь. Сам за собой что-то этакое наблюдаю. Зажратость определённо имеет место быть.

С другой стороны, а почему бы и нет? Пока летел в Камышин, газеты просмотрел. В одной, вполне себе серьёзной статье, убедительно описывалось, что с мужским полом в Империи всё не так хорошо. Автор предсказывал, что первая же послевоенная перепись выявит соотношение один к двум с половиной между полами, и что характерно, не в пользу мужчин. Отдельно тот журналюга проехался по Одарённым. У них, если ему верить, всё ещё хуже. На одного мага больше четырёх с половиной магинь приходится.

По мне, так странно. Ладно, допустим я понимаю, что была война. Дворяне, как бы то ни было, в ней не последнее участие принимали. Потери у них наблюдались не шуточные. Новое поколение армейцев к магам крайне плохо относится. Что к нашим, что к вражеским. Не будучи сами магами, они крайне болезненно воспринимают любую магию, которую наблюдатели могут обнаружить у противника. Туда сразу же обрушивают свой огонь все свободные артиллерийские стволы. Злые языки утверждают, что у артиллеристов даже специальная нычка в пять фугасных снарядов на каждое орудие имеется для таких целей. По мне, так достаточно, если вспомнить, что маг-«семёрка» с трудом выдерживает близкий разрыв осколочного снаряда в сорок пять миллиметров и то только в том случае, если успеет максимальный щит поставить, и всю свою Силу в него влить. Для создания более мощного щита ему уже специальный артефакт потребуется.

Но это меня опять на рассуждения о войне потянуло, а если вернуться к сообществу Одарённых, то живут они долго. Как бы

раза не в два побольше, чем обычный народ. Это если усреднить. А без математических изысков у нас по Империи чуть ли не под сотню наберётся долгожителей, которые вплотную к двумстам годам подошли.

Что же мы в итоге имеем? А имеем мы очевидную нехватку женихов, особенно ярко касающуюся Одарённых. Как ни крути, а с учётом близкой родни, или её подобии, у любой невесты из Одарённых выбор нынче крайне не велик. Родственные ветви Кланов переплетаются так причудливо, что порой казусы возникают, до смешного доходящие. У одной и той же девушки, лет пятнадцати от роду, может оказаться племянник лет этак под сорок, и в то же время имеется дядя, годиков трёх.

Про меня, в плане генеалогии, можно сказать одно – я словно чистый лист.

Война с Мансуровыми, затянувшаяся почти на три поколения, выкосила у меня всех близких родственников. Та же Анна, моя не так давно объявившаяся тётушка, для меня такая седьмая вода на киселе, что надумай я её в жёны взять, никто и слова против не скажет. Из общих родственников у нас с ней какие-то двоюродные деды, а то и ещё кто-то более древний. Она мне что-то пыталась было рассказывать при знакомстве, но у меня словно аллергия возникла на родословные. Она говорит, а я не слышу.

Да, не скрою, после смерти Деда я был не в лучшем состоянии. Как-никак, он единственный близкий мне человек, который остался после того, как погибли мои родители. Родителей практически не помню. Когда они погибли, мне было три годика. Не уверен, что тепло, исходящее от мамы, и щекочущие усы отца я сам себе не выдумал. Что толку мне было о них вспоминать, если я ничего не помнил больше. Дед мой, человек суровый и не слишком приветливый, может и сам того не желая, воспитал во мне абсолютно зеркальное отношение к нему. Сознайтесь, многие ли из вас стали бы испытывать тёплые чувства к человеку, только что лишившему вас обеда за невыполнение непосильного задания?

На дворе лето, соседские ребятишки в лапту играют, а мне надо телекинезом волосинки да пёрышки с подноса на поднос перекладывать. Кому такое понравится?

Так что я не только родственными связями не обременён, но и воспоминаниями обделён прилично. Кроме Анны никого из родни не видел никогда, да собственно и знакомиться ни с кем не рвусь. Как сидели они по своим усадьбам, когда у нас свара с Мансуровыми шла, так и дальше пусть сидят.

– В завершение дел с Мелентьевым, получил я кое-какую виру, – начал я разговор о делах, когда мы с Липатовым

уединились в его кабинете после обеда. Кроме нас двоих там ещё присутствовал пыхтящий самовар с целым иконостасом медалей на надраенном боку.

На стол я выложил привезённые бумаги, полученные от князя Обдорина.

Купец все документы рассматривал дотошно, словно стряпчий какой. Одну бумаженцию и вовсе принялся было ногтем скрести, но тут же опамятовал, виновато глянув на меня.

Липатова мне уже приходилось удивлять, но сегодня я видимо пошёл на рекорд.

– По пристани никаких иных бумаг нет? – поинтересовался он, изучив документы, и взяв приличную паузу на размышления, – И, кстати, сам-то откупщик жив ли? Не признают, случаем, бумаги поддельными?

– В Имперскую службу безопасности я передал его живым и почти здоровым. Что там с ним дальше будет, мне не очень интересно, – я постарался изложить купцу своё видение проблемы максимально холодно, и это у меня получилось, судя по тому, как он дрогнул плечами.

Нет, купцы всё-таки не те люди, которые могут жёстко решать проблемы. Им проще деньгами вопрос урегулировать, чем лезть в конфронтацию не пойми к кому.

А я Боярин. Граф. Пусть и не из первых, но для того же Липатова обязан показать, что за своих людей я стеной встану и готов на резкие поступки.

Без сомнения, Мелентьев, для купцов Камышина был весьма значимой фигурой, но я вот его сожрал и не подавился.

Может, ещё и с прибылью выйду из непростой ситуации.

Указ государев вчера газеты опубликовали. Половину зерна каждому купцу велено казне продать по рубль двадцать за пуд для пшеницы первого сорта и по девяносто копеек за пуд ржи.

Кстати, удивляет меня эта традиция. Всё вокруг измеряют в тоннах и килограммах, а зерно почему-то всегда в пудах идёт.

Как мы прикинули с Липатовым, совсем без прибыли мы не останемся, но и доходов тех, что ожидали, не увидим.

– Хлебных пристаней на всю Волгу у нас четыре. Наша, после Самарской, на втором месте стояла, на чуть-чуть отставая. Откупщик менее года назад эту пристань у купца первой гильдии Аристархова отсудил. Как уж и что у них сложилось, точно не скажу. Знаю только, что купцу каких-то документов не хватило, чтобы отстоять свою правоту. Говорят, сгорели они вместе с его загородным домом. Аристархов сам через месяц инфарктом умер, так ничего никому не рассказав, а откупщик чванлив был изрядно. Если до кого из нас и снисходил, то слова через губу

цедил, словно с официантом в ресторане разговаривает. Может из-за манеры Мелентьева разговор вести, а может и по другой какой причине, но за год пристань камышинская в заметный упадок пришла. С виду всё как прежде, а оборот уже не тот, что при Аристархове был. Купец-то душой за дело радел, а откупщик… – Липатов лишь рукой махнул, огорчённо крякнув, и потянулся к самовару за очередной порцией кипятка.

– Так я не понял. Пристань дело выгодное или продать её стоит? Опять же, если продавать, то по какой цене? – у меня ещё были вопросы, но пришлось их придержать. У Липатова вдруг ходуном заходили руки и он резко закрыл краник самовара, расплескав перед этим из стакана воду на скатерть.

– Пристань продать? – спросил он у меня свистящим шёпотом, схватившись одной рукой за сердце, – Пристань…

– Да что случилось-то? С сердцем плохо? – подскочил я со стула, готовясь звать кого-нибудь на помощь.

– Оставь, пустое. Отлегло уже. Вроде же и знаю, что далёк ты боярин от дела купеческого, вот только постоянно забываю, насколько далёк. На твоём языке попытаюсь объяснить. Представь, что досталась тебе случаем одна из башен кремлёвских. За сколь ты её продашь?

– Башню? Кремлёвскую? – вытаращился я на Липатова. Затем заметил ухмылку купца, и тут же понял, что свои вопросы я задал примерно тем же тоном, что и купец, когда про пристань спрашивал. Чисто я спопугайничал, выходит.

– Вижу, дошло. Для волжских купцов Хлебная пристань такое же значение имеет, как башня Кремля для дворянства. Слишком много по ней вопросов на доверии построено. А уж сколько интересов переплетено, враз и не сосчитаешь.

– Тогда заглянем сегодня туда, а разговор на вечер перенесём. Что с остальным делать будем?

– На состояние посмотрим и определимся. Хотя про мельницу я только похвальные отзывы слышал. Единственная она в княжестве, что может одиннадцать сортов муки выпускать, – заторопился Липатов, собирая документы со стола, – Боюсь, за день не обернёмся даже мельком всё осмотреть.

– А я и не тороплюсь в этот раз никуда, – вдруг брякнул я неожиданно для самого себя.

На самом деле, как так не тороплюсь. Дел невпроворот.

Точно общение с дочками купца мне мозг расплавило. Изначально я планировал задержаться в Камышине не больше, чем на пару суток.

Головой прекрасно понимаю, что мне никак нельзя с ними даже мимолётный роман себе позволить. Нет, девчонки хороши,

тут спора нет, но и Липатов в них души не чает, а человек он старой закалки, никаких легкомысленных отношений между нами не позволит. А мне тут как раз не так давно глаза на первую жену раскрыли, что нужна она из высокородных. И словно в воду племянница Императора глядела, когда про дочку купеческую говорила. В моём случае всё обстоит гораздо хуже. Ровно в два раза, так как близняшки ни за что не захотят расставаться.

Похоже я докопался до истинной причины, которая объясняет решительность их сегодняшнего поведения. Обратите внимание, сам додумался о логике девичьих поступков. Подвиг, можно сказать. Тетушка вправе мной гордиться, впрок её уроки пошли.

Логика у дочек купца, на мой взгляд, оказалась на удивление проста. Раз они не хотят друг с дружкой расставаться, то и мужа им надо искать одного на двоих. А кто у нас на такое непотребство право имеет? Правильно, Одарённые. И тут как раз я, весь из себя для такого дела подходящий.

С моей точки зрения то, что привилегия на многожёнство законом дана только для Одарённых, глупость несусветная. Хотя, простой народ и без этих привилегий неплохо обходится. Помнится, у нас в селе чуть ли не через дом по две, а то и по три бабы при одном мужике жили. И кого не спроси, откуда вторая взялась, ответят, что свояченица-погорелица к родне приехала, да и прижилась. Даром, что по двору детишки бегают чёрненькие и рыженькие, в цвет жены и свояченицы, так ещё и мужик, в усы посмеиваясь, всех их своими кличет и никакой разницы между ними не допускает.

Так что закон скорее всего для того создан, чтобы у Одарённых право наследования сохранялось. Наследникам Одарённых не избу с коровой на себя записывать придётся, а целые имения с землями. Понимать нужно, что с налогами в государстве путаницы быть не должно.

Выехали на ревизию в три машины. Сестрички, услыхав, что в списке осматриваемого имущества первым объектом у нас будет кондитерская, явили чудо, собравшись всего лишь минут за пять. До кондитерской домчали мигом. От дома купца до неё несколько минут езды, оттого она и вышла у нас первым номером.

Ну, что можно сказать. Достойное заведение. Зря я сюда ехать не хотел.

В моём представлении кондитерская – это что-то вроде кафе, где продают сладости, торты и безалкогольные напитки. Ан нет. Оказалось, это фабрика. Большое светлое здание, построенное буквой «П». Два цеха, склады, раздевалки и душевые. В три смены работает здесь двести с лишним человек. В одном цехе готовят

пастилу и мармелад, а второй отдан под шоколад и какао. В управляющих Юлиус Карлович Гейс, обрусевший немец. По-русски лопочет свободно, хотя и не без акцента.

Гейс примчался сам ко входу, когда у нас начался конфликт с охранниками, не желавшими нас пропускать. Пришлось вытаскивать документы и набираться терпения. Документы Юлиус Карлович просмотрел прямо у входа, раскладывая их на подоконнике.

Только после того, как им был изучен последний лист, немец внимательно оглядел нас, и немногословно извинился за задержку. Чопорно поклонившись, он предложил пройти в его кабинет.

– Изфольте пройти и посмотреть. Мануфактурен рапотает, как часы. Постаффки и заказы расписаны на два месяца вперёд. Бухгалтерия сведена в главную книгу, которую господа могут изучить, когда им будет утоппно, – смешно коверкая некоторые слова, Гейс тем не менее держался с определённым достоинством.

– Бухгалтерию двойную ведёте? – тут же заинтересовался Липатов.

– Да. Как есть в немецкий практик. Главная книга ведётся без оппоротных записей. Этто позволяет видеть рапота, как на ладонь, – немец, хоть и старался держаться бесстрастно, но вопросу купца удивился. Как мне показалось, даже уважения у него в голосе добавилось.

Я благоразумно молчал, хотя и был в лёгком замешательстве. Всегда считал, что двойная бухгалтерия присутствует лишь при обманах и афёрах, а оказывается нет. Из дальнейшего разговора стало понятно, что для рационального хозяйствования такой способ учёта намного удобнее.

Тем временем нам принесли халаты, полотняные бахилы и шапочки, похожие на колпаки, что повара носят. Как объяснил Юлиус Карлович, в цехах положено соблюдать чистоту не меньшую, чем в хирургической палате.

Ха, видели бы вы мордашки сестричек, когда они разрывались между любопытством и нежеланием одевать явно великоватые им халаты. Про колпаки даже не упоминаю. Победило, конечно же, любопытство. Оделись, как миленькие. Первые же сами над собой и похохотали.

На экскурсию по фабрике потратили минут сорок.

Что могу сказать… Не люблю я немцев…

Ну не может быть на русском предприятии стерильной чистоты, идеально ровных рядов оборудования, выстроенного под линеечку, отсутствия грохота и суеты, усиливаемых бесцельным

передвижением отдельных личностей, обязательно передвигающих перед собой нечто громоздкое и шумное.

У нас не может, а у этого немца оно существовало. Противно, и по-хорошему, за нас же и обидно.

После экскурсии поговорили с Гейсом. К взаимному удовольствию сошлись на том, что на ближайшие два-три месяца мы оставляем всё предприятие в том же виде, не производя никаких изменений и перестановок.

Обеих сестричек пришлось оставить на фабрике. У них нашёлся десяток причин, чтобы продолжить изучение рецептур и прочих таинств, позволяющих превращать вполне себе обычные продукты в нечто невообразимо вкусное.

На вопросительный взгляд купца, на которого обе дочки крепко насели, я только головой кивнул. Есть у меня предчувствие, что я не прогадаю, если контроль над фабрикой попадёт в цепкие ручки близняшек. Немец сколько угодно может кичиться порядком и аккуратностью, царящими на фабрике, но против таланта двух конченых сластён, какими без сомнения являются близняшки, ему не устоять. Как бы мне мозг не затмило сегодня, а то же варенье и печеньки я успел оценить. Божественного вкуса и то и другое. Да и в прошлые приезды мне от сестричек столько эксклюзивной вкуснятины перепадало, что даже столичные рестораны, с их кулинарными изысками, потом лишь улыбку вызывали. Пожалуй, нигде так изумительно не кормят, как в доме Липатова. Неплохой симбиоз может выйти из немца-аккуратиста и дочек Липатова, с их несомненным кулинарным талантом.

Мда-а… Не стоило нам, после кондитерской, да сразу на дрожжевой завод заезжать…

Пахнет тут… ПАХНЕТ! Вонь такая стоит…

Думаю, что если в провинциальный вокзальный туалет вылить ведро застоявшейся браги и добавить к нему по паре литров скипидара с ацетоном, то нужное впечатление создастся. Правда сомневаюсь, что по убойности запаха у туалета будут серьёзные шансы на победу. Разве ещё пару дохлых кошек в него добавить, для выравнивания условий.

Разобравшись, кто и зачем к ним пожаловал, охрана вызвала мастера смены. К счастью, тот догадался принести с собой коробку респираторов с угольным фильтром.

– Барда у нас хлопнула, – бубнил из-под такой же маски седой мужик, с виду лет пятидесяти, назвавшийся Иванов Филлиповичем, – Ночью приморозило, оттого и трубы на выходе прихватило. Барда в помещения пошла.

– И часто у вас такое? – спросил я, неуверенно топчась в

дверях. В тёмное помещение с огромными чанами заходить совсем не хотелось. Концентрация запаха там такая, что через респиратор пробивает, и на полу что-то подозрительно хлюпает.

– Иногда раза по три за зиму.

– Ремонтировать не пробовали?

– Да кто же разрешит зимой ремонтами заниматься? Вся продукция влёт расходится. Очереди стоят. Зима на дворе… Что ещё крестьянам делать, кроме, как брагу ставить, да детей вечерами строгать, – вполне натурально возмутился мастер. Маска скрыла его ухмылку, но уголки глаз дрогнули, да и прищур поменялся.

– Угу, а кто должен разрешить ремонт? Что-то я никого из начальства вокруг не наблюдаю, – демонстративно покрутил я головой по сторонам, словно и вправду хочу кого-то найти.

– Так, понятное дело, они в конторе находятся. Там ветерком обдувает, да и берег высокий. Ни запаха тебе, ни шума. До нас редко кто из них спускается.

Поглядев в ту сторону, куда кивнул мастер, я увидел край двухэтажного дома, расположившийся метрах в четырёхстах от нас, на высоком участке берега. Далеконько заводоуправление вынесено.

– А пошли-ка ты кого-нибудь за конторскими. Пусть скажут, что граф их в полном составе желает на заводе видеть. И вот ещё что, у тебя респираторы остались?

– Есть немного, как не быть, – озадаченно ответил мужик.

– Тащи их все сюда, а мы пока в другой цех пойдём.

Второй цех от первого разительно отличался. Тут было сухо, чисто, и с запахами полегче.

Пока сопровождающие осматривались, я направился к группе рабочих, отогревающихся у большой производственной печи.

– Добрый день, народ. Зовут меня граф Бережков. Так случилось, что я этот завод приобрёл. Пытаюсь разобраться, как тут дела идут и что можно улучшить. У кого-то есть жалобы или замечания какие?

Похоже, моё появление и попытка разговора, вогнала работников в ступор. Все, словно провинившиеся стояли, опустив глаза в пол. Честное слово, чисто девицы на выданье. Ну да, живого графа, да рядом с собой, поди первый раз видят. Постояв, понял, что разговаривать со мной никто особо желанием не горит.

– Вот ты, к примеру, всем доволен? – спросил я у ближайшего ко мне мужика, мявшего в руках потёртый заячий треух.

– Вонько тут, ваше сясьство, – неразбочиво пробормотал тот, не поднимая глаз, – Поперву не по разу в день блевать за угол

бегал. Только было привык, а сегодня опять пробило.

– Надел бы маску, – предложил я обладателю замызганной шапки.

– Работникам не положено, да и непривычные мы к намордникам этим, – примерно таким же тоном, что и первый мужичонка, пробурчал его сосед.

– Тогда не будем порядки нарушать, – согласился я принимая коробку с масками из рук подошедшего мастера, и резким движением бросил её в открытую дверцу печи, – Конторским скажешь, что маски закончились, – сказал я мастеру, отвернув лицо от жара моментально вспыхнувшей коробки.

Какое-то время стояла тишина. Все замерли, не понимая происходящего. Первым отмер мастер.

– Так не выдержат конторские и двух минут. Враз проблюются, – оглянулся он на работников с чувством превосходства. Как-никак, а первый он догадался, какую пакость я придумал.

Понемногу и до рабочих начало доходить. Они подняли головы и заулыбались.

– Ваш сясь, – осмелел тот, что был с треухом в руках, – А нельзя нам ещё один выходной в месяц добавить? По двенадцать часов же робим, уж сил никаких нет. До дому, порой, на карачках доползаем.

– Сколько у них сейчас выходных? – повернулся я к мастеру.

– Каждый десятый день выходной. Прежний хозяин сказал, что они зарабатывать, а не отдыхать приехали.

Пока я раздумывал над ответом, в голове словно сирена взвыла.

Ого! Уж и не припомню, когда я так явственно Сущность ощущал. Орёт, как резаный.

Что кричать-то? Историю нам ещё в лицее достойно преподали. По крайней мере я твёрдо запомнил, что всегда выигрывает тот государственный строй, при котором простым людям лучше живётся. Из-за этого в своё время появился социализм, а затем, когда рабочие стали на Западе лучше жить, так и социализм закончился. По крайней мере так нам учитель рассказывал. Точнее, говорил-то он много, и примеры разные с цифрами приводил, но я смысл его рассказов так понял, что простой народ всегда в ту сторону смотрит, где таким же, как они, лучше живётся. А всё остальное – это лозунги и пропаганда, чтобы правду идеологическими завесами скрыть.

Мне забастовок и стачек на заводе не нужно. Тем более в такое неспокойное время.

– Будет вам ещё один выходной. А если будете работать

лучше, так ещё и рабочий день сокращу, – заявил я работягам, под довольное урчание Сущности. Вот же революционер мне достался… Давай, ещё профсоюз у меня в голове организуй…

Конторские работники ввалились кучей, дружно прижимая к носам платочки. Я кивнул мастеру, разрешая отойти, а сам ещё немного поговорил с рабочими.

– Говорю же, нет у меня респираторов. Были и кончились, – донеслось до меня от входа. Пора мне идти мастера спасать. Крепко на него работники умственного труда наседают.

– Что за шум, а драки нет? – громко поинтересовался я, подходя к неорганизованной беснующейся кучке людей, припёршей бедного мастера к стене, – А ну-ка, быстро встали в строй и представились, как положено. Армии на вас нет.

Командный рык у меня неплохо поставлен. На генерала, ясное дело, не тяну, там особый талант нужен, но отделением командовать обучен.

Опешившие конторские служащие изобразили подобие строя. Двое даже попытались было животы втянуть. Платочки все попрятали, кто в карман, кто за спину.

– Так. Кто тут у нас… Орлы! Мои первые помощники! Надеюсь, все понимают, что теперь вы все не кто иные, как мои уполномоченные лица на этом заводе. Вы представляете мои интересы и обязаны блюсти их строже, чем свои собственные. Вижу, что я не совсем и не всеми понят. Кто-то похоже считает, что я только что сморозил глупость, – я перестал вышагивать взад-вперёд перед жалким подобием строя, и остановился, покачиваясь с носков на пятки и глядя по очереди в глаза двум весельчакам, позволившим себе улыбки, – Отдельно для тех, кто думает, что я тут шутки шучу, поясняю. За свои собственные ошибки любой из вас расплачивается сам, или может сделать вид, что он их не заметил. За ошибки, халатность и прочие грехи, совершённые на заводе, расплачиваться каждому из вас придётся, как минимум, дважды. Сначала самим их надо будет исправить, а потом не забыть компенсировать мне убытки. Объясню на примере. Сейчас завод простаивает. Замёрзла труба, по которой барда должна сливаться в фильтры. И это при том, что на улице и мороза-то толком ещё нет. Кто за это должен ответить? Господь Бог, пославший нам зиму? Нет, дорогие мои, а вы все действительно дорогие, по крайней мере для меня. Не дёшево ваш труд мне обходится. Отвечать будут доверенные лица. Те, кому доверие оказано, что они всё честь по чести сделают. Вся команда управленцев, что сейчас передо мной стоит. Чтобы не было больше у хозяина убытков из-за нелепых остановок, связанных с вашим разгильдяйством. Который год подряд вам

лень выводную трубу утеплить? Не хотели лишний раз мозговыми извилинами пошевелить? Да и не надо. Не хотите работать головой, будете работать руками. Просто откапывать и отогревать теперь трубу вы будете сами, а мне из своего кармана заплатите за потерянную прибыль и оплатите содержание завода за потерянный день. Чуть позже перейдём к вопросу запаха. На это исправление этой недоработки я на первый раз дам вам одну неделю. На мой взгляд, времени более, чем достаточно, чтобы добротную вентиляцию провести. А теперь, пока для вас отогревают землю под рытьё траншеи, начнём знакомиться. Представляемся по очереди. Каждый делает шаг вперёд, называет себя, и в три предложения рассказывает, чем он тут занимается.

Уф-ф… Целую речугу в стиле Наполеона Бонапарта оттарабанил. Чистой воды неоклассицизм, если кто не знает. Наш лицейский препод по риторике учил нас, что не только картины, мебель и архитектура определение стиля имеют. Построение речи и употребляемые слова тоже многое могут сказать. Иногда одной-двух фраз бывает достаточно, чтобы с ходу эпоху определить. Дай русскому человеку клочок газеты, и он вам с точностью лет в десять-двадцать её год издания назовёт.

Слушаю, как заводское руководство самих себя представляет, и понимаю, что пора заканчивать. Четверо уже вполне отчётливо позеленели, того и гляди прямо в строю начнут травить.

– Разбираем лопаты, и вперёд. На ликвидацию аварии, возникшую из-за вашей халатности. Если кого-то моё решение не устраивает, то волчий билет и штрафной начёт ему оформят завтра, в это же время. Ра-а-зойдись.

Вовремя. Конторские побежали на улицу, и не успела ещё захлопнуться дверь, как до меня донеслись весьма характерные звуки. Видимо не все успели свернуть за угол.

– Ну что, на пристань поедем? – поинтересовался Липатов, пролистывая бухгалтерские книги, принесённые с собой одним из служащих конторы, – А заводик-то неплохие деньги Мелентьеву приносил. Каждый месяц тысяч под сто выходило.

– Ого, – удивился я, оглядывая из окна машины неказистое предприятие и стягивая с лица маску, – А по нему и не скажешь. Зато я теперь навсегда убеждён в ошибочности поговорки, утверждающей, что деньги не пахнут.

– Да уж, чего у дрожжевого производства не отнять, так это запаха дивной густоты, – согласился купец и отложив в сторону бумаги по заводу, вытащил другие документы, – На пристань у нас дня два уйдёт, а то и три. И то, для поверхностного знакомства.

– Хм, тогда имеет смысл разделиться. Я дома сегодня хотел

посмотреть, – тут же подхватил я, так как давно искал повод, чтобы на осмотр особняков попасть без лишних глаз. Я хоть и доверяю Липатову, но не во всех вопросах. Например, большие деньги ему доверю без особых сомнений, а вот тайны, да к тому же дурно пахнущие, знать ему не стоит. Спокойней жить будет. Как говорится, купцу – купцово.

Не все листы допроса Мелентьева я князю Обдорину передал. Небольшую стопочку себе оставил. На память. А то вдруг забуду, как тот или иной тайник открывать надо. Последовательности там сложные. Сначала тут дёрни, потом там надави в двух местах, и лишь после всего здесь потяни. Это я сейчас в рисунок пальцем тыкаю, если что.

Бумаги допросные я придержал на всякий случай. Зато теперь радуюсь. Кто его знает, как бы с имуществом откупщика вопрос решился, узнай кто про тайники. Мелентьев не только рисковым делягой был, но и предусмотрительным хомяком оказался, а может и просто боялся показать, что для откупщика он не по чину много берёт. Короче, припрятанного у него, не то, чтобы на чёрный день с лихвой хватило бы, а пожалуй ещё и на пару чёрных недель могло остаться. Степан, правда, своё мнение позже высказал. По его предположению, мог у откупщика ещё какой-то источник дохода существовать, о котором мы вовремя расспросить его не догадались. Теперь уже поздно волосы на себе рвать. Нет пока у нас нужного опыта допросов, да и откупщика пришлось следователям отдать. Впрочем, толку с него теперь немного. Химия допросная – штука не простая. Память после неё зачастую напрочь отшибает. Тот же Мелентьев, когда откат от препаратов прошёл, на следующий день с трудом вспомнил, как его самого зовут. Минут пятнадцать мычал и слюни пускал, вспоминая.

– Можно и разделиться. Сегодня всё равно ничего толкового сделать не успеем. Лучше уж с утра, с ясной головой. Но я всё-таки на пристань съезжу. Пока слух о смене хозяина не прошёл, имеет смысл со стороны обстановку узнать. К тому же и повод у меня есть. Там сейчас, без всяких сомнений, самые горячие обсуждения государева указа по зерну проходят. Вот и послушаю, кто чем дышит, – потирая руки, радостно ответил Липатов.

Похоже, не только я имел желание разделиться. У купца тоже свой интерес имеется. Меня он хорошо изучил, и точно знает, что я ни за какие коврижки торговые дела главной целью своей жизни не сделаю. А кому граф от своего имени доверит управление Хлебной пристанью? То-то и оно… Только своему верному соратнику – купцу Липатову. Следующий шаг рассуждений так же понятен и прост. И называется он – Первая

сотня. Даже гадать не стоит, войдёт ли в этот список купец через год. Войдёт, да так ещё войдёт, что и средних потеснит, а не тех, что с конца.

Порой, так и сбывается мечта всей жизни. Вроде бы ещё вчера ничего не предвещало значимых событий, и вдруг… Первая купеческая сотня княжества! Для кого-то это просто громкий титул, и не более того. На самом деле – это элита купечества, обладающая и определённой властью, и правом голоса. Поинтересуется порой кто, а на чьи деньги в Камышине собор каменный, театр, не хуже столичного, галерея картинная построены, и что? Да на купеческие, ответят ему. О том и доска бронзовая на каждом здании имеется. Надумает глава городской улицы электричеством освещать, кто ему первый помощник окажется? Опять же братство купеческое. Оттого и он к ним всегда навстречу. И не только он. Многие вопросы походя решаются, если ты купец с именем. Опять же, к дочкам его какое внимание тогда будет. При их-то красоте и живости, ни на одном празднике без достойных кавалеров не останутся.

Когда я пересел в машину к Степану и сказал, что мы поедем дома осматривать, он меня сразу понял. Удачно всё сложилось. Особняки мне отписаны вместе со всем имуществом. Другими словами, всё, что в них припрятано, теперь моё по закону.

Начать осмотр решили с доходного дома. Он поближе всех к нам будет, да и светло ещё на дворе. Не могу объяснить почему, но нам обоим показалось, что лезть в тайники при свете дня, далеко не лучшая идея.

Доходных домов я видел много. Тот, что достался мне, был далеко не из худших. Район пусть и не самый центр, но и плохим его не назвать. Этакая добротная серединка. В соседях вполне себе приличные люди, с достатком чуть выше среднего. Само строение выглядит лаконично строго, хотя и слегка разбавлено полуколоннами и редкими фрагментами лепнины. Откровенно дорого оформлена лишь входная группа. На неё не пожалели полированного цветного гранита и стекла. Снаружи тоже всё вполне опрятно. Фасады ровные, без пятен и выбоин. Дорожки и крыльцо вычищены так, словно на них снега никогда и не было.

Оставив машину за углом, набросил поверх своей одежды курсантскую накидку, и мы со Степаном прогулялись до дома пешком.

Что могу сказать, провинция наблюдается. Таких больших квартир, как снята у меня в столице, тут попросту нет. Всё несколько проще, и в разы дешевле. Однако, стоит признать, что доход от дома ожидается стабильный. Нам всего лишь две квартиры смогли предложить. В одну и две комнаты. Остальное

всё занято. Неплохо. Из шестидесяти квартир пустуют только две.

Доходный дом себя оправдывает. Понемногу, но доход приносит. Или это я слегка зажрался? Да какое слегка, прилично зажрался. На свою первую зарплату, ту, что в Касимове получал, я тут вообще бы ничего снять не смог, даже самую захудалую каморку на чердаке, если такая тут имеется.

Познакомились с управляющим, перестав выдавать себя за клиентов. Прошлись по этажам. Всё вполне прилично и особого вмешательства не требует. При ознакомлении с бухгалтерской книгой немного напрягли платежи за отопление. Похоже, частная котельная, что находится в квартале от моего (уже моего!) дома, свои услуги изрядно переоценивает. Придётся подумать, есть ли иное решение для отопления.

Узнай мои столичные друзья-курсанты, над чем я порой думаю, наверное со смеху бы померли. Граф, и какие-то вопросы отопления… А мне не смешно. Четверть доходов теряю в зимние месяцы. Как рассказал мне управляющий, приходится зимой самим за тепло доплачивать. Доходных домов в Камышине не один десяток и если летом ещё без труда можно клиентов найти, то за жильцов на зиму приходится всерьёз бороться с конкурентами. Выбор невелик получается: или квартира будет пустовать, или доход с неё меньше пойдёт. Может, я и не стал бы в этот вопрос чересчур вникать, но при наружном осмотре здания не мог не заметить приличного диаметра трубу, выкрашенную жёлтым цветом. Газ к дому подведён. Осталось его в тепло превратить и расходы на отопление впятеро упадут.

Особняк, в котором раньше проживал сам откупщик, встретил нас тёмными окнами. Пришлось долго стучать дверным молотком, прежде, чем в глубине двора появилась тусклая точка переносного фонаря.

Садовник, весьма почтенного возраста, и его жена остались единственными обитателями на всей территории особняка. Все остальные разбежались после визита полиции, продлившегося не один день. Ни нашим словам, ни документам старик не поверил, заставив нас в конце концов послать одного из охранников за городовым. Благо, будка его находилась не так далеко отсюда.

Приход городового, мордатого типа внушительных размеров, дела не ускорил. Завёрнутый в чересчур длинную шинель с рукавами, достающими до кончиков пальцев, и перепоясанный широким ремнём поверх весьма заметного пуза, городовой всеми способами не желал оказывать нам содействие. Сначала он заявил, чтобы мы с утра по таким вопросам приезжали, потом с документами якобы не мог ознакомиться, затем ему разрешения начальства потребовалось. Короче, вскоре я плюнул на глупые

разговоры, оставив Степана и охранника разбираться с блюстителем порядка, и юркнул в тёплое чрево автомобиля. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о том, что Мелентьев когда-то городового неплохо прикормил.

Разыскивать тайники под надзором городового, притопавшего в дом вслед за нами, мы не стали. Убедились, что запертые двери в комнаты и кабинет опечатаны полицией, да и оставили всё до утра. Завтра заберём ключи в участке, и займёмся экспроприацией.

Осталось осмотреть последний дом. Тот самый весёленький особнячок, что отсюда совсем рядом. Махнув водителю, чтобы ехал за нами, не спеша пошли по улице. Легкий морозец, снег хрустит, и ветра нет. Чем не время для короткой прогулки. Чуть отстав от нас, где-то сзади бухал сапожищами городовой.

Особнячок открылся неожиданно, стоило нам выйти за один из соседских домов, который ранее его от нас скрывал. В отличии от особняка откупщика, этот нарядный терем был весь в огнях, разве что на самом верху несколько окон не были освещены. Мы остановились, пытаясь разглядеть, что там происходит, но не преуспели. Оглянувшись, я заметил, что городовой тоже увидел открывшуюся картинку, и остановился в нескольких шагах от нас.

– Не знаю я, что тут расположено. И некогда мне. Служба, – пробормотал служитель закона, поняв, что сейчас ему придётся объясняться. Достаточно проворно для его комплекции он развернулся на каблуках, и резко снялся с места.

Переглядываясь, мы зашли в дом через парадный вход. Стоим в холле, осматриваемся. Никто нас не встречает. Отсюда виден зал, с широкой мраморной лестницей, уходящей вверх и там разделяющейся на две более узких, расходящихся в разные стороны.

– Ой, – вскрикнула совсем мелкая девчонка, выскочившая в зал откуда-то сбоку, и заметившая нас. На секунду она замерла, настороженно нас разглядывая, а потом бегом сиганула наверх, смешно враскорячку подпрыгивая на больших для неё ступенях.

– Девочки, девочки! Там новый хозяин пришёл, и сразу двух гостей привёл, – услышали мы её тоненький голосок откуда-то сверху.

– Упс-с… А особнячок-то мне с наследством достался… – обескуражено произнёс я в пустоту зала.

Глава 29

В Камышине я пробыл неделю. Гораздо дольше, чем изначально рассчитывал. Мало того, что у меня в этом городе понемногу собственности разной накопилось, так она вся ещё и хлопотной оказалась.

Как нарочно, на судоремонтном заводе в очередной раз начались испытания нового дизеля. Рождался двигатель тяжело. Первые образцы оказались ненадёжны, капризны и они никак не хотели выходить на рабочую мощность. Каждый раз двигатели разбирали, выясняли причины неполадок, и нашим инструментальщикам при верфях приходилось добавлять всё новые комплекты магической оснастки. Не тянули традиционные технологии на требуемое дизелям качество. Не тот ещё у них уровень.

Месяц назад, когда завод наконец-то получил долгожданные станки, сработанные мастером Батищевым, местные инженеры меня чуть ли не клятвенно заверили, что двигатель теперь пойдёт. Кстати, с самим Батищевым у нас неплохой взаимовыгодный союз образовался. Мы начали его вдоволь снабжать подшипниками и направляющими, а он наши заказы ударными темпами выполняет.

На завод успели приехать вовремя. Вокруг двух двигателей, уже поставленных на стенды, ещё суетились технари и инженеры, в том числе и мне незнакомые, но по нетерпеливому ожиданию собравшихся вокруг заводчан было понятно, что до пуска осталось не так уж много времени.

Запуск прошёл штатно. Сначала прочихался первый движок, а потом и второй завели.

Признаюсь, работа новых моторов меня не порадовала. Дизеля показались чересчур шумными, да и вибрация от них шла вполне ощутимая.

Я оглянулся, ожидая увидеть вокруг себя разочарованные лица, но нет. Люди стояли в нетерпеливом ожидании каких-то изменений, и они их дождались.

Двигатели прогрелись, и неприятный ранее шум перешёл в сытое урчание, уже не напрягающее слух. Заодно и вибрации как-то незаметно пропали. Стоят оба движочка на стендах, поют свою песню и не дрыгаются. Тут и народ начал понемногу отмирать и переглядываться. Лица у всех довольные. А уж инженеров и техников, когда они показания приборов озвучили, и вовсе аплодисментами, как артистов в театре наградили.

Похлопал и я. Ладоней не жалко, а незнакомые ранее мне

специалисты лишний раз обернулись, позволяя их повнимательнее рассмотреть, когда они на месте спокойно стоят.

– Степан, столичных заметил? Я девятерых насчитал, – шепнул я на ухо моему заму по безопасности. Вряд ли нас кто услышит и внимание обратит. Шумно тут у стендов, и со светом не очень хорошо.

– Их тут дюжина. Всех Густавсон привёз. Ещё трое слева стоят, на десять часов смотри, у колонны, – ответил он мне, не меняя выражение лица и подсказывая, где можно увидеть незамеченную мной троицу, – Всех проверили. Это люди Мещерского. Советника Императора. У одного из них есть в сейфе гостиничного номера копии довоенных итальянских чертежей этого двигателя. Каким-то Ивеко он в них значится, с кучей букв и цифр. Ещё там нашлись чертежи совсем маленького двигателя. Обозначен, как Ламборджини на три цилиндра. Мои люди всё сфотографировали. Вечером покажу.

Столичных гостей я вычислил быстро. Наверное они какие-то меры приняли, чтобы стать незаметнее, но не всё так просто. Коренные жители столицы, можно сказать с молоком, хотя нет, откуда у них молоко, с водопроводной хлорированной водой, впитали в себя те принципы и манеры поведения, которые обычному жителю Камышина и в страшном сне не привидятся. Как любой горожанин сходу опознаёт селян, приезжающих в город на праздничные дни, так и столичный ветеран без особого труда отличает провинциалов, приехавших покорять нерезиновую.

Никто во всей Империи так не прострелен модой и не поглощает такого количества модных журналов, как москвичи. В отличии от большинства жителей Камышина, практически любой обитатель столицы знает, что вишнёвый цвет камзола нынче полагается сменить на багряный, и сочетать его лучше не с изумрудным, как было в прошлом году, а со светло-зелёным. На первый взгляд, разница невелика. В глаза эти изменения бросаются только тем, кто знает, на что смотреть. Вроде как форма, она и есть форма. Есть для неё определённые цвета, и достаточно.

Цвета-то есть, но и оттенков много.

Вот по ним-то и видно, кто тут и что.

Если средневзвешанному камышинцу глубоко фиолетово, какой оттенок имеет его камзол, и надо ли ему срочно менять форму и длину носка сапог, то для москвича это один из крайне важных вопросов. Не менее важных, чем причёска, трёхдневная щетина, и усы с бородкой, которые тоже не абы как растут.

Теперь становится понятнее, откуда на заводе такой прогресс,

и почему наши инженеры были уверены в успехе. Столичные гости проверенное решение представили. Им, при готовых чертежах уже апробированного удачного двигателя, раньше не хватало всего лишь качественных деталей. В итоге что-то на новых станках смогли сделать, а остальное с помощью магической оснастки до нужных параметров и допусков довели.

Хм, интересно, в этот раз меня тоже в авторах «изобретения» отметят?

В прошлый раз, с МБК, уж больно ловко получилось. От бумажки к бумажке моя роль в его создании всё больше и больше выпячивалась.

Сначала кто-то фамилии по алфавиту расставил, потом Одарённых наверх поместили, а когда я графа получил, так и вовсе на первой позиции оказался.

С автоматической пушкой дело примерно так же обстояло. Кроме того, в производство она пошла, как «Изделие Бережковских верфей номер пять». Тут уж хочешь не хочешь, а поймёшь, чья фамилия главнее.

Странное дело, но никто за такие «подвиги» на меня косо не смотрит, даже мои партнёры. Густавсон так вообще пробормотал что-то, похожее на то, что мне за «авторство» ещё и приплачивать должны, правда не уточнил сколько и за что именно. Я тогда вовремя спросить не догадался, а когда позже поинтересовался, то мерзкий старикашка сделал вид, что не понимает о чём идёт речь.

Правильно его в профессора не приняли… Нельзя так плохо к молодому поколению относиться. Делиться знаниями нужно, пусть и слегка секретными.

Собственно я и сам догадался, что кто-то на самом верху умело мной прикрывается, решая свои вопросы. К примеру, тот же советник Императора.

Начни он в открытую новыми двигателями заниматься, мог и врагов нажить. Не так много у нас в Империи Кланов и заводов, имеющих собственное производство моторов.

Ярославль, Пермь, Уфа, Ковров, Самара, Ижевск, Новгород. Одни названия городов, где крупные моторостроители расположились, чего стоят. В какой из этих городов не ткнись, так или на удельного князя попадёшь, или на целую коалицию местных Кланов нарвёшься. А тем лишний конкурент, да ещё и собирающийся моторы строить получше, чем у них… Порешат, не слишком и задумываясь, если не смогут под себя подмять. Да и Император, если разобраться, в их глазах не большее значение имеет, чем Глава Первого Клана. По крайней мере, так нам рассказывали историю Империи, до появления первого

Императора.

Так что с заводом, имеющим собственное производство двигателей, мне повезло. Признаюсь, когда я его покупку задумывал, то и не предполагал, что эта сделка поможет мне относительно безболезненно влиться в ряды моторостроителей. Про существующий завод и так все они знают, а что я двигатели улучшил, так и у остальных не всё на месте стоит. Тоже понемногу что-нибудь да меняют. Короче, никаких претензий ко мне в ближайшее время ни от кого не предвидится. Тихо и спокойно делаю своё дело. К тому же двигатель у меня весьма специфичный. Пока все создатели моторов за мощность и обороты бьются, я всё наоборот делаю. И не потому, что я странный или чересчур умный. Тут опять вмешательство Сущности отмечено. Непонятно пока зачем, но именно предок настоял, чтобы двигатель всего на полутора тысячах оборотов давал максимальный крутящий момент. Это я и озвучил своим партнёрам несколько месяцев назад.

Усольцев тогда было вскинулся, явно собираясь поспорить, но вовремя заметил реакцию Густавсона, который начал задумчиво грызть карандаш. Наш несостоявшийся профессор такое поведение не часто себе позволяет, и как правило, это свидетельствует о его глубоких размышлениях.

– Двигатель мы собираемся ставить в основном на самоходные баржи? – отмерев спустя пару минут, учёный наконец-то перестал портить казённый карандаш.

– Не только. Я сильно заинтересован в дизель-генераторах, – напомнил я ему свои чаяния, побудившие меня не так давно заинтересоваться продаваемым в Камышине предприятием.

– И работать двигатель в таком случае будет без редуктора?

– Полагаю, да, – ответил я Рудольфу Генриховичу, пожимая плечами. Сказать по чести, я ни о каком редукторе тогда и не задумывался, полностью предоставив выбор параметров двигателя Сущности. Но ответь я учёному как-то иначе, и придётся давать объяснения, к которым я на тот момент был абсолютно не готов. Попросту, никаких своих резонов у меня тогда не было.

– Для барж решение спорное, хотя возможное, если рассматривать реверсивный двигатель, а для генераторов, так лучше и не придумаешь. Оборотов немного получается, соответственно на порядок вырастет надёжность и износ деталей значительно снизится. Дорогостоящий, тяжёлый и ломкий редуктор из конструкции исчезнет, – перечислил Густавсон все плюсы будущего дизеля, постукивая карандашом по столу, словно изображал метроном.

– А ещё его можно будет на грузовые дирижабли ставить и на трактора, – дополнил Усольцев, и в этот момент я осознал, что судоремонтный заводик-то мне придётся вскоре расширять… Отголоском этой мысли где-то в голове прозвучал ехидный смешок Сущности.

Побывал я и на Хлебной пристани. Честно скажу, ничего я там не понял. Какой-то невообразимый симбиоз небольшого порта, из восьми причалов, огромных складов, пары десятков двухэтажных домов для проживания артелей, шести кабаков разного пошиба, постоялых дворов, выходящих или на тракт или на железнодорожные тупики. И много каких-то гаражей, судя по размеру способных вместить примерно шесть-семь грузовиков.

На центральной площади этого микрогородка стояли три здания. Управление пристанями, хлебная биржа и банк.

Как тут управляться, чем заниматься и вообще, что тут нужно делать, я откровенно не мог сообразить. Не особо и бумаги помогли, которых оказалось чрезмерно много.

Зато Липатова было просто не узнать. Куда его обычная невозмутимость и купеческая вальяжность подевались. Он торопливо перебирал бумаги, отбрасывал, не дочитывая их до конца, вытирал пот со лба большим клетчатым платком и довольно хекал время от времени.

– И как тут деньги зарабатывать? – спросил я у него, улучшив момент, когда мы остались вдвоём.

– Так вот же… – изумлённо вытаращился он на меня, – Тут за что не возьмись, всё деньги. Аренда зданий, процент от биржевых сделок, оплата причалов. Даже с артелей и то процентики капают. Те же грузчики или возчики, они здесь не просто так работают. Обязаны с хозяином делиться. А кому не нравится – пошли вон с территории. В городе себе работу поищите.

– И что, все с этим согласны?

– Ещё как согласны. Чуть не каждый месяц мордобой между собой устраивают, если известно становится, что какая артель без очереди клиента выгодного увела. Работы на пристани всегда вдоволь и заработки не сравнить с городскими. Да ещё каждый второй купец готов за срочность приплатить, а это, считай, чистая прибыль артели в карман. Они-то с хозяином только с расценок делятся.

– Та-ак, а расценки откуда берутся? – задал я наивный вопрос, в расчёте подловить купца на несоответствии, которое мне показалось в его объяснениях.

– А их ты назначаешь. Смотришь, какие на других пристанях установлены, с артельными и купцами разговариваешь, ну и выбираешь золотую середину. Чтобы, значит, артель хорошую не

обидеть, купца в излишние траты не ввести, и среди остальных пристаней волжских не слишком выпятиться, – ухмыльнулся Липатов, оглаживая свою роскошную бороду.

– Угу, то есть раз в году мне придётся ещё и этим заниматься?

– Не, – замахал купец руками, – Расценки в сезон раза по два по три меняются. Пусть и на немного вроде, но для артели по кругу весьма заметно выходит.

Порывшись в стопке бумаг, купец нашёл нужный лист и подтолкнул его ко мне по столу. Следом за ним ко мне по глади стола последовали ещё листы. Перечни расценок для грузчиков, возчиков, весовщиков и всех остальных. Почти каждый лист заполнен полностью, и весьма убористым подчерком.

– Понятно, – прихлопнул я ладонью очередной листочек, который, скользнув по столу, чуть было не упал на пол, – Прав ты был, Ерофей Константинович. Хлебной пристанью жить нужно. Тогда она полноценно заживёт и сиять будет, как шпиль Адмиралтейства. Сам возьмёшься?

Вопрос я зря задал. Липатов в делах со мной честен, а тут он не удержался, сгустил тучи. Да только я уже не тот наивный деревенский паренёк, что раньше был. Тот может быть и поверил бы, что прежние хозяева сами над расценками корпели, да так, что ночи не спали, голову ломая. А я не верю. Здоровый цинизм мне подсказывает, что были при них специально обученные люди, чтобы такими вопросами заниматься. Оттого и кажется мне, что половина сложностей тут надумана, но в одном купец безусловно прав – Хлебная пристань требует постоянного, практически, ежедневного пригляда и особого, купеческого таланта.

Когда я сказал Липатову, что намерен его видеть на управлении пристанью, то Ерофей Константинович аж в лице изменился. Побагровел, закашлялся, замахал руками, когда я кинулся его по спине стучать, зато отдышавшись, проявил недюжинную прыть.

Несколько минут я наблюдал за ураганом локального значения, возникшем в здании управления. В кабинет постоянно заглядывали какие-то люди, и не увидев купца, опрометью бросались его искать, ориентируясь на зычный купеческий голос. Время от времени залетал и сам купец, лихорадочно выискивая нужную бумагу на столе, и схватив её, снова убегал куда-то снова, ни слова не говоря. Хорошо ещё, мне женщина из приёмной догадалась принести кофе. Не сказать, что он качеством отличный вышел, по мне, так бурда бурдой, но всё равно стало веселее жить.

События начали происходить минут через двадцать, если не

больше.

Входящую в кабинет процессию возглавил Ерофей Константинович. Он гордо шёл впереди, сопровождаемый двумя купцами, весьма представительной наружности.

– Извольте ознакомиться с документами, Ваше Сиятельство, – перешёл при посторонних Липатов на официальную форму обращения, – Стряпчие с присяжными и нотариус, если позволите, ждут разрешения на заверение бумаг.

– Что там у вас? – старательно скопировал я манеру разговора своего старосты группы. Умел Шувалов показать высокородную спесь и скуку, разговаривая с простолюдинами.

– Доверительные бумаги на управление имуществом, на получение денег, на совершение сделок, на представительство в государственных органах… – начал было перечислять Липатов, перебирая внушительную стопку бумаг, которую он держал в руках.

– Довольно, – прервал я его, лениво отмахиваясь, – Кладите на стол, и озаботьтесь приличной ручкой, а то тут чёрт знает что, а не самописка.

В цирке, который мы тут с купцом устроили, нет ничего непонятного. Он меня ещё вчера вечером предупредил, что нашёл пару особо разговорчивых купцов, которые весть о смене владельца Хлебной пристани быстрее газет разнесут по городу.

– Господа, господа, там князь Гончаров в гости пожаловать изволил, – услышал я чей-то испуганный голос за дверями.

Так-с. А вот и первые неприятности. По правилам хорошего тона я должен был к князю визит нанести первым делом. Отметиться, так сказать.

– Прошу извинить, господа, мы с Ерофеем Константиновичем гостя должны встретить, – заторопился я к выходу из кабинета, но опоздал. Буквально через несколько секунд князь сам зашёл к нам, слегка потеснив к стене купцов, не успевших вовремя выйти.

– Ба, кого я вижу! Граф Бережков собственной персоной, – улыбаясь, поприветствовал меня Гончаров, стремительно входя в комнату, – А то только и слышу новости разные и понять не могу, отчего всё мимо меня проходит. Нехорошо это. Могли бы и на испытания двигателя вашего пригласить. Я вроде, как в компаньонах у вас по тому заводишке значусь.

– Ваше высочество, упрёк безусловно справедлив. Однако позвольте заметить, что испытание было не первое, и скорее всего, что и не последнее. Покажет себя двигатель достойно, да поставим его в серию, тогда и будем в фанфары трубить.

– Хм, ну разве так… А тут что происходит? С утра доложили, что хозяин у Хлебной пристани сменился, и что-то теперь мне

подсказывает, что это вы будете. Не так ли?

– Абсолютно верно. По личному распоряжению князя Обдорина в ускоренном темпе вступаю во владение имуществом. Оттого и попасть к вам не успел, за что искренне прошу меня простить, – потупился я, признавая вину.

– Вы это бросьте, обязанностями манкировать, – шутливо пригрозил мне князь, помахав в воздухе пальцем, – Чтобы сегодня же вечером на ужин ко мне явились. Дамы наши по столичным новостям соскучились, да и у меня разговор к вам будет. Но это всё вечером, а пока расскажите, что делать собираетесь? Кус вы не только знатный отхватили, но и ко многому обязывающий. Сами управляться думаете?

– Ерофея Константиновича Липатова собираюсь ставить. Человек он смекалистый, честный и не раз в делах проверен, – отрекомендовал я своего купца князю.

– Липатов… Знаю такого. Плохого пока про него ничего не слышал, – развернулся князь к купцам, а потом приметив, что один из ещё незнакомых мне купцов норовит за спину другого спрятаться, добавил, – В отличие от некоего шельмеца, что сукно с гнильцой пограничникам продавать пытался. А, Ерофеев, правду ли я говорю?

Дородный купчина, пытавшийся было спрятаться за спину своего более мелкого собрата по профессии, чуть помешкав, бухнулся на колени.

– Ваше высочество, нет в том моей вины! Разве что по недосмотру промашка вышла, так и та из-за распутицы, будь она проклята. Сукно с колёс забирали, а поставщик у меня не проверенный случился, из ивановских. Да чтоб я такое сукно… Да не в жисть! – причитал Ерофеев, гулко стуча лбом в толстые половицы пола.

– Ладно. Хватит пол портить. Дважды за одно и то же не наказывают. Но смотри у меня впредь, – постучал князь по столу пальцем, – И да, дайте мне накоротке с графом парой слов перекинуться, а ты, Ерофей Константинович, будь так добр, проследи, чтобы никто уши под дверьми не грел.

Подождав, пока за дверями стихнут шаги и шиканье Липатова станет почти не слышным, князь обернулся ко мне.

– Ну что, граф, знают в столице, что вскоре полыхнёт? – князь пристально глянул мне в глаза, и немного помолчав, продолжил, – А-а, впрочем, не отвечай. Итак знаю, что тебе лишнего говорить не велено. Спасибо, что врать и выдумывать ничего не стал. Я тебе одно скажу, постарайся при следующей встрече с князем Обдориным обмолвиться между делом, что за Камышинское княжество пусть у него голова не болит. Пока я тут

правлю, никто супротив Императора здесь даже вякнуть не посмеет. А случись что, сам костьми лягу, а смуте быть не позволю.

Опасаясь что-то ляпнуть невпопад, я лишь согласно кивнул головой, что, впрочем, Гончарова вполне устроило.

– А за пристань не переживай. Поддержим твоего купца. Завтра же шепну своим людям и всё у него будет спокойно. По крайней мере до той поры, пока глупостей не начнёт творить. Тогда уж не обессудь, но спрос с вас обоих будет, – погрозил мне князь пальцем, многозначительно прищурившись.

Ну, вот так… И на купцов князь жути нагнал, и меня предупредил… Мастер, что и говорить.

Ужин, который состоялся в этот же вечер в княжеском доме проходил на удивление спокойно. Особыми расспросами меня дамы не донимали. Видимо, те новости, что их интересовали, в моём изложении оказались чересчур бедны. Ну, понятное же дело, что количество косточек на корсете, принятое в этом сезоне, для меня чуждая информация. Тут я им не помощник. Опять же сплетен никаких великосветских не знаю. А про те приключения, в которых сам участие принял, уж тем более говорить не стану.

Накрыло меня в гостевом зале, куда мы перешли после ужина. Креслица резные там увидал, с парчой на сидениях и на затейливых ножках искусной токарной работы. Да и набалдашники, что на спинках кресел стояли, тоже показались крайне знакомыми. Казалось бы, ну что такого может быть в обычной, пусть и богато отделанной мебели. Вот и я не сразу сообразил. Отметил только, что руку мастера, их изготовившего, я знаю.

Есть в токарных работах по дереву свои особенности. Это я ещё в лицее понял, когда мы на уроках труда всяческие поделки на токарном станке точили. Те же шахматные фигурки, как мы не старались приблизить их к образцу, у всех нас наособицу выходили. У кого форма шарика своя, кто ножку потоньше сделал, кто с основанием намудрил. Наш учитель, так тот и вовсе с одного взгляда различал, кто какие шахматы из его учеников изготовил.

Вот и бросилась кровь мне в лицо, когда я сообразил, где я подобные украшения, в виде офицера шахматного недавно наблюдал. У себя, в «весёлом доме».

Кое-как извинившись, я сбежал в туалетную комнату, чтобы умыться холодной водой. Лицо горело. В зал вернулся не сразу. Постоял немного у тёмного провала большого окна в коридоре, всматриваясь в ночь и успокаиваясь.

– Хорошая работа. Тонко выполнена, – сказал я хозяйке дома,

когда вернулся в зал, и выждав время, сделал вид, что любуюсь мебелью.

– Рихарда Генриховича Брюгге гарнитур. У него, что ни возьми, с большой фантазией и любовью выполнено, – просветила меня княгиня, назвав фамилию ранее неведомого мне умельца-краснодеревщика.

Странная штука жизнь. Вроде и суток не прошло, как я пообещал себе, что найду фантазёра-затейника, и вот свела судьба. Узнал, кто он.

Права княгинюшка. С таким полётом фантазии, а в каком-то смысле и с любовью, у Рихарда Генриховича не так-то много соперников будет. Вне всякого сомнения это его изделия у меня по всему «весёлому дому» наблюдаются. Узнаю руку мастера. Те же лошадки разнообразные явно его же работы. На изогнутых полозьях, на пружинах, а то и просто лошадиная голова на палочке, с приделанными сзади крупнозубыми колёсами-шестерёнками. Всё искусно выполнено и ярко раскрашено. Качели, так те просто, как сказочный теремок построены. Одно меня смутило. Для чего на том месте, где малышка сидеть должна, украшения фигурные сделаны. Вроде тех самых офицеров шахматных.

Объяснили мне мои девочки, что те же лошадки на палочке для соревнований предназначены. Насадят воспитательницы нескольких девочек на «украшение», и бегут они враскорячку круг за кругом по залу, розгами подгоняемые, на потеху гостям. А сзади колёсики-шестерёнки грохочут, подпрыгивая и их подбрасывая. Да и остальные изделия брюггевские после «соревнований» не простаивали. За долгий зимний вечер вдосталь моих малышек гости на них укатывали.

Накатившую ярость я тогда слил, пристрелив в подвале пса. Понимал, что не собака виновата, а те, кто её натаскивал, но ничего с собой поделать не мог. Увидел стонущую в кроватке девчульку, которую пёс прошедшей ночью прямо в туалете завалил и изнасиловал, когда она по нужде побежала, и в глазах потемнело.

Добермана я нашёл в самом дальнем углу подвала. Нет, он не прятался. Он просто лежал, уронив на лапы тяжёлую голову. Увидев меня, собака никак не отреагировала, продолжая так же лежать, виновата кося в мою сторону глазами. Уже вытаскивая пистолет, я понял, что этот виноватый взгляд ещё не раз ко мне будет приходить в виде ночных кошмаров, но стрелять стал не раздумывая.

Обязан я был так сделать, если эту малышню действительно за своих считаю. А иначе всё превратится в пустой звук и

самообман.

Убийство собаки меня отрезвило. Да, именно убийство, как мне не горько это признавать. И я выступил в роли судьи и палача. Омерзительное ощущение.

Именно тогда, над телом бьющейся в агонии собаки, я поклялся разыскать мастера-фантазёра, принёсшего моим девочкам столько мучений своими изощрёнными выдумками.

Почему именно его? Тут всё понятно. С Мелентьевым и членами его клуба власти и без меня разберутся. К тому же Степан вчера говорил, что воспитательниц-садисток под Новгородом нашли и арестовали, а этот затейник может выйти сухим из воды.

Только не теперь, когда я узнал, кто он.

Уже не первый раз я себя ловлю на несоответствии.

У меня есть дочь, которую я правда пока ещё не видел ни разу. Но почему-то нет у меня к ней той отцовской тяги, о которой в книгах пишут. Скажу больше. Я, как и все парни моего возраста, к любым грудничкам с опаской отношусь. Не знаю, как вести себя с ними, что делать, и если честно, так и на руки мне их брать боязно.

Поговорил я однажды с Джуной, когда лечился. Каким-то тогда я чувствовал себя ущербным, что ли. Вроде, как все люди своих детей чуть ли не с первых дней любят, а у меня что, сердце каменное? Почему не колыхнулось-то?

– Детей своих мы принимаем через собственные страдания и переживания, – загадочно улыбнувшись, сказала мне тогда мудрая восточная женщина, – Не торопись. Придёт и твоё время. Женишься, за жену поволнуешься, пока она ребёнка твоего носит да рожает, а там, глядишь, и малыша примешь. А то и после любовь придёт. Это мать своё дитя, ею выстраданное, с первых минут любит, а у отцов по разному случается. К примеру, меня мой отец первый раз в полтора года на руки взял, когда я первые шаги сделала. Зато потом души во мне не чаял. Больше, чем мать, меня баловал.

Ну, ладно. Допустим, с дочерью всё понятно. Как говорится, о её рождении я и слухом не слыхивал, пока Степан мне об этом не сказал. С чего бы я там страдал и переживал…

А почему на этих крох, что я в доме увидел, меня так пробило? Ведь сразу понял, что моё. Не отдам. Точка.

Похоже, прав был Степан, когда однажды между делом заметил, что у меня инстинкты собственника и защитника чересчур развиты. Сам я в этом не убеждён. Тяжело всё-таки быть объективным по отношению к себе самому.

Из Камышина мы улетали в два дирижабля. Впереди летела «Милана», которую я с помощью Андрея Липатова зафрахтовал для детей и нанятых мной в Камышине воспитателей, а за ней и мой «Сапсан», изрядно нагруженный.

Хорошо, что мы со Степаном парни молодые и выносливые. Вынесли из особняка Мелентьева много всего. Целый день таскали да увозили. Одного золота в монетах и слитках больше тонны получилось. Но куда сильнее золота и чемоданов с ассигнациями меня заинтересовал солидных размеров портфель. Компромат, однако. И далеко не на простых людей.

Цена этому портфельчику немалая, но и жизни за такие документы могут лишить, не раздумывая. С ним я торопиться не буду. Разберу сначала всё по порядку. Одно могу сказать точно – с князем Обдориным содержимым портфеля мне придётся делиться в любом случае. Мне документы на немецком, в которые вложены фотографии офицеров в немецкой же форме с богатым золотым шитьём, вряд ли потребуются, а присягу на верность Родине никто не отменял. Ещё и подумаю трижды, не лучше ли весь портфель целиком отдать. По мне, так мелковатая фигура этот Мелентьев, чтобы у него такие документы могли оказаться. Другой тут кто-то замешан.

Дирижабль набрал высоту и я в последний раз оглянулся на Камышин. Нет, не для того, чтобы полюбоваться городом. Просто чёрная проплешина недавнего пожарища на месте сгоревшей мастерской Рихарда Брюгге с высоты хорошо смотрится. Этакое чёрное на белом.

Спросите меня, о чём я больше переживаю, о сгоревшем краснодеревщике или об убитой собаке, и я честно отвечу – о собаке.

* * *

24 декабря. Столичный следственный изолятор.

– Выслушал я вас, Ефграв Семёнович, и вижу, что не понимаете вы моего доброго отношения к вам. Не хотите свою вину смягчить и признаться во всём добровольно. Не верите, значит, что казна не напрасно деньги тратила на вашу перевозку. Ну, да ладно. Не хотите добровольно признаться, будет вам свидетель. Поскучайте пока минуток пятнадцать, а я пойду насчёт видока распоряжусь, – следователь, уверенный в себе мужчина лет тридцати пяти, пружинисто поднялся из-за стола и вышел в коридор, не забыв запереть снаружи дверь на ключ.

Евграф Семёнович осмотрелся. Убогий следственный кабинет в тюрьме. Стены под «шубу». Привинченные к полу стулья и стол. Железная дверь, покоробившаяся от многих слоёв некачественной краски и всё равно порядком облупившаяся. Почти темно и крайне уныло. Мог ли он, ещё позавчера сидевший в своём роскошном кабинете, когда-нибудь представить себе, куда его забросит судьба.

Арестовали его в собственном доме, ранним субботним утром. Потом был долгий перелёт из Камышина в столицу, ночь в одиночной камере и не так давно начавшийся допрос у следователя.

– А вот и мы, – наконец-то появился следователь, а вслед за ним конвоир втолкнул в кабинет ещё одного человека, заплывшего от побоев и отвратительно пахнущего, – Ну и несёт же от тебя, – поморщился следователь, указывая вошедшему на самый дальний от себя стул.

Бросив на стол увесистую папку, следователь развязал на ней тесёмки и начал разглядывать высыпавшиеся оттуда фотографии.

– О-о, неплохо, неплохо. Да вы шалун, батенька. А эту малышку чем вы так проняли? – следователь подтолкнул ближе к Евграфу Семёновичу одну из фотографий, – Собственно, вы и на других фото вполне узнаваемо вышли, – щедро сыпанул он пачку снимков на стол.

Глядя на рассыпанные веером снимки, Евграф Семёнович лишь близоруко проморгался, пытаясь скрыть набежавшую слезу. Он крутил головой, разглядывая фотографии и всё ещё надеялся, что произошла какая-то ошибка и на снимках кто-то другой. Однако память услужливо ему подсказывала, что этот мужик, со сбитой причёской, сальным взглядом и откровенной похотью на искажённом отвратительной гримасой лице – это он, и остальные детали фотографий лишь подтверждали увиденное.

Это конец! Не только карьере, а и всей жизни! Сейчас этот замызганный тип, в котором Евграф Семёнович наконец-то опознал одного из охранников особнячка Мелентьева, расскажет, как и когда он это сделал ту фотографию, так заинтересовавшую следователя и всё! Вряд ли этот столичный хлыщ поймёт, что он тогда просто не мог остановиться, раз за разом подкидывая специальной педалью малышку вверх и наслаждаясь её видом, когда она с выпученными глазами пыталась удержаться на лошадке, установленной на стальную пружину и болтающуюся во все стороны.

– Мы могли бы поговорить без свидетелей? – просипел он чуть слышно.

– Отчего же не поговорить. Минут пять могу вам уделить, а

потом извиняйте, протокол очной ставки оформлять начнём, – благодушно отозвался следователь и приоткрыв дверь, вызвал контролёра из коридора.

– Господин следователь, Христом Богом прошу, велите меня в отдельную камеру перевести. Мамой клянусь, всю правду про всех расскажу и крест на том целовать буду, – заныл бывший охранник, когда конвойный велел ему следовать в «стакан». Этакую комнатёнку метр на метр, где и присесть-то толком нельзя, – А на господина коллежского советника у меня и вовсе пять альбомов отборнейших собрано.

– Иди пока, Кормильцев, после очной ставки с тобой поговорим, – отмахнулся следователь, провожая бывшего охранника взглядом.

– Такой видный парень был и так опустился, – заметил негромко Евграф Семёнович, чтобы начать разговор.

– А он уже не парень. Был Сашка, стала Машка. С вашим братом-развратником в общих камерах не слишком-то цацкаются. Впрочем, у вас богатейшая возможность имеется, чтобы жизнь под нарами возле параши во всех подробностях изведать. И всего лишь пять минут есть, чтобы её избежать. Поэтому постарайтесь быть кратким и убедительным. После начала очной ставки я уже вам не помощник. Как только её протокол в перечень вашего дела будет вписан, то сами понимаете, обратного хода потом не предвидится. Следующим этапом придётся те пять альбомов к делу присоединить. Представляю, что там можно увидеть, если тут такое непотребство наблюдается. Итак?

Следователь брезгливо отбросил очередную фотографию на стол и даже вытер после неё руки платком. Непроизвольно бросив на фотографию взгляд коллежский советник увидел на ней своё лицо крупным планом, снятое в момент кульминации, и вполне различимых близняшек внизу, лежащих друг на друге. Он вовремя сдержал себя, чуть было не облизнувшись.

– У меня есть в банке Камышина приличная сумма, которую я мог бы дня за два обналичить, – выдавил из себя Евграф Семёнович, сообразив, что времени для разговора осталось мало.

– Боюсь, что понимание приличной суммы в Камышине и в столице выражаются разными цифрами. Поэтому давайте говорить более понятно, – со скучающим видом произнёс следователь, начав укладывать фотографии обратно в папку.

– Двести тысяч, – чуть слышно произнёс коллежский советник.

– Я так и предполагал. Поэтому, чтобы не обращаться с оставшимися минутами расточительно, предлагаю вам сразу рассмотреть покупку этих самых альбомов по двести тысяч за

штуку. Итого – с вас миллион для ровного счёта.

– Миллион! Да у меня отроду таких денег не было, – выдохнул советник свистящим шёпотом.

– Открою вам небольшой секрет. Просто так дело не закроется. Кому-то всё равно придётся на каторгу отбыть. А теперь прикиньте сами, многие ли из ваших знакомцев по общим утехам могут столько же заплатить? – следователь выразительно постучал пальцем по папке.

Думал Евграф Семёнович быстро. Время подгоняло. Картина получалась не радостная. Случайных людей в особнячке не бывало. Все по знакомству да по протекциям появлялись, оттого и понятно становилось, что по достатку он сам как бы не во второй половине списка может находиться, и то ближе к его концу.

– Полагаю, многие, – уже осторожнее произнёс он, понимая, что шансы на спасение лично у него минимальные, – Но миллион. У меня таких денег нет.

– Зря вы так. При аресте у вас были изъяты документы. Из них следует, что имеете вы некоторую недвижимость. Особнячок в столице, ещё один в Камышине и имение в Нежинском. Заложить не желаете? Кстати, и в банке у вас не двести тысяч, а триста сорок три положено, – из другой, более тонкой папки, следователь не спеша вытаскивал одну за другой нужные бумаги, раскладывая их по столу.

– Как же я их заложу, отсюда-то? – оглянулся Евграф Семёнович вокруг, пожимая плечами, – Да и в Камышине можно не успеть до праздников, но я попробую, если отпустите.

– Ага. Другими словами, вопрос с ценой мы больше не обсуждаем. Так?

– Да, я согласен, – через силу выдавил из себя советник. Хватило времени и ума, чтобы понять, что у него отсюда только два пути.

– Отлично. Тогда через час-другой к вам явится стряпчий. Оформите нужные доверенности, а дальше не ваша забота. Могу дать совет. Денег ему за срочность подкиньте. Глядишь, на завтрашний вечерний поезд успеете, – спокойно проговорил следователь, убирая документы обратно в папку.

Подождав, пока конвоир уведёт арестанта, следователь немного поёрзал на неудобном казённом стуле, пытаясь хоть как-то получше устроиться, и закурив длинную модную сигарету, вытащил из внутреннего кармана блокнот.

– Так, этот у меня тридцать шестой. Быстро я с ним управился. До обеда ещё с тремя поговорю, и после обеда у меня, – он перевернул страницу, – Ага, тут купцы. С них по два миллиона надо стребовать, но и клиенты они упорные. Прямо

скажем, тугие. До вечера дай Бог пятерых уломать.

Внешник, играющий роль следователя, был деловит и спокоен. Ему не привыкать разные роли отыгрывать, и личина продажного жандарма оказалась далеко не самая сложная в его жизни.

С князем Обдориным приятно работать. Вся операция до мелочей продумана. Стряпчие с помощниками, банк, моментально оформляющий документы на ссуды и тут же перекредитовывающийся у других банков, транспорт, и даже это крыло изолятора специально подготовлено. Всё, как на конвейере. Знай себе, свою часть операции выполняй в срок, а остальное всё другие сделают.

Вытянув ноги, разведчик Империи мечтательно уставился в потолок. Скоро он увидит Париж. Для начала, почти месяц будет кутить напропалую, отыгрывая образ полицейского-взяточника, нахапавшего денег и сбежавшего из Империи. За этот месяц к нему присмотрится не одна французская спецслужба, проверяя прочность легенды.

Обдорина интересуют Анжуйские. Самый богатый Клан Франции. Слишком пристально они в последнее время стали к России присматриваться, и слишком уверенно идут во власть.

Политика Франции понятна даже школьнику. Франции нужен союзник в противостоянии с Германией и Анжуйские готовы деньги платить, лишь бы вбить клин во всё улучшающиеся отношения между двумя основными странами этой части света.

Сигарета закончилась, и внешник с сожалением притушил окурок.

– Фёдоров, привёл Онищенко? – поинтересовался следователь у контролёра в коридоре.

– Так точно, вашскородь, – звякнул ключами служака.

– Заводи.

* * *

Да что ж такое-то творится! Вроде же всё я предусмотрел. Даже автобус тёплый заранее заказал, чтобы детишек к Джуне в пансионат на пока отвезти, ан нет.

Стоило спуститься с трапа на родную землю, и началось…

Для начала две дюжины гвардейцев, плюс командир. Как вам?

Двадцать пять матёрых взрослых мужиков, и все с выгоревшим Источником.

У трапа встретили, выстроившись строем, если что.

Слушая алькальда, я только охал и морщился.

Ну да, так-то говорил он, что неплохо бы со знакомым мне агентством охранным договор заключить, а то и на процентик какой в учредители к ним войти. Ветераны большой вес среди столичных коллег имеют, и не только среди них. И вот на тебе…

Делать нечего. Пошёл осматривать «пополнение».

Почему так пессимистично? Так я же понимаю головой, что это не я их осматриваю, а себя им показываю.

Стоит строй взрослых мужиков. Всем, как минимум, лет за тридцать, и тут я, весь из себя такой нарядный. Да кто поверит-то…

Со слов алькальда, наше дело их одеть-обуть, а дальше не наша забота. Сдадим их агентству в аренду и останется только деньги получать.

Угу, квак бы не квак…

Это я себя цитирую. Слушая его объяснения, я только ртом хлопал, словно жаба на болоте.

Одеть придётся в МБК, а обуть в протезы. Ну, или наоборот…

Первым, и самым сильным желанием у меня было послать всех, вместе с алькальдом, скажем, э-э… обратно в столицу. Суровые морды гвардейцев иных, более крепких выражений на тот момент не предусматривали.

Начал искать причину, чтобы сформулировать отказ как-то помягче.

– Помнится мне, что разговор про процент в Уставе агентства шёл.

– Дали, – охотно подтвердил алькальд, – Целых двадцать. И ещё сказали, что готовы оплатить половину стоимости МБК и протезов. Предварительный договор у вас в конторе на столе лежит.

Упс-с…

В мировой практике работы бирж сложился свой жаргон. Там идёт постоянное противостояние между «быками» и «медведями». Одни тянут ставки вверх, другие пытаются их обрушить.

У меня тоже есть что-то похожее. Только у меня хомяк постоянно воюет с жабой.

Вот и сейчас хомка раздулся до таких размеров, что жаба, словно опытный прыгун с трамплина, ушла под воду, даже не обозначив всплеска.

Беру. Всех. Не обсуждается.

Плевать, что весь запас готовых протезов пойдёт теперь не на продажу.

Иду вдоль строя, всматриваясь в лица.

Знаете, чем гвардейцы от других видов войск отличаются?

Лицами.

Даже не так. Личностями.

Каждый из них – Личность. И я это вижу. Смотрю на лица, а вижу Личности.

Меня прервал гудок с «Миланы», свидетельствующий о том, что она наконец-то пристыковалась к мачте и готова отдать трап.

Только тут я сообразил, что не так.

В отличии от Камышина, у нас холодновато. Градусов под тридцать с ветром.

– Гвардейцы! Мне срочно нужна помощь. Там двадцать маленьких детей в лёгких осенних куртках. Срочно их в автобус, – схватился я одной рукой за голову, а другой показал на дирижабль.

Повторять не пришлось. Строй рассыпался и ломанулся к мачте. Я прибежал последним. Недаром Степан меня шлёп-ногой пару раз назвал. Не восстановилась ещё нога полностью. Нет-нет, да и встанет не так, с притопом.

Видели бы вы, как гвардейцы моих девочек с мачты по железным ступенькам спускали, закрывая могучими плечами от порывов ветра…

Домой попал часа через три. Знал, что у меня гости, но раньше закончить с делами никак не получалось.

– Ты прилетел три часа назад. Тебе что, не сказали, что я приехала? – встретила меня Дарья вопросом и зарёванной мордашкой.

Сидит на кресле перед камином, в тёплый халат завернулась и нахохлилась.

– Привет, Дашуль. Конечно сказали. Примчался сразу, как только смог освободиться.

– Тебе дела важнее, чем я?

– Ты дома. В тепле. А у меня двадцать девочек на морозе и почти без одежды.

– Девочек?!

– Детей, Дашуля, детей. Лет шести-восьми, – я покладисто поправился, понимая, что претензии у Дашки в общем-то справедливые.

– Где взял?

– Ты не поверишь, по наследству достались, – улыбнулся я, заметив, что воинственный настрой у княжны пошёл на убыль, – А почему сразу не примчался, так я же граф, и у меня есть дела и хлопоты.

– А я теперь урождённая княжна. Фу, слово какое противное, словно ругательное. И уже на пятом месяце, – передразнила меня Дарья, скопировав интонацию.

Бывает, люди глупеют от счастья, а я поглупел просто так. В один момент.

– Э-э, на пятом чего?

– Беременна я, Олежек. Мальчик будет. Одарённый, – глядя мне в глаза, пояснила княжна, тьфу, урождённая княжна, и тут же, следующим извечным женским вопросом, напрочь убила у меня глупую улыбку, начавшую расползаться на всё лицо, – Ты рад?

Глава 30

28 декабря. Бал во дворце князя Воронцова.

Во дворце Воронцовых я впервые. Громадное сооружение, состоящее из нескольких корпусов, соединённых анфиладами переходов, наружных и внутренних. А зал… Если снять крышу и убрать колонны, то моему лётному полю, пожалуй, не уступит размерами. Около левой стены, в её центральной части сделано возвышение, накрытое сверху огромным балдахином алого цвета, по которому идёт роспись золотом. Предназначено это место для особо знатных гостей, желающих полюбоваться на танцующих.

Оркестр разместился у стены противоположной входу в зал. Сразу я бы музыкантов и не заметил, если бы не золочёные арфы, возвышающиеся над головами гостей. Народу ужас сколько. Только в этом зале больше тысячи наберётся. Бросается в глаза обилие военных. Море света от бесчисленных люстр и настенных светильников. Обилие скульптур и лепнины, вполне себе претендующей на то, чтобы считаться произведениями искусства.

Вина от Воронцовых заслуженно славятся по всей Империи и всегда идут по высокой цене. Так что вояки сегодня дадут жару, вдоволь отведав продукцию виноделов и обсуждая достоинства купажей.

На бал я пришёл один. Дарья тоже прилетела со мной в столицу, и у неё было приглашение от Воронцовых, но вместо бала она помчалась по магазинам и мастерским.

Одной из причин, чтобы не идти на празднество, она посчитала появившийся у неё чуть заметный симпатичный животик.

Была и другая причина. Как пара мы заявиться на бал не могли. Такие уж бытуют среди великосветского общества нормы этикета. Не положено незамужней даме появляться в обществе в сопровождении мужчины, ничем с ней не связанного.

По-моему, она не много потеряла. Молодёжи на балу почти не наблюдается. Те же военные все уже в изрядных летах, и притом, почти все они весьма усаты и бородаты.

Нет, я всё понимаю. Военная мода и остальное прочее, но, я имею существенное НО, молодых девушек, вроде моей Дарьи, подобная поросль откровенно не привлекает. Генералам что, больше помериться между собой не чем?

Короче, урождённая княжна Вадбольская сейчас по магазинам гоняет. Под это дело мой автомобиль отжала. Да и ладно бы с ним, с этим бронированным лимузином. Кроме него,

я, сам не понял как, выдал ей чековых книжек на сто тысяч.

Нет, ну всё было в общем-то просто. Она утром вскользь заметила, что в мой новый дом, совсем недавно построенный, надо бы внести уют. Так, по мелочам.

Я, от всей широты своей новоиспечённой графской души предложил ей на эти мелочи чековую книжку на десять тысяч рублей. Вроде того, что расходуй милая, и ни в чём себе не отказывай. Лицо у Дарьи моментально приобрело скучающее выражение.

– Думаю, на шторки хватит. На простенькие, – пояснила она мне своё настроение, надув губки.

Открыв рот от удивления, я плюхнулся на стул и начал считать. Ой, как мне мои же собственные расчёты не понравились. Когда дом строился, я почему-то совсем не задумывался о том, что в нём должна быть всякая разная мебель, посуда, те же шторы и ещё куча разной ерунды. Отдельно замечу – далеко не простой. В столичной квартире у меня оно всё незаметно получилось, да и мебель там изначально кой-какая присутствовала. По мелочам докупал то одно, то другое, а тут – дом. Большой, новый и пустой. Кровать в спальне и столы со стульями в зале и кабинете не в счёт. Их менять обязательно нужно. Я их из старого дома приволок.

Посмотрел я на притихшую Дашку, вспомнил, кому обязан интерьером салона «Сапсана», который, между прочим, даже Император высоко оценил, да и выдал ей сто тысяч на первые расходы. Рано или поздно, но придётся мне в этом доме гостей принимать. Какой же я граф буду, если живу в сарае с колченогими стульями…

Пока я стоял на входе, оглядываясь по сторонам, ко мне подлетела уже знакомая парочка. Мой староста Шувалов вместе с сестрой. Вроде, не так давно я его сестрёнку видел, а смотри-ка ты, как девица изменилась. Подокруглилась, где нужно, грудки заметно обозначились. Хотя, тут вопрос спорный. Портные не зря свой хлеб едят. Умеют платье так построить, что и талия и грудь и попка не понять откуда появляются, даже у тех, у кого их сроду не было. Чистой воды волшебство. Так что с великосветскими дамами надо аккуратнее быть в выборе спутницы жизни, иначе вполне возможны потом серьёзные разочарования.

– Привет, Олег. Ты чего тут встал? Вся молодёжь в Бархатном зале собралась. Это третьи двери по правому коридору, – на ходу прояснил мне староста ситуацию с возрастным разделением гостей, куда-то торопясь и таща за собой сестрёнку, которая была явно не против остановиться около меня и поболтать. По крайней мере такая попытка с её стороны была сделана, но Шувалов, с

неумолимостью носорога увлёк её за собой, двигаясь в сторону возвышения для знатных гостей.

Поблагодарить Шувалова я не успел и направился по указанном им маршруту.

А вот и первые неожиданности. На подходе к Бархатному залу я встретил Игоря Бельского. Того самого княжича, с которым не так давно у меня состоялась дуэль. Как-то не было у меня времени и желания интересоваться его судьбой, но судя по тому, что он, как и я, в цивильной одежде, то можно предположить, что с Академией у него не всё благополучно. Приостановившись на секунду, мы посмотрели друг друга, да и разошлись без слов, обменявшись лёгкими кивками. Что им двигало при этом, я не знаю, а с моей стороны был обычный трезвый расчёт. Игорь у моей Дашки в достаточно ближних родственниках значится. Вроде, чуть ли не двоюродный брат, если не брать в расчёт, кто из них от какой жены родился, и в какой степени братьями можно считать их отцов, родившихся в одной семье от разных матерей. Как ни пытаюсь в причуды нынешней евгеники вникнуть, всё как-то не выходит. Слишком кучеряво порой степени родства переплетены из-за многожёнства у Одарённых.

Ну, да ладно. Не за тем я на бал приглашён, чтобы с потенциальными родственниками раскланиваться, да и мои собственные цели другие совсем. Мне через Ирину, старшую племянницу Императора, нужно интромагию в массы двинуть, а если честно, то есть у меня огромное желание и за Алёной ухлестнуть. И как бы оно не главное в сегодняшнем моём походе к Воронцовым. Да, вот такая я сволочь, если разобраться. Вроде уже и есть у меня почти что невеста, при этом слегка беременная, а я тут планы, понимаешь, строю.

Да, строю. По крайней мере не стесняюсь в них признаться самому себе, хотя и понимаю, что иные бы морду пуританскую скорчили, и в голос кричать начали, что они ни в коем случае и никогда… Угу, верьте им больше… Если у них ничего не случилось, то в девяноста случаях из ста – это не их заслуга. Тупо – рылом не вышли или не срослось. Меня тоже может быть сегодня побреют, и тогда я вернусь к Дарье, сделав вид, что ничего такого и не помышлял. А пока… «Надежды юношей питают», – как сказал кто-то из великих.

К тому же, меня не только надежды питают. Отношение у меня к обеим девушкам разное. Дарья меня по-настоящему любит, а я… У меня всё сложнее. Мне хочется спрятать её от невзгод и неприятностей, и я ценю её любовь ко мне. Впервые я понял, что отношение у меня к ней серьёзное, когда заметил интерес Константина к княжне. Тогда мне показалось, что я не

против того, чтобы помочь устроить Дарье удачную партию. Прозрение пришло ночью. Я до утра проворочался без сна, забывшись в дрёме уже с рассветом. Ощущение горечи утраты близкого и дорогого мне человека не давало заснуть всю ночь.

С Алёной всё не так. Меня к ней словно магнитом тянет, а когда мы разговариваем, то между нами искры проскакивают. Кажется, ещё чуть-чуть, и молнии полетят. И что мне теперь, надвое разорваться?

Подслушал я случайно как-то раз один разговор между девушками из Смольного.

– Тот ещё кобелёк. Не скоро нагуляется, – говорила одна из них другой.

Признаюсь, я тогда прилично напрягся, предположив, что про меня речь идёт. Ошибся. Говорили про другого, но Боже, как характеристики-то совпадали, которые они потом перечислили. Словно себя в зеркале увидел.

Должен заметить, что меня слегка нервирует моя способность с самоанализу, появившаяся непонятно с каких хлебов. Порой, словно со стороны за собой наблюдаю и оцениваю свои поступки. Есть у меня смутное подозрение, с каждым разом всё больше переходящее в уверенность, что без Сущности тут дело не обошлось. И ведь не спросишь его, гада, что он мне там внушает или советует. Вот смехота-то будет, если это он, устроившись у меня в мозгах, Дарью лоббирует. В принципе, я не против. С Дашкой мне легко. Она свой человек. Ещё бы дулась пореже с ни с того, с ни с сего, вообще бы славно было.

– Вот вы где. А я уже обыскалась. Великая княжна меня за вами послала. Идите за мной, – Ангелина Лопухина, этаким ловким чертёнком, плавно скользнула между группами гостей ко мне.

Не ошиблась тетушка в истории с котёнком. Думаю, Ангелиночке не только котёнок перепал, но и изрядная часть доверия племянницы Императора, раз Лопухина по её поручениям носится.

Во дворце Воронцовых Ангелина ориентировалась на редкость уверенно, а я засомневался, смогу ли я найти обратную дорогу, если придётся возвращаться одному. Судя по выбранному Лопухиной направлению, мы возвращались к главному залу, но огибали его с другой стороны, используя в основном коридоры и балконы второго этажа.

Лишь когда мы прошли пару коридоров, охраняемых гвардейцами, мне стали понятны манёвры моей юной проводницы. Подиум для именитых гостей, находившийся в центре главного зала, имел выходы в небольшие зальчики,

расположенные за ним на двух этажах. Тот, в который зашли мы, после того, как Лопухина в очередной раз продемонстрировала гвардейцам пропуск, был чем-то средним между небольшим банкетным залом ресторана и комнатой отдыха. По крайней мере его можно было назвать и тем, и другим. В зале стояли накрытые столы, горел камин, и было много мягкой мебели. Один стол был с винами, фруктами и лёгкими закусками, а на втором имелись сладости, десерты и приличный выбор разнообразных напитков, явно безалкогольного содержания. За ним-то я и увидел обеих племянниц Императора. Правда, девушки здесь оказались не одни. У камина расположились в креслах уже знакомые мне по госпиталю две пожилые дамы. Они старательно делали вид, что увлечены игрой в карты, а до всего остального им и дела нет.

– Ангелиночка, ну что ты так долго. Нам уже вот-вот пора выходить к гостям, а то Воронцовы сочтут, что мы высказываем своим отсутствием недовольство, или ещё чего хуже вообразят, – попеняла моей проводнице Алёна, стоило нам зайти в комнату.

– Та-ак. Значит это и есть твой сюрприз… Как же я сразу не догадалась-то, – усмехнулась Ирина, наблюдая за нервничающей сестрой, – И чем вы с графом решили меня удивить?

Дождавшись момента, когда Ирина отведёт от меня взгляд, я чуть заметно кивнул головой Алёне, на миг прикрыв глаза. Она, похоже ожидала меня увидеть с подарками в руках. Ох уж, эти девушки… Где-то они не в меру сообразительны, но стоит делу дойти до механизмов или оборудования, и куда что девается. Как же, потащу я во дворец Воронцовых образцы протезов для лекарей. Почти девять килограммов, которые мне со всей сбруей с трудом удалось втиснуть в небольшой чемодан. Только представьте себе графа, прибывшего на бал с тяжёлым чемоданом в руках… На ближайший месяц стану героем анекдотов. Что-нибудь, вроде того, что я или поселиться у Воронцовых решил, обрадовавшись приглашению, или бумажник себе новый купил. Ага, сделанный из крайней плоти крокодила, так что теперь при поглаживании он превращается в чемодан. Анекдотец из неприличных выйдет, но знать его точно будут все. Даже девушки, стыдливо закатывающие глаза при слове крокодил.

– Алёна-а, – предостерегающе протянула старшая сестра, всё-таки заметив наши переглядывания, – Только не говори мне, что граф сделал тебе предложение руки и сердца. Ты знаешь нашу maman. Неволить она тебя не станет, но меньше, чем за князя не отдаст.

– Ещё одна неудачная шутка, и ты останешься без подарка, – покраснела младшая. Вот уж действительно, Алёна. Как щёчки-то заалели… Прелесть.

– Молчу, – прикрыла Ирина рот ладошкой, начиная догадываться о содержании сюрприза, но при этом со всем усердием подыгрывая сестре.

– Собственно, особого секрета тут нет, – произнёс я, вытаскивая из внутреннего кармана небольшой продолговатый конверт и пристраивая его около вазочки с цветами, чтобы княжне было удобнее его взять, – Это вам, от меня.

– Граф. Вы несносно кратки. Впрочем, как и все военные. Вы написали мне письмо? О чём? – вскинула Ирина брови, одновременно изображая иронию и удивление.

– О чём же может писать пылкий юноша, видя столь неземную красоту? – застенчиво уставился я в пол, пытаясь всеми силами сдержать улыбку, – Конечно же о чём-то недоступном.

Обе сестры вытаращили было на меня глаза, но Ирина спохватилось первой.

– Что, Алёна, оценим, насколько силён наш граф в эпистолярном жанре? Не о любви же он мне пишет?

– Ну, отчего же… – постарался я изобразить ещё большее смущение, – Или вы считаете, что у меня и чувств быть не может?

Ирина, уже не сдерживая себя, схватила конверт и вытащила оттуда небольшую книжку в пару десятков страниц.

– Что это? – спросила княжна, с треском, словно колоду карт, пролистав страницы с типографским текстом.

Она вопросительно уставилась она на меня.

– Инструкция. Сам написал, – выложил я княжне чистую правду.

– Вы написали мне инструкцию…

– Не вам. Это инструкция на изделие. Раз уж мы готовы запустить лекарские накопители в серию, то и инструкция должна обязательно быть. А сами накопители завтра утром доставят по любому указанному вами адресу. Я привёз готовые образцы. Две штуки.

– Тогда зачем вы мне только что врали?

– Я? Я не сказал ни одного слова неправды.

– А про недоступность, про чувства…

– Про недоступность вы сами говорили, когда жаловались, что по такой цене накопители для ваших лекарей недоступны окажутся. Я просто вспомнил об этом, глядя на вас. А чувства… Ну, что чувства. Я себя бесчувственным чурбаном не считаю. При случае и письмо могу написать не хуже других и томлением духа пострадать.

– Ещё и Екклесиаста цитирует, – закатила Ирина глаза в потолок.

Надо же. Я вроде бы мудрыми книгами не увлекался, а вот на

тебе. Кого-то цитирую.

– Хи-хи-хи. Хи-хи, – тренькнула Алёна серебряным колокольчиком, – Поняла теперь, какой у меня защитник есть. Я такое лицо до этого у тебя только раз видела. Помнишь, когда ты к экзамену готовилась и зачиталась настолько, что в чай вместо сахара соль набухала, а когда глотнула…

– Так. Стоп, – хлопнула Ирина ладошкой по столу, – Посмеялись, и будет. Граф, вы действительно можете снабдить этими вашими штуками всех студентов лекарских курсов?

– Смогу. И за вполне приемлемую цену.

– Тогда почему никто так раньше не сделал?

– Видите ли, в некотором роде удачно сложились обстоятельства. Не так давно мы организовали акционерное общество и научились производить алмазы промышленным способом. Правда, по качеству они пока значительно уступают тем, которые можно делать при помощи магии, но и цена у них не такая высокая, – я не стал углубляться в дебри, описывая те сложности, с которыми мы столкнулись.

У новосибирцев алмазы настолько ниже по качеству, что нам пришлось ставить два кристалла, на которых мы получили всего лишь половину запаса той Силы, которая используется в протезах пилотов.

Отдельно пришлось побиться над проблемой запараллеливания энерговодов. Смешно, но решение нам подсказал Степан. Как-то раз он зашёл к нам, когда мы с Усольцевым горячо спорили, пытаясь разобраться, как можно заставить потоки Силы течь только в одном направлении.

– В этой вашей маготехнике есть что-нибудь вроде диодов? Поставили бы их квадратом и все свои проблемы решили, – он подтянул к себе чистый лист бумаги и наскоро набросал схему диодного моста.

Что такое диоды мы с Усольцевым знали. Причём, знали не только про полупроводниковые, но и про вакуумные. Думал техномаг недолго. Оказывается, нечто похожее на диоды существует и в маготехнике, но применяется редко, ввиду высоких требований к точности изготовления и соответствия к мощности энергоканалов. Правда и то, что использовать эти магемы в виде квадрата ещё никто не пытался, и как серийные изделия они в природе отсутствовали, если не брать в расчёт самые большие дирижабли. Там подобные устройства устанавливались, но и размеры у них были с платяной шкаф. В итоге я потерял Усольцева на три дня. И только спустя это время увидел его поутру осунувшегося, голодного и засыпающего на ходу.

– Вот, сделал. Проверил, работают. Можем масштабировать под любую мощность, – буркнул он, положив на стол странно знакомые вещицы, для чего-то переплетённые между собой, и спёр со стола сразу оба последних пирожка.

Моих любимых. С грибами и мясом.

– Это же твои лечилки. И их тут четыре, – констатировал я очевидное, пересчитав знакомые изделия, соединённые скобами, и провожая взглядом пирожки.

– Что под рукой было, на том и попробовал, – Усольцев, ускоренно прожевав пирожки, бессовестно выпил мой компот, и пошатываясь, поплёлся отсыпаться.

Покрутив в руках неприглядное изделие, а скорее всего, даже макет изделия, я зарядил в нём накопители и побежал искать Силыча. Видел я, заходя утром в цех, как ему щеку флюсом разнесло. Стоматологов старый механик ненавидел всей душой и ещё в Касимове спасался от зубной боли проверенным методом – ваткой со спиртом, а то и просто спиртом рот полоскал, почему-то потом забывая его сплёвывать.

– Силыч, на-ка браслетик одень. Если я не ошибаюсь, тебе прилично полегчать должно, – протянул я мастеру неказистую сборку из четырёх лечилок.

– Надеть-то надену, но что-то сегодня меня серьёзно прихватило. Уже двойную дозу принял, а всё не отпускает, – почти простонал механик, придерживая рукой повязку на опухшей щеке.

Не прошло и часа, как Силыч сам прибежал ко мне. Уже без повязки, и с почти нормальной щекой.

– Отличная вещица, Олег Игоревич. Боль минут за пять полностью сняла, а теперь и опухоль пропала, – заявил мне Силыч, сияя улыбкой, – Можно как-то сговориться, чтобы мне для себя такую штуку завести?

– Думаю, решим. А пока, если припрёт, то ко мне приходи. Эту страхолюдь мы хоть как у себя оставим, – потряс я возвращёнными браслетами, справедливо полагая, что столь неказистое изделие публике показывать не стоит, а нам на всякий случай и такое сгодится.

Надо ли рассказывать, что сборку браслетов мы довели до ума, а потом я заказал себе пару таких браслетов у гениального ювелира в Камышине. Есть у купца Липатова старый друг, Аристарх Соломонович. Таких украшений, как у него, я даже в столице не видел. Я, хоть и не специалист по украшениям, но красоту его изделий почувствовал сразу. Интуитивно. Так же, как любой из нас понимает красива или нет та или иная мелодия.

Один из браслетов сейчас лежит у меня в кармане, аккуратно

упакованный в плоский футляр, обшитый вишнёвым бархатом.

– Граф, вы с нами? – от окрика Ирины, а больше от того, что меня резко дёрнула за рукав стоящая рядом Ангелина, я вздрогнул, и похоже, все это заметили.

– Извините, воспоминания. Так куда вам образцы доставить?

– Вы сами хотите ими в дальнейшем заниматься?

– Упаси господи. Мне своих дел хватает, а медицина… Нет, не моё это, – открестился я, и обратил внимание, как Ирина еле заметно выдохнула.

Ну, точно же… Мне Алёна говорила о мечте княжны, а я как-то не придал этому значения. Подумаешь, военная медицина. К её вершинам мне никогда не пробиться, хотя бы из-за отсутствия знаний, а ещё более из-за связей. Зато у неё всё необходимое присутствует. Теперь понятнее стало, что она вдруг так резко тон сменила. Боялась, что я на себя одеяло потяну и начну претендовать на какие-либо ведущие роли. При этом и себя и её смешными выставлю. Абсолютный ноль в медицине, лезущий в руководство… Да не один медик такого мне не простит.

– Более того, как я уже сказал – это подарок вам лично. Во всех смыслах этого слова, – тут я позволил себе лёгкую улыбку. Слишком уж предательски у Ирины заблестели глаза, но нет, она без платка справилась с нахлынувшими чувствами. Всё-таки воспитание у племянниц Императора серьёзное, и что-что, а лицо они держать умеют.

– Значит, для Ирины у вас личный подарок есть… – Алёна кинулась выручать сестру, давая ей время справиться с эмоциями.

– Не только, – обернулся я к младшей сестре, мысленно погладив себя по голове за то, что озаботился ещё одним подарком, – Случайным образом связанный с накопителями подарок имеется и для вас. Так сказать, нежданный бонус, полученный во время работы над заданием Великой княжны. Несколько непроверенный, правда, но тут уж мои извинения. Нет у меня достойных условий для полноценной проверки, – я отдал футляр Алёне, и вернулся обратно, этак на шаг назад. На фурий у камина не оглядывался, но их взгляд в спину и так чувствуется. Напряглись, словно кобры перед прыжком. Хорошо ещё, что шипеть не начали.

– Изначальные? Хотя нет, новодел похоже, – обе сестры склонились над футляром, разглядывая необычный браслет, – Но смотри какая вещица. Пока не приглядишься, и не поймёшь, что не старинная.

Это Ирина высказывалась. От Алёны сначала слышались лишь только писки и довольное урчание, впрочем, вполне себе вполголоса.

– Едино, о чём бы я попросил, так это об осторожности, – прервал я изучение своего подарка, – Артефакт свежий, и пока все его возможности до конца не изучены. Могу сказать лишь то, что с сильной зубной болью он справился за пять минут, а серьёзное воспаление убрал меньше, чем за час. Как вариант, можно не включать его на полную мощность. Иногда вполне достаточно зарядить и активировать любые две противоположные пластины из четырёх, а не все четыре.

– И как они сработают? – оторвала Алёна взгляд от подарка.

– Предполагаю, как Целитель шестого или седьмого ранга, но исключительно для снятия болевых ощущений и некоторых их причин. К примеру, воспаление артефакт снимал.

– А если активировать все четыре? – тут же включилась Ирина.

– Да откуда я знаю. Лабораторий у меня нет, так что пробовал на ком попало, – честно признался я, понимая, что подарок у меня весьма сомнительный получается.

– Медикус Эбба, – чуть ли не хором произнесли обе княжны, и прыснули, переглянувшись.

– Есть у нас один старинный лечебный артефакт, который передаётся по женской линии Рода. Очень помогает нам, девушкам, в определённые дни месяца. Если ваш подарок окажется не хуже, то считайте, что вы нас здорово выручили, а то мы прямо так и не знали, как свой артефакт поделить, когда вдруг разъезжаться придётся, – бесхитростно, как заправский медик, пояснила Ирина несколько интимную часть использования лечебных артефактов.

– Признаюсь, о такой функции браслета я даже не догадывался, – поспешил я сразу предупредить возможные подозрения, – Но тогда тем более советую начать пробы лишь с двух пластин.

– Можете не волноваться, граф. Браслет безусловно будет тщательно опробован, прежде чем нам разрешат им пользоваться. Кстати, а вы не боитесь, что ваши секреты могут стать достоянием чужих глаз?

– Представьте себе, не боюсь. Там всё не так просто изготовлено. Как бы копирование не вышло дороже оригинала, – слегка усмехнулся я, стараясь сделать это почти незаметно, – Желающие чего-то узнать, на самом деле не многое смогут извлечь.

Я опять не стал перегружать обеих девушек технологиями. Основной секрет браслета в кристаллах и энерговодах. Кристаллы мои, а энерговоды собраны в пакет из слоёв тоньше фольги и скреплены диффузионной сваркой. Расковырять их, не повредив

магемы, крайне сложно, если учесть ещё и сложную геометрию переплетений.

– Отлично. В таком случае примите нашу благодарность за щедрые подарки, и извините, но нам пора выходить в зал, – Ирина поднялась с места и пошла к сопровождающим её дамам.

– От приглашения на Рождество к Лопухиным не отказывайтесь, – чуть слышно шепнула Алёна, – И да, я записала вас на третий танец. Не вздумайте опоздать, – добавила она уже на ходу, догоняя сестру в дверях.

Хм, танцы моя нога должна выдержать, хотя бегаю я пока всё ещё плохо. Джуна говорит, что мышцы и связки должны восстанавливаться естественным путём. В качестве побочного эффекта у меня ещё и сильные боли в районе колена случаются к перемене погоды. Так что артефакт, снимающий боль, мной лично самим пару раз испробован. Должен заметить, я его всего-то на двух пластинах испытывал, а всё равно он получше многих обезболивающих лекарств работает.

Возвращаться в Бархатный зал мне не пришлось. Выход в главный зал был в десятке метров, где я совсем уж собрался распрощаться с Лопухиной, сопровождающей меня к стоящим там гвардейцам с пропуском в руках.

– Граф, я полагаю, мазурка у вас никем не занята? – опередила меня шустрая девица, и поняв по моему лицу и разведённым рукам ответ, продолжила, – Тогда надеюсь, вы не будете против, если я вас на неё запишу к себе.

Она вынула бальную карточку и демонстративно вписала меня на танец.

Угу… А жизнь-то налаживается. Если я что-то понимаю в бальных хитросплетениях, то ужинать мне сегодня в компании с Алёной. И ведь не придерёшься ни к чему. Все видят, что Алёна и Лопухина постоянно вместе, а тут вроде как её напарница со мной мазурку танцует. А кто с кем мазурку танцевал, тот с тем и на ужин идёт. Ай да девчонки! На ровном месте интриги устраивают, да так ловко… Можно сказать, аристократически тонко партию ведут.

– Всецело в вашем распоряжении, – произнёс я банальную светскую фразу, и чуть не поперхнулся, заметив на себе оценивающий взгляд молодой девицы.

Вполне возможно, что я себе льщу, но на какой-то миг создалось впечатление, что я только что был взвешан, обмерян и оценен, как объект, достойный внимания. С вполне себе понятными, далеко идущими планами.

Я в свою очередь осмотрел Лопухину. Ангелина сегодня в ударе и в бальном платье чертовски хороша. Как-то до сих пор я

этого не видел, а вот зря… Девочка просто огонь. Молоденькая, правда.

Мой взгляд не остался без внимания. Проказница чуть улыбнулась и облизнула губы, да так, что меня в пот бросило. Вот как они это делают?

Вечер до ужина я провёл весело. Танцевал, флиртовал и даже удачно шутил.

За ужином я оказался за одним столом с Алёной, которая появилась в сопровождении двоюродного брата. После того, как нас представили друг другу, княжич несколько секунд морщил лоб, вспоминая, откуда он знает мою фамилию.

– Точно. Бережков. Вы летом победили на гонках, – щелкнул он пальцами, улыбаясь, – Это мы удачно встретились. Я как раз хотел вас разыскивать, чтобы поговорить. Но с этим чуть позже. А пока вы бы меня крайне обязали, если бы поухаживали за обеими нашими дамами. Мне нужно отойти ненадолго к моему другу, а после ужина мы с вами обязательно побеседуем. Надеюсь, вы ничем не будете заняты? – произнёс княжич, оглядываясь.

– Только первый танец после ужина обещал, – ответил я.

– Тогда здесь после него и встретимся, – согласно кивнул княжич и заторопился к третьему от нас столу, где расположился его друг в компании с эффектной шатенкой.

– Как и предполагалось. Минуты без своей Ксении прожить не может, – улыбнулась Алёна, глядя вслед брату.

– Как это ты его на мазурку уговорила? – спросила у неё Ангелина.

– А он мне недели две назад желание в фанты проиграл. Видела бы ты, как он зубами скрипел, когда я его на мазурку записала. Зато потом как оглашённый по залу бегал, пока своей Ксении пару не нашёл.

– Тогда да. Он бы с нами и минуты лишней не высидел, – одобрила Лопухина выбор племянницы Императора.

Только после этой её фразы я начал понимать, что девушки искренне наслаждаются моментом, оценивая тонкости провёрнутой ими операции. И совсем не удивился, когда к Ангелине подошла какая-то её знакомая и они вместе отошли от нашего стола, о чём-то оживлённо беседуя.

– Кстати, а с кем это вы после ужина танцевать собрались? – поинтересовалась у меня Алёна.

– С сестрёнкой нашего старосты. С Шуваловой. У Игоря на бал были свои планы, а ему сестру навязали. Так что он всех знакомых, кого смог найти, подключил к тому, чтобы её развлекали, пока он со своей избранницей общается.

– Ну, хоть так, а то я начала подозревать, что вас малолетки

интересуют, – серьёзно сказала Алёна, а я чуть не рассмеялся. Она сама всего-то на год-полтора старше той же Ангелины, но уже себя взрослой считает, – Кстати, вы не задумывались над тем, как с вами казна будет расплачиваться за ваши медицинские пояса? Имейте в виду, что бюджет на следующий год свёрстан и утверждён Думой ещё в конце октября.

Мне в ответ оставалось лишь плечами пожать, что судя по блеснувшим глазам, Алёну полностью устроило. Не ошибусь, предположив, что она опять что-то задумала, но вот что именно, даже не берусь предсказать.

– Кстати, а малолетках, – решил я не ломать голову над бесполезными догадками, и сменить тему разговора, – Не так давно я был в Камышине.

Не торопясь я рассказал княжне о привезённых мной девочках, которых я разместил в пустующий пока пансионат под присмотр Джуны. Слегка облегчённую версию, без излишних подробностей. Как-то так кстати вышло, что вновь прибывшие пилоты выгребли у меня все запасы протезов и пансионат пустовал. Заодно к месту пришлись способности целительницы к внушению. По крайней мере мне было бы крайне трудно отучить девочек от того, что игрушки – это вовсе не фантазийные изыски ныне покойного краснодеревщика, доставляющие им мучения, а нечто иное, вполне себе радостное и интересное.

Хотя мой рассказ был крайне далёк от обычно принятой светской беседы, Алёна слушала меня внимательно и вопросы задавала кстати, а не просто из вежливости.

– Порыв у вас, безусловно, благородный, граф, но не лучше ли было пристроить девочек в государственное учреждение. Что вы с ними делать будете, когда они подрастут? – поинтересовалась княжна, когда я выдохся, как рассказчик, и взял со стола бокал с вином.

– Магинями их сделаю, – брякнул я не подумавши, так как отвлёкся на вино и возвращающуюся к нашему столу Ангелину.

– Азмъ есть Господь Бог? – с иронией поинтересовалась Алёна.

– Сказал сделаю, значит сделаю, – я непонятно почему вдруг упёрся, набычившись, вместо того, чтобы просто перевести всё в шутку.

А вот так. Не надо снисходительно относиться к тому, что моё. Малышата мои. Не отдам.

Алёна – девушка безусловно интересная и меня интересующая, но при всём том она не глупа. От какой-нибудь пустышки я бы легко перенёс глупый вопрос, а от княжны… Неужели я настолько плохо рассказывал, что она не поняла моего

отношения к малышкам. Как-то мне в такое не верится.

– У вас тут не весело, как я погляжу, – Ангелина вернулась на своё место за столом и сумела свой вопрос задать как-то обезличенно, одновременно обращаясь к нам обоим.

– Да нет. Всё нормально. Граф оказался очень занятным рассказчиком, – слегка рассеяно отозвалась Алёна, наблюдая, как Лопухина ловко управляется с перекладыванием в свою тарелку изрядной порции фруктового салата, небрежным жестом отказавшись от помощи подскочившего было официанта.

– Тогда почему грустим? – Ангелина специальной вилочкой вытянула половинку свежей клубники и даже зажмурилась от удовольствия, предвкушая предстоящее наслаждение.

– Не сошлись в оценке личности применительно к системе мироздания. Княжна отвергает антропоцентризм, – пожаловался я Ангелине.

– Чего… – поперхнулась она, вмиг отвлекшись от своего салатика.

– Вот и я говорю – чего. Я, по сути дела, за гуманизм. Поэтому поддерживаю точку зрения гуманистов и согласен с ними в том, что именно человек является центром мира, а его стремление познавать и творить определяют сущность и достоинство личности.

– Передай мне бокал с минералкой, – сдавленным голосом попросила Ангелина у княжны.

– Да Бог с ним, с мирозданием… – весело откликнулась Алёна, протягивая Лопухиной минералку.

– Именно с этого вопроса у нас начались разногласия, – я назидательно поднял вверх палец, но выдержать до конца роль не смог и рассмеялся.

Вслед за мной серебряным колокольчиком залилась княжна.

Вот же дал Бог таланта. Казалось, слушал бы да слушал, как она смеётся. Даже за соседними столами люди заулыбались.

– Так вы что, меня разыгрывали? – насупилась было Ангелина, но не выдержав, засмеялась вместе с нами.

– Нет. У нас всё серьёзно, – выдавил я, и мы снова залились смехом.

Над чем девушки смеются, я не знаю. Кто над чем, а я над собой. Думаете я раньше знал про какой-то антропоцентризм? Уверяю, что нет. Впервые Сущность со своими подсказками лопухнулся. Я уже не раз подозревал, что некоторые мои озарения – это как бы не моя заслуга. Просто предок, по прозвищу Сущность, мне вовремя подсовывает подсказки, небольшие по своему объёму. Засунь он мне в голову сейчас целое философское учение, я бы тут овощем минут пять сидел, переваривая новый

пласт знаний. А понемногу информация неплохо заходит. Практически незаметно для меня и окружающих.

После ужина, танцуя с Шуваловой, я несколько раз ловил на себе взгляды и Алёны, и Ангелины, но когда вернулся за стол, то девушек там не нашёл. Вместо них меня поджидал братец Алёны вместе со своим другом, которого я раньше видел сидящим за столом с шатенкой, пассией княжича.

– Граф Михаил Горн, – представил мне княжич своего приятеля, – Олег Игоревич, мы можем поговорить с вами о покупке дирижабля вашей конструкции? И, кстати, не ответите ли на вопрос? Собираетесь ли вы участвовать в следующей регате?

Признаюсь, я слегка выдохнул. Первоначально подумал, что моё знакомство с очередной княжной по традиции закончится дуэлью, ан нет.

– Нет, не собираюсь. Прошу меня извинить, но обсуждение особенностей каждого дирижабля дело не быстрое. Я готов встретиться с вами, скажем, завтра после обеда. Тогда мы сможем уделить больше времени деталям.

Я оглянулся, надеясь увидеть Алёну, но ни её, ни Ангелины нигде не было видно.

– За наше время можете не волноваться, а ваше… Надеюсь, вы будете не против, если я его вам компенсирую. Например, приглашу вас на свои именины через две недели? – княжич чуть заметно улыбнулся, видимо разгадав, кого я выискивал взглядом, – К тому же, обе наши дамы перед ужином показывали мне полностью заполненные карточки, так что до окончания танцев мы их вряд ли увидим.

– Хорошо, но мне всё-таки не очень понятно, чем вызвана ваша поспешность?

– Определённые обстоятельства безусловно имеются, и я про них вам обязательно расскажу, но чуть позже. Договорились? Тогда давайте перейдём в комнату отдыха. Там, по крайней мере тихо и не нужно бегать за вином к столам.

Второй раз за вечер иду в зону, предназначенную для особо важных персон.

Обсуждение заказа у нас заняло примерно час. Покупать дирижабль собрался княжич, а граф Горн помогал ему в качестве консультанта, и как я понял, будущего члена экипажа. Оба они были обрадованы, узнав, что у меня есть почти готовые дирижабли, которые осталось лишь доукомплектовать по требованиям заказчика. Закончив разговор, отметили его завершение шампанским.

– Теперь я отвечу на ваш вопрос о поспешности, – напомнил мне княжич о своём обещании разъяснить эту непонятность, –

Сегодня за обедом Император вскользь упомянул о регате, и с неудовольствием заметил, что никаких изменений в её правилах он не допустит. Так что ждите в ближайшее время вал заказов. Но как бы то ни было, а мы успели первые, – поднял он бокал ещё раз, предлагая и нам отметить его деловую хватку.

Ни с Алёной, ни с Ангелиной я в тот вечер больше не разговаривал. Иногда замечал их среди танцующих, но потом терял из виду.

Впрочем, мне было хорошо.

Шампанское шумело в голове, а на ум постоянно приходили слова переделанной мной же песни. Одной из тех, довоенных, которую мы полюбили в лицее, раскопав в библиотеке старый песенник.

– Первым делом, первым делом дирижабли. Ну, а девушки, а девушки потом…

Глава 31

6 января 211 года от Начала. Вечер. Бережковские верфи.

Бунт начался внезапно. Намного раньше, чем предполагали заговорщики и имперские службы. Люди, перегретые агитаторами и уставшие от праздников, пришли после празднеств с остатками денег в магазины и увидели почти пустые полки. Остальной скудный ассортимент, внезапно в полтора раза подорожавший, лишь усилил гнетущее настроение. Если в первый и второй день люди ворчали и расходились, думая, что купцы бессовестно вздули цены из-за праздничных дней, то на третий день лавки и магазины начали громить.

Полыхнув в столице, бунт лесным пожаром пошёл гулять по всей Империи.

По радио каждый день не по разу передавали новости, одна другой страшнее. Разгромленное здание городского управления в Воронеже, десятки убитых, погром еврейских кварталов в Одессе, забастовка железнодорожников в Курске.

Новости каждый час сменяли друг друга, показывая размеры разрастающихся народных волнений.

Этой ночью в столице особенно пострадал дипломатический квартал. Толпы людей выплеснули гнев на посольства. Английское и французское отделались выбитыми стёклами и поломанной мебелью, а немецкое выгорело дотла.

Я постоянно слушал радио. На моих землях, судя по ежедневным докладам алькальдов, всё было спокойно и волновался я не за себя. Сомнения терзали. Мне казалось, что князь Обдорин, зная о готовящемся заговоре, должен был принять меры и на корню пресечь готовящиеся беспорядки. А раз такого не произошло, то вполне может статься, что и он в числе заговорщиков значится. Своими мыслями я вчера поделился с одним из своих алькальдов, когда мы встретились с ним под вечер.

– Роальд Силантьевич, а как бы вы поступили, если бы были на месте Императора и знали о предстоящих волнениях? – не особо раскрываясь, поинтересовался я у него под конец нашей беседы о делах на вверенном ему участке.

– На данном этапе? – покосился алькальд на радиоприёмник и дождавшись моего подтверждающего кивка, продолжил, – Пока никак. Слегка бы сдерживал волнения, больше для контроля и ждал, когда основные фигуры себя проявят. Может, между делом, из недругов кого слегка бы прищучил, так, для предупреждения.

Чтобы русскую душу лучше понимали, – ухмыльнулся Роальд Силантьевич, явно намекая на разгромленные посольства.

– Так ведь люди гибнут…

– Когда котёл кипит, то бывает и брызги летят. В масштабах Империи сотня-другая людей это не такая большая цена за предотвращение братоубийственной гражданской войны. Тут ведь как дело обстоит, если сорняки с корнем не выполоть, то и хорошего урожая ждать не стоит. А как их выполешь, если они под землёй сидят. Нужно ждать, чтобы вылезли на свет.

– Но можно было войска заранее хотя бы к столице подвести. По радио постоянно твердят, что даже там не хватает сил для поддержания правопорядка.

– Можно было, – не стал со мной спорить алькальд, – Только армия у нас большая. А чем больше людей посвящено в тайну, тем выше вероятность утечки сведений. Или вы, граф, считаете, что у нас все военные одинаковы, словно оловянные солдатики? Честны, неподкупны и до последнего Императору преданы. Так вот нет. Они живые люди и каждый из них наособицу себя понимает. На войне иной может и голову сложит с именем Императора на устах, а в иных условиях глядишь, и даст слабину. Позволит убедить себя, что Император и Империя – это не одно и то же.

– И кто же их убеждает? – воспользовался я разговорчивостью собеседника, неожиданно хорошо владеющего информацией и излагающего своё видение ситуации в стране достаточно просто.

– Кому как повезло… У нас сейчас ведь как дело обстоит. Боярству от Императора надо, чтобы он им власти дал больше, а промышленники и банкиры то же одеяло на себя тянут.

– А Император?

– Он же не Бог. Отдай власть боярству, они вмиг всё по имениям растащат. Не будет у страны ни армии, ни промышленности. Останутся мастерские мелкие, да дружины местечковые, плохо обученные. Опять же с промышленниками и банкирами, нашей новой аристократической буржуазией, тоже всё не так просто. Под них целая система государственная требуется. Законы, чиновники знающие, службы специальные, кредиты громадные. Понемногу в стране это появляется, но не вдруг. Так что нынешнему Императору не легко. Считай, на двух стульях сидеть приходится, да ещё и приловчится нужно, чтобы самому штаны при этом не порвать.

– Хм… – с сомнением покосился я на Роальда Силантьевича, отозвавшегося об Императоре без малейшего пиетета, словно об управленце более высокого ранга, чем он сам. Затем я поднялся, и продолжил, сменив тон, – Надеюсь, вы не забыли, что я курсант

Академии и будущий гвардеец. Рад, что нет. Впредь попрошу про нашего государя, при мне ли, или без меня, отзываться с должным уважением. Я понятно выразился? Пока можете быть свободны. Пока, – добавил я ледяным тоном уже в спину уходящему алькальду и увидел, как у него дрогнули плечи.

Надо же ему было такой интересный разговор испортить под конец. А то я не знаю, что мои алькальды раз в две недели в ведомстве Обдорина телефонными звонками отмечаются, нет-нет да и упоминая в числе прочего мои настроения. Впрочем, у меня с алькальдами взаимность. Они за мной присматривают, а я за ними. Власть на своих землях я дал им не малую, но это совсем не значит, что оставил их без контроля. Впрочем, я и сам им всем как-то раз сказал, что контроль за ними в той или иной степени будет всегда. А то ишь, обижаться надумали, когда я им своих водителей в командном порядке приставил и несколько проверок устроил. Зато никаких иллюзий ни у кого не осталось теперь, кто на моих землях хозяин.

Иерархию управления я понемногу выстроил, а может она и сама устаканилась. Когда меня нет, то решения принимает Степан, а когда нет нас обоих, то… Анвар с сыновьями.

Признаюсь, сам первый раз удивился, что так получилось, но подумав, ничего менять не стал. Анвар со своей роднёй у меня в Род на правах Старшей Семьи вошёл. С этой стороны всё соответствует и никакие почитатели традиций не придерутся. С другой стороны, они мне клятву принесли. Зная характер гордых и упрямых горцев я уверен, что в их клятву можно верить без оглядки. Не предадут. Не те люди.

Опять же и у самого Анвара дел нынче поубавилось, как это ни странно. С новыми станками, гранильной мастерской и добавленной оснасткой, работающей на магии, работа в разы быстрее пошла и уже нет необходимости ему самому над заготовками корпеть. Знай, контролируй качество, да заказы распределяй. Впрочем, и с этим его сыновья сами справляются, но к присутствию отца они всегда относятся с почтением. Так уж у них принято.

Не ошибусь, если скажу, что быть вскоре Анвару дедом. Два старших сына ещё по осени свадьбы сыграли, а скоро и младший невесту под венец поведёт.

Мда-а… Кстати, немного о свадьбах… А точнее, обо всём по порядку.

Тридцать первого декабря, с самого раннего утра я стал собираться в поездку. Малышек своих решил подарками, со столицы привезёнными, порадовать. Да и Джуне с дочкой кое-что прикупил. Многовато всего вышло, сначала у своей машины

багажник и задние сиденья мешками и коробками завалил, а затем и вторую машину пришлось брать, и то кое-как всё запихнуть смогли. Вроде бы, что такое зимняя детская одежда, та же шубка всего-то немного места занимает. Но когда этой одежды два десятка комплектов, да с валеночками, кофточками, шапочками, варежками, носочками вязаными, а к ним ещё куклы с медвежатами и прочим зоопарком прилагаются, то очень объёмно получилось в итоге.

Вернувшись после загрузки второго автомобиля, в первом я увидел Дарью, бессовестно занявшую моё место рядом с водителем. Пришлось водителя отправить на отдых, а за руль садиться самому. К счастью, Дашка за руль не просилась, хотя и любит она это дело. Лихо на своём кабриолете гоняет. Видимо, в маму пошла. Княгиня тоже та ещё гонщица.

Спорить с Дарьей и отговаривать её от поездки я не стал. Вздохнул, для вида, чтобы она осознала, что я, как всегда ей уступаю, да и поехал себе потихоньку, мысленно готовясь к разговору.

С Дашкой у нас всё неплохо складывается, но ровно до того момента, пока мы с ней отношения выяснять не начинаем. Не исключаю, что тут, как всегда, могу быть и я в чём-то неправ. Понять бы ещё, в чём именно. Будь на месте Дарьи кто-то другой, я бы без особого сомнения к родственнице обратился за консультацией, а насчёт Дашки, нет, не могу. Сам себя не в состоянии пересилить. Всё-таки существует определённая грань личных отношений, за которую я никого из посторонних не готов допустить. Мой личный круг чего-то сокровенного, где нужно всё решать собственным умом и сердцем.

Короче, стоит мне только начать задавать ей вопросы о том, как она видит наше будущее, как Дарья на меня начинает выжидающе смотреть, а потом вспыхивает, и начинает резко отвечать, а то и вовсе уходит. В общем за все те дни, что она у меня живёт, мы с ней так толком ни о чём и не поговорили.

Я не настолько силён в понимании женской логики, да и существующих понятий о равенстве положения между высокородными толком не знаю. Графом не так давно стал. Нет ещё нужного опыта и навыков. Да, и к тому же, я всего лишь граф, а она княжна… Честно скажу, меня такой мезальянс прилично сдерживает в признаниях. Этаким примаком себя ощущаю. Вроде, как не я её к себе беру, а сам в её Род пытаюсь навязаться. С моей точки зрения это глупость несусветная, но от ощущения, что это так, избавиться не могу. Оттого и не лезу к ней лишний раз с выяснениями. Хватит. Пару раз сунулся, и каждый раз неудачно получилось.

Так что, я скорее порадовался, что Дарья со мной в поездку собралась. Для начала уже то удачно, что можно будет Джуне её показать. Целительнице такого уровня не составит труда даже со стороны определить состояние здоровья, да и что врать самому себе, она же и скажет, кого мне ждать вскоре. Мальчика или девочку.

Опять же, в автомобиле мы достаточно долго вдвоём будем. Так что никуда Дашка от меня не убежит, и просто так от меня на этот раз ей не отвертится.

Разговор мы с Дарьей начали с планов на вечер. Гостей у нас не так много соберётся, но список блюд всё равно достаточно внушительный получается. Затем разговор перекинулся на подарки, которые мы везём. Пришлось озаботиться их перечислением.

– Интересно, а мне ты тоже подарок к Новому Году приготовил? – задала Дарья вопрос, забавно сморщив носик.

– И к Новому Году, и не только… – заметил я, раздумывая, как бы половчее перевести разговор на наши отношения.

– А не только, это про что? – заискрилась Дашка любопытством, уставясь на меня своими глазищами.

Эх, да ладно, была не была… Не зря же я в дом сбегал, когда Дарью в машине увидел. Чего тянуть-то.

Я принял к обочине и остановил автомобиль.

– Дарья Сергеевна, позвольте признаться вам в любви и сделать предложение руки и сердца, – произнёс я, открывая коробочку с помолвочным кольцом. Спасибо девушке в ювелирном магазине. Просветила, что купить, а то я на обручальные кольца было замахнулся, а их, оказывается, положено вместе с невестой приходить покупать, – Ты выйдешь за меня замуж?

– Мне нужно подумать, – сдавленным голосом произнесла Дарья.

– И долго думать будешь? – поинтересовался я, обтекая от идиотской ситуации и не зная, куда мне теперь с этим кольцом деваться.

– Уже. Я согласна, – Дарья выхватила у меня из рук коробку с колечком и зарылась лицом в меховой воротник моей куртки, – Думала уже, что ты никогда не догадаешься, – проворчала она чуть слышно и захлюпала носом, когда я её приобнял.

Ё-моё… Не были бы руки заняты, звезданул бы себя по лбу со всей дури…

Только сейчас до меня дошло, что у нас не так было, и чего Дашка от меня так долго ждала. Признания в любви и предложения. Вроде бы пустая формальность, а если

разобраться…

Наверняка же она сама себя не раз ломала, когда приехала и дожидалась этих слов. Гордость и воспитание не позволяли ей начать самой. Положено же, чтобы мужчина предложение делал, а то иначе всё выглядит так, словно девушка ему навязывается…

Тем более в её положении, точнее в положениях. Вроде как и она беременна, и с Родом своим порвала и теперь не совсем, чтобы княжна, а тут ещё я туплю… Чего ведь только я себе не напридумывал, а ларчик, оказывается, просто открывался.

Интересно, я один такой недотёпа, или с остальными парнями всё так же происходит.

Пусть и с некоторой задержкой, но до Джуны мы добрались. Целительница вышла меня встречать с мужем и дочкой, но заметив выходящую из машины княжну, быстро затолкала дочь обратно в дом. Дожидаться её возвращения пришлось минуты три.

– Джуна, я и дочке подарок привёз, – укорил я целительницу, когда она вернулась на крыльцо.

– Девка мала ещё. Чувства может не сдержать. Или ты про сглаз никогда не слыхал? – сурово ответила женщина, видимо ещё не успевшая отойти от разговора с дочкой.

– Слышал, но всерьёз не воспринимал. Думал, сказки, – замялся я, не рискуя оглянуться на Дарью, – Мне бы подарки детишкам куда-то выгрузить.

– С Акакием к пансионату езжайте, а мы с красавицей твоей пойдём стол накроем, – поёжившись на ветру, отозвалась целительница.

С раздачей подарков я несколько задержался. Малышня отчаянно старалась мне понравиться. Каждой из них хотелось быть лучшей и получить хоть на толику больше внимания. Пару раз мне пришлось краснеть, ненавязчиво останавливая девочек, вспомнивших некоторые приёмы из их недавней жизни. Напрасно я ожидал приход Дашки, надеясь, что её присутствие немного образумит малышей. Видимо у неё нашлись дела поважнее и мне на помощь она не спешила.

Вырваться к Дарье удалось лишь через час и то оставив у малышни в заложниках мужа Джуны. Всех женщин я увидел за праздничным столом. Они сидели подозрительно благостные и умиротворённые. Даже дочка Джуны выглядела довольной, уплетая за обе щёки какие-то восточные сладости из вазочки. Вручил обеим целительницам подарки, прихваченные по пути из машины.

– Стоило так тратиться? – проворчала Джуна, рассматривая шаль искусной работы. Ага, а у самой глаза заблестели.

Зато мелкая своего восторга не скрывала. Ещё бы… Кукла-медсестра, с полной сумкой медицинских прибамбасов. Так, ребёнка мы на какое-то время потеряли. Пока она всё на диване разложит, да обратно не по разу соберёт, её мы не услышим.

– Где ты так долго пропадал, милый? – почти пропела Дарья.

Ой, как не нравится мне этот её тон…

– С малышнёй возился. Отпускать не хотели. Кстати, могла бы и зайти к ним, – недовольно заметил я, оглядывая стол и размышляя, с чего бы начать.

– Это хорошо. Такие навыки нам скоро пригодятся. Мальчикам тоже внимание потребуется, – промурлыкала Дашка.

– Каким ещё мальчикам? – задал я вопрос, пододвигая к себе блюдо с холодцом. С Джуной мы неплохо сошлись, пока она меня лечила. Так что с общением у нас всё просто и незатейливо. Редко, в каком доме я могу себя так свободно чувствовать, как у неё.

– Нашим, каким же ещё, – наигранно удивилась Дарья, с явным намёком погладив себя по животику.

Сначала у меня из рук выпала лопаточка, на которую я успел водрузить приличный кусок холодца, а потом ещё и тарелка грохнулась на пол. Не заметил, как смёл её, продолжая двигать к себе блюдо.

– Мальчикам… – я перевёл взгляд с Дарьи на Джуну.

– Определённо мальчики. Двойня. И уже аурой светят, словно два солнышка, – подтвердила целительница, наблюдая за мной с затаённой улыбкой, – С сильным Даром детишки будут.

Я вернул обратно упавший на скатерть холодец и растерянно начал озираться в поисках стакана.

– Можешь коньячка выпить. Всё равно я тебя за руль в таком состоянии не пущу, – правильно истолковала Дарья мой блуждающий по столу взгляд, и повернувшись к Джуне, добавила, – Мужчины, они такие чувствительные.

Коньяк пошёл мне на пользу. По крайней мере в отражении на блестящем боку самовара теперь просматривалось существо с более менее осмысленным взглядом.

Рассмотрев себя, я уставился на остаток коньяка в бокале, янтарным озерцом переливающегося по дну приличной по размеру посудины. Краем глаза успел заметить, что женщины смотрят на меня с затаённым любопытством. Мне бы радоваться сейчас, а я сижу, словно меня пыльным мешком по голове огрели.

Нет, с этим нужно что-то делать.

Я решительно замахнул остаток напитка, и тут услышал детский голосок из-за спины:

– Дядя Олег, а правда, что вам несколько жён положено?

Я поперхнулся, а потом так закашлялся, как ещё никогда в жизни не кашлял.

* * *

3 января 211 года от Начала. Утро. Зимняя резиденция Императора.

В отличии от большинства великосветской знати, семья Императора вставала рано. По установившейся традиции, на завтрак отводилось пятьдесят минут. Без десяти минут девять завтрак заканчивался и к девяти утра государь уже принимал утренние доклады в своём кабинете.

Количество участников завтрака было тоже регламентировано и ограничивалось двадцатью пятью персонами. Двадцать мест считались постоянными, и только пятеро гостей менялись каждый день.

Хотя сам государь был неприхотлив в еде, но при соблюдении официоза большое значение имел именно статус «царского стола», и за плохо подготовленные блюда он мог объявить «высочайшее неудовольствие», что было чревато неприятными последствиями. Однажды недовольный не свежими булочками Император отправил гофмаршала графа Тизенгаузена с несколькими придворными служителями из летней резиденции в столицу пешком.

Когда Император бывал в хорошем расположении духа, он непринужденно шутил и беседовал с гостями, но, как все отмечали, при этом всегда оставался государем и не допускал, чтобы кто-нибудь нарушал субординацию.

Стол для завтрака сервировался в Столовом зале. На закусочном столике наряду со спиртным стояли тарелочки с икрой, балыком, селедкой, маленькими сандвичами и два-три горячих блюда. Затем, также для закуски, во время которой шла общая беседа, подавались яйца или рыба, мясо белое или темное, овощи, компоты, фрукты и сыр.

Потом все следовали к столу в центре зала, на который выставлялось три основных блюда, а завершалась трапеза кофе.

Императорская кухня была своеобразным государством в государстве. Министерство императорского двора платило метрдотелям деньги, а те, в свою очередь, гарантировали качество блюд, зарабатывая при этом в буквальном смысле весьма дорогостоящую репутацию царских поваров. Качество продуктов гарантировалось репутацией поставщиков, которых подбирали

очень тщательно. При нынешнем Императоре постепенно сложилась практика обеспечения дворцовой кухни продуктами ферм, оранжерей и рыбных садков императорских резиденций.

– Дядюшка, нам нужно поговорить, – обе племянницы Императора подошли к закусочному столу, безошибочно определив, что государь сегодня в настроении. Далеко не каждый день он позволяет себе с утра малый лафитничек с чистой, как слеза, ледяной водкой.

– О чём, мои хорошие? Впрочем, позвольте, сам догадаюсь. Вы решили, что пора вам заневеститься, а это иных, дополнительных расходов требует. Ежели так, то на такое дело средства изыщем, – государь отловил специальной вилочкой самый маленький хрустящий груздочек, и макнув его в сметану, смачно забросил в рот, расплываясь в улыбке от наслаждения.

– Не надо нас поддразнивать. С этим пока не горит, хотя… – Ирина с сомнением бросила мимолётный взгляд в сторону сестры, – Вопрос у нас интересы Империи затрагивает. И сдаётся мне, что он далеко не так прост, как нам казалось сначала.

– Вот так, значит. А кратко излагать суть дела вас наставники не выучили?

– Позволь, я, – Алёна сделал маленький шажок вперёд, чуть потеснив сестру, – Граф Бережков изготовил лекарские пояса. Как считает профессор Махотин, который заведует обучением военных лекарей, эти артефакты не только позволят в разы увеличить число пациентов, обслуживаемых лекарем за один сеанс, но и дадут возможность даже курсантам пользовать заклинания более высокого ранга. На ранг, а то и на два выше, чем те, каким их сейчас обучают. Сам граф от участия в военной медицине напрочь отказался, сославшись на отсутствие необходимых знаний и вместо себя предложил Ирине возглавить это направление. Мы посчитали, что не дело отдавать в чужие руки такие перспективы. Лучше всего, если наш Клан их возглавит. Что особенно ценно, никто нас не упрекнёт, что мы интересы Империи не блюдём. Как раз наоборот. Да и благодарность ветеранов, которых лекари излечат, не стоит со счетов сбрасывать. Деньгами её не измерить, но преданность армии во многом от таких мелочей зависит. Это всё, если вкратце. На самом деле перспективы ещё обширнее, но и времени для их описания больше потребуется.

– На первый взгляд дело хорошее. Стоящее. Такое грех не поддержать, – прищурился Император, тщательно взвешивая слова, – Занимайтесь, кто вам мешает.

– Я же тебе говорила, что дядюшка будет не против, если вместо накопителей граф налог поясами за следующий год

выплатит, – сверкнув улыбкой, обратилась Алёна к сестре.

– Стоп, стоп, стоп, – государь поднял обе руки перед собой, в одной из которых по прежнему держал вилку, – Бережковские накопители трогать не смейте. На них другие планы имеются. Мне ещё полк перевооружать предстоит.

Не отказал Император себе в удовольствии побывать в декабре на учениях гвардейцев. Особое внимание уделил отдельной эскадрилье, летающей в новых доспехах. Тех самых, «бережковских». Удачная шутка получилась. Так глядишь, ещё год-другой удастся графом Бережковым прикрываться, сохраняя в тайне научно-инженерный центр, созданный советником Мещерским. А доспехи и впрямь хороши оказались. После показательных стрельб последние сомнения отпали. Все мишени, в качестве которых использовались трофейные легкобронированные машины, эскадрилья разнесла в хлам с первого же пролёта. У румынского броневичка так и вовсе двигатель на дорогу вывалился.

– Мой наставник по экономике говорит, что в казне на этот год лишних денег не предвидится, – задумчиво произнесла Алёна, перебирая в руках изящный браслет так, словно это чётки, – Военные нам тоже ничего не дадут. Ещё и благодарить заставят, что лекарей не сократили. Дядюшка, а может графу Бережкову земель каких-то дать? Чтобы налоги с них поясами взимать.

– Хм, пожалуй… Вы мне ваш проектик на бумаге изложите подробнее, я его изучу, и где-то через месяц мы к вашему вопросу обязательно вернёмся, – благожелательно улыбнулся государь обеим племянницам.

Обеих девушек такое обещание вполне устроило. Характер Императора они досконально изучили и отлично представляли себе, когда он согласен с их замыслами, а когда нет. Одно то, что он проект изучит, уже означало, что их затея Императором принята в работу и изучением проекта он своих советников озадачит от собственного имени, а не сопроводит резолюцией. Для понимающих людей это многое значит.

* * *

Утро седьмого января для меня началось несколько необычно.

Ещё вчера, с вечера, Дарья начала меня интриговать. Встретила на крыльце, и не дав пройти по первому этажу, утащила в спальню, где был накрыт ужин. Оценивая стол

голодным взглядом, чуть было не упустил из виду, как изменилась спальня. Если огромную кровать я уже видел, её чуть ли не первую установили, как только из столицы приехали грузовики с Дарьиными покупками, то остальное появилось за прошедший день. Пришлось внимательно всё обходить, рассматривать и восхищённо цокать языком, нахваливая хозяйку. Иначе бы меня к столу, похоже, не пустили.

Проснувшись, я Дашку около себя не нашёл. В доме еле слышно раздавались незнакомые звуки и едва уловимо пахло кофе и ванильными булочками.

О своём пробуждении я оповестил весь дом трубными звуками унитаза. С фаянсовым другом срочно нужно что-то делать. Я, когда первый раз услышал этот оркестр, чуть Щиты кастовать не начал. Этакий низкий, взрыкивающий рёв атакующего носорога, проламывающегося по трубам, вскоре заканчивался смачным хлопком, гулкими звуками тропического ливня и угрожающим, свистящим шипением. В качестве завершающего аккорда звучал прощальный всхлип баньши. Большое помещение туалетной комнаты отлично выполняло роль резонатора, добавляя к звуковым эффектам свои нюансы и эхо, продолжительностью в пару секунд. Короче, кошмар и ужас в одном флаконе, зато и сна, после посещения туалетной комнаты, уже ни в одном глазу нет.

– Одевайся, идём завтракать, – скомандовала Дарья, выдавая мне костюм из моей половины новенького шкафа, только вчера появившегося в спальне.

Та-а-ак… В трусах я на завтрак никогда не выхожу, но одевать с утра пораньше костюм… Ладно, не будем расстраивать беременную девушку, хм, или женщину. Хотя нет, до свадьбы она вроде бы девушкой считается, впрочем, если по существу разобраться…

Запутавшись в размышлениях, я безропотно позволил Дарье повертеть себя для пристального осмотра и критики, а затем даже в зеркало на себя, расфуфыренного, полюбовался, по её настоянию. Правда, спустя минуту мне снова пришлось лезть в шкаф и разыскивать лаковые штиблеты. Нет, определённо в жизни графов есть свои минусы. Вот чем ей мои тапочки не угодили? Совсем новые, между прочим. Даже задники не стоптаны. Ну, почти не стоптаны.

Войдя в зал, я замер, а потом украдкой оглянулся.

Дом точно мой, а зал нет. Не было у меня в доме столь помпезного помещения, задрапированного бархатом и ещё какой-то плотной тканью, с тяжёлыми занавесями на окнах, огромной люстрой и массивным столом с соответствующими ему стульями.

И ковров на полу не было, и… Да много чего.

– Как тебе? – прервала Дарья затянувшееся молчание.

– Нет слов, – честно ответил я, придержав впечатления при себе.

Скажем так, в халате, или в домашних шароварах со свитером, я бы себя в таком зале чувствовал неуютно. Помещение обязывает, знаете ли.

Зато Дашка, в лёгком бежевом платье, с ниткой жемчуга на шее и с небрежной, на первый взгляд причёской, в обстановку вписывалась, как родная.

К счастью, новшества на этом почти закончились. Это я к тому, что овсянки на завтрак не было. Строгая горничная, в накрахмаленном переднике и в длинной (В длинной! Чёрт бы её побрал!) чёрной юбке положила на тарелки вполне себе съедобную яичницу с помидорами, а до всего остального мы и сами дотянулись. Мясного ничего не было. Пост только к вечеру закончится. Кофе, впрочем, оказался так себе. И это примирило меня с действительностью, лишний раз подтвердив истину о том, что в мире нет совершенства.

На верфи поехал не переодеваясь, всё в том же костюме. Как-никак день сегодня воскресный и праздничный. Не то, чтобы церковь нынче довлеет над умами, но свою атмосферу торжественности и праздника она несёт, и народ с радостью откликается на нескучные церковные действа.

Наша машина остановилась на площади, упершись в столпотворение. Тут собралось около сотни народа, далеко не в праздничной одежде. Больше половины составляли бабы, все, как одна вооружённые метлами и швабрами. Народ расступился было, пропуская машину, но я велел водителю остановиться. Неужели и я бунта дождался?

– Привет народ, в честь чего собрались? – поинтересовался я, вылезая из автомобиля, – О, Семёныч, и ты тут, – увидел я хорошо мне знакомого мастера-инструментальщика, с которым мы не раз вместе работали на отладке магической оснастки.

– Так это, Олег Игоревич, прораба мы ждём. Он за ключами побёг, – по привычке обратился ко мне мастер без всякого чинопочитания. Некогда нам с ним было во время работы в сиятельств играть.

– Что, вот прямо все тут его и ждут? – не поверил я, и оглянувшись, увидел, как люди мне закивали.

– Строители-то ещё дней пять собираются бассейну построенную отмывать да мусор всякий вытаскивать. Вот и решили мы всем миром помочь. Больно уж детишкам невтерпёж. Все уши прожужжали, когда да когда, – поведал Семёныч.

– Эх, одежда у меня не подходящая, а то бы тоже пошёл помогать, – вздохнул я распахивая куртку и демонстрируя костюм.

Понятное дело, никуда идти я не собирался, но ведь прекрасно знаю, что к вечеру про эту мою фразу весь посёлок знать будет.

– Да вы уж лучше по делам своим езжайте, ваше Сиятельство. Ваши дела всяко поважнее будут, – подхватила мастера под локоть бойкая баба, в которой я признал новую заведующую прачечной, – А мы тут сами всё до блеска отмоем и отчистим. Можете не сомневаться.

В это время забренчали ключи и народ потянулся в раскрывшиеся двери только что отстроенного бассейна, а там и из прачечной шустрые молодки потащили вёдра с водой.

Да, вот такой странный деревенский бассейн у меня вырисовался, когда я при его проектировании решил с народом посоветоваться. В итоге с одной стороны к бассейну прачечную с чайной пристроили, а с другой баню с пивным залом. Приведёт семья детишек в воде порезвиться, баба бельишко в моечную машину засунет, да с подругами в чайную пойдёт, там вместо одной из стен окна сделаны, чтобы весь бассейн видно было. Опять же с другой стороны мужик на детишек смотрит, сдувая после парилки пену с пивной кружки. Архитектор наш, когда про такое непотребство услышал, чуть не позеленел весь, доказывая, что таких бассейнов не бывает. Это в городах не бывает, а нам, деревенским, оно самое то, что надо. И бабе облегчение со стиркой, и детишкам радость, и мужику отдых. Этакий малый семейный праздник. Опять же и узлы с бельём не одной тащить.

Ну, да ладно, раз у меня бунтом и не пахнет, то действительно, самое время делами заняться. Тем более обстоятельства так сложились, что пришлось некоторые сроки и планы срочно менять.

Ретрансляторную станцию, установленную на дирижабль, Степан давно надумал сделать. Оттого и людей себе особых подыскивал, в основном на радиоделе специализирующихся. А когда с деньгами полегчало, он и развернулся, как следует. Так-то мы в конце месяца задумали испытания проводить, чтобы ещё на земле не на раз успеть всю аппаратуру проверить, но жизнь внесла свои коррективы. Из-за бунтов, возникающих то тут, то там, по всей стране начала пропадать телефонная связь. Где столбы оказались повалены, где провода порваны, несколько городских станций так и вовсе бунтовщики разгромили, а уж сколько обесточили, и не сосчитать. Как по мне, так я бы далеко не все случаи на народный бунт списывал. Чувствуется в таких

действиях определённый умысел. Не на пользу Империи направленный.

Но как бы то ни было, а радиостанции пока работали исправно. И у армейцев, и в городских гарнизонах. Дальности зачастую не хватало, так для этого и нужен оказался ретранслятор. Зачем нам строить высоченную вышку, если мы дирижаблем можем такую станцию на километры вверх поднять и зону охвата раций в разы увеличить.

Изначально Степан планировал, что дирижабль-ретранслятор будет управляться с земли по радиосигналам, но с этой системой у них пока не сложилось. Короче, готов у нас оказался лишь сам ретранслятор, а управлять дирижаблем пока пилоты будут.

Аппаратуру в дирижабль монтировали всю ночь и сегодня у нас первые пробы нового изделия.

На лётное поле я приехал почти что вовремя. Дирижабль как раз прогревал двигатели. Ещё раз уточнил детали со Степаном. Он сегодня летит работать оператором при ретрансляторе. Я буду наблюдать за испытаниями с земли, находясь в наземной операторской.

– Там к тебе соседи всем семейством приехали. Я их в пока в гостинице разместил. Похоже, они у нас отсидеться решили, пока народ бунтует, – сказал мне Степан перед вылетом.

Дирижабль медленно поднялся над полем и замер на высоте метров в сто, распуская антенны. Фазированные решётки дальней связи ажурной паутиной разворачивались одна за другой. К счастью, все они раскрылись штатно, не потребовав аварийной посадки. Дирижабль продолжил набор высоты, а я поспешил в операторскую. Первые пробы мы начнём с высоты в пятьсот метров и затем продолжим их, каждый раз увеличивая высоту на эти же самые метры. Выше трёх километров сегодня подниматься не будем. К высотным полётам мы подготовиться не успели. Банально у нас не нашлось подходящих дополнительных баллонов большой ёмкости под кислород, и не осталось места для их монтажа. Всё свободное пространство гондолы заняли блоки ретранслятора и переплетения проводов. Потом мы всё скомпонуем, конечно же, но пока работаем с тем, что есть.

– На связи Рязанский гарнизон, – услышали мы голос Степана, спустя некоторое время, – Сообщите им наши частоты и организовывайте двухстороннюю дуплексную связь.

Один из операторов, нацепив гарнитуру, тут же забубнил в микрофон, начав передавать рязанскому радисту частоты ретранслятора.

– Слышу штаб Центрального округа, перевожу на вас.

– На связи Серпухов и Тула, работайте.

Вскоре все шесть операторов сыпали скороговорками, работая на полную.

Где-то уже взлетали дирижабли с десантом. Затем, получив приказ на вылет, выдвинулся артиллерийский дивизион тяжёлых дирижаблей. С высоты в два километра мы достали Питер, Минск, Воронеж и Новгород. Эфир трещал и сыпал искрами, а лампы в передатчиках раскалились добела. Но это было ничто по сравнению с бушевавшими в переговорах эмоциями.

– Слышу сигнал SOS. Его глушат. Я попытаюсь подхватить его направленной антенной, а вы отстраивайтесь от помех, – услышали мы голос Степана, когда его дирижабль поднялся на высоту в три километра.

– Всем, кто меня слышит. Нападение на резиденцию князей Рюминых. Жизнь наследников Императора в опасности. Требуется помощь. Мы сами долго не продержимся. Всем, кто меня слышит…

Рюмины… Алёна!

– Тревога! – заорал я в микрофон громкой связи со всей дури так, что меня наверное и без него половина посёлка услышала, – Всем пилотам, десятиминутная готовность. Экипажам «Сапсана» и «Кречета» подготовиться к вылету.

Глава 32

7 января 211 года от Начала. Четыре часа по полудни. Имение Великих князей Рюминых под Каширой.

Если ещё час назад майор Игнатьев только слегка нервничал, то сейчас он находился в состоянии, близком к панике.

Сколько сил и нервов им было потрачено, сколько связей подключено для того, чтобы возглавить охрану на предстоящем мероприятии, и когда он добился своего, мир вокруг начал рушиться.

Из того, что государь обязательно появится на праздновании совершеннолетия его племянника, секрета никто не делал. Где ещё, как не тут, у графа Игнатьева появится возможность показать себя, а то и удостоится монаршей похвалы, попавшись ему на глаза. Да и с племянником Императора нужно поближе сойтись. Опять же статус начальника охраны позволяет во время празднеств частенько находиться рядом с Императором. Понятно, что при государе его собственная охрана ещё будет, но наверняка и ему неподалёку от Императора всегда место найдётся. А уж сколько глаз будет внимательно наблюдать, кто ныне к государю в ближнее окружение допущен, не перечесть. Как ни крути, а порой удачная карьера из таких вот ключевых моментов складывается.

Казалось бы, что ещё нужно человеку, получившему должность начальника штаба гвардейского императорского полка?

Особых военных талантов граф Игнатьев за собой не отмечал. Гораздо лучше ему удавались разнообразные празднества и торжества, в организации которых ему не было равных. Впрочем и штаб полка при нём работал, как часы. За первый же год удалось Игнатьеву понемногу очистить свою структуру от бесполезных боярских сыночков, заменяя их отличными специалистами, которых он без всякого зазрения совести сманивал откуда только можно.

Понятное дело, что без помощи и связей своего близкого родственника, генерал-инспектора, командующего Петроградским военным округом ему бы такое не вдруг удалось. Так и должности своей сегодняшней, скажем прямо, не видать бы ему никогда без протекции своего заслуженного родственника. Крепко поспособствовал дядюшка, что и говорить, и как оказалось, не без дальнего умысла. Оттого и отнёсся граф к высказанному им пожеланию со всей серьёзностью, тем более

перспективы ему дядя обрисовал такие, что дух захватывало. Ни много ни мало, а стать гофмаршалом двора, сначала при одном из наследников Императора, а там чем чёрт не шутит… Обидно, конечно же, что гвардейский мундир придётся снимать, больно уж он к лицу пришёлся, но опять же, должность гофмаршала словно специально создана под его, Игнатьева, способности и таланты.

Кто же знал, что обычное светское мероприятие обернётся в настоящее сражение. А как всё хорошо начиналось…

С семейством Императора, а также с его племянником и племянницами, графу Игнатьеву уже доводилось сталкиваться. Ему нравились непоседливые сёстры, без особого труда управляющие своим братом. Впрочем, тот лишь делал вид, что их поручения и каверзы его всерьёз задевают, а на самом деле он охотно подыгрывал девушкам, зная, что в их действиях никогда не будет ничего такого, что нанесёт ему вред или заставит по настоящему на них обидеться. Случись что, обе сестрички тут же кинутся на его защиту, а любую неловкость всегда сгладят искренними извинениями и добрыми делами. Порой настолько добрыми, что хочется их попросить устроить ещё что-нибудь.

Импонировала графу и та простота, с которой сёстры общались с охраной и слугами. Никакого чванства и снисхождения до разговора с теми, кто стоит ниже тебя по социальной лестнице. Порой казалось, что они всего-то высказывают пожелания, которые выполнялись заметно лучше и быстрее, чем иные строгие приказы. А уж когда по дворцу рассыпался смех Алёны Рюминой, то от всего сердца улыбались даже самые угрюмые и чёрствые люди.

Прибыв вместе с племянником и племянницами Императора в имение Рюминых, Павел Георгиевич был приятно удивлён расторопностью местного управляющего, в считанные минуты расквартировавшим всех прибывших. Без малого сотня человек была им расселена без особой суеты. Стоит к такому специалисту присмотреться внимательнее. Крайне перспективный молодой человек, с редким талантом. Прежний управляющий, высокий худой старик, что запомнился графу по прошлогоднему визиту, и за час бы с расселением не управился, создав нервозную обстановку и путаницу.

Своими гостевыми покоями граф оказался доволен.

Не царские хоромы, понятное дело, но при ожидаемом наплыве большого количества высокородных гостей и такое размещение дорогого стоит. По крайней мере уже не стыдно будет баронессочку какую к себе на вечерний чай пригласить, если сложится. Предвкушая прибытие нескольких приятных

знакомых женского пола, граф уделил особое внимание качеству постельного белья и довольно потирая руки отправился принимать доклад начальника охраны имения.

Как не настраивал себя майор, пытаясь показаться строгим и въедливым служакой, придраться особенно ни к чему не удалось. Охрана имения Рюминых поставлена мастерски. Три круга мощнейшей магической защиты. Стальные колпаки для стрелков. Две системы сигнализации и вполне бравый вид самих охранников. К этому можно добавить мощные стены, сторожевых собак и то, что сам дворец также далеко не прост. Не очень-то по нему разгуляешься, если кто-нибудь из Рода Рюминых активирует его внутреннюю защиту.

Неприятности начались седьмого числа, после второго завтрака.

Взволнованный радист примчался с такой скоростью, что его даже охрана не успела остановить. Он пулей ворвался в обеденный зал, чуть было не снеся двери, распахнувшиеся разом на обе створки.

– Зимнюю резиденцию Императора атакуют превосходящие силы заговорщиков! В северном крыле Зимнего дворца замечен пожар! Движение по центру столицы перекрыто бунтовщиками, – буквально выкрикнул он последние новости, услышанные им по радио.

– Господа, я вынужден вас покинуть. Мне необходимо срочно связаться со штабом, – встал из-за стола Игнатьев и решительным шагом направился к ближайшему телефону.

С трудом дозвонившись до дежурного офицера, он попытался было выяснить обстановку, но никакой ясности не получил. Дежурный сразу в несколько телефонных трубок кричал одно и то же:

– Всех свободных пилотов направляйте к Зимнему!

Возвращаясь обратно, майор ещё раз обдумал услышанное. Похоже, что в имении Рюминых им ничего не угрожает. Здесь и своя охрана неплохая, и защитные артефакты солидные, кроме того, если он отпустит в столицу десяток приданных ему пилотов в МБК, то останутся ещё бойцы наземной службы, назвать которых новичками ни у кого язык не повернётся. Зато, не отправь он сейчас никого на помощь Императору, то рано или поздно такой факт ему припомнят. На карьере смело можно будет поставить крест и с позором выйти в отставку, и то, если позволят.

– Господа, я получил приказ отправить всех пилотов к Зимнему. Однако прошу никого не волноваться. У нас достаточно сил, чтобы вы могли чувствовать себя в безопасности, – доложил

он, вернувшись в зал.

То, что принятое им решение оказалось ошибочным, граф Игнатьев понял лишь через полчаса после вылета пилотов в столицу.

Сначала пропала телефонная связь, а буквально через несколько минут погас свет, горевший в зале из-за пасмурной зимней погоды.

Не успели ещё прочихаться аварийные генераторы, как в казарме охраны ухнул мощный взрыв и почти тут же из окон первого этажа казармы повалил густой дым.

– Пожар!

– На нас напали! Охрана обстреляна.

– Ощущаю магическую атаку!

Выкрики слились чуть ли не воедино, совпав с яркой вспышкой, заставившей майора отшатнуться от окна, куда он кинулся было, пытаясь разглядеть, что же происходит на улице.

– Константин Семёнович, что за магическая атака? – выделил майор последний выкрик, обращаясь к наставнику по магии, преподающего её присутствующей здесь молодёжи.

– Пока не слишком опасная, но решения крайне интересные, – ответил стоявший у окна наставник, не оборачиваясь к Игнатьеву, – Похоже, кто-то прощупывает линию защиты дворца и делает это очень умело. Кстати, и достаточно удачно. Думаю, не ошибусь, если скажу, что по большей части защитные контуры первого круга неисправны или отключены. Так что минут через пять наши гости эту защиту обойдут и начнут проламывать второй круг. Было бы совсем неплохо, если ваши гвардейцы постреляют в ту сторону. Полагаю, это нападающих отвлечёт и отобьёт желание подходить ближе. Командуйте, майор, а мы пока на балкон выйдем.

На улице майора ждали неутешительные новости. Половина охраны имения, собравшаяся на обед, была уничтожена взрывом, произошедшем в оружейной комнате казармы. Не лучше обстояло дело и с арсеналом дворца. Судя по тому, что уже в коридоре, ведущему ко входу в арсенал, было по пояс ледяной воды, то и сам арсенал скорее всего затоплен.

То, что внутри дворца имело место предательство, стало очевидным.

Добило майора известие о разгромленной дворцовой радиостанции и убитых там радистах.

Новый комендант со своими помощниками действительно оказался расторопным малым. Мало того, что сам он час назад уехал в город, так ещё и защиту дворца всерьёз подорвал. Словно в подтверждение этих мыслей снова замигал, а затем и вовсе

погас свет. Через пять минут Игнатьеву доложили, что баки с топливом пробиты в нескольких местах, а фильтры генераторов забиты песком.

Оставалось надеяться лишь на чудо и на слабенькую рацию в своей штабной машине. Впрочем, и эта надежда угасла после доклада радиста о том, что противник использует против них мощные армейские глушители.

Помощь не придёт.

Никто не узнает о нападении.

Вернувшись с улицы, граф отметил, что в зале осталась лишь прислуга и несколько пожилых дам. Пришлось подниматься на второй этаж и выходить на балкон.

– Граф, не подскажете, какой у вас ранг? – встретил его вопросом Константин Семёнович, наставник княжеской семьи по магии.

– Шестой, – машинально ответил майор, оглядывая присутствующих, выстроившихся на балконе в чёткие геометрические фигуры.

– Отлично, тогда помогите Антону подержать щиты. Вскоре мы освободимся и вас сменим. Просто положите ему руки на плечи, – мягко посоветовал он графу, который замешкался, не понимая, что от него требуется.

Из-за спины рослого княжича майору толком не удалось разглядеть, что именно сделал наставник, встав во главе первой группы Одарённых.

– Для несработанной звезды весьма неплохо получилось. Щиты мы с них сняли. Теперь главное – это не дать им уйти, – минуту спустя услышал Игнатьев бодрый голос Константина Семёновича, переходящего к следующей группе магов.

Теперь он смог видеть, как напряглись Одарённые, когда наставник отточенными движениями плёл сеть сложнейшего заклинания. До конца досмотреть не удалось. Внезапно граф почувствовал два тяжелейших удара и его сердце на какие-то секунды замерло. Тяжело завалившись на пол, Игнатьев с трудом заставил себя хватать ртом стылый зимний воздух.

– Отличненько. С этой группой нападающих мы справились. Граф, что с вами? – Константин Семёнович только сейчас обратил внимание на сидящего Игнатьева и подойдя к нему, заботливо подхватил графа под руку, заодно проверяя пульс, – Хм, батенька. Одного ранга мало. Тренировочки вам требуются. Всего-то две пули в ваш щит попали, а вы уже сомлели. Значит, каналы у вас ни к чёрту. Ну да ничего. Через минуту-другую замковые артефакты свои щиты восстановят и не будут пульки сюда долетать. Да и стрелять пока некому. А вы шли бы в зал,

голубчик. На диванчик прилегли, что ли. Винца красного полстаканчика выпили. Самое то в вашем состоянии.

Не сразу, но Игнатьеву удалось подняться на ноги и с чьей-то помощью он дошёл до двери. Придерживаясь за косяк, граф оглянулся.

Ещё недавно склон холма, на котором построен замок Рюминых, был искристо-белым и по нему змеилась такая же белая дорога. Зима нынче снежная выдалась, снега чуть не по пояс навалило. Зато теперь на двух широких проплешинах, шириной заметно больше футбольного поля, белого цвета вообще не было. Серая, местами чёрная земля казалась обугленной, и это сходство ещё больше усиливали клубы дыма и пара, поднимавшиеся над тем, что не так давно было группой людей и парой бронированных машин, выехавших на дорогу, чтобы поддержать магов пулемётным огнём.

– А вот это уже серьёзно, – успел услышать Игнатьев погрустневший голос Константина Семёновича, прежде, чем захлопнувшаяся дверь балкона оборвала для него звуки с улицы.

Старейший архимаг Империи был мрачен. Вся эта затея с заговором и сменой Императора ему решительно не нравилась с самого начала. За свои сто восемьдесят лет жизни Савва Савельевич привык держаться в стороне от политики, насколько это было возможно, но в этот раз не сдержался. Слишком велико было искушение. Согласитесь, не каждый день могущественному магу, у которого магия Крови развита ничуть не хуже, чем магия Огня, предлагают полную безнаказанность за проведение опытов над людьми и в качестве бонуса прилагают пару-тройку особей императорской крови. Той самой, которой приписывается легендарная возможность бессмертия. Проверить легенду пока невозможно. Своей смертью ещё никто из носителей этой крови не умер. Что особенно заманчиво, так это то, что две особи будут женского пола и обе они достаточно молоды. Несколько младенцев от разных партнёров, а там можно будет с уверенностью выделить из их крови экстракт для продления жизни. По сравнению с таким открытием, способным стать поворотным моментом в истории развития человечества, всё остальное – ничтожный тлен. Власть, деньги, замки, жизни и судьбы жалких людишек, считающих себя мудрыми правителями – это абсолютная чушь, ничто. Все властители на коленях будут приползать к нему за очередной порцией жизни, выполняя любые прихоти величайшего мага в истории этого мира.

Началось всё неплохо. Поднявшись на пригорок, находившийся шагах в двухстах от атакующих, Савва Савельевич наблюдал, как две звезды магов и несколько его учеников-

одиночек начали проламывать защиту замка с юга. Он знал, что вторая группа магов в это время уже перекрыла дорогу с севера, больше выполняя функции заслона, а заодно и помогая основной группе разряжать систему защиты княжеского имения. В качестве обычной огневой поддержки с их стороны с ними был батальон конвойных войск, два взвода стрелков-пехотинцев и три сотни боярских дружинников. Остальные вояки, участвующие в операции, разместились километрах в пяти по обе стороны от замка, заминировав пути возможного подхода подкреплений к осаждённым и перекрыв полотно дороги бетонными блоками.

Взрыв, прозвучавший в имении Рюминых, оповестил нападающих о начале штурма. Часть артефактов наружной линии к тому времени уже была выведена из строя людьми коменданта, и атакующие звёзды, найдя прорехи в обороне, споро добивали остатки защиты внешнего круга, расширяя брешь и обеспечивая себе безопасный подход к укреплениям второго круга.

Ослепительный купол, накрывший часть склона холма, оказался нестерпимо ярок и скрыл под собой атакующие звёзды магов.

– О-о, что это? – охнул за спиной архимага неприметный типчик с незапоминающимся лицом. Неделю назад его прислал заказчик для решения вопросов по координации, и теперь этот человек хвостиком таскался за магом, куда бы тот не пошёл.

– Испепеляющий Огневорот, – чуть слышно прошипел архимаг, поворачиваясь к сопровождающему и отводя глаза от ослепительного пламени, – Почему меня не предупредили, что в замке есть боевая звезда или сильный маг?

Под сильным магом Савва Савельевич понимал внерангового мага, перешагнувшего десятый уровень по имперской классификации. Так уж сложилось, что истинные мастера магии плевать хотели на уровни, прекрасно сознавая, что не Силой единой определяется их мощь. Слишком велик перечень условностей, позволяющих архимагам, как в конце концов стали называть всех магов, превысивших резерв в тысячу единиц, чтобы одно и то же базовое заклинание у них действовало далеко не одинаково. Взять тот же Огневорот. В каноническом виде это комбинация магии Огня и Света, где Огню отводится восемьдесят процентов прилагаемой Силы. Однако любой архимаг использует свой личный Огневорот, словно опытный повар добавляя в него те ингредиенты, которые больше всего соответствуют его способностям и владению стихиями. Маги Воздуха охотно пожертвуют частью Света, добавив в заклинание менее затратную для них воздушную составляющую, и получат на выходе дополнительное усиление в виде огненного тумана, а те, у кого

больше выражена способность к магии Земли, так ещё и процент магии Огня снизят в пользу магии Земли, превращая Огневорот в извержение вулкана с потоками лавы. В итоге обычный Огневорот в исполнении архимага при меньшем расходе Силы становится в разы более убийственным.

– Нет там магов выше обычных уровней. У меня есть поимённый перечень всех Одарённых, находящихся в замке, – координатор вытащил из внутреннего кармана несколько листков, и найдя нужный, раскрыл его, словно предлагая Савве Савельичу ознакомиться.

– Магу десятого уровня на Огневорот силёнок не хватит, – произнёс архимаг, пристально глядя туда, где ещё несколько секунд назад бушевало пламя. Глаза уже отошли от вспышки, но пар и пыль, поднявшиеся на месте огненного купола пока ничего не позволяли рассмотреть, – Но кто-то же эту технику выполнил.

– Может быть Шабалин? – неуверенно предположил координатор.

– Какой из них? Уж не Костик ли?

– Шабалин Константин Семёнович, наставник Рода Рюминых по магии, – сверился со списком координатор.

– Упорный молодой человек, – уважительно кивнул головой Савва Савельевич, – Лет пять назад его на Совете высмеяли, когда он предложил вносить в заклинания структурированные составляющие. С его слов выходило, будто тогда можно будет не мудрствовать при составлении боевой звезды, а просто использовать остальных Одарённых, как заёмный источник Силы.

Если координатор и хотел заметить, что Шабалину уже далеко за пятьдесят, и молодым он может считаться лишь в сравнении с Саввой Савельичем, то он не успел этого сделать. Пыль и пар снесло сильным порывом ветра, и они оба увидели, как с земли начали неуверенно подниматься маги, раскиданные в разные стороны прилетевшим из замка заклинанием.

– Смотри-ка ты, выжили, – недоверчиво пробормотал координатор, глядя на поднимающихся людей и две дымящиеся бронемашины в облупившейся краске, сильно чадящие оставшимися от колёс лохмотьями резины.

Впрочем, радоваться пришлось не долго. Второй огненный купол накрыл начавших было собираться вместе магов, поставив точку на их существовании.

– И что теперь… – нерешительно произнёс координатор, не выдержав затянувшегося молчания.

С их пригорка было хорошо видно, что в этот раз уже никто с земли не поднимется. От людей остались кучки пепла, которые набегающий порывами ветер раз за разом разносил всё дальше по

полю.

– Теперь мои услуги стали для вас стоить намного дороже, – сквозь зубы процедил Савва Савельевич, – И я говорю не про деньги.

Он раскинул руки и медленно поплыл над землёй, направляясь к останкам своих учеников. Координатор бросился было следом за ним, но стоило ему спуститься с обдуваемого всеми ветрами пригорка на поле, как он попал в снежный нанос, и проваливаясь с каждым шагом всё глубже и глубже, беспомощно забарахтался в снегу, увязнув по грудь.

Недобитые учениками сооружения архимаг снёс одним небрежным взмахом руки, не прекращая полёт. Щитов на них уже не было, да и сами башенки после атаки магов держались на честном слове.

Вторая линия обороны замка выглядела намного серьёзнее. В отличии от изящных башенок наружной обороны сооружения второй линии больше походили на редуты, пусть и изрядно уменьшенные, но оттого не менее грозные. Приземистый монолитный квадрат редута был до самого верха прикрыт земляным валом и очерчен глубоким рвом шириной в шесть-семь метров. Словом, всё было сделано для того, чтобы доставить как можно больше неудобств магу любой стихии. Магам Земли здесь мешает вода, а всем остальным земляной вал и многометровые стены сооружения.

Учитывая, что щиты редута могут быстро восстанавливаться от замковых накопителей, а сам редут вовсе не безобиден и установленные в нём артефакты способны очень серьёзно огрызаться, то задача перед недавно сгоревшими звёздами магов получалась непростая. В конце концов они бы с ней безусловно справились, перегружая щиты и не давая им восстановиться, но повозились бы изрядно. Однако, не судьба. Наткнулись на неучтённый фактор. Что и говорить, преподнёс Шабалин сюрприз своими новшествами, да такой, что все ранее составленные планы перечеркнул.

За свою долгую жизнь Савве Савельевичу довелось столкнуться с десятками, а то и сотнями видов защиты. Редут его нисколько не испугал, он всего лишь вызвал у архимага недовольство и раздражение от предстоящей скучной рутины.

Определив на глаз безопасное расстояние, на котором его ещё не будут доставать атаки артефактов редута, Савва Савельевич кинул в редут несколько простеньких заклинаний, чтобы оценить скорость восстановления щитов. Правильно выбранный темп в деле разрушения много значит. Можно быстро выложиться в затратные мощные заклинания и потом терять

время, восстанавливая резерв Силы, можно нудьговать часами, выбирая самые экономичные из них и понимая, что ты ничего толком не разрушаешь, а всего лишь соревнуешься с замковыми накопителями в скорости восстановления резерва. Опытного же мага отличает рациональность. Максимум результата при минимуме расходования Силы. Этому правилу он учил своих учеников всю жизнь.

Ученики, его ученики…

Не давая вспыхнуть злобе, Савва Савельевич привычно определил цепочки необходимых заклинаний и остался недоволен. Прилично потратиться придётся. Чуть не в половину резерва ему эта бородавка княжеская встанет, будь она не ладна.

Впрочем, на действия мага его размышления никак не повлияли. Определив шаблон требуемых цепочек заклинаний он размышлял, не отвлекаясь от будничной работы. С рук сами собой слетали годами отработанные заклинания, складываясь в навсегда заученные последовательности.

Неладное Савва Савельевич почувствовал не сразу. По его расчётам он уже давно должен был обнулить щиты сооружения и вовсю ковырять редут, а у него на крыше до сих пор снег виднеется. Приглядевшись, архимаг заметил, как несколько заклинаний подряд прошли мимо цели. Мог бы и раньше сообразить, что лёд вокруг редута не просто так разбросан. Порой творимые им заклинания словно скатываются в ров, выкидывая оттуда тяжёлые массивные льдины и тонны воды, перемешанной с илом.

Подосадовав на собственную невнимательность, Савва Савельевич усмехнулся. Давно ему не встречался противник, начавший хитрить. Обычно, он не давал соперникам времени на хитрости. Ничего нового, собственно. Наклонный щит. Одно дело принимать удары прямо на щит, и совсем другое, если их парировать, отводя в сторону. Силы на порядок меньше тратится и удар слабее чувствуется. Довольно действенно, но не против мага с его опытом.

Следующий удар архимага был комбинированный. Стена огня на несколько секунд облепила щит, скрыв сам редут из глаз, а затем в огненной завесе с оглушительным треском взорвался целый рой Воздушных Кулаков. Повторив такую комбинацию несколько раз подряд Савва Савельевич с удовлетворением заметил, как уменьшилось на балконе замка количество обороняющихся. Точное количество магов на таком расстоянии определить было трудно, но проредил он их строй знатно. Больше половины из них, словно сбитые кегли, сейчас свалились без сознания от полученных оглушений, а кроме того они ещё и

окажутся высосаны под ноль постоянным горением огня на поддерживаемых ими щитах.

Хитрить тоже надо уметь и ещё нужно знать, с кем это можно делать, а с кем не стоит.

А теперь пора. К редуту, одна за другой, устремились две рукотворные кометы и земля содрогнулась от взрывов.

Редут пал, но Савва Савельевич не стал спешить. Вполне возможно, что глубоко под землёй, в остатках бетонного фундамента уцелели какие-нибудь пакостные артефакты, поджидающие неосторожную жертву. Да и запас Силы неплохо бы восстановить. Даже у архимагов он не безграничен, а потратиться ему пришлось не на шутку.

Опустевший балкон замка вызвал у Саввы Савельевича лишь лёгкую недобрую ухмылку. Не пристало ему гордиться победой над неумехами, вообразившими себя магами. Их, Истинных, мало. И кому, как не им решать, кто из обычных людишек, считающих себя Одарёнными, достоин жизни, а кто нет.

Чуть больше трёх минут покоя. Столько времени ему потребуется, чтобы перекачать Силу из массивного тяжёлого накопителя, притороченного вместо пряжки к широкому поясному ремню. Накинув на себя самый мощный щит из всего своего богатого арсенала, архимаг принял бирманскую позу для медитации и занялся пополнением резерва. Со стороны он смотрелся крайне футуристично. Человек, сидящий в паре метров от земли сам по себе необычен, так ещё и ветер, играя полами растёгнутой собольей шубы, подчёркивал нереальность происходящего.

К имению Рюминых я летел на «Кречете». «Сапсан» у меня насквозь гражданский дирижабль, а в конструкцию «Кречета» мы внесли изменения, к сожалению, не лучшим образом сказавшиеся на его скорости. Кроме более мощных щитов и более совершенной рации, созданной благодаря стараниям Степана и его группы радиоинженеров, «Кречет» получил вооружение. В нижнюю часть гондолы была врезана дополнительная полусфера, из которой торчали стволы спаренной автоматической пушки, а по бокам появились дополнительные подкрылки, на каждом из которых разместилось по паре полутораметровых стволов пневматических метателей. Решение с пневматикой получило право на жизнь после долгих споров. Нестандартное решение имело много плюсов, в конце концов перевесивших основной минус – свою невысокую дальность. Главным аргументом послужило то, что никаких ограничений по пневматике в Империи не существует, в отличии от огнестрельного оружия. Да

и не разместить артиллерийский ствол калибром в сто пятьдесят миллиметров на маленьком дирижабле, в отличии от лёгкой тонкостенной трубы метателя. Зато сжатого воздуха у нас сколько хочешь. Все дирижабли его используют, чтобы баллонетами с воздухом регулировать объём гелия.

От пороха я отказался ещё и потому, что не было времени на полноценные испытания моих снарядов. Кто его знает, как поведут себя сложные многоконтурные накопители, размещённые в снаряде, при взрыве пороха. В отличии от пуль, которые мы сделали для пилотов, снаряды изготовлены в лёгком сминаемом корпусе и при одной только мысли о том, что они могут рвануть прямо в стволе, у меня тут же появляется целое стадо мурашек, галопом проносящихся по спине.

Снаряды получились мощные. Если рассказывать коротко, то в каждом снаряде расположены два кристалла с обвязкой и сумматор. Так пришлось сделать, чтобы разместить их в вытянутое тело снаряда, поставив накопители один за другим. Испытание я провёл пока только с двумя снарядами, выпустив их в замёрзшую Оку с километровой высоты. Ахнуло так знатно, что я вслух пообещал никогда не стрелять, если высота не будет хотя бы в полкилометра. Метатели пристреливал макетами снарядов. Основной недостаток метателей, это малый угол прицеливания. Свободного хода у стволов явно не хватает, но и времени на их переделку у меня пока что не нашлось.

За время полёта я выяснил, что всё идёт к тому, что у княжеского замка мы окажемся раньше всех. Нам, напрямую ближе, чем вызванной подмоге, которая выдвинется из Тулы и Подольска, а с учётом нашей скорости, так мы и вовсе существенно опередим военных, выехавших на помощь Рюминым.

Связь с княжеским имением, правда далеко не лучшего качества, удалось установить только тогда, когда до него оставалось лететь пять-шесть минут. К счастью радист умудрился вызвать к микрофону капитана, командовавшего стрелками, и офицер, сквозь шумы и помехи попытался обрисовать мне сложившуюся у них обстановку. Слышал я его через слово, а иногда его голос и вовсе пропадал, заглушаемый завываниями и треском, но кое-что всё-таки понял.

Возникший у меня план был прост и прямолинеен, как оглобля.

Я на «Кречете», вместе с дюжиной пилотов, пробую на малой высоте незаметно подобраться к тем, кто атакует замок с юга. Овраги, холмы и складки местности нам в помощь. Пилоты МБК проходят над магами первой волной и обстреляв их, улетают дальше, к месту стоянки военной колонны, а я попытаюсь вывести

из строя магов, используя свои снаряды. Под поднятый нами шум, «Сапсан» должен будет прорваться к замку и принять на борт родственников Императора. Если нам удастся их вывезти, то дальнейший штурм имения потеряет смысл. Ну, не грабить же княжеский замок собрались атакующие. Существуют гораздо более простые способы самоубийства.

Все планы хороши лишь на момент их создания. Стоит им столкнуться с необычностями, и всё летит в тартарары.

Когда мы подлетели и прошли лощиной почти до самого склона холма, на котором возвышался замок Рюминых, то нападающих я не увидел. Пилоты обстреляли одинокого старика, висевшего в воздухе недалеко от сгоревших бронемашин, и умчались дальше, к замершей в полукилометре от нас военной колонне. Там им найдётся гораздо больше целей. А я закрутил головой, пытаясь найти атакующих. Вот ни на миг мне не верилось, что вся магическая атака с юга, о которой сквозь шумы и треск говорил офицер по рации, дело рук одного мага. Это промедление и стало ошибкой. Нет, очередь в одинокого старика я выпустил не слабую, и даже не сомневался, что попаданий было больше, чем достаточно, но добился этим только того, что он на нас обратил внимание. Резко поднявшись на ноги, старик воздел вверх руки, отчего на нём широко распахнулась шуба и у него на груди я увидел не ярко блеснувшую рубиновую звезду, висевшую на толстой цепи.

Архимаг!

И мы летим прямо на него.

Уже понимая, что через секунду-другую старик превратит наш дирижабль в пылающую мешанину тел и оплавленного металла, я нажал гашетки метателей.

Никогда ещё мне не удавалось так быстро кастовать Щит. Силу в плетение подал за миг до первой, ослепившей меня вспышки.

– «Всё-таки успел», – подумал я и потерял сознание.

Глава 33

Родовая усадьба Надеждино Сердобского уезда Пензенской губернии. 10 января 211 года от Начала.

Князя Алексея Борисовича Куракина, не без основания считающего себя неплохим знатоком истории, ещё во время его службы генерал-прокурором всегда бесила двойственность дат. Все бумаги, поступающие в прокуратуру, датировались летоисчислением от Начала, как был назван первый мирный год после мировой войны, уничтожившей миллиарды людей, а бумаги, исходящие из его ведомства и направляющиеся на высочайшее имя полагалось подавать от официальной даты основания Империи. В результате целый отдел пришлось создавать, чтобы составлять экстракты многотомных судебных дел с изменением в них дат. Такое же неудобство было у официальных органов информации, в имперских службах и в армии.

Привычно поморщившись на услышанное в новостях официальное летоисчисление, Алексей Борисович убрал громкость радиоприёмника. Отсутствие знаковых событий обескураживало. По его расчётам заговор должен был вступить в решающую фазу ещё два-три дня назад, но известие о смерти Императора и его наследников до сих пор никто не озвучил.

Расстояние в семьсот километров, а именно на таком удалении от столицы расположена родовая усадьба Куракиных, сыграло свою злую шутку. В самый неподходящий момент князь оказался в информационном вакууме. Разом замолчали телефоны, коротковолновые рации оказались не в силах пробиться через помехи станций глушения, которые активно и повсеместно использовали заговорщики. Дороги оказались так часто перекрыты, где пикетами бунтовщиков, а где и имперскими подразделениями, что напоминали слоёный пирог. В довершение всех бед намертво замерли на станциях пассажирские поезда. Приходилось довольствоваться редкими информационными сообщениями государственной радиостанции, работающей на длинных волнах и который день часами подряд передающей концерты классической музыки.

Об истинной роли князя Куракина в заговоре знают всего лишь три человека, и то, каждый из них знает не больше того, что ему положено. Если всё задуманное закончится удачно, то из всей этой троицы в живых останется лишь один – его друг и соратник граф Киселёв.

Исчезнет нефтяной магнат, возжелавший получить в свои руки рычаги власти и внёсший за это огромные суммы. Нет бы ему аппетиты поумерить и всего лишь попросить ещё больше денег и льгот.

Погибнет старый архимаг, запросивший за свои услуги ни много ни мало, а сразу троих наследников Императора. Старый дурак, похоже, так и не понял, что никого из них ни в коем случае нельзя оставить в живых. Даже в качестве объекта для опытов.

Князь Куракин должен взойти на престол спасителем Отечества, а не руководителем заговора. А заговорщики… Ну, с ними будет особый разговор. Кто-то же должен заплатить родственникам князя и дружественным ему Кланам. Те же Багратионы и Апраксины немало стараний и средств в подготовку вложили. В нужный момент, когда силы имперских служб и противостоящих им заговорщиков начнут иссякать, а армейские части застрянут посреди страны, в дело вступят два наиболее военизированных Клана Империи. Показательно жестоко они расправятся с бунтовщиками в столице и в Питере, украсив фонари на набережных десятками повешенных. Демонстрация силы необходима. Глядишь, остатки имперских служб уши прижмут, да и окраины поутихнут, почувствовав крепкую руку новой власти. А кто по хорошему не поймёт, на тех всегда папочка с компроматом найдётся. Много их собрано руководимым им ведомством за долгие годы прокурорской деятельности, и хранятся они крайне надёжно.

* * *

Очнулся я в дирижабле. Знакомый гул, характерные силуэты иллюминаторов, едва просматривающиеся в полутьме салона и до боли родная обстановка. «Сапсан». Заметив, что я зашевелился, с одного из кресел поднялась девушка, и сбросив с плеч плед, подошла ко мне.

– Граф, я бы советовала вам пока не вставать, – чуть слышно сказала она и взяла меня за руку, начав щупать пульс.

Великая княжна Ирина Рюмина. Уставшая, и выглядящая не слишком свежо.

– У меня что-то повреждено? – спросил я у неё, потому что никаких болевых ощущений не чувствовал. Так, лёгкая слабость и головокружение, да и всё, пожалуй.

– Возможно сотрясение мозга. Дирижабль, на котором вы летели, рухнул на землю, – с лёгкой заминкой сказала Ирина, отводя в сторону глаза.

– Пилоты живы? – заметил я её неуверенность и замешательство.

– Да, оба живы. Лёгкие повреждения я им залечила и они выразили желание остаться защищать дворец.

– Отлично. Не подскажете, кто с нами летит и почему погашен свет в салоне? – задал я вопрос, пытаясь взглядом найти Алёну среди закутанных в пледы силуэтов.

– Я, Алёна, Антон, – княжна начала перечислять пассажиров, видимо по привычке начав с титулованных особ, – Граф Игнатьев, боярин Шабалин и архимаг Медведев Савва Савельевич. А свет выключили оттого, что за нами кинулись было чужие пилоты, но ваши парни сумели их всех связать боем.

Я чуть было не присвистнул, с трудом сдержав себя в последний момент.

– У вас во дворце был архимаг, и вы не смогли защититься? – не поверил я княжне.

В Академии мы несколько раз разбирали схемы военных действий с участием магов. Меня особенно сильно впечатлила старая чёрно-белая фотография, сделанная после одного из таких боёв. Бескрайнее поле было изрыто ещё дымящимися воронками так далеко, насколько хватало разрешения камеры. Со слов преподавателя один из наших, русских архимагов, полностью выложился тогда в одно-единственное заклинание Метеоритного Дождя, предотвратив атаку двух венгерских полков. Две минуты огненного ада и сотни обрушенных с неба огненных шаров. Больше тысячи убитых и раненых.

– Медведев и осуществлял атаку на наш дворец, – недобро прищурилась Ирина.

– О как! И тем не менее вы решили прихватить его с собой? Кому, интересно, пришла в голову эта замечательная идея? – спросил я, начав подниматься с дивана. От такого опасного попутчика стоит избавиться как можно быстрее. Что я и собирался сделать прямо сейчас и при этом меня совсем не волнует, на какой высоте мы летим. Чем выше, тем лучше.

– Успокойтесь, граф, – мягко остановила меня княжна, придержав за плечо, когда я заворочался, пытаясь подняться, – Я всё-таки неплохой целитель и с уверенностью могу сказать, что усыпила его не меньше, чем на шесть часов. Кроме того, мы вместе с наставником дважды провели обследование Медведева и сошлись на мнении, что вы выжгли ему Дар.

– Я?! – упав обратно на подушку, я сообразил, что опасности никакой нет и можно спокойно удивляться. К тому же, голова всё ещё кружиться, а хоровод звёздочек и искорок так и летает вокруг меня.

– А кто же ещё. Когда ваши гвардейцы всех с того поля притащили, то рассказали, что рядом с обломками вашего дирижабля никого больше не было. Нашёлся там, правда, ещё один любопытный человечек, но к счастью для вас всех он был далеко.

– Они не гвардейцы, – машинально поправил я княжну. Почему-то сейчас мне показалось важным это уточнение. Сказались понятия, вбитые в Академии. Лётный гвардейский полк один на всю Империю и командует им Император, – Вы сказали, что они были атакованы другими пилотами.

– Считаете, что девушка не в состоянии отличить гвардейские МБК от армейских «горбатых»? Напрасно, граф. Тем более эти новые страшилища, – обиделась княжна. Даже руками всплеснула, – Подробно я сам бой рассмотреть не смогла, но со слов пилотов вашего дирижабля количество летунов с обеих сторон оказалось примерно равное.

Хм, я мог бы и сам сообразить, что Ирина частенько видит тренировки гвардейцев и их МБК опознает легко. Госпиталь, как-никак, прямо в расположении полка находится, да и дядя её сам большой любитель полетать. А то, что она мои… э-э, ну, будем считать что мои, раз уж мне их авторство приписывают, новые МБК назвала страшилищами, так это дело понятное. Так-то мы немного в габаритах новым МБК добавили, а со стороны смотрятся они совсем по другому. Более устрашающе, что ли, чем старые образцы.

Ещё в те времена, когда мне пришлось выбирать автомобиль, я обратил внимание, как странно мы порой воспринимаем размеры. Вроде бы, вот стоят рядом две почти одинаковых автомашины. Одна из них всего-то на полметра длиннее другой и на каких-то пять-шесть сантиметров шире, но мы без всякого сомнения относим её к представительскому классу, а на ту, что чуть поменьше, смотрим без особого уважения. Так же и с МБК. Незначительное увеличение габаритов, а результат тут же бросается в глаза.

– Тогда даже не смешно. Мои пилоты разделают армейцев быстро и качественно, – успокоился я, и на всякий случай попробовал пошевелить руками и ногами. К счастью, всё оказалось на месте. Признаться, что-то я не совсем понимаю, отчего княжна на меня порой словно с жалостью какой посматривает и суетится явно излишне. Я жив-здоров, может головой сильно ударился, но это же пройдёт. С чего вдруг забота такая с её стороны?

– Ваши? Разве это не гвардейцы были?

– Бывшие гвардейцы, – кивнул я головой, вроде бы и

соглашаясь, но при этом обращая внимание княжны на весьма немаловажный момент, – Сейчас они служат мне. Помните аукцион, на котором мы с вами познакомились. На нём вы могли видеть двух моих пилотов.

Судя по выражению лица Ирины, никого она тогда не запомнила. Угу, попробуй тут запомнить, когда Феликс Юсупов вокруг тебя круги нарезает и ни на минуту не оставляет в покое.

А мне головой лишний раз шевелить противопоказано. Стоило только что чуть-чуть кивнуть и боль такая накатила, что слезу выдавило.

– Кстати, а почему все спят? – стараясь не шевелить лишний раз головой, скосил я взгляд на полутёмный салон.

Как бы тихо мы не говорили, но наверняка уже должны были разбудить хотя бы одного-двух спящих.

– Я всех усыпила, – пожала Ирина плечами, – У них полное магическое истощение и лучше сна для них сейчас ничего не придумаешь. А меня Константин Семёнович к защите дворца не допустил. Сказал, что целитель нам всем пригодится с нерастраченной Силой. Не понимаю, чем бы я смогла помочь, если бы вы вовремя не подоспели. Да и вам тоже сон на пользу пойдёт, – княжна положила мне на лоб узкую, тёплую ладонь.

– Да я только что спал, – успел я возмущённо вякнуть, проваливаясь в сон.

Разбудили меня под знакомый рокот маневровых двигателей. Их звук сразу можно узнать. В отличии от солидного гула ходовых движков, маневровые тарахтят, и делают это задорно и звонко.

– Долго я спал? – спросил я Ирину, наблюдавшую за моим пробуждением.

– Около часа, – ответила она, взглянув на настенные часы в салоне.

Встречный ветер. Когда мы мчались на помощь, он сильно помогал дирижаблю, дуя в попутном направлении. Так что ничего удивительного, что обратный путь у нас занял больше времени.

К счастью, в связи с моим болезненным состоянием, меня освободили от хлопот по размещению гостей.

Дома меня уже дожидалась Джуна, которая сначала обследовала меня наскоро, а потом более тщательно, огорчённо цокая языком, порой скорбно поджимая губы и качая головой. Закончилось всё очень знакомо. Она положила мне руку на лоб, и я почувствовал, что засыпаю. Нет, я всё понимаю… Зима, морозы, но и я не медведь, чтобы всё время спать.

Проснулся затемно. Оглядевшись, понял, что спать меня положили в комнате отдыха, примыкающей к моему кабинету.

По привычке, попытался зажечь Светлячок, но ничего не вышло. Вторая попытка тоже оказалась безрезультатной. Магия не отзывалась, словно её в природе никогда не существовало.

Хм, тревожный звоночек.

Я на ощупь пробрался к выключателю и поморщившись от света вспыхнувших ламп, перешёл в кабинет.

Долгие четверть часа я изощрялся, пытаясь достучаться до проявления магических способностей, но не преуспел ни разу. С высокой степенью вероятности можно предположить, что у меня выгорел резерв Силы. Хотя, что я сам себя обманываю. Он действительно выгорел, и это факт.

Итак, что я имею. На первый взгляд всё крайне печально. Скорее всего я выжег резерв Силы, нарвавшись на разрывы собственных снарядов. Они у меня двойного предназначения. Магию и магов уничтожают ничуть не хуже, чем неодарённых. Это наиболее правдоподобное объяснение случившегося. Конечно, можно польстить себе и в качестве альтернативы предположить, что я выжег резерв, приняв на свой Щит удар архимага, но это вряд ли. Упали мы на поле, чуть ли не на голову этому гадскому магу. Скорее всего монстр магии не успел сформировать и направить на нас своё заклинание. Иначе, даже если бы я его удар принял на свой Щит, который у меня далеко не прост, то нас как минимум отбросило бы к замку, и вероятнее всего, по частям. По крайней мере всё, что я не успел тогда прикрыть своим Щитом, искали бы очень долго.

Теперь мне стали понятны жалостливые взгляды обеих целительниц во время проводимых ими осмотров. Они поняли, что я выгорел.

И это вторая плохая новость.

В молчание Джуны я верю. Не в её интересах делиться с кем-то новостью о том, что Глава Рода, в который она вместе с мужем не так давно вошла новой Семьёй, потерял Дар.

А вот с княжной Рюминой…

Впрочем, тут тоже рано паниковать. Для начала, как ни крути, а я их спас. Не ответит же она мне, своему спасителю, чёрной неблагодарностью.

Опять же медицина – это далеко не математика. В ней нередко появляются неоднозначные ответы. Мало ли случаев, когда выживал смертельно больной человек, или наоборот, умирал абсолютно здоровый. Так что мне стоит подумать над тем, что может заставить усомниться княжну в первоначально поставленном диагнозе.

В Империи до сих пор существуют неписанные традиции, никоим образом официальным законом не подтверждённые. Одна

из них касается Глав Рода или Клана. Они в обязательном порядке должны быть Одарёнными, а случись потерять Дар, то должны передать главенство Одарённому наследнику. Корни традиции уходят в те времена, когда магия только зарождалась, и многие вопросы решались посредством магических поединков.

Как ни странно, но почитателей и ревнителей старых традиций в Империи до сих пор хватает. Особенно среди старших поколений. Так что Глава Рода, потерявший Дар и не пожелавший передать власть наследнику, спокойно проживёт не слишком долго. При первой же возможности ему прилюдно нанесут оскорбление и вынудят к дуэли. Вряд ли стоит объяснять, что в качестве оружия вызываемый выберет магию. По тем же традициям, на первой дуэли нарушителя устоев убивать не принято. Зато можно увечить, сколько душе угодно. А если он будет упорствовать и дальше, то вторую дуэль ему не пережить.

Бездумно качаясь на кресле, я пытался осознать случившееся и привыкнуть к своему новому состоянию. Как ни странно, но раскачивание меня успокаивало, зато появился новый раздражитель. Передо мной на столе стоял изящный серебряный поднос, недавно купленный Дарьей. На нём было всё необходимое: турка, графин с водой, керамическая банка с молотыми зёрнами и четыре шикарных чашки из тонкого фарфора.

Беда бедой, но кофе оттого мне хотелось не меньше, чем всегда. Небезопасное это дело, скажу вам по секрету – вставать по утрам между мной и чашкой кофе. Ещё вчера вопрос с приготовлением кофе решался до смешного просто. Магия отлично кипятила воду, а потом давала возможность мягко и нежно поднять пенку до самых краёв турки. Теперь магия со мной сыграла злую шутку.

Впрочем, когда дело доходит до кофе, особенно если я спросонья, меня перестают волновать не только капризы природы, но и всякой разной магии.

Злорадно ухмыльнувшись, я полез в нижний ящик стола. Гипнотизируя глазами поднос, я на ощупь нашёл накопитель, выполненный в виде гранаты-«лимонки». Притащил же я его не так давно для экспериментов, да так и оставил в столе. Зато теперь он оказался как нельзя кстати.

Вскоре кофе был готов. Дуя и обжигаясь, я сделал первые, самые сладкие глоточки.

Понемногу начал оживать.

Затем и соображалка заработала, благостно откликнувшись на привычный утренний допинг.

Угрюмое настроение начало отступать, и мысли приняли

иное, гораздо более приятное направление.

Если на произошедшее посмотреть с другой стороны, то не всё так плохо. Похоже, что Фортуна в очередной раз удостоила меня вниманием, выписав мне очередной пендаль за мою собственную нерешительность.

Опять приходится менять планы. Всё, что вчера казалось важным, перечёркнуто новой напастью. Зато на первый план вышли дела, ранее отложенные до лучших времён.

Степана я вызвонил после третьей чашки кофе. Новый план у меня был вчерне готов и требовал окончательной отшлифовки.

Помощь друга пришлась к месту. Вдвоём мы украсили план более подробными деталями и, с подачи Степана, в него добавлены были крайне перспективные моменты.

Не прошло и получаса, как на лестнице загремел стальной поднос и раздался звон бьющегося стекла. Визгливый голос кухарки, бренчание сметаемых осколков стекла по стенкам ведра, хлопанье дверей и разнёсшийся по всему дому запах ванильных булочек. Что только не придумают правильно мотивированные женщины, числящиеся у меня в прислуге.

Другими словами, побудка, организованная Степаном, должна была так или иначе поднять всех наших гостей с постели. Не ждать же нам, пока они сами соизволят встать. Нынче время дорого и его у нас крайне мало.

Вскоре во дворе прозвучали ожидаемые нами звуки. Девушка, вышедшая покормить собак, трижды постучала по дну кастрюли, вываливая в собачьи миски остатки корма.

– Три княжны в зале, – перевёл мне Степан условный сигнал и пожал плечами.

Так-то мы предполагали всех гостей поднять, но толстокожие мужчины проигнорировали старания прислуги и в обеденный зал так и не вышли.

– Работаем с теми, кто есть, – решил я, взглянув на часы.

Понятно, что мне бы хотелось иметь побольше свидетелей, но не силой же вытаскивать из гостевых комнат княжича и всех остальных.

– Ваши высочества, Ваше сиятельство, как почивалось? – оттого, что я появился в дверях зала неожиданно, девушки вздрогнули. Алёна так и вовсе пролила чай на скатерть.

– Благодарю, граф. Как вы себя чувствуете? – первой отозвалась Ирина, пристально меня разглядывая.

А что на меня смотреть? Я бодр и весел. Одет для выхода и плащ меховой на руке висит.

– Вашими молитвами и стараниями, Ирина Александровна. Просто замечательно себя чувствую. Выспался, позавтракал, а

теперь пора пришла вопросами вашей безопасности озаботиться. Кстати, а что вы в темноте сидите, словно у нас траур какой? – я дважды щёлкнул пальцами, зажигая настенные светильники.

Пока девушки морщились от яркого света, я успел хорошо их рассмотреть. Все трое одеты в лёгкие халатики весёленьких расцветок. Наверняка это Дашкин гардеробчик. Больно уж по разному на них халатики смотрятся. К примеру, Ирине халат в груди откровенно тесноват оказался, а для Алёны он коротковат будет, судя по открытым коленкам.

Не давая девушкам опомниться, я в темпе откланялся и бегом кинулся во двор. На выходе накинул на себя плащ и спрятал в карман накопитель. Всё-таки в кармане накопитель значительно заметнее, чем в спрятанной под плащом руке, оценил я, заскакивая в машину.

Успел вовремя. Степан уже включил радио и встретил меня, прижимая палец к губам. А тем временем и наши девушки пришли в себя.

– Так что, граф здоров? – услышал я в приёмнике голос Алёны.

– Ещё как здоров. Всех нас рассмотреть успел, – раздалось в динамиках недовольное бурчание Дашки.

Степан отчего-то хрюкнул, а потом и вовсе заржал, зажимая рот рукой. Я молча погрозил ему кулаком и припал ближе к динамику.

– Дарья Сергеевна, а что это за светильники у вас на стенах висят? – неожиданно громко спросила Ирина, видимо оказавшись ближе всех к микрофону, и заставив меня отпрянуть от приёмника.

– Обычные магические светильники. В Пассаже брала, в лавке магических товаров. А что, по стилю или цвету не подходят? – явно встревожилась Дарья.

– Нет, что вы, ваши светильники отлично вписались в интерьер. Девочки, у меня хорошая новость. Я впервые радуюсь тому, что ошиблась в диагнозе, – зазвенел в динамиках повеселевший голос Ирины Рюминой, – Представьте себе, я вчера перепутала полное магическое истощение с выгоревшим резервом. К счастью, у графа всё в порядке. У меня к вам только одна просьба. Не выдавайте меня Шабалину, а то он заставит меня всю диагностику по магам пересдавать заново.

Мы со Степаном переглянулись, и улыбаясь, выехали со двора. Не забыть бы вечером вытащить из-под столешницы одну из первых портативных раций, изготовленных командой Степашиных радиоинженеров. Надо же, как она пригодилась. А я, когда он мне её первый раз показал, не оценил это изделие.

Дальность связи в двести шагов не впечатлила. Хотя Степан утверждает, что когда он повесит над верфями зонд-ретранслятор, то такие рации у нас по всему посёлку будут брать.

Мы со Степаном заехали для начала к Анвару, а потом направились в гостиницу. Там меня сосед заждался. Больно уж ему поговорить хочется.

Барон Грюнберг, чьи земли примыкают к моим с северо-запада, в числе моих друзей не значится. Более того, пары встреч с ним мне хватило, чтобы понять, что никакой дружбы с этим наглым и неприятным типом у меня не предвидится.

Лет десять назад барону дважды повезло. Сначала по его землям прошла ветка железной дороги, а потом их пересекла вновь протянутая имперская автотрасса. Образовался удачный транспортный узел, на котором со временем выросла средних размеров ярмарка. С тех пор барон безбедно зажил на доходы от строительства и аренды. Казалось бы, что в этом плохого. Да почти ничего, если не брать во внимание расценки. Зачастую строительство на его землях обходилось заказчику вдвое, а то и втрое дороже, чем, скажем, в той же Рязани.

Надо ли говорить, что когда мы с Липатовым затеяли строительство речного порта, то в первую очередь наткнулись на активное противодействие соседа. Ту же железнодорожную ветку к элеваторам нам пришлось тянуть в обход его земель. А потом и цены на кирпич, с принадлежащего Грюнбергу кирпичного завода, оказались вдвое выше столичных. Были и другие неприятные моменты, где скорее всего не обошлось дело без участия барона. То кто-то ночью бакены на реке сдвинет, и у нас баржи с лесом на мель сядут, то воду с его прудов посреди лета спустят, да так, что у наших строителей снесёт половину материалов, заготовленных на строительство моста. В общем, проказничал, гадёныш. И за руку его не поймаешь. От всего на голубом глазу отопрётся. Так что мы со Степаном с удовольствием послушаем, о чём ему поговорить нынче понадобилось.

На разговор мы пригласили барона в кофейню. С полмесяца назад её открыла мать нашей провизорши, работающей в аптеке. Быстро девушка сориентировалась, прибыв к нам в посёлок. Месяца не прошло, как следом за собой из города маму притащила вместе с братиком-подростком. Дом-то ей выделили отдельный и зарплатой не обидели. Мамуля оказалась женщиной деятельной. Недели с её приезда не прошло, как она арендовала помещение при гостинице и обустроила его так, что любо-дорого посмотреть. А какие торты и пирожные здесь выпекают… Дашке всё время кажется, что она с них полнеет, но пока у неё духа не

хватает, чтобы от них отказаться, хотя как по мне, так всё у неё в порядке. А то, что в груди чуть поправилась, так разве это недостаток. Взять, опять же, ту же Ирину Рюмину. Хоть и не мой типаж, но как глазу приятно. Особенно в Дашкином халатике, где верхние пуговки того и гляди оторвутся…

– Граф, я к вам по-соседски прибыл. Помощь мне ваша требуется, – оторвал меня барон от приятных размышлений, когда нам в отдельный кабинет подали заказ. Шустрый братец у нашей провизорши. Минуты лишней не дал поразмышлять о приятном, примчавшись с подносом с такой скоростью, словно всё нами заказанное ждало его прямо за дверями.

– Говорите, барон, говорите. Я вас внимательно слушаю, – подбодрил я собеседника, налегая на здоровенный кусок торта с вишнями. Нет, я ни в коем случае не сладкоежка, но вкусно, блин.

– Как вы знаете, в западных соседях у меня граф Бантыш-Каменский. Премерзкий типус, между нами говоря. Возможно вы про отца его, генерал-аншефа слыхали, в связи с тобольским наместничеством. Папаша их, хоть и обеднел изрядно к концу жизни, но и землиц всяких-разных своим многочисленным отпрыскам успел немало нарезать. Полагаю, что жёны у него не промах оказались, побеспокоились о детках, пока папаня-генерал при силе и власти был. Жаль только, что отпрыски у такого достойного человека не в него характером пошли. Взять хотя бы соседа моего. Чистый разбойник. То людишек у меня сманит, то мост ремонтировать затеет во время ярмарки, к себе купцов заворачивая. Одно разорение с ним. А в связи с нынешними беспорядками мне и вовсе житья не стало. Подсылы графские до того людишек взбаламутили, что они толпой уже дважды к моей усадьбе подступали. Опять же на ярмарке беспорядки устроены. Мне сказывали, что две улицы торговых там начисто выгорело.

– «Допустим, не две, а одна. И та не начисто, а так, по мелочам. Лавок пять, не больше», – мысленно поправил я разошедшегося барона, вспоминая, что я сегодняшним утром услышал от Степана, подготавливающего меня к этому разговору.

– От меня-то вы чего ожидаете? – прервал я бесконечные словоизлияния Грюнберга, отодвигая от себя пустую тарелку.

– Так помогли бы по-соседски. Чего вам стоит. Пуганули бы у меня разок-другой людишек, а там глядишь, всё бы и улеглось само собой. Я же не слепой, вижу, какие звери у вас над полем летают. Против них и Бантыш-Каменский не пойдёт, – наконец-то разродился барон, перейдя от стенаний к делу.

Тут у меня промашка вышла. Когда мне доложили, что сосед хочет попасть на территорию посёлка, я ещё и в мыслях не держал, что через какие-то минуты услышу призывы о помощи из

имения князей Рюминых. В результате барон наверняка смог увидеть, как вновь прибывшие гвардейцы начали облёт нового для них Мобильного Боевого Комплекса. К слову сказать, по времени это у них получилось чуть ли не вдвое быстрее, чем у тех первенцев, с которыми я начинал испытания протезов. Не знаю, что сказалось на таком результате. Может быть отработанная уже методика, а может влияние прибывшего вместе с ними командира, но после тревожных новостей из столицы новички начали тренироваться не по восемь, а по шестнадцать часов в день и вскоре один за другим стали подниматься в небо.

– К сожалению, барон, я всего лишь курсант той Академии, которую в своё время все эти пилоты закончили. Допустим, цену вылета десятерых таких, как я, ещё можно было бы посчитать. Однако русская армия против своего народа не воюет. В вашем случае нужно к полиции обращаться, а если у вас имеются доказательства против вашего соседа, то в жандармерию или в Третье отделение, – по-дружески посоветовал я собеседнику, пододвигая к себе пирожные с брусникой. Хотел было с черёмухой заказать, но в сегодняшнем меню я их почему-то не увидел.

– То есть, деньги вас не интересуют? – барон, отложив в сторону заказанный им коржик, уставился мне в глаза.

– Смотря какие и в каком количестве, – дипломатично отозвался я, пробуя первое пирожное. Кстати, очень даже приятное на вкус, – К примеру ассигнации нынче резко подешевели. В той же Рязани они в треть цены к золоту идут.

Ей-богу, ни на грамм не соврал. Думаю, что ассигнации ещё ниже бы упали, если бы я их потихоньку скупать там не начал. Ну, как потихоньку, миллиона полтора уже купил.

– Десять тысяч, – проскрипел наш гость, судорожно сминая в руках салфетку.

– Десять тысяч золотом за вылет каждого пилота и его пролёт над вашей усадьбой или над тем, что от неё осталось. Я правильно вас понял? – конкретизировал я задачу.

– Десять тысяч всего. Ассигнациями, – выдохнул этот конченый скряга, начав рвать измятую салфетку на мелкие куски.

– Хм. Тогда давайте не будем отнимать время друг у друга. У меня есть встречное предложение. Я могу купить ваши земли за миллион ассигнациями, или за триста пятьдесят тысяч золотом. Поверьте, по нынешним временам это очень щедрое предложение. Землицы у вас не так, чтобы много. Хозяйство прилично запущено, раз даже на прудах у вас по лету дамбы прорывает. Опять же непонятно, что уже сейчас сгорело, а что ещё сгорит в скором времени. Да и сосед ваш, граф Бантыш-Каменский, не из

простых будет. Я тут вспомнил, где со столь редкой фамилией сталкивался. В имперской канцелярии. Есть там начальник земельного департамента с такой же фамилией. И я полагаю, что с вашим соседом они не однофамильцы, а самые прямые родственники. Выходит, что ссориться с ним мне не с руки. Так что думайте, барон. До вечера моё предложение в силе, а потом как знать. Земель нынче много может в продажу выйти. Кто погорел, кто в бунтовщики подался, а уж разорившихся скоро столько объявится, что и не счесть. Так что не буду вас торопить. Целый день вам даю на размышления. Сразу хочу предупредить, что торговаться я не собираюсь, – я подтянул к себе меню и подозвав парнишку, сделал большой заказ вкусностей с доставкой в мой особняк.

Оставив барона допивать свой чай, мы со Степаном вышли на улицу.

– Что-то ты много ему предложил, – недовольно проворчал мой друг, – Земли и в самом деле у барона мало.

– Расположение у него выгодное. Представь, что на бойком месте у дороги живут два соседа. У одного полоска земли вдоль дороги, а у второго большой участок, но с дороги к нему не попасть. По одиночке цена таких участков невелика. Зато если их объединить, то такое владение уже совсем другие деньги будет стоить.

– Ну, разве что так, – согласился Степан с моими рассуждениями.

После кафе мы направились в лабораторию к Усольцеву. И у меня, и у Степана имелись вопросы к техномагу. Степан сдал ему на исследование два интересных артефакта, которые были обнаружены у невзрачного мужчины, сопровождающего архимага, а у меня были вопросы по масштабированию лекарских поясов. Точнее, даже не так. Меня крайне сильно интересует, сможем ли мы быстро изготовить многокристальный протез, этак, скажем, кристалла на четыре. Я бы и на восемь замахнулся, но мне страшно себе представить, какого размера и веса может выйти такая штуковина.

– Занятные вещицы вы мне принесли. Старинные, именные и крайне опасные, – начал нас просвещать техномаг, когда мы наконец-то до него достучались. Дверь в его лабораторию оказалась заперта, и даже потом, когда Усольцев наконец-то обратил внимание на наш стук, он открыл дверь не сразу. Сначала нам пришлось его убеждать, что мы это мы, и только потом раздался скрип чего-то тяжелого, передвигаемого по полу и скрежет ключа, – Я даже боюсь спрашивать, как они к вам попали. Признаюсь, я далеко не сразу сообразил, что из себя эти штуки

представляют, но когда понял, то сам себе не поверил. Если коротко, то мы видим перед собой легендарный германский набор, название которого в переводе на русский звучит, как «Убийца магов». Последнее упоминание о нём связано с убийством Рихарда Гогенцоллерна, короля Пруссии и сильнейшего на то время мага Европы. Дальше Пруссия вошла в состав Германии и следы этих артефактов оказались утеряны. Впрочем, не буду настаивать, что король был убит именно этим комплектом. Возможно, такие наборы существовали в нескольких экземплярах, но описание выглядит крайне похожим, а мастер, сделавший эти вещи, воистину гениален. Набор состоит из негатора и мизерикордии или пробойника, как его называют в разных источниках. Негатор лишает мага на какое-то время магических способностей, а пробойник пробивает любые Щиты и доспехи. Оба артефакта имеют собственные накопители и могут быть использованы людьми, не имеющими Дара. Естественно, в том случае, если накопители уже заряжены.

– То есть этим набором можно убить архимага? – прищурился Степан, глядя на хищное лезвие пробойника.

– А кем по вашему был король Пруссии? – вскинул руки Усольцев, всем своим видом выражая возмущение, – Если верить истории, то ни одна битва с его личным участием Пруссией не была проиграна. Иногда одного королевского штандарта хватало, чтобы обратить в бегство превосходящие силы противника.

– Занятно, занятно, – покивал Степан, размышляя о чём-то своём, – Вам ещё нужны эти штуки?

– Если позволите, я хотел бы закончить изучение. Я сейчас как раз близок к тому, чтобы окончательно разобраться в том, что сделало это оружие уникальным, – техномаг ткнул пальцем в сторону пробойника, – Вы представить себе не можете, сколько споров вызывал один факт его существования среди учёных. Теоретически такую прочность и мощность невозможно получить в предмете столь небольшого размера. Слишком большой поток Силы требуется пропускать одномоментно через энерговоды с крайне маленьким сечением. Однако мастер, изготовивший пробойник, крайне элегантно решил проблему. Незначительную часть Силы он направил на временное упрочнение материала, увеличив пропускную способность энерговодов практически в десять раз без их разрушения.

– Да, да, энерговоды. Это важно, – рассеянно поддержал Степан техномага.

А я стоял, открыв рот…

Энерговоды! Энерговоды и контуры, которые составляют порядка восьмидесяти процентов веса наших магических

протезов…

– А-а-а, – сорвался я с места и подскочив к Усольцеву, принялся трясти его за плечи, – Золотой ты мой человек! Гений! Талантище! Глыба техномагическая!

Я обхватил за пояс техномага, пытавшегося тщетно вырваться от меня, и вместе с ним закружился по лаборатории, сшибая по пути стулья и раскидывая полами распахнувшегося плаща листы бумаги.

Глава 34

Следующие дни вспоминать страшно. Они слились в один сплошной водоворот событий, беготни и нервотрёпки. Успевать приходилось всюду. И тут очень кстати пришёлся подарок от работников верфей.

– Извиняй, Олег Игоревич, хотели подарок тебе к Новому году вручить, но из-за того, что заказов на дирижабли много пришло, опоздали чутка, – повинился Силыч, давая рабочим знак на открытие дверей ангара.

Признаться, я сначала не понял, что мне дарят и даже оглянулся, предполагая, что меня разыгрывают. Но нет, лица у собравшихся рабочих серьёзные, я бы даже сказал, торжественные. В это время загудел компрессор и непонятная конструкция, развалившаяся на бетонном полу, начала видоизменяться. Через пару минут двое рабочих без особого труда вытолкали из цеха приличных размеров агрегат. Этакую помесь большой надувной лодки, остеклённой полукабины и винтов, забранных в металлическую решётку.

– Эх, прокачу. Садись, барин, с ветерком куда скажешь домчу, – крикнул мне Силыч, изображая из себя лихача-извозчика. Он свесился за борт и протянул мне руку, помогая взобраться.

Для начала мы дали круг по лётному полю, а затем спустились к реке и тут старый механик показал мне, на что способен собранный ими катер на воздушной подушке. Ощущения, скажу вам, непередаваемые. Скорость, свист ветра, рёв моторов и гигантские клубы снега. Силыч вёл катер мастерски, с шиком прописывая повороты на извилинах реки. До соседнего села домчались в считанные минуты. Выписав на сельском пруду несколько вензелей, Силыч подал ближе к берегу и окатил снежной пургой гурьбу детей, к их полному восторгу. Ребятня разом побросала санки и ринулась вслед за нами, визжа и ловя ртом искрящиеся на солнце снежинки.

Когда я освоил несложное управление катером, то первым местом, куда я отправился, стало хозяйство Анвара. Доверяя подсказкам Сущности, я прямо с утра успел переговорить с мегрелом, и в ожидающих меня Чашах им были заложены полуторакратные порции сырья.

В зал с Чашами я пошёл не сразу. Сначала посидел у себя в келье, для вида копаясь в старом сундуке. На самом деле привыкал к новому состоянии и к несколько иному ощущению Силы. Полученные впечатления порадовали. В голову пришло

сравнение, словно раньше я занимался магией в сюртуке, застёгнутом на все пуговицы, а теперь делаю то же самое в просторной холщовой рубахе навыпуск. Совсем другая степень свободы, позволяющая широкие и резкие движения.

Однако прыгать от радости я не стал, и сломя голову в зал не понёсся. Вспомнил нашего лицейского учителя труда.

– Я технику безопасности, как свои три пальца помню, – частенько начинал он урок с любимой присказки и поднимал перед собой культяпистую руку, на которой у него целыми остались только мизинец с большим пальцем. Обычно пробирало даже самых отмороженных. С должным почтением и осторожностью к станкам после наглядной демонстрации подходили.

Мне тоже стоит о безопасности помнить. Если контроль над Чашей не удержу, то тремя пальцами не отделаюсь. Пожалуй, от стен не вдруг найдётся, что отскребать.

Начал с зарядки накопителей, переходя от мелких к более мощным. Затем пришёл черёд заклинаний. После часа опытов, произведённых над самим собой, я почувствовал уверенность. Пусть я теперь не маг, в привычном понимании этого слова, но на звание колдуна уже могу претендовать. Того самого, которого я по понятным причинам вместо колдуна стараюсь величать интромагом.

С Чашей я начал работу так, словно делаю это в первый раз в жизни. Немного смущала необходимость изменения режима.

Порой сам себе удивляюсь. Только что бездарно потратил целый час на предосторожности, оказавшиеся ненужными, и тут же лезу в авантюру с непроверенной рецептурой. Хотя, ничего неожиданного вроде бы произойти не должно. Раз сырья в полтора раза больше заложено, значит и Силы надо в полтора раза больше приложить. Только и всего, если рассуждать теоретически. Начинаю я с малых Чаш, и по сравнению с большими они для меня, как детские игрушки. Были… Посмотрим, что теперь изменится.

В работу Чаша запустилась легко. Даже обидно стало, что столько переживаний и сомнений впустую было потрачено, но минут через пять на меня навалилось…

Помнится, впервые запуская в работу большие Чаши, я сравнивал их с вагонетками, гружёнными углём. Тогда главной трудностью для меня оказался момент старта. В этот раз всё не так. Достаточно лёгкий запуск и после выхода на режим неожиданно навалившаяся тяжесть. Словно эту вагонетку я в гору толкаю. Причём прилично так упираюсь, аж жилы вздуваются. И нагрузка продолжает расти…

Долго паниковать не пришлось. Вскоре тяжесть спала, и моя «вагонетка» покатилась легко, как будто с горки стала спускаться. А с меня пот градом катится.

Потянувшись за платком, я обратил внимание на свои руки. Они даже не трясутся, а ходуном ходят. В карман с первого раза попасть не смог. А красные-то какие. Будто в кипятке побывали. И вены вздулись. Посидел, успокаиваясь и отдыхая. Чаша вела себя примерно, практически не требуя внимания.

Сидеть, ничего не делая, мне быстро надоело. За вторую Чашу принялся больше от скуки. С ней всё вышло чуть легче, но на третью попытку я так и не созрел. На сегодня издевательств над собой достаточно. Тяжело поднявшись, будто действительно уработался физически, я пошёл к Анвару и вскоре, почуяв запах кофе, прибавил ходу.

– Ничего не получилось? – излишне безразличным голосом задал вопрос мегрел. Он возился с туркой, двигая её по специальной жаровне с песком, и даже не повернулся ко мне, когда я зашёл и тяжело упал на диван. Анвар искоса глянул на часы, висевшие над входом и сняв турку с жаровни, поставил её на поднос.

– С двумя малыми закончил, но больше сегодня работать не буду, нехорошо мне что-то, – ответил я, откидываясь на спинку дивана, и наблюдая за перемещениями турки. По запаху я уже понял, что кофе сегодня мегрел готовит с орехами и с нетерпением ждал свою порцию божественного напитка.

Мегрел ещё раз посмотрел на часы и повернулся, собираясь что-то сказать, но вместо этого он вдруг кинулся ко мне, и крепко ухватив за голову, развернул меня лицом к свету.

– Вах, глаз красний-красний, как у бэлый кролик, – запричитал он с сильным акцентом, что случалось с ним редко и то в минуты сильного волнения.

– Красный, белый. Запутал ты меня совсем. Лучше бы кофе угостил, – вяло отбивался я, освобождаясь от его рук.

– Будет кофе, врач будет, всё сейчас сделаю, – засуетился мегрел и приоткрыв дверь, что-то прокричал в коридор на своём языке.

Отпустили меня в посёлок мегрелы только через час и то в сопровождении Ираклия. Всё это время я пролежал на диване с мокрым полотенцем на лбу, и даже успел немного вздремнуть.

С Медведевым Саввой Савельевичем я встретился в кинозале. Так мы именовали небольшой зал на двенадцать мест, с установленным там проектором и небольшим экраном на стене. Один радиоинженер из стёпиной команды в молодости был кинокрутом. Так он сам называл свою работу на кинопередвижке,

ездившей по сёлам. Экспроприированная у Мелентьева зарубежная киноаппаратура привела бывшего кинокрута в восторг, и у нас появился свой кинооператор. Впрочем, в некоторых случаях, когда особых изысков и качества не требовалось, его вполне успешно заменял Степан, освоивший простейшие приёмы киносъёмок.

– Присаживайтесь, Савва Савельевич. Для начала кино посмотрим, а потом решим, стоит нам с вами дальше разговаривать или нет, – я сознательно обошёлся без обычных приветствий, встречая архимага. Согласитесь, глупо желать здоровья человеку, с которым не так давно ты столкнулся насмерть, а в том, что этот день будет для него добрым, я пока сильно сомневаюсь.

Съёмку допроса некоего Кузнецова Ильи Аркадьевича мы просмотрели молча. Неприметный человек, с вполне обычной фамилией рассказывал удивительные вещи. Малую часть его интересного рассказа я решил показать Савве Савельевичу.

Когда зажёгся свет в зале, то по лицу архимага я понял, что в увиденное на экране он верит слабо.

В небольшом фрагменте допроса неодарённый утверждал, что князь Алексей Борисович Куракин дал ему поручение убить архимага Медведева сразу после окончания штурма имения Рюминых и лично выдал ему два фамильных артефакта, при помощи которых он должен был это сделать.

Заметив, что я ожидаю его реакции, архимаг чуть заметно усмехнулся.

– Господи, какая низкопробная чушь! Полагаю, что ни этого Кузнецова, ни артефактов, которыми можно было бы убить хоть кого-то архимага, вы мне не покажете.

– Отчего же. Закладки у Кузнецова мы обошли, и артефакты имеются. Кстати, а не слыхали ли вы, случаем, о некоем Рихарде Гогенцоллерне? – поинтересовался я, прикинув, что события в Пруссии произошли уже при жизни Саввы Савельевича.

– Приходилось, и что с того? – неожиданно живо вскинулся Медведев, вмиг изменив лицо. Теперь на нём даже намёка на усмешку не наблюдалось и явно читалась крайняя заинтересованность.

– Помнится, его убили при помощи пары артефактов. Тех же самых, что и для вас приготовлены были.

– Врёте, – с резкостью, неожиданной для его возраста, архимаг ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

Рихард. Орех… Это глупое прозвище он ему дал, когда их в очередной раз чуть не замела венская полиция. Начудили они тогда изрядно. Напились до изумления, а когда им на хвост села

группа магов, то сначала Савва их увёл телепортом, а потом Рихард тащил его, обессилевшего, три квартала на себе, матерясь и ругаясь на прусский манер. И только через месяц они узнали, что идея по пересадке бронзовых конских яиц их всаднику, привставшему на стременах, является коронным преступлением. Не все памятники студентам Венской Магической Академии можно было трогать, рассчитывая отделаться всего лишь крупным штрафом.

Его лучший друг, а если говорить откровенно, то, пожалуй, единственный. Жизнь их развела в разные стороны. Власть и наука. Каждый выбрал себе то, что ближе.

Трижды за свою жизнь Савва Савельевич выезжал в Германию. Каждый раз казалось, что до тех, кто убил Рихарда, оставалось совсем чуть-чуть. Но нет. Последняя поездка и вовсе оказалась тщательно подстроенной ловушкой, из которой он чудом тогда выбрался живым.

– Выбирайте выражения, Савва Савельевич. В чём я вам соврал? С Кузнецовым минут через пять можете поговорить, если захотите, а артефакты у меня с собой, – я отошёл к скромному столику у стены и откинул обычное домотканое полотенце, под которым лежали изъятые у Кузнецова артефакты, – Извольте полюбоваться. Негатор и мизерикордия, выданные Кузнецову князем Куракиным для того, чтобы вас убить. Мои специалисты утверждают, что для короля Пруссии этого легендарного комплекта должно было хватить за глаза.

– Он никогда не был силён в защите, – чисто по-человечески отмахнулся от меня Медведев, быстро проходя к столу. Удивил он меня, если что. Как о добром знакомом о Гогенцоллерне отозвался.

Минут пять Савва Савельевич изучал артефакты. Естественно, они оба были разряжены, а в дверях кинозала стояли два здоровых парня из охраны, и против их дубинок, кстати, действительно сделанных из корня дуба, любые незаряженные магические вещицы выглядят не лучше, чем детский совочек против сапёрной лопаты. А что касается сказок про мастеров восточных единоборств, так у нас по Академии давно анекдот ходит, заканчивающейся словами: – Ну, кто ж голой пяткой на шашку-то лезет!

Тут примерно так же. Видел я как-то раз, как эти парни дубинками на тренировке машут. Дашку, считающую себя опытным пользователем рапиры, я никогда против любого из них на тренировочный бой не выпущу. Без магии ей там нечего делать. Разве, что бегать с места на место, пытаясь ткнуть временами в гулкую веерную защиту, чередующуюся выплесками

атакующих ударов. Попадёт, дурында, хоть под один такой удар, и как минимум, перелом ей обеспечен. Думаю, что и защитный костюм её не сильно спасёт. По крайней мере те же средневековые рыцари резко переставали улыбаться, стоило им получить по забралу шлёма обычным крестьянским цепом. Школа декстрезы, работы с дробящим оружием, среди боярства не популярна в виду отсутствия куртуазности, но это нисколько не мешает той же правильной дубинке или моргенштерну собирать свою жатву.

– Надо же, я их по всей Германии искал, а они вот где оказались, – чуть слышно прошептал Медведев, возвращая на стол мизерикордию, – Вы правы, нам есть о чём поговорить, – уже громко добавил он, поворачиваясь ко мне.

Архимаг вернулся к креслу и усевшись напротив, довольно пристально осмотрел меня с головы до ног. Я не стал ему мешать, жестом отправив охранников за двери. Хороших парней Степан вырастил. Мощные бойцы. И они у него не только хорошо стреляют и дубинками отменно машут. Через месяц-другой, когда закончит обучение следующая группа, я отправлю этих ребят на стажировку к алькальдам. Быть им к осени моими представителями в сёлах и строящихся посёлках.

– Я так понимаю, что вы и есть тот самый граф Бережков, свалившийся с неба и обстрелявший меня какой-то редкостной гадостью? – спросил Медведев, закончив осмотр.

– Правильно понимаете.

– И что-то мне подсказывает, что я вам сильно не симпатичен, тем не менее вы спокойны и даже решили со мной встретится. Интересно, с какой целью, и какие у вас дальнейшие планы относительно меня?

– Особой цели нет никакой. Обычное человеческое любопытство. Что касается планов… – я чуть задумался, но решил пока не выбиваться из роли, – Вы знаете, граф Игнатьев, которому было поручено командование гвардейцами, не далее, как вчера, высказал любопытное предположение. С его слов получается, что такого пленника, как вы, я могу обменять чуть ли ни на любой орден Империи. Я понимаю, что он, скорее всего, преувеличивает. Но мне даже что-нибудь попроще крайне полезным будет.

– Никак на первого Владимира рассчитываете? – обозначил Медведев подобие усмешки на лице, – Помнится, государь им лично награждает, минуя иные регалии.

В принципе, правильно Савва Савельевич сказал. Высшие ордена законодательно исключены из общего списка постепенности. И орден Святого Владимира I степени из этого, высшего списка. Для прочих же орденов существует принцип

постепенного награждения, от низшего ордена к высшему, с соблюдением выслуги лет и соответствия чина.

– Мне бы и второго Георгия вполне хватило, – спокойно заметил я, небрежным жестом давая понять, что особо за величину награды я не переживаю.

– А что, скромненько и со вкусом, – оценил архимаг мой выбор, – Я только одного не понимаю. Из-за чего вы на верную смерть полезли, если вас награды не сильно волнуют? Мне же буквально секунды не хватило, чтобы вас в пыль разнести.

Надо же, как мило мы сидим, беседуем. Я даже с Дедом никогда так благостно свои тренировки не разбирал.

– Так и я не за орденами летел. Просто Алёна Рюмина мне нравится, – сказал я чистую правду. Почему-то сложилось у меня впечатление, что архимаг читает меня, как открытую книгу, и что-то придумывать просто бессмысленно. Почувствует.

– Что-о! Алёна… – подпрыгнул Медведев на стуле, а потом зашёлся дребезжащим старческим смешком, время от времени прерываясь и сильно хлопая себя по коленям, – Ой, не могу. Ну вы меня и насмешили… Серьёзнейшие люди Империи, годы подготовки, выверенные замыслы, и Алёна… Этакий неучтённый фактор. Никто даже в страшном сне и предположить не мог, что её на белом дирижабле кинется спасать один юный граф, – насмеялся Медведев до слёз, которые затем тщательно промокнул аккуратно сложенным платком, – Но вы молодец! Так и надо жить. Не бояться умирать за своё, и катись всё остальное в тартарары. Наш человек. Ну, да ладно. Посмеялись, и будет. Давайте поговорим теперь серьёзно, – архимаг прикрыл глаза, и привычным движением огладил бороду, явно собираясь с мыслями, – Допустим, орден и я могу вам обеспечить.

– Если вы думаете, что я вас отпущу, то забудьте сразу, – предостерегающе поднял я руку.

– Не в том смысле, как вы подумали, хотя… Впрочем, давайте по порядку. Не поделитесь, пусть в общих чертах, чем вы так лихо мой резерв Силы выжгли?

– Накопителями. Наш Род тем и славится, что производит лучшие в стране накопители Силы.

– Точно. Старею, однако. Мог бы сразу сообразить, откуда мне фамилия знакома. Ну да, так-то всё сходится. Накопитель при моментальном разрушении вполне способен на такой импульс Силы, который резерв не в силах воспринять. Нечто вроде нестерпимо яркого света, способного лишить зрения, – проговорил сам себе Медведев, зажав между коленями сжатые в кулаки руки, и раскачиваясь на стуле, – Полагаю, что на меня вы не последние такие накопители истратили?

– Допустим, – вроде бы нейтрально отозвался я, но сразу же заметил, как хищно шевельнулись у Медведева крылья носа и заиграли желваки.

Мда-а. Не был бы я уверен, что у него выгорел резерв, то уже бы заподозрил его в способности читать мысли. Впрочем, что стоит человеку, прожившему столько лет, угадать, о чём думает такой молодец, как я. Все мы кажемся сами себе неповторимыми, и редко до кого из молодых доходит, что у старшего поколения когда-то было всё то же самое. Так уж люди устроены. Пока своим лбом все ошибки не соберут, в советы старших не верят.

Не могу сказать, что у меня было так же. Родителей я не помню, а Дед меня советами не баловал. Мудр был. Знал, что я их не услышу.

– Куракин должен умереть, – уставился на меня Медведев немигающим взглядом.

– Не будем ему мешать, – охотно согласился я.

– Ты же можешь его убить? – досадливо поморщился архимаг, напомнив мне Дашку, которую тоже всегда раздражает, когда я с ней соглашаюсь.

– Скорее всего, – оценил я такую возможность и свой запас заготовленных убийственных приблуд, дожидающихся своего часа в незаряженном состоянии, – Только это дорогое удовольствие. На вас у меня четыре вот такущих вот алмаза ушло, – показал я Медведеву оттопыренный большой палец.

– Да бросьте, граф. Взамен вы получите Знания, которые бесценны, – отмахнулся от меня архимаг, как от назойливой мухи. Похоже, что на материальные ценности ему попросту наплевать.

Надо будет разузнать, как архимаги деньги зарабатывают. Ишь ты, четыре алмаза ему словно баран чихнул.

– Могу ли я узнать примерный перечень Знаний, а то мне бы не хотелось быть уличённым в неправомерных действиях не понять из-за чего, – мягко придержал я Медведева, которого похоже, понесло.

– С чего это вдруг, в неправомерных? – передразнил он меня, – Любое лицо, уличённое в преступных действиях против члена императорской семьи, может быть уничтожено без суда и следствия.

– Мне потребуются ваши показания.

– Дам. Кино своё снимешь, – чуть сбавил обороты Савва Савельевич.

– Почему кино? А вживую вы их дать не хотите?

– Да ты выслушай меня, в конце концов! – вспылил Медведев, явно не привыкший к такому общению.

– Так и вы понятнее говорите. Меня бы, за такую невнятную постановку задачи, преподаватели из Академии так отымели, что только в путь, – махнул я вдаль рукой, стараясь обозначить предполагаемую длину дистанции.

Судя по побледневшему лицу архимага, который замер с прикрытыми глазами и сжатыми кулаками, я что-то не то сейчас сказал. Впрочем, мне-то чего греться. Я у себя дома. На своей земле. И как только что выяснилось, могу этого Медведева прямо сейчас грохнуть без особых для себя последствий. Пусть хоть кто-то потом попробует вякнуть, что этот старикан не злоумышлял против членов императорской семьи.

– Хорошо. Выражусь понятнее, – взял себя в руки Савва Савельевич, – Мне нужно, чтобы ты убил князя Куракина и дал мне возможность уйти.

– Уйти куда? – машинально уточнил я, впечатлённый краткостью задачи.

– Туда, – указал поднятым вверх пальцем архимаг, – Я достаточно пожил. Пришла пора умирать. Достойную награду получишь. Обещаю.

– Мне опять пора начинать спрашивать? – покосился я на мага, перешедшего на язык телеграфа.

– Так всё же понятно, – рубанул рукой воздух Медведев, досадуя на мою тупость.

Последующие пять минут я внимал. Архимаговский План особыми изысками не отличался, и с некоторыми оговорками, выглядел вполне себе выполнимым.

Имение Куракина, с защитой, поставленной Медведевым, безусловно крепкий орешек. Однако, когда мы с ним посчитали прочность узлов, связывающих два противоположных сектора, то даже мне стало понятно, что для Саввы Савельевича такой расчёт оказался полной неожиданностью. Углы шестиугольника чересчур вылезли из охраняемой площади и лично для меня они теперь выглядели, как завлекалочки на купальнике привлекательной блондинки, а впрочем, брюнетки тоже хороши, а шатенки… Короче, этакая ниточка. Типа, дёрни за шнурок, и оп-па…

Когда я с укоризненной улыбкой глянул на Медведева, явно допустившего брак в работе с защитой, тот лишь руками замахал.

– Я же сказал тогда Куракину, что занят, а он и слышать не хотел, – словно нерадивый школьник, оправдывался архимаг, – В результате я сунул ученикам типовую схему, и сам видишь, как они её установили.

Знакомая песня. Как награды получать, так свою грудь подставляем, а как проблемы, так всегда наготове чужая задница

под розги.

Впрочем, не мне его судить. Кроме того, я краем глаза поймал быстрый взгляд в свою сторону. Ладно. Буду верить, что бреши в защите – это недоработка учеников. Случайность. Кое для кого, роковая.

Вот такой я наивный граф. Всему верю, что бы мне ни рассказали.

– Кстати, граф, не подскажете мне, какой у вас уровень магии? – услышал я вопрос окончательно обнаглевшего архимага. Хорошо. Перетерплю. Вопрос мне задан практически интимный. Так и я не собираюсь на него отвечать совсем уж честно.

– Когда я поступал в Академию, то мне выставили уверенную семёрку, – опять же не соврал я, правда, не уточнив, что до потери резерва у меня уже восьмёрка была, и то, по меркам имперского артефакта. Мои Щиты – отдельная песня. Знать бы ещё, как их отдельно от всего остального можно измерить, не привлекая к себе внимания.

Кстати, я вообще не сказал Савве Савельевичу, что у меня тоже выгорел резерв Силы, как и у него. Сам не знаю, почему не сказал. Показалось, что так будет правильнее.

– «Сомнительный подарок у меня получается. Допустим, князя Куракина этот граф своими артефактами скорее всего достанет, раз уж даже меня смог ими приложить. За Ореха я может быть и успею отомстить. За себя… Впрочем, так ли это важно. Жизнь я прожил долгую. Всякое бывало. Я далеко не безгрешен. Представляю себе, как будет кусать локти этот парнишка, когда осознает уровень переданных мной заклинаний. Сейчас он семёрка. Года четыре ему до восьмого уровня, потом лет семь до девятого и лет десять-двенадцать до десятки. Понятно, что это идеальные цифры. Я бы их вытянул, тренируясь по двенадцать часов в день. А дальше, как повезёт. Не все способны перевалить за десятый уровень. Далеко не все», – размышлял Медведев, глядя на задумавшегося собеседника.

Так уж вышло, что им обоим сейчас было над чем подумать.

Один жизнь заканчивает, другой начинает.

Один подводит итоги, другой строит планы.

И оба друг другу не доверяют.

– С чего начнём? – поинтересовался я, первым сообразив, что наше молчание чересчур затянулось.

– С ордена. Тебе же нужен орден? – словно бы нехотя ответил Медведев.

– Не помешает, – согласился я в очередной раз. Чисто по привычке.

– Раз граф Игнатьев ещё тут, то вместе с ним вы сообразите,

как государя известить, или хотя бы князя Обдорина. Штурм Зимнего дворца – это просто манёвр для отвлечения сил. Как только дворец захватят, он будет взорван вместе со всеми, кто там окажется. Год назад, во время ремонта в подвалы дворца завезли десять тонн взрывчатки в мешках из-под цемента. Куракину не нужны ни выигравшие, ни проигравшие. Чем меньше тех и других останется, тем для него лучше. Провода для подключения подрывной машинки выведены в подсобное помещение заброшенной старинной станции метро. Она там вроде бы одна осталась, так что пусть ищут. Ну что, на орден мы заработали? – деловито спросил Медведев, потирая сухонькие руки.

– А вы откуда про взрывчатку знаете? – не придумал я сходу более умного вопроса, так меня ошеломили полученные сведения.

– Хороший вопрос, – покладисто отозвался Савва Савельевич, – Я с удовольствием на него отвечу, как только узнаю о смерти князя Куракина.

Через несколько минут в столицу вылетел дирижабль с тремя гвардейцами на борту. Задача перед ними стояла непростая. Им нужно будет десантироваться с дирижабля и пробиться в Зимний дворец. Под нагрудной броневой пластиной доспеха их командира спрятан конверт, который любой ценой они обязаны доставить Императору или князю Обдорину.

Переоформление баронских земель прошло скучно. Сорок минут на оформление документов и полчаса наблюдений за потеющим Грюнбергом, который пересчётом монет не ограничился, потребовав их взвесить. Его право. Монеты частенько «худеют» за время обращения. На их номинал это не влияет, но поводом для доплаты может послужить. Так и случилось. Барон насчитал недостачу по весу в двенадцать червонцев, отчего присутствующий здесь нотариус лишь возмущённо крякнул, видимо желая мне обозначить лукавство Грюнберга. Подмигнув ему, я дополнительно отсчитал пятнадцать монет и, отделив три золотых червонца, пододвинул их к нему, попросив нотариуса задержаться у нас на пару дней. Есть у меня предчувствие, что нотариальные услуги в скором времени мне не раз потребуются.

Снова пришлось ехать к Анвару. Никак не предполагал, что увижу его раньше завтрашнего дня, а оно вон как вышло. Не детям же доверять зарядку смертельно опасных артефактов. Опять всё самому приходится делать.

Анвар вышел ко мне не сразу, а когда появился, то выглядел по меньшей мере странно. Взъерошенные волосы, блуждающий

взгляд и сбитый набок кожаный фартук. Никогда его таким не видел.

– Что-то с алмазами не так? – предположил я самое очевидное. Времени не много прошло и скорее всего Чаши уже успели остыть, позволяя произвести выемку экспериментальных образцов.

Вместо ответа мегрел брякнул на стол необычный кристалл.

Взяв алмаз в руки, я начал пристально его разглядывать. Цвет. Тёмно-синий, с выраженным фиолетовым оттенком. Словно его окунули в чуть разбавленные чернила. Вроде бы по размеру он не сильно крупней тех, что я делал раньше, но вес. Он ощутимо тяжелее.

– Может он только сверху такой? – спросил я у мегрела, крутя перед собой кристалл и разглядывая его на свет, – Распилить бы его надо.

– Не пилится, – коротко ответил мастер.

– Что, совсем? – не поверил я.

– Два диска извёл, а на нём ни следа.

– Разве такое может быть? – засомневался я. Всё-таки алмаз занимает самую верхнюю позиции по шкале твёрдости и диск с алмазным напылением просто обязан распилить любой материал, существующий на нашей планете.

– Бывает, – Анвар присел за стол, – Дед мне как-то про метеоритные алмазы рассказывал. Только я думал, что это сказка. Мелким совсем тогда был. Вроде, обмолвился дед, что те алмазы твёрже обычных бывают. Даже название их говорил, да только забыл я его. Больно слово какое-то необычное было, заковыристое.

– Импактиты, – с чего-то вдруг вырвалось у меня. Опять Сущность шуткует, вбрасывая мне малый пласт Знаний. В этот раз даже сомнений никаких нет. Сам я не то, чтобы знал когда об импактитах и астроблемах, а и слов этих никогда ни от кого не слышал.

– Точно, – с уважением посмотрел на меня мастер, – Так их дед и называл.

– Да Бог с ними, с импактитами этими, – постарался я отвлечь Анвара от размышлений. Ну вот не нужно мне, чтобы он дальше космическую тему додумывал и мои алмазы к ней привязал. Страшно себе представить, какое давление и какие температуры случаются при падении на Землю гигантского метеорита. Пусть лучше считает, что это я чего-то начудил, и ничего необычного не произошло, – Ты лучше придумай, как их обработать.

– Не надо придумывать, батоно. Один кристалл дробить

нужно и весь инструмент заново из его крошки делать.

– Так дроби. В чём проблема-то? – разгорячился я, глядя на мнущегося мегрела, отводящего виноватый взгляд.

– Ты все кристаллы идеальные сделал. Ни одного в брак не ушло. Не сердись батоно, рука не поднимается такую ценность в пыль пускать.

– Дроби, завтра новые сделаю, – пообещал я и махнул рукой, даже не поморщившись от такого нерационального мотовства.

Может и сделаю, если живым вернусь. Не зря же я на Источник приехал с двумя десятками смертельно опасных игрушек. Каждая из них втрое мощнее моих снарядов, которыми я пригрел архимага, и себя заодно.

«Кречет» прожил не долгую, но яркую жизнь, и больше у меня нет дирижабля с метателями и широким грузовым люком. Более того, сейчас в цехе уродуют гондолу практически готового дирижабля, заказанного племянником Императора. Не оказалось у меня под рукой другого дирижабля, который готов бы был вылететь сегодня в ночь с одоспешенными гвардейцами на борту, а рассчитывать на скорое возвращение «Сапсана» вряд ли стоит. Вот и приходится врезать грузовой люк в единственный дирижабль, оказавшийся готовым к полёту, иначе гвардеец в МБК в дверь салона не проходит.

Когда я вернулся на верфи, то первой новостью, которую мне рассказали, оказался приезд Антона Рюмина, пожелавшего лично осмотреть достраиваемый дирижабль.

Надо же, как не ко времени его принесло. Похоже, заскучал княжич в обществе наших милых девушек и придумал себе хоть какое-то развлечение.

Разгневанного Рюмина я разыскал в кабинете. Судя по бледному виду Усольцева, княжич успел высказать ему немало интересного.

– А вот и граф наконец-то пожаловал, – сочась ядом, развернулся княжич на скрип открываемой двери, – Может вы, Олег Игоревич, объясните мне, что происходит? А то все ссылаются на ваше указание, и никто толком не может сказать, по какой причине из гондолы моего дирижабля удалили всю мебель и врезали в неё уродливое непотребство.

Как тут у них всё занятно. Бледный Усольцев и раскрасневшийся Рюмин. Попробую и я внести свои цвета в их палитру.

– Ваше Высочество, я готовлю дирижабль к боевому вылету. Если позволите, я отдам несколько распоряжений и потом объясню вам всё более подробно, – не дожидаясь ответа онемевшего от удивления княжича, я повернулся к Усольцеву, –

Игорь Семёнович, распорядитесь, чтобы в дирижабль крайне аккуратно загрузили привезённые мной ящики, выводите его на поле и начинайте прогревать двигатели. Пятёрке Озерова скажите, что вылетаем через двадцать минут.

– Боевой вылет, – чуть слышно прошептал Рюмин, как только за техномагом, обрадованным возможностью улизнуть, захлопнулась дверь.

– Именно так, Ваше Высочество. Мне стал известен заказчик нападения на ваше имение. Более того, я допускаю, что он же является основным действующим лицом в осуществляемом заговоре. Доставив вас к себе, я принял на себя ответственность за обеспечение вашей безопасности и обязан предотвратить возможность повторного покушения на вас и ваших сестёр. Поэтому мной принято решение о совершении ночной бомбардировки имения князя Куракина. Предполагая возможность защиты имения с воздуха я беру с собой пятерых пилотов, которые должны будут обеспечить мне возможность атаки. Ваш дирижабль мне пришлось переоборудовать, так как свой я отправил в столицу для того, чтобы предупредить Императора о взрывчатке, заложенной в Зимнем дворце. У вас ещё есть вопросы?

– Вы возьмёте меня с собой? Впрочем, это не обсуждается. В конце концов дирижабль-то мой, – начал было княжич, гордо задрав нос и выпятив подбородок, но заметив, что я замотал головой, а потом и задумался, быстро сменил тактику, – Олег, ну возьми, а? У меня вообще-то сегодня день рождения и я за тобой приехал. Алёнка сказала, чтобы без тебя не возвращался.

Упс-с… Как-то я замотался со своими делами и проблемами. У меня гостей полон дом, а я оттуда поутру убегаю ещё затемно и возвращаюсь за полночь, когда все уже спят. Пару раз только с графом Игнатьевым поговорил. И то, когда он бессонницей мучился. Про именины княжеские вот забыл. Такое невнимание трудно чем-то оправдать будет. Бегом нужно ситуацию исправлять.

Опять же, стоит подумать, а чем я рискую? Если слетаем удачно, то участие княжича мне только на руку выйдет. По крайней мере большинство неприятных вопросов по князю Куракину сами по себе отпадут. Ответил ему княжич Рюмин за нападение на своё имение. Полное на то право имеет, что с учётом многочисленной куракинской родни и их связями в прокуратуре, от Рюминых будет звучать совсем по-другому, чем от мало кому знакомого графа, какими бы мотивами он такие действия не объяснял. Ну, а если всё закончится неудачно, то какая мне разница, один я погибну, или вместе с княжичем.

На этой оптимистичной ноте я закончил размышления, и оглядев мнущегося Антона, поинтересовался, стараясь не налегать на иронию:

– Ваше Высочество, я понимаю, что вам скучно и хочется подвигов, но назовите мне хоть одну существенную причину, заставляющую вас рисковать жизнью?

– Мой дядя. Наш Император может считаться существенной причиной? – тут же ответил княжич, словно ответ на мой вопрос у него был подготовлен заранее.

– Государь заставляет вас совершать подвиги?

– Он уже дважды намекал, что ждёт от меня поступков. Я оттого и в гонках решил участвовать. Вы-то вон тогда сколько всего совершили. Сёстры у меня с неделю только о вас с княжной Вадбольской и говорили, а женский журнал, где всё подробно описано было, так и вовсе до дыр зачитали.

Услышав такое объяснение, я только глаза закатил. Попался мне в руки однажды женский журнал, позабытый Дарьей после одного из её приездов. Ознакомившись с ним на досуге, я твёрдо уверился, что тайный женский язык существует. Женщины на нём разговаривают, пишут статьи друг для друга и употребляют его в своих письмах. Изредка они снисходят до объяснений, разъясняя таким, как я, что они на самом деле хотели сказать теми или иными вроде бы вполне знакомыми словами.

– Поверьте, князь, если бы не особые обстоятельства, я тогда ни за что не стал бы рисковать ни собственной жизнью, ни жизнью друзей.

– Ага, значит всё-таки Алёнка была права. Она так про вас тогда и сказала.

Я на мгновение прикрыл глаза и глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Княжич всего-то на чуть-чуть меня младше, а ведёт себя, как ребёнок.

– Хорошо. Будем считать, что Император причина серьёзная. Скажите-ка мне лучше, вы дирижаблем умеете управлять?

– Двенадцать часов налёта и пять самостоятельных взлётов, – гордо отрапортовало великовозрастное дитятко. Похоже, не соврал, раз про посадки ни словом не обмолвился. Посадить дирижабль даже в безветренную погоду не просто и новичков не сразу к посадкам допускают.

– Так и быть. Беру вас вторым пилотом. Только пообещайте мне, что не будете понапрасну геройствовать, спасательный пояс оденете сразу и по первой же моей команде без всяких возражений покинете дирижабль, что бы ни случилось.

– Обещаю, – расплылся княжич в счастливой улыбке на пол – лица, – И пожалуйста, граф, обращайтесь ко мне просто по имени.

– Второй пилот Антон Рюмин. Слушай мою команду. Бегом марш на склад и чтобы через десять минут я тебя видел в лётной форме и спасательном поясе на своём месте. Выполнять! – от души рявкнул я, давая выход накопившимся эмоциям.

– Так точно, капитан, – не менее громко прокричал княжич, пулей вылетая за двери.

Глава 35

Домой мы с княжичем вернулись под утро.

Живые, и вовсе не такие мертвецки пьяные, какими нас потом пробовали описывать девушки. Ну да, выпили на двоих бутылку шустовского, пока дожидались машину, отправленную отвозить раненых. Вроде бы, не так много и выпили, а развезло нас прилично. Ещё бы… Ночь на нервах, да не жравши сколько. Тут кого хочешь развезёт.

– Явились, не запылились, – услышал я голос Ирины Рюминой, помогая Антону попасть в дверной проём зала. Княжна сидела за столом, с бокалом вина в руке, а напротив неё, на диване устроились Алёна с Дарьей. Обе забрались на диван с ногами и укрылись пушистым пледом так, что одни головы высовывались, – А пьянющие-то оба… Где ж ты шлялся, братец?

– Я это… Россию спасал, – отчего-то загрустил вдруг княжич.

– Спас? – ехидно поинтересовалась Ирина.

– А то, – попытался было подбочениться княжич, выпячивая грудь, – Вот этими самыми ручищами всё вдребезги и пополам, – потряс он раскрытыми ладонями, опрокинув вазочку с икрой в соседнюю тарелку.

– Понятно, – протянула Ирина, оценивая произведённый разгром на столе, – А то, что тебя сестрицы ждут с подарками, ты не подумал?

– О-о, подарки… Представляешь, Олег мне голову подарил, – оживился Антон.

– Запасную? – улыбнулась Ирина, а девчонки на диване захихикали.

– Не, лохматую такую. Стра-а-ашную, – не дотянув последнее слово, Антон громко икнул, – Я её между дверями оставил, чтобы собаки не погрызли. Потом на ледник её отнести надо будет.

– Похоже, на охоте они были. Медведя завалили, – послышался голос Дарьи с дивана.

Мы отрицательно затрясли головами, налегая на холодец, который оба ели с общего блюда. На еду пробило так, что отвлечь нас было нереально.

– Пойдёмте, глянем? – предложила Ирина, поняв, что продолжение расспросов откладывается.

– Ни-ни-ни, это ты у нас медик, а я смотреть на кровь не люблю, – замахала Алёна перед собой ладошками.

Дашка тоже что-то буркнула вроде отказа и зарылась ещё глубже под плед.

Ирину это не остановило, и презрительно фыркнув, она

удалилась в прихожую. Хлопнула дверь, и княжна надолго пропала.

– Она там не замёрзла ещё? – забеспокоилась было Алёнка, когда ожидание затянулось, но тут входная дверь хлопнула снова, а затем в зале появилась Ирина. С неестественно прямой спиной и остекленевшим взглядом, она деревянной походкой прошла к столу и не присаживаясь, налила себе полстакана водки.

– Вот это по нашему, по-пилотски, – одобрил Антон её инициативу, – Давай и мы выпьем, капитан.

Как и княжна, свои рюмки мы опустошили залпом и стоя.

– Там человеческая голова, – сообщила Ирина безучастным голосом, вытирая матерчатой салфеткой своё лицо, судя по всему недавно побывавшее в сугробе.

– Не просто человеческая, а княжеская, – гордо возвестил Антон.

– И рука, – подтвердил я, – Правая.

– Точно, – вспомнил Антон, – Ты, Ир, мешок потряси, она там на дне должна быть.

Прижав салфетку к лицу, княжна опрометью бросилась к выходу.

– Смотреть побежала, – определил княжич.

– Угу, там же перстни вот такие вот, – попытался я пальцами изобразить грецкий орех.

О том, что мы оба ошиблись, нас известил мой белый фаянсовый друг. На этот раз мой уникальный унитаз превзошёл самого себя. Как по мне, так исторгаемые им звуки должны были означать окончание царской охоты. По крайней мере победный рёв охотничьего рога, ржание коней и отдалённый лай своры собак ему сегодня особенно удались, сотрясая мирно спящий в ночи дом.

– Сейчас всех перебудит, – прошептал я, донельзя впечатлённый транслируемой звуковой панорамой, и угадал.

Первым, кутаясь в длинный махровый халат, появился Шабалин, а за ним и майор спустился, в полурасстёгнутой рубашке и накинутом на плечи кителе.

– Гулёны наши объявились, – заметил Шабалин, обращаясь к графу, и наблюдая, с какой жадностью мы налегаем на еду.

Пристать к нам с вопросами у них сразу не вышло. Не обращая ни на кого внимания, в зал вернулась Ирина. Она полностью повторила не только свой предыдущий маршрут, но и действия.

Про себя я заметил, что если мы со Степаном вдруг надумаем снимать фильм о привидениях, то на роль главного привидения искать никого не нужно. Ирина Рюмина, с её бледно-зелёным

цветом лица просто создана для такой роли. А вот продукт она напрасно переводит. Водки не жалко, но если она снова надумает бежать в туалет, то мой унитаз ей всё равно не споить.

– Между входными дверями лежит отрубленная голова. Они говорят, что княжеская, – сообщила мужчинам княжна, после того, как занюхала куском хлеба выпитую водку.

Антон, из-за набитого рта говорить не мог, и лишь согласно закивал головой, а я только хмыкнул. Про руку опять ни слова не сказано. Посмотрели бы на неё и все вопросы сами собой бы отпали. Перстеньки там не простые. Знающему человеку многое скажут.

Ирина тяжело брякнулась на стул, и положив локти на стол, закачалась с закрытыми глазами, обхватив руками голову.

– Полагаю, граф, нам стоит посмотреть на то, что смогло довести Ирину Александровну до такого состояния, – потянул Шабалин майора за рукав, направляясь к дверям.

Вернулся Игнатьев один. Наставник, судя по звукам со двора, решил прогуляться. Странный он человек. В такую погоду не то что в халате, в шубе прогулка весьма на любителя. Холодно у нас, особенно ночами. Мороз под тридцатку давит.

Действия вернувшегося наставника по магии особой оригинальностью не отличались. Он их у Ирины подсмотрел. Налитую водку они с майором выпили молча, не чокаясь. Могли бы и нас с именинником подождать, или крепко забухавшей княжне налить.

– Ладно, с выпивкой закончили, рассказывайте, – потребовал Шабалин, усаживаясь в кресло у давно потухшего камина.

Отодвигая от себя почти пустую тарелку, я планировал уложиться в несколько минут. Напрасно. Стоило мне только взять паузу, как в мой рассказ, а по сути дела в рапорт, активно вмешивался княжич.

Опасно размахивая вилкой, он красочно описывал детали, распаляясь ещё больше после каждого писка и оханья, время от времени доносящихся с дивана. К концу рассказа, который занял у нас с ним почти полчаса, я и сам чуть было не поверил, что участвовал в эпическом сражении. Определённо стоит княжича познакомить с Силычем. Они из любого похода в магазин вдвоём целую поэму сотворят.

Ну, а если коротко, то дело было так.

Пензу мы облетели с запада, руководствуясь при прокладке маршрута направлением ветра. Вполне оправданная предосторожность. Времена нынче неспокойные. Небо над городом наверняка под контролем. Не долетев до Надеждино километров пятнадцать, произвели десантирование и поднялись

на высоту в три километра. Воздушный патруль в армейских МБК мои пилоты «заземлили» быстро. Гораздо дольше они провозились с «тяжёлыми», пятёрка которых успела подняться по тревоге. Наконец мы увидели зелёную ракету, а там и «люстры» вспыхнули, освещая усадьбу. Пока спускаемые на парашютах термитные снаряды с магнием горели, мы успели разнести контуры магической защиты, а окончательно отбомбились уже в свете начавшихся пожаров. Антон не зря своими «ручищами» хвастается. Он и кидал в открытый люк накопители, на удивление хладнокровно обращаясь с массивными и смертельно опасными «подарками», каждый из которых был размером с хороший молочный бидон.

Потом были минуты томительного ожидания. Отлетев километров на пять в сторону, мы ожидали пилотов. В первой тройке вернувшихся было двое раненых. Васильева, с нехорошим пулевым ранением из-за раздробленного наплечника, притащили Афанасьев с Озеровым. Причём, у Озерова была вывихнута рука в результате столкновения с одним из «тяжёлых». Оставшаяся двойка выполнила контроль, и вернулась к нам с куском бархатной портьеры, в которую они сгрузили останки князя Куракина. Когда их перегружали в прорезиненный мешок, княжич проблевался, а я отнёсся на удивление спокойно. Похоже, стоит раз в жизни упасть лицом на собственную оторванную ногу. После этого чужие головы как-то перестают волновать.

Всю обратную дорогу пилоты спорили, что за невиданные ими ранее МБК были у противника. Озеров убедительно доказывал, что это долгожданные «Медведи», особо тяжёлые доспехи, которые ещё год назад должны были поступить гвардейцам, а Афанасьев настаивал на немецком происхождении МБК, в основном апеллируя к заявленным характеристикам какого-то рейфельхарниша пятой модели.

Как бы то ни было, а щиты и броня у «тяжей», встреченных над имением, вполне успешно противостояли снарядам автоматических пушек наших пилотов. Нас выручила лучшая манёвренность и несерьёзный калибр оружия у «медведей». Просадив вдвоём щит «медведю», пилоты достреливали его из револьверов. Пулю с магической начинкой голая броня тяжёлого МБК уже не держала.

– Вот этими самыми ручищами и был обезглавлен заговор, – закончил Антон наш рассказ, угрожающе размахивая вилкой.

По мне, так пусть машет. Все предметы на столе, склонные к опрокидыванию, я ещё в начале разговора от него отодвинул.

– А ты знаешь, Олег, не нужно ничего менять в моём дирижабле, – продолжил вещать княжич с одухотворённым

лицом, – Никуда мне теперь эти гонки не упёрлись. Лучше я к тебе на свой следующий день рождения прилечу, и мы опять куда-нибудь слетаем. И ка-ак жахнем… Жахнем?

– Обязательно жахнем, – по привычке согласился я, протягивая ему рюмку, – Прямо сейчас чокнемся, и жахнем.

Расходиться мы стали, когда за окнами забрезжил рассвет.

Поднимаясь вслед за Алёной по слабоосвещённой лестнице, я вполне закономерно столкнулся с ней в тёмном коридоре, когда она притормозила, открывая дверь в свою спальню. Пришлось обхватить княжну за талию, чтобы не упала.

– Олег, ты же из-за меня летал, да? – ловко крутанувшись в получившихся объятьях, прошептала мне Алёна прямо в ухо.

Вместо ответа я обхватил её за плечи и поцеловал в сладкие тёплые губы.

– Олежек, милый, – вдруг раздался из непроглядной темноты коридора ласковый-ласковый голос Дарьи, – Ты когда с Рюминой закончишь, загляни-ка ко мне, кобелина.

Алёна, чуть слышно ойкнув, ускользнула за дверь, а я впервые за последние дни испугался по-настоящему.

Дашка – это вам не какой-то там архимаг. Тот быстренько убьёт, и всё. А Дарья мозг будет выносить не спеша, с чувством, толком и расстановкой, заставляя горько сожалеть о каждом мгновении непристойного поведения. Как бы то ни было, а пришлось идти сдаваться. Спасти меня может только полная капитуляция, искреннее покаяние и посыпание головы пеплом.

Ещё никогда Дашка так громко не стонала и не охала, как в это утро, во время приносимых мной извинений. Не удивлюсь, если потом мне выскажут, что нас на весь дом было слышно и мы спать никому не давали.

С Медведевым я встретился поздним вечером следующего дня.

До встречи с архимагом успел побывать у Анвара и заскочить к Усольцеву.

Наконец-то я понял, что не так было при прошлой работе на Источнике. То, что я стал работать намного быстрее, мне подсказал мегрел, а своего друга-котейку я и сам почувствовал. Показалось, что он пару раз заглядывал в зал, и принюхавшись, уходил, нервно вздрагивая кончиком хвоста.

На этот раз я осилил три Чаши, не особенно утомившись. Боюсь ошибиться, но мне кажется, что это связано с расширением моих энергоканалов и адаптацией к постороннему потоку Силы.

С обработкой камней у Анвара всё наладилось. Заново изготовленный инструмент работал исправно, и обработка тёмно-синих кристаллов теперь всего лишь вопрос времени. Заодно и

обычные, ранее изготовленные кристаллы, на которых старый мастер опробовал новые пилы, стали пилиться чуть ли не вдвое быстрее, что несказанно обрадовало мегрела. Наверняка повышенная твёрдость новых кристаллов сказалась.

Попытка достучаться до Усольцева ни к чему не привела. В его лаборатории что-то ухало и скрежетало, а сам техномаг не отзывался. Хороший признак. Обычно он так увлечён работой, если у него что-то получается. А раз так, то не стоит мешать человеку.

– Князь Куракин убит. Его усадьба в Надеждино разрушена, – такими словами я встретил вошедшего Савву Савельевича, когда у меня наконец-то нашлось время с ним поговорить.

– Шутите? – насупился он, сверля меня взглядом из-под густых кустистых бровей.

– По-моему я ни разу не дал вам повода усомниться в правдивости моих слов. Впрочем, можете потешить свою недоверчивость и изучить содержимое вон того мешка, – указал я в угол кабинета.

О замёрзшую на морозе голову князя Куракина я запнулся, когда выходил из дома. Немного подумав, прихватил её с собой. Дашку и так тошнит время от времени, а узнай она, что я отнёс голову на ледник, где у меня хранятся продукты, тут такое начнётся, что хоть из дома беги.

– Радикально, – одним словом подвёл свои впечатления Медведев, когда изучил содержимое мешка. К моему глубокому сожалению он даже не побледнел. Похоже, что осмотр трупов дело для него знакомое и обыденное.

– Удовлетворены? – поинтересовался я у Саввы Савельевича, лениво рассматривая и поглаживая свои ногти. У моего старосты Шувалова есть такая привычка. Любит он порой изобразить из себя скучающего аристократа, томимого истинно английским сплином.

– Вполне. Осталось с вами о последней мелочи договориться, а там, пожалуй, и мне рассчитаться пора пришла.

– А в мелочах у нас ваша смерть, как мне помнится? – поморщился я и кивнув на мешок, продолжил, – Вас так же исполнить?

– Лишние хлопоты, да и ни к чему оно вам. Достаточно будет, если в ближайшие сутки никто из целителей меня лечить не надумает. Особенно эту вашу нерусскую не пускайте. Сильна баба. Никак не ожидал такое чудо в вашем захолустье встретить.

– И что произойдёт за сутки?

– Не знаю, известен ли кому-то из ныне живущих мой возраст. Впрочем, вам достаточно будет знать, что я не один

десяток лет живу, поддерживая себя исключительно магией. Магией Крови, если вам это интересно. Очень своеобразный раздел магической науки, имеющий много общего с Целительством, – архимаг, похоже сам того не заметив, во время своей речи сбился на менторский тон, и поднявшись с кресла, принялся расхаживать по кабинету, заложив за спину руки, – Магия Крови позволяет серьёзно вмешиваться во многие процессы жизнедеятельности человека. Аспартатаминотрансфераза, раковые клетки, тромбы и ещё десятки вредных составляющих крови перестанут вам досаждать, сокращая срок вашей жизни, если вы научитесь с ними бороться и своевременно их удалять. В определённой степени вы сможете поддерживать почти все ваши органы в том состоянии, в котором смогли их первоначально зафиксировать. Вот скажите, на сколько лет я выгляжу?

– Лет на пятьдесят с небольшим вы выглядели вчера, а сегодня… Лет на пять-семь вроде бы постарели, – честно ответил я, отмечая изменения в облике Медведева.

– Вот, – Савва Савельевич наставительно поднял вверх указательный палец, похоже, нисколько не огорчившись моей оценкой его вида, – Заклинания Крови вовсе не бесконечны по сроку действия. Рано или поздно у каждого мага Крови наступает тот предел, когда он уже не может поддерживать их в полном объёме. Срок действия заклинаний постоянно сокращается, пусть по каплям, но… Как бы мне это объяснить понятнее… Хорошо, приведу пример. Сначала вам требуется перенести один кирпич в месяц. Потом два кирпича, но уже раз в три недели. И так далее… Аналогия понятна.

– Ещё бы. Через полгода я уже просто ничего не смогу поднять, а таскать кирпичи мне придётся чуть ли не постоянно.

– В нашем примере гораздо раньше, – отмахнулся от меня Медведев, видимо имея в виду свою грузоподъёмность, а не моего юношеского и неплохо растущего организма, – Другими словами, Сила магии не бесконечна.

– И когда она полностью пропадает… – подсказал я ему, чтобы сократить время урока.

– То возобновить заклинания уже не получится. Заодно можно забыть и про необходимую профилактику отдельных органов, хотя бы теми же простейшими целительскими заклинаниями. К счастью, в моём случае первым откажет сердце. Я могу считать, что мы договорились?

– Можете. Только объясните мне, почему вы не хотите пожить подольше? Мы оба прекрасно понимаем, что вам не грозит ни каторга, ни смертная казнь. Скорее всего вас определят в неплохую палату какого-нибудь закрытого госпиталя, где вы

проживёте ещё не один год. Таким ресурсом знаний и опыта ни один Клан не станет разбрасываться, даже Императорский.

– Браво, молодой человек. Признаюсь, не ожидал от вас столь верной и циничной оценки ситуации. Порадовали. Ещё один плюс к принятому мной решению. Скажу вам по секрету, что в указанном вами Клане у меня нет друзей, и поверьте на слово, это ещё крайне мягко сказано. Так что натянуть им нос напоследок мне только в радость.

– Помню, рассказывали нам в лицее про коня. Троянского. Он у вас никаким боком в родственниках не значится?

– Зоофилов в родне не припомню, хотя тёща по второй жене той ещё сукой оказалась, – улыбнулся Медведев, – К счастью, прожила не долго.

– Сердце отказало? – участливо поинтересовался я.

– Печень, – помотал головой архимаг, – Больно уж выпить любила.

– Надо же. Детки без бабушки остались, – пособоболезновал я.

– А нет их, деток. И государев Клан, вроде бы, как ни при чём, – сыграл желваками Медведев.

Надо же, какого размера скелеты у нас в шкафу завелись. Дрянь дело, если самый могущественный в стране архимаг не может найти общего языка с тем Кланом, что у власти. Значит, он найдёт понимание у других. Тут я покосился на мешок, лежащий в углу. А там, смотришь, и появится способ убеждения. Как-то же заставляют те же сутенёры выходить на панель вполне добропорядочных девушек. Многие из начинающих проституток до последнего искренне верят, что они спасают жизнь своим избранникам, отрабатывая своим телом их несуществующие долги.

Будь ты каким угодно крутым магом, но при правильном, системном изучении опытными психологами, на тебя всегда найдутся рычаги воздействия.

А самые опытные психологи у нас где? Правильно, в самых сильных Кланах. В том числе и в Императорском, который сейчас радиостанции заговорщиков щедро поливают дерьмом. Убедительно у них получается, если что. Даже я верю, что недавно прошедшая война была чрезмерно затянута. Слишком много совпадений и доказательств. Не иначе, кто-то из Генштаба информацию слил. По крайней мере сроки призыва резервистов или развёртывание пехотных полков было проведено крайне неспешно. В итоге Императора называют изменником, предавшим интересы страны, и прямо подводят к тому, что никакая присяга не может быть действительна, если она дана предателю.

Как вам такой выверт? Даже мне, убеждённому монархисту,

на мозги давит. Так что я не удивлюсь, если и для Медведева подыскали достойные аргументы, старательно подогревая его сомнения и недовольство.

– Ладно. Давайте по делу поговорим. Когда меня ваши люди взяли, у меня на шее звезда с рубинами была надета. Сейчас она нам потребуется.

Была звезда, – подтвердил я, – Не подскажете, зачем она вам нужна?

– Звезда архимага – это не просто статусное украшение. По сути, это рабочий журнал мага, а заодно и нечто вроде удостоверения личности. Магическое удостоверение. К примеру, в банке «Дар» вам по нему можно будет получить доступ к моему счёту и личному сейфу. Только я вам не советую туда соваться до тех пор, пока вы не освоите хотя бы простейшие Щиты из моего арсенала. В отделение для архимагов попадают через специальную комнату, а там, знаете ли, молнии летают. Простенько и со вкусом. Враз отбивают желание соваться туда всяким подозрительным личностям. Причём, я не только криминал имею в виду, если понимаете, о чём я.

– Что уж тут непонятного. Та же прокуратура из кожи вон бы вылезла, чтобы по некоторым сейфам пошарить.

– Примерно так, – согласился Медведев, – Вот только вход туда всего лишь один, а молнии не делают различий между вором и прокурором. По крайней мере кучки пепла от них одинакового размера остаются.

– Не поверю, что не существует способа проникнуть в такое хранилище, – улыбнулся я, отчего-то не сильно поверив в рассказ Саввы Савельевича о неприступности банка. В том же лицее нам про защиту директорского кабинета что только не говорили. А мы втроем, перед выпускным вечером, всё-таки умудрились бутылку коньяка на середину директорского стола поставить.

– Теоретически, существуют способы, и даже не один. Та же звезда, составленная из пяти архимагов моего уровня, вполне себе в полчаса уложится, если мешать не будут. Вот только где найти их, таких архимагов, которые своими же руками собственные привилегии начнут разрушать. Опять же, во всех трёх основополагающих документах, написанных при создании Империи, статья о банковской тайне для Одарённых идёт сразу вслед за статьёй о частной собственности. Таким образом, это как бы один из столпов государственности. Если что, то Дума имеет право объявить о низложении Императора, обнаружься вдруг факт такого нарушения. Опыт Истории сумели учесть, когда документы составляли. Теперь просто так нельзя пообещать заводы рабочим, а землю крестьянам, а потом никому ничего не

дать. Отвечать, случись что, придётся лично и согласно Дуэльному кодексу. Правда с правом замены, но у них, в Императорском Клане, толком и нет никого, – злорадно усмехнулся Медведев, – Одного, правда, успели в архимаги объявить, как только он за десятый уровень чуть-чуть перевалил, да сами же и спрятали его подальше, чтобы не дать никому на зуб попробовать. Так что поостерегутся имперские службы лезть куда не надо. А к моему сейфу, без моей звёздочки в руках, я бы и никому из нынешних архимагов близко подходить не посоветовал. У нас с ними школы разные. Да вы, наверное, и по моему знаку это определили. Особый он у меня. Не такой, как нынешние.

Не знаю, кем я Медведеву кажусь, но рубиновый знак архимага мне в руки попал впервые. Притащил я его и накопитель, сделанный в виде ременной пряжки, к себе, а времени на изучение этих артефактов так и не нашёл. Для того и к Усольцеву стучался, но и тому некогда. Так что сижу, делаю умное лицо, а сам многое из того, что мне архимаг излагает, понимаю с трудом.

Взять того же Императора. Для меня он Бог, Царь и пионервожатый. Если что, то про пионервожатых я их старых книг узнал. Существовал такой вид наставников в давние времена. Согласно историческим источникам – редкой злобой они были отмечены к своим воспитуемым. С нами командиры в Академии мягче обходятся, чем эти наставники относились к сопливым детям. Везде строем, парами, речёвки, линейки и спать по расписанию. Застрелиться можно.

НО, оказывается, весь Императорский Клан можно подвести под череду дуэлей, случись им нарушить какую-нибудь статью или положение, прописанное при создании Империи. Магическая клятва это подтвердит. Да, у Императора и членов его Семьи оговорено право выставить вместо себя кого-нибудь из родственников, в качестве поединщика. Правда, с тем же Саввой Савельевичем, этот вопрос не существенен. По паре десятков любой замены в день он легко сметёт, даже не вспотев. Наверняка и больше сможет, но любая дуэль, как минимум полчаса занимает, если к ней по всем правилам подходить. Так что простыми арифметическими действиями можно прикинуть, через какое время в Императорском Клане закончатся Одарённые и дуэли прекратятся, ввиду отсутствия соперников.

Поэтому и Ирина Рюмина, и Антон, и Алёна…

Что-о-о… Алёна??!

– Савва Савельевич, а не могли бы вы мне чуть подробнее рассказать про дуэли, – мелким бесом подкатился я к архимагу,

кидаясь к самовару.

Чаёк у меня хороший припасён, а мёд, так и вовсе, нечто божественное. Опять же, варенье малиновое присутствует, вкупе с наивкуснейшими печенюшками. Кроме чая, всем остальным меня селяне балуют, а то и от Семей что-нибудь присылают. Что ни день, так какой-нибудь сюрприз ожидает.

У Оксаны, которая в секретарях прижилась, те и другие девяносто уже под метр с небольшим вымахали, правда и шестьдесят подросли прилично, добавив секретарше монументальности. Зато одного варенья у неё в закромах сортов двадцать, и это только в трёхлитровых банках. Те, что мельче литражом, она куда-то в другой шкаф прячет, на осмотр которого я пока что так и не сподобился.

– Вас официоз интересует, или то, как и что можно использовать практически? – поинтересовался Медведев, после того, как мы оба проводили взглядами Оксану, помогавшую мне накрыть стол к чаю.

Слышал я поговорку о том, что короля делает свита. Мне пока Оксаны хватает. Мужики, как её увидят, очень уважительно на меня потом смотрят. Ещё бы. Почти центнер сплошных достоинств, а ко мне со всем почтением.

– Практически, а ещё лучше как можно быстрее и эффективнее.

– Тогда эти ваши снаряды, а потом бритвой по горлу…

– И в колодец, – закончил я фразу за Медведева. Вот ей-ей не знаю, с чего вдруг ляпнул. Сущность, похоже, развлекается.

– Как-то так, – непонятно с чего развеселился архимаг, – Но всё-таки давайте вернёмся к звезде.

Полчаса он мне объяснял, что и как у них в архимаговской рубиновой блямбе устроено. Прикольная штука. Тех же боевых заклинаний высшего уровня больше сотни на ней записано. Из них добрая половина – личные разработки Медведева.

– Теперь вот сюда надо по капле вашей и моей крови. Сделайте лёгкий вброс Силы, а потом громко и отчётливо произнесите слово Орех, – без особой суеты руководил Медведев привязкой звезды. Про артефакты, требующие привязку по Крови, я раньше только читал, а проблему со вбросом Силы решил, зачерпнув её из накопителя, лежащего у меня в кармане. Впрочем, всё обошлось. Артефактик проглотил положенную порцию Силы, даже не мявкнув.

– А почему Орех? – спросил я, покрутившись по сторонам в ожидании спецэффектов. Но их не было. Даже хлопушка никакусенькая не бахнула.

– Потому что у звезды Гогенцоллерна кодовое слово Сова, –

мудрёно ответил Савва Савельевич, заставив меня покоситься на него с опаской. За этими очень пожилыми архимагами глаза да глазки нужны. Сейчас вот только что он вроде бы вполне вменяем был, а теперь заговариваться начал. О чём он вообще?

– Вы про бывшего короля Пруссии говорите? – осторожно поинтересовался я, отслеживая реакцию Медведева.

– Когда мы познакомились, он был обычным студентом, – поморщился архимаг, всем своим видом показывая, что продолжать разговор на эту тему он не желает, – Я вот всё жду, когда вы спросите, что у меня в банке хранится.

– Вряд ли вы мне расскажете. Больно уж хитро вы поглядывали, когда мы про банк говорили.

– Надо же, становлюсь предсказуем. Про всё действительно рассказывать не стану. Пусть у вас будет дополнительный стимул для тренировок. Расскажу лишь про кристалл, который хранится в красном бархатном мешочке. На нём записаны мои исследования по магии Крови. Последний раздел напрямую касается вашей Алёны Рюминой. Советую изучить его внимательней. И, пожалуй, в завершение нашей беседы дам вам ещё один совет. Не стоит примерять звезду архимага на себя и показываться с ней на людях до тех пор, пока не освоите хотя бы пару десятков моих заклинаний. Именно моих. Потом сами поймёте, чем они отличаются от обычных. Нынешним архимагам на исследования времени и желания не хватает. Они всё больше интригами да вопросами собственного благополучия занимаются. Заодно озаботьтесь хорошим тренером. Помниться, когда я впервые звезду надел, у меня в первый же месяц шесть дуэлей состоялось. Молодой был. Многие не верили, что я её честно получил.

– И сколько же вам лет тогда было?

– Тридцать два года. Самый молодой архимаг в Русских Княжествах, – напомнил мне Медведев про давние времена, когда Россия была раздроблена и ещё не называлась Империей.

– Савва Савельевич, у вас ко мне ещё остались вопросы? – постарался я спросить, как можно спокойнее. Всё таки друг друга мы с ним толком не знаем. Для меня он чужой человек. И то, что я слишком быстро к нему привык, это только моя проблема.

– Последнее желание, если позволите.

– Я вас слушаю.

– Распорядитесь пожалуйста, чтобы мне вечером бутылку приличной водки принесли с какой-нибудь закуской, и если можно, то пусть уху приготовят. Самую обычную, из окуньков и ершей.

У меня застрял комок в горле и я лишь кивнул, словно

подавившись невысказанными словами.

О том, что старый архимаг умер, мне доложили на следующее утро.

Желание попрощаться с ним тут же высказали Шабалин и Игнатьев. Думаю, что на самом деле они просто хотели лично удостовериться в его смерти.

Савва Савельевич умер в постели. Смерть заострила черты его лица, подчеркнув впалость щёк и высокий лоб. Неживое лицо выглядело на удивление благообразно, и казалось каким-то неправильным. Слишком симметричным, как лики святых.

Неприятное у меня состояние. Тяжесть, боль утраты и чувство вины. Может всё же стоило попробовать отговорить Савву Савельевича от скорой смерти. Столько недоговорённого у нас осталось. И попрощались мы скомкано, не глядя друг другу в глаза.

Не ожидал, что настроение мне поднимет посещение лазарета. Выздоравливающие пилоты блаженно бездельничали и вряд ли скучали, оба попав в одну двухместную палату. Сейчас они увлечённо слушали новости. Я, зная способности Джуны, в их выздоровлении не сомневался и даже не стал донимать вопросами о самочувствии. Прикроватные столики у них завалены всякими вкусностями, так что почти наверняка они досыта на эту тему наговорились с друзьями, успевшими их посетить с утра пораньше.

– Вижу, вас уже навещали, – кивнул я на столы, – Я тут тоже кое-что привёз, так что с голоду теперь точно не умрёте. Из столицы что-нибудь новенькое слышно?

– По радио мало что говорят, – ответил Озеров, приглушая звук настенного репродуктора, – Зато вчера вечером радисты после смены забегали. Вот они много интересного рассказывали.

Вот же… Я чуть сам себе по лбу не дал. Мы без новостей задыхаемся, а про такой ресурс информации я даже не вспомнил. Совсем меня происходящие события из колеи выбили. Как сказал Степан, что нагрузка на наш ретранслятор в разы упала, так я про него и не вспоминал больше. У вояк связисты оказались тоже не пальцем деланы. Через день-другой опомнились, и свою связь наладили, уйдя на другие частоты, а где и вычислив станции глушения, которые тут же безжалостно уничтожались. Не любят отцы-командиры самостоятельные решения принимать. То ли дело приказы. Принял к исполнению, напряг подчинённых, а потом отчитался, как положено. Это совсем другое дело, насквозь знакомое.

– С мостов начни, – подсказал замешкавшемуся Озерову Лёха Васильев. Насчёт его разбитого пулей наплечника у меня ещё

будет разговор с Густавсоном. Помню я, как Рудольф Генрихович довольно потирал руки, когда ему удалось вес наплечников на три килограмма снизить.

– Точно. У нас железнодорожное движение по всей стране остановлено надолго. В разных местах больше двух десятков мостов взорвано. Из них шесть или семь больших. Говорят, до окончания паводков их никто ремонтировать не будет. Так что армия застряла на полпути и раньше, чем через неделю, ничего серьёзного к столице не перебросят. Везде морозы стоят, жуть какие. У автомобилей масло в мостах замерзает на ходу.

– Ага, а против нас точно «Медведи» были. Их в одной столице, по слухам, под две сотни насчитали. Ох, заруба там была… – вновь вмешался неугомонный Алексей, которого просто распирает от желания меня удивить.

– Погибших много?

– Наших человек восемь вроде. Раненых тоже хватает. И восемьдесят процентов МБК в хлам. Не успевают ремонтировать.

Этим он меня не удивил. После нашего вылета к Куракину у меня все пять МБК в ремонт ушли. Так что представить себе, как там сейчас Морозов зашивается, ремонтируя мобильные комплексы целому полку, я очень даже в состоянии. Любой летательный аппарат – вещь крайне сложная и требовательная. Вроде бы нет ничего страшного, если на бронепластине видны следы двух-трёх попаданий. Может, и нет, если геометрию не сверять. А если сверить и она не совпадёт, то замену лучше сразу делать. Иначе иногда не вдруг обнаружишь, где шарнир закусывает, или тяга какая не в полную силу работает.

– А откуда у заговорщиков «Медведи»? Ладно бы «горбатые», а то ведь чуть ли не последнюю элитную модель заговорщики где-то ухватили.

– Мы тоже такой же вопрос задали. Радисты толком не знают, но разговоры про Ямал идут. Якобы туда вывезли заводы Меркулова. Какой-то нефтяник постарался.

– Подожди-ка, – поскрёб я затылок, – Это не тот ли Меркулов, которого взорвали прямо в машине год назад.

Так-то случай громкий вышел. Во всех смыслах. В самом центре столицы Главу Клана взорвали. В двух шагах от Министерства Обороны.

– Тот самый. Ходили разговоры, что когда его «Медведя» комиссия в очередной раз не приняла, у него начались проблемы с кредиторами. А после его смерти только ленивые в разорении Клана не поучаствовали, – вполне информировано отозвался Озеров.

Поражают меня порой коренные жители столицы. Сколько

интересных сплетен и новостей они знают про самых разных людей. Хотя, чему я удивляюсь. Отец у Озерова владелец издательства, а мать в Смольном преподаёт. Ему ли не знать, чем живёт столица.

– Допустим, с МБК что-то понятно, а где они пилотов набрали? Представь только, двести Одарённых с шестым-седьмым уровнем.

– С четвёртым-пятым, – поправил меня Озеров, – В том-то и была фишка меркуловских МБК, что они резко снижали требования к уровню пилотов. Подробностей не знаю, но слухи ходили. А уж четвёрок найти не сложно. Практически любого Одарённого чуть не со школы бери и обучай. Вот их и набрали из прибалтов да западенцов, которые по жизни на любую бузу готовы, лишь бы нам в карман нагадить. Не пойму никак, что людям не живётся. Мы к ним со всем вежеством, как к равным, а они всё себя европейцами величают. А того замечать не хотят, что те же европейцы об них не только ноги вытирают.

Признаться, в рассуждения Озерова мне вникать резко не захотелось. Меня на другом заклинило. Со слов пилотов я знал, что МБК «Медведь» очень похож на наши доспехи, разве что он немного крупней в размерах. По крайней мере никакого сравнения с «горбатыми» армейскими МБК ни разу ни от кого не прозвучало. А теперь ещё и уровень пилотов сразил наповал.

В гвардейском МБК уровень Силы пилота имеет большое значение. На него завязано всё управление мобильным комплексом, подкачка Щитов, в случае их сильной просадки, и даже обычное шевеление конечностями, одетыми в десятки килограммов брони. Для всего остального Сила берётся из накопителя. Что характерно, из накопителя моей работы. Лучшего в стране и позволяющего летать на МБК без «горба» за спиной.

А на чём летают «Медведи»?

Да, те самые двести «тяжёлых», которые ссадили на землю почти весь гвардейский полк – основную силу и надежду Императора.

Мне же никогда не доказать, что такого количества накопителей я никому никогда не продавал, и единственное место, где их столько можно найти – это Оружейный Приказ.

Может кто и скажет, что я напрасно паникую раньше времени, так я напомню, что жизнь научила.

Я уже побывал разок в тюрьме, откуда запросто мог и не выйти. Но тогда вопрос так серьёзно не выглядел. Достаточно представить себе то количество Кланов, чьи интересы завязаны на армейские поставки, и придёт понимание того, что закон не для

всех писан одинаково. По крайней мере мне за свою жизнь не доводилось слышать ни про одного посаженного или расстрелянного крупного чина из числа армейских снабженцев. Такое впечатление, что все они ангелы во плоти.

В какой-то момент мне даже захотелось бросить все дела и слетать в имение Куракина, в надежде разыскать одного из сбитых «Медведей».

– Ваше Сиятельство. Вас к телефону просят. Говорят, срочно, – перебила мои метания медсестра, заглянув в палату.

– Олег… Олег Игоревич! Приезжайте скорей! У меня всё получилось! – услышал я в трубке ликующий вопль Усольцева.

Глава 36

Заговор пульсировал.

Степан подобрал это словечко, когда мы однажды вечером посидели с ним в операторской, слушая самые интересные переговоры.

Операторы выводили их для нас на динамики, ориентируясь на наибольший накал эмоций, возникающий временами в эфире.

Придя домой, я вывалил новостное попурри, изрядно оживив моих гостей, уже начавших унывать.

Люди, привыкшие постоянно быть в центре внимания, порой крайне болезненно воспринимают затянувшийся период затишья. Им кажется, что о них забыли.

Объективно говоря, заговор пока довольно стабильно балансирует на одном и том же уровне, без явного преимущества какой-либо из сторон, время от времени взрываясь ожесточёнными точечными боями.

То наши штурмуют имение какого-нибудь заговорщика, используемое им в качестве базы, то чья-то дружина пытается отбить один из пригородных имперских арсеналов.

Иногда успех дня определяется всего лишь одним армейским батальоном, прорвавшимся к столице на конфискованных у населения автомашинах через заслоны и снежные заносы, и сходу вступившим в бой.

Заговорщики тоже подтягивали подкрепления, не стесняясь порой матом отругиваться в эфире, пытаясь доказать кому-то, что им были указаны более поздние сроки и не хрен их строить, если у самих всё не по плану. Короче, в стране веселуха и бардак.

– Знаете, у меня сложилось мнение, что заговор грянул преждевременно, хотя в воздухе уже давно чем-то таким веяло, – попытался я обобщить свои впечатления от переговоров, подслушанных на разных радиочастотах, необычного поведения курсантов, на которое я обратил внимание перед дуэлью, и подготавливаемого хлебного бунта.

– Вполне с вами согласен. Сам теперь определённые странности вспоминаю, – заметил граф Игнатьев, прикуривая. Майор, похоже, моим рассказом про возможности ретранслятора, заинтересовался больше всех, в какой-то момент собираясь чуть ли не в ночь мчаться к операторам. Когда новости в моём исполнении закончились, он вытащил меня в курительную комнату для продолжения разговора, – Сидя в штабе, тоже кое-что замечать научишься. Тот же запрет на отгулы и отпуска в январе. Или десяток прикомандированных из ведомства князя

Обдорина. Опять же казармы для размещения целого пехотного батальона приготовлены. Только где он теперь, этот батальон.

– Могли бы и загодя войска к столице перебросить, – с досадой заметил я, чуть было не проговорившись о том, что я предупреждал о надвигающихся неприятностях.

– Не могли видимо. У немца с осени неспокойно на границах. А то, что кто-то из заговорщиков надумал руки раньше времени погреть, цены на хлеб взвинтив, государю только на пользу вышло. Сегодня во всех новостях только и разговора о том, в каких городах населению муку по фиксированным ценам с государственных складов начали отпускать. Втрое дешевле выходит, чем у купцов. Пусть по полпуда на руки пока дают, зато народу сразу понятно стало, кто о них заботу проявляет, а кто три шкуры драть собирается. Не удивлюсь, если дня через три клич про сбор ополчения пройдёт. И тогда уж всё, конец заговорщикам. Допрыгались, мерзавцы.

– Ага, армия не справилась, а ополчение прямо таки разом всё решит, – весьма скептически отнёсся я к такому смелому заявлению.

– Под ружьём у нас меньше одного процента населения, а мобилизационный резерв страны порядка восьми с половиной процентов. По девять ополченцев на одного солдата выходит. Не те нынче армии, граф. Вот предки умели воевать со вкусом. Солдат – миллионы, артиллерийских стволов – десятки тысяч, а из танков и самолётов целые армии и бригады создавали. А у нас… Если сойдутся где тысяч по десять солдат с каждой стороны, то сражение уже историческим считается.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь, – зашёл в курилку Шабалин, с недовольной гримасой разминая в руках сигарету.

Помнится, первые дни он другие сигареты курил, длинные и тоненькие, но тут уж извиняйте. Нет в нашем сельпо столичных изысков. Да и кто мог знать, что у меня такие именитые гости появятся и так надолго застрянут. Уже и Дарья утром сказала, что у нас конфеты и шоколадки к концу подходят, которыми она ещё в столице отовариваясь прилично запаслась. Как бы не пришлось вскоре княжнам на ириски и леденцы переходить, с таким-то аппетитом. Их в поселковом сельпо завались, видов по пять того и другого.

Как только Шабалин закурил, я понял, что пора бежать. Вдвоём они сейчас быстро комнату задымят.

– Граф, не подскажете, что за пояс у вас появился? И вид какой-то нездоровый. Глаза так и вовсе красные, словно вы трое суток подряд не спали, – развеял Шабалин мои надежды на

быстрый побег.

Вот дались им всем мои глаза. То Анвар снова вздыхал и охал, когда я из зала с Чашами выбрался, то Шабалин начинает. Ну, да. Перебрал я в очередной раз с магией. Наука требует жертв, и что мне делать, если я и есть та самая жертва.

* * *

Короче, я на себе испытываю протез нового типа.

Почему сам? Так у меня даже мысли не возникло, что такой шедевр можно кому-то другому доверить. И дело даже не в цене, хотя и цена у протеза ого-го какая. Секретов в нём много. Практически все наши с Усольцевым разработки использованы. Тут и сумматор, и усиленные магией энерговоды, и «диодные» мостики, как мы их теперь называем, вспоминая решение, подсказанное Степаном.

Кстати, Степан опять отличился. Пришёл как-то раз, когда мы с Усольцевым сцепились в споре из-за сечения энерговодов.

Представляете, техномаг хотел впиндюрить энерговоды толщиной чуть не с э-э… Короче, потолще большого пальца. А мне что, этим протезом баб пугать? Нет, мне его на своём горбу таскать придётся, ну, или на брюхе, если уж до конца быть точным. Вот я и предлагал ему добавить магического усиления на металл, а размеры поприжать. И плевать мне, что расход Силы возрастёт. Во-первых, не так уж и сильно, а во-вторых, только на время работы. Зато блямба протеза на пузе заметно похудеет. Почему это для меня так важно? А вы только представьте себе, как я куда-нибудь вместе с Дашкой выйду. Люди же со смеху уписаются, разглядывая наши симпатичные животики.

– Вы провода когда-нибудь видели, которыми автомобили друг от друга «прикуривают»? – с ехидным лицом вклинился Степан в наш спор, когда я выдохся, выдав очередной перл про беременного графа.

– Это толстые такие, с большими зажимами-«крокодилами» на концах? – уточнил я на всякий случай.

– Именно. Как вы думаете, почему они такие толстые? – с усмешкой спросил у нас мой друг.

– Мощность у стартера большая, – выдал я очевидный ответ.

Не хуже других знаю, что из всех устройств автомобиля стартер потребляет больше всего электроэнергии.

– Мощность, значит, – кивнул Степан и покрутил головой по сторонам, – Тогда хочу тебя огорчить. Мощность у стартера примерно такая же, как у твоего чудо-чайника, – указал он

пальцем на предмет, найденный им для сравнения.

Я с сомнением уставился на пузатое никелированное чудо, которое пришлось недавно купить. Продавец уверил меня, что вода в нём закипает чуть ли не за минуту. Обманул, конечно же. За минуту вода закипает только в том случае, если чайник налит наполовину. Я это с часами в руках проверил.

– И что?

– И то. Мощность одинаковая, а толщина проводов разная.

– Угу, – глубокомысленно заметил я, и с надеждой повернулся к Усольцеву, рассчитывая на подсказку. Зря. Тот и сам глазами хлопал, словно вызванный к доске двоечник.

– Сила тока и напряжение, – попытался объяснить Степан, но увидев перед собой уже двух двоечников, с лицами, не отмеченными печатью интеллекта, лишь вздохнул и принялся растолковывать, что и как, со всеми подробностями.

– Всё здорово, – спустя некоторое время, вздохнул Усольцев, уяснив метафору, – Только сразу хочу сказать, что никаких таких трансформаторов и прочих электрических штучек, повышающих напряжение, техномагия не знает. Нет их, понимаете, нет. А так да, мысль была крайне заманчивая. Поднять напряжение и уменьшить сечение энерговодов. Но, увы…

Я тоже скорбно покивал головой, соглашаясь с техномагом.

И мы оба замерли, глядя, как Степан выразительно крутит пальцем у виска.

– Скажите, что вы издеваетесь, а? – с напрасной надеждой взглянул он в наши лица, принявшие уже знакомое ему выражение. Я понимаю, что удовольствия это ему не доставило. Глуповато-растерянные лица, сопровождаемые хлопаньем ресниц, неплохо смотрятся в исполнении красивых девушек, до обаяния которых нам с техномагом далеко.

Понаблюдав за нами и поняв, что мы решительно настроены бороться за призовые места на чемпионате по тупости, Степан начал разбирать фонарик, который я недавно купил вместе с электрочайником. Знаете, сколько оказывается нужно вещей, ненужных магу. Я раньше сам себе и электрочайником и фонариком был. Что надо согрею, куда надо, посвечу. А теперь фигушки. Позабудешь дома карманный накопитель, и думай, как выкрутится.

Степан выразительно вытряс из фонарика круглые батарейки, и демонстративно начал вставлять их обратно. Мы с техномагом не менее выразительно увеличили градус тупизны. Неплохо мы с ним сработались. Синхронно и не сговариваясь исполняем. Кстати, а вот действительно интересно, что Степан пытается до нас донести, своими символичными сакральными действиями.

Как по мне, так что-то весьма неприличное. Иначе, зачем ему пальцем тыкать в заднюю часть последней батарейки, вставленной в фонарь, и испытующе поглядывать на нас с умным видом.

– Ладно. Попробуем по-другому, – Степан начал снова вытаскивать батарейки из фонаря, – Упростим задачу.

Он разложил батарейки на столе. Две положил рядышком друг с дружкой, а две расположил одна за другой. Точно про Камасутру сейчас завернёт… Больно уж позы характерные.

– Вы видите перед собой обычные круглые батарейки, в простонародье называемые «бочонки», – начал он вещать гнусавым заунывным голосом, неплохо изображая типичный говор плохого лектора. Даже ручку со стола схватил, водя ей, словно указкой, – Всё, что вам нужно запомнить, это напряжение в полтора вольта и силу тока в сто миллиампер. Произведение этих двух чисел подскажет вам предел допустимой мощности устройства, которое можно подключать к одной батарейке. Если вам требуется повысить силу тока, то батарейки вы должны включить параллельно, и тогда мы получим двести миллиампер, а если нужно поднять напряжение, – тут Степан взял паузу, и выразительно посмотрел на Усольцева, – то последовательно. Это позволит поднять напряжение с полутора до трёх вольт. Для особо Одарённых уточняю, что последовательно и параллельно – это не геометрические виды пофигизма, а способы подключения. В нашем случае так включаются батарейки, а в вашем – накопители.

Для наглядности Степан тыкал импровизированной указкой в разные пары батареек, видимо всерьёз опасаясь, что мы с Усольцевым сегодня способны переплюнуть самих себя, и дважды два для нас недоступно сложная задача.

Дважды два! А ведь точно…

– Четыре! – заорал я так, что Усольцев подскочил на полметра вверх прямо вместе со стулом, – Делать протез будем на четыре кристалла. Два так, а потом два так, – изобразил я руками более доходчивую версию включения. Специально для Усольцева старался, если что, – И чтоб энерговоды были не толще мизинца, – показал я техномагу эталонный образец сечения, сунув свой мизинец ему под нос.

Признаюсь, сначала хотелось показать средний палец, но вмешались два соображения. Во-первых, мизинец у меня тоньше, значит и энерговоды в размере меньше получатся, а во-вторых, не графское это дело – партнёру факушки показывать.

Больше всего меня порадовало то, что своим выкриком я почти на секунду опередил аналогичный совет Сущности. Пусть

предок знает, что потомки тоже не лыком шиты. Если нам разжевать очевидное, натыкать носом в простейшее и настучать по лбу элементарнейшим, то мы тоже кое на что способны.

Можно ли сделать рабочий образец протеза за сутки?

Можно, если у тебя почти готовы все составляющие, а под рукой имеется пара сотен рабочих разных специальностей. А когда ещё вокруг всего этого великолепия, как оголтелый, носится граф, попеременно угрожая то вселенскими карами, то премией в размере трёхмесячного оклада, тогда и дело спорится. Особенно после обещания премии, как я заметил.

Впрочем, я и сам к протезу руки приложил. Практически полностью выполнил выдавливание заготовки из титановой пластины. Рабочим осталось только края подрезать, отшлифовать её, да покрытие нанести.

Причин для такого внезапно вспыхнувшего трудолюбия сразу несколько оказалось.

Во-первых, постоянно примерять пластину надо было исключительно на себя, во-вторых, я бы дольше объяснял, что хочу увидеть, ну, и в-третьих, это цирк.

Точнее детские воспоминания о нём.

Помню, как охали дамочки, когда в цирке выступал силовой жонглёр. Я тогда сумел подслушать, о чём они говорили, и выяснил, что больше всего их впечатлили кубики пресса на животе у атлета, а вовсе не то, как ловко он обращается с тяжеленными гирями.

Позже, когда меня всерьёз начали интересовать девушки, я не раз делал попытки прокачать себе эти кубики, но каждый раз мне не хватало времени и терпения, а то и находились более важные и интересные дела.

Зато теперь мне никто не помешал сделать эти кубики на поясной пластине. И уж поверьте, я постарался, чтобы они выглядели, как надо. Не хуже получились, чем у того атлета.

* * *

Разговор с наставником по магии у меня получился неровный. В какой-то момент мне пришлось дважды ссылаться на тайны Рода, на что Шабалин хмурился, а Игнатьев удивлённо поднимал брови.

Оно и понятно. Для Шабалина я просто юнец, немногим отличающийся от его воспитанников, а для майора я курсант-недоучка. Трудно на равных говорить с людьми, которым ты в сыновья годишься. Тем более, когда привычный для них круг

общения состоит из весьма титулованных особ, которые не мне чета.

Так что мою молодость можно сразу отнести в один из моих недостатков, впрочем, как и отсутствие специфического опыта по управлению людьми. В Кланах наследников такому сызмальства учат и, поверьте мне, делают это не зря.

Когда-то мне казалось, что стань я Императором, я бы столько всего поменял, но нет. Стоило мне получить небольшой кусочек власти и организовать своё дело, как иллюзии пропали. Хлопотно оно оказалось. Заниматься приходится всем и сразу. Подбираю людей себе в команду, скидываю на них очередные проблемы, только отчего-то вместо одной решённой тут же появляются две-три новые. И чем больше становится людей и земель, тем сложнее вопросы и тем серьёзнее планы.

Порой касимовские времена, когда я работал обычным учеником ремонтника, со слезой умиления вспоминаю. Крутишь гайки, таскаешь баллоны, и голова ни о чём не болит. Сказка, а не жизнь.

Не нужно каждый день общаться с десятками людей, отмечая про себя, насколько возросла сложность таких разговоров, принимать решения, иногда не самые приятные, и постоянно ловить себя на ощущении, что ты не успеваешь и не справляешься. Мир порой движется быстрее, чем ты пытаешься бежать. И стоит только остановиться, как жизнь промчится мимо тебя весёлым хороводом светящихся окон пассажирских вагонов, оставив тебя на тёмном перроне полустанка.

– Вы знаете, граф, я давно хотел с вами переговорить tet-a-tet, – Шабалин проводил взглядом покинувшего нас майора, направившегося в зал, – Сразу оговорюсь. Мой интерес сугубо личный.

– Для чего вы это сказали? – тут же насторожился я, уже наученный подобными разговорами. Кто только не пытался меня развести на доверительное общение. К сожалению, иногда это у них получалось. Тому же Обдорину, да и князю Константину я порой выкладывал гораздо больше, чем изначально хотел.

– Пытаюсь донести до вас, что ещё не так давно меня считали неплохим учёным-теоретиком. Одним из немногих, кто у нас ещё пытался развивать магию, как науку. Хочу вас сразу предупредить, что такое занятие, мягко скажем, нынче не приветствуется. Словно негласные гонения на магию объявлены. Пусть не сразу, но со временем вы тоже заметите, как вокруг вас появится паутина досужих сплетен и слухов. Потом вас пару раз окунут головой в помойное ведро, публично высмеяв какие-нибудь ваши идеи, а затем и вовсе начнётся травля. Никаких

прямых оскорблений, что вы. Если иногда кто-то скажет чуть громче, чем нужно: – «Его идеи ничуть не лучше, чем завиральная теория Шабалина», то это никак не повод для дуэли. И таких высказываний будет много. Год-другой, и в глазах общества вы предстанете этаким завравшимся лгуном. Причём, никто даже не удосужится проверить, насколько правдивы порочащие вас домыслы.

– Зачем вы мне это рассказали? – я попытался поудобнее устроиться в плетёном кресле. Разговор обещает быть интересным.

– Ваши пояса для военных лекарей, браслеты. Как вы думаете, кому было поручено их исследование?

– Полагаю, вам. И что не понравилось?

– Отчего же сразу не понравилось. Весьма интересно. Занятные решения, выполненные на уровне металла.

– Это плохо? – на всякий случай задал я ни к чему не обязывающий вопрос, пытаясь сообразить, что Шабалин имеет в виду.

– Немного архаично и нерационально сделано, если вы собираетесь такие изделия запускать в серийное производство. Что-то мне подсказывает, что вам не помешает ознакомиться с работами Дейнеки, – правильно оценил наставник моё недоумение, – Некоторые моменты в его трудах как специально под ваши изделия прописаны. К примеру, если ваш лечебный браслет чуть упростить и использовать, как базу, то он может стать основой для создания как минимум пяти устройств различного назначения.

– Дороговато выйдет, – усмехнулся я, вспомнив, кто мне превратил такой браслет в произведение искусства.

– Мой дед латунные гильзы в своё время тоже дорого покупал. По два десятка за раз заказывал, не больше. Один мастер у нас был на всю округу, у кого они правильные выходили. Зато теперь гильзы в любом магазине копейки стоят. Бери – не хочу, хоть ящиками. У вас, как мне Ирина говорила, алмазное производство в Новосибирске имеется?

– Доля акций, а если точнее, то стоп-пакет, – мягко поправил я учёного, не вдаваясь в суть того, что ещё часть акций у меня оформлена на одно из моих товариществ.

– Хм, я не силён в этих новомодных названиях, – признался Шабалин, – Но, скажите, промышленное производство алмазов скоро ожидается?

– Не раньше, чем керамику на базе сверхчистого пирофиллита освоят, – удручённо поделился я проблемами новосибирских алмазопроизводителей.

– Мда-а, кажется я в чём-то прилично отстаю, – с видимым огорчением признался наставник князей Рюминых.

Вот так вот!

Не всё мне одному дураком выглядеть.

Надо будет и Степана как-нибудь затащить на своё дискуссионное поле, а разделать его в следующем разговоре под орех. Не всё ему своими знаниями электрика козырять, превращая меня в недоумка.

Все мы сильны в каких-то одних вопросах, и совершенно не разбираемся в других.

По мне, так это нормально. По крайней мере таким «всезнайкой», как профессор Фёдоров, я не хочу становиться.

Много всего знать, наверное хорошо, но отчего-то не все знания нам полезны и необходимы.

Может, это мне не повезло, но те же тангенсы и косинусы только Густавсон умеет с успехом вставлять в свои расчёты. А мне, даже подсунь кто готовую формулу расчётов, предстоит много интересного.

Я не слишком хорошо умею пользоваться своим знанием тригонометрических функций, когда дело доходит до их практического применения!

Просто никак, если сравнивать меня и Густавсона.

Прикладная тригонометрия мне так же чужда, как и большинство радиосхем, если количество указанных там элементов больше пяти. Похоже, я никогда не смогу объяснить, что там и от чего зависит, и уж тем более сказать, почему они работают. И не спрашивайте меня, как я «туалетный взрыватель» изобрёл ещё в лицее.

Считайте, что просто озарило.

Впрочем, там всё не сложно. Основная фенечка в датчике, работающем на магии, и замыкающем контакт. Остальное можно было добавлять по вкусу.

Как-то так сложилось, что я оказался между двух, а то и трёх огней.

Оказавшись между тремя «узкими» специалистами, я стал единственным из них, кто хотя бы немного, скажем так, на две трети, понимает язык каждого. Техномагия, электричество и магия заклинаний. Казалось бы, что общего?

Я это общее нашёл. Пусть и не без подсказок Сущности.

Принципы.

Они одни и те же.

Все три дисциплины построены на однотипных принципах.

Как ни крути, но никто не станет отрицать сходства между электричеством и магией.

Думаете, я подпрыгнул на три метра вверх и закричал: – Эврика!

Ошибаетесь.

Я загрустил.

Очевидное лежало на поверхности и нагло скалилось.

Я далеко не тот единственный, на которого снизошло озарение. Вне всякого сомнения и до меня нашлась не одна сотня исследователей, которые пришли к тем же выводам, в той или иной степени. В смысле, в той степени, которая им оказалась доступна. Почему-то у меня не возникает сомнений, что мало кто из Одарённых на того же электрика обучался. Дай Бог, если некоторые из них хоть какие-то учебники поверхностно прочитали по этому вопросу.

В итоге выходит так, что я единственный, кто в нашей компании может объединить знания трёх «узких» специалистов. Этакий руководитель-координатор с расширенным кругозором. И с инсталлированным предком в голове, помогающем мне в трудных случаях.

Полагаю, не обошлось тут дело без Сущности. Предок сумел систематизировать Знания, полученные мной во время изучения кристаллов, доставшихся мне от архимага вместе с его звездой. Подчеркну, инициированной звездой. Завязанной на меня магией Крови.

Считывал их я, разумеется, заработав себе сногсшибательную головную боль. И если бы только боль…

Не поверите, глаза навыкате и слюна изо рта. Незабываемые впечатления…

Эти несколько минут, пока предок не перехватил поток сознания, вылились для меня в часы. Когда всё прекратилось, я не поверил глазам. Подумал, что часы остановились. Но нет. Маятник качается, а там и стрелка сдвинулась.

Боже, как же иногда время течёт неодинаково.

Заклинания у архимага были записаны хаотично, скорее всего по хронологии их разработки или получения. После осмысления полученного наследства, я не без помощи Сущности разделил все заклинания на четыре группы. В первой группе, к слову сказать, самой безопасной для освоения, у меня собраны условно «мирные» заклинания, которые расположились там по мере возрастания сложности и требуемой Силы. По крайней мере Левитацию и заклинания, позволяющее на время произвести усиление Стихий, я испытал без особых проблем. Больше времени занял Прыжок, позволяющий практически моментально удирать в случае опасности метров на триста назад. Правда, при первых попытках его изучения было ощущение, что у меня в венах

игристым вином забурлила кровь, покалывая всё тело, но я этот эффект списал на волнение. Тем более, что раз за разом он становился менее заметен. Особых болевых ощущений я не чувствовал, скорее неприятные, но не более того, словно по мне пробегает рой колючих искорок.

Ко второй группе мы с предком отнесли условно лечебные заклинания. То же Расслабление, Сон, Паралич, или Близорукость можно разнообразно использовать, и не всегда они пойдут во вред.

Третья группа заклинаний меня сильно заинтересовала. Ещё бы… Хотел бы я посмотреть на парня моих лет, которого не заинтересует боевая магия столь высоких уровней. Хоть эта группа у меня и обозначена, как «магия обычная», но уровень архимагов «обычность» не слишком подразумевает. Уж больно мудрёно там всё накручено. Начинаешь разбирать составляющие и диву даёшься. Такое впечатление, что раньше я имел дело с простыми лампочками, а теперь мне вместо неё подсунули радиолампу со множеством ножек и электродов.

С четвёртой группой заклинаний не смог разобраться ни я, ни Сущность. Это те самые боевые заклинания, освоить которые Савва Савельевич рекомендовал в обязательном порядке. Они оказались собраны из нескольких относительно простых блоков, что прилично облегчало возможность их быстрого каста, но беда в том, что и закачивать Силой нужно было все блоки разом. И если три из них были более-менее понятны по своему назначению, то другие два мне абсолютно незнакомы. И они повторялись в каждом заклинании без изменений. Сколько Силы они потребуют, неизвестно.

Ладно, за четвёртую группу возьмусь в самую последнюю очередь. Что-то сомнения меня гложут, что я потяну сейчас заклинания такого масштаба и такой сложности.

Последнее время я систематически занимаюсь мазохизмом.

Нелепое заявление, но если разбираться по фактам, то всё обстоит именно так.

Кто ещё, не успев отойти от потока полученных Знаний, от которых он чуть не поседел, ломанётся пробовать новые возможности протеза?

Отгадали?

Конечно же один глупый новоиспечённый граф.

Как меня крючило и корёжило на Источнике, вам не передать. Спасал котейка, к слову сказать, круто подросший. Раньше он, разве что немного больше ладошки был, а теперь чуть ли не со взрослого кота размерами вышел. Ещё на входе он кинулся ко мне так, словно перед этим сотню километров

пробежал в поисках дома и вдруг увидел хозяина на знакомом крыльце.

Не загнулся я чудом. Почти теряя сознание, представлял себе по очереди то Дашку, то Алёнку, чтобы держаться на плаву. Даже говорить с ними пытался.

Помогало, но плохо.

Если что, то обе они со мной почему-то второй день не разговаривают, а между собой у них полное понимание, как мне кажется. Постоянные шепотки и переглядывания.

Хотя, знаете, как это трудно о чём-то рассуждать, когда глаза от боли из орбит вылезают…

Так что, неудивительно, что Шабалин обратил внимание, на то, что глаза у меня красные, словно помидоры. И ведь не скажешь ему, что я крокодил, а глаза такие красные для того, чтобы в помидорах было легче прятаться. Не поверит.

– Давайте предположим, что я на себе испытываю новый перспективный образец, – миролюбиво предложил я, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

– Образец чего?

– Какая вам разница, если у вас нет допуска? Были бы вы моим сотрудником, другое дело, а в ином другом случае довольствуйтесь тем, что видите, – сработал я на «публику», подмигнув Шабалину, и демонстративно покосился на стул, на котором недавно сидел ушедший от нас граф Игнатьев.

Нет. Майор вряд ли что там оставил для подслушивания, но ведь и Шабалин в этом имеет право сомневаться. Если что, мы оба сомневаемся. Разговор у нас давно перешёл за ту грань, когда личные интересы уже таковыми не являются. А артефакты, они, знаете ли, бывают разные. Видел я в столичных магических лавках интересные вещицы. Размером с булавку, а шагов на пятьдесят работают.

Если говорить по простому, то мы обсуждаем вопросы имперской важности. Причём, наставник Рюминых многого не знает, но меня пугает его способность предугадать радикальные изменения, которые я собираюсь привнести в этот устоявшийся мир и возродить в нём роль магии.

Да, я смог освоить простейшие заклинания из наследства, доставшегося мне от Саввы Савельевича. К примеру, та же Левитация у меня с первого раза получилась. Понимаю, что моей заслуги в этом деле немного. Гораздо больше котейка с Сущностью вложились. Самому бы мне ни каналы так прокачать не удалось, ни полученные Знания во внятные формы преобразовать бы не вышло.

Зато теперь, красота. Стоило, стиснув зубы, перетерпеть, пока

все эти новшества в меня внедряли. Самому бы мне, да впрочем, ладно… Все и так сами сообразили, каково бы мне пришлось, надумай я обычным способом энергоканалы раскачивать. Долго и нудно оно бы вышло. Может, я обошёлся бы без «помидорных» глаз, и без пары десятков (сотен) матерных выражений, со вкусом выданных сквозь до искусанные до крови губы, но месяца три-четыре точно бы потерял. И это, если что, я про своё обучение на Родовом Источнике рассуждаю. Без него я бы и в полтора-два года не уложился. Представляете, какой прогресс? Стоит ради такого дела зажать яйца в кулак и терпеть?

Как по мне, так да. Стоило.

Я и терпел.

Было до одури плохо.

Порой, не передать, как хреново.

Временами казалось, что из глаз капает кровь. Впрочем, и не казалось. Кровь шла.

Вытирал салфетками кровавые слёзы, и бросал их на пол.

Когда опомнился, то увидел, что вокруг меня образовался кровавый круг.

– Откуда вы знаете, есть у меня достаточные допуски или нет? – несколько сварливо заметил Шабалин.

– Действительно, не знаю, – согласился я по привычке, – А должен знать, не так ли? Иначе продолжать наш разговор никакого смысла нет.

– Вы узнали от Медведева что-то важное, – сделал вывод маг, и прищурился, отслеживая мою реакцию.

– Узнал. И что?

– Поделиться не хотите?

– Нет. Не хочу, – изменил я свою привычную соглашательскую позицию.

– И причины для этого у вас, разумеется, крайне убедительные. Настолько, что на интересы магической науки и ценность таких знаний для державы вам наплевать.

– Достаточные у меня причины. Для начала мне нужно, чтобы моё «не хочу» научились слышать и уважать. Поверьте, это важно. Всем станет проще жить. Не придётся терять время на ненужные манёвры и бестолковые разговоры. Следующая причина – это секреты Семьи. Подчеркну, даже не Рода, а именно Семьи, – я сделал паузу, и дождавшись кивка наставника, который осознал значение оговорки, продолжил, – Кроме того, я не верю в ваш пафос. Интересы науки и державы запросто могли были быть удовлетворены при жизни Медведева. Отчего-то никто к нему с такими лозунгами не подходил и толпы страждущих не стояли у его дома, размахивая транспарантами.

– Я понимаю ваш сарказм. Да, при жизни Савва Савельевич если с кем-то и делился Знаниями, то только со своими учениками. К сожалению все они погибли, как я понимаю. Иначе вряд ли архимаг на что-то серьёзное расщедрился бы именно для вас. Я с Медведевым знаком не был, но как мне кажется, я в какой-то степени понимаю ход его мысли. В отличии от большинства наших нынешних архимагов, Савва Савельевич был человеком науки. Исследователем. И унести с собой в могилу Знания для него было бы не менее тяжело, чем хоронить собственных детей. Все мы, занимающиеся наукой, в какой-то степени тщеславны. И получить свою долю известности желаем не меньше, чем иной художник или композитор. Поэтому мне не сложно догадаться, что оставляя Знания вам, Медведев сделал ставку на ваши будущие успехи. Случись вам добиться чего-то значительного в жизни, так тут же найдутся люди, которые ваши достижения объявят ему в заслугу. Считайте, что он передал вам знамя, на котором его имя окажется вышито золотыми буквами.

– Быть последователем Медведева… – я покатал произнесённые вполголоса слова, оценивая их звучание, а главное, перспективы. Ох, и заманчивые… Прикрываясь Знаниями, полученными от архимага, чего только не объяснишь, причём так, что это и споров особых не вызовет. Судя по оговоркам Шабалина Савва Савельевич в научных кругах имеет нешуточный авторитет, – Вы знаете, меня это не огорчает. Скажу больше. Для меня это честь. Так что пусть говорят, а если станут забывать, то я не постесняюсь напомнить лишний раз.

– Смотрите не переусердствуйте. Как ни крути, а Медведев коронный преступник, – изрядно понизил Шабалин градус моих чаяний.

Да уж, возвеличивать архимага через газеты и научные журналы точно не самая лучшая идея. Злые языки тут же мне участие в заговоре приплетут. И плевать им будет, что я действительно делал, а чего нет.

Впрочем, есть же ещё слухи, сплетни и салонные разговоры.

Нужно будет с тётушкой посоветоваться. Пусть подскажет, как правильно трансформировать информацию, чтобы она вписалась в рамки приличной светской беседы. Смотришь, хоть какая-то польза от великосветских сплетников появится.

* * *

Граф Киселёв, Павел Дмитриевич, с утра пребывал в бешенстве.

Неделя томительного ожидания вымотала все нервы, а теперь новости посыпались, одна хуже другой. Именно столько времени у него ушло, чтобы шаг за шагом выяснить подробности неудавшегося штурма имения Рюминых. А затем и расследование по князю Куракину продвинулось. Вспомнил один из выживших пилотов, что он в ночном небе странный дирижабль успел увидеть. По его наброскам и опознали работу бережковских верфей.

– Верно ли узнали про Бережкова? Точно всех к нему увезли?

– Как есть, ваше сясьво, – скороговоркой подтвердил плюгавый мужичонка, ломая в руках поношенный треух, – Я сам по окрестностям ездил, новости собирая. Где в трактире посижу, где на торжке побалакаю. В посёлок-то при верфях не всех пускают. А туда сынишку своего послал. С мальцов какой спрос. Бегают, где хотят. Вот он и разузнал, что у графа тамошнего ужо какой день гости важные живут. А ещё говорят, что пленников он привёз, один из которых и вовсе наиглавнейший маг будет. Как уж тот граф его скрутил, Бог весть, говорят дирижаблю совсем новую на него уронил.

– А пленников где содержат? – прервал Киселев словоохотливого рассказчика.

– То у сынишки лучше расспросить. Он мне больше про чудеса всякие рассказывал дорогой. Будто бы граф тот какую-то бассейну построил, где круглый год купаться можно, и простым людям туда ходить не возбраняется. Опять же электростанция при посёлке имеется, свет по проводам во все дома даёт, а дирижабели не по разу в день туды-сюды летают. Так велите крикнуть сынишку-то? Я его с собой привёл. Как знал ведь, что понадобится.

– Зови, – махнул рукой Павел Дмитриевич, поняв, что нескончаемая трескотня не даёт ему собраться с мыслями и избавляясь от её источника хотя бы на короткое время.

Чего он за эту неделю только не передумал. Заодно и самооценка в собственных глазах у него прилично понизилась. Никогда граф Киселёвне замечал за собой, что он стал нерешительным человеком.

Раньше, в трудную минуту он всегда вспоминал советы своего друга, князя Куракина, которые тот зачастую давал ему впрок. Такой уж талант был у князя – умел он моделировать ситуации. Порой на несколько лет вперёд смотрел, просчитывая нужный ему ход событий и находя такие точки приложения сил, что события, казалось, сами собой поворачивали куда надо.

Надумай сейчас кто попробовать понять, как те же меркуловские заводы нефтянику-олигарху отошли, так пожалуй и

самый пристрастный дознаватель ничего не раскопает такого, чтобы на Куракина впрямую указывало. Да, там мнение высказал, тут на уже имеющееся вышестоящее высказывание нужный человек сослался, третьему хороший знакомый совет дал. Всё, вроде бы ненавязчиво и с радением о деле, а умел князь заставить окружающих к себе прислушиваться. Глядишь, и года не прошло, как Меркулов в столице на всех уровнях поддержку потерял. В той же военной коллегии его сначала сторониться стали, а потом и вовсе избегать начали. А там и банкиры навалились, требуя кредиты вернуть и отказывая в их продлении. Вскоре суды начались, а затем и до банкротства дело дошло. После смерти Меркулова и вовсе к его заводам интерес угас. Теперь только гадать остаётся, как к заговорщикам меркуловские «Медведи» попали.

Собственно, выходов из ситуации, сложившейся после неудачного штурма имения Рюминых и смерти князя Куракина, напрашивалось два. Первый – это бежать, и второй – попытаться избавиться от свидетелей, в лице Медведева и Кузнецова, а по возможности и выполнить задачу по ликвидации Рюминых. Неизвестно, что про их общие дела с Куракиным может знать архимаг, а вот Кузнецов знает кое-что лишнее. Точно знает. Тут у них с покойным князем Куракиным промашка вышла. Слишком близко того Кузнецова к некоторым тайнам допустили. Переборщил Куракин с доверием.

Потом можно будет попробовать разыграть карту с Багратионами. Могущественный Клан. Если оказать им услугу, да затем щедро поделиться тайнами покойного Алексея Борисовича, то могут Багратионы его принять под своё крыло. Большую цену порой документы имеют. А Клан багратионовский и раньше не из простых был, а теперь так и вовсе наисильнейшим стать может.

– Привёл, ваше сясьво. Гераська, иди всё как есть обскажи князю, – вытолкнул мужик из-за спины пострелёнка, с синяком в пол-лица.

– Это где же тебя таким бланшем украсили? – поинтересовался Киселёв, давая время пареньку чуть обвыкнуться.

– На горке. Я у одного из поселковских ледянку попросил, а он насмехаться начал. Сказал, что я чучело гороховое. Сами-то они беда, как нарядно одеты. У нас даже Емелька, старостин сынок, и то поплоше наряжается. Ну, я ему в глаз и заехал, а он мне, – недовольно проворчал парнишка, буравя взглядом пол.

– Ага. Отец тебя за делом посылал, а ты на горке кататься вздумал, – невесело усмехнулся Павел Дмитриевич.

– Так она высоченная, та горка-то. С неё весь посёлок, как на

ладони.

– И что? Знаешь, где пленников их граф содержит.

– Конечно, знаю. Между лётным полем и электростанцией казармы стоят, а к ним пристрой приделан. Там и окна все в решётках, и охрана стоит. Тамочки они и сидят. Больше негде. Я всё выглядел, но точно нигде ничего больше не видно, – вскинулся юный разведчик, явно боясь, что взрослые ему не поверят.

– Пожалуй, тут ты прав, – подбодрил Киселёв паренька, – Ладно, ступайте. Поручение хорошо выполнили. Вот вам за труды.

На стол тяжело упал небольшой кошелёк с золотом.

Мужичонка, подхватив кошелёк, проворно вытолкал сынка из кабинета, и пятясь задом, сам скрылся с глаз.

– Антанас, сколько мы людей оружных за два часа собрать можем? – задал граф вопрос литвину, прибежавшему на яростный звон колокольчика.

– Если на выезд, то человек триста-триста пятьдесят. На остальных крытых машин не хватит. Помёрзнут дорогой, – почти моментально сориентировался помощник, верой и правдой служивший Киселёву не первый десяток лет.

– Бережковские верфи знаешь где?

– Ну, они вроде бы и не так далеко, километров пятьсот до них, но по нынешним временам я бы сельскими дорогами поехал, – чуть скривился помощник, – Может и быстрее по времени выйти, да и глаз чужих меньше. Магов тоже брать с собой будете?

– Да. Скажи, что я велел всем четырём звёздам через два часа быть в готовности.

– На охране поместья никого не оставляете? – удивился литвин.

– Не до поместья мне нынче, Антанас. Голову бы на плечах сохранить.

Глава 37

Утро задалось.

Мы с Дарьей и графом Игнатьевым ещё завтрак не успели закончить, как мне позвонили с верфей. Остальные гости в такое раннее время спали. Они до одиннадцати способны спать, что меня удивляет.

Наконец-то вернулся «Сапсан». Надо сказать, я не первый день волнуюсь, не получая никаких новостей от отправленных в столицу пилотов.

Умчался из дома галопом, даже не дождавшись, когда подадут кофе с эклерами.

– Задание выполнено. Пакет доставлен по назначению, – бодро отрапортовал капитан Овечкин, кося взглядом на Игнатьева и прибывшего с ними Густавсона.

Понятное дело. Миссия у него непростая была. Полагаю, что не все потомки смогут о ней всю правду узнать.

– Отчего так задержались? – кивнул я ему, подтверждая, что понимаю причину столь короткого рапорта.

– Демонстрировали тактику заземления «Медведей», – усмехнулся Овечкин, и стоящие рядом с ним пилоты довольно заулыбались.

– Удачно?

– За три вылета восемь сбитых. У нас один МБК требует серьёзного ремонта и ещё один по мелочам. Кстати, опять наплечник повреждён.

– Наплечник, говоришь. Это ты мне вовремя напомнил, – плотоядно ухмыльнулся я, потирая руки и разыскивая взглядом Густавсона, на удивление вовремя ввинтившегося в толпу встречающих и пропавшего из вида, – Ладно. С наплечниками позже разберёмся. Есть тут у меня один специалист проштрафившийся. Заставим переделать, а потом на него их и оденем, перед контрольными стрельбами. А пока сдайте всё в ремонт.

Говорил я громко, так что думаю, кто надо меня услышал. Может мне показалось, но где-то в задних рядах что-то хрюкнуло, а затем над кем-то и поржали, сдерживаясь.

– Мы там одного «Медведя» привезли. Правда, изрядно помятого. Всё, что получше, трофейщики зажали. Желаете глянуть? – спросил один из пилотов.

– Ещё как желаю! – резко повернулся я к говорившему, – Срочно тащите его на участок. Разбирать будем.

Нужно будет узнать, кому в голову пришла такая

замечательная идея. Если это Густавсон озаботился доставкой трофея, то я даже готов ему простить грехи с облегчением наплечников. Понимаю же, что он не со зла их вес снижал. Для МБК каждый килограмм полезной нагрузки крайне важен. Я бы даже сказал, что жизненно необходим.

– Нас, по результатам вылетов, завтра в столицу направят. Очень уж хорошо револьверы ваши себя показали. У столичных гвардейцев их нет. Они в набедренных отсеках ракетницу, пару гранат и аптечку таскают вместо револьверов, – рассказывал тем временем капитан, пока мы шли от лётного поля к верфям, пытаясь вдвоём поместиться на узенькой протоптанной тропинке, змейкой извивающейся среди сугробов.

– Хм… Вам же патронов к револьверам целая уймища понадобится, – сообразил я, пытаясь на ходу подсчитать потребность отряда.

Получалось чересчур много, даже если считать по четыре боекомплекта на ствол. Вряд ли у нас на складе есть необходимое количество. Опять придётся менять планы и загружать гранильную мастерскую изготовлением мелочи. К счастью обвес контурами у кристаллов в пулях простейший. Там не требуется сохранять энергию долгое время, да и моментальная отдача идёт от разрушения определённых контуров кристалла, а не передаётся по энерговодам.

– У меня ещё один приватный разговор состоялся. В скором времени к вам обратятся с просьбой. Кроме нашего отряда ещё и ваших пилотов хотят в столицу отозвать. Как стало известно, заговорщики в ближайшие дни ожидают прибытие ещё одного отряда «Медведей». Точное количество пилотов пока неизвестно, но то, что их будет больше сотни, говорилось без сомнения.

– Погоди-ка, а я тут с кем останусь? – перебил я капитана, сбавляя шаг, отчего он уткнулся мне в спину, – У меня тоже не всё спокойно. У ребят вчера вылет был. Какой-то отряд решил в одной из моих деревень заночевать. За ночь всех баб от мала до велика снасильничали. А паренёк-посыльный только под утро до села, где рация имеется, добрался.

– Да. И кто такой к вам пожаловал?

– Выясняем. Там всего двое солдатиков в живых осталось, и те сильно контуженные. Взрывчатку этим отрядом везли. Хотели поутру мост взорвать, а в моей деревне просто переночевать остановились. Так что мы тут тоже потихоньку воюем. К тому же, на мне княжич с роднёй. Как их без защиты оставить? Одной охраны и егерей мне маловато будет.

– Я примерно те же резоны приводил и вот что мы придумали. Ваших пилотов мы возьмём на временный контракт.

Взамен агентство пришлёт вам тридцать ветеранов. Они прилетят послезавтра теми же дирижаблями, которые княжича с княжнами забирать будут.

– Так себе вариант, если честно. Спору нет, ветераны хороши, но против пилотов МБК замена неравноценная. Вот если бы человек пятьдесят дали…

– Хорошо, будет вам пятьдесят, – как-то слишком легко согласился капитан, прервав мои размышления вслух.

Похоже, меня только что развели, как мальчишку. Но это разве что на первый взгляд, на самом деле. Пилоты у меня не марионетки, а серьёзные, взрослые люди с боевым опытом. В недавнем прошлом гвардейцы императорского полка. Они меня просто не поймут, оставь я их защищать свои земли, когда Император и Отечество в опасности.

– Одно условие. Под ваше командование пойдут только добровольцы.

– Договорились, – чуть заметно усмехнулся капитан, тут же поняв элегантность решения и его предсказуемость.

Прямой приказ о переподчинении я пилотам отдать не могу. Это у нас отдельным пунктом в контракте с каждым пилотом прописано. Зато отпустить бывших гвардейцев дней на десять в неоплачиваемый отпуск мне никто не запретит. Заодно и все споры о командовании разом прекратятся.

– Ваше Сиятельство, не могли бы вы зайти в операторскую, – догнал нас с капитаном запыхавшийся от бега радист, – Там этот майор жуть как командовать начал. Как бы беды не случилось.

Развернувшись, мы все втроём побежали обратно, к лётному полю. Там, под поднятым в небо дирижаблем с антеннами и ретранслятором, расположились радисты.

– Слышишь, ротмистр, под Стрелецкими Выселками корнет Оболенский в два пулемёта батальон противника заблокировал. Обеспечь им подкрепление. Пулемётов и патронов побольше. Учти, там у них раненые имеются. И поторапливайся. Если их с позиции собьют, то за ними три километра чистого поля. Все там полягут. Да знаю я, что у вас людей мало, – Игнатьев обернулся к нам, и увидел, как капитан поднял обе растопыренные руки, показывая количество готовых к вылету пилотов, – Полчаса продержитесь, и я к вам десяток летунов пришлю. Они этот батальон за пять минут расчехвостят. Всё. Выполняй. Так, что у нас дальше, – майор отодвинул микрофон и склонился над картой, делая пометки карандашом, – Ишь, что удумали. К столице подкрепления начали в обход разрушенных мостов перебрасывать, так они железку собрались оседлать. Сейчас, я вам устрою тихую Варфоломеевскую ночь. Соедини-ка, братец,

меня с рязанским гарнизоном.

Покачав головой, я показал радистам большой палец, одобряя действия майора, и тихонько вышел на улицу, аккуратно прикрыв за собой дверь. Ни к чему мешать работать офицеру, нашедшему своё место в нужное время.

Выйдя на улицу, я вдохнул стылый зимний воздух и закрутил головой, размышляя, куда пойти в первую очередь. Нет, ну надо же, как я в графе Игнатьеве ошибался. Отчего-то посчитал его обычным великосветским бездельником, отбывающим службу чисто для вида, а он вон как изменился, взявшись за дело. Даже его грассирующий говор куда-то враз подевался, сменившись командным рыком. Никак я не ожидал увидеть такую перемену, а вот поди ж ты… Поневоле поверишь, что кровь рано или поздно себя покажет.

Шум разогреваемых двигателей всколыхнул воздух над полем и отразившись от ангаров, заметно усилился, распугав всех окрестных сорок. Глядя на улетающих пилотов я снова поразился слаженности их движений. Красиво и грозно. Совершенные боевые машины, смертельно опасные и восхитительные. Завораживающее зрелище.

Угу… Только вот вскоре вся эта силища от меня улетит. И кто обережёт мои земли, посёлок, людей, да ту же мою Дашку, в конце-то концов, с её милым животиком, в котором уже ворочаются и стучат ножками двое мальчуганов.

Я?

Но я сейчас похож на броненосец, у которого нет снарядов.

Нет. Так дело не пойдёт. Охрана, даже усиленная ветеранами, не справится ни с «Медведями», надумай они заглянуть ко нам, ни с высокоуровневыми магами.

Решено. Опять все планы стоит послать коту под хвост. Как бы меня не тянуло в цех, где уже начинают разбирать привезённый МБК, но любопытство я и позже успею потешить. А сейчас нужно озаботиться безопасностью. За свои земли и людей я отвечаю. Мне и отдуваться.

Мда-а. Ещё день назад я сам себе дал слово, что с изучением боевых заклинаний спешить не буду.

Я не семижильный.

Итак уже себя загнал до такой степени, что скоро домой на четвереньках заползать буду. Кто же знал, что обстоятельства так изменятся, что мне срочно нужно будет становиться главной ударной силой на своих землях. Сегодня же начну освоение обычной боёвки и, если всё пройдёт успешно, то завтра попробую что-нибудь из персонального арсенала Медведева.

Много заклинаний мне пока что не требуется. Двух, а лучше

трёх каждого типа будет вполне достаточно. Что-нибудь для удара по площадям, потом индивидуальное и быстрое, и против вражьих летунов что-то надо найти подходящее.

Собственно, определённые предпочтения у меня возникли ещё при первом знакомстве с медведевским наследством, но теорию всё-таки следует проверить практикой. Описания к заклинаниям отсутствуют, а названия, мягко скажем, не всегда соответствуют тому, в чём я смог разобраться.

Ну, вот скажите, к примеру, что подразумевал Савва Савельевич под «Метеоритным дождём», если один блок там построен на магии Льда, а второй, насколько я смог его понять, является скорее всего усиливающим и больше всего похож на изрядно доработанный «Адский холод». Такое вот смешное и фантазийное название весьма похожему заклинанию придумали в учебниках по Общей Магии. А я сиди и размышляй, что же в итоге получится. То ли ледышки с неба посыплются, превращая всё в зоне поражения в непроходимые торосы, то ли громадный айсберг откуда-то звезданётся, оставив на месте своего приземления воронку метров в пятьдесят глубиной.

Короче, нужно пробовать.

Меня другое смущает. Медведев в основном магию Огня практиковал, а тут его с каких-то хлебов на Лёд пробило. Такое впечатление, что это не совсем его заклинание. В смысле, нет его авторства в нём, или может и есть, но тогда это заклинание кому-то другому предназначалось. Не верю я, чтобы архимаг Огня начал Лёд параллельно пользовать. С любой стороны посмотреть – глупость несусветная. Легче штангиста-тяжеловеса себе представить, который вдруг решил заняться акробатикой. Откровенная несуразица, но как по мне, так жутко любопытно.

Изначально все Одарённые рождаются универсалами, и лишь со временем у них появляется предрасположенность к определённым видам магии. Знаете, как у врачей. Я, к слову сказать, ни разу дантиста-проктолога не видел, как и мага, практикующего Огонь и Холод одновременно. Зато оториноларингологов, а попросту говоря, ухо-горло-носов, частенько встречал. Что в лицее, что в Академии раз в год им показываюсь.

Так что и в магии есть свои специализации. В основном их выбирают из-за сочетания совместимых видов магии, к которым каждый Одарённый оказывается больше всего предрасположен. Развивать всё и сразу наверное так же тяжело и бессмысленно, как того же врача пытаться обучать сразу и всему. В лучшем случае из него получится очень хороший фельдшер, но любой узкий специалист по своему вопросу всегда даст такому

универсалу сто очков вперёд.

Мне в этом плане жить легче. Предок, загадочным образом прижившийся у меня в голове, полученные от Медведева заклинания выдаёт мне на блюдечке, создавая порой иллюзию того, что я их всегда знал, или когда-то основательно вызубрил наизусть и теперь крайне легко вспоминаю.

Я пока всё перепроверяю, в надежде найти хоть какую-то неточность, но нет, ещё ни разу не удалось свою вредность потешить. Фотографически точная передача у Сущности получается. Мне бы самому так научиться хоть когда-нибудь, смотришь и стал бы заправским самостоятельным архимагом. Как-то же они справляются со своими сверхсложными построениями без посторонней помощи.

Как по мне, так такие способности лежат за гранью человеческих возможностей.

Впрочем, тот же Густавсон чертежи дирижабля, со всеми его размерами и допусками, чуть ли не наизусть помнит, а чертёжики-то немногим проще заклинаний Медведева, если пытаться их изобразить графически. Хотя чему я удивляюсь, на то он и Густавсон. Это же не человек, а ходячая вычислительная машина с кучей справочников в голове, способная проводить в уме сложнейшие расчёты и на раз щёлкающая всякие там тангенсы с котангенсами.

Так, пока не забыл, надо кристаллы в гранильне заказать, да и пора боевые заклинания учить. Где моё воздушноподушковое чудо… Удобнейшая штука! Видели бы вы, как я по снежной целине гоняю! Один только снежный шлейф за мной чего стоит…

* * *

Госпиталь гвардейского полка Его Императорского Величества.

Государь болел.

Грипп относился ко всем людям демократично, с одинаковой любовью валя с ног Одарённых, словно они обычные простолюдины.

Целители только руками разводили, но полностью лечить грипп так и не научились. Хоть лечи его, хоть не лечи, а неделя постельного режима заболевшему обеспечена.

В суматохе заговора Император и сам не мог вспомнить, когда он вдруг почувствовал, как перед глазами всё поплыло и он упал без чувств. В госпиталь его тайно вывез князь Обдорин, чтобы не плодить ненужные слухи, а место в Императорском

кабинете занял двойник.

Чуть слышно скрипнула дверь палаты и государь, повернувшись на звук, увидел Обдорина, почти бесшумно проскользнувшего в комнату.

– Володя, ну что тебя так долго не было? Ты там на столе у входа повязочку-то найди, да на себя повяжи. Не хватало нам двоим разом слечь, – негромко произнёс больной, приподнимаясь на подушке и устраиваясь полусидя, – Ну, рассказывай, а то я уже от нетерпения истомился, словно институтка какая.

– Нашлись младшие Рюмины. У твоего Бережкова гостевать изволят, – не преминул поддеть князь больного друга, начиная их старую словесную игру, – Мои орлы ещё троих заговорщиков взяли, четвёртого не смогли, застрелился. Из крупных фигур против нас пятеро остались, если мелочь всякую не считать. Вот только заговор-то не так-то прост оказался. С двойным дном. Я тебе документики кой-какие оставлю. Сам оценишь. Вояки обещают два полка подтянуть через день-другой, а сегодня к вечеру ждут артиллерийский дивизион тяжёлых дирижаблей и больше батальона десантников, – разом вывалил все новости князь Обдорин, зная, что государь сам выберет, с какой начать.

– Про второй отряд «Медведей» новости есть? Пойми, если мы небо над столицей проиграем, то эти подкрепления нам не здорово помогут. Будем за врагом гоняться, словно щенок за осой, а они нас безнаказанно жалить начнут.

– Про «Медведей» пока не слышно. Но тут тоже не всё так плохо. Ты капитана Воронцова помнишь?

– Гришу Воронцова? Помню, конечно. Он лет десять, как в полку одним из лучших был. Сам награждал не раз. Подожди, мы же его к Бережкову и отправили. Через это твоё агентство пристроили. Разве не так?

– Угу, так. Вот он ко мне и прилетел. И с ним ещё два архаровца. Прямо у входа все трое приземлились. Паники понаделали. Мои чуть стрелять не начали. Мало того, что МБК у них новой модели, пока не всем знакомой, так они ещё и без гвардейских знаков отличия оказались.

– О как! Значит, Воронцов уже летать начал. Доброе дело. Только трое пилотов нам погоды не сделают.

– С его слов, у них весь отряд уже на крыло встал. И МБК облетать успели. А это двадцать пять пилотов, и у Бережкова своих ещё шестнадцать есть, правда один ранен, так что пятнадцать. Итого сорок пилотов, для ровного счёта. Заметь, все, как один в новеньких МБК, да ещё пилоты лучшие из лучших. И у нас, худо-бедно, а под пять десятков ещё летают. Может и больше будет. Мастерские день и ночь работают. Правда, как запчасти

закончились, так больше из трёх битых МБК один исправный собирают, но сдаётся мне, что у «Медведей» и того нет. Для них каждая потеря безвозвратная.

– Мда-а. Проглядели мы заводишки Меркулова. А оно вон как обернулось. Вроде бы всё учли, но на меркуловских заводах опростоволосились. Ты, потом, не забудь разобраться с военной коллегией. Недоброжелатели там нам не нужны. А сорок пилотов – это замечательно. Может, первый день засну спокойно, – государь дотянулся до стакана чая с лимоном, и сделал несколько неспешных глотков.

– Как дождёмся пилотов и армейцев, так и начнём понемногу гнёзда бунтовщиков расковыривать. Там у них иная усадьба не хуже пограничной крепости порой обустроена. Пока сил не хватает. Оголим объекты, больше проиграем, чем выиграем, – верно истолковал князь паузу в разговоре, догадавшись, о чём Император размышляет.

– Так оно, – согласился государь, – Дай документы наскоро просмотрю, что ты принёс. Пояснишь, если что, а внимательно я их позже почитаю.

Наскоро просмотреть не получилось.

– Откуда бумаги? – поинтересовался государь, не на раз перечитав документы на немецком языке.

– Воронцов доставил. Сказал, что пакет от графа Бережкова, и запечатан он был печатью графа, – подтянулся князь, заметив, как изменилось у Императора настроение.

– Похоже, нашего брата кайзера военные играют, – напомнил государь о своём далёком родстве с правителем Германии, возникшем из-за династического брака его отца с одной из дочерей тогдашнего кайзера.

– А армейцы там под большое влияние Агро-Промышленного Союза попали, – подсказал Обдорин, и на всякий случай, дополнил, – Так называют пятьдесят Семей, получающих больше половины доходов в стране.

– Кайзеру эти бумаги показывать можно? – на всякий случай уточнил государь у князя.

Была у них между собой договорённость, позволяющая Обдорину вовремя выдернуть своих агентов, если полученные от них сведения требовали огласки и могли поставить их жизнь в опасность.

– Представления не имею, откуда их Бережков добыл, – честно признался князь, пожимая плечами.

– Узнай, – коротко обронил государь, – Что там ещё? – спросил он, указывая на папку.

– Сообщение о взрывчатке под Зимним дворцом. Показания

архимага Медведева о князе Куракине, решившем использовать заговор в собственных целях и принявшем участие в его организации, и показания некоего Кузнецова, позволяющие рассматривать заговор несколько иначе, чем он раньше нам представлялся. В самом конце по ополчению докладная.

– Подожди-ка. Про взрывчатку ты мне ещё год назад докладывал. Сказал, что вы её убрали. Обезвредили.

– Так и убрали. В тот же день. Только кто об этом знает. А так очень удачно получается. Наградим Бережкова орденом поприличней, зато своего человека не засветим. У меня на него большие планы. Хочу, чтобы он русскую эмиграцию во Франции возглавил. Что-то в последнее время лягушатники слишком активны стали, а у меня там людей раз-два и обчёлся.

– Думаешь, выгорит?

– С такими-то показаниями… Ещё как выгорит. К тому же граф твой фильм с допросами снял, а подписи Медведева и Кузнецова аж нотариусом заверил.

– Боится, что мы ему не поверим? – улыбнулся государь.

Князь лишь молча пожал плечами в ответ.

Сам бы он озаботился заверениями подписей лишь в том случае, если бы не собирался оставлять фигурантов в живых. Но то он. Битый жизнью волк. А граф молод, и смерть пленников ему вроде, как и ни к чему. Но всё равно. Поступок странный, а странности князь Обдорин не любил. Слишком уж от них результаты непредсказуемые порой случаются.

– Ладно, что с ополчением?

– Формально можем созвать. Из войны мы пока не вышли, да и причины, народу понятные, имеются. Вчера в Сызрани нападение на склады было, а сегодня в Подольске машины с мукой отбить хотели. Так что созыв в целях наведения порядка и для борьбы с заговорщиками, препятствующими государству оказывать населению продовольственную помощь – посылы беспроигрышные. Народ поймёт и поддержит. Чуть хуже дело обстоит с репутационными потерями. Многие сильные кланы не поддержали ни нас, ни заговорщиков. Кто ждёт, что мы к ним за помощью обратимся, кто злорадствует, но рисковать не хочет, кто свои цели имеет. И ладно бы просто рассчитывали нажиться за счёт проигравших, оттяпав под шумок землицу и людишек у неудачливого соседа. То дело знакомое и понятное. Так ведь нет. Не исключено, что в паре-тройке кланов только и ждут повода, чтобы по древнему праву нарушения какие в наших действиях найти. А в Уставе о воинской повинности пунктик есть нехороший. Там, в главе про ополчение, об обороне страны и защите границ говорится. Так что, откажись мы от дуэли, и

рассмотрение отказа уйдёт в Княжеский Совет, где у нас нет уверенного большинства. Отказ сам по себе плох. Перешёптываний о трусости не избежать. Опять же князья при рассмотрении отказа могут сюрпризец подкинуть.

Обдорин замолчал, предлагая дальше государю самому додумать перспективы.

Перспективы безрадостные, если разобраться. Нет нынче в Императорском Клане сильного мага. Пока был жив старший брат отца таких проблем не было. Фанатик боевой магии умел внушать уважение Главам Кланов. Есть в законе оговорочка о том, что желающий покритиковать правителя, сам должен показать себя умелым руководителем. А то ведь достанься сильный Дар дурачку какому, и он таких бед натворит.

Мда-а… Но дядьку отравили. Крепко он после смерти первого Императора пить начал. Вот и подсунули ему во время очередного запоя чарку с отравленным вином. И заказчик неизвестным остался. Слугу, подавшего вино, мёртвым нашли, а если пытаться угадать, кому убийство дяди было выгодно, так любого из Глав Кланов бери, и не ошибёшься. Так что теперь для Императора любая ошибка в правлении может последней оказаться.

– Без ополчения обойдёмся, – подвёл государь итог своим раздумьям, и князь чуть слышно выдохнул, – А вот за помощью обратиться бы надо. Подумай, к кому, и что с нас за это попросят. Это за городом мы артиллерией можем обойтись, а городские особняки лучше с магами штурмовать.

– Землиц бесхозных у нас нынче прилично образовалось, – напомнил Обдорин правителю.

– Вот и распорядись ими по-хозяйски и без излишеств, – согласился государь, и устало откинулся на подушку, давая понять, что разговор окончен, – К Кобылиным, Комниным и Романовым не обращайся. Иначе возомнят лишнего, – напомнил он князю, когда тот уже совсем было выходил из палаты.

* * *

– Гениально, это просто гениально! – Густавсон бегал по кабинету, заламывая руки, словно актёр в еврейском театре.

Есть один такой театр в столице. Был я там как-то раз. Как по мне, так актёры в нём изрядно переигрывают, изображая неземные эмоции при достаточно простеньких событиях. Впрочем, я ни разу не театрал, может это действо кому-то и нравится, а я весь второй акт провёл тогда в буфете, о чём ни разу

не пожалел. Заодно для себя отметил, что высокое искусство – это не моё. Я и от картин не млею, что в художественной галерее выставлены. То ли дело МБК, дирижабли, да даже те же винтовки лобаевские. Вот ими можно бесконечно любоваться.

Но тут, как говорится, каждому своё. У меня иной раз покупатели дирижабль достаточно равнодушно снаружи осматривают, а как в салон зайдут, так сразу решение о покупке принимают. Даже Император, и тот работу Дарьи по его оформлению в своё время отметил. Знатная отделка салона у неё получилась. Так что есть всё таки какая-то польза от некоторых украшательств. Особенно, когда они делу не мешают и не влияют на лётные качества.

Вопли Густавсона посвящались разобранному накопителю, вытащенному из «Медведя». Одному из восьми, если что. Именно столько накопителей оказалось разбросано по всему меркуловскому МБК. И все они были объединены в одно целое огромным количеством энерговодов, которые, словно кровеносные сосуды опутывали все внутренности «Медведя».

Мы с Усольцевым восторгов Рудольфа Генриховича не разделяли. В накопителях, вытащенных из «Медведя» был использован тот же принцип, которым мы рассчитывали удивить Густавсона, считая это своим изобретением. Оказывается, ничто не ново под Луной.

Нашлись люди, раньше нас сообразившие, как можно объединить в одном накопителе относительно маломощные пластины из сапфирового стекла, используя последовательное и параллельное включение.

Обидно, чёрт побери.

Покойный Меркулов ушёл в своих разработках на шаг вперёд и признаться, выкопал лично для меня здоровенную яму.

Я уже свыкся с мыслью, что мои накопители – лучшие в мире, и едино чем озаботился, так это производством искусственных алмазов, изготавливаемых промышленным способом в Новосибирске.

Они пока далеки от совершенства, и конкуренцию мне ещё лет десять-двадцать не составят. Так мне казалось.

Оказывается, жизнь не стоит на месте. И накопители из сапфирового стекла тому свидетельство.

Если судить по тому, какое количество «Медведей» произведено, то становится понятно, что технология сапфировых накопителей у Меркулова отработана «на отлично», раз его завод их тысячами выпускает.

А то, что выпускается в больших количествах не может стоить дорого.

– Какой вес у всей энергосистемы «Медведя»? – обратился я к Усольцеву, начисто игнорируя восторженные метания Густавсона.

– Чуть больше ста тридцати килограммов, и это без учёта креплений и тех энерговодов, которые мы не смогли вытащить.

– Ого. Откуда столько? – не поверил я, подходя к столу и собираясь прикинуть вес накопителя на руку.

– Между сапфировыми стёклами керамика с напылением металла стояла. Я не стал все пластины сюда тащить, – Усольцев продемонстрировал нам ранее не замеченную мной плитку, лежащую на краю стола и ловко вставил её в соответствующие пазы, дожав керамическую пластину до характерного щелчка защёлки, – На эту керамику почти половина веса всего накопителя приходится. Зато Силу она капсулирует надёжно и в изготовлении крайне проста. Предполагаю, что магемы на металлическое покрытие керамики наносят фотографическим способом, а затем рабочие просто протравливают пластины в кислоте. После этого только и остаётся, что гальваническим способом нарастить оставшиеся на керамике контуры.

Блин-н-н! Ещё один удар по самолюбию.

Да какой!

Пока у меня мастера с изготовлением каждого контура корячатся, да ещё потом и в одну конструкцию всё собирают, у Меркулова на его заводах то же самое словно блинчики пекут за пару-тройку простейших операций.

Чую, что дальнейшее изучение «Медведя», а особенно технологий его изготовления, нам в скором времени не один сюрприз преподнесёт.

– А ещё бронирование усиленное… Да как они вообще летают! – отвлёк меня от раздумий возмущённый выкрик Густавсона.

– Всё, что связано с полётами у них работает на предельных режимах. Полагаю, что лётный ресурс у «Медведей» чрезвычайно низок. А излишнюю массу МБК они постарались компенсировать слабым вооружением и ограничением пилота по весу. По крайней мере внутри самого МБК крупными буквами прописано, что вес пилота не должен превышать семидесяти килограммов, – отчитался Усольцев, всегда трепетно относившийся к вопросам своего наставника.

– Пф-ф… Тогда понятно, отчего военная коллегия трижды «Медведей» принимать отказывалась. Хотя тут тоже не всё так просто. Кто-то же из этой коллегии смог настоять на избыточном бронировании, заранее обрекая меркуловские МБК на неудачу. Мощность силовой установки и вес усиленной брони – это величины вполне предсказуемые. Не могли их не просчитать при

выработке условий заказа, – Густавсон резко замолчал, заметив, что я его слушаю с очень даже большим вниманием. Ещё и улыбаюсь максимально ехидно.

В продолжении этой истории мы все поучаствовали.

Дальше кто-то чересчур хитрый, чьего имени мы не называем вслух из уважения к короне на его голове, придумал, как можно обойтись без военной коллегии. В итоге часть гвардейцев теперь летает в МБК, который разработали бережковские верфи.

То бишь, мои…

Ну-ну. Блажен, кто верует…

Я бы и сам иногда готов был чего-нибудь вякнуть против, но деньги-то мы взяли, когда у нас лицензию на этот МБК покупали. Так что молчание нам щедро оплатили. Меня, правда, втёмную сыграли. Ну так молод ещё…

Ладно. Не буду портить себе настроение. День у меня сегодня неплохо прошёл. Пусть и не без труда, но уже до обеда три заклинания из наследства Медведева я почти что освоил. По крайней мере со второго-третьего раза мне удалось их воспроизвести, насилуя мозг и досконально выверяя каждый знак и его расположение, а там и довелось шарахнуть по замёрзшему озеру, окружающему скалы вокруг Источника.

Что могу сказать… Знай я раньше, какая силища у архимага сосредоточена в его обычной боёвке, ни в жисть бы не полез к нему своими снарядами швыряться.

Ухнуло так, что скалы затряслись, а Ираклия, который по приказу отца за мной теперь постоянно присматривает, воздушной волной с ног сбило и прокатило кубарем по всем сугробам.

А вот нечего за тренировками начинающего архимага подглядывать, если Щита на тебе нет. Мы, начинающие, порой и сами не ведаем, что и как у нас бабахнет.

Зато полынья на озере славная образовалась. Метров пятьдесят в диаметре. Ну, может сорок, про пятьдесят это я для ровного счёта чуток добавил. Теперь, если что, на рыбалку можно и без коловорота ходить, а заодно и без удочек. Там столько рыбы всплыло кверху брюхом…

Каюсь, не удержался. Убедился, что с Ираклием всё в порядке, и взыграл во мне дух рыбака. Не смог устоять, увидев трофейный экземпляр. Кастанул на себя Левитацию и налима с лещом выцепил, зависнув над водой. Собственно, из-за леща и полез. Я таких здоровенных раньше никогда не видел. Гигант, размером с большой чайный поднос, он просто заворожил меня своим необычным бронзовым цветом. Можно надо мной и посмеяться, но это лишь тот сделает, кто никогда не ел

запечённого леща, фаршированного кашей с яйцом, а кто ел, позавидует. С налимом тоже всё понятно. Там рядом ещё щука большая была, которую я не стал брать. Щука – это волокнистое мясо и запах тины, особенно в нашем заболоченном озере, а налим хорош и на пирог, и на уху, а ещё у него сейчас нерест, так что это к тому же икра и вкуснейшая печень, не уступающая по вкусноте печени трески.

Заодно и дома скажу, что с утра на рыбалку ездил.

До дома в тот день я добрался лишь к вечеру. Успел, правда, днём ненадолго заскочить, чтобы выгрузить рыбу и перехватить подобие обеда, но пока ел, весь извертелся от нетерпения, так хотелось поскорее попасть на верфи.

Зато сейчас я даже приостановился, прежде чем заехать в предупредительно распахнувшиеся ворота. Похоже, что у меня какое-то торжество празднуют. Дом весь в огнях, и даже наружные разноцветные гирлянды, которые я ещё не успел снять после новогодних праздников, и те все включены.

Ну надо же… В моём доме праздник, а я ни сном, ни духом… Непорядок.

Пока раздевался, узнал у прислуги, что княжич пригласил капитана Овечкина и ещё двух офицеров, из числа пилотов, отбывающих завтра в столицу, а с ними и Роальд Силантьевич, один из моих алькальдов припёрся. Поморщился, но затем вспомнил, что сам предложил княжичу чувствовать себя, как дома, когда их у себя устраивал. Понятно, что чисто из вежливости такое сказал, а оно вон как повернулось.

По части явств увиденный стол не впечатлял. Немного закусок, лещ, пирог, пара разновидностей мясных блюд и что-то из птицы. Напитки были более разнообразные, и что меня удивило, так это необычные хрустальные бутылки шампанского с заковыристым французским названием. Какой-то Кристал Луис с чем-то там ещё… Дорогое удовольствие. В моём подвале таких вин точно не было.

Я поздоровался со всеми. Скромно нашёл свободное место рядом с Антоном, и не дожидаясь прислуги, сам положил себе понравившийся кусок запечённой рыбы. Чуть сдобрил его лимоном, и со вкусом начал уминать вкуснотищу, прислушиваясь к разговорам.

За столом образовалось два полюса.

На одном трое офицеров делали вид, что флиртуют с тремя девицами, впрочем не переходя рамок приличия, а на другом лидировал граф Игнатьев, ставший героем дня.

– Граф, я могу воспользоваться вашим гостеприимством ещё на некоторое время? – обратился ко мне Игнатьев, заметив, что я

прислушиваюсь к их разговору, – Мою работу по наведению порядка в ваших краях оценили в столице, и мне отдан приказ продолжать координацию действий в местных палестинах. Кстати, слышали бы вы, какая паника у противника поднялась, когда они нас подслушали, а затем и пилотов увидели. На визг исходили, доказывая друг другу, что императорский гвардейский полк в Рязань передислоцировался.

– А что они ещё должны были подумать? – вмешался княжич, – Гвардейцы летают, а в эфире начальник штаба приказы раздаёт. У страха, как известно, глаза велики. Когда под Стрелецкими Выселками они за несколько минут целый батальон потеряли, тогда даже самых бронелобых пробило.

– Не имею ни малейших возражений. Живите, сколько нужно, – кивнул я графу, и с тревогой заметил, что Дарья, отделившись от остальных девушек, искусно маневрирует, пробираясь ко мне.

Ага, дождалась, пока я перекусил, и теперь ей что-то от меня нужно.

– Милый, ты не мог бы уделить мне пару минут, – промурлыкала Дашка, ухватив меня за рукав цепкими коготками.

Конечно могу, а куда деваться мышонку, если кошка с ним поиграть решила.

Дарья утащила меня на второй этаж, где у нас оборудован небольшой зал с камином.

– Тебе же нравится Алёна Рюмина? – ошарашила она меня неожиданным вопросом, стоило только за нами закрыться дверям.

– Нравится, – согласился я по привычке, и замер, сообразив, что только что брякнул.

На удивление, прокатило. Думаю, гораздо хуже мне бы пришлось, если бы я начал отпираться.

– А что ты знаешь про морганатические браки?

– Э-э, а есть разница между ними и мезальянсом?

– Понятно. Мы так и думали, – задумчиво покачалась Дарья из стороны в сторону, запрокинув голову и о чём-то размышляя, глядя в потолок, – Ладно. Иди к гостям, я загляну к себе в комнату и тоже скоро спущусь к вам.

Хм… По меньшей мере странные вопросы, и не менее странное «мы».

Одно радует, на моё признание про симпатию к Алёне Дарья отреагировала вполне мирно.

Хотя, если разобраться, вопрос был чисто риторический. В коридоре целовались? Целовались. А меня Дашка знает, я ни за какие коврижки не стану целоваться, если мне кто не по душе.

Может, она этого и не знает точно, но в ином вряд ли сомневается.

И про брак этот, как его, морганатический… Это что?

Допустим, Императору, а то и Светлым князьям вполне прилично и модно иметь одной из жён какую-нибудь немку или иную европейскую принцессу. У них там полно всяких королевств и разных прочих герцогств.

Даром, что иное королевство на моём дирижабле можно перелететь за час вдоль и поперёк, иными словами, у нас некоторые уезды и те пообширнее будут, а смотри-ка ты, там королёк имеется, да ещё со звучной фамилией какой-нибудь, и при нём с пяток дочек на выданье. И все, как одна – принцессы. Зачастую – голь перекатная, но носы задирают, ужас как.

Видел я их в столице.

Ага, они туда живопись и архитектуру приезжают изучать целыми стадами. И так упорно изучают, что только замужество их может от этого дела отвлечь.

Получается, что тем же членам Императорской фамилии на европейской шушере мелкотравчатой жениться можно, а на своих графинях да княжнах никак. Как по мне, так дурь несусветная…

Спокойно закончить ужин мне не дали.

Стоило мне появиться в зале, как на меня насел Шабалин. Очень настойчиво насел, а затем и вовсе утащил в курительную комнату.

Не вовремя он.

Как раз только что Алёнка звонко рассмеялась. Нет, как она смеётся, мне нравится, но мне не нравится, что она смеётся на другом конце стола над шутками приглашённых Антоном офицеров. И вообще, не много ли шампанского девушки сегодня выпили. Ишь, как раскраснелись, и глазки блестят.

– Олег Игоревич, не знаю будет ли вам это интересно, но у меня в начале марта заканчивается контракт с семейством Рюминых, – с ходу взял быка за рога Шабалин, стоило нам уединиться.

– Я бы не отказался от хорошего теоретика, – дипломатично отозвался я, – Но не на контрактной основе. Слишком уж у меня горячие новости, и опять же, земли баронские опустели. Купил тут по случаю, а теперь и не знаю, кого бы туда определить на правах Семьи, входящей в Род. Естественно, со всеми клятвами и прочими атрибутами, впрочем, как водится. Ничего лишнего, кроме обычной практики. Но теоретик нам нужен. Ой, как нужен. Столько интересного и необъяснимого сейчас происходит, – прервался я на полуслове из-за приоткрывшейся двери.

– Олег Игоревич, мы бы хотели откланяться. Завтра с утра

вылет и нам бы надо быть в форме, – доложил сквозь приоткрытые двери капитан Овечкин, а затем, убедившись, что Шабалин его не видит, чуть заметно мне подмигнул.

Ну, спасибо, парни. Трёх раскочегаренных девиц мне оставляете… Хотя, а чего я жалуюсь. Быть мне нынче королём вечера. И та же Алёна теперь над моими шутками будет звенеть своим серебряным колокольчиком.

Утро, пасмурное и ещё тёмное, я встретил у ангаров. Приехал проводить первый отряд пилотов. Мужики вковывались в доспехи с торжественными и торжествующими лицами. А то как же.

Армия, по сути их списала.

Да, вот так вышло, что никого из них даже с восстановленными способностями в строй и сейчас не примут, ибо «протезы». Но теперь бывшая трагедия превратилась в фарс. На моих глазах оживали лучшие МБК Империи, и лучшие пилоты страны поднимали правую руку перед стартом, благодаря меня за то, что я вернул им Небо.

Помахав рукой вслед улетающему отряду, я запрыгнул на свой транспорт на воздушной подушке и помчался к Источнику. Сегодня у меня по плану освоение заклинаний из личного арсенала архимага.

Хм, вы ведь не думаете, что я начну с этого насквозь непонятного «Метеоритного дождя», где в основе заклинания лежит не привычная для меня магия Льда и Холода, наверняка поменянная коварным Медведевым вместо предыдущей магии Огня?

Вот и я не собираюсь с него начинать.

Ну-у, разве посмотрю слегка, что там и как… Так-то Холод не моя стихия, и вообще… Но очень хочется, блин…

Почти три часа я составлял непривычные для меня магемы. Переплевался раз сто, если не больше.

Научили тебя играть на трубе – не трогай скрипку! Это про меня.

Магемы Огня мне хорошо знакомы и многие из них я могу сложить за секунды. А со Льдом и Холодом у меня всё коряво.

Словно письмо пишу, зажав перо в левой ноге.

Но справился.

Ослиное упорство, помноженное на отсутствие разума, порой могут дать непредсказуемые результаты. Что с разумом не так? А вы сами попробуйте как-нибудь кастануть незнакомое заклинание, составленное вами из такого вида магии, апробации которой вы практически никогда не имели. Да, в глубоком детстве вас как-то добрые дяди в колпаках попросили слепить

снежок, а потом сказали, что ваша стезя – магия Огня, а Лёд и Холод трогать не стоит. Собственно, вот и весь опыт с той магией. А тут…

Короче, упёрся.

Три часа…

Изнасиловал и сам себя и Сущность, с которым уже под конец общался исключительно на русском командном матерном. Животрепещущий язык, и очень способствует творчеству. Как бы то ни было, но через три часа мата и мучений, я заклинание собрал, и замер, собираясь начать проверку.

Ираклий, моментально сообразивший, что это затишье не к добру, с большим воодушевлением начал вновь осваивать управление моим судном на воздушной подушке, отчего-то выбирая крайне удалённые участки озера. Но стоило ему подъехать разок, из-за того, что он обеспокоился моим затянувшимся бездействием, как по рации, установленной на моём катере, прозвучал сигнал тревоги. Громко. На половину озера. Причём, не простой такой сигнал, а с обозначением высшей степени опасности.

Резко перестав мандражировать и проверять нескладухи в новом заклинании, я с разбегу запрыгнул в катер, боком перевалившись через высокий борт и очень больно ударившись об какую-то железяку ещё не до конца выздоровевшей ногой.

– Гони! – потребовал я от Ираклия, – указывая рукой примерное направления, а сам кинулся крутить верньер рации, перестраиваясь на голосовой канал. Сквозь шум и помехи узнал, что на мои земли прорвался отряд в два десятка автомашин. Уже с обеих сторон есть жертвы. У меня снесены два блок-поста. Есть убитые и раненые среди егерей, промедливших с минированием дорог, а крупное войсковое подразделение, имеющее магическую поддержку, вовсю катит к нам, с каждой минутой приближаясь всё ближе и ближе к посёлку, верфям и моему дому.

– Педаль в пол!! – заорал я, понимая, что опаздываю…

Глава 38

Пятьсот километров.

Вроде бы не так много. Колонна тяжёлых армейских грузовиков способна пройти такое расстояние даже за короткий зимний день.

Только время нынче вовсе не мирное, а на железной дороге, зачастую идущей параллельно с автотрассой, наблюдается крайне нездоровое оживление, связанное с переброской войск к столице. По крайней мере в эфире не по разу в день можно услышать, как имперцы отражают попытки заговорщиков захватить контроль над той или иной дорогой.

В связи с беспорядками по всей стране неделю назад объявлено военное положение и по дорогам, ведущим к столице, далеко не уедешь. Первый же пост или передвижной патруль ни за что не оставит без внимания даже одиночный грузовик, пусть и с прикрепленным к лобовому стеклу пропуском, подписанным лично военным комендантом. Обязательно остановят и досмотрят. Права им такие сейчас даны, что даже армейцев, и тех останавливают.

Трое суток ушло у отряда, собранного графом Киселёвым, чтобы добраться до земель Бережкова. Суеверный человек в первый же день уже плюнул бы и повернул обратно. Пятьсот километров по автомагистрали давно превратились в восемьсот по бездорожью.

Сельские дороги прямыми не бывают. Да и какие они, эти дороги. Стоит в лес заехать, как они больше на звериные тропы походят, петляя между деревьями в обхват толщиной, что впрочем, не мешает этим тропам состоять из сплошных колдобин. Ямищи там то и дело чередуются с кочками, остатками пней и корнями могучих деревьев.

Два часа отряд пробивался через пятикилометровую чащу. Трижды колонна останавливалась, и сапёры закладывали взрывчатку, расширяя дорогу. Между двух здоровенных деревьев крестьянская телега может и пролезет, но грузовик точно нет. Итак многие машины уже едут с ободранными бортами, а то и с поломанными будками. Слалом между деревьями по обледеневшей колее та ещё лотерея.

Когда лес начал мельчать и машины выскочили на поле, все облегчённо вздохнули. И как оказалось, зря. Дорога закончилась. Солдаты, посланные вешками обозначить путь, и пятидесяти метров не прошли, завязнув в глубоких сугробах.

Павел Дмитриевич и сам вышел, покинув уютное тепло

салона внедорожника, чтобы принять решение. Поле казалось бескрайним, чему очень способствовала начинавшаяся метель, скрывая позёмкой тёмную полоску леса, временами чуть заметную вдалеке.

От высказанной кем-то идеи о том, что дорогу могут расчистить маги, пришлось отказаться. Километр-другой имеющиеся в его распоряжении воздушники может и вычистят, раскидывая вихрями тонны снега, но судя по карте, отряду до ближайшего села оставалось километров двадцать. Время к вечеру. Метель и не думает утихать, а ночевать посреди поля…

– Разворачиваемся. Нам нужна другая дорога, – скомандовал Киселёв, в гневе сжимая кулаки до хруста.

Ночевать пришлось в деревне, проехав за день чуть больше сотни километров. Два десятка домов не смогли вместить всех желающих. Кто успел, набились в выстывшие бани, охапками скармливая дрова ненасытным печкам. Остальные спали в машинах, укутавшись во что только можно.

Второй дорогой оказалась река.

Нет зимой у крестьян дороги лучше, чем по льду. Накатают обозы дорожку, глядишь, и до соседнего села можно на санях за день туда-сюда обернуться.

После разговора со старостой Павел Дмитриевич и сам отказался от немедленных поисков проводника. Ночью в такую погоду ничего не углядишь, а дорога им предстоит не простая.

Метель к тому времени запуржила так, что габаритные огни идущего впереди грузовика можно было разглядеть лишь шагов с семи-восьми.

Утром добрая треть машин не завелась и выехать отряд смог лишь ближе к обеду.

На реке утопили две машины. Хорошо, что людей не потеряли. Успел проводник вовремя предупредить, что в нескольких местах сильные ключи лёд подмывают чуть не до открытых промоин, так что водители ехали там с открытыми дверями, а солдатики опасные участки пешком переходили.

Остальная дорога вышла чуть легче. Места пошли оживлённее, да и погода более-менее наладилась. Всего-то несколько сотен километров бездорожья, снежных заносов и памятный овраг, на обледеневший склон которого первые машины пришлось затаскивать вручную, а остальные перетаскивать сцепкой сначала в две, а потом, когда они накатали наледь, и в три машины, собрав для этого все имеющиеся в наличии буксировочные тросы.

Нет, воевать в России зимой – дурное дело. Даже Наполеон это когда-то признал. Пришёл к нам с армией больше, чем в

полмиллиона, а обратно вернулся с тридцатью пятью тысячами солдат, «находившимися весьма в жалком состоянии», заодно потеряв в России и свою хвалёную многотысячную гвардию, и лучшую на то время артиллерию в тысячу двести стволов.

Больше трёх часов, пока колонна преодолевала злополучный овраг, граф Киселёв развлекался историческими экскурсами, отгоняя от себя мысль о том, чем может для него закончиться начатая им авантюра.

Ещё месяц назад он легко мог выставить против любого соперника до пятидесяти магов и под две тысячи дружинников, а если обратился бы к близким родственникам, то тогда смог бы и утроить свои силы. А теперь, с остатками дружины и всего лишь с двумя десятками Одарённых он словно в юность вернулся. Примерно столько же у него было людей, когда двадцатилетним парнем он вступил в наследство. Тридцать пять лет жизни, интриг и упорного труда. Лучшие годы жизни впустую. Сейчас он снова вернулся к тому, с чего начинал.

Половины людей он недосчитался после неудачного штурма имения Рюминых, хотя казалось, что их участие выглядит максимально безопасным. Не сам же княжеский замок он их штурмовать отправил. Всего-то одну из дорог требовалось перекрыть, чтобы подкрепление к Рюминым не подошло раньше времени, а потом нужно было просто исчезнуть, отсидевшись в соседнем поместье, специально купленном покойным Куракиным. Но нет. Ввязались в бой с подкреплением из Подольска, да там все и остались. И ладно бы, только дружинники не вернулись. Одарённые погибли. В том числе и молодёжь из родственных Семей.

Оттого в ближайшее время на помощь родни рассчитывать не стоит.

Не скоро простят ему родители гибель любимых чад. Даром, что молодые родственнички сами к нему примчались, о подвигах и богатстве мечтая.

Да и те Семьи, которые никак не пострадали, теперь призадумались. По крайней мере на его письма никто пока не ответил. Узнали, небось, про смерть Куракина, а может и про то, что и там он своих людей немало потерял, соразмерили силу, и похоже, списали его вчистую.

С оставшимся воинством он им не указ. А найдётся среди родственничков кто попрытчей, сумеет остальных объединить, и ведь сомнут его. Как пить дать сомнут.

Нет, нужно быть хитрее и изворотливей. Скорее заканчивать дело с императорскими наследниками, да свидетелями нежеланными, и бегом к Багратионам. Падать им в ноги и

вымаливать себе место под Солнцем. Не смогут они отказать, если им прокурорское наследство пообещать. Большая сила Куракиным собрана. На любого значимого человека папочка с компроматом имеется. Даже Император с его ближниками вниманием покойного прокурора не обделены оказались. Есть за ними грешки, как же без этого. Ангелов при власти не бывает.

До земель Бережкова отряд графа Киселёва добрался поздним утром.

Неприятности начались почти что сразу. Первый же пост оказал сопротивление, а пока с ним расправлялись, радист из стоящей отдельно землянки, вовремя не увиденной солдатами, успел передать тревожное радиосообщение.

Фактор неожиданности оказался утерян, и теперь многое решала скорость.

К счастью, дорога вдруг стала неожиданно хорошей, и судя по всему, её регулярно чистили от снега. Впрочем, вскоре пулемёт головной машины снова заработал. Из двух людей в егерской форме, возившихся у дороги, один упал сразу, а второго накрыли маги, заодно обезвредив устанавливаемую им мину.

Впрочем, на этом успехи закончились. Где-то вдалеке, с удалённого почти на километр пригорка, захлопали одиночные выстрелы, и капоты двух передних машин окутались паром. Замаскировавшийся стрелок успел повредить им двигатели, прежде, чем маги накрыли колонну Щитами. Пулемёты отработались вслепую, обстреляв подозрительные места и колонна совсем уж было проскочила, приняв на борт бойцов из повреждённых машин, как в замыкающий автомобиль прилетела ещё одна пуля. Пробив насквозь будку, она ранила водителя, и только сидевший рядом с ним боец, успевший схватиться за руль, спас машину от немедленного опрокидывания. В кювет машина съехала, почти потеряв скорость и бойцы не пострадали.

Теперь переполненные машины ехали медленнее и все внимательно вглядывались, отслеживая любое движение вокруг. Внедорожники магов равномерно распределились между оставшихся грузовиков, пытаясь растянуть Щиты как можно больше.

– У меня плохие новости, – обратился Антанас к графу, стягивая с головы наушники, – Где-то очень недалеко расположились гвардейцы. Вчера они дважды совершали вылеты, не давая заговорщикам перерезать железную дорогу, а сегодня в эфире вовсю лютует их начальник штаба. Нам нужно вести себя крайне осторожно, чтобы случайно не привлечь к себе внимание. Прикажете включить глушители?

Киселёв в ответ лишь кивнул. Они переглянулись и оба

синхронно пожали плечами. Водителю ни к чему знать лишнее. Да, неприятно, что где-то недалеко гвардейцы обеспечивают прохождение армии к столице, но не особенно и страшно. Надо просто вести себя тише и быстрее закончить дело.

Литвин, его давний и верный помощник, был одним из немногих, кто знал об истинной цели их поездки. Для всех остальных вооружённая вылазка выдавалась за обычную боярскую разборку, дело насквозь обыденное и понятное. Может кто и удивился необычно жёсткому распоряжению, когда боярин потребовал разнести всё вдребезги и никого в живых не оставлять, но виду не подал. Вникать в то, какую мозоль местный хозяин отдавил их боярину, дело неблагодарное.

Небольшой грузовичок, выполнявший функцию дозорной машины, подорвался на мине, когда до посёлка оставалось не больше километра. Вскоре подорвалась и вторая машина, которая сунулась его объезжать. В отличии от предыдущих постов охрана посёлка успела среагировать на тревогу и дорогу заминировали.

Киселёв указал водителю на подходящее место, и его машина остановилась на пригорке, пропуская колонну вперёд. В бинокль можно было разглядеть редкую цепь стрелков, занявших позиции на окраинах посёлка, а рядом с бетонным капониром, прикрывающим въезд в посёлок, скорее всего выстроилась пятёрка магов, почти по плечи прикрытая бетонной стенкой, раскинувшейся в разные стороны от капонира. Киселёв протёр окуляры и, опёршись локтями на крыло заглушенной машины, всмотрелся внимательнее, напрягая зрение до рези в глазах. Вне сомнения, трое из пяти – женщины. Зато ни один из двоих мужчин не похож на Медведева. Даже с такого расстояния он бы сумел различить приметную бороду Саввы Савельевича и его высокую соболью шапку.

Признаться, были у Павла Дмитриевича опасения, что за прошедшее время княжнам удалось завербовать архимага, не отличающегося выдающимися дипломатическими талантами. Несмотря на то, что в магии Савва Савельевич достиг вершин мастерства, в жизни он всегда оставался достаточно простым человеком. По крайней мере князю Куракину удавалось успешно манипулировать Медведевым, найдя нужные способы убеждения. Пока же для графа оставалось загадкой, каким артефактом владеют Рюмины, удерживая Медведева под арестом. С магами такой силы, пожалуй, и столичная тюрьма для Одарённых не справится. По кирпичику разнесут. Да и вроде не было таких случаев, чтобы архимагов арестовывали. Их или в ссылку отправляли, или убивали на месте, если совершённые ими преступления тянули на высшую меру наказания.

Вскоре наблюдение пришлось прервать. Откуда-то сбоку, скорее всего из лесочка, находившегося почти в километре от дороги, полетели пули, начав перегружать на его машине щиты, к счастью, вовремя активированные Анастасом. Надо сказать, что свою роль меткие и незаметные стрелки сыграли. Теперь одним щитом, прикрывающим колонну со стороны посёлка не обойтись.

Маги, которые уже собирались выдвигаться в сторону подорванных головных машин, чтобы расчистить дорогу от мин и в темпе расправиться с вышедшей из посёлка пятёркой защитников, вновь рассредоточились по колонне, накрывая её щитами. Заработали пулемёты, пытаясь длинными очередями нащупать невидимых стрелков, скрывающихся в лесу и стреляющих с завидной точностью. По крайней мере далеко не все бойцы из второй машины, подорвавшейся на мине, сумели вернуться обратно. Больше десяти из них так и не успели добежать под защиту магов.

Стрельба с дистанции в километр по движущейся мишени вояк впечатлила. В лесочке наверняка укрылось не меньше пятёрки снайперов с серьёзными винтовками. Эту мысль подтверждала дюжина пробоин на борту первой дозорной машины, из которой так никто и не вышел.

Растерянность длилась недолго. Не прошло и минуты, как зазвучали команды и колонна начала стягиваться в кулак, чтобы высвободить как можно больше магов, а то и вовсе накрыть щитами машины, используя всего лишь силы одной звезды. Дальше всё понятно. Высвободившиеся маги отработаются по лесу, а затем займутся капониром и магами защитников. Жаль, теперь ему не удастся это детально увидеть. Внедорожник Киселёва подтянулся к колонне метров на сто и укрылся в ложбине, став невидимым и для стрелков из леса, и для защитников посёлка.

Возникшую паузу граф решил использовать с толком. По его распоряжению Анастас подал пару аппетитных бутербродов с ветчиной и кружку ароматного чая. Поздний завтрак немного сгладил досаду, рождённую из-за неприятной заминки.

* * *

К сборам перед предстоящим отлётом все отнеслись по-разному. Княжич, с утра проводив первый отряд пилотов, вылетевших в столицу, лично проследил за упаковкой подарков, и возбуждённо носился по всему дому, потирая руки и предвкушая встречу с Императором.

Ирина сидела за столом, временами что-то записывая в блокнот и задумчиво поглядывала на сестру, о чём-то шепчущуюся в углу с княжной Вадбольской.

Кстати, далеко не урождённой княжной, как она раньше про себя говорила.

Это девушки втроём выяснили, когда последние газеты, привезённые из столицы, от корки до корки изучили, а потом и в посёлке нужную подшивку более ранних газет нашли.

Нигде не встретилось упоминания, что Дарью от Рода отрезали. Выходит, не принял дед её отказ, оставив за Родом одностороннее право считать её своей. Но об этом молчок. Обе девушки Дарье обещали, что до свадьбы никому слова не скажут.

Редкая ситуация. Ты Роду ничего не должен, а он за тебя отвечает. Смело поступил Глава Рода Вадбольских. Неожиданно и неординарно. Дарья долго поверить не могла, да и до сих пор, кажется, не верит. Не того деда она знала, оказывается.

О чём две княжны шепчутся, Ирина примерно догадывалась. С младых ногтей у них с сестрой друг от друга секретов нет. Втюрилась младшенькая в Бережкова по самые уши. Как уж она с Вадбольской договориться смогла, один Бог ведает.

Хотя со стороны Дарьи вполне возможна простая житейская хитрость. Добьётся чего Алёна или нет, пока непонятно, но если государь племяннице брак запретит, то следом за ней сделать то же самое с Вадбольской он вряд ли сможет, боясь показаться смешным.

Да и так не будет, в свете последних событий. Граф ему племянников спас, и с заговорщиками помогает сражаться. Нет, не сможет государь чёрной неблагодарностью ответить.

Впрочем, за Дарью Вадбольскую и сам Бережков закусится, может даже и с самим Императором, а уж тем более наплюёт на мнение Дарьиной родни.

А вот за Алёну… За сестрёнку ему биться не к лицу. Те же злые языки их любовь начисто отвергнут и такого наплетут, что хоть против всего мира сражаться выходи. Придётся Алёнке самой крутиться. В союзниках у неё княжна Вадбольская, ну, и она, старшая сестра. А куда ей деваться…

Размышления прервал телефонный звонок. Звонить могли только из посёлка. Междугородняя связь чуть не по всей стране с началом заговора стала недоступна.

– Скорее всего звонят с лётного поля, – подумала Ирина и невольно бросила взгляд на часы.

Рановато что-то. Дирижабли ожидались после обеда, и все улетающие ещё рассчитывали перекусить перед полётом.

Свою ошибку княжна поняла, наблюдая за Шабалиным,

взявшим трубку, и слушая, что он говорит. Наставник мрачнел на глазах, и даже по его коротким, рубленым фразам, стало понятно, что услышанные им новости никак с дирижаблями не связаны. Это же подтвердил и заунывный вой сирены, донёсшийся со стороны посёлка, и заставивший вздрогнуть всех находящихся в зале.

– К нам пробивается большой отряд. Почти два десятка грузовиков, набитых солдатами. До нас они доберутся минут через пятнадцать-двадцать. До самого посёлка их остановить не получится. На той дороге всего лишь три поста и патрульная машина. Перед посёлком сейчас минируют дорогу и попытаются их задержать. Граф Игнатьев предлагает нам воспользоваться «Сапсаном» и покинуть посёлок, пока не поздно, – доложил Шабалин, повернувшись к присутствующим, и держа трубку на отлёте.

– А где оставшиеся пилоты, которые должны были нас сопровождать во время полёта? – хмуро поинтересовался Антон, выпячивая подбородок.

Его пригласили на обсуждение планов, касающихся их возвращения в своё имение, и он согласился с тем, что пятнадцати пилотов и охраны во втором дирижабле им будет вполне достаточно для обеспечения безопасности во время непродолжительного полёта.

– Игнатьев недавно отправил пилотов на защиту узловой станции. Через неё сегодня к столице должны пройти три воинских эшелона. Пока связи с пилотами нет, но со слов графа, он ожидает их возвращения не раньше, чем через полчаса, – вскоре ответил наставник, задав в трубку уточняющие вопросы.

– А где Олег? – чуть ли не в унисон спросили Алёна с Дарьей, и даже не переглянувшись, лишь плотнее прижались друг к дружке.

– Граф куда-то умчался на своём драндулете и обещал к обеду вернуться, чтобы проводить гостей. Рация у него там стоит, но слабенькая. Сигнал тревоги он может и услышит, но сам на связь выйти сможет, только когда окажется недалеко от посёлка, – продублировал наставник ответ Игнатьева.

– Я остаюсь, а вы улетайте, – не раздумывая, набычился княжич, выпячивая нижнюю губу. Верный признак, что спорить с ним в ближайшее время бесполезно. Упёрся насмерть.

– Я с тобой, – поднялась с места Алёна. Сухо так сказала. Как нечто окончательно и бесповоротно решённое.

Дарья ничего не стала говорить. Она встала рядом с Алёной, и гордо вскинув голову, взяла княжну за руку.

Ирина, молча наблюдавшая за происходящим, повернулась к

Шабалину. Она крайне выразительно пожала плечами, давая понять, что своих она не бросит.

Шабалин потёр рукой висок, видимо стимулируя умственную деятельность, а затем решительно поднёс трубку к уху.

– Граф, мы остаёмся. Попытаемся помочь охране продержаться до прилёта пилотов. Нет, за нас не волнуйтесь. Машина будет рядом. Если что, закроемся щитами и уедем. Что? Да, это их решение. Да, все так и сказали. Распорядитесь, чтобы для нас почистили площадку рядом с въездным укреплением. Нам нужно будет место для правильного построения звезды.

Закончив разговор, наставник прошёл к столу, но садиться не стал, а остановился около Ирины.

– Работать будем звездой. Надеюсь, сильных магов у противника в этот раз не будет. Запомните, наша задача состоит в том, чтобы продержаться до прилёта пилотов. Предупреждаю сразу – геройствовать понапрасну я никому не позволю. В случае опасности все бегом запрыгиваем в машину, закрываемся щитами и быстро уезжаем. Князь, правду про вас говорили, что вы неплохо показали себя в ночных гонках по столице? – Шабалин повернулся к Антону, рассматривающему его с некоторым недоверием.

– Было дело. Гонялся, – признался княжич в неодобряемой обществом забаве золотой молодёжи.

– Значит вы за руль, – коротко распорядился Шабалин, – Нечего таланту зря пропадать. Девушки, у вас три минуты, чтобы переодеться. Княжич, прогревайте автомобиль. Бегом, бегом, бегом, – захлопал наставник в ладоши, подгоняя магов, впавших было в ступор.

От Шабалина чего угодно можно было ожидать. Ругани, попыток убеждения, а то и вовсе он мог магию применить, попытавшись обездвижить их всех и в таком виде эвакуировать. Пожалуй, единственно чего они от него не ждали, так это юношеского блеска в глазах и того боевого задора, который этот сухарь вдруг продемонстрировал.

Даже когда защищали имение Рюминых, наставник так себя не вёл, отдавая распоряжение скучноватым голосом, то и дело срываясь на поучающий тон. А тут, гляди-ка ты… Может воздух здесь, у Бережкова, какой-то особенный.

Приехали вовремя. Успели заметить убегающих с поля охранников, расставивших мины, и спрятать машину за капонир.

Шабалин огляделся.

Ничего радостного вокруг.

Перед ними дорога, километра через полтора уходящая за склоны холмов, слева неровное поле, в конце которого виднеется

полоска реки, чуть обозначенная камышом и прибрежными зарослями ивы, справа, скорее всего покосы, если судить по засыпанным снегом стогам сена, а за полем просматривается полоска леса. Их линия обороны проходит по редким строениям, вынесенным за пределы посёлка. И в довершение ко всему, мерзкая ненастная погода и небо, затянутое тяжёлыми низкими тучами.

– Командир отделения охраны Золотов. Докладываю обстановку. У меня три пулемёта, из которых два здесь, – ткнул пальцем в бетонное сооружение подбежавший начальник охраны, изрядно повеселевший с их прибытием, – почти три десятка стрелков в первой линии, и шесть егерей с дальнобойными винтовками. Двое по флангам и четверо в лесочке. Во вторую линию сейчас местных собирают. Их хоть и много будет, но вооружены они плохо, да и стрелки из них… – махнул он рукой, не договорив.

– Что про пилотов слышно? – вмешался нетерпеливый княжич.

– Пока ничего. Зато наш граф объявился. Сказали, минут через десять здесь будет. А там, глядишь, и ещё егеря с охраной подтянутся. Нам бы только перед посёлком врага остановить, и немного продержаться. В чистом поле наши пилоты хоть кого в блин раскатают.

В это время на дороге из посёлка показалась ещё одна машина, и командир убежал расставлять по местам прибывший десяток охранников, волокущих за собой тяжёлые ящики с боеприпасами и пару внушительных пулемётов незнакомого вида.

– Во, теперь точно повоюем, – по достоинству оценил княжич жуткие машины смерти, впечатляющие калибром и размерами, – Если не ошибаюсь, это что-то вроде автоматических пушек. Очень они похожи на те, которыми МБК снаряжены, только ствол у них раза в два длиннее.

– Не удивлюсь, если такие машинки смогут щиты боевой звезде перегрузить. Пусть и не сразу, и не самой лучшей. По крайней мере выглядят они очень серьёзно, – согласился Шабалин, расставляя магов на крайне удачном месте.

Вход в капонир прикрывала бетонная стена, высотой чуть более метра, и площадку им расчистили прямо за ней.

Всё-таки странно устроены люди. Те же щиты у боевой звезды ничем не хуже бетонной стены, а пожалуй, так и лучше, но всё равно, за укрытием как-то спокойнее стоять. Опять же, лишняя защита ещё никому не повредила. Особенно, если с расположением щитов поиграть. Удалось же им, в схватке с архимагом, наклоном щитов выиграть те минуты, которые, в

конце концов, им жизнь спасли.

Отчего бы не повторить фокус.

Задача перед ними всё та же – выиграть время.

А шансы выжить… Пожалуй, в этот раз их побольше будет.

Враги появились неожиданно. Головной грузовик, пока выглядевший большой чёрной точкой, вырвался вперёд, а вслед за ним на дорогу начала выползать колонна тяжёлых армейских машин. Шабалин попробовал их сосчитать, но постоянно сбивался со счёта. Машины то и дело пропадали из вида, скрываясь в складках местности, а то и закрывали друг друга, отчего маг каждый раз начинал считать заново.

– Четырнадцать грузовиков и пять внедорожников, – отчего-то шёпотом подсказал Антон, невольно заставив Шабалина позавидовать его молодым зорким глазам.

Дозорная машина подорвалась на мине, когда до посёлка оставалось меньше километра. Затарахтели пулемёты, установленные в доте, и маг поморщился. Ручной пулемёт в доте – это не серьёзно. Не было бы мин на дороге, смотришь, машины так и заехали бы колонной в посёлок, защищённые магическими щитами.

Вторая машина подорвалась неудачно. Её немного развернуло при взрыве, и она перекрыла собой большую часть дороги, практически скрыв из виду оставшиеся машины. Пулемёты в доте обиженно замолчали. Стрелять им было некуда. В наступившей тишине отчётливо слышались звуки отдалённой перестрелки. Где-то в середине остановившейся колонны работали пулемёты, заходясь длинными очередями.

– С егерями воюют, – криво усмехнулся подошедший к ним командир, – Пусть постреляют. У парней в лесу с десяток стрелковых ячеек ещё с лета выкопано. Да и овражек там есть симпатичный. Если совсем жарко станет, то по нему уйдут.

– А эти, что, бессмертные? Больно уж нагло лезли, – указал Антон на подорванные машины.

– Под щитами шли. Скорее всего, артефакт на них стоял. Да вы сами посмотрите, – командир протянул княжичу полевой бинокль.

– Действительно, нет лобовых пробоин, – согласился Антон, разглядывая машины, – Интересно, что они дальше делать собираются?

– Попробуют снайперов сбить, очистят дорогу от мин и подорванных машин, и будут к посёлку прорываться, – пожал плечами вояка, предполагая самый очевидный вариант боя, – Полем им ни на машинах, ни пешими не пройти. Снега по пояс навалило, да и пара канав тут имеется. Ухнут так, что кабин не

видно будет.

– Если магов много, они могут бросить колонну и будут пробиваться к посёлку без солдат, – предложил Шабалин своё видение боя.

– Это вряд ли, – усмехнулся вояка, бережно принимая обратно бинокль, – Чтобы пробиться, да качественно посёлок зачистить, у них Силы не хватит. Каждый погреб вскрывать они не станут, да и обратно им потом нужно как-то выбираться. Впрочем, у меня и на такой случай сюрпризец имеется. Видите, там у дороги столбик стоит с дорожным знаком. Он у меня пристрелян. Как до него дойдут, так я и лупану по ним специальными снарядами. Как мне сказали, Одарённые потом долго магичить не смогут. Тут-то мы их и положим.

– Выходит, мы зря сюда примчались? Вы и без нас можете справиться? – с заметно различимой обидой в голосе поинтересовался княжич.

Ещё бы. Тут к подвигам готовишься, а они вдруг не очень-то и нужны оказываются.

– Ни в коем разе. Пожалуй, я сам себя успокаиваю. Спецснарядов у меня всего-то две штуки. А ну, как не сработают они, или мы вдруг промажем. Тогда нас всех прямо тут и положат.

– Что же вы большим количеством таких замечательных снарядов не обеспокоились? Сейчас жахнули бы по колонне, и готово. Можно идти, трофеи собирать, – с непонятной улыбкой прищурился Шабалин.

– Мне сказали, что дорогущие они, эти снаряды. Та пара, что мне выдали, чуть ли не миллион рублей стоит. А до колонны мне не достать. Мы и так почти на максимальное расстояние пристрелку вели. Метатель, это вам не пушка, – кивнул вояка головой в сторону двух непонятных устройств, скрытых в большой яме, обложенной со всех сторон метровым бруствером.

– Вряд ли я ошибусь, если скажу вам, что такие снаряды проверены, и неплохо работают, – с трудом сдержал очередную усмешку Шабалин, – Так что сразу, после использования этих ваших снарядов можете смело начинать палить из всего, что у вас есть. Поверьте, толк будет.

Ещё одна деталь мозаики легла на своё место. Теперь уже можно не спрашивать графа, как ему удалось справиться с Медведевым. Убедила мага, как ни странно, цена снарядов. Остаётся только досадовать на самого себя. Ответ лежал на поверхности. Бережков всем известен своими накопителями. Шабалин это знал. Что бы ему раньше не догадаться, что накопители, закачанные Силой, по сути своей немногим

отличаются от бензобака машины, с залитым туда бензином. Да, на этом бензине можно проехать несколько сотен километров, а можно к бензобаку и спичку поднести. И тогда рванёт. Если это накопитель окажется, то чистой, неструктурированной Силой. Ударить магией должно так, словно нестерпимым светом по глазам. Могло архимагу выжечь Дар вспыхнувшее Солнце? Могло, ещё как могло.

А он-то хорош. Ещё наставником по магии называется, а чего только не придумал.

В какой-то момент даже решил, что граф сам мог стать сильным магом. Ан нет. Ларчик проще открывался. Банально и примитивно. Не было никакой невероятной магии и никаких сложных артефактов. Просто граф просто научился взрывать свои накопители, разом высвобождая собранную в них Силу.

Шабалин представил себя на месте Медведева, потерявшего Дар, и зябко поёжился. К магии он привык. Свыкся с ней так же, как обычные люди привыкают к зрению или слуху. Если бы перед ним поставили вопрос, чего он готов лишиться в первую очередь, зрения или магии, то маг без сомнения согласился бы потерять зрение.

Слепые маги науке известны. Более того, многие из них прославились в веках. Того же Лобанова не просто так образно называют Гомером магии. Когда-то система образования в Древней Греции была построена на изучении поэм великого слепца. Вполне заслуженную славу имеют и учебники Лобанова по теоретической магии. Маг, слепой от рождения, смог заметить столько нового, что и спустя сто лет его книги регулярно переиздаются, причём, не только у нас в стране.

– Похоже, наш граф мчится, – выглянул за край бруствера Золотов, – Точно он. Больше такого чуда ни у кого нет. Нам такие же аппараты только к весне обещают, а пока на верфях аэросани заложили. Говорят, по зиме они не хуже будут.

Услышав про Бережкова, Алёна с Дарьей не стали дослушивать остальные рассуждения вояки и настолько шустро бросились к брустверу, что Шабалин едва успел скастовать дополнительный Щит, выставив его перед бетонной стеной. Пуля – дура, а шальная пуля вдвое дурней бывает.

Впрочем, через несколько секунд у бруствера стояли все, с тревогой наблюдая за манёврами катера на воздушной подушке. Посмотреть было на что.

Маленькая серая точка, тащившая за собой огромный шлейф поднятого снега, то взлетала над незаметными с такого большого расстояния холмиками, то исчезала, искусно лавируя по лощинам и распадкам.

С ходу проскочив реку и в прыжке вылетев на берег, катер, словно капелька ртути, скатывающаяся по смятому листу бумаги, заскользил сначала в сторону посёлка, ныряя в складки местности, а затем по широкой дуге начал заворачивать к колонне машин, став полностью невидимым. Только шлейф снега вздымался над полем, выдавая его передвижение.

– По ручью пошёл. Зачем только, не пойму, – пробормотал чуть слышно Золотов.

– Приготовьтесь дать команду на открытие огня, – посоветовал Шабалин, тоже пытаясь понять суть хитроумных манёвров, – Не исключено, что граф попытается каким-то образом снести магические щиты у противника.

Чуть слышно хмыкнув, вояка снял с пояса ракетницу и поменял в ней патрон. Похоже, планируемая им схема боя дала сбой.

Тем временем катер сбросил скорость и начал карабкаться на склон холма, обращённый к посёлку. Шабалин увидел, как граф приподнялся с сидения и стоя принялся что-то высматривать. Наконец катер остановился, и Бережков поднял вверх широко раскинутые руки. Он что, молиться собрался…

* * *

Надо же, я и не заметил, когда Ираклий так лихо научился водить катер. Последнее время он стал часто со мной ездить, и почти всегда пытается найти свободную минутку, чтобы погонять, словно мальчишка. Особенно неплохо ему удаются виражи с боковым скольжением, которые он только что осваивал на льду озера.

Итак, что я собираюсь делать.

Понятно, что от всей широты графской души хочу припечатать врагов чем-нибудь особо убойным. Я бы с большим удовольствием шарахнул по ним «Кометой», такое романтическое название Медведев дал огненному шару, с лёгкостью проламывающему метровый лёд и оставляющему после себя огромную полынью, но… Только что я потратил несколько часов, чтобы воедино собрать и досконально проверить «Метеоритный дождь». Сложнейшее заклинание, построенное на несвойственной мне магии Льда и Холода. Могу его развеять, и что… Потом целый час буду собирать «Комету»?

Ну, хорошо, не час. Теперь, может, и за полчаса управлюсь, а то и быстрее, опять же, в тихом спокойном месте, а не на катере, несущемся на полном ходу. Тут хорошо бы язык не прикусить, да

шапку на очередном трамплине не потерять.

Хотя, чем меня «Метеоритный дождь» не устраивает…

Заклинание, вроде как мощное. Работает по площади. Опять же, Лёд по зиме должен в тему зайти. Правда, есть два бо-ольших НО…

О-очень больших.

Во-первых, заклинание ни разу не опробованное, и пока совсем непонятно, хватит ли у меня на него Силы. Точнее, даже не так, правильнее будет сказать, хватит ли меня на него. Силу, требующуюся «Комете» я через себя пропустить смог, но там всего лишь два блока, а не четыре, как в «Метеоритном дожде». Кроме того, два дополнительных блока меня, мягко скажем, смущают.

Много, чем смущают. Необычным построением, незнакомыми магемами. Словно письмо получил, а там больше половины написано на разных языках, причём, ни разу не родных.

Во-вторых… Второе НО выглядит поменьше первого, но тут как сказать. Короче, пробираться до нужного места мне придётся без Щитов. Зря я о них подумал. Может, на автомате и кастанул бы себе Щит. Дело-то привычное. Я тысячу раз это исполнял не задумываясь. А стоило задуматься, и понял, что зря. Мы ходим, не думая, дышим, плаваем, танцуем. Да много чего выполняем, не прилагая особых усилий и не отвлекаясь на рассуждения, почему я переставил ногу и как смог удержать равновесие. Просто иду, и всё.

Походка, правда, у всех разная, но это уже частности. Зато попробуйте-ка хоть раз пройти осознанно. Не на автомате, а осмысленно заставляя себя поднимать ноги и шевелить руками. Сложно и неестественно получается.

Вот и я понял вдруг, что Щит мне не кастануть, если хочу удержать «Метеоритный дождь» в целости.

В общем, прыжок с дирижабля с повязкой на глазах.

Никогда не пробовали? Я тоже не пробовал, хотя говорят, что это жутко весело.

Обычно для такого дела выбирается самый занозистый новичок. Два сержанта-десантника усаживают его в дирижабль, и демонстрируют вид на лётное поле с высоты двести метров. Потом ему завязывают глаза, для того, чтобы провести испытание высотой. Много ли услышишь в гондоле дирижабля. Шум двигателей, да голос второго пилота.

– Высота четыреста метров. Высота восемьсот метров. Высота тысячу метров. Произвести десантирование!

Скрипит открываемый люк. Сержанты хватают новичка за руки за ноги и, раскачав, выкидывают из дирижабля. И летит парень вниз, вереща от ужаса…

Целых два метра летит, пока не упадёт на брезентовый тент, растянутый ржущей во всё горло группой десантников. Дирижабль давно уже спустился вниз и висит над полем.

Вот такой незатейливый юмор у десантуры.

Мда-а… А мне никто ни то что тент не растянет, а даже охапку соломки не бросит, случись что не так.

Впрочем, размышлять некогда. Впереди уже река виднеется.

– Ираклий, тормози. Дальше я сам, – скомандовал я мегрелу.

– Зачем сам? Почему так говоришь! Вместе поедем. Отец мне с тобой велел быть.

– Щита у меня не будет. Не удержать мне два заклинания. Да ты не переживай. Я быстренько. Местность я здесь хорошо знаю. Ручьём проеду, а потом с другой стороны так на холмик заберусь, что меня и не увидят.

Надо сказать, что я не вру. Местность эту я действительно знаю и помню. Скоро на ручье небольшой прудик появится, а на холме церквушку строить начнут.

Не то, чтобы мне это было нужно, но есть у меня в посёлке верующие. В воскресенье утром два автобуса битком набивается. Подозреваю, что не все на воскресную службу в соседнее село едут, у кого-то там другие дела, так и от меня верующие много не требуют. Место под церковь выделить, да леса дать. Всё остальное сами обещают сотворить.

Холмик под церковь я присмотрел. Удачно он стоит между рекой и дорогой. И подъехать удобно, и купола всему посёлку видны будут.

– Батоно, вместе едем. Щит я сделаю – умоляюще посмотрел на меня мегрел.

Точно. Сыновья у Анвара все Одарённые. Не слишком сильны, но всё-таки.

Раздумывать я не стал. Некогда. Не время в благородство играть, когда моих людей убивают. Мне сейчас любой, даже самый крохотный шанс важен. Не имею я права героически погибнуть, не защитив людей. Да и некогда мне умирать. Дел ещё невпроворот.

– Твой Щит пулю выдержит? – спросил я, глядя мегрелу в глаза.

– Пулю, не знаю. Стрелу выдержит. Две стрелы, – честно ответил Ираклий, что-то припомнив и быстро поправившись.

– Поехали, – махнул я рукой, – До ручья лощинками и низинами доберёмся, а после ручья аккуратно на склон вскарабкаемся. Так, чтобы нам только одни верхушки у машин видны были.

Ираклий кивнул, и втопил со всей дури. Я только успевал

хвататься за всё, что можно, чтобы не вылететь на ходу.

Опять я себе кажусь исключением. Потому что я тот самый русский, который, оказывается, не любит быстрой езды. Ну, или любит её чуть поменьше, чем отдельно взятый мегрел.

Я даже не заметил, как мы домчались до ручья. Собственно, там только и смог оглядеться, и даже приподнялся с сидения, высматривая заветный холмик.

– Нам сюда, – усмотрел я приметную вековую липу, растущую у подножья холма.

Специально же пруд на плане чуть передвинул, чтобы это дерево сохранить. Кому-то она, может, и трезубец Перуна напомнит, а по мне, так это символ власти.

На холм мы забирались очень осторожно. Я встал во весь рост и, держась одной рукой за поручень, жестикулировал второй, руководя подъёмом.

– Стоп, – скомандовал я, когда увидел крыши будок у машин, стоявших на дороге.

Нас стрелкам не видно, а мне и крыш достаточно. Они цель, и я их вижу.

Сейчас я очень зол.

Когда мы поднимались на холм, я оглянулся и увидел магов, стоящих у капонира. Среди них были Дарья и Алёна.

Эмоции. Нет, не сейчас. Мне, как никогда нужны концентрация и сосредоточенность.

Я чуть потряс опущенными вниз кистями, словно сбрасывал с них капли воды, и поднял руки над собой, широко разведя их в стороны. А потом с силой взмахнул ими вперёд, словно хочу набросить тяжёлую сеть на машины.

Не знаю, зачем так сделал. Можно было и без жестикуляции обойтись, но почему-то мне показалось, что так будет правильнее.

И ничего… Секунда, другая, и ничего не происходит.

А потом меня скрутило.

Сильно.

По-настоящему.

Почти так же, как в детстве, когда я засунул пальцы в розетку.

По-моему я кричал, а может, выл, закрыв глаза и вцепившись в поручень побелевшими пальцами.

Знал, что надо выстоять, и держался.

Не знаю, сколько прошло времени. По мне, так целая вечность.

Меня отпустило, и я открыл глаза.

Какой сегодня отличный день!

Не по-зимнему яркое солнце светит так, что глазам больно

смотреть на горы льда, сверкающие всеми цветами радуги, и даже синяя дымка, стелящаяся по низу, это зрелище не портит.

Надо же, я и не заметил, когда погода поменялась. С утра, вроде, крайне пасмурно было. Всё небо в серых тучах.

Такс, а где же вражеские машины? Я покрутил головой, и даже на цыпочки привстал. Машин не было. Только горы льда…

Это что, я столько навалил?

Нет, я в хорошем смысле этого слова. Про лёд, конечно же. Про горы льда.

О-чу-меть!

Взглянув на Ираклия, понял, что пока его лучше ни о чём не спрашивать. Котёнок-Гадя, занятый любимым делом. В смысле, глаза мегрел таращит так, что они того и гляди выпадут.

На всякий случай я встал ногами на сидение, и осмотрелся всё ещё раз.

Красота! Машины словно засыпаны горами алмазов. Метра на полтора выше крыш тех будок, в которые я целился.

Кгхм-м… Дорога, правда, тоже того… Ну, в общем, пострадала слегка… Хотя альпинисты, наверное, смогут по ней пройти. Есть же среди них отважные люди.

Малость перестарался, кажется. А я, что, знал, как оно работает? Во, не знал. Так что не виноватый я. Вышло, как вышло.

В конце концов, лёд наверняка же растает. Хм, к весне уж точно. Ну, или чуть попозже.

В крайнем случае, бульдозер у строителей попрошу на расчистку. Для него тут работы фиг да маленько. За неделю-другую всяко справится.

– Ираклий, ты здесь? – я для верности помахал ладонью перед глазами мегрела.

Надо же, реагирует. Пальцем мне в лицо показывает. Что опять не так?

Я провёл рукой по лицу, и понял, что размазываю кровь. Потыкав пальцем, выяснил, что кровь у меня сегодня течёт из носа.

Надо же, какой я разносторонний! Вчера из глаз, сегодня из носа, а завтра?

А вот завтра ниоткуда. Буду целый день валяться в кровати, с перерывами на лёгкий и тяжёлый перекус, и шагу из дома не сделаю.

– Ираклий, поехали домой, а. Я живой, у меня есть дом, куда хочется возвращаться. Что ещё человеку надо, – прогундосил я, напрочь убивая хороший новый носовой платок и закидывая голову назад.

Снег, что ли приложить. Кровь никак не останавливается.

Обратно мегрел меня вёз медленно, можно сказать, бережно.

Меня укачало, а может, и эйфория отпустила, и я заснул.

Помню ещё, меня дома чем-то протирали, и даже дали выпить чего-то сладкого, а потом я словно провалился.

Чёрт возьми… Я Алёну не проводил.

Глава 39

– Просыпайся, просыпайся. Обедать будешь?

Чтоб меня всегда так будили.

– Я ещё не завтракал, – буркнул я сквозь сон, и мой желудок со мной тут же согласился, выдав затейливую руладу.

– Кашки манной захотел?

– Не-е, лучше посплю, – поплотнее обхватил я подушку, собираясь подтвердить свои слова действием.

– Обед проспишь. А там столько всего… – продолжил вещать голос с небес, чем-то напоминавший мне одну близко знакомую княжну.

– Всего, это чего? – машинально озвучил я запрос одного из важнейших мужских органов, и мой желудок тут же подтвердил свой интерес деловитым бурчанием.

– Солянка, запечённая рулька, вываренная в пиве…

– Встаю уже, – не совсем вежливо перебил я ангела-искусителя, только что нанёсшего мне сразу два моральных удара в район пояса. Да я бы и ради одной рульки встал, впрочем, и солянку я искренне люблю, если почки в ней правильно приготовлены, – А что на десерт?

– А на десерт – я.

От такого неожиданного меню мои глаза открылись сами собой.

Оказалось, что это Дашка со мной говорит, зараза такая, а вовсе никакой не ангел.

Впрочем, а не начать ли мне обед с десерта? Желудок, он хоть и один из важнейших органов у мужчины, но ведь он не самый главный…

Как вам мысль?!

Как по мне, так гениально.

Увы. Наши мысли материальны и скорее всего, они написаны у нас на лице.

Короче, мои загребущие лапы впустую хлопнули, не поймав ничего, кроме частиц воздуха, а десерт улизнул, отпрыгнув на полметра, и выставив перед собой руки.

– Ни-ни-ни. Сейчас наш граф встанет. Сходит в душ, а затем, чистый и нарядный, спустится в обеденный зал.

– А может в душ, и… десерт? – предложил я компромиссный вариант, заставив Дашку ненадолго задуматься.

– Нет, – определилась она, после небольшой паузы, – Сначала в душ, а потом обед.

Я лишь вздохнул, закатив глаза в потолок. Отчего Дарья

лишь довольно фыркнула, и весьма гордо удалилась из моей спальни.

Во! Главный орган у мужчины – это мозг!

В душ мне по любому надо, а жрать так охота, что сил нет.

Выставь я максимальный приоритет любому другому органу, и где бы я, неумытый и голодный, сейчас был?

А десерт… Ну, он на то и десерт. Когда ты сыт и благополучен, то почему бы и нет?

И казалось бы, утро… Хотя, стоп. Какое утро, если дело уже к обеду…

И, казалось бы, день задался. Ан, нет. Все впечатления смазал мой фаянсовый друг.

Уж не знаю, что он мне сегодня изображал, но искусительные вздохи у него вскоре сменились как бы не предсмертными всхлипами и страстными стонами.

Ну, погоди. Найду я на тебя управу. Если потребуется, из столицы сантехников вызову, но альфа-самец у меня в доме останется только один. Ишь, развёл мне тут брачные игры марала. Я и без тебя всё знаю.

Прочитав мои мысли, унитаз лишь скорбно выдохнул, заставив меня довольно улыбнуться, но он тут же отыгрался, поймав меня на выходе пронзительным визгом, оборвавшимся на самой высокой ноте.

– Дорогой, ты вчера был великолепен, – встретила меня Дарья в дверях зала, – Ты же научишь меня этому заклинанию?

– Мда-а. Научу, конечно же, но не сразу, – по привычке согласился я. Угу, лет этак через …дцать, когда по всему дому будет носиться толпа Одарённых детишек, а сейчас быстренько стоит поменять тему на что-то более безопасное, – Солнце моё, а ты не расскажешь, как вчера всё со стороны выглядело?

– Ты хочешь сказать, что ничего не помнишь?

– Заклинание очень сложное было. Мне пришлось глаза закрыть, чтобы концентрацию сохранять, – вздохнул я, наблюдая, как Дарья аккуратно наливает мне солянку, старясь выловить побольше вкусностей. Знает, что я почки с оливками уважаю, и старательно гоняется за ними поварёшкой.

– Сначала было непонятно. Никто не знал, что ты собираешься делать. А потом, когда ты вскинул руки, стало страшно. Всё вокруг завыло, и тучи полетели навстречу друг другу. А потом их закрутило, словно они в водоворот попали, а вниз полетели сосульки. Затем все начали стрелять, но ты знаешь, как-то быстро перестали. По-моему, даже без команды. Там такое творилось… Даже у Шабалина с княжичем челюсти отвалились надолго, хотя они наверняка видели, как тот архимаг,

что недавно умер, к их дворцу пробивался.

– Сосульки? – я выглянул за окно, и скривил губы.

Баньку мне сделали неплохую, но каждый раз, стоило там от души попариться, она обрастала сосульками, словно ёжик колючками.

По весне надо будет этих мастеров найти и заставить переделывать баню. Крышу лучше утеплять нужно, чтобы снег на ней не подтаивал, а заодно и водостоки пусть установят.

– Не, не. Не такие, – перехватила Дарья мой взгляд, – Твои сосульки Шабалин сталактитами обозвал. Они были… – Дарья пощелкала в воздухе пальцами, подбирая сравнение, – Если меня к тебе на плечи поставить, то примерно такой размер и получится, а некоторые намного больше были, но они в центре падали. По-моему, там просто огромные порой ухали. Грохот жуткий стоял, и земля тряслась. Знаешь, мне колесо запомнилось.

– Колесо? – переспросил я, подумав, что ослышался.

– Ага. Когда сосулька в грузовик попала, у него колесо отлетело, и долго в нашу сторону катилось. Катится, виляет по дороге, а я глаз оторвать не могу. Всё жду, когда оно в кювет съедет или упадёт.

– А с небом что случилось? – отодвинул я в сторону опустевшую тарелку.

Надо же, лихо я солянку сметал, а Дашка даже замечания не сделала. Раньше бы она точно кряхтеть начала, в очередной раз обучая меня хорошим манерам. Не нравится ей, когда я быстро ем.

– С небом… А что с небом. После того, как ты все тучи в этот водоворот собрал, солнышко ещё целый час светило.

– Ветер, ветер, ты могуч. Ты гоняешь стаи туч, – пробормотал я, наблюдая, как Дарья разделывает рульку, – Надо будет на лётное поле заехать. Узнать, какая вчера скорость ветра была. Интересно же, на какой территории я могу погоду улучшить.

– Похоже на то, что Шабалин вчера тем же самым занимался. Только он ещё что-то считал. Я один из его листков с расчётами сохранила. После обеда покажу, – передала мне Дарья тарелку, и пододвинула поближе горчицу.

– Мы изучаем, нас изучают, – разродился я сентенцией, выбирая самый аппетитный кусочек мяса у себя в тарелке, – Больше Шабалин ничем не интересовался?

– Спрашивал, не найдётся ли для него дома в посёлке. Ты спал, поэтому я его к Степану отправила. Не знаю, разговаривали они или нет. Степан пленным был занят. Там, позади колонны, ещё одна машина стояла. Её осколками сильно побило, а потом волной холода придавило. Но кто-то один в ней выжил. Правда,

говорят, он обморожен весь. А в посёлке только и разговоров, что про тебя. Уже до того договорились, что без божьей помощи тут не обошлось. Теперь спорят, к какому Богу ты взывал.

– Отличные новости. Пусть поговорят. Заодно лишний пар выпустят, – покивал я головой, блаженно щурясь от вкуса отлично приготовленного мяса. Известие о пленном меня тоже порадовало. Хоть узнаем, кого к нам принесло, – Значит, созрел Шабалин на баронские земли.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Я ему предложил осесть Семьёй на бывших землях нашего соседа. Прикупил их по случаю за недорого. Больно уж расположение у них удачное.

– А почему я про это ничего не знаю?

– Хм-м… – я отложил вилку и откинулся на спинку стула, изобразив глубокую задумчивость, – Может потому, что ты никогда об этом не спрашивала? Или решила, что я один со всеми делами легко справляюсь?

– И у тебя ещё есть земли, про которые я не знаю? – начала настойчиво допытываться Дарья, стоически проглотив завуалированный упрёк.

Чего это с ней? Никогда её земельные вопросы не интересовали, а тут, как прорвало. Хотя, я кажется, догадываюсь. Похоже, что она к княжеским титулам привыкла, вот и подумывает, как их обратно себе вернуть.

Ох уж, эти женщины. Не тем местом они думают.

Нахапать земель не сложно. После окончания заговора их много освободится.

А ты попробуй такую прорву земель обустроить, народом заселить и управление организовать. Тем более, сейчас, когда многое меняться стало.

Спасибо моему продвинутому аграрию. Объяснил мне, что крупные механизированные хозяйства уже давно вполне успешно разоряют мелких землевладельцев. На обдираловке крестьян, столь милой боярам, теперь богатым не станешь, а если учесть, что и мелкое кустарное производство перестало прибыль весомую приносить, так совсем печально все выглядит с землевладениями.

Не удивлюсь, если скоро выяснится, что многие поместья заложены, а то и перезаложены. Война – дело затратное, и проигравшие в ней рискуют остаться нищими.

– Я в Камышине ещё у тётки своей, кстати, тоже баронессы, усадьбу выкупил. Но там земли не много, да и продавать я её осенью собрался.

– Понятно, – Дарья на пару секунд задумалась, а потом решительно тряхнула головой, – Не подскажешь, как с Алёной

Рюминой можно связаться?

– Письмо ей напиши, – посоветовал я, – Граф Игнатьев, думаю, у нас ненадолго задержится, он и отвезёт. А ты что, соскучилась уже? – не смог я удержаться от шпильки.

Решила Дашка в тайны поиграть, пусть играет. А то я не понимаю, что они с Алёной что-то задумали. Правда, вряд ли у них что получится, так пусть хоть подругами останутся. Как я понимаю, совместно проведённая интрига для женщин, это примерно то же самое, как драка в одной команде для мужчин. Алёнка великолепная комбинаторша. У меня была возможность в этом убедиться. Только на этот раз задача решения не имеет. Что бы там девчонки не затевали, сословный разрыв у меня с Рюминой космического масштаба.

– Точно, – обрадовалась Дарья, – А заодно и маме напишу, а Алёнку попрошу найти возможность переправить ей моё письмо.

Упс-с. Девочки княгиню Валбольскую подключают. Это уже серьёзно. На нашем поле боя появляется тяжёлая артиллерия. Если моя интуиция меня не обманывает, то с потенциальной тёщей я могу успеть встретиться до свадьбы, что меня в корне не устраивает.

Пока у нас с Дашкой всё идёт хорошо, и мне хочется верить, что в большей степени это моя личная заслуга.

Очень хочется верить.

* * *

Имение князей Белозёрских. Городок Можайское Вологодского наместничества.

– Проходи, Авенирушка, проходи, дорогой. Не замёрз дорогой? – на удивление приветливо встретил Авенир Авенировича Роман Михайлович, князь Белозёрский и Сугорский, – Хлебни-ка глинтвейна. Хорошо в непогоду помогает. Как сам? Все ли дома здоровы? Спокойно ли на землях?

Ошеломлённый князь Вадбольский чуть не подавился отлично приготовленным напитком.

Таким князя он давно не помнил.

Владетельный князь лучился искренним радушием и благожелательностью.

Этакий милый розовощёкий старичок-бодрячок, он чуть ли не подпрыгивал на своём кресле, отчего-то на этот раз вовсе не напоминающем трон.

– Слава Богу, у нас всё благополучно. Роман Михайлович, что

случилось? – с нешуточной тревогой посмотрел Вадбольский на Главу Клана.

– Помнишь, у Бельских девочка без Дара родилась? Леночка, – Авенир Авенирович слегка напрягся, услышав от Главы Клана про Бельских. Про дуэль избранника своей внучки и одного из наследников Бельских он знал не понаслышке. Ожидаемые проблемы, – Очень способная девочка. Много пользы ещё ребёнком Клану принесла. Её с пяти лет приучали разговоры взрослых запоминать и пересказывать, а потом наш Клан её дальнейшее обучение проплатил. У Ртищевых.

Вадбольский вздрогнул. При жизни первого Императора князь Фёдор Ртищев, Глава Тайного Приказа, был самой жуткой фигурой Империи. Детей им не пугали только потому, что боялись произносить эту фамилию вслух. Обучение по канонам Тайного Приказа… Даже он, поживший немало лет, поёжился.

– К внучке моей её прицепил? – князь Вадбольский не стал выискивать подтверждения своему вопросу в реакции собеседника. Всё и так понятно.

– Исключительно ради Дарьиной же безопасности, – сладким елеем разлился голос Главы Клана, – И ты знаешь, вроде не зря. Вчера от Лены сигнал поступил. С максимально высоким приоритетом. Не желаешь фотографии посмотреть? Качество, правда, там так себе. Но ты всё равно глянь. Может не зря я дирижабль с десантом на выемку сведений из «почтового ящика» посылал.

Судя по торжествующему тону, настроению Главы Клана, и богато накрытому, в этот раз, столу…

– Ещё бы я в тебя не верил, – чётко отмерил Авенир Авенирович дозу лести, признание гениальности своего руководителя, и степень собственной верности.

Есть у многих людей такая слабость. Очень уж порой хочется похвалиться своей удачей и проницательностью. Но, не всегда и не со всеми можно поделиться. Чаще всего так случается, что твои замыслы и реализацию их исполнения полноценно могут понять всего лишь один-два человека.

– Хм, пока ничего не понятно, – честно признался Вадбольский, разглядывая первый снимок.

Фотография ещё слегка липла к рукам, и было понятно, что она отпечатана не так давно. Второй снимок заставил князя прищуриться и пожалеть, что он не взял с собой очки. Непонятная чёрная точка, на которую он не обратил внимания на первой фотографии, здесь была побольше, и она очень напоминала… Ну, точно. На третьем снимке покорёженное автомобильное колесо, валявшееся около подножья горы льда, различалось отчётливо.

Вернувшись к первому снимку, князь сумел наконец-то оценить масштаб. Фотографировали с разных расстояний. Сначала издалека, а затем приближаясь всё больше и больше. Рассматривая следующие снимки, князь сумел разглядеть на них кусты, и полоску леса.

– Дашка айсберг посреди поля расколотила? Откуда только он там взялся?

– Да не айсберг это, а братская могила. Сотни три солдатиков, да две-три звезды магов подо льдом лежат.

– Могучую звезду граф собрал, – недоверчиво покачал головой Авенир Авенирович, – Такие горы наворотили. Долго бились?

– Звезду, говоришь. Да, была звезда. И даже наша Дарья Сергеевна в ней стояла. Вместе с тремя Рюмиными, если тебе это интересно, – уточнил Роман Михайлович немаловажную подробность, словно говоря о чём-то несущественном, – Только они в бой не успели вступить. Курсантик, как ты его называешь, примчался, да и прихлопнул всех врагов. Вот этим самым льдом, – князь ловко щёлкнул по углу фотографии, отчего она волчком закрутилась на полированной глади стола, – Всего разок стукнул, и домой спать уехал.

– Верны ли сведения? – обескураженно спросил Авенир Авенирович, не отрывая глаз от крутящейся фотографии, на которой были запечатлены горы льда.

– Елена Бельская умом не обижена. Знаешь, иногда даже радуюсь, что Бог ей Дара не дал. А то смотришь, выросла бы такой же, как её брат-оболтус. Кстати, задолжали мы Леночке крепко, особенно ты. Не знаю даже, как расплачиваться будешь.

– Боюсь, после той дуэли у меня отношения с Бельскими сложные окажутся, – осторожно заметил Вадбольский.

– За дуэль они в ножки должны поклониться. Останься их Игорёк в Академии, мы все бы сейчас бледный вид имели. Не с теми он якшаться там начал. Опять же, судя по всему, Бережков его убивать не хотел, – Глава Клана многозначительно постучал пальцем по фотографии, – Впрочем, не для этого я тебя увидеть хотел. Давай-ка, выпьем. За правнуков твоих, чтобы здоровенькими родились. Двух мальчиков Дарьюшка наша носит. Оба Одарённые, и Дар сильный.

– А это-то откуда известно?

Авенир Авенирович и сам не заметил, как поднял бокал. Новости ошеломляли.

– Целительница у них знатная есть. Она определила. А дальше бабы, на радостях, по всему околотку разнесли.

– Дела-а… – задумчиво протянул Авенир Авенирович,

возвращая на стол пустой бокал.

– О делах хочешь поговорить? Ну, думаю, теперь и о делах можно. Елена пишет, что племянница Императора, Алёна Рюмина, весьма неравнодушна к графу Бережкову. Ты как, не против с Императором породниться? – насмешливо произнёс Роман Михайлович, с трудом сдерживая себя, чтобы не развернуться к большому аквариуму, стоящему у окна. Больно уж похож стал собеседник на его любимого телескопа – аквариумную рыбку с выпученными глазами, способную часами стоять у стекла и беззвучно хлопать ртом.

– Пф-ф-ф, – наконец с шумом выдохнул воздух Вадбольский, – Да кто же за какого-то графа Светлейшую княжну отдаст? Совсем твоя Бельская умом двинулась.

Вадбольский и своему собеседнику готов был высказать то же самое, но придержал язык, ограничившись сомнением к неодарённой.

– За графа… Тут ты прав, за графа не отдадут, – Роман Михайлович поднялся с места и собственноручно ещё раз наполнил оба бокала, словно специально смакуя и растягивая момент, – А за архимага?

– Пустое. Ему и двадцати нет, – с ходу ответил Вадбольский и замер, увидев изменившееся лицо князя, небрежным жестом швырнувшего на стол всё те же фотографии, часть из которых посыпалась на пол.

– А сходи-ка ты, Авенирушка, на задний двор. Изобрази мне там кучку льда. Хотя бы вполовину от этой, – ласково попросил князь Белозёрский, указывая на фотографии.

– Так это же Лёд, а у меня Огонь, – попытался отбрыкаться Вадбольский.

– А не ты ли у меня в этом самом кабинете досье на Бережкова читал? Там чёрным по белому написано, что он тоже огневик.

– Тогда как…

– Как! Ты у меня спрашиваешь, как? – навис над отшатнувшимся собеседником владетельный князь Белозёрский, – Это я у тебя должен спросить, как. Это твоя внучка его детей вынашивает и у него в доме живёт. А ты, ты даже про то, что она беременна, от меня узнаёшь. Может, это ты мне всё-таки расскажешь, откуда у твоего неофициального родственника взялась отрубленная голова князя Куракина, или объяснишь, как он архимага Медведева смог победить и к себе привезти? Что, тоже не знаешь? А чем ты занимаешься тогда? Наверное, очень важными делами? Делишками своими, тараканьими, ты занят. Вот где дела, – ткнул Белозёрский пальцем в разбросанные

снимки, – А у тебя одно чванство и болото. Я тебе сказал половину дружины и десяток лучших магов ко мне доставить. Где они?

Кричащего Белозёрского Авенир Авенирович побаивался на порядок меньше, чем приторно-ласкового. Уже знал, что кричит он недолго, и как правило, потом успокаивается, давая дельные распоряжения.

– Их собирают. Часа через полтора все здесь будут. Не скажешь, для чего они понадобились?

– В столицу полетят. Государю, надёже нашей, в помощь. Вот спросит он у тебя как-нибудь, по-родственному: – «А что вы, Авенир Авенирович, во время заговора делали?» И что ты в ответ блеять будешь? Молчишь? А мне нужно, чтобы ты чётко отвечал. Так мол, и так. По приказу Главы Клана половину людей и самых лучших магов в помощь вам отправил. И весь наш Клан то же самое сделал. Четыре тысячи бойцов и сотню лучших магов для борьбы со смутьянами собрали и в столицу доставили.

– Ого. Сильно. Ром, ты серьёзно… Думаешь, выгорит дело? – совсем, как когда-то в детстве, спросил Вадбольский у своего стародавнего друга-соперника.

Были времена, когда они летом по месяцу-полтора вместе проводили. Сражались на деревянных шпагах, прыгали на спор с моста в речку, разбивали друг другу носы, а потом, когда подросли, умудрились влюбиться в одну и ту же девчонку.

– Насчёт Рюминой, честно скажу, сомневаюсь. Да ты и сам это понимаешь. Другое важно. Бельская пишет, что войска к столице пошли. В обход разрушенных мостов их везут, через Рязань. Так что неделя-другая, и с заговором покончат. А я не привык проносить ложку мимо рта. В таких делах первые сливки снимают, вторые молоко пьют, а последним один лишь обрат достаётся.

– Так чего тогда ты мне тут голову насиловал. Проще не мог сказать? – возмутился Вадбольский.

– Про ваше поле деятельности, Авенир Авенирович, я высказался предельно ясно. А про дела Клана обмолвился, чтобы вы при случае ничего глупого не ляпнули, – холодно произнёс князь Белозёрский, каменея лицом, – Про приданое Дарьи Сергеевны доложите мне лично. Крайне рекомендую прикупить пару-тройку земель в близком соседстве с вашим будущим родственником. Клан тоже примет участие, но уже от себя.

– Сколько? Это же какие деньги… Откуда? Нет, со временем найдём…

– В клановой казне займёшь. Я распоряжусь, – немного оттаял Белозёрский, а затем, махнув рукой, наклонился к столу, поманив

к себе пальцем собеседника, и зашептал, – Веня, у нас, в кои века появился ШАНС. Слабенький, хлипкий, может безрассудный, но он есть. Я, за всю свою жизнь, так крупно не играл. Допускаю, что у нас ничего не получится. Но я, ты, наши дети, внуки и даже правнуки будут знать, что мы за свой шанс боролись, а не ждали, когда он упадёт к нам в руки, словно перезрелое яблоко. Поверь, такое дорогого стоит. Мы обязаны, слышишь меня, ОБЯЗАНЫ рискнуть.

* * *

Новая Москва. Расположение императорского гвардейского полка.

– Как мы им, а…

– А я вижу, пятёрка идёт к вокзалу, и ведомому на правого показываю…

Слушая обрывки разговора пилотов, доносимых порой порывами ветра, Морозов довольно щурился, поглядывая сквозь едкий дым папиросы на обманчивое зимнее солнце. Вроде, и ярко оно светит, а тепла нет.

Никакого сравнения с теми угрюмыми разговорами, которые царили буквально сутки назад, когда гвардейцы понимали, что проигрывают небо.

Ситуация изменилась с прилётом пополнения.

Появление в небе тяжёлых «Медведей» оказалось полной неожиданностью, и скорее всего, не только для гвардейцев.

Плохая манёвренность, слабое вооружение, неопытные пилоты. Казалось бы, исход столкновений должен быть предсказуем, но «Медведей» выручали неплохие щиты и мощное бронирование.

Часто, обсуждая итоги очередного боя, гвардейцы ругали создателя «Медведей». Казалось, тяжёлый МБК словно специально был создан, чтобы противодействовать стандартным доспехам гвардейцев. Причём, как минимум двум.

Изучая историю военного дела, невозможно не обратить внимания на традиционное противостояние брони и снарядов.

Казалось бы, каждый новый тип снаряда должен был поставить крест на броневой защите. Но создатели брони не всегда были согласны с очередным ультиматумом. Проходило какое-то время, и становились неэффективны кумулятивные заряды, а затем и против других новшеств находились методики возражения, под которые неизменно совершенствовался

бронекомплект.

В случае с «Медведями», задача их создателей прилично упрощалась. Заранее зная, кто у тебя в противниках, не так уж и сложно «заточить» щиты и броню под его стандарт.

У покойного Меркулова уже не спросишь, чем он руководствовался, создавая «Медведя». Был ли это осознанный расчёт, позволявший ему выиграть очередные испытания, проводимые военной коллегий, или это было связано с отсутствием образцов МБК, находящимися у «вероятного противника» на вооружении, но вышло, как вышло. «Медведи» появились в небе над столицей, и заставили с собой считаться.

Но не броня, и не вооружение, оказались главными в «собачьих свалках». Так гвардейцы называли массовые бои, когда в воздухе сталкивались десятки пилотов с каждой стороны. Огромную роль играла тактика.

Основные потери в личном составе у гвардейцев случились, когда пилоты «Медведей» научились фокусировать огонь, ориентируясь на указания специально выделенных координаторов. Переняв этот приём, гвардейцы ответили тем же, и вскоре над столицей снова наступило шаткое равновесие.

Прибывшее пополнение позволило пилотам выполнить одну из важных задач.

Воинские эшелоны надёжно прикрыли с воздуха, и армейцы разгрузились без потерь. Установление полного контроля над территорией столицы стало всего лишь вопросом времени.

– Как слетали? – спросил Франц Иосифович у присевшего рядом с ним капитана Овечкина.

– Смею думать, неплохо, – улыбнулся пилот, закуривая дорогую сигарету и окутываясь клубом ароматного дыма, пахнущего вишней, – Семерых «заземлили» и с десяток всерьёз потрепали. У нас четыре МБК в ремонт и один раненый.

– Доспехи сильно побили?

– Три по мелочам, а четвёртый на стенд надо.

– А ранило кого?

– Сазонов оттянуться не успел. Видел же, что ему щит вчетвером просаживают. Так нет, решил, что успеет, а они навалились. Дня три теперь ему лежать, – заметив, что Морозов готовится выбросить окурок, капитан заторопился, – Я что спросить хотел. Когда дирижабль грузили, парни заметили интересные длинноствольные пулемёты, вроде, как нашего же калибра. Говорят они у вас на складе теперь. Не подскажете, для чего наш граф их в столицу отправил?

– Скажу, отчего не сказать. Олег Игоревич попросил меня отстрелять их на нашем полигоне и выслать ему официальный

акт об испытаниях. Полигон у нас сертифицированный, осталось трёх старших офицеров найти для подписи акта. Особо нового в этой автоматической пушке ничего нет. Почти такая же машинка, как на ваших новых МБК установлена. Разве что ствол у неё прилично длиннее, да затворная рама с пружиной посолиднее. Калибр тот же, что и у вас, двадцать миллиметров, а вот патрон чуть мощнее, соответственно и пуля тяжелее.

– Ствол, заряд, пуля, начальная скорость. Вроде всего понемногу, зато пробитие, прицельная дальность и кинетическая энергия прилично вырастут. Интересно, а по «Медведям» эта пушка насколько хорошо работать будет?

– Нет, ну ты погляди на него, – сердито начал размазывать Морозов окурок по натоптанному снегу курилки, крутя ногой, и вкладывая всё своё раздражение в исполнение этой необычной фигуры танца, – Вот как знал, что рано или поздно какому-нибудь умнику такая идея в голову втемяшится. А дополнительный вес, центровка, выросшая отдача, да та же прочность локтевых шарниров, с ними что делать прикажешь?

– Понятно. Значит, так и будем по «Медведям» с пистолетной дистанции работать, под их выстрелы подставляясь. Даром, что они стрелять толком не умеют. Так нет же, мы сами к ним лезть вынуждены. Даже нашим калибром щиты с трудом продавливаем. Мощнее нам стволы требуются.

– Тьфу ты. Как мне ещё объяснить, чтобы ты понял. Сейчас каждый МБК на вес золота. Особенно те, что из новых. Для переделки обоснования нужны, расчёты и подписи. На одни бумаги больше месяца уйдёт. Как, по-твоему, мне объясняться, если узнают, что я боевую штатную единицу собственными руками в не пойми что превратил.

– Так я же не про штатные говорю. Один из наших МБК возьмите, а перед графом Бережковым я сам отчитаюсь, если что, – невинно захлопал глазами капитан, успешно изображая студенточку, собирающуюся принять приглашение на кофе после ресторана, в надежде, что речь идёт именно про кофе.

– Хм, с графом… С графом я, пожалуй, и без тебя поговорю, – поскрёб Франц Иосифович затылок.

Прислал ему Бережков небольшое письмецо, пользуясь подвернувшейся оказией. С любопытной припиской в конце.

Очень графу интересно, видите ли, знать мнение уважаемого Морозова о том, где новый образец автоматической пушки может быть наиболее востребован.

Нет, вопрос, он вроде ставит правильный, и с виду всё безобидно выглядит. Вот только задавать его начальнику мастерских гвардейского полка, всю свою жизнь занятого

ремонтами и улучшениями МБК, вряд ли уместно. Олег мог бы и впрямую написать, для чего он именно ему, Морозову, новые пушки послал.

– Может, попробуете. А уж я бы на пару шустовских расстарался.

– Четыре, и это не обсуждается. Десять лучших мастеров полночи на тебя горбатиться будут, на кровососа летучего. Завтра с утра приди, – сказал, как отрезал, Морозов, и не глядя на расплывшееся в счастливой улыбке лицо капитана, тяжело зашагал к воротам ангара.

Наброски-то он ещё вчера сделал, да и отложил их до лучших времён.

Помозговать над ними ещё надо, а времени до вечера совсем немного осталось.

Чуть качнулась никому невидимая стрелка весов. Извечное противостояние брони и снарядов продолжилось.

* * *

Утром все газеты и радиостанции словно с цепи сорвались.

Новости выплеснулись бурным потоком и понеслись по всей стране, как половодьем смывая пену пустых надежд и меняя привычные очертания берегов, существенно расширяя взгляды обычных обывателей и размеры их глаз.

«Убит тайный глава заговора».

«Заговор обезглавлен. Голова князя Куракина преподнесена Императору на блюде».

«Бунтовщики – кто они. Глупцы, или жертвы интриги».

«Столица наводнена войсками. В пригороде работает артиллерия».

«Кланы-друзья и Кланы-враги. Чьи фамилии были озвучены Императором на встрече с журналистами».

«Кто собирался окунуть страну в голод».

Сенсации.

Заголовки один хлеще другого.

Шокирующие фотографии в газетах и захлёбывающиеся комментарии по радио, описывающие очередной штурм усадьбы заговорщика или схватку в небе над столицей.

Волна народного гнева и самосуды над бунтовщиками.

Горящие усадьбы и головы, насаженные на колья.

Страна словно выдохнула, и принялась за дело.

Для кого как, а для России жить в эпоху всяких разных революций, бунтов и прочих перемен – дело привычное.

С правителями, правда, не всегда везёт.

Даже нынешний Император, хоть и пользуется народной любовью, но особыми талантами он не блещет.

Этакий уверенный добротный середнячок, успешно лавирующий между интересами различных блоков и коалиций. Опять же, в меру упрямый, последовательный и вменяемый. Ставящий интересы Империи впереди своих, личных. Редкое сочетание качеств. Пожалуй, для страны они полезнее любых других будут.

Были в истории, знаете ли, прецеденты.

Начиная от кукурузника, и вплоть до алкоголика, к руководству страной сумела прорваться целая череда весьма сомнительных личностей, зачастую не обременённая хоть какими-то полезными знаниями.

Какая ещё страна, кроме России, такую чертополосицу убогих правителей смогла бы выдержать?

– Ну что, Володя, удалось? – встретил вопросом Император вошедшего князя Обдорина, опять находясь в постели.

После напряжённой встречи с журналистами он в какой-то момент почувствовал себя нехорошо, и эскулапы тут же воспользовались его болезненным состоянием, прописав постельный режим, частые визиты целителя и сразу три горькие настойки премерзкого вкуса.

– Ещё как! Бомба! По всей стране такое началось, что боюсь, не переборщили ли мы. Подкузьмил нам твой племянник, когда перед журналистами отрубленную голову на стол грохнул. Те-то ладно. Проблевались, да за перья схватились, а народ может и как руководство к действию принять. Где столько голов складировать-то будем?

– Шутить начал. Значит всё действительно неплохо.

– Очень бы хотел, чтобы сказанное шуткой оказалось. В одночасье твой племянник знаменит стал. По слухам, некоторые бояре его бояться пуще, чем тебя и меня вместе взятых.

– Рано ему такую славу иметь. Не вытянет, – разглядывая потолок, высказал государь своё мнение.

– Один может и не вытянет, – охотно согласился князь, – Так он и к Куракину летал не один.

Глава 40

Пожалуй, ничего так не стимулирует тягу к знаниям, как электрический ток и его аналоги. Понимаю, что утверждение спорное, и в раннем возрасте в качестве убедительной альтернативы могут быть использованы розги или ремень, но этот этап стимуляции я, к счастью, уже пережил.

В общем, после воспоминаний о том, как меня изрядно корёжило и выгибало во время использования Метеоритного дождя, я твёрдо решил поразмыслить на тему магии, и в частности о том, какую роль в этом заклинании играют неведомые блоки.

Спору нет, заклинание потрясающее. Жаль только, что при его использовании трясёт не только землю, но и меня. Хорошо так трясёт.

Про электрический ток я недаром вспомнил. Пожалуй, это самый близкий аналог того, что пришлось испытать во время работы заклинания. Если ко мне прицепить электроды, а затем подключить динамо-машину, то особой разницы я не замечу. Отдельные эстеты может и найдут отличительные признаки, но я, по утверждению Дашки, болван грубый и бесчувственный, поэтому вникать в тонкости – это не моё.

Хотя, насчёт чувств и электрического тока я бы с ней поспорил. Ток сложно не чувствовать. Это вам не какие-то там флюиды и тонкие материи. Впрочем, не будем о грустном. Мне ещё подпалины надо как-то с себя незаметно свести, чтобы Дарью не волновать.

Образовались у меня под протезом этакие неприятные ранки, уже начавшие покрываться коростами. В зеркале они выглядят так, словно меня в четырёх местах приложили раскалённым дном эмалированной кружки. Ожоги лёгкие, поверхностные. Даже моих навыков исцеления достаточно, чтобы наложением рук убрать их раза за два-три, но есть проблемка. Для исцеления нужна Сила. Для того, чтобы её получить, мне нужно одеть протез, который благополучно закроет мои раны и не даст к ним подлезть руками. Впрочем, интромаг я, или как.

Вытащив из ящика стола накопитель-«лимонку», я в раздумье покатал её по столу. Руки мне нужны свободными. Положить накопитель на стул и сесть самому сверху воспитание не позволяет. Пришлось экспериментировать. Под мышкой никак. Руками не пошевелишь, чтобы контакт не нарушить. Немного покривлявшись перед зеркалом, я скрестил ноги и зажав между ними накопитель, начал пристраивать его так, чтобы контакты

вошли в плотное соприкосновение с кожей.

– Что это ты тут делаешь? – я настолько неожиданно услышал голос Дарьи, что чуть было не уронил на пол выпавший накопитель, успев подхватить его в самый последний момент.

– Э-э… На себя любуюсь. Смотрю, как на меня занятия со шпагами и рапирами влияют, – я демонстративно покрутил свободной рукой, к слову сказать, действительно поменявшей свой прежний вид. Занятия по методике Сущности – это вам не просто так. Когда знаешь и понимаешь, что нужно делать и делаешь это правильно, то и результат выходит не в пример лучше. Руки у меня теперь сухие, жилистые и очень-очень быстрые.

– Что. У тебя. Там, – отчеканила Дарья, и когда я, чуть извернувшись, смог повернуть голову так, чтобы и её видеть, и не показать свой вид спереди, то понял, что зря стараюсь.

Дашкин палец оказался направлен мимо меня. Угу, прямо в зеркало, перед которым я собирался начать лечение.

– А-а, это… Ерунда. Сейчас ничего не останется, – бодро ответил я, – Ты иди к себе, и я минут через пять к тебе прибегу.

Хорошая была попытка. Но не прошла.

Дарья подошла, развернула меня к себе лицом и внимательно осмотрела подпалины.

– Рассказывай, – потребовала она, усаживаясь в моё рабочее кресло.

– С самого начала? – поинтересовался я, присаживаясь на краешек стула для посетителей.

– Именно с него, – подтвердила Дашка, недовольно разглядывая мой стол, беспорядочно заваленный бумагами.

– Сначала был Свет, потом родился я. Хотя, знаешь, в этой хронологии я точно не уверен. Рассуждая логически, всё должно было произойти наоборот.

– Короче, – потребовала Дарья, не поддавшись на мою провокацию.

– Потом я потерял родителей, – надавил я на жалость, – Как они выглядели, не помню. По-моему, те, кто рассказывает, что помнит своих родителей с грудного возраста, просто бессовестные лгуны, – постарался я набрать очки за честность изложения.

– Ещё короче, – отчего-то не прониклась урождённая княжна ни тем, ни другим.

А я как чувствовал, что не все сиротинушки горемычные могут на жалость уповать. Придётся на ходу перестраиваться.

– Меня воспитывал Дед. Когда его убили, я отомстил. Поступил в Академию. Встретил тебя. Скоро у нас будут пацаны,

а когда они вырастут, мы пойдём с ними на озеро, наловим полное ведро раков и от души посидим за пивом, – по-военному чётко изложил я свою историю за прошедший период жизни и перспективные планы примерно на такой же промежуток времени.

– Про прошлое и будущее всё ясно, – вроде бы чуть смягчилась Дарья, – Теперь подробнее про настоящее. Ты ничего не хочешь мне сказать? Кстати, приляг. Я тебя подлечу. А то знаю я твои таланты.

Вообще-то рассказывать я ничего не хотел. Думал, может чуть позже когда-нибудь… Лет этак через пять, или через двадцать пять.

Чуть повозился на диване, собираясь с духом.

– У меня выжжен резерв Силы, – выпалил я, зажмурившись.

Секунда, другая… Ничего не произошло. Я чуть приоткрыл один глаз. Дарья как водила надо мной руками, так и водит.

– Когда это произошло? – встряхнула она кистями, словно сбрасывая с них капли воды, и посмотрела мне в глаза. В один глаз.

– Когда Рюминых спасал и вместе с архимагом под собственные снаряды попал. Представляешь, у нас с ним резерв выгорел, а обоим пилотам хоть бы хны, – постарался я найти хоть что-то хорошее в случившемся.

Загадка не совсем загадочная. Говорил я с ними. Оба пилота на тот момент не магичили, в отличии от нас с Медведевым. Получилось, как с лампочкой во время грозы. Если она включена, то может и сгореть от близкого разряда молнии. Никакое другое объяснения мне в голову не приходит.

– Тогда объясни, как у тебя после этого мозгов хватило, чтобы такое безобразие со Льдом на поле устраивать?

– А что сразу я? Это заклинание вообще Медведев выдумал, – приоткрыл я второй глаз, а потом и вовсе оба вытаращил, для пущего правдоподобия.

Согласитесь, в честность человека, который смотрит на тебя одним глазом, сложно поверить. И совсем иначе будешь выглядеть, если смотришь на мир честными, широко распахнутыми глазами.

– Медведев, значит. Архимаг Медведев, да?

– Ну, в общем-то, да, – осторожно согласился я, подозревая подвох.

– То есть, он – архимаг, а ты? – задала мне Дарья наводящий вопрос. Совсем, как учительница в младших классах.

– Я, как бы тоже… Того… Наверное… – поёжился я от давно забытых ощущений.

Бывало такое. Ты ничего не выучил, а тебя к доске вызвали…

– Того чего? – довольно похоже передразнила меня княжна. Урождённая княжна. Ещё какая урождённая…

– Ну, вроде как тоже…

– Тоже архимаг?

– Эх, знала бы ты, как у нас всё сложно, – вздохнул я, прикидывая, как бы получше объясниться, – Вытащи вон тот кулончик. Видишь, цепочка торчит из среднего ящика, – показал я пальцем на полуоткрытый ящик, в который отложил рубиновую звезду, рассчитывая разобраться сегодня с непонятным блоком заклинания.

– Это кулончик? – недоверчиво покачала Дарья звезду у меня перед носом.

– Он самый, – поймал я артефакт свободной рукой, – Смотри, если глядеть сюда, то судя по знаку, я архимаг, – я активировал звезду и показал её Дарье, – Но тогда откуда подпалины взялись?

Глядя, как я тычу пальцем в отметины на своём животе, кстати, уже прилично подсохшие и совсем не болючие, Дарья лишь головой помотала, словно отгоняя наваждение.

– А как ты её зажёг? – показала она пальцем на артефакт.

Я отмахнулся, и вытащив вторую руку из-за спины, показал ей зажатую там «лимонку».

Нет, не подумайте, что я трус. Просто пойди разговор иначе, и не исключено, что мне Щит бы потребовался. Стоит, знаете ли, помнить о собственной безопасности, когда рядом с тобой находится девушка, выросшая в достаточно воинственном Клане. Убить, не убьёт, если не захочет, но оно мне надо, судьбу испытывать.

– Чем, по-твоему, отличается архимаг от обычных магов? – задал я вроде бы простенький вопрос Дашке. На опережение задал, пока она не опомнилась.

– Силой и заклинаниями, – ответила она, не задумываясь.

– С этим всё в порядке, – поморщился я, – А током их бьёт?

– Каким током?

– Вроде электрического. По ощущениям, вольт этак в сто-сто двадцать, – для лучшего понимания я снова ткнул себя пальцем в подпалины на животе, – Сама же видишь, какие следы остаются.

– Нет, – Дарья потёрла лоб пальцем, а потом заявила уже гораздо увереннее, – Точно нет. У нас знакомый есть. Он на полигоне вполне спокойно работает, зато как-то раз, когда горячий чай на себя пролил, так чуть в голос стонать не начал, пока не залечил. Боль совсем терпеть не может.

– То есть, архимагов током не бьёт, – заключил я, – А меня бьёт, и сильно.

– Подожди, а как же ты тогда смог?

– Так, Дарья, стоп. Теперь моя очередь. У меня тоже вопросы есть. И начну я, пожалуй, с того же вопроса, что и ты. Как мне кажется, тебе есть, что мне рассказать, не так ли?

– А что именно ты хочешь узнать? – скорчила Дашка забавную мордашку, пытаясь всё перевести в шутку.

– Многое, но начнём по порядку. Что ты искала в газетах? – я много чего не могу заметить, но только не стопки газет, лежащие на столе перед девушками. Были бы это женские журналы, я бы и внимания не обратил. А чтобы девушки официальные имперские газеты читали – это нонсенс.

– Мы выяснили, что я княжна, – коротко отчиталась Дашка, и бросила на меня быстрый взгляд из-под чёлки.

– Ну, княжна. И что?

– Обычная княжна, – уже слегка нетерпеливо уточнила Дашка, и даже ногой чуть притопнула, – А вовсе не урождённая.

– Ага, значит, от Рода ты не отказалась?

– Отказалась, но меня не отрезали.

– И что теперь?

– А ничего. Я никаких обязательств перед Родом не имею.

– Погоди-ка, а мне не придётся согласия твоего отца теперь спрашивать?

Согласитесь, не праздный вопрос в свете открывшихся обстоятельств.

– С отцом у меня всё не просто. Он не смог защитить меня от деда. Предпочёл сделать вид, что ничего не замечает.

– И что?

– И ничего. Теперь я его не замечаю. Даже маму попросила ему передать, чтобы не вздумал никого ко мне подсылать и сам в мою жизнь не лез.

– Думаешь, он тебя послушает? – улыбнулся я, представив себе такую сцену.

В моём представлении, не слишком реальную.

– Одному подсылу я обе ноги переломала. Заодно попросила его папуле передать, что третья нога папочкина в следующий раз будет, если ему повезёт.

– В каком смысле повезёт?

– В самом прямом. Если не повезёт, то и четвёртая его же будет. Как-никак я в Клане всегда в первом десятке бойцов числилась, – зло ответила Дарья, сердито сдувая мешающую ей чёлку, – Можешь смеяться, но маменька меня поддержала. Впрочем, у неё на это свои причины, про которые тебе знать вовсе не обязательно.

Кошмар и ужас! Куда делись те благословленные времена,

когда домострой в каждой боярской семье был настольной книгой. Да и были ли они где-нибудь, кроме художественных книг, эти хвалёные семейные правила. Честно говоря, вспоминаю тех девиц, которых я наблюдал в естественной для них обстановке, и никого не припомню, чтобы они жертвами семейного террора выглядели. Дарья, с её несостоявшейся свадьбой, чуть ли не белой вороной смотрится на фоне остальных. Внутренняя чуйка мне подсказывает, что ни один из знакомых мне купцов своих дочерей к нежелательной им свадьбе принуждать не станет, да и Елизавета, Дашкина подруга, тоже особо никого не спрашивала, когда с Тугоуховым закрутила. Даже евгеники из Смольного стараются пары по взаимной симпатии составлять, как мне говорили. А как у остальных, не знаю. Надо будет через тётушку этот вопрос подробнее исследовать.

Беда. Моё устоявшееся было мировоззрение рушится прямо на глазах. Рассыпается, как карточный домик. Одна надежда на наследников первой очереди. Кого-то же должны были с раннего детства по канонам воспитывать. А то, куда ни глянь, сплошь нарушители традиций. И ничего общего с тем, что мне неоднократно рассказывали о традиции браков.

– Ладно, допустим с папенькой всё понятно, – чуть помолчав, заключил я, добросовестно пытаясь отойти от шока, – А как у нас с мамой дела обстоят?

– Мама меня поддержит, – почти уверенно ответила Дарья, чуть повеселев, – Я с ней по телефону перед Новым годом разговаривала. Правда, она ещё не знает, что я Смольный бросила, но думаю, поймёт.

– Сдаётся мне, что такому жениху, как я, она не сильно обрадуется, – я постарался сделать вид, что меня это волнует. Больно уж разговор у меня с Дашкой хороший получается. Нужный. Давно нам пора друг с другом по душам поговорить и неясности разобрать. Да и маму её я почти не знаю. Близко знакомиться как-то не сильно хочется, так хоть от Дарьи что-нибудь новое услышу.

Особо против Дашкиной матушки я ничего не имею. Как говорится, повода не было. На вид очень приятная и стильная дама. Если Дарья в неё пойдёт, то с будущей женой мне повезло. Такая женщина одним своим видом украсит любое мероприятие.

– Я поняла, ты был, э-э, в поясе, – чуть замешкалась Дашка, подбирая замену слову протез, – В таком же, как у пилотов.

– В поясе, – как всегда, согласился я с княжной, – Только у него другая конструкция.

На пару секунд я задумался, как бы популярнее объяснить Дашке получение повышенного напряжения, и тут меня

осенило…

– Множитель, – подскочил я со стула и кинулся перерывать бумаги на столе, – Да куда же я его дел? Ага-а! – издал я торжествующий вопль, вытаскивая переизданный потрёпанный справочник.

В наше время нет никакого смысла изобретать что-то новое, связанное с традиционными знаниями и науками. Всё уже изобретено до нас. По той же электронике и радиоделу мы сейчас находимся примерно на уровне послевоенного СССР, в чём-то отставая, а в чём и продвинувшись. Оттого большой популярностью пользуется переизданная литература тех времён. Одну такую книжку я недавно экспроприировал у Степана в мастерской. Просмотрел её наскоро, да и отложил в сторону. Но кое-что запомнил. Нет, не текст. Его я просматривал по диагонали. Зато схемы и чертежи изучал гораздо с большим интересом, а память на графические изображения у меня отлично натренирована.

Торопливо перелистав книгу, я нашёл нужную схему, и уже зная, что угадал, по памяти нарисовал фрагмент того загадочного блока из заклинания, которое не давало мне спокойно спать.

Бинго!

Однозначно Савва Савельевич был гением. То, что мы с Усольцевым изобразили в металле, включив кристаллы последовательно и повысив «напряжение» магии, он исполнил с помощью рун. У меня нет никакого сомнения, что неведомый блок просто повышает «напряжение», увеличивая тем самым мощность заклинания.

С размаху плюхнувшись на диван, я откинул голову и уставился в потолок.

Итак, что мы имеем? Я взял уже повышенное напряжение с накопителя и как минимум вдвое увеличил его заклинанием. А в итоге…

– Загудели, заискрились провода. Больше он «жучков» не ставил никогда, – почти не фальшивя, пропел я слова детской песенки-страшилки и даже выдал залихватское танцевальное коленце под конец.

– Ты чего? – обеспокоенно спросила Дашка, наблюдая за моими метаниями, закончившимися, смею надеяться, неплохим вокальным номером.

Вместо ответа я подхватил её с кресла, но кружить не стал, а аккуратно переместился вместе с ней на диван.

– Дарья Сергеевна, я буду не только хорошим мужем, но и хорошим архимагом. Обещаю, – промурлыкал я ей на ушко.

* * *

Степан Васильевич Киякин новости из столицы, с самого начала беспорядков, слушал с большим вниманием. Сказывалось лихое военное прошлое, да и дела купеческие внимания к внутренней политике страны требовали. Напрасно несведущие люди, далёкие от торговых дел, считают, что в торговле всё и всегда гладко. Как бы ни так.

У оборотливого купца нос должен всегда по ветру быть, словно флюгер какой. Купец только тогда и успешен, когда он прибыль за версту чует. Много раньше, чем другие выгоду поймут и набегут жадной стаей, вырывая друг у друга куски изо рта.

Распродав почти весь запас основных товаров ещё в конце прошлого года, купец только успел закупиться по новой, как грянул заговор. Торговля встала. Оба магазина пришлось временно закрыть.

Неспокойно стало в Касимове. Только и слышно, то тут лавку разгромили, то там. Да и товар у него не совсем тот, какой русские люди привыкли покупать, чтобы лихие времена пережить. Соль, мука, спички – эти товары других купцов в городе влёт разошлись, а шоколад, сигары и пряности, которыми торгуют его магазины, оказались народу не очень-то нужны.

Долго маяться бездельем Степан Васильевич не мог и не умел. Чтобы спать по двенадцать часов, а потом оставшееся время убивать каким-либо другим ленивым бездельем – особый талант нужен.

Зрела у Киякина одна заманчивая идея. Ещё с лета зрела. Больно уж много столичных купцов захотели Киякина в гости заполучить, узнав, что он в Императорских гонках участие принял. И разговоры, что характерно, велись на темы дирижаблей. Не грузовых, а тех, что Бережков тогда обещал начать делать, или таких, что побольше. Вроде «Миланы».

Оно и понятно. Купец с купцом всегда общий язык найдёт и вопросы нужные безо всякого стеснения задаст. А уж со вкусом и толком выбрать статусную вещь – это ли не настоящее удовольствие.

После второго или третьего разговора Киякин задумался. Познаний купцов откровенно не хватало для осознанного выбора статусной игрушки и это их изрядно сдерживало.

Купить дорогую вещь – дело не хитрое, были бы деньги. Главное, на курьёз не попасть, чтобы потом на смех не подняли.

Были уже случаи. С тем же купцом первой гильдии Афанасьевым. Решил себе раззолочённый дворец из дирижабля построить. Построить-то построил, а потом шпиль у

Благовещенского собора снёс. Ни летать, ни маневрировать его блестящая несуразица толком не умела.

Золото и мраморные статуи, хрустальные люстры и бассейн. Может на дорогой морской яхте такие атрибуты и имеют право на существование, но попробуй со всем этим взлететь, а потом развернуться в воздухе. И то и другое чуть не по часу будешь делать.

По слухам, Олег Бережков неплохо развернулся с производством. В большом плюсе у него награда за победу на гонках. Но производство – это одна сторона медали. Для успешного дела порой куда важнее умение подать и продать товар. Тем более, если товар дорогой и необычный.

После разговоров с купцами у Киякина просто руки зачесались. Говорят, такая примета к деньгам. Кто, как не он, знает про дирижабли всё, и с купцами разговор правильно умеет построить.

Мечты – мечтами, а попробуй-ка, найди время и смелость в самом себе, чтобы отдать в чужие руки собственное, с любовью выпестованное дело, а сам займись чем-то новым. Ох, искушение бесовское…

Решение купец принял лишь после того, как из столицы начали доноситься хорошие новости. То ли долгое бездействие его взбесило, то ли понимание того, что свободного времени у него вскоре снова не будет, а там и обыденная суета опять затянет, но однажды рано утром он проснулся и сразу начал раздавать распоряжения, так, словно все эти дни он только к тому и готовился.

Несмотря на всю беготню, вылететь удалось лишь ближе к обеду.

– Вы по делу, или так, по случаю заглянули? – поинтересовался я у Киякина, когда он немного отошёл от шока.

До сих пор не могу понять, что купца впечатлило больше: мой новый титул, секретарша Оксана в короткой юбке, или встреча его дирижабля, организованная двумя десятками ветеранов. Вряд ли купцу в последние годы приходилось садится на поле, ощетинившееся таким множеством стволов.

– Скорее, по делу. Правда, теперь не очень-то представляю, как к нему подойти.

– А вы вываливайте всё, как есть, – предложил я, – Глядишь, вместе быстрей разберёмся.

– Летел к вам с мыслью партнерство торговое предложить, да начать в столице дирижабли продавать.

– Хорошая затея, своевременная, и что мешает?

– Как что? Вы уже графом стали. Эвон какой городишко

отгрохали. Серьёзные люди у вас простыми охранниками служат, а тут я с товариществом вылез…

– Никак знакомых кого увидели? – я улыбнулся, поощряя купца к дальнейшему рассказу.

– Не то, чтобы знакомых, – помотал купец головой, – Просто запомнилась одна шебутная пара парней. Довелось как-то раз пересечься по молодости.

– А вы расскажите, Степан Васильевич, время у меня есть. Сейчас скажу кофе подать, впрочем, может сразу на коньячок перейдём. А пока вы рассказываете, глядишь, и я ваше предложение обдумать успею.

– Так нечего особо рассказывать. Я тогда только-только службу начинал. Дали дирижабль под командование, да и отправили в тьму-таракань. В один из пограничных сибирских военных городков. От городка там одно название. Меньше сотни жителей. Полтора десятка солдатиков-новобранцев под командованием унтера, да поле лётное на две мачты, – купец благодарно кивнул, принимая бокал с коньяком, и скорее обозначил глоток, чем действительно выпил, – Недели через две к нам туда и забросили десяток волкодавов. А мне пакет поступил, с приказом. Нужно их было у границы незаметно высадить, километрах в ста от нашего городка. И, как назло, непогода разыгралась не на шутку. Да такая, что по полю ходили пригнувшись, чтобы не сдуло. Головорезы, как узнали от синоптика, что им дней пять у нас сидеть придётся, так и начали чудить. Сначала со склада бочонок спирта пропал, потом на подсобном хозяйстве подсвинка недосчитались, и это при всём том, что замки все на месте каждый раз оставались. А когда старшину нашего нашли запертым в кладовке, тут уж мне, как старшему по званию, пришлось с ними говорить.

– И как разошлись? – ухмыльнулся я, представив себя молодым офицером, попавшим в такую неприятную ситуацию. Присылают в посёлок банду головорезов, ни разу тебе не подчинённую, и попробуй с ними управиться.

– Приказал денег из кассы выделить. Если к суточным помощь на обустройство добавить, да надбавки сибирские, то неплохо выходит. Потом старшему подсказал, у кого из местных охотников можно лосятиной разжиться, и в каких домах про самогон стоит спросить. А на пару шебутных мне потом старшина показал. Толком он их в темноте не разглядел, но отчего-то был твёрдо уверен, что именно они его в кладовку упаковали.

– И чем всё закончилось?

– Высадили мы их, где указано, а недели через две от хунхуза-перебежчика узнали, что штаб китайского мятежного

генерала, то ли Цзиня какого-то, то ли Цзяня, ночью неизвестные подчистую вырезали. Говорили, что он самовольно власть в провинции захватил, и в нашу сторону расширяться задумал. А вот поди ж ты, какая неприятность приключилась…

– Случаем, фамилии этой парочки не запомнили? – я, лениво катая бокал в руках, постарался задать свой вопрос, как можно беззаботнее.

– Такое не забудешь. Когда они представлялись, то все нечётные Петровыми оказались, а чётные Сидоровыми. Словно на первый-второй рассчитались. И ведь ни один гад даже не ухмыльнулся, когда фамилию называл.

– Бывают совпадения, – согласился я, благодарно кивнув Киякину, – Вас-то Петров с Сидоровым не опознали?

Если что, то купец мне только что грамотно слил пару матёрых диверсантов. Товар, насколько я понимаю, штучный и редкий, особой имперской выделки. И должен честно сказать, на моих землях, не очень желательный. По крайней мере у меня разом пропали мысли о том, что было бы неплохо попробовать оставить с десяток ветеранов при себе. Мне они никогда подчиняться не станут.

– Думаю, нет, – Киякин демонстративно поправил густые усы и огладил роскошную бороду, подстриженную по последней купеческой моде, – Шапка у меня с низкой тульей, да и фигура уже не та, – самокритично признал он, похлопав себя по вполне заметному животику, – К тому же стояли они не слишком близко. Вроде, как охраняли какое-то помещение под подцепленным над ним дирижаблем.

– Бог с ней, с охраной, – чуть заметно подмигнул я купцу, сообразив, где мне найти столь интересных гостей, – Мне этот народ на замену прислали. Думаю, через неделю-другую всех обратно в столицу верну. Давайте-ка лучше к дирижаблям вернёмся. Признаюсь, давненько хотелось в столице что-то вроде представительства открыть, но всё никак руки не доходили, да и подходящего специалиста не было. Впрочем, может в дом переберёмся, да там и поговорим? Экипаж ваш пусть в гостинице устроится, а вы ко мне. Правда, особых изысков не обещаю. Рюмины у меня гостили. Оскудел запасами, а пополнить пока негде.

– Решаемый вопрос, – отчего-то вдруг обрадовался купец, потирая руки, и не забыв в удивлении вскинуть брови, показывая, что отметил прозвучавшую фамилию, – Люди, как я успел по дороге заметить, у вас в посёлке не бедствуют? Даже для города богато одеты.

– Раза в полтора больше зарабатывают, чем городские, –

похвалился я достатком рабочих, – А мастера так и вовсе вне конкуренции.

– Тогда как вы посмотрите на то, чтобы лавку с моими товарами у вас открыть? Помните, должно быть, чем я в Касимове торгую?

– Отлично помню, Степан Васильевич, жаль, чуть вы запоздали. Поверьте, неделю назад ваших товаров нам жутко не хватало. Впрочем, и без княжича с сёстрами найдутся покупатели. Я сам в первых рядах окажусь.

– Что вы, Олег Игоревич, – замахал купец руками, словно мух отгонять решил, – Вам я и так всё подарю. Так сказать, для ознакомления с образцами.

– Ух, ты! Взятка, – искренне восхитился я, – Первая взятка в жизни, да ещё за полезное дело. А скажите-ка мне, Степан Васильевич, цены в вашей лавке такие же, как в Касимове будут, или ниже?

– Такие же, – как-то странно покосился на меня Киякин, – А вы какие хотели бы видеть?

– Да пусть будут, – вроде бы легкомысленно отмахнулся я, посмеиваясь про себя.

Кое-какие из уроков, преподанные мне тем же князем Гончаровым, я усвоил. Не одним князьям дано умение словно бы мимоходом обозначать рамки отношений и заранее оговаривать приемлемые условия. Я тоже учусь. И вроде бы успешно. К примеру, Киякин и сам не заметил, как слово дал, что цены задирать не станет.

– А конкуренты в претензии не будут? Я лавку купца Липатова вроде бы приметил. Доходили до меня слухи, что вы с ним в партнёрах.

– Помилуйте, Степан Васильевич. Какой вы Липатову конкурент? У него самый дорогой чай по три рубля за фунт, а у вас самый дешёвый с пяти начинается.

– Так, товар-то какой! – вполне искренне возмутился Киякин.

– Отличный товар, – успокоил я купца, – Я до сих пор наши чаепития в Касимове с удовольствием вспоминаю. К тому же, Липатову сейчас не до мелкой торговли будет. Я его на управление Камышинской хлебной пристанью поставил.

– Вот это – ДЕЛО! – с придыханием отозвался Киякин, сумев особенным образом выделить слово и показать его значимость, – А князь Гончаров препятствовать не будет?

– Князь пообещал помощь и содействие. Я с ним и с наместником князем Константином Рюминым в другом проекте в партнёрах состою.

– И куда ж это я с суконным рылом в толоконный ряд? – чуть

насмешливо сам себя спросил Киякин.

– Ровным счётом ни малейшей причины для конфуза не наблюдаю. Только что вы слово правильное нашли. Дело. Люди Дела титулами меряться не станут. Это удел бездельников. Так что, едем домой?

– Э-э… Олег Игоревич, может я всё-таки в гостиницу?

– Полноте, Степан Васильевич. У меня почти все гостевые комнаты пустуют. В одной, правда граф Игнатьев проживает, это который начальник штаба гвардейского полка Его Императорского Величия, но он, как правило, только к ночи появляется, и поужинав, сразу спать уходит. Так что никто нам не помешает ваше предложение обсудить спокойно. А завтра с утра по посёлку проедем. Есть у меня пара готовых помещений, в которых можно вашу лавку устроить. По крайней мере, хотя бы на первое время сойдут. А к весне ближе можно будет и на что-то посерьёзнее замахнуться.

– Да не в том дело. Дочь я одну побоялся оставить. В Касимове сейчас неспокойно, а охраны толковой нынче днём с огнём не найдёшь, – разродился наконец-то купец причиной своих отказов.

– О, Антонина Степановна прилетела. Так это же отлично. Думаю, они с Дарьей Сергеевной найдут, о чём поговорить, и неплохо проведут вечер, – почти искренне выразил я радость.

Почему почти? Так мне же потом, на ночь глядя, предстоит клясться и божится, что я никогда, ни ухом, ни рылом, ни в мыслях, ни в мечтах. Хм-м. Стоп. Про мысли и мечты клятвы отставить… Просто ничего не было, и точка. Короче, правда, и ничего, кроме правды. Без лишних подробностей.

– Это не та ли Дарья Сергеевна, что у вас в штурманах была? – хитро прищурился Киякин, и увидев мой кивок, с уважением добавил, – Ну, вы и хват, Олег Игоревич.

* * *

Маленькая серебристая точка шумно носилась над аэродромом, время от времени выполняя нехитрые фигуры простейшего пилотажа.

– Всё, как вы заказывали. Максимальная скорость четыреста пятьдесят километров в час, практически достигнутая высота пять тысяч метров, бомбовая нагрузка триста килограммов, – докладывал высокий, слегка сутуловатый мужчина осанистому спутнику, генеральские погоны которого скрывал накинутый поверх шинели меховой плащ.

– Кгхм-м, – раздался позади беседующих мужчин нарочито громкий кашель.

– Ну, что ещё, Панкратов? – почти не обернувшись, спросил генерал у одного из своих адъютантов, уже откровенно досадуя, что вопрос с новым самолётом он поручил курировать одному из самых въедливых офицеров, известному своей крайней неуступчивостью.

– Скорость замеряли на пустом самолёте, вылетевшем с половиной заправки топливом. Аналогично производились испытания потолка, на котором самолёт продержался всего две с половиной минуты. С бомбовой нагрузкой самолёт может пролететь сто пятьдесят-двести километров, в зависимости от ветра, затем наступает точка невозврата, – бесстрастно доложил офицер, обходясь без каких-либо шпаргалок.

– Это правда? – холодно поинтересовался генерал у своего собеседника.

– В какой-то степени… Видите ли, на макетной модели мы в основном проверяли возможности планера. Могу ответственно заявить, что они оказались на вполне приемлемом уровне. Со дня на день нам обещают новый мотор и поверьте, самолёт существенно превзойдёт параметры технического задания.

– Как человек, я вам верю, но как официальное лицо я всего лишь обязан зафиксировать либо полученный результат, либо его отсутствие. Копию моего заключения вы на днях получите. Единственно, чем я могу вам помочь, это высказанным в конце заключения собственным мнением о том, что вам требуется дополнительное время на доводку вашей модели. К нему обязательно прислушаются. Скажем, три месяца. Пожалуй, это предел моих возможностей. Этого вам достаточно?

– Да, вполне. Через три месяца вы нашу птичку просто не узнаете, – с преувеличенным оптимизмом отозвался конструктор, и даже сам почувствовал, что радость в его голосе прозвучала фальшиво.

– Что делать? Что делать? Осталось три месяца, а новый мотор до сих пор не готов, – Оскар Петрович Мендельсон бегал по кабинету, потрясая взлохмаченной шевелюрой и заламывая руки.

– Помнится, в самом начале ты утверждал, что нам и этого мотора хватит за глаза, – меланхолично заметил его собеседник, рыжеволосый боярин Артемьев.

– Утверждал, – согласился Мендельсон, воинственно задрав подбородок и поджав губы, отчего его жиденькая бородёнка заняла почти горизонтальное положение, – И сейчас готов повторить то же самое. Заодно могу напомнить, что кое-кто обещал мне любые материалы. Где они? Из того, что мне

предоставили, я выжал всё, что мог. В итоге мы всё равно почти на триста килограмм утяжелили планер.

– Ты получил лучшие сорта алюминия, – развёл Артемьев руками.

– Лучшие! А мне не лучшие нужны, а те же самые! Такие же, как предки в этой конструкции использовали! – зашёлся в крик конструктор, брызжа слюной в большие фотографии старого чертежа, и тыча в них пальцем, – И уж тем более они должны быть не в том виде, в каком их поставляют. Три вида листа и шесть типоразмеров проката. И ни один из них, ни один, не соответствует нужным размерам. Лепи, Оскар Петрович, из того, что есть. Так что ли?

– Заводчик считает выпускаемый ассортимент достаточным и категорически отказывается его расширять ради мелких партий, – в очередной раз напомнил Артемьев о неудачных переговорах с производителем алюминия.

– Тогда я не знаю, что делать. Если двигатель окажется не готов, то спасти самолёт может только чудо, – Мендельсон тяжело упал в кресло и безразлично уставился в чертежи, опустив голову на руки.

– Я попытаюсь отправить человека в Пермь, на авиамоторный. Но когда он вернётся, трудно сказать, – поднялся с места боярин и вслед за ним подскочил его сын, такой же рыжий, как он, но более вихрастый. За весь разговор он слова не произнёс, что для него само по себе было подвигом.

В связи с тем, что заговор пошёл на убыль, а в столице и её пригородах установился порядок, часть курсантов, из местных, распустили по домам. Академия, с большим количеством решительно настроенной молодёжи, оказалась крепким орешком, и заговорщики дважды сумели это оценить на собственной шкуре. Не только студенческий городок, но и прилегающий к нему район столицы так и не увидели беспорядков. И в первую очередь это была заслуга курсантов Военной Академии. Две попытки заговорщиков закончились для них неудачей. Курсанты не только устояли перед штурмующими отрядами, но ещё и сами перешли в контратаку, сумев захватить большое количество брошенной техники. Среди получивших отпуск, оказался и Григорий Артемьев, рыжий и вихрастый любитель новостей, и по совместительству, жуткий непоседа.

– Ты понял, для чего я тебя сегодня взял с собой? – спросил у сына старший Артемьев, когда они сели в машину и он поднял стекло, отделившее их от водителя.

– Нет, отец, – помотал Григорий кудлатой головой, – Всё, что я слышал про проект с самолётами, я знаю лишь из твоих

разговоров со старшими братьями, и то, обрывками. Мне ты никогда ничего не рассказывал.

– Старших мы не скоро увидим. Пока заговор полностью не подавят, со службы их никто не отпустит. Значит, случись что, придёт твоя очередь. История давняя, поэтому начну по порядку. Примерно в твоём возрасте я нашёл в нашей родовой библиотеке чертежи самолётов. Даже моих знаний тогда хватило на то, чтобы понять, что пока эти самолёты не взлетят. Нужен был алюминий, мощные моторы и ещё целая куча отсутствующих мелочей. Я отложил чертежи в сторону, но все эти годы не забывал про них. Когда в стране появились первые самолёты, я нашёл Мендельсона. Тогда он был студентом, но уже подавал большие надежды. Прошло ещё четыре года, и однажды Мендельсон примчался ко мне с известием, что в стране появился нужный нам мотор, на котором самый лёгкий из самолётов, из числа имеющихся на чертежах, вполне может взлететь. Два с лишним года я сам финансировал этот проект, а когда первый образец поднялся в воздух, то мы заключили контракт с военным ведомством. Казалось, денег, полученных от ведомства, должно было хватить. Но тут началась полоса неудач. За месяц мы потеряли оба готовых образца. Один из-за поломки двигателя, а второй из-за ошибки пилота. Третий самолёт пришлось делать опять же на свои деньги. На нём и были проведены испытания. Как ты теперь знаешь, не слишком удачные.

– А что будет, если и через три месяца самолёт не будет удовлетворять требованиям ведомства? – осознал Григорий размеры надвигающейся угрозы.

– Потребуют вернуть деньги, которых у меня нет, и мы попадём в чёрный список. Скорее всего на этом все наши надежды на государственные заказы закончатся. Так что, даже если я найду деньги, это ничего не решит. Кроме армейцев наш самолёт никому не нужен, – коротко обрисовал отец сложившуюся ситуацию, кажущуюся ему безнадёжной.

– Мы наверняка не единственные, кто пытается сделать самолёт для военных целей. Разве нельзя кому-то продать почти готовый проект, с уже летающим самолётом?

– После того, как я у них увёл из-под носа заказ военного ведомства? Ты не представляешь, какую радость мы доставим нашим конкурентам, стоит нам обратиться к ним с таким предложением, – грустно усмехнулся отец.

– И что ты дальше собираешься делать?

– Сейчас у нас два выхода. Первый – это заложить наше имение и вернуть деньги ведомству. В минусах, как ты понимаешь, проценты банку, по не очень выгодной ссуде,

крушение надежд на государственный заказ и отсутствие перспектив на продажи самолётов. По сути, в этом случае мы всего лишь оттягиваем агонию на срок действия ссуды. А второй – это признание авиационного товарищества банкротом. Всё, что касается самолётов, уйдёт с молотка, а репутация Рода Артемьевых упадёт ниже плинтуса. Сомневаюсь, что нам когда-нибудь дадут подняться ещё раз. Правда, в этом случае у нас останутся хоть какие-то деньги на жизнь.

– Знаешь, отец, скорее всего ты сильно сгустил краски. Я понимаю, что у тебя сегодня был не лучший день в жизни. Надо пережить неприятности и подумать. Мы с тобой наверняка найдём более достойное решение.

– Похоже, ты, как и Мендельсон, надеешься на чудо. Но насколько я слышал, беспорядков в Перми хватало. Сомневаюсь, что новый авиадвигатель, который они нам уже полгода обещают, волшебным образом появился на свет сам по себе.

– Волшебным образом вряд ли, – машинально повторил Григорий вслед за отцом, сам ещё не понимая, что его зацепило, – Волшебным образом… Волшебным… Отец, нам срочно нужно найти графа Бережкова. Предлагаю заехать к нему на квартиру. Она находится недалеко от Академии. Думаю, там знают, где мы сможем найти графа.

Глава 41

«Учиться, учиться и ещё раз учиться», так завещал когда-то младший брат казненного террориста-бомбиста, ставший под конец своей жизни руководителем государства.

Эта его идея, как и многие другие, была воплощена в многотомных трудах, изданных гигантскими тиражами. Довелось мне как-то раз мельком с ними ознакомиться, когда я заболел, и в библиотеке лицея не осталось других, не прочитанных мною книг.

Перебирая страницы, ломкие от старости, но отлично сохранившиеся, я пытался проникнуться духом той эпохи. Политика меня не интересовала. Я старался найти то ли зерно, то ли совокупность идей, которые позволили вырастить целые поколения Великих Созидателей. Они не разменивались по мелочам. Громадье планов и титанические свершения. Похоронив социализм, как явление, человечество потеряло интерес к великим целям. Этакого раздражителя, за которым приходилось гнаться, вслед за ним покоряя космос и развивая фундаментальную науку, вдруг не стало, и целый мир занялся бытовой рутиной. Отошли на второй план идеи термоядерного синтеза энергии, революционные научные открытия канули в забвение, и человечество, словно не понимая, что потеряло, кинулось улучшать памперсы, жвачку, компьютеры и телефоны. На смену эпохе прорыва пришла эпоха всеобщей деградации и обожествления бытовых товаров.

Впрочем, Бог с ней, с историей. С высоты лет о прошлом судить не сложно. Факты, как говорится, налицо. Личное мнение у всех может быть разное, но никто не имеет права на свои собственные факты. Их можно замалчивать, игнорировать, шельмовать с подтасовкой, но совокупность фактов ни одному злопыхателю не позволит оспорить утверждение, что в период своего расцвета именно социализм когда-то был тем локомотивом, который тянул за собой весь мир, заставляя население планеты сосредоточиться на решении глобальных задач.

Размышлениями исторического характера я могу развлекать себя только во время работы с Чашами. Кроме их увеличивающегося количества, которое я постепенно наращиваю, особых проблем мне такая работа не доставляет.

Ситуация в корне меняется, когда я начинаю учиться. Заветы классика словно оживают, и мне уже не до размышлений. Зубами скриплю, но учусь.

Освоение заклинаний, унаследованных от Медведева, процесс не самый приятный. Представьте, что вам вложили в голову зубодробительные формулы из высшей математики, а затем поставили задачи по их практическому применению.

От соблазна, пробежаться по верхушкам знаний, я отказался. Пока нет у меня права тратить целый день на воспроизведение одного-двух новых заклинаний. Случись что, и никто не даст мне даже пары часов, дожидаясь, пока я соизволю по нему шарахнуть чем-нибудь смертоубийственным. Скорость – наше всё, и блоки, в которые Савва Савельевич собрал сложные плетения, мне в помощь. Вместо часа, который мне нужен сейчас для построения уже изученных заклинаний, мне требуются секунды. Надо только научиться правильно пользоваться сверхсложными магическими техниками.

Учусь работать с блоками. Пока не получается. Предок, устроившийся у меня в голове, помогает, выкладывая мне блоки, словно на блюдечке, а у меня плавятся мозги, не в силах разом принять весь объём плетений. И это всего в лишь в десятке заклинаний, которые я себе наметил, как первоочередные. Научусь быстро работать с ними, и уже могу считать себя состоявшимся архимагом-новичком, способным по крайней мере убедительно ответить на большинство возможных угроз от своих маститых коллег.

– Твою дивизию! – огорчённо выдохнул я, и махнул рукой, собираясь развеять не получающееся заклинание, которое я попытался было собрать на скорость.

– Бух-х-х! – ответила магия, и лёд в километре от меня взорвался сотнями всполохов.

Не понял…

Позавчера у меня это заклинание уже было опробовано удачно. Если что, это тот же самый «Метеоритный дождь» в его изначальном, я бы сказал, классическом, варианте.

Без переделки в Лёд.

Три-четыре сотни сгустков высокотемпературной огненной субстанции, накрывающих квадрат примерно двести на двести метров. Пожалуй, это самое простейшее заклинание для начинающих архимагов, бьющее по площади. Именно его творчески переработал Медведев, заменив магию Огня на Лёд, и прицепив к нему дополнительные блоки, увеличивающие силу заклинания и дополняющие его разрушительный эффект волной Адского Холода.

Насчёт точного названия дополнительного эффекта ничего не скажу. Как по мне, так Адский Холод – это полная чушь. На сковородках, вымороженных до ломкости металла, не особо

пожаришь кающихся грешников. Наверняка существует иная версия перевода названия рун, мне неизвестная.

До сих пор не понимаю, что подвигло меня на повторы. Пробовал по наитию.

– Твою дивизию!

– Бух-х-х.

– Твою дивизию!

– Бух-х-х.

Так. Стоп.

Три раза подряд заклинание сработало на фразу и жест. Почти моментально.

Вербальную магию критикуют все, кому не лень. Принято считать, что в схватке магов, маг-вербалист изначально обречён на проигрыш из-за своей предсказуемости.

Теорию я знаю. Другое дело, что я не готов с ней согласиться.

Классическая вербалистика выглядит более сложно. По крайней мере, то, что нам показывали в лицее и Академии специально приглашённые мастера-вербалисты, смотрелось, как достаточно сложный ритуальный танец, сопровождаемый словесной абракадаброй.

В сравнении с теми мастерами, танцор из меня никудышный. Красоты, прямо скажем, никакой. Махнул рукой, и выругался при этом, и в итоге: Бух-х-х, и оно сработало. Гениально, ёпрст…

Теперь бы разобраться, как я, а может и Сущность, привязали это заклинание к вербалистике.

Не буду говорить, что я понял, как можно привязывать заклинания к вербальным жестам и словам. Нам, графам и начинающим архимагам, врать не к лицу. Ни фига я не понял, если по правде сказать. Тем не менее, к концу дня у меня в арсенале были следующие заклинания: «Твоя дивизия», работающая по площади, «Комета», уже знакомое заклинание, вполне подходящее для зимней рыбалки и пробития основательных прорубей в метровом льду, и «Бум-с» – офигенская оглушалка, к счастью, испытанная мной на значительном удалении от себя. Очень быстрая и громкая. Настолько громкая, что недалеко от себя я её использовать не рискну. Я этим заклинанием метров на двести с лишним шарахнул, а потом минуты три пальцами в ушах ковырял, пытаясь понять, слышу я что-нибудь или нет. Оглушило на совесть. Окажись я рядом с местом взрыва, сейчас лежал бы в отключке, пуская розовые пузыри из носа и ушей.

Контузия – вещь серьёзная. Хорошему состоянию здоровья ни разу не способствует. Жило когда-то у нас на селе двое контуженных. Один так ничего и не слышал толком до конца

жизни. Чуть ли не в ухо ему внуки кричали, если что-то спросить хотели, да и голова у него частенько тряслась.

Вроде бы казалось, освоил ты три заклинания, далеко не простые, можно сказать, высшего уровня сложности. Пусть и не так, как хотел, а слегка непривычно, но это же детали. И угомонись! Отлично день провёл.

Так нет ведь.

Меня опять на подвиги потянуло.

С чего-то мне вдруг показалось, что сейчас будет правильно попробовать модифицированный Медведевым «Метеоритный дождь», обрезав дополнительный блок, отвечающий за повышение напряжения. Надо его переименовать как-то, а то сам запутаюсь.

Точно могу сказать, что магия на меня, как наркотик действует. Чересчур увлекаюсь, и всякую осторожность теряю.

Ну, и попробовал.

Током на это раз не било, а к щекотке и мелким щипкам я уже вполне привык. Зато на этот раз я смог сам увидеть, как собираются тучи, и начинают стягиваться, образуя в небе гигантскую воронку.

– Кабздец! – почти печатно выразил я свои впечатления, ткнув пальцем в небо.

Надо сказать, необдуманно и преждевременно высказался.

О-очень поспешил. И с пальцем поторопился.

Откуда-то пришло понимание, что у меня в моём архимаговском арсенале появилось четвёртое заклинание. Никогда не догадаетесь, каким словом обозначенное…

Угу… Заклинание «Кабздец», заметно слабее того, что на поле бушевало, но так-то ни разу не слабенькое. Тучи вон как бодро тащит. Даже дирижабль чей-то прихватило до кучи.

Упс-с. И точно. Небольшой пассажирский дирижабль боком идёт ко мне и его вот-вот в разрастающуюся воронку затянет.

Без ложной скромности хочу отметить, что экстренное прекращение работы заклинания у меня получилось на редкость удачно. Дирижабль крутануло вокруг себя всего лишь один раз, почти не помяв. Если раньше он выглядел, как прямой огурец, то теперь стал, как не очень прямой. То, что для огурца не важно, для экипажа дирижабля оказалось неожиданностью. В конце концов они сообразили, что изменившуюся геометрию баллонов можно компенсировать боковыми маневровыми пропеллерами-вентиляторами. Раз нет протечек, то поломанные шпангоуты ещё не повод для паники.

Немного порыскав при выборе курса, экипаж смог подобрать нужный режим компенсации, и дирижабль медленно поплыл в мою сторону.

Дожидался я незнакомцев без особой радости. Кривая ухмылка на лице, щит, наброшенный на подошедший катер и заготовленный «Бум-с» тому свидетели.

Сидя рядом с Ираклием, я заранее настроил себя на подлетающие неприятности и был готов их отразить.

– Олег! Олег Игоревич, это я, Гриша Артемьев. Мне надо с вами поговорить, – заорал в жестяной рупор знакомый мне рыжеволосый однокурсник, чуть ли не по пояс высовываясь из открытого люка гондолы.

– Следуй за мной, – проворчал я, опускаясь на сидение, и дал пилотам дирижабля отмашку рукой, показывая курс.

Сил, на развеивание оглушающего заклинания у меня уже не оставалось, и я попросту отправил «Бум-с» в сторону ближайшего леса. Надеюсь, популяция ворон на моих землях при этом пострадала незначительно. Правда, у Гришки рупор из рук выпал, ну так это небольшая потеря. Копеечная.

* * *

25 января, того же года. Зимний дворец Его Императорского Величества. Утренний приём.

– Ваше Императорское Величество! Довожу до вашего сведения, что с заговором покончено! – молодцеватый генерал армии князь Феоктистов, по мнению большинства придворных, особым умом не отличался.

На его счету не было побед, добытых дорогой ценой. Кроме громкого, зычного голоса он обладал лишь немногими маловажными талантами. Генерал не любил напрасных смертей нижестоящих военнослужащих, искренне ненавидел недобросовестных поставщиков, и был отличным кулачным бойцом.

Желающих поставлять армии товар с гнильцой генерал бил лично. Число недобросовестных купцов, отмеченных «Орденом Феоктистова», а попросту – шикарными бланшами под обоими глазами, уже давно перевалило за сотню. Жаловаться на него было бесполезно. Даже государь, когда к нему всё-таки прорывались с такими челобитными, и тот всего лишь начинал сетовать на мягкость российских законов, вслух вспоминая, в каких странах за такие прегрешения отрубают руки, а в каких и вовсе не мелочатся, начиная с головы.

– Вот как. А мне ещё вчера докладывали, что кое-где в Сибири неспокойно, на Ямале чуть ли не целое логово

заговорщиков обнаружено и до сих пор существует, и под Рязанью вчера воинский эшелон обстреляли, – достаточно холодно заметил государь, внимательно отслеживая усмешки придворных. Наверняка кто-то из них подсказал Феоктистову идею скоропалительного доклада, рассчитывая, что это рассердит Императора, а там, глядишь, и пропадёт генерал из списка любимчиков. Перестанет мешать в решении вопросов с армейскими поставками. А то такие деньжищи из-за него мимо рук проплывают.

– Я докладываю с точки зрения дальнейшего использования регулярной армии. С оставшимися заговорщиками вполне справятся соответствующие службы, если их на время усилить десантниками.

– Разумное предложение, генерал, – ответил государь, переглянувшись накоротке с князем Обдориным-Тверским, – Можете объявить, что послезавтра армия возвращается на зимние квартиры. А вас, князь, я попрошу задержаться после приёма.

– Не поторопились ли мы с армией? – поинтересовался Император у Обдорина, когда приём был закончен и они оба перешли в Малый кабинет, наказав, чтобы их не беспокоили.

– Справимся. Десант, пилоты, гарнизоны на местах. Сил более чем достаточно. Крупные фигуры мы уже все повыбили, а мелочь сама начала разбегаться. Пора над следующими шагами думать.

– Ты опять про Боярскую Думу начинаешь?

– Про неё, родимую. Понимаю, что крику много будет, но больно уж момент подходящий. По второму разу сейчас никто голову не поднимет, чтобы под один гребень вместе с заговорщиками не подстригли. Опять же, списочек у меня замечательный имеется. Глядя на него, так и хочется сказать, что это думцы у нас во главе заговора стояли. Не Дума получается, а гнездо осиное. Чисто сборище смутьянов. Самое время бояр переименовывать, и с дворянством их уровнять. По большому разницы и сейчас между ними особой нет. Разделить их на дворян поместных и служивых, да и хватит с них. А там пусть поместные дворяне при служивых хоть что-то против власти вякнут на том же Дворянском Собрании. Вмиг укорот получат. Те, кто кровь за государя и Отечество проливали, церемониться не станут.

– Ишь, размахнулся… – огладил государь ухоженную бородку, глядя на разошедшегося князя с насмешливым прищуром, – Ты так того и гляди Совет Князей расформируешь.

– Ну, не то, чтобы расформирую, но планы имеются.

– Так поделись, облегчи душу, – уже откровенно улыбнулся государь, даже не пытаясь скрыть усмешку.

– И поделюсь, – тряхнул головой Обдорин, пододвигая стул ближе к столу, – Только уж не обессудь, если нестыковки какие заметишь. План буквально этой ночью в голову пришёл, и некоторые детали в дополнительной проверке нуждаются, но опять же время поджимает. Впрочем, слушай.

Перестав улыбаться, государь решительно отодвинул лежащие на столе бумаги, заранее освобождая место для хорошо знакомой папки, появившейся в руках князя.

– Влияние на Совет мы потеряли после смерти твоего дяди и ухода с поста Главы Совета князя Ртищева. Князья их по-настоящему боялись и предпочитали уж если не в друзьях их иметь, то хотя бы не в контрах с ними быть. Сейчас наших людей в Совете четверо. Два старца, над которыми все чуть ли не в открытую посмеиваются, твой брат и я. Своего брата ты знаешь. Он человек добрый и мягкий. Хорошо, хоть племянник твой, Антон, вроде не в отца пошёл. Да и племянницы, девицы крайне решительные… Мда-а. Ну, о них чуть позже. И кто у нас остаётся? А остаюсь я, глава имперской службы безопасности. Грозно звучит. Должно шок и трепет вызывать. Но нет. Не боятся меня князья. И причина тому простейшая. За всё время твоего правления ни один князь и ни один Глава Клана не то, что пред судом не предстали, так даже следственное дело по их преступлениям мне не дали завести.

– Только в моё правление? – ревниво отозвался государь.

– У твоего отца немногим лучше было, – успокоил его Обдорин, – Один отравитель, всю семью отправивший на тот свет, да ревнивец, испепеливший беседку, в которой его жена с другим князем укрылась. Только за такие убийства Совет лишил двух князей титула и отдал их правосудию.

– Мне нужно объяснять тебе, отчего у нас князья над Законом оказались? – не смог сдержать государь кривую гримасу.

С избытком вольностей себе Одарённые выговорили, когда ещё перед его дедом впервые встал вопрос о создании государства. И пришлось ему соглашаться, иначе ни о каком объединении княжеств в одну Империю и речи бы не было. А с князьями и вовсе непотребство получилось. Многое они могут себе позволить, а управа на них только через Совет Князей. Тот самый Совет, на который нынче даже у него, у Императора, нет серьёзных рычагов воздействия. Империя пока не так богата, чтобы каждому князю по персональной кормушке можно было дать, покупая его лояльность. Но с Советом что-то нужно предпринимать, и срочно. Если начнут князья препоны чинить, то многое из задуманного на долгие годы растянется. Та же реформа боярства, пока одобрение Совета не получит, так и останется на

бумаге. Создадут князья комиссию для изучения вопроса, дадут ей срок в два-три года, а затем вернут проект с такими купюрами, что и смысл реформы пропадёт. И ладно бы, только с одним боярством проблема была.

– Причины известны и понятны, как и то, что ситуацию с Советом пора начинать менять. И менять так, чтобы до князей дошло, что это надолго. Поэтому я предлагаю начать с Антона Рюмина. Нужно ввести его в Совет Князей, – князь словно прочитал мысли государя, озвучивая их, но решение предложил более чем неожиданное.

– Тю-ю… Даже боюсь предположить, что ты сегодня пил на ночь, – с заметной тревогой отозвался государь, вглядываясь в лицо князя, – С виду вроде нормальным выглядишь. Переутомился? Отдохнуть бы тебе не мешало.

– Так я и знал. Сейчас ты среагировал на новость так же, как и князья к ней отнесутся. А стоило бы её разобрать на составляющие. Что сложного в том, чтобы Антона из княжича сделать князем? Он совершеннолетний. Земель свободных мало? Так я почти ничего не потратил из тех, что нам даром достались, когда с Кланами договаривался. Под конец и вовсе можно было взятки брать. Предлагали, знаешь ли, за поручения достойные. Чтобы удаль свою шакалью показать, пока враги не кончились. Сам знаешь, какая стая за победителем выстраивается, прибыль и награды почуяв.

– И почему не брал?

– Отчего же сразу и не брал. Мне по должности положено. Те, что по чину были, сам взял, а с подношениями пожиже, к заместителю отправлял. Пожалуй, на пару приютов сиротских, тех, особенных, о которых как-то рассуждали, мы с замом набрали. Пора тебе своих янычаров заводить. А то с твоим казначейством ещё лет на десять вопрос затянется, – Обдорин сознательно отвлёкся на постороннюю тему, давая Императору время на раздумья. Начни он давить, и отмахнётся государь, осерчав. А ждать, когда он остынет, и второй раз выслушать согласится, некогда. Обстоятельства так сложились, что приходится поторапливаться.

– Доброе дело. Сотня-другая верных людей никогда не помешают, – чуть повеселел государь, – А в твоей задумке с Антоном я пока резонов не вижу. Слишком он молод. Ты предлагаешь безо всякой подготовки бросить его в серпентарий. Его там попросту сожрут, а нам один дополнительный голос в Совете никак не поможет.

– Я уже как-то раз говорил, что Антон не один, – мягко напомнил князь.

– Помню, но кто графа Бережкова пустит на Совет Князей? – пожал плечами государь, выделив титул Бережкова голосом.

– Графа не пустят, а вот князь Бережков там по праву место займёт, – пожал плечами Обдорин, словно объясняя какую-то незначительную мелочь.

– Угу, и его в тот же день вызовет на дуэль любой из князей, и убьёт. Допустим, Антона может и не тронут. Как-никак, он мой родственник и маг не из последних, а с Бережковым церемониться точно не станут. Заранее могу предсказать, что он и дня не проживёт, если каким-то чудом на Совете окажется, – возможно, государь ещё что-то хотел сказать, но вовремя остановился, заметив знакомый блеск глаз, и ехидную улыбку на лице князя, вытаскивающего из открытой папки стопку фотографий.

– Надеюсь, я смогу увидеть хоть одну такую дуэль, – мечтательно закатил глаза Обдорин, подавая правителю снимки.

Пока государь перебирал фотографии, удивлённо заломив бровь и пытаясь понять, что он видит, на стол легли рукописные листы, которые князь молча подтолкнул к собеседнику, предлагая ему самому ознакомиться с первоисточниками.

– Шабалина я помню. Дельный маг. Сам когда-то его в качестве наставника брату отрекомендовал, когда он для племяшек учителя по магии искал. Именно такого, с основами теории, чтобы он не просто на одну зубрёжку заклинаний натаскивал, как нас с тобой когда-то Белек мучил, по сто раз заставляя одно и то же повторять, ничего толком не объясняя, – вскоре оторвался государь от бумаг, делая перерыв на распитие небольшого бокала вина, рекомендованного ему врачами после болезни. Недочитанные листы были отложены отдельно. Фотографии пока так и остались без объяснений, и Рюмин ненадолго отложил разгадку, пытаясь сам догадаться, что он видит.

– Из-за его выводов мне и пришлось слетать к твоим племянникам. Душевно поговорили, особенно с племянницами твоими. Вот кого бы в Совет ввести, да жаль, не дадут. Выжимку беседы с ними я сам писал. Когда дочитаешь записку Шабалина, можешь ознакомиться.

Поняв по лукавой улыбке князя, что преждевременных разъяснений не предвидится, государь со вздохом начал дочитывать записку мага. Впрочем, вскоре спокойствие ему изменило. Сухой стиль, которым наставник Рюминых описывал нападение на имение, поменялось на научные выкладки и восторженные комментарии, подкреплённые вполне понятными расчётами. Окончательные выводы учёного свидетельствовали о

том, что граф Бережков, при защите своих верфей использовал небывалое по силе заклинание, по суммарной мощности, как минимум втрое превышающее показатели лучших архимагов Империи.

– Тут что? – требовательно спросил Рюмин, показывая князю на бумаги, написанные его рукой.

– Записанный мной, со слов твоего племянника и племянниц, их вариант пересказа событий. В принципе то же самое описано, но больше эмоций и абсолютно нет никаких расчётов. Я должен был проверить информацию от их наставника. Они оказались самым надёжным источником, – коротко отчитался князь, старательно избегая собственной оценки событий, описанных в бумагах.

Не дело, вылезать со своим мнением раньше государя. Зачастую одно и то же явление может иметь разные названия. Навязывать государю, пусть и повторяя выводы Шабалина, своё суждение – не лучшая затея. Правитель должен сам принять решение, без оказываемого давления и понуждений, пусть и высказанных в виде случайных оговорок или дружеских подсказок.

Существует у руководителей высокого ранга такая необходимость – порой им приходится принимать очень важные решения, а потом за них же и бороться. Зачастую, права на ошибку у них нет. Окружающие примут за слабость признание ошибки и перестанут верить в непогрешимость решений. Оттого и не торопил князь правителя. Информацию он предоставил полную, а теперь за государем слово. Решит он признать Бережкова архимагом, значит на том и будет стоять до конца.

Шабалин, в отличии от младших Рюминых, докопался таки до истины. Опытного мага графу Бережкову провести не удалось. Без тени сомнений наставник Рюминых в своей записке уверенно утверждает, что граф всё-таки пострадал при схватке с архимагом Медведевым, и в качестве источника Силы теперь пользуется новой конструкцией протеза, сходной по своему предназначению с протезами пилотов, потерявших Дар. Шабалин, со всей свойственной учёным горячностью, на три страницы расписал эпохальное значение этого открытия. Не забыл он и про перспективы. К слову сказать, изрядно зловещие. А как иначе назвать боевую звезду, составленную из магов такой же Силы, как у графа. Согласно приведённым расчётам, они за пять минут смогут целый город превратить в ледяную пустыню.

Есть над чем задуматься Императору. На одной чаше весов вековые устои Одарённых, так или иначе пронизавшие всё общество, и засилье Кланов, а на другой – могучая Империя с

непобедимой армией.

Много ли останется у него союзников, когда Одарённые осознают, что у правителя в руках появилась дубинка, способная в один миг поставить точку на жизни любого из них? Найдёт ли он понимание у своих генералов, ратующих за полное удаление магов из армии? И как ему обуздать и поставить под личный контроль могучих магов, которые позволят решительно изменить расстановку сил не только в Империи?

Одни вопросы и любой ответ грозит непредсказуемыми последствиями.

– Торопиться не будем. Вопрос нужно хорошенько обдумать. Пока обеспечь архимагу Бережкову такую же охрану, как у членов Императорской Семьи, – распорядился государь, и с изрядным недоумением увидел, как Обдорин отрицательно крутит головой, – С чем ты не согласен?

– Со сроками и охраной. Начну с первого, а второе… Там и со вторым определимся, – князь выдохнул, услышав от Императора нужные слова.

Бережков – архимаг.

Раз государь согласился его таковым признать, значит, разговор у них сегодня может интересный состояться.

– Итак, сроки. Признаюсь, твои племянницы меня в серьёзный оборот взяли. На редкость откровенно и доходчиво донесли до меня, что твоя младшенькая племяшка, Алёна, весьма неравнодушна к графу Бережкову, если не сказать большего, и не без взаимности. При этом отдельно оговорили, что ничего серьёзного между ними не было, – предупреждающе поднял Обдорин ладони над столом, заметив вскинувшегося было государя, – Определённая проблема имеется. Княжна Вадбольская, что у Бережкова в невестах, в положении, и их свадьба с Бережковым из-за беспорядков оказалась отложена на месяц. Как по мне, так Бережков, в свете последних событий, жених куда как интереснее будет, чем та нищета германская, с которой больше по традиции в твоей Семье родниться принято, чем по уму. Согласен, что родовитость у них знатно и звучно расписана, да и корольков всяких в Европе, как собак нерезаных. Есть из кого выбирать. Только вот земли в некоторых королевствах с гулькин нос, подданных кот наплакал, а в казне ветер гуляет. Зачем княжне Рюминой такое счастье? Я тут, между делом, евгеника придворного озадачил, под подписочку строгую. Ознакомься с заключением. Там, в самом конце карандашом подчёркнуто. Он аж ножонками засучил, когда результат вывел, – князь передал государю ещё один лист, и пока тот читал, промочил горло глотком вина.

– Свежая кровь. Неплохо. Даже не так. Отлично. Прогноз на редкость хорош. Только не пойму пока, зачем ты мне про Вадбольскую толкуешь и про свадьбу какую-то, – отложил государь заключение евгеника в стопку уже прочитанных бумаг.

– А ты свою племянницу второй женой видишь? Если так, то ты прав, торопиться не стоит. Алёна может и переживёт, но злые языки и острословы всякие не один год упражняться будут над столь благодатной темой. И над тобой, в том числе.

– Так, стоп. Толком рассказывай, какой план придумал и зачем, – потребовал государь.

– Коротко?

– Очень коротко. Что не пойму, спрошу.

– Архимаг и князь Бережков через месяц сыграет свадьбу, женившись сразу на двух девицах. Титул, он и в церкви титул. Имя Светлой княжны Алёны Рюминой будет названо раньше, чем княжны Вадбольской. Тем самым, она вроде, как первой женой станет считаться. Правда, наследниками первой очереди, по праву рождения, у Бережковых станут всё же дети Вадбольской. Впрочем, твоя племянница заверила меня, что с княжной у них всё оговорено и проблем не будет. В плюсах мы имеем: Клан Белозёрских в крепких союзниках, кстати, пришедший к нам на подмогу на день раньше остальных, и не высказавший никаких требований за помощь. Перспективу с появлением у Империи большого количества архимагов, каждый из которых в состоянии заменить собой чуть ли не целый артиллерийский полк. Здоровое и многообещающее потомство у Алёны Рюминой. И Защитника, способного постоять за интересы Императорского Клана на дуэли, если кому-то блажь в голову ударит. Отдельным бонусом станет вновь образовавшийся центр тяжести на Совете Князей. Слава за обоими парнями жуткая, при должном освещении, которое нам обеспечит одна твоя старая знакомая, так от них ещё и шарахаться станут, как чёрт от ладана.

– Какая ещё знакомая? – отвлёкся государь на едва заметную оговорку, позволявшую ему взять паузу.

– Баронесса одна. Кстати, дальняя родственница Бережкова. Ты её когда-то Нюсиком звал, – усмехнулся Обдорин, понимая, что разговор получился.

– Надо нам ещё одну важную вещь обсудить, – преувеличено серьёзный вид государя на какие-то секунды обманул князя, враз подобравшегося и застывшего изваянием, – Пора тебе другую должность освоить. Сваха из тебя гораздо лучшая будет, чем из княгини Юсуповой.

Не выдержав, государь фыркнул, а глядя на него неуверенно заулыбался Обдорин, понимая, что его только что разыграли.

– Ой, спасибо, государь-батюшка. Ой, радость-то какая. Сию же минуту все дела сдам, кому велишь. Балы, салоны, вечера званые. Столько дел, столько дел… – тут же нашёлся князь, и начал со вкусом отыгрывать позиции, – Подумать только, вместо подвалов и камер воньких, одна красота неописуемая. А контингент-то какой! Поле непаханое. Невесты, как яблочки наливные. Маменьки при них, чистые персики. Да я прямо сейчас… Не покладая рук и всего остального… Со всем пылом и прилежанием…

Массивные двери кабинета не смогли заглушить раскаты гогота двух мужчин. Светлели лица гвардейцев. Удивлённо таращили глаза придворные. Проворно разбегалась прислуга, разнося удивительную весть по всему дворцу.

Через час дворец было не узнать. Атмосфера угрюмой сосредоточенности исчезла. Многие улыбались, а фрейлины спешно вплетали в волосы яркие ленты. Слуги носились, как заведённые, раздвигая тяжёлые шторы с окон и сметая пыль с мебели. Ощущение прошедшей грозы, после которой выглянул первый лучик солнца.

Раз Император позволил себе смеяться, значит, дела в стране пошли на лад.

* * *

За те несколько месяцев, что я не видел Гришу Артемьева, он повзрослел. Вот так, одним словом можно описать ту разницу, которая бросилась в глаза сразу.

Болтать он стал значительно меньше, а когда представил мне своего отца, так и вовсе заткнулся. Для тех, кто Гришку знает – это просто сродни чуду.

Недоверие и скепсис, которые при встрече отчётливо читались на лице старшего Артемьева, уже исчезли. В кабинет мы прошли через сборочный цех, и многое из увиденного там стало для него откровением. Несколько раз он останавливался, а то и вовсе подходил к стапелям, с удивлением трогая рукой гладкий бок гондолы. Вид винтов так и вовсе привёл его в состояние эйфории.

Немудрено. Если уж Густавсон считает, что мы делаем лучшие винты во всей Империи, значит так оно и есть. Похвалу от него редко кому удавалось слышать.

Артемьева понять не трудно. Из-за обилия заклёпок гондолы других дирижаблей больше всего похожи на бородавочника, а у нас поверхность гладкая, и только изредка пересечена

аккуратными нитевидными швами диффузионной сварки. Понятно, что заклёпки тоже имеются, куда же без них, но все клёпаные соединения мы старательно убрали в те места, где они не влияют на аэродинамику.

Пришлось Артемьевым пообещать, что чуть позже я покажу им ещё один цех. Все наши секреты я выкладывать не собираюсь, но отчего бы не показать то, что они не смогут повторить. Ему с сыном проще вдвоём попытаться самолёт вручную с ноля собрать, чем скопировать нашу магическую оснастку.

Рассказ старшего Артемьева о неприятностях, возникших с созданием самолёта, был недолог. Ситуация у них критическая и выход он видит только в увеличении мощности мотора. Как по мне, так весьма спорное утверждение. Я уже сталкивался с проблемами лётного веса, когда мы пытались улучшить характеристики МБК, и наверняка знаю, что вроде бы незначительные изменения конструкции повлекут за собой целую цепочку усиления всех других узлов. Наряду с новым мотором Артемьеву придётся менять винт, усиливать многие крепления, увеличивать ёмкость топливного бака, колдовать с рулями и так далее. А времени на переделки, как я понял, у него нет. К тому же, мне даже на первый взгляд в созданном ими самолёте не всё нравиться. Три огромные ноздри воздухозаборников, расположенные сразу за винтом, бесконечные ряды заклёпок, сомнительный вид шасси.

– Это ваш первый самолёт? – я попытался вопросом подсказать старшему Артемьеву основную причину его неудачи.

Насколько я знаю, многие заводы уже нарывались на неприятности, пытаясь сходу освоить найденные в архивах модели различных устройств и перепрыгивая в своих попытках сразу через два-три поколения их предшественников. Казалось бы, есть проверенные чертежи, оставшиеся от предков, и большинство материалов вполне соответствуют задаче, а в итоге ничего не выходит. То технологии не отработаны, то допуски не выдержаны, то квалификации мастеров недостаточно. Вроде всего понемногу, но в итоге огрехи набирают ту критическую массу, которая не позволяет повторить достижение предков. Нечто подобное у меня вышло с дизелем в Камышине. Не примени мы там нашу оснастку, работающую на магии, так и до сих пор не получили бы работающих образцов.

– Самолёт делаем первый, но я уверен в правильности конструкции. Чертежи взяты из семейной библиотеки. У предков такой же самолёт отлично летал и считался удачной моделью, – поджал губы Артемьев.

– ВМГ полностью аналогична? – задал я вопрос, рассматривая

фотографии, сделанные с разных ракурсов.

– Простите?

– Э-э, винтомоторная группа, – поправился я, сообразив, что Артемьев не знает наш жаргон.

На верфях у нас много устоявшихся сокращений, которые мы применяем машинально.

– За абсолютную точность не поручусь, но по нашим расчётам, всё в пределах десятипроцентной погрешности.

– Попробую угадать. Каждый раз эта погрешность идёт в минус конструкции. Так?

– Не всегда, иногда процент снижения ниже.

– Это уже мелочи, – отмахнулся я от старшего Артемьева, в его робкой попытке оправдаться, – Вы уменьшаете мощность двигателя, теряете КПД винта, у вас хуже аэродинамика и взлётный вес. Вроде всего понемногу. Как вы изволили заметить, погрешность в десять процентов. И что, вы всерьёз надеетесь, что и сам самолёт станет всего лишь на десять процентов хуже, чем его аналог, который летал у предков? Как по мне, так вам вообще жутко повезло, что он вообще хоть как-то смог взлететь. Попробую объяснить проще. Ваши минусы, они накапливаются. Допустим, не суммарно. Потеряли десять процентов мощности двигателя – считайте, что ваш самолёт лишь на девяносто процентов соответствует своему историческому аналогу. Подняли взлётный вес, на те же самые десять процентов, отнимите их из расчёта тех девяноста, что только что были. Оставшийся восемьдесят один процент ещё не конечный итог. У вас хуже винт и некачественно сделана конструкция. Даже с учётом того, что сразу бросается в глаза, вы повторили аналог в лучшем случае процентов на шестьдесят-шестьдесят пять. Так что двигатель, как раз не самая большая проблема. У моих дирижаблей, если заметили, двигатели не самые мощные стоят, но гонку выиграли мы.

– Предлагаю вам долю в двадцать пять процентов, и вы за два месяца доводите самолёт до того состояния, которое от нас требует армия, – скрипнул зубами Артемьев-старший, решительно рубанув воздух ребром ладони.

– Крайне сожалею, но мы с вами по разную сторону баррикад. Отчего-то существует мнение, что самолёты – это могильщики дирижаблей. А я, как видите, под дирижабли верфи построил, и целый посёлок. Кроме того, мне постоянно не хватает времени даже для собственных дел, а двадцать пять процентов прибыли, которая неизвестно, когда ещё будет…

– Двадцать пять процентов в доле предприятия, если вы берётесь доводить до ума все последующие модели, – перебил

меня Артемьев.

– И много их у вас?

– Восемнадцать.

– Ничего себе! – я вполне искренне восхитился грандиозностью поставленной задачи, – На всю жизнь работы хватит.

– Совсем не обязательно, что все восемнадцать моделей окажутся востребованы. Впрочем, если желаете, покажу вам своего любимчика. Собственно, из-за него я и проникся когда-то идеей создания самолётов, – Артемьев полез в объёмистый портфель и вытащил оттуда папку, внутри которой оказался старинный рекламный буклет, с пожелтевшими от старости страницами.

Один вид его обложки, с фотографией необычного самолёта, заставил моё сердце биться намного чаще.

BD-5.

Самый миниатюрный самолётик, который я видел в своей жизни. Двигатель, всего лишь в семьдесят лошадиных сил, и выдающиеся лётные характеристики, указанные рядом с фотографией.

– Крылья не маловаты?

Как и все мальчишки, я в детстве увлекался моделями самолётов. Даже второе место как-то раз занял на соревновании резиномоторных моделей, проводимых в лицее.

– У меня есть чертежи этой же модели с более длинным крылом и менее мощным мотором, – усмехнулся искуситель, без труда поняв, что я по самые жабры заглотил наживку, – Что интересно, цена у такого самолётика копеечная будет, а оцените, какая обзорность из кабины отличная.

– Толкающий винт. Помнится, мне что-то попадалось с ним связанное. Точно. Проект оригинальной летающей танкетки-штурмовика Москалёва «ЛТ» с мотором М-11. Мотор за кабиной, толкающий винт, двухбалочный хвост. Две пушки, два пулемёта и четыреста килограммов бомб, – на автомате выдал я детальную информацию и замолчал.

Опять мой предок-Сущность шутки шутит. Ни про какого Москалёва я сам ничего не знал. Как не знал никогда и про недорогую модель штурмовика, которая легко могла бы конкурировать с куда более сложным легендарным ИЛ-2. Заодно и обходилась «ЛТ» более простым и неприхотливым двигателем М-11, которые тогда выпускались тысячами. Да сейчас на многих дирижаблях стоит этот же мотор, доставшийся от предков по наследству.

– Извините. Предлагаю вам передохнуть несколько минут и

выпить кофе. Мне нужно переговорить с партнёрами, а потом мы продолжим, – неловко свернул я разговор.

Пласт только что полученной информации оказался большим, и мне требовалось время, чтобы немного очухаться и оценить новые сведения. Стоит заметить, что я потихоньку адаптировался к таким вот фортелям Сущности, и удар по мозгам теперь воспринимаю не так остро, как раньше.

Оба моих партнёра занимались любимым делом. Они курили, даже не потрудившись приоткрыть форточку. Я совсем было собрался скривиться, но неожиданно обнаружил, что запах дорогого табака, со знакомым ароматом вишни, меня не раздражает.

Совсем вылетело из головы, что вчера у нас в посёлке открылась лавка купца Киякина. Понятно теперь, откуда у завзятых курильщиков появился приличный табачок.

Усевшись в свободное кресло, я пересказал суть своего разговора со старшим Артемьевым. Отчего-то партнёры сконфузились, а Густавсон затем и вовсе закашлялся.

– Признаться, мы хотели сюрпризец сделать, – начал было он, но снова ожесточённо заперхал, и жестами передоверил продолжение разговора Усольцеву.

– Теплообменники заработали, – начал было техномаг, но наткнувшись на мою вопросительную гримасу, пояснил, – Избыточное тепло двигателя можно преобразовывать в магию.

– Теперь понятно, отчего кое-кто от меня всё время после прилёта прятался, – вспомнил я манёвры Густавсона на лётном поле, – И сколько магии можно выжать теперь?

– Семь с половиной процентов от теоретической мощности топлива не напрягаясь, и под двенадцать, если всерьёз озадачиться. Но не это главное. Вот, – Усольцев осторожно поднял со стола невзрачную полупрозрачную пластину, держа её за края двумя пальцами, – Больше никаких стеклянных колб. Только теплообменник и керамика с напылением, как в «Медведях», для приведения магии к необходимым параметрам.

– А без керамики? – поморщился я, заранее представив себе сложности с организацией ещё одного производства.

– Напрямую с металла сложно снять тепло. Линейные расширения материалов разные. А прочную керамику мы на плавающие крепления поставим. Я уже с новосибирцами договорился. Обещали, что керамику любого размера выпекут, если мы им формы дадим.

– Понятно. Ну что, пойдёмте с Артемьевыми беседовать? Про магию пока ничего не говорим, – поднялся я с места, заметив, что партнёры закончили курить.

– Я бы ещё и о доле поторговался, – проворчал Густавсон.

– Да Бога ради, кто же мешает, – отозвался я уже на ходу, – Тогда вам и беседу вести.

Впрочем, в беседе я поучаствовать толком не успел. В кабинет ворвался Степан и сообщил, что к нам на посадку заходят два десантных дирижабля.

– Извините, господа. Вынужден вас покинуть. У нас с графом Игнатьевым намечена небольшая операция, – откланялся я и поспешил на лётное поле.

Ещё до отлёта Киякина майор пожаловался мне, что никак не может проверить пару подозрительных мест, где, скорее всего, скрывается приличный отряд заговорщиков. Несколько дней назад они обстреляли воинский эшелон, а до этого дважды пытались захватить одну из станций. Игнатьев хотел привлечь моих егерей, но тут я сообразил, что у меня есть вариант получше.

На следующее утро, проводив купца, я нашёл Петрова с Сидоровым. Самое смешное, что они и у меня оказались под теми же фамилиями.

– Ну что, орлы. Есть у меня задача по вашему профилю. Зря неволить не стану. Можете отказаться и отбыть сторожами на элеватор. Нет, не хотите? – поглядел я на двух насупившихся мужиков, ещё не сообразивших, как себя вести, – Тогда прошу к карте. Где-то здесь может располагаться вражеский отряд, численностью примерно в сотню человек. Могу вам дать с собой неплохую рацию и всё что нужно из оружия и обмундирования. Надо найти базу и сообщить о ней майору Игнатьеву. Вопросы есть?

– На чём мы спалились?

– На злопамятном старшине, которого в каптёрке на ночь закрыли, – выдал я обтекаемый ответ, не предполагающий участия Киякина.

– Поход к хунхузам, – хлопнул себя по лбу Петров, после продолжительного размышления.

– Точно. Значит, всё-таки одеколон. Говорил же я тебе, что по этому «Шипру» старшина нас унюхать может, когда его у столовки поутру увидел.

– Вот тебе и продукт двойного назначения. «От таёжного гнуса помогает и общению с неискушёнными селянками благоприятствует», – передразнил Петров неведомого мне продавца известного среди военных одеколона, обладающего весьма специфическим и свирепым запахом.

– Раз других вопросом нет, то вперёд, к майору Игнатьеву на постановку задачи, – скомандовал я, избавляясь от двух матёрых

диверсантов.

Судя по вызванному через сутки десанту, Петров и Сидоров с задачей справились.

Приехал я на поле вовремя. Дирижабли ещё стыковались к мачтам, и мы с Игнатьевым чуть отошли в сторону, чтобы поговорить без посторонних.

– Граф Бережков, Олег Игоревич? – подбежал к нам молодцеватый фельдегерь, придерживая хлопающую по боку планшетку.

– Он самый. Как догадались?

– Узнал. У сестрёнки полкомнаты вашими фотографиями завешано.

– Хм, неожиданно, – признался я, под улыбку майора.

– Распишитесь в получении.

Пакет, с сургучными печатями выглядел пугающе солидно. Извинившись, я отошёл в сторону и вскрыл его.

– В столицу вызывают, – поделился я новостью с Игнатьевым, когда вернулся обратно.

Глава 42

– А вы изменились граф, и повзрослели, – оторвался от бумаг князь Обдорин, когда я появился у него в кабинете.

Вот как они это определяют? Мне Дарья то же самое сказала, когда провожала в столицу. Я не поленился, и пока мы летели, хорошенько рассмотрел себя в зеркале.

Да, немного осунулся. Пара морщинок наметилась, чуть обозначившись едва заметными линиями. Моя извечная смешливость исчезла с лица, а выражение беззаботности сменила сосредоточенность. На первый взгляд отличия минимальные, впору под микроскопом разглядывать, но похоже это мне одному так кажется.

Ладно бы у себя в посёлке я заметил, как ко мне отношение поменялось. Там, пожалуй, никого не осталось, кто бы на «графскую дорогу» не сходил.

Представляете, ко мне как-то целая делегация заявилась. Предложили «графскую дорогу» оставить вместо планируемого памятника, а подъезд к посёлку заново провести, в обход того места, где колонна грузовиков стояла. Если что, то я «Щуку» хотел на въезде в посёлок изобразить на этаком помпезном постаменте, а мои оппоненты… Да, да, имеются у меня такие, настаивали на «Сапсане», мотивируя своё желание увековечить достижение наших верфей на Императорских гонках.

И вот на тебе, третий вариант, который с каждым днём набирает всё больше и больше сторонников. Перенести въезд в посёлок, чтобы каждый проезжающий мог видеть тот лунный пейзаж, который я оставил своей магией вместо старой дороги. Бывшая дорога немного пострадала, куда уж без этого. Ямки там появились. Небольшие такие. Как по мне, так на кратер вулкана ни одна из них не тянет, так что пусть не врут. Разве что в самом центре этого безобразия их чуть больше и глубина у них солидная, так по весне там озерцо появится и легко всё скроет. Короче, так себе достопримечательность. Зря я конкурс на лучший памятник объявил. Хотел, чтобы все поучаствовали, а мне теперь чистое непотребство подсовывают. Может, кому из гостей даже не захочется после увиденного в посёлок заезжать. Я бы точно задумался, стоит ли мне к такому монстру в гости ехать. Вдруг он не одним ландшафтным дизайном увлекается.

– Надеюсь, все мои письма и посылки до вас в целости дошли? – почтительно поклонившись, задал я князю весьма немаловажный вопрос.

Едва заметным жестом он махнул мне на ближайший стул.

Раз приглашают, уселся.

– Графа вашего не смогли допросить. Он по дороге в госпиталь умер, – чуть поморщился Обдорин.

Хорошая новость, хоть и ожидаемая. Наша целительница вовремя предупредила, что с заражением крови ей не справиться. Значит, не доехал обмороженный граф Михайлов до столичных эскулапов. Сейчас только мы со Степаном знаем о существовании тайника, оставшегося от покойного князя Куракина.

– Жаль. Так и не успел с ним поговорить. Теперь и узнать не у кого, ради чего он напасть на нас захотел, – сокрушённо покачал я головой.

– Неужели времени не нашлось? – прищурился князь.

– Меня после боя так выключило, что я даже гостей не смог проводить, а утром графа уже к вам пришлось отправлять, – поделился я с князем той частью событий, которая была мне удобна.

Так уж вышло, что я графа Михайлова увидеть не смог. А то, что Степан с нашим пленником успел плотно пообщаться, князю знать необязательно. Обдорин тоже частенько меня втёмную запускает и делится далеко не всей информацией, даже касающейся меня лично и не представляющей особой государственной тайны. Впрочем, где я и где Обдорин. Имеет князь право на тайны. А я – на трофеи. Граф Михайлов толком не успел рассказать Степану, что в тайнике спрятано. Пока объяснял, как ловушки обойти, у него «бензин закончился», по образному выражению моего друга. Потерял Михайлов сознание и так в себя до отлёта и не приходил больше.

– Наставника Рюминых вы к себе сманили? – сменил тему князь, что-то кивком отметив в моём ответе.

– Если мы про Шабалина говорим, то я предложил ему переехать ко мне, когда у него контракт закончится, – осторожно согласился я с общим смыслом вопроса, немного поправив формулировку.

– Он получил разрешение на досрочное расторжение контракта, – чуть заметно усмехнулся князь, давая понять, что ему его версия случившегося нравится больше, – Но спросить я вас хочу не о Шабалине. Как вы отнесётесь к тому, что вместе с Шабалиным к вам прибудет один из его давних учеников. Некто, Пётр Шепелев.

Если Обдорин рассчитывал увидеть отражение каких-то эмоций на моём лице, то он просчитался. Ни про какого Шепелева я никогда не слышал. Не было у меня времени для выслушивания светских сплетен и чтения журналов, посвящённых жизни бомонда. Пришлось просто пожать плечами.

– Полагаю, они оба взрослые люди и могут иметь право на самостоятельные решения, – постарался я заранее откреститься от любой попытки свалить на меня вину за чьи-то действия.

– Если бы. С самостоятельными решениями у Шепелева проблемы, – отчего-то вдруг развеселился князь, – В том-то и дело, что Шепелева вы можете получить только под личное поручительство.

Я всем своим видом изобразил почтительное внимание, ожидая разъяснений.

– За примерное поведение дальнейший тюремный срок может быть заменён ему на ссылку. Без права покидать указанное ему место проживания раньше окончания срока. Ходатайство о смягчении наказания тот же Шабалин может написать, но без вашего согласия толку не будет. Кто-то же должен приютить преступника, вставшего на путь исправления, – последние слова Обдорин произнёс достаточно ехидно. Похоже, в исправление неведомого мне Шепелева он ни разу не верит.

– А я могу отказаться? Как-то с уголовниками у меня отношения не складываются, – напомнил я князю один из эпизодов своей жизни.

– С уголовниками? А, ну да. Пришлось ему подходящую статью найти, – откинулся князь на спинку кресла, и глянул в потолок, словно припоминая что-то, явно не обошедшееся без его участия, – За шантаж его посадили. Девицу одну, прилюдно его оскорбившую, чересчур активно начал склонять к противоестественной связи. Братца её на дуэль вызвал, и убить пообещал, если она ему не отдастся по всякому. На этом его и взяли.

– Ну, и зачем мне такой шантажист нужен?

– Да забудьте вы про статью. Не за то его посадили. Шепелев ваш записной бретёр. Крайне удачливый, должен заметить. Шестнадцать заказных магических дуэлей за один только год, и все заканчивались крайне позорно для его соперников. Убивать он, как правило, отказывался, зато гнусность какую сотворить, всегда был рад. Кому лицо сплющит, да так, что ни один целитель не берётся первоначальный облик восстановить, кого с мокрыми штанами оставит, если того не хуже. Остальное и упоминать не буду. Сами узнаете.

– Я так понимаю, что назвав этого бретёра моим, вы мне дали понять, что шансов на отказ у меня нет?

– А зачем они вам, эти шансы? Отказаться, допустим, вы можете. Особенно в том случае, если меня убедите, что у вас не хуже Шепелева специалист по дуэлям имеется. Понимаете, надеюсь, что одно дело по полю со всей дурной силой

приложиться, и совсем иначе всё на дуэлях происходит. Там свои приёмы, законы и правила. Для вас же лучше будет, если у вас учитель появится, который не раз наипервейших поединщиков на колени ставил. Хочу заметить, не из самых слабых Кланов соперники у Шепелева были, – довольно равнодушно ответил князь, что само по себе было странно, в свете допущенных им оговорок.

Такое впечатление, что своими вопросами я его отвлекаю на разъяснение незначительных деталей, не давая перейти к чему-то более важному. Но тут уж, как говорится, каждому своё. Мне, к примеру, вовсе не улыбается заиметь под боком опытного бретёра, да ещё и поселить его около себя надолго. Отчего-то кажется, что проще в лесу волка поймать и вместо собаки его во дворе держать. Безопаснее как-то.

– Службу безопасности стали интересовать дуэли? – я решил рискнуть и немного расшевелить князя неудобными вопросами, и кажется, угадал. Маска равнодушия на лице Обдорина дала трещину.

– Служба безопасности занимается безопасностью, и не просто какой-то эфемерной и всеобщей, а только той, ключевой, которая связана с интересами государства. Так понятно?

– Про безопасность – да, про дуэль – нет.

Наглею. Впрочем, с моей точки зрения, справедливо. Князь пробует навязать мне опасного незнакомого человека, да ещё и желает, чтобы я поручительство за него дал. Ещё и какими-то дуэлями угрожает. Нет уж, так дело не пойдёт. Пусть объясняется.

– Как я понимаю, вы не считаете факт появления архимага вашего возраста чем-то необычным? Если это так, то тогда наш государь ошибся, когда поручил мне решить все вопросы, связанные с вашей охраной. Именно вопросы. Обычной охраной не обойтись. Мои специалисты полагают, что в ближайший год у вас больше всего шансов погибнуть на дуэли. От неё вас и десяток телохранителей не спасёт.

– Я думаю, что опасность дуэли слегка преувеличена, как и моё никем не подтверждённое звание архимага.

– Думать можете, что угодно, лишь бы это не сказалось на выполнении распоряжения Императора, – врубил князь «служаку».

Быстро он личины меняет. Вот только образ ретивого и в меру туповатого исполнителя приказов Обдорину не к лицу, да и сама по себе эта его позиция слабовата, что я сейчас и попробую князю доказать.

– Так доведите же до меня полный текст распоряжения государя нашего. Что мы вокруг да около ходим, раз есть

принятое решение.

Недобрый взгляд резко замолчавшего Обдорина обещал мне много чего, и это точно были не плюшки с мёдом.

Хотя, опыт и тут дал о себе знать. Князь чуть покрутил головой, расстегнул верхнюю пуговицу тугого воротника, и тяжело положив на стол сжатые в кулаки руки, уставился на меня тяжёлым немигающим взглядом.

Взгляд князя я выдержал, что ему очень не понравилось. Как по мне, так детство какое-то. Помню, девчонки в младших классах в такие же «гляделки» играли, а тут мы, два взрослых мужика… Меня это точно с серьёзного настроя сбивает. Чуть на смех не пробило.

– Что-то я не пойму, граф, с чего вдруг у вас такое неуважение к имперской службе безопасности появилось? – ещё раз сменил маску Обдорин, вольготно откинувшись на спинку кресла.

Ага. Этакий добрый дядюшка. Ни разу не обеспокоенный недавними событиями, и тон выбрал такой, словно он состоянием моего здоровья интересуется.

– Полноте, Ваше Сиятельство. Как можно не уважать того, чего нет, – чуть завёлся я, – Могу по пунктам разъяснить. Про заговор я вас предупредил. Императора и его Семью мне пришлось спасать. Куракин, Михайлов, переброска войск под Рязанью, архимаг Медведев, и просто «Медведи». Признаюсь, нет у меня уважения к имперской службе. Одни сплошные недоработки, которые меня лично коснулись, и мне же пришлось их исправлять. Дорого и болезненно.

Пока я говорил, лицо князя сначала закаменело, а потом и вовсе покрылось нездоровым багрянцем.

– Мальчишка! Не много ли ты о себе возомнил?! Да одно моё слово, и тебя в порошок сотрут! Дорого ему промахи службы встали! Пострадал он! Я, за тебя, перед Императором чуть ли не сватом выступаю, а ты копейки считать удумал! Вернут их тебе, можешь не сомневаться. И с Даром своим, потерянным, ты нисколько не прогадал, – сорвался Обдорин в крик, и я понял, что переборщил. Хотя одним махом узнал много интересного.

Князь, после прошедшего заговора, и так не лучшим образом выглядит. Мешки под глазами, следы недосыпа. Наверняка измотан и весь на нервах, а тут я ещё с обвинениями. Вроде и цели добился, узнал больше, чем мне бы сказали, но как-то некрасиво получилось. Князь, как мне думается, редко лицо теряет, и уж тем более, на ругань срывается.

– Не понравилось, Ваше Сиятельство? Поверьте, мне тоже не нравится, когда меня, ничего не объяснив, начинают к дуэлям

готовить. У вас свои игры, может они и занятные, но у меня дел слишком много. Мне умирать некогда, а знать, о чём вы говорите, крайне необходимо. Так что, пришлось чуть ужесточить вашу же методику, с помощью которой вы не так давно из меня вытянули гораздо больше, чем я хотел рассказать. Прошу меня простить, но надеюсь, вас утешит изречение о том, что молодость беспощадна?

Обдорин заметно сыграл желваками. Он привык, что одно только название его службы вызывает трепет. По крайней мере, у тех, кто титулом ниже. Под такую роль у него и жесты отработаны, и маски тщательно выверены. Всё ради того, чтобы собеседник даже юлить не вздумал, и уж тем более не надеялся сам разузнать что-либо.

Взбеленился же князь от того, что услышал упрёки, адресованные к возглавляемой им службе. Не сказать, чтобы совсем несправедливые, но кто бы ещё стал учитывать интересы всякой мелочи, когда на кону стоит судьба Империи.

Оказалось, что это всего лишь хитрый приём. Один из тех, на которые он и сам горазд.

Вроде того, что когда ты сам людьми манипулируешь – это мастерство, а когда тебя в такой же оборот взяли, то отчего-то обидно становится.

Можно бы и посчитаться. Возможностей у него, как и у любого чиновника его уровня, больше, чем достаточно.

Тут Обдорин вздохнул.

Согласно «Табели о рангах» его пост относился к первому классу. В надежде на приватную беседу он сам позволил Бережкову обращаться к нему по титулу, как к князю, а не как к чиновнику, а потом, когда сорвался, ещё и на «ты» перешёл. Вроде, мелочи. Но по мелькнувшей усмешке графа не так сложно понять, что он неспроста к нему вроде как с неофициальной беседой явился. Самое смешное, что он, Обдорин, эту неофициальность как бы и сам признал. В тот самый момент, когда не поправил графа при его обращении. На службе к нему иначе положено обращаться. Для чинов его класса – Ваше Высокопревосходительство. Так что, вызови теперь его граф на дуэль, в ответ на его «тыкание», и что потом? Будь он на службе, у Бережкова бы и шансов не было. Как любому государственному служащему, ему вызов не грозит. Законом запрещено. Но поскольку общение у них приватное было, то, теоретически, граф в своём праве.

Отчего теоретически?

Допустим, не все претенденты, вызывающие высокопоставленного сотрудника спецслужбы на дуэль, отличаются крепким здоровьем.

Иные так волнуются, что у них то сердце откажет, а то они и с окна выбросятся, пока день дуэли дожидаются. В девяти случаях из десяти, дуэль на том и заканчивается.

Архимаги, правда, пока в таком списке не числятся. Оттого и не понятно, кому из них сейчас больше бояться стоит. Начальнику имперской спецслужбы, или новоявленному архимагу.

Обдорин на секунду прикрыл глаза, пытаясь вспомнить, когда он последний раз держал в руках шпагу. Года два-три назад, или четыре. Чёрт. И не упомнишь. Вроде, выдохся он тогда быстро, хотя тренер из элитного клуба и пытался ему подыгрывать. Отчего шпага? Так понятно же, что стреляет он не очень, а выходить на магическую дуэль против архимага…

Надо же, что называется – прилетело, откуда не ждёшь.

Как у любого опытного чиновника, у Обдорина был подготовлен целый ряд подходящих кандидатур, недоработками которых всегда можно объяснить тот или иной промах. Беда в том, что граф его не станет слушать. Парень сам не прост, и многие ухватки перенимает сходу.

– Ладно. Давайте начнём всё ещё раз, заново, – князь нажал кнопку звонка, и посмотрев на подобравшегося графа, явно ожидающего от него какую-то пакость, усмехнулся и велел принести кофе, – О чём у нас пойдёт речь, вы поняли. Теперь можем поговорить о том, чего от вас ожидают. И да, обращайтесь ко мне Ваше Превосходительство. Итак, не объясните ли мне, с чего вы вдруг отношение ко мне поменяли? Явно же не из-за глупых претензий к службе безопасности.

Ответил я не сразу. Дождался кофе, и ещё раз подумал, стоит ли мне рассказывать, как его служба чужое горе в деньги превратила. Наверное, стоит. Иначе врагами разойдёмся.

– Знакомое лицо с утра в банке заметил, – пробурчал я, не глядя на князя и терзая кофейную чашку, – Один из тех, кто был в числе постоянных клиентов камышинского «весёлого дома» оказывается, вовсе не на каторге находится, а вполне себе в столице благоденствует. Так что до визита к вам я ещё двоих успел проверить, из тех, кого запомнил и кто в переданных вам протоколах значился. Представьте, у них тоже всё в порядке. Остальные, я полагаю, так же лёгким испугом отошли?

– Надо же, какие порой жизнь выкрутасы выписывает, – хмыкнул Обдорин, покачав головой, – Представляю теперь, какого вы обо мне мнения, граф. Попробую объясниться, хоть я и не обязан это делать.

От Обдорина я выскочил через час.

Не скажу, что расстались друзьями, но, по крайней мере, хотя

бы не врагами. Более того, в какой-то момент мне удалось донести свою точку зрения относительно моего будущего, и князь её услышал.

Первым делом я поехал на свою съёмную квартиру. Мне нужно было поменять рубашку, принять душ и переодеться перед визитом в полк. Там сегодня пилотов награждать будут.

Тяжёлый разговор у меня получился с князем. Не знаю, как он, а я изрядно вспотел. Рубаху хоть выжимай. Да и перекусить надо, а то знаю я эти награждения. Пилоты пока награды не обмоют, не успокоятся.

В съёмной квартире меня встретили горничные. Хорошо, что все они тут, кроме Оксаны, которая прижилась в посёлке, вполне прилично освоив работу секретарши.

Управившись с душем и кормёжкой, я усадил девушек за стол. Есть мне, что им предложить, помимо чая с эклерами.

– Итак, солнышки мои, в ближайшее время всех нас ждут перемены. Начну с того, что скоро у меня свадьба, и скорее всего после неё я вряд ли буду появляться в этой квартире. Для вас у меня есть одно интересное предложение. Двадцати девочкам, в возрасте от шести до десяти лет нужны воспитательницы. Зарплату платить стану больше, чем у вас сейчас. У каждой воспитательницы будет своя комната и раз в месяц получите неделю отпуска. Жить будете недалеко от своего города, ехать до него часа четыре. Ваше дело только следить, чтобы дети были чистыми, опрятными и накормленными. Учителей я найму отдельно, а если нужно, то и повара найду.

– Повар не помешает, – кивнула Марина, которая после отъезда Оксаны явно лидирует среди оставшихся горняшек.

– Вы пока подумайте, а я схожу в кабинет, и вскоре вернусь.

– Так что думать-то, барин. Деньги хорошие, работа хоть как приличнее, чем у горничной, опять же неделя отпуска есть, чтобы домой съездить, родню проведать. Согласны, девочки? – повернулась она к подругам, которые заранее кивали, пока она перечисляла преимущества.

Мда-а… Вот тебе и высокие чувства… Практичные девушки перебрались в Касимов из окрестных сёл и деревень. Больно уж легко они променяли меня, такого всего из себя замечательного, на нормальную достойную работу. Обидно, чёрт подери. Зато и иллюзий никаких не осталось. Оказывается, у меня с горничными вполне современные отношения сложились. Не обременён наш послевоенный мир излишними моральными принципами. За что платишь, то и получаешь.

Чтобы не показать своего разочарования, я предпочёл скрыться в кабинете. Давно свежую прессу не читал.

Надо заметить, что газеты у нас в стране крайне специфические. Редакторы прекрасно знают, что русский народ – самый профессионально читающий между строк, и пишут статьи с поправкой на своего национального читателя. Русские читают и ухмыляются, а иностранцы искренне недоумевают, читая весьма посредственную статью, изложенную с непонятными для них намёками, выраженными не совсем привычными словами.

Две статьи всё-таки зацепили моё внимание. В первой читателей подводили к мысли о том, что недавний заговор был интересен лишь капиталистам и Кланам, где была сильна такая составляющая, а во второй, весьма полемической статье, моё внимание привлекли рассуждения о Боге и магии. Больно уж гладко у автора, Тульского митрополита, получилось, что магию дал людям Бог, указав им иной путь развития, и то, что мы опять скатываемся на старый путь, есть ошибка и грех великий.

Отметив про себя, что такой союзник мне пригодится, а на его доводы можно вполне обоснованно ссылаться, я на минуту задумался.

Митрополит считает, что Бог дал людям ещё один шанс, позволяющий в корне изменить жизнь целой цивилизации, но люди к магии не приложили и тысячной доли тех усилий, которые когда-то потратили на развитие техники.

Отдельно поставлен вопрос о мирном применении магии. Очень знакомое словосочетание. Когда-то предки про мирный атом так рассуждали, а в итоге произошла война, поставившая всё человечество на грань уничтожения. Как бы с магией всё таким же образом не вышло. Слишком уж изобретательными люди становятся, когда дело доходит до уничтожения себе подобных.

* * *

Награждение пилотов проходило в главном зале Офицерского Собрания.

У входа меня встретил майор Игнатьев, прилетевший в столицу вместе со мной на моём дирижабле.

– Натворили твои бойцы дел. Весь штаб на ушах стоит. Как бы из-за них награждение не задержали, – «порадовал» он меня, пока слуги принимали у меня верхнюю одежду.

– А что с ними не так?

– Форма. Все, как один, заявились в егерских костюмах и этих твоих красных беретах. Представляешь, как они среди гвардейцев в парадных мундирах будут смотреться?

– Хм-м… А отчего они свою старую форму не одели?

– Так они же не в запасе, а в отставке. Это запасники имеют право одеть форму с «погашенными» погонами.

Я тут же вспомнил преподавателей из Академии. Когда они в форме, то погоны у них пересекает полоса материала противоположного цвета. У штабс-капитана, например, это серебряная поперечная полоса на общем фоне золотого погона.

– И что теперь?

– Полчаса назад в имперскую канцелярию личное распоряжение государя пришло. Сейчас они там в срочном порядке переоформляют все наградные листы. В запас твоих отставников переводят, с присвоением им внеочередного звания, но ты пока молчи. Пусть это для них сюрпризом станет. То-то государь порадуется, когда их лица увидит. Он же их всех лично знает.

– А с формой как же?

– Да когда бы они успели её подготовить. Теперь пусть до конца вечера в красных беретах щеголяют.

– Так, а мне где пристроиться? – оглядел я зал, заполненный гвардейцами. Они уже построились, но пока никто не тянулся, и зал наполнял ровный гул негромких разговоров.

– Зачем пристраиваться. К своим пилотам встань, рядом с капитаном, тьфу ты, уже с майором запаса, – многозначительно подмигнул мне Игнатьев и подтолкнул меня к группе пилотов, заметно выделяющихся на общем фоне.

Ох, чую, не про все сюрпризы он мне рассказал…

Подошёл к своим. После приветствия, капитан, он же будущий майор запаса, с улыбкой протянул мне красный берет. Я надел знакомый головной убор не раздумывая. Символично получилось, жаль только, что не все это способны понять и оценить. Не стану же я рассказывать, что сейчас мы, стоящие в красных беретах, все, как один, магические инвалиды. Без «протезов» мы ни разу не маги. Так что стоим, смотрим и радуемся.

Уже знакомая мне процедура награждения наконец-то подходила к завершению. Пока ещё награждали орденами, но уже на столах появились и подносы с медалями. Во время образовавшейся паузы я вдруг услышал свою фамилию.

Ха, мне вручили маленькую золотую медальку с уже знакомым названием. Опять за спасение членов императорской Семьи. Едино, что я не понял, так это восторженное выражение на лицах свиты и фразу Императора.

– Граф, загляните ко мне завтра, во время утреннего приёма, – сказал он мне, вручая награду.

– «Ну, а чего не заглянуть-то. Пойду завтра с утра в булочную, да и заскочу по дороге, между делом, чего мне стоит», – поржал я про себя, возвращаясь в строй.

– Граф, покажите наградной лист, – чуть слышно прошептал наш майор запаса, когда я встал рядом с ним.

Я развернул лист так, чтобы он смог прочитать, что там написано.

– Какой номер? – тут же зашипели их строя сразу несколько голосов.

– Третий, – громко выдохнул майор запаса.

Чуть опустив глаза, я и сам смог разглядеть, что моя медаль на наградном листе обозначена под номером 003.

– Ух ты… Поздравляем… Здорово… – долетели до меня поздравления пилотов.

Да что происходит-то?

Пилоты своим орденам и званиям так не радовались, как этой моей медальке.

Искоса поглядывающий на меня майор едва сдерживал улыбку, без особого труда определив, что я добросовестно не понимаю причин восторга.

– По вопросам государственной важности теперь можете проходить на приём к государю без очереди, – шёпотом подсказал он мне, – Медаль со вторым номером у князя Обдорина-Тверского, а первый номер его отцу покойному был пожалован.

Слегка ошалев от полученного бонуса, я огляделся по сторонам и заметил, что очень многие пилоты поглядывают в мою сторону. Новость волной расползалась по шеренгам гвардейцев, и количество заинтересованных взглядов постоянно росло.

После награждения все мы попали в цепкие лапы целой толпы журналистов. К счастью, знатоков редких наград среди них не оказалось, и моя медалька, на фоне ярких и нарядных орденов, просто потерялась.

Бочком-бочком, и вот я уже скрылся за спинами рослых пилотов, пытаясь вдоль стены незаметно пробраться в банкетный зал.

– Ой, – кто-то тоненько пискнул у меня за плечом, когда я обходил одну из колонн, бдительно отслеживая перемещение по фойе основной группы пишущей братии.

– А, – повернулся я на писк, почувствовав, что под ногой у меня что-то хрустнуло, – Что вы тут делаете?

Симпатичная миниатюрная брюнетка терзала в руках несоразмерно большой фотоаппарат, с прицепленным к нему блином фотовспышки.

– Пытаюсь затвор взвести, а тут плёнка заела. Рычажок перемотки только до средины доходит, – она закусила губу и ещё раз попробовала перемотать плёнку на следующий кадр.

– Видимо плёнку перекосило, или перфорация порвалась, – поделился я с ней своим скудным опытом освоения фотодела. У меня на дирижабле плёночный фотоаппарат тоже с трудом прижился. Пришлось изрядно помучиться, прежде чем первые приличные снимки получились.

– Ещё и ручку куда-то дела, – обеспокоенно прошипела девушка, бросив фотоаппарат, и встряхивая маленькую сумочку, из которой почти наполовину высовывался большой новенький блокнот.

Глянув себе под ноги, я увидел расползающееся из-под ботинок чернильное пятно, и уже понимая, что там недавно хрустнуло, сделал полшага назад.

– Моя ручка! – кинулась девушка к обломкам изящной самописки.

– Постойте. Испачкаетесь ведь, – успел я ухватить её за руку, прежде чем она дотянулась до обломков.

Девушка выпрямилась, печально глянула на остатки ручки, для чего-то подёргала ещё раз рычажок фотоаппарата, и уронив своё лицо мне на грудь, довольно громко зашмыгала носом, вздрагивая худенькими плечами.

– Ну что вы. Никаких не решаемых проблем нет. Плёнку мы сейчас перезарядим. Ручку я вам свою подарю. Пять минут, и вы снова готовы к бою, – попытался я успокоить девушку, глядя ей в макушку.

– Первое же задание провалила. Единственный пропуск на всю редакцию. Кое-как выпросила… – донёсся до меня её голос, и шмыганье опасно участилось.

– Пойдёмте в банкетный зал. Надо же нам где-то с вашей техникой разобраться.

– Нам сказали, что в банкетный зал журналистов не пустят.

– А мы незаметно прокрадёмся. Может нас никто и не задержит, – продолжил я успокаивать начинающую журналистку, при этом отчаянно маяча графу Игнатьеву, чтобы привлечь его внимание.

– Граф, не поможете нам найти где-нибудь свободный стол. Девушке нужна помощь с ремонтом фотоаппарата, – кивнул я подошедшему Игнатьеву на начинающую журналистку, которая отвернувшись от нас, приводила себя в порядок с помощью платка и зеркальца.

Граф что-то попытался объяснить мне, выразительно подняв брови и показывая на девушку взглядом, но я лишь плечами

пожал, скорчив соответствующую гримасу.

– Пройдёмте в малый банкетный зал. Там пока свободно, – знакомо грассируя, предложил Игнатьев, – Светлана Николаевна, да полноте вам.

– Мы знакомы? – удивилась журналистка, невольно подпадая под обаяние Игнатьева, уже успевшего предложить ей руку.

– Меня вам летом на балу у градоначальника представляли, но я прекрасно понимаю, что в тот вечер я был далеко не в первом десятке тех, с кем вас знакомили. Присаживайтесь, а я пока схожу, насчёт шампанского распоряжусь, – Игнатьев галантно усадил девушку за столик в небольшом зале и проходя мимо меня, шепнул, – Второва.

Ага. Не простая фамилия. Николай Второв, один из богатейших людей России. Как говорится, владелец заводов, газет, пароходов, а заодно и Сибирского торгового банка.

Я, может, в аристократических родословных плохо ориентируюсь, зато деловыми кругами страны плотно интересуюсь. Промышленника и финансиста Николая Второва я хорошо запомнил, заинтересовавшись не так давно одним из его предприятий. «Электросталь» выпускает практически все марки стали, которые мне необходимы, причём многие жаропрочные сплавы и ту же шарикоподшипниковую сталь они производят практически монопольно.

– Давайте вашу камеру. Надеюсь, вы ничего особо ценного снять не успели, а то мне придётся искать тёмную комнату и возиться в полной темноте с незнакомым аппаратом, – немного покривил я душой, заметив, что фотоаппарат у неё той же марки, что и у меня на дирижабле, разве что модель новее и дороже.

– Ничего там нет стоящего. Один только снимок успела сделать, а на втором он сломался, – снова пригорюнилась начинающая журналистка, – Сейчас все герои разбегутся, а потом и нас попросят отсюда.

– Зачем вам так много героев, если один из них рядом с вами? – поинтересовался я, вытаскивая фотоаппарат из футляра и отщёлкивая заднюю крышку, – А вот и наша неисправность стала видна. Думаю, не сильно ошибусь, если скажу вам, что причиной проблемы оказалась ваша поспешность. Вы не до конца отжали рычажок, перематывающий плёнку, и поторопились сделать ещё один кадр.

– Вам никогда не говорили, что от скромности вы не умрёте? – усмехнулась девушка, глядя на мои манипуляции.

– Представьте себе, ни разу. Скромность – это вообще моя отличительная черта, крайне выгодна выделяющая меня из общей массы. А тот герой, о котором я вам говорю, сейчас помчался

добывать нам шампанское. Вы его легко узнаете по только что полученному ордену и по присвоенному ему званию подполковника гвардии. Кстати, в переводе на общеармейскую классификацию подполковник гвардии по чину равен целому генерал-майору.

– А он точно герой?

– Ещё какой, хотя по должности он ещё и антигерой, – витиевато изложил я логическую нестыковку, надеясь пробудить у девушки интерес к предлагаемой мной кандидатуре.

– Разве так бывает?

– Чего только не бывает, – вздохнул я, для пробы взводя затвор и фотографируя девушку. Затем перемотал плёнку, и убедившись, что аппарат исправен, протянул его журналистке.

– Может, объясните?

– Про антигероя? Могу. Майор Игнатьев за несколько часов смог так скоординировать наши силы в Рязанском наместничестве, что армейские части добрались до столицы в кратчайшие сроки и без потерь. Скорее всего, без него это бы не получилось. Практически, прибытие армии и решило исход заговора. Представляете, сколько героических поступков пришлось бы совершать защитникам столицы, зачастую сражаясь с превосходящими силами противника, не будь наш подполковник не только настоящим героем, но и грамотным офицером. Вполне возможно, что мы бы и половины тех гвардейцев, что сегодня из зала выходили, в живых не увидели, и не только их одних. Так что граф своим своевременным вмешательством серьёзно подсократил количество героических поступков, зато и потери у нас получились вполне терпимые. Полк остался боеспособен и, что немаловажно, продолжил славную череду побед. Не стоит забывать и про его идеологическую составляющую. Этакий постоянный ужас для врагов Отечества.

– Как-то вы неправильно рассуждаете. И слово антигерой какое-то неверное.

– Слово, может быть и не совсем точное, – согласился я. С девушками полезно соглашаться. Очень помогает, если хочешь нервы сберечь, – Подберите сами другое, какое вам больше понравиться. Главное, что смысл вы поняли. При грамотном командовании героизм не нужен. Солдаты – это те же рабочие войны. Если они героически гибнут, сражаясь с превосходящими силами противника, значит командование на каком-то уровне допустило ошибку, или разведка недоработала. Грудью на амбразуру тоже не от хорошей жизни герои бросаются. Для уничтожения пулемётов есть много других средств. В

подавляющем большинстве случаев на войне не нужен фееричный героизм, если командиры головой думают.

– Не уверена, что ваше мнение правильное. В книгах и газетах иначе героизм описывают.

– А это не моё мнение. Нас так в Военной Академии учат. Кстати, а вот и наш герой.

Игнатьев вернулся не один. Вместе с ним в зал зашли обе княжны Рюмины, а чуть позже, после слуги, закатившего столик с напитками, примчался Антон, очень довольный и чересчур суетливый. Он с трудом дождался, когда Игнатьев представит им Второву, и наплевав на этикет, потащил меня подальше от столов.

– Представляешь, мне собственное княжество могут дать! Я вчера один разговор подслушал. Тебе первому говорю, – заговорщицким шёпотом начал было он, но тут же замолк, заметив улыбку у меня на лице.

– Сам-то хоть понимаешь, что тебе нелегко придётся? Управлять княжеством непросто.

– Подумаешь, управляющих найму.

– Проворуются, и тебя разорят.

– А я Алёнку попрошу их проверять. Она моментально с ними разберётся. И ей только в радость, и у тех охота воровать быстро пропадёт.

– Тс-с, – подсказал я Антону.

Он моментально замолчал, недовольно глядя на Алёну, которая встала из-за стола и решительно направилась в нашу сторону.

– Олег, что это за девица? – негромко, но грозно поинтересовалась княжна, состроив бровки домиком.

– И я рад тебя видеть, Алёна. Девушка не только журналистка, но она ещё и дочь известного промышленника Второва, на знакомство с которым у меня большие виды. Поэтому будь добра, постарайся наладить с ней хорошие отношения.

Княжне потребовалось не больше секунды, чтобы уяснить информацию и поменять выражение лица.

К сожалению, княжич её талантами не обладал и буквально уронил челюсть на пол, обалдело глядя в спину уходящей сестре.

– А-а… Э-э… Олег, а что это сейчас было?

– Похоже, беда у нас общая. Как бы мне тоже в ближайшее время не пришлось князем стать. Правда, у тебя положение намного хуже, чем у меня получается.

– Это ещё почему? – недоверчиво спросил Антон, предварительно, на всякий случай, помотав головой. Никак у него в голове не укладывалось необычное поведение сестры, наше с ней общение, да тут ещё и от меня такие новости…

– Так о визитах Алёны в твоё княжество тебе со мной договариваться придётся, – спокойно произнёс я, и почти минуту с нескрываемым удовольствием наблюдал, как меняется лицо княжича, по мере того, как у него в голове складываются кусочки мозаики.

Глава 43

За долгие годы у Императора сложился достаточно напряжённый распорядок дня, по слухам, почти ничем не отличавшийся от распорядка дня его покойного отца.

Утро начиналось с прогулки и некоего подобия зарядки. Затем следовали короткие доклады до завтрака, и сам завтрак.

После завтрака пятиминутная прогулка в сопровождении одного из секретарей, докладывающего о назначенных встречах и мероприятиях, час утреннего приёма и работа до второго получасового завтрака.

Пятнадцатиминутная прогулка, час дневного приёма и снова работа с бумагами до пятичасового чая. После чая государь редко кого принимал, чаще всего работая один.

Обед подавали в восемь вечера. Только после обеда у правителя наступало условно свободное время.

Тем не менее, если дела оставались, то по неписаной традиции их приходилось заканчивать в послеобеденные часы. Император прекрасно понимал, что на незаконченные сегодня дела завтра навалится не меньшая куча дел.

Воскресные дни отличались от рабочих только тем, что у царя было свободные утренние часы. Однако они могли быть заняты в воскресенье представительскими мероприятиями. Середина дня, как правило, посвящалась прогулкам и семье. Однако после чая Император обычно час или два снова работал с документами.

Ближнее окружение отлично представляло себе необходимый уровень интенсивности работы Императора. Стоило ему снизить темп своих занятий, как это немедленно фиксировалось, причем без всякого одобрения.

Тот же руководитель Канцелярии Министерства Императорского двора, лет пять назад ушедший на пенсию, в своих мемуарах писал, что государь, проведший как-то раз в Крыму целых десять дней, «должно быть хорошо отдохнул, поскольку делами совершенно не занимался».

Как утверждают историки, ничуть не меньше и в стародавние времена работали Императоры Российские. Дошли до нас свидетельства их современников. Взять того же Александра III, у которого рабочий день начинался в восемь утра и заканчивался в два ночи.

Приёмная в императорском дворце представляла собой два зала, соединённые друг с другом. Из первого зала посетители попадали в канцелярию, где двенадцать чиновников принимали

документы, каждый по своим вопросам, а из второго зала, заметно меньшего по размерам, можно было попасть в кабинет Императора. Кабинет считался присутственным, и государь находился там только в приёмные часы.

В Малый приёмный зал я попал, миновав три поста, и уже там представился одному из двух секретарей, сидящих за столами у входа в кабинет. Подошёл к тому, что был моложе, так как другой в это время активно перелистывал большую кипу бумаг.

– Граф Бережков явился по личному распоряжению Его Императорского Величества, – доложился я, как положено.

– Вас нет в списке, – сухо ответил мне секретарь, дважды изучив лежащий перед ним лист бумаги.

Я заметил, как подтянулись гвардейцы, стоявшие у дверей, а в отражении застеклённых шкафов заметил снисходительные усмешки немногочисленных посетителей, ожидающих своей очереди.

Тот секретарь, что был постарше, с интересом оторвался от бумаг, и пробежав по мне взглядом, негромко кашлянул, привлекая к себе внимание более молодого коллеги. Укоризненно покачав головой, он взглядом указал молодому на мою медаль, и снова зарылся в документы.

– Извините, граф, как только выйдет посетитель, я о вас доложу, – уже гораздо приветливее среагировал секретарь, едва заметно улыбаясь.

– А на обратном пути зайдите в канцелярию и получите пакет на ваше имя, – поднимаясь из-за стола, сказал мне тот, что постарше, придержав дверь за вышедшим от государя генерал-майором артиллерии.

– Постойте, как же так. Сейчас моя очередь, – сорвался с места довольно шустрый толстячок, сидевший ближе всех к дверям, – Какого-то юнца вперёд меня, лучшего коннозаводчика страны, решили пропустить! Да что же это делается! Мой проект конных заводов самим министром обороны одобрен.

– Пройдите, граф, – появился из-за дверей секретарь, чуть морщась от шума, производимого коннозаводчиком, что-то продолжающего доказывать его напарнику.

Закрывшаяся за мной массивная дубовая дверь почти полностью отсекла шум в приёмной.

Государь стоял у окна, разглядывая стайку снегирей, усевшуюся на куст рябины.

Я их тоже видел. Кабинет у государя большой, на четыре окна. Даже от дверей половина дворцового парка просматривается. Зная, что обо мне доложили, я молчал,

осматриваясь и ожидая, когда Император обратит на меня внимание.

Заодно я постарался как можно подробнее запомнить внутренне убранство и детали интерьера. Отчего-то вдруг подумалось, что в устройство такого кабинета вложен немалый опыт, да и традиции прослеживаются. Всё в меру функционально, без лишней помпезности, но опять же работать здесь одно удовольствие.

Взять, к примеру, три стола. Один, как бы личный, хоть к нему приставлены два кресла. Второй, выставленный буквой Т, для разговора с большим количеством беседующих, судя по количеству кресел, а на третьем, около которого нет ни одного стула, вполне удобно раскладывать карты и чертежи. Неспроста там лежат большая металлическая линейка и указка.

На стенах картины с батальными сценами и морской тематикой. Огромная карта Империи, а рядом с ней загадка. Скорее всего, ещё одна карта, скрытая шторами от нескромных взглядов.

– Что там за шум, граф?

– Ваше Величество, какой-то коннозаводчик пытается к вам прорваться, чтобы осчастливить страну проектом всеобщей лошадизации, – чётко, как учили, изложил я причину скандала в приёмной.

– Разрешаю вам обращаться ко мне проще. Государь будет вполне достаточно. Однако в ваших словах я улавливаю вполне определённый сарказм. Не хотите пояснить его причины? Или вы просто не любите лошадей?

– Лошадей люблю. Лошадей в армии – нет. Позавчерашний день.

Похоже, Сущность вмешивается. Сам я вовсе не собирался про лошадей дискутировать.

– Можете это убедительно доказать?

– Так точно. С приведением достигнутых практических результатов. К счастью, они есть, и весьма впечатляющие.

– Любопытно. Впрочем, подождите, – государь подошёл к столу, и снял массивную трубку телефонного аппарата, – От меня недавно вышел генерал-майор Каргальский. Верните его, и пусть он сразу зайдёт, – отдал он распоряжение секретарю. Аккуратно положив трубку, Император для верности прижал её рукой и живо повернулся ко мне, – Мне только что, на историческом примере доказывали, что во времена Великой Отечественной Войны в немецкой артиллерии было задействовано порядка шестисот восьмидесяти тысяч лошадей, а в армии СССР их общее количество доходило до двух миллионов. Правда, это уже с

учётом кавалерийских частей. Кстати, кавалеристы неплохо показали себя в рейдах по тылам противника.

– Лично я, при боестолкновении сотни всадников со звеном пилотов, пусть даже в обычных армейских МБК, всё равно сделал бы ставку на пилотов. При определённом мастерстве им должно хватить нескольких минут для полной ликвидации кавалерии. Таковы нынешние реалии, которые исторический опыт не учитывает, – развёл я руками, позволив себе некоторую вольность в поведении.

– А знаете, граф, опираясь на свой личный опыт, я, пожалуй, с вами соглашусь. Для пилота МБК любой кавалерист слишком простая и лёгкая цель. Жаль только, что количество пилотов у нас невелико.

– Государь, меркуловские «Медведи», после их незначительной доработки, вполне способны заменить собой существующие армейские МБК. Они недороги, просты в производстве и не требовательны к магическому уровню пилотов. Магов четвёртого уровня в стране много. В разы больше, чем пятого и шестого.

– Скажи ещё, что «Медведи» лучше новых гвардейских МБК.

– Никак нет. Пока не готов сказать.

– Пока?

– Именно так. Пока не готов, – пожал я плечами.

– Вызывали, Ваше Величество?

– Да, заходите, генерал. Мне кажется, я нашёл для вас достойного оппонента, – усмехнулся Император, обернувшись к приоткрытым дверям.

Вернувшийся генерал-майор Каргальский, прямо скажем, впечатлял.

Артиллеристы, вообще народ крепкий и здоровый, иначе им нельзя, учитывая то, что в нынешней артиллерии многое с пупа рвать приходится, но генерал и в общем строю неплохо бы смотрелся. Скажу проще, если у меня с самоходной баржей на Волге случится неприятность, скажем, двигатель вдруг заглохнет, то Каргальский вполне подойдёт на роль того бурлака, который в одно лицо её вытянет на безопасное место, уцепившись за канат. Крепок и кряжист сей индивидуум. На земле плотно стоит, и случись что, ту же пушку, в грязи застрявшую, с парой таких же крепышей-артиллеристов руками выкатит. А усы-то какие! Усищи! И сам он Георгиевский кавалер, с золотым наградным оружием. Хорош генерал, что уж тут скрывать. Ага, и добрый государь меня этой глыбе в оппоненты назначил. Вот спасибо, радость-то какая.

Сдаётся мне, неспроста меня правитель наш подставляет.

Любопытно ему, как я выкручиваться буду. А я побарахтаюсь. Были же у меня мыслишки на тему артиллерии, да отложил я их тогда, как не совсем своевременные. А тут, глядишь, и пригодятся.

– И что мне молодой человек поведать изволит? – всем своим видом выразил генерал ту дозу скепсиса, которую, по его мнению, заслуживал наглый штафирка в партикулярном платье, собравшийся обсуждать армейские дела.

– Признаюсь, к разговору я не готовился. Просто отметил как-то раз про себя, что у нас есть всё необходимое для того, чтобы самоходную артиллерийскую установку СУ-76 повторить, да ещё и улучшить её, и оттого, когда речь о конной тяге зашла, воспринял это, как шаг назад.

– Хотелось бы услышать, что же у нас есть такое, о чём я не знаю?

– Чертежи и описание СУ-76 имеются в музее Военной Академии. Шасси у самоходки достаточно простое, я бы сказал примитивное, и его без труда повторят на любом тракторном заводе, – я с удовольствием отметил кивок государя, согласившегося со мной, – На Камышинском судоремонтном заводе удачно прошли испытания дизельного двигателя. Он компактнее, легче и надёжнее тех двух бензиновых двигателей, которые предки ставили на свои установки. Получаем большой выигрыш по весу и экономичности, а заодно появляется свободное место под дополнительный боекомплект и рацию. Само орудие вы отлично знаете. Это традиционная трёхдюймовка. Вот про прицелы и оптику я ничего не скажу. Полагаю, в этом вопросе вы лучше меня разбираетесь. Рация, при наличии ретранслятора, будет брать километров на сто. Это позволит вести оперативное управление и использовать корректировку с самолётов и дирижаблей. Избыточное тепло переработаем в магию. Можно будет навесить на САУ в качестве дополнительной защиты тот же пехотный щит и заодно организовать принудительный наддув воздуха в двигатель. Сходу, пожалуй, всё. Я в чём-то оказался не прав?

– Вы когда-нибудь имели дело с артиллерией?

– Скорее нет, чем да. Опыт был короткий, и можно сказать, не самый радостный. Тем не менее, я считаю его полезным. Узнал много интересного. Такого, о чём раньше не задумывался.

– Не поделитесь? – вмешался государь, заметив, что генерал-майор оказался для нас на некоторое время потерян. Уставившись в пол, он о чём-то усиленно размышлял.

– Я понял, что один грузовик с водителем заменяет сто лошадей и пятьдесят возниц, а грузовик с двумя водителями,

соответственно двести лошадей и сто возниц.

– Не может быть! – коротко отрезал генерал, прислушивающийся к нашему разговору.

– Я говорю лишь о том, чему сам стал свидетелем. Во время практики мы с курсантами работали на артиллерийском складе. До линии фронта было пятнадцать километров, и снаряды развозили на батареи, в среднем, отдалённые от нас километров на восемнадцать-двадцать. На армейскую повозку, которую тянут две лошади, мы грузили восемь снарядных ящиков, а в грузовик сорок. Повозки вставали под погрузку раз в день, а грузовики успевали обернуться за час. Так что, можете сами проверить, не ошибся ли я с подсчётами.

– Хороший пример. Что скажете, генерал? – одобрительно покивал Император.

– Скажу, что я сильно сомневаюсь в существовании дизельного двигателя, непонятного ретранслятора, позволяющего столь значительно увеличить дальность связи, а магию и самолёты вовсе считаю фантазией. Окажись всё услышанное правдой, я первый костьми лягу, только чтобы самоходки в армии скорее появились.

Государь с интересом посмотрел на меня, а что я. У меня других дел полно. Так что я лишь помотал головой и отвернулся к окну, продолжив рассматривать снегирей. Меня же мнение своё озвучить просили, а не ещё в одну лямку впрягаться.

Стоим все трое, молчим.

– По-моему, граф, вам недоверие высказали, – спустя какое-то время сказал Император, отследив перед этим мой взгляд, направленный на перекликающихся снегирей.

Занятные птички. Я умею их приманивать. Это не сложно. Просто нужно послушать, как свистят серенькие самочки. Два коротких свиста, очень несложных в повторении, и если где-то недалеко находится красногрудый красавец, он обязательно прилетит.

Эх, детство золотое… Сколько снегирей мы пацанами на западёнки переловили…

– Разве его мне высказали? – отозвался я точно тем же тоном, каким обратился ко мне государь, – Графа Игнатьева не я вчера орденом награждал, и не я внеочередное звание ему присваивал. Наш подполковник гвардии свои награды заслужил за грамотные действия на том самом ретрансляторе, в существовании которого генерал-майор только что усомнился. Стало быть, это вам он не верит, что начальник штаба гвардейского полка все воинские части Рязанского наместничества воедино радиосвязью объединил. И уж тем более генерал-майор тогда не поверит, что и

со столицей связь через ретранслятор была всё время устойчивой.

Я сделал паузу в несколько секунд, чтобы оба моих собеседника успели оценить глубину лужи, в которую я их отправил, и в темпе начал исправлять положение, перенося их внимание на другие моменты, озвученные генералом. А то станется с них наглого юнца начать на место начать ставить.

– Отчего-то я абсолютно уверен, что скоро в Камышин кто-нибудь из артиллеристов всё равно поедет. Могу написать сопроводительное письмо, чтобы заводчане не завернули любопытствующего гостя с порога, и ознакомили его с актами испытаний. Вопросы приобретения лицензии и оснастки для производства дизельного двигателя советую обсуждать с моим партнёром, князем Гончаровым. Сразу предупреждаю о том, что лишних двигателей у нас не предвидится. Производить их вы сами будете, или найдёте другое производство. Завод в Камышине небольшой, а для выращивания одуванчиков нам самим нужны мощные трактора и самоходные баржи.

– Одуванчиков? Я не ослышался? – вытаращил глаза Каргальский.

– Не всем везёт в этой жизни, Ваше Превосходительство, – скорбно покивал я головой, – Я бы тоже с удовольствием поиграл в пушки и с лошадками повозился, но, увы. Игры больших мальчиков мне не светят. Делом приходится заниматься.

– Игры… Одуванчики… Ваше Величество! Хоть вы ему скажите! – растерялся Каркгальский, попав в непривычную обстановку. Где-нибудь в другом месте он бы мигом нашёлся, скорее всего по привычке рявкнув по-генеральски, и начав всех строить, но не в кабинете же у Императора.

– Граф… – государь повернулся ко мне всем корпусом, словно он вдруг сам стал этой самой самоходкой, и башней, то бишь, головой, крутить разучился.

– А что граф? Мне через три месяца лёгкий бомбардировщик военной комиссии сдавать. Пояса лекарские делать. Высотный разведчик до ума доводить. Те же трактора и баржи самоходные ещё только в проекте значатся, а без них одуванчиков не вырастить. И свадьба скоро. Некогда мне, – перечислил я далеко не все свои заботы, глядя государю в глаза.

– Свадьба… Да, свадьба это важно. Как считаете, генерал, ради свадьбы артиллерия может подождать?

– Одуванчики, свадьба, и самоходная артиллерийская установка. Простите, господа, но я чувствую себя актёром в театре абсурда. Ваше Величество, признайтесь, что вы меня разыгрываете, и мы вместе посмеёмся, – взмолился Каргальский.

– Сожалею, генерал, но граф прав. Авиация нужна срочно.

Докладывали мне уже, что в этом вопросе мы от соседей начали сильно отставать. И что, граф, полетит ваш самолёт? – вновь развернулся ко мне Император.

– Самолёт не мой, а боярина Артемьева. Он уже летает, только не слишком хорошо. Мы заключили договор, и наши верфи теперь будут доводить все артемьевские самолёты до летального, ой, простите, летабельного состояния. Одним словом, полетят самолёты, как миленькие. Не хуже, чем у предков получатся.

– Вы и для самолёта двигатель умудрились сделать? А мне докладывали, что он не скоро будет готов.

– Двигатель останется тот же самый, но про остальное меня вчера заставили подписки оформить. Уровень секретности Б2Н, – с большим интересом повернулся я к Каргальскому.

– В1А, – тут же отозвался генерал-майор, приученный секретчиками к дисциплине, как и любой военный.

Знатно спецы секретных отделов мозги умеют полоскать. После поступления в Академию, когда нам оформляли подписку с уровнем Д4А, где А означает Армию, а Д4 – уровень доступа к простеньким армейским документам и ТТХ основного вооружения, к слову сказать, вполне обычной стрелковки, то курсанты даже часовую лекцию секретчика восприняли с улыбками.

Оказалось, зря. Через неделю двоих курсантов отправили в дисциплинарную роту обычными рядовыми. Напрасно они в отдельном кабинете кабака затеяли спор, сравнивая во весь голос достоинства нашего и немецкого оружия, блистая знанием характеристик. Ротмистр, пришедший в соседний кабинет с дамой, долго не думал. То ли провокацию секретного отдела предположил, то ли Устав вспомнил, но увели подвыпивших курсантов весьма оперативно, и больше мы их не видели.

Мой Б2Н относится к Науке. И это очень серьёзное достижение. Настолько серьёзное, что документации и обучающих кристаллов такого уровня я в библиотеке Академии не найду.

А от своего А2М я сам до сих пор в состоянии лёгкой прострации. Почти все секреты по Магии, какие только найдутся в государственном Спецхране, стали мне доступны, и до высочайшего уровня А1 остался один-единственный шаг.

– Хм. Пожалуй, от одуванчиков вас нужно освобождать. Я подумаю над кандидатурой преемника. Проект архиважный, не только для экономики, но и для политики, и его необходимо воплотить в жизнь, – промолвил Император.

– А чем князь Гончаров не угодил? Предан, честен, отличный

руководитель. Опять же географически всё крайне удачно получается и в большинство деталей он посвящён, – изобразил я непонимание очевидного.

– Браво, граф. Выбор действительно достойный, – изобразил аплодисменты государь, успевший сходу просчитать все плюсы моего предложения.

– Как я понимаю, эти загадочные одуванчики тоже какой-то секрет? – угрюмо задал вопрос Каргальский.

– Отнюдь нет, генерал. Одуванчики – это сырьё для получения натурального каучука. Без добавления этого компонента высококачественную резину не получить. Массовая гибель азиатской гевеи, по некоторым сведениям, далеко не случайная, превратила каучук не только в стратегически важный продукт, но и позволила использовать его поставки, как политический инструмент. Один из рычагов давления, с которым нашим дипломатам приходится считаться, – недовольно поморщился Император, – Так что одуванчики стране нужны для политической и экономической независимости. Ещё Сталин когда-то давно говорил своим хозяйственникам, что у нашей страны имеется всё, кроме каучука. И, пожалуй, замена графа Бережкова на князя Гончарова пойдёт на пользу делу. А что касается свадьбы…

– Не, не, не, – замахал я руками, не совсем вежливо перебивая Императора, – В этом деле меня заменять не надо. Сам справлюсь.

Пары секунд не прошло, как мы втроём смеялись над моей незатейливой шуткой, прилично сгладившей тот неровный разговор, который у нас происходил.

Зря я обстановку разрядил. Отсмеявшись, собеседники навалились на меня слаженным дуэтом. Причём аппетит у них не на шутку разыгрался, и вскользь пару раз прозвучало, что СУ-76, конечно же хороша, но и посерьёзней бы пушечки не помешали.

Нет, так дело не пойдёт. Двое против одного, да ещё весовые категории разные…

– Ваше Превосходительство, в принципе задача решаемая. Как вы понимаете, я не берусь за её выполнение сейчас, поскольку не имею необходимого времени, свободных инженеров и подходящей производственной базы. Да и финансы после того, как повоевать пришлось, у меня в некотором упадке выглядят. Начни вы договариваться сначала не со мной, а скажем, с нашим государем, глядишь, давно бы всё полюбовно разрешилось, – закинул я удочку с жирной насадкой, приготовившись разделить любителей коллективного пения на двух отдельно взятых солистов.

– С государем? О чём же? – быстро отреагировал генерал.

– Да хотя бы о том, чтобы государь распорядился передать мне остатки меркуловских заводов вместе со специалистами. У меня и люди бы появились и база. Опять же деньги и время не надо тратить, чтобы станки самому заказывать и иное оборудование осваивать.

– Рабов у нас нет. Как я вам инженеров «передам вместе с оборудованием»? – насупился правитель.

– Даже я, наивный деревенский парень, – тут я сделал вид, что не услышал, как за спиной тихонько хрюкнул генерал, – И то никогда не поверю, что люди с высшим образованием, тайно сделавшие сотни тяжёлых МБК, никоим образом не причастны к заговорщикам. Полагаю, что и судья со следователем им не поверят. А стандартный контракт на пять лет, правда без права выезда с моих земель, и то лишь из-за высокой секретности, всяко лучше, чем такой же срок, только на каторге.

– Заводы, значит… – посмотрел в окно государь, раздумывая, – Не угадал я, отчего-то посчитал, что вы руки племянницы моей просить будете.

– А можно? – просипел я чуть слышно. Чёртово горло. Опять пересохло в самый неподходящий момент.

– Так, генерал, вы наверное идите. Артиллерия и вправду может подождать, – распорядился Император, разглядывая меня, словно диковинного зверька.

– Я про ИСУ-152… - начал было Каргальский.

– Сделаем, когда двигатель сил на пятьсот появится, – отмахнулся я от вояки, даже не повернувшись к нему.

Когда за генералом тихо закрылась дверь, мы с государем наконец-то уселись за стол и поговорили. Хорошо так поговорили. По-мужски.

* * *

Если в мире и существуют места, в которых события концентрируются с дикой силой, то Императорский дворец вне всякого сомнения одно из них.

Не успел я, всерьёз загруженный и прилично одуревший от происходящих изменений, выйти из кабинета, как секретарь мне ещё раз напомнил про документы, дожидающиеся меня в канцелярии, а с одного из гостевых диванов поднялся и пошёл мне наперерез невысокий седенький дедушка, с нагрудным княжеским гербом и большой короной Клана, украшенной пятью бриллиантами. Неплохой Клан, раз в него пять княжеских Родов

вошли, и цвета на гербе какие-то знакомые.

Ба, да это же мой потенциальный родственничек! Крепенько государь мне мозги отсушил. Медленно соображаю. Герб Дарьиного Клана не вдруг опознал. Теперь бы вспомнить, как Главу Клана зовут. Помнится, подсовывал же мне Степан подборку по Дашкиным родственникам.

– Граф Бережков? – переспросил князь, словно он не слышал, как ко мне секретарь обращался.

– Князь Белозёрский, – отметился я положенным по этикету поклоном.

– Мы представлены?

– Скорее, знакомы заочно, Ваше Сиятельство.

– Никак Дарья Сергеевна обо мне рассказывала?

– Думаю, не больше, чем вам обо мне. Другими словами, ничего нового она не рассказала.

– Тогда откуда осведомлённость?

– Да какая там осведомлённость. Вы обо мне наверняка куда как больше знаете, – выстрелил я практически наугад, и по чуть дрогнувшему лицу князя понял, что попал.

– Вы не слишком себе льстите?

– Ну, виноват, ошибся. Думал, это ваши люди за мной и Дарьей Сергеевной присматривают. Как вернусь, сразу озабочусь, чтобы их всех в подвалы свезли и допросили. Чужие соглядатаи мне не нужны.

Ай, как красиво я князя в ловушку поймал! Ему теперь или своих засланцев нужно обозначить, или утверждать, что никого он ко мне не подсылал, но… А вдруг я его человека зацеплю всё-таки. Я же ему потом при всяком удобном, а тем более неудобном случае припоминать буду, как он с первых минут нашего знакомства меня обманывать пытался.

– Как государь себя чувствует? Здоров ли? – в считанные секунды прокачал князь ситуацию и тут же поспешил сменить тему.

– Здоров, бодр и весел, – крайне простыми словами обозначил я успешность своего визита к Императору. Про здоровье государя князь наверняка осведомлён, так пусть теперь знает, что и мой визит ему настроения не испортил. Выводы, как я заметил, он умеет делать.

– Приятно поговорить с понимающим человеком, – оценил Белозерский нашу беседу, где прямым текстом ничего сказано не было, зато намёков и косвенной информации оказалось предостаточно, – Надеюсь, после награждения мы продолжим, если вы не возражаете.

– Меня вчера уже наградили, – предупредил я князя о том,

что не разделяю его уверенности о вечернем продолжении беседы.

– Вчера, да. Наградили вас заодно с вашими пилотами. А Глав Кланов и Родов награждают сегодня. В канцелярию не забудьте зайти. Уж не обессудьте, но мне, по знакомству, показали список награждаемых, и ваша фамилия там есть, – лёгким наклоном головы обозначил Белозёрский окончание разговора.

Понятно, что мне пришлось кивать гораздо интенсивнее. Положено так по этикету. Приходится графам перед князьями шеи гнуть.

Хотя, что я жалуюсь. Обычные дворяне с боярами ещё и поясницу бы слегка размяли в такой ситуации.

Канцелярия меня порадовала двумя пакетами крайне казённого вида. Про степень важности судить можно было только по избыточным размерам конвертов из плотной бумаги, которые не во всякий портфель могли влезть. Размеры тем более оказались для меня непонятны, когда я вскрыл конверты, найдя свободную кушетку в одном из углов зала.

Бумаг, как таковых, оказалось немного. Как по мне, так не стоило совать по одному листку, да к тому же, втрое сложенному, в столь большой конверт. Хотя, в каждой избушке свои погремушки, и Императорская канцелярия вправе иметь свои прибабахи. Если они желали подчеркнуть важность сообщений, то им это удалось.

Что с приглашением на награждение, что с назначенным приёмом в Земельном Управлении.

Признаться, я думал, что с вручением медальки, дающей в качестве бонуса проникновение к Императору вне очереди, награды для меня закончились. Так, поморщился слегка, но осознал, что без связей и протекций на большее рассчитывать глупо. Оказалось, ошибся. Ещё на одно награждение велено явиться.

Новости, выпавшие из второго пакета, пока объяснить трудно.

Мне непонятен формат документа. Вроде и не предложение, и не контракт… Что я должен буду обсуждать в Земельном Управлении? Согласен ли я принять три участка родовых земель и платить за них налоги лекарскими поясами?

Да не вопрос. Сто пятьдесят поясов в год. Не велика сложность. Я-то соглашусь, а дальше что? Как они собираются такую передачу земель узаконить?

Впрочем, что я себе голову ломаю. Наверняка есть силы, которые плюют на обычный порядок, легко меняя его одним

телефонным звонком или устным распоряжением.

Главное, что меня цена вопроса устраивает. Да и земли, вроде как по соседству находятся. Этак километров тридцать-сорок до речного порта будет, если я правильно карту себе представляю.

* * *

Награждение проводилось в Большом Колонном зале Благородного собрания.

Интерьер коринфских колоннад, дополненный расписным сводом потолков и холодом мраморных полированных плит полов подавлял. Большое количество собравшихся словно растворилось в архитектурном величии.

Никогда не думал, что человека можно заставить почувствовать свою незначительность одними размерами строительного шедевра.

Меня наградили дважды. Сначала из рук Императора я получил Георгия третьей степени, а под конец награждения ещё и Анну, тоже третьей степени, вручённую мне князем Обдориным.

Вызов на второе награждение я чуть было не пропустил, занявшись изучением наградных документов. К слову сказать, очень интересных и необычных. Гвардейский поручик запаса (!) награждался орденом и жалованными землями.

Ничего себе выверт! Орден и впрямь хорош. Боевой, с бантом. Вопросов, правда много вызывает. Если я правильно помню, то на памяти у меня всего один случай, когда капитана Леонтьева наградили сразу третьим Георгием, минуя четвёртую степень. Может и ещё кого награждали так, но тут стоит у специалистов и знатоков расспрашивать.

Додумать на месте неординарность ситуации не получилось. Пришлось идти за Анной. Ну, хоть с этим орденом я не выделился. Четвёртая Анна у меня уже есть, так что третья к месту пришлась. Полученный Георгий позволил мне перескочить третьего Станислава, положенного в иных других случаях[2].

Из витиеватой формулировки стало понятно, что Анну мне за предотвращения взрыва дворца дали, выделив это в отдельный эпизод, оформленный через ведомство князя Обдорина.

* * *

– Вас можно дважды поздравить? – встретил меня князь

Белозёрский на выходе из зала.

– Благодарю, Ваше Сиятельство. Примите и вы мои поздравления с представлением вас к первому Станиславу, – демонстративно полюбовался я его новеньким нагрудным знаком и рубиновым крестом на ленте.

– К сожалению я не всё расслышал со своего места. Мне показалось, или к Георгию вам ещё землицы пожаловали?

– Так точно, Ваше Сиятельство, – включил я солдафона. Неплохая тактика, между прочим. Не раз мне помогала в сложных разговорах. По крайней мере не нужно витиеватых оборотов речи применять и много говорить.

– Это сколько же вы земель накопили? Четыре-пять?

– Восемь, Ваше Сиятельство, – не стал я скрывать то, что князь и сам вскоре сможет узнать без особого труда, если захочет.

– Вот значит как… Ну что же. Тогда многое мне теперь понятнее стало. А то странный у меня сегодня разговор состоялся.

Может князь Белозёрский что-то и понял, а вот я пока нет. Что за дела, с кем он говорил? Хотя… с тем же Императором, скорее всего. Не зря же первая встреча у нас с князем приключилась при моём выходе из государева кабинета.

– Кстати, граф. А ведь у меня перед вами долг имеется, – потащил меня дедок в сторону, подальше от банкетных столов, куда уже потянулись награждённые, собираясь обмыть ордена, – Да-с. Определённо должок. А наш Клан в должниках ходить не привык.

– О чём вы, Ваше Сиятельство?

– Ну как же! – всплеснул руками князь, – Дарья Сергеевна для Клана многое значит. А кто, как не вы, её от неминуемой гибели спасли. Докладывали мне, какие силы вы порешили, когда на вас граф Киселёв напасть собрался. Так что не обессудьте, но награда наша должна найти своего героя. И даже отказываться не смейте. Не от меня награда, а от всего Клана нашего. Опять же, и от всей души.

Ой, что-то не верю я ни в восторженность князя, ни в его неожиданную благодарность. Лицедействует он неплохо, но не с таким бы расчётливым взглядом восторженные дифирамбы петь.

– Ваше Сиятельство. Признаюсь, у меня были в той ситуации личные мотивы, да и Семья Императора там присутствовала. Никак иначе я не мог поступить.

– Одно другому не мешает. Давайте-ка мы с вами вот как сделаем. Завтра поутру подъедет к вам мой поверенный и мы переоформим на вас земельку одну, что по соседству с вашими будет, а потом он по доверенности быстренько вам княжьи

документы выбьет. Самому вам долго возиться придётся, а наш прохиндей везде вхож, и на таких делах не одну собаку съел.

– Хм, прямо вот так сразу… Раз и в князи?

– А чего же тянуть. Смотрите, какой замечательный подарок от Клана получится. То-то Дарьюшка порадуется, – сладко зажмурился князь Белозёрский и даже губами причмокнул от избытка чувств, а у меня отчего-то сложилось твёрдое убеждение, что радость Дарьи, его если и волнует, то далеко не в первую очередь. Дай Бог, в десятую.

Опять же, а с чего я вдруг на Белозёрского взъелся. Он пока ничего во вред мне не предложил. Всё только на пользу. Да пусть гримасничает, как ему нравится. Разве мне поломаться немного стоит из вежливости, или сомнения изобразить какие…

– Признайтесь, князь, вы же не одну цель своим подарком преследуете. Больно уж взгляд у вас мечтательный, – улыбнулся я, как можно более открыто.

Ага. Вот такой простой я человек. Рубаха-парень, можно сказать.

– Мечта… А почему бы и нет. Стоит представить себе, какие лица у некоторых из Совета Князей станут, когда они эту новость узнают. Да, собственно, там не лица даже, а рожи. Нет, хари. Натуральные хари! Да что я вам рассказываю, скоро сами полюбуетесь, – выпалил князь и зашёлся, заперхал кашлем, подавившись собственным смехом.

– Ну, не знаю. Смогу ли я разделить вашу радость. Я до сих пор к князьям как-то не особо присматривался.

– Разделите, даже не сомневайтесь. Мы теперь с вами в одной лодке. Одно радует, название у лодочки нашей хорошее и звучное. Согласитесь, Император – это звучит гордо.

Глава 44

Целый день я потратил на облёт земель будущего княжества. На картах не увидеть толком, что же мне досталось. Вроде и обозначена на бумаге деревенька, но порой абсолютно непонятно, сколько народа там живёт, а то и вовсе может быть, что она только на карте значится, а на самом деле давным-давно заброшена. Так что пришлось вдосталь полетать, делая пометки на картах. Естественно, короткого зимнего дня для полного осмотра владений не хватило, но хотя бы общее представление теперь имею.

В целом впечатления остались хорошие.

Заброшенных селений оказалось немного, и то, в основном это были отдельно стоящие хутора из двух-трёх домов. Зато несколько сёл приятно удивили своей ухоженностью и размерами. Добротные кирпичные дома там были расположены не только в посадах, кольцами опоясывающих центр, но и на радиальных улицах, называемых в таких сёлах слободками, имелись в достаточном количестве.

Кроме Дарьи и Степана я на облёт земель пригласил своего главного агрария вместе его другом строителем.

– Кто-нибудь знает, на чём тут народ так неплохо развернулся? – спросил я после осмотра очередного крупного села, украшенного кирпичной церковью с пятью куполами и небольшим парком.

Мода на парки появилась у сельчан лет десять назад. Тогда на всю страну прославилось село Великое. Всем миром высадили они пятьсот лип, за что через год и были удостоены визита Императора.

– Лён, конопля, картофель. Соответственно текстильное производство и канатные мастерские. Есть швейные цеха. Пара звероферм крупных имеется. Лису и песца выращивают. Ещё одеяла шерстяные тут добрые делают.

– Поташ, дёготь, лесопилки весьма неплохие, пара заводиков стекольных, но стекло неважнецкое, мутное. Зато кирпич у них хорош. Особенно печной, – дополнил строитель информацию агрария.

Надо сказать, что оба взрослых мужика до сих пор чувствуют себя в общении со мной неуверенно. Впечатлило их моё предстоящее княжение. Боюсь, не скоро они вернутся к тому свободному обращению, которое ещё не так давно у нас было. А уж как воспрянет духом военный строитель, когда мои ордена увидит, так даже представить трудно. Чую, взлетит мой авторитет

в его глазах на недосягаемую высоту.

– Опять дороги нужны, – вздохнул я, вспомнив, сколько времени и денег на них было потрачено прошедшим летом.

– Так зимники долго ли протянуть. До середины апреля они простоят, а там, глядишь, после половодья и грунтовки можно отсыпать. Нам бы пару барж с черпалами на галечные косы поставить, да десяток-другой самосвалов подкупить. Пусть и не асфальт получится, но здесь пока и таких дорог не видели.

– И как нам зимник быстро устроить? – повернулся я к строителю, разом отрываясь от созерцания заснеженной равнины, проплывающей под нашим дирижаблем.

– Да легко. Тракторишки у него сейчас без дела простаивают, – кивнул строитель на насупившегося агрария, – На пару тракторов отвалы приделаем, чтобы на разные стороны снег сгребали, а вторую пару тракторов цугом впряжём, и пусть на тросе за собой треугольник из стальной балки тащат. Такой зимник выйдет, что куда там городскому проспекту.

– А получится? – спросил я, не скрывая удивления. Вроде бы простой же способ, но отчего-то мне до сих пор не приходилось с ним сталкиваться.

– Да тут расстояния смешные. Помнится, мы в Сибири по зимникам целую дивизию на шестьсот с лишним километров перебрасывали, вот там тяжело пришлось. Где пни взрывали, где лёд на реках по ночам намораживали, поверх основного, чтобы технику и обозы держал. Почти месяц пластались, но сделали.

– Заманчиво, – потянулся я к карте, – Если дороги появятся, то и у меня разговоры с местным населением иначе пойдут. Одно дело, князя раз в год видеть, и совсем другое, когда знаешь, что до него не больше часа пути по хорошей дороге и люди с машинами у него в достатке имеются.

* * *

За свою жизнь я прочёл немало книг. Меня всегда радовало, как герои забирались на самый верх, в цари или короли, и после этого ничего особенно и не делали. Как-то так в книгах выходило, что герой постоянно геройствовал, и у него всегда была целая куча свободного времени, а дела делались сами, как бы промежду прочим.

В моей жизни всё вовсе не так. Каждая следующая ступень требует всё больше внимания, а сами дела становятся всё сложнее и сложнее. Времени теперь мне не то, чтобы не хватает, его просто категорически ни на что не остаётся.

Я, как мог и умел, постоянно скидывал на заместителей второстепенные проблемы, но иногда они возвращались ко мне таким бумерангом, что лучше бы я сам их решал с самого начала.

Не могу сказать точно, чего мне не достаёт. Слишком быстро я пошёл в рост, и та команда, которую я пробую создать, скорее всего оказалась не готова к столь резкому старту.

Чтобы это понять, достаточно было увидеть лица моих алькальдов, когда я щедрой княжеской рукой начал нарезать им задачи и территории. Впрочем, опомнились они быстро, и запросили помощников, технику и деньги. Если первые два вопроса были решаемы, то с деньгами у меня опять проблемы. Утекают они, как песок сквозь пальцы.

Ещё месяц назад мне казалось, что я свёл концы с концами и даже жировую прослойку накопил, а сейчас снова изобретаю тришкин кафтан и прикидываю, какие расходы можно урезать. Так себе занятие, если честно. Одна надежда на Камышин. Может Липатов пару миллионов подкинет, а то надежды на тайничок князя Куракина не оправдались. Деньжонок там немного оказалось. Примерно на полмиллиона рублей в немецких марках нашлось, да тысяч на двести во франках вышло. Зато документов с компроматом мы со Степаном больше центнера вывезли.

Зарубежные деньги я пока придержал. Успокоится страна и выберусь я как-нибудь на ту же Лейпцигскую ярмарку.

В Камышин я прилетел крайне удачно, примерно за час до обеда.

Обе дочки купца встретили меня в гостиной уютного и просторного купеческого дома.

Говорили они как обычно, по очереди, и поэтому через пять минут я знал где сейчас находится Липатов с сыном и через какое время они его ожидают на обед, а заодно услышал и все основные новости города.

Затем сестрицы попробовали меня растормошить, выпытывая столичные новости, но мне удалось пока откупиться подарками и отговориться скорым прибытием самого Липатова, которому те же новости придётся рассказывать по второму разу.

Но спокойно посидеть мне всё равно не дали. Под конвоем обеих сестриц пришлось идти на кухню, где в отдельно стоящем холодильном ларе были выставлены образцы кондитерки. Ввиду предстоящего обеда на них разрешили только посмотреть. Отдельно стояли джемы и суфле – низкокалорийная радость сладкоежек, не желающих портить фигуру. Это последние новинки кондитерской фабрики, к которым приложили своё усердие обе сестрички.

Прибыль от кондитерской оказалась приличной. Хотя, тут

новогодние праздники здорово помогли. Со склада все сладости в момент разобрали.

К сожалению, не оправдались мои ожидания по заказам магических протезов. Телефонная связь между городами ещё далеко не везде восстановлена, и Камышин не исключение. С письмами тоже не пойми что происходит. Иногда по месяцу ходят, а то и вовсе пропадают на бескрайних просторах страны. Не могут пока клиенты из других мест связаться с сестрёнками.

Липатов появился шумно. Хлопнула дверь, затопали сапоги, с которых он сбивал снег, ворвались в протопленный дом клубы морозного воздуха с улицы, а там и сам купец появился. Помолодевший, похудевший, с огоньком во взгляде, он мало походил на того прежнего вальяжного купчину, каким я его помнил.

– Как дела на Хлебной пристани? – задал я вопрос купцу, после взаимных приветствий.

– Лучше не придумаешь! Поначалу были сложности, но после того, как от князя Гончарова люди подъехали и переговорили, с кем надо, всё как отрезало. Теперь тишь да гладь, а по всем вопросам и предложениям мы с купцами полюбовно договариваемся. Вы как заговор пережили? Говорят, на Рязанщине крайне неспокойно было.

– В целом неплохо. Документы на княжество начал оформлять. Опять же награды получил, – начал рассказывать я, но прервался из-за служанки, вихрем ворвавшейся в зал.

– Посланец от Его Сиятельства князя Гончарова. Графа Бережкова срочно к себе требуют, – словно заправский дворецкий лихо отбарабанила рыжая девка с рябым лицом.

– Скажи, сейчас переоденусь и выйду, – поморщился я, сообразив, что с обедом у купца категорически пролетаю.

К Гончарову я всё равно собирался, правда, ближе к вечеру, поэтому чехол с парадным костюмом забрал с собой сразу при выходе с дирижабля. Когда я через пару-тройку минут появился при всём параде, то случилась немая сцена. Все замерли. И лишь когда купец одобрительно крякнул, остальные словно отмерли, и даже девушки сумели что-то пискнуть, не сводя с меня восторженных глаз. Естественно подмигнул им, залихватски закрутив воображаемый ус.

Знаете, оказывается это очень приятно, когда на тебя так смотрят. Стоит совершать подвиги ради таких моментов в жизни.

А дочки у Липатова всё-таки чудо, как хороши…

Усевшись на заднее сидение просторного внедорожника, я попытался понять, что царапнуло моё внимание.

Скорее всего, это оговорка служанки. Вряд ли князь Гончаров

действительно стал бы требовать, чтобы я к нему прибыл. Вроде, нигде я особо не провинился, если по мелочам не придираться. Ну, или почти нигде. Пара моментов присутствует. Признаться, лишнего себе позволил, в надежде, что это пройдёт незамеченным.

Размениваться на расспросы сопровождающих я не стал. Вряд ли они много знают, а я, своими вопросами, могу высказать лишнее. Иногда не обязательно слышать ответы, если узнаешь, какие вопросы волнуют собеседника.

Гончаров ждал меня в кабинете. Сердитый, насупленный, он даже на моё приветствие отозвался неохотно, словно через силу.

– Граф, не много ли вы себе позволяете на моей земле? – озадачил он меня неожиданным вопросом.

– Поясните, Ваше Сиятельство.

– Краснодеревщик ваших рук дело? Хочу напомнить, что без ведома князя в его владениях далеко не все поступки можно совершать.

– Точно! Спасибо, что подсказали. А то я до этого никак не мог понять, отчего у вас в Камышине так долго детская проституция процветала. Да и украшения больно знакомые по всему дому расставлены, – я сделал два шага вперёд и похлопал рукой по украшению на кресле для посетителей. Тому самому, запомнившемуся мне своим сходством с шахматной фигурой офицера.

Самолюбие князя я щадить не стал, и в красках описал, что и как происходило в «весёлом доме», и про трудолюбие покойного краснодеревщика упомянул. Ответственно человек к своей работе относился. Все новые поделки собственноручно на детях испытывал. Особенно для малышни старался.

Мой жирный намёк Гончаров проглотил молча, но не безрезультатно. Он страшно побагровел лицом, а потом вскочил из-за стола, и оттолкнув меня в сторону, в щепки разнёс все гостевые кресла молниями.

– Коньяку мне! – скомандовал он, не оглянувшись на прислугу, сбежавшуюся на шум и заглядывающую в приоткрытые двери, – Нет, водки.

Выбор напитка я признал правильным, когда князь один за другим опрокинул два лафитника подряд, занюхав второй хлебной горбушкой. Не дело так коньяк употреблять, а вот водочка самое оно. Особенно если третью дозу успокоительного огурчиком зажевать.

Успокаивался Гончаров минут пять. Всё это время он сердито сопел, и на меня обернулся только раз, молча ткнув пальцем в штоф, на что я отрицательно помотал головой.

Пить водку посреди бела дня, да на голодный желудок – занятие рискованное, а у меня крайне важный разговор только намечается.

– Почему мне не сказал? – Гончаров уже давно вернулся за стол, а мне так и пришлось остаться стоять. Сесть-то некуда. Гостевые кресла в хлам разнесены.

– Князю Обдорину всё передал. Среди клиентов почти треть составляли гости из столицы и след там был нехороший. Германский. Какие-то счета, договора на немецком, и фотографии генералов из вермахта в компании со штатскими. Как бы не с нашими. Больно уж причёски и бороды характерные.

– Рассказывай всё, – потребовал Гончаров, ткнув пальцем в сторону уцелевшей кушетки в углу кабинета, на которой мне и пришлось размещаться.

Всё не всё, но кое-что я князю рассказал.

А там и визит к Обдорину к слову пришёлся, мои награждения, и Каргальский с его пушками.

К слову сказать, генерал прибыл в Камышин ещё вчера вечером, и уже с утра умчался на завод.

– Говоришь, государь сам мою кандидатуру выбрал? – всего лишь раз перебил меня князь, когда я коснулся вопросов проекта по каучуку.

– Скорее, моё предложение одобрил, – уточнил я, но по требовательному взгляду Гончарова понял, что этот момент мне надо описать детально. Что и пришлось сделать, попутно отвечая на новые вопросы.

Князь понемногу отошёл от нашего бурного начала беседы, и начал проявлять живой интерес к разговору.

А заодно под водочку и на «ты» со мной перешёл, что есть далеко не худший знак.

– Значит, не забыл ты мою просьбу. Замолвил словечко, – покивал головой Гончаров, опрокинув ещё один лафитник «успокоительного», – Тогда и я тебе кое-что расскажу. Никогда не слышал про «Российский союз промышленников и предпринимателей»?

– Как же, слышал, и не раз.

– Есть среди его зачинателей Тимофей Саввович Морозов. Богатейший фабрикант и банкир. Считай, две трети текстильной промышленности всей страны под ним. В нашем, камышинском комбинате, его доля самая крупная, да и то, есть у меня сведения, что он и ещё несколько долей выкупил на иных лиц. Для княжества он человек полезный. Училище для текстильщиков на свои деньги открыл и содержит, дома и общежития многоэтажные для мастеров своих строит. Городское управление в нём души не

чает за меценатство и участие. Родильный дом, приют, библиотека. Всё его рук дело. Так вот. Дошли до меня слухи, что недоволен он неким графом Бережковым. Крепко недоволен.

– С чего бы? Никогда с ним не сталкивался и дел никаких не имел, – искренне изумился я, действительно не представляя, чем я мог привлечь к себе внимание богатейшего промышленника, и уж вовсе не представляя, чем мог вызвать его недовольство.

– С ним-то может и нет, но против их общих замыслов ты прилично дел натворил. Взять ту же победу в имперских гонках. Казалось бы, что в ней особенного. Вроде, ничего такого, но есть один многозначительный нюанс. Победил тот единственный дирижабль, на котором стоял магический двигатель. И это широко обсуждалось.

– У меня и бензиновые тоже установлены, – пожал я плечами, пока не понимая, к чему клонит Гончаров.

– Как ты сам думаешь, если потратить много усилий и средств, доказывая, что обычная техника давно переплюнула любые магические технологии, то сильно ли кого-то порадует один не в меру шустрый Одарённый, если он словно между делом начнёт с лёгкостью доказывать обратное.

– Так есть же изделия, которые с помощью магии можно изготовить быстрее и лучше, – не сдержался я.

Никак пока не укладывалось в голове, что промышленники не оценят очевидного преимущества моих технологий.

– Плевать они хотели на выгоды. У них совсем другие планы и ставка не на сиюминутные успехи, а на большую политику. Маги и магия им, как нож в сердце. Ты, за молодостью лет, может и не видишь, как Одарённых понемногу отовсюду выдавливают. В том же флоте уже редко когда мага встретишь, и в армии они своё влияние быстро теряют. Я тут не так давно подсчитал, сколько у меня Одарённых в чиновниках по всему княжеству набирается. Оказалось, полтора десятка из четырёхсот с лишним служащих. Так что ещё лет десять, и от магической аристократии одни воспоминания останутся. Но свято место пусто не бывает. Тут-то и придёт вместо нас промышленная и финансовая буржуазия, и так же незаметно проведёт реформы, как сейчас меняет соотношения между Одарёнными и остальными, которые полностью изменят все расклады в стране, да и от самого строя мало что останется. Причём, обрати внимание, что в принципе они ничего не имеют против самих магов. Их не маги не устраивают, а власть магов. Вот её-то они и заменяют на свою, где только могут и как могут.

– Ну, насчёт десяти лет мы ещё посмотрим. Рано магов хоронить прежде времени, – ответил я князю.

Веско так постарался сказать.

Убедительно.

Глядя в глаза.

Наверняка он не в курсе моих последних дел, и просвещать его я не стану. Подписочки, они такая штука. Дать их легко, а язык потом придерживать, чтобы лишнего не ляпнуть, ох, как сложно.

Опять же, лишать себя серьёзных аргументов приходится. Мне куда как проще было бы с Гончаровым говорить, начни я ему рассказывать про то же своё архимагство.

– Значит, не ошиблись промышленники в своей оценке. Стоит им ждать сюрпризов от Бережкова, – каким-то верхним чутьём ухватил князь смысл моего возражения, – Тогдаготовься. На крайние меры они не скоро решатся, но палки в колёса тебе уже вставлять начали. Обычный народец он куда как дружнее живёт. Одарённым, чтобы вместе сбиться, спесь мешает, или вражда давняя. У промышленников тоже склок между собой хватает, но как только дело доходит до того, чтобы Одарённым нагадить, они разом про свои распри забывают. Не все, правда, но и тех, что объединиться могут, вполне достаточно будет. Числом и капиталами сметут.

– Ага, то есть не все они против нас одним фронтом идут? – уточнил я немаловажную деталь.

– Люди не муравьи. Их никогда не удастся всех объединить одной какой-либо целью. Всегда найдутся те, кто против или воздержался. У Союза промышленников тоже есть как радикальное крыло, так и консерваторы.

– Хм, а не подскажете, где можно списочек этого Союза увидеть? Желательно с комментариями, чтобы понимать, кто куда смотрит.

– Список есть. Он раз в три месяца обновляется и доступен в том же приложении к газете «Экономическая жизнь». А пометки, по крайней мере тех, кого уверенно можно отнести к той или иной группе, я велю подготовить. Так что через час-другой можешь ознакомиться, – чуть заметно прищурился князь, – Неужели решил за интересы всех Одарённых постоять?

– Ни в коем случае, – открестился я от столь нелестного предположения, – За магию обидно. Перспектив у неё больше, чем у электричества. И ратуй я, к примеру, за электроэнергию, то никогда не стал бы начинать с вопросов о нуждах электриков. А чем маги лучше? Одарённые могут сами себе пути выбирать, а топить магию я не позволю. Не для того она дана, чтобы её во второй раз можно было полностью извести. Повторения средневековой инквизиции, уничтожившей когда-то всех

Одарённых, больше не будет.

– Смелое заявление, – усмехнулся Гончаров, – Любопытно будет понаблюдать за твоими попытками.

– За нашими, князь, за нашими, – улыбнулся я в свою очередь, – Или вы решили уступить мне свою долю в судоремонтном заводе?

– Только не говори мне, что завод собрался выпускать баржи на магическом ходу, – откинулся князь на спинку кресла, и по его слегка неловкому движению стало понятно, что водка даром не прошла. Не сказать, что он пьян, но уже прилично навеселе.

– Хорошо. Не стану говорить, но благодаря нашему заводу мы сделаем мощное предложение всем моторостроителям, и поверьте, они не смогут отказаться, – согласился я по привычке, а про себя решил, что наш разговор пора заканчивать. Надо дать князю время. Пусть передохнёт немного, в себя придёт, а к этому разговору можно и позже вернуться.

Мы с князем вышли из кабинета и через анфиладу комнат, больше похожих на небольшие залы, прошли к гостям, приглашённым на вечерний чай.

К удивлению, среди гостей оказался добрый десяток юношей и девушек примерно моего возраста.

Как я понимаю, приехавших к князю вместе с родителями.

Князь отошёл к группе мужчин, среди которых я заметил генерала Каргальского, а я решил не выделяться, и примкнул к молодёжи.

Княжич, завистливо поглядывая на мои награды, представил меня тем, кого я не знал по прошлым визитам, а затем и меня познакомил с новыми лицами. Хм, сплошь графы и графини оказались. Оказывается, не так мало их в Камышине проживает.

Новых знакомых было пятеро. Двое молодых парней и три девушки. Две девушки интересненькие, а третья, скажем так, на любителя. Из тех, кому нравятся рослые, пухлые и крепкие телом. Мягко говоря, мадемуазели серьёзного сложения.

Представленные парни особого интереса у меня не вызвали. Что мощный шатен, который неплохо бы смотрелся, если бы сбросил десяток килограммов лишнего веса, что его спутник, худой и высокий брюнет в какой-то нелепой жёлтой блузе с чёрным то ли бантом, то ли подобием галстука. Его, кстати, княжич назвал поэтом, что тут же вызвало отклик у девушек.

Они наперебой бросились уговаривать юное дарование прочитать что-нибудь новое, и тот, поломавшись для вида, увлёк всех нас в свободный от гостей зал.

Двое слуг тут же накрыли один из столов, на котором появилась пара графинов с лёгким вином и ваза с фруктами и

виноградом.

Отдав должное замечательному вину, мы расселись по местам, а поэт, заложив одну из рук за спину, оказался в центре полукруга из слушателей.

Слушая заунывные стихи, которые поэт чуть шепелявя декламировал особым, этаким загробным голосом, я невольно начал улыбаться. Очень уж забавно у него получалось. Впрочем, оглядевшись, я понял, что ошибаюсь. Трое ребят его внимательно слушали, а девушки и вовсе рты раскрыли.

Нет, ну надо же. Оказывается, и в поэзии я дуб дубом.

В лицее мне доводилось читать стихи, но обычно это были те произведения, которые требовалось пройти по школьной программе. Не скажу, чтобы мне они очень нравились, но местами было интересно, а некоторые стихи даже хотелось выучить наизусть.

В старших классах я, как наверное и все мои ровесники, пробовал сам сочинить что-нибудь эдакое, в основном, конечно же про чувства и любовь. Было желание поразить сердце одной вредной особы с косичками. До сих пор не знаю, что бы произошло, если бы у меня хватило мужества ей прочитать то, на что я потратил несколько ночей. Не осмелился. Побоялся насмешек и отнёс свою тетрадку в истопницкую, собственноручно предав огню плоды ночных бдений.

– Похоже, граф Бережков находит поэзию смешной? – вернул меня из воспоминаний голос шатена.

Оказывается, поэт чтение уже закончил, а я всё ещё сижу и улыбаюсь.

– Отчего же. Неплохое хобби. Да и риторику развивает. Так что вполне себе приличное развлечение для тех, у кого на него хватает свободного времени, – ответил я так, как думал.

– Не сомневаюсь, что лично вам мешает всего лишь недостаток времени, а иначе вы бы нас несомненно удивили, – не удовлетворился моим ответом всё тот же юноша.

– Можно и так сказать, но я бы больший акцент сделал ещё и на желании. Хобби оно только тогда хобби, когда к нёму есть интерес. К тому же, те вопросы, которые меня действительно интересуют, ну никак не предполагают их выражения в стихах. Иначе, для пользы дела, я рифмовал бы всё подряд.

– О как! Вам знакомо слово рифма? Так может срифмуете нам что-нибудь? Допустим, простенькое четверостишие, – этак свысока кинул мне ещё непризнанный гений поэзии, картинно проводя рукой, как бы предлагая тем самым и слушателям присоединиться к его просьбе.

– Действительно, граф. Раз это так просто, то блесните

талантом, – подхватила одна из девушек, проявлявшая до этого наибольший восторг от только что прочитанных стихов.

Снисходительный тон её слов сказал больше, чем сами слова. Чего у дам не отнять, так это искусство передать одним тоном то, на что мужчине потребуются долгие минуты многословных объяснений.

– К сожалению я не поэт, и никогда им не был, – попытался я вырваться из глупой ситуации, в которую сам и залез, стоило на какие-то секунды расслабиться, да ещё и высказаться откровенно.

– Тогда как прикажете понимать ваши слова и ухмылку? Не вы ли только что высказывали готовность рифмами говорить, если нужда случится? – вскочил шатен со своего места, подходя ко мне поближе.

Надо же, какой горячий паренёк. Очень похоже на то, что компания эта подобралась давно, и за роль альфа-самца в ней шатен готов на глупости.

– Сомневаюсь, что смогу вас развлечь так же, как этот молодой человек, но давайте попробуем, – проговорил я, резко поднимаясь с места и заставив шатена тем самым сделать шаг назад.

Отчего-то у меня вдруг возникло желание поозорничать, а заодно и кураж появился.

– Слушаем, граф, слушаем, – раздались голоса девушек.

– Пожалуй, мне потребуется бокал вина для вдохновения и какая-то тема для четверостишия, – объявил я, занимая место недавнего декламатора, – А графины у нас пусты. Хотя, пустой графин, чем он не тема.

На несколько секунд я задумался, прикрыв глаза, перебирая и подстраивая слова. Затем, проговорив их про себя ещё раз, понял, что готов и поднял руку, призывая слушателей к тишине.

Когда я встал в ту же позу, что и юноша в блузе, то услышал смешки. Зря они так. Поза очень выгодная. И ордена мои иначе заиграли, попав на свет, и темляк наградного кортика из-под полы высунулся, когда я завёл руку за спину.

Передразнивать поэта, повторяя его голос, я не стал. Зачем. Нас в Академии иначе учат излагать мысли. Чётко, внятно и с хорошей дикцией. Именно так я и начал:

> Графы и графини!
> Раз нет вина в графине,
> Стихов стихия стихнет.
> Строка родится, стих нет.[3]

– Э-э, что это? – промямлил шатен, нарушая

продолжительную гнетущую тишину после моего выступления.

– Экспромт, бурлеск, игра слов. Можете назвать, как хотите. В поэзии я ни разу не специалист, – с улыбкой взглянул я на шатена, всем своим видом выражая уверенность, которой у меня не было.

Неужели, провал и всё плохо? Надо же было так опозориться!

– Гениально, граф! – как-то слишком легко потеснила шатена та новенькая рослая девушка, которая меня с первого взгляда не впечатлила, – Господа, это гениально!

Она захлопала в ладоши, а затем её неуверенно поддержали остальные.

– Бурлеск в кабаре показывают, – услышал я голос шатена.

– Бурлеск – это вид комической поэзии эпохи Возрождения, неуч, – отбрила его почитательница моего таланта, – Граф, не откажите в любезности записать мне в альбом ваш экспромт.

– И мне.

– И мне тоже, – подхватили её просьбу остальные девушки.

Я другими глазами посмотрел на рослую пышку.

Бывает же в женщинах внутренняя красота, которую не сразу разглядишь…

– Гхм, Олег Игоревич, мы с генерал-майором Каргальским вас ждём не дождёмся, чтобы о важных делах переговорить, а вы тут барышень стихами развлекаете, – услышал я голос князя, стоящего у открытых дверей в наш зал.

Надо же, не заметил я князя. Даже сказать не могу, в какой момент он появился и как давно наблюдает за нами.

– Прошу извинить, господа, дела. Приятно было с вами пообщаться, – обратился я к молодёжной компании, разводя руками и всем своим видом выражая глубокое сожаление, – Признаюсь, хотел всего лишь пошутить, удивив вас каламбуром, но не смею спорить с Его Сиятельством. Раз он сказал, что это стихи, значит это были стихи. И кстати, в помощь нашему талантливому другу могу подсказать, что рифма «свобода – бойкота» на мой взгляд не слишком удачна, я бы заменил её на «свобода – спустя три года», а то и ещё на что-нибудь попроще, например «ссылка – могилка», а уж «раб – сатрап»…

– На «зиндан – Магадан», – послышался голос Гончарова, как оказалось, обладающего не только отменным слухом, но и исключительно тонким чувством истинной поэзии.

Почуяв в воздухе крайне подозрительный запах, который пошёл от обладателя жёлтой блузы, я максимально быстро откланялся и скоренько выскочил из зала, догоняя князя.

– Сынишка друга моего. Совсем на поэзии и волтерьянстве свихнулся. И отцу расстройство одно, и моего сына с пути сбивает

постоянно. Вот что с ним делать, ума не приложу, – пожаловался мне Гончаров, пока мы с ним возвращались обратно к гостям.

– Женить, – тут же нашёлся я с ответом, – Там и девица есть подходящая. Графиня Валуева, по-моему, – чуть замялся я, так как не был точно уверен, правильно ли я запомнил фамилию крепкой рослой девушки, – Как я успел заметить, она лучше всех поэзию понимает.

– И рука у неё тяжёлая, – задумчиво добавил в воздух Гончаров, немного сбиваясь с шага и мечтательно улыбаясь.

Поездка в Камышин одними разговорами не закончилась.

Два дня я провёл на заводе безвылазно.

Изначально я просто предполагал оставить в Камышине Усольцева с Силычем, чтобы они вместе попробовали присобачить нашу приспособу к новому дизелю, но разговор с князем Гончаровым меня зацепил за живое.

Вопрос о существовании магии и повышении её значимости надо решать быстро. Развитие техники идёт семимильными шагами, а магия застыла, словно верблюд, по брюхо увязший в песке. Вроде бы живой и шевелится, а сам ни с места.

Мы с собой привезли две «ракушки». Если не вдаваться в технические подробности, то это упрощённые магические воздуходувки, вроде тех же двигателей, что стоят у меня на дирижабле, только они в разы меньше и проще. «Ракушкой» мы свой артефакт прозвали из-за того, что труба нагнетателя, длиной в метр с лишним, у нас для компактности свёрнута в спираль.

Идею с принудительным наддувом воздуха мы спёрли у предков. При нашем оборудовании повторить турбину крайне сложно, оттого мы и решили заменить её на простенький артефакт, питающийся от избыточного тепла мотора.

Густавсон проверил расчёты, и уверенно утверждал, что давления от наших «ракушек» двигателям должно хватить с избытком, а что окажется лишним, будет сброшено через предохранительный клапан.

Казалось бы, как простенькая «ракушка» может повлиять на сложные внутриполитические процессы в стране?

Да запросто.

Наша Новая Эпоха задыхается без надёжных моторов нормальной мощности.

Они нужны всем. Авиации, армии, флоту, дирижаблям, автомобилям и тем же тракторам.

Теоретически, при нынешнем уровне техники и технологий, турбину для двигателя можно изготовить. Но дорогую и ненадёжную. Десятки тысяч оборотов – это не шутки.

А в нашей «ракушке» ломаться попросту нечему, и сама она

крайне проста, оттого и цена при массовом производстве на неё будет в разы ниже, чем у её механического аналога.

Пока под вопросом стоимость ПТП (Плёночный Термомагический Преобразователь), который нам поставляют в порядке эксперимента, но судя по всему его цена также окажется вполне приемлемой.

А дальше начнётся ещё один виток торжества маготехники, так как теоретически магия способна полностью заменить собой электричество, а в магических артефактах почти нечему ломаться. По крайней мере, вспоминая устройство своего автомобиля, я не увидел в нём ни одной электрической детали, которую мы не можем заменить магическим артефактом. Более того, мы не будем отбирать часть мощности двигателя на тот же генератор.

– Двести десять сил уверенно, – оттирая ветошью руки от масла, доложил мне Силыч на третий день испытаний.

– А было сто пятьдесят? – спросил из-за моей спины генерал-майор Каргальский, увязавшийся за мной ещё при входе в цех.

– У этого сто сорок пять, а у того сто пятьдесят две, – уточнил Силыч, к слову сказать, никакого пиетета перед Каргальским не испытывающий.

С виду они ровесники. Оба доки в своём деле. Так что сошлись характерами, наплевав на условности и чины.

Наблюдал я как-то раз со стороны, как они спорили. Слов из-за шума испытываемых моторов не услышал, но жестикуляция у обоих была на уровне. Такое друг другу показывали, что мне резко расхотелось к ним приближаться, и я поторопился скрыться в комнате, где работал техномаг.

Усольцев мудрил с насосом подачи топлива, поглядывая на приборы, а в промежутках между испытаниями насоса устанавливал энерговоды для артефакта, работающего на охлаждение воздуха.

Как мы и предполагали, простой установкой «ракушки» дело не обошлось. Пришлось копать глубже, залезая в теорию, и звать на помощь заводских инженеров, прежде чем модернизированный дизель снова заработал уверенно и без перегревов.

Выдавая мощность в двести десять лошадок.

К себе домой мы прилетели под вечер.

Чуть дольше, чем обычно провозились с посадкой из-за сильного приземного ветра, то и дело накрывающего поле белым полотном или вдруг поднимающего маленькие столбики снежинок. Порой ветер закручивал их в миниатюрные подобия смерча, красиво рассыпающиеся в ярком свете прожекторов дирижабля, а наши чалки взлетали высоко в воздух, не давая

поймать себя встречающим техникам.

Выгружая из машины баулы с подарками, я мимолётом удивился тёмным окнам в своём доме, и тому, что меня никто не вышел встречать.

Никого я не увидел и в тёмной прихожей. Найдя на ощупь выключатель, бросил баулы у дверей, и не раздеваясь, прошёл в зал.

И тут никого нет.

Включив свет в зале, я несколько раз громко позвал Дарью, но мне никто не ответил.

Лишь после того, как я скинул прямо на стулья верхнюю одежду и прошёл по коридору мимо кухни, заглядывая по дороге во все комнаты, в доме послышались звуки.

– Барин, а мы вас только к завтрему ждали, – выкатилась из-за дверей заспанная кухарка, – Я и девкам велела с утра пораньше придтить, чтобы в доме порядок навести.

– Дарья Сергеевна где? – рыкнул я, предполагая неладное.

– Так ведь маменька её за ней приезжала. Целый вечер у нас гостила, – зачастила женщина.

– О чём говорили?

– Дык откель я знаю, барин. Вина по бокалу они выпили. Покушали хорошо. А потом, под вечер, песни пели на два голоса. Жалостливые такие. Хоть и не на нашем языке пели, а всё одно. Сразу понятно, что про нашу бабью долю нелегкую. Мы с девками прямо обрыдались, под дверьми слушая, – тут кухарка промокнула передником уголки глаз, и вправду заблестевшие слезами.

– Дарья Сергеевна мне что-нибудь передать велела?

– Да как мне знать. Я же всё на кухне. Вы в кабинете у себя посмотрите. Я-то, когда ей на ночь морс несла, там её, голубушку нашу нашла. Писала она что-то.

– Перекусить дай что-нибудь, – на ходу скомандовал я, взлетая по лестнице.

Письмо от Дарьи лежало на столе.

«Олег! Ко мне приехала maman. Мне нужно отлучиться на недельку, может задержусь у неё чуть дольше. Не волнуйся, у меня всё в порядке. Люблю. Твоя Дарья».

Прочитав письмо, я сходил к бару, и налив себе коньяка, перечитал его ещё раз.

Потом я побродил по тёмному коридору второго этажа, бесцельно заглядывая в комнаты и в спальню, ставшую вдруг холодной и неуютной.

– «Дашка, мне плохо без тебя! Вернись!» – взывал я в тёмное окно, разглядывая его сквозь стенки бокала.

Заснул я в тот вечер прямо в кресле, забывшись тяжёлым пьяным сном. Последнее, что помню, это мой разговор с пустой бутылкой, укатившейся к ножке стола.

Глава 45

Мои тревоги немного рассеялись следующим утром.

Изрядно помятый, так, что даже холодный душ поутру мне почти не помог, я вышел к завтраку. Горничная знала больше, чем кухарка. Княгиня, оказывается, полвечера обсуждала с Дашкой её свадебное платье. Из не слишком понятных объяснений я уловил, что свадебное платье есть тайна великая, и жениху ну никак не положено его видеть до свадьбы. Надо же, какие тараканы у женщин в голове водятся. И ведь не скажешь им, что нам, мужчинам, как-то глубоко фиолетово, какие на них окажутся рюшечки, и где сделана талия. Вот декольте… Впрочем, нет, пусть оно будет поглубже, но не у моих невест. Не то, чтобы я совсем злобный собственник, но на свадьбе и без декольте забот хватит. Найду куда посмотреть.

Смех смехом, а мне бы тоже не мешало озаботиться своим видом. Того и гляди, скоро стану князем, а одежды-то нет соответствующей. Знать бы ещё, что именно мне потребуется, да заодно определиться с костюмчиком на свадьбу. Есть у меня мрачное предчувствие, что просто один из костюмов, пошитых для предполагаемого княжения, мои невесты не поймут. Им вынь да положь именно свадебный, и никак иначе.

Блин, что за дикость такая, шить костюм на один раз. Хотя… Кто сказал, что на один? Одарённый я, или как. Посмотрим, может и ещё на что свадебный костюм сгодится. Заодно и невестам моим лишнее напоминание будет. А то ишь, что удумали. Без разрешения и предупреждения из дома сбегать.

Короче, решено. Закажу я себе костюм, такой, что закачаешься. Теперь бы мастера найти подходящего, да кое с какими деталями самому успеть. Завтрак бегом заканчиваю, и пошёл-пошёл, время не ждёт.

В отличии от Камышина, у нас телефонную связь восстановили, причём, буквально на днях. Минут сорок я потратил на то, чтобы дозвониться до тётушки. Не всё же ей одной меня озадачивать. Хотела перспективного родственника, получи и распишись, а заодно и связями своими тряхни, благо, повод самый что ни на есть благоприятный. Я не я буду, если чуть ли не воочию представляю себе её ближайшие телефонные разговоры, как только она узнает, что и для чего мне потребовалось.

– «Милочка, ты не могла бы мне помочь с портным. Мой родственник племянницу Императора в жёны берёт, а ко мне с просьбой обратился, портного ему посоветовать. Нет ли у тебя

кого на примете, из лучших, разумеется?» – вот примерно так это будет звучать, и как я предполагаю, не один раз.

Так что за подаренный праздник она мне крепко задолжала. Пусть отрабатывает.

Кошмар и ужас! Положив телефонную трубку, я ещё минут пять отходил от получасового разговора с родственницей, вытирая платком вспотевший лоб. Вопросы сыпались один за другим, и дай Бог, если я успевал отвечать хотя бы на каждый пятый. И ладно бы, сразу какой-то результат был, так нет же, сказала, чтобы часа через два перезвонил ей ещё раз.

Да Дашка у меня, оказывается, чистый ангел во плоти. Столько вопросов от неё я ни разу в жизни не слышал, по крайней мере, чтобы разом.

– Записывай адрес, – обрадовала меня родственница, когда я повторно до неё дозвонился, – Камергерский переулок, дом пять. Мастера зовут Левинсон Анатолий Абрамович. Как ты и просил, записала тебя на понедельник, на пять часов. Ателье находится недалеко от меня, так что в три часа жду тебя к себе на обед. И не вздумай опаздывать!

На этой радостной ноте разговор закончился. Похоже тётушке сейчас не до меня. Новость пошла гулять по столице и родственнице необходимо находиться в эпицентре событий.

Теперь главное, чтобы мои мастера не подвели. Для новых костюмов, трёх официальных княжеских и одного свадебного, я заказал дюжину больших пуговиц, и две дюжины маленьких. Простеньких таких четырёхконтурных накопителей. Из темно-синих алмазов в золоте и платине.

* * *

Первая же тренировка с Шепелевым заставила меня крепко задуматься. Бретёр неприятно удивил скоростью каста Воздушного Кулака, а я его поразил моментально выставленным щитом. Пожалуй, единственное, что я умею делать быстро и хорошо, так это создавать щиты. И изучение защитных заклинаний мне легко даётся. Надо будет щиты из арсенала Медведева опробовать сегодня, но сначала каким-нибудь из своих старых заклинаний я попытаюсь приложить по Шепелеву. Пару раз бросил в него модифицированные Светлячки, но от одного он ловко уклонился, а второй как-то хитро парировал, практически затушив его ещё на подлёте. Потом я поставил другой щит, уже из медведевских, и начал садить по Шепелеву файерболами, пару раз сменив их на Метеор и Огненную Стену. Его заклинания меня

не волновали. Щит их вынес уже добрый десяток, а всё как новенький. Затем я просто принялся гонять Шепелева по всей площадке, стараясь прихлопнуть его отдельно созданным щитом, как мухобойкой, но он оказался на редкость изворотлив, впрочем, как это и положено мухе.

– Стоп. Достаточно. Очень плохо, – вскоре услышали мы громкий голос Шабалина, наблюдавшего за тренировкой, – Олег Игоревич, неужели у вас нет чего-то более действенного? Что за детский сад вы тут устроили. Ещё из трубочки плеваться начните.

– Хм, для дуэли я пока ничего подходящего не выучил, но дайте мне день-два, и я буду соответствовать, – пришлось мне покаяться.

Нет, ну реально не хватает времени. Есть с десяток приличных точечных заклинаний в арсенале Медведева. Наверняка они для дуэли подойдут. Понимаю, что нужно их выучить как можно быстрее, но кто бы мне дал хотя бы часа четыре свободных. Желательно с утра, когда голова ничем не забита и ещё что-то соображает.

– А не для дуэли?

– Кое-что имеется, но это показывать надо.

– Ну и показывайте.

– Здесь? – недоуменно спросил я и отрицательно помотал головой, – Мне здесь озера не нужно. О, я около будущей церкви хотел прудик организовать. Можно туда съездить.

Так-то за домом, где сейчас у нас устроена тренировочная площадка, мы с Дарьей сад планировали по весне высадить. Даже помечтали как-то раз, что когда пацаны подрастут, тут уже всё цвести и плодоносить начнёт.

– Прудик. Озеро. Вы о чём? – поинтересовался Пётр.

– Поехали. Здесь недалеко, – первым пошёл я к дому, пока оба мага не опомнились, и не придумали, чем меня занять.

Мне же стало очевидно, что без своей аномально сильной защиты уровень бретёра я пока никак не потяну. Я по нему если чем и попаду, то только случайно, и вряд ли серьёзно. Это я к тому, что к моим тренерам вот-вот должна придти в голову светлая мысль о том, чтобы запретить мне использование щитов на тренировке. Как будто я не догадываюсь, что без них меня Шепелев за секунды уделает.

Мы зашли в дом, и пока машина прогревалась, скинули с себя всё тренировочное снаряжение и успели выпить по чашке кофе. Любимый напиток поднял настроение и на экскурсию по местам боевой славы я отправился в благостном расположении духа.

Засыпанное льдом поле почти не изменилось, разве что ложбины между горами льда присыпало снегом, да стали видны

верхние части ближних к посёлку машин, которые отрыли поисковые команды, занимающиеся сбором трофеев.

Неплохая подработка получилась для тех же охранников, свободных от смены. Половина стоимости найденного идёт им в карман.

По тропинке, протоптанной трофейной командой, мы дошли до первого грузовика и смогли забраться на расчищенную крышу кабины. Вид отсюда открывался жутковатый, зато ручей отлично прослеживался, и моё любимое дерево, торчащее у холма, словно трезубец Перуна, давало чёткий ориентир для предстоящих работ по ландшафтному дизайну.

Хорошенько прицелившись, я отправил «Комету» в путь. Громыхнуло знатно. Мы с Шепелевым едва смогли удержаться на ногах, схватившись друг за друга, а Шабалина с крыши кабины сдуло, и он, словно спускаясь с детской горки, прокатился на пятой точке до самой тропинки, с воплями подпрыгивая на ступеньках-трамплинах.

Когда он, покряхтывая и матерясь (вот бы никогда не подумал на такого-то интеллигентного человека), забрался к нам обратно, ветер почти полностью отогнал пар и клубы снега, закрывающие нам вид на образовавшуюся ямищу. Хорошая такая воронка получилась. Этакий правильный овал метров пятьдесят на двадцать пять, и метров пяти-шести глубиной. Скорее всего, «Комета» сейчас под острым углом в землю влетела. Полынья на озере, образовавшаяся во время первого испытания, помнится, была гораздо более круглой и на овал не слишком походила. Интересно, а что получится, если «Комету» отправить почти горизонтально. Она мне дорогу расчистит от снега, или сделает желоб, как для бобслея?

От практического и полезного обдумывания, как можно боевую магию использовать в мирных целях, меня отвлекли.

– Граф, не подскажете, каким транспортом быстрее всего можно добраться до тюрьмы? – услышал я ехидный вопрос Шепелева, – Меня как-то не слишком прельщает идея по совместным спаррингам с вами. Честное слово, хочется обратно. В теплую и уютную камеру. Под защиту милых и добрых надзирателей, отеческую заботу которых я оказывается сильно недооценивал.

– Чем же вам спарринг не понравился? – задал вопрос Шабалин, глядя себе под ноги и выбирая более уверенную позицию на скользкой металлической крыше.

– Теми же файерболами. Я сразу обратил внимание, что они какие-то странные, но особого значения не придал, подумав, что это я невольно потерял навык, пока в тюрьме сидел.

– А что с ними не так? – встал Шабалин чуть ли не в стойку охотничьей собаки, почуявшей дичь.

– Теперь понимаю, что многое. Они другого цвета. Не такого, как спелый помидор, а скорее, как апельсин. Покрупнее в размерах, и двигаются быстрее. А потом этот щит, которым он меня пытался прихлопнуть. Сделай он его побольше, вроде того, какого размера был на нём самом, и я бы оказался в крайне затруднительном положении. Хотя… Вы же наверняка могли его увеличить. Я не ошибаюсь? – повернулся уже ко мне бретёр.

– Мог, – согласился я с Шепелевым, – Только убивать вас никоим образом не входит в мои планы.

Врать мне нет смысла. За время нашего учебного поединка он по мне чем только не бил, и у меня нет сомнений в том, что с его опытом он чётко определил размеры той защитной полусферы, которая меня прикрывала. Дальше дело техники и теоретической подготовки. Распрямить защитную полусферу в круг и вымерить его диаметр сможет любой грамотный маг. И не только маг. Так себе задачка для любого школьника-хорошиста, дружащего с геометрией. Быстро бретёр сообразил, что диаметр своей «мухобойки» я мог при желании в разы увеличить.

– Интересно было бы посмотреть, как это будет выглядеть в вашем исполнении со щитом максимального размера, – уже вполне нормально проговорил Шабалин, об колено выбивая шапку, вывалянную в снегу.

– Со щитом, который я ставлю быстро, это могло быть примерно так, – я резко развернулся и для пущего визуального эффекта сделал резкое движение растопыренной пятернёй, словно хотел хлопнуть ладонью по столу.

Земля ощутимо дрогнула и метрах в десяти от нас образовалась отличная кругленькая площадка, своими размерами напомнившая мне арену цирка. Особый колорит ей придали два деревца, расплющенные на образовавшейся стекловидной поверхности. Вид у них был такой, словно их приготовили для гербария, или могучим паровым катком придавили, перед тем, как вморозить в лёд.

– Да ну нафиг, – как-то очень по-детски выразился Шепелев, рассматривая русский вариант зимней икебаны, – Завтра среда. В тюрьме на обед гречку с тушёнкой давать будут.

– А ещё что-нибудь можете показать? – загорелся Шабалин, не обратив никакого внимания на нытьё Шепелева.

– И покажу, и расскажу, но, господа, сначала расписочки о неразглашении. Служба имперской безопасности расстаралась, и мне авансом на каждого из вас по паре экземпляров выдали. Так что рекомендую сначала ознакомиться с ними, и лишь потом

решать, а так ли вам нужны столь опасные знания, – прищурился я, наблюдая в основном за Шепелевым. В согласии Шабалина можно не сомневаться, а вот бретёр что-то приуныл. Вон как уставился на кружок в снегу, который я щитом приложил.

– Всегда мечтал погибнуть ради торжества науки, – наконец-то определился с ответом Шепелев и повернувшись к полю, одним неуловимым движением моментально сотворил незнакомое мне заклинание.

Приглядевшись, я заметил в центре созданного мной круга зигзагообразный росчерк, крайне похожий на рисунок молнии.

Ого! Далеко не прост оказался столичный бретёр, и, пожалуй, у него есть чему поучиться.

* * *

Самолёт приземлился к нам на специально расчищенное лётное поле после обеда. Чуть позже появился грузовой дирижабль, притащивший на подвесе голый планер, так авиаторы называют несущую конструкцию самолёта, без силовой установки, и из трюмов дирижабля выгрузили пару больших контейнеров. На нём же прилетели старший Артемьев, профессор Фёдоров, пара техников и конструктор, соорудивший самолёт по старым чертежам, доставшимся Артемьеву от предков.

Первоначальный осмотр самолёта произвёл на меня двойственное впечатление.

С одной стороны восхищение. Я впервые так близко вижу самолёт чисто военного назначения. Большая, грозная и скоростная машина. Но Боже, как-то он очень уж кустарно сделан. И чем ближе я к нему подхожу, тем больше неряшливых и нелепых недоделок бросаются в глаза. А заклёпки. Их здесь тысячи! И все они далеко не безупречного качества. Неряшливые, с торчащими головками. Теперь понятно, отчего Артемьев во время визита к нам так восхитился наружной обшивкой гондолы нашего дирижабля. У нас изначально был сделан акцент на качество, и тот же Густавсон положил немало сил и нервов, но сумел так поставить систему контроля, что теперь каждую нашу заклёпку можно ставить в пример неумелым авиастроителям, как образец для подражания и пока недоступный им эталон.

Ещё раз я покачал головой, когда рассмотрел данный летательный аппарат поближе и в деталях. Неровные швы, зазоры, плохая краска, судя по всему даже не покрытая лаком, и всё это на скоростной машине, где каждая мелочь крайне серьёзно влияет на аэродинамическую чистоту самолёта, а значит

и на такие важные параметры, как скорость и экономичность.

– Ну, как вам моя ласточка? Нравиться? Первый раз, наверное, такую красоту видите? – с гордостью и очевидным чувством собственного превосходства спросил у меня лётчик, пригнавший самолёт.

– Пожалуй, только издалека, – честно ответил я, – А вблизи это больше всего похоже на табурет, который делали самостоятельно, и при этом не сильно старались. Там досочки недошкурили, тут гвозди вбили, как попало, а потом покрасили всё наскоро, чем было.

Окончания моих слов пилот, похоже, не расслышал. За ангарами взревели двигатели, и два пилота в МБК покачавшись в воздухе и пройдя необходимую процедуру предполётной диагностики, медленно пошли на облёт поля. Минуты через три они синхронно взмыли ввысь и вскоре пропали из вида.

– Неплохо пошли, – вслух оценил я начало испытаний модернизированных МБК, – Посмотрим, как они из новых гранатомётов отстреляются. Нам бы сразу такие поставить, глядишь, не дали бы «Медведям» над столицей резвиться.

Опыт воздушных схваток, полученный в дни заговора, доказал необходимость специализации МБК. Пилоты опробовали переделанный техномагом полка «снайперский» вариант, который он соорудил из присланных мной новых длинноствольных пушек, и коллективный разум полка родил идею. По слухам, решение далось не сразу. Обсуждали и спорили до хрипоты целых четыре ящика подряд. А когда водка закончилась, кто-то всё-таки запомнил, что все тогда сошлись на трёх модификациях «бережковского» МБК. Бронированный «танк», с автоматическим гранатомётом калибром миллиметров в тридцать-сорок, вторым шёл чуть более усиленный «штурмовой» комплекс, а третьим уже опробованный в небе над столицей «снайперский» МБК. При таких специализациях звено из пяти пилотов, по мнению спорщиков, смогло бы выполнять гораздо более широкий спектр заданий и существенно с большей безопасностью.

Гранатомёты нашлись у Лобаева. Когда мы с вернувшимся из столицы командиром отправленных туда пилотов зашли к оружейнику и поведали ему о чаяниях гвардейцев, оружейник, покряхтывая и изображая старость, повёл нас в свой арсенал. Оба гранатомёта, калибром тридцать и сорок миллиметров, оказались припрятаны в самом дальнем углу, в типовых ящиках армейского образца.

– Хотел весной на выставке их показать. Да только сдаётся мне, что как они у гвардейцев появятся, то и рекламировать ничего не нужно станет. Треноги, правда, для них ещё не готовы,

но как я понимаю, вам они без надобности, – рассказывал нам Лобаев, протирая гранатомёты куском ветоши, – А вот с гранатами не обессудьте. У меня только осколочные, и тех не густо. Кумулятивные сами заказывайте, если сможете. Зато по отдаче эти гранатомёты даже полегче будут, чем те длинноствольные пушки, что вы у меня забирали в прошлый раз.

– Мне прислали из столицы два комплекта усиленных приводов. Думаю, с ними пилот вполне сможет удержать ваши игрушки, – задумчиво подтвердил я, занимаясь одним из самых любимых мужских дел, а именно вознёй со всякого рода оружием. К слову сказать, оружием очень брутальным и по ощущениям, больше пуда весом. С пристёгнутым коробом на двадцать девять гранат, который лежит рядом, в этом же открытом ящике, гранатомёт пуда на два с лишним, пожалуй, потянет, так что без МБК мне из них пострелять никак не удастся.

Сегодня два пилота в обновлённых МБК, оснащённых гранатомётами и дополнительно защищённые навесной бронёй, пошли на взлёт. Интересно, удалось ли нам воплотить мечты гвардейцев в жизнь, и потом посмотрим на результаты стрельб.

– Извините, я сразу не сообразил. Так это вы тот самый граф Бережков? – спросил у меня лётчик, когда затих шум двигателей.

– Видимо да, поскольку других графов с такой же фамилией я пока что не встречал, – машинально отозвался я, возвращаясь к осмотру самолёта.

– Прошу меня простить, но я как-то сразу не сообразил, к кому лечу. Перед полётом мне просто показали место на карте, да и честно признаюсь, меня куда больше волновала посадка на незнакомом поле, чем всё остальное. А это и есть знаменитые бережковские верфи? – с уважением оглядел лётчик поле и громады ангаров.

– Они самые, пусть и не слишком знаменитые, – объективности ради поправил я его.

– Вы, наверное, свежих газет не читали. Последние дни там о вас много пишут. А фотографии пилотов в беретах так и вовсе на первых страницах появлялись. У нас болтают, что если бы не бережковцы, то гвардейскому полку хана бы пришла. Недаром всех ваших пилотов к орденам представили.

– Пустое. Гвардейцы сами сила великая. Был я на награждении. Своими глазами видел, что полк сохранил боеспособность. Меньше слушайте болтунов всяких, – проявил я воспитанное в Академии единство курсантов с гвардейцами. Не на пустом месте пестуется такая солидарность. Каждый курсант в скором будущем видит себя гвардейцем и даже в мыслях не допускает неуважения к лучшему полку Империи.

К слову сказать, существует и ещё один аспект, внутриполитический. Государь – это не просто лицо, которое само по себе вызывает уважение и трепет одним фактом своего существования. Гвардейцы воплощают в себе тот бронированный кулак, с которым ни один Клан не может не считаться. Оттого и нельзя никому дать даже малейшего повода для распространения сомнительных слухов. Гвардейский полк верен Императору и несокрушим! Только так, и никак иначе!

Когда прилетел грузовой дирижабль, мы с партнёрами уже вчерне обсудили предстоящий план работ.

Вряд ли кому интересно будет знать, как мы рубились за зачистку шероховатостей, шлифовку заклёпок, смывку старой краски. Это же такая проза и обыденность. Ну, что-то там кто-то делает, при этом его инструмент громко и противно шумит и жужжит, а то ещё и растворитель так воняет, что уже около входа в ангар можно упасть в обморок. Так-то да. Посторонний человек никогда не поймёт поэзию производства, без которой немыслимо создание летательных аппаратов.

Пассажиров того же дирижабля куда как больше интересует синенькая форма стюардесс, сидящая на них в обтяжку, мягкость кресел, и жратва, которую им подадут во время полёта. Во, это тема для бесконечных разговоров. А как и почему дирижабли летают – это вопросец даже не второстепенный. Большинству людей попросту никогда не интересны принципы полёта, и тем более отдельно взятые детали. Обывателям нет до этого дела.

– Почему наш дирижабль летит? – как-то раз, в глубоком детстве, задал я вопрос одному улыбающемуся толстячку, который всё время косился то ли на иллюминатор, то ли на соседку, сидящую между ним и видом на небо.

– Потому что я купил на него билет, – на полном серьёзе ответил мне этот типичный пассажир.

С тех пор я понял, что не все вопросы стоить озвучивать. А то ненароком ещё узнаю, что Солнце заходит только из-за того, что кому-то пора спать.

В своём уютном созерцательном мирке такие люди абсолютно правы. Им неинтересны подробности и детали, как я подозреваю, они и в детстве не разбирали игрушки, чтобы узнать, а что же у них внутри. С пассажирами по жизни нельзя спорить, так как у них всегда найдётся тысячи союзников, которые думают точно таким же образом, а то и мысли свои выражают теми же словами.

Таковский народец меня полностью устраивает. С типичным обывателем не надо напрягаться, опасаясь пропустить при беседе что-нибудь важное и интересное. Все их ответы и суждения

никогда не перепрыгнут за рамки общепринятого мнения и элементарной серой банальности, на которую можно не обращать внимания при разговоре. Главное, не пытаться выделиться и не спорить. Проще прикинуться такой же серой плесенью, и вещать нечто общеупотребимое. Мозг при этом можно отключать процентов на девяносто.

Отдельной ипостасью от безликого говора обывателей идёт его разновидность – светская беседа. И то и другое – по сути своей болтовня ради болтовни.

Впрочем, это лично моя точка зрения.

* * *

– Господа, перед тем, как вы приступите к обсуждению дальнейших планов, разрешите мне занять минут пять вашего времени, – поднялся со своего места профессор Фёдоров, когда мы все собрались в помещении конструкторского бюро, – Советник Императора поручил мне ознакомить вас с некоторыми разработками, касающимися авиации. Не буду скрывать. Достались они нам по наследству. Наши предки ещё во времена СССР предполагали, что ядерная война когда-нибудь обязательно состоится, и подготовили целую программу выживания в условиях постапокалипсиса. Требования к создаваемому вами самолёту брались не с потолка. Во времена Советов были разработаны сорок три модели самолётов по программе ЛВШ, так предки назвали легко воспроизводимый штурмовик. Согласно планам руководства СССР даже в тяжёлых постапокалиптических условиях наладить выпуск недорогого, эффективного в условиях локальных конфликтов, самолета, можно было без особых затруднений. Все проекты разрабатывались с учётом различных видов штурмовиков, производство которых можно было наладить в условиях разрушенной страны и разорванных производственных связей. По мнению военных аналитиков, именно этот тип самолёта должен был стать наиболее востребованным в условиях боевой деятельности низкой интенсивности. Как вы понимаете, под этим термином подразумевалась борьба с небольшими отрядами, партизанскими и диверсионными подразделениями, охрана границ и прочие мероприятия, занимающие львиную долю времени в работе военной авиации. Впрочем, как показал опыт последней войны с той же Польшей и Румынией, войска наших противников тоже не обладали сколь либо серьёзными средствами ПВО, реально опасными для скоростных малоразмерных самолётов. Краткий обзор по разработанным в

СССР ЛВШ у меня с собой. Более подробная документация находится в Имперском Спецхране.

Тут Фёдоров остановился, и налил себе полстакана воды, чтобы промочить горло.

– Мы не позиционировали свой самолёт, как штурмовик. По крайней мере, бронирование, как таковое, у него практически отсутствует, – хмуро высказался Артемьев, воспользовавшись возникшей паузой.

– Всё верно. Бронирования и на дирижаблях нет, – хитро прищурился профессор, поправляя очки, блеснувшие весёлыми зайчиками, – Но это же не мешает им успешно выдерживать огонь противника. Недолго, но, тем не менее, успешно.

– Щиты, – схватился за голову Артемьев, – Зачем броня, если её можно заменить магией.

– Вот именно. Оттого и проявлен высочайший интерес к вашему образовавшемуся тандему. Авиация и магия. Крайне интересное сочетание.

– Ого, прямо таки высочайший, – не выдержал я, вмешавшись в разговор.

– Признаюсь, с государем я лично не общался, но Мещерский мне достаточно ясно дал понять, что от вас ожидают прорыва. Отдельно подчеркнул, что это не только его мнение, – сообщил нам Фёдоров.

Похоже, советник Императора опять замыслил хитрую комбинацию, где он окажется не при чём, а все нововведения спишутся на счёт некого чересчур инициативного и ретивого графа.

А может и не графа. Помнится, стряпчий мне обещал выправить княжеские документы в рекордно короткие сроки. Я ему поверил, и не без оснований. Пару раз мне достаточно прямо намекнули, что вопрос о возможной помолвке с Алёной Рюминой состоится не раньше…

Угу, прямо так и сказали. Короче, пока князем не стану, на племянницу Императора нечего рот разевать. Вообще лучше к ней не подходить. Ничего не обломится.

Опять же, вопрос со свадьбой вроде бы решён. Может я и не в курсе столичных тонкостей и прочих придворных игрищ, но отчего-то есть у меня уверенность, что те чиновники, от которых будет зависеть прохождение моих документов по оформлению княжества, постараются выполнить свою работу образцово быстро. Вовсе не в том темпе, каким шло оформление баронства у моей тётушки.

– Получается, что просто хорошего самолёта им мало, – ни к кому конкретно не обращаясь, негромко заметил Густавсон, –

Неплохо бы знать, почему.

Интересное замечание обронил мой партнёр. Мне бы тоже не помешало знать, кто и что стоит за интересом к авиации, да ещё в связке техники с магией.

– Вы действительно способны создать хороший самолёт? – очень живо повернулся к нему Фёдоров.

– Первый, который прилетел к нам сам, потребует минимум вмешательства. Хотя, как сказать, это от нас потребуется не так много усилий. Когда технологии отработаны и мастера обучены, так и сама работа не пугает. Зачистим, вылижем, перекрасим, а там и мощность мотора поднимем. Поставим простенький нагнетатель воздуха, работающий на магии, и полетит эта птичка, как миленькая. Короче, требования военной комиссии будут выполнены в срок. За второй самолёт я не ручаюсь. Боюсь, за три месяца нам не сделать всё, что мы бы хотели. Модернизацию планера придётся начать с замены центроплана, затем магоконтуры, дополнительные двигатели, да и всего остального прилично набирается. Вряд ли успеем. Полгода бы дали, тогда ещё можно о чём-то говорить, – размеренно и солидно высказался Рудольф Генрихович.

– А как вы думаете, когда у наших авиаторов появится шанс повторить хотя бы простейшие модели реактивных самолётов? – поёрзал на кресле усевшийся было Фёдоров, прилетевший к нам с каким-то слишком уж боевым настроем и неуёмной жаждой движения.

– Да было бы, что там повторять. Летающая труба с керосином, – недовольно отозвался я, так как профессор не дал мне додумать важную мысль, которую я боялся потерять, – Был бы в нём смысл, а реактивный двигатель теперь не проблема. Лучше предков сделаем.

И тут меня всерьёз скрутило.

Уж на что я привык к шуточкам Сущности, но на этот раз он превзошёл сам себя. Вываленный пласт знаний заставил меня уронить голову на вовремя подставленные ладони.

Я не слышал, как выпроваживал Густавсон из кабинета всех лишних.

Я не видел Усольцева, замершего напротив меня и положившего перед собой карандаши и стопку бумаги.

И даже успел обдумать странную оговорку Рудольфа Генриховича, что само по себе очень неожиданно. Вроде бы прибило меня так, что я всё вокруг воспринимать перестал, а голова работает. И мои размышления сводятся к тому, что и Мещерскому, и Императору крайне важно существование системы противовесов. Голая техника – штука безусловно хорошая, и

предки это успешно доказали. Вот только амбиции промышленников, уверенно выдавливающих магическую аристократию из власти, того и гляди примут неуправляемый характер. А тут – на тебе! Наш самолёт! Гибрид техники и магии. Попробуйте-ка его превзойти, не используя магию. Что, не получается? Значит, поторопились вы, господа, магию раньше времени хоронить. Поумерьте пока свои аппетиты, и займитесь делом. Примерно такую позицию займёт Император, и вряд ли у кого язык повернётся, чтобы назвать её необъективной.

В себя я приходил поэтапно. Сначала вернулось обоняние. Запах кофе и коньяка, согласитесь, не самое плохое сочетание. По мне, так гораздо более приятное, чем банальный нашатырный спирт. Когда я оторвался от стола и открыл глаза, то увидел Усольцева. Техномаг водил передо мной чашкой с кофе, а в другой руке держал рюмку с коньяком.

Увидев, что я пришёл в себя, Усольцев вылил половину коньяка в кофе, а затем, секунду подумав, хлопнул туда и остальное.

– «Эх, сопьюсь я от такой жизни. Стану, как Пётр Первый. Того, как с двенадцати лет приучили офицеры его потешного полка пить, так он и бухал до самой смерти», – подумал я, подтягивая к себе карандаши и бумагу, но при этом не выпуская из рук кружку.

– Итак, господа, реактивный двигатель, – оторвался я от зарисовок, увидев, что все снова собрались в полном составе, и смотрят, как у меня из-под рук вылетают эскизы, – Сразу хочу сказать, что это вещь наипростейшая. Состоит он всего лишь из трёх частей. Нагнетателя воздуха, камеры сгорания и собственно сопла. С камерой и соплом можно не заморачиваться. Они будут точно такими же, как у предков. Так что нам останется добросовестно стыбрить из старых конструкций что-нибудь подходящей мощности, и этот вопрос будет решён, – я прервался на глоток кофе, оглядев слушателей. Моя лексика вызвала недовольную гримасу у Густавсона, и изрядно развеселила Фёдорова, прыснувшего в кулачок, – Потом потребуется всего-навсего присобачить к ним уже готовый нагнетатель, в роли которого запросто выступит наш магодвигатель с того же дирижабля, и не забыть, что расход воздуха в реактивном двигателе рассчитывается, как пятнадцать килограмм на каждый литр сжигаемого керосина. Из хорошего – тепла для теплосъёмников у реактивного двигателя хватит с избытком, чтобы запитать магией любой нагнетатель. Из плохого – нам потребуются жаростойкие рениевые сплавы. Рений можно найти на Камчатке.

– В жерле вулкана на острове Итуруп? – наморщил лоб профессор, явно что-то припоминая.

– Да. У вас есть информация по этому вопросу?

– Ничего особо интересного, кроме того, что это чертовски опасно, – пожал плечами Фёдоров.

– Зато, каков итог! Мы получим на выходе практически вечный реактивный двигатель, в котором не будет движущихся частей. В разы более лёгкий и в сотни раз более надёжный, чем был у предков. И заметьте, наш двигатель вряд ли когда можно будет заменить обычной механикой, не ухудшив его показатели.

– Когда вы сможете продемонстрировать опытный образец? – профессор уже чуть ли не подпрыгивал на стуле от нетерпения.

– Боюсь, что не скоро. Дел полно, да и свадьба у меня намечается, – покачал я головой.

– Да Бог с вами! – всплеснул руками Фёдоров, – Ну, что, право, за причина. Отгуляете день-другой, с женой намилуетесь и дня через три-четыре сами за работу примитесь.

– У него сразу две жены намечается, – хихикнул Усольцев, уже осознавший узы брака. Добилась своего настойчивая вдовушка. Месяца два прошло, как наш техномаг женатиком стал.

– Господи, да какая разница! Пусть неделя уйдёт, – не сдавался профессор.

– И одна из них племянница Императора, – мрачно добавил Густавсон, который так же, как и Усольцев, был предупреждён о моих планах.

– Кхе-кхе, – не на шутку закашлялся Фёдоров, да так сильно, что техномагу пришлось стучать его по спине, – Тогда вы правы. Авиация может и подождать.

* * *

В столицу я прибыл намного позже, чем планировал. Сначала банально проспал. Уже было поднялся утром, но затем решил ещё чуть-чуть подремать, и провалился на целый час. Измучили меня тренировки с Шепелевым. Проснувшись, уже на бегу схватил бутерброды, подготовленные заботливой кухаркой, и в темпе помчался грузиться на дирижабль. По закону подлости мы попали под сильный встречный ветер и в результате к тетушке я прибыл с опозданием.

Оказалось, что всё, что ни делается, к лучшему. У Анны гостила её знакомая из Камышина с двумя взрослыми дочерями. Как шепнула мне в прихожей родственница, их визит и для неё был полной неожиданностью, но отказать им было «решительно

невозможно».

Обе девицы, да и их мамаша, умом не блистали. Хотя на внешность были вполне приятны. Разговоры у них за столом крутились вокруг моды, магазинов и украшений. Мне было выражено восхищение моей брутальной трёхдневной щетиной, которую я попросту не успел сбрить поутру. С удивлением узнал, что мой неприглядный вид соответствует самой последней столичной моде, на изучение которой они тратили всё своё свободное время.

С Анной при посторонних пообщаться толком не удалось. Договорились, что я заскочу к ней после визита к портному. Её гостьи вечером собрались в театр, и нам никто не помешает наговориться всласть.

* * *

Портновская мастерская Левинсона занимала половину первого этажа в роскошном и представительном особняке, находившемся в самом центре столицы. Под стать месту оказалось и само помещение мастерской. Светлый зал поражал белизной стен, богатой золочёной лепниной и огромными зеркалами, вделанными в стены и делавшие помещение ещё более просторным. Громадные люстры под высокими потолками заливали зал светом, не оставляя любой тени ни малейшего шанса.

– Добгый вечер, молодой человек, – с заметным национальным акцентом поздоровался со мной мастер, глядя на меня поверх очков, спущенных на самый кончик носа.

Я уже дёрнулся было ответить, но вовремя разглядел хитрую усмешку, притаившуюся в уголках губ и в краешках немного прищуренных глаз. Попутно и очки рассмотрел. Больно уж на них стёкла тоненькие, можно сказать, чисто декоративные. Очень похоже, что развлекается старик, старательно делая вид, что не замечает вышитого герба на моём костюме. Для того он и очки с простыми стёклышками напялил, чтобы на зрение сослаться, случись что и пожелай я оскорбиться на его обращение не по статусу.

– И вам добрый вечер, старый портной, – усмехнулся я, показывая, что оценил его шутку.

Такого ответа мастер явно не ожидал. Впрочем, своим ответом я ему настроение не испортил. Пару секунд посмаковав мой ответ, он довольно почмокал губами и начал водить пальцем по большой амбарной книге, лежавшей на краю стола.

– Ггхаф Бегежков?

– Да. Пока граф.

– Отчего таки пока? Неудачно в заговоре поучаствовали? – оживился мастер, позабыв про свой акцент.

– Скорее, удачно. Костюмчики княжеские собираюсь заказывать.

– Ох, радость-то какая, что вас не слышит моя покойная мамочка. Иначе тут же любопытство бы сделала. Прямо таки воочию её вопрос слышу: – «Туля, где ты спал, когда люди деньги делали?»

– Да какие там деньги, – отмахнулся я, наслаждаясь беседой, – Вам вот тоже никто не мешает три мастерские открыть.

– А где же мне взять трёх Левинсончиков? Только не задавайте этот вопрос моей Саре. Иначе, опять мне сделают скандал, и всем будет весело. Пока у меня один шлемазл, но проще найти сиськи у курицы, чем понимание в его глазах. Этакий интроверт вырос, подвинутый на моде предков. И кому что доверить?

– Вот и я вас категорически не понимаю. Жизнь и мода каждый день меняются, а вы всё хотите своё подобие вырастить? – посмеялся я про себя, наглядно заметив извечный конфликт отцов и детей.

Родители всегда стараются сделать своего ребёнка успешным, исходя из своих мерок. У них есть опыт прожитых лет, но зачастую они не понимают, что лет через десять он окажется ничтожен. Другие родители тоже не спят. Как ни странно, но они тоже мечтают, чтобы их чадо так же стало известным юристом, скрипачом или спортсменом. Проходят годы, ребёнок вырастает, и выясняется, что не одна тысяча родителей поставила на одну и ту же фишку. Конкурс – больше, чем тысяча на место.

– Не делайте мне беременную голову. Шо бы вы хотели?

– Традиционные княжеские костюмы я, пожалуй, так и быть, доверю вам. А вот насчёт свадебного, позволю себе пообщаться с вашим сыном. Любопытно мне, знаете ли, не особо в традиции ударяться.

Секунд пять, померившись со мной взглядом (безнадёжное занятие, особенно после тренировок с князем Обдориным), мастер всё-таки ткнул в никелированную кнопку, в ответ на нажатие которой где-то в глубине здания отозвался звонкий колокольчик.

– Моня, мальчик мой, крикни Матрёне, чтобы чай подала двойной заварки, у меня интересный гость, и сам зайди к нам мерки с господина снять, – отдал портной распоряжение долговязому юноше, заглянувшему в зал через приоткрытую

дверь.

Ходил Моня недолго. Вскоре он вернулся с метром на шее и тетрадкой в руках.

– И шо бы вы хотели изобразить из княжеского костюма? – поинтересовался портной, придирчиво наблюдая за работой сына, снимавшего с меня мерки, – Моня, перемерь плечи ещё раз, и не убегай. Граф желает с тобой свадебный костюм обсудить.

– Так я для того до вас и пришёл, чтобы себе голову не ломать, – легко подстроился я под манеру общения мастера, – Особых претензий у меня немного. Герб вы, наверное, уже наконец-то заметили, осталась самая малость. Костюмы должны как-то сочетаться вот с такими славными пуговками и этим небольшим украшением, – я расстегнул пиджак, показав рубиновую звезду, висящую на груди, а потом высыпал на стол свои пуговицы-накопители.

– Надо же, какого качества вещи научились делать на Малой Арнаутской. Сам бы не увидел, никому бы не поверил, – проворчал про себя Анатолий Абрамович, подходя ко мне, чтобы рассмотреть звезду поближе, – Прямо таки, как настоящая.

Подождав, пока он подойдёт почти вплотную, я активировал звезду.

– Она светится! – отшатнулся Анатолий Абрамович, не отрывая взгляда от переливов артефакта.

– Это чтобы по тёмным подъездам было удобнее ходить, – насмешливо уточнил я, и оглянулся на Моню, в надежде, что тот поймёт и поддержит мою шутку.

С парнем происходило что-то не менее необычное, чем с артефактом. Он тоже светился. Не знаю, как это у него получилось, но это уже был не тот нескладный подросток, с грустным и умным взглядом. Глаза горели, аккуратно зачёсанные волосы слегка сбились набок, и плечи расправились. В целом эдакий одухотворённый художник, рассматривающий создаваемое полотно.

– Простите, как вас зовут? – обратился я к юноше.

– Мо… Эммануил, – чуть сбившись, ответил парень, буквально пожирая меня взглядом.

Я мельком посмотрел на себя в одно из зеркал. Вроде всё нормально. Рогов нет, нимб тоже отсутствует. Что не так-то, непонятно.

– Видите ли, Эммануил, у меня скоро свадьба, и мне было бы крайне интересно узнать мнение незашоренного условностями специалиста о том, каким может быть современный свадебный костюм. Этакий смелый, молодёжный. Ну, сами понимаете… – помахал я руками перед собой, пытаясь изобразить то, что не

смог выразить в словах.

– У меня есть. Подождите, я быстро, – Моня бросил на стол метр с тетрадкой, и опрометью кинулся вон из зала.

– Моня, шлемазл, ты опять делал кутюр за мой счёт, – прокричал ему вслед портной, – У папы и так ни копейки, а ты его разорить хочешь…

– Как доктор доктору, – проникновенным тоном обратился я к мастеру, – Если у вас нет ни копейки, то поверьте, разорение – это не ваше.

– Вот только не учите меня, как правильно делать сына. Если папа купит Моне сладкое красное яблоко, то, скорее всего папе и придётся следить, чтобы Моня это яблоко скушал. Зато если Моня сопрёт зелёную кислятину у соседа, то он сгрызёт то яблоко вместе с косточками, и не поморщится. Я ещё не оглох, не ослеп, и даже не сошёл с ума. Если по ночам в мастерской горит свет и шумят машинки, это вовсе не значит, что Моня там варит суп. Мальчику ещё работать и работать, прежде чем он сможет удивить папу.

Поняв, что я попросту наблюдаю семейный спектакль, я заулыбался. То, что Левинсон любит своего сына, и даже где-то гордится его партизанской деятельностью, было очевидно.

– Звезда, как я вижу, у вас настоящая, что меня бесконечно удивляет. Как я полагаю, и пуговицы эти, они не просто пуговицы, – как ни в чём не бывало, продолжил портной, наклоняясь над столом.

– Пока их можно трогать, – подсказал я, заметив, что портной не решается прикасаться к пуговкам руками.

– Пока? А потом?

– Потом они станут неплохими накопителями Силы.

– Насколько неплохими? Лучше, чем мой? – Анатолий Абрамович вытащил из стола шкатулку, в которой оказался массивный медальон на толстой серебряной цепи сложного плетения.

Оп-па, а портной-то у нас из Одарённых. Теперь понятно, откуда у него в мастерской столько света.

– Разрешите, – взял я в руки старинный артефакт, который мастер мне вручил после недолгих колебаний, – Интересная вещица. Навскидку, единиц на восемьдесят, – вынес я заключение, осмотрев обратную сторону медальона, и оценив толщину энерговодов и размеры кристалла.

– А у вас?

– Точно не замерял, но думаю, что маленькие пуговки единиц сто двадцать Силы примут, а большие порядка трёхсот.

– А этот синий камень…

– Алмаз.

– Больно уж маленькие они, для ста двадцати единиц, – с сомнением покрутил Левинсон в руке маленькую пуговицу.

– Давайте проверим, – не стал я спорить, заметив, что артефакт мастера заряжен.

Для меня ничего не стоит перекачать такой небольшой объём Силы из одного накопителя в другой. Секундное дело.

– Ну вот, ваш накопитель полностью вошёл, а у пуговицы чуть больше половины заряда, – показал я результат эксперимента мастеру, а затем вернул всё обратно.

– Теперь я верю в вашу звезду, – поклонился мне Левинсон, – У меня бы часа полтора ушло на такую процедуру. Я сильно стесняюсь спросить, но где можно раздобыть такие вещицы?

– Можете у меня заказать, – тут же сориентировался я, сообразив, что намечается неплохая статья пополнения бюджета.

И начался торг…

Безжалостный, яростный и театральный.

Анатолий Абрамович заламывал руки, хватался за сердце и делал вид, что рвёт на себе волосы.

Я был непоколебим, как скала и чертовски благожелателен. По крайней мере искренне желал ему жить так же хорошо, как он прибедняется.

Прибежавший Моня, стоял у дверей ни жив, ни мёртв. Похоже, его длинные, музыкальные пальцы дрожали, когда он прижимал к груди зачехлённый костюм.

Закончили мы минут через пять. Оба довольные, как слоны.

Ой, недооцениваю я любовь богатеньких к роскоши.

Не тем занимаюсь.

Какие, к демонам, пушки и самолёты!

Пуговицы! Вот что спасёт мир, ну, или серьёзно поднимет благосостояние отдельно взятого начинающего латифундиста.

– Ой вэй! Это же какие времена наступают, что даже приличному юноше приходится русским притворятся. А я себе нервы делаю и свой склероз напрягаю, на кого вы так мине напомнили. Таки деда моего, Исаака Моисеевича. Тот в молодости один в один на вас походил. Чистый орёл! А какие кафтаны и камзолы строил, закачаешься! Одного золота на барму больше килограмма шло, да ещё и каменьями драгоценными всё усыпано было. Любой камзол его работы смело бери и сразу в музей ставь. Теперь так не шьют, да-с, не шьют. Молодёжи всё бы побыстрее, да поярче. Нет понимания, что приличный княжеский кафтан только расшивать не один месяц надобно, – довольно потирал руки портной, поглядывая на сына, который так и стоял в дверях, – Моня, шо ты столбом замер, если на тебе фонаря нет.

Неси сюда свои хламиды, сделай нам посмеяться и мы займёмся серьёзным разговором.

– Вам придётся постоять пару минут, пока я подгоню костюм по вашей фигуре, – предупредил меня Эммануил, доставая из чехла весьма необычную одежду. Я не знаток моды, но могу точно сказать, что в наше время такие костюмы не носят.

Возился Моня чуть дольше, чем обещал. Когда он закончил и развернул меня к зеркалу, я даже присвистнул, так поразило меня то, что я там увидел.

– Эммануил, костюм я однозначно беру. Честно скажу, что не уверен в том, что у меня хватит смелости одеть его на свадьбу, но я найду, куда в нём выйти. А впрочем, нет ли у тебя случайно фотоаппарата. Желательно с цветной плёнкой.

– У меня, есть, – гордо тряхнул Моня головой, победно глянув на отца. Не удивлюсь, если и фотоаппарат он выбивал с боем.

– Сможешь вечером прислать мне фото? У меня неподалёку родственница живёт. Думаю, мне стоит показать ей, что я собираюсь одеть на свадьбу.

– Я сам принесу, как отпечатаю, – на ходу крикнул молодой мастер, умчавшись за аппаратом.

Часа через два, когда я закончил дела у портного и наговорился с Анной, нам доложили, что прибыл Эммануил Левинсон. На этот раз юноша оказался одет в строгий чёрный костюм. Немного робея, он протянул мне большой пакет.

Анна сначала смотрела фотографии сбоку и словно бы нехотя, но потом просто вытащила их у меня из рук и впилась в них взглядом.

– Боже, какая прелесть, – чуть слышно прошептала она спустя минуту и погладила рукой снимок[4].

Глава 46

6 февраля 211 года от Начала. Полдень. Бережковские верфи.

Сегодня я встречаю грузовой дирижабль. Очень большой, неповоротливый, притащивший мне сразу три тяжеленных грузовых контейнера.

Наконец-то я дождался заказа. В Камышине мне изготовили дизель-генераторы. Если честно, я на них чуть раньше рассчитывал.

Недалеко от верфей уже почти построен новый поселок, который все называют Подшипник, но без электричества работу там никак не начать. Дизелёчки – это не только электричество, они мне все производственные помещения обогреют и горячую воду дадут. А самое главное, мы впервые опробуем типовой проект моих будущих поселений.

Понятно, что поселок можно было как-то и по-другому назвать. Блеснуть фантазией и что-нибудь придумать этакое, замудрёное. Но я же знаю наш народ. Какое название не придумай, а всё одно, быть посёлку Подшипником.

Чего я так распинаюсь ради вроде бы незначительной мелочи, этих самых генераторов. Без них не заработает подшипниковый заводик, который почти готов к пуску. Это в сказках героям выдают скатерти самобранки и гусли-самогуды, а мне всё вручную приходится делать, во всём участвовать. Само по себе, как ни странно, ничего не делается. Не в сказке живу. Может, я и напрасно жалуюсь, да скорее всего, напрасно. Многое уже делается без моего прямого участия. К примеру, целый посёлок с цехом уже построили, а я там ещё ни разу не был. Всего-то проект согласовал да денег выделил. На пуск завода, правда, обязательно приеду. Для меня, и для моих людей это важно.

Те же подшипники, вроде бы простенькая деталь, а без них никуда. Я бы и сам посмеялся над такой проблемкой, но помню, попалась мне как-то раз в лицее переизданная книжка времён СССР. Там автор искренне возмущался, что у большинства подшипников, установленных внутри социалистических изделий на наиболее ответственных узлах, была иностранная надпись на торце внешнего кольца. Даже на товарах с советским Знаком Качества стояли подшипники «Мэйд ин Франсе».

Так вот. У нас такого не будет. Скорее лягушатники теперь наши подшипнички купят, чем мы к ним на поклон пойдём. А уж я постараюсь, чтобы наши получше французских крутились и не

люфтили. Попробую ценой и качеством превзойти. Слава Богу, магия и алмазные фильеры мне такой финт позволяют сделать.

– Олег Игоревич, вы бы отошли, а то ветер поднимается, – услышал я голос руководителя команды техников, принимающих контейнеры на специально собранные сани.

Ветер действительно присутствует. Экипаж дирижабля мастерски держит машину над полем, но контейнер начал опасно раскачиваться, повиснув над полем на длинных стропах, стоило только его оторвать от грузовых платформ летающего монстра.

– Майна помалу, – крикнул я в ответ, придержав контейнер щитом и выравнивая его, словно заправский стропальщик.

Так же быстро я справился и с остальными двумя контейнерами, принимая их на щит сразу, как только они отрывались от платформы. Можно сказать, сходу освоил новую специальность. Вот выгонят вдруг меня из бояр, так хоть буду знать, на какую работу можно устроиться.

Дирижабль дал отвальный гудок и неспешно начал набор высоты. Есть в этих летающих гигантах что-то завораживающее. Перед самолётами я и близко не ощущаю такого благоговения.

Кстати, о самолётах. Наблюдал вчера, как наши мастера подтрунивали над авиаконструктором. Мендельсон жутко переживает за своё детище. Сначала он просто бегает вокруг самолёта, стараясь успевать повсюду, но затем не выдерживает и начинает давать указания. Мастера у него за спиной перемигиваются, и один из них идёт за заранее сделанным трафаретом.

– Господин Мендельсон, – вскоре слышится его голос, – А боковые ноздри воздухозаборников согласно конструкции предусмотрены разного размера, или это у кого-то из ваших работников руки из задницы растут?

Мендельсон сломя голову несётся к носу самолёта, и вскоре убеждается, что полуовальные ноздри воздухозаборников действительно разные. Одна чуть длиннее, зато другая шире. Инженер хватается за голову и бежит на второй этаж, чтобы найти нужный чертёж и выяснить, какой из размеров правильный.

– И много вы таких сюрпризов нашему гостю приготовили? – улыбаясь, поинтересовался я у смеющихся мастеров.

– Семь, или восемь, вроде как. У нас же Николаич, ну, наш мастер-модельщик, на раз такие косяки подмечает. Дал же Бог человеку глаз-алмаз. Дважды вокруг машины обошёл, и сразу сказал, что неверно сделано и из размеров выбивается.

– Серьёзные огрехи есть? – перестал я улыбаться.

Итак из-за этого самолёта приходится самых разных мастеров наших постоянно отвлекать, так тут ещё дополнительный фронт

работ намечается. А у меня заказы на дирижабли пошли, пусть не валом, как мне предсказывали, но все цеха полностью загружены и работают в три смены.

– Не-е, – протянул начальник цеха, того самого, в чей ангар мы затащили самолёт, – Всё больше по мелочам, но сдаётся мне, в авиации мелочей не бывает.

Это он правильно сказал. В нашем случае именно мелочи и будут теми изюминками, которые помогут самолёту нормально летать. Что-то серьёзное и радикальное мы сделать не успеваем. Мало времени на работу, да и на испытания нужно хотя бы месяц оставить. Кто его знает, какие огрехи вылезут при первых пробных полётах. Реального опыта постройки самолёта ни у кого из нас нет.

Пока идут подготовительные работы, Усольцев вовсю мудрит над расположением и схемой контуров. Навскидку, учитывая скромные размеры нашей птички, с помощью магии можно будет облегчить самолёт килограммов на восемьсот, используя те же способы снижения веса, что и в дирижаблях.

Чтобы не нарушать центровку машины, руны будем привязывать к конструкции центроплана. Это такой хребет самолёта, который соединяет между собой крылья и сам корпус, отчего-то называемый Мендельсоном фюзеляж.

Чуть сложнее обстоит дело с установкой теплосъёмников и нагнетателей. Придётся лезть в двигатель.

Моторы – вотчина Иван Силыча. К мотористу даже Густавсон лишний раз старается не подходить, а уж я и вовсе только со стороны наблюдаю. Наблюдаю не просто так. Присматриваю место, куда бы глушитель для унитазов пристроить.

Есть у меня в доме поющий унитаз. Такие рулады закатывает порой, что диву даёшься, а последнее время и вовсе беда началась. Мой унитаз научился издавать настолько жуткие звуки, что ими впору фильмы ужасов озвучивать.

Однажды я не выдержал и озадачил Усольцева проблемкой глушения звука в трубах. Оказывается, особо придумывать ничего не нужно. Всё уже придумано до нас и остаётся только правильно использовать достижения техномагии, успешно работающие во многих дворцах.

Уже через день я разглядывал две накладки, сделанные из стальной трубы, разрезанной вдоль. Нанесённые на накладки руны и махонький накопитель Силы, собственно это и есть подавитель шума, собранный техномагом по принципу Полога Тишины. Простенькое приспособление сработало отлично, и вместо заунывных воплей баньши у меня в доме теперь слышится всего лишь недовольное ворчание, и то, можно сказать, шёпотом.

Победив унитаз, я наметил следующую цель, и, как ни странно, ей оказался самолёт.

Решение пришло сразу же, как только я впервые услышал звук его мотора. Очень уж он громкий. Помнится, как-то поутру, когда двигатель решили прогреть, то весь посёлок разбудили. Сильный шум – один из опасных недостатков нашего самолёта.

В Империи вся система противовоздушной обороны построена на акустических наблюдательных постах. Знакомили нас в Академии с такими установками и даже дали на них поработать. В нашей армии они называются акустические локаторы. Этакие счетверённые раструбы, зачастую позволяющие оператору этого квартета граммофонных труб бройлерного размера слышать звук моторов тех же дирижаблей задолго до того, как сам дирижабль можно будет увидеть.

Всем курсантам дали тогда побыть операторами подобного чуда. Я, в отличии от сокурсников, когда пришла моя очередь, небо слушать не стал. Развернул раструбы в сторону военного городка, и узнал много интересного, а заодно обзавёлся парой новых идиоматических выражений из лексикона командного матерного. Отлично всё слышно оказалось. О чём только не говорят…

Я успел подслушать, и даже посочувствовал двум неведомым воякам, обсуждавшим новенькую связистку. Действительно странно, почему Зинка женатым не даёт. Чистой воды дискриминация по семейному положению получается.

* * *

6 февраля 211 года от Начала. Два часа пополудни. Зимняя резиденция Императора. Дубовый кабинет.

Во всей Империи наберется немного счастливчиков, которые могут похвастаться тем, что видели изнутри убранство Дубового кабинета. Кабинет находится в центральной, наиболее охраняемой части дворца, куда далеко не все могут пробраться. Как утверждают знатоки, Дубовый кабинет одно из самых безопасных мест для проведения переговоров в столице. Лучшие придворные маги и техники сделали все возможное, чтобы ни одно слово не покинуло пределы кабинета. Кажущаяся скромность внутреннего убранства может обмануть своей простотой людей несведущих, но наверняка приведет в бешеный восторг любого антиквара. Одни резные панно, изготовленные пять веков назад, чего только стоят.

Собравшиеся вельможи и военные, которых оказалась неожиданно много, чинно расселись по местам и негромко переговаривались, в основном интересуюсь друг у друга причиной вызова.

Долго гадать им не пришлось. Вскоре одна из дверей распахнулась и в кабинет вошел Император в сопровождении трёх своих Советников.

– Господа, зная, что все вы люди занятые и ваше время дорого, я не буду растекаться мыслью по древу и передам слово своему Советнику, который изложит ту проблему, с которой мы столкнулись. Со своей стороны скажу всего лишь одно – международное политическое равновесие нарушено и это нарушение мы должны превратить себе во благо, – сказал государь, когда гости, вставшие при его появлении, расселись по местам. Он мотнул головой в сторону Мещерского, передавая ему слово, а сам неспешно обвёл взглядом всех собравшихся, ещё раз просчитывая про себя, интересы каких Кланов и Альянсов представляет тот или иной вельможа, попутно с государственной службой. Годы правления отучили его от идеализма, а наивностью Император и в молодости не страдал.

Властью приходится делиться, если хочешь иметь устойчивую основу правления.

– Я не стану вываливать вам на голову всё и сразу, – поднялся со своего места Советник, – Иначе в конце моего доклада вы меня засыплете вопросами и мы можем упустить что-нибудь важное. Поступим проще. Я буду поэтапно выкладывать всё наиболее значимое, а потом, согласно вашим вопросам, буду выстраивать свой дальнейший доклад. Новостей слишком много. Сразу скажу, что все они крайне важные и любая, кажущаяся на первый взгляд мелочь, может стать в ближайшем будущем одним из основных направлений, которому всем нам придётся уделять особое внимание. Пожалуй, начну с эпохального научного открытия, – Мещерский взял паузу, оглядев приглашённых. Слушали его внимательно, но Советник заметил, что некоторые хмурились, предполагая, что их деятельность никак не связана с достижениями науки. Особенно явно скепсис читался на лицах военных, которые даже не пытались скрыть своего разочарования. Советник Императора чуть заметно прищурился. С его-то опытом, да не завладеть вниманием аудитории, ну-ну… – Мы научились превращать избыточное тепло в магию. Важность такого открытия неимоверна. Полагаю, что лучше всего его оценят наши доблестные представители армии и флота, – Советник чуть усмехнулся про себя, заметив, как разом подобрались ранее расслабленные вояки и, словно по команде, все вместе

навострили уши, – Думаю, вы уже поняли, что теперь достаточно просто защитить любое транспортное средство, или тот же корабль, не только бронёй, но и магическим щитом, который больше не будет требовать расхода Силы из накопителей или обязательного присутствия магов. Защита будет работать постоянно, пока работает двигатель. И это только самый простой пример, как можно использовать наше изобретение. Перспективы сталелитейной промышленности тоже крайне обширны и заманчивы. Новые виды стали, более совершенная броня, а самое главное – общее увеличение производительности. Вопросы по этому моменту будут?

– Какой щит можно будет поставить на обычный армейский грузовик? – первым сориентировался один, смутно знакомый Мещерскому генерал от артиллерии.

– Вот ещё, на грузовики. Поважнее ничего не нашлось? – сварливо прервал его сосед, генерал горнострелковых войск.

– Мы без снарядов воевать не умеем. А больше всего грузовиков в прошедшую войну посекло именно осколками, – терпеливо разъяснил ему артиллерист.

– Тепла от бензинового двигателя мощностью в сто пятьдесят лошадиных сил должно хватить на поддержание малого пехотного щита. Его характеристики вы знаете лучше меня, – не дал Мещерский разгореться спору.

– На корабли тоже предусматриваются щиты? – поинтересовался контр-адмирал, придавив голосом обоих генералов, жаждущих продолжения спора, и бодающихся взглядами.

– Без сомнения. Хотя, стоит подумать и о других возможностях магии применительно к флоту. При наличии источника Силы на кораблях вполне допустимо её использование и в дополнительных магических двигателях, действующих по принципу водомёта, – подбросил Мещерский моряку интересную тему для размышлений, – Впрочем, такие же возможности открываются и для дирижаблей. Воздушные двигатели новой конструкции, использующие магию, уже существуют и опробованы на практике. Один из работающих образцов был летом представлен на Императорской регате и дирижабль с таким двигателем оказался победителем в своём классе. Кроме того, по имеющимся у меня сведениям, магический двигатель, используемый в качестве дополнительного, уже получил восторженные отзывы при его эксплуатации на небольшом грузовом дирижабле.

– Могу себе представить, кто писал этот отзыв, – желчно отозвался ещё один обладатель лампасов, китель которого

украшали голубые нашивки, свидетельствующие о его принадлежности к Военно-Воздушным Силам.

– Отзыв, отзыв, – невозмутимо отреагировал Мещерский, перебирая листы доклада, – Ага, нашёл. Некто купец Киякин Степан Васильевич, капитан-пилот второго ранга в отставке. К слову сказать, обладатель значительного числа боевых наград.

– А-а, Сибирский Сокол. Помню такого. Ну, этому можно верить. Он даже в рапортах своих заслуг никогда не выпячивал. Всегда всё по делу писал. Видать, стоящие движки, обязательно поинтересуюсь, – вытащил из кармана записную книжку авиатор, бегло делая в ней запись, – Кстати, не подскажете, сколько мощности эти ваши изобретения добавят, если поставить их бюджетный вариант на среднестатистический дирижабль?

– Если вы хотите услышать цифру, имеющую отношение к мощностям моторов, то хочу вас огорчить, она окажется крайне некорректна. Производители бензиновых авиадвигателей в своих характеристиках указывают только максимальную мощность мотора, полученную в идеальных условиях. Величину, прямо скажем, весьма эфемерную, особенно при их использовании на дирижаблях. Не мне вам рассказывать, как «скисает» бензиновый двигатель при наборе высоты. Кроме того, существует и такой термин, как КПД воздушного винта. Помножьте одно на другое, и на высоте в три-четыре километра вы и половины теоретической мощности, которую указали моторостроители, не найдёте. Магодвигатели в этом плане «честнее». Какое количество Силы к ним подвели, столько воздуха они через себя и протолкнут, разгоняя его до сверхзвуковых скоростей. Полагаю, что с набором высоты преимущества магодвигателя проявятся в полной мере. По предварительным расчётам у земли бензиновый двигатель имеет КПД около двадцати пяти процентов, из которых следует минусовать потери на работу винта. В итоге, получаем восемнадцать-двадцать процентов от теоретической мощности сжигаемого топлива. Теплосъёмники, работающие на магодвигатель, могут нам обеспечить порядка десяти процентов от этой же величины. Другими словами, у земли бензиновый двигатель будет иметь почти двухкратное преимущество, а вот на высоте в два-два с половиной километра тяга, создаваемая обоими двигателями, станет одинаковой. Хочу ещё раз подчеркнуть, что теплосъёмники будут забирать всего лишь бесполезное тепло и им не потребуется дополнительного топлива. Более того, они ещё и сработают, как радиаторы, позволив очень сильно сократить традиционную систему охлаждения. К сожалению, полностью перейти на охлаждение теплосъемниками пока не получится. Требуется серьёзная переработка

существующих моторов.

– Вы собрали нас, чтобы рассказать о технических новшествах, пусть и связанных с магией? – вмешался лощёный вельможа в мундире дипломатического корпуса Империи, при этом он демонстративно взглянул на свои дорогущие часы, давая понять, что его отвлекли от каких-то чрезвычайно важных дел.

– Согласен. С этим вопросом мы немного затянули. Перейдём к следующему пункту. Итак, авиация. А именно – самолёты. Думаю, для всех здесь присутствующих понятно, какое значение придают самолётам все ведущие страны мира. Кроме военного аспекта налицо ещё целый ряд моментов, среди которых престиж державы занимает далеко не последнее место. Могу уверенно сказать, что прогресс с самолётами у нас пошёл вперёд семимильными шагами. Как минимум трое авиастроителей недавно показали вполне работоспособные модели самолётов, наголову превосходящие все предыдущие образцы. Так что нашим дипломатам теперь не придётся прогибаться в случае попыток силового политического давления. Уже в ближайшее время мы закроем небо над столицей, а затем и найдём, чем ответить любому вероятному противнику, случись кому угрожать нам бомбардировками городов и промышленных центров.

– Опять всё для армии, – скучающим тоном произнёс дипломат.

– Пока, к сожалению, да. По удобству, экономичности и безопасности самолётам пока не переплюнуть пассажирские дирижабли. Кроме того, аэродромы нам ещё предстоит строить и строить. Сейчас на всю Империю их меньше десятка. Согласитесь, это ничтожно мало. В случае плохих погодных условий самолёт далеко не всегда сможет уйти на запасной аэродром.

– Про реактивные двигатели что-нибудь слышно? – вопрос авиатора заставил Мещерского переглянуться с Императором, который чуть заметно мотнул чуть в сторону головой и в свою очередь бросил взгляд на князя Обдорина.

– Существующие технологические ограничения пока не позволяют нам построить традиционный реактивный двигатель, пригодный для той же авиации. Что-нибудь более примитивное, вроде тех же ракет для систем залпового огня мы сможем производить, если в них появится необходимость, – на редкость удачно ушёл Советник от прямого ответа, ни разу не соврав. Да, уровня предков, ваяющих реактивную авиацию, словно горячие пирожки, нынешнее производство ещё не потянет, ну а про то, что двигатели, и уже в двух вариантах особые придуманы, так не всем это знать надо, – Хочу напомнить, что реактивные двигатели, вещь безусловно интересная, но нам бы к ним электронику

добавить, которая у нас катастрофически отстаёт. Поэтому очень хочется обратить ваше внимание на всемерную поддержку радиодела и всего с ним связанного.

– Были бы деньги. Мы хоть завтра можем радиозавод в Японии выкупить, – пожал дипломат плечами, как бы показывая, что вопрос сам по себе крайне прост, – Причём сразу вместе со всеми ко-нухами. Полезного японцы нынче не много делают, зато по части электроники они всем фору дадут.

– Откуда конюхи на радиозаводе? – не поднимаясь с места спросил артиллерист, в силу своей военной специальности не отличавшийся острым слухом.

– Японцы так государственных рабов называют, – тактично не стал поправлять его дипломат, с трудом удержав бесстрастное лицо, – Лето неурожайное выдалось. Рис в цене раза в три поднялся, а тут ещё спрос на электронику упал, и завод стал убыточным. С осени его продают, всё никак продать не могут.

– И почём нынче японские заводы идут? – поинтересовался Мещерский таким тоном, словно цену на овёс спрашивал.

– Миллиона в три он встанет, да ещё тысяч сто-двести чиновникам микадовским раздать придётся. Правда, потом землю с помещениями продать можно будет, так что полмиллиона возвратные получаются.

– Как я понимаю, столь точный ответ далеко не случаен? – с любопытством посмотрел Мещерский на работника дипломатического корпуса.

– Не так давно вопросом приобретения этого завода заинтересовался князь Белозерский. Буквально вчера по нашим каналам был получен ответ, – ничуть не смутился дипломат, давая понять, что подобные задания для них вполне обычная практика.

Ну, а что. Не взятки же они берут. Да, посодействуют в каком-то вопросе тому или иному Клану, пользуясь служебным положением, а там, разумеется, и без благодарности не обойдётся. Так что исключительно к пользе Империи такие дела. Глядишь, в стране заводик новый появится с импортным оборудованием, а то и товары необычные. Всё государству лишняя копеечка с налогов капать начнёт.

– И что завод производит?

– Электронику промышленную, да для связи какие-то устройства, они их называют терминалами, – наморщил лоб дипломат, вспоминая сложный технический термин.

Это судьба!

Мещерский стоически перенёс полученную информацию, разве что одной рукой ухватился за край стола, делая вид, что

ищет в папке какие-то бумаги.

Позавчера, получив из Бережково, как стали у них в Центре называть посёлок при бережковских верфях, сведения сначала об одном, а потом, вдогонку, и втором варианте реактивного двигателя, принципы которого основывались на техномагии, он вторую ночь толком не мог заснуть.

Его ошеломила красота идеи. Второй вариант реактивного двигателя был так же прост, как и первый, кроме незначительного, на первый взгляд, отличия. Двигатель был двухконтурный. И именно этот момент был попросту гениальным.

Вроде, всё то же самое. Классический реактивный двигатель, только устройство нагнетания воздуха размещено не перед двигателем, а во втором, наружном контуре, а в первом, словно желток в яйце, размещены собственно камера сгорания и сопло.

Первый же обсчёт, произведённый учёным при помощи логарифмической линейки, привёл Мещерского в трепет. Даже без учёта расширения нагретого воздуха, создающего дополнительную тягу, мощность двухконтурного двигателя легко позволяла использовать его, как разгонную ступень ракеты, позволяющую достичь космоса. Впору начинать креститься и отгонять бесов искушения. А тут, словно сон в руку, ещё и японцы, с их терминалами связи, и опыты этого беспокойного Бережкова с ретрансляторами на дирижаблях.

Всё один к одному. Ещё пара удачных шагов, и всю Империю можно будет охватить связью, обеспечивая зону покрытия прямо из космоса.

– Поставьте меня в известность, если переговоры о покупке завода вдруг не заладятся, – с трудом справился Советник с голосом, стараясь не выдать своего волнения, – С вашего разрешения я пока передам слово Сергею Сергеевичу Боткину. Он ознакомит вас с практикой восстановления Дара при помощи протезов и с результатами первых опытов использования поясов-накопителей в лекарском деле.

Мещерский уселся в кресло и с благодарностью принял стакан воды, который ему протянул его коллега. Совещание только началось и горло стоит поберечь. Впереди ещё горячие прения и множество вопросов, на которые потребуются ответы.

Пожалуй никогда ещё, за всю историю Империи, магию не обсуждали в таком представительном варианте, да ещё и на специально созванном совещании в присутствии Императора.

Приглашены все силовые министры и начальники ключевых ведомств, авторитетные генералы и представители науки. Почти пять десятков персон, имеющих колоссальный политический вес внутри державы.

Отлично государь организовал точку приложения сил. Хороший противовес должен получиться для противостояния растущему влиянию промышленников. Пройдёт совсем немного времени и государственная машина пусть хоть немного, но развернётся в нужном направлении, изыскивая пути для применения достижений магии в жизни страны.

* * *

9 февраля 211 года от Начала. Утро. Бережковские верфи.

– Ольга Вадимовна, да вы проходите, присаживайтесь. Я всё никак не мог найти времени, чтобы поближе познакомиться с вами, – Степан просто лучился благожелательностью и радушием, – Кофе не желаете?

– Право, Степан Николаевич, с чего честь такая. Я даже растерялась, когда вы за мной машину прислали, – провизорша, не поднимая глаз, застенчиво теребила недорогой кружевной воротник ручной вязки, расправляя его и приглаживая смявшийся под шубой краешек.

– Как это с чего, Ольга Вадимовна. Мы того и гляди в недалёком будущем можем чуть ли не родственниками стать, если наши Роды рассматривать. Дальними, правда, ну тут уж как сложилось.

– Не понимаю я вас, Степан Николаевич. Какие родственники, какой Род… Сирота я. И из родных никого не имею.

– Да полноте вам, Ольга Вадимовна. Или вы, Елена Александровна, предпочитаете своё настоящее имя-отчество? Я только попрошу вас не совершать опрометчивых поступков. Как бы не сложился наш разговор, обещаю, что задерживать вас никто не будет и свободу в передвижениях ограничивать тоже, – почти проворковал Степан, отслеживая движения гостьи. Кто его знает, как может повести себя раскрытый агент, когда его привозят к человеку, отвечающему за безопасность целого графства.

– Откуда же мне имя настоящее знать. Как в приюте назвали, так и зовусь с тех пор, – провизорша большую часть слов Степана пропустила мимо ушей, словно и не слышала.

– Знаю я об этом приюте. Хорошее дело незабвенный боярин Ртищев придумал. Такие орлы и орлицы из его приюта вылетают, что куда там имперским службам с ними тягаться. Оттого-то и решился я на разговор с вами, что нет у меня под рукой иного специалиста вашего уровня, а нужда в нём появилась нешуточная. Сам планировал в скором времени к Ртищеву обратиться, чтобы

пару-тройку сироток на обучение пристроить, но не хватает у меня знаний, чтобы выбрать, кто из девочек лучше всего соответствовать будет, а тут вы так удачно подвернулись. Аптекаршу новую мне куда как легче найти, чем агента с вашим опытом и талантами.

– Вы решили меня с работы уволить?

– Да Бог с вами! Хотите, дальше работайте. Я даже наблюдение с вас сниму. А то и парой передатчиков могу поделиться, чтобы вам удобнее было сообщения князю Белозёрскому отсылать. Да только сдаётся мне, что всё это без надобности окажется. Есть, знаете ли, уверенность, что мне удастся с вами договориться к нашей общей радости.

– Ой, с кем-то вы меня путаете, Степан Николаевич. И кажется мне, что с какой-то особой из Одарённых. Уж не знаю, что вы могли бы Одарённой предложить, но мне Бог Дара не дал.

– Как я вас понимаю, Елена Александровна! Я же и сам без Дара родился. Представьте себе только, всю жизнь рядом с боярином нашим плечом к плечу, а у самого Дара нет. Ох, как я ему завидовал. Сколько ночей не спал, пытаясь в себе Силу почувствовать, но обошла меня божья милость, – Степан вытащил портсигар из кармана и размяв сигарету, прикурил её от огонька, появившегося у него на кончике пальца, – Да-с, божья милость обошла, зато боярин наш по-своему это дело переиначил. Мага из меня сделал. Учусь вот теперь, как с магией управляться. Чего и вам желаю, если договориться сможем, – улыбнувшись, Степан сотворил Светлячок, и погоняв его вокруг себя, развеял лёгким пасом руки.

В наступившей тишине было слышно, как шумно вздохнула Бельская.

Ей, родившейся без Дара в семье Одарённых, много чего пришлось выслушать в свой адрес и пережить. Не счесть слёз, пролитых в подушку. Искусанных в кровь губ. Синяков, полученных в драках со сверстниками, на которых она, шипя как кошка, бросалась, едва только услышав обидное слово «бездарь». Да о чём говорить, если она с радостью дом покинула, чтобы не видеть сочувственных взглядов, не слышать злых шепотков за спиной, не терпеть помыканий родственников, обращающихся с ней чуть лучше, чем с прислугой. Даже её родители, и те стыдливо прятали девчушку, когда к ним в имение приезжала их родня на какое-нибудь торжество.

Отучившись пять лет в закрытом заведении, Лена стала смотреть на мир иначе. Маги уже давно перестали казаться ей грозными и недосягаемыми личностями. Убить человека можно очень просто. Гораздо труднее сделать так, чтобы никто не

догадался о том, что человека убили. Для того и существуют несчастные случаи, яды и интриги. А уж выбранная девушкой профессия провизорши, которой её попутно обучили у Ртищева, давала массу самых разных возможностей. Задумай она устроить серию взрывов на верфях, или отравить половину посёлка, всё что нужно у неё под рукой. Для кого-то аптека – это лавка с лекарствами, а для человека понимающего, это чуть ли не готовый арсенал, в котором можно найти все необходимые компоненты для той же взрывчатки.

– Всё бы вам смеяться, Степан Николаевич. Я девушка хоть и простая, но в сказки давно не верю. Не бывает такого, чтобы человек родился без Дара, а потом раз, и вдруг магом стал, – упорно держала свою линию Бельская, несмотря на то, что никаких сомнений в провале миссии у неё уже не осталось. Где и как её просчитали, на чём она прокололась, ещё предстоит выяснить. А пока ей предлагают поверить в чудо и ни чем не угрожают. Неплохая позиция, чтобы играя от неё попытаться прояснить ситуацию.

– А и правильно. Зачем нам друг другу верить. Давайте-ка я вас к воспитанницам нашим свожу. Там и примете решение. Посмотрите, какими они магессами стали, пока не все, правда, но уже больше половины. Поговорите с ними, а там глядишь, и сами в Одарённые захотите. Занятное дело, скажу я вам по секрету, по вечерам Светлячков в небо запускать. Вам точно понравится. Ну так что, едем?

– Едем, – встряхнула головой Бельская, рассыпая волной волосы по плечам, и убирая в карман заколку.

Вот уж чего её бесило в роли аптекарши, так это нелепая причёска, которую приходилось сооружать каждое утро, чтобы волосы не выбивались из-под аптекарской шапочки.

* * *

Я промазал.

Подушка, запущенная в отчаянно звонивший телефон, зацепила в полёте спинку стула, и он с грохотом опрокинулся. Такого шума я перенести уже не мог, и окончательно проснулся.

Телефон умолкать не хотел, и мне пришлось в потёмках до него добираться, спотыкаясь об упавшую со стула одежду.

– Ты уже придумал кого к Рюминым сватом отправить? – с места в карьер начала тётушка.

Вот же зараза! Мало того, что разбудила ни свет ни заря, так даже не поздоровалась. И вопросы-то какие неприятные при этом

задаёт…

– Есть у меня два купца в друзьях. Любого могу попросить, а то и обоих сразу, – бодро отрапортовал я в трубку, включая свет и подмигивая своему отражению в зеркале.

Угу, представляю себе, как купцы в качестве сватов заявятся во дворец Рюминых.

После этого я с чистой совестью положил трубку на стол, издалека слушая доносящиеся оттуда рулады тётушки и пошёл ставить кофе. Кофейник закипел раньше, чем в трубке стали затихать вопли родственницы.

– Анна, я пошутил, – вклинился я в одну из редких секунд затишья.

– Дурацкая шутка, – отрезала родственница после продолжительной паузы.

– Вообще-то я спал…

– А я нет. Я только домой вернулась, и представь себе, не в лучшем настроении. По твоей милости, чтоб ты знал.

– Да ладно, я же ничего плохого не сделал…

– Ты вообще ничего не сделал. О чём меня сегодня уже спрашивали, и достаточно ехидно. Если тебе интересно, то это была двоюродная бабушка твоей будущей невесты Алёны. Она крайне едко у меня спрашивала, собираешься ли ты сватов засылать, или передумал.

Упс-с… У меня скоро мозги набекрень съедут от этих родственных связей.

– Анна, ты бы лучше присоветовала мне, кого в сваты привлечь.

– А кого из князей ты знаешь? Учти, князь – это обязательное условие, – на корню обрубила тётушка мне возможности для следующей шутки.

– Обдорина, но я с ним слегка поссорился, Белозёрского, ну, тут как-то не очень хорошо получится из-за Дарьи. О! Гончарова могу попросить, – тяжело ворочая спросонья мозгами, начал я вслух перебирать варианты под неодобрительное хмыканье Анны.

– Гончарова, – с подозрением переспросила родственница, – А ты уверен, что сможешь с ним договориться?

– А почему бы и нет? Он тут как раз мне слегка задолжал.

– Напрасно ты так легкомысленно к князю относишься. Человек он далеко не простой, я бы сказала, очень себе на уме. Подумай, может у тебя подарок какой для него найдётся. Такой, чтобы он отказаться от него не смог.

– Подарок, – озадаченно пробормотал я в трубку, – Дай подумать пару минут.

Кофе – моё спасение и источник вдохновения. Несколько

глотков обжигающего напитка и…

– Есть подарок! Я ему пуговицы подарю, – радостно прокричал я в трубку, и как мне показалось, на том конце провода что-то разбилось, упав на пол.

– Олег, перестань шутить, а то у меня может мигрень разыграться. Хотя, подожди, ты про эти свои пуговицы говоришь? Которые с магией?

– Да, про них. Мне как раз первую партию сделали. Надо только накладки будет другие пришпандорить, подороже. Чтобы они от остальных отличались. Как тебе идея?

– Честно говоря, не очень, но я тебе подскажу беспроигрышный вариант. Ты же понимаешь, что Гончарова тебе придётся на свадьбу звать?

– М-м, и что? – с тоской поглядел я на дно опустевшей кружки. Всё-таки кофе не хватило. Голова опять перестала думать.

– С ним будет жена, – с намёком протянула Анна.

– Очень хорошо, – потянулся я к кофейнику, чтобы его снова включить.

– Господи, какой ты трудный, – в сердцах укорила меня родственница, – Сделай ещё один комплект для неё, и увидишь, какой фурор случится на свадьбе. Так что быть тебе скоро в законодателях моды, особенно с этим твоим свадебным костюмчиком.

Да уж. Где я, и где высокая мода… Всё-таки жизнь странно устроена.

Глава 47

– Нам нужно поговорить без свидетелей и так, чтобы нас гарантированно никто не подслушал, – прилетевший ко мне Антон Рюмин был серьёзен и мрачен, как вход в бомбоубежище.

Официальной причиной его прилёта была проверка двигателей дирижабля. Того самого, на котором мы с ним когда-то слетали с ответным визитом к князю Куракину. Ныне покойному.

– Тогда тебе снова придётся стать вторым пилотом. У меня как раз очередной дирижабль готов. Можем провести регламентные испытания, заодно и поговорим. Устроит?

– Так точно, капитан, – впервые после прилёта улыбнулся Рюмин.

– И что стоим? Вперёд. Переодеваемся и полетели.

К разговору мы вернулись только через час.

Двигатели гудят ровно. Высота две тысячи метров. Скорость под сотку, с учётом лёгкого попутного ветра. На борту только мы вдвоём.

– Странный дирижабль у тебя получился. Я понимаю, что салон ещё не до конца отделан, но всё равно, несерьёзный он какой-то. Больно уж легкомысленный, что ли, – в очередной раз с сомнением оглядел Антон салон нового дирижабля, выдержанный в светлых тонах, – Осталось только шторки розовые повесить, да пушистый коврик на пол постелить, и тут вовсе всё на девичью светёлку станет похоже.

– Точно, пушистый коврик. Я как чувствовал, что чего-то не хватает, – радостно потёр я руки, отпуская только что закреплённый штурвал управления, – Спасибо, что подсказал.

– Хм, ты это о чём?

– Мы сейчас на Алёнкином дирижабле летим. Подарки я им обеим приготовил. Для Дарьи я немного иначе салон сделал. Тот больше на её комнату будет похож, которую она сама обставляла. А с Алёной пришлось гадать, ну, и оставить кое-что по мелочам на её усмотрение. Сама потом что-нибудь придумает.

– Ты хочешь, чтобы она дирижабль водила?

– А ты разве сам свой пилотируешь?

– Конечно, – гордо вскинул голову Рюмин, – Уже больше двухсот часов налетал. К тебе без единого замечания долетел, и посадку сам совершил.

– Молодец, – искренне порадовался я за княжича, хотя нет, наверное уже за князя. Ходили в столице слухи, что младший Рюмин то ли стал уже князем, то ли вот-вот станет, – Только ты

смотри мне, сёстрам не проболтайся. Испортишь сюрприз, вовек не прощу.

– Не-е, ты что. Я могила, – руками изобразил Антон рот, закрытый на замок, – К тому же мы с тобой теперь друг к другу считай, что цепями прикованы.

– Но-но, полегче, – осадил я потенциального родственничка, – Я к Алёнке сватался, а не к тебе. И вообще, я воинствующий натурал. Так что на мою толерантность в этих вопросах можешь не рассчитывать.

– Да я не о том, – отмахнулся Антон, не поддержав шутку, – Мы с тобой теперь вместе должны стать чем-то вроде пугала, а как я догадываюсь, заодно и громоотвода.

– О как! Уже интересно. Кого пугать будем? – усмехнулся я, разглядывая насупившегося княжича.

– Всех. И в первую очередь Совет Князей, – ответил он на полном серьёзе, – Скажу больше, нам с тобой чуть ли не в обязанность вменят наглеть сверх положенного.

– А это ещё зачем?

– Чтобы боялись больше. Так что будем наглеть, откусываться и прикрывать спины друг другу. Я, понятное дело, больше своей фамилией и связями Семьи буду давить, а ты магией и соображалкой. Отчего-то все считают, что и с тем и с другим у тебя лучше дело обстоит, – нехотя признался Антон.

– Интересно, кто же тебе такое сказал? – уставился я на Рюмина, отводящего глаза в сторону.

– Мне никто. Подслушал я. Обдорин, государь и мой отец в кабинете заперлись, а когда выпили и закуску заказали, забыли Полог Тишины обновить.

– И что же они нам хотят предложить за роль злодеев? – не стал я заострять внимание на сомнительном поступке парня.

– Ничего. Аванс мы уже получили, а дальше, как им кажется, всё само по себе пойдёт. Нет у нас другого пути, кроме, как начать себя жёстко ставить.

– С этим утверждением я готов поспорить, но пока не вижу причин, – чуть задержался я с ответом.

Действительно, как ни странно, но самый трудный путь в первом чтении выглядит самым результативным. Начни мы, развесив уши, прогибаться под те условности, которыми нас без сомнения будут пичкать, и проглотит нас устоявшийся княжеский коллективчик, заставив плясать под свою дудку.

Собственно, такова участь всех новобранцев и новичков. Неважно, куда они попали, в армию ли, в футбольную команду, или на тот же завод, но стоит только раз-другой признать чьё-то право тобой командовать, и тащить тебе эту лямку долгий срок. В

этом нет чьего-то злого умысла. Такова жизнь. В устоявшемся коллективе все роли чётко расписаны. Безболезненно можно занять только ту, которую тебе самому предложат, или сознательно идти на конфликт, начав борьбу за самостоятельное определение. Нетрудно предположить, что Совет Князей ещё тот серпентарий. Люди там подобрались далеко не случайные, избалованные властью, собственной значимостью и поднаторевшие в интригах. По-хорошему с такими не договориться. За милую душу схарчат, да ещё и тебя же крайним при этом сделают. Выходит, правильно нас триумвират просчитал. По крайней мере, меня. Антону наверняка отвели роль ведомого.

Ну, что же… Значит будем ставить себя жёстко, а заодно наглеть, со всем нашим усердием и прилежанием.

– Так, теперь расскажи мне, что ты там про громоотвод измыслил, и давай-ка мы с тобой небольшой план распишем. Не помешает нам точно знать, кто из князей чем дышит, кто кому в рот смотрит, и кто какой магией владеет. Как считаешь?

– Есть такой список. У отца видел. А про громоотвод… Ты что-нибудь знаешь про морганатические браки?

– Только в общих чертах. Вроде того, что когда положение супругов неравное, то тот, у кого оно более низкое, никаких выгод в социальном росте не получает. То есть, возьми я, будучи графом, в жёны княжну, всё равно князем из-за этого не стал бы.

– Угу, если попросту, то так. Есть и ещё один момент. Тебя, насколько я в курсе, от наследования престола отказываться не заставляли?

– Да какой из меня наследник. Да и не нужно мне это. К тому же, случись что с государем, моё место будет первым с конца.

– Не в тебе дело. В отказе от наследования не столько ты что-то значишь, сколько твои дети. Они тоже прав престолонаследования лишаются, если бы ты отказ подписал. Теперь понимаешь?

– Нет, – чистосердечно ответил я, пытаясь вникнуть в столь нелюбимые мной хитросплетения различных родственных и им подобных отношений.

– Ладно, – тяжело вздохнул Антон, – Давай иначе попробую объяснить. После демонстрации головы князя Куракина на нас и так ярлык лютых злодеев повесили. Если мы ещё что-нибудь отчудим, так нас и вовсе за зверей принимать будут. Особенно тебя.

– Э-э… А почему это сразу именно меня? Голову Куракина ты же государю принёс, – не согласился я со столь необъективной оценкой княжича.

– Да, я. А ты случайно не забыл о своём личном кладбище?

– Хм, а кто про него знает. В газетах про такое не пишут.

– Зря ты в этом уверен. Думаю, досье на тебя почти у каждого князя уже есть, а у кого ещё нет, то в скором времени появится. К тому же в свете надвигающейся свадьбы ты станешь очень обсуждаемой личностью. Наши великосветские кумушки, дай им только повод, всю подноготную раскопают, и ещё больше сами придумают.

– Ладно, считай, что уговорил. Я – злодей. И что дальше? – чуть подправил я курс дирижабля, приводя его к ветру.

– А то, что нынешний Император на нашем фоне чуть ли не ангелом выглядит. Кто будет против него заговоры устраивать, если у него такие отморозки в наследниках появятся? А ну, как один из нас к власти придёт. Много у кого твёрдое убеждение возникнет, что мы с тобой сначала все лишние головы снесём, и лишь потом вопросы начнём задавать и невиновных наказывать.

– Ух ты, какая славная тактика! Сам придумал?

– Ты что, серьёзно?

– Пока нет. Просто пытаюсь примерить на себя роль Имперского Пугала. Как видишь, неплохо получается, – я поднялся с места, и кивнув Антону на штурвал, пошёл в салон.

Когда к приготовленному кофе добавились две рюмочки коньяка, я счёл приготовления достаточными. Для душевной беседы двух друзей больше и не нужно.

На посадку мы пошли часа через полтора, вдоволь наговорившись.

Пусть теперь Совет Князей попробует на зуб союз двух самых молодых князей Империи.

Мы готовы.

* * *

«Три девицы под окном пряли поздно вечерком…»[5]

Девиц действительно было три. Ну, из тех, у кого брачный возраст уже подошёл. Младшенькая, четвёртая, не в счёт, хоть она и выступает в роли хозяйки, пригласившей остальных.

– Если жизнь котика перевести на человеческую, то моему котейке сегодня исполняется ровно год, – крайне интересно выразила причину встречи Ангелина Лопухина, пригласившая девушек к себе в гости.

Котёнок действительно был прелестен. Этакое избалованное, намытое и причёсанное чудо с большим голубым бантом на шее. К зажулькиванью и сюсюканью подросший кошара отнёсся

абсолютно индифферентно, и лишь изредка пытался поймать лапой болтающиеся на цепочках кулоны, или ленты на платьях, делая вид, что принимает их за свои игрушки.

Когда принесли чай, фрукты и пирожное, девушки чинно уселись за стол. Виновнику торжества принесли специальное кресло с подушечками, и он, наглаживаемый Ангелиной, вытянулся во всю длину и довольно заурчал, впрочем, не забывая при этом время от времени скрести когтями по деревянному подлокотнику, демонстрируя полноту чувств.

– Избаловала ты его, Ангелинушка, – вроде бы строго проговорила Алёна Рюмина, хотя улыбка на её лице показывала совсем другое.

– Если бы я одна, – тяжело вздохнула Лопухина, отрывая от грозди винограда несколько крупных ягод.

Получилось у неё не совсем удачно. Несколько виноградин, упав с вазы, проскакали по столу и скатились на пол.

Такой игры котёнок пропустить не мог. Живо извернувшись, он моментально спрыгнул с кресла и, сделав вид, что принимает ягоды за мышей, успел таки придушить пару из них, прежде чем его совместными усилиями поймали и водрузили обратно.

Забавное происшествие несколько сгладило имеющееся напряжение и определённую натянутость, виной чему была не совсем обычная гостья.

К Лопухиным Алёна приехала не одна. Когда она представила своим подругам Светлану Второву, то это вызвало удивлённую гримасу у Дарьи и обиженное выражение лица у Ангелины, моментально приревновавшую Алёну к её новой знакомой.

– Так это вам такой кортеж посвящён? – спросила Ангелина у Второвой, кивая в сторону окна, выходящего во двор имения.

Алёна Рюмина обычно обходилась двумя машинами, а тут вдруг их сразу шесть приехало.

– Случайно получилось, – пожала плечами Светлана, – Когда оба брата были живы, отец ко мне столько охраны не приставлял.

– А что с братьями случилось? – поинтересовалась Дарья.

– Младший прошлой зимой в прорубь провалился, когда на коньках поехал кататься, а старший весной на войне погиб.

– Ага, и вы теперь у нас наследница целой промышленной империи? – тут же сообразила Лопухина.

– Ой, не дай Бог! Уж на что у меня батюшка талантами не обижен, так и он зашивается. Целыми днями в работе и хлопотах. Ни праздников, ни выходных. Домой затемно возвращается, а с утра пораньше уже снова мчится куда-нибудь.

– Знакомая картина, – чуть заметно усмехнулась Вадбольская,

переглянувшись с Алёной.

Усмешка у неё получилась не совсем, чтобы радостная. Олег тоже порой целыми днями пропадает, появляясь лишь к вечеру.

– Расскажете нам, чем вы увлекаетесь? – полюбопытствовала Лопухина, заранее предвкушающая нечто необычное. Всё-таки не каждый день удаётся вот так, в доверительной обстановке, побеседовать с девушкой иного круга.

– Увлекаюсь… – на секунду призадумалась Светлана, – Пожалуй, сейчас уже и ни чем таким, что можно было бы назвать увлечениями. Раньше любила на лошадках поездить. Потом с братьями велосипед себе собирала.

– Велосипед?

– Ну да, я сама придумала, как его сделать, чтобы девушкам удобно было в платье кататься. Получилась этакая трёхколёсная симпатяжка с моторчиком и креслицем, где заодно и ноги можно перед собой поставить.

– Это как вас угораздило такое чудо выдумать? – вытаращила глаза Ангелина, ожидавшая чего угодно, только не велосипеда с моторчиком в виде увлечения для девушек.

– Братья себе мотоциклы задумали делать, а девушке с ними одна морока. Захочешь прокатиться, и беги, переодевайся в костюм для верховой езды. Я, пока с ними в мастерской была, чего только не передумала, пока у меня то что нужно не получилось. Зато потом всё лето куда хотела, туда и ездила. Сама. И собачку свою приучила в передней корзине сидеть. Подушечку ей положишь, и она сама просится покататься, да ещё и встречный ветер облизывает. У неё это так мило получается…

– А сейчас вы чем заняты?

– Пытаюсь стать журналисткой, но уже понимаю, что мне образования не хватает. Я торгово-техническое училище закончила, а не университет.

– Это что за училище? Первый раз слышу, – нахмурилась Рюмина, – Вроде не так давно списки имперских учебных заведений просматривала, а такого не помню.

– Оно у нас коммерческое. Крупные промышленники и руководители заводов его учредили, чтобы своих детей обучать. Последнее время беда как модно стало посторонним в промышленность играться. Иной банкир нахапает денег полные карманы, и начинает заводы скупать, а сам блюминг от слябинга отличить не может.

Судя по округлившимся глазам девушек, не одни только банкиры думали, что блюминг скорее всего имеет отношение к десертам французской кухни.

– Эм-м, ну ладно. Что мы всё о грустном. Так-то мы

собирались о свадебных платьях поговорить, – прервала Алёна затянувшееся молчание, – Фасоны мы обе себе выбрали, но по телефону их не обсудишь. Надо эскизы смотреть, а заодно и прикинуть, как можно так сделать, чтобы нам обеим себя подать поинтереснее, дополняя друг друга. А то может статься, что по отдельности мы хорошо будем смотреться, а вместе из рук вон плохо. Для начала те же цвета хотя бы должны сочетаться. Белый отпадает сразу. Слишком банально и очень уж по-мещански.

Следующие два часа у девушек прошли в рассматривании картинок, каталогов и образцов тканей. Обсуждалось всё и сразу. Решение уже было где-то рядом, но идиллию нарушила Второва.

– Девочки, а Олег вас любит?

– Да, – тут же откликнулась Алёна.

– Да, – на миг позже отозвалась Дарья.

– И парень он смелый… Не зря же его орденами наградили. Возможно я ошибаюсь, но вы точно знаете, во что он будет одет?

– Господи, да он всегда был небрежен в одежде. Нацепит какой-нибудь чёрный фрак, белую рубашку с бабочкой, и сочтёт, что этого достаточно, – отмахнулась Вадбольская, теребя в руках образец голландских кружев.

– Я, конечно же, его знаю хуже, чем любая из вас, но я бы не была так уверена в чёрном фраке, – продолжала настаивать Светлана, – Пусть я совсем немного с вашим женихом пообщалась, прежде, чем он деликатно сплавил меня одному унылому подполковнику, но я успела заметить, что он на моего отца чем-то похож, а батюшка у меня малиновый пиджак себе на свадьбу пошил. От него тоже никто ничего подобного не ожидал. Мама до сих пор его пилит под настроение.

– Точно! – подскочила на стуле Ангелина Лопухина и заторопилась, не давая себя перебить, – Бабушке кто-то из подруг звонил. Говорили, что его тётка разыскивает лучшего портного в столице.

– Упс-с… – отодвинула от себя каталоги Алёна, выпрямляясь на стуле, и повернувшись к хозяйке, протянула просительно и требовательно, – Ангелина-а… Ангелинушка-а-а…

– Да бегу я уже, бегу… Сейчас же всё у бабушки выспрошу, и пусть она подруг своих обзванивает. Да не переживайте вы. Никуда ваш жених от нас не денется. Всё через час-другой узнаем. С бабушкиными-то связями всегда можно узнать всё, что захочешь.

* * *

– Недаром мне профессор Фёдоров когда-то сказал, что нашего боярина всерьёз увлекает только то, что летать умеет, – с досадой высказал своё мнение Густавсон, разглядывая чертежи, доставшиеся от предков, и их копии, исчёрканные Бережковым.

– Как по мне, так проект шикарный. Предки на совесть потрудились, и он не только проработан детально для многих разноплановых задач, но даже и ниггерами опробован. Африканцы ничего умнее не придумали, как своровать готовый советский проект Т-720, причём, отметились сразу две африканские страны, – заметил Усольцев. В отличии от Рудольфа Генриховича он начал знакомство с проектом не с чертежей, а с исторической справки, и сейчас увлечённо шуршал пожелтевшими фотографиями, пытаясь найти хоть какое-то отличие между самолётами AHRLAC у ЮАР и MISTY у Папуа.

– Раз уж у папуасов получилось его создать, то нам и подавно грешно жаловаться на трудности. Теперь вся проблема только в жаропрочных сплавах, и сдаётся мне, я только один завод знаю, где нам могут помочь, – проворчал Густавсон, поднимаясь из-за стола и глядя на фотографии, веером разложенные перед Усольцевым.

– Второвская «Электросталь»?

– Она самая. Вот только как с ними договориться, ума не приложу.

– Надо Олега подключать. Похоже, он где-то с дочкой Второва успел познакомиться, – наморщил лоб техномаг.

– С чего ты это решил?

– Так вон же газеты у него на столе лежат. И одна из подчёркнутых статеек там как раз Второвой написана. Если это не однофамилица, то может и получится через неё на самого заводчика выйти.

– Хм, а чем наш боярин сейчас занимается? – разворошил Густавсон ворох газет, пытаясь найти нужную статью.

– По-моему он сразу после тренировки с Шепелевым к Чашам умчался. Так что мы его теперь только ближе к вечеру увидим.

– Чёрт знает что! – в сердцах воскликнул Рудольф Генрихович, – Мы тут вопросы стратегической важности решаем, а он непонятно чем занимается.

– Где бы мы были, с этими вопросами, если бы Олег Игоревич в прошлый раз посёлок не защитил, – мягко напомнил Усольцев о весьма существенном факте.

– Ну да, это он умеет, – нехотя признал Густавсон, остывая, – Но уж на Второва ему придётся время найти. Архиважен этот вопросец, и профукать его мы не имеем права.

Вечером того же дня я имел счастье отбиваться от совместной

атаки моих компаньонов. Выпытали про Светлану Второву и насели вдвоём. Металлы им подавай! И не простые… Что ни сплав, то раритет.

У меня и так в планах было познакомиться со Второвым, отчего я и Алёну попросил к той журналистке присмотреться, но пока не ко времени это знакомство. Ох, не ко времени.

Ежедневные тренировки с Шепелевым только-только начали давать первый результат, и работа с Чашами у меня серьёзно продвинулась в лучшую сторону. По крайней мере пропало ощущение щекотки и пощипывания, которое меня раньше сильно беспокоило. После некоторых размышлений я пришёл к тому, что мои энергоканалы понемногу стали адаптироваться под более высокое напряжение магии. Выражаясь языком электриков, у меня словно изоляция на энергоканалах наросла, и их стало гораздо слабее пробивать магическим током. За неимением иной, более правдоподобной версии, я решил принять такое объяснение за данность.

Почти час у меня ушёл на поиски Второвой. Собственно, вариантов было немного. Телефон редакции и Алёна. В редакции журналистки не оказалось, а с Алёной мы полчаса проболтали, прежде чем я вспомнил, по какому поводу звоню. В конце концов мы наговорились, а там и телефончик Второвой оказался у меня в записной книжке.

– Светлана Николаевна? Это вас князь Бережков беспокоит, если помните такого, – представился я, после того, как сквозь треск связи и гудки, пробился молодой звонкий голос с извечным «Алло».

– Князя не помню, а вот одного молодого и симпатичного графа я ещё не забыла. Да и сами подумайте, как можно забыть человека, который однажды на целый вечер спровадил молодую девушку в компанию к скучному подполковнику?

– Хм, но статью в свою газету вы про него всё-таки написали.

– Только это вас и оправдывает, Ваше Сиятельство.

– Светлана Николаевна, а может обойдёмся без трескучих титулов. Поверьте, и так в ушах звенит, а тут вы ещё.

– Тогда уж и вы меня без отчества именуйте, а то я начинаю чувствовать себя старухой. Бр-р-р, как неприятно.

– Договорились. Света, я вообще-то по делу решился вас побеспокоить.

– Ну, конечно же. Для чего же ещё интересный молодой человек может позвонить в меру симпатичной девушке.

– Очень даже симпатичной девушке, – мягко поправил я журналистку, раз уж она сама напрашивается на комплимент, – Но дело у меня серьёзное. Мне с вашим отцом нужно встретиться.

Не поможете?

– Денег просить станете, или инвестиционный проект желаете предложить? – послышался в голосе девушки откровенный сарказм.

– Ни то, ни другое, – открестился я, услышав на другом конце линии еле различимый вздох облегчения, – Мне сплавы особые нужны. Жаропрочные. Для авиации, и не только. Взамен могу ему предложить уникальную технологию.

– А мне?

– Что вам? – не понял я вопроса.

– Мне что предложите? За помощь.

– А что бы вы хотели? – улыбнулся я, ожидая услышать что-то забавное.

– Сначала честный ответ на один вопрос.

– Хм, ну давайте попробуем, – уже менее уверенно проговорил я в трубку.

– Вы на свадьбе будете в чёрном?

– Нет, – замотал я головой, словно девушка могла меня видеть.

– Плюс пять торгово-техническому училищу, – чуть слышно прошелестела трубка, видимо отодвинутая далеко в сторону.

– Что вы сказали?

– Это не вам. Значит, так. Мне нужна цветная фотография вашего свадебного костюма. Как только она будет готова, звоните. Я тогда с отцом начну договариваться. Учтите, это непременное условие и оно не обсуждается, – выпалила Второва в трубку, и едва заметно хихикнула в конце.

– Вообще-то фотография у меня есть. Правда, не совсем костюма, а меня в костюме. Если не секрет, зачем она вам?

– Ну, не над кроватью же повесить. Невестам вашим покажу.

– Хм, понимаете, Светлана, я как бы сюрприз хочу им сделать, и показ свадебного костюма раньше времени в мои планы не входит. Совершенно не входит, – постарался я говорить максимально убедительно.

– Олег, сюрпризы на свадьбе положено невестам делать, а никак не женихам. А вы своими тайнами и секретами можете запросто испортить им праздник. Про сочетание стиля и цвета я говорить не стану, меня предупредили, что в этом вы не разбираетесь. Вам подсказать, как долго вам будут напоминать ваши жёны про испорченную свадьбу из-за чьего-то глупого желания сделать им сюрприз?

– Всю жизнь, – уныло озвучил я самую ожидаемую перспективу.

– И даже дольше, – оптимистично отозвалась собеседница, –

Так что с вас фотография, и вы мне ещё должны останетесь за спасённую счастливую семейную жизнь. Ну, это уже мелочи. Тортиком рассчитаетесь, с которым завтра к обеду явитесь. Считайте, что я вас пригласила. Обедаем мы обычно в час пополудни, так что не опаздывайте.

– Ну, что? Договорились? Увидитесь с Второвым? – перебивая друг друга встретили меня компаньоны, стоило мне вернуться к ним в комнату.

– Да. Но знали бы вы, чего мне это стоило… – устало плюхнулся я в кресло.

Переглянувшись, Густавсон с Усольцевым сдвинули со стола развёрнутые было чертежи, и вытащили из тумбы стола припрятанные там стопки и начатую бутылку шустовского, сопроводив это блюдцем с порезанным, и уже слегка подсохшим лимоном.

* * *

Город Электросталь находится километрах в пятидесяти восточнее столицы. Когда к нему подлетаешь, то издалека можно увидеть огромные трубы, испускающие длинные хвосты белого дыма. Промзона при городе просто огромна. Прямоугольники производственных зданий очерчены железнодорожными путями, словно оправой.

Жилая часть города тоже найдёт, чем удивить. В первую очередь – абсолютно прямыми, необычайно широкими улицами и нарочито прямоугольной планировкой кварталов.

– Здравствуйте, Олег Игоревич. Фотографию не забыли? – Светлана Второва легко сбежала по лестнице, дожидаясь, пока я передам в руки прислуги верхнюю одежду.

– Далась вам эта фотография, – проворчал я, запутавшись в застёжках куртки, – Привёз, конечно же. И торт, и фотографию.

Торт забрала горничная, а конверт с фотографией у меня проворно выхватила из рук Светлана.

– Вы знаете, Олег Игоревич, а ведь я вас обманула… – произнесла она, отойдя к окну и рассматривая фото при уличном свете.

Я чуть поморщился. Потерять полдня на полёты, и вернуться не солоно хлебавши. Слишком непозволительная роскошь для меня так временем теперь разбрасываться.

– Помните, я обмолвилась, что не стану вашу фотографию над кроватью вешать. Теперь точно повешу. Вы така-а-я душка! Просто мачо-мачо. Гораздо лучше выглядите, чем на всех других

снимках, из журналов. Ой, – вдруг пискнула Светлана, видимо сообразив, что сказала что-то лишнее, и прижав фотографию к лицу, умчалась вверх по лестнице.

– В зал проходите, там уже накрыто, – раздался пару секунд спустя её голос откуда-то сверху.

– Ага, а вот и наш гость пожаловал, – услышал я приятный баритон хозяина дома, мужчины чеховской наружности в длинном расстегнутом сюртуке, жилетке и в выбивающимся из образа необычном белом галстуке изрядной ширины.

– А Его Сиятельство изрядно молод, – оглядел меня ещё один мужчина, отличающийся необыкновенно пышной бородой, расходящейся надвое.

– Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, профессор. Князь Олег Игоревич Бережков, – на правах хозяина представил нас друг другу Второв, справедливо полагая, что сам он достаточно известен и без представлений, – Так что, господа, по аперитивчику, для аппетита, и к столу пройдём. Ваше Сиятельство одинарный предпочитает, или комбинированный? – старательно скрывая усмешку поинтересовался Второв.

– Моё Сиятельство предпочитает общаться без титулов, а выбор аперитива на ваше усмотрение. Я непритязателен к еде и напиткам, – спокойно ответил я, заслужив одобрительный взгляд профессора и еле слышное хмыканье от Второва.

– И чем же привлёк аж целого князя обычный сталепромышленник? – поинтересовался Николай Александрович, когда мы, отошли к небольшому столу, сделанному из толстого полированного стекла и ознакомились с выбором напитков.

– Бехеровка, – определил я, попробовав на вкус приглянувшуюся стопочку, – Жаль, лимона с солью нет. Впрочем, она и так хороша, тем более в нынешние морозы. А вам полноте, Николай Александрович. Не дело прибедняться, когда вы лучшую в стране сталь варите. Я, на вас ориентируясь, шарикоподшипники делать собрался, кольца для двигателей, а теперь и для нашей авиации особые сплавы потребуются. Где же их взять, кроме, как у вас?

– И какие же шарикоподшипники у нас нынче князья делают? – пригладил бороду Владимир Ефимович.

– Хорошие, профессор, очень хорошие, – покивал я головой, роясь в кармане, – Серьёзному станочному мастеру я их показывал, так он в восторге был.

Наконец-то потерянный подшипник нашёлся, запрятавшись было под связкой тяжёлых ключей, и я, надев его на палец, привычно наподдал по нему ногтём. Нравится мне медитировать

под бег крутящейся стали. Мои подшипники умеют долго крутиться, в чём и убедились собеседники, по очереди повертевшие забавный кругляш.

– А как вдруг не получится у меня ваши потребности в стали покрыть, что тогда делать станете? – отдав какое-то распоряжение слуге, вернулся к нам отошедший было Второв.

– У других придётся искать, а то и самому плавку осваивать, – пожал я плечами, и обернувшись на шум, заметил, что нам несут лимоны. Не пропустил значит заводчик моё пожелание мимо ушей. Озаботился лимонами.

– Видали, Владимир Ефимович, как у молодёжи всё просто, – заулыбался заводчик во весь рот, демонстрируя отлично сохранившиеся крупные зубы, – Мы с тобой, два дурака, всю жизнь на плавки положили, и то считаем, что и половины не знаем того, что знать бы хотелось. А тут, оказывается, дело-то не хитрое. Пришла нужда, ты раз-два, и сварил сталь, какую требуется. Так что ли, князь?

– Примерно так, – согласился я по привычке, – Только времени постоянно не хватает ни на что. А стали, её ведь много понадобится и разной. Не разорваться же мне. Опять же в химический состав вникать придётся. А сами плавки – дело плёвое. Раз уж вы действительно многого не знаете, то кое-что могу вам показать. Только мне кусок металла потребуется приличный. Скажем, с хорошую кувалду размером, а то и побольше.

– Простите, зачем? – собеседники и так слушали меня со всё возрастающим удивлением, а последняя просьба так и вовсе привела их в откровенное недоумение.

– Вы же плавку хотели увидеть? Или я ошибся, и вы не пытались мне недоверие выразить? – холодно спросил я у Второва.

Натренировался. После разговора с Антоном о предуготованной нам роли злодеев, полвечера просидел, строя перед зеркалом грозные хари. Раз уж нам с ним выпало имперскими страшилами стать, то и типаж должен соответствовать, и морда лица должна в запасе иметься, подходящая случаю и образу. Вот и осваиваю новый вид лицедейства на практике.

– Плавить здесь собираетесь? – Второв попытался то ли съязвить, то ли перевести всё в шутку. Как бы то ни было, но ирония не получилась. Слишком уж растерянно у него прозвучал голос. Никак не ожидал он столь резкой перемены в разговоре.

– Могу и здесь, но лучше всё-таки на улице. Допустим, вон там, за окном, что у вас? – показал я пальцем на заснеженное

возвышение, находящееся шагах в десяти от дома.

– Клумба.

– Пойдёт. Пусть туда железяку какую-нибудь притащат и на столбик поставят, тот, что в центре находится. И не пострадает ничего, и нам удобно смотреть будет, – я развернулся и отошёл к столу с напитками. Бехеровку у Второва небольшими стопками наливают, граммов по тридцать, так что можно и повторить, под принесённые лимоны.

Пить пришлось в одиночку, разглядывая в окно зимний пейзаж. Профессор с заводчиком ушли к дверям и там вполголоса давали какие-то распоряжения прислуге. Вскоре я услышал, как громко хлопнула входная дверь, а там и двое мужиков появились у клумбы. Потоптавшись, они пробили подобие тропинки и водрузили на столб явно тяжёлую железяку. Приглядевшись, я опознал наковальню. Здоровенную. Пуда на полтора-два, не меньше. Похоже, Второв на досуге прямо у себя дома кузнечным делом балуется.

– Эх, раззудись плечо, размахнись рука, – произнёс я вполголоса пришедшие на ум слова старинной песни, и принялся за работу.

Изначально я не собирался делать ничего сложного. Так, изобразить кокон, да выплавить какую-нибудь лепёшку из того металла, что принесут. Опыт есть. Я даже Дарье как-то раз метательные ножи случайно расплавил. Но при разглядывании клумбы родилась мысль. Толку от лепёшки выйдет не много, а вид из окна никуда не денешь. Опять же металла вдосталь.

Пока металл плавился, повиснув над клумбой ярким огненным шаром, я прикидывал, как и что буду делать. В какой-то момент поймал себя на том, что пытаюсь пальцами изобразить лепку из пластилина. Попробовал привязать магию к жесту. Со скрипом, но дело пошло. Сначала мне удалось ущипнуть край шара, а потом и полосы прихватывать научился. Жутко неудобно, правда, но особо выбирать не приходится. Сколько там лепестков у тюльпана? Вот хоть убейте, не помню. Впрочем, какая разница. У меня будет четыре. Этакий лаконичный тюльпан. Четыре остроугольных лепестка и шишечка в средине. Хм, вроде похоже. Теперь ножку чуть вытянем…

Я досадливо отмахнулся от дыма, мешающего работать. На редкость вонючие сигары у Второва, да и папиросы у Грум-Гржимайло немногим лучше.

– Папа, почему ты куришь в обеденном зале? – услышал я голос Светланы.

Заводчик закашлялся, и начал быстро тушить сигару, тыча ей в недоеденные мной лимоны. Что сделал профессор с папиросой

я не видел, так как у меня как раз шёл ответственный момент вытягивания ножки, что оказалось непростым делом.

– Чем вы вообще тут занимаетесь? – никак не хотела успокаиваться Второва.

– Цветы выращиваем, – ответил я, поскольку заводчик всё ещё кашлял, а Грум-Гржимайло куда-то ретировался и благоразумно затих.

– Какие ещё цветы?

– Стальные. Какие и должны расти у Стального Короля Империи, – твёрдо и весомо ответил я, довольный оконченной работой. Цветок был сформирован. Осталось подержать его до остывания, и затем воткнуть в середину клумбы.

– Ой, что это? – выглянула Светлана из-за моего плеча, увидев парящую в воздухе стальную икебану.

Посмотреть было на что. В центре металл остыл до темно-вишнёвого цвета, а на более тонких лепестках появились цвета побежалости, изрядно оживив стальное изделие.

– Я думаю, тюльпан. Не похож? – испытал я то чувство неуверенности, которое хорошо знакомо любой творческой личности, впервые выставляющей своё творение на суд общественности.

– Похож, ещё как похож! – чересчур горячо заверила меня девушка, ухватив за локоть.

– Тогда принимайте его в подарок.

– Так это мне…

– Для вашего отца у меня совсем другой подарок припасён, да и сами подумайте, ну не цветок же мне ему дарить.

Подарок Второву я достал, когда с цветком было закончено и он занял своё место на клумбе.

– Чтобы показать суть моего подарка, мне потребуется свеча, – сказал я, вынимая из кармана футляр, в котором обычно носят ручки.

Металлический цилиндр, чуть большей толщины, чем ручка, с одной стороны был закрыт стеклом, а с другой тонкой сеткой золотистого цвета. После того, как на столе появился подсвечник, я зажёг одну из свечей и поместил сеточку в пламя.

– Сейчас мы нагреваем теплообменник. Не мне вам рассказывать, сколько избыточного тепла расходуется в каждом сталеплавильном цехе. Представьте любой из этих источников на месте свечи. Тепло, которое просто улетает в воздух, мы научились превращать в магию, – я щёлкнул выключателем и на другом конце цилиндра загорелся Светлячок.

– Освещать цеха? – разочарованно протянул Второв.

– Не только. Продувка печей воздухом, прессы, прокатные

станы – всё может работать на магии и совершенно на иных принципах, чем сейчас.

– Этого не может быть, – закрутился на стуле профессор, подыскивая аргументы для возражения.

– Что именно не может быть? Уточните. То, что вы видите за окном, или то, что у меня в руках? Во что вы не готовы поверить?

– Тот же прокатный стан…

– Простите, а чем же я по вашему формировал металл для цветка?

– Ну, ладно, но вы же маг.

– Нажмите вот эту кнопочку на фонарике, и он загорится. Точно так же сработает и любое другое техномагическое устройство, если к нему будет приложено необходимое количество Силы. Той самой Силы, которую можно получить от жара печей и от остывающей стали.

* * *

Вечер того же дня. Дом Второвых.

– Надо же, какой замечательный цветок он тебе подарил! – заводчик уже долгое время стоял у окна, разглядывая украшение на клумбе, и каждый раз замечал всё новые оттенки металла, появляющиеся в отражениях от зажигаемых в доме огней.

– А тебе фонарик, – напомнила Света, чтобы сбить отца с мысли. Не так уж трудно догадаться, куда приведут его рассуждения, если он опять примется искать ей жениха.

– О-о, это не фонарик. Это целый прожектор. Ты даже представить себе не можешь, в какие дали он светит. Раньше я всегда знал, что буду делать в ближайшие год-два, чтобы производство на заводах улучшить, а сегодня я потерялся. Боюсь так далеко заглядывать.

– Выходит, не зря я тебя с князем познакомила?

– Ты умница у меня. Он очень интересный человек… А ты помнишь, как он меня назвал? Стальной Король Империи… Нет, ну надо же! Такой молодой, а какое глубокое понимание жизни…

Глава 48

15 февраля 211 года от Начала. Два часа пополудни. Мастерская Левинсона.

– Моня, шлемазл безногий! Где тебя носит полдня, если папа сказал тебе всего лишь перейти улицу и принести от вышивальщиц расшитые лацканы?

– Я ходил всего лишь сорок семь минут, – виновато потупился Эммануил, поглядев перед этим на настенные часы.

– Не смей спорить с отцом! А вчера… Кто вчера там дважды проторчал невесть сколько? Или ты из портных решил в златошвейки податься? Так ты только скажи… Папа сам сошьёт тебе юбку и пяльцы купит. Что молчишь? Опять с девками лясы точил. Вот скажу матери. То-то она обрадуется. Она тебе такую невесту подыскала. И хозяйственная, и из приличной еврейской семьи, и собой вроде не страшна.

– Папа, а как ты женился? Я слышал, что у тебя были трудности с выбором невесты, – пробурчал Эммануил, вздрогнув от перечисления достоинств маминого выбора.

– Как-как, да обычно, так же, как и все, – сбавил тон Анатолий Абрамович, – Одну девушку мне мать подыскала, вторая у отца была на примете, дочка его старинного друга, а мне третья нравилась.

– И кого же ты выбрал?

– Я к ребе пошёл. Со старшими спорить нехорошо, а ребе всегда может дать мудрый совет.

– А что сказал ребе?

– По его совету я дал каждой девушке по пятьдесят рублей, чтобы посмотреть, как они будут их расходовать. Одна купила себе новую юбку и сделала причёску, чтобы стать ещё красивее. Вторая купила мне модную шляпу и трость, чтобы я выглядел щёголем, а третья вложила их в товар и вернула мне семьдесят рублей, чтобы показать, какая она рачительная хозяйка.

– И кого же ты выбрал?

– Ту, у которой грудь больше была, – признался Анатолий Абрамович, почесав затылок, – Но это не причина, чтобы спорить с матерью. Ты меня понял?

– Конечно, папа. Сегодня же схожу к ребе, – почтительно ответил Моня, пряча бесенят в глазах.

Брякнувший дверной колокольчик ознаменовал приход клиента. Впрочем, вскинувшийся было мастер, тут же сел обратно на место, рассматривая вошедшую гостью поверх очков.

– Девушка, вы пришли за заказом?

– Нет.

– Тогда я таки хочу уточнить, что женское платье шьют через дорогу. Могу вам порекомендовать отличную портниху. А у нас только мужская одежда.

– Мне нужно поговорить с вами.

– Так говорите, кто же вам мешает, – покивал головой мастер, раскладывая перед собой новую выкройку.

Гостью он уже успел оценить, и сейчас наклонился над столом, чтобы она не заметила усмешку, которую он не смог сдержать.

– У вас случайно не заказывал костюм граф Бережков?

– Князь Бережков, – поправил её портной, – Заказывал, и вовсе не случайно, а по вполне себе солидной рекомендации.

– А вы не могли бы мне показать его костюм?

– Увы, это никак не в наших правилах, – помотал головой мастер, не отрываясь от своей работы.

– Я могу заплатить. Десять рублей будет достаточно?

– Вам только посмотреть?

– Хм, лучше бы, конечно, сфотографировать. Мне сложно будет объяснить моей хозяйке на словах, как костюм выглядит.

– Фотография вам встанет ещё в десять рублей, – поджал губы портной.

– Я согласна, – тут же отозвалась девушка, вытаскивая кошелёк из-под видавшей виды накидки.

– Какой из трёх костюмов вам показать? – сварливо осведомился мастер, явно недовольный поведением гостьи, и тем, что его отрывают от работы.

– А можно все три?

– Если с фотографиями, то с вас шестьдесят рублей, – для верности пощёлкал портной костяшками на старинных счётах.

– Вот, возьмите сто, у меня меньше нет.

– Сейчас найду сдачу, – Левинсон отошёл к кассе, и крутанув бронзовую ручку, долго копался в открывшемся ящике. Сдача у него набралась рублёвыми монетами, на которые гостья посмотрела крайне нерешительно, прежде чем убрала деньги в карман.

Вскоре Моня притащил костюмы, и надев их на манекен, защёлкал фотоаппаратом.

– Это всё, что он у вас заказал? – поинтересовалась гостья, скептически осмотрев не полностью готовые костюмы, с заткнутыми в них иголками и примётанными белыми нитками рукавами.

– Могу поклясться здоровьем тёщи, что у меня он больше

ничего не заказывал, – пробурчал портной, возвращаясь к работе, – За фотографиями можете зайти часа через полтора-два.

– Отец, зачем ты обманул бедную девушку? – спросил Эммануил, когда за гостьей закрылась дверь.

– Бедную? Хотел бы я, чтобы моя Сарочка так обнищала, когда выходила за меня замуж. Ты часто у служанок кольца с бриллиантами на пальцах видел? А пухлый кошелёк, в котором самая мелкая купюра достоинством в сто рублей? И это при том, что кошелька под мелочь у неё не оказалось. Монеты она просто ссыпала в карман. Может, ты сапожки успел рассмотреть, или край кружевного платья?

– Хорошо, пусть она не бедная, но ты же её обманул. И даже бабушку мою покойную упомянул.

– Я не сказал ни слова неправды. Мне князь заказал три обычных костюма, а свадебный костюм он заказал тебе. К тому же, что касается тёщи, так то что она уже не услышит, ей никак не повредит, – философски заметил мастер, возвращаясь к работе.

– А девушка не обидится?

– Она бы ещё больше обиделась, если бы пришла ко мне не наряжаясь служанкой, и я бы ей отказал, – пожал плечами Левинсон.

* * *

– Даша, насилу тебя поймала. Мне с утра позвонила Второва, а чуть позже неё Лопухина. И у той и у другой есть фотографии костюмов, которые Олег заказывал. Только описывают они их по-разному. Прямо земля и небо. Где встречаемся? – голос Алёны Рюминой просто дрожал от нетерпения.

– Можно в «Венеции», которая рядом со Смольным. Скажем, через час. Там к тому времени уже никого не бывает, а я сейчас нам отдельный кабинет закажу, – сходу предложила Вадбольская, соскучившаяся по любимым десертам, к которым она так привыкла за годы обучения в Смольном.

– Отлично, тогда я девочкам звоню, а то они уже заждались, – тут же отозвалась Алёна.

– Ну где эту Второву так долго носит? Ещё один десерт я не вынесу, – недовольно пробурчала Ангелина, когда принесённые фотографии были пристально рассмотрены, а рассказ, о том, как она с помощью бабушки узнала о портном и переодевшись служанкой, ловко выманила их у Левинсона, внимательно выслушан.

– Света издалека едет. Ей до столицы не меньше часа добираться, – вступилась Алёна за свою новую знакомую, – А впрочем, вот и она, кажется, – увидела княжна в окно запорошенные снегом знакомые машины, въезжающие на стоянку.

– Посмотрим, что она привезла. Наверняка не то что-то узнала, а мы тут сидим, ждём, – мстительно высказалась Лопухина, всё ещё не смирившаяся с появлением у Алёны новой подруги.

Впрочем, через пару минут ей пришлось признать, что она была не права. Олега на фотографии трудно было не узнать, но костюм…

– Это что же, получается Левинсон меня обманул? – гневно воскликнула Ангелина, сжимая кулачки, – Ну, я ему…

– А что случилось? – спросила Светлана, и девушкам пришлось ещё раз выслушать о расследовании, проведённом Лопухиной.

– Ага, значит, ты накидку у служанки взяла. А кольца снимала? – прищурилась Второва, выслушав рассказ юной партизанки.

– Э-э, нет. Но он в очках был, мог и не заметить.

– А рассчитывалась как, мелочью? На ноги валенки обула? Шестьдесят рублей заплатила, а за костюм Левинсон больше трёх тысяч берёт или нет? – продолжила спрашивать Второва, хотя по голове Ангелины, опускаемой всё ниже и ниже, и так всё было понятно, – А потом смотрите, на этих фотографиях в уголке мелко-мелко подписано, что мастер А.Левинсон, а на моей Э.Левинсон.

– Где подписано?

– Не вижу где, – почти одновременно сказали Алёна с Дарьей.

Второва взяла у них привезённые ею же фотографии, кстати, обе одинаковые, и наморщив лоб, попыталась сама рассмотреть надпись.

– Тут плохо получилось. Но на той фотографии, с которой мне их пересняли, надпись так же отчётливо видна, как на этих, – кивнула она на фотографии, принесённые Ангелиной.

– И где же твоя фотография? – спросила Лопухина.

– Где-то дома наверное осталась, – стремительно краснея, пробормотала Светлана, отводя глаза в сторону.

– Та-ак, – с усмешкой произнесла Вадбольская, от которой не укрылось смятение Светы, – Первая жертва нашего красавчика определилась. И это знак. Значит, костюмчик и вправду хорош.

– Чему ты радуешься? – с укоризной посмотрела на неё Алёна.

– Ты хоть представляешь, как нам все завидовать будут?

Посмотри только, как ему костюм идёт. Я в него сама бы влюбилась ещё раз, но больше уже некуда.

– А куда мы готовые платья денем, которые заказали? Они точно рядом с его костюмом не будут смотреться. Да и времени у нас совсем мало осталось, чтобы под этот костюм что-нибудь выдумать, – с досадой произнесла Алёна.

– Придётся с Олегом договариваться. С новыми платьями мы успеем, а как тебе идея, чтобы на официальную часть нам всем в одних нарядах выйти, а потом уже в другие переодеться? – положила Вадбольская перед собой фотографии обоих костюмов Бережкова.

– Так же никто не делает, – вмешалась Лопухина, оглянувшись на пунцовую Светлану, прячущую щёки в ладонях.

Та лишь кивнула головой в знак поддержки.

– И это здорово. Да что там здорово, просто отлично, – рассмеялась Дарья, захлопав в ладоши, – Значит, мы будем первые. Не вешай нос, подруга! Будет у нас праздник, – подтолкнула она локтём приунывшую было Алёну.

* * *

Николай Филатов, один из моих будущих алькальдов, тщательно взращиваемых из нашей молодёжи, был мной откомандирован на Ямал, вместе со звеном пилотов. Улетели они туда со второй волной десантников. Логово нефтепромышленника, оказавшего существенную поддержку заговору, без внимания оставлять было никак нельзя. Князь Обдорин рвал и метал, мечтая расправиться с последним оплотом заговора. К моменту вылета Филатову стало известно, что сам нефтепромышленник со своими приближёнными уже неделю, как отбыл в неизвестном направлении, а о каком-либо сопротивлении со стороны оставшихся заводчан и речи не идёт. Захват бывших меркуловских заводов правительственными войсками был произведён быстро и бескровно.

Нельзя сказать, чтобы я всерьёз рассчитывал на возможность восстановления заводов с их первоначальными возможностями. Как говорится, два переезда равны одному пожару, но очень хотелось сохранить технологии и специалистов. Особенно меня волновали процессы, позволяющие промышленными способами тиражировать техномагическую начинку.

Обскакали тут нас меркулововские спецы, что и говорить. Хорошо ещё, что мобильные боевые комплексы сами по себе изделия сложные, и технологический прорыв меркуловцев в

маготехнике мы смогли сгладить нашей успешной работой с металлом.

Филатов вернулся не один. С ним прилетела делегация из пяти человек. Как Николай мне объяснил, они представляют собой нечто вроде выборной администрации того рабочего посёлка, который остался на Ямале, но уже готовится к переезду. Почти пятьсот человек, из которых чуть меньше половины составляют женщины и дети, могут в ближайшее время переселиться на мои земли.

В первый день, после прибытия делегации, я не стал с ними встречаться. Пусть осмотрятся. Николай познакомит гостей с нашим поселением, свозит в недостроенные посёлки, которые мы по плану собирались окончательно обустроить лишь к лету, а там и поговорить можно будет. Должен сказать, удачно получилось. Как рассказал Филатов, ему вчера с большим трудом удалось вытащить прибывших ямальцев из бара при бассейне, куда они плотно засели после посещения бани.

Пятеро мужиков, чуть помятых, но с виду вполне бодрых, дожидались меня в кабинете. Застали мы их у окна, выходящего в цех. Они разглядывали достраиваемый дирижабль и о чём-то спорили. Тут же сидел и Филатов, приставленный к ним в качестве гида и сопровождающего.

– Чай, кофе, а то пиво, может быть? – поинтересовался я, проходя за свой стол.

– Чая достаточно, – за всех ответил высокий шатен с густой гривой волос и роскошными усами, никак не отметив мою подначку про пиво.

– Тогда присаживайтесь, и начинаем. Времени у нас не много, поэтому сразу договариваемся, что говорить будем только по делу. Как я себе вижу текущую ситуацию. У каждого из вас есть два варианта. Первый – это контракт на пять лет со мной, и второй – возвращение на Ямал, и уже оттуда, этапом, в следственные органы ближайшей губернии.

– Прямо таки этапом? – вызывающе уставился на меня низенький черноволосый крепыш, севший чуть в сторонке от остальных.

– Точно не скажу. Вполне возможно, что лично вами следователи так заинтересуются, что специально организуют пассажирский рейс и доставят вас первым классом, как особо важную для следствия персону. Чтобы не терять времени, сразу отмечу, что даже я, молодой и наивный юноша, и то ни разу не верю в вашу глупость. Подпольное, тайное изготовление боевых комплексов, использованных против государя, да ещё и приведшее к многочисленным жертвам. Даже затрудняюсь

сказать, сколько статей на каждого из вас наберётся к концу следствия. А к ним ещё добавится пособничество, группа лиц, государственная измена, – начал я загибать пальцы, – И к этим отягчающим моментам следователи вам с удовольствием приплюсуют ещё то, что все вы во время следствия друг на друга наговорите.

– Вы всё так описываете, словно сами сидели, – буркнул крепыш, недовольно поглядывая на посмеивающихся товарищей, которых отчего-то порадовал момент с его доставкой в тюрьму персональным дирижаблем.

– Довелось как-то раз. Впечатления хоть и невесёлые остались, зато яркие. Впрочем, вернёмся к нашим делам. Сходу у кого-то есть возражения против контракта? Ознакомиться успели? – кивнул я на разложенные по столу листы.

– Оплата не очень щедрая, – спокойно заметил шатен, косясь на контракт.

– Зарплаты у меня больше, чем в городе. Может, вам после Ямала они такими не кажутся, но там у вас и надбавки северные были, и доплата за участие в преступной деятельности. Приплачивал вам ваш наниматель за риск в тюрьме оказаться, и как видите, не зря. А я вроде, как наоборот, от неё, матушки, вас спасаю. Так что, ещё подумать надо, кто кому платить должен. Хотя, если кто-то из вас проявит себя в работе, то я всегда готов его выслушать, а то и сам отмечу, без ваших напоминаний. Такая постановка вопроса с оплатой вас устроит?

– А что мы делать будем? Снова МБК?

– Боевые комплексы у нас лучше ваших получились. «Медведи» себя не слишком хорошо показали. Вряд ли на них теперь найдётся заказчик. Разве что армейцы своих «горбатых» менять надумают. Тогда можно будет конструкцию ваших «Медведей» подшаманить до пригодного состояния, и им предложить, – начал я вслух рассуждать, под удивлённое переглядывание ямальцев, – А занять вас я хочу авиацией и техномагическими приспособлениями.

– Деревянные этажерки собирать? – опять влез крепыш.

Что тут сказать. Привыкли люди при слове самолёт представлять себе кургузый биплан с крыльями из фанеры и ткани. Приучили конструкции предков нас всех к деревянным самолётам. «Чайки», «ишаки», «ЛАГГи» – во всех дерева с избытком было. И ничего. Летала себе «фанерная авиация» и с фрицами сражалась.

– Когда вам можно будет показывать самолёт, я предложу вам поискать там дерево. Найдёте хоть одну дощечку или кусок фанеры, сто рублей заплачу, а пока, увы, не положено вам боевые

самолёты рассматривать. И дело даже не в отсутствии доверия.

– А оборудование наше как перевозить будете? – никак не отреагировал шатен на мой укус.

– Дирижабли придётся арендовать. Пока других вариантов не вижу.

– Есть у нас дирижабли. Правда, всего два из тех четырёх остались, что при заводах были, зато по двести тонн каждый может за раз поднять.

– О как! И хозяин их с собой не забрал, и вояки себе не затрофеили? – удивился я такой бесхозяйственности. Особенно от армии. Там ушлые прапора трофеят всё, что не приколочено, а то, что можно оторвать при помощи лома, приколоченным не считают.

– Кому они без гелия нужны, а та установка, что у нас стоит на поле, маломощная. Да и работать с ней не каждый может. Начни с неё гелий накачивать в дирижабль, так с неделю только с одним провозишься, а то и дольше.

– Не, не дольше. Неделя ровно на каждый уйдёт, – пробурчал крепыш, – Я гелий не до конца с балоннетов стравливал.

Ого! А у мужиков-то был план, оказывается. Почувствовали, что жареным запахло, и придумали, как с Ямала выбираться будут. С другой стороны, раз мне рассказать про дирижабли решились, значит всё меж собой уже обсудили, и принципиальное согласие на переезд можно считать полученным. Теперь, похоже, меня на сообразительность проверяют.

– Готов выслушать, как вы себе переезд представляете, – кивнул я, отмечая, что их оговорки мной замечены и приняты.

– Было бы поле около посёлков, где вы производство размещать собираетесь, всё очень просто бы сделали. Половину оборудования прямо с дирижаблей можно было поставить. А так, километров пятнадцать до них от вас выходит, если напрямую, и с подъёмной техникой мудрить придётся. Возить замучаемся. Оборудование негабаритное у нас, да и вес имеет немаленький.

– Просто поле нужно, или поле с причальными мачтами? – уточнил я.

– Голого ровного поля вполне бы хватило. Там дирижабли смогли бы разгрузиться, а потом у вас к мачтам встать на заправку и обслуживание.

– Появится поле, – пообещал я, – Как я понимаю, даже поменьше нашего для выгрузки достаточно будет?

– Половины вашей поляны за глаза хватит. Лишь бы лес да бугры не мешали. Начнёт груз над землёй елозить, побьём оборудование, а оно у нас к ударам крайне чувствительное. Деталей много хрупких, которые демонтировать тяжело.

– Завтра съездим, определимся с местом и всё сделаю, – успокоил я шатена.

– В смысле… Как сделаете?

– Магией, как же ещё. Поле расчищу и выровняю.

– У вас боевая звезда магов имеется?

– Я и сам маг.

– Настолько сильный?

– Достаточно сильный, чтобы выполнить то, что обещаю, – усмехнулся я, расстёгивая верхние пуговицы сюртука. Ровно настолько, чтобы можно было увидеть рубиновую звезду архимага.

– Вот теперь верю… – медленно поднялся шатен со стула, и склонился в поклоне, – Простите, Ваша Сиятельство, что мы вели себя неподобающе. Сами поймите, за нами семьи, дети, жизнь на кон ставить приходиться, а тут вы, и неожиданно такой молодой…

Вот и сбылась мечта идиота…

Хотел магию использовать в мирных целях, получи.

Если что, то поле пятьсот на пятьсот метров – это всего лишь квадрат площадью в две с половиной тысячи соток. Тех самых соток, которыми люди привыкли свои огороды измерять. И работы на таком «огороде» всего ничего. Лес выкорчевать, бугры срыть, выровнять всё и утрамбовать. И холмик… Торчит посредине размеченного участка, гад, словно пуп земли. Небольшой такой. Метров восемь-десять в высоту, он раскинулся в виде куполообразной выпуклости метров под сорок в диаметре. Словно его тут кто-то специально насыпал, чтобы мне не скучно было.

Работать я буду не один. Четверо помощников со мной приехали, если считать одним из них увязавшегося с нами Шабалина. А так, один из ямальских инженеров вооружился теодолитом и двое стоят со здоровенными линейками. Оглянувшись на оставшуюся за спиной группу поддержки, я с удовольствием заметил, что остановился Шабалин чуть в стороне от остальных, под здоровенной елью, где почти не было снега. На земле не было, весь снег чуть ли не целыми сугробами лежал на ветвях. А под еловыми лапами взад-вперёд ходил Шабалин, подняв высокий воротник своей короткополой шубейки, сшитой по столичной моде.

– Внимание! Проводятся взрывные работы. Всем необходимо срочно покинуть территорию полигона! – громко выкрикнул я, дурачась. Так-то да, пакость готовлю, этакую мелкую пакостишку для поднятия настроения.

– Бум-с! – запустил я оглушалку в воображаемый центр

расчищаемого участка.

Мы же за мир и здоровую экологию. Не дело птичек и животинок всяких губить, тем более в собственном лесу. Сначала разгоню всех, и уж потом всерьёз начну магичить.

– Да … … …, - нецензурно и громко высказался Шабалин у меня за спиной. Кстати, уже в который раз он матерится. Вот и верь после этого, что люди науки по определению интеллигентны. Подумаешь, упал на него целый пласт снега, сорвавшись с ёлки от сработавшего заклинания. Оглянувшись, я самокритично отметил, что со снегом небольшой перебор вышел. Снег попадал с ёлки весь. Моего мучителя, то есть учителя, я хотел сказать, снегом по пояс завалило и он теперь роется в образовавшемся сугробе, пытаясь найти там сбитую наземь шапку. Вот так вот, это тебе не на тренировках в ограничителях заклинаньицами друг в друга пулять, тут богатырский размах, понимаешь… Второй восторженной оценки от наставника я не стал дожидаться и почти без перерыва запустил одну за другой парочку «Твоих дивизий», распределив их по флангам участка. Посмотрим, как они по лесу и кустарнику сработают.

Эх, красиво получилось! Если бы не взрывы на земле и не столбы огня, то можно мне было в фейерверкеры податься. Салюты по праздникам запускать на заказ. А так из-за сопутствующего эффекта бизнес не получится. Пару секунд полюбуются гости падающими звёздами, а потом ни гостей, ни заказчика… Одни воронки и костры. Мда-а, ещё одна бизнес-идея насмарку, ну да ладно, я лучше холмиком займусь. Появился у меня в арсенале «Огненный диск». Этакий вращающийся огненный блин, который летит параллельно земле. Попробую им срезать вершину холма, а потом можно будет «Кометой» долбануть. Я, примерно по такой же тактике обычно с яйцом всмятку расправляюсь, если по утрам перепадает. Правда, с тех пор, как Дашка уехала, что-то в рационе поменялось, надо будет выяснить у кухарки, в чём дело, а то она всё каши какие-то молочные подаёт, как ребёнку.

Под гастрономические размышления холмик мне стал нравиться больше. Примерившись, я отправил диск в полёт так, чтобы он захватил верхнюю треть возвышающейся над землёй шапки.

Скосив по пути пару десятков деревьев, диск врезался в холм, а я был вынужден отвернуться от горячей волны, состоящей из дыма и пара. Глаза тут же заслезились, и мне стало не до «Кометы», которую я хотел было отправить вслед за диском.

– Олег, стой! Остановись! – чуть проморгавшись, я увидел, как ко мне несётся Шабалин, суматошно мельтеша руками и

проваливаясь в снег. Добежав, он обхватил меня руками, и почти в лицо мне прокричал, – Стоп!

Нет, я конечно же понимаю тот восторг, который вызывает у Шабалина истинная магия. Скажу больше, его искренность, с которой он выражает свои чувства, меня радует, и хотя я надеюсь, что его объятия носят чисто дружеский характер, но все таки, как по мне, так обнимашки – это лишнее. Солидный же человек, в конце концов, мог бы себя и посдержаннее вести.

Должна же быть у него какая-то весомая причина для такой радости. Хотя может она и есть. Откуда я знаю, вдруг посреди того снега, который только что упал профессору на голову, была здоровенная сосулька. Вот тебе и причина. Весомая. А с ударенного по голове много ли спросишь.

– Да стою я, стою, – спокойно ответил я наставнику, осторожно выкарабкиваясь из его объятий, – Вот, замер и ничего не делаю, – помахал я в воздухе руками, делая шаг назад. Видок у Шабалина тот ещё. Весь в снегу, шапка набок, рожа красная. Буйный он какой-то, как бы кусаться не начал, – А что случилось-то?

– Бункер, – просипел наставник, немного отдышавшись и тыча пальцем куда-то мне за спину.

Оглянувшись, я присмотрелся к тому, что осталось от холма. Хм, определённо что-то необычное просматривается. Вершину холма, вместе с кустами, снегом и землёй я диском смёл, а с бетонным колпаком не справился.

– Ух ты! – восхитился я неожиданной находке, – Пойдём вскрывать?

– Я тебе вскрою, – сильно дёрнул меня за рукав Шабалин, успевший подобраться поближе, – Враз пополнишь отряд вскрывальщиков, отправившихся на небеса.

– Я же под щитами буду. Что мне сделается?

– Вдруг там ядерный реактор? Или баллистическая ракета, снаряжённая ядерными боеголовками, а то и ещё что-нибудь похуже.

– А что, может быть похуже?

– Может. Склад химического или бактериологического оружия, например.

– Хм, и что тогда делать?

– Специальную команду вызывать.

– А она есть?

– Я, лет десять назад, в одной такой состоял. Во вскрытии пяти бункеров успел поучаствовать.

– Расскажете?

– Нет.

Мда-а… Есть чему у Шабалина поучиться. Хотя бы этому решительному «нет», после которого вопросы сами собой отпадают.

– И когда теперь можно будет поле доделывать?

– Поле… – усмехнулся наставник, оглядывая окрестности, – Если только полем всё обойдётся, то считай, что тебе повезло. Не хотелось бы тебя расстраивать, но мне это сооруженьице больше всего выход напоминает, и что характерно, не основной. Видишь там сбоку что-то вроде кубика? Как мне думается, это колпак вентиляционной шахты, и он всего один.

– Хм, это плохо или хорошо? – начал я внимательнее приглядываться к открывшемуся сооружению, к слову сказать, неплохо выглядящему для своих лет.

– У серьёзных объектов основной вход обычно был оборудован двумя, а то и четырьмя вентиляционными шахтами, и только на запасные ставили по одной. Что-то тут серьёзное закопано, – потопал ногой Шабалин, – Надо бы с воздуха посмотреть, где ещё такие холмики есть. Тогда приблизительно сможем размеры всего объекта прикинуть.

До холма мы всё-таки прогулялись. Благо, снега после моих упражнений по дороге к нему осталось немного. Вентиляционная шахта представляла собой будку, с беззубым оскалом осыпавшихся проржавевших решёток и чудом сохранившимися ступенями-скобами, сделанными из толстенной арматуры. Десяток из них я ещё смог разглядеть, а остальные терялись во мгле тёмного зева шахты. Брошенный вниз камушек летел секунд шесть, прежде чем мы услышали еле слышный стук от его приземления.

– Глубина метров сто двадцать-сто тридцать, – сухо заметил Шабалин, не успевший вовремя меня остановить, – Давайте-ка вызовем дирижабль по рации и осмотримся. Похоже, мы что-то очень интересное разыскали.

– Это вы по камушку определили? – поинтересовался я, после того, как следующий камень, гораздо больше первого, наставник у меня попросту отобрал, не дав его запустить вслед за его предшественником.

– Недалеко от Рязани есть объект Малинищи. Обычная ракетная точка, заброшенная предками после распада СССР. Нас в своё время вывозили туда для обучения, и никаких секретов из её существования никто не делает. Могу сказать, что там нет таких глубин, хотя сам объект занимает площадь в семнадцать гектаров.

– Так, – тут же насторожился я, – Это моя земля и потеря семнадцати гектаров в этом месте никак в мои планы не входит.

На самом деле вопрос даже не в гектарах. Оба строящихся посёлка – предмет моей гордости и тайной надежды. Я для них выбрал уникальное место. Редко так бывает, чтобы два источника Силы оказались рядом друг с другом. Поэтому, когда такое место нашлось, да ещё недалеко от верфей, я долго не раздумывал. Посёлки, которые мне строят по единому типовому проекту, тем и хороши, что их строительство предсказуемо по срокам и средствам. Эти два посёлка можно будет завершить ранней весной, если я увеличу число строительных бригад и буду готов к внеплановым платежам.

Вызванный по рации дирижабль прилетел через полчаса, и мы начали облёт по спирали, разглядывая все подозрительные возвышения. В итоге мест, крайне похожих на знакомый холмик набралось порядка пяти, причём одно из них мы сразу пометили, как маловероятное, а что-то очень похожее на основной вход отыскалось на северо-восточном склоне горы, километрах в трёх от размеченного нами поля. Самое неприятное было в том, что оба строящихся посёлка находились чуть ли не в центре полученной геометрической фигуры, обозначенной нами на карте в виде пентагона – правильного пятиугольника.

– Символично, – коротко заметил Шабалин, когда я отметил на карте последнюю точку, и несколькими уверенными движениями провёл в пентагоне диагонали. В центре получившейся пятиконечной звезды мы увидели ещё один пентагон, совсем маленький, по которому наставник многозначительно постучал карандашом.

* * *

Меня вряд ли можно назвать трусом. Собственно, и тугодумом я себя не считаю, но в порядке самокритики признаю, что с этим вопросом у меня порой не всё гладко.

Как и у большинства мужчин, у меня есть опасения, связанные со свадьбой.

Все знают навязчивые шутки о браке. Их много. И волей-неволей возникают не совсем приятные ассоциации, основанные на том, что нам такие шутники-затейники внушают чуть ли не с детства.

Брак – это уныло, говорят одни.

Ты вбухаешь в свадьбу столько денег, что потом будешь жить впроголодь, утверждают другие, описывая бесполезную помпезность свадеб.

Опять же глянцевые журналы и книги редко когда описывают

счастливые браки. Зачем? Читателям интереснее скандалы и сплетни о мимолётных романах, а чужая радость редко находит почитателей, гораздо чаще она вызывает зависть и глухое раздражение.

Наша самостоятельность. Как бы мужчины не пытались это скрывать, но они отстаивают её порой почище, чем иные девушки девственность и крайне болезненно воспринимают насмешки холостых приятелей, случись им отказаться от похода в баню или поездки на рыбалку по причине семейных дел. В глазах холостяков возникающие порой ситуации в семье кажутся позабытым детским кошмаром, когда за них что-то решали родители, а то и напрочь запрещали им массу крайне интересных дел.

Так что определённые опасения по поводу свадьбы у меня есть. Может они кажутся кому-то смешными и нелепыми, но я про церемонию торжественного заключения брака часто думаю, и что скрывать, иногда ночью ворочаюсь, чувствуя себя крайне неуютно.

Догадываюсь, что многим мои откровения покажутся наивными и смешными, но зато они честны и жизненны. И хоть честность зачастую не в чести, но мне проще так жить.

Переживать, думать, сомневаться. По крайней мере наедине с самим собой.

А свадьба… Да, сама церемония не вызывает восторга у мужчин.

У мальчиков и девочек абсолютно разное воспитание.

Девочки с детства ждут встречи с принцем, и такая встреча во всех сказках заканчивается пышной свадьбой. Для девушек свадьба – это некая кульминация, позволяющая им в какой-то момент ощутить себя принцессой, главной героиней яркого события.

Парни воспитаны на подвигах и приключениях. И вроде свадьба им не нужна. По крайней мере никогда ни от кого из женившихся друзей я не слышал, чтобы они с восторгом рассказывали о своей свадьбе.

А чего хочу от свадьбы я, и как я к ней отношусь? Да, пожалуй, с пониманием. И это самое верное слово, которое я смог придумать во время ночных размышлений.

Если свадьба так важна для девушки, то почему бы мне не сделать подарок.

Устроить праздник, о котором можно вспоминать всю жизнь.

Сделать так, чтобы она воплотила свою мечту.

Мечту, до которой осталось всего три дня.

Целых три дня, каждый из которых в моей насыщенной

жизни становится отчего-то необычайно долгим.

Глава 49

Очередные хлопоты я в этот раз получил от Степана.

Вот уж от кого не ожидал забот, так это от него.

Как-то незаметно и понемногу, но Степаша стал у меня состоятельным человеком. Как-никак, а прилично мы с ним награ… э-э, экспроприировали разных ценностей у всяких нехороших людей. И удумалось же ему озадачить меня проблемами в самый неподходящий момент. Хотя, когда он ещё будет, этот подходящий момент. Уж точно не в ближайшие месяцы, а у степановской команды вовсю ручонки чешутся.

Затеяли они строительство радиоцеха и заодно начали поиск места для монтажа одной хитрой установки. Чего-то они там напридумывали, разных книг и схем притащили не один шкаф, троих специалистов сманили из столичной лаборатории и теперь им всем попросту не хватает помещений.

Казалось бы, при чём тут я. Деньги Степан свои решил тратить, людей у меня от работы для своих дел не отвлекает, на строительство я ему разрешение дал. Так нет же. Горка ему понадобилась. Этакая горушечка приметная, около которой я не так давно прудик Кометой вырыл. И всё бы ничего, но по плану у меня там церковь должна начать по весне начать строиться. Про неё уже все потенциальные прихожане знают, и даже строить её сами собираются.

Попытался я до Стёпы достучаться, объясняя ему резоны, архитектурный план и чувства верующих. Но куда там. Оказывается, что им радарную установку нужно скоро будет испытывать, а лучше той горушки в окрестностях посёлка ничего нет. И что прикажете делать? Вращающийся купол для радара на церкви ставить? Так у меня быстро попы облысеют от излучения.

Хотя нет, похоже я сам раньше облезу. У меня вот-вот вызванная Шабалиным команда прибудет, чтобы бункер вскрывать. С рыбой надо разобраться. А ещё у меня на носу свадьба, которая надвигается неотвратимо, как поезд в тоннеле.

– Степан, да ты пойми, священники нам три воза жутких кар небесных наобещают, если мы их с местом под церковь обломаем, да и с верующими что прикажешь делать? – буквально возопил я, пытаясь найти выход.

– А не будет около посёлка радара, так и прилетит тебе когда-нибудь подарок с неба, ничем не хуже тех, что мы посылали. И отчего-то я в такую небесную кару верю больше, чем в любую другую, – парировал Степан в ответ.

Ну, прав он. Знаю, что прав. Где-то глубоко в душе я уже

проникся возможностями авиации. Примерил на себя ситуацию, и признал, что если застанет меня спящим такой самолётик, как у нас в ангаре стоит, то и противопоставить ему особо нечего будет. Может повезти, и его патруль пилотов в МБК встретит, но тут лотерея начинается. Скорость у самолёта намного больше, потолок выше, а пилотов ещё никто не учил, как с самолётами воевать. К примеру, с теми же штурмовиками или пикирующими бомбардировщиками.

Короче, так я ничего с радаром и не решил. Пообещал Степану, что придумаю что-нибудь на свежую голову и пошёл рыбой заниматься.

Если ваша невеста начнёт с вами разговор про скромненькую свадьбу в узком семейном кругу, то никогда не будьте так наивны, как я.

Узкий круг – это оказывается очень условное название, и почти наверняка вы с невестой говорите о разных цифрах. Кстати, сразу предупреждаю, если вдруг у вас случится две невесты, то «узкий круг» не станет вдвое уже.

Мне же надо как-то срочно переправить в столицу шесть бочонков разной икры и тридцать пять пудов свежей стерляди и осетров. Именно столько не хватает для полного счастья главному дворецкому Зимнего дворца, в правой части которого мне предстоит справлять свадьбу. Дернул же меня чёрт познакомиться с ним, и поинтересоваться, не нужно ли чем стол дополнить. Тут же выяснилось, что приличной свежей рыбы в столице нет, а икры нынче заготовлено мало, и стол может показаться гостям скудным. Остальное по мелочам. Их, этих мелочей, набралось ещё на сто пятьдесят тысяч рублей. В основном такую уйму денег потратят на дорогие вина, коньяк особых сортов, изысканные десерты и фрукты, чтобы дополнить и разнообразить основное меню.

Вот тут-то мне и захотелось поточнее узнать количество предполагаемых гостей. Интересно стало, что это за «узкий круг» такой, если в него столько всяких вкусностей влезает.

Оказалось, гостей предполагается немного. Всего-то ничего. Жалких человек шестьсот-шестьсот пятьдесят.

Может, для дворецкого это действительно немного, а вот мне столько счастья даром не надо. Впрочем, о «даром», речь уже не идёт. Заплатил я за «мелочи», а куда ж деваться начинающему князю.

С рыбой я сам опростоволосился. Мне её Липатов прислал из Камышина, после моего панического звонка, а то, что я не сообразил сразу, что это продукт нежный и пахучий и везти его надо прямо столицу, так в том я сам себе злобный Буратино.

Короче, дирижаблем её не отправишь, если не хочешь потом сам после полётов всю жизнь пахнуть, как рыба, а грузовиком не получится. Холодно нынче, а во дворце мороженая рыба не встретит должного понимания.

Правда, если применить магию… Угу, были уже и такие мысли.

Впрочем, я и без магии справился. Погрузили всё в автобус, установили в салоне пару градусников для контроля температуры, да и поехал рыба в столицу зайцем. То есть, без билетов, но согласно имеющимся местам.

* * *

Салон баронессы Мейендорф, или «тети Веры», как ее называют за глаза (Вера Илларионовна Мейендорф, урожденная княжна Васильчикова, супруга командира Собственного Е. И. В. Конвоя барона Александра Егоровича Мейендорфа), в столице далеко не из последних, а если по приятности, да по новым людям и новостям судить, так и вовсе одним из первых будет. Под новыми людьми баронесса подразумевает, как правило тех, кто находится на пике славы, и с кем интересно будет увидеться её гостям.

Итальянский тенор, путешественник, герой войны, модная поэтесса – кого только не бывало в этих стенах. Оттого и ценят завсегдатаи «тётю Веру», что у неё всегда найдётся, чем удивить гостей. А там, смотришь, и самим можно оказаться в центре внимания, пересказывая где-то в ином месте последние новости и впечатления от личной встречи с какой-нибудь знаменитостью.

– Ваше сиятельство, а правду говорят, что вы нынешним летом собрались в регате участвовать? – спросила у Антона Рюмина худенькая девица, старательно выкатив глаза, чтобы они казались ещё больше, чем есть.

Дашенька Самойлова, как её обычно называли все гости баронессы, была воспитанницей княгини Растопчиной. Сама старуха уже давно в свет не выезжала, но регулярно отправляла девушку к знакомым, чтобы постоянно быть в курсе новостей. Вера Илларионовна не сразу оценила Дашеньку. В меру красивая, улыбчивая и умеющая разговорить любого собеседника, девушка казалось отдыхала у неё в салоне от угрюмой атмосферы, царившей в доме наставницы. Растопчина и так-то ангельским характером никогда не блистала, а после долгой болезни, когда она потеряла возможность выходить в свет, и вовсе стала сварливой мегерой, находиться рядом с которой мог далеко не

каждый.

Пригласив как-то раз девушку на чай, баронесса осторожно поговорила с ней с глазу на глаз. Как говорится, стороны нашли взаимопонимание. Вера Илларионовна была мудрой женщиной. Собственной привлекательностью она давно не обольщалась, да и близкие подруги от неё недалеко ушли. Глядя на то, как неуклонно меняется возраст у её гостей, «тётя Вера» сообразила, что салону нужна свежая кровь. А кто лучше всего привлечёт знаменитостей и юных героев, чем молодые девушки, да ещё овеянные флером легкодоступности. Так что скоро год, как Дашенька и ещё две девушки, найденные баронессой чуть позже, оживляли атмосферу салона. Скромные подарки баронессы были скорее знаками внимания. Куда больше Дашенька получала от гостей. Как от тех, на кого ей указывала баронесса, так и от других, которые приглашали её отобедать или отужинать с ними на следующий день. Бесприданнице иметь строгие принципы сложно, особенно живя в столице, среди тысячи соблазнов.

– И да, и нет, – ответил Антон, глядя на девушку оценивающим взглядом, – Ещё не так давно я действительно собирался на соревнования, и даже дирижабль себе заказал, но потом обстоятельства изменились, и теперь меня регата совсем не интересует.

Мужчины почти всегда хотят от девушки невозможного. Им подавай одновременно и открытость с честностью, и таинственность с ноткой недосказанности, и неприступность, и в то же время готовность к «продолжению».

Поднаторев, при подсказках баронессы, в искусстве быстрых знакомств, Дашенька никогда сходу не демонстрировала легкодоступность. Минимум косметики, аккуратная причёска, и платье простенькое, без затей особых и декольте нескромного. Напрасно молодые девицы считают, что у их ожидаемого принца в качестве идеала намечена шпаклёванная кукла с нарисованными глазами, причёской-башней и красным платьем в сеточку. Вовсе нет. Тихая, наивная Золушка куда как чаще окажется востребована, чем яркая демонесса с выпирающими телесами.

– По вам не скажешь, чтобы вы предпочтения враз меняли. Вы весь такой мужественный, героический, – тут Дашенька чуть слышно ойкнув, спряталась за раскрытый веер, оставив видимыми лишь зардевшиеся щёчки, и те всего наполовину.

– Хм, – развернулся Антон к девушке, и приосанившись, загородил её собой от зала, – Позвольте представиться, Антон Рюмин.

– Дашенька, ой, то есть Дарья Васильевна Самойлова.

– А знаете что, Дашенька, пойдёмте я вас к столам провожу. Насколько я знаю, у баронессы десерты на всю столицу славятся, – подставил Антон руку девушке.

– Вы же нам расскажете, что у вас произошло настолько интересное, чтобы планы поменялись? – проворковала Дашенька, скромно уставившись в пол, и словно робея, опустила свою ладонь на подставленный локоть князя, едва его касаясь.

– Расскажу, отчего не рассказать, – довольно прогудел Антон, незаметно увлекаемый Дашенькой ближе к тому кругу, который возглавляла тётя Вера.

– Господа, господа, – похлопала Самойлова в ладоши, привлекая внимание гостей, – Его Сиятельство желает рассказать нам что-то крайне интересное. Не хотите послушать?

– Просим, князь, просим. Мы столько слышали о вас в последнее время, что право слово, становится не ловко рассуждать, не представляя где правда, а где вымысел, – тут же подхватила баронесса, увлекая своих собеседников навстречу Антону, – Говорят даже, что на ваше имение заговорщики напали и вы были вынуждены его покинуть? Это правда?

– К сожалению, правда, баронесса. На тот момент это был лучший выход, позволивший избежать дальнейшего кровопролития. Заговорщики хотели добраться до меня с сёстрами и после того, как мы улетели к графу Бережкову, тому самому, который недавно стал князем, нападение на имение потеряло всякий смысл.

– О, так вы хорошо знакомы с Бережковым? Расскажите нам о нём, – тут же выскочила вперёд одна из приятельниц баронессы, сделав вид, что не заметила, как её дёрнула сзади за пелерину хозяйка салона, посчитавшая вопрос подруги преждевременным.

– Бережков очень интересный человек, большой выдумщик и сильный маг, – улыбнулся Антон, от которого не укрылась ситуация с любопытством гостьи.

– Много тут сильных магов. Вот я например, – недовольно проворчал мужчина лет тридцати с хвостиком, полвечера присматривающийся к Дашеньке.

– Помогая нам в защите имения Олег Игоревич взял в плен архимага Савву Медведева, о котором многие из вас наверняка слышали, – спокойно продолжил Антон, словно бы он и не слышал реплики мужчины.

– А правду говорят, что он сразу на двух невестах собрался жениться? – не удержалась ещё одна дамочка, сгорая от любопытства, и заработав недовольный взгляд баронессы.

– Абсолютно верно. Поскольку одна из его невест моя сестра, то сами понимаете, что я полностью в курсе этого вопроса, –

пошутил Антон, заставив гостей улыбнуться и представить себе, каково это быть братом невесты.

– Подумаешь, невидаль, много кто на двух сразу женится. Сказывали, персидский посол так и вовсе у себя в Персии на троих за раз женился. Ещё мне говорили, что он к нам с пятнадцатью жёнами заявился, и среди них вовсе молоденькие имеются, почти дети, – сильно поморщился всё тот же гость, словно он лимон только что сжевал.

– Ипполит Ксенофонтович, а пойдёмте, я вас с мужем Зинаиды Степановны познакомлю. Он ещё с прошлого раза вас вспоминал, но тогда вы всё больше куртуазными разговорами с дамами были заняты, – ухватила «тётя Вера» брюзгу под локоток, отводя его в другой угол зала. Муж Зинаиды Степановны, граф Тормасов – личность известная. Каждые пять минут он выпивает стопку водки, и никогда не пьянеет. Разве что лицо у него к концу вечера цвет слегка меняет, приобретая багровый оттенок. В общем, проверенное средство для успокоения некоторых гостей. Редко, кто больше получаса совместное сидение с Тормасовым выдерживает. А там, глядишь, и отнесут слуги «уставшего» гостя в покои.

– А у вас, Ваше Сиятельство, уже есть невеста на примете? – поинтересовалась Дашенька, воспользовавшись возникшей паузой.

– Сейчас скорее нет, чем есть. Прошлой осенью, во время эпидемии холеры умерла старшая дочь Людовика Справедливого, с которой я был помолвлен, – ответил Антон без особой грусти. Свою будущую невесту он видел лишь на фотографиях, и не сказать, чтобы она ему сильно нравилась.

– И что же теперь?

– Пытаются мне среднюю подсунуть, но она ещё возрастом не вышла.

– Она вам нравится?

– Да кто их разберёт, когда они мелкие. Худенькая пигалица, вроде мордашка симпатичная. Ноги тоненькие, кажется прямые, – добавил Антон последнее не слишком уверенно.

– А Бережков с вашей сестрой тоже давно был помолвлен?

– Хм… Бережков по-моему сам выбирал. Без всяких предварительных сговоров. Он такой.

– Или его выбрали, – словно между делом заметила девушка, поворачиваясь к возвращающейся баронессе.

Ближе к девяти вечера Антон откланялся. Слова Дашеньки ему запомнились, и надо бы об этом потом с сестрой поговорить.

Послезавтра у Алёнки свадьба, а сегодня Олег пригласил его на мальчишник.

* * *

Традиция с проведением мальчишников прижилась в столице не так давно.

Под названием мальчишник скрывались абсолютно разные способы времяпровождения. По официальной версии считается, что жених отмечает с близкими друзьями окончание холостой жизни, разгульной и свободной.

У меня организацией праздника занялся Гришка Артемьев. Я дал ему денег, и посоветовал привлечь к делу Шувалова. Тот всё-таки порассудительней будет. От себя я высказал, что крайне желательно обойтись без стриптизёрш и прочих дам лёгкого поведения. Такие мальчишники уже всем приелись, так что желающим проще в приличный бордель сходить. Там вся обстановка, как говорится, располагает, и выдумывать ничего не надо. Мы же лучше спокойно встретимся, пройдёмся по обычной программе: пиво – баня – бильярд, и с чистым телом и совестью, вступим в новую жизнь.

Наш мальчишник проходил весело. Когда стёрлось то лёгкое отчуждение, которое произошло из-за появления в нашей компании Рюмина, ранее незнакомого моим друзьям из Академии, мы прилично повеселились.

Упасть после парилки в сугроб, это полбеды, а вот сигануть в прорубь… Но никто не отказался, и хотя бы по разу, но отметились в ледяной водичке все.

После бани мы отправились рубиться в бильярд. Соревнование устроили.

В самый разгар чемпионата, который мы проводили сразу на трёх бильярдных столах, двери распахнулись, и в зал влетели цыгане. Вот уж действительно шумная толпа. Из-за мельтешения ярких пышных юбок цыганок и пёстрой одежды мужчин, их поначалу показалось очень много. Гитары, бубны, скрипка, кастаньеты, хлопки в ладоши и звон монисто.

Пение в голос, с надрывом, щепотка безумия и зажигательные ритмы, сопровождаемые пением и танцами. Мгновенные переходы от нежных мелодий к настоящему гвалту, почти к вакханалии. В считанные минуты цыгане сумели создать хмельное буйство праздника.

Под знаменитое цыганское «Пей до дна! Пей до дна!» мы прилично прошлись по винам, а когда Антон с Гришкой вытащили всех на улицу, собираясь прокатиться на санях, запряжённых медведем, Антон, уже забравшись на сани, крикнул мне поверх голов:

– Олег, а бабахни чем-нибудь!

Нет, в другое время я бы ни за что не подписался на показ всего лишь единожды проверенного заклинания, но безумие праздника, помноженное на количество выпитого, дало свой результат.

– Сияй! – вскинул я вверх обе руки, словно собираюсь обнять полнеба.

Тёмно-зелёный вихрь рванул ввысь и начал расползаться по всему небу, словно северное сияние. Минут через десять во всей столице стало так же светло, как бывает пасмурным утром, а на небе вовсю полыхали бледно-голубые зарницы, местами уходящие куда-то далеко за горизонт.

– Крутая у тебя визитка, – вскоре услышал я из-за спины голос Шувалова.

– В каком смысле? – повернулся я к своему бывшему старосте, к слову сказать, выглядевшему так, словно он и не пил только что со всеми наравне.

– Болтали у нас старшие, что ты чуть ли не архимагом сделался, а у тех, почти у всех есть что-то вроде персонального заклинания. Его так и называют – визиткой. Волконский, к примеру, огненного орла в небо запускает.

– Большого? – ревниво поинтересовался я, опасаясь, что слава пиротехника может уплыть прямо из рук.

Всё-таки никак я не смог пересилить себя и отложить недавно посетившую меня идею с салютом на потом. Запала в голову. Так и не успокоился, пока не придумал, как можно извернуться, чтобы безопасным заклинанием показать людям красоту магии. А теперь оказывается, что и тут я не первооткрыватель.

– Метров десять в размахе. От земли орёл со свистом взлетает, а на высоте примерно в километр распадается на тысячу искр, – прищурился Шувалов, рассматривая особо красивые жёлто-зелёные всполохи на небе, и не думающие прекращаться, – Но у тебя масштаб, конечно, иной. Никогда ничего подобного не видел. Долго оно ещё светить будет?

– От погоды зависит, – пожал я плечами.

Не признаваться же мне, что я и сам не знаю, сколько такое сияние длится. При первом испытании я на него больше часа смотрел, пока не захотел спать и обратно в посёлок не уехал. А небо так и полыхало всю дорогу.

– Ладно. Давайте по домам наверное. А то что-то у нас даже самые буйные передумали праздник продолжать, – со смешком кивнул Шувалов в сторону Рюмина с Артемьевым, так и оставшихся стоять на санях с разинутыми ртами.

Разъехались мы не сразу. Вернулись к столу, чтобы выпить по отвальной, что и сделали, потушив свет и любуясь на небо через

высокие окна зала.

Хорошая визитка у меня получилась. Весь обратный путь благодаря ей засветло проехал. Если дальше так дела пойдут, то скоро вся страна про мою визитку узнает, и очень хочется, чтобы причиной тому стали не цыгане и не вино.

* * *

– Иногда рождаются такие люди, которые своими изобретениями опережают мир, и поверьте, я знаю, о чём говорю. Лет десять назад именно таким человеком я сам себя чувствовал. Мда-а, всего-то десять лет… А теперь я чувствую совсем другое. Мир опережает меня, – проговорил мужчина, лет сорока-сорока пяти.

Его собеседники на внешний вид князя Волконского внимания не обращали. Есть у архимагов способы, чтобы выглядеть вдвое, а то и втрое моложе своего возраста. По ним двоим тоже не угадаешь, кому сколько исполнилось.

Так уж сложилось, что маги, достигшие вершин мастерства, редко когда дружат. Гораздо чаще они выступают противовесами сторон, находящихся по разные стороны баррикад. Случается, и до прямых столкновений дело доходит. Нынче, правда, такое редко бывает. По многим причинам, зачастую от самих магов не зависящих.

Прошли те времена, когда все споры решались в битвах и поединках, и Клан с сильнейшими магами мог навязывать свои условия более слабым соперникам. Деньги, связи, влияние при дворе – это далеко не полный перечень возможностей, позволяющий решать вопросы иными способами, без участия в них мастеров магии.

Но без работы ни один архимаг пока не остался. Работёнка у многих из них на первый взгляд не пыльная. Что стоит посидеть рядом с банкиром час-другой на переговорах. Когда речь идёт об очень больших деньгах, то и гарантии требуются нешуточные. Шутить же с архимагом – дурной тон. Среди них всякие выдумщики встречаются. Те бедолаги, которым случалось попасть в злостные неплательщики, уже вряд ли что расскажут. Другое дело, что никто и не пытается скрывать, что с ними случилось. Скажем так, те, кому в дом прилетел огненный шар, размером с грузовик – счастливчики. Их не нашли одетыми на стальной прут громоотвода, они не стояли посреди городской площади в виде ледяной статуи, и не пытались покончить с собой, вытыкая сами себе глаза и кроша череп обломками кирпича. Маги разные

бывают. Кто какую магию практикует, тот с ней и работает. А показательно наказать должника – это вопрос важный. Тому магу, который одним своим появлением может до мокрых штанов напугать, тот же банкир денег в разы больше предложит, чем исполнителю без фантазии.

Заодно с кредитным договором, кредиторы и для архимага бумаги подписывают. Времена начались не настолько простые, как раньше бывало. Без бумажки даже мастерам магии убивать не позволено. А так подписал кредитор документ, что в случае несвоевременной выплаты ты становишься имуществом Одарённого, именно имуществом, словно ты конь или вовсе телега какая, и живи спокойно, пока платежи вовремя платишь. И убежать никуда не убежишь. С магической меткой долго не побегать.

– Ты чего нас-то собрал? Задумал что? – побарабанил пальцами по столу Григорий Гагарин, словно он на рояле играет. Ходили слухи, что он музыкой увлекается, и даже симфонии пишет, разучивая их с оркестром, собранным у него в имении. Правда, для широкой публики этот оркестр ни разу не выступал, но к концу осени к Гагарину съезжаются самые именитые композиторы и профессора консерватории. Для них князь устраивает Дни музыки, не скупясь на оплату выступлений выдающихся исполнителей, а в завершении и его музыка звучит. Как утверждают знатоки, очень сложная и достойная внимания.

– Расклады новые обсудить надо. Не знаю, как вам, а мне перспективы не нравятся. Дошли до меня слухи, что Юсуповы с Вяземскими могут объединиться, а ежели к ним ещё и из развалившейся коалиции покойного Куракина князья переметнуться, то все наши голоса на Совете Князей перестанут значение иметь.

– Куракин всех своих сторонников компроматом держал. Много у него документов собралось за время столичного прокурорства. Никто не знает, кому его архив перешёл? – спросил Роман Охлябин, младший из всех троих, но, пожалуй, самый опытный в политических играх.

– Полагаю, Рюминым. Хотя может и выскочке этому, как его там, э-э, Бережкову, что ли, могло что-то перепасть. Вроде он с Рюминым вместе был, – процедил Гагарин.

– Да-а, – с сомнением протянул Охлябин, – А мне сказывали, что это Рюмин с ним был. Вроде, как в самый последний момент его Бережков с собой взял.

– Да как бы он посмел? Рюмин княжичем был, а Бережков кем?

– Графом он был, Роман, – развернулся Охлябин к Гагарину,

неспешно роняя слова, – Но Рюмин с сёстрами в те дни у Бережкова укрывались. И Савва Савельевич Медведев у него под замком сидел. Да потом там же и умер. Говорят, своей смертью.

Князья помолчали, переваривая только что полученную информацию.

Что ни говори, а славу после себя Медведев жуткую оставил. Из всей их троицы князей-архимагов никто на него один на один не рискнул бы выйти. Вдвоём ещё туда-сюда, и то, шансы не очень хороши. Вот втроём уже да, тут бы если не силой взяли, то измором своего бы добились. Хотя, от Саввы Савельевича всяких сюрпризов можно ожидать. Были прецеденты, о которых до сих пор мастера с придыханием вспоминают, гадая порой, где там вымысел, а где правда.

Одно Чёртово Городище чего стоит. Рассказывают, что как-то удалось заманить туда Савву Савельевича троим руководителям из существовавшего тогда Магистериума, взявшегося выполнять руководство магами. Взъелись они на Медведева, открытым текстом посылавшего новоявленных руководителей и во всеуслышание над ними насмехающегося. Искали встречи, и встретились, на свою голову. С тех пор ни Чёртова Городища нет, ни этой троицы, ни Магистериума. Одного критического высказывания архимага Саввы Савельевича Медведева после памятного боя хватило, чтобы пойти в руководство больше желающих не нашлось. Отчего-то все разом вспомнили, что жизнь не вечна, а все люди смертны.

– Какие предложения будут? – князь Волконский всё-таки смог справиться с эмоциями чуть раньше своих приятелей, и теперь имел возможность посмотреть на них так, словно его никакие новости не коснулись.

– С князем Белозёрским нужно встретиться, – негромко, но очевидно твёрдо сказал Охлябин.

– С кем, с кем? С этим одиночкой-экстравертом? – изобразил крайне пафосную мину на своём лице Гагарин.

– Да. Встретиться, и найти понимание, – ударил ладонью по столу Роман, без какого-то вызова, а словно так, как итог подвёл.

– Мне расскажите, что тут у вас в контрах? – вмешался князь Волконский в спор своих гостей.

– Клан Белозёрских, как говорят мои аналитики, резко пошёл на взлёт. Слишком резко. Государю кинулись помогать одни из первых, никого не спросясь.

– А что, Белозёрский раньше кого-то спрашивал? – с ехидцей бросил Григорий.

– Нет, – смешался Охлябин, – Но для приличия мог бы это сделать с оглядкой на старшие Кланы.

– А они есть, эти старшие? Что-то я не помню такого статуса. Где его получают? – продолжил ехидничать Гагарин.

– Ладно вам, – успокоил разгорячившихся гостей Волконский, – Про Белозёрского и мне рассказывали. Правда, несколько с иной стороны. Заводишко он решил прикупить. Что интересно, не наш, а японский.

– И что тут интересного? Багратионы уже пять немецких производств купили, пусть не сами, но их людишки там поставлены, и заводы у них на землях стоят, – поморщился Гагарин, подосадовав, что Волконский не дал ему вдосталь поехидничать.

– А интересно то, что завод радиодетали делает. На них и сейчас спрос в стране неплохой, а лет через десять, как говорят мои специалисты, и вовсе бум произойдёт. Так что успевать надо.

– Предлагаешь оттягать заводик у Белозёрского? – с интересом и многозначительной ухмылкой спросил Охлябин, – Сразу предупреждаю, что в этом вопросе я пас. Неохота из-за мелочей с государем ссориться.

– Ты думаешь, что Белозёрский так сильно ему дорог стал, что наш правитель начнёт в хозяйственные споры вмешиваться? – тут же встрял Гагарин, почуяв благодатную тему для продолжения острословия.

– Похоже, ты с другой планеты прилетел. Светское общество уже вторую неделю гудит. Свадьбу предстоящую обсуждают. Этот самый Бережков на княжне Вадбольской женится, – тут Охлябин взял паузу, и потянулся к бокалу с вином. Выпив, и с сожалением отметив, что Гагарин так ничего и не ляпнул, он продолжил, – А вторая невеста у него ни больше ни меньше, как племянница нашего Императора. Алёна Рюмина.

– Занятно. Я только не понял, причём здесь Белозёрский с его заводишком?

– Мда-а. Совсем ты одичал в своей глуши, как я погляжу. Ладно, напомню тебе, от меня не убудет, – покатал Охлябин бокал меж ладоней, – Если что, то Вадбольские у нас в Клан Белозёрских испокон веков входят.

– И всё равно не станет государь вмешиваться, – продолжал стоять на своём Гагарин.

– В этом-то и есть наша главная русская беда, – нарочито заметно вздохнул Роман, – Все, кто знает, как управлять государством уже заняты. Кто парикмахером работает, кто извозчиком, а то и музыку некоторые сочиняют, – не смог сдержать улыбки Охлябин, с лихвой возвращая приятелю должок по ехидству.

– Да, пожалуй. Если даже государь не вмешается, то Рюмины

не преминут, – кивнул Волконский, слушая собеседников, и как всегда выступая буфером в их споре.

– Бережков, – негромко поправил его Охлябин, разглядывая вино на свет и любуясь переливами оттенков.

– Что Бережков? – не понял Волконский.

– Вмешается, и все ваши интриги потопчет, как слон, которого в посудную лавку пустили.

– Сопляк, вылезший из грязи в князи? – в момент вскипел Гагарин, найдя куда выплеснуть досаду, возникшую после удачного ответа Романа.

– Князь, отмеченный золотой медалью, дающей право без очереди попасть к Императору и женатый на его племяннице. Кроме того, вместе с Антоном Рюминым лишивший головы князя Куракина, как говорят, главного устроителя заговора. Взявший в плен самого сильного архимага Империи. Имеющий в друзьях Антона и Константина Рюминых, князя Гончарова, да ещё и Белозёрского заодно, – занудным тоном стряпчего, читающего скучный документ, перечислил Охлябин, – Конечно же это мелочь. Сопляк, не достойный твоего внимания. Пока не стану утверждать, но ходят слухи, что и в магии он не из последних, хотя и молод. Вроде, как двадцати ещё ему нет.

– Двадцати нет! Ой, не могу! Насмешил. Спасибо, Роман, давно я так не смеялся, – с трудом проговорил Гагарин, вытирая платком неподдельные слёзы, выступившие от смеха. Он трубно высморкался, и хотел ещё что-то добавить, но тут внимание всех троих было отвлечено сияющими всполохами, расцветившими полнеба.

Архимаги поднялись, и подошли ближе к большому окну, открывающему вид на небо над столицей.

– Степан! – крикнул Волконский в сторону дверей, – Немедленно разузнай, что там происходит.

Раздавшийся за дверями топот дал понять, что приказ князя услышан.

– Красиво кто-то из Истинных развлекается, – оценил открывшуюся картину Охлябин, – С моей магией Земли, да при такой мощи можно землетрясения устраивать баллов в пять-шесть.[6]

– Думаешь, Истинные? А кто из них в столице сейчас? – спросил Волконский.

– Вроде никого не было. Не любят они столицу.

В отличии от уровневых магов, архимаги градаций не имеют. Но признавая между собой, что не все они равны, самых сильных архимагов почтительно именуют Истинными, отдавая должное их способностям слияния с магией и стихиями.

Глядя в посветлевшее небо, все трое про себя признали, что ни один из них такого буйства сотворить не в силах. Да что там по одному, даже втроем ничего бы не вышло, если учесть, что все они практикуют разные стихии.

– Нет, вы только посмотрите. Он даже останавливаться не собирается. Вот же силищу некуда девать, – с некоторой досадой заметил Гагарин, когда им прикатили к окну столик с напитками и принесли кресла.

– Степан, а пошли-ка ты сына на башню. Пусть в трубу поглядит, откуда магичат. Сдаётся мне, что это около бань где-то происходит, – обратился Волконский к дворецкому, наблюдавшему за слугами, разливающими вино.

– Сей минут, Ваше Сиятельство, – поклонился дворецкий, поторопившись к выходу.

– Что за бани? – повернулся Гагарин к хозяину дома, отвлёкшись от созерцания неба.

– Недавно построили. Сходим как-нибудь, попарим косточки. Сказывали мне, весьма достойное заведение. Всё по высшему классу обустроено. Граф Телятьев специально итальянского архитектора приглашал. Такие хоромы отгрохал, что куда там иной усадьбе богатой.

Посидели, глядя на небо и попивая лёгкое вино.

– Ваше Сиятельство! Всё как есть доподлинно вызнал, – минут пять спустя подал голос дворецкий, показавшись в дверях.

– Иди ближе и рассказывай. Чего на весь-то дом кричать, – потребовал Волконский.

– Аккурат точно вы угадали, Ваше Сиятельство. Из бань магичили. Князь Бережков с друзьями там предстоящую свадьбу отмечать изволил, – сбавил слуга голос, заходя в зал, – Я уж и по телефону туда позвонил, поинтересовался, кто Вашу Милость обеспокоил.

– Он в баню звезду магов пригласил? – вмешался Гагарин, удивлённый таким расточительством, а ещё больше возмущённый магами, надумавшими устраивать цирковые номера, собравшись в боевое построение.

– Никак нет. Сказывали, один магичит, а остальные лишь смотрят. Ещё цыгане у них там пели и плясали, – добросовестно перечислил слуга всё то, что узнал из телефонного разговора.

– Один, значит. Ну, ладно. Ступай, – Волконский медленно развернулся обратно к гостям, и многозначительно выпятил губы, что вместе с поднятыми вверх бровями свидетельствовало о его крайнем удивлении.

– Да не может быть! – вскочил на ноги Гагарин, и подойдя к окну обеими руками схватился за раму, – Ему же двадцати нет, –

добавил он уже больше для себя, задирая голову и рассматривая небо над особняком Волконских.

– А ты знаешь, Григорий, я, пожалуй, соглашусь с Романом, – пыхнул дорогой, только что прикуренной сигарой хозяин дома, – В конце концов на радиодеталях свет клином не сошёлся. Мало нам что ли других интересов? Меня сейчас гораздо больше волнует другой вопрос. Как бы нам так исхитриться, чтобы Бережков под влияние Юсуповых не попал, и на Совете их сторону не принял. Что думаете, друзья мои?

Глава 50

Свадьба была великолепна.

И не удивительно. Больше двух недель все дворцовые службы, и судя по всему, не только они, работали на это великолепие.

Невесты, как и все невесты, выглядели, конечно же, ослепительно.

За обрядом одевания невест наблюдала мать Императора при участи наиболее заслуженных статс-дам и фрейлин. Золотой туалетный прибор, хранящийся в имперской сокровищнице, ставился на особый венчальный столик, украшенный кружевами и лентами. Целое действо, которое всегда происходило, когда замуж выдавали невесту императорских кровей.

Украшенная бриллиантами диадема, длинные локоны, несколько рядов жемчуга на шее. Бриллиантовое колье и корсаж платья, покрытый бриллиантовыми украшениями.

В этой же комнате, среди «своих», государь благословил обеих невест иконой.

Алёна позже напишет в своём дневнике:

«После обеда я пошла к себе в комнаты и начала одеваться. Мое батистовое белье, отделанное валансьенскими кружевами, широкие накрахмаленные нижние юбки, туфли и чулки – все это было разложено на постели. Надев все это одно за другим, я облачилась в платье из серебристой ткани, такое жесткое, что, казалось, оно сделано из картона, парикмахер завил мне волосы. Прислужницы начали собирать складками у меня на талии огромный шлейф из серебристой ткани, расшитой рельефными серебряными лилиями и розами. Одета я была в русском парчовом серебряном платье-декольте с большим шлейфом. И бриллианты. Много бриллиантов. После этого придворные дамы, жены высокопоставленных чиновников, возглавляемые камер-фрейлиной, накинули мне на голову кружевную вуаль, маленькую корону и прикрепили среди складок веточки флердоранжа. Наконец, они возложили мне на плечи малиновую бархатную мантию с пелериной, отделанную мехом горностая и застегнутую огромной серебряной пряжкой. Кто-то помог мне встать. Я была готова… Я едва могла двигаться.»

Всё-таки князем быть хорошо. Это я понял, когда увидел, какое движение образовалось в столице по поводу МОЕЙ свадьбы.

По сути, что я, что князь Гончаров – люди приезжие. В столице бываем наездами, о чём, впрочем, не сильно сожалеем. Ах, да. Князь Гончаров, как-то само собой у меня в роли то ли

шафера оказался, а то и посаженного отца. Разницы я не уяснил, а спрашивать показалось неудобно. Итак из-за меня у него сплошные хлопоты. Хотя ему, вроде, всё нравится. Доволен, как слон.

Короче, он у меня один из немногих гостей, которых я сам пригласил на свадьбу вместе с его семьёй. В дружках Шувалов с Артемьевым, украшенные по этому поводу красными лентами. Если сюда добавить ещё тётушку, то на этом список приглашённых мной гостей заканчивается.

С друзьями мы пообедали в ресторане, и лишь потом поехали в особняк князя Гончарова. Оказывается есть у него такой в столице, впрочем, как и у всех приличных князей.

Может даже и вовсе у всех князей есть столичные особняки, кроме одного.

Мда-а, меня терзают смутные сомнения, что с особняком что-то придётся решать, и как бы не в ближайшее время.

После общего кофе у Гончарова, пошли рассаживаться по машинам, и наконец-то наш кортеж двинулся в сторону дворца.

– Никогда ещё в столице так людно не было, – заметил Шувалов, когда мы тащились по переполненным улицам.

Действительно, народа много собралось. Если бы не солдаты, вставшие живой цепью по обе стороны дороги, то до дворца нам доехать удалось бы не скоро, если вообще бы удалось.

При входе во дворец я был на редкость серьёзен и сосредоточен. Если свадьба для невесты день волнительный, то для жениха он крайне ответственный. И напрасно девушки считают, что жених просто веселится. Переживает он и нервничает не меньше, чем невеста. Просто вида не подаёт, держа все эмоции при себе.

В первом же зале мою серьёзность как рукой сняло. Встретили нашу жениховскую делегацию дивы восточные. Восточный танец под бубны и заунывные дудочки. Около десятка красавиц, среди которых трое или четверо действительно танцуют профессионально. Зато за развевающимися шлейфами полупрозрачных одеяний наблюдаются очень даже соблазнительные фигурки. А под темненькими подобиями чадры мной замечена пара знакомых мордашек. Лопухина со Второвой развлекаются, если не ошибаюсь.

Ага, это вроде, как испытание, и я должен пройти сквозь танцовщиц с бесстрастным лицом, а то… А то что? Оказывается, иначе я штраф буду платить!

Вам надобны штрафы? Их есть у меня… Позади нашей процессии трое слуг тащат шампанское и мешок с конфетами.

Загребущими лапами выхватываю узнанных девчонок и

смачно целую одну и другую. Потом хлопает открываемое шампанское и пока танцовщицы его пьют, мы с парнями щедро оделяем всех конфетами, засовывая их под скромное одеяние. Такой пакости от нас не ожидают, и весь танцевальный коллектив с визгом убегает из зала, под наши усмешки и заливистый хохот Гончарова.

Идём дальше.

На лестнице разложены таблички.

Тех ступеней, где указана неподобающая причина свадьбы, я не должен касаться.

Пропускаю самые подленькие, вроде тех, где написано «По принуждению родителей», а себе выбираю «По любви», «Скучно одному спать» и «Некому убираться в доме». Последнюю находку мои друзья встречают хохотом. Видимо всем хочется посмотреть, как княжны по дому с вениками и швабрами кинутся чистоту наводить. Да уж, я бы тоже не отказался посмотреть, но настаивать не буду. А то и для меня дела могут найтись. Скажем так, не самые мной любимые.

В следующем зале у меня должна состояться битва. Злобное чудище охраняет невест, не желая никому их уступить.

– С чудовищем ведите себя крайне аккуратно, – шепчет мне на ухо церемониймейстер, помогая слугам обряжать меня в бутафорскую броню.

– Да ладно, ладно, – успокаиваю я представительного вельможу, – Что я ему картонным мечом-то сделаю.

Меч не совсем картонный, скорее он из сухой липы сооружён, и блестящей фольгой обклеен. Но лёгкий. Тресни таким кого со всей дури по башке, так и синяк вряд ли останется. Чего беспокоиться то…

Чудище обло, озорно, огромно – это не про нас.

Наше чудовище больше всего похоже на здоровенного плюшевого медведя со странным рогатым шлёмом на голове и большой дубиной в лапах. Кстати, крутит оно эту дубину шустро и лёгкой победы у меня не предвидится.

Так и вышло. Сражение растянулось минуты на две.

Я отважно бросался в атаку. Героически получал по башке дубиной, к счастью оказавшейся обшитой чем-то мягким, вроде поролона, и пытался понять, какую тактику тут можно применить для победы. Моим мечом из той шкуры, в которую закутано чудище, можно только пыль выбивать, а об шлем и вовсе можно меч сломать, больно уж массивно смотрится этот головной убор. Да ещё и рога там мощные, и наверняка твёрдые.

Очередной пропущенный удар по голове отлично подействовал на скорость принятия решений. Отбросив меч, я

прошёл в ноги, и словно борец, опрокинул чудище наземь, в последний миг успев запрыгнуть на него сверху. Оплеуха под левый рог, шлём слетает и…

– Упс-с… Извините, Ваше Величество, – пробормотал я, неловко слезая с поверженного чуди… Императора.

– Не убивай меня, добрый молодец. Я тебе ещё пригожусь, – громко проговорил государь, давясь со смеху.

– К невестам отвезёшь? – принял я героическую позу, входя в роль.

– Сам дойдёшь, не маленький, – проворчал государь, поднимаясь и пробуя отряхнуться.

– Не очень-то и хотелось, – проворчал я, скептически глянув на одетую на нём шкуру, – Ещё на блохастом чудище я не катался.

– Но, но. Не сметь оскорблять персональный охотничий тулуп моего Величества, – заржал государь в голос.

В таком виде мы и ввалились в следующий зал. Я, в болтающейся на одном плече кирасе, оттого, что на втором завязки порвались, и Император, в вывернутом наизнанку тулупе и сапогах, сверкающих начищенными носками.

Хм-м. Мельком увидел я своё отражение в одном из настенных зеркал. Красавчик!

Кираса болтается вкривь. Волосы всклокочены. Рожа красная. Не слабо это чудовище мне по физиономии своей дубиной проехалось.

Вскинутые вверх брови Императрицы-матери, негромкая команда, и нас в несколько рук поволокли в одну из боковых дверей. Минут десять меня чистили щётками, причёсывали, протирали, а под конец так и вовсе чем-то припудрили. Где-то сбоку синхронно со мной кряхтел государь, над которым вовсю трудилось аж два парикмахера сразу.

Следующее наше появление в зале прошло мирно. Слуги постарались на совесть, и критический осмотр, которому мы подверглись, недостатков в нашем облике не выявил.

Из угла зала, где расположился струнный квартет и клавесин, донеслась негромкая старинная музычка, и через распахнутые двери с разных сторон зала почти одновременно появились обе невесты в сопровождении свиты.

Краси-и-вые, жуть. Я сам себе позавидовал. Так много счастья и всё мне одному.

Не, невест действительно было много. И вовсе не по количеству. Количество нормальное, как и положено, обе две. Невест много оказалось. Как ещё объяснить, что целая копна из парчи, кружев и украшений – это впечатляет. А ещё безразмерный

воздушный шлейф позади, который тащат аж четыре пажа, одетые ангелочками. Представляете себе размер счастья?

Угу, и я представил. В красках. Для начала, как мне всё это счастье удастся в машину загрузить, не помяв ничего и не порвав. Слабо так представил. По-моему эта миссия будет из разряда невыполнимых. Тут каждой невесте персональный грузовик нужен, с откинутыми бортами. По крайней мере в проём двери легковой машины ни одна из их юбок просто не влезет. Я подойти-то к ним не знаю как. Боюсь, что запутаюсь в бесконечных складках подола юбки, шлейфа и ещё каких-то накидок, волнами спадающих на пол.

Получив в спину указующий тычок от церемониймейстера, я направился к невестам.

– Как вы? – поинтересовался я, поцеловав руку той и другой.

– Спасибо, князь, хорошо, – чуть слышно ответила бледненькая Алёна.

– Ноги сегодня в кровь сотру, – страдальчески протянула Дарья.

– Шаг назад, – негромко скомандовал я.

Алёна тут же команду выполнила, а Дарья чуть задержалась, но потом и она немного отступила назад, изящно прихватив пышный подол.

– А теперь два шага вперёд.

Мне говорили, что магия во дворце не работает. Якобы это сделано для безопасности. Не знаю, у кого она там не работает, а у меня всё отлично получается. Я это ещё на лестнице проверил, когда над некоторыми ступеньками левитировал. Вот и сейчас два Щита за секунду сформировал, использовав опыт, полученный при разгрузке дирижабля. Транспортной площадке из горизонтального Щита всё равно, кто или что на ней будет. Можно контейнер подхватить, а можно и княжнам ножки сберечь.

– Покатаешь нас, Черепашка? – улыбнулась Дашка, поднявшись на магический пьедестал, и став почти вровень со мной по росту.

– Да легко, – ответил я, тщательно выверяя конфигурацию Щитов.

Разрушения в императорском дворце в мой план сегодняшних действий не входят. Поважнее дела есть.

Между тем, зазвучали напутственные слова. От Вадбольских, от Рюминых, от матери Императора и от него самого. Полчаса вещали, при этом чётко уложившись в регламент.

На выход я шёл, придерживая обеих невест за кончики пальцев. Они скользили рядом со мной, словно ангелы, устроившиеся на облаке. Ради такого дела я стоически снёс

изучающий взгляд князя Обдорина, а потом с облегчением выдохнул, увидев на улице огромный аквариум, запряжённый восьмёркой коней светло-серой масти. Могучая карета, сияющая блеском больших стёкол, решала все проблемы. Для невест. А у меня они только начинались. Оказывается, гарцевать мне до храма предстояло на здоровенном вороном жеребце, украшенном лентами так, как новогодняя елка бывает украшена блестящей мишурой.

– Не переживайте, Ваше Сиятельство, Огонёк отлично выезжен, – успокоил меня один из конюхов, держащий это средство передвижения за уздечку.

Ездить верхом я умею. Правда, далеко не так хорошо, чтобы демонстрировать гусарскую стать и мастерство выездки. Как бы то ни было, но до Казанского Собора мы добрались без приключений и я в очередной раз облегчённо выдохнул, справившись ещё с одним этапом квеста, носящим название свадьба.

Обряд венчания занял целый час и в основном прошёл гладко. Разве, что я немного забуксовал, когда священник спросил, не связывают ли меня какие-нибудь обещания. Дочка Джуны неожиданно вспомнилась. Несколько лишних секунд, в течении которых я решал, можно ли наш с ней шутливый разговор расценивать, как обещание с моей стороны, вызвали полную тишину среди собравшихся и недоуменные взгляды невест. Ох, чую, эта заминка мне потом боком выйдет. Одних объяснений целый вагон заставят дать.

Но всё когда-то заканчивается. Завершился и обряд, а там и мы обратно до дворца добрались.

Это уже потом я узнаю, что двоим ражим парням, собиравшимся забраться на крышу магазина, одели на голову шапки, полные тухлых яиц. Да золотаря одного чуть в его же бочке не искупали, когда он чересчур настойчиво к Собору проехать пытался. Всё-таки не зря Степан охранное агентство чуть ли не в полном составе мобилизовал, чтобы бдили. Есть в столице тайные злопыхатели. Знать бы ещё, чьих они будут.

Свадебный бал от не свадебного отличается незначительно. Большинству гостей без разницы, юбиляр или именинник сидит во главе стола, или вовсе жених с невестой, ну, или с двумя невестами, как это происходит в моём случае.

И вовсе другое дело, если поводом для бала служит интересная личность. Или несколько интересных личностей… А чем можно заинтересовать гостей, чего только не повидавших в своей жизни?

Главное, чтобы костюмчик сидел
Непринужденно, легко и вальяжно.
Всё остальное, поверьте, не важно,
Нет и не будет серьёзнее дел.
Главное, чтобы костюмчик сидел,
И как пошит он могли показать вы,
Ведь оттого и придуманы свадьбы,
Главное, чтобы костюмчик сидел.
Чтоб как на чудо дыша еле-еле,
Гости на этот костюмчик глядели,
Чтобы невеста, сомлев от пошива,
Вдруг поняла, что она поспешила.
Главное, чтобы костюмчик сидел.[7]

Эту песенку я напевал вполголоса, пока меня причёсывали и одевали парикмахер и двое слуг, под присмотром церемониймейстера, заскочившего было на минутку, да так и оставшегося стоять с остекленевшим взглядом. Похоже, важного господина переклинило, и он пытался в уме решить сложнейшую головоломку. А именно: соответствует ли мой наряд торжеству и месту празднования.

– Ваше Сиятельство, а что это вы поёте? – наконец-то отмер вельможа, и даже голову наклонил в мою сторону, прислушиваясь к словам.

– У нас в лицее сборник песен, от предков доставшихся, по рукам ходил. Я не все куплеты в этой песне запомнил, к сожалению. Наверняка что-то напутал.

– Надо же, вроде древность такая, а какое глубокое знание жизни, – восхитился церемониймейстер, – Я словно голос оракула слышу, а не песню. Каждое слово, как истина в последней инстанции. А ещё ваш костюм. Нет, он чудо! Восхитительно! Да что там, божественно! Вот только пуговицы…

– Чем вам мои алмазы не угодили? – поинтересовался я, платком протирая пуговки, тут же рассыпавшие по стенам десятки весёлых разноцветных зайчиков.

– О-о-о, – простонал вельможа, потом постоял, пару секунд подумал, и добавил, – О-о-о…

– Вот вы где, – ворвалась к нам в комнату запыхавшаяся Лопухина, как-то легко преодолев сопротивление слуги у дверей, – Давайте быстрее. Невесты ждут, вас одного нет.

– Куда, у нас выход через десять минут, – всполошился церемониймейстер.

– Я и говорю, что времени мало. Поторапливайтесь, князь,

поторапливайтесь, – потянула меня Ангелина за собой, ураганным порывом сметая на своём пути любые возражения и напрочь подавляя попытки сопротивления.

Практически рысцой мы пронеслись по длинному коридору, и через пару поворотов заскочили в одну из многочисленных дверей, ничем с виду не выделяющуюся среди множества других.

– А вот и жених, – встретила нас деловущая Второва, руководившая работой выездного фотоателье.

Две фотокамеры на треногах, много света, какие-то экраны и куча суетящихся мужиков, пытающихся натянуть цветастый задник и наскоро убрать с него складки.

– Что у вас тут? – поинтересовался я, любуясь невестами.

Они переоделись. Что характерно, выбрали мои цвета. Алёна в чём-то блестящем и тёмно-синем, обтягивающем её, словно змеиная кожа, а Дарья в рубиновом, окутанная облаком кружев и почти невесомой прозрачной пелериной.

– Эксклюзивчик для твоей знакомой, – с поддевкой ответила Дашка, оценивающе меня осматривая, – Говорят, кобельки таких расцветок нынче нарасхват. И когда ты только успеваешь? Ни на секунду нельзя одного оставить.

– Во, и не надо меня оставлять одного, – наставительно поднял я вверх указательный палец, – Я юноша чуткий, трепетный. Без женского внимания могу зачахнуть, как цветок без солнца.

Я ещё хотел что-то сказать, но неожиданно у меня язык прилип к гортани. Алёна повернулась к Второвой, что-то ей объясняя, и тут я увидел…

Э-э, как бы сказать помягче… Нет, лучше по порядку.

Про декольте все знают.

Я тоже опасался, что увижу чересчур откровенное декольте у своих невест, и, признаюсь, выдохнул, когда их платья оказались строгими, и даже с воротничком под горло. А тут вдруг ТАКОЕ увидел, ну, не знаю, как его назвать, но в общем это что-то вроде заднего декольте. Очень глубокого. Чересчур, крайне, до безобразия глубокого!

Короче спина у Алёнки открыта от плеч и до самой…

До чуть ниже талии.

Голая спина у неё. Совсем голая. Почти по то самое место, где она уже теряет своё приличное название.

Сглотнув слюну, перевёл взгляд на Дарью. Всё поняла, зараза такая, вон как улыбается ехидно! Ещё и крутанулась вокруг себя специально помедленнее, подняв руку, чтобы пелеринка в воздух взлетела.

Та-ак… И кто тут самый смелый? Я, со своим костюмчиком,

или эти две оторвы?

У них не платья, а ходячее непотребство, вызывающее самые низменные желания. Вон, руки сами так и тянутся.

Не, они что, всерьёз надеются, что я их в таком виде на люди выпущу?!

Уф-ф… Успокаиваемся. Дышим глубоко. Вдох-выдох, вдох…

– Какой у тебя костюм замечательный, – подловила меня Дашка на вдохе, отчего я захлебнулся заготовленными словами, в основном ругательного характера, – Не побоишься в таком в зал выйти?

Да чтоб тебя… Вот как они это делают? Сейчас всё, что ни скажи, прозвучит глупо.

– Пф-ф, – пожал я плечами, выдыхая, – Рядом с вами на меня и внимания никто не обратит.

Невесты обменялись улыбками, и словно ничего и не произошло, окунулись в подготовку к фотосессии.

Мой дар предвидения сработал на все сто. Когда мы появились в зале перед гостями и те разглядели платья невест, меня действительно перестали замечать. Взгляды мужчин и женщин попеременно были обращены то на Алёнку, то на Дарью, а то, что я между ними стою, весь из себя безумно красивый, словно не считалось.

Отчего стою? Так подарки нам вручают. Всё тащат и тащат. О, а вот и тёщенька нарисовалась. Дашкина маманя. Что-то курлычет… Что-что… Ух, как Дарья разулыбалась, так и цветёт.

– Мой любимый домик. Он чудо, как хорош, – шепчет она мне на ухо.

Тёща как в святцы смотрела. Особнячок нам в столице подарила.

– А с магической защитой дома я думаю ваш жених разберётся, – закончила княгиня Вадбольская свою речь, обращаясь уже больше ко мне. Пошутила, что ли.

– Можете не сомневаться. Солнце, и то только по разрешению будет заглядывать, – ответил я шуткой на шутку. Кажется, получилось. Себя княгиня к небесным светилам не причисляла, а значит и насчёт незваных гостей предупреждена. Семь раз теперь подумает, перед тем, как к нам в гости без приглашения нагрянуть.

Подарили нам много всего. С некоторыми подарками ещё предстоит разбираться. Но и так второй стол уже от подарков ломится. Хотя, вроде уже иссякает поток дары приносящих.

– Господа! – чуть усилил я свой голос магией, в очередной раз заметив недовольно зыркающего на меня Обдорина. Не нравится ему, видите ли, что у меня магия во дворце без сбоев

работает, – Мы благодарим всех вас за подарки, но позвольте спросить, а как же невестам теперь унести всё это? – обвёл я руками оба стола.

Гости одобрительно грохнули негромким смешком, и с интересом стали слушать дальше.

– Вот и решил я подарить им по сумочке, чтобы было куда подарки и покупки всякие сгружать.

Держу паузу, ещё больше привлекая к себе внимание. В руках у меня ничего нет, рядом тоже ничего не заметно. Всем уже любопытно, что же дальше будет.

Я критически осматриваю невест, а потом поворачиваюсь к Гришке, уже стоящему около балконных дверей и хлопаю в ладоши. Он кивает, и выбегает на балкон.

На улице с шумом взлетают в воздух зелёные ракеты и зажигаются прожектора, расцвечивая вечернее небо.

Пара минут, яркий свет с небес, и из вечерней тьмы над площадью появляются две туши дирижаблей. Вскоре гости без труда читают названия моих подарков, написанные крупными буквами по обеим сторонам аэростата: «Дашуля» и «Алёнушка».

Ну да, подписал я их, чтобы невесты подарки не перепутали, и не подрались, выбирая кому какой.

– И-и-и, – неприлично визжит княгиня Дарья Бережкова, целуя меня в щёку, а с другой стороны от неё и Алёна Бережкова не отстаёт.

– Мои. Мои княгинюшки, никому не отдам, – шепчу я чуть слышно, прижимая их обеих к себе.

Приземление дирижаблей.

Марш пилотесс, статных красавиц в ослепительно белой форме. Мне их полмесяца по всей стране искали и подбирали.

Духовой оркестр, отыгравший взлёт.

И праздничный салют, устроенный моими дружками.

Выбились мы из регламента празднества, судя по ворчанию церемониймейстера. Ворчит-то он ворчит, но не особо недовольно, так что можно пренебречь. Видимо, по должности положено так, а не праздник мы испортили.

К танцам приступили чуть позже, чем предполагалось.

Под музыку я вышел в круг с Алёной. Вслед за мной и Антон закружил Дарью, а потом началось…

Мы с Алёной только головами успевали крутить, и шумно вздыхать, разглядывая каждую следующую пару. Слов просто не было. Кончились.

Князь Обдорин и княгиня Вадбольская.

Князь Белозёрский и Императрица-мать.

Мой староста Шувалов и Ирина Рюмина.

Князь Гончаров и княгиня Рюмина, мама Алёнки и по совместительству, ещё одна моя тёща.

И, как вишенка на торте, сам Император и моя тётушка, баронесса Анна Константиновна Грипенберг.

Оттанцуй любая из этих пар где-нибудь в середине бала, и то, разговоров и сплетен не на одну неделю бы было в каждом из столичных салонов, а тут…

Мир сошёл с ума, не иначе.

Да, уж. Задали жару новоявленные родственнички всех мастей.

А там и гости подхватили безумный порыв. Дарья, с которой я танцевал следующий танец, только ойкать успевала, нашёптывая мне самые неожиданные сочетания пар. Вместе танцевали старые враги, недруги, не здоровавшиеся при встрече, а то и вовсе подбирались пары, не соответствующие друг другу по возрасту и положению.

Все правила приличия к чёрту!

Скандалов и скандальных новостей не избежать. Это я понял, танцуя уже не помню какой по счёту танец, со Светланой Второвой, одной из подружек Алёнки, о чём свидетельствовала алая лента, перевязанная у неё через грудь. К слову сказать, через неплохую такую грудь, я бы даже сказал, очень интересную и привлекательную. Потенциальная звезда журналистики была настолько увлечена своими записями, что даже не сразу сообразила, что я её на танец приглашаю. Да и танцевала она, большей частью гостей разглядывая. На меня почти не смотрела. То ли дело молоденькая Лопухина, прильнувшая ко мне в танце почище любой из моих невест. Горячая штучка будет, когда подрастёт. Достанется же кому-то такое чудо… Ох, горя хапнет.

Ужин, прервавший танцы, не обманул ожиданий.

Столы были великолепны. Церемониймейстер, выслушавший больше сотни похвал за короткое время, надулся от важности, как индюк, и ходил с гордо поднятой головой, словно впитывая в себя восторги гостей.

– А я и не знал, что у нас в подвалах это вино ещё осталось, – заметил ему государь, подходя к нашему столу. Между прочим, не один подошёл, Анну с собой привёл. Ну, так-то да, она вроде как у меня в самых близких родственницах. Все приличия соблюдены. Хотя, на то он и государь, вроде как, чтобы собственное мнение иметь и ходить под руку с теми, кто ему нравится.

– Их Сиятельство в пополнении вин самое непосредственное участие принял, – почтительно поклонился вельможа, кивнув в мою сторону.

– О, князь, в винах разбираетесь? – отсалютовал мне Император бокалом.

– Ещё как разбираюсь, – состроил я преувеличено серьёзное лицо, – Красное от белого с первого взгляда отличаю и пробки умею выбивать с одного-двух ударов по донышку.

Мои таланты сомелье были встречены смехом, а затем шутка разошлась по столам, пересказанная из уст в уста не один раз.

Раз уж я встал, то решил тоже прогуляться вокруг столов, следуя за Императором. Подхватив Дарью, нашёл взглядом улепетнувшую Алёну, подсевшую к своей маме и подружкам. Обходя столы, принимал поздравления, и чуть прикладывался к своему бокалу, под бдительным взглядом невесты, контролирующей уровень вина в бокале.

– Что, князь, не страшитесь вскоре моим родственником стать? – перехватил меня Феликс Юсупов, когда я немного приотстал от государя, задержавшись около семейства Белозёрских.

– Для себя никакого риска не наблюдаю, – спокойно ответил я отпрыску одной из первейших фамилий, – Да и вас никто не неволит.

Вот так. А то, ишь ты. Знаю я эти высокомерные улыбочки. Дружкам своим морды корчи, а мне другая роль прописана. Раз хотят из меня пугало сделать, то начинать никогда не рано. Юсуповы у меня в отдельном списке значатся. Вовсе не в том, где возможные друзья прописаны.

Двинувшись вперёд, заставил Феликса посторониться, пропуская меня дальше. Вроде ничего и не произошло, разве только Дашка мне в руку покрепче вцепилась и лицом закаменела, забыв как дышать.

– Успокойся, милая, – погладил я её холодные пальцы, сжимавшие меня до синяка, при этом не перестав улыбаться, раскланиваясь с гостями, – Хлипковат против меня Юсупов характером. Утрётся.

– Я чего-то не знаю? – шепнула мне в ответ невеста, отмирая и награждая ослепительной улыбкой какого-то старого ловеласа, старательно замаскировавшего свою лысину редкими волосинками и тянувшегося к ней лапами.

– Всё потом, – поймал я на лету цветок, брошенный полузнакомой девушкой из Смольного, и поцеловав, вручил его невесте, заодно проехавшись полой пиджака по лицу плешивца, тут же отдёрнувшего свои лапищи от моего сокровища.

Вот так, с шутками и прибаутками мы обошли гостей, больше не нарвавшись ни на какие приключения. Ну, почти не нарвавшись…

– А скажите-ка мне, князь, не вы ли, случаем, на днях сиянием баловались? – остановил меня князь Обдорин, поджидавший, когда мы закончим обход и вернёмся к своим местам за столом. Сам тон его слов был скорее констатацией факта, чем вопросом.

– Так радость-то какая, – улыбнулся я, как можно простодушнее, – Опять же, город нисколько не пострадал.

Непонятно, отчего меня Обдорин про сияние решил спросить. А то ему тотчас же не доложили, чем и с кем я занимаюсь. Я ещё не слепой, и приставленную ко мне охрану без особого труда замечаю.

– Ну да, радость, оттого и не пострадал, – согласился со мной Обдорин, оставив своими словами чувство недосказанности.

Нежелательный разговор я прервал, помогая усесться вернувшейся Алёнке. С Обдорина станется начать прямо тут у меня выпытывать, отчего моя магия во дворце вовсю работает, хотя это и не положено. Не поверит же, если я скажу, что я и сам не в курсе. А делиться с ним догадками, так оно мне ни к чему. Пусть сам попробует сообразить, что магия у меня более высокого уровня, чем защитные артефакты дворца. Какой-то иной причины я не вижу.

После ужина мы дотанцевали оставшуюся часть бала, и под одобрительные выкрики гостей, и не совсем приличные пожелания от некоторых перебравших, двинулись на выход, чтобы наконец-то уединиться в выделенных нам апартаментах.

Алёнка тут же ускользнула в соседнюю комнату, а я тяжело плюхнулся на кресло у стола с зажжёнными свечами. Весь день на ногах, да ещё эти поездки на коняке. Тут кто хочешь вымотается.

Устал так, словно мешки полдня таскал, а день-то ещё не закончен. Надо как-то поделикатнее планы невест разузнать.

Хотя, есть у меня один проверенный способ. Сам до него допёр. Начни я сейчас о чём-то ту же Дашку расспрашивать, того и гляди чего-то не то скажу. Потом придётся полчаса оправдываться и объясняться, а это тоже чревато. Того и гляди, ещё что-нибудь ляпнешь вдогонку. Куда проще помолчать, вытянув ноги и прикрыв глаза. Девушки – существа нетерпеливые, особенно в возбуждённом состоянии. Им нужно движение, восторги и прочие благоглупости, которые они впитали в себя при тщательном изучении любовных романов, потребляемых ими в несметных количествах.

– Чего ты расселся, – и минуты не выдержала Дарья, зашипев на меня рассерженной змеёй.

Во, а я что говорил! Молчание – это наше всё. Главное уметь молчать. Причём, не вызывающе молчать, а делать это этак

отстранённо, вроде, как ты про свою роль в масштабе Вселенной размышляешь. Вселенная – она такая здоровая, что к ней ни приревновать, ни посоревноваться с ней значимостью. Опять же в голову никому не придёт сказать: – «Выбирай, или я, или Вселенная». Оттого и молчать лучше, думая про вселенские просторы, а не про рыбалку.

– А что нужно делать? – поинтересовался я, словно спрашивая совета.

– К Алёне иди. Ждёт ведь, – всё так же шёпотом прошипела Дашка, – А потом вместе с ней возвращайтесь. Смотри, что я тут приготовила.

Дарья, жестом иллюзиониста, откинула салфетки на небольшом столике, и я увидел вполне себе приличный ужин, с икрой, шампанским и ананасами.

– Тогда надо налить. По три капли для бесстыдства, – тут же уточнил я крайне важную деталь, чтобы не быть обвинённым в неумеренном потреблении вина в столь знаменательный день.

По паре глотков во все три бокала, и я пошёл.

– И поаккуратнее там, медведь, – выдала мне в спину Дашка напутствие, как всегда оставляя за собой последнее слово.

– Будет вам и аккуратно, и шампанское с ананасами. Всё будет, – проворчал я себе под нос, после того, как пяткой тщательно прикрыл дверь.

Планов на ближайшее время у меня громадье. И все они, как один, насквозь неприличные.

Глава 51

Три дня каникул, которые я себе позволил, пролетели на удивление быстро.

Кажется, только вчера мы спустились в зал на завтрак, который провели среди похмеляющихся гостей, оставшихся во дворце еще с нашей свадьбы и продолжавших праздновать всю ночь.

Потом были приятные хлопоты. Мы пересчитали подаренное, осмотрели особнячок, составили список, и устроили небольшую пробежку по магазинам и мебельным салонам, заказывая себе то, что казалось нам необходимым в новый дом. Цены в столице, я вам скажу… Комплект шёлкового постельного белья с кружевами стоит, как приличный домик в моём посёлке.

А затем пошла череда визитов. Утомительнейшее дело, должен заметить.

Вдруг резко выяснилось, что гардеробчик у меня скуден, и надо бы его пополнить. Опять пришлось ехать к Левинсону, где обалдевший от счастья Моня был обласкан вниманием моих жён, и засыпан похвалами.

Дождавшись, пока мои супруги упорхнут в соседний дамский салон, расположившийся на противоположной стороне улицы: – «На пять минут, мы одним глазком только глянем, и всё», – я с чистой совестью уселся пить кофе, и никуда не торопясь, начал обсуждать с Эммануилом следующие фасоны костюмов, которыми мы собрались контрапупить столичную общественность. Через полчаса, напившись кофе, обговорив фасоны четырёх новых костюмов и доброй дюжины рубашек, я принял заказ от Анатолия Аркадьевич на три дюжины пуговиц и пошёл разыскивать своих дам.

Пуговицы – это хорошо! Денежки в семейный бюджет просто срочно нужны. Жёны у меня, как скоростные болиды. В том смысле, что по магазинам они ходят со скоростью тысяча рублей в час. Каждая!

– Какой ты молодец, что показал нам этот милый салончик, – задумчиво похлопала глазами Алёна, крутя в руках две практически одинаковые, на мой взгляд, шляпки, и рассматривая то одну, то другую как бы со стороны.

Я? Нет, вы представляете, я им показал… Да я… Да на пушечный выстрел… Гора, горища коробок! Со стола уже падают…

– Так, быстренько собрались, и в машину, – грозно скомандовал я, – У меня багажник не резиновый.

– Не переживайте, Ваше Сиятельство, мы сами всё доставим быстро и аккуратно, – нанесла мне удар ниже пояса старая мегера, миловидная женщина лет тридцати, видимо, хозяйка салона, с улыбкой наблюдающая за сценой.

– А я тебе говорила, я тебя предупреждала. Чурбан и мужлан. Прекрасного не ценит, – высунулась Дашка из примерочной, обращаясь к Алёнке и снова задёргивая за собой занавеску.

– В машину, бегом, – прорычал я в ответ.

– Сатрап! – донеслось из примерочной уже в мой адрес.

Вышли мы минут через десять. Часть коробок всё равно пришлось тащить с собой, так как в них оказались вещи первой необходимости, нужные буквально сию минуту.

– Надо ленты маман отправить, юбочку я себе взяла, хорошенькую, простая такая, на каждый день, перед Ангелиной похвастаюсь, ну, и шляпку вместе с лиловым платьем примерить. Ты же помнишь моё лиловое платье? – обратилась ко мне Алёнка, как только мы сели в машину.

– Конечно, милая, – ответил я, сочась ядом, накопленным за бесконечные десять минут, в течении которых мне успели вынести мозг, – Я у каждой из вас каждое платье помню, в каждом из четырёх ваших личных шкафов. Малепусеньких таких шкафчиков, размером с небольшой садовый домик.

– Безнадёжен, – констатировала Дарья, ни к кому конкретно не обращаясь.

Вот такими милыми и радостными моментами я отмечал начало своей тихой и счастливой семейной жизни.

А там мне пришлось оставить занятых хлопотами жён в столице, а самому мчатся обратно на верфи. Вызванная Шабалиным команда приглашала меня на осмотр вскрытого ими бункера. И не только меня одного. Попросили профессора Фёдорова с каким-то его другом забрать по пути.

Делами в эти дни я почти не занимался. Едино что, так это звонок Киякина меня изрядно повеселил.

Купец, он и в Африке купец. Особенно когда работает с интересом и любимым делом занят.

Вычитал Степан Васильевич в газетах про парад пилотесс, посмотрел фотографии в журналах, и родил более чем неожиданную идею. Курсы девушек-пилотов он решил организовать, из-за чего и просил выделить ему для обучения два дирижабля в срочном порядке.

Я сначала лишь расхохотался, а потом всерьез задумался. Прав ведь купец. Я для невест во всей стране кое-как нашел девушек, умеющих пилотировать дирижабль, а ведь мода штука такая, скоро и другие захотят такой же подарок своим невестам

сделать, а то и еще кому-нибудь.

И где на всех женщин-пилотов набрать? А тут, вот они, почти готовые и надо-то для этого не так много: обучающих кристаллы для этих курсов подготовить побольше, да дирижабли инструкторами снабдить, чтобы необходимый нормативный налёт часов пилотессы получили. Вообще ни разу не удивлюсь, если в числе первых инструкторов лично сам Киякин окажется. Пилот он отменный, пожалуй, лучший из всех, кого я знаю.

Ну, а уж про то, что обучатся эти девушки на дирижаблях именно моей конструкции летать, так это разговор особый. Не обучены они окажутся летать на чём-то другом. Поэтому, желаете пилота женского пола заполучить, покупайте дирижабли сами знаете чьих верфей.

Как по мне, так основательно сумел Киякин меня удивить своим умением одним выстрелом двух зайцев убить. И уж тем более удивил, когда сказал, что курсами его дочь руководить будет. Вот чем мне нравятся наши купцы, так это своим отношением к отпрыскам. Всегда стараются деток к делу пристроить. Нет у них предубеждений ненужных.

Бояре бы тысячу причин нашли, чтобы оградить своих дочерей от занятия чем-нибудь полезным, если это против понятий о том, чем пристало заниматься аристократке, а чем нет.

Зато купцам только волю дай. У того же Липатова доченьки чудо как умело управляются с кондитерской, например. Видел я их отчёт за прошлый месяц. Растут доходы, как на дрожжах.

Опять же купеческие дочки в молодости исключительно собой хороши, вот только когда они подрастают, тогда отчего-то в дородность уходят. Тут их с девушками из аристократических семей не сравнить. Порода, на то она и порода. Взять для примера княгиню Вадбольскую. Стройна, умна, элегантна, как не знаю что.

Мда-а. Порода. С генетикой у меня особые отношения складываются. Такие, что и рассказывать стыдно. Я, можно сказать, из-за неё, проклятой, воровством занялся. И не абы каким, а на дворцовое имущество позарился. Пусть и по пьянке на такое пошёл, и перемкнуло, когда кровь увидел, ну, в общём спёр я простынь. Ту, что от первой ночи с Алёнкой осталась.

Стыдно, не передать.

Вовсе не оттого своровал я простынь со следами крови, что я фетишист, или ещё кто. Всё дело в медведевском наследстве. Большой пласт знаний по магии крови накопил в своё время Савва Савельевич. И кровь Рюминых там особой строкой шла.

* * *

Профессор Фёдоров дожидался меня на лётном поле не один. Вместе с ним у дирижабля стоял высокий худой мужчина в каракулевой папахе с усталым, морщинистым лицом.

– Познакомьтесь, мой коллега, профессор Веденеев, геолог, – представил вечно улыбающийся Фёдоров своего спутника.

– О как, у меня что, нашлось золото или руды интересные? – спросил я у дылды, когда Фёдоров закончил процедуру знакомства.

– Боюсь, у вас несколько однобокое представление о геологии, – на ходу отозвался Веденеев, поднимаясь вслед за мной в гондолу дирижабля, – То направление геологии, которым занимаюсь я, от полезных ископаемых весьма далеко. Впрочем, если вам что-то говорят такие термины, как геофизика или геомагнитные аномалии, то я могу рассказать о своей работе чуть подробнее.

– Одну минуту, – поднялся я с кресла, в которое только что уселся, – Лететь нам часа два, а вы, как я заметил, немного продрогли, пока меня ожидали. Полагаю, под хороший коньяк у нас время быстрей пролетит.

На самом деле мне не столько коньяк понадобился, как пауза в разговоре. В голове знакомо зашумело, как это бывает при очередном вбросе информации от Сущности.

– Про магнитные аномалии я знаю ровно столько, сколько это необходимо для навигации, – продолжил я разговор, вернувшись к столу, – По крайней мере про канадскую аномалию, и про нашу, Курскую, мне известно.

Изучив этикетку на коньячной бутылке Фёдоров одобрительно поцокал языком, а потом решительно забрал у меня нож и тарелку с лимонами и начал умело нарезать лимон тонкими, почти прозрачными кружочками.

– Да. Курская. Мы до сих пор не находим бесспорного ответа на вопрос о её появлении. Как-никак, а это самое крупное в мире месторождение железной руды, досконально расследованное вдоль и поперёк, – покачал головой Веденеев, наблюдая за действиями своего друга.

– А моё представление о геофизике в основном относится к области тектонического оружия, – добавил я, и нож в руках Фёдорова подозрительно дрогнул, сорвавшись с лимона и звякнув о тарелку.

– Так вы знали, что находится в бункере, который был найден на вашей земле? – положил профессор нож на стол, и переглянулся с Веденеевым.

– Понятия не имел. С чего вы взяли?

– А, ну да, геофизика. Получается, мы сами же и

подсказали, – немного подумав, догадался Фёдоров, – Ну, что, по маленькой?

Выпили. Зажевали лимончиком. Помолчали с минуту, прислушиваясь к ощущениям.

– Значит вы у нас не простой геолог, а как бы это правильнее сказать, военный геолог, так что ли? – прокрутив в голове разговор, повернулся я к Веденееву.

– Нет у нас таких геологов. И я с армией никак не связан. Да, работы мы некоторые по закрытым темам выполняем, но это обычная практика. Полагаю, вы понимаете, что знания – это само по себе оружие. Зачастую, куда более опасное, чем просто бомба или ракета. Во времена Советского Союза существовала программа «Меркурий-18». В её рамках была разработана методика дистанционного воздействия на очаг землетрясения, с использованием слабых сейсмических полей и переноса энергии взрыва. О том, какие последствия могут быть от её применения, лучше всего проиллюстрировать примерами. В 1970 году на Лос-Анджелес обрушилось землетрясение в восемь баллов, вызванное испытаниями на полигоне, который был расположен в ста пятидесяти километрах от города. В Китае, в городе Тангшань, день спустя после ядерного взрыва на полигоне Лоб Нор, из-за подземных толчков погибло около миллиона человек. Но для нас гораздо интереснее землетрясения в Грузии, вызванные бомбардировками Югославии. А потом волна толчков и до Кореи донеслось. Сейсмические возмущения в этом случае были спровоцированы с гораздо большего расстояния, – тут Веденеев приложил палец к виску, ещё что-то припоминая, – Последствия подземного взрыва в одну мегатонну вызвали в пустыне Невада порядка десяти тысяч подземных толчков и продолжались несколько месяцев. Так что, зная геологическую обстановку, иногда можно нанести потенциальному противнику серьёзнейшие разрушения, даже не заходя на его территорию.

– А ещё есть вулканы, – подсказал Фёдоров, всё с той же добродушной улыбкой на лице. Словно, Веденеев не ужасы описывает, а забавную сказку рассказывает.

– Вулканы, супервулканы и разломы, – кивнул геолог, наблюдая, как Фёдоров аккуратно по второму разу наполняет снифтеры из моего походного бара, – И советская же программа «Вулкан». Взять, к примеру вулкан Кумбер-Вьеха, расположенный на острове Ла-Пальма. Проснувшись, этот вулкан стряхнет в океан весь свой склон, а это около пятисот кубических километров скальных пород. При падении образуется километровый водный купол, напоминающий ядерный гриб, образуется цунами, которое со скоростью восемьсот километров в

час побежит по океану. Самые большие волны, более ста метров в высоту, обрушатся на Африку. Через девять часов после извержения уже пятидесятиметровое цунами смоет с побережья Северной Америки Нью-Йорк, Бостон и все населенные пункты, расположенные на расстоянии десяти километров от океана. Ближе к мысу Канаверал высота волны упадет до двадцати пяти метров, а на Испанию, Португалию и Францию обрушится двенадцатиметровое цунами, которое пройдет вглубь континента на два-три километра.

Профессора выпили по второй, а я отказался. У меня и так последние три дня без выпивки не обходились. Это им, закалённым мамонтам, от пары-тройки рюмок ничего не будет, а мне пока достаточно. Архимаг и так штука опасная, а пьяный архимаг – это вообще жуть ходячая.

– Так вот, на чём мы остановились? Ах да, разломы и супервулканы, – продолжил Веденеев, поймав волну лектора и слегка раскрасневшись лицом, – Разломы хорошо изучены на примере континентального трансформного разлома Сан-Андреас, отделяющего Северо-Американскую литосферную плиту от Тихоокеанской. Он имеет длину около полутора тысяч километров и является одним из самых активных разломов планеты. Больше двадцати шестибальных землетрясений в год происходит из-за смещения плит. Инициировав сейсмическую нестабильность можно вызвать целую волну подземных толчков большой силы, которая распространится вдоль всего разлома.

– Что значит «вызвать нестабильность»? – вклинился я со своим вопросом в паузу, возникшую в связи с принятием профессорами третьей порции коньяка.

– Вы, применяя магию, ощущали толчки почвы? – вопросом на вопрос ответил Веденеев, а я искоса глянул на Фёдорова. Не сомневаюсь, что оба профессора откуда-то слишком хорошо осведомлены о моих магических способностях, и даже не собираются это скрывать.

– Было дело, – не стал я вдаваться в подробности.

– Подземные взрывы, применение магии, а то и обычная бомбардировка сейсмически опасных участков – это грубые орудия вмешательства. Существуют и более тонкие инструменты, позволяющие получать гораздо более впечатляющие результаты. У нас есть такое выражение «поймать волну». Вращающаяся Земля – это автоколебательная система. Её собственные колебания порождают целую систему стоячих волн, каждая из которых представляет собой генератор и своеобразный камертон, готовый к резонансу. Мощный генератор колебаний, с рассчитанной амплитудой и временем включения, правильно

запущенные встречные волны, входящие в резонанс и сталкивающиеся в области разлома, и вы получите длительную череду сейсмических толчков самого высокого порядка на каком угодно участке разлома. Главное правильно произвести необходимые расчёты и иметь максимально полную геологическую картину нужного вам района. Остальное, как говорится, дело техники.

– А с супервулканами и того проще обстоит, – покивал Фёдоров, слушая своего коллегу, – Разбуди такой вулканище, к примеру тот же Йеллоустоун, и целый материк окажется непригодным для жизни. Ещё хуже, если проснётся супервулкан Тобу. Последний раз это было семьдесят пять тысяч лет назад, и от всего человечества тогда осталось в живых всего лишь десять-двадцать тысяч. Сейчас, наверное, выживет больше, но ядерная зима, которую наши деды и прадеды пережили, найдёт своё ещё более страшное продолжение.

– Считайте, что ваше предупреждение о недопустимости использования магии в сейсмоопасных районах я услышал, – озвучил я тот вывод, к которому меня старательно подводили оба собеседника, – Но никакой связи с найденным бункером я пока так и не уловил, хотя наш разговор с него и начался.

– По ряду признаков можно сказать, что та система подземных убежищ, которую вы обнаружили, это недостроенный и законсервированный советский военный объект. На это указывают многие найденные там вещи, датированные годами существования СССР. Кроме того, сохранились в имперском хранилище некоторые документы, где упоминается о строительстве Центра Управления Тектоническими Исследованиями. Под этим названием, как вы догадываетесь, предполагалось строительство центра по управлению землетрясениями и прочими геофизическими коллизиями по всему миру. Мощнейший вычислительный центр, многоканальная спутниковая связь и разветвлённая система различных устройств, а то и попросту законсервированных шахт, с заложенными там зарядами. Не исключаю, что и на дне океанов планировалось разместить не одну сотню сюрпризов, скажем, для формирования того же цунами или точечного воздействия на разломы. Социалистическая империя умела отстаивать свои интересы. Потом был период безвластия, смена строя, а там и международные договорённости ужесточились, связанные в частности, с тектоническим оружием. Нашей стране, как вы понимаете, оно, это оружие, не слишком-то опасно. Камчатка, Байкал, и небольшой кусок территорий на юге, вот и все наши слабые места с точки зрения геологии. А в ответ одно нажатие

кнопки, и целого материка нет, да ещё и озоновая дыра, которой не один десяток лет на восстановление потребуется.

– Кому-то очень хотелось ощутить себя в роли Бога, – заметил я, поёжившись от представленной картины.

– Скорее, Сатаны, – с усмешкой поправил меня заметно пьяненький Фёдоров, с сожалением глядя на так и не приконченную ими бутылку, в которой болтыхалось ещё две-три добрых порции коньяка, чутко реагируя на манёвры дирижабля, идущего на посадку.

Во главе со Степаном встречающих набралось не просто много, а очень много. Человек сто, не меньше, и я вижу, как от верфей ещё бегут люди.

– Ух-х, – слышится слитный недовольный возглас, когда я с профессорами выхожу из гондолы, а идущие следом пилоты закрывают двери, чтобы не выстудить салон.

Разочарование встречающих понятно. Меня ждали с жёнами, а не с подвыпившими деятелями науки.

– Жёны завтра прилетят, – успокаиваю я собравшихся, – А праздник завтра вечером на площади устроим.

Минут пять принимаю поздравления, улыбаюсь, отвечаю на вопросы. Потом мы рассаживаемся по машинам и тут я начинаю крутить головой. Машин много, побольше десятка. Это куда столько народа собралось? А, впрочем, князь я или не князь. Конечно же, князь. А значит и свита мне соответствующая положена. Опять же, все кто нужно, сразу под рукой будут. Меньше запоминать придётся и объяснять. Прямо на месте показывай и задачи ставь.

«Мрачен, как вход в бомбоубежище».

Кто из людей нашего времени не помнит эту фразу.

Для многих из нас это уже просто слова, которые мы воспринимаем, как некий афоризм, а для наших предков, прадедов, а может прапрадедов, это долгие годы мучений и ожиданий, полуголодного существования и страха за собственную жизнь и за жизнь своих детей. Годы выживания во время ядерной зимы.

Вход в бункер, около которого нас встретили, был действительно мрачен. Огромные ворота, с прорезанным в них отверстием, вели в тёмную мглу. Судя по ржавым пятнам на растаявшем снегу, здесь когда-то могла быть железная дорога, рельсы которой нынче превратились в труху.

Если судить по план-схеме, которую мне показал представитель встретивший нас команды, то верхний уровень бункера больше всего напоминает осьминога с отрубленными нечетными ногами. Эти обрубки заканчиваются

вентиляционными шахтами, поднимающимися наружу и пронизывающими все пять уровней бункера.

Четыре оставшиеся осминожьи ноги – это сами выходы. Два из которых серьезно разрушены, а остальные два вполне себе подлежат восстановлению, так как незначительные разрушения там наблюдаются только на первой сотне метров.

– Три верхних уровня достаточно сухие и опасности не представляют, – доложил мне один из членов команды прибывших сталкеров. Необычное название первопроходцев пришло из древней литературы и полюбилось тем командам, которые Империя бросала на обнаруженные объекты предков, – На двух нижних уровнях разрушения серьезнее. Туда проникла влага, а на самом нижнем уровне отмечено несколько тоннелей, полностью затопленных водой. На втором и третьем уровне мы нашли большое количество радиоаппаратуры, не подлежащий восстановлению. Хотя большинство блоков до сих пор лежит заводской упаковке, но время безжалостно. Думаю, что там вряд ли что уцелело. По крайней мере из того, что мы увидели, уже ничего полезного не извлечь. Если вы собираетесь осмотреть объект, то постарайтесь уложиться в десяток сопровождающих, желательно из тех, кто покрепче.

– Так, – развернулся я к своей свите, – Могу с собой взять десять добровольцев. Кто со мной?

– Мы все, – тут же отозвался Степан, подтянув за собой ещё двоих незнакомых мне молодых парней, – Надо посмотреть, может с аппаратурой всё не так плохо.

– Нас хотя бы двоих возьмите, – выступил вперёд один из четверых «ямальцев», – Бомбоубежища – это почти идеальное место для некоторых видов нашего производства.

– Мы идём оба, и это не обсуждается, – решительно шагнул вперёд профессор Фёдоров, и за ним тут же последовал его высокий коллега, упрямо наклонив голову.

– Мне по работе надо, – шагнул вперёд мой главный строитель, – Знаю же, кому тут работать предстоит.

– Объект на моей территории, мне положено, – быстро сориентировался Роальд Силантьевич, а за ним тут же шагнул Коля Филатов, будущий алькальд нового посёлка.

Угу, надо мне чётко им обоим прописать перечень обязанностей и ответственности. Моя ошибка. Колю к делам привлёк, а ясность в их отношения не внёс. Теперь у меня вроде как два административных начальника существует. Непорядок. Власть такого пренебрежения не терпит.

Много в истории примеров двоевластия, но особых удач среди них не отмечено.

– Всё. Выдвигаемся, – скомандовал я, отсекая попытки тугодумов вклиниться в наши стройные ряды.

Сталкеры тут же разошлись по сторонам, выстраивая получившийся отряд в походную колонну.

Потом они всем нам раздали каски с фонарями, накидки и фляги с водой.

Первые метры коридора напомнили мне гигантскую нору, прорытую огромным стальным чудовищем. С осыпавшимися кусками бетона, местами торчащей арматурой, и участками стен, с облупившейся краской.

Включив фонари все шли цепочкой, изредка поглядывая на потолок, где порой опасно торчали большие куски бетона, болтающегося на остатках проржавевшей арматуры.

Спустя пару минут мы вышли на Т-образной перекрёсток и миновав вырезанный проем в следующих очень толстых дверях, оказались в чуть более низком коридоре.

Мы долго шли по широкому наклонному коридору, с каждой сотней метров забираясь всё глубже и глубже под землю.

Сталкеры не соврали. Когда мы прошли следующую ворота, то состояние сооружения изменилось в лучшую сторону. Теперь уже не приходилось обходить крупные обломки стен, перепрыгивать через торчащие гроздья ржавой арматуры и пробираться через завалы, образованные разрушенными фрагментами полукруглых потолочных арок.

– Совсем другое дело, – вырвалось у профессора Федорова, когда фонари осветили помещение, находящееся в более-менее приличном состоянии.

– Грузовые лифты, аварийные лестницы и вход в подсобное помещение верхнего яруса, – сказал один из сопровождающих, показывая поочередно на разные двери, – Предлагаю осмотреть верхний ярус. Это даст вам представление о том, что расположено ниже. Архитектура ярусов примерно одинакова, и только два самых нижних чуть меньше размером, чем остальные.

– Вы говорили, что где-то сохранилась радиоаппаратура. Можем мы на нее посмотреть? – услышал я голос Степана.

– Склады с ящиками мы нашли на всех трёх верхних уровнях. Впрочем, до ближайшего склада совсем недалеко осталось. Давайте пройдем, – обернулся на его голос один из сопровождающих.

Пройдя еще одни массивные двери, мы повернули в коридор, который вел по-видимому куда-то в центр сооружения.

– Здесь расположены жилые и бытовые помещения. Туалет и душевая, пищеблок и жилые комнаты, – просветил нас один из сталкеров, взявший на себя роль гида, – Кстати, обратите

внимание на стену. Если приглядитесь, то увидите план-схему верхнего яруса.

Когда-то давно эта схема видимо была нарисована на листе металла. Сквозь местами облупившуюся краску и пятна ржавчины чуть заметно видны были линии, обозначающие расположение помещений. Сейчас мы шли в центр, который был обозначен ромашкой с четырьмя лепестками.

– Вот здесь, здесь и здесь, – показал сталкер лучом ручного фонаря, словно указкой, – Мы нашли большие склады с ящиками. Полностью все вскрывать не стали, но вполне очевидно, что верхние ящики содержат блоки с радиоаппаратурой. Правда состояние у неё… Впрочем, сами скоро увидите.

– Первый пятому, – вдруг услышал я негромкое бубнение. Сталкер, который шел позади нашей цепочки, прижал наушник к уху и начал с кем-то разговаривать, отвечая только на одному ему слышимые вопросы.

– Да. Идём на объект 1–5 БИС. Экскурсия из одиннадцати человек во главе с местным хозяином. Есть. Понял. Будем ждать.

Вскоре мы попали в огромный зал. Настолько большой, что даже мощные фонари не смогли просветить его полностью, расплываясь слабыми размытыми пятнами на дальних стенах.

* * *

Прибывший вместе со своим старым другом Шабалиным и шестью подчиненными, командир сталкеров наблюдал интересную сценку.

Молодой князь, вроде бы стоящий со скучающим выражением лица, был спокоен. Знай он его лучше, то он бы понял, что спокойствие – это всего лишь маска, скрывающая под собой натянутую до предела стальную струну. Говорил юноша недолго. Растолковал пришедшим с ним людям, что он хочет увидеть от каждого из них, предсказал почти все их вопросы, кое на что ответил в конце своей короткой речи и каким то образом сумел объединить очень разных людей в одну команду, которая и начала заниматься делом.

Первым ушел Степан со своими людьми. Они скрылись в одной из дверей, где по словам сталкера, находился склад с аппаратурой.

После этого, в сопровождении ещё одного сталкера, к лестнице ведущей на второй ярус выдвинулись оба профессора.

Строитель, вооружившись еще одним более мощным фонарем, пошел обратно, осматривать бытовые помещения.

Ушли алькальды, собирающаяся посмотреть наиболее пригодные места для установки постов охраны, а следом за ними и ямальцы двинулись вдоль стены зала, заходя в каждые двери и подолгу там пропадая.

Когда Шабалин вместе с командиром сталкеров подошел к неподвижно стоящему князю, то услышал адресованный ему вопрос:

– Не пытались разобраться, Константин Семенович, почему такой мощный Источник мы так слабо наблюдали на поверхности?

– Уже разобрались, Ваше Сиятельство. Вот, – протянул Шабалин пару камушков.

– Да прекратите вы тянуться. Не на параде. Что это такое? – спросил князь, рассматривая кусок бетона с частыми темно-зелёными вкраплениями.

– Над нами находится десятиметровый слой железобетона с большим количеством вкраплений змеевика, и уже поверх него насыпано ещё метров восемьдесят земли. Не удивлюсь, если окажется, что это не просто земля, и специально подобранный грунт с определёнными свойствами, – чётко отрапортовал маг.

– Причём здесь змеевик? – спросил князь.

– Разрешите, я отвечу, – вмешался командир сталкеров, – На тех объектов, на которых нам пришлось побывать, мы иногда находили остатки ядерных реакторов. Так вот там змеевик использовался в очень больших количествах. Похоже наши предки таким образом защищались от радиации, которая так или иначе могла образовываться при работе реактора.

– А что у нас там? – князь рукой сторону одного из темных углов зала.

– А как вы узнали? – тут же спросил командир сталкеров, – В той стороне мы нашли еще одно помещение, которое не указано на плане и не имеет каких либо выходов на поверхность. Предполагаю, предки хотели там разместить пару ядерных реакторов, чтобы снабжать энергией весь этот подземный город.

– Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что второй Источник в нём располагается? – живо развернулся Бережков к собеседникам.

– Простите, а откуда вам это известно? Мы сами нашли проход туда только два часа назад, – прищурился Шабалин.

– Я его чувствую, – пожал Бережков плечами, – А вы? Вы разве нет?

Оба мужчины, переглянувшись, отрицательно помотали головами.

– Вы можете предложить какое-нибудь объяснение, почему

оба источника оказались точно в центре объектов? – спросил князь.

– В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что образованный над объектами бетонный щит, не пропускающий магию благодаря вкраплениям змеевика, послужил своего рода рефлектором, повернутым к центру Земли. А центральная вентиляционная шахта, как мы видим, оказалась в фокусе этого рефлектора, и мало того, именно она уходит на максимальную глубину, выступая проводником Силы, – немного подумав, ответил Константин Семёнович.

– Другими словами, вы предполагаете, что если сделать в земле дырку, а сверху установить какое-то подобие линзы, не пропускающий магию, то мы искусственным путём можем получить новый Источник Силы? – покрутил головой Бережков, выражая то ли удивление, то ли несогласие.

– Если вас не устраивает эта гипотеза, могу предложить другую. У предков были лозоходцы. При выборе места один из них каким-то путём смог определить те места, где в будущем появится Сила, – чуть насмешливо отозвался Шабалин, похоже, сам не веря в то, что он говорит.

– За что я люблю наших ученых, – усмехнулся князь, – Так это за то, что у них всегда наготове имеется какое-то объяснение. Но у меня большие сомнения в справедливости обоих вариантов. Скорее всего тут что-то другое, но я чувствую, что всё это странно, очень странно, – несколько сумбурно высказался Бережков, пытаясь донести свои ощущения, – Как я понимаю, одной из стен этого зала является тот самый ствол центральной вентиляционной шахты, о котором вы только что говорили, и он, скорее всего, находится там, – показал князь рукой на вершину трапеции, которую представлял собой зал, где они находились.

– Именно так, – согласился Шабалин, кивая, – Но в шахте не только вентиляция. По сути, через центральный ствол и шло снабжение комплекса всем необходимым, а в остальных шахтах имелись лишь относительно маломощные дублирующие системы.

В большом пустом зале шаги раздаются гулко. Какой то неестественной походкой молодой князь через весь зал пошел к указанной им стене, но не доходя шагов десять до неё, остановился и предостерегающе поднял руку, давая понять, что за ним ходить не надо. После этого уже гораздо быстрее подошел к стене и приложил к ней обе руки.

Позже ни Шабалин, ни его друг не могли толком сказать, что же они видели. То ли сквознячок скользнул по залу, чуть распушив князю волосы, то ли блики фонарей сыграли странным образом, но что-то такое определенно произошло, а что именно

сказать трудно.

Так они и стояли, молча наблюдая за словно бы прилипшим к стене князем. Издалека казалось, что он словно шепчет что-то про себя, но ни один из них в этом твердо не был уверен.

* * *

Источник Силы я почувствовал сразу, как только мы прошли первые ворота.

Спускаясь по наклонным коридорам вниз, я ощущал, как не только уплотняется воздух, но просто физически воспринимал магию, которая с каждым шагом становилась все тяжелее и гуще.

Когда мы добрались до зала, мне казалось, что я передвигаюсь по грудь в холодной воде. Волны холода шли от одной из стен, за которой без труда угадывался Источник.

Отдав необходимые распоряжения и разослав людей в разные стороны, я еще некоторое время разговаривал с Шабалиным, рассчитывая, что неприятные ощущения спадут и я без помех смогу проверить и понять, что такое особенное я сегодня чувствую.

К сожалению, ожидания не оправдались. Холод магии не думал утихать ни на минуту и наконец, собравшись с духом, я пошел знакомиться с той Силой, которая вызывала у меня столь яркие ощущения.

Теперь можно признаться, что поступил я глупо и самонадеянно. Решил, что раз я неимоверно крут, то мне по силам совладать с любым проявлениям магии. Так вот, это не так.

Ощущения оказались…

Только оказавшись в открытом космосе или во льдах Антарктики можно почувствовать, с чем ты столкнулся. Холодное безмолвие даже не наблюдает за тобой. Ты слишком ничтожная песчинка на его просторах.

Наверное, так люди чувствуют Силу, спокойно существующую по своим законам и не выражающую никаких эмоций при их появлении. В своём величии исполины живут неторопливо, никак не реагируя на суету мира.

Как я вышел из-под земли, и как уселся в машину, я точно вспомнить не могу. Словно в прострации какой-то находился. Степан, когда выскочил в зал, видимо желая мне что-то рассказать, заметив моё состояние тут же оградил меня от всех остальных и в темпе свернул продолжение осмотров. В себя я пришёл уже в машине, заметив, что друг включил в салоне свет и внимательно всматривается в моё лицо.

– Ты чего там высматриваешь, влюбился что ли? – пошутил я, потягиваясь, и хрустя затёкшими суставами.

– Уф-ф, одыбался, – выдохнул Степан, расстёгивая верхние пуговицы и тяжело дыша, – Заставил ты поволноваться. А глаза какие…

– Что у меня опять не так с глазами?

– Ледяные они. Почти прозрачные. Не подскажешь, с чего?

– Я тебе никогда не рассказывал, что магия живая? Хм, нет, не так. Понимаешь, я её по-разному чувствую. На родовом Источнике она словно дружелюбный котёнок. Трётся, ласкается, старается помочь. На том Источнике, где усадьба Мансуровых была, она словно сом в спячке. Махнёт плавником, вроде как отогнать пробует, и снова храпака даёт. А тут… Даже не знаю, с чем сравнить. Что-то холодное, безмолвное и жутко сильное. Этакий ледяной великан с мечом в руках. Такому впору горы с удара разносить.

– Настолько опасный?

– Опасный… Да нет, скорее безразличный и заледеневший. Как статуя.

– Закрываем объект? Почистим от находок, и входы замуруем, – предложил Степан.

– Чего-о… Я те замурую, а Усольцев догонит и ещё добавит. Ты хоть понимаешь, что мы нашли?

– Катакомбы полуразрушенные, с пороховой бочкой внутри?

– Идеальное место для любого производства, с бесконечным запасом Силы. Мощи там прёт, не передать сколько. Я даже попыток не делал, чтобы Силу зачерпнуть оттуда. Так, постоял, пооблизывался и понял, что человеческих возможностей тут недостаточно.

– Тем более. Какой тогда смысл в таком Источнике?

– И это мне электрик говорит, – развёл я руки и закатил глаза, – А как ты с высоковольтной линии электричество получаешь?

– Через трансформаторы, как же ещё.

– Вот. Молодец. Значит что нам нужно?

– Трансформаторы?

– Нет, к Усольцеву нам нужно, а ты меня домой везёшь, разворачивайся давай. У нас дел невпроворот.

Глава 52

Стачки и забастовки. Кто про них только не слышал.

Когда они случаются, на производствах замирает жизнь, останавливается фабрики, заводы, верфи. Промышленники несут серьезные убытки.

Вот и у меня остановилось всё. Ну, почти всё. И кто тому виной? Да я сам, точнее мой слишком длинный язык.

Дернул же меня черт сообщить, когда жёны прилетают, а заодно и праздник людям пообещать. Нет бы другие какие слова найти, радость там выразить, их похвалить.

В результате, к вечеру заявились ко мне делегации с верфей, с электростанции и с остальных прочих мест, требуя завтрашний день объявить выходным.

Объявил.

Князь или не князь?

Хочу, праздники объявляю, хочу, рабочий день дополнительный. Особенно когда понимаю, что деваться некуда. Один чёрт, никто работать завтра не будет, кроме тех, без кого вовсе не обойтись.

И что в результате? А в результате сегодня мы имеем огромную толпу на летном поле. Тысячи этак в две, если не больше. Все отдыхающие пришли. Вышли, млин, словно на работу. Точное количество трудно назвать, потому что броуновское движение нескольких сотен детей, бегающих, орущих и пытающихся выскочить к причальным мачтам, сосчитать невозможно.

Только вот не надо ловить меня на слове, пытаясь доказать, что раз детей сосчитать невозможно, то и их количество трудно узнать. Может это и так, но кто тут хозяин? Я хозяин. А значит я должен знать, сколько этих мелких крикливых существ у меня учатся в школе, и почему требуется строить второй детский сад, раз в первом уже мест не хватает. Вот такие реалии, и заметьте, господа, ни капли магии. До всего своим собственным умом дошёл.

Прибытие дирижабля всегда зрелищно. А прибытия трёх дирижаблей, зрелищнее в три раза.

«Дашулю» и «Аленушку», а именно так я назвал дирижабли, подаренные жёнам, сопровождал «Антон Рюмин». Такая надпись была золотом намалевана на его бортах и подтверждена гербом Императорского Клана.

Плагиатор хренов! Это была моя идея, давать дирижаблям имена их владельцев. Стыбрил Антон Рюмин тему, а ещё друг

называется. Ладно, прощу, как родственнику. Мне послезавтра с ним вместе идти в первый раз на Совет Князей, и судя по прогнозам, нам там будет весело. Не зря же я два часа с князем Белозёрским у него в кабинете шушукался, когда мы Дашкиных родственников навещали. Полностью весь расклад предстоящего действа получил, а заодно и характеристики на большинство князей выслушал.

Так себе, скажу я вам, обстоят дела у нас в Парламенте. Это я аналогию с классикой провожу. Вместо нижней Палаты у нас Боярская Дума, а вместо верхней – Совет Князей. И вот с ним-то, с этим Советом, у нашего Императора отношения складываются не лучшим образом.

Думаю, неспроста Антон ко мне примчался, мало того, что он наверняка волнуется, так ещё и разузнать он должен был в деталях, что обсуждать в этот раз будут, и как нам себя вести, за что свои голоса отдавать.

Обеих жён я уже по привычке подхватил на Щиты и бережно потащил их за собой к специально сооружённому помосту. Не дело, чтобы они в своих красивых сапожках по мокрому снегу ходили, а то ещё ножки промочат, да и сапожки эти стоят столько, что вслух говорить неприлично, а семейный бюджет не резиновый.

Девчонки мои улыбаются, и с удивлением смотрят, сколько народа собралось их встречать. Вроде посёлок у нас невелик и с населением не особо густо, но это когда люди работой и делами заняты, а тут разом все собрались, да принарядились, и оказалось, что народа-то ого-го уже сколько живёт. Да из-за одежд нарядных пестрота почище, чем в столице.

– Постой-ка, – неожиданно попросила меня Дашулька, вглядываясь в красивую пару, стоящую не так далеко от помоста.

А, ну да. Озеров красуется с нашей аптекаршей бывшей под ручку. Вот же пилот-перехватчик, успел таки уже познакомиться с перевербованной агентшей, удивительно расцветшей после смены личины. Вмиг в элегантную барышню невзрачная провизорша превратилась. Чудо, да и только.

– Лена? – с ноткой недоверия в голосе спросила Дарья у девушки.

– Поздравляю со свадьбой, Дашка-растеряшка, – с улыбкой отозвалась Бельская, обозвав Дарью лишь им одним понятным детским прозвищем.

– И-и-и, – побежала Дарья обниматься, спрыгивая со Щита, – Я тебя так давно не видела. Где ты пропадала?

– Дарья Сергеевна, – вмешался я в их разговор, понимая, что несколькими минутами дело не обойдётся, – Приглашайте

родственницу в дом. Там и наговоритесь. И своего молодого человека пусть с собой прихватит, – подмигнул я Озерову, вставшему так, словно он от чего-то собрался защищать Бельскую.

Хорошая пара может получиться. Оба красивые, в меру родовитые, да и папаша у Озерова не прост. Владелец крупного столичного издательства – это, знаете ли, фигура. Как-то бы к себе их притянуть. Земель у меня много появилось, и такая Семья мне бы не помешала. Заманчивые перспективы вырисовываются.

Вот так я уже думать научился, по-хозяйски. Семейные пары, они понадёжнее некоторых будут. Это я про Шабалина намекаю, если кто не понял. Я ему, значит, баронство в управление дал, а он до сих пор тут в посёлке отирается. Не дело. Видеть я его всегда рад, но когда на подведомственной ему территории порядок образцовый установит, тогда пусть другими вопросами занимается. Знатный нагоняй он у меня получит, как только профессора уедут. А пока пусть их на себя отвлекает. К тому же и жить они у него устроились. Им там, видите ли, удобней научные диспуты до глубокой ночи проводить. Ну, так-то да. Бутылка шустовского в час на троих, чем не диспут.

Перед народом пришлось говорить мне. Благодарил, шутил, улыбался, как кинозвезда, или кинозвездун, короче – старался за всех троих.

Жёны в это время изображали из себя милых скромниц и раздавали детям конфеты с двух больших подносов, притащенных из дирижабля. То ли взрослые детей так вышколили, то ли ещё какая причина есть, но детки подходили степенно и чинно. Мальчики благодарили поклоном, а девчонки чуть ли ни книксен пробовали изобразить. Особенно умильно это выглядело у самых мелких крох.

Слова у меня закончились чуть раньше, чем конфеты у жён. Поискав взглядом Роальда Силантьевича, я подозвал его к помосту. Не Антона же заставлять говорить. Он и так тут рядом красный стоит, ожидая такого поворота событий. А о чём он говорить может? Вот и я про то же.

То ли дело мой алькальд. Мигом сориентировался и про план вечерних торжеств начал рассказывать. Ух, сколько интересного будет, оказывается. И хор, и хороводы, и фейерверки и русский мордобой. Да, да. Он именно так и сказал, поставив это действо между хороводами и соревнованием санных троек. А и пусть. Свадьба у меня или не свадьба. А какая же свадьба без драки бывает? Правда, про самый главный номер сегодняшнего праздника Роальд Силантьевич не обмолвился, так он ещё и сам про него не знает.

Дома, под чай и кофе, слушал последние столичные новости от Аленки и Антона. Дашка в это время болтала с Бельской, и время от времени кидала на меня угрожающие взгляды. Видимо Бельская рассказывала ей о том, что мы со Степаном про её нахождение у нас давно знали. Зря Дарья это делает. Нечего ей нос совать в вопросы безопасности.

– А твой Левинсон, того и гляди, скоро самым модным столичным кутюрье станет, – огорошила меня Аленка, от которой не укрылись наши с Дарьей переглядывания.

– Мой это какой? – уточнил я, – Молодой или старый?

– Молодой, конечно же, Эммануил. Я тебе журналы привезла. Там есть фотографии его костюмов. А в конце следующего месяца у него будет показ в Манеже, – пригладила мне жёнушка причёску двумя лёгкими движениями.

– Ага, с моими костюмом, значит, полный успех, а ваши платья, что, никто так не заметил? – не поддался я на подобие ласки. Я хоть и князь теперь, но парень простой. Одной причёской меня не возьмёшь.

– Ой, про это нам вместе с Дарьей нужно рассказывать, – всплеснула Алёнка руками, и нетерпеливо поглядела на болтающую Дашку, – Там та-акое творится. Это нам муж модный и современный достался, а большинству дам мужья даже думать о таких платьях запретили. Ты бы знал, как нам завидуют.

Зубами я скрипел тихо, мысленно, и про себя. И вовсе не потому, что в глазах большинства женатых мужчин я теперь выгляжу провокатором. Я бы и сам рад такие платья запретить. Решительно и бесповоротно. Нет, это надо же было такое выдумать, с голой спиной на люди выйти. Да ещё танцевать с кем-то в таком виде.

И ладно бы, приоделась так чья-то чужая жена. Я бы с пониманием отнесся, и посмотрел с удовольствием, даже потанцевал бы с ней, скорее всего, а тут мои, МОИ собственные жены!

Сам до сих пор не пойму, как и на чем они тогда так ловко смогли меня поймать, что я их в таком виде в зал выпустил. Ну уж теперь, дудки! Я уже опытный, и второй раз у них этот фокус не пройдет.

Надо будет изучить, как там монахини одеваются. И по плащику, по плащику им обеим заказать! По длинному такому, глухому, и чтоб в пол был.

Я как раз один подходящий фасончик знаю. Гоняли нас как-то раз в Академии по полигону в костюмах химзащиты. Вот там плащ, так плащ. Противогаз – это уже немного с перебором будет, а вот какую-нибудь чадру симпатичную, или паранджу к такому

плащику в самый раз…

– А за нашего Куракина крепко взялись, – перебил Антон мои сладостные размышления о будущей женской моде, – Представляешь, половина его Клана в прокурорах и судьях устроилась, зато остальные в адвокатских конторах оказались.

– Чего? – не смог я сразу переключиться с видений о девушке в плаще, на суровые прокурорские будни, – А-а, понял. Одни садят, другие тут же отмазывают. Представляю, сколько денег они за такие услуги загребали.

– Сейчас их загребают. Разбегаются нынче куракинцы, как тараканы из-под тапка. За сутки пятнадцать арестованных, и ещё больше в бега ушли.

– Так правильно же. Была их пора – воровали, прошла – пусть сидят, – довольно цинично отозвался я о возможностях имперской службы безопасности. Далеко не всегда спецы-безопасники берутся за те дела, которые прикрывают шишки с серьёзным политическим весом. Понять их можно. Дел для расследований в Империи больше, чем достаточно, а свою личную карьеру на кон ставить никому не хочется. Но всё равно, лежат на пыльных полках папочки с делами, и понемногу, листик к листику, копится в них информация, дожидаясь критического часа.

– Представляю, какие теперь скандалы из-за вас и ваших платьев в добропорядочных семьях происходят, – повернулся я к Алёнке, решив всё таки вернуться к более важной для меня теме, чем разгон какого-то там прокурорского Клана.

– Из-за нас? Да это из-за тебя чёрт знает что творится! Вот чем ты думал, когда ко мне сватался? – тут же откликнулась жена, и Антон, как последний предатель, согласно закивал головой.

Да уж, натренировали сёстры братца. Не хуже китайского болванчика кивать научился.

– А что, нельзя было? – поспешил я уйти от сколькой темы. Чем именно я думал, и думал ли, это не предмет для публичных обсуждений.

– Нельзя. По крайней мере, все считали, что нельзя. Оттого и не лезли. А теперь один твой Шувалов чего стоит. Если что, их с Ириной вчера вместе видели, и не где-нибудь, а в театре, – повысила Алёнка голос к концу своего предложения, подчёркивая неординарность такого события.

– Вряд ли послезавтра, на Совете Князей, Шуваловы и Юсуповы теперь вместе будут, – пояснил со стороны Антон, поняв, что я, как всегда не сделаю правильного вывода из закрутившейся интриги, набирающей обороты.

– Они оба, и Феликс Юсупов, и Ирина, считали, что их брак – дело решённое. Оттого и не рыпались, хотя друг другу они не слишком нравятся. И тут появляешься ты, торопишься куда-то, словно на пожар, нарушаешь всё, что можно, и это сходит тебе с рук. Вполне естественно, что Ирина, да и тот же Шувалов, увидев такое дело, тоже решили, что и у них всё получится. И ладно бы только этим обошлось. Так нет же. Вчера на обеде у Императора тётушка твоя присутствовала. Сам догадаешься, рядом с кем она сидела, или подсказать? – ехидненько так поинтересовалась Алёнка.

– Да ладно… – не поверил я.

Хотя, чему не поверил, если разобраться. На баронессу воздух столицы подействовал лучше всяких курортов. Просто помолодела. А уж у меня на свадьбе она и вовсе блистала. Опять же Император у нас далеко не тот дряхлый и немощный старец, какие у довоенных предков нередко в правителях были. Так что вполне себе пара подобралась.

– Вот, а ты про платья говоришь. Ты сам, одним своим появлением везде всё нарушаешь, а не наши платья, – поставила Алёна жирный крест на моих надеждах тотчас же перейти к обсуждению женской моды в той её части, которая касается платьишек с вырезами, и введению нового стиля с плащами и чадрой.

Вроде я ничего плохого и не сделал. С тем же Шуваловым, да и с Анной, с тётушкой моей, оно всё само получилось. Но кто в это поверит?

Я оглядел наш зал.

Дашка с Бельской, и затаившимся за их спинами Озеровым, Гриша Артемьев, прилетевший с Антоном, и робеющий сейчас в обществе Лопухиной и Второвой, и Рюмины, брат с сестрой. Готов поспорить на шоколадку против дирижабля, что сегодня ни один из них не окажется моим верным союзником в споре за будущее женской моды. А значит, битву за плащи и паранджу придётся отложить. Князь-то я князь, но тут никаких шансов на победу не предвидится.

– Я завтра с утра в столицу улетаю. Когда время выберем, чтобы в свете последних новостей наше появление на Совете Князей обсудить? – спросил у меня Рюмин.

– Пошли в кабинет, там и поговорим, а то через час-полтора нам на праздник идти, а потом, сам понимаешь, разговора не получится, – поднялся я с места, обрадовавшись открывшейся возможности совершить грамотный тактический отход с сохранением лица. Война за женскую моду в отдельно взятой семье ещё не проиграна, просто время для решительной битвы

сегодня неподходящее.

С Антоном мы говорили долго. Клан Шуваловых, отколовшийся от коалиции Юсуповых, князь Белозёрский с его сторонниками, и Багратионы с Пушкиными, насторожившиеся в связи с целенаправленными действиями Императора против прокурорского Клана, и готовые к вступлению в союз.

Хороший актив может выйти, если всех объединить. Особенно, когда при помощи Белозёрского удастся поговорить с мнущимися князьями-одиночками, пока не примкнувшими ни к одной из сложившихся группировок. Их даже можно не присоединять к себе, если они и дальше будут нейтралитет соблюдать. Уже неплохое соотношение сил на Совете Князей сложится. Многие решения требуют не просто большинства голосов, а не меньше двух третей, проголосовавших за их принятие. В случае удачи, этих двух третей без нас никому не собрать, а значит можно будет использовать право вето на нежелательные для Империи решения.

К гостям мы с Антоном спустились минут за пятнадцать до выхода на праздник.

* * *

Ещё на подходе к площади я ревниво начал осматривать столы с подготовленными угощениями и прилавки с напитками. Мало того, что я кладовые опустошил в доме, так ещё докупать сколько всего пришлось, и дополнительно поваров нанимать.

А вот и сюрприз! Я-то думал, что я один праздник устраиваю, а оказалось – нет.

Кто только в нём участие не принимает.

Анвар, привёзший на телеге здоровенную бочку вина, и вместе с сыновьями щедро им угощавший всех желающих.

Повара из столовой, пытающиеся удивить запечёнными на вертелах баранами и гусями. Работники кафешки, вытащившие на улицу подносы с пирожными и пирожками с ягодной начинкой.

Тут же ещё кто-то печёт блины, а рядом угощают расстегаями с рыбой.

Главный аграрий мой с сыном и дочкой. На трёх решётках сразу шкворчащие колбаски готовят.

Детей почти не видно. Они все на катке и на берегу. По специальным ледовым дорожкам на санках катаются. Там им гирлянды разноцветных лампочек протянули, чтобы веселее было и детские столы организовали. А позже, когда чуть стемнеет, им предстоит захват снежной крепости, построенной на берегу.

Хоры и хороводы, соревнование фейерверков, конкурс гармонистов и балалаечников. Только успевай ходить по площади из конца в конец, да выпивай время от времени, закусывая какой-нибудь вкуснятиной.

Видели когда-нибудь русский мордобой стенка на стенку? Знаете, когда дюжина мужиков выходит против дюжины других, тут хоть у кого ретивое взыграет. Антон, так тот и вовсе на месте подпрыгивает. Разве что руками не машет. Но на ристалище ему делать нечего. Там серьёзные мужики бьются. Есть у меня богатыри, такие, что ударом кулака быка свалить могут. Вот они пусть удаль молодецкую и показывают.

А соревнование санных троек.

На тройке победителя моих жён прокатили. Ух-х, и визгу было…

Остальных их подружек катали другие, стараясь найти дороги поухабистей, и где оврагов побольше. Девчата разрумянились, глаза блестят.

– Когда сани падают вниз, сердце словно замирает, – поделилась со мной впечатлениями задохнувшаяся от восторга Алёнка, и её тут же утащили в очередной хоровод, который хохочущие парни накрыли залпом конфетти, разом разрядив хлопушки.

И когда уже казалось, что праздник выдохся, в дело вступила магия.

Повторил я свой фокус с Северным Сиянием.

Полыхнуло, почище, чем в столице. То ли я расту, то ли погода благоприятствует, но небо расцвело чуть ли ни всеми цветами радуги. Люди шеи сломали, пытаясь всё рассмотреть. А там такие переливы наблюдаются… Сказать честно, многого я и сам не ожидал, но магическое шоу вышло на редкость впечатляющим. Да и люди на меня другими глазами смотреть стали. Одно дело, рассказы слушать, да на ледяные горы смотреть, и совсем всё иначе, когда молодой князь на твоих глазах свою волшбу творит. Такое диво дивное иные за всю жизнь не увидят.

* * *

На верфи мы с Гришкой смылись, когда дома все еще спали.

Волнуется старший Артемьев, сильно переживает за сроки и готовность самолета, для того и сына отправил, чтобы тот своими глазами на состояние дел посмотрел. Напрасно он так. Работы у нас идут с опережением графика, который мы сами себе

наметили.

– Да-а, изменился самолёт, – поцокал Гришка языком, обходя похорошевшую птичку, – Это же не только из-за краски?

– Мускулов ему добавили, зализали слегка, но самое главное – все шероховатости лишние убрали, – подсказал я, с улыбкой поглядывая на пару рабочих, возящихся около стойки шасси. Делая вид, что работают, они на самом деле ревниво прислушивались к нашему разговору, – Только на внешних изменениях приличный выигрыш должен получиться. К той же скорости прирост процентов в десять будет, не меньше.

– Тогда какой смысл рисковать? Нам этого прироста максималки может хватить, чтобы военная комиссия самолёт приняла, – забеспокоился Артемьев, о чём-то думая и взлохмачивая свою и так далеко не идеальную причёску.

– Понимаешь, какое дело. Почитал я воспоминания боевых лётчиков. Из тех, которые у предков примерно на таких же самолётах войну прошли и Героями стали. Они крайне скептично к показателю максимальной скорости относятся. Боевой самолёт, он в отличии от пассажирского, ещё и динамики другой требует. Мало ему просто выжать рекордную максималку. Гораздо важнее такой показатель, как боевая скорость. Тот же разгон после виража, или набор вертикали, – поделился я с Григорием сведениями, почерпнутыми из воспоминаний лётчиков – Героев Советского Союза, – А иначе это будет «утюг», абсолютно беспомощный после потери скорости.

Заинтересовала меня авиация. Оттого и воспользовался я своими допусками, заодно решив проверить, насколько они работают. Для начала ничего особенного в спецбиблиотеке не попросил. Так, ту же подборку про боевые самолёты с поршневыми двигателями, и отзывы лётчиков о них.

Мда-а. Открыли мне предки глаза на то, каким должен быть боевой самолёт. Заставили почесать затылок, пробуя представить, как столько всего совместить разом. Тот же Кожемяко Иван Иванович, так всё разжевал, что у меня просто не хватит наглости теперь, чтобы какое-то из его замечаний оспорить или без внимания оставить. Да, говорил он в основном, про истребители. Но где они? Пока отсутствуют, как класс. Если что, то требования той же военной комиссии к этому типу самолётов почти такие же, как и к нашему. Другими словами, ни чем не лучше будет более мелкий самолёт, с этим громким названием. Изначально, по даже заданным условиям не лучше.

Как мне подсказали преподаватели в Академии, куда я не поленился съездить, наши военные эксперты, как всегда, озираются на Запад. То есть, минимальные требования к типам

самолётов выставляют такие, чтобы было «не хуже, чем у них».

Вот тут-то меня и зацепило.

Да, сделай Артемьев свой самолёт точно по заказам военного ведомства, и что получится? А ерунда выйдет. Самолёт морально устареет ещё до того, как станет поступать в армию. К тому времени, как на нём обучат летать пилотов, и выпустят сколь либо приличное количество самолётов этого типа, так он и не слишком нужен окажется. Так, вроде бы он есть, а вроде и у противника всё необходимое для противодействия ему уже имеется. Если что, то я про немцев и французов говорю. Они за нами шпионят, мы за ними. Обычная жизнь. Надо же знать, что у соседей есть такого, с чем ты не сможешь справиться. Пока вроде нет ничего у них сверхъестественного, настолько серьёзного, чтобы они могли оказать достойное противодействие нашему сюрпризу. Истребители, с двумя пулемётами в девять миллиметров и максимальной скоростью в пятьсот-пятьсот пятьдесят километров в час у них ожидаются в ближайшее время. Как-то не смешно. Не тот самолёт мы делаем, чтобы такая мелочь ему была опасна. Разве что на таран кто пойдёт… Так для этого ему нашу «птичку» ещё догнать надо. Пусть попробуют.

– Подожди, как я понимаю, вы не только мощность двигателей собрались добавить, так ещё и какой-то дополнительный двигатель поставили, вроде тех, что у тебя на дирижабле стоят? – тут же обратил внимание Гришка на нарост, появившийся на хвостовом оперении.

– А чем тебе магодвигатели не угодили? Я, с их помощью Имперскую гонку выиграл, если помнишь. Опять же, больно режим работы у них интересный. В большинстве случаев наш движок вполне себе сработает за полноценный третий двигатель. Скажу тебе больше, при крайней ситуации он и сам самолёт может спасти. Допустим, кончилось у самолёта топливо. Так он на нашем движке ещё минут двадцать нормально пролетит, и посадку успешно совершит. Да и на взлёте перегруженного самолёта третий двигатель лишним не будет.

– В смысле, перегруженного?

– Гриша, а ты так до сих пор и не понял, что при назначении техусловий вояки вас серьёзно поимели? – повернулся я к своему вихрастому другу, – Не совсем уж полные дебилы у нас задачи ставят для таких конкурсов. Скажу тебе проще. При существующих условиях, материалах, и тех авиадвигателях, что сейчас производят, создать такой самолёт, какой требуют военные, нет никакой возможности. Чего-то, но всё равно не хватит. Либо скорости, либо грузоподъёмности, либо вооружения, а там ещё и других требований у них с добрый десяток было

прописано. Вы с отцом почти что вывернулись, совершив невозможное. Во многом, благодаря необычной компоновке вашей модели. Но пойми меня. Для вас с отцом это игры. Я понимаю, что далеко небезопасные и финансово крайне напряжённые, – остановил я жестом ладони Артемьева, собравшегося было возразить, – А мне важно другое. У Империи должен быть Самолёт. Такой, чтобы от одного его названия у противника понос приключался. Смогли же наши предки создать «Белого лебедя». Самолёт, на десятилетия опередивший своё время. ТУ-160 мог даже в одиночку прорвать противовоздушную оборону и так отметиться на территории противника, что вылетевшим ему навстречу перехватчикам уже и возвращаться возможно было бы некуда и незачем. Две десятитонные ракеты даже спустя десятилетия доказывали свою точность и никогда не были никем перехвачены. А ядерные боеголовки, которые они несли, способны были очень большие территории превратить в зону хаоса.

– Ну-у, ты и сравнил, – проворчал Гришка, чуть подумав, – Или там махина какая была, или у нас, птичка-невеличка.

– Не знаю, как вы с отцом будущее этого самолёта видите, но я предполагаю, что у нас может получится шикарный учебный самолёт. Но это потом, а сейчас и он кузькину мать покажет. Скорость и потолок мы ему поднимем, но гораздо большее значение будут иметь надёжность и простота управления. А про ТУ-160 я тебе не зря рассказывал. Скоро сам увидишь, какие чудеса способна магия творить, если её с умом использовать.

– Видел я вчера эту магию, – расплылся Гришка в улыбке, – Никогда бы не подумал, что человек такое сотворить может. Это же у тебя чуть ли не десятый уровень, наверное?

– Архимаг я, Гриша, – невольно улыбнулся я, глядя на его заразительную улыбку, и заметив удивление, добавил уже по слогам, – А-рхи-маг. Или ты на свадьбе звезду у меня не заметил? Вроде высовывалась она из-под пиджака.

– Серьёзно, что ли… Значит, не украшение это новомодное. А я-то думал тебя на следующий год в Академии увидеть, – тут же расстроился Артемьев, так, как это только он умеет делать.

Темперамент у парня просто бешеный. Оттого и чувства у него скачут вверх и вниз до максимальных отметок.

– Да буду я в Академии, куда я денусь, – попытался успокоить я его, но Гришка лишь башкой замотал в ответ.

– Не, ничего не выйдет. Ты теперь по другому ведомству идёшь, – проговорил он мне в спину, заставив резко остановиться и прекратить обход самолёта.

– По какому ещё другому? – развернулся я к нему.

– Как? Ты разве не знаешь, что у архимагов свой Совет есть, и на службу их никогда не привлекают. Это положение ещё при создании Империи было прописано. Нет, если кто конечно захочет служить, то препятствий вроде не будет, но опять же сам подумай, какому командиру или начальнику такое счастье нужно – архимага в подчинённых иметь?

– Та-ак, дела-а… – почесал я в затылке, потерявшись от неожиданных подробностей.

Этой стороной жизни Одарённых я никогда не интересовался, оттого и не очень готов сказать, плохую или хорошую новость мне Артемьев вывалил только что.

– Подожди-ка, раньше маги были грозной силой. А как они тогда воевали, если на них управы нет? Как-то же должна была Империя такой ресурс использовать? – вспомнил я уроки военной истории, и в частности, участие архимагов в боевых действиях.

– Император обращался к Главе Совета, и тот выделял архимагов, – пожал Гришка плечами.

– И кто же у нас Глава? – мрачно поинтересовался я, холодея от дурного предчувствия.

– Медведев Савва Савельевич, – подтвердил Григорий мои худшие подозрения.

– Да чтож это за жизнь-то такая! – чуть не в голос взвыл я, и любопытных рабочих словно ветром из-под самолёта сдуло, – Господи! Ну в чём я согрешил?

– Олег, ты в порядке? – осторожно поинтересовался Артемьев, отступая на пару шагов назад.

– Да я-то в порядке, а вот проблем у меня добавилось разом столько, что даже представить себе трудно.

– Это в каком смысле?

– Гриш, а ты газеты хоть иногда читаешь? Или давай, по-другому спрошу. Как ты думаешь, чью звезду я на груди ношу?

– Неужто Медведева?! – ахнул Гришка, выпучивая глаза так, что казалось, будто они вот-вот выпадут.

Нет, ну надо же. Артемьев, которого все считали главной новостной службой всей нашей группы, и вдруг сенсацию упустил. Впору смеяться, но мне отчего-то совсем пока не смешно.

– Угу, его самого, – подтвердил я, – В общем, поехали домой. Позавтракаем, Антона проводим. Да и не до самолётов мне сейчас как-то стало. Тем более сам видишь, тут и без нас отлично справляются.

Домой мы вернулись вовремя. Антон уже сидел за столом, а наверху слышались голоса остальных гостей и смех моих жён. По крайней мере серебряный колокольчик Алёнки звучал отчётливо,

а её смех трудно с чьим-то перепутать.

Наверное, вид у меня был взбудораженный. По крайней мере взглянув на меня, Антон сразу отложил в сторону газету, которую он до этого читал.

Чуть приподняв бровь, Рюмин наблюдал за моими метаниями вдоль стола, и только когда я дорвался до кофейника, он задал вопрос, обращаясь больше к Артемьеву.

– У вас что-то интересное приключилось?

– Совет Архимагов у нашего князя приключился, а заодно детство заиграло, – ответил Гришка, пожимая плечами.

– В каком смысле?

– Не хочет он в архимаги, хочет в гвардейские пилоты, – бессовестно сдал меня Рюмину Артемьев.

– Всё у нас, не как у людей. Страна Советов какая-то, а не Империя, – проворчал я, осознав, что Григорий мои метания понял даже лучше, чем я сам.

Да, тяжело в один миг отказаться от детских, в общем-то, грёз. Кто из парней втайне не мечтал стать гвардейцем? Взлетать под рёв двигателей в самом лучшем МБК, и наводить ужас на врагов, и трепет на девушек. Стать легендой при жизни.

– У-у-у, а я-то уж думал, что что-то серьёзное, – заулыбался Антон, снова потянувшись к отложенной газете.

– Нет, ну какой идиот придумал, что архимаги не могут проходить военную службу? – всё ещё не мог я успокоиться.

– А ты сам ещё не догадался? – насмешливо спросил Рюмин, – Если разобраться, то в большей степени ты сам во всём виноват.

– Я? – чуть было не поперхнувшись горячим кофе, я поторопился поставить чашку, чтобы не расплескать напиток на скатерть. Праздничную скатерть, между прочим. Дорогую и накрахмаленную до хруста. От бы мне за такой подвиг влетело… И не надо смеяться. Жёны каждую скатерку минут по двадцать выбирали. А я лавировал, как миноносец между линкорами, когда у них мнение не совпадало. Так что, чур меня…

– Ты, конечно. Сам подумай. Архимаги у нас, как правило, люди в возрасте. А архимаг-недоросль один на всю страну, и к тому же, твой случай сам по себе является исключением. Опять же, давай взглянем на это с другой стороны. Полетать в МБК хочешь? Так закажи его у себя на верфях и летай, сколько влезет. Императора защищать? А ты в курсе, что у нашей Семьи на тебя надежд почти столько же, сколько на целый полк? Да что там полк, не от всех недругов гвардия защитить может, и дело даже не в Семье нашей. Власть надёжная, вот что важно. Когда она стабильная, когда работает, себя не жалея, то это власть. А начни

менять руководство, и только из-за одних перемен страна споткнётся. А у нас не жизнь, а тот ещё ипподром. Немцы с французами в хвост так и дышат.

Эк он меня припечатал. Архимаг-недоросль. И ведь в ответ ничего ему не скажешь по этому поводу. Тут Рюмин прав. Недорослями у нас кого называют? Да тех дворян, которые на домашнем образовании были выучены, а нигде потом свои знания подтвердить не удосужились. А я, если что, так пока толком и не знаю, где мне своё архимагство, а то и архимагичество подтверждать. Даже в названиях не уверен.

– Знать бы ещё, что от этого очередного Совета ждать, да и вообще, что мне дальше делать? – озвучил я свой вопрос, скорее, для самого себя, чем всерьёз рассчитывая на ответ.

– О, это я тебе запросто расскажу. Пусть и не досконально, а в общих чертах, – чуть смутился Рюмин, – Вообще-то наставники старались, когда готовили меня к управлению государством и заставляли чуть ли не наизусть учить все значимые властные структуры, но у меня это как-то не задалось. Поэтому, я тебе по-простому обрисую.

Ого, источник знаний, оказывается, рядом находится. Только руку протяни. А я всерьёз раздумываю над тем, где бы мне раздобыть что-нибудь типа «Учебника по архимагии для „чайников“».

– Сама процедура получения звания архимага достаточно проста. В присутствии трёх официальных архимагов нужно показать две любые техники выше десятого уровня, а потом подписанную ими бумагу сдать в секретариат Совета. Тот же Шабалин тебе уверенно подскажет, с какими из твоих заклинаний ты это испытание пройдёшь легко. Само по себе нахождение в Совете Архимагов считается необременительным. Из обязанностей там всего лишь выполнение трёх заданий в год, и то, ты волен их сам выбрать, из предлагаемого списка. Фишка в том, что за эти задания ты получишь всего лишь половину стандартной оплаты, а вторая половина уйдёт в их фонд. Вот из него, как раз, и будет оплачиваться участие архимагов в боевых действиях. Уже по двойной ставке. Так что ты не думай, что архимаги воюют по приказу. У них другая система взаимоотношений. Контракт, магическая клятва и оплата. Это в качестве основы.

– Угу, значит патриотизм у них не в моде. Всё за деньги, – глубокомысленно заключил я, допивая кофе.

– Нормально у них с патриотизмом, – отмахнулся от меня Рюмин, – За всех не скажу, но у большинства точно всё в порядке. Другое дело, что они свой резерв Силы берегут, как зеницу ока.

Зря не разбрасываются. Это ты у нас салюты запускаешь, чтобы народ повеселить. А архимаги, если разобраться, в вопросе восстановления Силы ничем от других Одарённых не отличаются. Да, у них резерв внутренний больше, энергоканалы лучше и заклинаниями они владеют более высокого порядка. А восстановление у них точно такое же, как и у всех остальных. Оттого и ценят они каждую тысячу единиц, и задания по ним просчитывают.

– Ага, а что, накопители им не судьба пользовать? – задал я просто рвущийся из меня вопрос и предвкушающе замер в ожидании ответа, зажав кулаки на счастье.

– Пользуются, почему нет. Только ты сам знаешь, какие у накопителей потери. Слил ты в них пять тысяч единиц Силы, а через месяц, глядишь, а там уже четыре тысячи осталось, – подтвердил Антон мои предположения, – Так что, как тушёнку, ты впрок Силу не сильно-то заготовишь.

– Та-ак. А жизнь-то налаживается! – высказался я, мечтательно глядя в потолок и потирая руки.

Ещё бы. Тут у меня сплошные расходы. И растут они, как снежный ком, катящийся с горы. Причём, я уже не только про жён и про подаренный особняк в столице. Подарок безусловно хорош. Но жёнушки уже на следующий день после свадьбы начали вслух обсуждать, что там из обстановки нужно будет менять. Так, при мне, ненавязчиво, за завтраком. А то я не догадываюсь, что у них другого времени и места для такого разговора не нашлось. Опять же особняк, это в общем-то, мелочи. Мне ещё с другими подарками разбираться предстоит. С теми же землями. Но и это терпимо. Особо не горит, вроде. Зато появился у меня подземный объект. Объектище. С Источником Силы дикой силы. Угу, такой вот каламбур, а не объект. А денег туда столько предстоит вбухать, сколько у меня никогда и не было. И я не только про строительные работы. После разговора с Усольцевым мне стало ясно, какую гигантоманию нужно воздвигнуть, чтобы обуздать ту прорву энергии, которая там прёт из глубин планеты. А это уже не просто деньги, и даже не деньжищи. Это прорва деньжищ! И на какие шиши мне такое чудо строить?

Теперь знаю. Надо Силу научиться продавать по оптовым ценам. И тот же Совет Архимагов мне должен в этом помочь.

– Кстати, у них выборы Главы в середине марта. До конца февраля можно заявки подавать, – словно между делом заметил Антон, не дождавшись от меня продолжения моего радостного высказывания.

– Кандидатуры уже известны? – поинтересовался Григорий, увидев, что я не собираюсь выпадать из мечтательного состояния,

а интересная беседа, если её не поддержать, может свернуться сама по себе.

– Юрьевский – старший точно, а Вяземский ещё под вопросом. Вроде подавал он заявку, но тут же её отозвал. Про остальных пока ничего неизвестно. Может, выжидают, а то и договариваются кулуарно, – без особого сожаления поделился Рюмин информацией.

– Странно, что Юсуповы молчат, – почесал Гриша лоб, хмурясь и чего-то соображая про себя, – Неужели Юрьевскому пост Главы просто так отдадут. Или кто-то другой может вмешается?

Хм, Юсуповы… Прозвучавшая фамилия, словно попавшая за шиворот холодная капля, тут же заставила меня поёжиться и придти в себя.

– А кто другой? Кроме нашего Олега, пожалуй больше и некому, – задумчиво протянул Рюмин.

– Чего-о? – подскочил я на стуле, – Это вы о чём тут разговариваете, стратеги доморощенные?

– Вообще-то это не моё предположение, – словно извиняясь, произнёс Антон, – Слышал, что старшие между собой такую возможность обсуждали.

– Та-ак, – грозно обвёл я взглядом обоих парней, потом чуть подумал, и добавил уже менее уверенно и тише, – Та-ак…

– А вот и мы! – послышался сверху весёлый голос, и на лестнице появились мои жёны, улыбаясь и сияя так, что я невольно проглотил все те слова, которые уже собирался было сказать притихшим собеседникам.

Всё-таки аристократическое воспитание – это вещь! Даже такая мелочь, как обычный спуск по лестнице, в исполнении аристократки превращается в целый спектакль, поражающий стилем и содержанием. Вышагивали мои жёны на редкость слаженно и красиво, а за ними, ненамного отставая и оттого чуть возвышаясь, шествовали Лопухина со Второвой. Спустившись в зал, жёны расступились, а шедшие за ними девицы вдруг ловко крутанулись вокруг себя в изящном пируэте, тут же напомнив мне их участие в восточном танце.

То, что я увидел, платьем можно называть лишь условно. Довольно узкий передничек, почти под горло, переходил в элегантную юбку, на ладонь выше колен. Не только спина, но и бока были голыми, как и талия, и всё остальное, что на ту же ладонь ниже её.

– Ну, как? – лукаво спросила Алёна, заходясь своим замечательным смехом.

– Нет слов. Просто восхитительно, – честно признал я,

пожирая красоток глазами, и втайне надеясь, что передничек должен вот-вот чуть отойти и тогда…

И только потом сообразил, что говорю что-то явно не то, вообще лишнее…

– А-а, – с криком материализовалась около меня Алёна и так звонко чмокнула в щёку, что в ухе зазвенело.

– И-и, – тут же восстановила Дашка симметрию, появившись с другой стороны и сделав то же самое.

– А ты говорила чурбан и сатрап. Да у нас самый лучший муж на свете, – сквозь звон в ушах услышал я голос Алёны.

– Признаю. Была не права. Погорячилась, – со смешком отозвалась Дарья, прижимаясь ко мне грудью.

– Ну, теперь мы им покажем! – погрозила Алёнка кому-то в верхнем углу зала.

– Э-э-э, – начал было я, а потом, на выдохе, чуть слышно добавил, – О-о-о.

Мда-а. Дар Предвидения у меня растёт не по дням, а по часам. Только что от него целое сообщение пришло. Если кратенько, то в ближайший год, а то и два, а скорее всего все пять, свои фантазии об изменениях в женской моде я могу сам себе забить глубоко и надолго. Понятно, в сообщении всё гораздо подробнее и красочней было описано, но кому они, эти лишние детали интересны. Не так ли?

Глава 53

Съезды русских князей существует испокон веков. Еще в феодальной Руси вплоть до монгольского нашествия собирались общерусские съезды, решавшие, в первую очередь, задачи организации совместных походов против кочевников. Как утверждают историки, в домонгольский период на Руси в общей сложности состоялось больше ста семидесяти княжеских встреч разного уровня. Обычно съезды носили ярко выраженный элитарный характер. Лица не княжеского достоинства непосредственного участия в обсуждениях не принимали. Это правило строго соблюдалось, и даже Владимир Мономах однажды получил отказ от своего брата, Олега Святославовича, когда пытался навязать ему общение при народе и духовенстве.

– Непристойно судить меня игуменам и смердам, – ответил ему брат.

Снемы, соборы, роты. Эти термины, обозначавшие встречи князей, предполагали различные процедуры общения и характер обсуждаемых вопросов.

Естественно, при создании Империи, князья не поленились выговорить себе особую роль в управлении государством. Был создан Совет Князей, который решал широкий спектр вопросов, нередко превышающий возможности и права даже самого Императора.

На Совет мы выехали из имения Рюминых. Мало того, что у меня своего кортежа ещё нет, так и показать сразу стоит, с кем я в одной команде. Старшего Рюмина, отца Антона, я почти не знаю. Общались мы пока не так много, и в основном на свадьбе, а там не поговоришь особо. От Алёны я знаю, что человек он добродушный, немного сибарит, немного эпикуреец, и к тому же изрядный лентяй, на что ему постоянно указывают и жёны, и его брат.

Приезжать принято часа за полтора-два до начала Совета. За это время можно посмотреть подготовленные к обсуждению и голосованию документы, поговорить с союзниками, поделиться новостями.

Повестку дня мы уже обсудили неоднократно. Мы с Антоном сегодня запишемся в прения по разным вопросам. По пять минут выступления. Он выскажется по поводу боярской реформы, а мне достался линкор.

– Мне кажется, князь, я должен вас поблагодарить, – подошёл ко мне князь Шувалов, когда я отходил от стола регистрации с полученной кожаной папкой в руках.

Тут у всех такие папки. В них находятся документы и листы голосования. Кстати, очень удобные. Достаточно на них активировать свою печать, и на табло сразу высветится голос.

– За что же? Если за сына, то он мой друг, а дружу я не из корыстных побуждений. Скорее по велению души, – охотно поддержал я беседу.

Шуваловы у меня в потенциальных союзниках. Пробежала чёрная кошка между ними и Юсуповыми. В табели о рангах муж Ирины Рюминой может очень близко к трону оказаться. До недавнего времени считалось, что Феликс Юсупов единственный и бесспорный претендент на это место, а вот поди ты. Староста мой бывший взял, и оспорил незыблемое. Самое смешное, что салонные политики задумку этой интриги мне приписывают. Но они-то ладно, а вот отчего Шувалов меня благодарит, это странно.

– Полагаю, вы в центре расположитесь, рядом с Рюмиными? – поинтересовался Шувалов и заметив мой кивок, озорно улыбнулся, – Тогда и мы где-то поблизости разместимся.

Ого… Серьёзно. Мы предполагали, что его убеждать придётся, а он уже сам определился. Решительно Шуваловы дают понять, с кем они себя теперь видят.

Вопрос с местом не случаен. Зал большой и представляет собой половину амфитеатра. Свободных мест с избытком. При желании человек пятьсот-шестьсот свободно рассядутся. Сделано так на случай проведения соборов – собраний, на которые князья могут явиться со свитой советников.

Юсупов, со всеми его сторонниками обычно занимает левое крыло в этом полукруге. Багратионы с Пушкиными садятся ближе к середине. В центре располагаются Рюмины и те немногочисленные князья, которые их поддерживают. Почти рядом с ними, но чуть правее располагаются Белозёрские, за ними Юрьевские, рядом ещё три группы с неявно выраженными лидерами, а справа обычно устраиваются одиночки. Это то, что я запомнил из объяснений. На остальное сегодня сам посмотрю.

Заметив Гончарова, устроившегося в центре зала, я оглянулся. Наши все с кем-то уже разговаривают. Особенно много князей собралось около Белозёрского. Вот уж кого хлебом не корми, дай поговорить.

Поприветствовал Гончарова и уселся рядом с ним.

– Что-то давненько вы в Камышине не появлялись, князь. Генерал Каргальский совсем уж извёлся. Дал же ему Бог такой характер неугомонный. Мастерские арендовал рядом с нашим заводом. Два двигателя выпросил. Механикусов армейских чуть ли не три десятка вызвал. А вчера уже что-то там у них ползало

по берегу несуразное. Трактор не трактор, скорее гусеницы одни с сиденьем сверху.

– Ага, значит услышал меня генерал. Сам пробует артиллерию на гусеничный ход поставить, – порадовался я вслух.

– Думаете выйдет у него? – задумчиво спросил Гончаров, покачиваясь в кресле.

– У предков вышло, и у нас получится. Там всего лишь двигателя не хватало, а наш нынешний даже получше тех будет, какие предки на такие установки ставили, – радостно заулыбался я, радуясь за шустрого артиллериста.

– Значит училище надо строить, – продолжил вслух размышлять князь, – Наверняка к этой технике особый подход потребуется.

– А вам-то что за печаль? Армия и построит, а то и при каком-то из имеющихся училищ что-нибудь откроют.

– А вот тут вы не правы, князь, – тонко улыбнулся Гончаров, отчего морщинки лучиками разбежались у его глаз, – Вот сейчас князь Константин объяснит вам, для чего в пограничном княжестве далеко не лишним будет иметь сотню-другую курсантов, да ещё с таким грозным оружием.

Подошедший к нам Константин Рюмин и впрямь легко и просто разложил всё по полочкам. По его словам необходимость в таких артиллеристских установках крайне велика, а училище им просто необходимо. Хотя бы для того, чтобы у наместника была возможность иметь личный резерв быстрого реагирования на случай крайних ситуаций.

– Олег Игоревич, а позвольте вас на минутку для приватной беседы, – отозвал меня в сторону Константин, кивком извинившись перед Гончаровым, – Должен поблагодарить вас за историю с княжной. Я помню наш разговор про Дарью Сергеевну и понимаю, какой шаг навстречу вы тогда сделали, но буквально через день после нашей беседы из Парижа вернулась Ксюша, и поверьте, она настолько изменилась, что у нас с ней всё снова, как впервые.

Ксения Бзежинская, прима-балерина Императорского театра, роковая женщина, переехавшая судьбу князя Константина. В восемнадцать лет они тайно обвенчались, а потом к Константину прилипло прозвище Айвенго. Рыцарь, лишённый наследства. Жутко романтическая история, вычеркнувшая князя из списка наследников Императора.

– На момент нашего разговора мы с Дарьей Сергеевной были в сложных отношениях, и как мне тогда казалось, продолжения не предвидится, – честно изложил я своё видение произошедших событий, – Скажем так, я её спасал от нежелательного

замужества, хотя и понимал, что ничего, кроме неприятностей мне не светит.

– Полно вам скромничать. Я тут краем уха слышал, что у вас другая роль на сегодня предусмотрена. Никак не скромника, – хохотнул князь, – Посмотрим, как вам премьера удастся. Очень мне любопытно.

Ну да, есть такое дело. Проталкивает одна проюсуповская группа князей проект линкора. Года четыре они собираются это корыто строить, а сколько денег из казны при этом вытянут, так просто жуть. И плевать им, что флоту такая страхолюдина не нужна, так ещё и кораблестроительные верфи окажутся загружены и те же крейсера с эсминцами в срок на воду не будут спущены.

Похоже, не только Константин Рюмин мой сегодняшний демарш по этому вопросу с любопытством ожидает. Самое интересное в том и состоит, что никто мне ничего особо не советовал и уж тем более, детально не расписывал. Передали через Антона, что строительство линкора никакой пользы Империи не принесёт, а вреда немало будет, и словно забыли про меня. Ага, вот такое самостоятельное задание, и справляйся с ним, как хочешь, а мы посмотрим. Простенько так. За пять минут, которые по регламенту мне на прениях отпущены для выступления, всего-то нужно будет предотвратить строительство линкора. Небольшого такого кораблика, длиной в двести пятьдесят метров и стоимостью в годовой бюджет страны. Кто-то точно ненормальный, раз такое нехилое испытание для меня задумал, последствия которого вся страна на себе ощутит.

Впрочем, ладно. С Константином, камень с души. Когда мы говорили с ним о Дарье, я действительно себя ровней ей не считал. Ему бы она в самый раз была. Но, как оказалось, это мы, мужчины решили, что всё только от нас зависит, а жизнь нам фигу показала. Такую симпатичненькую фигушку, в исполнении княжны Вадбольской. И как-то всё это больно ловко у неё получилось, словно само собой вышло.

– А вот и Юрьевский-старший явился, – услышал я из-за спины голос Антона.

Оглянувшись, увидел заходящего в зал князя.

Могуч, нечего сказать. Высокий, широкоплечий, с гордо откинутой головой, львиной гривой седых волос, украшенных заковыристой узкой тиарой, с длинным, и даже на вид тяжёлым посохом. Идёт, не обращая ни на кого внимания, и только резкие удары посоха сотрясают пол, заставляя всех замолчать и обернуться в его сторону. Красиво идёт, чёрт побери. Взгляд поверх голов, искры из-под посоха и море надменности.

– Ну как он тебе? – спросил Антон, когда спектакль под названием «Шествие князя Юрьевского» был закончен.

– Наш человек, – отозвался я, улыбаясь, – Позёр редкостный. С ними проще всего.

Я, может, жизненным опытом не слишком богат, но те или иные типы людей мне как-то удаётся привязать к тем личностям, которых я неплохо знаю. К примеру, князь Юрьевский мне сейчас очень сильно напомнил двоих моих знакомых по лицею. Те были о-очень важные. Ну просто очень-очень. Из богатых семей, с неплохой родословной, и оба первые наследники. Трусами они оба не были, как, впрочем, и особенными храбрецами. В этом отношении они были такие же, как большинство остальных парней. И только ближе к окончанию лицея я понял, что их может всерьёз испугать. Они оба постоянно боялись попасть в глупую или унизительную ситуацию. Понятное дело, что такому повороту событий никто не рад, но они боялись этого до дрожи в коленках. Практически, до обморока. В них настолько крепко вбили психоматрицу поведения первого наследника, что страх опозориться даже в какой-то мелочи для них оказывался преобладающим над всеми остальными. Таким проще повеситься, чем выйти на люди в рваном ботинке.

– Справишься? – не поверил мне Антон, задав вопрос чуть слышно.

– Обещать не буду, но друг друга на зуб стоит попробовать, – так же негромко ответил я Рюмину.

Юрьевский-старший, кроме своей несомненной именитости, знаменит ещё тем, что нынче он считается одним из сильнейших архимагов Российской Империи. По родовитости он пожалуй тут никому не уступит, даже тем же Юсуповым, а по Силе… Сила – она тоже разная бывает. Тот же слон со львом если сойдётся, кто сильнее окажется?

Мне жить чуть легче. Правильно меня Дарья Черепашкой называет. Панцирь, если так назвать мой Щит, у меня и свой был такой, что сравнений с ним я пока не нашёл, так ещё и медведевских разработок парочка досталась, из самых удачных, а так-то их побольше наберётся. И даже этого при неудачном стечении обстоятельств могло бы мне не хватить, случись схватиться с изобретательным архимагом, но тут вмешалось жирное НО.

В переводе на язык электриков у меня бортовая сеть не на двенадцать вольт, как в любом приличном автомобиле, а на двадцать четыре. Вот так мы с Усольцевым намудрили, экспериментируя с протезом, а потом мне привыкать пришлось, к тому, что есть.

И не зря!

Да, магия порой ещё выдаёт мне болезненные ощущения при её пользовании на самых затратных заклинаниях, но не так давно я спокойно магичил прямо в Императорском дворце, где по определению это невозможно.

Теоретическая магия подобные несоответствия обычно объясняет разностью уровней и потенциалов. Если классические уровни имперских категорий перевести на простой человеческий язык, то выглядеть это будет следующим образом. Допустим, я маг третьего уровня. Атакующим заклинанием при моём третьем уровне я с вероятностью в пятьдесят процентов смогу пробить Щит магу третьего же уровня, имею десять процентов на шанс пробития Щита у мага четвёртого уровня и только с вероятностью в один процент пробью щит мага пятого уровня. Верно и обратное утверждение. Другими словами, как-то я не слишком боюсь возможной дуэли с архимагом. Один щит он мне может быть случайно и пробьёт, но сразу оба – это вряд ли. Зато потом будет иметь место крайне неприятный сюрприз. Щиты. После моих жестоких упражнений с Чашами я как-то здорово наловчился с их управлением. Причём, мне как бы без разницы, своими Щитами я оперирую, или чужие проламываю и сминаю. Шабалин себе уже голову сломал, пытаясь теоретически обосновать этот феномен, а я думаю, что всё дело в практике. Когда с Чашами постоянно работаешь, то ты словно тяжелоатлет, часами ворочающий гири и научившийся для разнообразия жонглировать двухпудовками. В общем, Щиты, выставляемые на тренировках Шабалиным, я научился проходить насквозь, как бы раздвигая их руками. Он хоть меня и ругает за такое использование магии, но мне пока с помощью вербалистики проще магичить.

– О, вроде начинают, пошли рассаживаться, – кивком указал Антон на неспешно бредущего к трибуне старика в длинной зелёной мантии.

Князь Зубов, пожалуй самый старый из всех присутствующих здесь князей, был бессменным Председателем Совета уже долгий срок. При его дряхлом виде он сохранил живость ума и до сих пор каким-то образом умудрялся поддерживать свой нейтралитет, ничем не выказывая никаких предпочтений перед той или иной коалицией князей. Как мне сказал князь Белозерский, во многом благодаря Зубову на Совете Князей присутствует хоть какое-то подобие порядка, которым та же Боярская Дума похвастаться не может.

– Тишина! – усилил магией голос Зубов, – Мы начинаем очередной, сто двадцать восьмой Совет Князей, на повестке дня сегодня…

Пока князь произносил положенные по регламенту речи, я поглядывал по сторонам. Расселись князья сегодня немного не так, как мы предполагали. Поубавилось вокруг Юсуповых, Багратионы с Пушкиными особняком смотрятся, Шувалов с Воронцовым и союзниками изрядно центр пополнил, а около того же Белозёрского добрых полтора десятка князей разместилось, вместо семи-восьми, как раньше. Князь Обдорин прибыл чуть ли не самым последним, и занял место в первом ряду, чётко по центру.

Своё выступление князь Зубов закончил перечислением выбывших из Совета князей, и знакомством со вновь вступившими. Такими, кроме нас с Антоном, оказались ещё два наследника, оба лет тридцати пяти с виду. Князья Друцкой и Лобанов держались друг друга, но пока место заняли подальше от выступающего и чуть правее Белозёрского.

Надо сказать, что я ожидал большего интереса к своей персоне при моём представлении, но этого не произошло. Впрочем, большинство князей присутствовало на свадьбе, а остальные куда больше внимания уделили Антону, чем мне.

Так же, без особых происшествий прошли первые голосования, касавшиеся протокольной части собрания.

Некоторое оживление началось с выходом к трибуне князя Сумбатова. Того самого, который по вопросу строительства линкора выступает сегодня основным докладчиком.

Неплохо поставленная речь, обилие стендов с чертежами и даже вынесенный к трибуне макет линкора, чуть ли не двухметровой длины, должны были убедить присутствующих в необходимости постройки судна, способного показать всему миру мощь и несокрушимость Империи. На словах всё звучит очень правильно. Пафос и патриотизм прямо таки брызжут и зашкаливают. Однако есть у меня возражения. Да, так же заранее заготовленные, как и эта неплохо режиссированная презентация проекта.

Следом за Сумбатовым к трибуне вылез князь Чегодаев, сидевший до этого среди князей-одиночек, не примыкавших ни к какой коалиции. Он принялся расхваливать проект линкора, опять же упирая на его политическое значение и престижность для страны, способной построить такой корабль.

– Кто это? – поинтересовался я у Антона, глядя, как оратор соловьём разливается, не забывая поглядывать в сторону одобрительно кивающего Сумбатова, расположившегося рядом с трибуной за столом, на котором стоял макет линкора.

– Платный оратор. За деньги любого поддержит, – поморщился Рюмин.

– Ему самому не противно? – поинтересовался я, заметив, как расплылся в улыбке выступающий, получив за свой очередной пассаж особое одобрение Сумбатова.

– Бедное княжество. Четыре жены. Семь дочерей на выданье, и каждой надо приданое хоть какое-то дать, – пожал Антон плечами, как будто говорит о чём-то само собой разумеющемся, – Многие одиночки здесь таким образом деньги зарабатывают, получая от Кланов оплату за голоса. А этот ещё и говорить красиво умеет. Ишь, как распинается.

– А что ты раньше не сказал? Я бы тоже кого-нибудь нанял, – тут же прикинул я только что отрывшиеся возможности по внесению сомнений в княжеские умы.

Пять минут для выступления мало, как не крути. И половины того не скажешь, что хотелось бы.

– Так следующим наш выступает, и только потом ты, – сказал Антон таким тоном, словно он уже говорил мне об этом, а я забыл.

– Хм, послушаем, – недовольно ответил я, сожалея, что меня никто не соизволил предупредить заранее.

По-хорошему, мою предполагаемую речь можно было бы разделить на две части, доверив озвучить первую часть кому-то другому, а меня выпустить уже на добивание.

Я прилично подготовился, и у меня отрепетированы три варианта выступления. Скажем так, от мягкого и вполне парламентского, до предельно жёсткого, практически ультимативного. Вариант я решил выбирать по обстановке и реакции зала, но пока реакции у князей никакой не заметно. Большая часть просто скучает, позёвывая, а то и переговариваясь тихонько друг с другом.

Князь Козловский, выступающий вслед за Чегодаевым, оказался мужчиной субтильным, и отличался приметным приятным, но немного дребезжащим тенорком. Говорил он грамотно, умно, и в основном налегал на экономику вопроса, на доступных примерах показывая пагубность столь дорогого проекта, реализация которого больше пойдёт во вред флоту, чем на пользу.

Ну, что же, как говорится, спасибо и на этом. Какую-то часть своей речи я могу теперь сократить, сославшись на предыдущее выступление. Наконец и до меня очередь дошла.

– Начну я, пожалуй с того, что нам предлагают за неподъёмные для страны деньги сделать большую и почти не защищённую мишень, которая к тому же станет братской могилой для двух тысяч моряков и офицеров флота.

– Это линкор-то незащищённая мишень? – с места выкрикнул

Сумбатов.

– С точки зрения авиации, шесть стволов зенитных орудий по борту – это по меньшей мере несерьёзно. Кроме того, зайди самолёт с кормы и чуть сбоку, он попадёт в сектор обстрела только двух зениток, от силы успевающих выстрелить три-четыре раза. Нашему самолёту такое количество попаданий ничем не грозит, даже если они не промажут, что, кстати, скорее всего и произойдёт.

– Какой ещё самолёт? Этажерка с керосинкой? Вы издеваетесь, молодой человек? – продолжил с места орать Сумбатов, перебивая меня и не давая говорить.

Оп-па, а вот это он зря. Я и не думал, что человек с его опытом может так по-глупому подставиться. В друзьях он у меня не числится, разговор у нас сугубо официальный и никаких обращений, вроде того же «молодого человека», допускать не следует, если не хочешь нарваться на встречное оскорбление. Можно заставить его извиниться, хотя, скорее всего он на это и рассчитывает. Время-то идёт, а сказано пока очень мало.

– Я и не думаю издеваться, старый казнокрад, – нашёлся я с ответом, не дающим возможности Сумбатову перейти к долгим извинениям, – Самолёт уже существует, а к моменту постройки линкора их не одна сотня у армии будет.

– Да я… Да как вы смеете? – захлебнулся князь собственным ором, – Наглец, без роду и племени…

Дальше слушать было неинтересно, и я поступил радикально. Взял и накрыл Сумбатова Щитом, точнее его новой дополненной версией.

Появилось у меня мощное оглушающее заклинание в арсенале. Такое, от которого у самого звон в ушах стоит. Помозговали мы на пару с Шабалиным, да и дополнили один из Щитов поглотителем звука. Так что Сумбатов может теперь хоть до утра орать, никто его не услышит. Ишь, как на стенки прыгает. Словно крысёныш, накрытый стеклянной банкой.

Нда-а, а с новым Щитом надо поработать будет. Как-то неудачненько у меня с ним вышло. Чуть промазал, и корму у макета линкора, торчащую за столом, моим Щитом в щепки разнесло. Надо как-то сгладить ситуацию, а то люди старались, модельку строили, а я взял и сломал.

– Примерно так будет выглядеть линкор после попадания авиабомбы весом в пятьсот килограммов, – показал я на макет, – За примерами далеко ходить не надо. Линкору «Марат», стоящему в Кронштадте, в своё время хватило одной пятисотки, чтобы корабль перестал существовать. Суровая практика доказала, что крупные боевые корабли не жильцы на море без

прикрытия с воздуха, сколько зениток ты туда не впихни, и Перл-Харбор тому пример.

Тут я оглянулся и заметил, что Сумбатов перестал биться и вроде даже начал немножко синеть. Его побагровевшее было лицо приобрело нездоровый оттенок. Странно, воздуха у него там достаточно, сидел бы себе, да сидел. Чего на стены лезть бестолку. Ладно, сниму Щит, а то как бы не помер князюшка.

– Оттого идею с постройкой линкора я считаю не просто бесперспективной в её военном аспекте, но и вредительской. Особенно в свете законченного летом расследования. Как вы наверное помните, князь Сумбатов уже получал деньги на строительство пяти крейсеров. Корабли до сих пор не спущены на воду, а деньги, отпущенные на их постройку, разворованы. К сожалению, трое основных свидетелей пропали без вести, а материалы расследования при пересылке их в столицу загадочным образом исчезли, но не бесследно. Абсолютно случайно мне удалось обнаружить эти документы, и сейчас я, на ваших глазах, передам их князю Обдорину. Соответственно, вопрос о финансировании строительства линкора стоит отложить до суда, а ещё лучше, до окончания отбытия срока князем Сумбатовым.

– Голодранец, щенок безродный, дуэль! – грозно прошипел Сумбатов, отдышавшись.

– Во, дурак-то, а мог бы живым и здоровым на каторгу пойти, – услышали все удивлённый голос Антона Рюмина, прозвучавший в наступившей тишине.

– Не первый раз замечаю, что славными делами предков чаще всего похваляются те, на ком природа отдохнула, – насмешливо заметил я, глядя Сумбатову в глаза, – Ну, пошли выйдем, убогий, – пригласил я его в лучших традициях мальчишеских драк, обычно начинавшихся таким предложением.

Мы вышли на заснеженный двор, и когда князь Юрьевский поставил защитный купол и подал сигнал, Сумбатов очень быстро ударил в меня молниями. Не, реально быстро. Я даже второй Щит ещё не поставил, и принял его заклинание на свой, родной, который ставлю моментально. Похоже, ставку Сумбатов сделал на первый удар, и когда он увидел, что у него ничего не получилось, то на какой-то миг он растерялся. Повтора я дожидаться не стал, да и козыри свои показывать лишний раз мне тоже не хотелось. Просто взял и хлопнул по Сумбатову ещё одним Щитом, сопроводив это таким жестом, как иные прихлопывают муху, ползающую по столу.

Ха, да он действительно убогий. Я-то думал, он хоть какой-то защитой озаботился, но судя по всему, нет. Была бы защита, он

бы сейчас контуженный валялся, ну, может с парой переломов ещё. А так – мокрое пятно, метра два диаметром, вдавленное в землю. Словно гигантский слон след оставил.

Развернувшись, я пошёл обратно, прямо на Юрьевского, всё ещё державшего защитный купол. К моему удивлению, снимать защиту он не торопился, я судя по змеившейся на губах улыбке, ждал, что я буду делать.

– Убивать я сегодня больше никого не хочу. Следующего до поноса отлуплю, и достаточно, – сообщил я претенденту на пост Главы Совета Архимагов, что он выслушал с каменным лицом, по прежнему не торопясь снимать купол, и лишь когда я развёл руки и прошёл через его защиту, Юрьевский дрогнул лицом, – Не желаете попробовать?

Ответа я не дождался, поэтому пожал плечами и пошёл дальше.

– Олег, мог бы башку Сумбатову оставить. Повесили бы её на стену, рядом с Куракиным, – громким шёпотом, который был слышен чуть ли ни на весь двор, укорил меня Антон, догоняя.

– Да полно тут голов ещё осталось, и мы не последний раз вопросы решаем, – чуть приостановился я, дожидаясь поспешающего Рюмина.

Надо же, только что народа тут толпилось, жуть, а теперь мы с Антоном идём, как по коридору. Странные люди, эти князья, шуток совсем не понимают.

– Вопрос о выделении финансирования на строительство линкора я снимаю, ввиду того, что основной докладчик не может принимать участие в прениях, – как нечто само собой разумеющееся провозгласил князь Зубов, когда все вернулись в зал и расселись по местам, – Князь Чегодаев, может вы желаете выступить в роли основного докладчика?

– Ни в коем случае. Я как-то не задумывался над военным аспектом, но доводы, приведённые князем Бережковым, меня убедили, – замахал Чегодаев руками, похоже, сам не понимая, насколько двусмысленно звучат его слова, и отчего сидящие вокруг него князья с трудом сдерживают ухмылки.

– Тогда перехожу к следующему вопросу повестки дня, а именно, к обсуждению реформы Боярской Думы, – как ни в чём не бывало, продолжил Зубов.

На мой взгляд Антон, выступавший в прениях по этому вопросу произнёс не лучшую речь в своей жизни. Нет, ну что это такое? Чуть ли не прямо сказал, что тех из князей, кто поддержит бояр-заговорщиков, следует внимательно рассмотреть на предмет их участия в заговоре. Как-то это не дипломатично прозвучало, чуть ли не как угроза.

– Антон, с чего вдруг такая солдафонская прямолинейность. Тебе что, приличную речь для прений не могли написать? – спросил я у него во время перерыва, когда мы нашли спокойное место и он выставил Полог Тишины.

– Нормально же получилось. Вопрос реформы, пусть и со скрипом, но прошёл, – покрутил в руках Антон фамильный артефакт, исключающий возможность подслушивания, – А, ладно. Тебе расскажу. Смотри, у нас «против» проголосовала почти одна треть. Ещё три голоса, и реформа бы не прошла. Так?

– Ну, допустим, – согласился я, ещё не понимая, для чего он взялся говорить об очевидном.

– По прогнозу наших аналитиков голоса должны были разделиться примерно поровну.

– Подожди, ты хочешь сказать…

– Угу, именно это и говорю. Те, кто проголосовал «против», скорее всего к заговору не причастны, и никакого расследования они не боятся. Нам интересны другие. Примерный список тех, кто должен был проголосовать «против» известен. Как ты думаешь, отчего добрая дюжина князей вдруг изменила мнение?

– Ловко, – оценил я величину подставы, – Сам придумал?

Так-то лихо Антон своим выступлением выявил тех, у кого совесть не чиста и кому есть, что скрывать.

– Не, Обдорин подсказал. Собственно, никто и не думал, что всё так легко пройдёт, но похоже после твоей расправы с Сумбатовым у князей в голове мешанина случилась, оттого они и начали ошибаться.

– Да какая же это расправа? Ты видел, как он по мне молниями шарахнул? – возмутился я.

– Э-э, Олег. Я тоже частенько тренируюсь, – поморщился Рюмин, – И ты знаешь, когда мне в Щиты прилетает что-то серьёзное, я не стою на месте, скучая и улыбаясь. И кстати, раз уж у нас пошли откровения, то может объяснишь мне, что у вас с Юрьевским произошло? Ты в курсе, что он сразу после твоей дуэли уехал, никому ничего не объясняя?

– Да нормально всё с Юрьевским. Я же тебе сказал, что он позёр по жизни. Предложи ему дуэль до смерти, он не испугается, зато если пообещаешь, что его после дуэли в обгаженных штанах вынесут, то он на такое в жизни не подпишется. Ну, и я защиту его прошёл, которую он снимать не торопился. Показал, что моё обещание реально. Меня тут Шепелев немного потренировал. Слышал о таком?

– Это бретёр, что ли?

– Угу, он самый. Ты знаешь, что он редко когда убивал? Скажем так, он не брал заказы на убийства. Все убитые, что на его

счету – это не заказные дела, а его личные проблемы.

– Допустим, и что с того?

– Шепелева чаще всего нанимали для унижений. Наиболее вероятный исход дуэли с его участием – это пара лёгких переломов, и обосранные штаны у его противника, – поделился я с Антоном теми сведениями, которые сам не так давно узнал.

– Особое заклинание? – мечтательно прищурился Рюмин.

– Обычная физиология. Отчего-то не принято вслух говорить, но у тех самоубийц, что кончают жизнь повешением, происходит то же самое. Сам подумай, Юрьевский, с его пафосом, смог бы дальше жить после дуэли с таким результатом? А хочешь больше скажу? Ему даже покончить с собой после такой дуэли крайне позорно. Одно дело, когда про него стали бы говорить – обделался на дуэли, и куда как хуже, обделался прилюдно, и от того с собой покончил. Вот на всё он мог быть готов, кроме, как умереть засранцем. Собственно, и жить бы не смог, случись с ним такое.

– То есть ты хочешь сказать…

– Не будет у меня схватки с Юрьевским. Как бы он не был хорош по именитости и антуражу, но психологически он сегодня проиграл. Может и не сразу, но он это поймёт.

– Главой Совета Архимагов решил стать? – с интересом глянул на меня Рюмин.

– Ты знаешь, я после того нашего разговора полночи не спал. И так, и этак крутил… А потом понял, что один чёрт нас с тобой рано или поздно вставят, как пазл, туда, куда нужно. Не знаю, как ты, а я на этой должности могу серьёзно побрыкаться.

– Мне бы тоже не помешало себе найти что-то этакое, – неопределённо повёл рукой Антон.

– С князем Зубовым поговори, – посоветовал я, – Вроде, твои методы убеждения его всерьёз впечатлили.

– Думаешь… – почесал Антон затылок, – Он ещё бодр, и вряд ли кому-то готов уступить своё место.

– А зачем обязательно уступать? Ничего страшного не произойдёт, если ты на следующем Совете его подменишь, скажем, по причине нездоровья.

– Он вдруг станет нездоров? – с подозрением глянул на меня Антон.

– М-м-м, варианты, конечно есть, – честно признался я, имея в виду перепавшие мне от Медведева Знания по магии Крови, – Но пока это не тот случай. Попробуй просто поговорить.

– И что я скажу? «Князь Зубов, мне хотелось бы занять ваше место?»

Антон нервничает. Сильно нервничает. Серьёзно его зацепило

моё желание претендовать на Главу Совета Архимагов. Если разобраться, то я для него нечто вроде кумира, за которым он тянется. По крайней мере, отставать не хочет.

В жизни бывает всякое. Иногда очень хорошие и талантливые люди попадают в «плохую компанию». Наверняка, все это видели и знают. Отчего-то, близкие им люди зачастую значения этому не придают, и очень зря. Перемелет такое знакомство личность человека. Может, потом и получится его оторвать, но след на всю жизнь останется.

Антон вроде бы в «хорошую компанию» попал. Если что, то это я про себя.

– Слушай, когда тебя твоя солдафонская роль отпустит, ты дай мне знать, – спокойно обозначил я Рюмину моё понимание его сегодняшнего состояния.

– Так это… Ты говори. Так-то, да. Я на прения настроился и пока ещё не отошёл, – смутился Антон.

– Они прошли. Всё. Переключайся, – помахал я ладонью у него перед глазами.

– Уф-ф, – выдохнул он через минуту, если не больше, – Ты слушал? Я всё правильно сказал?

– Откуда мне знать, на что тебя запрограммировали, – блеснул я новым словом из книг, ставших модными в последнее время.

– Не-е, какое там, я просто всё заучил, как стихи… А потом не помню сам, как это говорил, – выдал свои впечатления оживший Рюмин, – Кстати, а ты уже решил, куда сегодня вечером с жёнами пойдёшь?

– М-м-м… Э-э-э… А это точно я должен решать? Не, я в том смысле, что это мне надо решать куда они сегодня хотят пойти? СТОП! – поднял я ладони перед собой, – Не говори ничего. Ты наверняка заражён каким-то вирусом! Такого бреда я ещё ни разу в жизни не нёс.

Я присел, и обняв виски ладонями, попробовал про себя повторить еще раз то, что я только что сказал Антону. Как-то не очень получается. Сбиваюсь. Чувствую, что от меня ускользает истинный смысл происходящего.

– Да ладно тебе. У моего отца это обычное состояние, – успокоил меня присевший рядом друг и соратник, – Жёны у него, скажем так, немного разные. Одной бы по полям на жеребце погонять, а вторая готова часами в салонах пропадать. Ну, а моя маман, та больше по магазинам любительница…

– Ну, спасибо. Утешил. А ты платья видел? Нет, что придумали, а? Это же, это… Да я даже не знаю, как назвать, – охотно переключился я на более интересную тему.

– И платья видел, и лицо твоё. Не знаю, может тебе легче станет, если я скажу, что каждая женщина в душе хотя бы немножко эксгибиционистка.

– А что у меня с лицом не так? – вычленил я заинтересовавший меня момент.

– Оно у тебя глупое становится, когда ты на жён смотришь. И ещё собственник из тебя так и прёт. Не знаю, как в тебе всё это уживается, – хмыкнул Антон, и обернувшись, заметил, – Перерыв закончился, пошли досидим до конца, так уже недолго осталось.

* * *

Вечер того же дня. Зимний дворец. Рабочий кабинет Императора.

– Что-то ты не слишком ко мне торопился, – недовольно встретил государь князя Обдорина.

– Дела, царь-батюшка, дела, – сияя улыбкой, ответил князь, энергично проходя к столу, – Сработал наш планчик, ещё как сработал. Троих уже в работу взяли и ещё материала интересного прилично накопали.

– То-то я смотрю, светишься весь. Ладно, основное мне уже доложили, ты свои впечатления расскажи. Что там с Сумбатовым вышло?

– Убил его Бережков. В блин размазал. А мне при всех документы убойные передал, те, которые при пересылке из Архангельска пропали. Как есть там воровство доказано.

– Хм, полагаешь, добрался он до архивов покойного Куракина? Не хочешь намекнуть ему, что поделиться бы надо?

– Пошлёт он меня, государь, ещё и грехи помянет.

– Что за грехи?

– Так передал он раз мне документы по Камышину, по дому публичному с малолетками. Мы на те деньги хлеб скупили, если помнишь, а преступников отпустили. И не объяснишь же ему, что так нужно было к пользе государства. Молодой он ещё, ни за что не поймёт. Оттого и эти бумаги он мне при всех передал. Чтобы значит шансов у меня не было дело замять.

– Может мне попробовать с ним объясниться?

– Ой, нет. Пусть уж я один этот крест нести буду. Должен же он хоть кому-то верить.

– Ладно. Подумаем. Что там ещё интересного происходило?

– Антон Рюмин фразу весёлую выдал, она крылатой стала и уже вовсю, как первейшая шутка разошлась. Сам сегодня слышал,

как граф Тихомиров Елисееву выдал: – «А то можешь живым и здоровым на каторгу пойти». Хорошая шутка, почище иного грозного Указа мозги прочищает. Ну и последнюю новость я прямо перед выездом узнал. Князь Юрьевский снял свою кандидатуру с выборов и выехал в Крым для поправки здоровья. Видать сильно занедужил. Он и с княжеского Совета уехал, не досидев.

– Погоди-ка, так кто у нас тогда Главой у архимагов будет?

– Вот и я про то же, – тяжело вздохнул Обдорин, – Ох, и намучаемся мы с ним.

Глава 54

Первый раз в жизни я лечу на самолёте. Он у нас двухместный, и мне пришлось отстаивать право первым полететь на месте стрелка-радиста. Не то, что бы кто-то претендовал, и мне пришлось спорить, нет, Джуна не разрешала.

Да, как-то так получилось, что вернувшись в наш столичный особняк, я ушёл к себе переодеваться, а нашли меня уже на полу, в крайне неважном состоянии. Каким-то чудом я умудрился в один из кратких моментов проблеска сознания запретить вызов местных лекарей и потребовал привезти Джуну.

– Нервное истощение, – поставила она диагноз, который я уже уверенно услышал, так как после того, как она поводила надо мной руками, я стал чувствовать себя почти что нормально, и просто лежал с закрытыми глазами, соображая, чем мне нужно сегодня заняться в первую очередь. Дел, как всегда, прорва, не знаешь, за что хвататься в первую очередь.

– У него? Нервное? – услышал я голос Дашки, и чуть приоткрыл глаза, стараясь, чтобы этого не было заметно, – Да он толстокожий, как бегемот.

– Может и не бегемот, но да, – подтвердила Алёна.

– Эх, княгинюшки. Это у вас всё на лицах написано, а гнев или радость вы сразу наружу выплёскиваете. А «толстокожие» мужики всё в себе держат, чтобы теми же переживаниями вас лишний раз не потревожить и себя не унизить. У него много переживаний последнее время было? – поинтересовалась Джуна у Дарьи.

После обследования наших будущих детей Дашка Джуне доверяет, и Целительница это чувствует.

– Да какие там переживания. Свадьба, платья, особняк в порядок привели, князя он убил, точнее двух уже, с архимагом поцапался. Да нет. Это его магия во всём виновата. Он что-то очень много тренироваться стал и выкладываться на мощные заклинания.

– Солнышки мои. Вас-то он ближе всего к сердцу пустил, оттого и мелочи от вас для него иногда больнее, чем от посторонних что-то серьёзное. Ну, да ладно. Парень он молодой, должен выдержать. Только учтите, нервное истощение – вещь серьёзная. Последствия от него неприятные могут быть. Сонливость, вялость, импотенция, раздражительность – это далеко не весь список, если заболевание запустить.

– Сонливость? – чуть споткнувшись, пробормотала Алёнка.

– Э-э, раздражительность… – неуверенно добавила Дарья,

вздрогнув далеко не на этом слове, как я успел заметить из-под приоткрытых ресниц.

– Да, и импотенция, – отлично поняла Джуна недосказанное, но главное.

– А что мы, что мы… Ну, свадьба это само собой… С особняком тоже надо было заниматься, хотя мы и поскромнее могли обойтись, а вот платья… – вслух начала перечислять Дарья.

– Платья… – эхом отозвалась Алёнка, и чуть подумав, сказала, – А ты знаешь, у меня есть одно, которое ему понравится. Правда оно на школьную форму похоже.

– Такие и у меня есть. Я их из-под палки пару раз одела, и висят с тех пор, как новенькие. Они широкие вроде, так что влезу ещё наверное, – с сомнением ответила Дашка.

– А может сюрприз ему сделаем? Дело-то серьёзное, – легко поднялась с места Алёна.

– И бульон куриный на кухне закажем, а заодно и чай с мятой и мелиссой. Мама такой делает обычно, когда нервничает, – поддержала её Дарья.

– Открывай глаза. Умчались твои сороки, – беззлобно проворчала Джуна, для которой моё состояние, как открытая книга, – Напугала я их вроде, но и ты смотри, я не соврала. Запустишь такое состояние, всё так и будет, как сказала. Так что, лежать тебе, голубь ты мой, дня два, а лучше три. Отварчики пить, птичек слушать, и никаких дел. Ни больших, не маленьких. Я тут денёк побуду ещё, посмотрю, что и как с тобой, а потом к себе меня отправляй, а лучше и сам перебирайся. Суетная она, столица. Тут спокойствия не будет.

И началась лепота!

Жены мои, в замечательных платьицах, надо мной кружат, бульоном и отварами поят, одеяльце с обеих сторон подтыкают, котлетки паровые подносят. А платья – чудо. Подол ниже колен, рукава длинные фонариком с манжетами, воротнички кружевные под горло, и ряд пуговиц по спине. Хороших таких пуговок. Настоящих. Из тех, что с корнем проще вырвать, чем расстегнуть. И ни-ка-ких дурацких декольте.

– Ой, опять, – хлопнула меня Дашуля по руке, и тут же захихикала и запричитала, словно баба деревенская, – Да что такое деется-то. Так и лезет ручонками наш больной, так и лезет. То под подол заберётся, то по заднице огладит.

– И ко мне тоже пристаёт, – пожаловалась Алёна, фальшиво всхлипывая, – Боюсь уже одна по коридору ходить. Того и гляди, выскочит из-за угла и в тёмную комнату уволочёт. Ту, что справа.

– Это с чего бы наш муженёк так разыгрался, не знаешь? Вроде замуж за приличного выходили, а тут прямо охальник

озабоченный.

Ага, расстроились они, как же. Обе довольные, как кошки, нашедшие оставленную без присмотра кринку сметаны.

А я что, мне только скажи. Подкараулил, и уволок. Обеих, по очереди. Ибо незачем по коридорам в одиночку ходить, когда муж выздоравливает.

Джуне за ужином, понятное дело, об этом ни слова, хотя, что от неё скроешь.

Зато в полёт она меня потом три дня не пускала. Это уже когда мы к себе прилетели. Придёт, руку на лоб положит, губами пошевелит и снова на день меня от дел отстраняет.

Нелегко мне Совет Князей дался. Хамить и убивать – это точно не моё. Опять же лицедейство на грани фола, оно тоже не шуточки. Я понимаю, что есть люди, для которых хамство и наглость – это образ жизни и второе счастье. А для меня такая роль не привычна и оттого тяжела. Пока на Совете был, держался, а как до дома добрался, и накрыл отходняк. Я же не граф Дракула и не Малюта Скуратов. Тем палачам и злодеям к бесчинствам и трупам не привыкать, а мне такое не по характеру. Была бы война – там без вариантов. Всё просто и понятно. Не убьёшь ты – убьют тебя. А здесь так себя порой накрутишь, что полночи переживаешь и ворочаешься.

– Высота три тысячи пятьсот. Надеть маски, – услышал я голос пилота.

В пробных полётах на моём месте был балластом привязан мешок с песком. А я вовсе не балласт. В этом полёте я вроде инструктора по пользованию магодвигателем. До сих пор самолёт только на своих моторах летал, да пару наших новшеств обкатывал, но вот дошло дело и до нового этапа испытаний.

– Запускаю магик, – услышал я изменившийся из-за одетой маски голос пилота. Магодвигатель – название длинное и неприемлемое в радиопереговорах, оттого он и стал «магиком», – Четверть мощности, полёт нормальный, изменений не наблюдаю, скорость чуть растёт. Половина. Ощущаю подхват. Центровка выдержана. Рули тяжелее стали. Приборная скорость растёт. Пятьсот семьдесят, пятьсот девяносто, шестьсот, шестьсот пятнадцать, наблюдаю слабую вибрацию рулей, шестьсот тридцать, вибрация усиливается, шестьсот сорок, вибрация почти пропала, самолёт рулей слушается, шестьсот пятьдесят, прирост скорости почти незаметен, может ещё десятку вытянем.

– Спасибо. На сегодня достаточно, – скомандовал я, встревоженный появившимися вибрациями, а особенно флаттером хвостового оперения.

Вибрации, в той или иной степени присущи любому средству

передвижения.

В качестве идеала могу назвать последние модели пассажирских дирижаблей, где моторная часть отделена от гондолы, а звукоизоляция на таком высоком уровне, что ни шума моторов, не свиста винтов в салоне практически не слышно. Может, такими же свойствами обладают и морские круизные суда, но я на них никогда не был, и сравнивать не возьмусь.

На нашем самолёте при определённом диапазоне скоростей появляются биения. Хвостовое оперение или чрезмерно большое, или чересчур «мягкое». С этим пусть на земле разбираются, а мне самолёт до испытаний нужно сохранить.

Поведал мне Гриша Артемьев, какие у его отца проблемы могут случится, если вояки этот самолёт после доработки не примут. Так что у меня немного другие приоритеты теперь. Все требования военной комиссии перекрыть, процентов на пять-десять, чтобы придраться ни к чему не смогли, и самолёт до испытаний сберечь. Второго у нас пока так и нет. Что-то слишком его доработкой наши инженеры увлеклись, пытаясь из привезённого дирижаблем безмоторного корпуса сделать что-то более интересное.

– Может быть на тысяче метров боевую скорость проверим? Или на приемистость хотя бы нашу птичку опробуем? – услышал я голос пилота, судя по всему уже снявшему, в отличии от меня, кислородную маску, – Больно уж подхват у магика хорош.

Против такого предложения я устоять не смог.

Споры вокруг строительства самолёта идут постоянно. Оскар Петрович Мендельсон, тот инженер, под чьим руководством предприятие Артемьева попыталось скопировать технику предков – это убеждённый фанат максимальной скорости.

Надо сказать, что специалисты для самолётов определяют четыре вида скорости: та самая, максимальная, которая замеряется на определённой высоте и практически в идеальных условиях по мерной миле, приборная скорость, когда мы видим эти показания относительно массы воздуха, в которой передвигаемся, боевая скорость – это диапазон максимально возможных скоростей, которую может развить самолет для ведения активного маневренного воздушного боя, при всех, сопутствующих такому бою, видах боевого маневра, и скорость набора высоты.

Боевые лётчики в тех книгах, которые я нашёл в библиотеке, сравнивают самолёты по последним двум видам скорости, а наземные теоретики, вроде Мендельсона, уповают на первые два показателя.

Как бы то ни было, а самолёт на приемистость мы проверили,

а потом и на набор высоты. Магик реально чудеса творит, что впрочем и не удивительно. Нет у него вращающихся тяжёлых деталей, оттого ему и не требуется времени на раскрутку вала и винтов. Моментальный подхват, словно самолёт пинок получил и бешеный разгон после этого.

– Вот это да… – услышал я восторженный выдох пилота, когда мы снова забрались на высоту в три с половиной тысячи, – Он при наборе высоты ещё и разгоняется! Да как ещё разгоняется-то. Ну и зверюга…

Из самолёта вышли довольные и счастливые. Народ, глазевший на поле, нас даже на руках покачал. Всем понятно, что самолёт удачный получился. Недаром трансляция наших разговоров на рупоры выведена. Все всё слышали и словно сами с нами летали. Прочувствовали сопричастность.

– Побежал я, надо замечания по полёту оформить, пока ничего не забылось, – вырвался я из рук встречающих.

Школа Киякина даром не прошла. Помню, как он по «Сапсану» всё подробно расписал после пробного полёта. Здорово нам тогда его замечания помогли. Прямо настоящее руководство к действию получилось.

На самом деле для поспешности у меня ещё одна причина есть. Пока меня подбрасывали, я успел заметить на краю поля, рядом с верфями, две подозрительно знакомые фигурки. Да же не столько фигурки, сколько шубки на них. Сильно запомнившиеся шубки. Вам бы они тоже запомнились, если бы вы выложили за них столько денег, сколько стоит приличный автомобиль.

– Дарья, Алёна, что вы тут делаете? – ещё издалека поинтересовался я у своих жён.

– Ты не сказал нам, что собираешься летать, – начала Дашка прокурорским тоном.

– Тебе нельзя волноваться. Совсем-совсем нельзя, – добавила Алёнка.

– Да какие там волнения. Одна сплошная радость. Видели бы вы, как он летает! – мотнул я головой в сторону самолёта.

– Мы видели. С самого взлёта тут стоим. Уже ноги, как ледышки, – пожаловалась Дарья.

– Та-ак, а ну бегом чай пить. Горячий, с мёдом и малиновым вареньем, – распорядился я, подталкивая их ко входу.

– Пошли, Алёна. Заодно посмотришь на его секретаршу. Та ещё штучка. А про её юбки только ленивый ничего не рассказывает. Вот и посмотрим сами, что же нашему муженьку нравится, – увлекла Дарья за собой Алёнку.

Упс-с… Похоже, ожидается скандальчик.

Оксану я не учёл. Надо сказать, она к придуманной когда-то

форме секретарши вполне привыкла и отваливающиеся челюсти тех, кто её видит первый раз, воспринимает, как нечто должное и само собой разумеющееся. А то, как она кофе подаёт, так это целый спектакль. Народ минут пять потом в себя приходит. С чего бы, спрашивается. Подумаешь, резинки у чулок увидели, когда она, наклонившись над столиком, кофе по чашкам разливает. Спрашивается, чего потеть и шумно дышать.

– Ваше Сиятельство, княгини, – встретила нас Оксана, стоя чуть ли не по стойке «смирно» и обозначив приветствие чётко выверенным поклоном…

Уф-ф-ф…

Она была… А-а-а… В длинной плиссированной юбке по щиколотку, туфельках-«лодочках» на низком каблуке и в пиджачке с выглядывающей из-под него белой блузкой со скромным жабо.

Я спасён!

– Олег Игоревич, вам два письма, одно важное, из Оружейного приказа, и телефонограмма от Его Сиятельства князя Рюмина. Все остальные письма я уже раздала исполнителям под роспись, как вы велели, – доложила секретарша.

– Замечательно, – ответил я, имея ввиду далеко не содержание её доклада, – Княгиням подайте два горячих чая с мёдом и малиновым вареньем, а мне кофе, можно с ложечкой коньяка.

Я открыл дверь, пропуская жён, а сам незаметно показал Оксане большой палец и выдохнул.

– А пиджачок-то ей маловат, – заметила Дарья, которой я помогал снять шубку.

– И как бы даже не на два размера меньше, чем надо, – подхватила Алёнка, когда я перешёл к ней, помогая уже ей освободиться от шубы.

Свои мысли о том, что это не пиджачок маловат, а грудь великовата, я мудро оставил при себе.

В этом вопросе обе мои жены Оксане размера на полтора проигрывают, а по нынешнему времени может и на все два. Так-то я у своей секретарши давно этим вопросом не интересовался. Одно дело, когда она в горняшках была, там да. Всё просто и понятно. Знали же они, когда нанимались, для чего мне горничные потребны, оттого и обе стороны понимали, что к чему. Зато после её вступления в официальное секретарство я её даже по попке ни разу не шлёпнул, не говоря о чём-то другом. Это молва народная, когда такое богатство видит, меня в герои возводит, а на самом деле у нас сугубо деловые отношения, разве что с лёгким оттенком интима, и то, когда нас никто из

посторонних не видит и не слышит.

– Надо премию ей выписать, – хлопнул я себя по лбу, – Третий месяц забываю. Пиджак и точно ей маловат, а она всё своё жалованье семье отправляет. Пусть нормальный пиджак себе справит, а то вроде поправилась она от сидячей работы, а денег-то на новую одежду у неё нет.

Видели бы вы их глаза… Моих жён.

До княгинь не сразу дошло, что одежда секретарши зависит не столько от её желания, сколько от тех денег, которые она получает.

Вот к чему мои жёны оказались абсолютно не готовы, так это к тому, что не все одеваются так, как хотят.

Для них шубка не шубка, и платье иное рылом не вышло, а тут наглядная трагедия. Девушка поправилась, а денег на другую одежду нет.

Нормально так их проняло… Аж глаза повлажнели…

Угу, на минуту-другую… А потом обе на меня уставились.

Не, а я чо? Я ничо. Всё как обычно… Чурбан, бегемот и сатрап…

Кажется, я что-то пропустил… Э-э, мужлана вроде бы. Точное определение этого термина мне непонятно, но отчего-то обиднее оттого оно не кажется.

– Сколько. Ты. Ей. Платишь? – выставила на меня Алёна указательный палец.

– Рублей тридцать вроде, или сорок в месяц. Не помню точно. А что?

– Эта девушка живёт на тридцать рублей в месяц?

– Нет конечно, – замахал я руками, – Она дай Бог на пять или на десять рублей живёт, а остальное семье отправляет. Откуда мне знать точно. Иди сама у неё спроси, – показал я на двери, которые как раз Оксана и открыла, занося поднос с напитками.

Отчего-то Алёна спрашивать ничего не стала. Потупилась и засопела.

Странно, как шубки по двенадцать тысяч покупать, так тут мы уверенные и смелые, а как с секретаршей о её зарплате побеседовать, так что-то язык проглотили…

– Мы вообще-то про отделку салона приехали поговорить. Моя «Алёнушка» всё ещё не доделана.

– Сколько? – поднял я голову от листа бумаги, на котором начал писать замечания по полёту.

– Э-э, может быть рублей пятьсот, или хотя бы тысячу, – чуть слышно пролепетала Алёна.

– На салон «Дашули» я потратил тридцать тысяч, на твой двадцать. У тебя десятка на все твои фантазии, – отмахнулся я,

внутренне наслаждаясь румянцем обеих жён.

Нет, он у них не от горячего чая. Совесть взыграла.

Похоже, обе девицы только сейчас осознали, что жизнь происходит не только внутри княжеских дворцов. И за их пределами тоже живут люди. Для кого-то «Майбах» не «Майбах», а кому и полмешка муки за счастье.

– Ты немедленно поднимешь ей зарплату, – ультимативно высказалась Дарья.

– Хорошо, – согласился я по привычке, и повернувшись на стуле, дотянулся до колокольчика на деревянной ручке. Обычное средство вызова секретарши.

– Слушаю, Ваше Сиятельство.

– Так, Оксана, с этого дня ты назначаешься начальником секретариата. Найди себе пару помощников. Оклад у тебя будет триста рублей, у них по сто. Кроме того, раз в квартал вам положено пятьдесят рублей на новую форму с княжеским гербом. Всё понятно?

– Благодарю вас, Ваше Сиятельство, и вас, княгини, – поклонилась Оксана и дождавшись моего кивка, вышла за двери.

– Довольны? – посмотрел я на жён, – А теперь давайте договоримся. Ваши советы и просьбы я безусловно ценю, но у меня есть одно условие. Если вы и дальше желаете, чтобы я вас слушал и слышал, то пора вам засучить рукава, и заниматься княжеством вместе со мной. Вопросы есть? Вопросов нет. Можете приступать к работе. Вечером мне скажете, кто из вас чем решил заняться.

Озадачил я их. А главное – никакого спора и скандала. Я же говорю – самая правильная тактика – это всегда и во всём соглашаться с женой, или с двумя жёнами, как в моём случае. Тогда есть шанс и свои пять копеек вставить в разговор.

Чай жёны допили молча, переглядываясь, и не мешая мужу-подкаблучнику работать. А потом мне пришла пора их выпроводить. У меня народ на совещание уже под дверями собрался, а их мастер-отделочник дожидается. Не время чаи распивать.

Поднимаясь из-за стола, чтобы помочь им одеться, я обратил внимание на бумаги, которые взял у Оксаны. Лист телефонограммы сначала заставил меня сначала выпучить глаза, а потом и вовсе за голову схватиться.

– Что там? – спросила Алёна у Дарьи, первой подскочившей ко мне и читающий злополучную телефонограмму у меня из-за плеча.

– Юрьевский снял свою кандидатуру и уехал на лечение. Подтвердить звание архимага ты можешь через три дня. Отец

договорился. Антон, – вслух прочитала Дарья.

– А, князь Юрьевский. Это же ты с ним поругался? – вспомнила Алёнка.

– С ним, – просипел я и сглотнул слюну.

Что-то горло неожиданно пересохло.

– И кто теперь будет главой Совета Архимагов? – проявила сообразительность Дарья.

– Вот то-то и оно… – промычал я, падая в кресло и ещё раз перечитывая злосчастную телефонограмму, как будто в ней что-то могло измениться.

Оделись жёны сами, и неестественно прямой походкой, шагая в ногу, покинули кабинет.

Ну вот, могут же строем ходить, когда захотят.

А над походкой надо будет поработать. Носок тянуть совсем не умеют и разворот у них не по Уставу. Положено его через левое плечо делать и на левом каблуке, а у них всё наоборот. А если бы при себе винтовка со штыком была, а?

Эх-х… Учить их ещё, и учить…

* * *

Новая Москва. Офис концерна «Курские моторостроительные заводы графа Эльстона».

– Господа, у меня пренеприятнейшее известие. Небезызвестный вам генерал-майор Каргальский, если что, полномочный член Военной комиссии Министерства обороны, представил позавчера проект самоходной артиллерийской установки, выполненной по чертежам предков. В следующую пятницу ожидается предварительное рассмотрение, а затем, не исключена возможность финансирования проектных работ самим Министерством. Неприятность заключается в том, что мы купили лицензию у известной вам немецкой фирмы на восьмицилиндровый карбюраторный двигатель, и под его производство начали строить цеха. По нашим предположениям и предварительным договорённостям больше половины заказов нам должна была обеспечить армия. Но теперь такая возможность вызывает большие сомнения. Только слепой не заметит, что в проекте генерала предполагается дизельный двигатель, и его характеристики, во всех аспектах выглядят предпочтительнее, чем можем предложить мы. Говоря, во всех аспектах, я имею в виду в первую очередь цену, мощность и моторесурс. То есть те позиции, на которые армия смотрит, как на определяющие.

Высокий худой управляющий, в идеально сидящем костюме, поджал свои и без того тонкие губы. Речь, которую он готовил и репетировал, казалось, не произвела на основных акционеров никакого впечатления. Лишь пара человек досадливо поморщилась, словно он отнимает у них время пустыми разговорами.

– Феликс Каземирович, мы понимаем вашу тревогу, но давайте говорить серьёзно. Рынок моторов в стране прост и понятен. Мы знаем возможности конкурентов и в курсе их производственных планов. Помнится мне, вы когда-то высказывали сомнения по поводу покупки лицензии у «Майбаха» на авиационные двигатели. Однако, сегодня это лучшие двигатели в стране, и спрос на них серьёзно превышает наши объёмы. Сотня-другая этих ваших дизелей, да хоть тысяча, это капля в море. Стоит ли бить тревогу и для чего вы нас собрали?

Председатель Совета директоров, полноватый мужчина с округлым живым лицом проговорил всё это, не вставая с места, а закончив, откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

Плохой знак. Управляющий делами концерна не считал себя новичком в переговорах. Понять, что его выступление встречено настороженно и ему не слишком доверяют, особого труда не составило.

– Боюсь что все обстоит немного не так. Я позволил себе навести справки, и первоначальные прогнозы крайне прискорбны. По моим сведениям судоремонтный завод в Камышине собирается в этом году выпустить порядка пяти, а то и шести тысяч двигателей. Судя по всему, на такую же цифру рассчитывают выйти армейцы, правда это произойдет чуть позже. Ну и это еще полбеды. Случайно мне стало известно, что заводчик Второв на прошлой неделе разместил на Нарвском инструментальном заводе заказ на две сотни разборных кокилей двух разных типов. Кокиль, господа, это многоразовая форма для отливки чугуна, выдерживающая более пяти тысяч циклов. И эти формы заказаны под блоки дизельных двигателей. А это, господа, означает, что Второв рассчитывает отливать более пятидесяти тысяч блоков в год. Втрое больше, чем то количество двигателей, которое собираемся выпускать мы.

– Насколько верны ваши сведения? Особенно те, которые касаются Второва? – нахмурился Председатель, обменявшись взглядами с крепким мужчиной борцовского сложения, сидящим справа от него.

– Из Нарвы мне позвонил старый приятель, который работает там главным инженером завода. Он решил, что Второв по нашей подсказке их завод выбрал и это нам он блоки лить будет. Хотел

меня поблагодарить, – объяснил управляющий свою оговорку о случайно узнанном заказе.

– Помнится, мы отказались от покупки лицензии на дизельный двигатель. Посчитали, что он чрезмерно тяжёлый и маломощный, не так ли? – подал голос пожилой мужчина с внешностью типичного стряпчего.

Невзрачный, неприметный. Мало кто знал, что он один из немногих доверенных лиц князя Юсупова, на чьих землях и расположены заводы графа Эльстона.

Представитель «Промышленного банка». Ещё одна головная боль управляющего. Во все щели без мыла лезет, пользуясь то правами акционера, то Договором о кредитной линии, которая предусматривает повышенный контроль банка за деятельностью заводов.

– Абсолютно верно. Немцы нам предлагали именно такую модель. Турбировать свои двигатели они пока не готовы, так как считают, что уровень технологий не позволит им изготовить недорогую и надёжную турбину.

– Ага, а у нас значит, так не считают?

– На тех дизельных двигателях, которые начали выпускать в Камышине, нет турбины. Её роль выполняет техномагический артефакт, который местные заводчане называют «ракушка». Думаю, он выполняет роль нагнетателя воздуха, потому что иначе ничем другим не объяснить столь высокие заявленные характеристики камышинских моторов. Не исключаю, что и для наших моторов такое чудо будет полезно.

– А вам кто мешает нагнетать этот самый воздух? – покрутил носом, к слову сказать, весьма внушительных размеров, представитель банка.

– Вы и мешаете, – неожиданно для самого себя зло сорвался управляющий, вспомнив, как он изучал Договор о кредите, – Приложение номер три ваше мешает, в котором оговорён полный запрет на использование техномагических устройств. И не только в самих двигателях, но и в оснастке заводов.

– Ну-ну, не надо горячиться, – поднял перед собой сухонькие руки банкир, – Вины банка в таком требовании нет. Это всего лишь страховка от капризов Одарённых. По крайней мере так говорят наши учредители. И, кстати. Обычными способами, без магии, с вашей проблемой никак не справиться?

– Отчего же. Вполне достаточно будет, если вы обеспечите нас заказами от армии. Полагаю, для князя Юсупова это не окажется проблемой? – чуть повеселел управляющий, обрадовавшись тому, что наконец-то услышал нужный вопрос.

– Гхм-м… – отчего-то вдруг поперхнулся представитель

финансового мира, – Боюсь, что в ближайшее время такой возможности у нас не предвидится. Хоть моторы это и не линкор, но чем чёрт не шутит, – непонятно высказался он, и больше в разговоре участия не принимал, уйдя в свои собственные размышления.

* * *

Вопросами по размещению акций у меня занимается Андрей Липатов.

Месяц назад в Новосибирске дела пошли хорошо. Смогли заводчане отработать технологические мелочи, и с каждым разом у них стало получаться все больше и больше вполне приличной продукции. До алмазов моего качества им еще далеко, но те же лекарские пояса, к примеру, из их заготовок можно делать вполне успешно.

Тогда-то я и вспомнил о своем давнишнем плане, которым когда-то поделился со Степаном. Пора уже мне заиметь большое и серьезное производство, которое было бы подстать моему княжескому титулу.

К плану о дополнительном размещении акций на тридцать пять миллионов рублей мы подошли серьёзно и вдумчиво. Заключили контракт с солидной брокерской конторой, имеющей множество филиалов по всей стране и оплатили все подготовительные работы, которых оказалось немало.

Вишенкой на торте послужил мой заказ, позволивший новосибирцам показать высокую прибыль в пересчёте на одну акцию. В итоге доходность ценных бумаг прилично выросла, и на этой радостной ноте мы подготовили новый пакет акций к продаже.

– А что тебе раньше мешало? – чуть подумав, спросил меня Степан, когда я впервые завёл с ним разговор о том, что пришла пора выходить на новые рубежи.

– Пожалуй, рынок сбыта. Как-то больно уж мощно начали магию низводить. Казалось, год-другой, и совсем от неё откажутся везде, где только можно. Понятно, что искусственные алмазы не только техномагам нужны, но ты знаешь, пока все обходились небольшим их количеством и особого роста этот рынок не показывал.

– Ты хочешь сказать, что теперь что-то всерьёз поменялось?

– А то. У нас только на одни теплосъёмники тонна алмазного сырья уйдёт, и это самое малое, что я готов предсказать уверенно. Опять же, как только где появляются техномагические устройства,

там сразу напрашиваются накопители, и не везде будет возможность использовать их недорогой сапфировый вариант, который, к тому же ещё нами не освоен.

– Тонна алмазов? Никогда такого не слышал. Караты, граммы – это ещё куда ни шло. Ты ещё пудами их начни измерять, – улыбнулся Степан.

– Хорошая мысль. Мы сейчас Второву пару воздуходувок делаем для плавильных печей и обжимной пресс. Если они покажут себя в работе так, как нужно, то считай, что ему одному полпуда алмазного сырья потребуется, если не больше. И это только для одного завода, а их у него больше десятка по всей стране. Ещё у нас на двигатели алмазы потребуются, авиация сколько-то закажет. Так что пахать новосибирцам и пахать. А мы все эти миллионы от проданных акций им в рост запустим. Глядишь, через год-другой и сбудутся мои слова. Вырастим завод до стоимости всто миллионов и с прибылью миллионов по двадцать-двадцать пять в год.

– Хм, думаешь, стоит деньги вложить?

– Если есть лишние и ненадолго, то отчего бы и нет. А в другом случае у тебя своих тем полно, как я понимаю. Вы на рациях для самолётов можете больше заработать. И ретрансляторы. Готовый продукт, который можно армейцам предложить, и не только им одним. Давай Второву в гости пригласим, и закажем ей цикл статей о том, как твой ретранслятор во время заговора отработал.

– Зачем Второву? Есть куча других журналистов, которые гораздо скромнее по именитости, но пером владеют не хуже. Или втрескался? – так, словно между делом, поинтересовался Степан.

– Да ладно тебе. С чего бы вдруг. Ты хоть представляешь, какая у Второва Империя? Он же миллионами ворочает такими, что и подумать страшно. Сам представь, где я, и где он, – попытался я воззвать к разуму.

К чьему только. Явно не к собственному. Мой разум почему-то молчит, а воображение отчего-то Светлану то в том бесстыдном платьишке представляет, то в наряде восточной танцовщицы, который немногим лучше.

Именитость – дело хорошее. Не в моём случае, но тем не менее. Однако и капиталы никто не отменял. Второв, насколько я понимаю, по капиталам почти вровень с Морозовым будет, а это не шутки. Богатейшие люди Империи. Отодвинувшие Юсуповых по богатству на третье место. Княжеский Клан, владеющий полусотней родовых земель в семнадцати губерниях. Целое государство в государстве. И Стальная Империя, ему в противовес. Капиталы, накопленные поколениями Юсуповых, и

сталелитейные заводы, обогнавшие их за пару десятков лет. Это ли не повод задуматься новоявленному князю-латифундисту. Сравнить две разные экономические модели для понимания того, к чему стоит усилий больше прикладывать.

– Есть и ещё причина немаловажная, по которой стоит поспешить. Хочется мне изнутри на Союз Промышленников взглянуть. Князь Гончаров намекал как-то, что там не все нами довольны.

– Довелось столкнуться, – согласился Степан, – Я как-то раз заказы для цеха на электрику размещал в Рязани. Там один умник из этого Союза, как узнал, откуда я, так задолбал меня поучениями и своей простотой. Ладно бы просто жизни учить вздумал, так нет же. Ему всё сразу захотелось. И поумничать, и своё «фу» высказать, и объегорить на расчётах. Начал мне толковать, что цены у него со скидкой были указаны, а скидка только для тех промышленников, что в этот их Союз входят.

– И как разошлись? – помотал я головой, примерив такую ситуацию на себя. Моя нынешняя роль не позволила бы мне уйти просто так.

– Послал его по матушке, и у соседа его заказ сделал. Без всяких скидок вроде, а всё равно дешевле получилось.

– Занятно. Но у меня другая задача. Пора нам связи среди промышленников заводить. А то мы тычемся порой, как слепые котята. Взять те же подшипники. Вот никогда бы не подумал, что это золотое дно. И таких позиций море. У меня чуть глаз не выпал, когда я цены на обычные водопроводные трубы в смете увидел.

– А что с ними не так?

– Цена. Она у трубы в четыре раза выше, чем у той полосы, из которой её делают. Сам понимаешь, что с нашей магической оснасткой это минутное дело. Что полосу вокруг стержня обернуть, что диффузионной сваркой пройтись.

– Магия? – задумчиво почесал Степан затылок, – Магия штука хорошая, но только сдаётся мне, что ты сам скоро накопители начнёшь заряжать. Тебя из-за свадьбы пока не беспокоили, но мне уже несколько раз жаловались. Устают ребятишки, что накопители заряжают. Выматываются. Работают, как проклятые. Так и детства не увидят. Родители уже и деньгам не рады.

– Подожди, мы же вроде с ними про два-три часа в день договаривались.

– Да, это когда было? Когда только-только верфи заработали? А теперь сам вспомни, сколько вы с тех пор дополнительной оснастки придумали.

Оп-па… Теперь уже мне пришлось затылок чесать.

Помогло.

Дальнейшую беседу мы уже вели вместе с Усольцевым, а когда техномаг осознал проблему, то и с двумя его подручными.

Я конечно же понимаю, что не княжеское это дело во все мелочи вникать, а что делать прикажете. Нет у меня диспетчера-универсала, который воедино свяжет все процессы, которые при нашем росте постоянно меняются. Взять того же Усольцева. Пока я ему про помощников не подсказал, он так один и пластался. Зато теперь любо-дорого посмотреть. Оказывается, решаема проблема подзарядки. Добрую половину типовых накопителей можно с помощью теплообменников заряжать, если их на нашей электростанции разместить, где избыточное тепло аж в три трубы улетает. Вон как он лихо помощникам задачи нарезал. Этак глядишь, день-другой, и наполовину у ребятишек работ меньше станет. Вторым этапом можно по накопителям пройтись. Пора всё к единым стандартам приводить. Прошла та пора, когда мы чуть ли не на коленке оснастку ваяли, не думая о том, что нет ничего более постоянного, чем временное. Может для старта это нормальная ситуация, когда каждое изделие по сути своей эксклюзив, но для стабильной работы пора переходить хотя бы на мелкосерийные партии.

И это проблема. Проблема прежде всего кадровая. Так уж получилось, что техномагов со средним образованием не бывает. Они либо самоучки, либо образование у них высшее.

От чего такой перекос случился, я не знаю. Скорее всего из-за снобизма Одарённых.

Кланы могли позволить себе индивидуальное обучение для своих мастеров. А государство было озабочено только специалистами для армии и чисто ради проформы, техномагами-теоретиками. Можно и в этом вопросе подозревать чей-то злой умысел, но как по мне, так это обычное наше головотяпство.

С другой стороны, опять же, для ремесленного училища преподавателей найти в разы проще, чем для техномагического.

Теперь рассуждать о том кто виноват, Кланы или государство, можно до бесконечности.

Вопрос в другом. Заложником ситуации стал я, и я абсолютно не представляю, как мне выкручиваться из неё.

По сути, мне пора целый цех под нашу оснастку открывать. И я даже знаю, где он будет.

Секрета в этом никакого нет. Где же ему быть, как ни у самого мощного Источника Силы на моих землях. Да, в том самом подземном бункере, восстановление и обустройство которого мне обойдётся в целое состояние.

Скажу проще. Одних только работ по строительству, в первом

чтении, там на полтора-два миллиона. Если вы думаете, что в эту сумму включены устройства, обеспечивающие жизнедеятельность бункера, то вы ошибаетесь. Их придется докупать и монтировать отдельно.

Да, все те насосы, откачивающие воду, вентиляторы, нагнетающие воздух, и генераторы, дающие тепло и электричество, пойдут отдельной сметой.

Про то, во сколько мне встанут техномагические «трансформаторы», позволяющие обуздать Источник, лучше не думать.

Самое время задать самому себе вопрос, а не дурак ли я?

Показывали же мне в столице помпезные недостроенные здания. Новоявленные нувориши, у которых резко пошли дела в гору, заказывали порой гигантские строения, ставшие Мавзолеями на могилах их бизнеса.

У них передо мною явное преимущество. Их строения хотя бы видны. Зато, если я закопаю миллионы под землю, а потом выяснится, что это напрасная трата, то мой Мавзолей никто не увидит.

* * *

Про то, что домой я в тот вечер приехал без настроения, можно не говорить.

Обе жены меня встретили не ужином, на который я вообще-то рассчитывал, а решительными моськами, которые мне были продемонстрированы с серьёзным видом. На какое-то время смирился, чему во многом поспособствовали столь любимые мной модели платьев, делающих их похожими на старшеклассниц.

– У тебя что-то случилось? – первой спросила Дарья, правильно оценив, что ввалился я в зал не то, чтобы вымотавшись, но изрядно уставший и нахлобученный.

– Скорее наоборот. Техномагов у меня не случилось в достаточном количестве, – с досадой отозвался я, и тут же поблагодарил нашу кухарку, заскочившую в зал с почти горячим латте.

Не сказать, чтобы крепким, но на сон грядущий и такой пойдёт.

Смакуя напиток, кратко объяснил возникшую проблему. Вроде, почти всё у меня есть, а с кадрами коллапс.

– Помнится, Ирина мне рассказывала, что какие-то пилоты себе Источник выжгли из-за неудачных испытаний. Поспрашивай.

У них там целый клуб был по прокачке МБК, а может и сейчас есть. Вроде, не самые глупые там собирались, а то, что не всем повезло, так это бывает, – пожала плечами Алёнка, нетерпеливо перебирающая лежащие перед ней бумаги.

А то я не понял, что она со своими обязанностями определилась, когда знакомые бумаги увидел.

Другой вопрос, кто ей без моего разрешения отчёты с верфей дал. Ну, это я скоро выясню, и следствие ей не покажется лёгким.

А как иначе, если Дашка мне в коридоре намекнула, что ей уже нельзя…

Так то мы близнецов ждём, а это особая песня…

Ох, кому-то сегодня придётся отдуваться за двоих, и это точно не я…

Глава 55

Сегодня решил воспользоваться той привилегией, которую мне дает золотая медаль.

Медалька у меня непростая, полагаю, что многие придворные её на очень серьёзный орден согласились бы поменять.

Всего-то-навсего можно с её помощью без очереди попасть на приём к Императору. Мелочь вроде бы, если не учитывать, что остальные за полтора-два месяца записываются, и то не факт, что им приём назначат, а не отправят в соответствующее вопросу ведомство.

– Вам назначено? О, извините, Ваше Сиятельство, – опознал меня секретарь, вскинув лицо от бумаг, – Я доложу о вас сразу по окончании совещания.

– Будьте любезны, – пробормотал я, оглядываясь и выбирая место, где присесть.

Народа в приёмной немного. Один адмирал, которого я не знаю, три сановника, судя по наградам, не ниже тайного советника каждый, и пожилая дама с молоденькой дочкой, весьма милой на вид. Обе отчего-то смотрят на меня со страхом, но готов поклясться, что я их первый раз вижу. Дочку, по крайней мере точно. Такую милоту я бы запомнил.

Между тем недолгое ожидание подошло к концу и дверь отворилась, выпуская четырёх сановников, из которых я узнал одного лишь Мещерского. Секретарь зашёл на доклад, а мы с Мещерским поприветствовали друг друга.

– Полагаю, князь, вы не были записаны на приём? – прищурился Советник, поглядывая на толстую папку у меня в руках.

– Ваши дедуктивные способности делают вам честь, – улыбнулся я двусмысленности сказанного, и по-моему Мещерский это понял.

Так-то задолжал слегка мне Советник. Не первый раз он мной прикрывается, выдавая деятельность своего Научного Центра за мои инициативы. Помощь от него я тоже замечаю, но больно уж вопросы у нас с ним разной значимости.

– Попробую развить мысль чуть дальше. Та же дедукция мне подсказывает, что имеет смысл какое-то время мне подождать в приёмной, чтобы меня с дороги не вернули. Не так ли?

– Не я принимаю решения, – выразительно покосился я на дверь императорского кабинета, – Но вполне возможно.

– Благодарю, – с достоинством отреагировал Советник на подсказку, и подошёл к одному из ожидающих сановников, с

которым у них тут же завязалась негромкая беседа.

– Проходите, князь, – поклонился секретарь, выходя из дверей.

Уже знакомый мне кабинет я разглядывать не стал. Недосуг. За дверями целый адмирал сидит, да и сановники далеко не из последних, если их Советник Императора в лицо знает, а тут я влез без очереди.

– Ваше Императорское Величество, – замер я у порога, прикрыв за собой дверь.

– Проходите, князь, присаживайтесь, – коротким взмахом руки указал государь на ближайшее к нему место за приставным столом, – У вас что-то срочное?

– Скорее важное, – прошёл я куда сказано и открыл папку, – Но сначала позвольте вам передать письмо от племянницы и приглашение на испытательный полёт самолёта.

– Послезавтра? – поморщился государь, поглядев в окно, за которым лютовала февральская метель. Наверно, последняя в этом году, – Не уверен, что это хорошая идея в такую-то погоду. Или синоптики перемену обещают.

Прогноз я знал. Ровно, как и то, что последние дни февраля ничем хорошим жителей столицы не порадуют.

– Погоду я беру на себя, – скромно напомнил я новоявленному родственнику, кто перед ним сидит.

Почти две недели прошло, как я подтвердил статус архимага и в тот же день выставил свою кандидатуру на выборы Главы Совета Архимагов.

– Уже интересно, – с улыбкой поднял брови государь, показывая, что он оценил моё заявление, – Решили себя столице во всей красе показать? Или архимагов пугнуть?

– Пожалуй, и то и другое, – согласно кивнул я, – А кто не поймёт по-хорошему, так тех и не жалко. Дураки, они не только себе жизнь портят, но и всем окружающим жить мешают.

– И много таких среди архимагов найдётся? – с намёком поинтересовался родственничек.

– Об этом и хотел спросить. С кем, если что, разговаривать, а кого сразу вызывать, согласно обычаям.

Так-то я неплохо проштудировал всё, что касалось Совета Архимагов, и теперь, по крайней мере, не буду плавать в своде установленных ими правил.

Претенденты на пост Главы Совета могут пойти двумя путями. Или договориться на выборы по итогам голосования, или сойтись на дуэли.

На выборах мне найдётся, что предложить будущим коллегам. Да, это накопители с хорошим запасом Силы, той

самой, которую так не любят попусту растрачивать высокоуровневые маги. Согласитесь, куда как проще договариваться с кем-то из архимагов о выполнении задания, если к этому заданию кроме денег приложить средство для полного восстановления потраченного резерва.

– Ого, а ты кого-то вызывать собираешься? – по-свойски поинтересовался Император, изменив официальному обращению.

– Романа Юсупова однозначно, если подставится. Феликс Романович меня больше устраивает, как знамя юсуповской коалиции. Сдаётся мне, одна их замена на Совете Князей будет больше значить, чем все наши игры в страшилки и пугалки.

Молодой Юсупов фигура своеобразная. Признанный красавец, светский щёголь и, пожалуй, самый завидный жених в Империи. Казалось, всё бы хорошо, но не для политики. Ту коалицию, которую сплотил вокруг себя Роман Юсупов ему не удержать. Князьям мало одной симпатичной мордашки, а серьёзных дел за княжичем пока не числится.

– В этом вопросе я тебе не советчик. Мыслишь ты не по годам мудро и крайне решительно, но считай, что я твоих рассуждений не слышал, – покачал головой Император.

Понятно, что не слышал. Старший Юсупов как бы не самая большая заноза в заднице у всей государственной машины, но не положено государю вопросы радикально решать, и всё тут. Обязан он быть выше таких вопросов и уметь их как-то увязывать со своим управлением.

Может это и правильно. Попадались мне книжки, где достоинства многополюсной политики расхваливали, а всё иное не иначе, как диктаторством обозначали. Только время многое меняет, и те догмы, которые ещё не так давно вполне уместны были, многое не учитывают.

Да, власть князей и Императора – это два хороших противовеса, и ещё не так давно бояре вполне органично дополняли этот букет. Но сейчас влияние промышленников и банкиров на ту же политику и экономику трудно переоценить. Иной заводчик раз в десять поважнее будет, чем те бояре, у кого он земли откупил на сорок девять лет.

Да, вот такие выверты. Мещанин землю под жильё и хозяйство купить право имеет, а заводчикам под предприятия их в аренду брать приходится. Редко, кто может казне свою пользу сразу утвердить и сесть на государственные земли. Для такого события нужны нешуточные заслуги и связи.

Тот же Морозов на землях князя Гончарова не просто так деньгами сорит. Всё на три раза посчитано и не на раз обговорено. Меценаты получают привилегии, как правило, да

такие, что они не на раз их затраты окупают, и многие существующие правила позволяют обходить.

– Мещерский в приёмной задержался, – прервал я затянувшееся молчание, – А у меня ещё один вопрос, и напрямую по его ведомству.

В папке у меня больше половины бумаг посвящено реактивному двигателю. Далеко не в самом сложном его варианте, а как раз наоборот, всё крайне просто. Но от этого не менее сложно.

Другой вопрос, что мы этот двигатель не осилили.

Попросту, материалов нужных под рукой не оказалось. Как только Густавсон не изощрялся, но высокие температуры не обманешь. Нужны жаропрочные сплавы. Отдельная ветвь науки, неподъёмная для частного финансирования.

Точнее, даже не так. Допустим, я примерно представляю, что нам нужно. Те же Густавсон с Фёдоровым вполне себе понимают, где информацию по требуемым материалам можно найти. Имперское техническое бюро при желании может разыскать не только рецептуры двенадцатикомпонентных видов стали, но и методы её направленной кристаллизации. На второвской «Электростали» вполне возможен, пусть и не сразу, выпуск пилотной партии требуемых сплавов.

Вроде всё. Ну, и несложный вопрос на засыпку: – А кто за всё это будет платить? Сколько? В первом чтении, не предполагающем гарантированного результата, миллионов пять или десять. Только на научные работы. Да, вот такие цифры прозвучали, но даже не это самое неприятное. Где найти хотя бы сотню специалистов, способных собрать все материалы воедино, получив из них работающую модель.

Ага, примитивная задачка. Собери модель из кубиков. А заодно просчитай, как и какой кубик будет изменять свои размеры при разной температуре. Про такие мелочи, как отработка технологии гомогенизационного отжига для каждого вида сплавов, позволяющего снизить различия в тех же деформациях разных видов стали, я даже не говорю. Сам толком ничего не понял, кроме того, что не всё собранное на земле, будет успешно работать в воздухе при критических температурах под три тысячи градусов. По крайней мере у нас не сработало.

Оба двигателя, масштабные копии, уменьшенные в три раза, которые мы попробовали собрать «на коленке», очень красиво взорвались, проработав не больше десяти секунд.

Так что пришлось ногой наступить на бьющуюся в конвульсиях личную жабу, собрать всё, что наработали в кучу, и предоставить эти материалы Империи. В принципе, что я сейчас и

делаю, передавая наши наработки Императору.

– Реактивный двигатель на жидком топливе, – сходу уловил государь основную идею в поданных ему документах, – Надо же, дождались. А то меня постоянно убеждают, что по уровню развития техники мы движемся опережающими темпами по сравнению с теми же предками, а на деле поглядеть, так и задумаешься. Пока нет ни танков, ни авиации, да даже алюминия, и того нет в достаточном количестве. Впрочем, ладно. Двигатель существует только в чертежах, или есть работающая модель?

Сразу чувствуется, что правитель у нас к небу неравнодушен. Довелось мне видеть, как он лихо МБК пилотирует. Наверное и сейчас уже представляет себе, как взмывают ввысь стремительные реактивные самолёты.

– Оба двигателя продержались по десять секунд. Наша часть двигателя работает исправно. С остальным должны разбираться специалисты, – чётко доложил я ситуацию и своё видение вопроса.

– Ваша часть? – наклонив голову набок, глянул на меня государь этаким изучающим взглядом, и перевернув ещё пару страниц, вгляделся в чертёж, – Да, я мог бы и сам догадаться, что без магических штучек ваши умельцы не обойдутся.

– Как раз техномагическая составляющая отработала без сбоев. Железо подкачало. В самом двигателе ничего сложного нет. Под конец Второй мировой войны немцы ракеты с такими двигателями по девятьсот штук в месяц делали, да и потом ещё лет пятьдесят во всём мире использовалась такая же принципиальная схема. Поэтому технологию лучше на чём-то простом отработать, и только потом на авиацию заглядываться.

– И какая роль предлагается Мещерскому?

– Пусть доводит двигатель до ума. У страны появится ракета, а у нас апробированные решения, с помощью которых можно будет переходить к двигателям для авиации.

– Да, авиация. Это важно, Архиважно, я бы сказал. Что там за самолёт вы сделали?

– Самолёт вообще-то боярин Артемьев сделал, наши верфи его лишь до ума довели. Добрый штурмовик получился.

– Ага, и что-то мне подсказывает, что и там без этой вашей техномагии не обошлось.

– Ещё как не обошлось, – с улыбкой подтвердил я, ожидающе поглядывая на Императора.

Что-то никак он Мещерского не вызовет.

Если разобраться, то в продвижении техномагии мы с Советником в роли локомотивов выступаем. Я, со своими дурацкими идеями и гениальным Усольцевым, и он, с их научной

поддержкой и выполнением самых сложных задач. Пора бы нам объединить усилия. Перейти не на партизанские отношения, где непонятно чего друг от друга ждать, а на плотную работу во благо меня и Империи, ну, или наоборот, Империи и меня.

В той ситуации, которая сложилась, мне любое лыко в строку. Это я про техномагию.

Поговорили мы как-то вечерком с партнёрами и присоединившимся к нам Шабалиным. Интересная картина получается. После переезда меркуловских заводов ко мне, практически все серьёзные изготовители новых техномагических устройств оказались собраны под одной крышей. Понятно, что есть разбросанные по стране заводики и верфи, где по старинке продолжают клепать давно всем известные артефакты. Особого продвижения там нет. Помнится, как-то Усольцев жаловался, что техномаги для дирижаблей за последние пятнадцать-двадцать лет ничего нового не выдумали.

– Допустим, с артефактами мне всё понятно. Нашлось элегантное решение, как можно артефактами дополнить пробелы в технике, и вы этим вовсю пользуетесь. А архимаги? Они-то тебе зачем? – откинулся государь на спинку кресла, поменявшись лицом.

Серьёзный вопрос задан. Политический, я бы сказал.

– У Одарённых должно быть знамя и стимул. Магия совсем не развивается и скоро её напрочь вытеснят из жизни страны. В той же армии маги теперь особой роли не играют. Логично предположить, что недалёк тот день, когда мы доживём до буржуазной революции. Одарённые, по сути своей феодалы. Львиная доля их доходов приходится с земель. Исторический опыт подсказывает, что долго такое положение дел не продлится. На все классовые противоречия я замахнуться не могу, но в армии положение Одарённых надо восстанавливать. Иначе слишком просто будет буржуазии к цели придти и чересчур заманчиво станет отказаться от постепенного сглаживания противоречий. Могут и на решительный шаг созреть, если увидят, что при помощи армии власть упадёт к ним в руки, как перезрелое яблоко.

– И какой же у тебя план? – спросил государь, сохраняя каменное выражение лица.

– Архимаги. Мне потребуется две-три боевые звезды, состоящие из одних архимагов.

– Тебе не кажется, что это уже было? Попроси того же Шабалина, и он тебе наверняка расскажет про удачные и не очень удачные сражения, где и мы, и противники такую силу применяли, – вполне доброжелательно заметил Рюмин.

Раньше я бы точно купился, и кинулся отстаивать свою точку зрения, но сейчас, спасибо князю Обдорину, я и сам умею из собеседника вытянуть что-то лишнее, высказывая сомнения и демонстрируя некоторое недоверие к словам собеседника. Поэтому горячится не буду, а выскажу ровно столько, сколько собирался.

– Мы разбирали с Шабалиным некоторые случаи, которые в той же Академии считаются классическими. Одним из неудачных сражений считается противостояние звезды и артиллерийского полка. Полк маги уполовинили, а звезда полностью была уничтожена. А потом кто-то очень постарался, чтобы неудачные действия магов возвести в аксиому и вбить в сознание армейцев нужное соотношение. Нынче спроси у любого курсанта Академии, кто победит в противостоянии, маги или артиллерия, и он без тени сомнений выдаст правильный ответ. Правильный с точки зрения учебников, но не практики. Те звёзды, про которые я говорю, заставят эти учебники переписывать заново. Впрочем, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Если есть желание своими глазами посмотреть, что может сделать даже один архимаг, то рекомендую подъехать послезавтра минут на сорок пораньше, и хороший бинокль с собой захватить. Я как раз в это время небо буду чистить над Тушино и лёд на реку сбрасывать. Сегодня же распоряжусь, чтобы там макеты пятидесяти орудий на километр растянули. Самому интересно, сколько из них целыми останется.

– Макеты из дерева? – с намёком спросил государь, заломив бровь.

– Для моей магии это особого значения не имеет. Вторым поражающим фактором будет «Адский холод». При температуре минус семьдесят-восемьдесят градусов стрелять ничего уже не будет, да и некому там стрелять станет, – спокойно ответил я, глядя, как Император крутит в руках письмо Алёны.

– Случайно не в курсе, что мне тут племянница написала? – с некоторым удивлением рассматривал государь толстый и увесистый конверт.

– Новую схему налогообложения предлагает опробовать на нашем новосибирском заводе по производству алмазов. Государство получает пакет акций в двадцать процентов и выписку из Устава о том, что мы не меньше половины прибыли будем распределять на дивиденды. Те же самые десять процентов налога будут всегда, а то и больше.

– Звучит заманчиво, а в чём ваша выгода? – положил Император конверт поверх бумаг, рассортированных по одному ему понятному принципу.

– В доверие акционеров и в защите предприятия от посторонних посягательств. Всем будет спокойнее, если в деле участвует государство. Алёна это подробнее расписала, – кивнул я на письмо.

– Хорошее имя дорогого стоит, – прищурился Император.

– Неужели дороже, чем возможность получить свою долю алмазами? Скажем, для тех же армейских артефактов, – притворно удивился я.

– Гхм, – кашлянул государь, поправляя пальцем ставший вдруг тугим воротник, – Чем-то ещё порадуешь?

– Разве только лицом Мещерского, когда он увидит, какую свинью мы ему подложили, – усмехнулся я, и с облегчением увидел чуть заметную ответную улыбку Императора.

* * *

Константин Семёнович Шабалин был удручён и озадачен. Время утекало, как песок сквозь пальцы, а его записи всё ещё находились в крайне неудовлетворительном состоянии.

Да, бывают в жизни людей моменты, когда на кон приходится ставить многое, иногда и свою собственную жизнь. Далеко не все способны решиться сыграть в «русскую рулетку», если её итог непредсказуем. И ладно бы, если это твой последний шанс и тебе нечего терять. Так нет же, это совсем не его случай. Сам вызвался, да что там вызвался, напросился, надавил авторитетом и смог убедить. А началось всё со случайно услышанного разговора.

Степан – друг, семейник, и начальник службы безопасности княжества однажды доложил князю, что у Одарённого, купившего себе «протез», явно наблюдаются подвижки с уровнем магии. За неполных полгода он поднял свою магию на целых два уровня.

Пустяковая новость, на первый взгляд. Тут, в Бережково, полно пилотов, которым протезы тоже прилично добавили к тому же резерву Силы.

Благодаря этому многие умудрились тоже себе уровень поднять. Правда на одну ступень, а не на две.

И только благодаря оговорке Степана, Константин Семёнович понял, что речь у них с князем шла далеко не об инвалиде с выгоревшим Источником, а об обычном Одарённом, который при живом, существующем Источнике на себя одел протез.

Рискнул, и выиграл.

Нужно сказать, что маги разработали много методик для роста уровня своей магии. Любой Одарённый знает простейшие способы тренировок, которым обучают в лицеях. Клановые

методики обучения, по крайней мере те, с которыми Шабалину довелось столкнуться, уже на порядок сложнее и изощрённее. Но и кроме них существовали способы, которые имперские учёные от магии причисляли к экзотическим.

Индийские эликсиры, тибетская медитация, китайская акупунктура и наконец, немецкие протезы.

Каждая нация искала свойственные ей способы, и постоянно оглядывалась на соседей, ревниво отслеживая их удачи и неудачи.

Первые протезы появились в Империи после небольшого расширения границ. Лет пятьдесят назад. Империям свойственно расти. Они, как живой организм, или растут, или чахнут. В этот раз Империя подросла, и удачно прихватила в свои владения две Семьи потомственных баварских изготовителей протезов, умудрившихся недавно поселиться не совсем там, где нужно.

Подвела их немецкая практичность и желание получить обширные поместья за недорогую, в общем-то, цену.

Собственно, с этого момента и появилась возможность восстанавливать русским магам выгоревший Источник. Хорошим результатом считалось, если способности восстановятся хотя бы наполовину, и отличным, если подрастут хотя бы до двух третей от того, что было.

То, что умудрился сделать Олег Бережков, можно назвать не иначе, как чудо. Его протезы восстанавливали уровень магов полностью, а потом ещё и давали возможности быстрого роста.

И, как вишенка на торте, сам князь. Бережков Олег Игоревич. Молодой, дерзкий, и в какие-то моменты безумно талантливый. Архимаг, с выгоревшим Источником.

Мировая сенсация, про которую знают единицы.

Для Шабалина давно уже не было секретом, что у молодого князя стоит протез.

Другой вопрос, что и как он сделал, чтобы так резко вырасти в архимага.

Дьявольское искушение для любого учёного, отдавшего всю свою жизнь на изучение магии, как науки. Видеть феномен ежедневно, и не находить этому объяснения.

Впрочем, не это главное.

В тот момент, когда Шабалин осознал, что тот путь по развитию собственного уровня магии, который он себе наметил на ближайший десяток лет, может быть пройден за год, и совсем с другим, более высоким результатом, он решился.

Да, разом бросил на весы свою жизнь, новоприобретённое баронство и все свои земные прихоти и привычки.

Риск? Риск им изучен и оценен. По крайней мере он так

считает.

С его текущим уровнем, и с тем протезом, на мощности которого он настаивал, это прорыв. Не меньший, чем был у предков с первым полётом человека в космос.

Он согласен.

Да, он понимает, что может произойти конфликт Источников и вместо него на земле останется воронка. Бывало такое, и не раз.

Необходимо сохранить свои знания?

Конечно. Шабалин и так знает, что он сильный теоретик. Пусть официальная наука до сих пор не признала самые спорные его теории, но для всего нужно время. И у него подготовлены доказательства.

Завтра же он готов сесть, записать и систематизировать всё, что придумал за последние годы.

Вот с этим он и поспешил.

Оказалось, что записывать надо много, а мысли, те, что в голове, как назло, вовсе не о науке.

Конфликт Источников. Наука не так много знает о тех причинах, которые его вызывали. Олег что-то говорил о регулировании встречного напряжения, которое они снимут, благодаря персональным разработкам Усольцева, но твёрдой уверенности в словах князя не было.

Самое смешное, что он, учёный, всю жизнь занимавшийся магией, в полном объёме не смог понять того, что ему объясняют.

Словно разговор не о магии шёл, а о чём-то совершенно ином.

Бережков и Усольцев спорили, чертили схемы, перечёркивали в них целые участки и тут же рисовали другие, а он, учёный с мировым именем, пялился на них, как первоклашка на студентов, решающих задачи по физике. Нет, в общих чертах понятно о чём они спорят. Как заставить вместе работать его Источник и протез. Разного напряжения и потенциала отдачи. Но дальше сплошная абракадабра.

Одномоментный ток разряда, вероятность пробоя энергоканала, паразитные колебания контуров, волновой резонанс. Говорят о нём так, словно он не маг, а не понять что, вроде той же армейской рации, разобранной на отдельные блоки.

– Зато можно формировать заклинания в два потока, – запомнилась Шабалину фраза князя, после которой оба спорящих резко замолчали, и начали как-то очень нехорошо разглядывать учёного, почувствовавшего себя под этими взглядами крайне неуютно.

– Не, не справиться, – отмер через минуту Усольцев и захлопал себя по карманам, в надежде найти там пачку сигарет.

Словно не помнит, что последние у него час назад закончились.

– А мы конструкты ему во внешнюю память пропишем, – покачавшись на стуле, выдал князь.

– На такую-то мощность? – тут же отреагировал техномаг, – Это сколько металла придётся накрутить. У нас и так дополнительных блоков не меньше пяти получается, а если ещё защитные экраны к ним присобачим, то килограмм десять одного металла выйдет, а то и больше. И места для памяти нет уже. Там и так всё плотнячком. Рюкзак на него одевать?

– На руку пришпандорим, или на плечо. А записанные конструкты в многослойный пакет упакуем, как в «Медведях» у Меркулова было сделано.

– И будет он у нас, словно рыцарь, весь в ремнях и доспехах. Я за сигаретами побежал, – выдал Усольцев уже в дверях, и шумно загрохотал вниз по лестнице, умчавшись к недавно открывшемуся буфету.

– Олег Игоревич, я не совсем понял суть проблемы, не поясните? – отвлёк Шабалин князя, рисующего на бумаге странного человека в цилиндре, перетянутого ремнями и выставившего перед собой руку, почти полностью закрытую загадочными металлическими накладками.

– Я предложил воспроизводить заклинания в два потока. Сначала, за счёт вашего Источника, вызывать записанный конструкт, а потом запитывать его Силой от протеза. Самому вам эти две операции провести разом будет крайне сложно. Так же сложно, как двумя руками рисовать разные рисунки или писать два разных письма одновременно.

– И для чего нужны такие трудности? Как я понял, Усольцев предлагает мой Источник использовать, как подпитку для накопителей протеза, поставив на него какой-то множитель, – посмотрел Шабалин на разбросанные по столу бумаги со стрелками, квадратиками и треугольниками, понятные лишь его собеседникам.

– Неплохое решение, – кивнул Олег, ероша волосы, и подтягивая к себе нужный лист со схемой, – В нём безусловно есть плюсы, но их перекрывает один огромный жирный минус. Ваши энергоканалы. У меня они были изначально получше, чем у вас сейчас, и прокачивал я их, порой переходя разумные границы. Не уверен, что такие нагрузки окажутся вам по плечу. У молодости, знаете ли, есть свои преимущества.

– А какой выигрыш даёт ваше предложение?

Если Шабалин и удивился невысокой оценке его прокачки, то вида постарался не подавать. Так, себе пометочку сделал, чтобы при случае подробнее расспросить у князя, что именно он имел

ввиду.

– Почти полуторакратное снижение нагрузки на основной энергоканал. Мы их разделим. Разделим не только каналы, но и распределим нагрузку между ними. И я полагаю, что это не все преимущества. При такой схеме, – потыкал князь пальцем в гораздо более навороченный рисунок, – Вам потребуется гораздо меньше времени на адаптацию. Скажем так, не годы, а месяцы. Заодно и сократится время, требующееся для составления заклинания.

– Погодите, отчего годы, – заволновался учёный, – А как же пилоты? Месяц-полтора и они с протезами уже в воздух поднимаются.

– Зачастую даже быстрее, – согласился Олег, – Но не забывайте, мы им всего лишь заменяем протезом из выгоревший Источник. При уже существующих каналах они всего лишь восстанавливают свой уровень. То есть работают с теми же заклинаниями, что и раньше. И даже потом, если они и перескакивают на следующий уровень, то это происходит вполне обычным, я бы сказал, естественным путём. Разница в сто единиц Силы, может чуть больше. У нас с вами предполагаются совершенно другие величины, не так ли? И счёт пойдёт на тысячи.

– Как-то я не слишком хорошо представляю себя в роли монстра, наполовину состоящего из техномагических устройств, – неуверенно пробормотал учёный.

Примерный рост он предполагал, но одно дело рассуждать об этом абстрактно, и совсем по-другому всё обстоит, когда слышишь конкретные цифры.

– Да полноте вам, – рассмеялся князь, – Много ли вы внимания обращаете на различные устройства в том же автомобиле или на дирижабле? Давите на педаль, переключаете передачи, и не задумываетесь, что и как из-за этого приходит в движение. Так и здесь будет. Поверьте на слово, вы очень быстро привыкнете. А чтобы во время адаптации не скучно было, мы вас приборчиками обвесим, а где не сможем, то контрольные гнёзда выведем, для устройств наружного подключения. Кому же, как не вам разбираться, что и как у архимагов работает, и какие пути имеются, чтобы они ещё сильнее стали. К тому же распределённая схема для измерений замечательно подходит. Гораздо лучше, чем любая другая. Сами себе ходячей лабораторией станете.

Рассуждая, Олег ловко рисовал на изображённом им человечке приборы со стрелочками, очень похожие внешне на манометры, датчики и другие хитрые загогулины, располагая

некоторые из них даже на воротнике.

Шабалин поднялся с места, обогнул стол, и подойдя к князю, посмотрел на почти что законченный рисунок. Может он и хотел что-то сказать, увидев художества Олега, но вместо этого лишь шумно икнул, испуганно зажав рот рукой.

Хорошим художником Олег не был, но человечка на рисунке Шабалин узнал. Это он нарисован, такой, каким был в молодости. Князь что-то задумал, или это случайное сходство?

* * *

Дарье Сергеевне сегодня нездоровилось.

К счастью, Одарённые умеют справляться с мелкими невзгодами. Ту же головную боль или тошноту Малое Исцеление на раз снимает. Тем не менее в столицу, где сегодня будут проводиться испытания самолёта, Олег улетел с Алёной, а она осталась в Бережково.

Дарья стащила из вазы пару ягод. Что бы про Олега не говорили, а к её капризам он относится с пониманием. Стоило только заикнуться, что ягод хочется, и пожалуйста. Свежие ягоды каждый день на столе. За сутки всё организовал. Только люди необычно устроены, а беременные женщины и тем более. Стоило на столе ягодам появиться, как их уже не так сильно хочется. Зато чего-нибудь солёненького… Но нет, нельзя. Джуна посоветовала пить поменьше, а после солёного удержаться трудно.

Вытерев руки, Дарья взялась за фотографии. Фотоальбом должен быть у каждой семьи. Таковы традиции. Фотографий Олега у неё немного. Первые две из лицея. Пришлось письмо писать в Углич, чтобы помогли восстановить хоть что-то из тех лет. Фотографий нашлось всего две. На одной Олег среди первоклашек, а вторая – это их выпускной класс. Следом легла небольшая фотография, сделанная на документы. Касимовский период жизни, когда Олег выправил документы, как Глава Рода Бережковых. А здесь он вместе с партнёрами перерезает ленточку, празднуя открытие верфей. Следующие фотографии Дарья расположила по хронологии. Награждение первокурсников Академии, отличившихся во время прохождения практики.

Победа на Имперских гонках, и они рядом, в лихо заломленных беретах. Молодые и ошалевшие от радости. Красивая пара получилась, и берет ей к лицу.

На следующей фотографии Олег в курсантской форме. Судя по значкам на мундире, это уже второй курс. Ах, да. Он же рассказывал, что незадолго до дуэли фотографировался, как

лучший студент курса.

Следом легло ещё две фотографии со следующих награждений, уже этой зимой, и потом пошли их свадебные.

Надо же, как в полтора-два десятка фотографий можно уложить несколько лет жизни.

Размышления прервал телефонный звонок. Местный.

Междугородние, они другие. Длинные и требовательные.

– Дашка, как здорово, что я тебя застала! – зачастила в трубку Елена Бельская, узнав Дарью по голосу, – Я к тебе сейчас прибегу, и такое расскажу… Ахнешь. Впрочем нет, не утерплю. Ты же знаешь, что я с девочками занимаюсь? С воспитанницами князя?

– Только то, что ты в прошлый раз рассказала. Правда, я так и не поняла, что именно ты там делаешь.

– Да погоди, это не важно. Я про другое. Твой Олег решил, что они у него магессами станут. И многие уже кое-что умеют. А вчера прямо при мне у одной из девочек впервые получился Светлячок. Она так здорово объясняла, как она его сделала, что даже я не удержалась и попробовала. Дарья, у меня получилось! С первого раза! Мне говорили, что твой муж Бог, а я не верила! Теперь верю. Всё, я бегу. Я такая счастливая!

Глава 56

Аэродром Тушино. 1 марта 211 года от Начала.

– Да на небе тучи,
– Тучи, тучи
– А вот их не стало.
– Сложились тучи в кучи,
– Их вдруг стало мало.
– Небо Льдом опало.
– Солнце засияло, – напевал я негромко, почти что про себя, выкладываясь в заклинание по полной.

Весёлая песенка была у предков про тучи, которую я под свои нужды переделал. Помогает мне сосредоточиться, отсекая другие мысли. Незатейливый стишок вышел. Детский. Камышинские ценители поэзии меня наверняка бы освистали, а то и закидали гнилыми помидорами, но согласитесь, кастовать одно из самых мощных заклинаний на всю Империю, и сочинять стихи, это за гранью возможного. Для нынешних архимагов, но только не для меня. Это я не к тому, что у меня необычайный поэтический дар прорезался. В этом вопросе я как раз крайне самокритичен и признаю, что поэт из меня никудышный, прямо скажем, я даже не стихоплёт ни разу, зато с магией теперь дружу вполне по-взрослому.

Стоит добавить, что я ещё и танцую, если мой ортопедический танец можно назвать громким словом танец. Со стороны можно подумать, что я кручу над собой тяжёлое мокрое одеяло, которое отчего-то никто не видит.

Может его и не видят, а оно есть. Это те самые тучи. Они втягиваются в водоворот, и его мне нужно раскрутить и зашвырнуть куда подальше. Этак километра на три-четыре, где уже расставлены макеты орудий, и даже кое-что из трофейной бронетехники выставлено. Продали мне несколько образцов по знакомству по цене металлолома. Теперь самому интересно, что с ними будет, когда на них сверху упадёт пара сосулек по полтора-два центнера весом. От армейских грузовиков как-то раз колёса отлетали в разные стороны, но там и сосульки немного другие были.

Короче, во всём виноват Шабалин, если что.

А я белый и пушистый.

Это его идея была, что скорость падающего льда можно в разы увеличить, если разогнать вращение воронки. Сначала раскрутить это торнадо, и лишь потом всё в Лёд превращать.

Ну а я что… Я ничего умнее не придумал, чем воплотить его замысел в ритуальном танце с одеялом.

Не, так-то я очень умный, как мне кажется… И конечно, было бы время… Но его совсем не было.

В общем, вышло, как вышло. Мудрить оказалось некогда, и я пошёл по пути наименьшего сопротивления. Изобразил вербально, как я эти тучи раскручиваю вместе с той воронкой, которая их стягивает.

На тренировках результат получился убедительный.

Ровно настолько, насколько могут быть убедительными куски льда, килограммов в сто пятьдесят весом, разогнанные до скорости снаряда. Кстати, подходить к месту падения сосульки в ближайшие полчаса сильно не рекомендуется. Я досконально не знаю, что Савва Савельевич со Льдом намудрил, но метрах в десяти-пятнадцати от места падения сосулек от холода лопается зубная эмаль, если туда зайти без специальной маски раньше времени.

Джуна вскоре строго-настрого всех горе-исследователей предупредила, что больше она идиотов лечить не будет. Пусть идут и золотые коронки за свой счёт вставляют, раз под Адский Холод лезут без ума.

Сибиряки знают о том, что если на морозе градусов под пятьдесят по замёрзшей берёзе топором стучать, то топоров не напасёшься. Железо от мороза крошится, немногим хуже дерева. И мы это теперь тоже используем.

Заклинание мы с Шабалиным переделали так, что оно в две волны работает. Первой ударил и заморозил, а второй волной сосулек уже по замёрзшему металлу врезал, как только он хрупким стал.

Хорошее накрытие по площади получается. Примерно километра на полтора-два в диметре пятно плотно накрыть можно, если туч хватит. И дальность заброса увеличилась. Если тучи и облака высоко, то сосульки километров на восемь-девять от меня могут улететь. Но чем больше расстояние, тем меньше кучность. Зато на дистанции до пяти километров всё работает, как надо. Плотнячком ледышки приземляются. Мало никому не покажется.

Так что, когда я услышал из толпы наблюдающих громкие комментарии, то ничего удивительного в них не нашёл. Нет пока у армейцев, ни у зарубежных, ни у наших, такой наземной техники, чтобы боеспособной осталась, когда в неё моя сосулька прилетит. Да даже если тот же броневичок где-то рядом с падением глыбы льда окажется, то его лютая стужа вскоре там и заморозит, прямо вместе со всем его топливом, маслом и

содержимым радиатора.

С края аэродрома, где выстроены трибуны, река хорошо просматривается. Сейчас, когда небо очистилось и солнышко светит вовсю, в том затоне реки и на вытянутом островке, отделяющем затон от русла, ничего пока не разглядеть. Там сплошное марево, радужные клубы снега и переливающиеся облака ледяной пыли. Натурально-снежная радуга над всей рекой стоит, и мешает разглядеть, что осталось от макетов и техники.

– Надо было на реку мишени вытащить, там бы ветерком всё быстро сдуло, – с досадой проговорил незнакомый мне генерал-полковник, опуская бинокль.

– Побоялся. На реках это заклинание ещё не опробовано. А ну, как русло перемёрзнет и затопление начнётся. Платить-то за убытки меня заставят, – пояснил я вынужденное решение по выбору полигона, – Да и техника просто утонет, скорее всего, а тут её на островке поставили.

– Думаете, такое возможно? – слишком живо повернулся ко мне военный, оценивающе поглядев сначала на меня, а потом ещё раз оглядываясь в сторону, чтобы прикинуть ширину реки.

– Топить города мы пока не будем, но ход вашей мысли мне нравится. С удовольствием обсудил бы с вами на досуге возможности применения магии в военном деле. Как по мне, так пара метров воды на улицах города куда как лучше, чем пара тысяч снарядов, которые принесут такой же результат в потере обороноспособности объекта.

– Генерал-полковник Томилин. Генеральный штаб. Проще всего меня найти через секретариат, – представился военный.

– Господа, магия – это без сомнения интересно, но насколько я понимаю, мы приглашены на испытания самолёта, а он до сих пор не взлетел, – желчно вмешался в наш разговор ещё один вояка, генерал-майор с заковыристой эмблемой Службы военных сообщений, показывая на стоящий самолёт. Интересный голос у него, хриплый и с оканьем.

Этого генерала я знал. Бывал он у нас в Академии пару раз на торжествах. Его Служба – полномочные представители Армии и Флота на всех видах транспорта, и определённый интерес к выпускникам нашей Академии, особенно к командирам дирижаблей, у него понятен. Только отчего-то мне кажется, что перебил он наш разговор о магии не случайно. Хоть сейчас его в тот список вноси, в котором у меня противники магов обозначены, во всех областях их деятельности.

Я оглянулся назад, разыскивая взглядом Артемьева-старшего. На мой невысказанный вопрос он ответил утвердительным кивком, и с лёгкой улыбкой стрельнул глазам вверх.

– Сегодняшняя презентация самолётов, да-да, я не оговорился, именно самолётов, уже началась, – усилив голос магией, сообщил я гостям.

Как-то так у нас получилось, что площадка, изготовленная для Императора и его свиты, стояла особняком и мне пришлось усилить голос, чтобы до неё докричаться.

Не случайно, если что, площадка так поставлена. Для меня самого стало новостью, что для её изготовления существует отдельный имперский стандарт. Да, вот так просто. Смотришь ранг мероприятия, а дальше будь добр, изготовь для царствующей особы соответствующую площадку. И ладно бы своими силами. Так нет же. Специальными мастерами, одобренными и проверенными не на раз. В нескромную копеечку нам это удовольствие встало. Зато сооружение получилось достойное, и, как минимум, с трёхкратным запасом прочности. Ещё и Щитами прикрытое со всех сторон.

– Начинаем мы с сюрприза. Если вы сейчас сделаете всё так же, как я, то на фотографиях мы будем отлично выглядеть, – тут я задрал голову, и принялся высматривать самолётик, летающий очень высоко в небе, а увидев его, начал махать рукой, – Улыбайтесь, господа, улыбайтесь. Нас снимает три фотоаппарата и кинокамера с высоты в семь тысяч двести метров.

– И зачем нужно целых три? Одного мало? – проворчал всё тот же генерал от службы сообщений.

– Один фотоаппарат панорамный и два с длиннофокусными объективами. Звёзды на ваших погонах мы может на фотографиях и не увидим, но количество людей на трибуне пересчитать сможем. Впрочем, более подробно о самолёте-разведчике расскажет господин Артемьев, я всего лишь отмечу, что благодаря хорошей радиосвязи и экипажу в два человека самолёт вполне можно использовать в качестве корректировщика для артиллерии.

Над нами сейчас летает то чудо, которое мы соорудили из несобранного самолёта. Того самого, корпус которого нам притащили дирижаблем. Успели таки к показу, и даже испытания ему провели по полной программе, гоняя машину в две смены. Не хочу хвастаться, но по всем сведениям наш самолёт-разведчик на сегодняшний день самый быстрый самолёт в мире, и скорее всего, самый высотный, хотя с последним утверждением можно поспорить.

Передав эстафету сияющему Артемьеву, я наконец-то смог спокойно оглядеться. Вместе с Артемьевым, цвели улыбками Мендельсон, и тот вояка, который взял на себя ответственность за предоставленную авиастроителям отсрочку, позволившую нам

довести самолёт до состояния, превысившего требования военной комиссии.

Капитан Панкратов, с виду редкий зануда и педант, оказавшийся на самом деле фанатиком авиации, помогал Артемьеву, подтверждая своими сухими и короткими докладами такие параметры самолёта, как крейсерскую скорость, скороподъемность, скорость на пикировании, и скорость у земли. Не зря мы его на самолётах все три дня катали, когда он к нам с проверкой приезжал. Проникся. Не уверен, что адъютант из Панкратова хороший получился, но в авиации он разбирается получше, чем его генерал.

Тем временем штурмовик тоже запустил двигатели, заранее прогретые и не на раз проверенные за сегодняшнее утро, а затем неспешно выкатился на взлётную полосу.

Что будет дальше, я знал, оттого и решил посмотреть на лица гостей.

Самолёт взревел двигателями, винты слились в один сплошной круг и когда шум, казалось, достиг максимума, вдруг стало тихо. Настолько тихо, что вместо рёва моторов все слышали только свист винтов, рассекающих воздух и негромкое тарахтение, словно где-то на поле работал двигатель грузовика.

– Заглох, – прошелестело по рядам гостей, – Куда это он? Смотрите, что он творит…

Самолёт сорвался с места, и вздрагивая на неровностях бетона, начал разгон. В наступившей тишине было слышно, как бухают колёса шасси по стыкам бетонных плит взлётной полосы.

– Только что мы продемонстрировали вам, как работает система шумоподавления. Даже на форсированном взлётном режиме шума моторов практически не слышно. Бесшумный полёт поможет нашим самолётам крайне успешно преодолевать посты акустического наблюдения, – не удержался я от комментария, глядя на растерянные лица вояк.

– Пф-ф, это пока просто слова. Не мешало бы их проверить, – достаточно громко высказался всё тот же генерал-майор.

– Вас не устраивает сегодняшний результат? – повернулся я к злопыхателю, – Обратите внимание, что акустический пост, расположенный около диспетчерской, уже проворонил нашего разведчика. После завершения испытаний можете поинтересоваться у них, на каком расстоянии они потеряют второй самолёт.

Я указал пальцем на раструбы акустиков, отслеживающие взлетающий штурмовик. По предварительным проверкам контакт с самолётом они потеряют после его удаления на три-четыре километра, что само по себе отличный результат. Отличный для

нас, а не для поста наблюдения. Поднимись самолёт на высоту в пять-шесть километров, и они его уже никак не услышат, даже если он пролетит прямо над ними, прячась за облаками.

Так и вышло, вскоре раструбы акустиков беспомощно заёрзали, пытаясь обнаружить штурмовик, по-видимому, сменивший курс.

Особыми достижениями в деле радиолокации пока ни одна страна похвастаться не может. Убогие они ещё, нынешние радары. Судя по тому, что нам говорили преподаватели в Академии, какие-то успехи есть у флота. Справедливости ради стоит заметить, что и размеры у целей, обнаруживаемых корабельными радарами, существенно отличаются. Самолёт с крейсером не сравнить. Моряки могут своими установками большой корабль обнаружить километров с двадцати-тридцати, а самолёт заметят лишь тогда, когда будет поздно. Как не крути, но шестьсот километров в час – это десять километров в минуту, а обнаружить самолёт за пару десятков секунд до того, как он свалится в пике и сбросит бомбы, так себе подмога для зенитчиков. Наблюдатель с биноклем полезнее может оказаться.

Штурмовик пару раз прошёлся над полем, показывая несложные фигуры пилотажа. «Спираль», «восьмёрка», боевой разворот, пикирование, «бочка» и «горка». На сегодня достаточно. Стоит заметить, что сам по себе самолёт способен на большее, но у наших пилотов ещё слишком мало опыта, чтобы мы могли рисковать единственным образцом штурмовика из-за человеческого фактора.

Потом гости смогли наблюдать за посадкой самолёта-разведчика. Красиво сел, что и говорить. Пилот притёр самолёт к полосе так, что я касание прозевал. Не зря мы его дружно ругали, когда на первых посадках он через раз норовил «козла» словить, заставляя самолёт пару раз подпрыгивать из-за жёсткого приземления.

– И в завершении показа двойной проход над вражеской колонной бронетехники, – услышал я голос Артемьева, и развернулся в сторону полигона, устроенного за пределами лётного поля. Пятнадцать разнообразных броневиков были расставлены в линию, растянувшуюся метров на триста-четыреста, – Штурмовик сначала атакует колонну в лоб, стараясь нанести как можно больше повреждений головным машинам, а второй раз пройдёт с хвоста, высыпав за четыре с половиной секунды шестнадцать авиабомб общим весом четыреста килограмм.

– Я один про такие бомбы не слышал? – подал голос полковник интендантской службы, – Что-то я не припомню такой

позиции в номенклатуре боеприпасов.

– Не удивительно. Мы их сделали из снарядов калибром сто семь миллиметров. После перехода артиллерии на калибр сто двадцать два миллиметра у вас на складах их не одна тысяча осталась, – невозмутимо заметил капитан Панкратов.

Если что, то это была его идея. У Империи есть авиабомбы в сто килограмм весом, которые сбрасывают с дирижабля, если такая возможность случается, а осколочной мелочи пока никто не делает. Надо ли говорить, что для штурмовиков такие бомбы избыточны, а то и опасны.

Я обошёл гостей, и выйдя в первый ряд установил Щит, закрывший обе трибуны. Хоть нас и убеждали в том, что осколки на такое расстояние не долетят, но чем чёрт не шутит, лучше перестраховаться.

– Вы всерьёз полагаете, что ваша магия нас защитит от авиабомбы? – услышал я за спиной уже надоевший мне окающий голос.

– Я могу сесть сверху на любой из этих броневиков, – показал я пальцем на колонну техники, выстроенную на полигоне, – И пусть хоть десять самолётов меня штурмуют. Ничего у них не выйдет. Другой вопрос – сколько из этих самолётов обратно вернётся. Тут сходу не готов сказать. Пробовать надо.

Опс-с… Неудачка.

Я забыл, что голос усиливал, и получилось так, что мой ответ услышали все присутствующие на показе.

То-то все вместо полигона теперь на меня уставились. Услышали, как я огрызнулся на очередное высказывание генерал-майора. Доклевал он меня своим занудством.

А я что… Я ничего. Стою себе, рожа кирпичом, Щит держу и смотрю, как самолёт заходит на атаку.

– Атака начинается планированием с высоты шестьсот метров под углом в тридцать градусов. С дистанции восемьсот метров пилот производит пристрелку трассерами, используя четыре двадцатимиллиметровых пушки, а на дистанции пятьсот-шестьсот метров к стрельбе подключается стрелок, в чьём ведении находится спаренная установка тридцатимиллиметровых пушек. Он же отвечает и за сброс авиабомб.

Доклад капитана Панкратова был прерван звуками начавшейся стрельбы. Красиво выглядит со стороны атака штурмовика. Крайне впечатляюще. Психологический эффект, что надо.

Другой вопрос, насколько эффективным окажется его применение.

Я перечитал кучу книг, оставшихся от предков и сохранённых

в имперской библиотеке. Должен сказать, что с легендарным ИЛ-2 не всё так радостно, как это принято считать.

До 1943 года, пока на вооружение не поступили противотанковые авиабомбы с кумулятивным эффектом, особой опасности штурмовик для танков противника не представлял. С бронёй средних танков пушки калибром в двадцать три миллиметра просто не справлялись, даже лёгкие танки пробить удавалось далеко не всегда, для этого нужно было умудриться попасть в самые уязвимые места. Не особо боялась штурмовиков и пехота на переднем крае. Научились солдатики выживать под огнём пулемётов. Опыт боевых действий в первые годы Великой Отечественной войны показал, что при атаках с бреющего полета Ил-2 способны поражать лишь живую силу противника вне укрытий и его транспорт в местах сосредоточения или в колоннах.

Короче, очень спорный самолёт был у предков. Из тридцати шести тысяч выпущенных в годы войны штурмовиков Ил-2 День Победы в боевых частях первой линии встретили лишь три с половиной тысячи!

В наше время ситуация чуть лучше. Ни у кого, кроме флота, серьёзной брони нет. Оттого пара броневиков уже весело пылают на полигоне, а четыре перевернулись от близких разрывов бомб, а то и от прямых попаданий. Отлично пилот со стрелком отработались. Если бы не хвост колонны, который издалека выглядит непотрёпанным, то о лучшем результате и мечтать было трудно.

– Ну, что, господа, посмотрим на результаты? – обернулся государь к впечатлённым армейцам.

Осмотр повреждений показал, что снаряды в тридцать миллиметров легкобронированные машины пробивают всегда, зачастую проламывая броню, а калибр в двадцать миллиметров иногда может не справиться с бронёй в пятнадцать миллиметров, если попадает в лобовые плиты под углом. К счастью, такие изыски встретились лишь у двух немецких машин. Была и третья, но в неё летчики умудрились влепить бомбу. Почти прямое попадание. То ли прямо в корму бомбой попали, то ли под неё, но броневик сделал кульбит и лежал вверх колёсами, демонстрируя иссечённый осколками металл на уцелевших листах обшивки.

Последние пять машин не зря казались целыми. Мы на них нашли всего две пробоины. Одна от осколка, а вторая от двадцатимиллиметровой пули. Оба попадания можно считать не критичными. Боковое повреждение капота и простреленная пулемётная башня.

– Вот это я понимаю. Сила, – услышал я скрипучий окающий

голос, когда мы вернулись к трибунам, – Это тебе не машины снегом завалить. Тут всё серьёзно. А дыры-то в броне какие, кулак можно засунуть.

Половина гостей с улыбкой обернулась на голос генерал-майора, остальные старательно прятали усмешки. Наша с ним перепалка не прошла незамеченной, как и небольшое землетрясение, вызванное падением льда. Все отлично понимали, что я не снегом машины присыпал, но высказываться не спешили, ожидая моего ответа.

– А действительно, Олег Игоревич, – с лукавой усмешкой повернулся ко мне государь, демонстрируя одним своим обращением моё отличие от остальных гостей, – Не могли бы вы более наглядно показать армии, что маги тоже не лыком шиты.

Шикарная подача от Императора. Такой шанс упускать нельзя ни в коем случае.

– Просто показать? Что бы такое простенькое-то изобразить? – я демонстративно почесал затылок, лицедействуя, и вызывая у вояк уже достаточно громкий смех. Любит русский народ простоватых недотёп, – О, придумал!

Резко развернувшись к полигону, я одной рукой взмахнул над гостями, накрывая всех защитным куполом, а второй указал на уцелевшие броневики.

– Комета!

Бахнуло на совесть. Облако пыли и дыма скрыло полигон.

– Если простенько, то как-то так, – небрежно заметил я, поворачиваясь к гостям.

Что характерно, на меня никто не обратил внимания. Вообще никто…

Все уставились на то место, где оставалась стоять уцелевшая техника. С открытыми ртами.

– А куда броневики делись? – наконец-то услышал я чей-то голос.

– Видимо, как и те, что на острове стояли, отправились в свой броневичковый рай, – махнул я рукой в сторону реки, поясняя жестом, что и там особенно нечего искать под слоем льда, – Мы, маги, пробоины кулаком мерить не обучены. Если уж бить, так бить. Чтобы всё в пыль, в труху и вдребезги. Кстати, воронку я закапывать не буду. Пусть сомневающаяся сторона роту своих службистов вызывает. Глядишь, справятся за день. Или со службами аэродрома можно попробовать договориться, вдруг им пожарный водоём требуется, – подсказал я обалдевшему генерал-майору более простой выход, – А вот под братскую могилу для тех, кто в силу магии не верит, места там маловато будет. Дураков у нас в стране ещё много осталось.

Вот на этот раз меня услышали. Все, если что, услышали. Весь цвет армии, собравшийся здесь на испытания самолёта, в присутствии Императора.

Видели бы вы их лица…

Отлично всё прошло!

Немножко испортил впечатление один дедушка. С виду милый божий одуванчик с улыбчивым лицом и реденькими седыми волосами, выбивающимися из-под ермолки.

Он так улыбался и старательно кивал, слушая меня, что становилось неловко.

И всё бы хорошо, но я догадался спросить у князя Обдорина, какую структуру представляет столь милый дедушка. Оказалось, практически никакую. Оно ему надо, архимагу Нифонту, что-то представлять. Он сам по себе существует.

* * *

– Как всё прошло? – словно бы между делом поинтересовалась моя то ли первая, то ли вторая жена.

Этот вопрос достаточно скользкий, и я предпочитаю о нём не спрашивать. Официально, первой женой у меня Алёна, а фактически – Дарья. Обе при мне себя ведут так, словно их это мало интересует, но Дашка определённо выглядит чуть главнее, что ли. По крайней мере я не раз замечал, что итоги наших споров формулирует она, и Алёнка с ней соглашается.

– Отлично, – бодро отозвался я, потирая руки, – Твой дядя определённо гений. Видела бы ты, как он генералов подставил. Прямо на блюдечке мне их тёпленькими выложил. А я уж постарался, половину полигона в хлам разнёс.

– Надеюсь, ты сегодня никого не убил? – негромко сказала Алёнка, глядя в пол.

Упс-с… А вот это уже серьёзно.

Пусть меня миллионы людей каким угодно страшилищем считают, но только не моя семья.

Да, я убивал людей. И ещё буду убивать. Могу честно сказать, где-то в глубине души меня совесть грызёт лишь по Сумарокову. Вроде бы и вор он, и сам на дуэль меня вызвал, но пока его одного я убил не по делу. Всех остальных приговорил защищая себя, или своё дело, или своих людей. Тут я даже оправдываться не собираюсь. Не трогай моё, и живи себе, сколько влезет. Вот такой я человек. Собственник и Защитник. Простой и прямой, как оглобля.

– Солнышко моё зайчиковое, тебе про власть наверняка много

рассказывали. Но похоже, самого главного, в двух словах, видимо так и не объяснили. Страна у нас, знаешь ли, крайне специфическая. Оттого и с властью всё просто. Если ты боишься того, что о тебе подумают, то ты не власть. Зато, если тебя боятся до дрожи в коленках, то и вопросов про власть не возникает. Все просто выполняют, что ты сказал. Вспомни хоть Петра первого, хоть Сталина. Их боялись и боготворили. Что при жизни, что после.

– А отчего зайчиковое? – вычленила Алёна главную для неё деталь во всех моих объяснениях.

– Не будет солнышка, и зайчиков не будет, – с удовольствием сменил я тему, подхватывая жену на руки.

– Аккуратней, пожалуйста… Мне кажется, я того…

– Того – чего? – дурашливо поинтересовался я, раскачивая Алёнку на руках.

– Тошнит меня что-то…

– А огурчиков солёненьких не хочется? – прекратил я телодвижения, с интересом разглядывая покрасневшую жену.

Если что, то я ж теперь мужик с опытом. Знаю, что у них и как.

– Два уже съела, – призналась Алёнка, вздохнув, – Ты думаешь…

– Ага, – прыснул я, – Именно про это и думаю. Только мальчик у нас какой-то недоделанный.

– Как это? – не поняла жена.

– Нормально. Всё под контролем. Сейчас мы быстренько всё поправим, – пробормотал я, пробегая по коридору в сторону ближайшей спальни с Алёнкой на руках, – И будем этим заниматься со всем тщанием и прилежанием.

На дополнительные работы по доработке пацана ушло часа два, а то и три. Кто бы их ещё наблюдал, эти часы, при таком-то архиважном процессе. Жена прониклась ситуацией, и наконец-то я от неё услышал те вздохи и стоны, которых давно ждал.

Вроде, какая мелочь, подумает какой-нибудь обыватель.

А я с ним даже не стану спорить. Пусть остаётся в своём благом неведении.

А для себя я отмечу этот день календаря ни отчётом об испытаниях самолёта, и ни встречей с Императором, а исключительно самым важным моментом.

Моя жена стала Женщиной! Не в физиологическом смысле этого слова, а в том, который по правде.

* * *

– Пятнадцать тысяч кубов бетона, из них полторы тысячи торкрета, и на всё это всего пятьсот человек? – бушевал приглашённый подрядчик, разглядывая исправления, сделанные в его расчётах.

– Можете людей больше взять, но бюджет у нас останется тот же, – благожелательно кивал я головой, ничуть не впечатлённый его воплями.

– Тогда три месяца…

– Полтора, и это не обсуждается. Скажу больше. За своды вы мне отвечаете головой. И это не фигура речи.

Строители всегда пытаются взять заказчика «на горло», доказывая, что у них сто с лишним проблем, которые нужно решать за очень большие деньги. Я к этому отношусь с пониманием.

Работа у них такая.

Со своей стороны я оставляю все эти крики побоку, чётко формируя заказ на работы.

Спасибо Алёнке, расписала мне смету, лучше не придумаешь. Всё, что красным в ней выделено, то всё излишне здесь значится. Опять же, двадцать процентов прибыли с моего заказа, в смете строителей обозначены зелёным. Видимо, положена строителям такая на прибыль.

Если что, то искусство экономики – это игра на волшебной флейте.

Флейта, она может и волшебная, но и фальшивить, играя на ней, точно не стоит.

У нас не те времена, как у предков были. Это там всё на откатах было построено. Цену в полтора-два раза умножали, а потом делили народные деньги по ранжиру, согласно весу и жиру. И никто не вякал, хотя все про это знали.

Что-то из тех традиций и в Империи осталось.

Но, по крайней мере у нас учителя в школах подарки не вымогают, преподаватели в институтах не ставят оценки за деньги, и чиновники не слишком наглеют, продавая свою любимую услугу: – «зато мы вам не навредим».

Да, воруют.

В России всегда воровали. Их вешают, на кол садят, а они воруют. На кол – это я к слову. Давно никого не садили, а зря. Пора бы заново начать такую практику.

Историки утверждают, что у предков чиновники разворовывали до тридцати процентов бюджета страны, а сейчас и пяти не наберётся, но отчего-то я им не верю. Наши хомячки нормально денег себе выгрызают ещё до их подхода к бюджетным статьям. Так что, в статистику можно верить, но только в том

случае, если она у тебя в союзниках, или ты сам расчёт проводил.

Как бы то ни было, а ремонтные работы в подземном бункере уже начались.

Помещения и проходы расчищены. Всё, что представляло интерес, вывезено и сортируется на складах. Рядом с центральным входом развёрнут мини-завод, круглые сутки подающий по трубам бетон в ненасытный зев подземелий.

Через полтора-два месяца черновые работы закончатся и начнётся второй этап строительства, который условно можно назвать отделочными работами.

В лучшем случае к середине лета строители могут сдать объект, хотя зная наш народ, лучше рассчитывать на конец августа. Наверняка найдутся какие-то непредвиденные обстоятельства или объективные трудности, помешавшие строителям уложиться в срок.

Или я не знаю эту страну?

* * *

Городок Прибрежный. Земли Бережковского княжества. 10 марта 211 года от Начала.

Посёлок около речного порта прилично разросся и не так давно получил статус городка.

Если посмотреть карту, то можно отметить, что он крайне удачно находится почти в самом центре моих земель. Вовремя мне алькальды подсказали, что зимой здание управления портом стоит практически пустое, а зал там отгрохан, что надо. Очень уж мне не хотелось, чтобы по Бережково слонялись толпы посторонних людей. Да и вопрос с размещением в Прибрежном решается проще. Две двухэтажные гостиницы имеются и с пяток постоялых дворов.

Встреча, которую мы организовали сегодня, давно назревала и к настоящему дню стала просто необходима. Неделя ушла на подготовку и оповещение тех людей, которые в скором времени составят административный и управленческий костяк моего княжества.

– Все ли собрались? – поинтересовался я достаточно громко, заходя в зал, почти полностью заполненный приглашёнными боярами и прочим людом, проживающим у меня на землях, и допущенным к власти.

– Старосты села Мишкино нет, – доложил Степан, – Просил передать, что занедужил, только это враньё. Он у соседа на

свадьбе гулять изволит.

– Роальд Силантьевич, – обратился я к алькальду, – Мишкино в вашем ведении, если не ошибаюсь.

– Так точно, – по-военному чётко отозвался алькальд.

– В понедельник жду вас с новым старостой к себе, в Бережково. А прежнему дайте неделю на сборы и гоните в шею. Чтобы ноги его у меня на землях не было, – распорядился я, проходя к столу, поставленному на возвышении.

Просто отлично староста подставился. Все сразу осознали, что шуток не будет.

В полной тишине я прошёл по залу и почти минуту молча разглядывал собравшихся, давая осмотреть себя и сам рассматривая тех, с кем предстоит работать.

Пёстрая публика. Со многими я уже успел познакомиться, когда они с подарками и поздравлениями приезжали.

Во, кстати. Не забыть бы Степану наказать, чтобы шутника мне разыскал. Не, ну надо же кому-то было слух пустить, что князь мёд очень даже обожает. У меня теперь этого мёда… Хоть магазин открывай. Причём, всякого разного. К примеру, я и не знал, что мёд твёрдый бывает. Две ложки об него сломали у меня на кухне. Теперь специальной стамеской его колупают и к столу ломтями подают.

– Рад вас всех видеть. Собрались мы не просто познакомиться и посмотреть друг на друга, а поговорить о делах. Работы предстоит много. Я сам буду жилы рвать, но и от вас потребую того же. Так что сразу предупреждаю тех, кто в праздности жить предпочитает и лениться любит – не стойте на пути. Лучше сами уйдите, если не собираетесь лямку тянуть наравне со всеми. Опять же, бездумно выполнять всё, что сказано, не велика заслуга. Работайте с умом. У себя на местах вы обстановку лучше знаете. Примерно через месяц по всему княжеству начнутся работы. Мы будем строить дороги и мосты, рабочие посёлки и заводы. Как мы умеем строить, многие из вас уже знают. Как-никак, в соседях жили. Сейчас наш строитель расскажет вам про наши планы. Если у кого есть ценные мысли и замечания, то не держите их в себе. Мы сегодня для того и собрались, чтобы обсудить перспективы княжества и попытаться услышать друг друга.

Уф-ф… Нормальную речугу я закатил. Даже вспотел слегка.

А пока наш строитель будет рассказывать, что, где и как мы начнём строить, я о своём подумаю.

Поразмыслить есть над чем. Свербит у меня из-за непонятки с Нифонтом. Один он такой на всю Империю. Архимаг, отказавшийся от мирской жизни. Спрашивается, а зачем он

приходил…

Глава 57

– Человек, который стал архимагом в силу фамильной Одарённости и собственных усилий, по определению не может быть лёгким противником. Его надо бояться! Да, именно бояться и понимать, что любую мелочь, любое твоё упущение он тут же обернёт себе на пользу, – в очередной раз распекал меня Шабалин.

Было за что. Я сегодня снова не смог удержать два заклинания сразу.

Второй день подряд мы тренируем то, что потребуется мне всего лишь в первую секунду боя. Потом я в любом случае перейду уже на свою, вербальную магию, но первая секунда может решить исход дуэли окончательно и бесповоротно.

Собираю я заклинания быстро, но удерживать концентрацию долго не могу. Так и в этот раз получилось, отчего я поймал приличный откат, чуть ли не в добрую половину секунды. На дуэли с опытным мастером такая потеря контроля может оказаться решающей. Решающей и последней.

Я за всю свою предшествующую жизнь не видел и трети того количества магических схваток, которые просмотрел за последнюю неделю. И это при всём том, что схватки архимагов редко снимали на плёнку. Можно сказать, я увидел всё, что оказалось доступно в Имперском хранилище.

Казалось бы, солидная фора. Только Шабалин в этом не уверен. Скажу больше, ему даже меня удалось убедить в том, что фильмотека Клана Юсуповых может оказаться гораздо обширнее имперской, а дуэльный опыт одного из ведущих Кланов страны даже трудно себе представить.

Если кто не понял, то я готовлюсь к дуэли с князем Юсуповым. Не захотел старый князь отступиться по-хорошему, а договариваться про выборы мы оба отказались. Раз так, значит дуэль неизбежна. Таковы правила.

– Я могу в начале дуэли под Щитом отсидеться. Первые удары перенесу, а потом сам врежу, – в очередной раз начал я спорить, впрочем, понимая, что это бессмысленно, – Щиты у меня мощные. Три, а то и четыре удара должны вынести без труда, а за это время я успею выставить новые.

– Гениально! Юсупов только и мечтает о том, чтобы лишить тебя наступательного преимущества. Защиту он тоже умеет ставить, так что редкими атаками ты его только насмешишь. Работая от обороны ты теряешь сразу несколько своих козырей. Быть сильным и быстрым – это без сомнения здорово, но дело

предстоит иметь с умелым, хитрым и изворотливым противником. Если тебе интересно, то я ваш бой вижу, как встречу молодца с дубиной против ветерана со шпагой. И пока ты не научишься держать по два-три заклинания сразу, то шансов на победу у тебя не так-то и много.

Ого, ничего себе сравнение у наставника! Если так рассуждать, то, пожалуй, я и сам на себя не готов сделать ставку. Угу, ставку ценой в жизнь. В мою, между прочим, жизнь. Крайне ценимую мной и горячо любимую.

То ли от расстройства, то ли оттого, что я проникся перспективой боя и думал о том, насколько пугающе быстр может оказаться Юсупов-старший, но у меня всё начало получаться, как надо.

Оказывается, всего-навсего требовалось внимательно прислушиваться к рекомендациям Шабалина и не стараться изобрести что-то своё. Не пытался бы умничать, и уже давно бы всё освоил.

На следующий день я закрепил успех и к вечеру уже достаточно уверенно держал целых три заклинания. В меру уверенно.

Надо сказать, что соперник мне достался очень неудобный. Из того, что нам удалось выяснить о Юсупове, как о маге, особенно стоит выделить его умение отвода глаз. Вкупе с Пространственным прыжком, заклинанием достаточно энергоёмким и требующем хорошей физической подготовки, мы имеем очень подвижного противника, передвижения которого крайне трудно отслеживать. В какие-то моменты боя Юсупов просто будет пропадать из вида и вполне может случиться так, что пока он не запустит в меня очередным заклинанием, я могу и не узнать, где он находится.

В качестве атакующей магии князь в основном пользует Огонь и Молнию, но тут тоже бабушка надвое сказала. Архимаги – личности ехидные и хитромудрые. Это я точно знаю, особенно после изучения наследства, доставшегося мне от Медведева. У него редко какое заклинание под собой подразумевает то, что бросается в глаза с первого взгляда. Скажем, его Огненный Дождь. В первую очередь все кинутся защищаться от огненных сгустков плазмы, потом от разлетающихся ошмётков огня и от жара, а в самый последний момент поймут, что у них закончился воздух. Да, если сфокусировать зону поражения, то от высокой температуры кислород выгорает и дышать становиться невозможно.

Думаю, такие же сюрпризы я получу и от Юсупова. К примеру, пройдётся он Огненной Стеной по Арене, растопит снег,

а потом молнией врежет не по моему Щиту, а где-нибудь рядом со мной, по мокрой земле. Как по мне, так очень невесёлая перспектива, всплыть в какой-нибудь луже кверху пузом, словно глушёный судак.

И таких напастей мне Шабалин с добрый десяток расписал. Есть повод взгрустнуть и отнестись к предстоящей дуэли максимально серьёзно.

Визит архимага Нифонта стал самой большой неожиданностью сегодняшнего дня.

Может единственный архимаг Церкви и отринул мирское, но по его автомобилю это не чувствовалось. Очень немногие люди в Империи могут себе позволить иметь реплику «Чайки», знакового автомобиля предков, которые практически вручную ныне изготавливают в Новгороде.

Дело не в размере автомобиля, и даже не в каких-то технических изысках, которые стоило бы ожидать от машины, стоимостью почти в три моих дирижабля. Дело в безопасности.

Бронированными автомобилями уже никого не удивить. Даже у меня теперь парочка таких имеется. Один сам купил, второй в придачу к столичному особняку достался. Но броня бронёй, а защитные артефакты того качества, которые на «Чайки» ставят, это нечто особенное. По сути, автомобиль представляет из себя передвижную крепость. Поговаривают, что скорее у пулемёта ствол перегреется, чем у «Чайки» её Щиты просядут. Этакий комфортный техномагический броневик, опоясанный многослойными энерговодами и несколькими системами защиты, дублирующими друг друга.

Про предстоящий визит Нифонта я был предупреждён заранее. Первый же наш пост остановил нежданных гостей и поинтересовался их маршрутом, тут же доложившись по рации.

Время для визита Нифонт выбрал не слишком удачное. Обед уже давненько прошёл, а ужин ещё не был готов. Хотя, это может быть и к лучшему. В церковных праздниках и постах я абсолютно не разбираюсь, так что с угощениями мог и впросак попасть. Зато для чая со сдобой самое время.

– Благодарю, князь, за угощение и хлебосольство, но надо же и мне чем-то отдариться, – вытирая платком пот со лба, проговорил Нифонт, когда мы закончили чаепитие, проведенное за неспешной беседой, – Завалялся у меня кристаллик с детской забавой, возьми, не побрезгуй, глядишь и пригодится когда-нибудь. А я дальше поеду. Мне в Рязань надо к вечерней молитве успеть. Братья ждать будут.

С этими словами архимаг положил на стол простенький ученический кристалл из кварца. Действительно скромный дар за

те два бочонка мёда, которые по моему приказу к его машинам отнесли.

А вот нечего хвалить было и глаза от удовольствия закатывать, показывая, что хорош медок. Так что я поделился, мне не жалко. Я, если что, этим мёдом взятки беру. И главное, было бы за что. Просто за хорошее отношение. Тот же Роальд Силантьевич недавно десяток бочонков разом привёз, и пряча в усах лукавую ухмылку, бумаги на подпись подсунул.

Какой-то мещанин надумал ко мне на земли переехать и разрешение испрашивает на обустройство пасеки почти на самой границе княжества. Я уже почти было подпись поставить собрался, но вовремя одумался и ещё раз бумаги просмотрел. Подвох на последней странице был скрыт. Налог будущий пасечник собирался мёдом вносить. Бумаги я подписал, а на первый лист резолюцию наложил: «Алькальду лично проверять каждый бочонок, чтобы мёд в налог шёл исключительно липовый».

Вот так мы и шутим. Они меня мёдом решили завалить, а я их его пробовать заставлю, да ещё и при мне пусть перепроверят не по разу. Готов поспорить, что и года не пройдёт, как у меня алькальды при одном только упоминании про мёд начнут бледнеть и красными пятнами покрываться.

Мда. Проводил я Нифонта, а сам сижу и думаю, зачем же он всё-таки ко мне заезжал. До Рязани и прямее дороги есть, опять же и вопросов он мне никаких особых не задавал. Больше сам говорил. За дороги меня похвалил, кстати, и за то, что люди у меня довольными выглядят, и видно, что не впроголодь живут.

Как по мне, такая похвала дорогого стоит. Подвиги куда как проще совершать, чем в хозяйстве всё с прибылью поставить и людей делом занять. Оно может и не так пафосно выглядит, как геройство, но я, к примеру, новым заводским посёлком горжусь больше, чем своими военными подвигами.

Ещё раз с сомнением взглянув на кристалл, оставленный архимагом в качестве ответного подарка, я решил его изучить. Там оказалось всего лишь одно простенькое заклинание со смешным названием «Весёлые кружавчики». Отчего-то в качестве первой ассоциации у меня перед глазами мелькнули женские панталончики. Знаете, такие, с кружевами по низу… Ах, не знаете. Впрочем, не важно. Точнее важно, но не сейчас. Хотя…

В целях борьбы со всякого рода ассоциациями, я, накинув на плечи куртку, вышел в наш будущий сад. Вечерело. Ни на что особо не рассчитывая, я сложил заклинание и махнув рукой отчего-то вдруг брякнул: «Трусы».

Млин! Ну как же так… Хотел же назвать его: «Кружи», а

Трусы-то откуда вдруг взялись…

Опять не о том думаю.

Тем не менее с руки сорвались мелкие точки светлячков и сотнями искорок разлетелись на всю ширину взмаха. Уже почти пропав из вида, они с еле слышным треском пыхнули в последний раз и осыпались едва заметными бенгальскими огоньками. Словно полено в печке треснуло, разбросав вокруг себя искры и мелкие угли.

И что? Это всё?

Нет, я понимаю, что заклинание простенькое, очень быстрое и не затратное по расходу Силы, но какой в нём смысл? Стаю ворон пугать?

– Константин Семёнович, ну не может быть, чтобы эти Кружавчики каким-то блефом оказались, – уговаривал я на следующий день Шабалина, изображавшего из себя кислое яблоко, – Наверняка Нифонт что-то имел в виду, когда мне его подсунул.

При свете дня Кружавчики показались ещё более безликими и смешными, когда я их запустил взмахом руки.

Произнесённое мной слово: «Трусы», у наставника вызвало гомерический хохот и мне пришлось дважды его повторять. Второй раз он, видите ли, слёзы вытирал и всё проглядел.

Когда я в третий раз запустил заклинание, то впечатления оно не произвело.

– Ладно, давай я метров на тридцать отойду, а ты в меня его запусти, как рукой махну, – смилостивился наставник, вдосталь наржавшись, и успев высказать всё, что думал, о моих умственных способностях и проехавшись по щедрости представителей церкви.

– Только Щиты накиньте, – высказался я вслед шагающему по полю Шабалину, памятуя о нравоучениях нашего учителя труда из лицея, который технику безопасности знал, как свои три пальца.

Щиты Шабалин на себя накинул, прежде чем дал мне отмашку, и я не стал медлить.

Цель на этот раз была понятна, и оттого я не стал широко махать рукой. Кучненько так Куржавчиков послал в сторону похохатывающего наставника.

К моему удивлению, они в этот раз не стали изображать из себя бенгальские огни, а как-то очень дружно устремились к Шабалину, облепив его Щиты.

Елочные гирлянды все видели. Представьте себе ёлочную гирлянду, за которой самой ёлки не видно. Примерно то же самое и я наблюдаю.

– Олег, снимай с меня этих паразитов, – донёсся до меня

голос Шабалина.

– Понятия не имею, как это можно сделать, – честно ответил я, исключительно в силу своей нечеловеческой незлопамятности не услышав остальную нелигитимную речь наставника, которая вдруг мне стала непонятна. Бывает же такое, когда чего-то не расслышишь…

Забавная цветная гирлянда начала метаться по полю, судя по косвенным признакам, порой заваливаясь набок. Как по мне, так зря он это делает. Кружавчики только ярче становятся, и в размере добавляют, а посевы тут не просто так существуют. Кто-то же старался, высаживал их, не предполагая, что по ним какой-то учёный кататься надумает.

О том, что что-то пошло не так, я почти сразу догадался, когда начали лопаться первые шары, облепившие контур наставника. Они выросли до размера футбольных мячей и стали очень яркими, а потом вдруг взорвались.

– Снимай! Снимай с меня эту гадость… – завопила украшенная гирляндой ёлка голосом Шабалина, срываясь на визг.

Кто бы мне ещё сказал, как это делать.

Чисто по наитию, я соорудил из Щита варежку. Мог бы и перчатку попробовать изобразить, но времени не хватало. Отчего-то вдруг у меня возникло предположение, что Шабалину сейчас не очень комфортно находиться внутри гирлянды Кружавчиков. Я хоть и считаю, что учёный – личность слегка экспрессивная, но всё таки не до такой же степени, чтобы визжать по пустякам. Похоже, всерьёз его прижало.

Особых проблем нет. Я Варежкой собрал уже почти все огоньки. Кстати, нелёгкое это дело. Ощущение такое, словно репей из шерсти собаки выдираешь, а он, этот репей, тебе ещё и варежку прожигает, словно уголёк из костра.

Короче, две Варежки мне пришлось сменить, прежде чем я смог освободить Константина Семёновича от Смешных Кружавчиков.

– И это святой человек! Верующий! Надо же было такую гадость измыслить! – кипел Шабалин, когда я помогал ему отряхнуться, – Самые настоящие паразиты твои Кружавчики. Ты видел, как они мне Щит облепили и начали из него Силу выкачивать?

– Давно пора вам накопитель освоить. Глядишь, и без паники бы обошлось, – проворчал я негромко, но оказался услышан.

– О, а ты знаешь, когда ты их с меня собирал, мне показалось, что Силушка-то пошла. Просто мне в тот момент не до наблюдений было, – неопределённо помахал Шабалин рукой в воздухе, не желая признаваться, что он попросту перепугался, – И

ещё могу тебя порадовать. Секунды через три-четыре, когда эти паразиты начинают толстеть, они обзор существенно снижают, а секунд через шесть, так пожалуй и вообще ничего не видно. По крайней мере тебя я под конец уже точно не видел, и даже представления не имел, в какой стороне ты стоишь. Закрутился, а ещё дрянь эта кругами носится, как мошкара с фонариками. Такое впечатление, что весь мир вокруг тебя кружится.

– Получается, что очень дельное заклинание мне Нифонт подарил, – с улыбкой посмотрел я на наставника, – Теперь хитрость Юсупова ему же боком и выйдет. С него-то Кружавчики никто снимать не будет, а на его Отвод Глаз им как-то всё равно. Они на источник Силы летят. Может с его уровнем Щита они вреда особого ему не принесут, но местонахождение сразу покажут, да ещё и слепить его начнут.

– Да уж. Отвлекаться на них ему всё равно придётся, а то он тебя быстро видеть перестанет. Любопытно будет посмотреть, какое он противоядие против твоих Трусов придумает, – не преминул поддеть меня Шабалин с названием.

– Константин Семёнович, а вам не кажется подозрительным такое совпадение. В самый нужный момент появляется представитель Церкви и словно невзначай снабжает меня очень нужным и крайне своевременным заклинанием. Я всё понимаю, и меня даже порой заносит, когда я пытаюсь свою роль преувеличить, но тут уж что-то совсем за гранью понимания. Не верю, чтобы меня в игры такого масштаба втянули.

Мои размышления вслух наставник выслушал с улыбкой и покачиванием головы, которое отчего-то хотелось бы воспринимать, как одобрение.

Надо сказать, что Шабалин мне очень ко двору пришёлся, и без всяких сомнений он у меня сейчас находится в людях самого близкого круга. Я даже звание Наставника ему оставил. Алёна всё время его так называет, ну и у меня как-то это слово само собой на язык легло. Кстати, он нормально реагирует, когда я так к нему обращаюсь.

Надо сказать, что с людьми мне пока везёт. Мои партнёры по верфям, Степан, Анвар с сыновьями, Липатов, Иван Силыч, алькальды, тётушка. Теперь вот жёны, Шабалин, да и тот же Шепелев. Все к месту.

Обрастаю понемногу окружением, друзьями, родственными связями и знакомствами.

– Могу тебе рассказать одну давнюю историю, за достоверность которой я не ручаюсь. Сам слышал её из досужих разговоров, да ещё и Бог знает когда. Пожалуй, лет двадцать, а то и тридцать назад. Если коротко, то поссорились как-то раз два

Одарённых из-за девушки. До дуэли дело дошло. Но, как ты сам понимаешь, рычаги влияния у каждого Клана разной величины. Сумели Юсуповы дать понять, что в случае дуэли от другого Клана не слишком много и останется. Нет, никакой физической расправы. Сплошная экономика. Пришлось тогда первому наследнику Ушаковых принести публичные извинения, а потом, от расстройства чувств, и вовсе в монастырь уйти, приняв имя Нифонт. Как тебе сюжетец?

Шабалин искоса глянул на меня, меся ногами уже весенний, подтаявший снег.

Так-то мы домой возвращаемся. И мне и ему нужно переварить, как теперь тактику боя с Юсуповым можно построить. «Трусы», вот же чёрт меня за язык дёрнул, заклинание очень быстрое и не слишком затратное. Осталось грамотно его вплести в цепочку боевых заклинаний, и отработать её до автоматизма. Если что, я тоже не собираюсь изображать из себя редут, рассчитывая только на свои Щиты. Буду двигаться по Арене, причём, стартуя по вполне рассчитанным промежуткам времени. Недаром у Шабалина третий день подряд на груди висит секундомер.

Бой архимагов – это не только поединок Сила на Силу, зачастую куда как больше шансов на победу дают отточенность заклинаний, идеальный контроль и грамотная тактика. И благодаря одному недоброжелателю, пронесшему через десятилетия свою нелюбовь к Клану Юсуповых, у меня прилично поднялось настроение и уверенность в победе появилась.

Делать ставки на бой двух боксёров, один из которых сильный и подвижный, а другой опытный и техничный – дело неблагодарное. Порой поединок может решить один единственный удар, или ошибка одного из соперников. В мире спорта тому тьма примеров.

Если разобраться, то и поединок архимагов в какой-то степени похож на бокс. Основное и радикальное отличие в том, что боксёр может пропускать удары, если он их держит, а архимаг нет. Практически любое заклинание, если оно прошло через Защиту, окажется фатальным. Оттого и схватки между магами высоких уровней редко когда бывают продолжительными, если их целью не является показуха.

* * *

После прошедшего заговора жизнь в стране восстанавливалась словно бы нехотя, враскачку.

Больше всего хлопот доставляли взорванные мосты. Нарушенная сеть железных дорог оказалась перегружена. Объездные пути тяжело ударили большими сроками перевозки и возросшими ценами. Все сразу ощутили нехватку вагонов и паровозов.

Словно в старые, давно забытые времена, по ещё замёрзшим рекам потянулись конные обозы. Время перевозки у них стало вполне сопоставимо с железной дорогой, а денег мужики брали значительно меньше и доставляемый товар везли до самых ворот, зачастую сами же его и выгружая.

До меня коллапс, произошедший с перевозками, донёсся волной возросших заказов на баржи, и вдогонку, на первые дизельные двигатели для грузовых дирижаблей. Лично меня это коснулось в первую очередь выросшим спросом на теплосъёмники, которые в одночасье стали острым дефицитом. Недооценил я перспективы роста на алмазное сырьё.

Авралы. У меня сплошные авралы.

Вторая очередь размещения акций новосибирского завода пролетела где-то за гранью восприятия. Я отдыхал от работы с Чашами и от тренировок, когда мне позвонили и сказали, что акции разошлись на двадцать четыре процента дороже, чем в первом выпуске. Всё, на что меня хватило, это с умным видом покачать головой, в знак того, что я новость услышал, а затем собраться с силами, и озвучить то же самое в трубку.

На самом деле я ещё раз поразился той лёгкости, с которой можно зарабатывать деньги, торгуя ценными бумагами. Та же брокерская контора, которую я нанял для проведения эмиссии, за день заработала больше денег, чем мой Подшипник будет зарабатывать месяца за три, и то, когда выйдет на полную мощность.

Пожалуй стоит присмотреться к тому, что называют финансовым рынком. Ну, как присмотреться. Человека найти подходящего. Или сынка Липатова заставить заняться своим образованием. Хватка у него есть, и с цифрами он дружит. По крайней мере он не только тупо их складывает и делит, а понимает, откуда они получаются. Тут ни я, ни его отец ему не помощники. Липатов с головой погряз в делах Хлебной пристани, а у меня, как всегда.

Хоть на десять Олежиков разорвись, всё равно ничего толком не успеваю.

Ещё и исследования не вовремя затеял. Те самые, которые никому ни то что не доверишь, так ещё и заикаться про них смертельно опасно. Ладно хоть Алёна не стала спрашивать, для чего я кровь из пальца у неё попросил. Посмотрела на

разложенный комплект инструментов, вздохнула, и молча протянула руку, чуть сморщив носик от запаха спирта.

Угу, такая она, Алёна Рюмина… Где-то бойкая, где-то тихая, порой даже чересчур, а когда мы один на один, то понимающая и покорная… Необычный набор качеств, и даже не понятно, что в ней меня больше всего заводит.

Короче, что-то у меня получилось. Что именно, сказать не готов, так как действовал я по методичке Медведева, а тот свои ожидания по итогу работ выразил на редкость сумбурно. Результат моей работы выглядит, как три голубеньких кристаллика, размерами чуть больше крупинки сахара каждый. Для чего они нужны, и как их применять – загадка. Знаю только, что в воде они растворяются, раз я их из неё и выпарил.

Одно я могу сказать уверенно – Савва Савельевич пытался выделить Геном Долголетия.

Да, именно так, с большой буквы он его и называл. Прав он в чём-то или нет, я утверждать не стану. В этих вопросах я полный профан, и своё мнение я лучше оставлю при себе, чтобы не выглядеть смешным. Самое интересное, что у меня что-то получилось, и судя по всему это именно тот препарат, который так долго пытался изготовить Медведев при отсутствии самого важного компонента – образца крови одного из членов императорской Семьи. Все попытки его замены в журнале архимага были помечены, как неудачные. Его кристаллы имели жёлтый или красноватый оттенок, а в манускрипте, от которого архимаг отталкивался при своих опытах, было чётко указано на цвет.

Голубой.

Такой же, как полученные мной кристаллики. Поневоле тут подумаешь, откуда взялась присказка про голубую кровь. Вот оно, подтверждение.

Я покатал на листке кристаллики, которые только что пытался изучать под лупой. Ничего не увидел такого, за что можно зацепиться. Нужны опыты, а как и над кем, я не знаю. На себе испытывать пока не буду. Не имею права. Последствия неизвестны, а у меня дуэль на носу.

* * *

Стоило в одном из ангаров освободиться месту от улетевших от нас самолётов, как его тут же занял «Айвенго». Тот самый дирижабль, который был основным моим соперником на гонках.

Не забыл князь Константин моего обещания про доработку

его любимца. Пригнал свой «Айвенго», как только услышал от меня на свадьбе, что у нас появилась возможность сделать из его дирижабля высотник.

Вот только письмо, которое мне привёз от князя друг его детства, капитан в отставке Михаил Кузьмич Кузнецов, идею высотного дирижабля-разведчика уже не предусматривало, о чём князь высказался весьма иносказательно. В письме он попросил внимательно выслушать пожелания капитана Кузнецова, и максимально постараться их выполнить, не считаясь со средствами.

– О, вот это правильный подход, – порадовался я, потирая руки, – Когда полёт конструкторской мысли не ограничен бренными условностями, то можно создать натуральный шедевр.

– Если вы про средства, то князь мне выдал чековую книжку на полтора миллиона, – сухо отчитался отставной капитан, наблюдая, как я читаю письмо.

– Ну-у… Полтора миллиона… – почесал я затылок, – Не скажу, что этого мало, но опять же, всё зависит от ваших потребностей.

– Скоро весна. В степи снега уже мало осталось. В конце марта степняки справят свой Наурыз, и первые отряды горячей молодёжи кинутся показывать свою удаль. Они не так страшны. Набегут, постреляют, что-нибудь подожгут, получат ответку и обратно дёру дадут. Потом старейшины их всех выслушают, и определят, куда и какие набеги уже на полном серьёзе делать. Тем удаль не нужна. Они придут за трофеями и рабами. У Наместника больше полутора тысяч километров границы со степняками. Самые опасные участки мы перекрыли заставами, но что такое тридцать пять застав на такую длину границы? Дырявая сеть, и та больше пользы принесёт. Вот и надумал я, что пора нам от обороны к наступлению переходить. Особенно в эту весну.

– А чем она от прошлых отличается? – машинально задал я вопрос, рассматривая переданный капитаном эскиз будущего «Айвенго», представленный в крайне агрессивной компоновке.

– Дошли до нас слухи, что степняки много новых винтовок получили. И не абы каких, а вполне себе современных. Ну, или почти современных. Может слыхали, что у французов сейчас перевооружение армии идёт? Стрелковое оружие они тоже менять собрались на новое, с другим калибром. С семи с половиной миллиметров они переходят на восемь. Догадываетесь, куда старые винтовки пошли? Спрашивается, за какие такие шиши? Худосочные степные овцы вдруг лягушатникам понадобились? Или они что другое рассчитывают со степняков взять за свои поставки? Может в книгах где и встречается, что французы нация

щедрая, но оставьте это на совести писателей. Жлобы они конченые, ещё похлеще, чем немцы. Как по мне, так тут тонкий расчёт кроется. Разодрать нас на две стороны. С запада германцы оружием бряцают, а с востока французы степняков вооружают. Ну, этих-то я уже предупредил. Облетели мы вдоль границ Наместничества. Письма предупреждающие сбросили с дирижаблей на их языке. Смысл там такой, что с каких земель отряд к нам придёт, тем мы и покажем Кузькину мать. Хватит терпеть и обороняться. Пора и нам показать, кто чего стоит.

– А политики не станут мешать? Вдруг французы в афронт пойдут? – задал я вопрос, задумчиво крутя в руке карандаш, и начиная править эскиз гондолы.

– Так они же первые ими придуманные правила никогда не соблюдают. Давно пришла пора их в трещину послать, и рылом натыкать в то, что у них не так. Я, может в политике не силён, но до степняков быстро всё донесу на понятном им языке. Они у меня к реке Урал забудут, как подходить, ближе, чем на двести километров. Пусть только повод дадут, а они его дадут, я в этом убеждён, и я им устрою тихую Варфоломеевскую ночь, но и вы помогите.

– За геноцид этих полудикарей с вас могут серьёзно спросить, – вслух посочувствовал я отставнику, прикинув перспективы той кампании, которую наверняка враги Империи постараются раскрутить до невероятных размеров.

– Да какой там геноцид! – чуть не в голос выкрикнул он, – Подумаешь, постреляем немного, полдюжины бомб небольших, килограмм по десять, на их аулы сбросим, чтобы понимали, что шутки кончились, и «свиристелки» запустим. Мы их уже опробовали. Вроде фейерверков штуковины. Тех, что со свистом разлетаются. Весят мало, а скотину разгоняют так, что степнякам отары потом по всей степи неделю собирать придётся, и то не факт, что хотя бы три четверти своих овец они потом найдут в добром здравии.

– Ладно. Это ваши проблемы. Лучше объясните мне, отчего вы решили пулемёты такие доисторические поставить? Калибр детский. С ними вам придётся снижаться в зону поражения французских винтовок, – я прекратил делать свои наброски и посмотрел на капитана.

– Максимы всегда славились надёжностью, и, как мне подсказали, вы имеете возможность поставить Щиты на дирижабль.

– А вам не приходило в голову, что вместе с винтовками французы могут снабдить хунхузов чем-то более убойным? – отвлёкся я от эскиза, отодвигая его в сторону, – Щиты на

дирижабле не вечны, и какое-то количество попаданий они могут перенести, но, далеко не факт, что им не повредит огонь одного или двух пулемётов серьёзного калибра. Дирижабли неповоротливы. Если ваши стрелки не сумеют быстро подавить вражеские пулемёты, то я не завидую экипажу упавшего дирижабля. По слухам, жалость обитателям степи не свойственна и они крайне изобретательны в вопросах пыток и мучительной смерти. При всём том, те же французы, которые им предоставляют оружие, этих изысков с их стороны не заметят, зато вам в вину поставят любое прегрешение, дельное или мнимое. Так что, сбрось вы на какой-нибудь аул хоть тот же стоптанный кирзовый сапог, как западные газеты тут же раскрасят этот эпизод до небывалых высот. Не обращали внимания на такое положение дел?

– Знаю. Меня уже предупреждали о такой возможности, – мрачно отозвался Кузнецов, – И даже намекали, что врагов высокопоставленных я могу себе нажить больше, чем достаточно. Говорят, что профранцузски настроенных князей у нас много. Мне даже некоторые фамилии называли, – выдал капитан, чуть помявшись.

– О как! А вас не слишком затруднит, если вы память напряжёте и мне их списочком обозначите? Давно мечтал с потенциальными космополитами пообщаться. Люблю, знаете ли, феномены изучать. Прямо чудо какое-то вы мне описали. Князь вроде наш, здешний, доход и положение с местных земель имеет, а сам настроен на интересы другой державы. Парадокс, вам не кажется?

– То-то и оно, что про свои земли такие князья и бояре вспоминают лишь когда у них деньги заканчиваются. Тогда и возвращаются из Парижа или Ниццы на месяц-другой, чтобы подросших дворовых девок перетрахать, да дань с имений стрясти. Потом погуляют пару недель в столице, и снова во Францию или Италию уедут. Иные уже по-русски толком не говорят, чуть не через слово французский из них лезет.

– А сами как считаете, они кроме, как симпатии к Франции могли попасть под другое, скажем так, более пристальное внимание?

– С их-то привычками и отношением к деньгам, да запросто! – пристукнул сгоряча отставной капитан кулаком по столу.

– К каким деньгам? – недопонял я сказанное.

– У себя они в долг привыкли жить, причём так, что долги у дворянства зачастую только через суд можно стребовать. А во Франции – шалишь. Там не станут смотреть, насколько ты

родовит и кто у тебя из родни какой пост занимает. Тут-то их, голубчиков, можно тёпленькими брать. В тюрьму никому неохота, опять же позора от такого случая не оберёшься.

– Вы так в деталях всё рассказываете, словно сами попадали в переделки, – усмехнулся я, слушая вояку.

– Сам не сам, а был у нас в полку один. Олух несусветный. Про такого сказать, что он глуп, как пробка, значит просто похвалить. Выпили мы как-то раз, он и рассказал, как ему удалось французов облапошить. В кабаре потратился больше положенного, а потом за должок в триста франков сам сидел и писал, кто за него в полку поручиться может. Якобы адвокат откуда-то вдруг взялся, он ему и насоветовал, чтобы наш дурак всё командование поимённо перечислил. Сказал недотёпе, что под таких героев он ему в течении часа деньги найдёт и даже в участок ехать не придётся, а наш дурак и рад стараться. Два листа исписал. И ведь действительно отпустили его. Да только за такие бумаги в военное время к стенке могут поставить, или французы могут выбор предложить. И думается мне, что среди нашего дворянства, любящего проводить время заграницей, за каждым вторым что-нибудь, да есть.

– И чем всё закончилось? – полюбопытствовал я, глядя на внешне спокойного капитана, которого выдавали лишь желваки, нет-нет, да и проявляющиеся на лице беспокойными сполохами.

– А погиб наш недоумок на следующий день. Многие тогда погибли. Меня вот тоже под вечер подстрелили, – словно о чём-то обыденном сказал Кузнецов.

Всё равно у меня осталось ощущение недоговорённости. Чую, что не всё так просто было со смертью предателя. Ни разу не удивлюсь, если это свои же его и пристрелили, чтобы полк не позорил и на остальных офицеров тень предательства не упала.

Не завидую я тем офицерам. Легко представить себе, какой у них был выбор: или безопасникам донос писать, или своего же сослуживца порешить.

Заодно и мысль неплохую я себе на заметку взял. Долги дворянства.

Встречались мне в исторической литературе воспоминания о том, что в давние времена очень многие дворяне чуть ли не всю свою жизнь жили в должниках. Из той истории наиболее известен придворный банкир Екатерины II, английский купец Ричард Сутерланд. Его должниками стала вся дворянская элита того времени. Англичанин тогда застрелился, когда понял, что деньги возвращать ему никто не собирается.

Многие дворяне в те годы регулярно перезакладывали свои особняки и земли, чтобы получить деньги у ростовщиков. К 1760

году примерно сто тысяч имений были заложены у кредиторов. И очень похоже, что История повторяется. Слишком много совпадений.

Пометку я сделал, а обдумаю что и как, после дуэли. Есть у меня пара идей, как роскошный образ жизни, от которого дворянство никак не может отказаться, себе на пользу повернуть.

– Ну, давайте всё таки вернёмся к нашим баранам, или к степнякам. Хотя, как я это себе представляю, там одно без другого не бывает. Судя по вашему эскизу, концепцию дирижабля вы решили в корне изменить, – попытался я лёгкой шуткой развеять молчание, во время которого каждый из нас думал о своём.

– Четырёх дирижаблей, – поправил меня капитан, – «Айвенго» предполагается, как флагман, а остальные три попроще будут. Скажем так, один дирижабль будет выступать в роли рейдера, а остальным трём придётся тащить патрульную службу. Ваше Сиятельство, как я полагаю, вы же не случайно предложенные мной пулемёты Максим раскритиковали? – не выдержал Кузнецов, заметив, что я свои наброски отложил в сторону и не собираюсь ему их объяснять.

– Очень даже не случайно. Скажу больше, слабенькие пулемёты всю вашу идею прямо на корню рубят, превращая вполне здравую мысль в сплошную авантюру. По сути, вы наверняка предполагали сделать из дирижабля что-то крайне жуткое и убойное, ориентируясь на слабое вооружение противника. Пять пулемётных постов и почти полторы тонны бомбовой нагрузки. Против берданок это ещё куда ни шло, но с учётом французских интересов, когда у степняков того и гляди появятся не только приличные винтовки, но и их же пулемёты… А давайте-ка мы с вами прогуляемся. Покажу я вам один занятный дирижабль, где вы не только посмотреть сможете, но и собственными руками пощупать то вооружение, которое не то что у степняков, а и у французов не скоро появится.

– Я в запасе, – предупредил меня капитан, – И у меня на многие секретные подписки срок давно истёк.

– А я и не собираюсь вам государственные тайны раскрывать, – ухмыльнулся я про себя, найдя ещё одну дыру в интригах Мещерского, выставляющего меня безумным изобретателем всего и вся, чтобы самому со своим научным центром оставаться в тени, – Всё, что я вам буду показывать, у нас изобретено. Вот в этих самых стенах. Ну, или чуть подальше, – ради объективности признал я тот факт, что оружейные мастерские, которые, кстати, выросли уже четвёртым корпусом, с верфями общих стен не имеют.

Мы прошли по цеху, заодно посмотрев, как строится новый дирижабль, заказанный для гонок сыном одного знакомого мне адмирала, и затем повернули в отдельный переход, ведущий к новому цеху. Там, вдали от всех, строится новый «Кречет». Мои личный боевой дирижабль, воплотивший в своей конструкции самые последние достижения техномагии, и не только её одной.

– Собственно, я хотел вам показать, как у нас реализована идея стрелковой ячейки со спаренной двадцатимиллиметровой пушкой, – ткнул я пальцем в сторону прозрачной полусферы, откуда выглядывало два серьёзных дула.

Лобаевское изделие с удлинённым стволом. Тем самым, на котором мы впервые за всё время применили крайне секретные сплавы, для получения которых мне пришлось лично договариваться со Второвым.

Появился этот материал в какой-то мере благодаря помощи моих жён. Дарье пришлось на двенадцать дней пожертвовать своим дирижаблем, и они всё это время гоняли в столицу вдвоём, на Алёнкином.

Отправленная на Дашкином дирижабле экспедиция мне привезла с острова Итуруп почти центнер сырья, сульфида рения, из которого удалось выделить больше тридцати килограммов самого рения. Уникального металла, сплавы которого не теряют прочность при крайне высоких температурах. Предки их использовали на изготовление лопастей турбин и на сопла для ракет и самолётов.

Повезло.

Может потому, что мы были первыми, кто впервые за два века собирал в кратере вулкана рениит на фумарольных полях, но как мне сказали, там ещё много и много осталось. Теперь думаем, как это богатство оттуда вытащить, пока оно ничейным считается.

Э-э… Вы же не всерьёз подумали, что сейчас один всем вам знакомый архимаг оденет Щит, возьмёт в руки кирку… Нет?

Уф-ф, ладно тогда. Я и без того себя чувствую в каждой дырке затычкой.

На самом деле хватило пяти пилотов, оставшихся после заговора без своих МБК.

Да, представьте себе, не одни «Медведи» пострадали при схватках. Нашим тоже досталось изрядно. По крайней мере половина МБК пришли в негодность, из них десяток точно лучше сделать заново. Этот-то резерв свободных пилотов я и привлёк к добыче минералов. Фёдоров прочитал им четырёхчасовую лекцию, сопроводив её слайдами и фотографиями, а я попросил парней без ума никуда не лезть и озвучил расценки по добыче рениита.

Отчего я так долго про такие мелочи рассказываю, так всё на самом деле очень просто.

Достаточно посмотреть на Кузнецова.

Стоит, и рот закрыть не может. Нет, он не на стрелковую полусферу уставился, которую я хотел ему показать. Он смотрит на хвост «Кречета».

Вроде, а с чего бы столько удивления…

Всё очень просто.

У моего «Кречета» нет ни пропеллеров, ни винтов.

Вообще нет.

А откуда бы им взяться на первом в мире реактивном дирижабле?

У меня две хорошие новости: Следующая прода будет большая, как вы и просили. И вполне возможно, что главы буду выкладываться частями, чтобы проды шли чаще.

Глава 58. Дуэль архимагов

Зябкое мартовское утро. Солнце едва светит, лишь изредка пробиваясь через опустившиеся на город тяжёлые тучи. Вчерашние лужи за ночь промёрзли и звонко хрустят льдом под колёсами тяжёлого внедорожника, заглушая порой рокот сопровождающих его пятерок пилотов в МБК. Следом идут машины с имперскими гербами. Редкие прохожие останавливаются, и изо всех сил пялятся в затемнённые стёкла автомобилей, пытаясь угадать, в какой из них находится Император.

Меры безопасности были приняты чрезвычайные. Имперская служба безопасности откуда-то узнала, что в ближнем окружении князя Юсупова царит твёрдая уверенность в том, что наша дуэль не состоится. Причины не назывались, но их на самом деле не так много, чтобы они оказались загадкой. Отказаться от дуэли Юсупов не может, впрочем, как и я. Для всего дворянского сословия существуют достаточно строгие правила на этот счёт, в основу которых положены старинные «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», принятые аж в 1894 году по старому летоисчислению. Они хоть и предполагают возможность примирения, но вот только не в нашем случае, ибо тут в дело вступает Кодекс Совета Архимагов. От выборов мы с Юсуповым отказались оба. В итоге – только дуэль. Главой должен стать сильнейший.

Шантажировать меня князь может только через жён. Этой возможности я его лишил в тот же день, когда узнал от князя Обдорина про царящие в Юсуповском Клане настроения. Попросту вывез обеих жён погостить на недельку к князю Белозерскому, присовокупив к такому визиту пятёрку пилотов и десяток егерей в качестве дополнительной охраны. С одной стороны, так себе усиление для Клана, про который и без того ходят серьёзные слухи, как об одном из обладающих реальной силовой составляющей. Нужна будет небольшая война, чтобы до моих жён смогли добраться недоброжелатели.

Но на непредвиденный случай у каждого из моих бойцов имеется по три десятка аргументов. Пришлось мне всерьёз растрясти тщательно накапливаемый арсенал. Четыреста пятьдесят специальных пуль – это вам не баран чихнул. И к ним три метателя со спецснарядами. Ими не одну боевую звезду можно разнести в пух и прах, а стрелять мои люди умеют.

То-то Глава Клана, который сначала с усмешкой отнёсся к моим парням, и попытался было меня заверить, что у себя он и сам с кем угодно справится, вдруг резко заткнулся и стал разглядывать меня с очень мне понятным интересом. Сообразил, что раз архимагу Медведеву когда-то хватило таких боеприпасов, то и про остальных Одарённых можно не волноваться. Короче, земли Клана Белозёрских нынче в состоянии сильно повышенной боеготовности. Как меня заверили, мышь, и та не прошмыгнёт, не обозначив своего присутствия.

С эвакуируемыми жёнами у меня изначально была мысль про Зимнюю резиденцию Императора. Вроде того, что Алёна решила своими апартаментами воспользоваться, а заодно и Дарью к себе пригласила. Но как-то не лежала душа к такому решению.

Юсуповы в столице очень сильны. Наверняка и во дворце Императора у них свои люди есть, да и с моей стороны такой шаг просто напрашивается и лежит на поверхности. Не сомневаюсь, что его просчитали и мне предложат решение. Одно из тех, на которые нужно отвечать только утвердительно.

Я бы и Белозёрскому не слишком своих жён доверил, если бы не одно но… Очень такое жирное и значимое. Одна из них в девичестве носила фамилию Рюмина. Думаю, что тут и дурак понял бы, чем за здоровье таких гостей отвечают, если с ними хоть что-то случится. На всякий случай я и от себя добавил, что за помощь я буду благодарен, но случись что, спрошу сам, и скорее всего раньше, чем Рюмины.

Ага, напугал я князя… Как же…

Он в такой улыбке расплылся, что я себя очень неловко почувствовал. Словно я его похвалил, или только что исполнил какой-то обязательный танец на высший балл, сам того не понимая.

Можно конечно же поржать над имперскими безопасниками. Они наверняка агентов засылали, чего-то подслушивали и денег во всё это уйму вколотили.

Зато князь Белозёрский мне показал нечто другое. Он просто поставил на стол деревянную подставку с кристалликом, на котором был изображён красный колокольчик, и хлопнул по нему ладонью.

– Мы уже неделю в ожидании, – пояснил он мне свои действия, под визг прерывистого сигнала, заверещавшего где-то за окном, – До последнего старались вам не мешать. Ещё бы день, и я завтра всех своих уже к вам бы, в Бережково отослал. Думал,

что если не ко мне вы жён отправите, так у себя предпочтёте их оставить. Нет, ну не во дворец же их везти?

Ага, вот такой мне шах и мат. Я себя умным считаю, а тут, оказывается, на пару ходов вперёд люди думают.

Как ни крути, а скорость мысли заметно превосходит не только действия имперских безопасников, но и мою реакцию на ожидаемые неприятности. Князь Белозёрский тот ещё прохиндей. Всё успел обдумать и просчитать, и вовсе не от избытка информации. Он от опыта отталкивался. От простого житейского опыта и от тех случаев, которые уже имели место быть за его долгую жизнь. Когда сам на грабли наступаешь, или видишь, как это другие делают, то поневоле начинаешь понимать, что конечный результат вполне предсказуем.

Это и называется опыт. Мы все кажемся сами себе единственными и неповторимыми, а на самом деле сотни, а то и тысячи людей до нас попадали в похожие ситуации. Одни продолжали наступать на грабли, с упорством, достойным лучшего применения, другие обходили их стороной, третьи поднимали их с земли и ставили на место. А где-то на завалинке сидел дедок и смотрел, какое из этих решений лучше и полезнее окажется.

Так и в моём случае.

Были и до меня вызовы на дуэли, в том числе и с очень значимыми персонами. И далеко не все поединки потом состоялись. Заставить меня отказаться от дуэли, заодно получив поражение в правах и заработав презрение окружающих, можно только шантажом. Кроме жён князю Юсупову меня ничем не прижать. Слишком быстро и своеобразно я дело основал, чтобы меня можно было ухватить за кадык или поставить в какую-нибудь зависимость с точки зрения экономики. Так что разорение мне не грозит, как и долговая тюрьма.

Если разобраться, то и князь Белозёрский не сильно рискует. Одно дело, если Юсупов смог бы умыкнуть у меня жену втихаря, и выставить условие для её возвращения, и совсем другое, когда это будет сопряжено с шумом и жертвами. Нет, каким бы великим себя князь Юсупов не считал, но на этот беспредел он не пойдёт. Огласки испугается. Всему есть мера. Да и душок от таких действий ему вреда принесёт немерено. Всем на рот платок не накинешь и не заставишь замолчать.

– Самому найдётся где укрыться? – отошёл от окна

Белозёрский, до этого наблюдавший, как спадает суета во дворе, вызванная сигналом тревоги.

– В Камышине на пару часов покажусь, потом мой дирижабль в Питер полетит. А сценарием прибытия в столицу князь Обдорин пообещал озаботиться, – не стал я скрывать ту часть плана, которую и так вскоре многие узнают.

Приятно иметь под рукой быстрое средство передвижения. Представляю, как будет весело тем, кто захочет меня увидеть в ближайшие пару дней.

Пусть наёмники Юсупова по всей стране погоняются за моим «Сапсаном». Ещё больше они повеселятся, если его всё-таки догонят. Сразу же после Камышина там в качестве пассажиров будет организован целый комитет по встрече.

Боевая звезда магов, которую в конечной точке маршрута будут поддерживать не меньше десятка гвардейцев в МБК и не знаю сколько спецов от Обдорина. Далеко не простых людей, наверняка способных на многое.

– Смотри, ты сейчас становишься целью номер один. До дуэли два дня осталось, и искать тебя будут день и ночь, – перешёл на «ты» Белозерский, давая понять, что заботится он обо мне ещё и на правах родственника. Пусть и дальнего, но тем не менее.

Занятно. Намёк толстый, но на него я лишь головой кивнул, обозначив согласие и понимание.

– Всех подряд мне вряд ли стоит бояться. Нужно будет сильно постараться, чтобы меня убить, – скривился я в недоброй улыбке.

– Ошибаешься, – спокойно возразил князь, – Может так статься, что тебя и не нужно будет убивать. Для Юсупова куда как лучше выйдет, если ты сам кого-то убьёшь, – выделил интонацией Белозёрский последнее предложение, – Возьмут тебя под арест на денёк – другой, а там и повод для дуэли исчезнет. Раз ты на дуэль не явился, то Юсупов Главой Совета Архимагов станет, да ещё и за убийство тебя ославит. Приплатит он газетным писакам, и они всё что можно в кучу соберут и на тебя вывалят. В дерьме на совесть вывозят, можешь не сомневаться. А там кто станет разбираться, было или не было. Запашок-то останется. Не первый раз Кланы людей вот так, исподволь съедают.

– Значит, до дуэли мне убивать никого не ст/о/ит, даже в целях самообороны, а под арест, меня, князя… – не слишком радостно покивал я головой, найдя резон в словах Белозёрского. Попытаться-то арестовать могут, пусть и незаконно. Потом даже извинятся, и пусть их в скором времени в отставку попросят, но

это им Юсупов с лихвой компенсирует.

– Ну, а по поводу прессы… Тут бабка надвое сказала. Есть у меня, чем и как ответить.

А то… Я не идеалист и не бескорыстный филантроп. Это те могут себе позволить деньги бросать в никуда, а у меня земли ещё не обустроены.

Есть у меня одна родственница, которая даже на имперском уровне высоко оценена, как специалист, в формировании общественного мнения. Её я и озадачу проблемкой, а то как-то у нас с ней не очень равноценный обмен идёт. Прилично она мне задолжала. Пора бы нам на паритет выйти, что собственно, в её же интересах, и я больше, чем уверен, что это и она понимает. Понятно же, что чем выше я заберусь, тем большую значимость она приобретёт, хотя и будет считаться по-прежнему баронессой. Или для фаворитки Императора без разницы, кем быть, баронессой, графиней или княгиней?

Между прочим, из-за возвращения своей тетушки в столицу я невольно отдавил не одну мозоль, если так можно выразиться.

Ага, со всей присущей мне тонкостью и грацией, изобразил слоника средних размеров, попавшего в посудную лавку, и слегка потоптавшего фарфоровые сервизы.

Фаворитка – это не просто любовница.

Любовниц у нашего Императора может быть хоть десяток, а вот фаворитка в отдельно взятую единицу времени бывает всего лишь одна. Как правило, она имеет значительное влияние на политику, и двор относится к ней, как к некоронованной Императрице.

Такую забавную штуку ещё в стародавние времена придумали французы, и она неплохо прижилась во многих странах. Нашу Империю тоже не миновала. Если что, то фаворитки – это привилегия монархов. Говоря о столь трепетных материях, стоит соблюдать точность в терминах. Это я к тому, что заведи себе тот же наследник Императора любовницу, а фавориткой двор её назовёт только после того, как наследник взойдёт на престол, и ни минутой раньше.

Император у нас пережил двух жён, и уже готовился к новой свадьбе, но во время недавней эпидемии чумы, пронёсшейся по Европе, умерла его невеста, Вильгельмина Гессенская и вопрос со свадьбой на какое-то время был отложен. Пришлось государю обходиться камер – фрейлинами, которых выбирала к себе в свиту его мать, и, внимание, княгиня Юсупова.

Да, ещё одна значимая фигура с несколько нелюбимой мной фамилией.

Сдаётся мне, что тётушка изрядно подпортила им праздник своим появлением и никак не вписывалась в хитромудрые расклады великосветских свах. Думаю, Анне и самой не очень весело существовать в том серпентарии, который представляют из себя разочарованные дамы, но среди мужской половины двора у неё точно имеется поддержка. Предыдущая фаворитка, княжна Долгорукова, было жадна и отличалась чрезмерными амбициями. Хотя, помнится мне, что и баронессу когда-то попросили из столицы, стоило ей начать совать свой носик куда не следует. В общем, сложно жить при дворе. Всё у Императоров не так, как у людей. Не моё это дело. Слишком сложное и чуждое для понимания.

Дальше мой путь лежал в Камышин. Там, за пару часов я разобрался с делами и даже успел заскочить к князю Гончарову на чай. Задерживаться не стал. Нельзя мне засиживаться на одном месте. В этот же день я вылетел обратно, и по дороге пересел на «Кречет», свой новый дирижабль, поджидавший меня в заранее оговорённом месте.

«Сапсан» отбыл в Питер, а я спустя час уже мчался на своём воздушно – подушковом средстве передвижения, рядом с которым меня высадил «Кречет». Заждался меня Ираклий, пригнавший катер к краю озера. Даже костёр успел развести, и чай себе приготовить.

Остаток времени я проведу у Чаш. На моём Родовом Источнике мне сам чёрт не брат, да и тех, кто знает о его существовании можно по пальцам пересчитать. Забавно будет, если меня здесь найдут те, кого Юсупов послал по мою душу. Места вокруг на полтора десятка километров напрочь безлюдные, а наше заболоченное озеро умеет хранить тайны. Тут-то все они и полягут.

Колду…

Отставить.

Интромаг, на своём Источнике – это жуткая машина смерти, особенно когда он умеет расходовать Силу напрямую, наполняя ей заклинания прямо из Источника.

Честно говоря, я со своими нынешними Знаниями и с тем багажом заклинаний, которые мне достались от Медведева, даже не понимаю, как колдуны могли проигрывать схватки. Я вот, даже

теоретически, не могу себе представить ту Силу, которая потребуется, чтобы меня сегодняшнего можно было чем-то испугать, когда я на Источнике. Даже если представить, что откуда-то появятся три звезды боевых архимагов, про которые уже лет сто никто не слышал, то и с ними можно будет всерьёз повоевать. До тех пор, пока они всей своей Силой не смогут превзойти мощь Источника.

Спасибо Шабалину. Многому он меня научил. Ни разу не удивлюсь, если скоро его признают самым сильным теоретиком магии в Империи.

От него я узнал, какие сложности возникают при составлении боевой звезды, и почему их давно нет ни в одной стране.

Если говорить коротко, то дело в чисто человеческом факторе. Один из архимагов, стоящий во главе звезды, должен долго и упорно прокачивать не свою личную убойность и мощь, а навыки коммуникационного характера. Абсолютно бесполезные вне работ звезды. Отчего-то таких энтузиастов рождается мало. Настолько мало, что, пожалуй и нет ни одной сколь либо серьёзной звезды уровня архимагов ни у одной страны. Говорят, раньше были, а теперь нет желающих лет десять мучительно прокачивать то, что лично тебя сильнее не сделает. И не стоит во всём винить деградацию магии. Да, она имеет место быть. Сдаёт магия свои позиции под натиском традиционных технологий предков. Раньше по две – три боевых звезды при каждой дивизии было. Понятно, что не из архимагов, а из девяток и десяток. Зато теперь их вытеснила артиллерия.

Как по мне, замена крайне спорная и хороша лишь одним. Пушек можно наделать много, и исполнить это удастся относительно быстро. А маги – товар штучный, требующий долгих лет тренировок и определённых талантов.

Вроде бы, в первом чтении, все плюсы на стороне артиллерии. Это неправильно. Ну, тут-то я и готовлю исподволь аргументы уже не первый день, чтобы не на одних пальцах и эмоциях свою правоту отстаивать.

Короче, есть у меня планы на будущее, и эти планы непосредственно связаны с магией в общем, и с архимагами, в частности.

Скажу сразу, вопрос этот крайне сложный. Хотя бы тем, что не стоит одну и ту же тактику пытаться примерить к абсолютно разному оружию.

Да, если хотите, то магия – это оружие. И её надо уметь применять грамотно, с учётом её сильных сторон. Мобильно,

быстро, и без права на потери. Серии коротких, непредсказуемых ударов, выжигающих полосы шириной в километр – полтора на глубину в два-три километра. Десять – пятнадцать минут, пока противник не опомнился. Три – четыре веерных накрытия, и тут же отход под Щитами и переброска тем же дирижаблем дальше, к следующей проблемной точке.

Группы прикрытия, корректировщики, транспорт, целители. Нет, не просто так я с одним генералом из Генштаба о встрече договаривался. Одних моих курсантских знаний тут не хватит. На каждую звезду архимагов должна работать своя собственная полноценная команда. Тот, кто скажет, что это слишком сложно, пусть представит себе, что пятёрка магов, как я предполагаю, заменит собой, как минимум, артиллерийский дивизион, а с учётом своей мобильности, может и вовсе не один.

Могу рассказать, сколько служб, заводов, конюшен, тех же железнодорожников и складов работают на артиллерию. Только не специалистам это перечисление вряд ли понравится. Так что будем просто считать, что очень много труда положено на то, чтобы артиллерия появилась и работала. И тут маги выглядят намного интереснее. Осталось только их найти и организовать в команду. Объединить в ту силу, от которой вздрогнут соседи.

– Князь, быстренько проходите к Морозову и экипируйтесь в МБК. Только что наблюдатели доложили, что из трёх дорог, ведущих к зданию Совета Архимагов, две перекрыты. На одной затеян ремонт, а на другой крупная авария с пожаром. В случайности мне верить не положено, оттого и считаю, что на единственной оставшейся дороге вас уже ждут, – встретил меня князь Обдорин вроде бы невесёлой новостью, которая отчего-то его сильно радовала. Вон, чуть ли ни на месте он не подпрыгивает, и каждую минуту потирает руки.

– А не слишком вызывающе окажется, если я в МБК заявлюсь к архимагам. Опять же в МБК мне самому труднее защититься будет. Как-то я ещё ни разу в полёте магичить не пытался. Как бы чего не вышло, – попытался я найти резоны, чтобы отказаться от неожиданного предложения. Мне проще по земле к Арене с боем прорваться, чем пробовать что-то исполнить в воздухе, незнакомое и не апробированное.

– Вам ничего делать не нужно. Полетите в одной из пятёрок сопровождения. Если они ввяжутся в бой, то задача вашей пятёрки состоит лишь в том, чтобы просто прорваться к зданию Совета. А для пущей значимости все вы будете из себя изображать эскорт машин Его Императорского Величества.

– Тем более. Может мне всё-таки на одной из машин поехать.

Я и прикрою, если что, – проникся я той красотой и мощью спектакля, которую князь умудрился организовать.

– Вы что, всерьёз решили, что мы людей и машины прямо на засаду потащим? – старательно изобразил недоумение князь Обдорин, – Плохо вы о нас думаете. Будет вполне достаточно, если эскорт начнёт движение, но обнаружив засаду повернёт обратно, а ликвидацией убийц займутся другие люди. Мы же добросовестно зафиксируем попытку покушения на жизнь Императора, а это, как ни крути, коронное преступление. Подсудное для любого человека в Империи.

Мне оставалось только глазами хлопать.

Опять всё как всегда. Неприятности у меня, а пользу извлекают другие.

Неплохую подставу Обдорин задумал. Не удивлюсь, если позже выяснится, что его интрига – многоходовочка не по одной цели ударит, а сразу по нескольким. Судя по довольной княжеской роже, он уже и свидетелей имеет, которые докажут причастность к засаде одного очень значимого княжеского семейства, а то и целого Клана.

И чёрт меня подери, если эта яма вырыта не под Юсупова!

Мда-а… В очередной раз меня втёмную сделали. Я-то думал, что вся эта возня из-за дуэли и меня, любимого, ан нет. Высшая аристократия и в этом случае умудрилась выстрелить по нескольким зайцам сразу. И моя роль крайне непонятна. То ли я представлен в виде наживки, то ли выступаю в роли спускового крючка.

Теперь мне стало понятно, зачем Обдорин потребовал позавчера доставить в столицу мой личный МБК. Все идёт к тому, что знает он намного больше, чем я предполагал, думая, что всё дело в расставленных наблюдателях. Не сомневаюсь, что заранее проведал князь, какие планы у Юсупова, а всё остальное – это пыль в глаза, чтобы своих агентов не подставлять.

Та пятёрка пилотов, в которую меня включили, показалась мне странноватой.

Приглядевшись, я смог усмотреть некоторые отличия в их МБК, на первый взгляд вовсе не бросающиеся в глаза. Если не ошибаюсь, то вот та серенькая невзрачная окантовочка, едва заметная на гранях бронепластин, выполнена из платины. Доводилось мне слышать в Академии, что можно МБК доработать у техномагов, установив, к примеру, дополнительные Щиты. Вот только цены назывались какие-то запредельные и материалы

требовались самые дорогие. Дело тут не только в установке дополнительных контуров, накопителей и энерговодов.

Вес.

Всё, что летает, так или иначе упирается в те самые злосчастные килограммы, которые и отделяют мечту от реальности. С виду МБК всей пятёрки, в которую меня определили, доработаны, и как бы не у лучших техномагов Империи. Я в своём комплексе нового типа смотрюсь немного ни к месту, но тут уж выбирать не приходится.

Обычная предполётная проверка, короткая перекличка, причём голос командира пятёрки, даже искажённый ларингофонами, показался мне знакомым, и мы поднялись в воздух.

Летим позади двух пятёрок, сопровождающих кортеж автомобилей.

Стрельба началась неожиданно. Даже зная о том, что где-то на пути императорского кортежа будет засада, я всё равно оказался не готов к моментальной оценке обстановки.

Грохнула пара солидных взрывов, и дальнейшую картину заволокло дымом необычного цвета. Никогда не видел таких густых клубов багрово-красного оттенка.

– Вправо вниз, все вдруг, – услышал я знакомую команду, – Три, два, один!

Практика полётов в Академии дала себя знать. Не рассуждая и не пытаясь пялиться на то, что происходит впереди, я сосредоточился на манёвре. Даже по земле, двигаясь на остриях пятиконечной звезды, очень сложно на скорости синхронно выполнить тот или иной манёвр, не нарушив строя. Ещё сложнее это делать в полёте.

Заваливаясь на бок, я изо всех сил старался держать дистанцию и правильно оценить наше боковое скольжение. Наша пятёрка, словно падающий с дерева лист, боком скользнула вправо, уходя к пойме реки.

Всё встало на свои места, когда мы подлетели к площади перед Советом. Летевший впереди маг вызвал заклинание, полыхнувшее в небе, над площадью перед зданием Совета.

Визитка Император! Ну как я сразу не догадался, с кем вместе лечу…

Архимаги, понятное дело, личности своеобразные и крайне важные из себя, но оказывается, ничто человеческое им не чуждо.

По крайней мере высветившуюся над площадью визитку Императора похоже никто не проигнорировал. Высыпали на улицу, как миленькие.

Ещё на подлёте я оглядел внушительную территорию, которую занимает Совет. Кроме солидного особняка и Арены, вдаль уходил большой парк, с приличного размера озером, а к реке, стройными рядами, спускался ухоженный сад, в конце которого виднелись оранжереи.

– Господа, желаете пройти в Вашу ложу? – обозначил поклон незнакомый мне человек.

– Да, и распорядитесь пожалуйста, чтобы нам принесли красного вина, – ответил государь, освободившийся к тому времени от МБК, – У вас подъезды к Совету крайне не безопасны. Мне только что доложили, что злоумышленники подготовили теракт с применением ядовитых газов. К счастью, наша Служба отработала такой вариант событий, и почти все ключевые фигуры покушения уже взяты под арест.

Похоже, не один я знал, куда нужно смотреть. Лицо князя Юсупова дрогнуло на долю секунды, но потом вновь превратилось в каменную маску, и лишь стиснутые до хруста зубы обозначили себя перекатывающимися желваками.

Чего он никак не ожидал, так это мастерски организованной подставы.

Вместо меня нападение его наёмников произошло на императорский кортеж. Вроде бы, глупая случайность, но видно было, что сам Юсупов в это ни на секунду не поверил.

Попади я в его засаду, и сейчас было бы одно из двух. Или меня бы задержали для выяснения обстоятельств заранее купленные полицейские, а затем передали дело прикормленному следователю, или я там бы и остался, отравленный ядовитым облаком.

Трудно же сходу, среди взрывов, стрельбы и суеты, понять, что воздух вокруг стал ядовитым и требуется особый Воздушный Щит, который у меня есть в арсенале, но на практике я его ещё не применял. Мог и не успеть его вскинуть, не вдруг сообразив, что вдыхаю отраву.

В любом случае, до места дуэли я вовремя бы не добрался, и Юсупов, подождав положенные пятнадцать минут, спокойно бы поехал к себе в имение, а дуэль считалась бы выигранной.

Таковы Правила.

Можно иметь сколь угодно уважительную причину для

неявки, но в наше время это никого не волнует. Уважительной причиной считается только смерть. Да, если ты умер до дуэли, то не будет за это ни позора, ни бесчестия. Во всех остальных случаях, увы… Правила однозначно трактуют тебя уклонившимся от дуэли, и, как говорится, со всеми вытекающими обстоятельствами.

Ничего удивительного в этом нет. Пункт четвёртый Правил практически дословно списан со стародавних «Правил о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде».

Пункт четвертый обязывал офицера, отказавшегося от дуэли, в двухнедельный срок представить прошение об увольнении в отставку; в противном случае он подлежал увольнению без прошения.

Если что, то все дворяне, так или иначе, но сложившиеся правила соблюдать обязаны. И никого не волнует, офицер ты или нет. Нынешний дуэльный Кодекс такую мелочь не предусматривает.

– Олег Игоревич, – услышал я знакомый голос, а повернувшись, увидел знакомого мне архимага. Он, вместе с таким же забавным стариканом, как и он сам, не так давно засвидетельствовал сдачу мной испытаний. Тогда, кроме двух обязательных заклинаний, я им показал ещё парочку, чем привёл обоих стариков в крайнее возбуждение. Особенно их поразила моя эмблема на визитке. Точнее, даже не эмблема, а небольшой такой значок в её правом верхнем уголке. Герб Медведева. Оба хмыкнули, но смолчали. Не говорить же им очевидное. Сам знаю, что Семью Рюминых такой значок не порадует. Но я не смог иначе. Слишком многим я обязан Савве Савельевичу. Сумел мужик переломить себя, и уйти из жизни красиво, оставив меня своим преемником, – Ваши секунданты вас уж заждались. Пойдёмте, я вас им представлю.

С секундантами всё не так-то просто. Дуэль между архимагами – это не только зрелищно.

Надо заметить, что это ещё и крайне опасно, и не только для дуэлянтов. В отличии от традиционных дуэлей, на каком-либо виде оружия, магические дуэли такого ранга чреваты последствиями для зрителей. Оттого и установлено, что у каждого архимага должно быть три секунданта, ответственные за начало дуэли и за безопасность наблюдающих. Не трудно догадаться, что все трое тоже должны быть архимагами. Кто ещё сможет оградить тех же зрителей от случайной ошибки дуэлянта. А ну, как звезданёт он чем-нибудь убойным, и промажет, поймав

встречный удар и пошатнувшись. Тут-то и вступят в дело секунданты, накрывшие зрительские трибуны Щитами.

Кстати, они же и отвечают за снятие преграды в самом начале дуэли.

Дёрнись один из дуэлянтов на долю секунды раньше сигнала, и пропадёт его удар впустую, столкнувшись с барьерами секундантов.

В этом, кстати, кроется ещё крайне тонкий один момент, о котором мне все уши прожужжали Шепелев с Шабалиным. Он касается дуэли магов.

Скажу прямо, среди секундантов тоже часто встречаются заинтересованные лица. Слегка нечистоплотные. Представьте себе, зазеваются они на полсекунды – секунду со снятием барьера между соперниками. Вроде бы ничего страшного. Только не в том случае, если один из дуэлянтов к такой задержке готов, а второй нет. Тот, кто знает о задержке снятия барьера, свой удар придержит, зато второй вложится, и пропала его атака впустую, попав в барьер секунданта, снятый с лёгким запозданием. Человеческий фактор. Обычно с ним стараются не перебирать, но слухи ходят, и факты были. Пропадали иногда впустую первые атаки дуэлянтов, попадая на не снятый своевременно барьер секунданта.

– Готовы ли вы, Олег Игоревич? – ещё один архимаг воспользовался своим правом. В подошедшей троице он был самым колоритным.

В каждой избушке свои погремушки, вот и архимаги придумали себе правило, обходиться без титулований. Идея понятна. Добравшись до вершин магии ты уже сам по себе становишься настолько значимой фигурой, что любые гражданские титулы выглядят нелепыми.

Кстати, это же мои секунданты. Те самые, которые в обычных дуэлях изыскивают все возможности, не нанося ущерба интересам чести и особенно следя за соблюдением прав своего доверителя, для мирного решения конфликта. Причём стоит учесть, что честь по-русски, это крайне своеобразное понятие в этике русского дворянского общества.

В нашем случае с Юсуповым можно считать, что мы оба, как оскорбление, восприняли взаимное нежелание признать своё главенство. Со стороны это странно звучит, но мы оба отказались уступать.

В своё оправдание могу только заметить, что не я, а Юсупов выставил свою кандидатуру, когда я уже был зарегистрирован. Так что, не стоит обвинять меня в мальчишестве. Постарше меня

князья есть, а ещё те задиры.

– Да, господа. Готов. Что от меня требуется?

– Снять свою кандидатуру не желаете?

– Ни в коем случае! – может излишне горячо отозвался я, заставив секундантов переглянуться.

– Тогда про остальное вам можно не говорить. Иных причин для отмены дуэли я не вижу. Пойду, переговорю с секундантами князя Юсупова, и если получу такой же ответ, то кинем жребий, кому на какой стороне Арены быть. Хотя, при такой погоде это абсолютно не важно. Солнце сегодня слепить не будет, – с усмешкой закончил мой секундант, показав на хмурое небо.

– Не уверен, – негромко пробормотал я в спину уходящему архимагу, но был услышан его коллегами, и это вызвало у них смешки.

Не удивлён. Слухи о том способе, который я применил для установления хорошей погоды при испытаниях самолёта, уже обросли невероятными подробностями.

Сам ржал, когда мне их Алёна пересказывала. Самые зоркие заметили самолёт, и доказывали доверчивым слушателям, что по небу летала колесница, как бы не архангела Гавриила, а молнии грохотали такие, что даже в десяти километрах от аэродрома земля дрожала и окна дребезжали.

Секунданты встретились, и судя по их отрицательным мотаниям головы, поделились сведениями о несогласии дуэлянтов решать дело мирным путём. Впрочем, это и невозможно, но существует строгий ритуал, и секунданты должны его выполнить. Затем в воздух взлетела монета, и мой представитель, повернувшись к нам, махнул рукой на правую половину поля.

– Не забудьте дополнительно поставить Акустический Щит, шуметь буду сильно, – предупредил я секундантов, и уверенной походкой пошёл на отведённое мне на Арене место.

* * *

Арена. Огромное поле. Овал, вытянувшийся на полкилометра в длину.

Стылая земля почти полностью очищена от снега. Не иначе, воздушники постарались. Не метлой же такую поляну выметали.

Я задумчиво потопал ногой. Непонятно, что будет, если по такой поверхности пройтись Огненной Стеной.

Да, я опасаюсь луж. Даже не столько луж, столько Молний.

Ими Юсупов владеет в совершенстве и он может саданути не в меня, прикрытого Щитами, а в мокрую землю рядом со мной. Если по земле попадёт, то не страшно, а вот лужи мне ни к чему.

Мы уже проверили, что сама по себе талая вода не сильно страшна. В ней нет солей, и как проводник тока она почти не работает. Но лужа-то на земле…

Чуть позже, после первого пакета заклинаний, я буду использовать Левитацию и Сдвиг, крайне быстро передвигаясь по Арене и постоянно меняя курс, а в самом начале нужно устоять под мощными ударами князя, наверняка умеющего держать не менее пяти готовых заклинаний.

У меня выдалась пауза в пару свободных минут, достаточная, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Вот и сейчас, стою, дожидаюсь, пока до своего места вальяжно доберётся князь Юсупов, а сам думаю.

Ни государь, ни князь Обдорин даже словом не обмолвились о том, что по возможности стоит оставить Юсупова в живых. Что это? Намёк, или тонкий расчёт? Или может они беспокоились, что я начну осторожничать, и сам погибну?

Впрочем, раз они смолчали, то стоит и самому подумать, а как мне будет выгоднее. Понятно, что только в том случае, когда на это есть шансы. Дуэль не обязательно должна закончится смертью одного из дуэлянтов. У нас не тот случай. Будет вполне достаточно, если один из участников окажется не в состоянии продолжить дуэль, и тогда победа останется за другим. Стоит ли при случае оставить Юсупова в живых?

Пожалуй, да. Причин слишком много, чтобы их перечислять. И одна из них, пожалуй, самая значимая – это то, что я не хочу быть пешкой в чужой игре. Не хочу никого убивать только из-за того, что мне предназначили такую роль, в которой это неизбежно. Роль Пугала Империи.

Приняв решение, я сразу отчего-то успокоился, и без труда собрав пакет из первых заклинаний, стал ждать сигнала.

Наконец-то и Юсупов добрался до своего места, небольшого круга у края поля, обозначенного отсыпкой из почти белого песка. Он посмотрел на небо, перекрестился, и сложив на груди руки, повернулся в сторону секунданта, который должен дать нам сигнал о начале поединка.

Наблюдающий за нами секундант, демонстративно проверив, что мы оба готовы, поднял руку вверх, призывая нас к вниманию.

Сигнал!

Первый пакет пошёл!

Щит, Огненная Стена и Трусы… Тьфу ты… Кружавчики, запущенные широким фронтом.

Левитация, Сдвиг… И вот я уже помчался по кромке поля, не оглядываясь на разрывы и огненные всполохи за спиной.

Князя не вижу. На середине поля сошлись в буйстве две Огненные Стены, взметнувшись вдвое выше обычного.

Любоваться некогда.

Еще пара Кружавчиков пошли веером. Сейчас огонь спадёт, и мне надо увидеть, где находится Юсупов, а пока Огненный дождь по площади, а следом за ним его модифицированный ледяной аналог.

Шабалин может мной гордиться.

Паузу я использовал с большим толком и все заклинания были скастованы за рекордно короткое время. Правда, в ответ я уже получил такой же Огненный Дождь на свою половину поля, и пару раз по мне краем прилетело от Молний, бьющих веером, но это мелочи. Накидываю ещё один Щит на себя, подстраховываясь от пробития первого, уже прилично просевшего, и снова в путь, на этот раз змейкой к середине поля. Такой вот скоростной слалом, единственный смысл которого в том, чтобы не стать лёгкой целью и выжить.

Есть у магии один недостаток. Скорость распространения заклинаний. Даже Молнии, самые быстролетящие заклинания, и те летят медленнее, чем те, которые природа росчерками спускает с небес на деревья.

Бамс-с… Пока я оглядывался и маневрировал, один из огненных шаров, выпущенных князем наугад, врезался в мой Щит, откидывая меня метров назад на пятнадцать назад. Не на земле стою, опоры нет.

Силён князюшка. Крупным калибром шпарит, как из пулемёта.

Резко хожу вбок, на ходу обновляя Щит. В то место, где я только что был, прилетает ещё несколько шаров Огня, а потом его накрывает ветвистая молния.

Отвечаю Кружавчиками и Кометой, приблизительно сообразив, откуда по мне летели подарки.

Кометой точно промазал. Ещё одна очередь шаров полетела в ответ с той стороны, и снова, наугад, через уже спадающую Огненную Стену.

– Тр/у/сы, Тр/у/сы, Тр/у/сы! – запускаю я целый рой весёлых магических паразитов, стараясь этим веером накрыть весь противоположный сектор поля.

В ответ получаю ещё одну Огненную Стену.

Хитёр и опытен Юсупов. Моментально сообразил, что благодаря Кружавчикам он будет виден, как на ладони, и тут же закрылся Стеной Огня, вынуждая и меня снова делать то же самое. К слову сказать, очень затратное заклинание, эта Стена. Не мелочится князь. Главное, не дать ему преимущества, когда я попаду под это заклинание и выйду из него ослеплённым. Тут-то он и отыграется, заставив меня уйти в оборону.

Запускаю такую же Стену навстречу, и опять наблюдаю за буйством Стихии, не забывая перемещаться.

Так дело и до ничьей может дойти.

Дальше что, на кулаках биться будем? Или у князя ещё есть какой-то трюк в запасе?

Нет, доводить поединок до такого финала у меня отчего-то нет никакого желания. Значит, ничего другого мне не остаётся, как вламываться через обе Стены на его половину Арены. Там сейчас тоже должно быть весело. Огненный Дождь вперемешку со Льдом с неба летит. Юсупову наверняка чертовски неуютно. По крайней мере Щиты ему обновлять нужно постоянно и достаточно часто.

Ага, а вот и подходящее место нашлось. Наши Стены сошлись под некоторым углом друг к другу, и с одного края уже почти доедают одна другую. Вот-вот погаснут.

Я стремглав кинулся к нужному краю поля, на ходу собирая Комету и ещё один Щит.

Есть у меня определённая надежда на Кружавчики, которые должны роем виться вокруг Юсупова. Если повезёт, туда и врежу со всей дури, а дальше бой покажет, как поступать.

– Тр/у/сы! – послал я вперёд себя ещё один рой паразитов, и на полной скорости пересёк уже почти погасшие Огненные Стены, уничтожавшие друг друга.

На половине Юсупова была баня.

Это сравнение первым пришло мне на ум.

Две взаимно противоположные Стихии – Огонь и Лёд, в своём противостоянии создавали целые облака густющего пара, местами опадающего обильными хлопьями снега, которые снова скрывались в беспросветном тумане.

Да, если Юсупов хотел стать невидимым, то теперь у него всё получилось. Найти его сейчас можно только на ощупь. Всё остальное скрыли облака пара, и лишь узкая полоска, метров в пять-семь шириной, идущая вдоль остатков Огненной стены, сжигающей своим жаром любую чуждую ей магию, ещё как-то просматривалась.

Внезапно, настолько неожиданно, что я даже вздрогнул, из

клубов туман вывалилась фигура Юсупова. Маг успел остановиться перед самой Стеной, и словно почувствовав что-то, резко развернулся в мою сторону.

Рефлексы, вбитые Шепелевым на тренировках, сработали раньше, чем я успел что-либо понять.

С неба сорвалась Комета, и за те полсекунды, которые она летела, Юсупов успел многое…

Он расправил плечи, и презрительно ухмыльнулся. Так, словно это он только что выиграл.

– Красиво ушёл… – только и смог сказать я, как-то разом поняв, что скрывается за ухмылкой князя.

В Империи не заводят дел против умерших или погибших. Своей смертью Юсупов только что спас свой Род и Клан от обвинения в коронном преступлении.

Прожил князь Юсупов всю свою жизнь в уважении, а своей смертью заставил уважать себя ещё больше.

По крайней мере меня, отчётливо понявшего, что князь в поединке искал себе смерть, и сделал её максимально убедительной для окружающих.

А как он правдиво бой изображал… Ни у кого язык не повернётся сказать, что это выглядело не так.

Я, хоть и был разгорячён боем, но всё же сумел перебороть себя, и поклонившись, перекрестил воронку, ставшую местом упокоения князя. Успел заметить, что он был верующим.

Достойный был противник, и урок он мне преподал такой, который никогда не забудешь.

– Господа! Хочу представить вам нового Главу Совета Архимагов! – услышал я усиленный магией голос Императора, когда развеяв заклинания, направился к центральной трибуне, – Князь Бережков Олег Игоревич. Прошу любить и жаловать.

Как мне показалось, последние слова государь произнёс с лёгкой иронией.

Зря он так.

Мне сейчас не до шуток.

И могу сказать, что я стал взрослее, многое поняв за короткое время поединка.

Глава 59

Жизнь – штука непредсказуемая. Порой в ней происходит столько всего интересного, что все планы летят… Сами понимаете куда.

Не, я вообще-то не жалуюсь. Я просто констатирую факты.

А начиналось всё вроде бы хорошо.

В моем списке особо срочных дел, каждое из которых без всякого сомнения требует моего личного вмешательства, всего-то осталось сорок восемь пунктов.

Небольших таких. По сути, с каждым из них можно разобраться за неделю – другую, а то и меньше. Жалкие сорок восемь недель, без выходных, и вот вроде бы и всё. Какие проблемы…

Только где бы их ещё взять, эти недели?

Да и не бывает всё так просто. Пока одни решаешь, другие комом накатывают.

Неделя ушла на разбирательство с Советом Архимагов. Тут мне очень помог внутрисемейный аудит в лице Алёнки. Вгрызлась моя жёнушка в финансовые документы, которые у магов, мягко скажем, не блистали.

Ни качеством ведения бухгалтерии, ни особыми прибылями Совет Архимагов не отличился, зато удивил расходами по содержанию библиотеки. Когда жена обратила на них моё внимание, я лишь недоверчиво покрутил головой. На такие деньжищи целый год две деревни можно кормить от пуза, и то ещё останется.

Понятно, что изначально о нехорошем подумал. О воровстве. С такой мыслью и посетил книгохранилище, занявшее добрую половину подвальных помещений под дворцом Совета.

Всё оказалось значительно проще, и в какой-то степени, смешнее.

Маги не стали заморачиваться с обычными технологиями, и в результате все помещения отапливаются, освещаются и обогреваются достаточно древними магическими артефактами, на постоянный ремонт и зарядку которых и уходят деньги.

Ознакомившись с техномагической частью подвального оборудования, я почесал затылок. Да, уж. Накрутили тут изрядно. Несложно догадаться, что никакого инженерного подхода в подборе и размещении оборудования практически не было, как не заметил я и хоть какого-нибудь внятного проекта.

– Изначально никто не предполагал, что наша библиотека так разрастётся, – рассказал мне седой измученный старик, представившийся главным библиотекарем, – А тут ещё зима крайне тяжёлая выдалась. Нас трое здесь работает. Мы с Кириллом Мефодьевичем, маги десятого уровня, и Олег, с недавним восьмым. Так даже наших сил постоянно не хватало, чтобы артефакты заряжать и с плесенью бороться, – тут дедок вынул из внутреннего кармана плоскую серебряную фляжку, и болтанув её, влил себе глоток в горло, – Ох уж, эта плесень. Дьявольская субстанция. Ты её только в одном углу выведешь, глядь, а она уже в другом на стены лезет. А у нас книги! Больше пятидесяти тысяч уникальных экземпляров и рукописей. А ещё ремонты постоянные! То одно откажет, то другое протечёт. Ужас!

– Ого, откуда столько! – поразился я, представив, какой пласт знаний по магии здесь накоплен за века.

Как-никак, а Совет Архимагов учреждение древнее. Основан задолго до становления Империи. Когда-то предполагалось, что именно он, этот Совет будет страной управлять, но нет, не сложилось. Чтобы страной управлять особый дар и талант нужен, который, ну никак к магии отношения не имеет.

– Так традиция, – развёл дедок руками, – Наши-то маги изначально память о себе трудами оставляют. Вот и от Медеведева неделю назад полка открылась. До этого она им в недоступности сохранялась, а как умер наш Савва Савельевич, так и спало заклинание, раз накопители некому стало подзаряжать.

– Труды Медведева… Тут! У вас? – моментально навострил я уши, резко разворачиваясь к старику всем корпусом.

Ничего себе новость! Я полученное от него наследство в виде заклинаний ещё до конца не выучил, а тут целая полка трудов архимага. Очень вовремя. Теперь многое может стать более понятным, а то мы с Шабалиным порой руками разводим, не в силах понять, что у Медведева не так в его личных заклинаниях. Не должны они быть такими, как у него. Вроде, неправильно это, но отчего-то всё работает.

– У нас, конечно. Где же им ещё быть, если Савва Савельевич у нас же и жил. Вы попросите кастеляна, пусть он вас в его бывшие покои на третьем этаже сводит и в башенку к нему загляните. Они, вроде как по праву теперь ваши. А то, что вещи там какие остались, так это с ним решите, что и куда. Что-то наследников у Медведева я не припомню, а ученики его, сказывают, как с Медведевым ушли, так там все и сгинули.

– А наследников точно нет? – уточнил я на всякий случай у деда.

– Сколько мы с ним вместе не сиживали, так он ни разу ни о ком не упоминал, – пожевал старик сухие губы, кивая при этом каким-то своим мыслям.

– Дружили?

– Это вы, молодые, легко и быстро сходитесь, – усмехнулся библиотекарь, – Вот станете постарше, сами поймёте, что с возрастом друзей находить в разы тяжелее. Так что, мы скорее приятельствовали, и то, в меру. Границ не переходили. Так, проведём иногда вечерок под винцо вместе. Поговорим неспешно о том, о сём. Молодость вспомним.

– И давно вы с ним знакомы? – поинтересовался я у деда, сообразив, что наконец-то нашёл того человека, у которого могу многое узнать о легендарном архимаге.

– Лет тридцать, а то и больше. Сильно помог мне тогда Савва Савельевич. Да, поди, вы и сами увидите, коль возьмётесь его труды изучать. Он как-то раз сказал, что целую методику на моём примере разработал. До него с кем я только не консультировался, все в голос твердили, что седьмой уровень – это мой потолок, и то вряд ли достижимый при жизни.

– Ага, а теперь у вас десятый. И что, дальше ничего не получается? – с интересом уставился я на дедка.

– Дальше… – усмехнулся старик в бороду, – Дальше я уже не тот стал. Это молодым невтерпёж. Всё им хочется необычность свою доказать. А с возрастом такого желания становиться всё меньше и меньше. К тому же, у меня целая прорва примеров перед глазами оказалась. Посмотрел я на наших архимагов, да и поумерил прыть. Хлопотно архимагом становиться. Не в моём возрасте самому себе лишние заботы выдумывать. Вовремя сообразил, что стану я, к примеру, архимагом, и весь мой жизненный уклад в тартарары. А я уже к здешнему месту привык. Сжился. Тут до смерти и хотелось бы жить и работать, коли вы не против.

Тут библиотекарь испытующе посмотрел мне в глаза. Не врёт старик. Хочется ему здесь остаться. У него свой смысл жизни.

– Покажете мне, где труды Медведева хранятся? – спросил я у него.

– Отчего же не показать, Пойдёмте, – как-то легко согласился старик, и первый устремился в нужный коридор, ведущий в небольшой зал.

Подойдя к указанной им полке, я наугад вытащил один из фолиантов, больше похожий на амбарную книгу, и открыв его посредине, начал читать. Этой книгой оказался рабочий журнал десятилетней давности.

Оторваться я смог лишь через полчаса. Обвёл вокруг себя очумелым взглядом, и увидел у соседних полок библиотекаря, что-то увлечённо протирающего там тряпкой. Надо же, вроде ведь и маг, а он руками работает. То ли привычка, то ли не вся магия к книгам применима.

– Можно сделать так, чтобы ни один листок с полки Медведева не покинул стены этого зала? – отчётливо и громко задал я ему вопрос, стряхивая с себя наваждение, вызванное пластами Знаний, только что вычитанных в рукописи.

– Отдадите мне распоряжение, так я вообще эту полку на инвентаризацию закрою, – хитр/о/ ухмыльнулся библиотекарь, – Тем более, что никто, кроме нас с вами о ней пока не ведает. В каталоге мы труды отметили, но кто в него заглядывает…

– А другие возмущаться не станут? Вдруг всё таки есть любопытные?

– Против меня это бесполезно. Я любому отвечу, что распоряжение Главы исполняю. А против вас… Вряд ли кто вслух будет. Слишком уж вы резко начали, чтобы наша публика с построения контр решилась отношения с нынешним Главой строить. Опять же, как сходу определишь, чьё заклинание на недоступность на полке стоит. Пусть так и считают, что его ещё покойник наложил, – хохотнул старик, и я как-то сразу понял, что на самом деле, плевать он хотел на всех архимагов.

У него тут своя жизнь. И в этом состоит моя вяло текущая проблема.

Старик пока не признает меня, и ещё не раз будет меня проверять.

Нет, так дело не пойдёт. Нужно взаимопонимание.

– Думаю, мы сработаемся, – улыбнулся я в ответ, – И спасибо за понимание.

– А правда, что Савва Савельевич вам свою звезду сам отдал? – догнал меня в спину вопрос библиотекаря, застав уже на выходе из зала.

Угу… Сработало!

* * *

Эх, дела – делишки. У меня скоро Дарье рожать, а тут войнушка намечается.

Можно бы и без меня там обойтись было, но вмешался непредвиденный фактор под названием Антон Рюмин.

И теперь у меня два Рюминых под вопросом.

Откуда второй?

Так князь Константин примчался, услышав от своего друга – капитана восторженные отзывы про преображённый на моих верфях «Айвенго». И тут же, сходу, на доработку второго дирижабля сумел договориться, да так ловко, что я и сам не понял, когда и как согласие дал.

– Зима нынче тяжёлая была, – объяснял вскоре князь Константин свой быстрый приезд, когда мы втроём, все три князя, уединились у меня в кабинете, – Степняки, говорят, не спокойны. Могут раньше времени в набеги сорваться. К тому же, ходят слухи, что французы их оружием вдосталь снабдили. Точное количество неизвестно, но предположительно можно сказать, что на пару – тройку тысяч добрых винтовок в степи больше стало, а по худшим прогнозам, на все восемь – десять тысяч. И это к тем, что там и так имелись. Чтобы вы понимали, у меня по той границе наместничества всего полторы тысячи бойцов на заставах и две с половиной сотни в гарнизоне, а протяжённость границы сами знаете какая. Ещё дружину Гончарова можно в рассчёт принять, хотя там и всего тысяча двести вояк, но они конные. Всё равно, не сдержать нам такую толпу степняков. Разве только мы успеем к месту прорыва подкрепления перебросить, чтобы на обратном пути часть полона отбить. Я тут поговорил с теми, кто экономику кочевников знает. Получается, нечем им с французами за оружие рассчитаться, кроме, как рабов за золото в Персию продать. Тех, кого они в это лето с наших земель угнать смогут.

– Вызвать армию. Пусть разнесут все кочевья на тысячу километров к чёртовой матери! – решительно рубанул Антон Рюмин воздух рукой, – Пора им узнать, что всему есть предел! По мне, так они бандиты, а для бандитов любые меры хороши.

– Кавалерийский полк, а лучше пару, – подсказал я, – Пусть пройдутся по тому берегу Урала. Без опорных баз большие силы далеко не уедут, да и пленников обратно тащить за сотни километров – это так себе затея. Высохнет степь, мы грузовики с бойцами можем пустить.

– Был такой план на эту весну, – одобрительно кивнул Константин, – Если бы не заговор, то выделили бы мне кавалерийский полк. Вместо них вчера два пехотных батальона дали, но и они прибудут через полмесяца – месяц. Железная дорога перегружена из-за взорванных мостов. Обещали быстрее постараться, но сами понимаете, – развёл князь руками, – Короче, мне посоветовали на месте изыскивать силы. Буду добровольцев собирать. Генерал Каргальский четыре самоходные установки пообещал выделить, с тройным боезапасом. Хочется ему на деле их опробовать. Так что, перехватить злодеев у нас будет чем, не всех конечно, но основных попробуем прищучить. А у меня в

мыслях направление их главное разведать. Для этого и нужны дирижабли с хорошими рациями. Так что, на первый вылет сам полечу. Нужно своими глазами увидеть, что к чему.

– Я с тобой. В два дирижабля сподручнее выйдет, – тут же подскочил с места Антон, – У меня хоть и нет пушек с пулемётами, но мы у Олега бомб попросим. Знаешь, как я их кидать умею! Скажи, Олег.

– Да здорово ты их кидаешь. Лучше всех, – успокоил я разошедшегося Антона, – Только не слишком ли ваш вояж авантюрой попахивает, а, родственнички? Я всё понимаю, но два князя, оба члены Императорской Семьи – это ли не мечта кочевников? За вас французы им не то что винтовки, пулемёты сотнями пришлют, а то и артиллерию подкинут.

– И что ты предлагаешь? – набычился Антон, садясь обратно на место.

– Втроём полетим. В три дирижабля. У твоего, кстати, шлюз есть. Пятёрку пилотов в МБК с собой возьмём. В степи им цены нет. Они там просто лучшие!

– Ага. То есть, если два князя в плен попадут – это плохо, а если три, то гораздо лучше, да? – не удержался Антон от шпильки в мой адрес.

– Ты одну ма-а-а-ленькую деталь не учёл, – насмешливо протянул я, заметив как-то раз, что именно так с Антоном общаются его сёстры, когда особенно хотят ему досадить, – Я, если что, архимаг. А с учётом того, сколько я с собой возьму накопителей, то наша экспедиция в корне меняет свой характер. Мы сами станем тем самым кавалерийским полком.

– Учти, у кочевников тоже есть маги. Они их шаманами кличут, но сути это не меняет, – прищурился Константин, поняв, что шутки закончились.

Простого разведывательного облёта теперь не предвидится.

Три дирижабля, два из которых вооружены парой стрелковых полусфер, из которых торчат спаренные двадцатимиллиметровые автоматические пушки – это аргумент. По крайней мере для кочевников. Да и вообще, для всех степей. Насколько я помню, кроме банальной стрелковки, ничего приличного там нет и не было.

Третий дирижабль, под командованием Антона Рюмина, кстати, тоже так себе подарок. Пятеро пилотов в МБК и бомбы.

И как изюминка на торте – я, собственной персоной! Великий и ужасный архимаг. Этакий сюрприз посреди степи, млин.

Ой, что будет…

* * *

Сборы были недолги.

Все три дирижабля на рассвете покинули Бережково и направились в Камышин. Там нас ждала дозаправка, а потом мы сделаем первый пробный вылет, воспользовавшись остатками светового дня. Насыщенная программа получается для первых суток, а что делать. Время- это даже не река. Его не остановить.

Все летим с небольшим перегрузом. Я, так и вовсе с большим, что впрочем, не страшно. Свой дирижабль я постоянно на подкачке держу, а накопителей у меня с собой взято с избытком.

Хуже всех приходится Антону. К счастью, у него оба пилота маги с десятыми уровнями, да и он сам Одарённый, так что с подзарядкой справятся, а после посадки в Камышине я помогу. Забегу к ним и заряжу их по полной.

Со мной летит Степан и пятеро радистов с новыми рациями.

Пришлось наступить собственной жабе на горло и поделиться с князем Константином. Так то это я для себя то и другое готовил. Я про рации и радистов. Плюсом к каждой рации идёт новенький пулемёт «от Лобаева». Хорошая машинка. Надёжная и скорострельная, под обычный стрелковый калибр. Самоё то, для усиления застав, снабжённых дальнобойными передатчиками.

Немного про рации.

Землями я вырос, вот и потребовалась связь. Степан с его спецами постарались и теперь у нас есть очень приличные радиостанции, а заодно и обученные радисты.

Новенькие рации уже опробованы. Даже у нас, среди лесов и холмов они обеспечивают сто двадцать километров уверенного приёма, а уж в степи должны дать и того больше.

Пробный вылет после Камышина у нас собственно и будет посвящён облёту трёх основных застав, на которых мы разместим первых радистов. Четвёртого перебросят на центральную заставу в Прудентов, а пятую рацию Степан разместит в казарме Камышинскго гарнизона.

Таким образом, хотя бы юго – восточная часть границы у князя Константина будет всё время на связи и под контролем. Та самая, которую его друг – капитан, приглашённый нами на обсуждение предстоящей операции, считает самым вероятным направлением предстоящего набега степняков.

Благодаря своим радиостанциям наши радисты могут поддерживать связь со многими заставами, где пока стоят старые маломощные рации, зачастую с запасом перекрывая друг друга. Прудентовский же узел связи будет транслировать информацию в случае сбоев уже непосредственно в Камышин, где её ждёт

командование гарнизона и дружинники князя Гончарова.

Границу самого густонаселённого края наместничества мы связью перекроем, а там попробуем и разведку с воздуха организовать. Пора заканчивать с набегами кочевников. И просто обороняться в этот раз мы не собираемся.

Отчего я так решительно? Так подмога в Камышине к нам присоединилась.

Ага, ещё два вроде бы вполне гражданских дирижабля, сделанные на моих же верфях. Не может, видите ли, князь Гончаров не поучаствовать в таком славном деле, как вылазка к кочевникам. И вроде же объяснили ему, что мы всего лишь рации развезём, а потом вдоль реки Урал немного пройдём, ан нет, как мальчишка себя князь повёл.

Короче, мало того, что сам летит, так ещё и сына с собой берёт. Того самого княжича, которому я как-то раз кинжал дарил. Паренёк пока ещё не понял, что положение у меня немного поменялось, и похоже, уже заработал подзатыльник, выданный ему князем Гончаровым собственноручно. Вроде и втихаря, без свидетелей, но звучно. Я даже оглянулся, когда услышал.

Нет ну пикник, ей Богу, пикник какой-то получается, а не боевой вылет. Ладно хоть, во втором дирижабле у Гончарова боевая звезда магов летит. Так то неплохая силовая поддержка, если что вдруг пойдёт не так. Зато сам князь снайперской винтовкой вооружился.

Я с трудом улыбку сдержал, когда это увидел.

Ага, дирижабль, он только с виду спокойно и вальяжно по небу плывёт, а на самом деле вибрации в той же гондоле имеют место быть. Где уж тут точный выстрел сделать.

Ну, лиха беда начало, как говорится. Слетаем первый раз, а там видно будет, кто и в чём прав.

* * *

Таттимбет считал себя акыном. Да, слава к нему ещё не пришла, но даже старики, и те слушают его песни с удовольствием. А год назад ему и вовсе довелось выступать перед самим Жангир ханом, человеком, известным любому в Букеевской Орде. За его песню «Кокейсти» хан собственноручно пожаловал ему кинжал с золотой рукоятью. Великая честь! Больно уж по душе пришлись хану слова про русских, отбирающих у степняков земли и пастбища, а охранники и гости хана, те от восторга и

вовсе начали в воздух стрелять, и кричать громко, обещая изгнать чужеземцев обратно за Волгу. Таттимбет не стал говорить, что песню свою он посвятил деду, часто рассказывающему про то, как он провёл свою юность на берегу Великой Реки, куда его семья по лету пригоняла свои отары. Теперь там поселились чужеземцы. Они перепахивают степь, строят крепости и не пускают кочевников на привычные им пастбища.

Деду Таттимбет верил, оттого и старался не задавать глупых вопросов. Ещё несколько лет назад, когда он впервые получил под командование десяток таких же, как и он, юных и безбашенных парней, они были как раз в тех местах, про которые рассказывал дед. Одно только непонятно. Отчего на землях, которые все степняки считают исконно своими, до сих пор громоздятся исполинские развалины, построенные кем угодно, но только не кочевниками.

Тихо напевая под нос, Таттимбет углубился в свои мысли. Кочевнику, половину своей жизни проводящему в седле, езда не мешает думать. В этот раз он командует сотней. Впервые, но от того молодой воин не чувствует неуверенности. Отец похлопотал и одним из десятников у него сам Нургис Жубанов. Опытный воин. Матёрый. У такого и совета спросить не зазорно, да он и сам не станет молчать, если ошибку молодого сотника заметит.

– Нургис, я хитрость одну придумал, – чуть придержал своего верного коня Исмагила молодой сотник, поджидая Нургиса, – А что, если мы попробуем урусов обмануть?

Говорить приходилось громко. Сильный ветер застал их в пути, но пока он к счастью дул в спину, словно помогая сотне быстрее добраться до цели. Сотня шла ходко. Все выспались, кони отдохнули, и даже не просохшая степь, в низинах показывающая языки ещё не растаявшего снега, пока не стала помехой.

– Слушаю тебя, жигитим, – едва заметно улыбнулся десятник, отчего от краешков его прищуренных глаз веером разбежались чуть заметные морщинки.

– Мы к русской заставе можем добраться к вечеру. Покажемся им всей сотней, выстрелим пару раз и отойдём. Там как раз лощина есть, в которой они нас не достанут, а потом оставим десяток – полтора молодых, и пусть они в темноте ещё пару раз ночью постреляют. Урусы будут думать, что мы вот-вот на них нападём, а мы обойдём их незаметно и захватим посёлок на берегу. Если много добычи не брать, то к утру обратно за линию застав выскочим.

– Урусы хорошие вояки. Определят, что мало народа стреляет, – чуть подумав, отрицательно покачал десятник

головой.

– Я своим парням велел старые ружья прихватить, а не только с новыми винтовками ехать. Можем полтора десятка молодых у заставы оставить, пусть разобьются по пятёркам и будут шуметь с разных сторон из двух стволов. Нам главное, чтобы урусы в оборону засели, ожидая ночного нападения.

– Ружья и винтовки… – уставился в гриву своего коня Нургис, – А ты знаешь, может быть и удастся хитрость. Я бы точно на их месте засомневался. Заставы мы, правда, редко когда брали. Урусы умеют оборону держать, и смысла в таких атаках нет. Нам же не война нужна, а доход. А какой может быть доход с заставы? Больше потратишь, чем получишь. Другое дело, если тебе за уничтожение заставы пообещали заплатить? – выразительно глянул на него десятник.

– Нургис, зачем ты меня обижаешь? Про заставу отец велел узнать, не усилили ли урусы её за зиму. Воевать мы с ними не будем. Сотня против заставы? Нет, не осилим. Это просто отвлекающий манёвр, – со вкусом выговорил молодой сотник мудрёное слово, – Там дальше посёлок на берегу небольшой есть, почти без охраны. Сомнём его быстро. Похватаем, кого можно, и ходу. Главное – не жадничать. Одвуконь чтобы всё увезти. Тогда завтра к вечеру до кочевья Бауыржанбека доберёмся, а там нас встретят. Сразу два дела сделаем. Задание отца выполним и сами с добычей вернёмся.

– Неужто торговцы на эту сторону Урала приедут? – недоверчиво хмыкнул Нургис.

– Нет, конечно же. Отец свою сотню пришлёт и лучшего шамана. Самого Самира. С ним мы от любой погони отобьёмся, – гордо усмехнулся Таттимбет.

Первый наследник, командующий в его-то возрасте сотней – это гордость отца. Неудивительно, что именно его отец выделил из всех остальных сыновей, и всячески пытается способствовать своему старшему сыну, ненавязчиво помогая в особо трудных моментах.

– Самир сильный шаман. Видел я его в деле, – повеселевшим голосом подтвердил Нургис, и оглянувшись назад, отправился подгонять отстающих.

Таттимбет хотел уже было снова вернуться в голову колонны, как его верный Исмагил заволновался. Конь прядал ушами и выворачивая голову, с опаской смотрел на небо в сторону Солнца.

* * *

Завывая моторами и бешено молотя воздух винтами наша пятёрка дирижаблей рванула в степи. Впрочем, рванула – это громко сказано. Ветер встречный и очень сильный. Один только мой дирижабль выделился из общей массы.

Нет на «Кречете» винтов. На нём стоит гибридная установка из двух реактивных двигателей и пары магодвижков.

Все мы, читая оставшиеся от предков книги, при словосочетании «реактивный двигатель» сразу представляем себе сверхзвуковые истребители. В моём случае всё не так.

«Кречет», с усиленным корпусом, уверенно держит скорость в двести сорок – двести пятьдесят километров в час. Но мы, при его создании, не гнались за скоростью. Пожалуй, двести пятьдесят километров в час – это тот порог скорости для дирижаблей, переходить за который выйдет себе дороже. Мы в расчёт брали более прагматичные моменты.

КПД, Температура, Надёжность! Вот три главных козыря реактивного двигателя, которые никаким другим двигателям не переплюнуть. Причём, как по «букету» параметров, так и по каждому из них в отдельности.

– Это что за непотребство? – спросил меня князь Константин, когда я ему первый раз показал «Кречета».

Нет, ну его можно понять. Только что он осматривал свой «Айвенго», и даже не поленился подняться на стапеля, чтобы с любовью потрогать полированную гладь металлических винтов. Это уже далеко не те его деревяшки, которые подвели «Айвенго» во время Императорской регаты. Огромные винты, внушающие уважение одним своим видом.

И тут, вдруг, у него перед глазами дирижабль, на котором вовсе нет винтов!

Ни одного! Этих огромных многометровых пропеллеров, которые у любого нормального человека ассоциируются с дирижаблями.

– Реактивные двигатели. Гораздо больший коэффициент полезного действия, сами двигатели намного легче и надёжнее, – привычно пояснил я, уже не первый раз столкнувшись с такими вопросами.

– А те свистульки – это ваши техномагические штучки? – с нехорошим таким интересом уставился князь на магодвигатели.

С завистью, если что.

Ещё бы, я его на гонках уделал именно с их помощью.

Три его лицензионных «Майбаха» двух моих «Ярославцев» просто на лопатки бы клали, при обычном-то раскладе.

Нет, ну не объяснять же ему, что дело не только в мощности моторов. Нет у меня времени на лекции.

Многие слепо уверовали в эти нелепые цифры в каталогах, и не хотят понимать головой, что не всё зависит от тех цифр, которыми производители слепят глаза. К примеру, у того же «Айвенго» редукторы неудачные. Движки у «Майбаха» максимум мощности на шести тысячах оборотов отдают, а они, эти максимальные обороты, никак не соответствуют оборотам винта и редукторам, которые не тянут эти шесть тысяч. Вот и разорвало винт у князя Константина, когда он решил в отрыв пойти.

Мы с ним посчитали, хохмы ради. Так, навскидку. С помощью логарифмической линейки, которой меня научил пользоваться Густавсон. Выяснили для себя, то при разрыве винта его движки работали на семьдесят процентов мощности, на четырёх с половиной тысячах оборотов, может, сотни на две-три выше, но не больше. И не спрашивайте, сколько лошадок они в тот момент выдавали.

Это я к чему рассказываю. Любой агрегат должен быть сбалансирован. Одной силой мотора ничего не решить, если вся последующая за ним цепочка агрегатов на то не предусмотрена.

Нет, ну сами подумайте, зачем мне мощный мотор, если редуктор и винт не смогут использовать его силу на всю катушку?

Это как с машиной. Движок можно форсировать, а зачем это нужно, если всё остальное ему не соответствует? Чтобы сцепление рвать и тормоза греть до белого каления? Так долго не прокатаешься.

– Наши реактивные двигатели хороши уже тем, что в них нет ни одной вращающейся части. Наддув вместо турбины выполняет магический нагнетатель, который опять же работает от избыточного тепла камеры сгорания основного двигателя. Сами посудите, коэффициент полезного действия у реактивного двигателя больше сорока процентов, и это против теоретических двадцати пяти у бензинового.

– Если всё так хорошо, как вы, князь, говорите, почему на них никто не летает? – недоверчиво нахмурил лоб князь Константин.

– Нет пока технологий для изготовления турбин. Да и с жаростойкими сплавами огромные проблемы. Мне говорили, что немцы в этом направлении дальше всех продвинулись, но без всякого хвастовства замечу, что до наших двигателей им ещё крайне далеко.

– Посмотрим, как вы с ними управляться в нашей совместной

экспедиции будете. Отчего-то я пока им не очень доверяю. Как бы сказать помягче, неубедительные они какие-то с виду, – покрутил Константин в воздухе рукой, жестом дополняя речь, – Но для самолётов они наверняка подойдут, не так ли? – как всегда красиво намекнул он на что-то такое, чего мне надо будет потом обдумать.

Знаю я их намёки, чуть не каждое слово у этих князей с каким-то значением.

После Камышина мой «Кречет» показал себя во всей красе. Мы шли между рекой Урал и заставами, и время от времени, я обгонял группу, и делал небольшой крюк, выгружая на нужные заставы рации и радистов. Это оказалось нелёгким делом. Сильный ветер, дувший из глубины степей, сделал высадку крайне напряжённым занятием, особенно, если учесть, что на заставах не предусмотрено ни лётного поля, ни причальных мачт. Садится на землю мы не решились, и в итоге радиста, рацию и пулемёт с запасом патронов спускали лебёдкой. К третьей высадке уже наловчились, и отработали её, как на показательных выступлениях. Но ветер всё равно адский.

Нет в степях метеостанций, от того карта ветров, которая у нас очень неплохо обновляется по всей стране, здесь попросту отсутствует. Никак мы не ожидали непогоды, а вот на тебе. Ветрище такой свищет, особенно приземный, что удержать дирижабль при высадке – высокое искусство, совершаемое на грани фола.

Тревожным сигналом рация заверещала как раз в тот момент, когда я хотел похвастаться идеальной высадкой радиста на самой последней, третьей заставе.

Ну вот так! Всё, как всегда. Самые исключительные моменты никогда не успеваешь озвучить. Всегда что-нибудь, да помешает.

Всего-то я сейчкас отделился от общей группы километров на двадцать – двадцать пять, а у них уже приключения начались.

– Тревога! Около сотни степняков идут к нам. Направление держат на седьмую заставу. На разведку не слишком похоже. Почти все одвуконь, – услышали мы в динамиках голос князя Константина, шедшего впереди всех на высоте три тысячи метров, – От меня до них километров десять – двенадцать.

– За живым товаром пришли, – спокойно подтвердил Гончаров по рации, – Прикончить нужно гадов. Чтобы ни один обратно не ушёл. Пусть потом их старшие гадают, куда целый отряд пропал, а мы ещё и по следу пройдём. Чую, есть у них

кочевье неподалёку, – последние слова Гончаров просто прорычал, умудрившись сделать это каким-то громким шёпотом.

Следы в непросохшей степи хорошо видны. Тут и следопытом быть не нужно, чтобы увидеть темные цепочки оставшиеся от копыт, проломивших чуть подсохшую верхнюю корку солончаков, а уж где сотня конных прошла, так с воздуха её след за километры видно.

– Вы не лезьте без щитов. Один справлюсь, – услышал я по рации голос Константина.

– Парни, поторапливайтесь, – оглянулся я на пилотов, прислушиваясь к трескам радиоэфира.

– Ветер сильный, – пожаловался один из них, – Практически встречный. Километров семьдесят в час из-за него теряем.

– Можем выше подняться. Только вы же потом снижаться опять прикажете, – повернулся ко мне другой пилот, улыбаясь.

Конечно. Так и будет.

Разделил я экипаж «Сапсана», и теперь первым пилотом на «Кречете» летает бывший «сапсановец», который мои повадки хорошо знает. Я уже от нетерпения ёрзаю. Так мне хотелось посмотреть на боевые возможности «Айвенго», и тут такой облом. Не успею.

Я, когда услышал от капитана Кузнецова, того самого, которого мне князь Константин послал в качестве сопровождающего, о выделенном бюджете на модернизацию «Айвенго», то решился на очень серьёзные работы. Основательно мы поработали над дирижаблем. Теперь его техномагическая составляющая может служить примером тому, как далеко могут увести фантазии конструкторов, если их не сдерживать рублём.

Усольцев, смеясь, сказал почти что правду:

– Если ещё немного добавить, то этот дирижабль у нас без гелия полетит. Жаль, прочность каркаса не позволяет, а то можно было и попробовать.

Ну, раз одно не получилось, мы на второе навалились.

Тепла-то от трёх двигателей с избытком. Мы этот избыток культурно превратили в магию, облепив движки теплосъёмниками, добавили накопителей, и забабахали такие Щиты, что «Айвенго» теперь не одну сотню попаданий из обычного стрелкового оружия сможет выдержать без всякого вреда для себя.

Так что за князя я не слишком волновался, но всё равно

поторапливал пилотов, сам время от времени посматривая в бинокль на всё ещё очень далёкие точки дирижаблей.

Вскоре я увидел всю картину как бы со стороны. Князь Константин очень грамотно занял позицию, выставив свой дирижабль по ветру, и немного сместил его, открыв обеим орудийным полусферам шикарный сектор обстрела.

И автоматические пушки показали себя!

Как по мне, так ни к чему бы в степях такой калибр. Избыточен. Но опять же, для двадцатимиллиметровой пушки полтора километра – это нормальная, рабочая дистанция стрельбы. Даже целится особо не стоит. Каждый третий снаряд трассером покажет, куда он летит. Знай себе, наводи огненную нить на цель, в клочья разрывая лошадей и всадников.

Да, именно в клочья…

Я опустил мощный морской бинокль, и непроизвольно взглотнул, а потом шумно выдохнул воздух.

Ничем другим, кроме, как оторванной по плечо рукой, тот странный обрубок, упавший на уцелевший островок снега, быть не мог.

Зря я его так пристально разглядывал, пытаясь понять, что вижу.

– Отпусти ты его! – услышал я сердитый голос князя Гончарова в динамиках, – Смотри, какой красавец!

Эти слова, непонятные в свете происходящего, заставили меня вновь прильнуть к биноклю.

По полю нёсся конь.

Красивый. В богатой серебряной сбруе, украшенный парчовой накидкой, он откинув голову, летел во всю мочь, уже где-то потеряв всадника.

И всё было бы не так удивительно, если бы он не косил глазом на «Айвенго», а затем, словно чуя опасность, делал резкие скидки в сторону, на доли секунды опережая первые выстрелы, и успевая уйти от уже летящих в него коротких очередей.

– Красава! – не сдержался я, нажав тангенту рации, – Похоже, он самый сообразительный из всего этого отряда. Как он умн/о/ реализует свои две секунды жизни. Князь, если что, то ваши снаряды, выпущенные с полутора километров, до него две секунды летят и он, похоже, это понимает. Не тратьте боезапас. Он нам завтра пригодится.

– Какое завтра!! – медведем взревел голос князя Гончарова, заставляя до предела выгибаться диффузоры динамиков, – Сейчас же по их следу пройдём. Посмотрим, что у них там за логово на

моей земле стоит.

– Э-э… Дело к вечеру. До темноты пара часов. Может всё таки завтра? – не очень уверенно вопросил я радиоэфир, сообразуясь с ощущениями.

Хотел ещё добавить про взрослых людей и их несерьёзность, но отчего-то заткнулся.

Знаете, когда в копчике свербит – это Знак!

Глава 60. Рейд князей

К большому кочевью, раскинувшемся на берегу безымянной речушки, мы подошли когда начало смеркаться. Солнце ещё не село, и лишь крохотная его часть высовывалась яркой полоской из-за линии горизонта.

На этот раз я шёл первым. Дирижабль князя Константина страховал меня находясь почти на километр выше и чуть позади справа. На кочевье заходили под небольшим углом, держа к нему правым бортом, чтобы обе стрелковые полусферы обоих дирижаблей имели хороший сектор обстрела.

– Для обычного кочевья чересчур много вооружённых людей, а ещё мне очень не нравится группа ряженых клоунов по левому краю. Видите, у юрты с тремя хвостами на шесте? – услышал я голос князя Константина в динамиках рации.

– Ничего не вижу, – пробормотал я себе под нос, накручивая кольцо фокусировки на бинокле, и уже нажав тангенту рации, добавил, – Ну и зрение у вас, князь, я юрту-то кое-как нашёл. Как вы там ряженых разглядели, ума не приложу.

– Хм, так «Айвенго» у меня в разведчики предназначался, – услышал я в ответ весёлый хмык Константина, – Так что подзорные трубы у нас на борту сильные имеются.

– Что за клоуны? В ленточках и косточках поверх одежды? – вмешался в наш разговор князь Гончаров, судя по тревожно прозвучавшему голосу, чем-то изрядно обеспокоенный.

– В них самых. А у одного даже палка в руках с насаженной на неё черепушкой. Пока не пойму, чьей, – весело отозвался князь Константин.

– Шаманы! – корабельной сиреной взревел Гончаров.

– Сильные? – спросил я у местного правителя, лучше всех нас осведомлённого, какими изысками владеют степные жители.

– Разное говорят. Мне рассказывали, как однажды целую сотню песком добела, до косточек ободрали. Говорят, бурю песчаную шаман наслал, чуть ли не в виде головы какого-то животного.

– Неприятная магия, – ответил я, раздумывая над услышанным.

Нет, будь я на земле и один, так вроде и не очень страшно. Но дирижабль… Его и прикрыть Щитом не просто, растягивая заклинание на большую площадь, и моторы. Не любят песок двигатели, причём любые. Независимо от типа.

- «Айвенго», уйдите выше и в сторону, – я скорее попросил, чем приказал, – Если шаман песком начнёт швыряться, то может

и вас зацепить.

Не договорились мы заранее, кто командовать будет, теперь приходится объясняться. Этак, по-граждански, вежливо.

– Ухожу вправо, – спокойно и буднично ответил князь Константин, – Высоту пока менять не буду. Мы через пару минут можем открыть огонь. Там как раз нас встретить решили.

Чуть поведя в сторону биноклем, я увидел, как из кочевья вылетела целая толпа вооружённых всадников, не меньше, чем в пару сотен. Нахлёстывая коней, они быстро помчались в нашу сторону, воинственно размахивая поднятыми над головой винтовками. Кочевники только на первый взгляд не слишком отличались друг от друга, но приглядевшись, я отметил, что в центре находится примерно человек сто, отличающиеся от других одинаковыми зелёными шапками, отороченными чем-то белым. Мы действительно быстро шли навстречу друг другу. Всадники неслись стремительно, да и наша скорость, пусть и против ветра, но тоже выходила немаленькой.

– Вы осторожней. Сильно мне не нравится этот посёлок. Больно уж он большой для простого кочевья, да ещё целая армия с шаманами присутствует. Как-то неправильно это всё, – услышали мы голос Гончарова.

– Пилотов десантируем? – непонятно к кому обратился Антон.

– Да, можно. Пусть в шаманов сбоку постреляют, – выждав паузу, ответил я, убедившись, что остальные князья молчат.

Ну, раз они молчат, то буду я командовать.

– А ты не хочешь по ним шваркнуть чем-нибудь убойным из своего арсенала? – не выдержал Антон, сгоряча всегда употребляющий далеко не те слова, которым его учили наставники.

– Заклинанием, работающим по площади могу всё их кочевье накрыть, но там же не одни вояки и шаманы. Наверняка женщины и дети есть. А прицельно с такого расстояния я ударить не смогу. Промажу скорее всего, – досадой произнёс я в эфир.

Признаться, у меня у самого руки чешутся, но больно уж велика дистанция. Хотя бы на километр – полтора её сократить, и тогда можно пробовать. Для себя я уже решил, что в дело пойдут «Кометы».

Я бы и оглушающее заклинание запустил, но как показала практика, оно дальше двух с половиной – трёх километров не летит, распадаясь в полёте и взрываясь само по себе. Шабалин пообещал подумать над стабилизатором заклинания, но пока он молчит. Зато заклинания, которые по площадям работают, накрывая большое пространство, вот те да, они далеко летят.

Первую «Комету» по группе шаманов я запустил сразу, как только услышал очередную новость от зоркого князя Константина:

– Они режут людей! – проорал он так, что у меня чуть не лопнули диффузоры динамиков в рации.

– Каких людей? – поднял я бинокль к глазам, пытаясь что-то разглядеть за поднятыми клубами пыли. Ничего не увидел. Ветер гонит клубы дыма, пыли и пара в мою сторону. Это князю сбоку ещё что-то видно.

– Пленных! Каких ещё! – надрывался князь, – Только что последнего под нож пустили. Подростка!

Недолёт. Метров на двести промазал.

Чёртов дирижабль! Каким бы спокойным его полёт не казался, но вибрации всё равно есть. Тут чуть – чуть качнуло порывом ветра, там по гондоле вибрация какая прошла, а на большом расстоянии любое колебание идёт точности в минус. Впрочем, не буду врать. Это я себя оправдываю. Промазал, короче. Может просто рука от таких новостей дрогнула.

На вторую «Комету» внёс поправку… И опять мимо! Перелёт. Разнёс загон для овец, стоявший на краю кочевья. Вроде пустой он был, хотя точно сказать не могу.

– Олег! Пилоты все нормально десантировались, а ты что делаешь? – услышал я голос Антона.

– Шаманов в вилку беру, – недовольно проворчал я, вспоминая практические стрельбы в Академии из миномёта, – Только на ходу из дирижабля это плохо получается.

Чуть выдохнув, я сосредоточился, и снова собрал «Комету». Отчего-то была уверенность, что в этот раз я обязательно попаду в цель. Бывает такое ощущение, когда откуда-то знаешь, что сейчас попадёшь. Не раз ловил себя в детстве, бросая камни и иногда точно зная, что именно вот этот булыжник прилетит куда нужно.

«Комета» бахнула точно в цель. Наблюдая за её падением, я успел заметить, что в самый последний момент навстречу мне кинулась огромная серая волчья пасть, сотканная из крови и песка. «Комета», словно раскалённый слиток металла, поставила точку над степной магией. На миг мелькнувшая пасть бешеного пса исчезла в очередном разрыве и клубах пыли и дыма. Пару – тройку секунд, пока сильный ветер не сдул всю муть, я не знал, что делать дальше. Чуть не до боли вдавливая окуляры бинокля, я пытался понять, с чем наша экспедиция столкнулась.

Магия крови и песка.

Ничего о таких сочетаниях я не знаю. Шаман принёс людей в

жертвы и на их предсмертных эманациях выплеснул своё заклинание. Вот у Шабалина будет праздник, когда он о таких фокусах узнает! А у меня…

Ага, ветер – стихия природная. Он не за наших и не за ваших. Он либо есть, либо его нет.

Сегодня он против нас. Пока сильный шквалистый ветер дует нам навстречу, снижая нашу скорость и плохо разметает пыль и дым, кидая их нам навстречу. Короче, ни черта не видно, и мне кажется, что мы еле-еле тащимся, хоть это и не так, просто время тянется медленно.

– Отлично вмазал! – услышал я ликующий голос князя Константина.

Ну вот, ещё с одним Рюминым нужно этикетом заниматься. Откуда только они слов таких нахватались. Дарьи на них нет. Она меня за все простонародные словечки постоянно казнит. Долго и нудно начинает пилить, доходчиво донося до моего неокрепшего юношеского ума, что князю не пристало так выражаться.

– Из всей их кодлы шаманской только один в живых остался, и тот, словно снулая рыба, на боку валяется. Хотя нет, ещё трепыхается, даже на ноги встал, – доложил князь, – Может с собой его заберём?

– Добивайте! Нам ещё живой мины на дирижабле не хватало! – не на шутку заволновался я, представив, что может незнакомая магия сделать с воздушным судном, если её нечем контролировать или хоть как-то нейтрализовать.

Не сразу, но очереди с третьей автоматические пушки Щит шаману пробили, разорвав его тело на куски. Это я уже сумел разглядеть. Облако пыли и дыма снесло за окраины кочевья, а вслед за ним по степи как-то очень неуклюже бежал человек, размахивая над головой белой тряпицей.

– Забираем? Вроде наш с виду, – включился на наш диапазон один из пилотов, и вся пятёрка дружно рванула к земле, не дожидаясь ответа.

Вот же архаровцы! Нет, головой я понимаю, что не мне, курсанту – недоучке командовать офицерами с огромным боевым опытом, но хотя бы ответа-то моего могли дождаться. А впрочем, что бы я сказал? Конечно бы подтвердил. Русские своих не бросают.

– Озеров! Раз премиальные за боевой вылет вам ляжку жгут, то отдадите их спасённому, если наш окажется. Как поняли? – высказал я командиру пятёрки своё «фу».

– Понял вас отлично! Если наш окажется, то со всей пятёрки премиальные ему! – с азартом и радостью отозвался воздушный хулиган.

Ага, а то он не понял, что я штраф лично ему выписал, а не всей пятёрке. Ладно, со своими парнями пусть сам разбирается, а мне как-то нужно было отреагировать на нарушение субординации.

– Да наш он, наш! – вмешался голос ещё одного пилота, похоже того самого, который подобрал беглеца с земли, пока остальные четверо его соратников выставили охранный квадрат в воздухе, зорко отслеживая любую угрозу вокруг, – Казак, судя по чубу. Радуется и плачет. Сейчас я его на наш дирижабль закину, сам расскажет.

По-хорошему, конечно бы не стоило тащить кого-то незнакомого на дирижабль к одному из князей, но вряд ли кто из кочевников мог предположить наш рейд, чтобы подозревать подвох и возможность засыла кого-то подсадного. К тому же, дирижабль со шлюзом, пригодным для приёма пилотов, у нас только один.

– Пока больше ничего не громите, – услышали мы голос князя Гончарова, – Сначала послушаем, что наш гость расскажет. Есть у меня одна задумка.

Сбавив обороты двигателей, дирижабли послушно откатились по ветру назад, оттянувшись от кочевья километров на семь – восемь.

В дальнейшие переговоры я вникать не стал. Так, одним ухом слушал, о чём говорят по рации. Перекусить не мешает и накопители подкачать. Тем более, что с собой у меня ветчина. Обалденная! Алёнка шикарного повара нашла и с едой у меня в доме всё стало значительно лучше.

Всё-таки от еды меня отвлекли. Больно уж интересно Антон рассказал про спасённого беглеца.

– Представляете, это десятник с Новониколаевской заставы. Попал в плен четыре года назад. Трижды пытался бежать, так ему сухожилия перерезали, а потом распороли ступни ног и туда вживили обрезки конской щетины. На ноги теперь наступает так, словно по раскалённому железу ходит. Не убили только потому, что он толмач. Несколько языков знает.

– Раньше тут если и было кочевье, то маленькое. Для чего в этом году такое большое отгрохали? – не стал вникать Гончаров в биографию пленника, сходу перейдя к делу.

– Четыре тысячи овец местному беку пообещали, если он на лето базу организует для караванов на этом берегу Урала. Через неделю должна охранная сотня в усиление прийти, да у него и у самого сотни две под ружьём, хотя нет, наверное уже меньше. Молодёжь бековская вслед за гостями ринулась, – сходу пересказывал Антон получаемую от беглеца информацию.

– Сыновья у бека есть? – задал Гончаров вопрос, заставивший меня вытаращить глаза.

Э-э… При чём тут семейное положение, если речь о военных действиях идёт. Ещё количество жён может уточнят?

– Трое. Старшему лет двадцать, а ещё двое погодки, одиннадцати и двенадцати годков, – услышал я ответ.

– Бек старшего в наследники готовит?

– Да. Но любит больше всего среднего, от третьей жены.

Дальше снова пошли уточнения, и они опять никак, вроде бы, к военным действиям не относились.

Хм, похоже, один я не понимаю, что Гончаров задумал. Между собой князья по рации трещат так, как будто им уже давно всё ясно – понятно. Ещё бы мне объяснили.

Между тем стемнело. Луна сегодня не то, чтобы в полную светит, но достаточно ярко. Ветер понемногу стих, и его напор теперь не так ощутим.

Князья пришли к решению – будут переговоры. Моё участие оказалось излишним.

Для бека больше, чем достаточно, если пред ним предстанут два правителя здешних земель, а то чересчур много о себе станет думать. Если что, то Константин уже месяц как выполняет функции Имперского Наместника.

Поняв, что мы тут застряли надолго, я прикорнул на диване, укрывшись пледом. Поспал недолго.

– Олег, тебя просят что-нибудь интересное показать. Надо им для успешного разговора, – не дал выспаться мне Антон, разбудив через очень короткое время.

– Могу мужское достоинство в иллюминатор высунуть, – недовольно предложил я спросонья, – Есть желающие потешить любопытство?

– Твоей визитки будет вполне достаточно, – дипломатично отозвался князь Константин, успев перед этим чуть хрюкнуть в микрофон.

– Так, уважаемые. Как я понимаю, вы за мой счёт себе что-то решили вымутить? – сказалось спросонья моё не слишком радостное детство, когда меня в лицее пытались затянуть в чужие разборки, – Мои интересы учитывайте.

Не всем дано родиться с золотой ложкой в зубах. В отличии от остальных князей, всё, чего я достиг, я достиг сам, а не по праву рождения. Они-то все потомственные князья, а я из тех, что сами себя такими сделали. Нет за мной ни замков, ни земель, от прадедов доставшихся, ни кладовых с золотом. Самому зарабатывать приходится.

Кстати, вскрыл я тут не так давно дедовскую заначку. Тысяч

на десять золота, и дюжина рубинов, ещё примерно на столько же в деньгах. Почувствовал, как глаза повлажнели. Старик, хоть и был суров характером, но и заботой внука не обижал. Не для себя он заначку оставил, для меня старался. Лет на пять – десять очень безбедной жизни где-нибудь в провинции изгоем могло хватить, если не транжирить.

– А что ты хочешь? Тут у местного бека пять дочерей, пригодных для замужества имеются. Годиков от десяти до пятнадцати. У них это нормальным считается. Хочешь, подберём тебе узкоглазенькую, какую посимпатичнее, – хохотнул в микрофон Константин.

– Я посоветуюсь с Алёной о твоём предложении, – отбрил я его, и следующим смешком князь подавился, видимо ощутимо представив себе реакцию родственницы.

«Визитка» на этот раз получилась на загляденье. Небо чуть ли не до горизонта высветило, и у меня даже волосы зашевелились от электростатики. Интересное кино! Это что ли так получилось оттого, что я с дирижабля своё северное сияние запустил или есть какая-то другая причина? Господи, сколько я всего ещё не знаю… Тоже мне, ещё архимагом называюсь. Неуч.

– Так с него и взять-то нечего, – чересчур быстро отдышался князь от моего ответа, – Могу пару сотен вонючих овец тебе выговорить.

– О, овцы – это вещь! Да, они мне нужны. И пусть баранов к ним десятка полтора добавит, – тут же отреагировал я.

Ещё бы! Помню я, как Анвар сокрушался, когда даже в Рязани на базаре приличной баранины для шашлыка не нашлось. Отчего бы не сделать человеку приятное. Нет, дело не в этой отаре. Куда как важнее знак внимания. Как ни крути, а Анвар – человек с восточным менталитетом. Ему не так важна будет цена подарка, как то, что я запомнил его сетования про баранину, и в качестве боевого трофея привёз ему решение проблем. Ага, целую отару. Человек он теперь очень не бедный. Наймёт чабанов. Пастбища я ему выделю, а всё остальное, что там ещё овцам надо, он и сам сделает. Зато потом все вопросы по шашлыкам сами собой отпадут.

Так-то не велика корысть, небольшая отара, но вернуться с войны без трофеев – это очевидная глупость.

– Олег, про овец, ты это серьёзно? – на минуту завис Константин, прежде чем я его снова услышал.

– Ой, кто-то сейчас нарывается… В гости ко мне приедешь, я твою порцию шашлыка прямо при тебе Шарику скормлю, – погрозил я пальцем микрофону, чтобы придать больше

правдоподобия своей интонации.

– Но-но, шашлык – это святое! На такое я пойти никак не готов, – весело отозвался Константин, – Выговорим тебе животинок. Только как ты их до себя дотащишь?

– До Камышина сами дойдут, а там баржей к себе в порт доставлю, – ответил я, собирая заклинание. Могу и вербально его изобразить, но очень уж неудобно через иллюминатор получается, да и похолодало, чтобы лишний раз высовываться. Так что, сам, по старинке.

Так-то да. Навигация уже не за горами. Весна. Речники ледохода ждут не позже, чем через пару недель. Доставят овечек за милую душу.

Эх, любили мы в детстве на речку бегать в это время. Смотрели, как топорщатся льдины, наезжая друг на друга и с грохотом обрушиваясь, когда их к отмели прижмёт.

Уж не знаю, зачем князьям потребовалась демонстрация «визитки». Сами по себе дирижабли с автоматическими пушками на борту и пилоты в МБК – это и так силища, которой кочевникам нечего противопоставить.

Сон мне перебили, и я, сидя с кружкой горячего кофе, дожидался окончания переговоров. Завершились они примерно через час.

– Уважаемые, к чему пришли в итоге? – поинтересовался я, когда заработали двигатели дирижабля.

– Переедут они к нам поближе. Мы им земли, пастбища и защиту, а они через свои земли набеги пропускать не будут, – коротко обрисовал Гончаров итоги переговоров.

Про остальное я и сам догадался, когда увидел, как в свете запущенного мной сияния во второй гончаровский дирижабль, в тот, что с магами, грузили двух молодых людей. Явно ненашей национальности.

Забрал Гончаров двух сыновей у бека с собой. Не то, чтобы в заложники, а так, для вящей убедительности в гости пригласил. Вроде, как гарантию выполнения договорённостей с собой прихватил. Кочевники – народ своеобразный. Для них, людей другой веры, обмануть иноверца зазорным не считается. Ну, так и Гончаров не первый день с их обычаями знаком. Глупостей совершать не станет. Кто же лукавым на слово верит. А так, если что, то обычай этот давний. Говорят, ещё со времён татаро-монгольского нашествия пошёл. Там порой сами князья в заложниках были, подолгу живя у хана в качестве гостей. Вроде и не заложники, но опять же…

Обратно вернулись быстро. Тот ветер, что раньше дул нам навстречу, хоть и утих, но не до конца. С попутным ветром скорость дирижаблей прилично возросла, и можно сказать, что обратно мы домчались с ветерком.

Я, как обычно, остановился у Липатова. Его поляну, где раньше его дочки катались на лошадках, теперь прочно заняло лётное поле. Освоил купец дирижабль, и поставил вопрос ребром. Дочери не возражали. Они теперь и сами заняты в бизнесе, так что понимают, когда можно покапризничать, а когда не стоит.

Нет, всё-таки есть у купеческих дочерей свои плюсы. А если говорить отдельно про близняшек Липатовых, то их там просто очень много… Причём столько, что я, прилетая в Камышин, порой жалею, что купцом не родился. Совсем другая бы история получилась…

Утром вставать пришлось спозаранку. Повторный облёт границ, преследующий целью дальнюю разведку. На этот раз всё обошлось на удивление мирно и спокойно. Даже удивительно.

Степь ещё не просохла. В низинах и в камыше вокруг луж, которые тут считают за озера, ещё виднеются языки льда, образовавшиеся из слежавшегося снега, подтаявшего под солнцем. Продираться через такую сырость не много желающих найдётся. Даже странно, как мы вчера на отряд нарвались.

Всё-таки мне пришлось задержаться в Камышине ещё на день. Оказывается, накопилось здесь вопросов выше головы. Начал с бывшего имения моей тетушки. В целом проект, предложенный нанятым архитектором, мне нравится, но оглядевшись на месте, я нашёл, что можно дополнить и изменить. Очень красивый городок должен получиться. Ещё бы денег на строительство где достать, так совсем бы хорошо было. Впрочем, по осени Хлебная Пристань хороших денег даст, да и сейчас с неё неплохо перепадает. Посмотрел я отчёты на сон грядущий. Хорошее приобретение оказалось. Уже под триста тысяч в месяц с неё идёт. Очень Липатову по душе пришлись новые хлопоты. Сияет, как начищенный самовар.

Должен заметить, что с гораздо большим интересом я всё-таки осмотрел самоходную установку. Как раз одну такую заканчивали по соседству с нашим заводом. Там, где военные свой заводик развернули. Правда, пришлось договариваться о просмотре с самим генералом Каргальским. Вроде же самоходка – вещь простейшая. Тот же трактор, чуть прикрытый стальными листами, и с установленной на него обычной пушкой. Ан нет.

Вояки хоть из чего тайну готовы сделать.

– И с какой скоростью эта тачанка передвигается? – спросил я у инженера, которого опознал по пенсе и чертежам в руках.

Не знаю, с чего мне в голову вдруг пришло это название. Просто показалось подходящим к несколько нелепому сооружению.

– По дорогам до пятидесяти пяти километров в час, а по полю, если оно не сильно мокрое, то где-то тридцать – тридцать пять, – оторвался от бумаг пожилой дядька, продемонстрировав мне усталые покрасневшие глаза и уныло висящие рыжие усы.

– Не густо. Я думал, с нашим двигателем она веселее побежит, – покосился я на стального монстра, недоверчиво разглядывая непонятно откуда взявшуюся башенку с торчащим из неё пулемётным стволом. Странно знакомым. Ага, кожух у «Максима» если ты хоть раз вживую увидел, на всю жизнь запомнишь.

– Первые действительно более шустрые были, а это степной вариант. База чуть шире, броня немного усилена, теперь она просто достаточная против винтовочной пули в упор, и пулемёт добавлен, за счёт перепланировки внутреннего пространства. Почти с тонну веса наросло. У предков-то самоходка на двух бензиновых спаренных движках была, а у нас один. По внутреннему объёму и весу очень приличный выигрыш получился. На первых экземплярах мы почти в полтора раза боезапас увеличили и топливный бак больше сделали, а на «степных» пулемёт добавили.

– Внутрь можно залезть?

– Из башенки хотите посмотреть, – чуть улыбнулся инженер, сообразив, чем вызван мой интерес, – Что же, попробуйте. Только сразу хочу сказать, что к ней привыкнуть нужно. Ах, да. Она же у нас ещё не обшита изнутри, так что аккуратнее там, а то синяков себе наставите.

Да, тесновато в башне, и обзор так себе, через прорезь поверх пулемётного ствола не много чего увидишь. Правда, есть поверху небольшая смотровая щель, прикрытая толстенным многослойным стеклом. Можно оторваться от прицела и успеть осмотреться по сторонам.

– Щит на неё техномагический поставьте, хотя бы пехотный, и вообще огонь – машина получится, – посоветовал я инженеру, вылезая из самоходки и отряхивая испачканные брюки.

– Хех, да это же какие деньжищи! Кто же их нам даст? – всплеснул тот руками.

– Хм, как минимум двоих могу назвать. Князь Гончаров или

князь Рюмин, который Константин, – на ходу прикинул я спонсоров предполагаемого фестиваля, заглядывая в ещё неприкрытый моторный отсек. Места там оказалось навалом, запросто можно теплосъёмники поставить.

– Не по чину мне с князьями разговаривать. Разве, генерала попросить, – задумался инженер, нервно теребя в руках бумаги.

– Можно генерала, а могу и я с князьями поговорить, если вы согласны.

– Да я-то согласен, но сами поймите, кто я такой, чтобы подобные решения принимать. Нет, без генерала нам никак не обойтись, и то я сомневаюсь, что это вопрос его компетенции. Как бы в само министерство не пришлось обращаться.

– Эх, как у вас всё сложно. Тогда я про вентиляцию даже говорить не буду.

– Нормальная у нас вентиляция, – обиделся мужик.

– А вы внутрь залезьте и отстреляйте хотя бы половину боезапаса, – посоветовал я ему.

Нет, ну не хвастаться же мне, что у меня уровень доступа к секретным документам высокий. Опять же он не поймёт, отчего старые, ещё от предков оставшиеся воспоминания фронтовиков в имперский секретный отдел попали.

Короче, дел в Камышине столько, что дня мне не хватило. На все уговоры задержаться ещё на сутки, я ответил решительным отказом. За Дашку волнуюсь. Конечно же знаю, что я ничем ей не помогу, но хотя бы рядом буду.

* * *

В зале моего дома откуда ни возьмись возник белый рояль.

Понятное дело, что он не сам по себе появился. Это сюрприз. Ага, для меня. А то я всё гадал, чего же мне в доме не хватает. А тут на тебе! Такая красивая вещь на добрую четверть зала раскорячилась. Бля-я-ястит, глаз не оторвать…

– Надо же, радость-то какая! – постарался я изобразить на лице вышеназванное чувство, в смысле – восторг и восхищение.

– Тебе правда понравился сюрприз? – пытливо поглядела на меня Алёнка, а Дарья у неё за спиной сделала такие большие и страшные глаза, что я поневоле часто-часто закивал головой, – Тогда садись за стол, а после ужина тебя ждёт маленький концерт.

Нет, я стал мудрей и выдержаннее. Раньше я бы точно

рассказал, что у меня у самого с детства есть мечта. Видели когда-нибудь у военного оркестра барабанщика, с блестящим никелированным барабаном? Во, согласитесь – это восхитительная мечта. Как по мне, так он главный в оркестре. Куда там до него дирижёру с его жезлом. Против сияющего барабана он просто чушь на палочке, или с палочкой, которых, кстати, у того же барабанщика целых две.

Я бы и сейчас на таком барабане побарабанить не отказался. Ну нет, не совсем, чтобы сейчас. Вот Дарья родит, тогда бы и врезал от души…

Отдав должное замечательному ужину, я сытый и благостный уселся в кресло, держа в руке бокал вина. Ужинали мы не одни. Оказывается, на музыкальный был вечер приглашён Шабалин, мои компаньоны по верфям, и Озеров с Бельской.

Надо сказать, что музыку, в отличии от живописи, я люблю. В живописи я с тем же Рубенсом не согласен. Да, дамы у него в основном голые изображены, и это небольшой, но плюс, Зато размерчик у них далеко не мой любимый, и это жирный минус. К примеру обе мои жены, дамы изящные и компактные, по общей массе как раз на одну рубенсовскую матрону потянут.

Но вернёмся к музыке…

Допустим, когда играет полковой оркестр, то ноги сами по себе чеканят шаг с удвоенной силой. Или скажем, плясовая, со свистом и гиканьем. Тут тоже за душу берёт. Так и хочется выскочить в чисто поле и разметать орды врагов. Зато романсы и оперы – это точно не моё. Скука смертная.

Жёны ушли переодеваться, а мы, расположившись поудобнее, неспешно обсуждали недавний вылет в степи. Говорил в основном Озеров, а я лишь поддакивал местами и изредка уточнял некоторые детали. Очень эпично выходило. Гости охали и смотрели на нас с восхищением.

Наконец мои любимые спустились, и даже на мой привередливый взгляд, ничего предосудительного я в их нарядах не нашёл. Подол можно, правда подлиннее было сделать, но тогда он по полу будет волочиться, наступить на него могут, а им никак сейчас падать нельзя. Так что сойдёт и такой.

Играли мои хорошие в четыре руки, да так ловко и быстро, что я рот открыл от удивления. Не предполагал я за ними столь быстрых пальчиков. Ишь, какие трели выбивают. Надо будет печатную машинку в столице присмотреть, а то у меня иногда писанины часа на два набирается. Верите, от ручки вмятина на пальце остаётся.

Размявшись, женушки запели. Да так хорошо, что не передать.

У Дарьи глубокий грудной голос, а у Алёнки звонкий и высокий. А как поют-то замечательно! Вовсе не так, как оперные певицы, которым нужно драть горло, чтобы их весь театр слышал. Мои с чувством выводят. Я даже нос немного задрал от гордости за моих красавиц.

Ну мы и хлопали! Даже Густавсон с Усольцевым, которые заметно конфузились, попав на непривычное им мероприятие, и те свои комплексы отбросили и молотили в ладоши что есть силы.

Под такие же овации были исполнены ещё три песни, а потом Дарья встала, и попыталась подняться, ухватившись за инструмент, но тут у неё начали подламываться ноги. Хорошо, что я быстрый. Успел подскочить, и подхватив Дашку на руки, кинулся вместе с ней по лестнице в её спальню, голося на ходу, чтобы срочно вызывали Джуну.

То, что целительница ещё вчера приехала в Бережково я знал. Жёны и её приглашали к нам на вечер, но она отказалась, сославшись на то, что наряда никакого с собой не прихватила, соответствующего случаю.

Минут двадцать мы провели в бестолковой суете. А потом пришла Джуна, и всех нас выгнала, кого куда. Например я был послан на кухню за горячей и тёплой водой. Обязательно кипячёной. Волновался сильно, поэтому первые два ведра я вскипятил так, что они наполовину расплескались. Немного с магией не рассчитал. Хорошо, что Шабалин, заподозрив неладное, ко мне заглянул на мои чертыханья, выраженные достаточно громко, и помог с кипятком.

Ко по мне, так роды продолжались очень долго. По моим ощущениям, чуть ли не неделю, так муторно и медленно тянулось время. Мои компаньоны уже давно ушли, Бельская прикорнула в кресле у камина, укрывшись пледом, а мы втроём снимали стресс коньяком. Надо заметить, в меру.

Когда, спустя целую вечность, мы в тихом ночном доме услышали детский плач, я бегом взлетел по лестнице.

– Мальчики. Двойня. Здоровенькие. И жена в порядке, – вытеснила меня из дверей Джуна, – Через полчасика к жене заглянешь, и спать иди, – потянула она носом, учуяв запах спиртного.

Глава 61

– Революция! Прорыв, несомненный прорыв! Нет, вы даже не представляете, что натворили! Олег Игоревич, у вас есть право доклада Императору вне очереди. Я настаиваю, чтобы вы им немедленно воспользовались!

Заламывая руки, профессор Фёдоров бегал взад – вперёд по нашему большенькому кабинету, старательно избегая углов кульманов, об которые он уже пару раз чувствительно приложился, Уже полчаса он так носится, пребывая в крайнем возбуждении.

Я, в компании с компаньонами и Мендельсоном пил горячий чай, и следил за тем, чтобы размахивая руками, профессор не снёс со столов какую-нибудь из моделей. Их у нас полдюжины выставлено, и далеко не все ещё находятся в том состоянии, которое мы будем считать окончательным. Скажем так – это перспективные наброски идей, выполненные в дереве и металле. Естественно, в уменьшенном виде. Чертежи, штука хорошая, но на объёмной модели многое иначе смотрится. На той же воздушно – подушковой тачанке мы уже дважды компоновку поменяли. Впрочем, об этом позже расскажу.

А виноват во всём Усольцев. Дёрнул же его чёрт запустить сильно упрощённую модель магического трансформатора раньше времени. Ага, в том самом подземном центре, который мне от предков остался. Видите ли, теоретически он не смог рассчитать, на какую мощность нужно будет делать главный магический трансформатор и ему потребовались эксперименты, чтобы эмпирическим путём подобрать параметры для расчёта тех же энерговодов. Ну, и сделал. Пару раз, правда, устроил пожар со взрывами и фейерверками, а потом оно заработало… Да ещё как заработало!

– Когда-то, вроде не так уж и давно, я что-то подобное сам говорил, – меланхолично произнёс Густавсон, добавляя в горячий чай ещё одну ложку мёда. Третью по счёту. Столовую, если что.

Правильно делает. Промёрзли мы на совесть, а мёда у меня сколько хочешь припрятано. Хоть целую бочку ещё привезу, не жалко. Всё равно до конца лета всем местным сластёнам мои запасы не осилить, а там новый медосбор пройдёт, судя по прогнозам, ещё более обильный.

Мы только что почти полтора часа на лётном поле провели, наблюдая за испытаниями модели маголёта. Ветерок там, скажу я

вам, холодный, до костей пробирает. Как бы не простыл наш коллектив конструкторов маголёта всем своим скромным составом.

Что это за хрень такая – маголёт? Так говорю же, во всём Усольцев виноват. Кто же знал, что на его чахлой экспериментальной установке накопители будут заряжаться на пределе возможного. Выражаясь языком электриков, ток заряда он выставил максимальный. И это с ограничителями. Пока техномаг не сообразил, как и какие ограничители поставить, два накопителя вдребезги разнесло, и в коридорах, что ведут к выделенному для трансформатора боксу, ремонт теперь нужно заново делать. Хорошо, что он на малых накопителях пробовал и подключал всё дистанционно. Те накопители, что побольше, могли совсем не по-детски рвануть.

Нет, я конечно же понимаю, что наука требует жертв, но с деньгами у меня пока не очень хорошо. Даже прибыли нежданные, полученные от удачно размещённых новосибирских акций, и те уже распланированы. Денег опять не хватает. Оттого и экспериментируем мы с моделями, а не с полноразмерными прототипами. Тот маголёт, что сегодня удачно взлетел, а потом, дав двадцать три круга, на парашюте спустился, ровно в три раза меньше предполагаемого изделия, которое пока непонятно как назвать. Короче – это вроде бы самолёт, но летает он полностью на техномагической начинке. Начиная от встроенных контуров, которые его вес облегчают, и заканчивая двумя магодвигателями. В итоге получилась бешеная стрекоза, способная носится вокруг поля со скоростью километров под семьсот в час. По прямой наверняка больше выйдет, но тут мы то ли мощностью передатчика то ли приёмника были ограничены, я так точно и не понял, чем именно. Радиус радиопередачи километров в десять – двенадцать Степан твёрдо обещал, а дальше всё. Не работает пока его восьмикомандное радиоуправление на более дальние дистанции. Точнее, может и работает, но тогда весить оно будет много, а мы и так всю полезную нагрузку модели отдали под радиотехнические прибамбасы.

Вся Степановская команда радиотехников ждёт не дождётся, когда первые транзисторы в стране появятся. Писали в газетах, что осваивают производство полупроводников в Питере. Вроде парни у Степана и сами что-то делать пытаются в этом плане, но пока безрезультатно. Говорят, не хватает им сырья необходимой чистоты, и оборудование у них чересчур примитивное. Так оно по всей стране такое. Негде другого найти, разве за рубежом уже кто делает, так это же в какие деньжищи выльется.

– Вы хотите, чтобы Император нашу стрекозу увидел? –

поинтересовался я у Фёдорова, воспользовавшись паузой в его метаниях. Профессор на какой-то миг остановился у одного из столов и взял в руки модель экраноплана, – Боюсь, она ему просто игрушкой покажется. Трудно же объяснить, что реактивный самолёт вовсе не обязательно должен быть с реактивными двигателями. Ну, то есть в каком-то смысле реактивными, но в то же время их лучше как-то по другому называть.

– Постойте, вы же сами мне сказали, что эксплуатационные расходы и цена у вашего маголёта будут ниже, чем у любого реактивного самолёта? – аккуратно вернул Фёдоров на стол хрупкую модель, и вопросительно посмотрел на всех нас по очереди.

– Пока это секретная информация, и к тому же, достигнутая в общем-то случайно, на экспериментальной установке. Мы, конечно надеялись, что нам удастся обуздать мощный Источник и получить серьёзные запасы Силы, но давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны. Ещё не так давно использовать магию в обычных устройствах было крайне накладно. Дороже, наверное, только автомобиль заправлять Шустовским коньяком. Опять же, накопители изрядных денег стоили, да и сама техномагическая начинка в нескромную копеечку обходилась. Шаг за шагом мы сдвинули эту арбу с места. Нашли способы ускорить производство накопителей, и даже придумали, как некоторые из них сделать дешевле, поработали с энерговодами, а теперь и придумали, как относительно недорого получать Силу.

– Как это недорого? Бесплатно! – экспрессивно перебил Фёдоров моё неспешное изложение.

– Простите, а нефть у нас что, тоже бесплатная? Или электроэнергия, получаемая от гидростанций?

– Нет конечно. Но там же плотины, скважины, месторождения, в конце концов! Оборудование дорогое.

– А у нас? Чем наш Источник Силы отличается от нефтяной скважины? Да ничем. Та же дырка в земной коре, пробуренная в нужном месте, только она гораздо глубже и больше диаметром, чем нефтяная скважина. Несколько килограммов золота и платины на обвязке, плюс очень трудоёмкий и безумно дорогой «трансформатор» ручной работы. Крайне сложное техномагическое устройство, которое подороже той же гидротурбины будет или какого-нибудь нефтяного насоса. Так что, давайте всё-таки остановимся на моей трактовке цены.

– Ну, не знаю. Я, может быть с ней и соглашусь, но у чиновников наверняка будет иное мнение, – недовольно фыркнул Фёдоров.

– А зачем нам чиновники? – сладко зажурился я, как кот, увидевший целую плошку сметаны, выставленную на пол, – По всем законам и уложениям магическими ресурсами у нас занимается совсем иное ведомство. Подсказать, какое?

– Совет Архимагов! – спустя недолгое время, взятое им на размышления, с трудом выдавил из себя профессор враз просевшим голосом.

– Абсолютно верно, а Глава Совета Архимагов, кроме того, имеет право единоличным решением устанавливать минимум цены на продаваемую единицу Силы. По крайней мере, на ближайший год. Потом эта величина выдвигается на Совет, но если там не будет принятого решения, то цена ещё на год останется в силе, – охотно подтвердил я его догадку.

– Оп-па, вот это поворот! – хлопнув себя по коленям, подскочил Густавсон, – А кто ещё про это знает?

– Устав Совета не так трудно найти, как и список привилегий, который был ему отпущен при создании Империи, – демонстративно пожал я плечами, как будто говорил нечто очевидное, хотя я и сам о таких деталях узнал совсем недавно, – Так что про такое положение дел могут знать все заинтересованные лица. Хотя, по опыту прошлых лет, я что-то не очень кого и заметил. Последний раз минимум цены меняли сорок восемь лет назад. И то, пересмотрели его в сторону повышения, чтобы некоторые опустившиеся Одарённые не сливали Силу за спиртное, получаемое в оплату вместо денег.

– А вы собираетесь это изменить?! – то ли спросил, то ли утвердительно воскликнул Фёдоров.

– Совсем немного. Для начала в два с половиной раза, – скромно признался я, не став пояснять, откуда взялась именно эта цифра.

На самом деле, всё просто. Алёнка мне её посчитала, отталкиваясь от цены на бензин. Я рассуждал следующим образом. Раз бензин и Сила – это источники энергии, то будет вполне разумно, если они сравняются в цене. За единицу расчёта мы с ней приняли киловатт. Подсчитать, сколько энергии выделяется из литра бензина и единицы Силы совсем несложно. Другой вопрос в том, насколько эта энергия будет правильно использована. Ну, так это уже не мои проблемы. Кто же мешает совершенствовать двигатели внутреннего сгорания? Никто. А раз так, пусть люди и работают над увеличением КПД своих ДВС. У нас, у техномагов, КПД на магодвигателях под семьдесят процентов, а то и выше. Трение присутствует, да и неполный объём воздуха полноценным разгоном охвачен. Не трудно

догадаться, кто и сколько выиграет, при равных ценах на топливо, если Сила и бензин станут в одной цене за теоретически получаемый с них киловатт. Конечно же магия победит, и как бы не с трёхкратным отрывом.

Да, конечно жаль, что магия лишится своего блеска и шарма, если вот так, обыденно и потребительски приравнять её к нефтепродуктам. Но с другой стороны, а почему бы и нет? Используем же мы испокон веков электричество и магнетизм. Силы, не менее загадочные, чем магия. Помню, попытался я допытать нашего лицейского учителя физики про магниты. Очень хотелось узнать, откуда в них Сила берётся. Та, что образует магнитное поле и их друг к другу притягивает. Так ничего внятного в ответ и не услышал. Одни теории, которые объясняют само явление, но никак не описывают процесс. И уж совсем смешно получилось, когда я у учителя поинтересовался, отчего к некоторым людям металл липнет. Тут даже у него объяснения закончились. А как иначе, если у нас в классе был такой уникум. Ага, этакий магнитный мальчик. Ложки или линейки металлические себе ко лбу или к руке только так прилеплял.

– Ваши новые двигатели. Они даже по внешнему виду стали другими. Те, прежние были на огурец похожи, а эти на вытянутую грушу. Не расскажете вкратце, что вы изменили, – сменил тему Фёдоров.

– Практически не так уж и много, – встрепенулся Усольцев. До этого момента он в разговоре участия не принимал, думая о чём-то своём, – Если совсем коротко, то мы последовательно соединили два предыдущих двигателя, но второму увеличили объём разгонной камеры и её диаметр. Воздух, когда мы его прогоняем через первые контуры на сверхзвуке, сильно нагревается. Соответственно, для его увеличенного от нагрева объёма и необходимо увеличение размеров второй разгонной камеры. Большие двигатели для полноценного маголёта у нас пока в работе, а те, на которых наша модель сегодня летала, для более простых изделий предназначены. К примеру, для катера на воздушной подушке. Универсальное средство передвижения по тем же степям или по прибрежной зоне. В компоновке предполагается экипаж на четыре человека. Пулемётчик, водитель и двое стрелков. Грузоподъёмность в семьсот пятьдесят килограммов кроме того предполагает доставку грузов или вывоз раненых. Примерно та же концепция предложена для аэроглиссера, разве что тут нет наддува под дно.

– А экраноплан? – кивнул профессор на ту модель, которую недавно крутил в руках.

– Это самодеятельность, – чуть поморщился Усольцев, – У меня один помощник из бывших моряков. Вот он и уцепился за идею этой каракатицы, когда мы технику предков рассматривали и прикидывали, что интересного сможем скопировать или взять за основу. Сам по ночам всё обсчитал и даже модельку этого чуда на свои деньги заказал. Понятно, что мы его расчёты перепроверили, перед тем, как его проект приняли, но что-то слишком уж широко мы шагать надумали. Как бы штаны не порвать.

Собственно, так оно и есть. Идеи, вот они. На столах стоят. Любую бери, доводи до ума, и она найдёт своего заказчика. А дальше что? Кто и где всё это изготовит? На наших верфях? Нет, не потянем. Меркуловские заводы? Так от них не так много и осталось. Хорошо ещё, что рабочих всех, кто не успел разбежаться, удалось сохранить. Самое смешное, что они и есть главная ценность, которую я приобрёл вместе с заводами.

Предкам в этом плане было легче. У них и обучение в школах было поставлено, и целая система профтехобразования существовала. А мне всё больше со вчерашними крестьянами приходится дело иметь. Они читать и писать кое-как умеют. Как таких к станкам ставить и чертежи им в руки давать, если они на микрометр смотрят, как на что-то непостижимо сложное.

– По-моему он чересчур крупноват у вас вышел. Или вы на этот раз масштаб изменили? – вернулся Фёдоров к столу с самой большой моделью, – Опять же, моряк ваш что-то никакого серьёзного вооружения не предусмотрел, кроме пары пулемётов. Да и те, как я понимаю, больше для защиты с воздуха предназначены. Ишь, как стволы вверх задрали.

– Вообще-то, это автоматические пушки, – оглянулся на меня Усольцев, и получив подтверждающий кивок, продолжил, – Основным видом вооружения здесь ракеты предполагаются. Две пусковые установки, по четыре ракеты на каждой.

Техномаг подошёл к столу и снял с модели две крышки, прикрывающие эти самые ракеты.

– Они у нас тоже при помощи магии летают, а наводятся электроникой на источник тепла. Причём, выбирают тепловое пятно не по температуре, а по величине этого самого пятна. С одной стороны недостаток чувствительности датчиков нам в минус идёт, но опять же никакими отвлекающими огненными ловушками такую ракету с цели не сбить. Нужно, конечно же больше испытаний, но пока из шести пусков у нас четыре удачно прошли. Как раз четыре последних, где мы управление подкорректировали и стартовый пороховой ускоритель посильнее поставили. Километров двадцать – двадцать пять для этих ракет

теперь нормальная рабочая дистанция. Боевая часть ракеты состоит из пятидесяти килограммов тротила, – кратко изложил я наши достижения в ракетном деле.

Фёдоров шумно засопел, затем вытащил платок, и вытерев им пот со лба, деревянным шагом промаршировал к вешалке, где стоял оставленный им портфель. Покопавшись, он вытащил оттуда насквозь казённого вида папку и с ней подошёл ко мне.

– Соблаговолите ознакомиться, князь, – чопорно и крайне официально произнёс профессор, подавая мне раскрытую папку.

Опс-с… Имперский «вездеход».

«Податель сего» и так далее. Короче, Фёдоров имеет право говорить и распоряжаться от имени Императора в вопросах, касающихся науки и производства. Можно, конечно, поспорить о формулировках. Теоретически ракеты у нас больше к вопросам обороны относятся, чем к науке, но зачем? Одному мне такое производство не осилить, даже если порвусь на десяток маленьких Олежиков.

– Как я понимаю, вылетаем мы завтра утром? – спросил я у Фёдорова, и дождавшись его кивка, добавил, – Тогда уж вы, профессор, возьмите на себя приглашение Мещерского. Очень он нам нужен будет во время беседы.

– Обязательно приглашу, – кивнул профессор, – Вы лучше вот что мне скажите, Олег Игоревич, – перешёл Фёдоров на наш обычный язык общения, выполнив возложенные на него обязанности, – Отчего у вас, вроде бы здравые идеи и изобретения всегда в военную тематику уходят.

– В маму пошёл, – вздохнул я, – Она у меня с Урала, а там, что ни возьмутся делать, всегда танк получается. Даже из стиральной машинки.

Пару – тройку секунд Фёдоров с выпученными глазами переваривал услышанное, а когда сообразил, что я всего лишь пошутил, ржал долго и со вкусом, звучно хлопая себя по бёдрам.

Ну вот. Опять в столицу, и наверняка не на один день. Сказать, что я этим сильно огорчён, будет неправдой. И мужики меня легко поймут. Нет, дело вовсе не в малышах, которые ещё толком не научились плакать по ночам. Не мешают мне спать мои славные парни.

Тёща! Ага, Дашкина мама к нам в гости нарисовалась, собственной персоной. На внуков ей захотелось посмотреть и советы особо ценные раздать.

Дама она безусловно интересная и вроде относится ко всему доброжелательно и с пониманием, но сколько же от неё неудобств! Лично для меня, в первую очередь. Надо же такое

придумать, что каждый раз к столу я теперь должен выходить в парадном костюме! Представили? Остаётся только радоваться, что у меня в моём поселковом гардеробе фрак отсутствует. В столице есть парочка, а вот в Бережково ни одного в шкафах не завалялось.

Двух вечеров, проведённых за светскими беседами, мне хватило выше головы. А то я сам не знаю, что театрал из меня никакой, а книжные новинки, особенно всякие там любовные романы, для меня хуже манной каши. Так что весь великосветский трёп я выслушивал с большим неудовольствием, усугублённым необходимостью следить за осанкой.

Эх, жаль, что не пригласить тёщу на прогулку по верфям и подземным заводам, и ещё в ряд других мест, где я успеваю побывать за день. Она бы так ухайдакалась за этот день, что про всякие там осанки до самого отъезда бы не вспоминала. Хотя, про отъезд пока речи не идёт, так что, кто его знает, как надолго она к нам пожаловала. Я попробовал было у Дашки осторожно этот вопрос провентилировать и впервые столкнулся с откровенным непониманием. Она-то маме реально рада, в отличии от меня, и как мне кажется, от Алёнки. Та тоже иногда носик морщит, когда княгиня её не видит. Так что в столицу я вряд ли без одной из жён полечу. Алёнка точно повод придумает, чтобы улизнуть из нашего милого дома, и вряд ли вернётся обратно, пока тёщенька от нас не свалит к чёртовой матери. Э-э, в смысле, пока глубокоуважаемая княгиня Вадбольская не соизволит отбыть к себе в имение.

* * *

Берлин. Унтер-ден-Линден, 9. Столичная резиденция короля Пруссии и Императора Германии Вильгельма.

– Мой кайзер! Без ложной скромности хочу сказать, что мы провели титаническую работу! Только сейчас я могу с уверенностью заявить, что все армии конфедераций находятся под прусским контролем и будут подчиняться нашим приказам беспрекословно! – каждое слово сухой, высокий и прямой, как жердь, генерал – фельдмаршал Рейхсхеера Кристиан Эвальд фон Клейст, отчеканивал так, словно гвозди вбивал.

– Вот как… И даже Бавария? – прищурился кайзер, до этого благосклонно кивавший на каждое предложение.

– Они до сих пор оставили у себя собственное военное министерство и свой же генеральный штаб. Однако после

некоторых событий и перестановок это уже не имеет особого значения. Считайте, что баварский контингент полностью подконтролен нашему Генеральному штабу.

– Хорошая работа, Кристиан. Без всякого преувеличения могу сказать, что это самая лучшая и значимая победа за все последние годы. К тому же бескровная, ну, или почти бескровная, – чуть заметно усмехнулся кайзер, и генерал – фельдмаршал ответил такой же понимающей улыбкой.

Почти сотню баварских офицеров из высшего командного звена казнили не далее, как месяц назад, обвинив в заговоре. Обвинили не голословно. Любили офицеры вольнодумствовать, перебрав алкогольных напитков. Это считалось модным, оттого они себя в речах не слишком сдерживали. Ничего даже придумывать не пришлось. Пьяная драка, с применением оружия, в которой был убит прусский оберст, прибывший с инспекционной проверкой, а затем попытка прорыва и убийство ещё трёх жандармов. Понятно, что всякое бывает, но дело усугубилось тем, что ссора как раз и началась из-за антипрусских выкриков, которые позволили себе подвыпившие баварские офицеры.

– Что касается наших планов на предстоящее лето, то с точки зрения Генерального штаба наиболее простым и предсказуемым объектом мы считаем Чехию. Впрочем, и оставленный русскими кусок Польши можно тоже прихватить.

– Русские никогда ничего просто так не делают. Не кажется вам, что такой подарок не случаен?

– В какой-то степени это так. На оставшийся от Польши клочок земли сбежалось всё, что у них осталось от польской армии. Но по сути – это уже не армия. Серьёзного сопротивления мы не ожидаем.

– Вы по прежнему убеждены в том, что к серьёзной войне мы не готовы? Я имею в виду наших стратегических противников – Францию и Россию.

– Да, нам нужно было три года, но с учётом провала плана по русскому зерну, теперь уже необходимо четыре года, а то и все пять. Можете поверить мне на слово, мой кайзер, пушки сами по себе передвигаться не умеют. И если с Францией и с её отличными дорогами вопрос транспортировки артиллерии ещё как-то решаем, ввиду незначительных расстояний, то Россия огромна. К тому же, русские недавно сами себе разрушили железнодорожное сообщение, так что даже на этот вид перевозок можно не надеяться.

– Мне докладывали, что последний заговор был как бы не одним из самых значимых за всю историю России. А, чуть было не забыл, – кайзер досадливо поморщился, и потянулся к бюро, где прямо сверху лежал голубоватый пакет дипломатической почты, – Ознакомьтесь-ка с тем, что наш новый посол пишет. Информация абсолютно свежая. Письмо только утром получено.

По мере того, как Клейст читал письмо, выражение его лицо менялось и становилось всё серьёзнее, а затем и брови поползли вверх.

– Насколько можно доверять этим сведениям? – задал он вопрос не глядя на кайзера и так осторожно положил он письмо перед собой, словно оттуда могла выползти ядовитая змея.

– Посол у нас новый, но взят он по рекомендациям нашего Вальтера, – подкрутил кончики усов кайзер, взглянув на незаметное для собеседника зеркальце, скрывающееся за стопкой справочников, – А его люди нас редко когда подводили.

Вальтер Никола́и Клейсту был хорошо знаком. Полковник уже лет пять руководил разведкой и его успехи на этом поприще трудно было не заметить.

– Помниться мне, как год назад наши баварские моторостроители убеждали нас, что в деле производства авиационных двигателей мы впереди планеты всей и опережаем остальные страны лет на пять, а то и на семь, – с досадой произнёс Клейст, – А оказывается, русские уже подняли в небо самолёт, которому нам нечего противопоставить. Ничуть не удивлюсь, если вскоре мы выясним, что русский самолёт летает на двигателях, на которые баварцы продали русским лицензию.

– Всё не так просто. К счастью, или к сожалению, но особой вины баварцев в данном случае нет, – кайзер на миг обозначил улыбку, предлагая собеседнику отметить тонкость шутки, зная его пунктик в национальном вопросе, – На словах мне передали, что русские использовали техномагию.

– Камень с души, мой кайзер. Штучные изделия, которые у славян иногда получается делать «на коленке», нам не страшны. Подковать блоху, сломав при этом сам механизм, у них считается верхом мастерства. Единичные изделия меня не пугают. Напомню исторический факт, когда у Советов перед Второй Мировой войной были дальние бомбардировщики. Фактически уникальные изделия, которые так и не были использованы эффективно. Так что магические штучки, которые наверняка будут стоить прорву денег – это даже хорошо. Казна русского Императора не бездонна, и чем скорее он её опустошит, тем лучше для нас.

– А про магов что скажете, фельдмаршал?

– Мы этот этап в развитии военного дела давно прошли, и

признаюсь, у меня нет ни малейшего желания возвращаться назад. Маги были хороши во времена луков и мечей, но никак не против пушек и пулемётов. Тут наш посол сгустил краски. При должной насыщенности войск артиллерией и автоматическим оружием я считаю, что маги не опаснее, чем какая-нибудь полоса препятствий. Так что я делаю ставку на наше надёжное немецкое оружие и на хорошо обученных солдат и офицеров, а не на какие-то там магические фокусы.

– Да, про оружие. Как вы относитесь к сведениям о перевооружении французской армии?

– Мой кайзер, за последние тридцать лет лягушатники не отметились ни в одном серьёзном военном конфликте. Мелкие стычки, больше похожие на действия жандармерии, я в расчёт не принимаю. У них нет обстрелянных войск, и в отличии от Наполеона, у них нет гвардии. Первый же серьёзный артиллерийский обстрел превратит такое войско в неуправляемое стадо. Что касается французской линии укреплений, то мы готовы её штурмовать с минимальными потерями. В наших летних лагерях три года назад были воспроизведены самые сложные участки французской системы обороны и солдаты вполне прилично научились их преодолевать.

– Зная вашу требовательность, могу себе представить, что вы подразумеваете под словами «вполне прилично», - усмехнулся Вильгельм, – То есть вы предполагаете, что даже перевооружив свою армию, Франция на войну с нами не решится?

– Однозначно не решится, – твёрдо ответил фельдмаршал, пристукнув для верности по столу кулаком, – Особенно, если наши дипломаты кое-какую информацию про французов до сведения русского Императора доведут. Как это тоньше сделать, я не советчик, но по сведениям армейской разведки, французы делают нам неоднозначные намёки на то, что от них удара в спину не будет, начни мы войну с Россией. Более того, они активно заигрывают с кочевниками, снабжая их оружием. Тем самым русским придётся отрывать часть армии от западных границ, чтобы защитить нижнее Поволжье. Там у них слабонаселённые районы, и по нашим сведениям французы вооружили больше десяти тысяч степняков списанными со своих складов винтовками. С учётом высокой мобильности кочевников под боком у русских образовалась весьма грозная сила. Мы пытались провести штабную игру, как такой напасти лучше всего противостоять, но без особого успеха. Слишком уж непривычный противник, да ещё, чувствующий себя в условиях степных просторов, как рыба в воде. Оптимальным было бы применить авиацию, желательно штурмовики, – тут фельдмаршал запнулся

на полуслове, и опустив голову вниз, уставился на лежащее перед ним на столе письмо, – И похоже, она у них появилась…

* * *

На приём к Императору мы прибыли с фотографиями наших моделей и с фильмом о полёте «стрекозы», который успели отснять и проявить плёнку. Обсуждение начали ещё сидя в полутёмном зале, единственном во дворце, где был кинопроектор. Собственно, возбуждённо заговорил Советник Императора. Я-то молчал в тряпочку, зная, что даже производство одной – двух моделей из показанных на фотографиях, мы, с нашими производственными мощностями, попросту не осилим. Это в сказках всё легко и просто. Дунул – плюнул, и вот тебе результат. Не, у нас суровая проза жизни. Хоть задуйся и даже плевать научись, почище верблюда, а толку ноль, если к этому не приложишь труд, нервы, время и деньги. А ещё нужно найти людей. Специалистов, а не абы каких. У нас не сказка, и даже не социализм. Это там считалось, что любая уборщица может государством руководить. Впрочем, с тем уровнем образования, который был у большинства руководителей СССР, это было вполне сопоставимо с той же уборщицей. Ничему они серьёзному, кроме интриг внутри партии, не обучались, если в корень смотреть.

– Когда вы предполагаете провести испытания? – развернулся ко мне во взвизгнувшем от резкого движения кресле Мещерский.

– Простите, не понял. Испытания чего? – одарил я его настолько честным взглядом, что мне наверняка бы поверили все Немировичи, даже вместе с Данченко.

Если что, то это какие-то драматурги вроде или ещё кто-то, со спектаклями всякими связанные, о которых намедни княгиня Вадбольская полвечера вещала. Я, понятное дело, глубокомысленно кивал, и потихоньку надирался мерзкой сладкой мадерой, так как коньяк у меня ещё в начале ужина отобрали. Короче, эти типусы, Немирович и Данченко, никому не верили, за что и прославились. Надо же, у меня с ними до фига общего, и я бы с ними обоими ещё поспорил, кто из нас больше не верит тому же строительному подрядчику, сующему тебе смету на подпись. В таких случаях в глаза смотреть нужно, и вид грозный делать. А потом всё равно стоит смету на проверку отдать. Строитель нынче хитрый пошёл. Лицедействует так умело, словно только этим и живёт.

– Как чего? У вас тут целая эпоха! – подскочил с места

Мещерский.

– Где? – оглянулся я, рассчитывая увидеть такое событие прямо в зале, ну, или хотя бы его ноги, высовывающиеся из-под экрана, повешенного на стену.

– Я так понимаю, что князь нам что-то хочет сказать, – насмешливо отнёсся Император к разыгранной мной сценке.

– Как бы да. Я просто хочу поинтересоваться, кто нам все эти идеи воплотит в стали и алюминии? – изобразил я приличествующий поклон в сторону коронованной особы.

Кстати, мог бы и не прогибаться слишком. Статус Главы Совета Архимагов мне такое позволяет, но как бы сейчас я немного в другой ипостаси. Да, это тонкость, но не грех и остальным присутствующим дать понять, что я её соблюдаю. Ага, до поры до времени.

– А ваши верфи? – не смог до конца успокоится возбуждённый Советник.

– Дорого и долго. Кроме того, у них по горло своей работы, – отчитался я перед коллективом кинозрителей, сказав чистую правду. Кино про «стрекозу» посмотрели, вот и считайте это полученной информацией, а не рекламой.

Чего я категорически не люблю, так это когда мою шерсть путают с государственной, причём, не в мою пользу.

Показали мне кинокомедию не так давно, восстановленную из архивов. Толком не понял, что там смешного. Про нас, курсантов Академии, анекдоты рассказывают. Вроде того, что в цирке мы не смеёмся. Так там и нет ничего смешного. Академия учит мыслить аналитически, а с этой точки зрения там и смотреть нечего, ну, разве что на голую танцовщицу на шаре. Шар у неё красивый. Короче, при просмотре кинокомедии я не смеялся, но некоторые фразы в память врезались. В том числе и эта, про шерсть.

В итоге, в этот день мы так ни к чему и не пришли. Идей полно, а осуществить их некому. Нет в Империи серьёзной промышленности, да и рабочие в дефиците. Восемьдесят процентов населения к земле привязано, в минусе также армия и торговцы со служащими. А населения как бы не вшестеро меньше численностью, чем до войны было, а то и ещё хуже.

В свой столичный особняк я вернулся затемно. Поужинал с Алёнкой, думая о своём, но вовремя кивая во время её пересказа столичных новостей. Как-то ловко я это научился делать. Жёны уже и не замечают порой, что я их не слушаю. Правда, иногда неудобно выходит, когда я что-то важное пропускаю, или сам

потом пытаюсь рассказать то, о чём мне уже говорили.

Заснул я не сразу, долго ворочался, переживая сегодняшний разговор заново, а потом резко забылся тяжёлым сном. Тем неожиданнее оказался подъём.

Проснулся оттого, что меня изо всех сил трясла Алёнка, а в дверь нашей спальни громко стучали. На ходу попытался было запрыгнуть в штаны, и скача к двери на одной ноге, ещё как-то умудрился скастовать Щит.

– Вашсясьво, – выпалил слуга, спросонья не сумевший даже разборчиво разговаривать, – Там от Императора прибыли. Много. Даже пилоты прилетели. Ужасть как жужжат. Велели мухой вас будить и срочно к Императору чтобы доставить.

Из бессвязных речей стало понятно, что я зачем-то потребовался Императору посреди ночи.

Вытолкав слугу за дверь, я бегом кинулся в ванную, и уже закрывая дверь, услышал, как зазвонил телефон, заполошно заходясь не совсем обычными трелями. Хотел было бежать обратно, но услышал, как Алёнка взяла трубку и с кем-то уже начала говорить.

– Что там случилось? – на бегу поинтересовался я, выскочив из ванной минуты через три.

Алёна уже не лежала, а устроилась полусидя, и трубка покоилась на рычагах телефонного аппарата.

– Костюм другой возьми, – ответила жена неестественно спокойным голосом, – Вон тот, крайний слева.

– Так это же свадебный! – искренне возмутился я, вытаскивая указанные плечики, и для верности, ещё раз засовывая нос в шкаф.

– Ты и едешь жениться, – впечатала мне в спину жена утверждение, сказанное всё тем же спокойным тоном. Это спокойствие и заставило меня выронить из рук костюм, неуклюже свалившийся на пол.

Глава 62. Неожиданная женитьба

– Нет, ты слышала, что она собирается у Олега попросить вместо свадебного подарка! – услышал я возмущённый выкрик Алёнки, когда утром, крадучись, тихонечко выполз из спальни, чтобы не потревожить новобрачную.

Подвёл сквозняк.

В доме было чересчур тепло, и я, проснувшись, приоткрыл форточку. В результате, когда я навострив уши готовился подслушать разговор жён, дверь у меня за спиной предательски хлопнула.

– Похоже, наш многостаночник очнулся, – услышал я ехидное замечание Дарьи.

– Да убоятся жёны мужа своего! – возвестил я с верхней ступени лестницы, запахнув халат, словно римский патриций тогу.

Ага, разбежался.

Обе только фыркнули, и ещё веселее забренчали ложечками. Они завтракать изволят, видите ли. Заодно косточки перемывают. И ладно бы каким-нибудь посторонним, так нет же. Без меня никак не обошлись.

– Спускайся давай, наш грозный повелитель. А то пока ты спал, да с молодой женой миловался, рыба почти заветрела, – ехидно выдала Дашка сладеньким голосом.

Нежнейшие ломтики тонко порезанного балыка и впрямь продукт деликатный. Пришлось оставить все разговоры на потом и заняться смакованием рыбы, присланной Липатовым вроде как на свадьбу. Ага, на очередную и ни разу не запланированную.

Слышали наверно поговорку: – «Без меня меня женили».

Во, как раз мой случай. Если что, то никакой моей вины или глупой инициативы не было. Всё происходило исключительно исходя из государственных интересов.

Ну, и немного моих личных, куда же без этого.

А то, что новая жена оказалась охоча до смелых экспериментов в постели, так это просто повезло. Тут, как мне кажется, всё дело в разнице воспитания. Всё-таки Смольный накладывает на девушек свой отпечаток, как ты не крути.

Рассказывала мне как-то раз Дашка, что их учили даже тому, как добропорядочная жена должна вести себя в постели с мужем.

Кстати, полнейшую чушь их дамы – наставницы говорили.

Тем не менее, разница заметна. А может организм у девушек разный. Характер, опять же, другого типа.

Короче, причин много и не с моими знанием женщин о причинах рассуждать. В эксперты я никак не гожусь. Скорее, я продвинутый пользователь. Думаю, против этого трудно возразить. Как-никак, а три жены, это вам не баран чихнул. Тут работать надо, не покладая, э-э… Впрочем, и головой думать приходиться. Женушки-то у меня, ох, не простые. Все три.

Ладно. Сейчас с балыком закончу, и расскажу обо всё по порядку, а то пока мысли не о том.

Во всём виноват Император, как мне кажется.

Но вслух о таком говорить – это моветон.

Не могу сказать, чтобы я в третий раз женился совсем уж по принуждению или из-под палки.

Нет. Всё-таки восточный танец – это сами понимаете, искусство. Там всё так глаз радует, что высокие чувства просыпаются сами по себе. Так и хочется ухватить танцовщицу, и в какую-нибудь пещеру уволочь. А уж там… Можно, к примеру стихи читать, или о звёздах, опять же, рассуждать. В общем, занятие найдётся, было бы желание. И вот тут-то восточное искусство прямо в точку лупит. Нормально всё с желанием обстоит, если ты истинный ценитель восточного танца. Так и прёт желание, на такое диво глядючи.

* * *

Та памятная ночь не задалась. Пока я собирался, к нам уже примчался князь Обдорин. В отличии от меня, он был свеж, как огурец, и даже намёка на заспанное лицо я у него не увидел.

Пока по ночным улицам мы гнали к лётному полю, князь в темпе вводил меня в курс дела.

Автомобиль Второва взорвали утром, когда он по мосту переезжал обводной канал, подающий воду на завод.

Дорога к его особняку была одна, и злоумышленники этим воспользовались. Говорят, не меньше, чем тонну взрывчатки под мост заложили. Мостик-то, в отличии от имения заводчика, никем не охранялся, вот этим тати и воспользовались. Бахнуло так, что в ближайших цехах стёкла местами вылетели.

– Почему именно я? И для чего такая срочность? – сумел я вставить свои вопросы в повествование Обдорина, выкладываемое мне скороговоркой.

– Родственнички подозрительно быстро нарисовались. И не

просто так, а ещё и с женихом приехали сразу. С одним из дальних отпрысков князей Пушкиных. Офицериком молодым, в карты проигравшимся.

Обдорин тут же скорчил пренебрежительную гримасу, давая понять, как он относится к служакам, чрезмерно азартно играющим в карты.

– Раз родственники, то могли и опекунство оформить, – проявил я знание вопроса.

– Опекунство – дело не быстрое, и к тому же связано с массой ограничений. Да и действия опекунов можно через суд обжаловать. Зато муж может с имуществом делать всё, что захочет, и никак ему этого не запретить. Нет такого Закона. Опять же, у нас так повелось, что где Пушкины, там и Багратионы. Представляешь, что может завертеться, если у Кланов на кону десятки, а то и сотни миллионов рублей замаячат. Нам прошедший заговор детским лепетом покажется, особенно с учётом того, что государство в имущественные споры Кланов никаким образом влезть не может. Годами судиться станут, да гадости друг другу устраивать. То-то судейским радость, а нам морока. Нам с преступлениями разбираться, а судейским только успевай карманы подставлять.

– И что, никак не доказать, что они, эти Пушкины, к убийству Второва причастны?

– А они могут быть и ни при чём. Да что там могут быть. Скорее всего, так оно и есть. Никак нам их к убийцам не притянуть будет. Опыт подсказывает мне, что тут серьёзный организатор имеется, который всем из-за кулис руководит. И роли у исполнителей не пересекаются. Больно уж много всего накручено. Да ещё ты карты перемешал. Так что, пока крайне неясно, что могло кроме захвата Второвских заводов за преступлением стоять.

– А я-то опять здесь каким боком? – искренне возмутился я, мотая головой от полноты чувств, а заодно и от резких поворотов, по которым полетел наш кортеж, срезая путь к лётному полю.

– Хм, а не подскажете ли князь, на какую оснастку Второв не так давно заказ вам сделал? – переменил тон Обдорин.

– На установки техномагические, для наддува воздуха в печи. И ещё немного устройств, типа прессов.

– Вот! И всё у вас, как всегда, на этой вашей техномагии, правильно? – назидательно поднял вверх князь указательный палец.

– Так на том и стоим. Мне, знаете ли, от моих предков не так много досталось. Поэтому и выкручиваюсь из ситуаций с тем, что имею. В первую очередь, это конечно же наши семейные

накопители. Их по всей стране так и называют – Бережковские. И это не только имя собственное. Это ещё и признание. Хорош бы я был, если бы свои козыри в землю закопал.

Так то не готов я сходу поверить в то, чтобы из-за противостояния магии иным способам люди на смертоубийство шли. Тут, пожалуй, целый букет интересов сложился, и магия, которой Второв проникся, там тоже своё место нашла.

– Знаю я, как вы их используете, эти накопители ваши. И в пир, и в мир, и врагам на голову, – хмыкнул Обдорин, в очередной раз тестируя мою самооборону.

Понятное дело, отчего я сделал морду кирпичом, и на какие-то секунды притворился глухонемым.

Свои догадки князь может при себе оставить. Под меня, как я понимаю, ему сейчас копать нет никакого резона. Образно говоря – мы с ним в одной лодке, но только по разным её концам и лицом друг к другу. Так, приглядываем один за другим на всякий случай. Хотя, порой и пользу взаимную приносим. Я по крайней мере, пока не чувствую, чтобы был князю чрезмерно был обязан, а у него, скорее всего, такой меры и не существует. Привыкают, как правило, чиновники его ранга, чтоб им весь мир должен был, а они, вроде как никому. Хотя, Обдорина я понемногу отучаю от этой пагубной привыки. Господь, и тот делиться велел. Так что князю не всё просто так с меня даётся.

Да к тому же он мне крепко задолжал. Камышинский «весёлый дом» я ему ох, как долго помнить буду. Приличный мне рубец на сердце этот случай оставил, когда князь позволил себе простить выродков. И тут хрен он у меня высшими интересами отговорится.

Впрочем, с ними, с любителями детских тел, я теперь сам разбираюсь, поскольку следственная служба сбой дала.

Взял, так сказать, на себя несвойственные мне государственные функции, раз некоторые госслужащие их выполняют спустя рукава.

Моё новое поколение алькальдов, Степановы воспитанники, на тех клиентах «весёлого дома» теперь экзамены сдают.

Уже с десяток вполне себе здоровых дядек внезапно концы отдали. Ну, или в мир иной отъехали. Все по разным причинам.

Оценки Степан своим воспитанникам за изобретательность ставит. Пока самый низкий балл и моё порицание получила попытка ограбления. Ничего умного тогда его выкормыши не придумали, тупо трубой по затылку своего визави треснули, чтобы якобы дорогую шапку снять. Этакая имитация попытки ограбления. Да, клиент теперь дураком стал, и под себя до конца

жизни ходить будет, но, согласитесь, как-то не красиво. Чистая уголовщина. Тонкости не хватает.

Зато другой клиент, отчего-то вдруг напрочь разорившийся, сам в петлю залез.

Во, пока этот случай идёт в призёрах.

Согласен. Этот случай в смету не вписался, но красота исполнения всё оправдывает. Как говорится, красота денег стоит. Как по мне, так клиента шикарно исполнили. Всю его экономику просчитали, и нужный момент ударили, куда надо. Хороший бизнес в момент развалили, подведя его под неустойки и просрочку кредитов.

Помнится, Обдорин что-то было вякнуть мне хотел вроде, насчёт повышенной смертности в рядах любителей малолеток. Я так на него посмотрел, что он своё предложение до конца договорить не смог.

Во как я научился. Причём, этот взгляд я никогда не тренировал, и перед зеркалом никакие такие рожи не строил. Само оно вышло.

Малышек своих вспомнил, и в момент бешеным сделался. Было у князя пару мгновений, когда его жизнь на волоске висела, пока я в руки себя не взял. И он это понял. Почувствовал как-то.

С тех пор у нас с ним что-то вроде мирного нейтралитета, с отзвуками уважения. Может можно это красивее как-то выразить, но я для себя это так расцениваю.

Вот уж чего я вовсе не ожидал, так это того, что князь Обдорин полетит вместе с нами.

Думал, он как всегда, раздаст ценные указания и забьётся куда-нибудь, допустим в свой ведомственный кабинет. Паук, старательно плетущий паутину, всегда так делает и какое-то сходство у него с Обдориным на мой взгляд есть.

Как бы то ни было, а стартовали мы штатно, и уже за городом к нам присоединилась дюжина пилотов в новеньких МБК. Охранное агентство подключилось. Недаром я их пилотами исправно снабжаю. Теперь порой до двух десятков уже моих пилотов в столице дежурят.

Наращиваю я потихонечку личную армию. А как иначе. Землями прирос, значит и защищать их должен. Так что летунов у меня прибыло. К тому же новенькие доспехи на верфях уже нормально делать научились. Никакой штурмовщины. Вроде как обычная рутина. Даром, что меньше года назад из-за них все мастера чуть ли не на ушах стояли.

Сначала я удивлялся, как же так вышло, что мне имперские

службы в вопросе владения целым подразделением пилотов, не пытаются палки в колёса вставлять. Вроде как не совсем такое положено.

Была мыслишка, что Император тут руку приложил и особым доверием ко мне проникся.

Но Алёнка как-то раз эти пафосные мысли быстро развеяла.

Оказывается, вовсе не при чём здесь моя неординарность. Обычный трезвый расчёт и здоровый цинизм в этом вопросе превалируют.

Ни у кого даже тени сомнения не возникает, верны ли будут вышедшие в отставку пилоты своему Императору. Конечно будут верны. Там закалка такая, что ого-го. Гвардейская. А в плюсах наличие очень удобного, с правовой точки зрения, формирования, да к тому же, существующего не за счёт казны.

– Не всем, князь, от предков перепала золотая ложка во рту, – примирительно отозвался я, после продолжительной паузы.

Повторяюсь, а что делать. Нужно мне до Обдорина как-то донести, что я порой вынужден то немногое, что мне от родственников досталось, в полной мере пользовать.

– Зря вы так. Мне тоже через многое пройти пришлось, прежде я стал тем, кто есть, – хмыкнул Обдорин, рассматривая на свет вытащенную из бара бутылку Шустовского.

Затем он также пристально мой наряд осмотрел. И прищурился, гад такой, на приметный кинжал.

Да. Взял я с собой Убийцу Архимагов. Это имя кинжала, точнее, комплекта из кинжала и подавителя магии.

За Пушкиными и Багратионами четыре архимага числятся, если я не ошибаюсь.

В разных Родах, но при их Кланах. Мне расслабляться сейчас никак не с руки, не то что Обдорину.

Хорошо ему. И выпить может, и поразмышлять в тишине салона моего реактивного дирижабля, а мне уже в ночь пора.

В распахнутый люк гондолы.

Прямо в тёмное ночное небо.

Ногами вниз.

Прыгаю-ю-ю…

Ночной мёрзлый воздух обжигает до самого нутра, когда ты в падении пытаешься вздохнуть.

– Эх-х… Ма-а-а-ть, – успел я выразить свои ощущения, пока скорость падения была ещё не так велика.

Не… Понятно, что я архимаг, и с Левитацией дружу. Но

страшно, всё таки до жути.

Первый раз с дирижабля вниз сигаю, да ещё ночью.

Эликсир ночного зрения мне выпить не дали. Он штука двойственная. Чисто по ночи он хорош, а доведись на свет вылезти, и придётся филина изображать, которого день застал не там, где надо.

Интересно у человека восприятие работает. Казалось бы, лечу я вниз, ору себе потихонечку, как мне кажется, в основном от полноты ощущений, как вы понимаете, а краем глаза успеваю заметить тени пилотов, скользнувшие в мою сторону.

Приземлился я вполне удачно. Успел в отсветах фонарей увидеть памятный стальной цветок, который сам когда-то сваял перед домом сталепромышленника. На него и ориентировался, замедляя падение и переводя его в управляемое планирование. А там и вовсе замер в метре над землёй, осматриваясь и оценивая обстановку.

Обстановка так себе.

Нечто вроде вялотекущей осады. Изредка кто-то постреливает. Вон, даже по щиту мне пару раз прилетело.

Правда, кто-то из пилотов тут же огрызнулся короткой очередью, и рокот серьёзного калибра автоматической пушки тут же заставил всех остальных прекратить стрельбу.

Ещё бы. Прозвучало это так, как будто волкодав рявкнул на стаю уличных шавок, и те враз хвосты поджали.

В наступившей тишине свист двигателей МБК вдруг стал слышен особенно отчётливо, давая понять обеим враждующим сторонам, что на поле появился новый игрок.

– Кого там чёрт принёс? – раздался от ворот особняка голос, усиленный магией.

Оп-па, Одарённые тоже в деле, и как я понимаю, маг находится среди тех, кто пытается проникнуть в дом сталепромышленника.

– Ты бы представился, любезный, прежде чем вопросы задавать, – максимально оскорбительно отозвался я, в свою очередь усиливая голос.

Специально так сказал, в надежде спровоцировать неизвестного мага на атаку.

Обратился к нему, как к половому в трактире, если что.

Темнота мешала мне разглядеть, что происходит у ворот, и я запустил свою «визитку» в небо, решив осветить окрестности. И

чуть было не проворонил файерболл, понёсшийся на меня от сторожевой будки. Можно сказать, заклинания мы, с неизвестным мне магом, использовали практически одновременно. Его файербол размазался по моим Щитам, а в ответ я, уже с полным на то основанием, запустил облегчённую версию «Бумс-с-с».

Мм-м-м…

Это заклинание надо бы доработать.

Шибзданyло так, что в особняке тренькнули и выпали стёкла. Не везде, к счастью, но около крыльца рамы точно зияют тёмным оскалом.

Пилоты, словно коршуны, свалились на глушённую дичь. Стрельбы не было.

Рукопашка пилота, одетого в доспехи, требует особого искусства. Основное умение заключается в том, чтобы случайно противника не зашибить, и пленных не поломать, когда они попадутся в стальные перчатки, снабжённые усилителями.

– Входная группа под контролем, – услышал я доклад командира пилотов.

Кстати, а отчего их дюжина? По Уставу, пилоты у нас на пятёрки разбиты, и только в случае спецопераций им может быть придан дополнительный командир.

Мысль промелькнула. Вроде бы подумал, но тут же забыл. Не хватило времени на осмысление.

– Господа, князь Бережков прибыл просить руки Второвой Светланы Николаевны, – за отсутствием дворецкого самостоятельно озвучил я цель визита, когда немного стих шум в ушах, вызванный моими же действиями. Вроде бы ослабленным «Бумс-с-сом» долбанул, а всё равно, знатно ухнуло.

– Матрёна, да отпусти же ты меня! – донёсся из особняка отчаянный девичий крик, – Это Олег за мной прилетел!

– Какой ещё Олег? – отозвался на голосок Второвой сочный бабий голосище.

Солидный такой, я бы сказал, могучий. Этакий волжский бас, в его женском варианте.

– Князь он! Самый настоящий!

– Хорошо хоть не пры-ы-нц, – насмешливо растянула могучая женщина последнее слово.

Не, е голос у неё. Голосище.

Сквозь выбитые окна голоса внутри особняка были слышны на удивление хорошо.

– Пры-ы-нцом не уродился, – поддразнил я спорящих, скопировав произношение незнакомой мне женщины.

– Ой, батюшки, да он же нас слышит! – всполошилась бабища, – Эй, Матвей, выгляни-ка во двор. Посмотри, куда супостаты подевались.

– Так нет их уже. Как есть всех заарестовали, – доложил бородатый мужик, высовываясь их окна по пояс, – Вона, глянь, как их железные человеки вяжут и мордой в грязь укладывают.

– И точно, – выглянула в окно с выбитыми стёклами внушительных размеров тётка в запахнутой шали, – Профессор, Владимир Ефимович, снимайте ваши обереги. Отбились мы от одного жениха. Теперь вродь, другой пожаловал. И опять без сватов, – крикнула здоровенная бабища куда-то внутрь дома.

– Может я в сваты сгожусь? – подлетел к окну один из пары гвардейцев, не принимающей участия в штабелировании контуженных нападающих.

Так-то я приметил, что эта пара особняком держится, словно бы они и не вместе с остальными пилотами.

– А ты кто будешь? – развернулась бабища к пилоту, и упёрла руки в боки.

– Да так, царь я местный. Император, если что, – откинул пилот забрало шлема.

– А ну-ка, в сторону посмотри, – потребовала женщина, недоверчиво вглядываясь в лицо пилота, висящего в воздухе метрах в десяти от окна, – Ой, батюшки! И точно, Ампиратор! Как на червонце нарисовали, один в один. Светланка, тут тебя сам Ампиратор сватать прилетел. Хлеб – соль на крыльцо тащи. С самим царём целоваться будешь!

* * *

Свадьбу мы отпраздновали поутру. В заводской часовенке.

Как ни странно, но у Светы нашлось подходящее платье. Она призналась, что заказала его из любопытства. Очень ей хотелось на себя посмотреть в невестах. Благо, батюшка в деньгах не особо дочку ограничивал. Потешила любопытство. А тут, глядишь, и пригодилось платьишко. Вполне себе для свадьбы пошло.

Сама процедура свадьбы мне не слишком запомнилась, гораздо лучше в память врезалась ночная беседа с Императором.

Спать мы не ложились, оттого и коротали время в малой гостиной, где уцелели стёкла и уютно потрескивал камин.

Началось всё с небольшого доклада профессора Грум-Гржимайло.

Кстати, это он организовал оборону дома, и даже сумел противостоять магу, который оказался среди захватчиков. Дар у профессора слабенький вроде, но контроль над магией доведён до абсолюта. По крайней мере что-то такое я понял из его объяснений.

– Хозяйство Второва состоит из шести сталеплавильных заводов, но кроме них имеются больше дюжины сопутствующих производств и два десятка добывающих предприятий. При них всех банки и транспортные конторы. Покойный старался охватить полный цикл, чтобы не быть зависимым от сторонних поставщиков. Окатыши, набивные массы, электрокорунд и оснастка – это далеко не полный перечень того, чем Второвское хозяйство само себя обеспечивало.

– Простите, набивные массы – это что? – не смог я сдержать любопытства, услышав новый для меня термин.

– Видели, как сталь в ковш выливается? Если ковш будет чисто стальной, то он попросту расплавится. Поэтому изнутри ковши покрывают толстым слоем футеровки из этих самых набивных масс. Огнеупорное производство для сталелитейной промышленности не менее важно, чем та же руда или уголь. Представьте себе, что произойдёт, если футеровка у ковша прогорит или окажется некачественной. Сто пятьдесят тонн расплавленной стали в цех хлынут. Наблюдал я пару раз подобные аварии. Жуткая картина. Сродни вулканической лаве, если не хуже. Редко, когда без человеческих жертв обходится, да ещё и цеха потом на долгом простое находятся.

– Надеюсь, при заводах существует команда управленцев, чтобы со всем этим бедламом справиться? – несколько нервно поинтересовался, глядя на профессора.

– Конечно есть. И команда есть, и Светлана Николаевна дело знает. Не смотрите, что она девица. Не хочу её перехваливать, но хватка у неё присутствует и навыки организатора ей покойный Второв привил такие, что впору опытным мужикам завидовать.

– Тем более непонятно тогда, отчего её вдруг журналистика заинтересовала, – вслух высказал я свои сомнения.

– С отцом она не сошлась по некоторым перспективам, оттого и взбрыкнула, пустившись в собственное плавание, – высказал профессор своё видение поведения Светланы.

– Интересно, а кто же из них был бы прав, с вашей точки зрения? Дочь или отец? – с хитринкой поинтересовался Рюмин.

– Оба, как ни странно. Что один шаг, что другой, были

одинаково необходимы. Но вот на дело они по-разному глядели. Второв больше производственником был. Рабочая косточка, так сказать. А Света, та больше за сбалансированность ратовала. Говорю же, что в роли руководителя и организатора она очень неплоха.

– И что, никакого компромисса не нашлось? Неужели не смогли отец с дочерью найти решение, которое бы обоих устроило? – позволил я себе усомниться в словах учёного.

– Эх… Знали бы вы, сколько нам постоянно делать и переделывать приходится, – почесал профессор затылок, – Порой не знаешь, за что и хвататься в первую очередь.

Оп-па… Вот это новость!

Я-то как думал… Вот женюсь я на заводах, ой, то есть на Второвой, и многие мои проблемы исчезнут, как утренний туман, а тут на тебе…

Я со своими делами не успеваю разгребаться, а тут оказывается, я ещё на большей куче забот жениться собираюсь.

Эта мысль настолько отчётливо ударила в голову, что я с искренним негодованием глянул на Императора. А тот, зараза такая, словно этого не заметив, активно чаем занялся, довольно фыркая в свои модно стриженные «гвардейские» усы.

– Похоже, я собираюсь жениться на прорве проблем, – высказал я своё мнение коронованной особе сразу же после ухода профессора.

Так то нам надо расставить точки над И.

– А нет иного решения, – весело отозвался государь, – Ты пойми, не имеем мы права на то, чтобы кому-то позволить развалить главный стержень промышленности. Мне даже на миг представить страшно, что произойдёт, лишись страна Второвских заводов. Лет на пять, а то и на десять назад в развитии откатимся. У нас сейчас небывалый рост в промышленности наблюдается. Догадываешься, что произойдёт, если страна половины стали вдруг лишится?

– Ещё как догадываюсь. Но всё таки, почему именно я?

– По целому ряду причин. К примеру, у тебя заводы будет проблематично отнять. Поверь, найди мы другую кандидатуру, и нашлись бы желающие на зуб нового хозяина опробовать, пока он на месте не обосновался как следует. А тебя побаиваться начали, да что там, всерьёз многие опасаются, до мочеиспускания. Опять же, не так много Одарённых существует, кто у нас с промышленностью связан. Ну, и немаловажная деталь имеется.

Девица Второва к тебе весьма неравнодушна, да и ты, как мне говорили, на неё с интересом поглядывал.

Признаюсь, хотел я было в голос возмутиться, но чуть сам себя по лбу не хлопнул, кое-что вспомнив. А именно – свои размышления по поводу Бельской и Озерова.

Тоже ведь прикидывал, что мне от их брака польза могла быть. Понятно, что в данном случае масштаб иной, но смысл-то тот же самый. Ничем наш государь не хуже меня самого. Я и сам порой рассуждаю так же.

А вот на тебе, как меня это обратной стороной коснулось, так что-то я задёргался и чуть ли не в претензии кинулся.

Отчего мы все так болезненно воспринимаем попытки за нас самих что-то решать?

Не могу не признать, что в данном случае государь всё хорошо взвесил, и надумай я сам на Второвой женится, то я бы ещё и поспорил с ним, вздумай он помешать этой свадьбе.

– Хех, выходит, одна Дарья мне без приданого в виде заводов досталась, – только и нашёлся я, что сказать в ответ.

Меркуловские-то заводы я перед свадьбой с Алёнкой себе выторговал.

– Дарья говоришь, – отчего-то вдруг развеселился Император, – Ну, не знаю, не знаю. Может и без заводов…

Не знаю, как кому, а мне слишком весёлым государь не очень нравится.

Подозрительно он себя ведёт. Вон, опять, посмотрел на меня, озадаченного, и снова ржать начал. Ой, не к добру это…

* * *

– И что такого Светлана у меня попросить собирается? – задал я вопрос, прикончив последний пластик балыка и вытерев салфеткой рот.

– Ты что, подслушивал? – с обидой спросила Алёнка.

– Скорее, случайно услышал, – дипломатично отозвался я, примериваясь к тарталетке с икрой.

Нет, я не обжора, и пожалуй, даже не гурман, но больно уж аппетитно это изделие выглядит. Тарталетки у меня готовят большенькие. В них как раз по чайной ложечке красной и чёрной икры входит, а сверху это ещё фигурной виньеткой из сливочного сыра украшают. Вкусно получается, ум отъешь.

– Пресс какой-то. Я её не поняла. Она ещё что-то про штамповку взрывом пыталась нам объяснить, – с каким-то

вызовом выдала Алёнка.

Если она рассчитывала меня этим огорошить, то просчиталась. А может и нет. Я как протянул руку за тарталеткой, так и завис.

– Ух ты, – только и смог я сказать, когда увидел, как мне эту самую тарталетку в руку вкладывают, – Как же я сам-то не додумался. Сейчас я её разбужу. Пусть подробно рассказывает.

– Оба сумасшедшие, – констатировала Дашка, – Ты ей хоть кофе отнеси, раз наверх пойдёшь. Тебе всё равно, а ей радость.

Про кофе это она здорово придумала. Я бы и сам не отказался, чтобы меня так будили.

Слышал я про такой способ. Не, я не про кофе.

Штамповка взрывом. Даже задуматься над ним пытался, но что-то меня тогда отвлекло, и вдруг – вот оно, озарение. Думаю, тут и без моих объяснений всем всё понятно.

Чаши. Мои Чаши. Те самые, где я алмазы для накопителей выращиваю.

Да их чуть переделать, и такое из них выйдет, что закачаешься! А если их ещё Усольцев доработает… Те же ложки – вилки сотнями, а то и тысячами штамповать можно будет, да ещё так филигранно, что не всякий мастер повторит. А ещё гильзы…

– Светлана! Подъём! – заорал я, скачками несясь по лестнице. Мог бы и ещё быстрее подняться, но кофе горячий, и на себя мне его расплескать никак не улыбается.

* * *

Беда, как известно, не приходит одна.

Всю глубину пошлых намёков Императора я понял не сразу.

Говорю же, не зря он тогда веселился, и неспроста я так напрягся, чуя подвох. И он, этот подвох, наконец-то сам в гости пожаловал. В лице новоявленного родственничка, князя Белозёрского.

Надо же, сколько мои парни радости могут людям принести одним своим видом.

У князюшки выражение лица умильно – благостное, как у Санта-Клауса на открытках.

Ага, и подарков целый мешок. Ну, мешок не мешок, Дашке вон сундуками и чемоданами подарки заносили, а мне всего лишь папочку тощую в руки князь сунул. Без комментариев,

причём. Открыл я её из любопытства, а там, на первом же листе, сплошные иероглифы. И на втором. Листов двадцать переворошил, пока до русской речи добрался. Оказывается, только первая половина документов в иероглифах, а вторая нормально написана. По нашему. И если верить написанному, то стал я, а нет, вот тут указано, что не я, а мои грудные двойняшки, рабовладельцами.

Вот это подстава!

Мало того, что у нас на Руси отношение к рабовладельцам крайне отрицательное, так там, на этом японском заводе, ещё и составчик подобрался…

Двести, блин, двести баб, в возрасте от шестнадцати до тридцати пяти, и пятьдесят мужиков, от двадцати одного до сорока пяти лет.

И это в первой волне. Во второй они ещё семьи подтянут, как только жильё для их приёма у меня будет готово.

От того, чтобы пару раз Белозёрскому в рыло заехать, меня удержал только мой, известный всему миру мирный характер, и наша разница в возрасте.

Нет, ну взрослый же человек. Он что, не понимает, что мне теперь, до самого совершеннолетия моих парней, этими япошками будут в лицо тыкать при любом удобном случае. Самое смешное, что документы так оформлены, что никак я от них не избавлюсь, пока мои парни не вырастут. Фактически, они хозяева японского радиозавода, вместе со всем движимым и недвижимым имуществом, перечисленным в Договоре купли – продажи.

Угу, а под движимым имуществом там подразумевается целая свора желтолицего населения. Причём, количество тех, кто прибудет во второй волне, тактично не указано.

Вроде того, что о них и беспокоиться не стоит. Люди второго, а то и третьего сорта. Что дашь, то и ладно. Хоть их же бумажные домики им построй, и согласно условиям Договора, ты свои обязательства выполнил.

Пф-ф-ф…

Я вылетел из дома, и запрыгнув в своё воздушно – подушковое средство передвижения, съездил к себе на Дорогу. Так теперь памятник называется, при въезде в посёлок. Чуток дизайн там подправил, чтобы бешенство и эмоции выплеснуть. А то ямки там какие-то детские были. Теперь нормально всё. Пара воронок вовсе удачно вышла. Пятиэтажный дом в них можно засунуть так, что одна крыша над землёй будет виднеться. А вот

не фиг меня расстраивать. Я добрый, где-то в глубине души, но порой нервный. И Шабалин меня бесит. Припёрся, гад, глубину воронок мерить. Ещё и своих воспитанников с собой притащил.

Нельзя же так. У человека горе, а у него одна магия на уме.

– Константин Семёнович, как ваши успехи? Архимагскими заклинаниями не порадуете? – решил я в свою очередь чуть подпортить ему настроение.

– Не в полной мере, князь, но кое-что уже могу, – прищурился Константин Семёнович в еле заметной насмешливой улыбке, оглянувшись на своих подопечных.

И показал! Да ещё как!

Я головой не успевал крутить, наблюдая за пулемётной очередью заклинаний.

Вот так.

Опять меня мордой в грязь сунули. Да, мощность заклинаний у Шабалина пока ещё хромает. Слабенькие они. Но скорость каста! Это что-то с чем-то. Тут поневоле вздрогнешь, представив, как тебя такой очередью осыплют. В переводе на стрелковое оружие, Шабалин офигеть как садит по цели из Максима, причём о четырёх стволах. Близко к такому сопернику подходить не стоит. Ураган огня.

– Спасибо, Наставник, – прижав руку к груди, коротко изобразил я поклон.

Да, впечатлён. Это Мастерство. Мне до такой скорости ещё ползти и ползти.

Опять же.

А что сейчас было?

Я по-японски поклонился?

Э-э, нет. Только не это.

Глава 63. Светлая полоса

Про то, что жизнь – штука полосатая, все и без меня знают.

Редко когда бывает, чтобы ничего не омрачало тот или иной день. И уж совсем удивительно, когда несколько радостных и светлых дней идут один за другим. Особенно, если при этом проблемы начинают решаться сами собой.

От хлопот с княжеским подарком, тем самым радиозаводом, меня избавил Степан, и как это не странно, прибывшие меркуловцы. Похоже на то, что больше всего ямальские переселенцы, боялись, что я им не разрешу принимать участие в устройстве завода. Причина оказалась насквозь простая и житейская. Бабы. Этот вопрос ямальцев в их предстоящей жизни на моих землях беспокоил больше всего, а тут на тебе, нежданно – негаданно экзотика подвалила.

Заодно и мне перепало.

Аю Якко. Этакая мелкая черноволосая пигалица, свободно болтающая по-русски, и по её словам, знающая ещё четыре языка.

Странно, да? Такие знания и среди японских крепостных. Несмотря на необычный балахон, заменяющий ей одежду, я сумел заметить, что поясок на ней, то и дело скрывающийся в складках её забавного халата, очень уж короткий, да и одежда прилично потрёпана, а местами и вовсе залатана. Наверняка талию можно пальцами рук охватить. Эта Аю как-то ловко сама себя сначала назначила переводчицей, а потом и вовсе чуть ли не моей секретаршей самопровозгласилась.

По крайней мере, всё, что я говорил, она очень быстро записывала, смешно сдувая чёлку, падающую ей на глаза. Короче, пока я осматривал прибывших людей и горы оборудования, делая время от времени замечания, эта Аю уже успела подпрячь четверых мастеров, раздала им поручения, и даже сроки исполнения назначила, как она мне сказала. Самое удивительное, что работа закипела. Мужики быстро разделили народ на отряды и как-то очень организованно началась погрузка, судя по всему, проводимая вполне грамотно. Мастера носились быстрее всех, и найдя нужные ящики, тут же ставили на них загогулину мелом. Остальные, ориентируясь на эти знаки, шустро таскали ящики в грузовики, обозначенные такой же кракозяброй. Поймав себя на том, что я уже долго стою, глядя на чужую слаженную работу, я поспешил обратно, к зданию управления. За мной, забавно семеня, едва поспевала Аю, постоянно заставляя меня сдерживать шаг.

– Оксана. Приодень её, да и покорми. Пусть с тобой пока в

приёмной сидит, – на ходу бросил я своей действительной секретарше, передавая самозванку под её попечительство.

Уже в дверях оглянулся, и чуть в голос не захохотал, так забавно эта пара выглядела. Могучая, пышногрудая Оксана, и мелкая японочка, росточком, дай Бог, если в полтора метра. Как бы сказал Иван Силыч, умеющий в своих рассказах порой дать короткую и образную характеристику, ростом она была с сидячую собаку.

В спорах с компаньонами, где мы обсуждали новую концепцию гибридного маголёта, время пролетело незаметно. Больше часа прошло, прежде чем мои собеседники начали озираться по сторонам, выразительно похлопывая себя по карманам, в поисках курева.

Гибрид у нас вышел не случайно. Всё дело в высоте. Чем выше, тем воздуха меньше, а значит нашему магодвижку на больших высотах будет нечего через себя продувать, если попросту говорить.

– Оксана, кофе, – стукнул я по клавише селектора, связываясь с приёмной.

Ох, видели бы вы лица Усольцева и Густавсона!

О том, что я японку привёл, они не знали, а потом… Потом и у меня челюсть отпала…

Первым пришёл в себя техномаг. Сбив на ходу пару стульев, он бросился к дверям, на помощь мелкой.

Маленькая Аю отважно несла поднос, который выглядел больше неё самой. Это на фоне Оксаны поднос вовсе не кажется огромным. А тут…

Лишь потом, отойдя от первого шока, я смог внимательно разглядеть японку.

Оксана, недолго думая, решила проблему с одеждой своей напарницы крайне радикально. Она позвонила к нам в школу и ей принесли несколько комплектов школьной формы. Вот в эту форму она и нарядила Аю, заодно пришпилив ей на голову пышный белоснежный бант. Промашка лишь с обувью вышла. Размер ноги у японки кукольный. Так что она до сих пор стучит по полу деревянными дощечками, которую япошки считают обувью. Думаю, зимой они свои взгляды быстро поменяют. После первой же пробежки по сугробам.

– Господа, попробуйте чай, приготовленный по японским рецептам. К сожалению, чисто японских сортов чая в лавке не нашлось, но всё-таки получилось неплохо, – пролепетала Аю, сервируя специальный столик, который мы вообще-то из-за кофе

завели.

– Чай?! – не поверил Густавсон.

– Чай? – эхом отозвался я, кривя губы.

– Это очень вкусный чай, и он полезен для здоровья, – ссутулилась над столиком Аю, составляя с подноса чайник с чашками.

Убежала она, вспыхнув и зардевшись, словно маков цвет, волоча за собой опустевший поднос.

– Говорила я тебе, дурёхе, что наш-то чай лишь с мороза пьёт, а когда работает, только кофий и глушит, – услышал я вразумления Оксаны, когда пошёл вслед за Аю, чтобы прикрыть дверь.

Ага. Вот так просто. Не наш хозяин, князь или ещё какой-то начальник, а просто – наш. Признаюсь, я никак против такого обращения возражать не буду, Душу греет, знаете ли.

– Поднос. Тарелка. Летающая тарелка, – с застывшим взглядом меж тем бормотал Густавсон, ожесточённо теребя свою бородку, подстриженную «под шкипера», - Круг. Самая компактная фигура с наибольшей площадью. Если её не ограничивать расходом Силы, то всё должно получиться.

При этом наш учёный отчего-то тыкал пальцем вслед Аю, или блестящему подносу, который она только что утащила, а в другой руке он опасно раскачивал перед собой чашку с чаем.

Кстати, чая японка пожалела. Всего по половине кружки всем налила.

– Сказать, чтобы обратно поднос принесли? – обеспокоенно спросил я у Густавсона.

Кто его знает, что за ассоциации у него с подносами связаны, а в озарения Густавсона я как-то не очень верю.

Если разобраться, то в нашем творческом трио мы с Усольцевым идеи генерируем, а Густавсон, с его-то опытом и багажом знаний, всего лишь проверяет их на жизнеспособность. Заодно и нас драконит, когда мы чересчур разойдёмся или наоборот, упрёмся и отказываемся думать.

Кстати, хорошее дело. Его скепсис порой нас заставляет прыгнуть выше головы, чтобы пробить до окончательного решения то или иное изобретение. На ходу, бывает, до такого додумываемся, что в любом ином случае на это могли недели, а то и месяцы уйти. Впрочем, своё дело Густавсон делает профессионально, и мы просто не замечаем, как наши идеи он вковывает в силовые конструкции и узлы креплений, буквально на лету проводя необходимые расчёты.

– Можем обойтись кольцами вместо круга, тремя, или лучше четырьмя, – с некоторой задержкой отозвался Усольцев, ожесточённо массируя виски, – И уже в них вписать звезду.

Э-э… Я теперь уже всерьёз взволнован. Я понимаю, что компаньоны у меня друг друга знают не первый год, и зачастую говорят на одном языке, но очень похоже на то, что сейчас их нужно спасать. Оба заговариваться начали. Подозреваю, что виноват чай. Моя-то кружка нетронутой стоит, оттого среди нас всех пока один я разумен.

Но нет. Усольцев за карандаш взялся, и от руки начал набрасывать рисунок… мишени.

Да больше всего на стрелковую мишень из тира похоже. Ан нет, вот и наш маголёт появился. Кстати, с раздвоенным хвостовым оперением и треугольными крыльями он действительно чем-то похож на звезду. Ишь, как он хищно распластался в круге. А глазомер-то у Густавсона хорош! Как он ловко приметил, что маголёт в круг впишется.

– Сейчас посчитаем, – схватился за логарифмическую линейку Усольцев.

О том, что у моих компаньонов что-то не выгорело, можно было судить по их лицам. По мере того, как Усольцев выписывал на листке получаемые результаты, оба мрачнели всё больше и больше.

– Максимум два контура, – выдохнул техномаг, заканчивая второй столбец цифр.

Я их безумству не мешал. Встретив в дверях Оксану, я забрал у неё из рук поднос с кофейными принадлежностями, и сам сервировал себе стол, чуть отсев от пары безумцев. Пусть перебесятся, а потом и объяснения можно послушать.

– Теперь я могу узнать, что это было? – кивнул я на исписанный лист и отброшенную в сторону линейку, когда оба деятеля науки привычно захлопали себя по карманам в поисках сигарет и спичек, а то и трубок, к которым оба заядлых курильщика в последнее время пристрастились.

– Высотный маголёт, стратосферник, корабль для ближнего космоса, пожалуй, любое название к нему подойдёт, – махнул рукой Усольцев, выпуская густейший клуб дыма и сладко щурясь.

– И что? – неопределенно качнул я чашкой, подталкивая техномага к продолжению.

– Мы исходили из того, что сможем встроить контуры гравикомпенсаторов в наш гибридный маголёт так, что он до десяти тысячи метров сможет подниматься только за счёт

антигравитации, на наших движках. А дальше можно было тянуть реактивными двигателями, компенсируя возрастающее падение мощности гравикомпенсаторов. Правда, красивая идея была?

– Но ничего не выйдет. Вес зашкаливает уже на третьем контуредо непомерных величин, – подхватил Густавсон, сделав смачный глоток, словно ему и в самом деле чай зашёл.

– Вот это что у вас за круги? Вы так контуры разместили или торы? – ткнул я поднятым со стола карандашом в один из кругов мишени, а затем немного дополнил изображение, обведя наружный круг спиральной линией.

– Какие торы?

– Вы что, про тороидальные трансформаторы никогда не слышали? Не, серьёзно не слышали? – изобразил я изумление, – Погодите тогда, у меня тут что-то про них было.

Так-то я сам не так давно про такую штуку узнал. Короче, у меня учебники по электричеству и радиоделу теперь вроде настольных книг. Точнее прикроватных, а порой и притуалетных, не при дамах будь сказано. Изучаю их на сон грядущий, а то и после него, когда время есть. Справочников тоже всяких набрал, некоторые даже сюда, в кабинет принёс, и на полку поставил. Вот там сейчас и роюсь, выискивая нужную книженцию.

– Угу, вот они, родимые, – открыл я книгу на нужной странице, – Нам же с вами без разницы, какая форма у магического трансформатора будет? Эти как раз в виде колечка существуют. Можно просто в следующем контуре поднять напряжение и тогда…

– Тс-с, – вдруг еле слышно зашипел Густавсон, выхватывая у меня книгу и кося глазом на дверь, – А эта девушка, она точно не японская шпионка? Или вы не понимаете, что может дать Империи наша находка?

– Поручиться за неё не могу, – постарался я сохранить максимально серьёзное выражение лица, – Сам первый раз увидел её только сегодня. Но если отбросить мистику и веру в Дар Предвидения, то никто не мог предсказать, когда и куда она попадёт. И вообще, мне её подарили. Точнее, не совсем мне, а моим сыновьям.

– Так они же ещё маленькие совсем? – выпучил глаза Усольцев.

– Ну что за сальные мысли, господин техномаг. Девушку им подарили вместе с радиозаводом. Она входит в движимое имущество, проданное японцами по контракту.

– Господи, дикость-то какая, а ещё культурная нация! –

отозвался Густавсон, впрочем, не отрываясь от перелистываемого Усольцевым справочника, в который они оба снова уткнулись, – Тем не менее, Олег Игоревич, давайте-ка мы с вами отошлём эту девицу куда подальше. Слишком уж прорывные идеи у нас тут витают. И за каждую из них любая вражеская разведка из кожи вон вылезет, чтобы подробно узнать, чем мы тут дышим. Девицу жаль, конечно, да и чаёк она неплохой сделала. Кстати, зря вы не попробовали. Я хоть и не большой знаток, а в чайных церемониях так и вовсе ни бум-бум, но недурён чай. Весьма недурён. Рекомендую.

Я с некоторым сомнением глянул на чашку с чаем. Я его больше с мёдом, или с вареньем малиновым люблю, а чтобы вот так, небольшими глоточками, и даже без сахара… Ну-у, не знаю.

Под пристальным взглядом Густавсона, я осторожно сделал маленький глоток, и покатав напиток во рту, с сомнением пожал плечами. По мне чай как чай. Ничего необычного. Вроде неплох.

Поняв по моему виду, что чай меня не впечатлил, Густавсон лишь недовольно кхекнул, и снова скрылся в клубах дыма, усердно раскуривая трубку.

Не, я что, должен был гурманом притвориться, и расхваливать то, в чём не понимаю?

Не моё это. Я хоть и князь, но вкусы у меня такие же остались, какие до получения всех этих регалий и званий были. Должен заметить, что моим жёнам эта моя простота то нравится, то наоборот, она их раздражает. Причём, заранее никогда не предугадать, куда стрелка компаса их настроений покажет в очередной раз. И уж совсем мне худо приходится, когда одной из них что-то понравилось, а другой нет. Зачастую мне даже замечания не делают, а просто вздыхают, и таким взглядом одаривают, что только держись, а Алёнка ещё и грустить начинает. Причём умудряется это делать так невыносимо, что уж лучше бы выругала неприлично.

– Первый техномагический у нас к лету почти в полную силу заработает. Обещают три цеха запустить, – поделился я радостными новостями.

Признаться, мне эта радость в сумасшедшие деньги обошлась, но тут, к счастью, время года сыграло в мою пользу. Строителей безработных пока полным-полно. Сезон у них ещё не начался, а на нашем подземном городке времён года не существует.

– И это говорит полноправный владелец чёрт знает какого количества заводов, – с какой-то укоризной попенял мне

Густавсон.

Странненько.

Никогда раньше за ним не наблюдалось высказываний в таком тоне.

– Ещё не полноправный. Даже очень хорошим стряпчим около месяца потребуется, чтобы всё было документально оформлено и подтверждено, – поспешил я восстановить справедливость, давая объективную оценку той системе бумажной волокиты, которая у нас существует, – А так пока только с ознакомительной поездкой везде побывал.

– И как впечатления? – словно мимоходом поинтересовался Усольцев, проходя около меня, чтобы наконец-то открыть форточку.

– Признаюсь, что ничего подобного я раньше не видел. Это не заводы, а махины. Но для наших целей подойдёт всего два или три, – этак хитро глянул я вслед Усольцеву, заметив, как у него дрогнула спина.

Ага, просто из любопытства он вопрос задал. Как бы не так!

Не мне одному семимильными скачками вперёд лететь. Компаньоны у меня тоже выросли и на верфях им давно уже тесно. Я не про возраст. Зачастую в делах он особой роли не играет. Нет, речь идёт про масштаб, размах. Не каждому человеку в своей жизни удаётся выпрыгнуть из детских штанишек и приобщиться к большому, серьёзному делу. И уж совсем единицам может повезти и они станут одними из основателей чего-то нового и чрезвычайно интересного.

– Простите, как вы сказали? – очень живо развернулся ко мне Густавсон, который до этого усердно пыхтел своей трубкой и делал вид, что разговор его не слишком интересует.

– Вы про специфику заводов интересуетесь, или сразу про наши цели поговорим? – я изо всех сил постарался сдержать ехидную ухмылку.

Не, компаньоны у меня люди взрослые, талантливые, причём, может даже чересчур талантливые, но вот по сравнению с тем, как князь Обдорин умеет беседы строить и вести, они, словно дети малые. Да и другие князья тоже не подарок. Тому же Константину я пока явно проигрываю в разговоре. Всегда он так его повернёт, что сам не заметишь, как в какое-нибудь дело впрягаешься. Да что там далеко ходить. Одна Дашка чего стоит! Такие разговоры разговаривать умеет, что у меня то голова кругом, то потею.

– Олег Игоревич, вы теперь так высоко взлетели, что я порой не знаю, как с вами говорить, и признаться, даже робею порой, – попытался высказаться Густавсон так, чтобы это походило на

шутку.

– А вы делайте вид, что ничего не произошло, – посоветовал я и чуть прищурился в лёгкой усмешке, а наш профессор отчего-то вдруг потерялся на пару секунд.

Пошутили, что называется. Каждый о своём.

– Цели. А какие у нас могут быть цели? Сидим вот, изобретаем. Вас с удовольствием слушаем. Вдруг да на ваших новых заводах, что вам за женой достались, что-то и получится в жизнь воплотить, – вступил в разговор Усольцев, заполняя возникшую неловкую паузу.

– Как раз те заводы, про которые я собираюсь рассказать, не совсем, чтобы мои полностью. Два из них организованы в форме товарищества, а третий, так и вовсе акционерное общество. Говорил я со Светланой. Она ничего не имеет против того, чтобы вас двоих в совладельцах увидеть. Мы готовы вам каждому по пять процентов из своего пакета выделить. К сожалению, больше не получается. Контроль над заводами всё-таки должен оставаться в одних руках. Для основных сталелитейных заводов эта троица вроде вспомогательного производства. Не хотел Второв от кого-то зависеть, оттого и постарался подобрать заводы так, чтобы полный производственный цикл охватить. Так что инструментальный, крановый и вагоностроительный заводы, хоть и числятся среди его производств, но они не основные. Построены добротно, с хорошим запасом производственных мощностей. Сейчас работают в одну смену. Впрочем, я вам тут документики кой-какие принёс. Так что посмотрите, если вас моё предложение заинтересовало.

Переглянувшись, компаньоны подтянулись к столу, затушив под моим осуждающим взглядом свои курительные принадлежности.

– Предложение более, чем щедрое, – наконец произнёс Густавсон, отложив в сторону составленный Алёнкой финансовый план, по которому моим компаньонам предлагалось оплатить только половину доли, а на вторую взять кредит в моём же банке. Точнее, в будущем моём банке. К слову сказать, кредит не обременительный. Доходы, полученные ими от заводов позволят его закрыть лет за семь – восемь, – Но я, как порядочный человек, вынужден отказаться. Причина для отказа у меня объективная. Мой возраст. Я так понимаю, что в совладельцах вы именно меня видите, а не моих наследников. Полагаю, что вы, князь, в силу своей молодости не задумывались над тем, что человек не вечен. Но перед вами старик, проживший на этом свете уже достаточно долго. Сколько мне той жизни осталось? Лет пять, может чуть больше.

– Это единственная причина? – достаточно радостно отозвался я.

Отчего радостно, если мы начали о грустных вещах говорить? Так Густавсон только что с меня приличные проблемы снял. Не коснись он вопроса своего возраста, и пришлось бы мне с ним далеко не простую беседу устраивать.

– Пожалуй, да, – отозвался Густавсон, разглядывая меня поверх очков, которые он нацепил перед чтением.

– Ну и отлично. Тогда завтра вы вместе со мной едете к Джуне. Прямо с утреца и помчимся.

– Не смешите меня, Олег Игоревич. Да, я слышал какие легенды про вашу целительницу в посёлке рассказывают, но хочу напомнить, что это у нас Одарённые, и то, далеко не все, себе жизнь продлить могут, а нам, простым смертным, оно не дано.

– Поверьте на слово, Рудольф Генрихович, не стоит на месте магическая наука. Не хочу хвастаться, но и я к этому руку приложил. Так что предлагаю не спорить, а попросту съездить и узнать, что в свете новых знаний возможно, а что нет. Насчёт принятия решения по заводам я вас торопить не стану. Скажем так, недельку – другую вам на размышления можно дать смело. А там, глядишь, и результат какой появится. Тогда и вернёмся к разговору. Договорились? – всё так же весело продолжал я, откровенно потирая руки.

– Мне кажется, или темнит наш князь? – обратился Густавсон к Усольцеву.

– Определённо, темнит. Но в данном случае я его поддержу. Что бы он там не придумал, это определённо вам только на пользу пойдёт, – почесал затылок техномаг, не в силах оторваться от перечня станков, имеющихся на инструментальном заводе.

Угу, я тоже над ним завис, когда первый раз увидел. Уникальные станочки на заводе имеются. Я и предположить не мог, что такие существуют. Обещали меня с мастером познакомить, который их выдумал. Если очень коротко рассказывать, то меня в них прельстила простота работы. Это копировальные станки трёх видов для работы по металлу. Квалификация станочника особого значения не имеет, и это очень важно. Сразу решается проблема обученных кадров. Там цех целый есть, где на всю смену один инструментальщик и два наладчика из соображающих работают, а остальные только успевают заготовки устанавливать и готовые изделия в ящики складывать.

– Ладно. Съездим. А пока к заводам вернёмся. Почему вы именно эти три выбрали, и как они нам помогут наши идеи воплотить? – повернулся ко мне Густавсон, начав вертеть в руках

снятые очки.

– А давайте вместе прикинем, какие из деталей того же маголёта нам там не смогут сделать? Полагаю, что список не так велик получится. Недостающее найдём где заказать, а то и сами сподобимся изготовить.

– Эка вы, батенька, размахнулись! Прямо таки с маголёта начать решили, – уже привычно начал подначивать меня и техномага Густавсон, провоцируя нас на очередной мозговой штурм. Отдышался, зараза!

Утром, когда мы добрались до Джуны, всё прошло, как по писаному. Целительница обследовала нашего профессора, оказавшегося на удивление крепким стариканом, кое-что подлечила ему, по мелочам, а потом Рудольф Генрихович, ничего собственно и не подозревая, проглотил пару пилюль, запив их перламутрово – розовым коктейлем.

Я, вроде уже говорил, что в вопросах целительства я полный дуб?

Нет? Так вот это так и есть. Однако, при всём этом я не настолько наивен, чтобы рисковать жизнью Густавсона, опираясь лишь на одни теоретические выкладки архимага Медведева. Сделал я всё-таки этот его эликсир. Намучился вдосталь. Мой кабинет у нас в доме пропах так, что жёны, одно время проходя по коридору мимо его дверей, платочками нос прикрывали. Но всё таки упорство и моё упрямство, граничащее порой с полным отсутствием разума, своё дело сделали. Выстрадал я этот эликсир. Можно сказать, через Силу его изнасиловал и сделал.

Привлечение целительницы к апробации нового средства для продления жизни было вынужденной мерой. Она-то как раз может наблюдать, что и как это средство меняет в организме, а то и вмешаться, если что не так пойдёт. Для начала, понятное дело, в собачьем организме.

Три собаки абсолютно добровольно стали нашими первыми пациентами.

По крайней мере, никто насильно их не принуждал смести из тарелок мясной фарш с лечебным соусом. За милую душу его схомячили, и даже тарелки до зеркального блеска вылизали.

Вон и Густавсон тоже. Выпил эликсир, и не поморщился.

Хех, это он про побочный эффект ещё ничего не знает. Впрочем, и я тоже.

Однако все три собаки дней за пять полиняли, и новая шерсть у них выросла пушистой и шелковистой.

Будет теперь мне, чем заняться, разглядывая во время

разговоров глубокие залысины у профессора. По хорошему, их бы замерить заранее не мешало, так сказать, для чистоты эксперимента. Интересно же, как они изменятся в размере. Но тогда Густавсон точно какую-нибудь чертовщину заподозрит и меня к ней привяжет. А пока я не при делах. Все вопросы к Джуне, если что.

Так что, сижу я в сторонке, в двери подглядываю и занимаюсь себе с мелкой егозой, дочкой целительницы. Подарков ей привёз всяких разных, и не только ей одной. Тут у меня малышню нужно за успехи в изучении магии награждать. Очень уж способные некоторые детишки оказались. Такими успехами могут похвастаться, что впору их от людей прятать. Трое, а то и четверо девчат ранг на пятый вышли. В их-то возрасте! Не каждый ребёнок с ветвистой родословной и поколениями Одарённых такими достижениями может похвалиться. По крайней мере у нас в лицее мне такие Одарённые не встречались. Говорят, подобные уникумы в Кланах бывают, но поди узнай, правда это или нет. Не шибко Кланы любят свои тайны раскрывать. Вся надежда теперь на моё архимагство. Всё-таки доступ к библиотекам у меня теперь очень высокий, да и из разговоров с другими архимагами кое-что можно почерпнуть, если постараться. Не всегда ведь стоит вопросы прямо в лоб задавать. Можно и косвенно чем-то поинтересоваться. Примерно так, как это тот же князь Обдорин делает. Вроде, про одно спрашивает, а из твоего ответа совсем иное выясняет. И как-то это очень уж ловко у него выходит. Всё таки опыт – штука великая.

– Закончила я с вашим протеже, – вышла к нам Джуна, отчего-то вытирая руки влажным полотенцем, – Пару часов сейчас за ним понаблюдаем, и если всё в порядке, то потом дня через три я сама к вам наведаюсь. Ещё раз его осмотрю. Хотя, я бы и побольше эликсира ему плеснула. Зря вы осторожничаете. Не должен он повредить. Собачки наши только веселее и резвее после него становились, а потом почти целый день спали. Думаю, и с вашим учёным то же самое произойдёт. Поскачет сегодня немного, может даже до вечера, и отключится. Думаю, что завтра он до обеда проспит. Занятный у вас компаньон. И разговорчивый.

– Это бука Густавсон-то разговорчивый? – не поверил я тому, что услышал.

Целительница как в воду глядела. Всё по её вышло. Густавсон целый день был бодр и весел, и что совсем для него было

необычно, он много шутил. На следующей день он благополучно продрых до полудня.

– Ваша Джуна просто чудо! – ликовал Густавсон на следующий день, – Не было бы у неё мужа, да будь мне лет чуть поменьше, ей Богу, ухлестнул бы за ней. Нет, какая женщина! Восточная загадка! Умна, мудра, красива! А как я спал после её лечения! Я так за последние десять лет никогда не высыпался! На пять лет вперёд поспал! Горы могу свернуть!

Эйфорию учёного я посчитал излишней. Думаю, просто не привык старик, чтобы у него по утрам ничего не болело, вот и радуется так, что она, эта радость, из него натуральным образом брызжет, словно шампанское.

– Кстати, Рудольф Генрихович, если вам интересно, то Джуна мне сказала, что здоровье у вас отменное. Лет двадцать точно проживёте. Так что напоминаю вам об отложенном предложении.

– Раз она так сказала, то и думать нечего. Давайте ваши бумаги и подсказывайте, где и что я подписать должен, – решительно взмахнул профессор рукой, – За двадцать-то лет мы таких дел наворочаем, что небесам жарко станет. Я отчего грустный ходил. Идеи и задачи у нас такие порой случаются, каких у меня в жизни не было. Думал, не доживу, чтобы результаты увидеть. Очень такие размышления меня печалили.

Ой, беда! Не переборщил ли я с эликсирчиком? Как-то я начинаю нашего учёного побаиваться. Прежний, тихий и язвительный, он мне был хорошо знаком, а вот такой живчик – это же совсем другой человек.

С другой стороны – от добра добра не ищут. Не могу не признать, что в жизни верфей Густавсон принимает участия больше, чем мы с Усольцевым вместе взятые. А у нас шквал заказов. Очнулись клиенты. Разом на нас навалились, и что характерно, всем наш дирижабль нужен «ещё вчера».

Так что, аврал, господа. Все на верфях носятся, как наскипидаренные. И живчик Густавсон сейчас как нельзя кстати. Я бы и сам по цехам побегал, но у меня других дел и хлопот полон рот.

Сестрицы Липатовы тоже время зря не теряли. Заказов на «протезы» столько нахапали, что пришлось объявить мораторий на продажи. То-то они довольные такие были, что у меня трубка телефона словно мёдом покрылась, так сладко ворковали. Пару месяцев, не меньше мне нужно, чтобы хоть какой-то запасец «протезов» создать, да и пора новые Чаши начинать осваивать. Эти гиганты давно уже сделаны и доставлены, но тут я

лопухнулся, как ребёнок. Всё посчитал, кроме ширины проходов. В общем, вышло, как с роялем. Мне жёны уже потом, когда моим изумлением насладились, признались, что для того, чтобы его в наш зал затащить, пришлось окно вынимать. Благо, окна у нас высоченные, так что боком он смог пролезть. Мда, рояль-то смог, а вот Чаши…

Нет, не подумайте, что я схватился за голову и руки опустил. Я, как-никак, архимаг, а это, знаете ли, не просто красивое слово. Поразмыслил немного, да ка-а-ак врезал по стене. Потом прочихался, и ещё разок добавил. А потом…

А потом меня Анвар выгнал. Сказал, что лучше он сам с сыновьями всё сделает, чем будет ждать, когда скалы им на головы обвалятся. Не знаю, как уж так получилось, но мегрел, увидев результат моих стараний, ясно дал мне понять, что горнопроходческое дело – это явно не мой профиль. Я мог бы возразить, да собственно уже и рот открыл, но тут нас пару раз тряхнуло. Не сильно. Балла на два, от силы на три. И я рот закрыл.

Вспомнил, как меня землетрясениями всякими пугали. Хоть у нас тут и не трясло никогда, но вот ведь тряхнуло. А меня убедительные доводы всегда убеждают. Тем более, когда намёк крайне очевиден.

Я скажу больше. Мой Родовой Источник, который я считаю одушевлённым и представляю его себе в виде симпатичного котика, тоже повёл себя странно. У меня даже картинка на какой-то миг мелькнула. Кот шипит, выгнув спину дугой. Короче, я с Анваром согласился. Вовремя вспомнил, как меня предупреждали, что не везде магию применять стоит, во избежание сейсмической активности, и отступился. В конце концов, одна – две недели ничего не решают. Ну, запущу я новые Чаши – гиганты чуть позже. Жил же и без них до этого, и ещё проживу.

Камышин. Мне заводы Второва надо бы ещё разок объехать. Когда я первую поездку осмыслил, вопросов уйма нарисовалась, но нет. В Камышине меня князья ждут не дождутся. Завод наш судоремонтный мощно в гору пошёл, и им не терпится вопрос с его развитием обсудить. С нетерпеливыми князьями лучше не ссориться, а свои заводы я и позже успею посетить, когда стряпчие с бумагами все вопросы закончат. Уже как хозяин поеду, а не как гость, пусть и почётный.

Двигатели. Востребованность на дизеля оказалось так высока, что наш заводик на три смены перешёл, и один чёрт не успевает

выполнять заказы. Ситуация вот-вот должна улучшиться. Как только с заводов Второва, а точнее сказать, уже с моих заводов пойдут готовые блоки, мы немного выдохнем, но скорее всего упрёмся в нехватку места для сборки.

А пока завод осаждают заказчики. Все понабежали. И речники, и производители грузовых дирижаблей, и тракторостроители. Даже железные дороги отметились. Понятное дело, что военные, раздвинули локтями эту очередь, и своего тоже не упустили. Да и я на электрогенераторы себе квоту застолбил немалую. Впрочем, эта проблема как раз из разряда приятных будет. Спрос можно ценой регулировать, и она, эта цена, у нас пока монопольно высокая.

Да, порадуйтесь за меня. В кои века я при деньгах. А скоро и вовсе при деньжищах буду.

Как хотите рассуждайте, но без денег ни одно серьёзное дело не поднять. Для меня финансы – это рычаги. Деньги ради денег мне неинтересны. А Алёнка с красными глазами который день ходит. Я-то знаю, что она целыми ночами банковские отчёты изучает. Вот же маньячка! Я уже боюсь их встреч с Липатовым – младшим. Кстати, сынок у купца заматерел. Такой делавар стал, что даже мне порой приходится себя одёргивать, когда с ним беседую. Так и хочется сжаться, и стать кем-то маленьким и незаметным, когда он крайне спокойно о многомиллионных операциях начинает рассуждать. Как-то я пока не привык пока к такому размаху. Нет, когда счёт идёт на миллион – другой, тут я в своей тарелке и не сильно волнуюсь, но когда за пятьдесят с лишним миллионов операции намечаются, у меня ладони потеют. Это же такие деньжищи! Имперского размаха и масштаба!

И вроде всё в эти дни у меня протекает спокойно и благостно, но чую я, что где-то что-то свербит.

Привык я, знаете ли, доверять своим ощущениям.

Сообразил слишком поздно. Уже засыпая. Понял, и тут же заснул.

Сестрицы Липатовы. Я с ними за последнее время в каком только виде и по каким делам только не общался. Вроде, хорошо же их знаю. Был у нас период, когда они откровенно виды на меня имели, и даже не скрывали этого. А в нашем последнем разговоре… Что-то там не так. Больно уж непривычно мы и неправильно поговорили. Я-то тогда это списал на их радость от количества заключённых контрактов, а так ли оно? Нет, не так. Не сходится головоломка, а отчего, непонятно.

Эх-х… Не успел я мысль додумать. Заснул. А жаль…

Глава 64

Наш будущий сад я урезал собственными руками. Даром, что для него у меня уже саженцы были заказаны. Жалко было до слёз, но иначе никак. Всё дело в князьях. Не могут они, как обычные люди, малым обходиться. Что ни князь или княгиня, так обязательно с толпой народа разного прибудет. Никак я не предполагал, когда дом строил, что он мал окажется, но так оно и вышло. Вот же незадача…

Короче, прикинули мы с приехавшим архитектором, какого размера гостевое крыло строить придётся, да и отчекрыжил я на плане часть своего сада под это дело, а заодно солидный кусок берега реки себе прирезал и наметил обнести оградой. Пусть большого сада у меня не получилось, так хоть своя набережная будет. Не Бог весть какая, так как речка у нас не велика, но зато будет куда с сыновьями на рыбалку сходить, когда подрастут. Пескарей точно наловим. А там глядишь, голавль или язь попадётся. Да и ночью можно с закидушками на налима посидеть, устроившись над ямой. Кстати, пескарь у нас тут знатный водится. Здоровенный такой, важный и упитанный. Для серьёзного рыбака пескарь вроде и не серьёзная добыча, но это как сказать. Уха из них замечательная получается. Если её с вечера сварить да в холод убрать, то поутру, как холодец застывает.

Эх, соскучился я по простой-то еде. Повар у нас готовит вкусно, тут я ничего не скажу, но вот как-то не так оно. Я к другому привык, и признаться, порой о чём-то простом и земном мечтаю. И это не от того, что я зажрался. Нет. Ностальгия по прежней жизни на меня иногда накатывает. И не столько по еде простой, сколько по образу жизни.

Князем быть непросто. Ты почти всегда на виду, и это обязывает. А меня весь этот парад уже до самых печёнок достал. Но деваться некуда. Каждый день сотни глаз на тебя смотрят, и любую небрежность подмечают. Особенно в столице оно чувствуется. Я же там теперь в законодателях моды числюсь, чёрт бы её побрал. Казалось бы – оно мне надо? Как оказалось, надо. Щёголям очень много чего общественное мнение прощает и за их вид списывает. Как мне Алёнка объяснила, мои поклонницы, которых по её словам у меня много, любому рот заткнут, если где-нибудь в салонах великосветские сплетники начнут моё имя полоскать.

– Общественная поддержка очень дорого стоит, а тебе она почти даром досталась. Грех её не использовать, –

прокомментировали бывшая Рюмина свои рассуждения.

Так-то наверное да, но вот нет.

В её и моём понимании – это общество очень разное. Она говорит про тех, среди кого общалась почти всю свою сознательную жизнь. Про светское общество. А я – нет. Для меня общество – это совсем другие люди. Очень другие. И для меня они гораздо более значимы, чем те звёзды, которые сверкают в столичных салонах своими нарядами и пустыми разговорами. Да что там. Я одного Ивана Силыча на пару десятков этих расфуфыренных мыльных пузырей никогда не променяю. Он человек дела, мастер, а они – пустышки. Так что я занимаюсь модными нарядами не в силу любви к щегольству, а исключительно по необходимости. И молодой Левинсон мне помогает, свободно ориентируясь в новомодных тенденциях. Надо сказать, что сынок у Левинсона быстро заматерел. Куда только девалась его былая неуверенность.

Да, пришлось мне перед поездкой в Камышин снова в столицу заглянуть. И пока Шабалин, по настоянию которого я в эту столицу прилетел, умчался согласовывать встречи, я поехал к портному.

– И ещё, Ваше Сиятельство, костюмчик мне несколько необычный заказали, с вашими пуговками, – закончив с обсуждением обновок, оглянувшись по сторонам и наклонившись к моему уху, таинственным полушёпотом произнёс юный мастер иглы и напёрстка, к которому я заглянул, чтобы скоротать время до встреч и обновить гардероб, – Не полюбопытствуете осмотреть? Только для осмотра надобно ко мне в мастерскую пройти будет. От лишних и любопытных глаз подальше.

– Красивости какие-то особенные? – нехотя спросил я, пробуя кофе, который приготовили специально для меня. Неплохо получилось. Очень даже прилично приготовлен.

– Я бы так не сказал. Там по вашей части придумки, скорее всего, – с какой-то хитринкой во взгляде ответил портной, – Очень уж сюртучок странный. Сдаётся мне, с магическими изысками вещица предполагается.

Полутёмными коридорами, миновав два зала с работниками, занимающимися пошивом, мы прошли в небольшое помещение. Центр столицы накладывает свой отпечаток. Где-нибудь на окраинах в таких помещениях не было бы так тесно, но тут каждый квадратный метр больших денег стоит.

Включив свет и ткнув пальцем в манекен, стоявший особняком, Эммануил отошёл к стене и принялся наблюдать за моими действиями.

Я обошёл манекен по кругу, для начала осматривая висевший

на нём сюртук снаружи. С виду ничего необычного, если не считать некоторой приталенности, лацканов, чуть более широких, чем принято, и сужающихся вниз не по прямой, а с небольшим изгибом, делающим их похожими на лепесток цветка или ивовый лист. Ткань не из самых дорогих. С виду прочная. На груди явно подкладки добавлено больше, чем обычно. Словно не сюртук это, а театральный гусарский костюм. А вот и пуговки. Вроде как мои, но опять же и нет. Есть в них изменения, которые не вдруг и заметишь. Несколько раз расстегнув и застегнув обратно верхнюю пуговицу, я понял, что с пуговицами не так. Четыре едва заметные лепестка, краешком охватившие наружный круг, чуть добавили толщины и по сути стали контактной группой, опираясь на прошитые серебром петлицы. Уже догадываясь, что я увижу внутри, я вывернул полу сюртука. Да, так и есть. От петлиц энерговоды тянутся. Очень необычные. Серебряные нити сплетены в плоскую косичку. Забавное решение. Если оно сработает, то всё к тому, что это то что мне и нужно. В свете предстоящих встреч я как раз задумывался, как бы мне будущий отряд выделить, но дальше амулетов у меня фантазия не сработала.

– И кто это у нас такой умный? – повернулся я к Эманнуилу, теребящему в руках какую-то тесёмку.

– Боярин Телятьев – младший. Он выпускник техномагического факультета. Говорит, что сюртук для дипломной работы шьёт. С деньгами у него не очень хорошо, но он жутко талантливый.

– Давно дружите? – усмехнулся я, уловив явные несоответствия в объяснениях юноши.

– С детства, с самого первого класса гимназии, – ответил он на автомате, – Ой, а как вы догадались?

– Слишком много подробностей ты знаешь, но самое главное, это то, что небогатый боярин у Левинсонов смог сюртук себе позволить. Это ваш самый большой прокол. Неоткуда ему таких денег взять. За свой счёт шьёшь, или опять папаню в убытки пустил?

– Ткань Алексей сам купил, – насупился Эммануил, – Я ему только денег на пуговицы дал в долг. Но он отдаст. Он всегда долги отдаёт.

– Молодцы. Всё продумали, – похвалил я Моню, – Осталось только узнать, а с какой целью вы весь этот спектакль затеяли? Проще что, никак нельзя было?

– Лёха сказал, что ему эта работа позволит диплом с отличием защитить, и вы на неё тоже должны внимание обратить. У них на факультете все только про вас и говорят. Планы строят,

как к вам попасть.

– Это чем же я так знаменит?

– Так ещё с гонок, когда вы прошлым летом с помощью техномагии победили, нынешние студенты – техномаги духом воспрянули. Раньше-то посмеивались над ними. Говорили, что работать им в музеях. Старые устройства ремонтировать. А уж как папаша ихний осерчал, когда Алексей в техномаги пошёл, и не передать. Так что, когда у вас техномагия в гору пошла, у парней словно второе дыхание открылось. Как Алексей только узнал, что вы у нас себе костюмы пошили, так сразу и начал придумывать, как бы ему на себя ваше внимание обратить.

– И что же из этого сюртука выйдет по его замыслу?

– Если с его слов судить, то никакая пуля не возьмёт человека, который этот сюртук одел. Понятное дело, пока Сила в накопителях не закончится. Так, опять же, и накопители вы на славу изготовили. Я даже не знаю, из чего стрелять нужно, чтобы их опустошить.

– Ну, этого добра навалом придумали. Другой вопрос, что не везде тот же пулемёт можно с собой протащить, а от винтовок с револьверами такой сюртук действительно надолго защитит, – подумав и наскоро посчитав, подтвердил я расчёты студента, – Скажи боярину, пусть через недельку мне вот по этому номеру позвонит. Я как раз из поездки вернусь. Глядишь, и найдётся для него занятие.

Я вытащил свою визитную карточку и подчеркнув нужный телефон карандашом, валявшимся на портновском раскройном столе, засунул картонку в нагрудный карман недошитого сюртука.

Кому как, а мне такой паренёк пригодится. Я уже не раз подумывал на досуге, как мне будущую боевую звезду выделить и снарядить, а тут студент с портным как специально за меня всё придумали.

Э-э… Я сказал звезду? А-а, ну да. Но пока её ещё нет. Собственно, по этому вопросу я с Шабалиным и полетел в столицу. Сегодня у нас день встреч с будущими магическими воинами. Планы у нас наполеоновские. Ни много ни мало – а есть у нас с нимжелание воссоздать боевую звезду, состоящую из одних архимагов. Возродить легенду. Но, как всегда, кое в чём придётся извернуться. Те, с кем мы сегодня собрались беседовать, пока ещё не архимаги. И более того, они даже не догадываются, что с нашей помощью они могут ими стать в самом ближайшем будущем.

А виноват во всём кто?

Правильно, Шабалин.

Это его методика и опыты, которые он провёл сам на себе, открыли дорогу к столь быстрому прогрессу в росте уровней. А если вспомнить, за какие идеи он когда-то поссорился со столпами магической науки, то всё и вовсе понятно. Мечтал человек научиться управлять сразу несколькими потоками Силы, вот теперь пусть показывает на практике, как созданная им Звезда сольётся воедино. Ну, а то что всё это произойдёт с помощью последней модели моих «протезов», так ведь это мелочи…

Понятное дело, что Наполеоны из нас вышли бы местечкового розлива, если бы мы только на одну Звезду размахнулись. Так ведь нет. У того же Шабалина в планах вырастить будущих Звездоводов из магов первого заезда. Понимаете теперь, почему я в столицу полетел, отложив другие дела? Даже на ожидающих меня в Камышине князей пришлось наплевать. Подождут. Как-никак, а я Глава Совета Архимагов. Если что, это величина приличная, даже в Имперском масштабе. Хотя, Империя в моём вопросе как раз и не при чём. Наособицу мой Совет стоит. Особнячком. И это положение порой в такие перспективы меня уводит, что дух захватывает. Но пока я скромно обхожусь тем что есть. А именно, своим правом окончательного решения по любым вопросам, касающимся магии.

Да, так вышло, что здесь мне никто не указ. Ясный пень, что уздечку на такого бодрого конька, как я, накинуть однозначно попытаются, но у меня в запасе есть индейское жилище. Фигвам называется.

Рубиться за магию буду, как за своё кровное. Слава обо мне и так жуткая, так я ещё добавлю, если кто сунется мне границы указывать. Савва Савельевич Медведев, мой предшественник на этом посту, в молодости тоже горяч был. Вот и напомню при случае, чьим учеником и последователем я себя считаю. Пусть потом старые договорённости поднимают, а я уже озаботился одним въедливым дедком – юристом. Должность ему при Совете выделил. Он мне такие интересные вещи рассказывал о правах архимагов, что я за голову хватался. Самое смешное, что всё это есть в документах, и не абы каких, а тех, по которым нашу Империю основали.

Нет, я знаю, что в истории моей страны предки даже Конституцию не по разу переписывали по желанию правителей, но у нас не тот случай. Тогда возразить не кому было. А сейчас…

Сейчас пока тоже особо не кому. Оттого я и спешу с боевыми Звёздами Архимагов.

Если рассматривать Историю, как науку, то даже дураку станет понятно, что в ней нормально выживало и развивалось только то общество, где власть и оппозиция имели примерно

равный вес. Однопартийная система, или её имитация с марионетками в оппозиции, всегда к застою приводили. Вот оттого-то мне не раз покойный князь Юсупов вспоминался. Можно сказать, что я собственными руками лидера оппозиции убил. Этак глядишь, и пожалею скоро, что всё так неудачно вышло. Далекоидущую многоходовку тогда Обдорин разыграл. Вроде он и Юсупова подставил, а теперь только я начинаю понимать, что и в моей роли он многое поменял. Не так уж и много на политическом горизонте наблюдается одиозных фигур с влиянием, которые могли бы стать знаменем оппозиции. А значит мне ещё долго по тонкому льду идти, тщательно выверяя каждый шаг. В Империи полно людей с таким опытом плетения интриг, что я по сравнению с ними пока ещё ребёнок. Того и гляди придумают что-нибудь для того, чтобы меня с Императором лбами стукнуть. И кто его знает, кому тогда в следующий раз оппозицию возглавлять придётся.

С найденными Шабалиным кандидатами в архимаги я беседовал в своём кабинете. Само по себе здание Совета Архимагов одним своим видом и архитектурой уже уважение внушает, а уж своей историей и того более. Для меня антураж сейчас крайне важен. В ином окружении люди в возрасте по любому немалую толику скепсиса выскажут, заимев в собеседниках молодого парня, пусть и при солидной должности. А мне в чём-то переубеждать их и некогда, и не хочется. Не с перетягивания каната лучше знакомство начинать.

– Олег Игоревич, ну зачем нам шесть архимагов! Мы же о четверых договаривались, – никак не унимался Шабалин, когда мы закончили собеседования и я вычеркнул из списка тех, кто нам не подходил.

От дюжины фамилий осталось шесть. Причём одна из них женщина. Ага, крепкая рослая дама лет тридцати – тридцати пяти, в настоящее время работающая младшим наставником по магии в Смольном. Если что, то она и самая молодая в этом списке, но при этом у неё уже твёрдая десятка по уровню. Лет через пять она и без нашей помощи в архимаги выбьется. Очень упорная и целеустремлённая. Фанат магии.

Как я это выяснил? Да очень просто. Мне про неё Дарья как-то раз рассказывала. Привела в качестве примера. Дамочка, которая ежедневно на своё развитие не меньше восьми часов тратит, зачастую отрывая время от сна. Другой вопрос, что она не родовита, а значит, ей не скоро светит хоть какое-то повышение в том же Смольном. Всегда найдётся графиня или княгиня, которые хоть и ниже её магическим уровнем, зато связи имеют и

поддержку родственников.

Да, вот так в наше время дела обстоят. Одним уровнем магии особо карьеру не сделать. Принизили цену способностей у Одарённых. Впрочем, эта ситуация ни разу не новая. В науке дела примерно так же складываются. Далеко не всегда тем же директором института становится самый умный из профессоров. Гораздо чаще руководящее кресло занимает карьерист и администратор со связями.

– Дамочку эту, как её, а, Эльзу Станиславовну, я точно оставляю. Мало того, что она как маг тут чуть ли не сильнее всех, так ещё и возраст у ней самый подходящий. Опять же, вы сами подумайте, как одно её присутствие заставит мужиков тянуться. Она-то будет пахать как лошадь, без устали. А им перед бабой лицо терять ну никак не захочется, – постучал я карандашом по списку, а потом и вовсе подчеркнул женскую фамилию двумя жирными линиями, окончательно утверждая своё решение.

– Погодите. Мы же предполагали создать боевую звезду. Как вы себе женщину в той же армии видите? И заметьте, не в поварихах или санитарках каких-то, а можно сказать, прямо на передовой. Среди ударной боевой группы, – продолжил Шабалин сыпать доводами.

– Не пойму, отчего вас это смущает? Наша будущая звезда и так ни в какие каноны не вписывается. Кроме того, никакого армейского подчинения у наших архимагов не предвидится. Могу открыть небольшой секрет. Я полагаю, что у нас даже командование своё будет. Отдельное. И чтобы оно вес имело среди армейцев, то возглавит его аж целый генерал. Предварительно мы с ним уже этот момент обсудили. Но это планы и перспективы. Окончательно я с ним договариваться буду, когда у нас первая звезда появится и нам будет, чем похвастаться.

Понятное дело, что ни фамилии, ни даже точного звания этого генерала я Шабалину называть не стал. Как говориться, это уже не его ума дело. Пусть своими вопросами занимается, а с тем генералом, с которым я на аэродроме познакомился, мне ещё не раз придётся встречаться. Очень уж у него мысли интересные имеются. Так что мне немало пота предстоит пролить, искушая его и расписывая мощь боевой звезды. Да, переманиваю я спеца из Генерального штаба. На многое он мне глаза открыл, когда мы прикидывали возможности использования магов в боевых действиях. Я-то как курсант рассуждал. Думал, прилетят пять архимагов на дирижабле, по-быстрому врежут раз несколько по позициям противника, и назад. И был генералом обсмеян, причём, вполне объективно.

Силу, способную за четыре-пять заклинаний, иными словами,

минут за десять, уничтожить всё живое на двадцати – двадцати пяти квадратных километрах, надо уважать. Генерал мне не поверил, что тот же Огненный дождь, отправленный боевой звездой архимагов на позиции врага, накрывает квадрат со сторонами в два с половиной километра с гарантией уничтожения там всего живого, что не закопалось на глубину в два – три метра. Пришлось вытаскивать шпаргалку, и уже по ней комментировать расчёты, которые мы с Шабалиным считаем обоснованными.

Вот тут-то мужика всерьёз проняло. Мне он может быть и не поверил бы, но авторитет Шабалина, несколько лет проработавшего Наставником в Семье Императора, сыграл свою роль. Лицо-то генерал сохранил, а глазки огнём загорелись. Да что там загорелись, полыхнули и забегали.

Тут же вот какое дело. Это сейчас, пока у нас всё в прожектах, мне ему толком и предложить-то нечего. Зато когда появится первый результат, тогда много желающих захотят к нам присоседиться. При той ударной мощи звезды архимагов, которая у нас проверена расчётами, совсем другие расклады получаются.

К примеру, с тем же генералом. Он сейчас в штабе штаны протирает. Да, я готов согласиться, что карьера у него отличная сложилась. Опять же, наградами его государство не обделило, и привилегиями, которые к орденам прилагаются, в достатке обеспечило. Но ордена, они, знаете ли, разные бывают. Штабным офицерам они в основном за выслугу лет достаются, и только изредка, за успешно разработанные операции. По крайней мере боевыми орденами Империя не балует тех, кто сам в боях не участвует. Не принято. А с нами… С нами он легко может на боевые ордена рассчитывать. Прямо так и вижу строчки его рапорта: – «Руководимая мной группа магов внезапным ударом по центрам обороны противника обеспечила успешное наступление западной группы наших войск…»

Мда… Сила-то силой, но действия таких Звёзд должны быть просчитаны и приведены к системе. И в этом вопросе много составляющих. Начиная с команды корректировщиков и собственной авиаразведки, и заканчивая той же кухней и госпиталем. Про отдельный, тщательно охраняемый городок с полигоном и собственным Источником, я уж и вовсе молчу. Он пока в далёких планах и в этом вопросе у меня ещё конь не валялся. Но чувствую, что нужен нам будет генерал. Почему не полковник какой-нибудь или вовсе майор? Так тут всё просто. Связи и вес. На человека с такими погонами, да ещё и выходца из Генерального штаба, маловато найдётся желающих, чтобы его на горло взять и командным рыком построить. Тут, скорее всего,

ситуация обратная будет.

Режим максимального благоприятствования будущим магическим Звёздам крайне важен. И важен он не только отдельным личностям, но и всей той роли, которую я вижу для магии в целом. Во всём её блеске и великолепии. В её государственном значении. В деле маготехнического прогресса, уже перекрывающего в некоторых вопросах достижения предков.

К тому же, новые горизонты постоянно открываются, когда магию изучать начинаешь.

Представляете, что мне сегодня один из кандидатов в архимаги выдал. Начал доказывать, что в Силе имеются свои слои и вихревые потоки. Даже пообещал Шабалину пару опытов показать, подтверждающих его утверждения.

– Что-то вы фантазируете! – горячо откликнулся наставник, видимо болезненно восприняв покушение на свой авторитет, заслуженно им полученный за исследования в области теоретической магии, – Виднейшие учёные магический поток рассматривают, как единое целое, а вы его собираетесь на части разбить?

Дальше у них возник бурный спор, во время которого я откровенно скучал, поскольку оба собеседника углубились в теорию настолько глубоко, что моих знаний уже просто было порой недостаточно, чтобы понять, о чём идёт речь. Слишком много ссылок посыпалось на фамилии учёных и незнакомые мне исследования. Сидел, слушал, и своё думал. В том числе и про магию, стараясь по привычке найти аналогию с электричеством. Отчего-то я оппоненту Шабалина поверил сразу. Раз у электричества есть разная там индуктивность, или, скажем, коронный разряд, то отчего бы не существовать таким явлениям при прохождении Силы. Другой вопрос, что измерители магии гораздо менее совершенны, чем электрические приборы, а большинство расчётов, которые проводят техномаги, опираются на формулы, найденные эмпирическим путём. Даже Усольцев, и тот не так давно умудрился взрыв устроить. Ещё и радовался потом, утверждая, что найденное им несоответствие, возникшее при повышении напряжения Силы, носит нелинейный характер. Вроде как это чуть ли не открытие какое. Ага, кому открытие, а у кого и ремонт лишний наметился. Нет, я всё понимаю. Наука требует жертв и всего остального, но почему она у меня их требует? Я же если сам иногда и допру до чего, так никак не от лишних знаний, достижений науки и общей эрудиции. У меня и образование так себе в этом плане, правда, здравый смысл присутствует и где-то Сущность своё чёрное дело делает. В сумме вроде неплохо выходит. Иногда. И почти без этой науки

получается.

Как бы то ни было, а с кандидатурами мы определились. Чуть больше набрали, чем рассчитывали, так теперь уже всё равно. Если что, то рост числа архимагов и так начался сам по себе. Можно сказать, стихийно и лавинообразно. И первой в эту вереницу влезла Дашка.

Признаюсь, тут моя вина. Забыл как-то раз Полог Тишины поставить, хоть меня этому и научили, ну и поспорили мы с Шабалиным у меня дома. Хорошо так поговорили. В голос, не стесняясь. Ага, так, что полдома нас слышало.

И что вы думаете? Шабалин ещё из дома выйти не успел, как ко мне репьём Дарья прицепилась. Видите ли, нужно ей срочно архимагшей стать. Когда только доводы и причины убедительные придумать успела.

Ну, я тоже не лыком шит. Сослался на то, что она кормящая мать и попробовал перенести вопрос в светлые дали. И вроде бы получилось, так нет же. Дёрнул меня чёрт за язык под конец нашего разговора сказать, что вот как только, так сразу. Ага. Это и оказалось фатальной ошибкой. На следующее же утро счастливая жена меня прямо спросонья порадовала. Заявила, что вопрос с питанием для наших сынят решён благодаря кормилице, и мы можем приступать к техномагическому превращению жены в архимага. Представляете мою радость…

Естественно, мной тут же была осуществлена попытка манёвра. Я изобразил на заспанном лице скепсис, и уверенно заявил, что абы кому в таких делах доверять нельзя. А вдруг моим парням молока не будет хватать?

Вместо ответа жена потащила меня в детскую. А там…

Мда… Я знал, что есть женщины в русских селениях.

Короче, одного взгляда на кормилицу мне было достаточно. Только представьте себе пудов семь – восемь добродушия с грозно выпирающими молоковместилищами. По полведра каждое, и это как минимум. И у неё на руках, сыто срыгивая, посапывают мои парни. А она ещё и жалуется:

– Чтой-то княгинюшка аппетита у твоих парней совсем нет. Думается мне, что гулять надо с ними больше. Совсем мальца поели и спать сразу удумали.

Угу… Смотрю я на сыновей, а у них прямо на мордашках написано, что обожрались они.

В общем, открутиться мне не удалось. И только я пообещал самому себе, что всё. Баста. Больше ни одного внепланового архимага плодить не буду, как прилетел… Догадались кто?

Да, он самый. Антон Рюмин. Мой новоявленный

родственничек, жаждущий подвигов. Тот сразу взял быка за рога… Э-э, в смысле, вопрос передо мной ребром поставил. Или он тоже будет архимагом, или я ему не друг. Не, ну где его воспитание и манеры, куда подевались-то? И узнал откуда? Тут, думаю, Алёнка проболталась. Больше некому. То-то она глазки прятала, когда попробовала было ещё и о сестрице своей заговорить. Видите ли, хорошо бы было, если бы патронесса военных магов – медиков свой магический уровень подняла.

От того, чтобы не сорваться и не заорать, меня удержал звук взрыва и зашедшая минуту спустя Светлана. Уже второй раз её вижу с копной волос, стоящих дыбом, и счастливой улыбкой на запачканном копотью лице.

– Опять макет взорвала! – всё-таки я был вынужден перейти на крик.

Моя третья жена и после первого взрыва полдня ничего не слышала, но тогда она и выглядела чуть приличнее, а сегодня всё гораздо хуже. Даже нагрудный карман на комбинезоне у неё всё ещё дымится.

По сути она одна мне особых хлопот не доставляет. Тихо – мирно взрывает себе сараи на заднем дворе с макетами пресса, которые ей смастерили для обучения их управлением, и ничего ей больше не надо. Счастлива. Прессы ей маленькие сделали, с рыбацкий котелок размером, зато пульт к ним идёт самый настоящий. Точно такой же потом будет на полноценном промышленном прессе.

– У меня ложка с порошком марганца и молибдена получилась. Целых пятнадцать процентов к стали добавила, и всё вышло. Ну, почти вышло, – прокричала Света в ответ, показывая крохотное погнутое изделие, должное означать малюпусенькую чайную ложечку, и запрыгала на одной ноге, засунув палец в ухо так, словно она воду оттуда решила вытряхнуть.

В общем, полёт в Камышин я воспринял, как поездку на отдых. Понятное дело, что жён я люблю, и сыновья меня радуют, но когда несчастного князя, мужа и архимага со всех сторон теребить начинают, то меня надолго не хватает.

Всё-таки дирижабль – это удивительное средство передвижения. Нигде мне так хорошо не думается, и нигде у меня не возникает такого ощущения свободы. Если не оглядываться назад, то со всех сторон в широкие иллюминаторы видно небо и уходящие к горизонту леса и поля. А сзади прётся ещё один дирижабль. Почти такой же, как мы Антону сделали, с люком для десантирования пилотов.

Да, дожил. Без охраны никуда. И возражать бесполезно. Все мои близкие сразу объединяются и в несколько глоток начинают доказывать, что охрана мне теперь нужна постоянно. Достали уже. Даже у нас в посёлке и то стало тесновато. Егерей и пилотов заметно добавилось, а хитромудрые алькальды ещё и казармы охраны строящегося завода в полукилометре от посёлка разместили. Так что там теперь две смены охранников отдыхают, а во дворе наготове грузовики стоят. Этак я скоро жить буду в окружении целой армии.

* * *

Первый день в Камышине я убил на визиты и обсуждение перспектив по развитию завода. Закончили мы его ожидаемо, ужином у князя Гончарова. Накушались, но в меру. На этот раз обошлось без коньяка. Князю вина крымские привезли, их мы сначала и дегустировали, переходя от бочки к бочке. Это уже потом, когда ходить стало несколько проблематично, мы их за столом пили. На мой вкус вино очень приличное и пьётся легко. Самое то, что нужно, для новоселья. Пользуясь случаем, узнал адрес поставщика и себе винца заказал.

Ах, да. Совсем забыл… Как-то неловко мне постоянно у Липатова останавливаться. Мне-то всё равно, а в глазах общественности такое для князя неприлично. В общем, мне недавно бывший тётушкин дом в порядок привели. Кое-где ремонт нужен был и мебель другая. Должен заметить, что вкусы на интерьер у нас с родственницей существенно отличаются. Оттого после ремонта в доме стало меньше всего розового, и рюшечек всяких с цветочками поубавилось изрядно. За всеми изменениями наблюдали дочки Липатова и всё тот же архитектор, который у меня уже чуть ли не придворным стал. Постоянно ему работа от меня перепадает, да что там перепадает. Он уже ни за что другое не берётся, потому что не успевает, а я ему при каждой встрече ещё объекты подсовываю.

Так что сегодня у меня снова праздник. Новоселье буду справлять. На обед князья с семьями приглашены, а вечером я семейством Липатова хочу посидеть. Купец правда в делах по уши. Посевная на носу, а запасы зерна за зиму в деревнях почти все подъели. Так что на Хлебной пристани который день аврал. К вечеру и купцы и грузчики с ног валятся от усталости. Некоторые купцы так и вовсе у себя в конторах спать остаются.

Младший Липатов тоже в отъезде. Я послал его с банком разбираться, да выжимку отчётов для Алёнки составлять. Любит

она у меня с цифрами возиться.

Обед вышел скучный. Вино, после вчерашнего ужина, употребили в меру. Дом мой на князей впечатления тоже не произвёл. Чего никак нельзя было сказать о виде с веранды. Там-то их проняло. Красота, да и только. А тут ещё стройка кипит. Растёт понемногу тот средиземноморский городок, что мне как-то раз привиделся. И так всё удачно и гармонично выходит, что порой сам не верю, что это я придумал.

Прислуга в дом ещё не нанята. Обед обслуживали повара и официанты из дорогого ресторана. А после обеда и они исчезли, накрыв всё к ужину.

Ужин у нас тоже скоротечный вышел. Липатов примчался взмыленный, и посидев полчаса за столом чисто из вежливости, отпросился на пристань. У них там горячо. Дочки Липатова, что у меня после отъезда отца задержались, рассказали, что отец и спит-то урывками, весь светлый день, а то и до двух – трёх ночи пропадая на работе.

Обе сестрички сегодня на редкость говорливы и веселы. Хотя, может тут вино свою роль сыграло. Мы с ними неплохо посидели за столом, который они ничуть не чинясь, сами накрыли, а потом и всё лишнее с него убрали. Как-то незаметно, за разговорами мы переместились на веранду. Закутались в пледы, и усевшись в плетёные кресла, продолжили болтать, отдавая должное дарам Крыма.

Сестрицы меня много расспрашивали о семье, о детях. Особенно их интересовала, как до рождения моих парней удалось определить, что они с сильным Даром родятся.

– А правда, что у вас дочь есть, и она тоже Одарённая? – спросила одна из сестёр.

Из-за количества выпитого, а может и из-за сумерек, наступивших неожиданно, я не понял, то ли Алефтина меня спросила о дочери, то ли Валентина. Впрочем, это не помешало мне ответить, и даже будучи в рассеянном состоянии, я заметил, как обе сестрицы о чём-то крепко задумались. Спустя минуту, переглянувшись, они синхронно встали из-за стола, и сказав, что надо добавить закуски, проворно шмыгнули в дом.

От мыслей, в которые я погрузился после того, как обе болтушки меня покинули, меня оторвал звон монеты. Полы нижнего этажа в новом доме выложены гранитными плитами, и если уронить на них монету, то получается звонко, а тут как бы не целый полтинник серебряный на пол упал.

– А вот и мы. Заждались, Олег Игоревич? – присела около

меня Алефтина, которую я опознал по синим лентам в волосах.

– Прохладно что-то стало, – зябко передернул я плечами, – Может в дом пойдём?

– Мы глинтвейн приготовили, – проворковала Алефтина, подсаживаясь ко мне поближе, – Сейчас мигом согреемся.

Валя тем временем шустро накрывала стол заново, изредка кидая взгляды в нашу сторону.

Глинтвейн действительно согрел, и тепло благостно понеслось по телу. Только крепкий он, зараза. Вроде не первый раз его пью, а никогда раньше такого не было. Прямо горячо всему телу стало, а тут ещё Алефтина прильнула грудью. И сама огнём горит. Уже помутневшим взором я попытался найти Валю, но она куда-то пропала. Впрочем, нам скоро не до неё стало.

Думаете, я настолько опьянел, и не понял того, что этой ночью у меня в постели побывали две девушки? Так вот нет. Духи. Сестрёнки пахнут по-разному. Аля пользуется духами с ароматом роз, а Валя жасмин предпочитает. Так что ни темнота, ни моё состояние эту вроде бы мелочь от меня не скрыли. Проснувшись утром, я мог поклясться, что этой ночью обе сестрёнки у меня в постели отметились.

Тяжело помотав головой, я накинул незнакомый мне халат и влез в пушистые тапочки с помпонами, выставленные на прикроватном коврике. После этого, шагая не слишком уверенно, я направился на звук. Да, где-то в доме побрякивает посуда. Значит, там может быть кофе.

– Ваше Сиятельство, я Глафира Андреевна, ваша экономка, – оглянулась на скрип двери приятная женщина лет сорока, в накрахмаленном фартуке и строгом платье, – Рассольчик не желаете? Огуречный, от капустки квашенной с хреном, или помидорный? – выставила она передо мной три запотевших бокала на подносе.

– Кофе бы, – тяжело двинул я кадыком, загоняя внутрь себя слюну, а потом не выдержав, взял первый же попавшийся бокал и глубокими глотками влил в себя целебный эликсир. Похоже, капустный.

Лепота… По ощущениям, словно ребёнок босыми ножками прямо по сердцу пробежал.

– Так вы идите в зал. Я через несколько минуточек кофе вам туда принесу, – загремела женина посудой.

В ожидании кофе я занимался самоедством.

Нет, ну надо же… При трёх молодых жёнах ещё и любовниц завести! Хотя, кто сказал, что сестрёнки мне любовницами станут. Может это у них разовый случай.

Как бы то ни было, а правильно Дашка как-то сказала. Кобель я кобель. Кобелина!

Глава 65

Четверо трактористов вместе с механиком, вернувшись со смены, долго и шумно мылись у рукомойников, вывешенных на улице, прежде чем уселись за стол. Повариха щедро плеснула им в миски наваристой ухи и вторым заходом притащила в казанке ещё парящую кашу.

– Глафира, сама чтоль рыбы-то наловила? – игриво поинтересовался Василь, известный балагур и душа компании.

– Баржа днём была, – откинула женщина полотенце с миски посреди стола, явив оголодавшим мужикам порезанную крупными ломтями булку хлеба, – Они свежей рыбкой и угостили. От вас ведь не дождёшься.

– Опять к тебе механик с баржи клинья подбивал? – неодобрительно пробурчал усатый тракторист в возрасте, имеющий на повариху виды, но не решающийся на последний шаг, – Небось, сети у него стоят где-то недалеко. Как ни приедет, так завсегда с рыбой.

– Краном они ловят. Стрелой этой, которой грузы на причал выгружают, – задумчиво сказала женщина, комкая в руках полотенце.

– Это как так краном? Крючок к тросу привязывают? – вскинулся Василь, который и сам большой любитель посидеть на зорьке с удочками.

– Сетка у них на такой крестовине натянута. Опускают её минут на пять в воду, а потом краном поднимают. Три раза опустили и почти два ведра разнорыбицы наловили, – поднялась с места повариха, – Вы, как покушаете, дров мне на завтра заготовьте. Там, под яром, сушняка полным-полно во время разлива вынесло. Вы притащите, а уж кому распилить я и сама найду.

– Так мы же уставшие, – хохотнул неугомонный балагур.

– Зато сытые, – отрезала Глафира, – А дров не будет, останетесь завтра отдохнувшими и голодными.

– Вот так всегда, – шутовски развёл Василь руками, – Горбатишься из-за каких-то одуванчиков по двенадцать часов кряду, а на тебе дрова возят вместо отдыха.

– Так тебе и платят за одуванчики поболе, чем за пшеницу. Чего уж там, хорошо платят, – отложил в сторону ложку усатый, и глянув вслед поварихе, поднялся из-за стола.

– Так платят не за одуванчики, а за риск. Этот берег Волги завсегда опасным считался, – откликнулся Василь, – А ты что вскинулся, Фёдор Семёныч, каша же ещё стоит. Там вон в ней

даже мясо виднеется.

– Наелся я. Пойду с Глафирой погутарю, – отрезал усатый тракторист, вразвалку обходя стол.

– Ох, чуя я, быть вскоре свадебке, – проводил его взглядом Василь, и подставил свою тарелку поближе к котелку с кашей, которую начал накладывать его друг и ровесник Гришка.

– Не верю я в опасность. Я в прошлые года на этом берегу уже дважды был в страду. Тогда да. Лихо было. Мужики даже спали с карабинами в обнимку. А нынче всё иначе. Я сегодня дирижабли дважды видел. Кружат над степью. Кочевников высматривают. И вояки недавно километрах в пяти от нас с барж высаживались со своими пушками. Думается мне, к пятой заставе они пошли, к той, что между нами и степью стоит. Слухи ходят, что князь дружину собрался увеличивать и мехводы ему понадобятся. Так что отработаем мы тут, домой вернёмся, и пойду-ка я в воеводство, толком всё разузнаю. Глядишь, убирать уже без меня будете, – рассудительно заметил Гриша, пододвигая другу его миску.

– Тю-ю, сдалась тебе эта дружина. Не, я пока досыта не нагуляюсь, даже работу постоянную искать не буду, не то что службу, – хмыкнул Василь, наливая себе из стоящего на столе чайника густой травяной взвар, – Денег заработаю. Куплю картуз с лакированным козырьком, косоворотку с вышивкой и сапоги хромовы. Все девки мои будут.

– Хромовы – хоромовы, – передразнил его Григорий, – Да ни одна приличная девка на такого красавца и не глянет. Им нынче образованных или военных подавай. Чтобы грудь была в орденах и медалях.

– А зачем мне приличные. Мне они для другого нужны. Небось камвольщицы не такие привереды, а в ремонтных бараках так и вовсе девок на любой вкус и размер можно выбирать. За ленту шёлковую или платок там с любой сговоришься.

– Вот и намнут там тебе бока местные парни аль мужики. Из наших-то в тот район по вечеру никто не сунется в одиночку.

– А я днём пойду.

– Так работают все днём.

– Ништо. У них там любая пигалица с малолетства оприходована. Кого-нибудь да найду.

– А ну, тихо! – хлопнул по столу механик, – Вроде стреляют где-то.

Через пару секунд все сидящие за столом действительно услышали выстрелы. Сначала одиночные, а потом где-то вдалеке началась и вовсе суматошная пальба, порой заглушаемая грозным рыком крупнокалиберных пулемётов.

Не сговариваясь, все бросились к своим карабинам, составленным в пирамиду около умывальников.

* * *

– Прозевали мы супостата, Олег Игоревич. Можно сказать, прямо в подбрюшину к себе пропустили, – распинался по телефону князь Гончаров, – А навалились они не на шутку. Если бы не самоходки, то три заставы уже потеряли бы. Но тут вот какое дело. Вояки утверждают, что у противника тоже артиллерия есть, и судя по всему, посерьёзнее нашей. Хотели мы было рейдом к Каспию пройтись, так они так огрызнулись, что чуть ли не бежать нам с того берега Урала пришлось.

– А я чем помочь могу?

– Разведка нам по Каспию нужна. Просто, как воздух необходима. По некоторым сведениям они морем войска перебрасывают. Флот в этой луже сам понимаешь какой, так и то наши моряки три сторожевика умудрились потерять и теперь даже выходить на море боятся.

– Моряки и боятся? – не поверил я князю.

– Да не за себя они боятся, – с хорошо различимой досадой ответил Гончаров, – На них вся оборона берега и портов держится. Не велико геройство погибнуть без ума, отдав за фук врагу беззащитный берег.

– А дирижабли у князя Константина чего же?

– Так пасмурно вторую неделю подряд, и грозы почитай каждый день. А дирижабль, сам понимаешь, не та техника, чтобы его под несколько стволов скорострелок подставлять можно было, спустись он ниже облаков. Самолёт нужен.

– А что вы узнать хотите?

– Хотя бы в какой из трёх портов на Каспии войска с Тегерана высаживаются, и в каком количестве. Тогда уже можно будет что-то планировать.

– Точно Тегеран, а не турки? Хорошо, если так, – заметил я вслух.

– Что же тут хорошего? У них армия по нашим временам как бы не больше турецкой. Доходили слухи, что французские инструкторы у них не раз замечены были, но сам понимаешь, через две границы не так легко правду узнать.

– А как давно про французов слышали?

– Дай Бог памяти, да года три, а то и четыре назад первый раз про них купцы говорили.

– То есть, французы уже четыре года с их армией занимаются,

а вы ни сном ни духом? – не поверил я, зная характер Гончарова.

Въедлив он в мелочах. Ничего без внимания не оставляет. Оттого и князь.

Это со стороны кажется, что если ты княжий сын, то и быть тебе тоже князем всю жизнь. Может и будешь. Имя тебе оставят, а вот княжества запросто лишишься. Не так, так этак откусят себе более шустрые князья и бояре лакомые кусочки, а там и Империя обратит внимание на руководителя, который управлять не умеет.

– Не телефонный это разговор, Олег Игоревич, – посуровел голосом Гончаров, – Если желаете, я при встрече объяснюсь. А пока извиняюсь, что побеспокоил напрасно. Не утруждайте себя. Сам свои проблемы решу.

– Стоп. Это мне впору извиняться, – успел я в последнюю секунду остановить обиженного князя. Так-то да. Лишнего я себе в разговоре позволил, – Дайте пару часов, я попробую вопрос с самолётом решить.

К слову сказать, была еще одна причина, по которой я сразу не дал ответ князю Гончарову. Причина более чем объективная. У меня нет самолета. Два самолёта с пилотами есть у Артемьева, и один из них как раз тот, что нужен.

Я взял линейку и пошёл к карте, которая с давних пор у нас украшала одну из стен. Ближайший к Каспию аэродром находится в Саратове. Остальные ещё не достроены.

Да, задал Гончаров задачу. Пожалуй, наш самолёт – разведчик с ней не справится. Северную часть Каспия он ещё сможет обследовать, а тот же форт Шевченко уже на пределе его дальности. Дальше лучше вовсе не соваться. Точка невозврата примерно около этого форта и получается.

Впрочем, чего я тут хожу с умным видом, разглагольствую попусту и вожу хороводы около карты, как кот вокруг миски со сметаной. Для себя я всё сразу решил, так нет же, надо время потянуть. То самое время, которого нет.

Персия армию около наших границ с кораблей высаживает. Если что, то по нынешним временам это самая сильная и многочисленная армия на юге Азии. Пожалуй, прав Гончаров, посерьёзнее турков персы будут. А в свете последних событий им даже причину придумывать не надо, по которой они нашу границу перейдут. Наверняка уже договор какой-нибудь с кочевниками состряпали о взаимопомощи. И, как назло, княжеские рейды за Урал им на руку. Дипломаты быстренько всё обоснуют, да так вывернут, что мы ещё и крайними окажемся.

Крайне незавидное положение сейчас у Гончарова. Недоброжелателей у него, как и у любого князя, полным-полно, а этак ему того и гляди в вину могут поставить, что он своими

необдуманными действиями Империю в войну с Персией втянул.

Итак, что мы имеем? Друга, попавшего в беду, самолёт, который не выполнит задачу и одного не в меру активного князя, которому до всего есть дело. Это я про себя.

А ещё, вместо вишенки на торте, у меня есть рояль в кустах. Нет, не тот, на котором лихо в четыре руки наяривают мои жёны. Это я так образно про рояль выразился.

У меня есть маголёт! Эту помесь кита с носорогом мы уже шесть раз в воздух поднимали. Первые два вылета не очень удачно прошли и недолго полетать вышло, но после некоторых доработок маголёт полетел. И хорошо полетел, хочу я вам сказать. Реактивно – магическая силовая установка себя во всей красе показала.

Удачная модель у нас получилась с первого раза. Надо честно сказать, что в основном это заслуга предков, по чьим чертежам мы работали, Мендельсона, кропотливо пересчитавшего конструкцию под нашу гибридную силовую установку, и Усольцева, от души напичкавшего маголёт техномагическими прибамбасами.

На сверхзвуковые скорости мы пока не вышли, и вовсе не потому, что такой технической возможности у нас нет, просто наш образец пока существует в единственном экземпляре, и рисковать сильно не хочется.

Мендельсон просто из себя выходил, когда мы о сверхзвуке начинали вести речь. Несколько книг нам притащил и тыкал нас в те места, где было описано, как у самолётов меняется аэродинамика на сверхзвуковых скоростях. В общем, если я правильно понял объяснения конструктора, то при преодолении звукового барьера возникает волновой кризис. Самолёты с прямым крылом и относительно толстым профилем этого крыла ощущают явление волнового кризиса особенно плохо. Начинаются сильные вибрации, а сам самолёт становиться неуправляемым. Бахчиванджи, советского испытателя самолётов, так и вовсе затянуло в пикирование при горизонтальном полёте, когда он пытался достичь скорости звука.

Да, скептики безусловно скажут, что ничего сверхъестественного мы так и не достигли, но это как сказать. Я могу указать всего лишь на одну особенность нашего «Рема», как у нас прозвали маголёт с РЕактивно – МАгической силовой установкой – он может очень и очень долго летать на одних магических движках. Понятно, что такое произойдёт только в том случае, если его полезную нагрузку по максимуму использовать под размещение накопителей. Пока, в стандартном исполнении, у маголёта предусмотрено четыре часа лётного времени при

скоростях близких к семи с половиной сотням километров в час, если работает полностью вся гибридная установка в достаточно экономичном режиме. На одних магических движках скорость падает до пятисот – пятьсот пятидесяти километров в час, в зависимости от высоты полёта.

И ещё есть небольшая фишка в кабине второго члена экипажа.

Там, под откидной панелькой, расположилась контактная группа. Если что, по моему настоянию её Усольцев вмонтировал, хоть и возмущённо сопел, догадываясь, для чего она может понадобиться. Конечно же, для меня.

Помните, как Дарья на гонках заряжала накопители в нашем дирижабле, перекачивая в них Силу с «лимонок»? Так вот я могу делать то же самое, только лучше и быстрее. И летать нашему маголёту до тех пор, пока у меня накопители в кабине не закончатся и я свой резерв не выкачаю до последней капли. Если что, то маголёту одних магических движков хватит, чтобы нормально приземлится. Могу рассказать ещё, что Щиты на этом агрегате присутствуют. Мы, повёрнутые на вопросах маскировки, даже художников нанимали, чтобы они для нашей техники краски и рисунки подбирали. А так-то до таких тонкостей больше ни у кого в Империи руки не доходят. Чем положено по армейскому Уставу, тем и красят.

Приличная машинка в итоге получилась. Теперь маголёт и Императору не стыдно будет показать. Особенно, если его цену не называть. Дорогая игрушка получилась. Очень дорогая.

Ум хорошо, а несколько умов лучше.

Импровизированный военный совет собрался быстро. Да, очень непросто мне пришлось, доказывая необходимость своего личного участия в предстоящем вылете. Но когда с этим скользким моментом мы наконец-то закончили, то план стал обрастать деталями, до которых я сам не додумался.

– Я прямо сейчас гружу рацию в твой дирижабль и полетелика мы к Каспию, – подошёл к карте Степан, – Часа три форы у нас есть, пока вы свой маголёт подготавливать будете к вылету. А там ещё и время вашего полёта добавится. Так что мы не так далеко от Каспия окажемся, когда вы там к портам сунетесь. Какое-то время ретранслятором поработаем, а случись что, так и на помощь вам придём.

– Спасательные жилеты надо с собой взять Над морем полетите, как-никак, – выпустил струйку дыма Усольцев, над чем-то раздумывая, и перебросил сигарету из одного угла рта в другой, – И фотоаппарат с собой стоит захватить. А на резервную пару энерговодов я сейчас ещё один Щит посажу.

– Там их и так два, – напомнил я техномагу.

– А будет три, – сердито отрезал Усольцев, свирепо вминая окурок в пепельницу, под одобрительное хмыкание Густавсона.

Ну вот что за люди… Никакого уважения к князю. Что хотят, то и делают.

– Пилотов захватите. Дежурную пятёрку. А к князю Гончарову можно будет наше второе звено разведки перебросить на время. Глядишь, и не было бы сейчас надобности в вылете, – добавил Озеров, поглядывая на Степана, уже поднявшегося с места, чтобы отправиться в путь.

– Налетаются ещё. Похоже, всё только начинается, – вмешался я, поглядывая на замершего в дверях Степана.

С моих соратников станется на второй круг разговоры затеять, чтобы мой полёт отменить. Так-то я тоже думал о высадке звена разведки с дирижабля. Но время… Пока мы их дирижаблем на тысячу километров дотащим, пока они порты на Каспии облетят, это же сколько времени уйдёт. И слону понятно, что такой вылет произойдёт никак не сегодня, а в лучшем случае завтра с утра. А это ещё один потерянный день. День пребывания в тревоге и непонимании масштабов происходящего.

Пока никто точно не знает, что персы задумали и какими силами они высадились. Те три заставы, о которых Гончаров говорил, ещё не показатель. Велика ли она, застава в степи?

Обычно там располагаются сотня солдат и казачий разъезд, человек в двадцать – двадцать пять. Основная цель существования таких застав – это пленных отбить, сколько получится. Обнаружит казачий разъезд караван с пленниками, и объединятся ближние заставы, выставляя заслон и запросив подкрепление. Смотришь, многих отобьют, а кто и сам убежит.

Кочевникам добыча нужна. А если её нет, то и смысл набегов теряется. Самих кочевников по степи ловить дело неблагодарное. Да и сил таких у Гончарова нет. Граница со степью на тысячу с лишним километров растянулась. Пойди её, перекрой всю. Тут дай Бог заставы километрах в сорока – пятидесяти друг от друга поставить.

И тут персы на три заставы напали. С какой целью? Решили коридор для прохода своей армии расчистить, или для большого набега степняков путь хотели проторить?

Вот же задача… С целой кучей неизвестных. Те три заставы чудом выстояли. Вовремя к ним подмога пришла. А так всё было бы ещё хуже.

* * *

Вылетели мы часа через два с половиной. Раньше никак не получилось.

Маголёт – это вам не мотоцикл, который завёл и поехал. Там целая предстартовая процедура каждый раз требуется. И любая упущенная мелочь, будь то не полностью заряженный аккумулятор для рации или полупустой кислородный баллон, может вылиться во время полёта в большие проблемы. С учётом того, что штата обученных маголётных механиков и техников у нас нет, как и нет их ещё во всём мире для такой техники, то и проверять приходится всё подряд. Причём самым разным специалистам. У нас в кабинах мешанина техники, маготехники и электричества.

Как выяснилось, не зря мы столько с подготовкой к вылету возились. Один из техников, например, свою отвёртку в приборном щитке нашёл. В том, который над кислородными баллонами располагается. Вот бы весело было, если бы она на провода попала во время вылета. Вспыхнули бы мы, как тополиный пух.

* * *

– Рем – Сапсану. Мы прошли Камышин, – в очередной раз попытался я связаться с нашим дирижаблем.

Рация в маголёте не очень мощная, а тут ещё грозовой фронт недалеко проходит, постоянно забивая эфир треском разрядов.

– Рем, вас слышу. Примите градусов на десять правее. Впереди гроза, – с трудом пробился сквозь шумы голос Степана.

– Принято. Уходим западнее, – откликнулся я и, переключившись на внутреннюю связь, назвал пилоту новый курс.

Всё-таки скорость – это большое подспорье, когда нужно уйти от грозы.

Чуть накренившись на правый бок, маголёт шутя начал увеличивать отрыв от грозового фронта. Зато наш дирижабль сейчас где-то там, среди всполохов молний. Ещё неизвестно, кто кого в итоге спасать будет.

Теоретически я могу вывалиться за борт и слевитировать к месту их посадки, случись у них авария. А дальше что? Были бы тучи обычными, дождевыми, можно было бы их успокоить. Но связываться с грозой… Тут невольно по всей спине холодок пробегает, до самой… До самого копчика, то есть.

Ладно, будем надеяться, что ребята сами вывернутся из ситуации. Пилоты у меня опытные и дирижабль надёжный. А у нас меняются планы из-за смены курса и грозового фронта,

который вскоре накроет один из тех трёх портов, которые мы должны осмотреть.

– Меняем план облёта. Начинаем с цели номер два, – прокричал я в рацию, словно от моего крика что-то зависело.

– Ас… Учено… – пробулькал мне в ответ наушник и зашёлся непрерывным треском.

Буду считать, что Степан меня услышал. Всё-таки приёмник у него получше моего будет, и опыта у него побольше.

Мда… Насчёт опыта. У нас проблемы с навигацией. Хотя, почему у нас? Я нынче за штурмана и за радиста, так что это у меня проблемы, если смотреть правде в лицо. Всё дело в радиомаяках. Они пропали. Гроза забила эфир, и я потерял сигналы.

Так.

Без паники.

Крайняя отметка на карте, курс, время полёта. Если вычисления верны, то минут через семь – восемь мы будем над целью. А пока внизу сплошная пелена облачности.

– Нужно спуститься ниже облаков и увидеть, где мы летим. Маяки гроза забила, – сообщил я пилоту.

Мы начали снижаться, и вскоре влетели в сплошное облако. Видимость – словно в молоке плывёшь. Чуть раньше, сверху, для себя я отметил, что облачность баллов на восемь, а сами облака слоисто-кучевые. Значит, до земли от их нижнего края метров четыреста по идее должно быть. Но ощущения один чёрт неприятные. Словно на машине гонишь изо всех сил, а на лобовое стекло простыню накинули.

Томительные секунды ожидания усугублялись тряской, да такой, что от неё зубы клацали, и пальцы у меня побелели, так сильно я вцепился в металлическую ручку на панели.

Вскоре нас затрясло ещё сильнее и я уже с опаской начал поглядывать на крылья, как вдруг в облаках стали появляться просветы.

Сориентироваться мне удалось по линии берега и островам характерной формы. Одни они такие на всём Каспии, эти Тюленьи острова. Километров на пятнадцать я с расчётами промазал, что впрочем при нашей скорости вовсе не удивительно. Вытерев вспотевший лоб, я выдал пилоту поправки курса и стал готовить фотоаппарат.

Когда внизу замелькали строения, я был удивлён. Вот уж чего никак не мог предположить, что у кочевников есть города. Хотя, у них ведь ханство. Наверняка тот же хан не в кибитке живёт. Но тут явно архитектор руку приложил. Городок неплохо спроектирован и даже улицы прямые имеются. В порту было

оживлённо. У причалов разгружались четыре небольших кораблика, и ещё штук шесть болталось на рейде, ожидая своей очереди. Солдат нигде не видно, зато с кораблей сгружают… верблюдов. Да, тут трудно ошибиться и перепутать их с какими-то другими животными. А ещё на причалах горы тюков навалены, а на берегу полным-полно крытых брезентом повозок, однотипных, что очень похоже на армейское имущество.

Быстро засняв всё, мы сменили курс и направились к самой удалённой точке нашего путешествия, справедливо решив, что последний порт нам при возвращении будет по пути.

Ещё один городок и порт. Эти по размерам уже поменьше, и здесь тихо. Пара торговых парусных судёнышек и рыбацкие карбасы.

Невольно закралось сомнение. Уж не ошибался ли Гончаров, опираясь на непроверенные данные?

Развернувшись, мы полетели в сторону дельты реки Урал. Место для высадки войск там сложное. Когда-то предки Урало-Каспийский канал прорыли, но мне кажется, что время своё взяло и река расправилась с искусственным руслом. Каждую весну песка и ила реки столько несут, что тут не только русло засыпать можно, а и в самом Каспии отмели организовать на десятки километров.

– Керосина на полчаса полёта осталось, – вроде бы спокойно доложил пилот, но я уловил, что голос-то у него дрогнул.

– Сейчас глянем на последний порт и домой, – успокоил я его, но добился прямо противоположного результата.

Услышал лишь, как он крякнул, и даже маголёт недовольно и укоризненно покачал крыльями, словно упрекая меня за некстати вырвавшееся слово.

Все, кто с небом дело имеет, так или иначе суеверны. Да, станешь тут в приметы верить, если любой вылет – это шанс погибнуть. Может и маленький совсем, даже не шанс, а шансик, но зачем же судьбу искушать. Оттого и слово «последний» пилоты любых летательных аппаратов никогда не произносят вслух. Примета плохая.

* * *

Русло Урала выходит на Каспий огромным светло-коричневым языком, иссечённым множеством проток. Поля пожелтевшего камыша, небольшие островки суши, а то и целые озёра разбросаны по обеим сторонам от основного течения в хаотическом беспорядке.

Облака куда-то пропали. Скорее всего, их в этом месте разогнал сильный ветер, поднявший на море приличную волну, с которой его порывы срывают хлопья пены.

Вот тут-то нас и ждал сюрприз. С десяток приличных по размеру кораблей стояли под разгрузкой.

Мелководье, окружавшее фарватер реки, поросло камышом, и под этой естественной защитой от волн, корабли разгружались на десятки речных барж, облепивших их со всех сторон. А вон и буксир, который неспешно потащил вверх по реке целых четыре баржи сразу.

Лихо персы вывернулись. Мы, когда на собранном мной импровизированном военном совете обсуждали возможный порт высадки, то речной порт Атырау решили проверить просто на всякий случай, вполне убеждённо предполагая, что морские суда в такую реку, как Урал, никогда не сунутся. А они гляди-ка ты что выдумали. Спрятались от волн в дельте и на спокойной воде перегружают людей и грузы на речные баржи с мелкой осадкой.

Наше появление не осталось незамеченным и было видно, как люди на кораблях развернулись к нам и указывают друг другу руками на наш маголёт. Уж не знаю, что они о нас подумали, но похоже, что появление нашей птички никого особо не испугало. Удивило, да, но не более того.

Облетев полукругом скопище кораблей и всё засняв, мы ушли в сторону моря. Пока я раздумывал над тем, стоит ли нам подняться вверх по реке и посмотреть, куда прибывают баржи, как вдруг неожиданно ожила внутренняя связь.

– Ваше Сиятельство, там впереди вродь бусурмане нашего крепко прижали, – забыл от волнения пилот, что мы с ним ещё перед полётом договаривались обходиться без лишнего титулования.

– Как это? Там же море.

– Так я же и говорю, два большеньких корабля нашего малыша в тиски берут, – зачастил пилот, и словно в ответ на его тираду наступила тишина.

У нас кончился керосин.

– Мне покажи, – то ли выговорил, то ли простонал я, рывком вытаскивая накопитель из держателей, – Я ничего не вижу.

Ну, так-то, да. С моего места вперёд и вниз не заглянешь. Это пилоту хорошо, для него мы предусмотрели обзор для взлёта и посадки, а из моей кабины только по сторонам смотреть можно, и через небольшой сектор остекления нашу хвостовую часть видеть, если шею вывернуть градусов на сто восемьдесят, словно ты сова.

Маголёт заложил лёгкий вираж, и я, впившись глазами в мощный морской бинокль, смог наконец-то сам увидеть то, о чём

мне пытался рассказать лётчик.

Два здоровенных утюга, под отчётливо различимыми персидскими флагами, с двух сторон обходили мелкую посудину, над которой я смог различить Андреевский стяг.

Мда… Картина маслом.

Катер, которые тут, на Каспии, принято именовать сторожевиками, явно проигрывал утюгам в мореходности. Судя по тому, как он шустро метался, со скоростью у него всё не так плохо обстоит, но встречная волна, бьющая ему в скулы, сводила это преимущество на нет. Швыряло его так, что я флаг не вдруг разглядел. А утюги пёрли себе, проглатывая энергию волн за счёт своего размера. Вот видел же я их где-то, этих уродцев. Где же, дай Бог памяти.

Совершенные модели военной техники по своему красивы. Каждая наособицу. Я, после того, как получил доступ в имперские библиотеки, чего только не просмотрел. И помню, как мне резануло глаз, когда я увидел крайне похожие утюги. Вроде тех, что сейчас вижу. Первая мысль была, что вояки сделали себе мишени для учений. Причём, сильно сами же себе потрафили. Грех же не попасть снарядом, ракетой или торпедой в такую чушь, которая больше всего похожа на гражданский паром, и уж в последнюю очередь, на боевой корабль. Ага, помнится, у предков что-то с французским «Мистралем» было связано. Не стал я вникать тогда, лишь поржал над той несуразицей, которую французы за боевой корабль пытались выдать.

И вот на тебе. Снова вижу эти самые «Мистрали». Уже воочию, но в сильно уменьшенном варианте.

Они вроде прилично поменьше в размерах будут, чем те, у предков, но такие же уродливые.

Представляю себе, как сейчас капитаны на этих калошах потирают себе руки, в надежде вынудить сдаться русский катер сторожевой охраны. Ого, даже постреливают время от времени, пользуясь тем, что у русского сторожевика всего одна махонькая пушка, и та в носовой башне, а его бортовые пулемёты их посудинам не страшны.

– Покрутись тут минут пять, пока я к бомболюку проберусь, – приказал я пилоту, и ещё раз проверив накопители, принялся за дело.

Нет, жёны, особенно молодые, это штука прикольная. Но попробуйте им объяснить, что у тебя есть свои дела. Далеко не те, что касаются мебели в доме, шторочек с рюшечками, или очередной премьеры в столичном театре, и вы попадёте…

Знали бы вы, сколько несправедливых, по моему мнению, упрёков, мне пришлось вынести и выслушать, когда создавался

маголёт. Мне говорили, что я уделяю им мало внимания, и что они к другой жизни привыкли, да что только мне не говорили.

Зато теперь, Слав те Господи, я знаю, что если сдвинуть кресло в моей кабине, и открутить шесть барашков на небольшом люке, то можно попасть в бомбоотсек. С трудом, правда, но наши техники в него на моих глазах пролезали, когда монтаж шёл.

О как! Люк. А как бы иначе я по-вашему смог магичить? Прямо внутри маголёта? Так вот нет. Ничего не выйдет, в том смысле, что без вреда для маголёта не выйдет. Те же энерговоды я в пыль и вдребезги разнесу. А на чём мы сейчас летим? На магодвигателях… Прелестно. Начни я магичить, и мы полетим, но не дальше и не вперёд, а камнем вниз.

Люк, мне обязательно нужен люк и обзор из него.

Русские своих не бросают.

Там, внизу, сейчас наш сторожевой катер, наверняка посланный в разведку, пытается уйти от двух здоровенных крокодилов, которым волна не так страшна, и для которых он на один зубок. Что это за посудины, мы потом разберёмся, а сейчас надо своего спасать.

Сдирая ногти с пальцев, я рвал крепления кресла, и откручивал барашки болтов, которые закручивал кто-то чересчур старательный. Затем, слизнув кровь с пальцев, я осторожно снял крышку люка, открывающего мне доступ в соседний отсек.

– Открывай бомболюк и заходи на атаку, – скорее прохрипел я, чем внятно сказал в ларингофоны внутренней связи, встроенные в лётный кожаный шлем.

Не уверен, что архимагу и князю пристало болтаться в бомболюке кверху задницей, но знаете ли, выпасть из маголёта где-то посреди Каспия, тоже мало приятного. Так что я на всякий случай подстраховал свой выход «в люди», а точнее говоря, высунулся из бомболюка, зафиксировав себя вытянутыми до предела ремнями кресла, перекинутыми через прочный пояс пилотского комбеза.

Бережёных Бог бережёт. Кому как, а у меня три жены и две любовницы, и я ответственность впятеро больше чувствую, чем кто-либо другой, неженатый. Рано мне пропадать за просто так. Пожить ещё хочется, да ещё как хочется.

Болтаясь между небом и землёй, чего только не успеешь передумать, пока тебе цель подставят под удар. Спросите у любого, кто бывал в такой ситуации, такое услышите…

Так вот. У меня ничего подобного не было. Объясню понятнее – вообще ничего. Ничего кроме жути.

Сказать по-честному, я впервые понял, что высоты я боюсь.

Нет, когда я из иллюминаторов дирижабля на землю смотрю,

то вроде всё нормально, а если меня мордой вниз подвесить в открытый бомболюк, да ещё так, чтобы ветер щёки пузырём надувал, то это совсем другой коленкор. Жутковато становится.

То ли из-за ветра, то ли из-за полноты чувств, вызванных моим непривычным, мягко скажем, расположением, а может и из-за скорости маголёта, но первую Комету я влепил далеко не туда, куда хотел.

Метров на двести, это если льстить себе, а если по правде, то и на добрых триста, я промазал, фиганув заклинание далеко вперёд по ходу супостачьего корабля. Второе попадание легло чуть лучше, уже метров на сто ближе, но так же, впереди по его курсу.

Наверняка, появятся желающие узнать, отчего я именно Кометой решил по кораблю противника ударить. Я вообще-то потом, когда опомнюсь и воспоминания причешу, об этом предпочёл бы рассказывать, грамотно обосновав свой выбор, а пока скажу честно, всё остальное из башки напрочь выбило, до того мне страшно болтаться головой вниз над Каспием. Что смог собрать, тем и бью.

Третье, третье и последнее. Последнее оттого, что мы уже отлетим далеко, и нужно будет бремя на разворот и новый заход.

Третье – ЕСТЬ!!!

А-а-а… Я ногами в воздухе от восторга забил, когда увидел. Мог бы и поорать, но попробуйте это сделать, когда ветер в харю.

Короче, меня наверняка поймут охотники, особенно те, у кого есть памятные и особо удачные выстрелы, пусть хоть по тем же уткам.

Врезал! Влупил! Да ещё как!

Прямо по носовой части, так, что треть корабля просто отвалилась, и он, этот утюг, со всей своей дурной скоростью, начал собирать воду, которой в Каспии с избытком.

Пока мы отлетали и разворачивались, корабль всё больше оседал вперёд, а потом и вовсе встал на попа, бешено крутя появившимися винтами в воздухе. С него посыпались люди, но с нашего расстояния они были почти незаметны.

И наш маголёт совсем уже было начал второй заход, когда я услышал обречённый голос пилота:

– В нас попали. Килевые рули меня почти не слушаются.

Глава 66

– Нет, ну чем ты думал, когда над морем собрался лететь на только что собранной тарахтелке?

– А я вам говорила, я предупреждала…

– Так всё же обошлось. Видите, сидит живой – здоровый.

– Чудом. Чудом они долетели. А как бы не обошлось?

– Но долетели же…

– Нет, так всё равно нельзя. Мог бы нас предупредить.

Это, если что, жёны мои буянят.

Меня отчитывают.

А я что, я ничего.

Сижу себе тихо, пью винцо крымское, да в окно гляжу. Пусть выговорятся немного. Говорят, иногда покричать и поплакать для здоровья куда как полезнее, чем в себе эмоции держать.

Во, так и есть, засопели. За платками полезли. Даже Светланка, которая вроде во всём этом действе выполняла роль моего адвоката, и та общему порыву поддалась и зашмыгала носом.

Всё правильно. В природе оно так и предусмотрено. Гром погремит, молнии отсверкают, потом дождик пройдёт, и дальше лепота… Пусть поревут немного.

– Вы же понимаете, что не мог я наших, русских, без помощи бросить? – попробовал я выставить в свою защиту железный апргумент.

– А то, что по тебе из пушек стреляли, это нормально? – первой среагировала Алёна.

– Так Щиты же.

– Что же они тогда тебе не помогли?

– Пилот неопытный попался. Нет, в плане полётов к нему претензий никаких, но боевого опыта у него абсолютно не имеется.

– И что? – это уже Дарья ко мне повернулась.

Она у меня всегда на боёвку чутко реагирует.

– Он обо мне беспокоился. Скорость сбросил и на малой высоте по прямой к цели потянул, а не учёл, что для второго корабля он словно по ниточке идёт, да ещё и сопла ему подставил. Единственное наше уязвимое место. Вот и шарахнули со второго корабля по нам шрапнельными снарядами. Где только разыскали такую древность.

– То есть сопла вы Щитами не прикрыли?

– Дарья, ну ты же маг, а скоро так и вовсе первой архимагиней можешь стать, если не опоздаешь. Как можно Щиты

поставить под струю раскалённого газа?

– Подожди-ка. Что значит, если не опоздаю? Кого ты опять себе завёл? – выцепила из моей речи Дашка то, что её действительно заинтересовало. Судя по всему, сильно заинтересовало.

Ишь, какая. Лучше бы подумала, как сопла защитить можно. Что я один за всех думать должен?

– Я? А причём здесь я? Это всё Шабалин, – с лёгким сердцем сдал я наставника.

Шабалина мои жёны уважают и побаиваются.

Алёнка про его въедливость не раз успела им рассказать. Так что его-то может и не тронут, а вот мне бы точно грозила долгая и нудная беседа и всякого рода выяснения. А мне рисковать нельзя. У меня рыльце-то в пушку. И никак не докажешь, что с сестрёнками Липатовыми оно само собой всё вышло. Не дай Бог проговорюсь нечаянно.

Я хоть и не трус, но мне даже представить страшно, что произойдёт, если три жены узнают про двух любовниц.

Никогда не попадали в такие ситуации? Во, и не дай вам Бог.

Одну-две жены я бы ещё вынес, если им вдруг приспичило бы скандал закатить, но три – это уже за пределом моих возможностей.

Отчего я так решил, что дело одним скандалом обойдётся? Так я же князь…

Мне уже в графьях положено было любовницу иметь, и не абы какую.

Любовницы нынче штука статусная. Вроде очень дорогой машины или коллекции картин.

Особо ценятся балерины и певицы, естественно известные, да и дамы полусвета некоторые тоже от них не отстают. В этом плане вроде купеческие дочки ни то, ни сё, но опять же, как сказать. Та же Изабелла, одна из самых дорогих куртизанок столицы, из простых белошвеек вышла. Зато теперь по самым модным салонам блистает и одним своим присутствием подчёркивает статус и богатство очередного ухажера. И ведь умудряется как-то со всеми своими бывшими в друзьях остаться. Видел я её пару раз. Обаятельна, умна и чертовски хороша собой. А платья на ней такие были, что выйди она голой, и то на неё бы меньше мужчины облизывались.

– Пообещай нам, что ты больше ни в какие авантюры не полезешь, – то ли приказала, то ли попросила Алёна.

– Да я и так не лез. Подумаешь, слетали бы до Каспия, посмотрели что там делается, и обратно вернулись. Кто же знал, что персы там морской бой устроят? А дальше всё случайно

получилось.

– Нет уж, ты не выкручивайся, а дай слово, что никуда на этом своём маголёте ты больше не полетишь, – наставила Дашка на меня свой палец, словно это пистолет.

– Хорошо, даю слово, что на этом своём маголёте никуда больше не полечу, – примирительно поднял я перед собой ладони.

Да я, если бы и сильно захотел на нём полететь, то ничего бы не вышло.

Разбили мы птичку при посадке. Не совсем, чтобы вдребезги, но восстановлению наш Ремик не подлежит.

В полёте ещё можно было как-то помощью элеронов курс выдерживать, а при посадке боковые крены противопоказаны. Короче, с полосы мы съехали, а там нас и вовсе развернуло, когда правая опора шасси подломилась, оттого, что мы правой стороной на сырое поле выскочили. Хорошо ещё, что на тот момент у нас уже ни капли керосина на борту не оставалось, а там и Щиты помогли. Отделались синяками и царапинами.

Похоже, одна только Светлана правильно оценила моё обещание, но свою попытку фыркнуть в платок, она умудрилась скрыть тем, что сильно закашлялась.

Ну да, ей вовсе ни к чему со мной отношения портить. Мы с ней завтра по заводам ехать собрались, а я уже две её попытки отбил. Видите ли, по её мнению мне нужно все свои дела отбросить, и вплотную новым прессом заняться. Ага, а при этом не забыть ещё учесть два листа замечаний и пожеланий, написанных аккуратным женским почерком. Убористым таким.

Ума не приложу, на кого бы мне этот пресс спихнуть. Тут инженер нужен, который был бы с маготехникой в ладах.

Про Усольцева с Густавсоном на какое-то время можно забыть. Эта парочка у меня по самые уши загружена работой. И верфи на них, и небольшая добавка, в виде тех заводов, поучаствовать в которых я им не так давно предложил. А может…

– Он нас не слушает, – отвлёк меня от раздумий громкий выкрик Дашки, и диванная подушка, прилетевшая мне в голову.

– Так, солнышки мои, остальную часть нашей содержательной беседы я бы попросил перенести на завтра, а пока мне нужно позвонить. Света, бегом за мной, сидишь тихо рядом и слушаешь, чтобы мне потом не пришлось ничего два раза пересказывать.

Пока Дарья с Алёнкой соображали, как им правильнее поступить в такой ситуации, мы со Светкой уже умчались по лестнице и скрылись в моём кабинете.

Я чуть было не забыл о том, что у меня есть крайне

перспективный ресурс.

Рвутся же в бой студиозы – маготехники. Так отчего бы не устроить им испытание. Сейчас созвонюсь с тем другом портного, благо мы с ним успели познакомиться, когда его вмешательство в конструкцию пуговиц обсуждали, и определюсь во время разговора с условиями соревнования. Тому студенту, который предложит мне самый лучший проект пресса, я вручу серьёзную награду и контракт, этак лет на пять. Хороший такой, престижный. Тут денег и славы жалеть не стоит. Это мои вложения в будущее.

* * *

Опять я похож на выжатый лимон.

А казалось бы, всё давно пройдено и понято, но нет, снова что-то новенькое.

Впрочем, так оно и есть. Новые Чаши установили на моём фамильном Источнике и я с ними плотно сегодня поработал. Надо отметить, что магия мне теперь даётся без болезненных ощущений, в виде всяких там пощипываний и покалываний. Выражаясь языком Степана, изоляцию каналов нигде током мне не пробивает.

Пришла пора пополнять запасы. Потребность в алмазах с каждым днём растёт, и даже гранильная мастерская уже зашивается. Так что, я воспользовался затишьем, на которое уже и не рассчитывал, и поработал досыта, до отвала.

Затишье непонятное. По словам Гончарова, персы никакой активности не проявляют. Кочевники тоже появляются гораздо реже, чем обычно. Военные советники теряются в догадках. Армию на чужой территории содержать – дело накладное, а враги, как в ступор впали.

Гончаров вместе с князем Константином каждый день используют, наращивая дружину и армию. Я четыре пятёрки пилотов им в помощь отправил в модернизированных в очередной раз МБК. Теперь на вооружении у пилотов шестиствольный пулемёт обычного стрелкового калибра с боезапасом в тысячу двести патронов и бешеной скорострельностью. В условиях степи такое летающее воинство – это большая сила.

Стоит заметить, что подготовка князей к отражению вторжения опять мне все планы поломала. Почти все двигатели с нашего завода теперь уходят армейцам, а у меня половина рабочих посёлков ещё электрогенераторами не укомплектована.

Вот кто меня за язык тянул… Ляпнул, не подумавши, про бронированную тачанку, а вояки идею тут же подхватили, и удачно установив наши мощные моторы на армейские грузовики, соорудили подобие этих самых тачанок. Обшили грузовик стальными листами, пулемёт установили, да амбразуры для стрелков предусмотрели. Неплохая шайтан – арба получилась, как её кочевники успели прозвать. Так что теперь в Камышин отовсюду свозят грузовики и быстренько их модернизируют на новый лад на недавно открытом вояками заводике, что недалеко от нашего расположился. Это уже второй. На первом они самоходки собирают из тех узлов, что им со всех концов Империи приходят.

Надо признать, что в этом вопросе генерал Каргальский со своими специалистами нас обогнал. Сумел дело так поставить, что ему с пары десятков заводов детали приходят, а они на своём заводике их только собирают. Необычно. В Империи я такое впервые вижу. У нас, как правило, все основные детали и узлы у себя изготавливают, в своих цехах, а не на стороне заказывают.

– Устал, – легли мне на лоб ладони подошедшей сзади жены.

Алёнка, её голос, её духи.

– Есть немного, – согласился я, жмурясь, словно кот.

– Скоро ужинать будем. Всё уже готово, одного Антона ждём.

– Да, молодец твой брат. Я думал, его запала ненадолго хватит, а он смотри как плотно за тренировки взялся.

– Сама удивляюсь. Обычно он такой безалаберный, а тут точно что-то задумал, раз так упорно занимается. Боюсь, что он скоро к тебе проситься будет.

– Куда ко мне? – приоткрыл я один глаз, млея под руками жены, начавшей делать мне массаж плеч и шеи.

– В боевые маги. А выкладывается так, чтобы во главе Звезды встать. Понравилось ему в героях ходить.

– А что по этому поводу дядя говорит? – на всякий случай поинтересовался я мнением Императора.

– В том-то и дело, что ничего. Понимаешь, ничего!

Э-э…Что я должен понять? Не, так-то я обычно быстро соображаю, но вот в этом случае…

– Другими словами, он не одобряет выбор Антона?

– Скорее всего просто не знает, как лучше будет для него самого. Для Антона.

– А ты что по этому поводу думаешь?

– Дарья говорит, что при грамотном планировании операции с участием боевых звёзд практически безопасны. Это правда?

– Я бы сказал, что они гораздо менее опасны, чем служба многих других солдат и даже офицеров. Безопасной жизни на

войне не бывает.

– Тогда пусть тренируется. Дисциплина ему должна пойти только на пользу, а уж если он боевые награды получит, то вообще всё хорошо будет, – чуть помедлив, задумчиво сказала Алёна.

Хм, опять я что-то не знаю, ну, да ладно.

– Надеюсь, вы оба понимаете, что служить он будет не в армии, а под моим началом? Сразу скажу, что никаких поблажек ему не будет, пусть не рассчитывает.

– Я ему это сразу же сказала, как только он прилетел и сумел тебя уговорить. Ты знаешь, по-моему он даже обрадовался.

– Чему? – приоткрыл я второй глаз от удивления.

– Так он, если чего и боялся, так это как раз того, что ты его оберегать начнёшь.

– Не дождётся, – сказал я неправду, и похоже, мы оба услышали, как фальшиво и неубедительно прозвучал мой голос.

На самом деле поблажек никаких Антону не будет, но случись с ним какая напасть, и я лично ринусь его выручать, если не буду уверен, что с такой задачей кто-то другой справится на все сто процентов или лучше.

– Пошли вниз? Вроде приехал кто-то, скорее всего это Антон вернулся.

* * *

Тегеран. Дворец персидского царя Дария Сасанида.

– Да позволит ли мне Солнцеликий припасть своими устами к его туфле, – услышал Дарий привычную форму обращения к нему придворных.

На самом деле никто припадать никуда не собирается. Обычай давно отменён, а вот фраза так в ходу и осталась.

Это отвлекло царя от созерцания. Подарок, только что переданный третьим визирем через его личного телохранителя, был необычен и оттого не менее значим.

Шёлковое полотно большого размера оказалось картой, на которой была вышита Древняя Персия в момент её наибольшего расцвета. Пусть это было давно, даже очень давно, но просторы от Персидского залива и до середины Чёрного моря, если смотреть сверху вниз, а если посмотреть на Запад, то границы первой в мире сверхдержавы начинались от берегов Средиземного моря, и уходили на Восток в такую даль, что размеров огромного полотна не хватило. Могучее было государство. Самое сильное во всём том мире.

Дарий кивнул, отвлекаясь от раскинутой перед ним ткани.

Ну да, вот и он сам, третий визирь. Пожалуй, он полезнее тех, первых двух будет, но не всё сразу.

В том смысле, что ему ещё не год и не два предстоит свою полезность доказывать. Хотя, может и меньше. Второй-то визирь что-то сдавать стал в последнее время. Вот уж, права пословица: – «Седина в бороду – бес в ребро».

Злые языки уже не раз пытались рассказать Дарию, что на рынке невольников поседевший визирь проводит больше времени, чем в раздумьях над государственными вопросами. Но сумел старый повеса потрафить своему правителю. Чудо как хороша оказалась белокурая невольница- скандинавка, подаренная им пару недель назад. Правда, по началу она всё больше плакала и что-то лопотала по-своему. Как через пень колоду Дарию перевёл толмач, сестрёнок младшеньких просила у визиря забрать. Ну, на эти капризы Дарий только рукой махнул. Велел выпороть капризничающую девку и на хлеб – воду на пару дней посадить в тёмную камеру. Средство проверенное. Глупые мысли и прихоти враз отбивает. И точно. Вышла и как шёлковая стала.

– Такая же, как подаренная карта, – усмехнулся царь своему сравнению, ещё раз огладив рукой искусную вышивку.

Да, пока это его мечта – Империя, которую ни одна птица за неделю не перелетит.

Хм, птица может и не перелетит, тут Дарий нахмурился, вспомнив недавние донесения с Каспия. Сумели его генералов урусы удивить. Утопили новый корабль, за который франкам золотом заплачено. Скольких трудов стоило выторговать себе эти корабли, да по частям перевезти их на Каспий, и на тебе, в первом же походе один умудрились потерять, да ещё и вместе с его двоюродным дядей, так некстати вылезшем на палубу. Впрочем, родственника как раз не жалко. Мутный был человек. Всё время что-нибудь к своей пользе измышлял, пытаясь погреть лапы свои загребущие за счёт казны.

– Есть ли новости от нашего посла? Сумел он с франками договориться о пушках зенитных? – снизошёл правитель к терпеливо ожидающему визирю.

– Пушки франки нам продадут. Пусть и не новые, но вполне пригодные к стрельбе. А пушкарей к ним ни в какую давать не хотят. Насилу про шестерых инструкторов посол смог договориться. И те не бойцы. Отставники покалеченные. Вроде, как они частным порядком наняты будут.

– Вот даже как, – чуть заметно улыбнулся Дарий, – Побаиваются значит франки урусов. Не хотят злить русского

медведя. Случись что, всегда отопрутся, что сами же нас к войне подталкивали.

– Пока всё, что ни делается, делается к нашей пользе, – учтиво заметил визирь.

– И за всё приходиться платить золотом, – недовольно поморщился царь, – Может и вправду стоит арабские земли ещё одним налогом обложить? Какие они там раньше платили?

– Ушр и джизья, это из тех, что нам подойдут, а закят нет. Его на развитие ислама использовали. Жрецы воспротивятся, – моментально ответил визирь, кланяясь.

Кланяться необязательно было, но лучше наклонить голову лишний раз, чем показать царю довольное лицо и заблестевшие глаза.

Про новые налоги он Дарию подсказал. Теперь случись что, ему и поручит правитель этот вопрос. А там, глядишь, и людей своих можно будет по ключевым местам расставить. Сборщики налогов бедно никогда не жили. А уж он найдёт, как им объяснить правильно, с кем им делиться нужно будет. Смотришь, и потекут с арабских земель золотые ручейки к нему в сундук.

– Составь-ка мне описание подробное этих налогов, и пусть посчитает кто-нибудь, что они в казну принесут, – распорядился Дарий, для которого мысли визиря вовсе не были тайной.

Воруют все. Кто в меру, кто не очень. Для тех, кто палку перегибает, эшафот на площади установлен. Там палач кривым кинжалом в два – три приёма укоротит проворовавшегося и его голову в толпу кинет.

Для самых высших чинов есть шёлковый шнурок. И уж совсем редко кому выпадает выпить чашу с ядом. Понятное дело, что всё имущество у казнённых конфискуется в казну, и это совсем не малая часть дохода выходит.

Третий визирь хоть и жаден, но умён. Понимает, что покойнику деньги ни к чему. Такой воровать с умом будет и в меру. Зато и дело поставит твёрдо. Ну, а если уж заворуется чересчур, так есть на то люди специальные, «ухом царя» называемые. Все про них слышали, но никто их самих не знает. Это его люди, царёвы. Его личная служба, никому другому не подчиняющаяся. От них мало что скроешь.

– Про аэроплан русский ничего неизвестно? Что он из себя представляет и сколько у них этой техники? – поскучнел лицом Дарий, заметив, как удивленно глянул на него визирь.

Не хватает в Персии образованных людей. Это у него в учителях европейцы были, и далеко не из последних. А тот же визирь кроме финикийского да греческого даже языков других не знает. Как ему объяснить, какая техника у предков существовала.

Разве что картинки показать, как ребёнку малому, да самому читать, что под ними написано.

Дарий досадливо поморщился, вспоминая, сколько раз он поднимал перед жрецами этот вопрос. Так уж сложилось, что в стране они за образование отвечают, при этом считая, что изучения правил письма и счёта для человека вполне достаточно. Для детишек самых богатых граждан в столице пара частных школ открыта. Если их закончить, да язык выучить, то можно и в университет попасть где-нибудь в той же Франции или Германии. А него в Персии такие учреждения только зарождаются. Может лет через пять или десять они и появятся, если жрецы в очередной раз не станут мешать.

– По моим каналам таких сведений не поступало, – смутился визирь, не зная, что и ответить царю.

Откуда ему знать, что в России творится. Для этого другие службы существует. А он больше финансами и торговлей занят.

– А ты купцов поспрашивай, которые недавно из России вернулись. Ты же со многими из них дружишь, – прищурил Дарий глаза в усмешке, давая понять визирю, что кое-что о его личной жизни ему известно, – Они народ наблюдательный. Может и видели что интересное. Есть же у нас такие?

– Есть, как не быть. Сегодня же расспрошу, – воспрянул духом чиновник, сообразив, что может оказаться полезным царю ещё в одной ипостаси.

– Вот и не тяни с этим. А то вояки у нас забуксовали. Утверждают, что без защиты от атак с неба весь их поход обречён на неудачу. Ещё воевать не начали, а уже потери несём. Тщательно купцов расспроси. Наверняка те, кто в русской столице торговал, что-нибудь необычное да приметили или услышали.

Проводив взглядом пятившегося к выходу чиновника, Дарий задумался.

Франки известные пройдохи. Вон как ловко они с кочевниками сделку по продаже оружия провели, да ещё так повернули, что вынудили их к нему за помощью обратиться. Через год – другой он наведёт в степях порядок. За это время урусы степняков обескровят прилично, а там и его кавалерия себя покажет. Как гребнем по всей степи пройдётся, выискивая недовольных среди баев и расправляясь с ними без всякой жалости.

Первый шаг сделан. Персия выйдет на берега Волги. А кочевники, ну что, они расходный материал. Главное, чтобы Персия не стала играть потом такую же роль для франков.

Ничего. Об этом можно и позже подумать, а пока… Дарий

ещё раз погладил шёлковое полотно, а потом положил растопыренную ладонь на ткань. Именно так пойдёт его кавалерия по степям. И быть ему ещё при жизни Шахиншахом – Царём царей.

Но как же не вовремя этот русский самолёт появился…

* * *

Расследование убийства Второва шло ни шатко, ни валко.

Я, благодаря связям охранного агентства, был в курсе происходящего.

Типичный «глухарь», где толком и зацепиться не за что.

Впрочем, отсутствие хоть каких-то следов и свидетелей говорило само за себя. Работали профессионалы. На месте происшествия побывали и специалисты из охранного агентства и люди Степана, но всё напрасно. Никаких зацепок. Словно невидимки из ниоткуда появились, и так же неприметно исчезли. Ни следов от обуви, ни клочка ткани или окурка, и ни одной живой души, кто бы видел хоть какое-то подобие подозреваемых.

Большой неожиданностью для меня оказался звонок следователя. Старого знакомого, того самого, который как-то раз меня из тюрьмы отпускал.

– Олег Игоревич, нам надо бы встретиться, – сразу приступил он к делу, как только я понял, с кем говорю, после пары его напоминаний о минувших событиях, – Как вы смотрите на то, если мы вместе пообедаем в ресторане «Славянский базар», скажем сегодня, часика в два.

– Хорошо. Обязательно буду, – спокойно ответил я в трубку, морща лоб и решая очередную шараду.

Звонок сам по себе необычный. Обращение тоже. Да и само приглашение…

Как-то всё не так происходит. С чего бы позвонивший следователь так себя повёл? Да и не представился он, дав мне намёком понять, кто со мной говорит.

Первой мыслью у меня была возможность ловушки. Но тогда звонивший всяко – разно соблюдал бы положенные по этикету фразы. И уж никак не в ресторан бы меня, князя, пригласил. Такую нелепость вряд ли кому в голову пришло сотворить. Нет, тут что-то важное происходит, раз следователь на все правила поведения задвинул.

В общем, в ресторан я собирался, как на военную операцию. Даже комплект трофейный, тот, что для убийства архимагов предназначен, с собой прихватил.

Первыми в ресторан просочилась четвёрка моих охранников. И лишь после их сигнала, пошёл я.

Мой знакомый сидел в отдельном кабинете один, и похоже, немного увлёкся алкоголем, судя по графину с водкой, плескавшейся на самом дне. Выглядел следователь не очень. Красные глаза, чуть съехавший галстук, вылезшая из-под обшлага, больше чем надо, манжета с расстёгнутой пуговицей.

– А, приехали, Ваше Сиятельство, – поднял на меня следователь далеко не трезвый взгляд, когда я зашёл в кабинет, – А я вот свой отъезд изволю праздновать. В Иркутск, на повышение отсылают. Не приходилось никогда в Иркутске бывать?

– Не довелось, – ответил я, присаживаясь.

– А я как-то раз по молодости побывал. По нынешним временам жуткая дыра.

– Провинились в чём-то?

– Если бы провинился, то досрочно следующего чина я бы не увидел. Нет, тут другое. Слишком глубоко копать я начал по делу вашего Второва.

– Интересно. Вы-то там каким боком? Вы же Одарёнными занимаетесь.

– То-то и оно. Маг там был, может и не один. Очень искусный, должен заметить. Вот скажите, к примеру, смогли бы вы так магией берег речушки обработать, чтобы там ни следов, ни запаха не осталось, да ещё и чтобы в глаза изменения не бросались.

– Вряд ли. Со следами и запахами, допустим, я бы справился, а вернуть первозданный вид на берегу уже не смог бы, – прикинул я возможности своих заклинаний.

– А он смог. Пусть не совсем первозданный, но очень на то похожий.

– Даже представить не берусь, как это возможно.

– А он снежком, снежком всё присыпал. Малость не угадал, правда. Снег-то вокруг подтаявший был, а у него крупинками вышел.

– Хм, вроде уже не было снега, когда я прилетел к ним, – попытался я вспомнить события той ночи, когда Светку спасал от родственников и жениха.

– Был. У речки в низине был, а в кустах ещё и вовсе сугробы лежали.

– Понятно. И что же вы в таком случае накопали, если не секрет.

– Я другим путём пошёл. Решил поискать, кому смерть Второва выгодна могла быть, а заодно поискал, не перебежал ли он кому дорогу. Вот тут-то у меня и произошёл первый разговор с

заместителем нашего начальника. Он мне чисто по-отечески посоветовал дело закрыть, да за другое приниматься, а я его не послушал.

– Это что у вас, заместитель самый главный?

– Так оно и есть. Начальнику два месяца до пенсии осталось. Ждёт не дождётся, когда можно дела будет сдать и к себе в крымское имение уехать. Косточки погреть на старости лет, как он изволит выражаться.

– Бог с ним, с вашим начальником. Нашли-то что?

– Черновики купчих мне в руки попали.

– Дайте дальше сам попробую догадаться. В них указано, кому заводы Второва за полцены будут проданы. Так?

– Можно и так сказать, что за полцены, а можно и по-иному рассудить.

– Это как, по-иному?

– Если рассрочку платежей на пятнадцать лет дать, то за это время заводы сами себя выкупят, и с лихвой. Прибыль, я полагаю, они немалую приносят?

– Хорошую, – согласился я, – И кто в счастливых покупателях значится?

– Разные неизвестные никому товарищества. И вот тут-то начинается самое интересное. Там мудрёные цепочки вроде бы построены, но так или иначе, ведут они к одному и тому же лицу, точнее к его банку. Вам фамилия Морозов что-нибудь говорит?

– Ну, как же. Известный промышленник.

– И не только промышленник. Он ещё и лучший друг нашего заместителя. То его жене на год абонемент в ложу театра подарит, то его дочке, между прочим, своей крестнице, колье бриллиантовое вручит на совершеннолетие, то сыну оплатит учёбу в германском университете. Чистый благодетель, да и только.

– Друг-то он давний получается, раз крёстным у дочери был, – выловил я из разговора слово, что царапнуло мне слух.

– А я слышал, что у Морозова хватает таких друзей. Неспроста наш зам себе так легко карьеру сделал. Сегодня один тебе помог, завтра ты ему, а там понемногу все его протеже в рост пошли. Впрочем, где надо, там и сам Морозов подключится, переговорит, с кем нужно. Большой вес человек в стране имеет.

Ого! Вот это я понимаю! Крут промышленник, раз в такие дальние перспективы смотрит. Помнится мне, даже князь Гончаров о Морозове с уважением отзывался, и тоже что-то про благодетеля упоминал. Ах, да. В связи с камвольным комбинатом.

– И что, не дал вам заместитель вашего начальника с промышленником поговорить?

– Какое там. Только я этими товариществами занялся, как меня тут же от дела отстранили, а на следующий день переводом на новую должность назначили. В этот самый Иркутск. С приказом выезжать срочно. Там как раз неделю назад начальника управления убили.

– Как убили?

– Говорят, вечером из винтовки в окно пальнули.

– Этак и вас убить могут.

– Могут. И никого это не удивит, – уныло согласился следователь.

Оп-па. А настроение-то у собеседника траурное. Похоже, чувствует он, что новое назначение добром не кончится.

– Вы же Одарённый? – уточнил я на всякий случай.

– Да, шестой ранг имею.

– Тогда пождите минуту, – поднялся я из-за стола и пошёл в зал ресторана, высматривая свою охрану, рассевшуюся по углам, – Вот. От меня вам подарок, – вернулся я через пару минут, держа в руках массивный кулон на цепочке, забранный у одного из моих охранников, – Полагаю, вашей Силы хватит, чтобы подзаряжать эту штуку раз в день. Неплохой Щит. Выстрелов на пять его хватит, даже если по вам в упор садить начнут.

– Надо же, – повертел в руках следак необычное украшение, – Ходили слухи, что не так давно у Императора нашего что-то похожее появилось.

– Слухи на этот раз не обманывали. Так что пользуйте на здоровье, но подзаряжать не забывайте, – улыбнулся я, глядя, как бережно он убирает мой подарок во внутренний карман.

На самом деле я точно не знаю, что Императору сделали. Кулон, который я следователю подарил, наша собственная разработка. Пока экспериментальная и не для всех. Есть там некоторые решения, какие нам ещё рано светить. Впрочем, я даже не знаю, что с ними делать. То ли патентовать, то ли к разряду секретных относить. Мы серьёзно продвинулись в плане компактности и мощности, вовсю применяя свои множители и каскадное подключение накопителей.

– У меня тоже для вас подарок имеется, но получите вы его у себя, в Бережково. Посылка на ваше имя из Ярославля на днях почтой придёт. Там я вам копии кой-каких документов выслал. К сожалению, оригиналов уже не найти. Пожар, знаете ли случился, и как раз в том учреждении, где некоторые интересные товарищества были зарегистрированы. Но я успел копии снять. Думаю, вам интересно будет с ними ознакомиться.

– Сдаётся мне, что вам будет ещё интереснее, если я с ними

Морозова ознакомлю, – попробовал я улыбнуться, но сам понял, что улыбка у меня нехорошая вышла, больше на оскал похожая.

– Прижать через Императора его хотите?

– Ну что вы в самом деле. Просто поговорю по-дружески. Есть у меня способы правду узнать.

– А не побоитесь?

– Ну вы же не побоялись мне документы отдать? Кстати, зачем? Или, скорее всего, почему?

– Дочь у меня тут, в столице живёт. С женой я в разводе. Не вынесла она моей работы. Если уеду в Иркутск, а я уеду, так как деваться мне некуда, то она её быстро по-своему перевоспитает и на свою сторону перетянет. Представить себе не могу, что когда-нибудь я вернусь, а дочь на меня, как на чужого дядю будет смотреть.

– А с женой помириться?

– Поздно. Она себе уже другого нашла, да и не уживёмся мы. Постоянно ссоримся, даже если встречаемся изредка.

– Ну что же, счастливого пути вам, и берегите себя.

– Вы бы тоже, князь, побереглись. Игра по-крупному пошла. Слышал я, как вы с Юсуповым вопрос решили, оттого мы сегодня и встретились. А, впрочем, чему мне вас учить, – махнул рукой следователь, – Вы птица высокого полёта, не то что мы, земноводные.

Из ресторана я вышел, пытаясь побороть тик. С чего-то щека сама по себе задёргалась.

Что же мне спокойно-то не живётся, а…

Глава 67

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» Эту народную мудрость я сам себе ворчал под нос, когда обходил свой подземный центр.

Тут вовсю идёт монтаж оборудования, а кое-где уже работают станки, нарабатывая в запас заготовки будущих изделий. Хорошее освещение создаёт иллюзию обычных цехов, порой не слишком отличающихся от тех, которые я недавно осматривал при поездке по сталелитейным заводам.

Но меня гораздо больше интересуют не обычные станки, а недавно запущенная установка по производству сапфирового стекла, работу которой я ещё не видел.

Пройдя длинным коридором, а затем и через пару залов, мы попали в небольшое помещение с застеклённой стеной. За ним, за этим стеклом, располагался цех, где шесть печей, в стерильной чистоте, варили сапфировое стекло.

Если пересказать то, что мне объяснили, своими словами, то процесс изготовления сапфирового стекла покажется не таким уж и сложным. Надо всего лишь разогреть сырьё, обычную окись алюминия, до двух тысяч градусов, а затем добавить в расплав небольшой кристаллик сапфира. В итоге из печи вылезет здоровенная стеклянная булдыга, размеромнемного больше трёхлитровой банки. Это и будет монокристалл сапфирового стекла. Потом его начнут пилить на тоненькие диски и полировать их. Один такой диск мне предложили взять со стеклянного стола. Я какое-то время двигал его по столу, пробуя оторвать. Бесполезно. Он словно примагничен был к поверхности стекла. Хорошо ещё, что я быстро догадался сдвинуть его к краю и там зацепиться пальцем за высунувшуюся часть.

– И что в нём необычного? С виду стекла, как стекло, – повертел я в руках тоненький диск, осмотрев его на отблеск и на просвет.

– В твёрдости. Царапины на нём, пожалуй, только алмазом можно оставить. Наш бывший хозяин Меркулов считал, что твёрдость исходного материала и его свойства сохранять в себе Силу, величины связанные и зависимые. Впрочем, это не только его точка зрения. Многие исследователи ещё раньше пытались подвести под это какую-нибудь теорию, но насколько я знаю, не преуспели особо. По крайней мере в научных кругах их теории не оценены в полной мере и однозначно всеми принятого мнения до сих пор не существует, – забавно картавя, просветил меня достаточно молодой начальник участка, с подозрительно

знакомой фамилией Рабинович.

– Обучались где-то или в частном порядке интересовались вопросом? – спросил я, оборачиваясь, чтобы хорошенько разглядеть и запомнить этого человека.

У меня до сих пор кадровый голод. Специалисты нужны, как воздух.

– Недоучился. Меня покойный Меркулов с третьего курса техномагического факультета сманил высокими заработками, а потом, сами понимаете, как всё вышло.

– Это чем же вы ему так приглянулись?

– Да вот, как раз своей работой по сапфировому стеклу. Написал для одного журнала, а через неделю с Меркуловым познакомился.

– Не понял. Я что-то не замечаю никаких техномагических агрегатов на вашем участке, – ещё раз внимательно осмотрел я через окна в стене ближайшую ко мне установку.

– А их у нас и нет. При Меркулове я был заведующим лабораторией. Когда заводы сменили хозяина, то пришлось стать обычным мастером. Лабораторию мою новые хозяева не посчитали нужной, решив довольствоваться тем, что уже было наработано. Жаль. У меня в ней многое оборудование можно отнести было к уникальному. Но с наукой, при переезде на Ямал, пришлось расстаться и заняться самим участком. Так потихоньку и рос по производственной линии.

– Как считаете, могло у вас что-то из лабораторного оборудования сохраниться на старом месте?

– Представления не имею. Ходили слухи, что в тех помещениях что-то новое производить собирались, но вроде бы дальше разговоров дело не пошло.

– Хорошо, я попробую узнать, как там дела обстоят. Если те помещения не успели разграбить, то можно будет попытаться спасти, что ещё можно.

– Было бы здорово. Двери у меня там надёжнейшие были, а ключи от них я до сих пор храню.

– Тем более. Обязательно разузнаю, – пообещал я мастеру.

Скажу честно. Особого впечатления на меня получение сапфирового стекла не произвело. Голимые технологии, пусть и с запредельными температурами. Куда интереснее оказался участок подготовки сырья. Особенно мельница, работающая на сжатом воздухе, разогнанном до сверхзвуковых скоростей. Подхваченные воздушным потоком мелкие песчинки ударялись о било, а потом устремлялись в систему аэрофлотации, сами разделяясь в полёте на нужные фракции.

Про то, что я что-то забуду, можно не волноваться. Аю тут

как тут. Стоило мне только появиться в расположении подземного центра, как она моментом нарисовалась, не прошло пяти минут, и бродит теперь вслед за мной, записывая в блокнот всё, что бы я не сказал.

У японцев как раз дела неплохо обстоят. Вроде и работают они без лишней суеты, а получается у них всё очень быстро. Я себя поймал на мысли, что организация работ в японском секторе центра мне напоминает муравейник. Все заняты своим делом и ни на что другое не отвлекаются.

– Как ваши люди устроились? – обратился я к японке, когда мы направились к центральным помещениям.

– Благодарим вас, у нас никогда не было таких надёжных домов, – сложила перед собой ладошки девушка, поклонившись.

– Не за что, – пробурчал я, впечатлённый этим трогательным жестом, – Дальше меня сопровождать не надо. Все необходимые распоряжения я сегодня уже сделал.

Ещё раз поклонившись, Аю застучала сандаликами по коридору, возвращаясь в свой сектор, а я направился в святая святых подземного центра, в операторскую энергоблоков.

Японке тут нечего делать. Вопрос даже не в том, считаю я её японской шпионкой или нет.

Скорее, нет, чем да. Степан говорил, что контроль за японцами у нас вполне достаточный, и кроме того, по его инициативе наши алькальды провели с жителями Страны Восходящего Солнца несколько бесед. В них они подробно рассказали, по каким законам живёт и существует Российская Империя, сделав особый упор на статьях, касающихся шпионажа и разглашения государственной тайны. Заодно и подписки соответствующие всем новым работникам оформили. Кроме того, в подземном центре, в столовой и в «японском» посёлке появились железные опечатанные ящики. Японцам объяснили, что в них можно бросать письма, которые обязательно попадут лично князю в руки. Пока таких писем было три. Написаны все корявыми русскими буквами. В двух мне пожаловались на непривычное питание и отсутствие общей бани, в которую японцы привыкли ходить не порознь, а все вместе. То есть, мужчины и женщины у них раньше мылись все в одном помещении. Зато третье письмо заставило принять срочные меры. Слишком рьяно и активно один из охранников добивался внимания совсем юной японки, порой буквально не давая ей прохода.

С любителем восточной экзотики провели беседу, а потом отправили его в охрану речного порта, подальше от искушения.

Для привычного им питания пришлось приобрести вагон

риса. Зато с баней я всё оставил так, как есть. Пусть привыкают, или отвыкают. Короче, нечего к нам со своим укладом лезть.

Вроде бы мелочь, но позже я обратил внимания, что японцы стали мне кланяться чуть ниже, и глядят на меня без того затаённого страха, который раньше прямо плескался у них в глазах.

Энергоцентр поземного города, а пожалуй, мой новый объект вполне может претендовать на такое название, у нас ещё строится. В том смысле, что работает он пока на одну двадцатую своих возможностей. И ладно бы, если речь шла просто об энергии, что магической, что электрической, в которую её преобразовывают турбины, раскручиваемые воздухонагнетателями. Теми же самыми, что мы используем в магодвигателях. Да, вот такой простенький выход мне подсказали учёные из ведомства Мещерского, которому я однажды пожаловался на трудности с электроснабжением. Пока у нас всего четыре таких установки. Это максимум, на который удалось набрать турбин, выпускаемых петербургским заводом «Силовые машины» в очень малых количествах. Пожалуй, и они бы нам не достались, если бы я не стал не так давно хозяином сталелитейных заводов. Другими словами – основным поставщиком металлов и сплавов для петербужцев.

Мощность и надёжность газовых турбин особого доверия ещё ни у кого не вызывает, оттого и не идёт единственный завод – монополист в рост. Перебивается случайными заказами.

Впрочем, энергетика центра ещё не самая большая тайна подземного города, как мне кажется. Почему кажется? Так никто же уверенно не скажет, что мы нашли на минус пятнадцатом ярусе.

Мы лишь со временем разобрались, что ствол нашей шахты уходит глубоко вниз, словно морковка, и не думает заканчиваться, даже тогда, когда кажется, что теперь-то уж точно всё. Ниже ничего не найти. Вот и нашли. Теперь даже не знаю, то ли радоваться, то ли к Императору бежать.

К слову сказать, к Императору не хочется. А ну, как отберут у меня такое замечательное приобретение, в которое уже вложена куча времени, нервов и денег.

Короче, сначала на минус двенадцатом уровне нам попались какие-то цистерны непонятного назначения. Вместо труб к ним шли охренительного размера провода, выполненные из меди, а сами цистерны были наглухо заварены и замурованы в бетон. Степан, когда эти циклопические бочки увидел, в шутку сказал, что они очень похожи на электролитические конденсаторы – переростки. Шутка получилась не смешная. Чем больше мы

изучали, что нам досталось, тем больше склонялись именно к этой версии. Да, это конденсаторы. Шестнадцать здоровущих железяк, каждая размером с железнодорожную цистерну, были соединены параллельными медными шинами. Медь частично окислилась, но так как перемычки были толщиной чуть ли не с телеграфный столб, то особого разрушения время не произвело. Следуя за этими «проводочками», наши исследователи прошли вниз на следующие уровни и на минус пятнадцатом нашли тоннели. Они расходились веером. По ним, в беспросветную даль, уходили целые связки могучих кабелей, в шесть рядов пущенные вдоль стен. Мне даже себе страшно представить, какую прорву электричества предки собирались передать по этим тоннелям неведомо в какие дали.

Если я правильно понял задумку предков, то они собирались с помощью электричества, накопленного в конденсаторах, создавать целые серии сфокусированных подземных толчков. Как тут не вспомнишь Спитак, и те триста тысяч населения, которые тогда погибли при землетрясении.

Даже преподаватели в нашей Академии, и те до сих пор спорят о его причинах. Одни утверждают, что это всё-таки было испытание геофизического оружия, другие говорят про компромиссный вариант, полагая, что одни факторы сложились с другими и испытание вышло из-под контроля, а третьи категорически опровергают само существование у предков таких инструментов воздействия на природу, считая их выдумкой. Я могу сказать лишь одно – работы в этом направлении проводились и мой подземный город тому свидетельство.

* * *

– Давай, давай ещё, наподдай, – зычно командовал старшина бойцами, сооружавшими на склоне холма укрытие для самоходного орудия.

– Корячимся, как проклятые, а откель известно, что персы именно сюда пойдут, – проворчал один из бойцов, когда здоровенное бревно всё-таки заняло своё место.

– Чудак – человек, – отозвался другой боец, постарше, – Трактора видал вчера как землю пахали, да ещё и воду потом на пашню подали, речку запрудив. Ты там пешим теперь не пройдёшь. Вмиг сапоги оставишь, в жижу ухнув. Одна теперь дорога осталась, на многие километры. Ты не смотри, что речушка здесь мелкая. Она ещё и дюже топкая. На мокром солончаке даже кони себя так поведут, как корова на льду. А

ниже плотины овраг начинается. Вот и думай, смогут персы нас обойти или нет.

– Дядько, а зачем мы на холме арену сооружали? – спросил у ветерана совсем молоденький белобрысый паренёк.

– Про то сам гадаю. Первый раз такое делаем. Оно, вродь бы, как для командования сделано, но опять же, те себе вон на той высотке наблюдательный пункт уже оборудовали и зачем тут круг им вдруг потребовался, бруствером обнесённый, то мне самому неведомо.

– Сметут нас отсюда, – предсказал угрюмый здоровяк, которого все звали не иначе, как Кручина. Умел он во всём происходящем всегда находить печальные моменты, – Мне сказывали, что у перса-то артиллерия, не чета нашей. Посурьёзнее калибры будут. Подтянут они свои стволы, да как жахнут. Тут нам всем и трындец настанет.

– А наши их с дирижаблей… – послышался весёлый голос из небольшой группки курильщиков, отошедших в сторонку, чтобы подымить всласть.

– Гуторили на центральной заставе, что чуть ли не дирижабль самого князя Константина персы недавно едва не сбили. Насилу он до лётного поля дотянул. Вроде, как есть у них для того пушки специальные, – не успокаивался Кручина, поглядывая в сторону полевой кухни, вокруг которой суетились повара, а ветер порой доносил до бойцов соблазнительные запахи.

– Заканчивай перекур, – скомандовал старшина, затаптывая свой окурок, – Вы четверо здесь землицей всё присыпьте, – указал он пальцем на группу курильщиков, – А остальные айда себе окопы копать. Нам тут насмерть стоять придётся. Так что филонить не советую. Чем глубже окоп, тем дольше жизнь солдатская.

* * *

Опробовать возможности боевой звезды мне предложил Шабалин.

Когда из Камышина мне, как Главе Совета Архимагов, пришёл официальный запрос, я решил с ним посоветоваться.

Положение у моих знакомых аховое. Империя не успевает отреагировать на неожиданную угрозу. И вроде бы откуда-то из Сибири должно вскоре прибыть подкрепление, но персы-то вот они. Уже рядом. И дай им только зацепиться даже за небольшой кусочек берега Волги, как у всего региона жизнь изменится.

Сказать по правде, услугами архимагов вояки уже давно не

особо пользуются.

Да, бывают случаи, когда какой-то из видов магии оказывается востребован, но чаще всего армия обходится своими силами.

А князей прижало. Армия не скоро на помощь придёт, а у самих силы невелики, да ещё и распылены на сотни километров по множеству мелких застав.

Направление первого удара удалось узнать благодаря самоотверженным действиям дирижабля – разведчика. Если что, то это был мой старый знакомый, тот самый «Айвенго». Нашли они персов, а когда стали подходить ближе, чтобы сделать качественные фотографии, то попали под мощный огонь зениток. Только решительные действия пилота, сбросившего разом весь балласт, позволили им выбраться живыми. «Айвенго» в считанные секунды взмыл вверх на высоту, уже недоступную вражеским орудиям.

После проведённой разведки князья начали тянуть время, всячески замедляя продвижение противника, и готовя ему достойную встречу. Но силы очень неравны. Даже если полностью оголить границу и бросить все резервы в решающее сражение и то шансы на победу оказались бы зыбкими. Сильно мешал фактор, не поддающийся учёту, а именно – количество степняков, сопровождавших армию персов. Наша разведка так и не смогла установить их точное число, расходясь в оценках почти в три раза. Так что непонятно, то ли их две – три тысячи, то ли восемь – девять, а то и все десять тысяч.

Пока основная часть армии персов шла от Атырау в сторону озера Баскунчак. Другие отряды, гораздо менее многочисленные, продвигались вдоль Каспия к Астрахани.

План военной операции князья разработали практически без моего участия. Нет, ну в самом деле, смешно было бы, если бы курсант – недоучка стал указывать генералу и капитану – фронтовику, где и что нужно делать. Так что я тактично просто присутствовал при обсуждении, осознал, какие действия от нас требуются, да и пошёл себе к магам.

Сложившуюся боевую звезду пока полноценной трудно назвать. В ней будет три мага, вполне соответствующие уровню архимагов, а остальные двое – это уверенные «десятки». Ну, и я, шестым пристроюсь в сторонке. Случись что неожиданное, всю звезду дополнительными Щитами прикрою, обеспечивая отход к ожидающему их дирижаблю, а то, глядишь повезёт, и по противнику врежу.

– Что решили? – встретил меня Шабалин вопросом.

Нервничает Наставник. Перед нашим шатром целую

тропинку в траве вытоптал, бегая взад – вперёд.

– Диспозиция практически не изменилась. Персов постараются задержать до вечера. Там уже сапёры на минирование вышли, и пара мобильных групп на грузовиках выскочила. Постараются так подгадать, чтобы они к нашей речушке в сумерках подошли. Разведку мы не пропустим. На то снайпера и пулемётчики есть, а сходу, да по темноте, они не сунутся, особенно если мы пару – тройку артиллерийских стволов обозначим. Встанут на ночёвку, как миленькие. Тем более, тут по округе не так-то и много мест, где лагерь можно разбить. У них коней безумное количество, а им всем вода нужна. Так что придётся им хоть как лагерем там становиться, где мы их и ожидаем.

– Дальше без изменений?

– Практически, да. Нам добавили пятёрку пилотов в МРК (мобильный разведывательный комплекс). Князь Константин расстарался, из столицы из выпросил. Они будут дублировать корректировку. Луна нынче ночью тонюхоньким серпом взойдёт, так что летать им под эликсиром ночного зрения придётся. Вы отход репетировали?

– Три раза уже сбегали. Ты не поверишь, но Антон, на которого я не особенно рассчитывал, последним ни разу не пришёл, – с затаённой гордостью известил меня Шабалин.

Ну, так-то, да. В Семье Рюминых Шабалин немало лет проработал. Успел к деткам привыкнуть. Чуть не за своих их считает. А за Антоном он особенно ревностно присматривает. Успел Антоха до архимага вырасти. Он, да та дамочка, которую я взял на свой страх и риск, больше всех остальных жилы рвали. Отсюда и результат. Впрочем, за всеми ними Шабалин присматривает. У меня времени, как всегда, не хватает.

– Выдвигаться будем, как только первые выстрелы услышим. У них впереди сотни две – три степняков идут. Пока наши их встретят да положат, пока они следующих пошлют, тут и мы потихоньку подойдём.

– До артиллерии сегодня дело дойдёт?

– Вполне возможно. Персы с собой под сотню стволов тащат. У нас тоже есть полтора десятка самоходок, десятка три сорокапяток и шесть орудий по сто двадцать миллиметров. Заодно наши им полосу в полкилометра шириной в сплошное непотребство превратили. Болото не болото, но жижа жутко неприятная, да ещё и колючкой обвешана.

– О, а я-то думал, для чего грузовики сюда колья везут, – радостно отозвался Антон, потирая руки, – Ну, зададим мы сегодня жару.

– Не хвались, едучи на рать, – оборвал я его старинной поговоркой, проглотив вторую её часть.

Как-никак, а среди нас дама. Не положено при ней непотребно выражаться. Впрочем, судя по тому, как она ухмыльнулась, то продолжение поговорки ей известно не хуже всех остальных.

– Каково предполагаемое соотношение сил, Ваше Сиятельство? – спросил меня один из магов – «десяток», тот, что постарше.

– Про артиллерию я уже сказал, разве что не уточнил, что у персов калибры побольше наших будут. Впрочем, судя по фотографиям с «Айвенго», пушки у них короткоствольные, а количество восьмиконных упряжек невелико.

– П-простите, я человек не совсем военный, – чуть заикаясь, вмешался в разговор маг помоложе, – А при чём здесь упряжки?

– Да всё просто. Восьмиконная упряжка обычно используется для орудий калибром в сто пятьдесят два миллиметра. Все остальные обходятся меньшим количеством.

– На какую дистанцию стреляет их артиллерия? – покосился Шабалин на заику, однако замечание ему делать не стал.

– Теоретически километров на восемь – девять. Но только не в нашем случае.

– Вы можете указать им д-дистанцию? – поинтересовался заика, с явным недоверием.

– Артиллерийские корректировщики. Без них стрельба практически бессмысленна. Радиосвязь мы им заглушим, хотя имеются сомнения, что она у них вообще есть, а провода, ну, пусть тянут. Мест для этого немного и они пристреляны. Думаю, самоуверенность и желание встать поближе к основному лагерю артиллеристов подведёт. Встанут они, как мы предполагаем, километрах в пяти от нас. Ближе просто нет воды для тягловых животинок. А таких мест всего два. Думаю, они разделятся и там будут обустраиваться. Впрочем, это мы скоро узнаем.

– Простите, Ваше Сиятельство, но вы так и не сказали про соотношение сил. Одной артиллерией ограничились, – снова задал тот же вопрос маг постарше.

– На самом деле, соотношение неплохое. У персов войск тысяч двадцать – двадцать пять. Их поддерживает пять – семь тысяч степняков. А у нас почти девять с половиной тысяч. Выстоим.

– Э-э-это неплохое соотношение? – зазаикался молодой маг чуть больше обычного.

– Если вы справитесь с их артиллерией, то у меня даже сомнений в нашей победе нет. Смотрите, как всё выглядит, –

подозвал я всю звезду к костровищу, где уже были заметны приготовления к шашлыкам и почти готовы угли, – Если смотреть сверху, то наша речка протекает следующим образом, – начал я водить прутиком по утоптанному песку, – В обе стороны от брода пройти её сходу – дело гиблое. И так-то там места не очень, так ещё и вояки постарались. Ни пеший, ни конный тут с разбегу не пройдёт. Полкилометра, а то и больше, будет грязь по колено месить, да с колючей проволокой воевать. Согласитесь, под огнём десятков пулемётов, да полусотни снайперов на каждом километре – это весьма сомнительное удовольствие. Дальше, в километре ниже по течению реки овраг начинается. За ним тоже присмотрят. Зато наш берег чуть повыше будет, и холмики тут, пусть и небольшие, но есть. Там уже оборудованы укрытия для нашей артиллерии и стрелков. Хочешь не хочешь, а придётся персам идти через брод. Скажу сразу – это бесполезная затея. Выход у них только один – расчистить себе дорогу артиллерией.

– Так у них столько пушек. Как начнут палить, – высказался Антон, морща лоб и рассматривая мой рисунок.

– Просто так? В никуда? Ты считаешь, что у них снарядов сколько хочешь? Так вот нет. Судя по полученным фотографиям, с боеприпасами у них туговато. Может, не столько с боеприпасами, сколько с транспортом для их доставки. Не будут они в белый свет палить почём зря. Поберегут боеприпас.

– О, стреляют вроде, – вскинулся Антон, прислушиваясь.

– Это наши дальние дозоры разведку отгоняют. Персы степняков во все стороны посылают на пару часов пути. Так что тащите ваше мясо, как раз успеем шашлык приготовить.

* * *

Сейед Мусави легко спрыгнул с коня и направился к спешно устанавливаемому навесу. Небольшая остановка в пути. Судя по поднявшейся суете, наконец-то получены хоть какие-то сведения об урусах. Вон и бунчуки тысячников потянулись к центру. Сердце радостно встрепенулось, застучав сильнее обычного.

Битва. Бой. Что может быть красивее и радостней.

Бьют барабаны и тулумбасы, свои, у каждого рода войск. Нарядно одетые герольды из всех сил дуют в трубы. И всё перекрывает могучий рёв орудий. Нет милее в мире зрелища, чем непобедимая персидская армия в наступлении.

Пока поход складывается лично для него на редкость удачно. Вчера прискакал гонец с хорошей новостью. На море погиб его далёкий родственник, тот самый, с кем пришлось бы делить

захваченные земли. Зная его жадность и наглость, миром у них бы не получилось разойтись. Обязательно бы поссорились, выясняя, за кем будет выход Волги на Каспий. А теперь это будут его и только его земли. Бескрайние, богатые и с собственным выходом на море.

Сведения об урусах персидская разведка собирала долго и тщательно. План наступления выверен и судьба низовьев Волги предрешена. Нечего урусам противопоставить той силе, с которой он пришёл. Да, потом надо будет отстаивать уже свои владения, но на эту тему у него уже был разговор с французским послом.

– Я недавно летал в Париж и специально ради вас встречался с очень влиятельными людьми, – важно говорил ему забавный расфуфыренный толстячок, смешно вытягивая губы, – Как только вы построите крепость на берегу Волги, так вам сразу же доставят большое количество великолепных артиллерийских орудий. Одного попадания их снаряда будет достаточно, чтобы утопить любой корабль руссов. С таким оружием вы будете непобедимы.

– Большое количество – это сколько единиц? Что это будут за орудия и сколько они будут мне стоить? – нетерпеливо поспешил уточнить Сейед, зная характерную способность посла давать крайне расплывчатые обещания, которые потом можно истолковать, как хочешь.

– Крепостные мортиры и гаубицы большого калибра. Скажем, десятка три, для начала. Цену я сейчас не скажу, её согласовывают в министерстве, но какое значение имеет цена за те вещи, которые нигде больше ни за какие деньги не купишь? Не руссы же вам пушки станут продавать. А отношения с Германией и Турцией у Персии не настолько хороши, чтобы вы у них могли купить что-то подобное.

Поморщившись, Сейед Мусави вынужден был признать, что посол прав. Не купить ему больше нигде ничего приличного.

– Что вы подразумеваете под большим калибром? Сто двадцать два миллиметра? – постарался он удержать недовольную гримасу и задал следующий вопрос, лишь для того, чтобы скрыть свою досаду.

– Сто пятьдесят и двести, – ответил ему француз с улыбкой превосходства, – Думаю, вам не стоит объяснять, что говоря о калибрах без лишних хвостиков, мы говорим о современных орудиях.

Сейед лишь кивнул в ответ. Этот вопрос он знал. Наставник ему как-то раз все уши прожужжал, рассказывая историю развития вооружений разных стран.

Да, прошла у военных мода, измерять калибры оружия в непонятных никому дюймах. Первыми немцы с русскими

отказались от чуждых им единиц измерения, перейдя на метрическую систему, а лет десять назад и французы от дюймов отказались. Как ему объясняли советники, изготовителям оружия такой переход только на пользу пошёл. Стало меньше погрешностей при измерениях, допуски стали жёстче, да и необходимость в специальной дюймовой оснастке пропала. Впрочем, зарекомендовавшие себя орудия так и продолжают делать по старинке. Взять те же русские трёхдюймовки. Видимо решили урусы, что это орудие им удалось, а то и снарядов понаделали к трёхдюймовкам столько, что их запасов на долгие годы хватит.

Снаряды. Сейед мельком глянул в хвост колонны, растянувшейся на многие километры. Его даже не было видно за холмами. Где-то там, в самом конце колонны везут снаряды. Их не так много, как ему хотелось бы, но даже это количество прилично тормозит продвижение армии. Дорог у кочевников нет, а караванные тропы зачастую оказались непригодны для персидских повозок. То они узкие, то вдруг выложены такими каменюками, что проще колесо у повозки сломать, чем через такой камень переехать.

Ну, ничего. Не надолго дороги останутся в таком состоянии. Дайте только ему во власть придти, и те же кочевники, хотят они того или нет, начнут тут строить дороги. Он, Сейед, их на себе камни таскать заставит, если нужно будет.

Хищно прищурившись, Сейед сильно ударил камчой зазевавшегося солдатика, заступившего ему дорогу. Ишь, уставился на съезжающихся военноначальников, даже рот открыл. Похоже, это один из тех новобранцев, которых Сейеду навязали, когда он потребовал усилить его отряды перед походом. Вчерашний дехканин. И таких у него под началом почти половина.

– Какими известиями порадуете? – негромко спросил Сейед, заходя в тень навеса.

– Досточтимый и Непобедимый, – разогнул спину его военный советник, краткостью обращения подчёркивая серьёзность ситуации, – Пока нам известно лишь о том, что урусы приготовились к битве. Они перестали убегать от нас и нападать из-за угла, словно шакалы.

– Сколько их? – нетерпеливым взмахом руки прервал Сейед говорливого старика, обращаясь к байварапати, темнику, командующему походом.

– Точно неизвестно, карана, – польстил командир, назвав Сейеда так, как обычно называют главнокомандующего царскими

войсками, – Тупые кочевники, что нашли отряд урусов, почти все погибли, а те, что случайно задержались поодаль по нужде, видели не слишком много. Если верить этим мерзким отродьям, родившимся от осла и собаки, то урусов там раз в пять – шесть меньше, чем наших славных воинов, и они уже сами роют себе могилы. Я направил туда лучшую сотню наших конников и самого сообразительного тысячника. С ними ушла малая Орда степняков. Скоро, очень скоро мы будем знать истинное количество противника. Приказать, чтобы вам подали сладости и вино?

– Это подождёт. Приведите тех, кто принёс весть о противнике, – отмахнулся Сейед от заманчивого предложения, – Я хочу сам с ними поговорить.

Через несколько минут воины притащили двух степняков, и сильными тычками заставили их опуститься на колени.

– Кто из вас знает мой язык? – спросил Сейед, брезгливо рассматривая двух молодых грязных кочевников, одетых в засаленные одежды и какое-то подобие кожаных курток, с нашитыми на них медными бляхами.

– Я мал – мала знаю. Моя с караванами ходил, – попытался поднять голову тот, что казался постарше, но получив ощутимый тычок древком пики в спину, снова уставился взглядом в землю.

– Ты сам руссов видел? – не понимая отчего, необычно для самого себя назвал Сейед русских, словно он французский посол, который их всегда так называет.

– Мои глаза ещё хорошо видят. Русские ямы роют на холмах за рекой. Всю траву по берегам попортили, да ещё водой залили.

– Сколько их?

– Моя вот столько же видел, как вокруг твоей кибитки, – немного подумав, ответил степняк.

Сейед оглянулся. В лощине, где они находились, можно было насчитать примерно пять – шесть тысяч солдат. Остальные встали поодаль, и были скрыты пригорками, протянувшимися на большое расстояние.

– А за холмами разве войск нет?

– Дальше птица спокойно летала. Нет там людей, – помотал головой житель степей, – Если только совсем далеко кто стоит.

– А ты не так плохо говоришь на моём языке, как хочешь это показать, – насмешливо заметил Сейед, услышав из уст кочевника абсолютно правильно построенные предложения, – Как тебя звать?

– Салават моё имя.

– Хорошо, Салават, если то, что ты сказал подтвердиться, я тебя щедро награжу после боя, – сказал Сейед, дав рукой знак,

чтобы степняков увели.

Отвернувшись, он не видел, как блеснули глаза молодого хана Салавата, переодевшегося простым воином перед поездкой. Никто и никогда не ставил его на колени. Такое унижение только кровью смывается, и он, Салават, никогда в должниках не останется.

Следующие часы Сейед провёл в праздности, размышляя над будущим устройством захваченных земель, и вспоминая, каких славянок он порой видел на рынке невольников.

Уехав за многие километры от многочисленных родственников, он никому больше не позволит навязывать ему красоток в свой гарем. Сам будет выбирать.

Вино оказалось превосходным. Сейед и сам не заметил, как опорожнил больше обычного. После второго кувшина он уже не слышал, как вернулись разведчики, и не видел, какими глазами посмотрел на него прибежавший было с докладом байварапати, и как он сморщился в презрительной усмешке.

Будущего властителя, задремавшего из-за обилия выпитого вина, слуги бережно переложили в паланкин, и войско двинулось в путь.

Примерно в это же время, навстречу войску персов, вышла боевая звезда магов и направилась занимать приготовленную для неё позицию.

Идущие друг другу навстречу рано или поздно встречаются.

До встречи магов с войском персов оставалось совсем немного времени.

Глава 68. Проба сил

Солнце уже клонилось к закату, когда мы вышли на позицию. Можно было бы и раньше выдвинуться, но даже сейчас тут ещё нечего делать. Персы, по непонятной для нас причине только недавно продолжили движение, а до этого они долго стояли посреди степи, километрах в пятнадцати от того места, что мы для них приготовили. Этак они только к ночи лагерем встанут, и то хвост колонны ещё часа полтора – два подтягиваться будет.

Наши стрелки уже постреляли по отрядам разведчиков, а по второму, большому отряду даже четыре самоходки несколько раз выстрелили, сменив после отхода остатков противника свои позиции.

По нашим временам армия у персов внушительная.

И, пожалуй, самой большой неприятностью и сюрпризом для нас стало наличие у них весьма неплохих зенитных орудий со снарядами чуть ли не в сто миллиметров. Стреляли бы они получше, и тогда точно не увидели бы мы ни фотографий, что нам дирижабль князя Константина сделал, ни самого «Айвенго». Ещё нескольких попаданий или близких разрывов такого серьёзного калибра Щиты дирижабля точно бы не вынесли.

– Я понял, что ночка у нас бурная предстоит? – громким шёпотом, который наверняка слышат все собравшиеся здесь маги, спросил у меня Антон.

– Разве только со сном не повезёт, – пожал я плечами, вслушиваясь в звуки наступающей ночи.

– Мы что, до утра тут стоять будем?

– Надеюсь, нет. Через пару часов сделаем своё дело и дальше полетим, к Каспию.

– А наших тут бросим? Сам же говорил, что у персов целая армия сюда идёт.

– По трофеям соскучился?

– В каком смысле?

– А то ты не помнишь, что после ваших заклинаний на земле остаётся, – усмехнулся я, вспоминая доклады Шабалина.

Пока звезда ограничена в возможностях. По сути, в настоящий момент это очень сильная боевая звезда, почти что обычная, каких в Империи уже был не один десяток, а то что Шабалин, при двух магах десятого уровня, смог выжать из неё значительно больше, так это его талант и заслуга. Недаром он постоянно торопил отстающих с тренировками, и сам вместе с ними жилы рвал. Совсем чуть-чуть им времени не хватило. При полной звезде, состоящей из одних только архимагов, сейчас

совсем бы другой коленкор получался. По крайней мере убойных заклинаний могло прилично добавиться и за прохождение Силы можно было бы не переживать.

Архимаг – это не только большой запас Силы. Это ещё и возможность её реализации. Оттого и поговорка: – «Сила есть, ума не надо», тут вовсе не к месту. Архимагу всё нужно. И ум, и память, и умения контроля, и прокачанные каналы, по которым без вреда для него самого эта Сила будет проходить.

– Так мы и не видели. Ты же нам вместо полигона болото выделил. Вот мы туда добрую неделю и пуляли. А как потом посмотреть, если там ни пеший ни конный не пройдёт? Один пар над полыньями, куда ни глянь.

– Понятно. Зря молчали. Нашёл бы я вам подходящее место для тренировок. Поле там какое-нибудь выделил, или лесок никчемный. Подумаешь, перепахали бы его потом лишний раз. Делов-то…

– Ты знаешь, я в этом не уверен. Мне порой казалось, что болото и то может полыхнуть, такие волны жара с него иногда накатывали, – поёжился Антон.

Нетрудно было заметить, что все остальные прислушиваются к нашему разговору, но вмешиваться не собираются. Ещё бы, два князя беседуют, попробуй тут вмешайся.

– План на эту ночь у нас самый что ни на есть простой. Сначала прибьём эту персидскую армию, а потом на дирижабль, и ещё два отряда прикончим. Пока летим, накопители перезарядим и позавтракаем. Мой повар нам таких вкусностей наготовил, что ум отъешь.

– Ты серьёзно?

– Серьёзнее некуда. Тут или мы их, или они нас.

– Не пойму, отчего ты так спокоен. Ты даже не видел, что у нас получается, а рассуждаешь так, словно для пятёрки магов справиться с целой армией задача ничуть не сложнее, чем муху прихлопнуть.

– Обстоятельства для них так сложились. Понятное дело, что не сами по себе. Поработать для этого пришлось, и немало. Три дня тысячи людей пластались, десятки тракторов землю буровили. Сапёры в степь выезжали, чтобы эту армию задержать, да объездные тропы заминировать. Считай, что идут персы, сами того не ведая, в хорошо подготовленную ловушку. А нам с вами их подают прямо на блюдечке с голубой каёмочкой.

– Мог бы и меня с собой на военный совет взять. Я бы меньше вопросов сейчас задавал, – буркнул Антон заметно тише, почти что мне на ухо.

– Собирались тебя пригласить, но я запретил. И нечего на

меня так смотреть. Ты сейчас кто? Князь, член Императорской Семьи? Так вот нет. Ни то и не другое. Ты сейчас архимаг на службе. Согласен, величина немалая, но как ни крути, не важнее Шабалина. Не было бы меня с вами, на совет его бы позвали. И тебя вскоре позовут. Обязательно позовут, как только ты свою звезду архимагов возглавишь. Мы с Константином Семёновичем от каждого из вас этого ждём, – развернулся я к остальным магам, – Большие надежды на вас возложены. Просто громадные. И чтобы они сбылись, вы сегодня должны себя так показать, чтобы о вас песни и легенды начали складывать. Чтобы ни одна зараза не посмела никогда больше сказать вслух, что маги нашей стране не нужны. Отрабатывать будущую славу вам сегодня придётся в полную силу и с максимальным контролем. Вопросы есть?

– По нам будут стрелять? – спросила меня единственная среди нас женщина.

Если что, то это первая женщина – архимаг за всю историю Империи. Жутко упорная, очень способная и крайне целеустремлённая. Вон, даже Дашку обогнала. На четыре дня раньше неё архимагом стала.

Обидно, конечно. В первую очередь мне. Выходит, я хуже Шабалина наставник. Я оттого и на занятия звезды ни разу не попал, что всё свободное время с Дарьей занимался.

– Я тут специально одну фотографию прихватил, – полез я во внутренний карман куртки, – Как видите, это персидская артиллерия на марше. Посмотрите внимательно, насколько их орудия готовы к стрельбе?

– А что тут увидишь при таком качестве? – подал голос Антон, вглядываясь в снимок.

Согласен. Фотография так себе выглядит. Все пять орудий, что на ней видны, размыты, и даже не вдруг сообразишь, что за орудие тащат лошадиные упряжки.

– Всё, что нужно, рассмотреть можно, – подсказал я, когда фотография пошла по рукам.

– Снарядные ящики, – подал голос один из магов – «десяток», – Они имеются только у последней пушки, и то она меньше остальных.

– Абсолютно верно подмечено, – похвалил я его, – Орудия передвигаются без боезапаса. Он у них едет в хвосте колонны. Другими словами, как минимум в нескольких километрах от орудий. С одной стороны это верное решение. При таком войске, да ещё сопровождаемом ордами кочевников, нападения боятся не стоит. Куда как приятнее сознавать, что взрывоопасный груз едет вдалеке от тебя. А для нас с вами это отличная ситуация.

Артиллерия остановится в досягаемости наших заклинаний, но сама какое-то время стрелять не сможет.

– Как я понимаю, дело не только в снарядах. Если они остановятся километрах в пяти от нас, то им корректировщики потребуются, – продолжил свои рассуждения всё тот же маг.

– С этим у них тоже будут проблемы. Недалеко от места их ожидаемой стоянки припрятаны радиоглушилки, а все подходящие места, где могут оказаться корректировщики пристреляны нашей артиллерией.

– При таком раскладе и одних наших пушек могло хватить, – проворчал Антон.

– А могло и не хватить, – возразил я ему, – Генерал наш считает, что персы могли бы успеть отвести значительную часть своей артиллерии и начать ответную стрельбу, ориентируясь на вспышки наших выстрелов. Сам понимаешь, при таком раскладе нам крайне не выгодно ввязываться в артиллерийскую дуэль, поскольку сразу же последует атака. Кавалерии у персов много и вполне возможно, что одни пулемёты со стрелками могут с ними не справиться, особенно если это будет происходить под артобстрелом. Так что нам начинать, и похоже, что уже скоро.

Последнюю фразу я добавил из-за действий радистов. Внезапно оба они оживились, а потом один и вовсе повернулся к нам, прижимая руками наушники.

– Разведчики передали, что персы подходят. Только говорят, что они не на две группы разделились, а на четыре. Это они особо подчеркнули.

– Самолёт минут через двадцать прилетит, – доложил второй радист.

– Ага, а вот и наш генерал к нам со своим адъютантом спешит, – пригляделся я к двум приближающимся фигурам, привыкнув к вечерним сумеркам.

Сманил таки я генерала. Пока не навсегда. У него вроде что-то типа командировки выдалось, но какая разница. Пусть вникает в работу магов и тактику нам на будущее продумывает.

– Как настроение, Ваше Сиятельство? – спрыгнул он к нам на площадку, специально приготовленную для боевой звезды.

– Как всегда, бодрое. Судя по сообщениям разведчиков у нас намечаются изменения?

– Жизнь, как всегда ломает даже самые лучшие планы. Впрочем, изменения не радикальные. Разве что наша артиллерия вступит в бой чуть позже. Мы рассчитывали, что персы встанут более кучно, и вы своим налётом по крайней мере ослепите их и заставите искать укрытия. Так сказать, откроете огонь на подавление.

Я заливисто расхохотался, а вслед за мной и маги заулыбались, отворачиваясь и пряча от генерала свои физиономии.

– Всё никак не поверите, что маги кое в чём фору могут дать вашим пушкам, – спросил я сквозь смех, – Оказывается, мы тут для того, чтобы противника ослепить. Ну, спасибо. Насмешили. Ладно, показывайте, куда удары нанести.

На карте, поданной адъютантом, и впрямь изменения. К тем кружочкам, что были раньше и обозначали для нас цели, добавились ещё два овала, достаточно далеко отстоящие друг от друга. К счастью всё находится в том полукруге, которым заботливый адъютант обозначил радиус действия заклинаний. Все цели в пределах досягаемости, но вытянутые овалы меня смущают. Разом их не накрыть. Очень уж неудобно для нас они расположены.

Покачав головой, я передал карту Шабалину.

– Олег Игоревич, может вы по ближним целям отработаетесь, а мы по ним начисто пройдёмся после того, как с этими овалами закончим? – спросил наставник, глядя на карту.

Я даже не нашёлся сразу, что ответить ему. К такой роли я не готовился.

– Корректировщик хоть грамотный на самолёте будет? – повернулся я к генералу.

– Полковник летит, из штаба Каргальского. Блестящий офицер, с приличным боевым опытом. Артиллерист от мозга до костей, – отрекомендовал он мне корректировщика, который уже через несколько минут будет нашими глазами.

Задача у него далеко не простая.

Самолёт будет кружить на высоте в четыре – пять километров, чтобы быть невидимым в ночном небе для зенитных расчётов, и полковнику придётся постоянно учитывать смену направления, внося необходимые правки, как в наши действия, так и в будущий огонь артиллерии. Сдаётся мне, что вояки втихомолку рассчитывают лишь на то, что мы как следует подсветим им цели, всерьёз облегчив задачу наземных и небесных корректировщиков. По крайней мере кой-какие ухмылки на военном совете мной были замечены.

Да, так получилось, что маги в глазах военных потеряли своё значение, как ударная сила. Думаю, если не было бы с нами генерала, то нарезали бы нам господа офицеры какие-нибудь простейшие вспомогательные задачи. К примеру, с тем же освещением связанные, или с магической защитой их пушек.

Мощный психологический барьер теперь предстоит сломать, чтобы изменить это устоявшееся мнение о магах.

– По целям я отработаюсь, но тогда Щит будет всего один, – чуть не на пальцах проверил я ещё раз правильность своих расчётов.

Мощный Щит и две серии атакующих заклинаний по целям. Площадь накрытия у меня прилично меньше, чем у звезды, поэтому как минимум по три заклинания придётся запускать, а лучше и вовсе по четыре.

– Щит у вас отличный. Нам его хватит, – чуть виновато произнёс Шабалин.

Да, в какой-то степени есть и его вина в том, что я вынужден был выехать сегодня вместе с магами. Не дотянул он их до полной звезды архимагов, оттого и не смогут двое из его пятёрки поддерживать сразу два заклинания, одно из которых высочайшего уровня. И так из-за них арсенал боевой звезды прилично ограничен, а тут ещё и однобокость существенная получается. Короче, во время атакующих заклинаний звезда пока без Щитов работает. Мы предполагали, что функцию защиты я на себя возьму, закрыв магов сразу двумя Щитами, которые буду обновлять по очереди, а маги будут работать исключительно на атаку, но и этим планам не суждено сегодня сбыться.

Я отошёл с генералом в сторонку, а наставник с помощниками принялись дополнять разметку площадки, внося необходимые коррективы, которые понадобятся им для определения направлений на новые цели. Заодно, поймал удивлённый взгляд вояки, принявшего обычную разметку круга чуть ли не за колдовскую пентаграмму.

– Потанцуем? – повернулся к своим магам наставник, когда разметка была закончена, – Начинаем лево – лево, потом право и левее, ещё левее – левее, и на последнем кружочке так же, – пояснил Шабалин своим магам тактику, на понятном им языке.

– Два. Четыре. Три. Пять. Хоп, – послышались голоса, и маги, словно гигантская шестерёнка начали двигаться в загадочном хороводе, обозначая выкриками номеров свою готовность при очередном перестроении.

– Что они делают? – громким шёпотом спросил у меня генерал, наблюдая за удивительным хороводом, который на полном серьёзе исполняют взрослые и серьёзные люди.

– Меняют расстановку звезды при выборе направления. Дальность срабатывания заклинания задаётся магически, а направление приходится выставлять почти так же, как в артиллерии. Существует несколько типов построения звезды, но этот самый эффективный. Представьте себе, что это сейчас не маги поворачиваются, а башня боевого корабля, – негромко ответил я ему, любуясь грозным танцем и слаженными

действиями магов, попутно отмечая, что первой правильную позицию почти всегда занимает женщина.

– А если цель можно было бы увидеть?

– Тогда у ведущего боевой звезды появляется возможность привязки заклинания к взгляду. Чтобы вам было понятнее, это что-то вроде прямой наводки у пушки.

– Интересно. Про такие тонкости я не знал. Значит, уже не зря к вам прилетел. А вы как работать будете? – подцепил генерал одно из словечек нашего лексикона.

Маги работают. Это так же верно, как корабли у моряков. Те тоже, не плавают, а ходят.

– Мне проще. Выставлю Щит, в виде полусферы, и воспользуюсь уже выставленными на площадке векторами. Работать нынче по площадям придётся, поэтому раза по три, а то и по четыре мне нужно будет кастовать заклинания, чтобы плотно накрыть каждую из назначенных целей. Так сказать, внахлёст, чтобы зоны поражения пришлись друг на друга краями и рассеивание не сыграло злую шутку, оставив прорехи. Чуть позже наша звезда ещё раз по моим квадратам пройдётся, зачистит там мои недоработки.

– Всё-таки квадраты, – услышал я бормотанье генерала.

– Это просто оборот речи. Мне же требуется ударить по квадрату на карте. На самом деле я свой Огненный Дождь обрушу на головы врага примерно так же, как бы осыпалась дробь из охотничьего ружья, если бы оно могло стрелять на такие расстояния. Те цели, что достались боевой звезде тем и неудобны, что у них овал расположения войск поперечный выходит, а овалы поражения его будут пересекать.

Носком сапога, я в несколько движений нарисовал на песке, как я это себе вижу.

– Отлично! Просто отлично. Ох, и напишу я докладец по итогам командировки, если ваши маги удачно отработают, – впился генерал взглядом в примитивный рисунок, наверняка уже представив себе, в каком виде он будет выполнен тушью штабными художниками в его рапорте.

– Минутная готовность! – очень звонко доложил радист помоложе, до этого с восторгом глазеющий на перестроения магов.

* * *

– Уходить вам надо. Бери Урхема, свой десяток, и скачите отсюда, только не той же дорогой, что сюда пришли, – негромко

сказал Салавату старый друг его покойного отца, туменой Аланай.

– А ты, а твой тумен?

– Я клятву давал, а тумен… Им не простят, если кто с поля боя сбежит.

– Так и мне не простят.

– Тебя я с заданием отправлю. Обходную дорогу надо найти, чтобы урусов поутру во фланг ударить. Но ты её не ищи. Чует моё сердце, не все из нас до утра доживут. Первый раз оно так ноет. Погонят персы нас на урусов, словно баранов. Многих недосчитаемся.

– Урхем меня не послушает. Старый он, сварливый.

– Старик ещё очень могуч. Сколько живу, а второго такого шамана я ещё не видел. Он беду раньше меня почуял. Шаманы, они всегда со Смертью рука об руку ходят. Не боятся её и договариваются с ней. Знают, что рано или поздно, но она своё возьмёт. А тут он не смог договориться. Прощальную песню запел. С духами прощается, с родной стороной, со степью.

– Зачем ты тогда его отсылаешь?

– Спасти вас хочу. Вы оба народу нашему нужны. Выживет Урхем, и будет у нас ещё много сильных шаманов, с которыми он знаниями поделится. Выживешь ты, и кто знает, может и найдёшь другую дорогу. Говорил я старейшинам, что с персами нам не по пути, но меня не услышали. Старые обиды и месть кровавая им глаза застилают. Теперь твоя очередь. Убеждай. Доказывай. А то и к ногтю их прижми. Это ты должен сделать, и только ты. Больше некому.

– Когда ехать? – чуть помолчав, кивнул Салават, признавая правоту старого воина.

– Прямо сейчас. Толмача моего с собой возьми, пусть персам объяснит, зачем и куда я вас послал, а то, сам видишь, как они нам доверяют, – едва заметно кивнул Аланай в сторону, где в наступающей темноте хорошо были заметны персидские воины, словно ненароком окружившие стоянку кочевников густым полукольцом многолюдных постов.

Сборы чуть затянулись. Старого шамана и так и этак пытались взгромоздить на его коня, но он, словно тряпичная кукла, постоянно сползал набок, пребывая в безразличном состоянии и ни на что не реагируя. В конце концов его крепко привязали кожаными ремнями, а поверх набросили брезентовый плащ, добытый во время набегов.

Толмач уже успел договориться с персидским офицером и тот лишь рукой махнул, давая знак караулу, когда кочевники подъехали к посту.

Поехали холмами, вверх по течению речушки, чутко прислушиваясь к звукам наступающей ночи. Степь, она живая. Где птица встревожено гаркнет, где суслик заверещит, предупреждая сородичей об опасности, где конь шумно прянет ноздрями, почуяв чужой запах.

Шаман зашевелился, когда костры лагерей давно уже скрылись из вида. Он обвёл мутным взглядом вокруг себя, размял затекшие руки и начал перебирать пальцами, словно невидимую сеть вяжет.

– Туда, – указал Аланай заскорузлым пальцем куда-то в сторону, – К Зубу Шакала.

После этого он снова поник головой, и словно заснул, нисколько не беспокоясь о том, что привязан.

– Бредит? – спросил подъехавший Салават у десятника, человека бывалого и хорошо знающего степь.

– Есть тут скала. Её так и называют, Зуб Шакала. Мы иногда на отдых там останавливались, а кого-то из молодых наверх отправляли. В хорошую погоду с неё на полдня пути можно конников разглядеть.

– Вот как, – посмотрел Салават в темноту, в том направлении, куда указывал шаман, – А если бы сейчас день был, то мы бы и стоянку нашу разглядели, – вполголоса заметил он, скорее утверждая, чем спрашивая, – Едем-то мы недолго. Поворачивай к этому Зубу.

Скала и правда вскоре нашлась, выделившись темным клином на фоне посветлевшего неба, слегка подсвеченного вышедшим только что месяцем.

– Туда, – показал пальцем очнувшийся шаман, указывая на пригорок, примыкавший к скале.

Зуб Шакала с одной стороны был скалой, нависавшей над степью почти вертикально, а с другой, примерно до половины её высоты, к ней примыкал холм, поросший жухлой травой. Конь, пожалуй, в такой подъём и не заберётся, а человек сможет.

Шамана тащили на руках двое воинов. Остальные карабкались сами, помогая им и неся с собой арканы. До скалы они не дошли сотню с лишним шагов, когда шаман приказал, чтобы его посадили на землю. Там он и устроился, усевшись калачиком и подтянув руками под себя затекшие ноги.

– Вроде гудит что-то, – тревожно сказал один из молодых, крутя по сторонам головой.

Аланай поводил перед собой руками с растопыренными пальцами, а потом молча ткнул в небо, указывая на источник звука.

– Смотрите, там чёрточка появляется, – развернулся ко всем

ещё один воин, и чуть не покатился вниз по склону от неловкого движения. Но никто не засмеялся. Все почувствовали, как начала дрожать ночь, содрогаясь от мощи неведомой птицы.

Впрочем, обменяться впечатлениями они не успели. Где-то далеко, где порой казалось, что они видят отблески костров покинутой ими стоянки, в небо взлетели сотни искр. Казалось, что кто-то могучий дунул изо всех сил в угли костра, взметнув вверх целые снопы маленьких угольков, тяжёлым градом обрушившихся обратно на землю. Высоко в небесах заполыхали отблески пожара, порой скрывавшие всё новые и новые соцветия искр, то и дело распускающиеся огненным дождём. А потом затряслась земля. Сначала никто из кочевников не понял, отчего со скалы, находящейся от них на приличном расстоянии, начали осыпаться камни. Новая опасность заставила их озираться по сторонам, пока шаман не махнул рукой, оградив всех от долетавших порой до их ног валунов.

– Возвращаемся в становище, – сказал Аланай, когда искры перестали падать, а земля трястись под ногами.

Только отблески в небе помогали понять, где это всё происходило.

– Может к своим вернёмся? – спросил Салават, – Узнаем, что там было.

– Возвращаемся в становище, – безучастно повторил шаман, и порывистым движением размазал сухой ладонью слезу по щеке, – У Смерти сегодня большой той. Ей не до нас.

* * *

– Начали, – скомандовал Шабалин магам, и я тоже подключился к работе.

Мне нужно держать Щит, самый мощный из моего арсенала, и параллельно кастовать Огненный Дождь.

Один, два, три, четыре. Сменить вектор. Разворачиваюсь, стараясь как можно точнее попасть на разметку. Трясётся земля. Воздух дрожит от бушующего выплеска Силы, и это мешает. Ещё серия ударов по второй цели. Вой. Выстрелы. Сначала редкие, а потом, разом перешедшие в сплошную какофонию. Адское смешение звуков, волной ударившее по ушам.

На гряду холмов, что в полукилометре перед нами, высыпали сотни, а то и тысячи всадников. Их всё больше и больше. Они, словно чёрная медуза, переваливают на нашу сторону и очень быстро приближаются, растекаясь в стороны.

Глушилка. Ещё глушилка. Ещё одна.

Тёмная масса дрогнула, словно запнувшись на разбеге.

Работаю на пределе возможностей.

Огненная Стена вправо. Ещё одна прямо. Следующая левее.

Дикие визги. Ржание коней. Всадники, горящими факелами прорывающиеся через стену огня и падающие на пепел чадящими кучами мяса.

Стоп. Что с Силой? Ещё достаточно.

Щит? Просел, но не сильно. Скорее всего, шальные попадания. Когда в твою сторону стреляют тысячи стволов, то и тебе что-нибудь прилетает.

Одеть второй Щит на всех. Осмотреться.

Шабалин работает. Звезда танцует свой танец смерти. Вокруг нашей позиции стреляют все, кто может, хотя и непонятно, кто куда лупит. За Огненной Стеной ничего не разглядеть.

Ещё раз осмотрелся.

Ошибся я, стреляют не все. Раскатистых выстрелов тяжёлой артиллерии не слышно, только тявканье сорокапяток, да резкие, похожие на щелчок гигантского хлыста, выстрелы самоходок.

Вздох – выдох. Мне нужно успокоиться и понять, что происходит. Конная атака была неожиданна и меня захлестнула волна адреналина.

Вокруг понемногу затихают выстрелы. Даже пулемёты, и те перешли на короткие очереди. Вот и артиллерия смолкла. По идее сейчас настал их час. И с минуты на минуту должен грянут залп наших гаубиц, всё ещё не вступивших в бой.

– Что это? – услышал я за спиной выкрик генерала, бросившегося к рации.

Вместо артиллерийских залпов в небо полетели зелёные ракеты.

Одна, вторая. Третья, отправленная наискосок во фланг, где ещё продолжается стрельба.

– Команда «Прекратить огонь», – отозвался я по курсантской привычке.

– А что с артиллерией? Почему не стреляют? – повернулся в мою сторону Шабалин, прокричав свой вопрос. Видимо, оглох он от стрельбы немного. Я же почти рядом стою.

Я в ответ лишь плечами пожал, и указал пальцем на генерала, что-то ожесточённо выясняющего по рации у невидимого нам собеседника.

Так-то да. Со слухом и у меня не всё хорошо. Никак не услышу, о чём он говорит.

– Что там?

– Почему не стреляют?

Наши вопросы к генералу слились в один, стоило ему

спрыгнуть к нам в круг.

– А не в кого, – развёл он руками, и громко зафыркал, глядя на наши растерянные лица, – Полковник, что на самолёте летает, трижды подтвердил, что все цели уничтожены. Один обоз от персов остался. Стоит в четырёх – пяти километрах от их лагеря. Нашу трофейную команду дожидается.

– И что дальше будет? – поинтересовался у меня Шабалин, засовывая указательный палец в ухо и энергично им двигая, словно он пытается оттуда воду выкачать.

Ответить я не успел. За меня это сделал генерал, которого просто распирают чувства и радость.

– Сейчас пилоты полетят. Они всё толком расскажут. Нет, ну надо же. Вот тебе и маги. Бац, хлобысть – и целую армию, как корова языком слизнула, – никак не успокаивался генерал, обходя замершую звезду по кругу и вглядываясь в лица магов с каким-то детским восторгом, – Герои, что и говорить. Орлы! Титаны! Для меня честь, быть вместе с вами в бою.

Я заулыбался, заметив, как ловко генерал себя, любимого, упомянул. И ведь ни слова неправды не сказал. И бой был, и он рядом с нами стоял.

– Думаю, вы, как специалист, лучше любого из нас сможете описание боя составить. Заслуга тактической проработки операции во многом и определила столь ошеломляющий успех. Практически, противник был нам подан идеально. Именно это позволило боевой звезде магов показать свой потенциал, – с максимально серьёзным лицом щедро вылил я вёдра елея на душу вояки, предварительно прорепетировав про себя столь пафосную речь.

А то… Чем больше он раструбит о победе, всячески расписывая её исключительность, тем больше и нам перепадёт.

Размышляя, я присел на чей-то разостланный плащ, и принял из чьих-то рук солдатскую кружку с кофе. Да, так задумался, что очевидных мелочей не замечаю.

Слава, она штука такая… Умения и внимания к себе требует. При должном освещении порой и весьма незначительные действия к ней могут привести, а бывает и наоборот, когда нечто эпическое полному забвению предаётся. Герои, про которых мы знаем, они не всегда самые геройские. Наверняка были и другие, ничем не хуже, но Слава их стороной обошла. Полно тому примеров я находил, когда библиотеку Академии штудировал на совесть.

Так что лучше есть роскошный большой торт всем вместе, чем капустный пирожок в одиночку. Это я к тому, что с офицерами, поучаствовавшими в разработке этого боя, я готов

поделиться будущей славой.

– Ага, есть новости, – чуть не подпрыгнул на месте генерал, потерявший после боя свою обычную невозмутимость, вновь привлекая к себе моё внимание.

Я закрутил головой, пытаясь понять, что он увидел.

Где-то вдалеке стреляют. Судя по темпу стрельбы, это как бы не пилоты свои новые многоствольные пулемёты в дело пустили.

Бойцы побежали. Рогатки в стороны убирают и ограждения с колючкой разводят в стороны. Теперь самоходки зарычали, и одна за другой начали перебираться по броду на противоположный берег.

Вслед за ними «тачанки» двинулись, ощетинившись стволами стрелков.

– Куда это они? – спросил я у генерала, успевшего с кем-то накоротке переговорить по рации.

– Группы зачистки пошли. А потом трофейщики поедут, – потирая руки, ответил он, – Хотя после ваших пилотов там они вряд ли кого живого найдут.

– Зря вы так, – несогласно замотал я головой, – В тех, кто в руках оружие не держит и сопротивления не оказывает, мои люди стрелять не станут. Вы за извергов-то нас не держите.

– Ну да, ну да. Вшестером целую армию. Какие же вы изверги, – довольно хохотнул генерал, вытаскивая из внутреннего кармана кителя узкую серебряную фляжечку, – Вам не предлагаю. Ночь больших свершений ещё не окончена, – отсалютовал он нам красивой ёмкостью, и запрокинув голову, щедро влил в себя содержимое фляги. Всё, до последней капли.

* * *

Перелёт до Красного Яра у нас занял три часа.

Персы осадили две наши заставы, прикрывающие Астрахань. Сначала пытались взять их штурмом, но получили настолько серьёзный отпор, что откатились зализывать раны и ожидать подкрепления.

Застава в Новоурусовке держится уверенно, а Красный Яр постоянно просит о помощи.

Персы подошли к заставе со стороны Курмангазы, воспользовавшись сохранившимся подобием дорог, и на Красный Яр, стоявший у них на пути, бросили основные силы.

Прилетели мы под утро. Перед посадкой я выглядывал в иллюминаторы, в надежде увидеть с дирижабля восход солнца, но полёт закончился на несколько минут раньше. Жаль. Красивое

зрелище упустил.

Настроение у всех магов хорошее, и меня это радует больше всего.

Были у нас с Шабалиным опасения, что люди не выдержат психологически. Согласитесь, не каждому приходилось убивать тысячи разумных, таких же людей, пусть и говорящих на другом языке. В какой-то степени то напряжение, которое витало в воздухе салона нашего дирижабля, мы все как-то сбросили после сообщения о тысячах пленных. Оказывается, многие из тех, кого мы считали убитыми, всего лишь потеряли сознание из-за нехватки кислорода и отравившись продуктами горения.

Что горело? Да всё. Огненный Дождь – это сотни шариков плазмы. Этаких огненных мандаринок, оставляющих при попадании в песок остекленевшую массу размером около полуметра.

К заставе, расположенной у слияния рек Караульная и Кривой Буран мы добирались пешком. Из-за сырости, которая висела в воздухе утренним туманом и падала на траву росой, все мы вымокли, несмотря на вовремя выданные нам накидки.

Персидская артиллерия по нескольку раз в день обстреливала наши укрепления, пользуясь своим преимуществом в количестве стволов и их калибре. Этакие беспокоящие артналёты, производящиеся в разное время.

– Кто такие? – поинтересовался у нас офицер, которого, судя по его виду, только вытащили из постели.

– Подкрепление прибыло. Доложите обстановку, майор, – довольно спокойно обратился к нему генерал, скидывая с себя накидку.

Вот говорил же я, что мы недаром с собой целого генерала возим!

Мне ни за что не удалось бы так этого офицера построить, несмотря на все мои титулы. А тут – чудо из чудес, за пару секунд вместо заспанного майора перед нами возник глуповато – молодцеватый служака, довольно дельно рассказавший обстановку на вверенной ему заставе.

Крепко их персы обложили. Стволов у них как бы не впятеро больше изначально было, так они ещё и половину наших пушек выбили, открывая бешеный огонь на поражение по каждой засечённой ими цели.

– Ваше превосходительство, а в каком количестве подкрепление прибыло? – закончил офицер свой доклад волновавшим его вопросом, – Артиллерия есть?

– Считать разучился? Вот оно, подкрепление, – широким жестом представил нас генерал, – Если что, среди них целых два

князя, и не абы каких, – добавил он заметно тише, но мы услышали.

Так-то не годится у генералов голос для приватных сообщений.

– Вы что, серьёзно? – закрутил головой майор, по очереди глядя то на нас, то на генерала.

– Да не переживай ты так, майор. Если что, то они несколько часов назад двадцать тысяч персов уконтрапупили, при ста с лишним стволах артиллерии. Теперь вот тебе решили помочь, – развеселился генерал, глядя на растерянного офицера.

– И это всё? Больше никого не будет?

– А больше никого и не нужно. Ты лучше вот что скажи, сведения у вас верные? На карту всё правильно нанесено?

– Есть у меня умельцы. Через день в разведку ходят, да что толку. У персов аэростат есть. Они своего корректировщика поднимают, и лупят по нам почём зря. А так вряд ли они что меняли. Парни говорят, что лагерь они себе капитально обустроили, и пушки серьёзно окопали.

– Ваше Сиятельство, каково ваше мнение? – обратился ко мне генерал.

– Дождёмся рассвета, поднимем наш дирижабль километра на четыре в высоту, там, подальше за рекой, чтоб его ничем не достали, и поработает мой пилот за корректировщика. Если сведения верны, то особых проблем я не вижу.

– Вот так-то, майор. Пошли, показывай своё хозяйство, мы место выберем, откуда маги работать будут.

На подготовку у нас ушло больше часа, а потом мы ещё минут двадцать ждали, когда мой дирижабль займёт позицию.

Похоже, что заметив дирижабль, персы и заподозрили, что на заставе что-то происходит.

– Аэростат! Они поднимают аэростат! – прокричал один из наблюдателей.

– Поторопитесь, господа маги, поторопитесь, – зачастил майор, – Они вот-вот начнут обстрел.

Его предсказания сбылись на удивление быстро. Скорее всего, у артиллеристов уже были пристрелянные цели, по которым они решили пройтись, не дожидаясь сведений от своего корректировщика.

– Ложись! – свирепо выкрикнул майор и попытался броситься к единственной женщине, стоящей в круге.

Его на удивление ловко, учитывая тучную фигуру, перехватил наш генерал и прижал к бревенчатой стенке бруствера.

Маги же не обратили никакого внимания ни на разрывы снарядов, ни на происходящее за их спиной.

Боевая звезда начала свою работу, максимально быстро и сосредоточенно.

Глава 69

Франция. Париж. Головное отделение банка «Париж Кредит».

– Я разочарован. Сильно разочарован. Никогда финансовые операции нашего банка не терпели столь оглушительного провала. А всё почему? Да потому, что наши специалисты реально оценивали возможности тех или иных проектов. Да, мы старались, очень старались не зарываться, и все наши проекты так или иначе вели к укреплению франка, – отчитывал Эдмонд Ги де Майер трёх высших государственных чиновников, собравшихся у него в кабинете.

– Вам-то что переживать. Вам дано право печатать деньги. Ну, напечатаете себе ещё миллионов десять. В чём проблема? – по-солдатски прямо рубанул министр обороны Франции.

– Вроде и до министра дорос, а солдафонский дух из него так и не выветрился. До сих пор в мундире щеголяет, – подумал про себя Эдмонд, перед тем, как ответить вояке.

– В чём проблема? Да в них, в деньгах и проблема. Мне не нужна тонна – другая бумаги, называемой деньгами, если она начнёт терять свою цену. Да, мы выпускаем деньги, но мы же их и вкладываем. Если на эти деньги будет куплен рудник, то за центнер бумаги мы начнём получать десятки тонн руды ежемесячно. Те деньги, которые мы напечатали, вернуться к нам товаром, другими словами, деньги не потеряют свою покупательную способность. На них купят руду, отольют те же пушки, изготовят винтовки и продадут их уже за золото.

– А что золото? Такой же жупел, как и ваша бумага. По мне, так ванадий или вольфрам ничем не хуже вашего золота. Просто у народа мозги набекрень. Втемяшили им, что золото – это мерило ценности, и теперь эту дурь из их голов клещами не вытащить. На самом деле это такая же дурость, как и ваши банкноты. Обычный металл, хоть и редкий. Цена на него исключительно на вере держится, да на исторических канонах.

– Может, попробуете людям свой ванадий предложить в качестве мерила богатства? – прищурился банкир, – Если завтра вас отправят на пенсию, то как раз остаток жизни можете этой деятельности посвятить.

Было заметно, как министр вздрогнул.

Все трое чиновников прекрасно знали, кому они обязаны своими должностями и карьерой. К примеру, предыдущий министр обороны очень быстро покинул своё кресло, когда выяснилось, что он не может договориться с банками о кредитах

на перевооружение армии. Зато один из его заместителей обещал решить этот вопрос быстро, и высокопоставленные государственные финансисты чудесным образом оказались осведомлены, что эти обещания не пустой звук.

– Персов мы только на половину стоимости кредитовали, – быстро сменил он тему, перейдя к финансовым вопросам, – Даже если они затянут с выплатами, то просто мы на какое-то время останемся без прибыли, но и в убытки не попадём.

– А золото кочевников? С ним что? И что с теми территориями, где должны были наши деньги стать одним из основных средств платежа. Надеюсь, вы понимаете, что я не про базары и лавки говорю, а про крупные финансовые операции? Меня очень сильно интересует интервенция франка в качестве международной валюты. Гораздо больше, чем какие-то там захваты территорий.

– Русские. Крайне непредсказуемая составляющая. Они опять что-то выдумали. Говорят, чуть ли не магов сумели возродить в армии.

– Говорят? Вы, министр обороны, пользуетесь слухами? Не удивительно, что те деньги, которые я по вашему настоянию вложил в политические игрища, в частности в ваши заигрывания с персами, следует признать более чем рискованными вложениями.

– Ну, сами подумайте, кто мог предположить, что русские сделают шаг назад и снова применят магию в военном деле? – всплеснул руками военный.

– Они не только назад ходить умеют, но и вперёд, – меланхолично заметил министр торговли, раздумывая и вспоминая те грехи, за которые ему банкир может высказать что-нибудь нелицеприятное.

– Что вы имеете ввиду? – очень живо среагировал Майер на реплику со стороны.

– Самолёты. У них появились вполне приличные самолёты. А тот, что над Каспием летал, так у него и вовсе не было винтов. Наши купцы его видели над одним из каспийских портов. Я об этом с неделю назад докладную записку подал в Службу Безопасности.

– Сведения проверяются, – кивнул неприметный седой мужчина, до этого молча разглядывающий лепнину на потолке, – Пока они нашли лишь косвенное подтверждение. Какой-то самолёт не так давно получил одобрение Военной Коллегии и на его дальнейшее освоение уже отпущены деньги из казны. Это на сегодня всё, о чём нам достоверно известно. Мной, под видом фоторепортёров и журналистов, уже посланы люди. Они днюют и

ночуют около тех двух аэродромов, что находятся рядом со столицей, но пока безрезультатно. Ничего, кроме обычных фанерных бипланов они не заметили.

– Самолёты у русских точно есть, – поморщился министр обороны, – Персы их видели, более того, при встрече с одним из самолётов они потеряли боевой корабль, а потом приостановили вторжение и закупили у нас зенитные орудия. Заплатили золотом, не торгуясь, что для них совсем не характерно.

– Самолёты, зенитные орудия, золото, – негромко, почти что про себя проговорил Майер, раскачиваясь в кресле и глядя в потолок, – Пожалуй, это то, что нужно. Ни одно государство не откажется купить такой товар, особенно если он будет у их соседа. Купят. Как миленькие купят, – словно очнувшись, он огляделся, и остановив взгляд на неприметном мужчине, твёрдо и уверенно сказал, – Якоб, нам нужен этот самолёт. Чертежи, лицензии, конструкторы. Что хочешь достань, но мы, французы, должны их делать и продавать по всему континенту. За франки, естественно. Пошли лучших людей, не жалей денег, и обязательно добейся результата!

– Эдмонд, ты всерьёз считаешь, что русские сами не смогут делать эти свои самолёты? – слегка фамильярно, на правах старого друга, поинтересовался у банкира министр торговли.

– Я не думаю. Я знаю историю. Было бы это что-то уникальное, тогда я может быть и начал бы сомневаться. В единичных экземплярах русские способны творить чудеса, а когда счёт идёт на сотни и тысячи, то только враг, захвативший полстраны, способен их расшевелить. Почитайте про их довоенное автомобилестроение и вы сами всё поймёте. Даже на купленном у итальянцев заводе они умудрялись по тридцать лет подряд изготавливать одни и те же модели, пока не пришли французы, и не заставили их сменить модельный ряд. Был бы самолёт у немцев, я бы на него внимания не обратил. Немцы умеют делать хорошо и много. Русские нет.

Банкир встал из-за стола и отошёл к окну. Поэтому он не видел, как многозначительно переглянулись его собеседники, а министр торговли и вовсе позволил себе лёгкую усмешку. Все они прекрасно знали, что Эдмонд родился в Германии, но вынужден был переехать во Францию, чтобы не жить в еврейском гетто. Уехал не пустым. Вывез с собой приличное состояние, которое сумел так увеличить, что сейчас его считают, если и не самым богатым человеком на всём континенте, то самым богатым в Европе точно. Злые языки болтают, что активы его банков втрое превышают казну Королевского двора Франции. Не удивительно, если ему позволили печатать франки. Вроде бы и глупость

несусветная, доверить частным лицам печатный станок государственных денег, но грубо говоря, исторический опыт США, где Ротшильды контролировали Федеральную Резервную Систему страны, к слову сказать, негосударственную организацию, уже имеется. Больше того, Дезмонд так сумел всё поставить, что им довольны. Доволен Королевский двор, наконец-то способный себе позволить роскошь балов и великолепные охоты. Довольна буржуазия, год от года всё более осваивающая ремесло рантье. Народ, правда, иногда ропщет. Так с голоду и они не умирают.

– И всё-таки, почему именно самолёты? – поинтересовался министр торговли.

– А назови мне ещё какой-нибудь товар, который заставит правителей любой страны сильно волноваться и тут же запускать руки в казну? Подскажи, как мне другим способом заставить их принять франки в качестве международной валюты?

– Мы корабли неплохо персам продали.

– И один из них, причём далеко не самый маленький, этот самолёт тут же утопил. Как думаешь, сколько ещё кораблей у нас после такого случая купят?

– У нас пока самые крупные статьи экспорта, это вино и предметы галантереи, – напомнил министр торговли всем присутствующим некоторые реалии, – И то они крайне неубедительны. Мы постоянно с кем-то вынуждены конкурировать. Чаще всего с испанцами и итальяшками. Они постоянно портят нам цены. Мы пробовали возродить дух парижской моды, но проиграли итальянцам, а наши вина… Я, признаться, и сам частенько испанские и итальянские пью. От наших у меня изжога. Говорят, что виной всему ядерная зима, испортившая нам климат и изменившая сорта винограда, но я в это не верю. Думаю, нашим виноградникам солнца нужно больше.

– Автомобили. Мы делаем неплохие автомобили. Недорогие и надёжные, – напомнил ему министр обороны.

– Их все делают. И немцы, и итальянцы и русские. Даже китайцы, и те научились изготавливать машины не хуже наших, – недовольно дёрнул щекой представитель торговли, словно у него нервный тик случился при упоминании китайцев, – У Франции нет эксклюзивных товаров. В этом вопросе я с Дезмондом абсолютно согласен.

– Кстати, Якоб. Помнится, ты говорил, что должна появиться возможность поучаствовать в разделе русских сталелитейных заводов. Мне уже готовиться к сделкам? – спросил банкир, делая какие-то пометки в лежащем перед ним ежедневнике.

– Раздела не будет. Заводы перешли в руки одного из родственников Императора и наши контакты в России поспешно

сыграли отбой. Мне докладывали, что они были крепко напуганы и даже не стали пояснять причины неудачи.

– Жаль. Мы могли создать себе отличный плацдарм, завладев частью русских заводов.

– Вы прямо наступление какое-то готовите, – пробурчал себе под нос министр обороны.

– Примерно так и есть. Наша война бескровна, но её итоги гораздо более впечатляющи, чем действия целых армий. В какой-то из старинных книг мне попалась на глаза интересная мысль. Там невзначай был упомянут огромный флот США. Так вот, чтобы его победить, достаточно было перестать продавать нефть за доллары.

– Знаете, а я пожалуй с этим соглашусь, – немного подумав, кивнул сам себе министр обороны, – Мы прошлым летом проводили учения, в которых было задействовано всего-то три с половиной десятка не самых больших кораблей, но стоило это моему министерству весьма и весьма ощутимых денег. И это при всём том, что учения были незначительной продолжительности. Чуть меньше месяца. Затяни мы их чуть дольше, и все резервные запасы угля были бы израсходованы.

– У нашей валютной войны есть огромное преимущество. Мы получаем те же заводы целыми и невредимыми и они продолжают работать, как ни в чём не бывало. При хорошем раскладе так и целую страну можно заставить работать на нас, диктуя прикормленному правительству необходимые правила и условия.

Собеседники расстались примерно через час, обсуждая вопросы, связанные уже с внутренней политикой Франции. К проваленным международным проектам они больше не возвращались. Никто из них на тот момент и предположить не мог, что череда неудач вполне определённо объединена одной общей причиной, которую можно выразить одним словом – несовпадение.

Что поделать, если планы французов не совпали с интересами одного молодого русского князя…

* * *

– Около нас ка-а-ак бухнуло. И тут мы им врезали. Расстановку меняем, я оглянулся, а у генерала кровь ручьём и Олег рукой машет, Щит новый ставит. Смотрю, а у Константина Семёновича глаза бешеные. Он кричит нам: – «Парад планет», вот тут-то мне тоже жутко стало. Мы всего один раз это заклинание

на тренировках попробовали. Не знаю, как наши «десятки» себя чувствовали, если даже меня пробрало. Словно холодный нарзан вместо крови вспрыснули, такое ощущение странное было, – артистично закатил Антон глаза в потолок, одной рукой держась за сердце.

Дарья с Алёнкой встревожено оглянулись на нас с Шабалиным, но тут же отмякли, заметив, что мы с наставником, уткнувшись в тарелки, старательно давим улыбки, слушая рассказ Рюмина о нашей славной баталии. У Шабалина, так и вовсе плечи трясутся от сдерживаемого хохота.

– А дальше-то что, дальше, – сладким голосом пропела Алёнка, подталкивая к продолжению замолчавшего было рассказчика, явно перебравшего с трагической паузой.

– Земля затряслась, – свистящим шёпотом возвестил Антон, – Просто ходуном заходила. Константин Семёнович первым сообразил, что раз привезённые нами глушилки не сработали, значит у персов от аэростата телефонный кабель идёт. А по такому ориентиру грех было чем-то особо убойным не врезать. Ну, мы и врезали. «Парад планет» это вам не шуточки. Это двенадцать комет, чуть меньше той, что Олег запускает.

– Ох, и сразу всех убили? – охнула Дашка, довольно правдоподобно разыгрывая восторженную светскую барышню, трепещущую от восторга.

Если что, то Дарья с Алёной ещё те язвы и ехидны. Это я вам точно говорю. У них такой дуэт спаянный получился, что порой им и меня провести удаётся. Попадаюсь на их дурацкие розыгрыши, как ребёнок. Сначала я сердился, но потом понял, что этим только больше их веселю. Да и как сердиться, если у Алёнки такой смех, что губы сами в улыбку растягиваются.

Вот и сейчас, они не сговариваясь, играют на пару роль доверчивых дурёх, начитавшихся героических романов.

– Наверное не всех. Половину, а то и больше, – постарался Антон придать своему рассказу нотки объективности и достоверности, – Потому как снаряды над головами продолжали свистеть, и взрывалось всё вокруг. Но нам-то отвлекаться некогда. Работать нужно.

– Да, это ты у нас умеешь, – чересчур приторно поддержала рассказчика Алёнка, и похоже, перестаралась.

Антон явно что-то заподозрил, судя по тому быстрому взгляду, которым он рыскнул по слушателям. Но все успели состроить самые внимательные физиономии, а я развернулся к входящему в зал генералу.

Джуна опять сотворила маленькое чудо. Поднять раненого за какой-то час.

– У вас шрам на лице остался, – опередила меня Дарья, буквально сняв у меня с языка те же самые слова.

– Это я сказал вашей целительнице, что он мне не мешает, – чуть смутился генерал от того, как по-мальчишески это прозвучало.

– А нам Антон рассказывает о ваших героических битвах, – состроила невинную моську Алёнка, пытаясь предупредить вошедшего, чтобы он не помешал им развлекаться.

– Да уж, есть о чём рассказать! Вы сейчас первый бой описываете, или про второй? – с воодушевлением повернулся генерал к Рюмину, – С удовольствием послушаю, а то, знаете, некоторые детали, в силу полученного ранения, ускользнули от моего внимания. А жаль, очень жаль, эпическое сражение случилось. Наверняка войдёт в историю военного дела. Золотыми буквами будет вписано!

Упс-с, что-то пошло не так…

Похоже, со своим невинным развлечением мы попали…

Как минимум, в неловкое положение. Генерал-то на полном серьёзе говорит. А глаза-то как у него горят. Сверкают просто.

Наши растерянные выражения лиц по достоинству оценил один лишь Шабалин, и то занимался он этим недолго. Махнув рукой, чтобы на него не обращали внимания, он торопливо вышел из зала, чтобы проржаться без свидетелей. С возвращением он тоже не слишком торопился, и когда вернулся через полчаса, то застал уже завершения рассказа о совершённых подвигах, повествуемое аж двумя восторженными рассказчиками, не забывавшими пополнять друг другу опустевшие рюмки.

– Господа, может, мы прервёмся и немного помузицируем? – со страдальческим выражением лица спросила Алёна.

– Никак нет-с. Дела, знаете ли, дела. Пока память свежа, надо рапорт в Генеральный штаб составить и представления на награды оформить должным образом, – молодцевато подскочил генерал, и даже каблуками умудрился при этом прищёлкнуть, – Вы уж дальше без меня развлекайтесь. А для нас служба превыше всего. Рапорт – это продукт скоропортящийся, – назидательно произнёс он, обращаясь ко мне и Антону, – Наш должен первым на рассмотрение попасть. И то, что противник крайне поспешно отступил от Степного, это тоже несомненно наша заслуга. Очень важно отметить, что враг оказался психологически повержен, – бормотал он уже про себя, пробираясь к выходу через нагромождение кресел и стульев.

Если что, то мебель была в повествовании о подвигах использована в качестве декораций и её расстановка должна была изображать укрепления, которые оба рассказчика атаковали, сев

задом- наперёд на стулья и демонстрируя слушателям действия кавалерии противника.

– Я что-то пропустил? – заинтересованно осмотрел Шабалин пару поверженных укреплений, стоящих ножками кверху и ковёр, смятый в складки двумя лихими кавалерийскими атаками.

– Совсем немного. Всего лишь процесс создания легенды, – ошарашенно помотал я головой, не веря ещё, что всё закончилось и наша мебель в безопасности.

– Ах, как жаль, – с чересчур преувеличенным огорчением посетовал наставник, – И много мы там нагеройствовали?

– Кровь лилась рекой, – подтвердил я и с намёком покосился на опустевший штоф водки и задремавшего в кресле Антона.

Устал юный кавалерист, умаялся.

– Ну, тогда ничего страшного. Давайте и мы с вами это дело отметим. Я заметил, что у вас весьма неплохие вина были поданы. Крымские?

– Могу шампанское предложить. Французское.

– Да ну его, – презрительно сморщился Константин Семёнович, – Жуткая кислятина. Не пойму, что люди в нём находят. То ли дело наши, крымские. Бастардо у вас имеется, если не ошибаюсь. Моё любимое.

– Ау, милый, ты про нас не забыл? – подала голос Дашка, скрывающаяся на диване.

Обе мои жены ещё в середине эпического повествования с ногами забрались на диван и укрылись пледами, чтобы не пасть жертвами бешено скачущей кавалерии.

– Нам мадеру, – тут же подхватила Алёнка, – И желательно прямо сюда, в безопасный тыл.

– Это стоянка дирижаблей, – кивком указал я Шабалину на диван, на что он понимающе хрюкнул в ответ.

– А всё-таки, как так вышло, что генерала ранили? – спросила Дарья, принимая из моих рук бокалы.

– Да там майор один решил героизм проявить и прикрыть собой нашу архимагшу. Он сам от магии далёк, видимо, оттого и не знает, что расстановку звезды ни в коем случае нельзя нарушать. Генерал бросился ему наперерез, да так неловко, что оба они вылетели из-под защитной полусферы, которую я держал. Там его и зацепило. Осколок в плечо, небольшой, размером с ноготь, и обломком бревна лица поранило.

– А архимагша ваша что, внимания никакого не обратила? – подозрительно поинтересовалась Дашка.

Я лишь плечами пожал, а Шабалин отчего-то заулыбался вдруг.

– Думаю, с майором мы вскоре познакомимся. Тамара у нас

хоть и строгих правил, но для беседы с майором после боя время нашла, и думается мне, что она адресочек ему написала, перед тем, как к дирижаблю побежать. Это мы её перед взлётом дожидались, – пояснил он уже мне.

Я лишь вздохнул в ответ, зато жёны этим пикантным моментом всерьёз заинтересовались, и вдвоём насели на Шабалина, требуя подробностей столь романтического эпизода.

Я от разговора отключился и, прикрыв глаза, думал про своё, наслаждаясь вкусом вина и теплом, разлившимся по груди.

Начал было с рассуждений о жизни. Она у меня чуть ли не с каждым месяцем всё сложнее и сложнее получается. Порой сам себе завидую, вспоминая, как мне, молодому, легко и просто жилось. Нет, в старики я себя не записываю, но и те дела, что я на себя взвалил, вполне могли бы ещё лет десять подождать, тогда бы они мне впору по возрасту пришлись, и то, пожалуй, не все. И вопрос вовсе не в моих способностях, а в тех людях, что меня окружают.

Всё-таки какие все люди разные… Даже одни и те же события каждый из них по-своему воспринимает и оценивает. Вот, например, сегодня.

Антон с генералом на героизм напирают.

Шабалин лоб морщит, выдумывая что-то новенькое и анализируя совершённые ошибки, допущенные в горячке боя.

Алёна с Дарьей вон как вскинулись, услышав про завязывающийся роман, возникший на фоне ещё дымящихся руин заставы.

Свете, той вообще ничего не интересно. Она два дня назад улетела и теперь новый пресс на головном заводе запускает, находя для телефонных звонков лишь пять минут перед сном.

А у меня совсем другое в голове. Пытаюсь сообразить, как наши победы на жизни Одарённых скажутся, и что мои «друзья» придумают, те, которым любые победы магии поперёк горла встают.

Не надо думать, что разговор со следователем я позабыл и без последствий оставил. Нельзя такие вещи на самотёк пускать. Смертельно опасно, знаете ли. Мне тут не так давно подумалось, что убийства Второва и Меркулова в чём-то схожи между собой. Так что мы и за заместителем одним присматриваем, о котором следователь упоминал в разговоре, и частного детектива наняли, поручив покопаться в деле Меркулова. Заодно и я память освежил, стряхнув пыль с нескольких папок, что достались мне «в наследство» от князя Куракина. Чую, лишними они точно не будут, если у нас появиться шанс зацепить кого-то по делу

Второва.

Убийство Светкиного отца я прощать не собираюсь. Нормальный он мужик был, правильный. Запомнился мне, хоть и знаком я с ним был недолго. Можно сказать, мы с ним друг в друге родственные души почуяли. И дочь его, Светланка, чем-то в него пошла. Если что, то она меня ревнует, хоть и всячески это скрыть пытается. И знаете к кому? Никогда не догадаетесь…

К заводам.

Как вам? Ага, я тоже офигел, когда это понял.

Поначалу никак сообразить не мог, отчего она в постели получасовые разговоры на производственные темы затевает. Честно скажу, бесило. До меня не сразу дошло, что это она, зараза такая, пользуясь тем, что я в это время не совсем головой думаю, из меня правдивые ответы вытаскивает. И не абы какие, а те, что с её любимыми заводами связаны.

Пришлось столь порочную практику пресечь. Поднялся однажды, посадил её перед собой за стол, в чём была, и поговорили. Выяснили, так сказать, порядок взаимоотношений. В принципе, я не против, если большую часть рутинной работы она на себя возьмёт. При необходимости, может и мне несогласие в стратегических вопросах выразить, если на то аргументы серьёзные имеются. Вот только обсуждать мы их будем не в постели. Империя Второва, а я для себя её по-прежнему так называю, осмысленных решений достойна.

* * *

Жамевю, как сказала бы моя тётушка Анна, однажды познакомившая меня с подобным выражением.

Уже знакомая мне обстановка императорского дворца, а видится сегодня всё иначе.

Да и меня по-иному воспринимают.

Чуть ли не в лицо глаза таращат, а потом все разговоры и шепотки вовсе стихают, и могу поклясться, что меня ещё долго провожают изумлёнными взглядами.

Если что, то я просто-напросто демонстрирую, на что способна высокая мода, стоит только ей придать верное направление.

Впрочем, обо всём по порядку.

В том фуроре, что я сегодня произвожу в Императорском дворце, виноваты два старикана. Один из них, как вы уже догадались, это библиотекарь, а второй – тот законник, который мне из первичных документов, на которых Империя основана,

вытаскивает всё самое необычное, касающееся архимагов и их Совета.

К Императору меня на этот раз пригласили не звонком, а вполне официальным письмом, доставленным фельдъегерской почтой. А раз уж там была упомянута моя новая должность, то я решил, что вполне уместно будет ей соответствовать.

Что для этого нужно, я уже знал.

Костюмчик!

Это именно тот атрибут, с помощью которого мне никому не придётся объяснять, кого они перед собой видят.

Понятное дело, что без молодого Левинсона вопросы с одеждой я даже не пытался решать. Поэтому пригласив его однажды в здание Совета, и отдав старикам на съедение, я с чистой совестью целый час занимался изучением трудов Медведева, пока ревнители старины выносили портному мозг.

Согласитесь, если вы увидите человека, нацепившего погоны с аксельбантами на свадебный костюм, то, скорее всего, просто покрутите пальцем у виска. Примерно так же дело обстоит с традиционной одеждой архимагов. Многие знаки отличия, обязательные для ношения на официальных встречах, на ней так же неуместны.

Пожалуй, впервые за всё время я нашёл повод для недовольства Медведевым. Пребывая Главой Совета архимагов, он достаточно наплевательски относился ко многим условностям, и в частности, к своей одежде. За долгие годы его правления люди позабыли, что такое официальный костюм архимага, вот и таращат на меня глаза все, кого я во дворце не встречу.

Впрочем, мне это на руку. Костюмчик у меня не совсем, чтобы классический. Мы с Левинсоном его творчески переработали.

Длиннополый шёлковый свободный сюртук до колен, цвета тёмного индиго, с высоким стоячим воротником и двумя рядами пуговиц – накопителей, переливается на складках перламутровым шитьём, почти незаметным на ровной ткани. В меру широкие брюки скрывают приличный каблук на туфлях, и всё это вкупе меня стройнит и делает зрительно выше, чем я есть на самом деле.

Строго, стильно, и на первый взгляд аскетично просто.

Из всех украшений, только рубиновая звезда, выпущенная поверху, да простенькая диадема на голове, из матовой платины с крупными алмазами в один ряд и не украшенная больше никакими финтифлюшками. Если что – это не новодел. Я её, по подсказке библиотекаря, разыскал в хранилище Совета, изрядно извозившись в пыли и до слёз исчихавшись во время поисков.

Из всех моих жён в новом прикиде меня только Светлана видела. Примчалась вчера вечером из Электростали, узнав, что я в столицу прилетел. Пока ужинали, тут и Левинсон с костюмом объявился. Пришлось мерить.

Когда, приодевшись, я вышел в зал, чтобы показаться жене, она вскочила и начала судорожно царапать бок.

– Что ты делаешь?

– Фотоаппарат по старой памяти ищу, – напомнила она мне про своё журналистское прошлое.

– Зря стараешься, у тебя, как всегда или плёнку заест, или ты ручку потеряешь, – рассмеялся я, вспомнив нашу первую встречу.

– Но просто так мы это не оставим. Я прямо сейчас знакомым фотографам позвоню, и завтра твоя фотография во всех центральных газетах появится, – юлой закрутилась несостоявшаяся звезда журналистики.

– В газетах, говоришь… А коротенькое сообщение они смогут к фотографии приложить?

– Ещё как смогут! Даже просить об этом будут, – горячо заверила меня Светка.

– Тогда вызывай эту братию, только сразу предупреди, чтобы быстренько всё закончили. Погода прекрасная стоит. Грех не прогуляться.

– Ой, я одно кафе знаю! Там так здорово! Тебе точно понравится, – уже в дверях прокричала жена, умчавшись к телефону.

Пишущая братия подвалила быстро. Журналисты, они такие. Ради сенсации быстрей пожарной машины могут примчаться.

Пара минут на фотографирование, потом ещё столько же отвечаю на обычные вопросы, и вдруг:

– А правда, что вы на реактивном самолёте летали?

– Это кто вам сказал? – развернулся я всем корпусом к долговязому парню в свитере.

– Моряк один, – неуверенно промямлил он.

– Моряки народ серьёзный, – согласно кивнул я головой, – Но если они начнут вам рассказывать, что я с Нептуном на брудершафт пил, то не верьте. С русалками, и только с русалками. И никак иначе, – отшутился я на прощанье, покидая зал.

Текст сообщения им Света продиктует. Набросал я наскоро, как это примерно будет выглядеть.

«Вчера в столицу, по приглашению Его Императорского Величества, прибыл Глава Совета Архимагов князь Бережков. Как полагают наши консультанты, при встрече они обсудят блистательную победу наших магов над персидской армией.

Дополнительно сообщаем, что в сражении был ранен генерал Н. В настоящее время он поправляется, и в скором времени продолжит службу.»

– Слушай, а это не секретная информация? – спросила у меня жена, когда я ей передал шпаргалку, и она пробежала её глазами.

– Во-первых, про эти секреты через день-другой напишут все европейские газеты. Наши, как правило, в секреты только для своих играют. Опять же, никакой подписки по этому вопросу с меня никто не брал. А во-вторых, это я Глава Совета Архимагов. Соответственно, мне решать все вопросы, связанные с магией. Как ты понимаешь, мне участие магов скрывать невыгодно. Наоборот. Чем больше шуму по этому поводу будет, тем лучше. Молодёжь из Одарённых к магии потянется и духом воспрянет, а то они совсем руки опустили.

– А генерал, он точно здоров?

– Сегодня он с утра вместе с Антоном огуречным рассолом здоровье поправлял, – усмехнулся я, вспомнив эту картину, – В столицу со мной прилетел, как огурчик. Солёный такой огурчик. Рассольчик-то у нас крепкий, с укропом и чесночком. Так что он до самой столицы благоухал на весь салон.

Выпроводив журналистов, мы с женой в темпе начали собираться на романтическую прогулку. Светке не очень повезло с конфетно – букетным периодом в наших отношениях, так что я по мере сил восстанавливаю справедливость.

Она притащила меня в странное кафе, расположенное в трёх кварталах от нашего особняка. Как я понял из её объяснений, заведение считается богемным, и здесь охотно тасуется не только творческая молодёжь, но и именитые художники с литераторами.

В отличии от меня, Светлану здесь знали. Расторопный официант нам шустро организовал в небольшой нише столик на двоих и даже вазочку с фиалками умудрился раздобыть.

Приличные закуски, лёгкое вино, негромкая музыка, под которую мы пару раз танцевали, и чудесный десерт. Какой замечательный вечер выдался!

Идиллию нарушила шумная компания молодых людей и девиц, ввалившаяся с улицы и занявшая свободные столы, которые по их просьбе были сдвинуты. Вскоре захлопало шампанское, и пришедшие громкими аплодисментами встретили поднявшегося молодого человека, показавшегося мне смутно знакомым. Впрочем, почему смутно. Когда он встал, я увидел уже знакомую мне блузу, но только на этот раз она была ядовито-зелёного цвета. Рядом с ним я заметил ещё одно знакомое лицо.

Ба, графиня Валуева. Как же, помню – помню. Я ещё поженить их посоветовал князю Гончарову. Неужели… Судя по всему, парень снова читал стихи, как всегда держа перед собой руку, на которой я заметил широкое обручальное кольцо.

– Будь рифма крылата.

– Будь славен народ.

– Виват, Император!

– Россия, вперёд!

Донеслось до нашего стола завершающее четверостишие.

– А поэт-то из парня получился, – сказал я жене.

– Ты его знаешь? – удивилась она.

– Он как-то раз вызвал меня на стихотворное соревнование, – усмехнулся я, вспомнив такую забавную подробность.

– И что?

– Слушатели назвали меня победителем, – скромно ответил я.

– Вы уж извините наших поэтов, сегодня один из них издание своего первого сборника отмечает, – наклонился к нам подошедший метрдотель.

– Да Бог с ними, пусть шумят, – улыбнулся я в ответ, – Мы всё равно уходить собрались. Кстати, когда мы уйдём, выставьте им дюжину шампанского за мой счёт.

– Уточнить от кого? – ещё ниже наклонился метрдотель, демонстрируя, что он весь во внимании.

– Скажите, что от любителя бурлеска, с которым он встречался у князя Гончарова, – немного подумал я над формулировкой.

Мы уже прилично отошли, наслаждаясь прогулкой, как я услышал, что сзади нас кто-то бегом догоняет.

– Граф, подождите, – послышался могучий женский голос.

– Князь, если позволите, – довольно громко отозвался я в ответ, разворачиваясь.

– Кто это? – шепнула мне на ухо Света, прижимаясь покрепче, словно она испугалась.

Верю. Бегущая Валуева – зрелище не для слабонервных.

– Графиня Валуева, – ответил я чуть слышно.

– Князь, Ваше Сиятельство, позвольте вас поблагодарить, Если бы не вы… Можно я вас поцелую?

Ответить я не успел. Крепкая девица сграбастала меня с объятия и звонко расцеловала в щёки.

– Спасибо вам за всё, – выпустила она меня из медвежьего захвата и, помахав нам рукой на прощанье, отправилась обратно.

– Ничего себе, – только и смогла заметить Светка, глядя вслед уходящей женщине, – И что ты для неё сделал, если не

секрет.

– Похоже, случайно замуж выдал. Впрочем, кажется им обоим это только на пользу пошло, – философски отметил я, пожимая плечами.

– А мы как же?

– Что вы? – не понял я вопрос.

– Мы тебе тоже на пользу пошли? – игриво ткнула меня жена кулачком в бок.

Вот вопрос, так вопрос. Глядя на других, мы за них легко всё решаем, а как до самого себя дело доходит… А впрочем…

– Он ещё и думает! – возмущённо воскликнула Света и следующий удар в бок у неё получился на редкость удачно.

notes

Примечания

1

Бато́ни (груз. ბატონი) – грузинское слово со значением «господин», «владелец».

2

Для офицеров, награждённых орденом св. Георгия, порядок награждения орденами был несколько иной:

2. Орден св. Анны 3-й степени.
3. Орден св. Станислава 2-й степени.
4. Орден св. Анны 2-й степени.
5. Орден св. Владимира 4-й степени.
6. Орден св. Владимира 3-й степени.
7. Орден св. Станислава 1-й степени.
8. Орден св. Анны 1-й степени.
9. Орден св. Владимира 2-й степени.
10. Орден Белого Орла.
11. Орден св. Александра Невского.
12. Орден Александра Невского с бриллиантами.

Такое изменение иерархии награждения было возможно, если молодой офицер, ещё не выслуживший орден св. Станислава третьей степени, за боевые подвиги был награждён св. Георгием. В этом случае его в обычном порядке представляли сразу к третьей степени Анны, минуя Станислава третьей степени.

3

Стихи автора.

4

Посмотреть фото можно здесь: https://www.sv-centre.ru/shop/bgs51078-07-16/

5

А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане.

6

Во время полярного сияния за короткое время выделяется огромное количество энергии. Так, в течение одного из зарегистрированных в 2007 году возмущений выделилось 5×10^{14} джоулей. Это примерно столько же, сколько бывает при землетрясениях магнитудой 5,5 баллов.

7

Слова Л. Дербенёва, песня из к/ф «Чародеи».